Пам'ятки історичної думки України

О. І. РІГЕЛЬМАН

Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі

Бібліотечна серія

ЛѢТОПИСНОЕ

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О

МАЛОЙ РОССІИ

И

ЕЯ НАРОДѢ И КОЗАКАХЪ ВООБЩЕ,

ОТКОЛЬ И ИЗЪ КАКОГО НАРОДА ОНЫЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ СВОЕ ИМѢЮТЪ, И ПО КАКИМЪ СЛУЧАЯМЪ ОНИ НЫНѢ ПРИ СВОИХЪ МѢСТАХЪ ОБИТАЮТЪ, КАКЪ ТО: ЧЕРКАСКІЕ ИЛИ МАЛОРОССІЙСКІЕ И ЗАПОРОЖСКІЕ, А ОТЪ НИХЪ УЖЕ ДОНСКІЕ, А ОТЪ СИХЪ ЯИЦКІЕ, ЧТО НЫНѢ УРАЛЬСКІЕ, ГРЕБЕНСКІЕ, СИБИРСКІЕ, ВОЛГСКІЕ, ТЕРСКІЕ, НЕКРАСОВСКІЕ, И ПРОЧ. КОЗАКИ, КАКЪ РАВНО И СЛОВОДСКІЕ ПОЛКИ.

СОБРАНО И СОСТАВЛЕНО

ЧРЕЗЪ ТРУДЫ

ИНЖЕНЕРЪ-ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА И КАВАЛЕРА

АЛЕКСАНДРА РИГЕЛЬМАНА.

1785—86 ГОДА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1847.

О. І. РІГЕЛЬМАН

Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі

КИЇВ
«ЛИБІДЬ»
1994

ББК 63.3(4УКР)4
Р49

Розповсюдження та тиражування
без офіційного дозволу видавництва
заборонено

Бібліотечна серія

Бібліотека
«ПАМ'ЯТКИ ІСТОРИЧНОЇ ДУМКИ УКРАЇНИ»
заснована 1989 р.

Редакційна колегія бібліотеки:
Ю. П. Дяченко, Л. Г. Мельник, Ю. М. Мушкетик, В. Г. Сарбей,
В. А. Смолій, В. П. Тараник, Ф. П. Шевченко (голова)

Упорядкування, вступна стаття та примітки
П. М. Саса, В. О. Щербака

Головна редакція літератури з духовного відродження
України та історико-філософських наук

Головний редактор *С. В. Головко*

Редактор *О. Н. Вітрученко*

0503020902-045
Р ——————— Без оголошення
224-94

ISBN 5-325-00163-9

© П. М. Сас, В. О. Щербак,
упорядкування, вступна
стаття, примітки, 1994

ІСТОРІЯ УКРАЇНИ У ВИСВІТЛЕННІ О. І. РІГЕЛЬМАНА

Олександр Іванович Рігельман належить до помітних фігур у вітчизняній історіографії другої половини XVIII ст. Його творча спадщина включає такі праці, як «З'ясування про Кизлярську фортецю, складене у 1757 році», «Історія або оповідь про донських козаків», матеріали фольклорного характеру, а також чимало спеціальних креслень укріплень, карт, планів. Та найбільш вагомим доробком історика стала, безперечно, «Літописна оповідь про Малу Росію», в якій на основі великого фактичного матеріалу представлено панорамний зріз історичного минулого українського народу від найдавніших часів до 80-х років XVIII ст.

Перший видавець цієї книги (а вона довгий час залишалася у рукопису) О. М. Бодянський в 1847 р. писав, що ім'я Рігельмана «до цієї пори не з'являлося ще ніде як ім'я письменника, і письменника дуже допитливого, працелюбного і видатного у тому, що стосується вітчизняної історії» (*Бодянский О.* Предисловие // Летописное повествование о Малой России. М., 1847. С. III). Сучасний читач мало знайомий із творчістю цього автора, праці якого мають як загальнокультурну цінність, так і певне пізнавальне значення. Дане видання «Літописної оповіді про Малу Росію» має на меті зробити більш доступним основний твір історика для всіх, хто цікавиться давнім минулим України.

Про життєвий шлях Рігельмана дізнаємося зі скупих свідчень документів, які свого часу передав О. М. Бодянському син історика — колезький асесор Аркадій Олександрович (*Бодянский О.* Историческое сведение об Александре Ивановиче Ригельмане // Летописное повествование о Малой России. С. I—VI). Із них з'ясовується, що Рігельмани — німецький дворянський рід. Батьки майбутнього історика прибули до Росії у 1713 р. разом зі свитою, яка супроводжувала у подорожі царевича Олексія Петровича та його молоду дружину Софію-Шарлотту, принцесу брауншвейг-вольфенбюттельську. У 1720 р. в подружжя Рігельманів, яке осіло у Петербурзі, народився

син Олександр. Дитинство його не було безхмарним. Хлопчик рано залишився круглим сиротою, а тому рано подорослішав. У десятирічному віці він зробив важливий життєвий вибір. Поставивши собі за мету опанувати професію інженера, Олександр вступає у 1730 р. до Петербурзького шляхетського корпусу. Після восьми років напруженого навчання у цьому навчальному закладі юнак успішно складає випускні іспити, до речі, у присутності фельдмаршала Б. К. Мініха, під орудою якого Рігельман пройде в подальшому суворі воєнні випробування.

У 1738 р. новоспеченого інженера-кондуктора було направлено до Києва. На той час в Україні склалася тривожна обстановка. Ось уже кілька років точилася російсько-турецька війна. Не обминуло воєнне лихоліття і Рігельмана, який швидко опинився у самому вирі бойових дій. Перебуваючи у складі 58-тисячної російської армії під командуванням Мініха, він у серпні—вересні 1739 р. брав участь у штурмі укріпленого табору турецького війська під Ставучанами (поблизу Хотина), а також у здобутті Хотина і Ясс.

У 1740 р. Рігельман знову повертається до мирних справ. Він переїздить на попереднє місце служби до Києва, а згодом перебирається до Чернігова. В подальшому опиняється на півдні України, де бере участь у розмежуванні кордонів Російської імперії й Туреччини. Цілих два роки Рігельман був зайнятий цією роботою. З топографічними приладами в руках він пройшов зарослими ковилою степами шлях, починаючи від гирла Синюхи аж до Дніпра, Міуса і Азова. Усі ці роки молодий інженер постійно перебував в оточенні запорожців. Можна з певністю твердити, що близьке знайомство Рігельмана з побутом, звичаями та усними переказами запорозьких козаків пробудило у ньому неабиякий інтерес до історії українського козацтва. Яскраві враження, які він виніс із безпосереднього спілкування з цими волелюбними мешканцями українських степів, пригодилися йому в майбутньому, коли він став професійно займатися написанням історичних праць.

Після завершення робіт по розмежуванню кордонів між двома державами Рігельман протягом кількох років працював в Україні. У 1745 р. йому було доручено провести топографічну зйомку прикордонної смуги від Києва до Смоленська. Пізніше він об'їздив у службових справах Прилуцький, Лубенський, Миргородський, Переяславський полки, де займався складанням планів українських міст та містечок. На польському прикордонні йому випало прилучитися до зведення оборонних укріплень (Васильківський, Обухівський, Трипільський та Стайківський ретраншементи). У 1749 р. Рігельмана було відкликано до Оренбурга. Відтоді йому довелося надовго покинути Україну. Протягом десяти років він займається ремонтом і реконструкцією багатьох фортець, розташованих на південно-східній оборонній лінії від Кизляра до Ішіма. Десять років (з 1760 до

1770) Рігельман проводить на Дону, куди був посланий для будівництва фортеці св. Дмитрія Ростовського (нині Ростов-на-Дону).

Про деякі подробиці його перебування у цьому краї довідуємося із складеної графом П. І. Шуваловим реляції від 24 вересня 1761 р. У цьому документі повідомляється, зокрема, про те, що напередодні інженер-капітан Рігельман був посланий до міста Черкаська, маючи доручення офіційно оголосити про закладку фортеці св. Дмитрія Ростовського і запросити на її освячення єпископа воронезького і єлецького Кирила та «інших панів фортеці св. Анни» (Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1850. Т. 2. С. 836).

За родинними переказами, у 1763 р. Олександра Івановича було відкликано до Петербурга, де він отримав аудієнцію у самої Катерини II, під час якої представив власні розробки проектів військових укріплень. Цариця досить прихильно поставилася до інженера, свідченням чого стало вручення йому подарунків — золотого кисета, наповненого червінцями, та штофного плаття «з плеча» імператриці для дружини. Відвідини Петербурга, очевидно, вплинули на подальшу стрімку кар'єру Рігельмана. У 1770 р. він дістає чин полковника, а через рік — генерал-майора.

З 1772 р. Рігельман опиняється на полях російсько-турецької війни 1768—1774 рр. Зокрема, у 1773 р. він брав безпосередню участь у штурмі Сілістрійської фортеці, яку захищав 30-тисячний турецький гарнізон. За вміле керівництво військами і особисту мужність, проявлені під час турецької кампанії, Рігельман удостоївся Георгієвського ордена 4-го ступеня. Після завершення воєнних дій він ненадовго зупиняється у Києві, а потім відбуває до фортеці св. Дмитрія Ростовського, куди призначений на посаду командира. Одночасно на Рігельмана покладалося загальне керівництво спорудженням фортець по всій Азовській губернії. Тут він закінчує свою службу і в 1782 р. йде у відставку.

Отримавши 1000 крб. пенсії та ще 100 крб. за орден св. Георгія, Рігельман оселяється, на цей раз назавжди, у с. Андріївці, розташованому за 20 верст від Чернігова — маєтку своєї дружини, яка, до речі, походила з козацько-старшинського роду Лизогубів. Тут він прожив майже безвиїзно сім років. Це був період плідної і дуже напруженої праці історика над доопрацюванням рукопису «Літописної оповіді про Малу Росію» (перший варіант був написаний ще в 1778 р., коли Рігельман перебував на Дону). Початкова редакція книги називалася «Історія малоросійська або оповідь про козаків». Вона складалася з двох частин, датованих 1785 р. Пізніше обсяг рукопису значно зріс: до нього включено ще дві частини. Судячи з поміток на полях, автор завершив роботу над ними у 1786 р. Помер Рігельман у 1789 р. на 69-му році життя. Поховано його в Андріївці у ним же збудованій кам'яній церкві.

Як уже зазначалося, «Літописна оповідь про Малу Росію» *, рукопис якої Рігельман остаточно завершив у 1787 р., була результатом тривалої копіткої праці дослідника над питаннями української історії. Щоб краще зрозуміти й об'єктивно оцінити метод написання, історичну концепцію, пізнавальну і наукову цінність цієї книги, варто здійснити невеликий екскурс у тогочасну українську історіографію. Як правило, історики другої половини XVIII ст., котрі займалися вивченням історичного минулого України, виявляли підвищений інтерес до політичних і воєнних подій Хмельниччини, часів Руїни, а також питань, пов'язаних з українським козацтвом. Найбільш відомі тогочасні історіографи — П. Симоновський, С. Лукомський, І. Міллер, В. Рубан, О. Рігельман у своїх творах спиралися на історичну (літературну) традицію, що склалася в Україні в попередній період. Особливо великий вплив на них мав описово-розповідний метод систематизації фактичного матеріалу, притаманний козацько-старшинським літописам та іншим пам'яткам історичної думки другої половини XVII — першої половини XVIII ст., насамперед, літописам Самовидця, Г. Граб'янки, С. Величка, «Хроніці» Ф. Софоновича, київському «Синопсису», «Короткому описанню Малоросії» невідомого автора та «Історії про козаків запорозьких» С. Мишецького. Незважаючи на розмаїття сюжетів, до яких зверталися у своїх творах дослідники, українська історіографія другої половини XVIII ст. в цілому нехтувала питаннями причинної обумовленості явищ суспільного буття, внаслідок чого вона майже не виходила за рамки популярної описовості, фактично залишаючись розповідною за формою та ілюстративною за методом використання джерел. Не дивно тому, що за основу для написання власних праць історики брали не стільки джерельні матеріали, принципи наукової критики яких на той час не були розроблені, скільки книги з історичної тематики своїх попередників. Звідси їх твори мали переважно характер компіляцій, в яких у кращому випадку діставали інтерпретацію усталені погляди на ті чи інші події. Як правило, такі праці рясніють запозиченнями з чужих творів,

---

* Повна назва одного із рукописних списків книги така: «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как-то: черкаские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, терские семейные, некрасовские и прочие козаки, как равно и слободские полки. Часть 1-я. О народе, состоящем в Малой России, и козаках малороссийских или запорожских, отколе они взялися и какие дела от них происходили, также каким образом оные, будучи россияне, под польское и из под оного владения под российское державство, и в какое время достались и кем, повествует сия летописная повесть следующим образом. Собрано чрез труды и. г. м. и к. (інженер-генерал-майора і кавалера.— *Авт.*) А. Ригельмана в 1785 году» (*Бодянский О.* Предисловие // *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России. С. IV). Нині рукописи Рігельмана зберігаються в архівосховищах Москви та Ленінграда.

у них зустрічаються дослівно списані великі уривки, причому без посилання на автора.

Звичайно, неправомірно стверджувати, що опанування компілятивним методом — це вершина, якої досягла давня українська історіографія в процесі тривалого розвитку. Відзначимо у цьому зв'язку, що ще у другій половині XVI — першій половині XVII ст. в окремих літературних та історіографічних пам'ятках досить виразно проявилися риси ренесансного історизму з характерними для нього дослідницькими методами, в тому числі елементами критичного підходу до джерельної бази. Деякі письменники цього періоду порівняно добре оволоділи такою дослідницькою процедурою, як застосування в творі апарату посилань — від «глухих», де зазначався тільки автор цитованої праці, до розгорнутих, в яких автор вказувався всередині тексту, а на полях давалися назва книги, розділ і рядок, звідки взято відповідний матеріал. Досить високим рівнем дослідницької процедури відзначаються, зокрема, «Палінодія» Захарія Копистенського (1622), «Катехізис» Лаврентія Зизанія (1627), Густинський літопис. У «Палінодії», наприклад, немає жодного положення, яке б не підкріплювалося низкою історичних свідчень. При цьому автор досить часто детально визначає не лише цитоване джерело, а й місце його знаходження (*Завитневич В.* «Палинодия» Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI—XVII ст. Варшава, 1883. С. 341, 369, 267).

З часом, спираючись на такого роду здобутки, історія змогла перетворитися на наукову дисципліну. І все ж фундаментальні засади історизму Нового часу лише незначною мірою вплинули на вітчизняних істориків другої половини XVIII ст. Саме у цей період компілятивність в історичних творах досягає свого апогея. Ігноруючи вироблені попередниками теоретичні узагальнення й методику історичних студій, автори історичних праць XVIII ст. пішли переважно шляхом компіляцій й застосування «літописного», тобто описово-розповідного, методу. При цьому на далекій периферії творчих інтересів історіографів залишилося критичне використання джерельної бази. Отже, компілятивний характер більшості історичних творів цього періоду став закономірним етапом розвитку вітчизняної історіографії, яка сповна використала можливості традиційного описового методу, але не засвоїла й не розвинула ті елементи історизму Нового часу, які залишила їй у спадок історична думка України другої половини XVI — першої половини XVII ст.

Втім, існували й інші причини, що підштовхували істориків до текстуальних, фактологічних, смислових та ідейних запозичень із чужих праць. У часи Рігельмана та його колег по перу на повний голос заявила про себе бароккова культура, характерними рисами якої були нігілізм до всього усталеного, схиляння перед мінливістю світу та заклик до самопізнання (згадаймо відомого українського філософа і просвітителя Г. С. Сковороду, який, надаючи великого значення мо-

ральному вдосконаленню людини, наголошував у своїх творах на необхідності самопізнання кожним індивідом своєї «божественної» сутності. До цього, згідно з ученням філософа, зводилися найвище призначення земної людини, а також найголовніший сенс її існування) (*Сковорода Г.* Повне зібрання творів: У 2 т. К., 1971. Т. 1. С. 160). Чи не тому для сучасників інтелектуальні надбання попередників значною мірою почали набувати допоміжного, службового значення. Отже, подібний феномен суспільної психології відіграв певну роль у тому, що більшість істориків XVIII ст. не бачили великого гріха у самовільних запозиченнях уривків з чужих праць.

Зазначені риси вітчизняної історіографії, які зумовлювалися конкретно-історичними умовами її розвитку, формували певні світоглядні стереотипи й методологічні особливості авторського стилю істориків. Стосувалося це, зрозуміло, і Рігельмана. На ознаку жанру свого твору він узяв назву «Літописна оповідь». Справді, у книзі інколи зустрічаються типово літописні за формою й змістом вставки, які мало або й зовсім не пов'язані з викладом основного матеріалу. Це хронографічні лаконічні записи, звісно, без посилання на джерела, про татарські напади на Україну, смерть і поставлення церковних ієрархів, епідемії, стихійні лиха, появу комет, нотатки про врожай тощо (*Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России. Ч. 1. С. 40; Ч. 2. С. 173, 189, 201; Ч. 3. С. 13, 15).

Проте «Літописна оповідь про Малу Росію» не літопис, а типовий історичний твір другої половини XVIII ст., який відзначається яскраво вираженою компілятивністю й наявністю прямих запозичень. І це при тому, що в передмові Рігельман згадує про деякі джерела, до яких він звертався під час роботи над книгою: «Истории малороссийские две, писанные двумя неизвестными писателями» (як з'ясувалося — літописи Самовидця та Г. Граб'янки.— *Авт.*), київський «Синопсис» тощо. До того ж у текстуальній частині праці Рігельман епізодично робить поклики на М. Кромера, В. Татіщева, П. Шевальє та інших істориків. Незважаючи на це, в «Літописній оповіді про Малу Росію» то тут, то там виявляються запозичення із чужих творів, які Рігельман переписував з ретельністю майже копіїста, однак при цьому не вважав за доцільне називати їх авторів.

У такому ключі висвітлена, зокрема, центральна тема його книги — історія Запорізької Січі. В першу чергу це стосується матеріалів, пов'язаних з побутом, політичним і соціальним устроєм Запоріжжя, які майже без особливих змін перекочували до «Літописної оповіді про Малу Росію» із праці С. І. Мишецького «Історія про козаків запорозьких» (1740). Вказаний твір справді є цінним джерелом з історії Запорізької Січі XVIII ст., адже його автор був «самовидцем», тобто сучасником й очевидцем описуваних подій. Інженер за фахом, князь Мишецький з 1736 по 1740 р. перебував на Запорізькій

Січі, де займався проведенням фортифікаційних робіт. Побачене та почуте ним серед запорожців і лягло в основу його «Історії».

До цього слід додати, що світогляд Мишецького (так само як і Рігельмана) сформувався під впливом офіційної ідеології панівного класу Росії. Він з явним упередженням сприймав демократичні засади Запорізької Січі. Мишецький, зокрема, надто вже вип'ячував такі зовнішні прояви життя запорізького товариства, як пияцтво й неупокореність запорізької «черні». Факти, однак, свідчать про те, що, приміром, під час воєнних походів козаки дотримувалися абсолютної тверезості (винних карали на смерть). Немає сумніву в тому, що демократичні засади Січі робили хисткою владу старшини. Разом з тим, стихія запорізьких низів мала певні межі, вихід за які унеможливив би саме існування Запорізької Січі як військово-політичного та соціального організму. В історії Запоріжжя зустрічаються випадки, коли виборні козацькі ватажки впродовж багатьох років підряд утримували свою владу. Так, неодноразово кошовими отаманами ставали Кость Гордієнко, Іван Малашевич, Петро Калнишевський (*Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків: У 3 т. К., 1990. Т. 1).

Що ж до Рігельмана, то він досить-таки багато «почерпнув» з рукопису Мишецького (в ті часи ця праця поширювалася в рукописних списках, вперше її було надруковано тільки в 1847 р.). З певними концептуальними модифікаціями він списав легенду про початок запорізького війська від 948 р.; запозичив матеріал, у якому подано перелік січей, а також про боротьбу запорожців з турками. Майже не відступаючи від тексту книги Мишецького, сторінка за сторінкою переписав матеріал, який помістив у додатках до «Літописної оповіді про Малу Росію» під назвою «Продолжение, касающееся до сего летописного повествования, как-то: особое описание о бывших запорожских казаках, жительстве, поведении и обычаях их» (розділ XXXVII). Лише один раз Рігельман згадав Мишецького, коли в примітках давав пояснення щодо джерельної бази розділу XXXI (частина III) своєї книги, де йшлося про перебування козаків під владою Кримського ханства. Крім «Історії про козаків запорозьких» Мишецького, котра стала для Рігельмана основним джерелом з історії Запоріжжя, для висвітлення цієї теми він залучив деякі матеріали, запозичені з «Відомостей про козаків запорозьких» Г. Ф. Міллера — праці, що вийшла в світ у 1760 р. (*Василенко-Полонська Н. Д.* Історики Запорожжя XVIII в. // Ювіл. зб. на пошану акад. Д. І. Багалія: У 2 т. К., 1927. Т. 1).

В окремих випадках, навіть коли Рігельман робив поклики на використаний історичний матеріал, з'ясовується, що насправді він мав справу не з автентичним джерелом, а скористався його обробкою, зробленою іншими істориками. Як приклад можна назвати запозичення із книги П. Симоновського «Короткий опис про козацький малоросійський народ і воєнні його діла» (1765), звідки було взято

переклад записок П. Шевальє про війну козаків з поляками (*Єршов А.* Сторінка з українського джерелознавства (До питання про джерела праці О. Рігельмана «Летописное повествование о Малой России) // Ювіл. зб. на пошану акад. Д. І. Багалія. Т. 1. С. 842). У «Літописній оповіді про Малу Росію» згаданий матеріал вміщено в уривках «Повествование французского писателя Шевальера» та «Вторая казацкая генеральная война» (Ч. І, кн. 2, розд. XIV). Однак використання Рігельманом праці Симоновського цим не обмежилося. Так, поданий на сторінках «Літописної оповіді про Малу Росію» матеріал про церемонію обрання гетьманом Кирила Розумовського (Ч. IV, кн. 6, розд. XXXIV) схожий за змістом (навіть у подробицях та дослівно) з відповідним уривком із твору Симоновського, хоча й дещо скорочений. До того ж цей автор справив на Рігельмана певний «методологічний» вплив. Це особливо впадає в око, зокрема, в таких сюжетах, як обрання на гетьманство Юрія Хмельницького, а також повторне обрання його на цю посаду; у викладі змісту Гадяцької угоди та ін. (*Єршов А.* Вказ. праця. С. 844—846).

Серед основних джерел «Літописної оповіді про Малу Росію», на основі яких описано події історії України другої половини XVII ст., з повним правом можна назвати літописи Самовидця та Граб'янки. Вдаючись до численних запозичень матеріалів із цих літописів, Рігельман від себе додав лише те, що розбив їх на невеликі фрагменти і дібрав до них заголовки. Особливо прислужився історику літопис Самовидця, текст якого він широко використав для компілятивних вставок до своєї роботи (дослівно переписав дві третини твору Самовидця). При цьому він цілеспрямовано прилаштовував матеріали згаданого літопису до обстоюваної ним ідеологічної концепції історії України. Яскравим свідченням цього є те, що у «Літописній оповіді про Малу Росію» чітко простежується тенденція до замовчування історичної самобутності українського народу і всілякого вип'ячування ролі Росії в історії України. Рігельман майже відмовляється від вживання етноніма «Україна», використовуючи натомість терміни «Мала Росія», «Росія». Він свідомо обминає і не вводить до свого твору літописний опис тих подій, які так чи інакше у невигідному світлі характеризують самодержавну владу. Водночас історик прагне підкреслити царефільські настрої серед української старшини (*Дзира Я. І.* Джерельна основа праці О. Рігельмана з історії України // Історіографічні дослідження в Українській РСР. К., 1969. Вип. 2. С. 167—173).

Йдучи за текстом літопису Самовидця при висвітленні подій української історії другої половини XVII ст., Рігельман у ряді випадків все ж доповнює загальну її картину повідомленнями літопису Граб'янки, «Короткого літопису Малої Росії» В. Рубана, іншими джерельними матеріалами. Безперечно, найбільша кількість подібних доповнень і уточнень припадає на літопис Граб'янки. Так, Рігельман механічно переніс з нього на сторінки своєї книги цілий ряд листів,

угод, статей, віршів, які пов'язувалися з діяльністю Б. Хмельницького. Серед них, зокрема, панегіричний вірш про перемогу українського гетьмана над польсько-шляхетським військом під Корсунем; лист Б. Хмельницького до польського короля Владислава IV від 2 липня 1648 р.; лист польського короля Яна Казиміра до кримського хана Іслам-Гірея й відповідь останнього королю з-під Збаража (1649); список козацьких полків з наведенням прізвищ полковників й кількості козаків; копія листа Б. Хмельницького до російського царя Олексія Михайловича стосовно умов угоди 1654 р. між Україною і Росією. Судячи з усього, Рігельман користувався твором Граб'янки, коли наводив докладний перелік імен, прізвищ та географічних назв, яких не було в літопису Самовидця (*Дзира Я. І.* Вказ. праця. С. 169, 170, 173, 174).

Доведено, що Рігельман не був знайомий з такою важливою для висвітлення подій історії України початку XVIII ст. історіографічною пам'яткою, як літопис С. Величка. Разом з тим він, очевидно, користувався тим самим джерелом, на основі якого написав свій твір С. Величко. Про велику ймовірність такого припущення свідчить ряд документів, які зустрічаються і в «Літописній оповіді про Малу Росію» і в літопису Величка: Білоцерківський універсал Б. Хмельницького; перша грамота царя Олексія Михайловича Б. Хмельницькому й старшині, а також друга царська грамота українській шляхті, в якій підтверджувалися її права та привілеї; Переяславські статті про обрання на гетьманство Ю. Хмельницького і текст його присяги; лист І. Сірка до кримського хана та ін. (*Дзира Я. І.* Вказ. праця. С. 176—178).

Таким чином, книга Рігельмана має яскраво виражений компілятивний характер. Проте, якщо підходити до її оцінки з урахуванням конкретно-історичних умов її написання, то це аж ніяк не свідчить про будь-яку «неповноцінність» цього твору. Адже «Літописна оповідь про Малу Росію» не якийсь історіографічний курйоз, а «класичний» для вітчизняної історіографії другої половини XVIII ст. компілятивний трактат, який віддзеркалює стан тогочасної історичної думки, а якщо розглядати його більш широко, то й ментальність суспільства. Праця Рігельмана не позбавлена внутрішньої логіки й характерної, притаманної саме їй концепції історії України. Авторська індивідуальність Рігельмана чітко проявляється в основних сюжетних лініях книги внаслідок здійсненого специфічного добору літератури та документальних матеріалів, шляхом вилучення із запозичених текстів окремих фрагментів або, навпаки, певних доповнень до них, через зміну ідейної тональності тих чи інших повідомлень джерел, введення численних ремарок концептуального характеру тощо. Опрацьовані подібним чином уривки з чужих творів «лягали» у визначене їм місце серед інших матеріалів «Літописної оповіді про Малу Росію», набуваючи при цьому певного відтінку змісту в залежності від контексту.

Для з'ясування особливостей методики використання джерел, якої дотримувався Рігельман, порівняємо кілька уривків з літопису Самовидця та праці Рігельмана. В даному випадку зупинимося на сюжеті, в якому розповідається про в'їзд султана Мехмеда IV у серпні 1672 р. до захопленого турками Кам'янця-Подільського.

Літопис Самовидця: «...Сам турчин, маючи там уехати, приказал, аби умерлих з склепов вибрано и за мѣсто вивезено, що зараз учинено; всѣх умерлих так з склепов, яко и з гробов викопивано и за мѣсто вожено, а образи божіе, беручи з костелов и церквей, по улицам мощено, по болотах, по которих турчин въехал в Камянець и его подданній незбожній Дорошенко гетман. Не заболѣло его серце такого безчестія образов божіих за-для своего нещасливого дочасного гетманства!» (К., 1878. С. 115).

Літописна оповідь про Малу Росію: «Но как сам он возжелал в городе быть, то тотчас приказано было его везде очистить, даже и гробы с телами из склепов и могил вырыть и вывозить за город, а иконами святыми, из костел и церквей выбравши, улицы и грязи вымостить, по которым султан следуючи въехал на лошади и в соборную церковь сего города (так как Магомед II в церковь святой Софии, находящуюся в Константинополе), чему подданный его, богомерзкий гетман Дорошенко, не поболев сердцем, смотря на поругание святым образам, причиненное для его привременного окаянного гетманства, но привел на великое иступление, предавшися турку, народ» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 135).

Як бачимо, Рігельман вносить певну мовно-стилістичну правку до тексту використаного джерела. Однак він не обмежується цією процедурою. Так, у наведеному уривку «Літописної оповіді про Малу Росію» наявна інтерполяція про в'їзд турецького султана Мехмеда II до константинопольського собору святої Софії, а також зроблено ідеологізований висновок щодо політики гетьмана Петра Дорошенка (Рігельман однозначно негативно оцінював політичний курс українських гетьманів, який мав антимосковську спрямованість). В результаті таких доповнень цей матеріал набув більш високого, порівняно з відповідним місцем літопису Самовидця, ступеня узагальнення.

Варто відзначити, що історика не завжди задовольняла досить характерна для стилю Самовидця проста описовість при висвітленні подій минулого. Іноді він звертається до аналізу мотивів людських вчинків. У справедливості цієї думки можна переконатися, порівнюючи уривки з обох творів, де розповідається про скрутне становище, в якому у 1675 р. опинився гетьман Дорошенко.

Літопис Самовидця: «Але вишол Сѣрко з Запорожжа, с которим згоду узял Дорошенко и присягу виконал на подданство его царскому величеству и послал своих послов на Москву, а напотом и санжаки отослал на Москву своим тестем; толко ж в том мало правди было, бо по старому посилал до турчина и до хана о помоч тое лѣто, ма-

нячи, отзиваючися слугою его царского величества, але жаль было гетманство положити» (С. 128).

Літописна оповідь про Малу Росію: «Пришел из Запорожья кошевой атаман Иван Серко к Дорошенку и приглашал его, чтобы он отдался в подданство его царского величества [как ему и самому уже видно было, что он от всех сторон притесняем был и что вспоможение турецкое более для своих прибытков], а не для его, состояло, и дабы он в польские руки впасть не мог, с согласия своих старшин послал посланника своего в Москву, к его царскому величеству, и просил тем о принятии его и с подчиненными ему в подданство его величества, а после и санжаки турецкие с тестем своим отправил. [Но и на сем Дорошенко не основался; он колебался мыслями своими и по сему наружно представлял себя быть слугою государя, внутренне же искал способы, как бы быть ему и с Украйною вольным чрез помощь турецкую и татарскую]. Он не оставил послать еще просить по прежнему себе помощи, поелику жалел лишиться своего гетманства» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 148).

Отже, із розмірковувань Рігельмана (виділених квадратними дужками), крім іншого, випливає, що автор «Літописної оповіді про Малу Росію» виступає не безстороннім хроністом, а політично заангажованим істориком, якому муляє око прагнення Дорошенка зробити Україну вільною. Одночасно це своєрідна психологічна замальовка внутрішнього стану людини, на яку тиснуть обставини і яка мусить зробити свій вибір.

У творі Рігельмана зустрічаються ремарки, в яких, хоча й не прямо, дається оцінка світоглядним позиціям Самовидця. Так, історик фактично піддає критиці деякі його передсуди. Йдеться про уривок літопису, присвячений нещасливій пригоді, яка сталася у 1670 р. з гетьманом Дем'яном Многогрішним нібито внаслідок патріаршого соборного прокляття (Летопись Самовидца. С. 109). Коментуючи подібне твердження Самовидця, Рігельман підкреслює, що воно розраховане лише на легковірних людей. На його ж думку, як негречні вчинки, так і доброчесність людини завжди мають відплату або винагороду, оскільки це визначається волею Бога. «А мне мнится,— зауважує він,— что и без проклятия, но от дел своих плуты погибают. Естли б всех злых людей проклятием изводить, весьма б много духовным работы было; не лучше ль верить, что за всякое дело воздаяние человеку от Бога насылается? Так на что ж людям людей заклинать и мнить быть тем им век потерянным?» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 124). Надаючи великої ваги цьому питанню, історик знову повертається до нього в іншому місці книги. Цього разу в рамках провіденціалістського розуміння історії він оцінює факт позбавлення Многогрішного гетьманства в 1672 р. «О сем падении Многогрешного,— зазначає Рігельман,— легковерные сочли точно быть по наложенной на него патриаршей клятве, следовательно, по мнению их, если б клятвы на нем той не было, то, хотя б он и был

изменник, но не мог бы погибнуть. О суеверы! Разве Бог злодея без клятвы человечей наказать не может? Не верте!» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 125—126).

Отже, зайвий раз переконуємося, що Ригельман як історик не обмежується вузьким амплуа компілятора. До того ж він не цурався зіставлення різних точок зору на проблему, вмів зважувати аргументи «за» і «проти», порівнювати їх з відомими йому історичними фактами та внутрішньою логікою подій. Зокрема, у такій іпостасі Ригельман виступає в епізоді, коли розробляє версію про смерть Юрія Хмельницького від рук кошового отамана Запорізької Січі Івана Сірка. Простежуючи ланцюжок дослідницьких пошуків історика стосовно цього питання, можна переконатися у його здатності самостійно і досить гнучко реконструювати події минулого (у даному випадку мова не йтиме про ступінь достовірності обстоюваної ним версії). Так, погоджуючись з твердженням К. Крюйса про вбивство Ю. Хмельницького козаками І. Сірка, Ригельман разом з тим піддає сумніву датування цієї події часом, коли проголошений турецьким урядом гетьман і «руський князь» повертався в Україну (1677). При цьому історик посилається на «малороссийские объявления» (під цим терміном слід розуміти літописи Самовидця та Граб'янки), які свідчать про безпідставність твердження щодо згаданої дати загибелі Ю. Хмельницького (Летопись Самовидца. С. 281, 284; *Грабянка Г.* Действия презельной и от начала поляков крававшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляками. К., 1854. С. 202, 223). Далі Ригельман розвиває свою думку в формі риторичних запитань і відповідей на них: «Как же он (Ю. Хмельницький.— *Авт.*) мог быть от 1677 по 1680 год при войске турецком и с своими людьми брать городы и покорять к себе людей? Кто ж резидовал будучи в Немирове тою частию Украйною и делал нападения с татарами на заднепровскую сторону? Следовательно, он тогда не был убит... А убит он конечно после, как обстоятельство доводит, что он, может быть, по повелению следовал с своими людьми за пороги, для прикрытия работных людей, или и для работы, к новостроящимся крепостям, или для каких либо разъездов». Викладаючи далі власну версію смерті Ю. Хмельницького, заподіяної гетьману і «руському князю» І. Сірком, історик звертає увагу на деякі фактичні помилки, яких припустився К. Крюйс (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 171). Зауважимо, що й сам Ригельман, який користувався обмеженим колом джерел, хибно тлумачив це питання. І. Сірко не міг бути причетним до загибелі Ю. Хмельницького, оскільки помер у 1680 р., а Ю. Хмельницького було страчено у Кам'янці-Подільському в 1685 р. за наказом турецького уряду.

Уявлення про творчу манеру автора «Літописної оповіді про Малу Росію» доповнює такий штрих, як вплетення вряди-годи у канву історичної оповіді свідчень очевидців подій. У цьому ж ряду стоять розкидані по тексту то тут, то там образні висловлювання та по-

рівняння, що були характерними і для «високого» стилю тогочасної літератури, і для скарбниці народної мудрості, наприклад: «Как бурливым ветром прах развеянный, так сила российская воинство польское... разбила и разогнала»; «Многогрешный, подавая вид якобы не было к тому желания его, отговаривался так, как старая девка от хорошего молодца» (*Ригельман А.* Вказ праця. Ч. 1. С. 3; Ч. 2. С. 108).

Підсумовуючи сказане, можна стверджувати, що «Літописна оповідь про Малу Росію» є цілісним твором з точки зору опредметненої в ньому методології української історіографії другої половини XVIII ст. Авторська індивідуальність Рігельмана особливо рельєфно проявляється в ряді ідейних узагальнень концептуального характеру. У цьому зв'язку привертає увагу той факт, що «Літописна оповідь про Малу Росію», попри всю, здавалося б, калейдоскопічність описуваних подій і різноплановість сюжетних ліній твору, має чітко визначене ідейне спрямування. В усіх чотирьох частинах книги, а також додатках до неї, Рігельман послідовно обстоює ідею монархічної форми влади і виступає в ролі офіційного виразника інтересів російського самодержавства. Його історико-політична концепція * базується на визнанні патрімоніальних прав російських царів на всю спадщину давньої Київської держави. За такої постановки питання випливало, що оскільки «Малоросія» була «володінням» давніх київських князів, то, відповідно, вона зі своїм «народом і козаками» є не чим іншим, як вотчиною російських імператорів. Ця концептуальна заставка, викладена Рігельманом уже в передньому слові до читача, визначила основну ідейну тональність всієї книги.

Саме вказаними причинами пояснюється стримане, а інколи й відверто вороже ставлення історика до козацької вольниці, яка, безперечно, суперечила самій природі самодержавної влади. Ідеологічна «зашореність» не полишала Рігельмана й тоді, коли він намагався з'ясувати деякі концептуального характеру питання, що, власне, складали предмет історіографії і над пошуками відповіді на які працювало чимало тогочасних істориків. Так, справедливо піддаючи критиці теорії неслов'янського походження українського козацтва, автор «Літописної оповіді про Малу Росію» ставив за мету не стільки пошук наукової істини, скільки цілком визначені політичні цілі. Адже спростовуючи такого роду погляди, він свідомо переводив проблему виникнення козацтва в площину політичної ідеології, оскільки в даному випадку йшлося про позбавлення козаків будь-яких підстав вважати себе вільними людьми. Називаючи «пустым мнением» думку

* Оскільки у компілятивній праці, якою переважно є «Літописна оповідь про Малу Росію», авторське бачення історичного процесу часто виступає у формі свідомого або ж мимовільного репродукування чужих поглядів, то під концепцією історії України Рігельмана розуміються не лише особисті думки автора, але й ідеї інших істориків, з якими він солідаризувався й видавав за власні.

про їх походження «от древних некаких вольных людей, кои яко бы не принадлежали ни к какому владению», історик засуджував прагнення козаків бути вільними й ні від кого не залежними (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 3).

Упродовж усього твору незмінно підкреслюється неправомірність тих чи інших дій козаків, які могли зашкодити або відкрито суперечили інтересам Росії. Зокрема, на сторінках «Літописної оповіді про Малу Росію» негативно оцінюються виступи козацтва у другій половині 60-х років XVII ст. проти збільшення залог московського війська в українських містах, підпорядкованості місцевого населення царським воєводам й непомірного зростання податкового тягаря, а також створення перешкод мешканцям волостей у відході на Запорізьку Січ. Особливо гостро таврувалися спроби козаків вийти з-під жорсткої царської опіки. Показовою у цьому відношенні є оцінка Рігельманом дій гетьмана Брюховецького, який у 1668 р. разом зі своїми прихильниками вирішив «отступить от российского державства». Історик не шкодує на адресу козаків дошкульних епітетів: «воры и разбойники», «запорожский наброд», «своевольцы, плуты, злодеи и бездельники» (*Ригельман А.* Вказ. праця Ч. 2. С. 99—101, 104).

Застосовуючи канони імперської політики Росії щодо історії України, Рігельман розглядав факт ліквідації Запорізької Січі (1775 р.) за наказом Катерини II як сповна логічний, політично виправданий і закономірний акт. Відповідний уривок книги, де розвінчується «злодійське кубло» — запорізьке товариство, постає як глосарій відомого царського указу від 3 серпня 1775 р. Останній законодавчо підводив риску під воєнною операцією по захопленню й зруйнуванню Січі урядовими військами на чолі з генерал-поручником Текелієм. Текст цього документа історик наводить у своєму творі відразу після змалювання «всех предерзостей» січових козаків. Включений до книги «Манифест о разрушенном Войске Запорожском» фактично мав значення своєрідного ідеологічного репера, з яким співвідносилась вся історіософська концепція «Літописної оповіді про Малу Росію».

У цьому зв'язку слід зауважити, що в основі згаданого царського указу була ідея ліквідації «політичного сонмища» запорожців як такого, котре виламується з рамок самодержавної влади й феодально-кріпосницької системи. Недарма в документі містилася констатація того факту, що процес швидкого заселення запорізьких земель вільними поселенцями підривав «саму основу залежності їх від престолу» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 4. С. 31—35). Зрозуміло, що коли для царизму з'явилася реальна можливість покінчити з козацькою вольницею, він негайно нею скористався. А така можливість з'явилася після переможної для Російської держави російсько-турецької війни 1768—1774 рр., коли помітно послабилася воєнна загроза для її південних кордонів, що, в свою чергу, зменшувало стратегічне

значення Запорізької Січі. Тому не забарився той час, коли самодержавно-кріпосницька стихія поглинула Запоріжжя, яке було справжнім островом волі всередині Російської імперії.

Слід зауважити, що Рігельману не була властива якась природжена «козакофобія». Маючи певні ідеологічні орієнтири, котрі стали його внутрішнім переконанням, й будучи пов'язаним узами класової єдності з російським дворянством, автор «Літописної оповіді про Малу Росію» був, природно, людиною свого часу. Тому, принаймні, наївно чекати від нього якихось інших політичних оцінок феномена українського козацтва. Разом з тим особисті суспільно-політичні переконання не завадили Рігельману досить скрупульозно, а в ряді випадків навіть об'єктивно показати роль козацтва в історії України. Описуючи події, в яких відсутня пряма конфронтація козаків з самодержавною владою і їх дії збігаються з інтересами Росії, історик схвально і неупереджено оцінює цю суспільну верству. Йдеться, зокрема, про висвітлення ним багатовікової боротьби українського козацтва проти турецько-татарської агресії, а також за визволення України з-під влади шляхетської Польщі.

Спостереження Рігельмана з окремих питань історичного минулого України надовго пережили самого автора. Прикладом може слугувати змалювання істориком механізму господарської колонізації «диких» українських степів й визначення демографічних джерел поповнення козацтва. Так, автор «Літописної оповіді про Малу Росію» звертав увагу на те, що польсько-шляхетське проникнення в Україну призвело до стрімкого посилення феодального гніту. Внаслідок цього частина місцевого населення, звиклого «до козацтва, а не до холопських робіт», змушена була залишати рідні домівки й оселятися на необжитих просторах українського степу, де не було феодального власника й панського примусу. Витіснене на степову периферію населення займалося так званими уходницькими промислами — рибальством, звірними ловами тощо (концепція уходницько-промислового виникнення козацтва в подальшому постала, зокрема, у працях такого непересічного вітчизняного історика кінця XIX — початку XX ст., як М. К. Любавський). Постійне існування на неспокійному пограниччі з Кримським ханством й татарськими кочовищами на півдні України сформувало не тільки специфічний господарський уклад, але й спосіб життя переселенців. Як зазначав Рігельман, після кількісного зростання таких мешканців вони у спілці з козаками почали здійснювати збройні напади на «бусурманів». (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 18, 19).

Теорія народної колонізації південних районів України у другій половині XVI—XVII ст. під впливом польсько-шляхетської експансії на українські землі свого часу була грунтовно розроблена відомим дореволюційним вітчизняним істориком М. Ф. Володимирським-Будановим. Він виходив з того, що основним мотивом переселення селян на неосвоєні південні степи України було прагнення позбавитися

кріпосної залежності й здобути вільне життя. Вчений підкреслював, що такого роду міграційні процеси значно прискорилися після Люблінської унії 1569 р., коли почалося швидке закріпачення українського селянства. Важливу роль у прискоренні колонізації нових земель на півдні України відіграла також Запорізька Січ, котра мала величезну притягальну силу для селян-утікачів, які шукали волі. До того ж вона давала переселенцям готовий зразок козацького самоврядування, а також послаблювала загрозу татарських нападів (*Владимирський-Буданов М. Ф.* Кому принадлежит главная роль в деле заселения Украины в конце XVI и начале XVII в.? // Архив ЮЗР. К., 1905. Ч. 7. Т. 3. С. XII—XXXI).

Схожі погляди панували і в радянській історіографії. Наприклад, у дослідженнях К. Г. Гуслистого, В. А. Голобуцького та інших авторів процес формування козацтва й заселення неосвоєних земель розглядався як результат класової боротьби. Згідно з цією теорією швидкий розвиток фільваркового господарства у другій половині XV—XVI ст., що супроводжувався зростанням феодальних повинностей на Галичині, Західному Поділлі і Волині, спричинився до посилення експлуатації селян і, як наслідок цього, збільшення кількості їхніх втеч із згаданих районів на східні та південно-східні окраїни Поділля, Київщини, інші малозаселені території. Саме маси селян-утікачів послужили тим живильним середовищем, з якого виросло козацтво (*Гуслистий К.* Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею: з XIV ст. по 1569 р. // Нариси історії України. К., 1939. Вип. 2. С. 139—150; *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. К., 1957. С. 42—48; История Украинской ССР: В 10 т. К., 1982. Т. 4. С. 173—185). Відзначимо, що за такого підходу до проблеми на перший план виступає «гола» соціологічна схема, оскільки не враховується вся сукупність чинників, які впливали на формування козацтва. Зокрема це стосується з'ясування місця у цьому процесі боярсько-шляхетського елемента. Тим часом останньому належала важлива роль у становленні козацтва як стану (*Леп'явко С. А.* Про природу станових привілеїв українського козацтва // Проблеми української історичної медієвістики. К., 1990. С. 89—98).

Загалом обстоювані Рігельманом думки про заселення південних районів України переселенцями, які рятувалися від феодального гніту, їх заняття на новому місці козакуванням виявилися, як переконуємося, досить продуктивними і для сучасної історіографії. Щоправда, підхід Рігельмана до вирішення питання про початки української козаччини суперечить позиції дослідників, котрі розглядають козацтво як продукт іманентного розвитку феодального суспільства України другої половини XV—XVI ст. Історик відсовує виникнення українського козацтва далеко у глибину віків, а його родовід виводить від давніх народів, які свого часу населяли територію майбутньої України. Виходячи з цього він певну увагу приділив розгляду етнополітичних процесів у середовищі слов'янського світу в до-

державний період. Зокрема Рігельман писав про автохтонність слов'янського населення, яке мешкало у давнину між Дністром та Дніпром, а також на прилеглих до озера Ільмень землях. Він погоджувався з тими авторами, які вказували на масовий вихід слов'ян із Подунав'я на початку V ст. та їх розселення на просторах Східної Європи (до речі, у сучасній історичній науці залишається дискусійним питання про дунайську прабатьківщину слов'ян).

У своїй праці Рігельман зупиняється також на проблемі взаємин та історичної наступності слов'янства зі скіфами, кіммерійцями, готами, гунами, половцями, печенігами та іншими народами, які колись населяли Східноєвропейську рівнину. Торкаючись питання про етнічну належність згаданих народів, він помилково багатьох із них відносив до «слов'янського язика», зокрема скіфів, кіммерійців, готів, половців, аланів і роксоланів. У «Літописній оповіді про Малу Росію» відстоюються також типові для тогочасної вітчизняної історіографії погляди на етногенез українців у цілому й етнічні корені українського козацтва зокрема. Так, у книзі історичними попередниками українських козаків називано «слов'ян» — аланів. Розвиваючи далі пасаж про етнічні витоки козацтва, Рігельман повторює твердження російського історика другої половини XVIII ст. В. М. Татіщева про великий вплив кабардинських черкесів на процес формування українського етносу (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 4—9).

Свого часу видатний український історик М. С. Грушевський переконливо довів неспроможність такого роду «етнічних» теорій походження козацтва, які зображували українських козаків прямими нащадками хозарів, чорних клобуків, берендеїв, черкесів та ін. Він писав також про наукову некоректність висновків тих дослідників, які намагалися встановити істину через етимологічне тлумачення слова «козак». За М. С. Грушевським, козаччина виникає в Україні з другої половини XV ст. як побутове явище, тобто як певний уклад життя частини місцевого населення, що мешкало на кордоні зі степовими кочовиками. Найголовнішими ознаками цього укладу були «партизанська» війна з ворогом та розбійницькі напади на степових просторах; неосілість і непідвладність тих, хто козакував, будь-яким державним структурам управління; заняття рибними, звіриними та іншими степовими промислами. Лише з кінця XVI ст. козацтво набуває рис окремої суспільної верстви з характерною організацією, внутрішнім специфічним устроєм тощо (*Грушевський М.* Історія України-Руси. К.; Львів, 1909. Т. 7. С. 65—82).

Надзвичайно потужний вплив на еволюцію суспільно-політичних й військово-організаційних засад українського козацтва справила Запорізька Січ, яка впевнено виступає на авансцену історії з другої половини 50-х років XVI ст. Вона відіграла роль своєрідного тигля, де переплавлювалися соціальний та професійний досвід, культура і світогляд різношерстої запорізької громади. Запорізька Січ акумулювала стихію неупокореної вольниці, яку привносили мешканці сте-

пової смуги, котрі займалися козакуванням та промисловою діяльністю; досвід і вправність професійних воїнів, настрої елітарності й прагнення до станових привілеїв, що йшли від представників служилого боярства та шляхти; бунтарський дух і багатовікові традиції самоврядування та судочинства сільської общини, носіями яких були селяни-втікачі.

Невдовзі після укладення Берестейської церковної унії 1596 р. для козацтва актуалізуються конфесійні питання. Захист православ'я стає одним із суттєвих елементів національної самосвідомості запорожця— варто згадати тут хоча б вступ у 1620 р. всього Запорізького Війська на чолі з гетьманом Петром Конашевичем-Сагайдачним до Київського братства та участь запорожців у відновленні ієрархії православної церкви в Україні.

Життя козаків на Запорізькій Січі не зводилося лише до воєнних виправ, бурхливих рад та спільних трапез, як це постає із представленого у «Літописній оповіді про Малу Росію» опису Запоріжжя, складеного свого часу Мишецьким. Іманентний економічний розвиток запорізьких земель спричинився до поширення деяких ремесел, появи міцних господарств на численних хуторах і зимівниках, а також до все більшого втягнення регіону в сферу товарно-грошових відносин.

С. Мишецький та О. Рігельман, які перебували на Запоріжжі у другій половині 30-х — на початку 40-х років XVIII ст., застали Січ на порозі її двохсотліття. Запорожці щойно повернулися з підвладної Кримському ханству території і заклали на р. Підпільній (рукав Дніпра) Нову Січ (1734). Уже в 1735 р. за наказом царського уряду для здійснення контролю над козаками впритул до Січі було споруджено Новосіченський ретраншемент й введено до нього гарнізон російських військ. Козаки називали це укріплення «московською болячкою на печінках» (*Яворницький Д. І.* Вказ. праця. Т. 1. С. 117). Пройде не так багато часу і Катерина II віддасть розпорядження ліквідувати Запорізьку Січ.

У «Літописній оповіді про Малу Росію» ті чи інші хронологічні періоди історії України висвітлені з різною мірою повноти. Історичному минулому українського народу від найдавніших часів до початку Визвольної війни середини XVII ст. загалом відведено небагато місця. В основному цей матеріал вміщено у тридцяти коротких розділах першої частини книги. В них у лапідарній формі дається опис найбільш важливих, на погляд історика, подій давньої минувшини України. Передусім, це «козацька» тема — питання виникнення козацтва та найважливіші віхи на шляху його формування.

Розглядаючи розвій козацтва як соціального явища у тісному зв'язку з діяльністю окремих яскравих особистостей — Остафія Дашкевича, Дмитра Вишневецького, Івана Підкови, Криштофа Косинського, Северина Наливайка, Петра Конашевича-Сагайдачного та інших козацьких ватажків, Рігельман хронологічно послідовно про-

стежує процес перетворення цієї суспільної верстви на впливову силу тогочасного суспільства. У першій частині книги автор проявляє неабиякий інтерес до боротьби козацьких загонів проти польсько-шляхетського панування. Його симпатії повністю на боці повстанців. Із співчуттям до козаків описує він драматичні сторінки історії збройних повстань в Україні кінця XVI та 20—30-х років XVII ст. Розмірковуючи над причинами, які спонукали козаків до збройних виступів проти магнатського та шляхетського всевладдя в Україні, Рігельман слушно вказує на «всякие наглости, налоги, обиды и притеснения» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч.1. С. 27), від яких страждало місцеве українське населення.

Відомо, що в зазначений період на українських землях нелегкі соціально-економічні умови життя простих людей доповнювалися зростаючим національно-релігійним гнітом. Судячи з усього, історик розглядав дану обставину як основний фактор, що призвів до вибуху народного гніву. Так, фокусуючи увагу на суспільно-політичних передумовах повстання під проводом Наливайка і Косинського, він висловлював переконання, що поштовхом до збройного виступу стало, насамперед, посилення утисків «благочестивым церквам и людям» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 28). Варто відзначити, що сучасні дослідники при розгляді цієї проблематики наголошують на соціально-економічній обумовленості подібних виступів. Якщо конкретніше, то йдеться про те, що однією з головних причин козацько-селянських повстань кінця XVI — першої половини XVII ст. були наполегливі спроби представників панівного класу Речі Посполитої прибрати до своїх рук землі, зайняті козаками (*Степанков В. С.* Аграрна політика Богдана Хмельницького (1648—1657) // Феодалізм на Україні. С. 54).

Прикметною рисою стилю Рігельмана як історика, що проявилася при висвітленні теми козацько-селянських збройних виступів, є нехтування подробицями й багатьма конкретними деталями описуваних подій. Уникаючи ретельної фіксації усіх нюансів фактичного перебігу воєнних дій повстанських загонів, автор «Літописної оповіді про Малу Росію» демонструє в той же час схильність до генералізації описуваних подій, з'ясування їх місця в загальноісторичному контексті. Звідси помітне переважання у творі «оціночного» підходу до збройних дій повстанців. Відштовхуючись від фактів конкретної суспільно-політичної ситуації в Україні кінця XVI — 20—30-х років XVII ст., Рігельман зображує козаків ревними захисниками віри й старожитних прав українського народу. Він беззастережно відмежовується від стереотипів суспільної свідомості шляхти, що зводилися (коли йшлося про повстання) до проголошення козаків затятими бунтівниками, призвичаєними лише до розбою. Історик цілком справедливо зазначає, що в міру того як козаки набували все гучнішої воєнної слави й дедалі більше примножувалися їх сили, зростало занепокоєння польських властей, які прагнули повсякчас утримувати

запорізьке козацтво в покорі. Одним із важливих заходів польського уряду, що мав сприяти, на думку Рігельмана, досягненню цієї мети, історик називає спорудження у середині 30-х років XVII ст. на Дніпрі Кодацької фортеці.

У «Літописній оповіді про Малу Росію» однозначно позитивно оцінюється ще одна суттєва риса козацького способу життя — боротьба проти турецько-татарських нападників. На сторінках книги, де розкривається ця тема, козаки постають мужніми оборонцями України, щитом для Польщі і грозою для кримчаків і турків. Їх сміливі сухопутні та морські походи проти ворога продемонстрували блискучі зразки воєнного мистецтва. Завдяки подібним експедиціям тисячі невільників повернулися із тяжкого полону. На українських землях, як зазначає Рігельман, під захистом козаків створювалися відносно сприятливі умови для розвитку економіки, зокрема хліборобства, торгівлі та всіляких промислів. Із твору історика також випливає, що боротьба проти турецько-татарської загрози служила своєрідним полем для виявлення воєнної звитяги і кращих моральних якостей воїна — захисника Батьківщини. Саме з таких позицій автор підходить до висвітлення участі козацького війська у польсько-турецькій війні 1620—1621 рр. У цей період, підкреслюється в «Літописній оповіді про Малу Росію», козаки проявили почуття громадянського обов'язку та патріотизму, засвідчивши «не угасшую в себе искру верности и любви к отечеству своему» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 15, 36).

У творі Рігельмана хронологічний відтинок історії України від давніх часів до середини XVII ст., крім проблеми козацтва, представлений також більш широкими темами. Вони стосувалися висвітлення становища практично усіх прошарків тогочасного суспільства. Одним із таких універсальних за суспільним звучанням сюжетів книги є питання про включення українських земель до складу іноземних держав. Щоправда, подане воно автором дуже стисло. Це стосується й фрагмента, у якому в найзагальніших рисах описано перехід у першій половині XIV ст. більшої частини українських земель під владу Великого князівства Литовського. Характерно, що авторське бачення проблеми в цілому не виходить за рамки традиційного її тлумачення вітчизняною історіографією XVIII ст. (та й, врешті, істориками значно пізнішого часу). Процес поширення влади Великого князівства Литовського на значну територію України в книзі практично зводиться до насильницького захоплення в 20-х роках XIV ст. великим князем литовським Гедиміном земель Південно-Західної Русі, ослаблених перед тим монголо-татарським нашестям та князівськими чварами.

Зазначимо у цьому зв'язку, що повідомлення про завойовницькі походи Гедиміна в Україну мають своїм першоджерелом литовсько-руські літописи поширеної редакції, що виникли у першій половині XVI ст. Однак використовувати їх слід з певними застереженнями.

Адже відомо, що складачі згаданих літописних уривків були політично заангажованими, тобто виконували певне ідеологічне завдання, яке полягало у піднесенні політичного реноме литовської князівської династії Гедиміновичів й обгрунтуванні права литовського великокнязівського престолу на українські землі. Тому ряд дослідників схильні розглядати подібні літописні свідчення як малодостовірні, легендарні. Існують вагомі підстави стверджувати, що землі Київщини, Чернігово-Сіверщини, Волині і Східного Поділля опинилися у складі Литовської держави в результаті не так завоювання, як внаслідок династичних шлюбів українських й литовських зверхників (Волинь). Окремі з них, ймовірно, приєдналися на договірних умовах (*Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. С. 1—12; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 73, 74).

Що ж стосується захоплення українських земель у XIV ст. Польським королівством, то цьому питанню у праці Рігельмана присвячено буквально кілька рядків. Так само лаконічно описано ліквідацію Київського удільного князівства, а також ті адміністративно-судові зміни, що сталися після заснування у 1471 р. Київського воєводства. При цьому автор обходить мовчанкою скасування статусу Волинського удільного князівства (1452), з чого розпочалася ліквідація удільної системи на українських землях Великого князівства Литовського.

Зовсім небагато місця у «Літописній оповіді про Малу Росію» відведено й Брестській церковній унії 1596 р., яка сколихнула все суспільно-політичне життя України кінця XVI — першої половини XVII ст. Автор прагне з'ясувати передумови скликання собору 1596 р., на якому було проголошено об'єднання православної й католицької церков, а також показати найважливіші суспільні наслідки цього церковного акту. Із складного клубка політичних, ідеологічних, культурних та соціально-економічних причин, що породили церковну унію, основними Рігельман вважав «підступи» з боку католицького духовенства, прокатолицьку політику польського уряду й ренегатство частини ієрархії православної церкви.

Історик цілком справедливо зауважує, що із зерен релігійного розбрату, посіяних на церковному соборі 1596 р. у Бресті, буйно проросла ворожнеча у суспільстві на релігійному грунті й значно посилилися національно-релігійні утиски українського населення, яке продовжувало сповідувати віру предків. Описуючи сум'яття, яке внесла церковна унія в суспільно-політичне життя тогочасної України, він також звертає увагу на скорочення соціальної бази православ'я внаслідок прилучення частини української феодальної верхівки до лона католицької та уніатської церков. Новонавернені представники української знаті, підкреслюється у «Літописній оповіді про Малу Росію», розгорнули активну діяльність, котра полягала в насильницьких спробах залучити до польсько-католицького табору «веру и церковь

грако-российскую», через що в Україні сталися «людям всякое понуждение и налоги» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 40).

Більш повно у творі Рігельмана висвітлено хронологічний відрізок історичного минулого українського народу від початку Визвольної війни середини XVII ст. до другої половини 80-х років XVIII ст. Особливу увагу автор приділяє питанням Визвольної війни. Останнє можна вважати закономірним, якщо врахувати той факт, що ця подія мала характер справжньої революції за своїм розмахом, широтою географічного охоплення, масштабами втягнення у вир боротьби величезних мас людей, далекосяжними соціальними та політичними наслідками, котрі глибоко позначилися на соціально-економічних відносинах у суспільстві й розстановці класових сил, а також за великим міжнародним резонансом. Як відомо, одним із найголовніших результатів Визвольної війни стало приєднання України до Московської держави. Саме цей момент становив чи не найбільший інтерес для Рігельмана як людини з певними політичними переконаннями і класовими пріоритетами. Коли ж зважити й на те, що у його розпорядженні були деякі важливі історичні джерела, які дозволяли більшменш повно висвітлити події Визвольної війни, то стає зрозумілим, чому автор «Літописної оповіді про Малу Росію» відвів даній темі порівняно багато місця у своїй книзі. Спираючись на працю П'єра Шевальє «Історія війни козаків проти Польщі», а також матеріали літопису Самовидця, він розглянув не лише загальні питання визвольної боротьби українського народу середини XVII ст., але й відтворив чимало дрібних її епізодів та деталей, що вносить в історичну оповідь ту конкретику, яка необхідна для відтворення духу епохи.

Що ж стосується тлумачення у книзі причин Визвольної війни, то автор фактично йшов за усталеною історіографічною традицією. Зокрема, у цьому пункті його історичної концепції простежуються ідеї французького офіцера й дипломата П. Шевальє, який був добре обізнаний з життям, звичаями та воєнною тактикою українських козаків. У 1646 р. Шевальє випало командувати найманим козацьким загоном, котрий брав участь у воєнних діях на боці Франції під час Тридцятилітньої війни 1618—1648 рр. Він був поінформований також про події 1648—1652 рр. у Речі Посполитій, де виконував на той час обов'язки секретаря посольства Франції. Отож, спираючись на залишені Шевальє записки про перші роки Визвольної війни та деякі інші матеріали, Рігельман визначив, принаймні, дві основні причини спалаху всенародного повстання проти польсько-шляхетського панування в Україні.

Як випливає із книги, насамперед, це суб'єктивно-психологічний фактор, пов'язаний з волею сильної особистості. Йдеться про суспільне значення постаті Б. Хмельницького, який, маючи притаманні вождеві якості, зміг спрямувати у бажаному напрямку суспільну свідомість й повести за собою народ. У розумінні Рігельмана історична заслуга Б. Хмельницького полягала в тому, що він «мужествен-

ным вооружением с запорожскими казаками против Польши, отторгнувшись от них, всю Малороссию по-прежнему так, как отчину, в подданство российское доставил» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 36). На думку історика, рішення Б. Хмельницького розпочати збройну боротьбу за визволення України було природною реакцією людини на заподіяну їй особисту образу (захоплення польським підстаростою Чаплинським родинного маєтку Хмельницького — Суботова, наруга над сім'єю майбутнього гетьмана). Запалене подібним чином «неукротимое в нем пламя злобы» й штовхнуло Хмельницького, гадав Ригельман, на небезпечний шлях війни.

У «Літописній оповіді про Малу Росію» знаходимо визначення ще однієї причини, яка послужила поштовхом до визвольної боротьби українського народу. Якщо систематизувати думки автора з цього приводу,— то це та вкрай складна суспільно-політична й соціально-економічна ситуація, що склалася в Україні до середини XVII ст. внаслідок жорстокого національно-релігійного гніту й економічного режиму, встановлених правлячими колами шляхетської Польщі. За словами Ригельмана, це незліченні «Малой России притеснения, наглости и убийства, с нарушением всех жалованых ей от польских королей прав и закона» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 1. С. 49). Як бачимо, незважаючи на певні ідеалістичні ілюзії та стереотипи офіційної ідеології царського самодержавства, історик досить реалістично підходить до пошуку суспільних коренів Визвольної війни українського народу середини XVII ст.

Стосовно тези Ригельмана щодо повернення Б. Хмельницьким московським царям їх «отчины» — України, то вона, всупереч бажанню самого автора, спростовується вміщеними в книзі текстами історичних джерел. Йдеться про комплекс документальних матеріалів, у яких визначаються договірні умови переходу України під «міцну і високу руку» московського царя, тобто юридично узаконюється акт приєднання її до Московської держави. Ознайомлення з цими документами засвідчує той неспростовний факт, що Україна увійшла до складу Московської держави далеко не на правах удільного володіння тамтешніх самодержців. Навпаки, відповідно до статей договірних умов її політико-правовий статус мав основні ознаки суверенної держави. Незважаючи на визнання певної політичної залежності гетьманського уряду від царя, в Україні узаконювався незалежний адміністративно-судовий устрій, в основі якого лежали традиційні норми права та політико-адміністративні структури, станове судочинство; зберігало чинність вільне обрання гетьмана, котрий завершував піраміду законодавчої, судової, виконавчої і воєнної влади на всій території; офіційно підтверджувалося право на власні збройні сили, а також дипломатичні відносини з сусідніми країнами (за винятком Туреччини та Польщі, політичні контакти з якими могли відбуватися лише за санкцією царя).

Привертає увагу те, що в пункті згаданих статей, де йшлося про підтвердження станових козацьких і шляхетських привілеїв, констатується той факт, що перехід України з-під влади одного суверена під владу іншого (від підданства польського короля до підданства, фактично протекторату, московського царя) відбувся внаслідок певних несприятливих суспільно-політичних обставин, а не з якихось династичних міркувань: «Прежде сего от королей польских никакого гонения на веру и на вольности наши не было; всегда мы, всякого чина, свои вольности имели, и для того мы верно и служили; а ныне, за наступление на вольности наши, понуждены вашему царскому величеству под крепкую и высокую руку поддаться» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 197). Слід підкреслити, що досить важливий пункт договірних статей, за яким обмежувалась самостійність гетьманського уряду в сфері міжнародних відносин, за життя Б. Хмельницького фактично залишався на папері. Гетьман без будь-якого погодження з царем підтримував дипломатичні контакти й укладав договори з Швецією, Угорщиною, Молдавією, Валахією, Кримом, Польщею та іншими країнами. Загалом, після 1654 р. залежність Хмельницького від царського уряду, особливо в останній рік життя гетьмана (помер він у 1657 р.), була номінальною (*Яковлєв А.* Договір Богдана Хмельницького з Москвою року 1654 // Ювіл. зб. на пошану акад. Д. І. Багалія. Т. 1. С. 599, 604, 615).

Незважаючи на договірні умови входження України до складу Московської держави, історія розпорядилася так, що самодержавній владі знадобилося не так багато часу для зведення Української держави до статусу провінційного органу державного управління імперії. Процес перетворення України на «вотчину» російського царату безсторонньо відображають численні документальні матеріали, в тому числі вміщені на сторінках «Літописної оповіді про Малу Росію».

Перший відчутний удар по самостійності України було завдано вже у 1659 р., коли царський уряд нав'язав козацькій старшині прийняття ряду дискримінаційних за своїм характером законоположень, які відверто суперечили укладеним з Хмельницьким угодам. Йдеться про так звані статті Юрія Хмельницького. Зокрема, у цілому ряді нових договірних пунктів утверджувалися законодавчі регламентації, які ставили гетьмана у досить жорстку, близьку до васальної, політико-правову залежність від царя. Набував чинності порядок, за яким новообраний гетьман мав постати перед «пресвітлими очима» самодержця, лише після цього йому вручалися гетьманські клейноди. Він не лише позбавлявся права самостійно вирішувати стратегічні воєнно-політичні питання (заборонялися воєнні походи і допомога військовими силами сусідам без санкції царя), але й втрачав таку важливу прерогативу судово-виконавчої влади, як винесення смертних вироків.

Якщо до цього додати ще й безумовну заборону дипломатичних зносин з іншими державами, то стає очевидним, що самостійній

зовнішній політиці України завдавалося відчутного удару. Помітно звужувався також обсяг прав, що стосувалися сфери регулювання внутрішнього суспільно-політичного життя козацького стану. Без згоди царя не можна було переобрати гетьмана, який не влаштовував козаків; особи, обрані на полковництво, мусили складати присягу на вірність царському престолу тощо. Та й сам гетьман присягав на вірність царю, «благовірній» цариці, «государю» царевичу та їхнім спадкоємцям, зобов'язуючись при цьому «вічно» дотримуватися новоспечених статей (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 2. С. 27—42).

Автономія України і в подальшому продовжувала невпинно скорочуватися. Однією з найбільш помітних «віх» на цьому шляху стало утворення за указом Петра I спеціального органу державного управління Росії у справах Лівобережної України — Малоросійської колегії з резиденцією у Глухові. Ця інституція фактично сковувала діяльність гетьманського правління. Особливо це стало помітним після смерті гетьмана Івана Скоропадського. Вибори нового гетьмана тоді не відбулися. Козацька старшина та призначений у липні 1722 р. наказним гетьманом Павло Полуботок підпали під найтіснішу опіку Малоросійської колегії. Хоча у 1727 р. цей орган припинив своє існування і було поновлено гетьманство, однак у 1764 р. після чергової, на цей раз остаточної, ліквідації інституту гетьманату в Україні знову запроваджується Малоросійська колегія (проіснувала до 1786 р.). Вона практично повністю взяла на себе прерогативи колишньої гетьманської влади і втілювала в життя урядову політику, спрямовану на повне знищення залишків самобутнього козацького адміністративно-політичного устрою й запровадження в Україні загальноросійської системи управління та судочинства. Одним із кардинальних заходів царського уряду, чий політичний курс був спрямований на повну ліквідацію автономії України, став, як уже зазначалося, розгром Запорізької Січі.

Особливу увагу Рігельман приділив висвітленню перебігу подій російсько-шведської війни першої чверті XVIII ст. в Україні, які розглядав у тісному взаємозв'язку з «изменой гетмана Мазепы с сообщниками». Як відомо, спроба Мазепи, спираючись на силу зброї й тонку дипломатичну гру, вивести Україну з-під царської опіки, не на жарт сполошила уряд Росії. Зокрема, це спричинилося до небаченого раніше сплеску політичної активності царизму, який розпочав тотальний ідеологічний наступ, спрямований на викорінення в Україні настроїв «мазепинства». З огляду на усталені на той час офіційні оцінки вчинку Мазепи, Рігельман прагне змалювати якомога повніший портрет цього політичного діяча. Він розповідає з усіма подробицями «о природе, жизни и поведении того Мазепы, с его делами, хитростями, поступками и службою по смерть его» (*Ригельман А.* Вказ. праця. Ч. 3. С. 1). Історик буквально «нашпиговує» свій твір спеціально підібраними документами царського уряду, а також витягами із праць вітчизняних та зарубіжних історіографів.

Загалом, чим далі віддаляється Рігельман від давнього періоду української історії і чим ближче підходить до свого часу, тим більше його «Літописна оповідь про Малу Росію» набуває «хрестоматійного» вигляду завдяки включенню до неї великої кількості документів російського уряду, які автор відверто коментує в офіційно-охоронному дусі. У творі дедалі частіше можна зустріти не стільки опис конкретного історичного факту, скільки своєрідну світську хроніку з життя верхівки української старшини та російської аристократії. Історик починає звертати надмірну увагу, насамперед, на «протокол» тієї чи іншої події і не шкодує пишномовних епітетів на адресу російських царів.

Варто відзначити, що Рігельман включив до свого твору дві карти, які мали досить довгі, в стилі тогочасних історіографічних канонів, назви: «Карта генеральная всей нынешней Малой России или Киевской губернии с облежащими около оной Ново-Российской, Азовской, Слободской, части Белогородской, Воронежской губернии же и владения Войска Донского с прочими прикосновенными к оным землями, как-то, части литовской и польской, молдавской, Болгарии, Бессарабии, всего Крымского и кубанской с частью ж Астраханского ведомства»; «Часть древней Российской карты с показанием лежащих к стороне польской прежних удельных российских владений, с какими оныя напред сего землями смежны были и которые из тех ныне в польском владении находятся».

Чималу історичну, та й, врешті, художню, вартість мають додані до «Літописної оповіді про Малу Росію» 25 ілюстрацій, на яких зображено в основному типових представників різних станів України другої половини XVIII ст., портрет Б. Хмельницького, а також малюнок «Запорізька Січ. Вибори кошового отамана», зроблений рукою самого Рігельмана. Авторство решти ілюстрацій досі не вдалося встановити. Відомо лише, що їх поява припадає на період перебування історика у фортеці св. Дмитрія Ростовського. Саме тоді Рігельман замовив їх якомусь українцю, вихідцю із духовенства, який відбував за щось покарання у згаданій фортеці. Художник цей, до речі, був родом із села, розташованого по сусідству з маєтком Рігельманів Андріївкою. Майстерно виконані ним малюнки різних соціальних типів українців мають неабияке значення для дослідження культури України XVIII ст. Зокрема, вони дають певне уявлення про чоловічий і жіночий костюм представників різних станів тогочасного суспільства.

Ілюстративний матеріал міститься ще в одній праці Рігельмана — «Історії або оповіді про донських козаків». Це 17 малюнків, які відтворюють типи донських козаків та козачок. Художником скрупульозно передано деталі одягу, показано символи старшинської влади, зброю тощо. Заслуговують на увагу малюнки печаток. Найбільш давня печатка Війська Донського містить зображення пораненого стрілою оленя. По колу зроблено напис: «П. В. (Печать Войсковая.— *Авт.*) Елень поражен стрелою». На другій печатці, наданій донським

козакам Петром I, намальовано оголеного до пояса козака у шапці, який сидить на бочці. Перед ним келих. У правій руці козак тримає рушницю, у лівій — ріг, при боці висить шабля. Довкола малюнка напис: «Печать Войска Донского». Є підстави припускати, що ілюстрації до «Історії або оповіді про донських козаків» та «Літописної оповіді про Малу Росію» виконав один і той же художник. На користь цього припущення можна навести певні аргументи. По-перше, ілюстративний матеріал до обох книг було підготовлено в один період і в одному місці — під час перебування Рігельмана на Дону в 70-х роках XVIII ст. По-друге, при зіставленні ілюстрацій «Історії або оповіді про донських козаків» і «Літописної оповіді про Малу Росію» кидаються у вічі портретна схожість окремих персонажів, збіг багатьох деталей, а також ідентичність творчої манери митця, який, зокрема, за однією схемою композиційно будує свої малюнки (*Ригельман А.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. Приложения).

За основу даного видання «Літописної оповіді про Малу Росію» взято видання 1847 р., підготовлене до друку О. Бодянським. У ньому усунуто друкарські помилки, по можливості виправлено правопис Рігельмана відповідно до сучасних норм (меншою мірою це стосується текстів документів). Орфографія твору передається засобами сучасної російської графіки, зокрема, замість *І* вживається *И*, замість *Ѣ* — *Е*. Знято *Ъ* в кінці слів. В основному збережено особливості мови історика, у тому числі й ряд архаїзмів, без чого твір втратив би авторську своєрідність і значення автентичної пам'ятки своєї епохи. Це стосується і підписів до малюнків, які вміщені в цьому виданні.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Хотя довольно известно о Малороссии, о народе и козаках ее, и то, что она издревле была владение Киевское и прочие тамошние княжения российских великих князей, и что потому оное и доныне именуется отчиною великих царей и императоров российских, и то, какими случаями отторгнуто было оно, как равно и прочие княжения, от Российского державства чрез нашествие и разорение татарское, однако имеющиеся в Малой России истории малороссийские две, писанные двумя неизвестными писателями, хотя нарочито сходственны в повествовании между собою о делах гетмана Хмельницкого и последователей его, в числе лет и прочего, но много в оных находится недополненного, а паче о начале народа своего пишут, как видно, с баснословия, несправедливо. Для чего возжелалось исследовать о справедливости чрез вернейших историков и тем дополнить недостающее. По которым оказалось точно так, как мною в сию повесть введено, как то: из книг о древних российских народах, из Четьи-Минеи, из Синопсиса, из польских и российских летописей, из азовской и из ядра российской и польской историй, из древних российских дворцовых записок и прочих повествователей. А как могут быть в оной книге какие излишки, погрешности или что и недостающее, то в том благосклонного читателя униженно прошу, неисправности оные своим благим рассуждением загладя, поправить, за что проситель остается тому покорным слугою.

ЧАСТЬ I

О народе, состоящем в Малой России, и козаках малороссийских, или запорожских, отколь они взялися, и какие от них дела происходили, также каким образом оные, будучи россияне, под польское и из под оного владения под Российское державство и в какое время достались и кем, повествует сия летописная повесть следующим образом

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

О разном повествовании, отколе и от коих времен и из каких народов в российских местах козаки, по мнению своему, быть мнят

Вступление

Хотя всем довольно известно о находящихся в России [1] козаках, каковы и что от них полезности состоит, но в какое время начало свое взяли и как они происходили до нынешних своих степеней, времен и мест, уповательно, мало кому в точности известно. А хотя кто что об них и ведает, чаятельно и то только по нескольку и о некоих, а не обо всех вообще, как то: о запорожских, украинских и черкасских, донских и прочих козаках.

О точном происшествии козаков или малороссийского народа

Для того к любопытству исследовав, сколько возможно достичь до истинного начала их, какого бы рода и от коих лет, как происходили они, и, соображая об оном описание разных авторов, и из самих их писателей и мнимых сказаний нашлось, что они все происшествие свое возымели в российских местах от самых древних славян, а не от иного какого народа, как они повествуют о себе. Тем паче доказательно, что они и сами между собою объявляют несогласно, каждые о себе мнят разного рода и происхождения быть.

Одни повествуют, будто происходят от народа козарского [2] и поселились при Днепре-реке и оттоль расширились по всем тем местам, где ныне обитают.

Сказание запорожских козаков о себе

Другие, как то запорожцы, жившие при днепровских порогах, собственно о себе объявляли, якобы войско их начало свое возымело от 948 года чрез вышедшего тогда из Польши некоего человека, именем Семена, роду козарского, который якобы для рыбного промыслу и ловли звериной на устье Бог-реки, в ее лимане, место избрал, и куда, по извещению его о тамошнем свободном промысле, присовокупились к нему земляки его и составили сперва чрез то шайку человек из ста или более. Семена того поставили над собою атаманом и жили там времени несколько, промышляли якобы только звериною и рыбною ловлею, потом от времени до времени приумножилось их до несколько. Носили одежду от ловли своей, поделанную из кож диких коз и сайгаков. Чрез что, а паче чрез великое уже число их, будто бы прославились славными стрелками, и наименовали их по тому козаками [3]. И урочище то, где первое начальное зборище имели, якобы проименовалось с того времени Семеновым Рогом, которое, де, и доныне тем званием именуется.

К тому повествование разных историков

Сие повествование о происшествии их от козар, без сомнения, взяли они из своей же малороссийской истории, писанной неизвестным, якобы действительно они начало свое производят от древних козар и от того проименовались, наконец, в Малой России козаками. И хотя-де говорит тот же их историк Веспасиан Коховский [4] и от коз диких козаков нарицает, как бы той скоростию ко брани соравняются и ловом тем упражняхуся наипаче, но неприлично, де, от коз козаков нарицают; приличнее-де Стрийковский [5] объявляет козаков от древнего и славного некоего их вождя Козака, и его же промыслом многажды татар побеждаху. А Александр Гвагнин [6] от свободы нарицает козаками, занеже яко предки их не от нужды коей, но от доброй воли, охотно и без найму на брань хождаху, тако и ныне козаки, храбрости своей не сокрывающе, ко брани охочи. Так говорит историк.

Иное повествование запорожское

Из них же другие инако повествуют: объявляют будто бы первоначальное собрание их козачества было в селе Седневе, что на Снове-реке, впадающей с правой стороны в Десну-реку, состоящем от оной в 8-ми, а от Чернигова в 24-х верстах, и оттоль происходили жилищами своими вниз от Киева по Днепру на правой ее стороне в Каневе, где ныне того именования местечко Канев. Третье — в Переволочне, ныне ж там крепость Переволочанская, на левой стороне ре-

ки оной. Четвертое — на Хортицком острове, что ниже порогов в 15-ти верстах. Пятое — оттоль ниже на Тамаковке. Шестое — на Никитине, что против Каменного Затона, на правой стороне реки. Седьмое — на речке Чертомлыке, близ реки Днепра, на правой же стороне. Восьмое — при устье речки Каменки, впадающей в Днепр, с правой же стороны, выше бывшей турецкой крепости Кизикермена в 17 верстах. Девятое — в Олешках, на Крымской стороне по Днепру ж, против устья реки Ингульца, на песках. Десятое, именовавшееся Сечь Запорожская,— при речке Подпольной, состоящей от Днепра на правой его стороне в 7-ми верстах.

Опровержение тому повествованию

Если верить сему, что происходили запорожцы от села Седнева по Днепру на низ, по объявленным местам, то думать, конечно, надобно, что то не целое войско, но некоторая часть или шайка их была и приобщалась по тем местам к таким же, каковы были сами, и чрез то, что когда стали уже иметь свой кош за порогами, проименовались запорожцами. Но и то следует быть гораздо после Батыева нашествия в Россию и его разорения в оной, всемерно во время уже польского владения, когда по-прежнему в Украйне, а паче от Чернигова, вниз по Днепру, не малое селение быть стало. И так, по сему собственному их сказанию, не могут они от древнего и от колена прямо козарского, но от роду российского быть, как вышедшие из самих российских мест.

Разное мнение козаков о происхождении своем

Иные ж мнят о себе быть из народов роксолянских, донцы ж — чз черкес. Прочие же — от древних неких вольных людей, кои якобы не принадлежали ни к какому владению, и потому мнят о себе все, будто бы они навсегда право имеют в вольности, и ни под чьим точным владением, как только под защитою тех областей, к которым они прикосновены состоят. И для того не почитают себя, чтоб они подлинно были из русских людей или чьи бывшие подданные.

Тому прекословие

Сие гордое мнение берут они себе от пустого только носящегося между ими имени, не исследовав прямо древних писателей, которые о скифах и цымбрах [7], живших сначала около Меотического моря [8], славянского языка описывали, но, надувшись только тем пустым мнением, хотят себя усильно представить, якобы и доныне были подлинно по тем древним народам вольные и ни к кому принадлежащие.

ГЛАВА 2

О первых пришедших древних славянских народах к Днепру

О начальных народах до козачества

Я представляю здесь несколько из древнейшего описания. Какие народы прежде козаков и имений их в оныхъ местах, где они ныне жительство имеют, обитали, о которых и господин новый писатель Димитрий Феодосий [9] в книге своей «О жизни и преславных делах Государя Императора Петра Великого» в истории о древности российской упоминает, что в начале 5-го столетия многие колонны славян, не могшие более стерпеть жестокости оружия Римского, в то время весьма усилившегося, принуждены были оставить пределы дунайские и возвратиться к своим прежним однородцам. Из тех одни поселилися на землях, где потом то место Краснорусиею назвалось, между рек Днестра и Днепра, другие пошли к пределам северным, где первые славянские их предки были, как то к озеру Ильменю. Что ж они там производили и где селились, об оном, если угодно кому будет ведать, может из «Собрания Российской истории» видеть. А каких ради причин оные славяне из своих мест прежних выходили и где находились, об оном господин Рычков [10] в «Опыте Казанской истории» пишет.

Расселение славянского народа между рек Днепра и Днестра до Вислы, в Краснорусии проименованной. О построении славянским князем Кием града Киева. О приселении к князю Кию его братьев с сестрою

Славяне ж, которые в Краснорусии поселились и от Днепра до реки Вислы селениями своими распространились, управляемы были собственными своими князъями, кои были три брата — Кий, Щек и Хорев [11]. Старший из них, Кий, в 430 году построил при реке Днепре град, по своему имени — Киев, где он и владычествовал. Второй брат его, Щек, владение свое имел около Черного моря, а третий брат, Хорев, повелевал теми колоннами, которые поселилися по реке Висле и по той висличами прозваны. Благоразумные поступки князя Кия привлекли к нему из многих славянами обитаемых земель множество народов, и чрез не многое время прославился он чрез оружие свое. Наконец, пошел войною на греков и был под Цареградом, заключил мир с ними. По возвращении своем взял он своих братьев, которые многие от соседов беспокойства терпели, к себе в Киев, куда и сестра их, Лыбедь, последовала за ними. Тогда то Щек на горе, не далеко

вниз по реке от Киева, построил град Щековицу, которая гора или урочище и доныне в Киеве близ Выдубицкого монастыря тем же званием именуется. Хорев на другой горе также град построил и по своему ж имени назвал оный Хоревицею, который потом Вышгородом проименовался (состоит выше Киева в 15 верстах). А сестра их Лыбедь построила град на высокой горе ниже Щековицы, дав ему имя Лебедин, почему и протекающая близ оного места небольшая река по её ж имени прозывалась Лыбедью.

Преселение прочих князей славянских же с народом

Храбрость и благоразумие сих князей привело им в подданство многие по полям и лесам скитающиеся народы и многие князи со своими народы, знатнейшие же Радим с радимчанами, Вятка с вятчанами и Дулеб со своими, около реки Буга жившими, народы дулебянами принуждены были оружию их подчиниться. Ходили они войною и на самый Север, против датчан, и неоднократно их побеждали. Царям греческим вспомоществовали и освобождали земли их от неприятелей; ходили ж и против болгар дунайских, и при реке Дунае князь Кий построил град Киевец.

Окончание киевских князей

По кончине сих трех князей их наследники долгое время княжили в своих землях и обладали большею почти частию Северной страны. Владение их продолжалось по 879 год [12], когда последние, от крови первого князя Кия происходящие, князи Оскольд и Дир были от Олега убиты. Об оном в древней российской истории обстоятельнее повествуется.

Вот прямое начало бытия в сих местах российского народа, как выше сказано, от 430 году и от оных людей состоялись все повествующиеся козаки.

ГЛАВА 3

О козарах, какие народы были, отколь вышли, где обитали и до коих времен находились

Что ж касается о именуемых козарах, от коих мнили запорожцы происшедшими быть, отколь и какие люди были, и могут ли козаки происхождение свое от них иметь последующими с ними коловратностями, объявляет нам ясно взятое из греческих летописцев, россий-

ская Четья-Минея [13], повествованием своим в месяце мае в 11 день, что козары, коих греки козарами, римляне ж газарами называли, был народ скифский, языка славянского. Страна же их была близ Меотического озера, что и Мертвым морем называлось (ныне же Азовским именуется); во оное Дон-река, которая Азию от Европы разделяла, впадает.

В сей стране сперва жительствовало племя первого сына Иафетова Гемера, нарицаемы гемеры, а от грек прозваны были кимеры, российским же языком назывались цимбры, от них же и Меотического озера устье, в Понт Евксинский [14] впадающее, нарицалося Босфор Кимериский. Когда же те цимбры оттуда по полуночным странам расселилися и во иные потом пременилися народы, как то: в литву, в жмуды, в готфы и в прочие, тогда во оной стране Меотического озера и Кимериского Босфора племя некое, Скифское ж, глаголемое (от гор Аланских) аланы, прозваны потом (от реки Козара именуемой) козары, поселились и долгими временами расплодилися зело и населилися пространно по обоим сторонам Дона, как то в Азии, даже до Волги и устья ее, впадающей в Каспийское, или Хвалынское море, иные же в Европе, даже до Днепра, в Черное море входящего. От него же часть не малая, перешед Днепр, над Черным морем, его же и Евксинским Понтом нарицают, поселилися, где ныне Ачаков, или бывший Бористен, и Белгород, или Акерман, и далее, ибо и до Панонии досягали, но уже тамо иными названиями прозваны были, как то: иногда авары, гунны и во инные переменилися народы. Были же нравом грубы, свирепы и нелепообразные. Обычай у них был точно такой, каков ныне у татар: жительствовали более в полях, нежели в городах и селениях, без храмин, в шатрах, кушах или кибитках, переходя от места на место ради скотоводства, в чем их и пажить состояла, так равно, как и ныне кочующие в степях, питалися зелием и мясом более, нежели хлебом, мясом же наполу суровым, то есть полувареным или полупареным. На войне и бранях были зело храбры и всем страшны.

Начальника их называли каганом (иностранные же летописцы нарицали его хаганом или хаян). Название же то, каган, не было имя прямое человеку, но старейшему или начальнику титла так подобно, как у нас ныне царь или князь.

О храбрости народа того много в древних летописцах греческих и римских описуется, а наипаче Царюграду опасны были. Подходили под град оный морем, под ним же и побеждены были чудесно в царство Ираклиево, в патриаршество же Сергиево силою град свой от тех поган козаров, яко же и от персов, с ними согласившихся и купно на град воевавших, защитили, о чем пространно писано в синоксарях акафистных, в пятую субботу Великого поста на седальном читаемых.

В 8 столетии

Потом чрез немалое время, как то во сто или вяще лет, Лев Исаврянин, царь греческий, возжелал тот козарский народ себе примирить. Взял за сына своего Константина (прозванного Копронима) дщерь у кагана, козарского князя, и, крестивши ее в Царьграде, нарек имя ей Ирина (сия Ирина не та, которая сделала православие, но иная и прежде бывшая); оная родила Копрониму сына Льва, коего по матери прозвали Козарин или Хозарис, так как от матери козарыни родился.

Сей Лев имел супругу того ж имени, Ирины, как и мать его. Сия-то другая Ирина с малолетним сыном своим Константином, по муже своем Льве Козарине оставшись вдовою, утвердила Православие, отвергши иконоборную ересь седьмым Вселенским Собором. От поятия же дщери кагановой в супружество Копрониму, по-видимому, жили козары с греками в мире; однако ж иные славянские российские народы ненавиствовали сему, беспокоили греков. От сего времени начали козары по малу навыкати христианской вере от соседей своих херсонян, то есть от живущих, как ныне называется, в Крымском полуострове, и тогда учением святых учителей славянских, Константина и Мефодия, не малая их часть Христову веру приняли.

С того времени содружилися с херсонцами и навыками от них добрым нравам и честному христианскому подобающему житию и селилися с греками в Таврисе и Херсоне, коей ради вины от космографов Таврисия и Херсонес Хазариею или Козариею назвались, понеже козары с греками там смесилися.

О начальном владении в Киеве князьями Великого Новаграда

879

Имели же козары издавна, прежде крещения, власть над Киевом и над иными некиими российскими странами и дани от них брали беличьими кожами с каждого дому и от плуга по шелягу. Но после Оскольд и Дир, пришедши из Великого Новагорода от князя Рюрика, сели в Киеве и не стали давать дани козарам; по Оскольде же и Дире Олег княжил в Киеве, отнял от козаров Север и Радимичи.

912 — 945

По Олеге княжил Игорь Рюрикович, по нем Святослав Игоревич отец великого князя Владимира. Тот Святослав (как о нем и Нестор Святый пишет) шел на Оку-реку и на Волгу, обрел там вятичей, да-

ющих дань козарам, отнял их от козаров, потом всею воинственною силою ходил на козар. Також-де и козары с князем своим каганом ополчившись, против его вышли и брань крепкую учинили, и одолел Святослав козаров, и город их Белую Вежу взял, и дань на них наложил.

Но, однако, тех только козар Святослав себе покорил, кои жительствовали на сторбне Европейской, то есть на сей стороне реки Дона, а по другую оного сторону, в Азии бывшие, козары, верою христиане, свою имели область до тех пор, доколе иной народ, именуемый половцы, от готфского народа [15] происшедший (а готфы от цимбров произошли), совокупясь с печенегами, так, как с единоплеменными себе, во-первых над Понтом Евксинским, или Черным морем, изгнавши оттуда бывшие там народы, поселились, оттоль пошли на тех козаров и многие лета имели брань с ними и, повоевав, наконец, истребили козар и местами их обладали. Печенеги же выселились там, где ныне пребывание свое имеют ногайские татары, а половцы в Таврице (изгнавшие оттуда христиан) и, приходя вкупе с печенегами на Русь, многия пакости странам оным чинили.

Потом иной народ скифский, нарицаемый татары, жительствовали иногда за Каспийским морем, когда с царем своим Батыем реку Волгу на том месте, где в Каспийское море впадает, перешли на сию страну в великой силе, напавши прежде на половцев, и, бившися с ними крепко, истребили их, а с ними и печенегов до конца и взяли всю страну ту под свою область, по сем и на всю Русскую землю нашли и повоевали ж. С того времени и имя половцев, равно и печенегов, истребилося, но только в память имя козаров в Малой России осталось.

О начале бытия при порогах козаков и их скопища и о рассеянии оных, якобы оные по козарам были вольные

От сего то носящегося молвою в народе имени козаки запорожские, живущие в Сече, особливо о себе произносить стали, якобы они подлинно от козар происшествие свое имели и тем представляли себя быть народу вольному (да и другим об оном повод подали), не упоминая уже того, что жительство и общество их стало быть со времени, когда Польшею велено было украинским козакам содержать заставу ниже днепровских порогов, куда оные посылаемы и определены были для удержания набегов в Украйну и в Польшу татарских; оставляя и то, что они все там безженные были и потому племя свое производить не могли, но набиралися потом к тому числу из гулящих козаков же и из разных родов людей, бродяг, сходцов и беглых, а паче россиян и составляли тем кош и войско свое.

Козакам быть следует точно от славянского народа, алян и роксолян

Следовательно, по вышеписанному описанию, надлежало б им себя прямо называть славянами, алянского роду, а не козарского, так равно, как мы, россияне, от славянского ж рода себя именуем. А если б вести им имя особое, то следовало б называться черкасами, по пришедшим потом в Украйну из черкеской Кабарды черкесами, которые, смесившись с украинцами вообще, проименовались тем именем, коим и доныне еще именуются. Притом доказывает и то, что сходство лица, одежды и несколько жительство, обычай и во многом обряды равные с черкесами имеют. Когда ж черкесы в Украйну пришли и где сначала селились, об оном ниже с точностью объявлено.

ГЛАВА 4

О подлинном начале и происхождении козаков, отколь, с опровержением об них иных мнений, и под какими управлениями в разные времена, как то под российским, татарским и польским, находились и о поселенных к ним, между тем, при Днепре черкесах

О начале звания козацкого

Имя козаков или козацкого народа известно стало с 948 году, так как об них упоминает греческий царь Константин Порфирогенит [16], и что оные жили в нынешней Кабарде, близ Кавказских гор.

О начале и выходе козаков в известные места

Оных предки были выходцы из Египта, как господин тайный советник Василий Никитич Татищев [17] в своей российской истории говорит, и жительствовали в городе Цыркасе; по Христе были в законе христианском; сему свидетельствуют и донц не в Малой и Большой Кабарде запустелые от нашествия и разорения прежде реченных иноплеменных церкви греческого исповедания, каменные и прочие христианские знаки по местам *.

---

* А где именно и в коих местах таковые знаки и доныне там между черкесами в Кабарде находятся, об оном с точностию в книге, сочиненной мною 1758 году, «О Кизлярской крепости» изъяснение описано.

По иному мнению об них же

А по описанию Любенского [18], Кромера [19] и Солиньяка [20], мнят быть козакам и черкесам происшедшим от половцев, как и господин Эмин [21] в российской же своей истории о том упоминает.

Об истреблении печенегов

Из сего рода, как выше объявлено, что половцев с печенегами татары Батыевы до конца истребили, козакам мнится быть уже не можно, а если и от них, то как половцы от готфов, а готфы от цимбров произошли, кои были славяне, языка российского, следовательно, они от славян, а не от иного какого роду.

О неправильном мнении о козарах

Азовская ж история утверждает быть им из рода козарского ж, но тех, кои вышли из Туркестана. Сие мнение автора, по вышеупомянутым обстоятельствам, мнится быть неправильно.

О правильном мнении о козаках. Смотри синопсис о сарматах

Синопсис же российский описует их всех из народа роксолянского и по имени первого того народа татар победителя, Касака, касаками или козаками проименовавшимся. Сие именование имела только некоторая часть сарматского, происшедшего от славянского, народа, от коих в роды живших в здешних местах оное осталось.

Начало времени косаков или козацкого их бытия при Днепре

От сих то точно времян, как то от 948 году, должно верить по выше объявленным обстоятельствам началу козачества быть [22], и от оных лет, когда историки уведомляют, что косаки татар победили, дошли и до здешних мест, следовательно, и оставались тут жительством своим, где, прославившись делами и храбростию своею, стали быть известны не только в соседних, но и в отдаленных местах. Они, как думать можно, по суровости и своевольству своему, жили сами собой и по воле своей тут в диких и пустых местах, а паче около рек, не будучи кому подвласны, кроме начальников своих, и будучи в таком положении своем, делали набеги и нападения на соседов своих

и с тем находились, может быть, с разными удачами, потому как были вольными и независящие кому, сделались после подвласными российским князьям, потом полякам, затем татарам, а иногда и туркам, а после паки России, что все происходило с переменою по тогдашним со владением коловратным обращениям, а именно:

Во время жития и пребывания косаков оных при местах около Бористена, или нынешнего Днепра, и прочих рек, соседственные владельцы, по храбрости и силе их, всемерно искали их дружбы и, ласкаючись к ним, склоняли и приводили к своей стороне, так, как вольных людей, и чрез то будучи в союзе, употребляли их противу неприятелей своих в военных делах. Они, во-первых, сколько известно, состояли у российских князей и им воевать и побеждать помогали и были под их руководством до междоусобной брани великих князей российских, а паче, когда, усилившись, Польша изгнала великого князя киевского с престола, что было в 11 столетии, и, как повествует история польская, тогда король их Болеслав Храбрый [23] и косаков, или, по нынешнему именованию, козаков под свое правление принял и оными границы княжества Киевского от татар и россиян укреплял.

О возвращении Киева под российское владение и о побеждении козаков

Когда ж Ярослав, великий князь российский, в 1018 году не мог снести обиды, поляками ему учиненной за брата Святополка, вознамерился еще изведать своего счастия. Он брата своего и воинственных стражей польских выгнал из Киева и овладел оным городом, потом и многими землями, вдоль Днепра-реки простирающимися, покорил под свою власть косаков, которых прежде больше всех опасался. А брат его, Мстислав, в 1021 году победил косаков и в сражении собственною рукою убил Редедю [24] — славного косацкого начальника, и что смерть его вольный отворила путь во всю Украйну, притом и побеждение им, и после Ярославом в 1036 году, печенег (татар же) [25].

О бытии под российским владением козаков и о нашествии татар на Россию

С оного времени козаки паки приведены были под российское управление; но когда татары (прежде именуемые печенеги, половцы, торки, туркмены, кипчаки и прочим названием, все одного рода) под предводительством хана своего, Батыя, в 1240 году взяли Киев, оный до основания разорили и всю тамошнюю страну опустошили, и был

град оный со всеми облежащими его местами пуст, тогда и козаки отторгнулись от державства Российского и оставались под властию татар, а иногда в своей вольности, даже по неколиких лет Ярослав Всеволодович, князь Великого Новограда, от Батыя * Владимирское и все земли Московского княжения прошением своим принял, тогда начал и Киевом опустелым владеть и прислал для правления в оном воеводу своего Димитрия Ейковича. С сего времени начали остальцы собираться в Киев и в облежащия его места, в том числе и козаки размножаться там же стали и были подвласны российским князьям до времян обобладания Киевом и всем княжеством оным литовским князем Гедимином Витенесовичем [26].

О поселившемся в России черкеском народе

В те самые времена, как господин Татищев в российской своей истории пишет, что «в 14 столетии, когда черкесы в здешние места из Кабарды пришли и в княжестве Курском, под властию татар, собравши множество сброда, слободы населили и воровством промышляли, но для многих на них жалоб татарским баскаком (то есть, губернатором)** на Днепр переведены и город Черкасы они построили», который и доныне на том же месте и тем же званием именуется, состоящий на правой стороне реки оной, ниже города Канева, почему все козачество, да и вся Малороссия, потом черкасами проименовалась, а не козарами ***.

---

* Сей Батый после сего убит в Венгерах от короля Стефана Венгерского в 1247 году.

** Губернатор по татарски назывался баскак.

*** От времени в России Православия Киевские и всея России митрополиты были: первый, с 988 году, св. Михаил — сей при Владимире крестил весь народ российский; по нем был, от 992, Леонтий; потом в 1003 — Иоанн, или Иона; за сим Георгий и Никифор, сумнительные; от 1038 — Феонемт; от 1049 — Кирилл, сумн.; в 1050 — Иларион; в 1071 — Ефрем, сумн.; в 1072 — Георгий; в 1080 — Иоанн; в 1091 — Иоанн; в 1092 — Ефрем; в 1097 — Николай; в 1107 — Никифор; в 1122 — Никита; в 1127 — Михаил; в 1146 — Кирилл и Константин; в 1160 — Феодор; в 1164 — Иоанн; в 1167 — Константин; в 1175 — Никифор; в 1185 — Гавриил, сумн.; в 1205 — Дионисий, сумн.; в 1208 — Матфей; в 1217 — Дионисий; в 1224 — Кирилл; в 1230 — Кирилл; в 1237 — Иосиф: оный татарами в 1240 году убит и по нем в Киеве не было митрополитов по 1415 год, а были от 1250 во Владимире, кои писались Владимирские, Киевские и Всероссийские, потом от 1308 в Москве и писались Киевскими, Московскими и Всероссийскими, по 1441 год; с сего времени митрополия Киевская стала от Московской отдельная и осталась во владении литовского князя Витовта, который в 1320 году овладел Киевом.

ГЛАВА 5

Об овладении, во-первых, литовским князем Волынию, Севериею и самым Киевом, за тем поляками — Краснорусиею, потом польским королем — от Литвы всем княжеством Киевским и о применении им оного в воеводство, и о уравнении россиян с шляхетством польским

Князь литовский, Гедимин, обобладал Киевским княжеством. О учреждении наместников литовских в Киеве

Между сим временем великий князь литовский Гедимин Витенесович, видя российских князей междуусобие, а сверх того и татарскую власть над оными и великого престола российского колебание, получил самый удобный случай, в 1319 году, учинить сильное нападение на юго-западную Россию, завоевал всю Волынию, Северию и наступил, 1320, на Киевское княжение, победил князя киевского Станислава, с русскими и татарскими силами, в 30-ти верстах от Киева, над рекою Ирпенью; на котором бою убиты князья: Лев Данилович Луцкий и Олег Переяславский, а князь Станислав убежал ко князю рязанскому, где и был после князем же. Перешед к Киеву, завладел городом и всею Украйною, лежащею по обеим сторонам вниз Днепра реки, и присовокупил княжение оное к своему владению, учредил во оном наместника первого, племянника своего, князя Миндовга Гольшанского, и от оного времени под управлением разных князей же наместников состояло Киевское княжение под властию литовскою, даже до последнего наместника ж, князя Семиона Олелковича (Александровича)*.

Начало православного християнского закона в Литве

Во дни ж оные, как то от 1330 года, Литовское княжение начало просвещаться святою верою православною, когда Олгерд[27] князь взял в жену християнку, Марию, дочь тверского князя Михаила Александровича, ея же ради и крестился. С сего времени стала быть Литва вся закона греко-российского.

---

* Оный князь церковь Печерскую, Успения Пресвятыя Богородицы, после Батыя хана разоренную и впусте находившуюся 250 лет, основал в 1470 году, в которой по смерти его и погребен, и положен в сделанном им гробе.

Польша обобладала Краснорусиею

С другой стороны поляки в 1340 году завоевали всю оную часть России, которая Краснорусиею именовалась, простирающаяся от Малой Польши и Литвы до Днепра. Оная подала повод, что многие в тех странах обитавшие россияне, боясь чужой власти, принуждены были оставить свои жилища и поселиться на нижних рек Днепра и Днестра местах.

Польский король Казимир IV [28] *отобрал Киевское княжество от Литвы и оное на воеводство переменил и с польскою шляхтою сравнил жителей*

Потом число сих новых переселенцев еще более умножилось тогда, когда татары в 1415 году вторично напали на Киев и тамошние места разоряли, а когда король польский Казимир IV, отобравши область киевскую от Литвы и приняв под польское управление, тогда с начала, по смерти князя Семиона Олелковича, определил быть в Киеве воеводою литвина Мартына Господу. Но потом оное княжество или область в 1471 году на воеводство переименовал и всю ту Украйну (по слову польскому «край», по положению своему на границах) разделил на поветы (уезды), и уже из россиян, живущих там, учредил воевод, каштелян, старост, судей и прочих чиновников, и многих российских людей честию и вольностию польским чиновникам и шляхте соравною и привилегиею своею утвердил, и оное учреждение наследникам своим под присягою подтвердил. Которое установление и потом свято и нанарушимо при постановлении и короновании новых королей подтверждалось и содержалось 1-м Ягелою, 2-м Владиславом Ягеловичем, 3-м Яном Олбрахтом или Албрехтом, 4-м Александром Казимировичами и прочими королями.

«Во оныя времена козаки жили и на островах, Днепром окруженных, и были настоящие морские наездники, имеющие пропитание свое от набегов»: так говорит об них история польская.

Какое ж поведение в обществе их жительством состояло и какой у них был уставленный между собою обряд, как равно потом и в самой Сечи было, об оном в следующей, в восьмой, главе сего повестия описуется *.

---

* По отделении Киевской митрополии от Московской были митрополиты Киевские и Малыя России: 1 от 1415 году Григорий Амалук или Цемивлак, низвержен от 1418, Герасим, сожжен от поляк в Витебске, от 1442, Григорий, низвержен от 1443, Спиридон, низвержен от 1474, Михаил или Мисаил, от 1477, Симион, от 1482, Иона Глезна, от 1490, Св. Макарий, убиен от татар 1496 году, которого мощи и доныне в церкве Софийской наружно преопочивают, от 1497 Иосиф Салтан, жил в Вильне за частыми от татар в Киеве нападениями.

ГЛАВА 6

О цветущем состоянии россиян, живущих в понизовых местех по Днепру, и о приумножении их тамо чрез защиту вблизи их живущих козаков, и навычке их от них козаковать и быть храбрыми. О родившейся за то на них зависти от поляк и о удалении чрез то от оных, и о новом их поселении в низ между рек Бога и Днепра. О первом гетмане и о собрании им украинских людей и названии козаками

О довольном и избыточном жительстве с приращением людей в Украйне. О приобучении себя украинцы козачествовать

Со времени ж установленного в Украйне воеводства Киевского и всего учреждения во оном порядочного правления, со уравнением живущих тут жителей чинами и честию противу польских чиновников и шляхетства были россияне оные весьма довольны и правление свое начальники исправляли порядочно, так что всякая служба производилась с успехом, и устройство общее было с приращением. От чего все жители, да и самые пахари, ни в чем нужды, кроме всякого довольного избытка, не имели; почему и находящиеся тут в соседстве их козаки жили с ними в добром согласии и делали им еще всякую защиту и оборону от набегов татарских и прочих народов, чрез что не только спокойное и безопасное житие, но и приращение у себя в людях возымели. Сим пребыванием своим и по всегдашнему сообщению с козаками украинцы, а паче к ним ближайшие, навыкли и научились козацким военным обрядам, сообщались с ними также в разные подъезды и противу неприятелей мужественно вооружались, чрез что делали к спокойному пребыванию Польше немалые услуги.

На цветущее состояние зависть поляков, от чего удаляются украинцы

Шляхетство польское, завидуя пребыванию и жительству оных, живущих в изобильных местах, не уважая о пользе государственной, происходящей от них, начали по малу к ним вселяться и тем чинить им утеснение, что видя, народ оный принужден был к отшедшим прежде своим землякам отходить.

Сии отшельники распространялись по малу далее на низ по рекам Бога и Днестра и по всей оной еще пустой стране, которая находилась между сими реками и Днепром; ради ж защищения от беспрестанных набегов и нападений татар завели они у себя воинское

учреждение и построили себе селения. Из них молодые и смелые ходили летом для промыслов своих по необитаемым местам и чинили, между тем, татарам и туркам немалые досады. Они, таким образом, и были Польше и Литве как ограда и щит против оных неприятелей.

За возмущение Польшею татар на Россию обращено на них самих

Точию за чинимые озлобления тех людей и козаков татары на счет полякам поставляли, почему хан крымский Мингирей [29] повоевал почти всю Подолию, а 1483 году, что было во время того ж короля Казимира IV, который возмущал того хана всячески на Россию, обращен дружеским советом российского великого князя, Ивана Васильевича [30], на Польшу, и оным взят, попленен и выжжен весь город Киев со всеми его околичными местами, как об оном свидетельствует российская Степенная книга [31], да и том, что в 1491 году, когда восстали было на того крымского хана ордынские цари, Махмет и Шиахмет, тогда великий князь, Иван Васильевич, послал на помощь к нему немалое число своего войска и козаков, чрез что ордынские цари от Перекопа отступить и возвратиться восвояси принуждены были. Сей случай доказывает нам, что от времени владения сего великого князя козаки также в повелении и в службе российской были.

Татары ж, по недоброхотству к ним польской и к России, а паче за услугу российскую, что вспомоществовала им своим войском, не преставали нападать на владения польские, как то и в 1496 году на Киев, и чинили немалое опустошение вокруг оного, даже и потом — почти до 1500 года.

Гетман Дашкевич [32] первый собрал войско в Украйне и назвал их козаками

Напротив чего в самом начале 16-го столетия один из украинских жителей и уроженец города Овруча, именем Дашкевич, назвавшись гетманом, собрал несколько одноземцев своих, наименовав их козаками, именем от татар заимственным, вооружился с ними против татар и нападающих на границы украинские, жестоко поражал и с добычами из Польши и России бегающих ловил, и в учрежденные места их отсылал, за что в 1505 году, в награждение той службы козачей, испросил от короля польского Жигимунда Первого [33] земли в Киевском и Брацлавском воеводствах для пространнейшего поселения сих воинов.

ГЛАВА 7

О приласкании и привлечении польским королем к украинским отшатившихся от Польской державы людей и о приобщении к оным самоохотно низовых козаков, и о их услуге и защите от татар, и о пожаловании им за то вновь земли привилегиею о вольности с преимуществом

Король польский новых украинских козаков за услугу их пожаловал многими преимуществами

Король польский Жигимунд I, как премудрый и сильный государь, под которым правлением тогда кроме прочих областей Пруссия и Молдавия состояла, почел и ту козацкую ограду за свою и целому государству польскому пользу и ради таковых их удальствов не хотел оным россиянам нимало в их военных действиях препятствовать, но старался еще, наградя их, тем более к службе той приохотить и удоброволить и завести между ими лучший порядок. Он на тот конец в 1506 году при даче им земли, как выше сказано, одарил их вольностями и разными преимуществами и на то привилегиею своею им подтвердил со всеми теми выгодами, каковыми жалованы были от времени Казимира IV, короля польского ж, то есть от 1471 году, живущие в русских княжествах народы, и тем более привлек их к своей державе.

К украинским козакам приобщились и отшельники, навыкшие ж козачеству, под гетманское правление отдались

Сему поревновали отшедшие низовые козаки: они стали приобщаться к украинским и отдавались под гетманское правление и, по навычке к воинским делам от татар, делали вообще великие услуги Польше. Они отовсюду охраняли их неослабно и везде мужественно себя оказывали: очистили от татар занятые в близости их места и тем довели так, что спокойно можно было всем около вновь построенных городов Брацлава, Бара, также Киева и прочих мест хлебопашество, торги и всякие промыслы производить, чем себя довольно прославили.

Сею козацкою навычкою сии украинские жители, во-первых, как проименовались черкасами, от черкас, бывших у них, за прошествием многих лет стали о себе думать, будто б они и произошли от козацкого роду поколения козар, и потому якобы были люди вольные, оставляя то, что они прежде были великих российских князей поддан-

ные и одного российского, то есть славянского или каких иных вольных людей, поколения.

В Киеве ж от 1511 году первым воеводою был, королем Жигимунтом I определен, Андрей Немирович, и по нем многие были воеводы, как значится именами в Синопсисе киевском *.

ГЛАВА 8

О бытии над козаками, по славе об них, гетманами из знатных польских вельмож. О созыве ими вольного охочего войска козацкого и для отомщения татарам и о составлении некоторыми из них коша при днепровских порогах. О победах козацких над татарами и защите их Польши. О зависти на них от польского шляхетства и о приселении оных к ним в Украйну. О удалении козацком от оных и о переходе некоторых от Днепра, из города Черкас, на Дон. О призыве Республикою Польскою из Заднепра и понизовых мест козаков к своему союзу с обязательством содержать их на своем жалованье и о придаче им еще земли

2-й гетман князь Лянцкоронский

По произносимой славе о храбрости украинских козаков, не гнушались уже быть при них и из польских знатных вельмож гетманами, как то, после Дашкевича, был из числа знатнейшего польского рода князь, именем Предслав Лянцкоронский, староста Каменецкий.

Король польский воюет противу России. Татарское пленение Польши. Козаки пленят татар. Козакам в прибавку за услуги их от короля жалуется земля ниже днепровских порогов, и наименованы все запорожскими козаками

Во время которого, в 1516 году, воевал польский король, Жигимунд Первый, противу Росии и пошел в оную. В то самое время хан крымский, Менгли-Гирей, видя удобное время, не храня утвержденного между собою с Польшею мира, послал во оную свою орду и пленил огнем и мечом города и селы и побрал множество плена и по-

* В сии времена начало года счислялось в России по церковному положению, с сентября 1-го числа, по 1700 год.

житка, кои возвратились паки в Крым безвредно. Король, извещен будучи о таком вероломстве ханском, тотчас, чрез гетмана Лянцкоронского, созвал вольного охочего войска из козаков, украинцев, так же и поляк, упрося оных, послал под татарский Белград, Акерман то ж, которые так же там повоевали и забрали множество корысти, а на возвратном их пути турки и татары на них напали, сделавши с ними брань велику, но Лянцкоронский, тем войском своим перемогши их, разбил и прогнал. Он выпросил от короля за ту услугу козацкую, в прибавок им к прежней, по Днепру ж на обои стороны и ниже до порогов * землю, на которую те козаки, кои там промышлять хотели, переходили, и на то данным от короля универсалом подтверждено, и наименованы они обоих сторон реки Днепра все вообще запорожскими козаками, почему гетманы их с оного времени и титуловаться титлом оным стали; которые ж бы пожелали пребывать безысходно ниже порогов и жить там, тем бы состоять платежным, когда без найму волею на войну ходить будут.

Обряд козачий в Запорожье

Почему те вольно служащие козаки начали иметь там ниже порогов свой кош, то есть стан, и вели житье свое весьма суровое: они голод, жажду и всякую нужду, как равно зной, слякоть, дождь и все воздушное пременение без роптания сносили. Пищу имели житное тесто квасное, иногда маловареное, и тем себя насыщали и довольны были; а когда случалось с рыбою, что называли щербою, то за найлучшее кушанье поставляли. Жительство их было в коливах, то есть в шалашах и куренях; по величине оных в них и число людей находилось, как то от 50 до 100 и более; всем пища была выше объявленная, одинакая. Они имели над собою одного главного кошевого атамана и в каждом курене по одному, из старших козаков, куренному атаману ж и таких, которые бы в воинских делах искусны, как равно и кошевой, были, тех почитали и повиновались им так, как вышним начальникам своим. Но и старейшинам их жить с опаством с ними было должно: ежели б кто чем-нибудь оскорбил их напрасно, тотчас предавали поносной смерти или скинуть по состоянию вины с начальства. Воровство и блуд не терпели, и если б кто хотя мало, как то путо, или плеть, у них украл, повешен тот на дереве будет. Одежда у них была одна или две, а не более; со времени ж их воевания в турецких и татарских землях обогатились зело и изобильны сделались всякими потребностями, как то разным оружием, рушницами, флинтами (ружьями), гарматами (пушками), самопалами, саблями,

* Оных порогов состоит числом 13, которые ниже устья реки Самары, впадающей с левой стороны в Днепр, занимают не малое пространство, как то версть на 50.

панцырями (кольчугами), обухами (насеками), сагайдаками (луками), стрелами, списами или пиками (копьями) и прочим, чем действовать и упражняться так искусны были, что никакому воинскому народу по тогдашнему не уступали. Число оных козаков никто исчислить не мог, да и сами подлинного числа знать не могли, но только и знали, что сколько их конных, столько и пеших к делу быть должно, ибо сколько в околичных местах людей находиться будет, столько и козаков у себя считали. К собранию ж сил их только бы повестку сделать, чтоб в полки собирались, то тотчас, сколько потребно, воинство собиралось; не было нужды с трудностию собирать, так, как в иных войсках бывает, и не имелось надобности великого найму обещать; лишь бы только старший слово сказал, тотчас войска, как травы, будет. Как в одно время на вопрос турецкому султану, когда желал ведать количество сил их, отвечали, что «у нас, де, людей, что лоза, то козак, а где крак или байрак, то по сту и по двести козаков тамо, и все те на войне храбры», и притом приписали, что «козаки богатство вельми мают, хитрость и храбрость довольно знают».

О удальствах козачьих подтверждение

Об оных козаках упоминает своим описанием и господин вице-адмирал Корнелий Крейц [34], что «они до времян польского короля Стефана Батория в разбоях и грабежах не многим лучше диких татар были и что не только на Черном море брали суда, но и на сухом пути храбры и жестоки были, как то, кроме сел и местечек, умели осиливать не малые города, чем себя весьма прославили».

Татары чрез поляк делают нападение на Россию, но с неудачею. Хан крымский взял Астрахань и сына своего там воцарил

Всегдашняя непримиримость польская к России привлекла крымцев на свою сторону; она довела, что король Жигимунд Магмет-Гирей хана привел к тому, что он, наруша прежде установленное с Россиею союзство, начал войну противу великого князя Василья Ивановича, и хотя он обще с поляками, с черкесами и татарами своими троекратно делал на порубежные места московские нападения, но во всякой опыт свой с жестоким уроном прогоняем был. Хан, видя в том неудачу свою, вознамерился в ином месте успех свой сыскать. Он обратился на Астрахань и оной взял, и в нем сына своего калгу (наследника), султана Батыря, на царство посадил и с тем в Крым возвратился, где вскоре потом от своих же убит, что было до 1522 году. Так о сем извещает Степенная книга.

3-й гетман князь Димитрий Вишневецкий

После Лянцкоронского имели козаки гетмана князя Димитрия Вишневецкого.

4-й гетман князь Евстафий Ружинский

Потом — князя Евстафия Ружинского. Сии два гетмана также многократно со оными козаками противу турок и татар воевали и всегда весьма счастливо побеждали и области их разоряли.

В 1526 году Польша с Россиею на 6 лет учинила перемирие, по прошествии коего паки началась война.

5-й гетман Венжик Хмельницкий

После князя Ружинского был у них гетманом, из польского шляхетства, Венжик Хмельницкий, который в 1534 году с козаками много Орды, в Польшу нашедшей для грабежа, под Заславьем на Волыни побил.

О приселении поляк ближе к украинцам и об удалении от них оных

Но поляки, воображая себе, что Украйна их отчина, а живущие в ней люди — удалившиеся от них к козакам подданные и совершенные холопы, начали того для усильно в жилищах их вселяться и в работы свои их употреблять, и к оному повиновению, наконец, усильно принуждать. А как народ сей считал себя, по данной им вольности, быть от таковых работ свободным и по навыклости уже своей к козачеству, а не к холопской работе, не хотел входить с поляками в ссору, то стал еще удаляться от них и уходить в пустые и нежилые места и в степи, для спокойствия своего и свободности. Они упражнялись в новых местах сначала, по новости своей, рыбными и звериными ловлями, потом, по умножении их, обще с козаками, бусурман разбивали и грабили, что и делали весьма удачливо.

Донские козаки царю в подданство приходят

Живущие в городе Черкас черкаские козаки, которые чрез умножение свое и прибывших к ним украинских людей и обселившихся уже вокруг их умножались так, что промыслы их им уже недостаточными казались, и для того вознамерились распространить и поселить

себя далее. Чего ради, где были еще им известные, впусте лежащие, а им для промыслов способные, места, заняли, а паче такие, кои ближе к морю находились. Перешед сего ради несколько их и к реке Дону, там стан свой, к промыслу против турков и татар, утвердили, чему соответствует в родословной татарской истории ремарка о козаках, живущих в стране, как татары именуют, кипчатской, тоесть на землях, лежащих между рек Дона и Днепра, и утверждает, что, «когда татарская сила начала упадать, то козаки, видя, что россияне начали явно противиться татарам, также напали на них своими силами, а при сем случае поселились они на берегах реки Дона, где и поныне пребывают. Когда потом царь Иван Васильевич начал быть славен, то донские козаки добровольно поддалися России в 1549 году *». Также господин тайный советник Татищев в российской своей истории пишет, что «в царствование царя Ивана Васильевича с князем Вишневецким черкасы на Дон в 16 столетии перешли и, там поселившись, город Черкаской построили **». Сему в подтверждение ядро российской истории объявляет, что «в оное время князь Димитрий Вишневецкий, приехав из Литвы к Моćкве, принял службу у царя Ивана Васильевича».

В подтверждение выше писанному о службе Вишневецкого

В согласность сему уведомляет и Степенная книга, так, что в то время, когда «князь Димитрий Вишневецкий пришел служить государю, тогда, повелением государевым, шед у крымскаго царя, в 1557 году взял город Исламкермен и людей побил, и пушки вывез к себе на Днепр в свой град. Царь же крымский с сыном своим и со всеми людьми крымскими, пришед на князя Димитрия ко граду его на Хордецкой, ныне называемой Хортицкой, остров, и, стоя у него 20 дней, брань велию творя, и отъиде с срамом, многие люди его побиены быша».

О крымском намерении на Россию и о пленении на возвратном их пути. О нападении и пленении татар Вишневецким

По сем в 1559 году, та же Степенная книга извещает, что когда крымский царь послал сына своего, Магмет-Гирея, с крымскими и ногайскими людьми в числе 100 000, с тем, чтоб тайно прийти, напав-

---

* О точности сего вписано в истории, мною сочиненной, о донских козаках, 1778 году.

** Сей город построен при реке Доне на острову, как уповательно, на том, о котором Страбон, а по нем и Азовская история, именуют Алопекия или называемый Лисий остров, который, де, в расстоянии от Азова вверх по реке во сте поприщах, что составляет около 50 верст, как оно есть и ныне.

ши, повоевать российские порубежные города, думая, что царь и великий князь находится с войсками своими в Ливонии на войне противу немцев, но, не дошед за два дни до Украйны московской, чрез пойманных на речке Мече, пяти человек рыболовов, уведомлен, что царь сам на Москве и войско его немалое по порубежным городам находится в готовности, возвратился сего для поспешно назад. Но российские воинские люди, видевши их бегство, рассеявшихся татар многих, по разным местам, побили и в полон побрали, при том более 15 000 лошадей в добычь взяли и к государю отослали, тогда и князь Димитрий Вишневецкий крымцев же, следующих до Казани, на Айдаре, близ Азова, многих побил и 20 человек, взятых в плен, к государю отослал.

Уверения о козаках, что они были все подвластны России по 1562 год [35]

По всем сим, а паче ниже писанным, обстоятельствам ясно видеть можно, что большая часть или и едва ль не все украинское козачество по 1562 год под властию российского царя состояло, потому что как сухопутно, так и реками Доном и Днепром и на Черном море, без всякого помешательства козацкого проходя войска российские, крымцев воевали, как то, та самая ж Степенная книга объявляет следующее, что «воинство государево велением его ходиша морем на крымские улусы и под Ачаковым корабль взяша, и турчан и татар побиша, и живых взяша, и пришедше на Чулу остров на море, и ходиша морем 20 дней в малых челнах, а не в кораблях, пособствующи им богу, и на протоцех другий корабль взяша и с людьми, и приидоша на крымские ж улусы, на Ярлагаш остров, и там многие верблюды и стада конские поймаша и побиша, и оттуда придоша на улусы, на седящие люди, на Кременчик да на Кошкарлы, да на Когольник, за 15 от Перекопа, и Божиим пособием повоеваша многие улусы, и многих людей побиша и живых поймаша. Прочие ж татарове крымстии, собрашеся, приидоша на них, и сами безбожни побеждены быша от русскаго воинства, и оттудова государево воинство приидоша на Озыбек остров, здраво Богом хранимы. Царь же крымский, с ним же дети его и князи, и мурзы, собрався, пойде за ними; они же приидоша с моря под Ачаков на усть Днепру и Божиим промыслом здравы со всеми и с пленом с крымским и русским, и с литовским, которых отплениша во улусех, турских же людей, их же взяша на кораблех и на перевозех и всех тех отпустиша в Ачаков, понеже с турским русский государь в дружестве и воевати улусов его не велел».

О торжественном принятии Польшею в свое союзство понизовых козаков

Таковое воевание, как то — по морю на крымцев, без сомнения, не от самих одних людей московских, но всемерно и большею частию от козаков, живущих на Дону и при днепровских порогах, происходило, тем паче, как им все следы татарски и хождение по морю в лодках и челнах довольно известны и изобычны были, для чего и суда таковые мореходные у себя всегда имели, а московскому войску за отдаленностию оных иметь, и за необыклостию их тогдашней, не можно было. Чрез каковые дела и храбрости козацкие Республика Польская весьма нужду возымела к сохранению своих границ, видя их расширение, и что удаляются они не малым числом, привлещи их паки к своей области, потому что «они могут быть им всегда полезны противу татар,— как о том польский повествователь уведомляет,— еще и противу россиян, которые начали тогда быть страшны во время царя Ивана Васильевича [36], постарались призвать из оных многих из-за Днепра и прочих понизовых мест к своему союзу, и приняли их торжественным образом в свое покровительство на некотором сейме, бывшем 1562 году, обязались еще им платить ежегодно, дабы оные могли содержать нарочитое число своего войска и готовы быть к защищению Польши; да и отдали им все пространство земель, которое лежит между реками Днепром и Днестром к татарским границам, кои были без них опустошены татарскими нападениями, дабы они там поселились городом, в котором бы им собираться всем обще. А как страна оная была весьма плодоносна, то козаки оные приложили старание привесть в состояние доброту своей земли так, что в короткое время на всей оной земле построились многие и немалые города, также сел и деревень премножество, а старые и вновь возобновили, словом, Украйна оная от того времени стала почитаться за найлучшую часть Польши».

В сие то время козаки всемерно, по вышеписанному дозволению, во-первых, город себе Чигирин поставили, как то при самой почти границе от татар, и тем утверждали и защищали всю Украйну свою, а потом уже в оной близ границ же и прочие города построили.

Из числа сих людей был некто славный наездник и сильный воин, именем Бируля Мадский, который первый сделал в 1568 году января 18-го числа с козаками сильное нападение на войско московское. Так малороссийская летописная записка гласит.

О пожаловании от короля козакам на вольность и преимущество их привилегии

По таковому в Украйне оной козацкому изрядному обселению, которое для Польши от татар нужною оградою учинилось, ибо чрез то козаки во всякое время почасту набегам татарским отражение делали, в чем усмотря король ту для государства полезность, на прошение козацкое и всех живущих тамо людей украинских о подтверждении прежде данных им вольностей и преимуществ пожаловал им польский король Жигимунд Август [37], сын Жигимунда I-го, в 1569 году декабря 23-го дня, на все их прежние вольности привилегию, так равно в оной между прочим написано: «все достоинства и чины, когда на вакации будут, обывателям в земле киевской оседлым и звания шляхетского, отдавать», чем и были жители сии довольны.

Какими ж вольностями и преимуществами, именно от 1471-го и до сего, 1569-го, году, королями польскими жалованы были княжества русского все живущие на оных землях русские люди, и в том привилегиями им утверждали, тому в окончании сего летописного повествования особо прилагается выпись из книги польского Статута прав и конституций коронных.

6-й гетман Сверговский

Во время ж польского короля Генриха [38], после Венжика Хмельницкого, был гетманом козацким из шляхтичев Сверговский, который в 1574 году с господарем волоским Ивониею [39], по приглашению его, с 1400 козаков, по четырнадцати счастливых над турками победах, от турков же, окруживших их при Волошах в Молдавии, убит со всем войском своим.

За сие скоро козаки туркам отомстили, ибо в 1575 году посланы были от киевского воеводы из Черкас и Канева челнами Днепром на Орду и, напавши на них, много побили и, в плен взявши, возвратились к своим с корыстьми, коим был предводителем Богданко.

Точию татары, напротив того, собравшися множественною ордою, под предводительством трех султанов и семи сыновей крымского хана, вошли к ним подале, людей множество пленили, а города и села не мало пожгли и разорили.

7-й гетман Богданко

Не умешкали и козаки татарам оплатить, когда в наступивший год, 1576, вошли за Перекоп с вождем своим Богданком, также землю их огнем и мечом повоевали, за что и был он потом при них гетманом роду шляхетного.

В те самые времена, по объявлению самих запорожцев, козаки, когда их уже довольное число и вольность их была не ограниченная, езжали всегда, для добычи своей, не только сухопутно в турецкие области, но и водою по Черному морю, и так отважно, что не препятствовали им ни учрежденные от турок заставы, ниже самой Бористен, что ныне Очаков, умели брать находящийся при Черном море татарский Белград (Акерман то ж), Килию, Измайлов и другие зáмки и за Дунаем знатный город Варну, турок в них порубили, добыч взяли, а городы разоряли, потом на лодках своих, называемых думбасах и стиорнах, так далеко по Черному морю заезжали, что и близ Цареграда были и многие при оном море лежащие на берегах местечки, села и деревни разоряли, и частые сшибки водяным и сухим путем с турками и татарами удачливо имели, и получили в те времена сверх прочей добычи своей 100 медных пушек.

Если кому сумнительно покажется, чтоб козаки так далеко в чужое государство морем въезжали и чтоб столь отважны тамо были, то в справедливости оной уверить нас может российская история, что и прежде сего, во время великих российских князей, до Цареграда вооруженною рукою россияне доезжали и в области тамошней воевали, как то при Рюрике в 864-м, при Олеге — 906-м, а во время Игоря Рюриковича в 931-м и 944 годах.

О названии имени козаков от чего

Еще не объяснялось от чего у татар имя козаков проименовалось. Козак на их языке значит воина, легко вооруженного, который более наездом, нежели регулярным нападением неприятеля побеждает; значит же и такого, кто на войну нанимается и кто голову бреет.

Россияне, бежавшие от литовского и польского владения, как выше сказано, поселилися в оные жилища, где татары жили, и приняли все татарские обычаи и так стали такими, какие были татарские козаки, коих не малое число находилося между тамо бывшими татарами, и оттуда завелося звание козаков российских, кои жили в полученных от польских королей, Казимира IV и Жигмунда I, местах в вольностях и во всяком изобилии до смерти потом бывшего короля Стефана Батория [40], а со времени антицесаря его, короля ж Сигизмунда III, пресечены у них все благо учрежденные вольности.

8-й гетман Иван Подкова

Но как в оные времена слава о козаках запорожских распространилась во многих и во отдаленных местах, в то время находился между оными в козаках же воложского господаря, или князя Ивония, брат, именем Иван Подкова, прозвавшийся сим прозвищем по-

тому, что он якобы столь был силен, что ломать мог руками конские подковы, так об нем, между прочим, малороссийская летописная записка повествует. По славе и такой силе его козаки, по гетмане своем Богданке, в 1577 году выбрали себе гетманом; волохи ж, будучи огорчены от своего господаря, Петра Воеводы, того Подкову зная яко одноземца своего и ведая о его славе и храбрости, призывая, просили на место того князя Петра, чтоб был у них господарем в Молдавии. Он не отрекся от сего и пригласил с собою славного ж по себе козака Шаха, который потом был на место его гетманом. Они взяли с собою довольное число отборных козаков и, вступя в 1577 году в Молдавию, согнали с княжества оного Петра Воеводу, вместо которого сел на господарство Подкова; воевода ж Петр, призвав несколько турок, ополчился на Подкову, но он с козаками своими победил турецкую силу и прогнал их из княжества оного. По некотором же времени паки Петр пришел с немалым числом турок, противу чего Подкова так же с козаками, сразясь с ним, разбил и так, что едва Петр с малым числом людей убежать мог. По таковым обстоятельствам Иван Подкова предвидеть мог, что и впредь такие ж нашествия на него быть могут и чрез то на господарстве молдавском не укрепится; сего для оставив свое княжество и вышел с козаками в Подолию с тем, чтоб возвратиться по-прежнему в Украйну; но поляки, уведав о сем, лестию его взяли и отослали в Польшу, где, осудя, велели, как возмутителя соседственных народов, казнить его смертию, отсечь ему голову, что и учинено в городе Львове 1578 году; тело ж его козаки взяли и погребли с честию в монастыре Каневском; за который польский поступок козаки жестоко на них озлились и всячески угрожали отомстить им за оную обиду.

9-й гетман Ион Петрижицкий

Между сим временем, доколе были Подкова и Шах в Молдавии, как малороссийская летописная записка означает, якобы был при запорожских козаках гетман Ион Петрижицкий.

•

10-й гетман Шах

А потом вскоре помянутый козак Шах гетманом стал. Сей многажды нападал и побеждал волохов за смерть Ивана Подковы.

Польша, слыша о роптании и возмущении козачем, тотчас послала к ним, а паче к низовым козакам, своих дозорцев и комиссаров для усмирения их; но они приняты ими не так, как полякам хоте-

лось, злясь за Подкову, что лишили их такого воина, который им весьма надобен и татарам страшен был *.

Стефан Баторий в царствование свое, в Малой России, на восточной стороне Днепра, при реке Сейме, впадающей в Десну, на левой ее стороне, построил город, так, как в отчине своей, и назвал оный, по прозванию своему, Баторин, ибо в сих местах тогда козаков поселенных еще не было; ныне ж оный город Батуриным именуется.

---

* От 1516 году был в Киеве митрополит Иона.

От 1526 году митрополит был Иосиф.

Митрополитами были в Киеве от 1538 Макарий, а от 1556 Селивестр Вилкевич, или Белкович.

От 1568 году в Киеве был митрополит Протасович.

С 1577 году был в Киеве митрополит Илия Купа, а с 1578 — Онисифор Девочка, отрешен 1589 года за двоеженство.

С 1589 году был митрополит Михаил Рогоза, сей низвержен за соединение с римлянами в 1596 году; с сего времени Киевская митрополия вдовствовала 25 лет, то есть до 1621 года, не имела православных митрополитов, а были польские бискупы, из коих знатные суть двое из польских шляхтичей — Ипполит Поцей и Рафаил Корсак.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 9

О порядочном учреждении козачьего войска польским королем Стефаном Баторием с их урядами и о пожаловании на то им клейнотов; преимуществ, городов и земли на обоих сторонах реки Днепра, с увольнением от всяких поборов

О прибывании к украинским козакам 10 000 козаков же и о порядочном учреждении их с придачею им начальников и клейнотов

В оном 1578 году скончался польский король Хендрик, на коего место поляки, призвавши семиградского князя Стефана Батория, возвели на королевство. Сей государь, принявши царство и возшед на престол, вознамерился вооружиться на Россию, но чтоб, во-первых, укрепить свои пределы от всех татар бесарабских, то есть буджацких, белогородских и крымских, которые тогда наиболее страшны для Украйны и Польши были, набрал сего ради в добавок к прежним козакам изо всей Украйны выбранных 10 000 человек козаков же и оных порядочным войском учредил, определил им из них же гетмана титулом с обоих сторон Днепра Войска Запорожского и пожаловал ему бунчуг, булаву и печать, с вырезанием на оной стоящего рыцаря с самопалом и перекривленным на голове колпаком и рог пороховой при бедре, в гербе; также установил войсковую старшину, по гетмане — обозного, судью, писаря, есаула, хорунжего, потом полковников, сотников и атаманов; дал гетману полную власть, чтоб суды, расправы и наказания делать, также в чины и начальники по войску своему производить; притом дал для гетманского пребывания и войска его выше прежнего козацкого города Черкас, город же Трехтемиров * с монастырем и с принадлежащими тамо землями, даже до

* Сей город состоит на правом берегу Днепра в десяти милях ниже Киева, а выше городов Канева и Черкас.

складного козацкого ж города Чигирина и до порогов и за Днепр на восточную, то есть по течению той реки, по левую сторону, и вдоль оного вниз на 10 миль, для жительства их; уволил их притом от платежа акцизов и податей. А как большая часть их состояла из пеших, то придал им 2000 рейтар и жалованье из своих доходов определил, что все утвердил им грамотою своею. Пушки ж и всякие военные орудия и снаряды, воюя турков, сами б доставали; велел им содержать стражу от татар около порогов, куда и определено было 2000 человек, чрез что и кош, то есть стан или городок Сеча, там утвердилась [41].

Рукописная ж малороссийская история уведомляет, якобы в жалованье козакам давано было каждому в год по червонцу и шубе. А поляки пишут, что «король оный, Стефан Баторий, присоединил козаков тем к своей державе, что пленил их своими благодеяниями и показал им пристойнейшую и благополучнейшую жизнь, и превратил их в войско, состоящее из сорока тысяч человек, и расположил оных в нижней Подоли и нижней Волыни, дабы защищали Польшу от россиян и татар — природных неприятелей оной».

Число 40 000 козаков, конечно, не с начала установления оных было, но тогда уже, когда они, по ниже писанным причинам, вооружиться за свои обиды противу Польши принуждены были, и, оное число увидевши поляки противу себя, приписали на короля Стефана Батория, яко на виновника начала их. Ибо «к ним присоединил он и переведенцев, дабы населяли и вспахали ту землю, которую называли Украйною. Из числа великих дел, учиненных Стефаном Баторием, есть сие почти найлучшее, ибо он привел чрез то польские пределы в безопасность, умножил войско и такую непаханную землю учинил для Польши плодоносною, которая стала после изобильнейшею во всем свете».

11-й гетман Скалозуб

По гетмане Шахе козаки имели из шляхетства гетмана, именем Скалозуба; оный на морском с турками сражении убит.

Выше упомянутых же гетманов сами короли польские, властию своею, а не избранием, вольными козацкими голосами поставляли.

Козаки имели многие брани с татарами на земле, а с турками на море, как выше значится, и всегда победителями их были. А остающиеся в домах своих жили весьма изобильно и, простирая промыслы свои со избытком, даже так, что из оного поляки весьма оком завистным на то взирать стали и всячески возжелали лишить того имущества и цветущего их состояния, и чем они награждены были, внушали иногда самому королю, что сколь они опасны со временем для целой Польши быть могут, и доводили тем, чтоб всемерно их искоренить, для чего и были от Польши подсмотрщики к ним определены.

О сем короле италиянский писатель Григорий Летий в истории

о жизни папы Римского Сикста V между прочим упоминает, что Стефан Баторий во время царствования своего завоевал княжества по России: Смоленское и Свевское *, а когда султан турецкий в 1584 году требовал от него, чтоб он, по древнему обычаю, дал ему на помощь противу персиан несколько числом войска, отказал ему следующими словами: «Польский белый орел, который, стоя долгое время, без перьев и без сил находился, ныне возобновился юностию своею и оперился, как равно нос и когти уже отвострились, и за тем не можно». И так по такому его отважному отказу и по прославившейся его храбрости, уповательно турок не отважился тогда Польшу под свой меч приклонять так, как он прежде сего неоднократно делывал.

Сей король царствовал на польском престоле около девяти лет: скончался 1587 году. На его место поляки призвали из Швеции королевича Сигизмунда [42], сына шведского короля Иоана, которого поляки, возведши на свой престол, наименовали его Жигмундом III; оный царствовал в Польше 44 года.

ГЛАВА 10

О первоначальном притеснении козакам от поляк чрез применение ими, в оскорбление всем россиянам, закона греческого в униатскую религию и о восстании козацком за то на поляк

Когда король Стефан Баторий скончался, то по смерти его и по восшествии на польский престол короля Сигизмунда III все бедствия на козаков и украинских жителей восстали: поляки непрестанно магнатов своих возмущали и самому королю внушали, что могут великие и бедственные следствия от их козаков произойти, и наклоняли на то, чтоб их угнести и уничтожить, описывая их силу, храбрость и отвагу, почему могут опасны и вредны быть всей Польше. Слыша сие король, что дела их происходят весьма отважные и смелые, предвещая, сказал на то: «По сему предвидеть можно, что будет от сих удальцов, и посполитство их вольное, то есть, что и пахари все ополчатся».

О польских налогах козакам и о нападении козацком на Польшу. О начале установления унии в Литве и в Украйне

Тогда-то поляки начали усильно домогаться делать козакам под разными видами всякие наглости, налоги, обиды и притеснения и тем восхотели их привесть под свою волю, что продолжалось с разными

* Северское?

действиями не малое время. Наконец, по нестерпеливости, огорча, козаки сделали между собою заговор и, вооружась, вдруг в 1587 году напали на Польшу и отомщали полякам сколько возможно, коих усмирить Польша едва могла. Но все то было ненадолго: они часто после сего за чинимые ж от поляк наглости и насильства на них восставали и паки их усмиряли, а иногда, вооружась, отомщевали и укрощали. Что все с такою переменою продолжалось времени несколько, а более, что от 1589 году, по наущению польской римской религии духовенства и поляк, чрез отступников от православной веры к ереси из числа бывших тогда в Польше митрополита Михаила Рогозу с епископами Владимирским, что на Волыни, протоиереем Ипатием Поцеем Луцким, ексархом Кириллом Терлецким (сей злу сему и собрания сего собора первый виновник был), Полоцким, нареченным только архиепископом, Григорием, Хелмским Дионисием Збируйским, Пинским Леонтием Пелчицким, архимандритом Кобринским и нареченным токмо епископом Пинским же Ионой Гоголем; они согласились принять и установить в епархиях их, кои находились греко-восточного исповедания, унию, с чем и послали прошение с двумя епископами, Владимирским и Луцким, к папе, бывшему тогда в Риме, Клименту VIII, в 1590 году.

За усильное принуждение к унии козаки восстали на поляк и с ними войну имели. 12-й гетман Косинский

Но в 1593 году, во время уже короля польского Жигимунда или Сигизмунда III, как стала восстанавливаться чрез помянутых епископов в Литве уния и чрез духовенство римское и поляк усиливаться и делать благочестивым церквам и людям притеснение, тогда возроптало шляхетство, коего великое множество православного закона было, и возволновалось обще с козаками, поревновав за благочестие, и, вооружась, из них один, ставши, за неимением тогда при козаках, гетманом, из числа греко-российского закона, шляхтич Косинский, начал с козаками воевать Литву, и могло бы продолжаться во вред супротивникам полякам на долго, но на другой год, то есть 1594, оного Косинского пред местечком Пяткою в сражении убили, и тем та брань на то время утихла.

За запрещение козакам ездить по Черному морю и за усильное введение униатства в Литву и в Украйну а паче за отнятие церквей и монастырей православных, козаки жестоко вооружились на поляков. 13-й гетман Наливайко

Точию после сего скоро как кошевским, так и прочим козакам, по мирному установлению тогда с турками, запрещено от короля, чтоб они, по обыкновению своему, на Черном море и на сухом пути

в границах турецких набеги не чинили, под лишением живота за преслушания оного; но как козаки запрещение сие за применение их вольности себе сочли, то озлились жестоко на поляк; притом сведали, что от папы возвратились с униею отправленные из Польши два епископа — Владимирский Ипатий Поцей и Луцкий Кирилл Терлецкий, которые хотели обнародовать унию, равно и то, что из сего сделались в городе Бресте два собора в 1596 году, один из благочестивых, который состоял только из двух православных епископов — Львовского Гедеона Балабана и Перемышльского Михаила Копистенского с протосингелом, присланным от патриарха Константинопольского, греком Никифором и с нескольким числом духовенства, також шляхетства и господ знатных исповедания греко-восточного; а другой собор из униятов-епископов тех самых, кои злу тому зачинщики были, с их митрополитом и весьма малым числом духовенства, на унию согласившегося, и что оный крайне умножили, с духовенством римского исповедания, сенаторы, от короля в подкрепление им присланные. И как собор оный, будучи подкреплен королем, усильно восстановлял потому вместо православия везде в Польше унию свою, не приемля на то винословных представлениев от православной стороны, они заключали уже не быть у них во всей области благочестивым епископам и усильно чтоб отнимать церкви и монастыри знатнейшие, и разными б способами угнетать правоверных; тотчас козаки, вооружась из сего, напали на Польшу и Литву с неописанною яростию: рубили все, что им ни встречалось, и все грабили и жгли под предводительством некоего из них полководца, иля названного у них гетмана Наливайки. Они розорили у них знатные города, в том числе Слуцк и Могилев. Сего отвращения ради поляки, собравшись с силами, пошли им на встречу. Козаки ж, не разделяясь друг от друга, почти все единодушно, пристигши их под Белою Церквою, побили войско так, что принуждены они обратиться в бег; но польский коронный гетман Жолкевский, храбрый и искусный воин, справясь с силами, стал наперед сыскивать и побивать их в разных местах малые толпы и напоследок, обессиливши их, под Лубнами в урочище Солонице в такую тесноту загнал, что, дабы избежать всем смерти, принуждены были, по требованию Жолкевского, своего гетмана Наливайку выдать и с ним полковников Лободу и некоего Мазепу, коих отослал он в Варшаву, и там на медном воле в 1597 году сожжены, так, как малороссийская история пишет; а запорожское описание объявляет — отсечением голов казнены. И тем козаков на то время усмирили.

Однако ж, хотя им тогда полякам дальнейшего вреда сделать не удалося, то вместо того они тайным образом в турецкие границы нападали и делали тамо дела с удачею, при том не оставляли посещать и самую Польшу, и, поставивши ей на счет, все свои убытки возвращали не возмутительным уже образом, но сокрытыми способами и малыми шайками долги собирали, даже, наконец, до самого явного

вооружения за то, что поляки их совсем в холопство уже обратить хотели.

При том требовали от короля, чтоб козацкий гетман подчинен был их коронному гетману, и чтоб польские вельможи могли иметь в Украйне свои маетности и быть тамо польскому духовенству, что все по желанию их исполнено. Ксензы поселились в селениях козацких, а в Киеве поставили римского епископа. Построили у них костелы, монастыри и училища не с другим каким намерением, как только, чтоб распространить тамо закон римский: они усильно отнимали благочестивые церкви и монастыри знатные, разными способами угнетали православных, от чего благочестивые день ото дня умалялись, не имея своих епископов, кроме вышеупомянутых двух — Львовского и Перемышльского. А хотя и просили короля на сеймах о дозволении избрать себе в Украйну епископов правоверных, но король не созволял им того во всю свою жизнь, ибо был гонитель православных. Таковыми польскими поступками приведен был весь народ в огорчение, а найпаче козаки почли себе за должность, чтоб всею силою защищать не только православие греко-российского закона, но и преимущества своего народа и отечества. Они всячески придумывали, каким бы образом в оное войти, но зависело за отважным к тому предводителем, а при том воспоследовала в то время у поляк с турками война, на которую должны были следовать и козаки, и тем оставили намерение оное до своего времени, как ниже значится.

ГЛАВА 11

О происходящих от Польши делах противу России во время самозванцев и мятежей московских и о действии в то время козачьем

О явившемся в Польше самозванце Гришке Отрепьеве

В 1601 году явился в Польше, а на другой год в городе Брачине у князя Адама Вишневецкого в доме, под именем российского царевича Димитрия Углицкого, известный беглый из Москвы чернец, расстрига Гришка Отрепьев, который, будучи у князя, по удостоверении им, опознакомлен с его братом Константином Вишневецким и потому с его тестем, Мнишкою, воеводою Сандомирским, который за обещание Польше Смоленска с округом, Россию привесть в закон римский, а по восшествии на престол московский жениться на дочери его Марине Мнишковне и потом утвердить за нею княжество Велико-Новгородское представил его в 1603 году на бывшем тогда Сейме в Кракове и просил о учинении ему к возведению его на престол российский вспоможения. При чем самозванец, во утверждение, Республ-

лике представил о себе подкупленных свидетелей, пяти человек россиян и несколько купцов киевских. Но король Сигизмунд III с поляками, хотя не совсем мог в том уверен быть, однако ж доволен казался для Польши теми обещаниями. Он показал вид, якобы не хотел прервать вновь учиненные им с Россиею мирные постановления, довольствовался объявить, что, если кто из польских вельмож восхощет именем своим, а не от Республики, ему помогать, сие не токмо противно, но паче приятно ему будет, с тем, одаря, Отрепьева отпустил.

Воевода Сандомирский, как был мочный и сильный вельможа в Республике Польской, тотчас Отрепьеву дал от себя, и зять его Константин Вишневецкий, свои войска, под который случай, услышавши о сем, прибыли с Дону к нему козаки, почему и из Малой России послали для него украинских козаков тысяч более десяти, и поведены были в начале 1605 году войска оные в области российские двумя дорогами, частию чрез Киев, а другою по крымской дороге.

Самозванец вошел в Москву и воцарился

В сем беспутном походе, будучи в войне, козаки принуждены были жестоко чувствовать острие российского меча: их не мало легло при первом сражении под Новым Городком Северским, потом в Камарицкой волости, на Добрыничах, побито до 7000 человек; для чего, по требованию Отрепьева, поляками прислано их еще к нему не малое же число. И так с оными, обще с войском литовским, поляками и всякого сброда людей, а паче изменниками московскими, Гришка вошел в Москву и воцарился, а по совершении желаемого, козаков с некоторою наградою Димитрий отпустил.

Конашевич Сагайдачный завоевал город Кафу

Но как Республика Польская имела тогда с турками войну, а паче за крымских татар, то в оную были употреблены и запорожские козаки, между коими был из шляхетства Петр Конашевич Сагайдачный наказным гетманом; он не оставил посетить и Крымский полуостров, но желал изведать счастия своего в 1606 году, пошел с войском своим в приморский тамо город Кафу, оный завоевал, турок и татар в нем побил, а пленных христиан со знатною добычею взял и счастливо назад возвратился, за что, по возвращении, его запорожцы безмерно возлюбили.

Извещение о убийстве самозванца на Москве в Польше и о воцарившемся царе московском. Поляки представляют другого самозванца под именем первого

Между тем Республика Польская, хотя и уведомлена была от России, что Гришка Отрепьев за беспутные противу бояр и всем живущим московским жителям, а паче от поляк, озорнические поступки, насильства, убийства и грабительства и собственные его беззаконные дела совершенно гражданами московскими 1606 году мая 17 числа убит, и что на московское царство воцарен из князей российских Василий Иванович Шуйский, но желатели обещанного прибытка тотчас представили в Стародубе другого — из Белоруссии, города Соколы, учителя при церкве ребят, по имени Ивана, наименовав того тем же Димитрием царевичем и якобы спасшийся от того убийства московского, науча его обнародовать об оном о себе и самого царя Василия о том известить. Спомогателей дела того набрали всякого вольного войска к нему, к чему стеклось премножество и россиян из разных порубежных мест, и с тою сволочью он до Калуги достиг и с помощию польскою и Москву осадил, к чему и из Украйны посланы были козаки под начальством чигиринского сотника Михайла Хмельницкого. Они стояли в Кашире и оттоль ходили под город Коломну, но войсками российскими, до оного не допустя, разбиты и с уроном прогнаты.

Царь сводится с престола. Поляки входят в Москву. Царь отводится в Польшу

Когда ж король польский осадил Смоленск, как то в 1609 году, тогда послал для утеснения царя московского войска своего — 60 000 поляк и 8000 запорожских козаков, под предводительством коронного гетмана Станислава Жолкевского, который и преодолел следующих на него россиян близ Москвы, под селом Клушиным. Граждане московские, видя победу над собою, почли за сие вину на царя своего, якобы он был во всех победах их несчастливый, того для царя своего со престола свели, а Жолкевский войско самозванцево и самого его до Калуги прогнал; сам же, приступя к Москве под видом защиты от мятежников московских и по договору, чтоб дать на царство польского королевича Владислава, в город вошел и оным обовладал. Для усмирения ж волнующихся россиян козаков своих на Рязань воевать послал, где будучи, они, во-первых, город Пронск взять хотели, но по отогнании от оного силою русскою в Михайлове стали, а оттоль ночью напавши, у Николы Зарайского острог взяли, токмо и оттоль их, выгнавши, прогнали. Жолкевский же, будучи в Москве, казну царскую и бывшего царя, постриженного монахом, с

братьями его 1611 году к королю под Смоленск привез, который их в Варшаве в заточение заключил. Козаки ж прежнею своею неудачею были недовольны; они напали на город Козелец, оный взяли и людей многих побили, и в полон с собою побрали.

Российская сила Москву от поляк возвращает и нового царя возводит и приводит ко упокоению

Когда ж силы российские уже в 1612 году для выручки Москвы от поляк из понизовых мест шли, тогда поляки, к супротивлению их, на порубежные города и на прочие российские места великим числом послали запорожских же козаков, но силою российских войск все оные равно и те, кои, отшатившись от гетмана, Вологду и казну во оном было взяли, город выжгли и людей побили, разогнаны и прогнаты; и хотя россияне силою своею от поляк обратно Москву взяли, царя нового изобравши, Михайла Феодоровича Романовых на царство 1613 году февраля в 23 день возвели. Который по восшествии своем, во-первых, бунтовщиков ловить, мятежников усмирять и завоеванные поляками города отобрать велел. Но Смоленск чрез предательство королем уже взят, за чем, наконец, и тишина до времени была установлена.

ГЛАВА 12

О чинимых от стороны польской беспокойствах России и отчасти туркам и о начатой турецкой войне на Польшу. О замыслах польских к низложению козаков и о преостережении в том себя от обоих сторон

Но тем Россия на долго успокоена не была, потому что в 1615 году через наущение недоброхотов к оной и от привыкших к грабительству людей, собравшиеся разного рода козаки, холопи, украинские черкасы и разный сброд людей такое России делали разорение, какого и во время поляк не было. Они жгли и пустошили все замосковные города и уезды и людей мертвили разными мучениями; украинские ж черкасы, отшатившись от оных, пошли вниз по Волге и там, в Балахонском уезде, от сил московских почти все побиты и в воде потоплены.

Козаки, ездивши по Черному морю, разбивали корабли и взяли города Трапезонт и Синоп

Польша ж, между тем, свою продолжала с турками войну, во время которой из Сечи и запорожские козаки, как имея свободу и к промыслу своему удобнейший случай, вышедши на Черное море, в

лодках своих разъезжали по оному на 1000 и более верст. Они обще с донскими козаками разбивали многие турецкие суда и в 1616 году повоевали в Азии славный Трапезонт и город Синоп разорили, людей во оных побили и многую добычу взяли, с чем безвредно возвратились.

При чем Польша и Россию не оставляла в покое: она, дав волю, навела то, что в 1617 году из Украйны запорожские козаки, собравшись с разными бродящими людьми, ходили на Торопецкие места и на Новогородский уезд, где посланных во Швецию российских послов разграбили и сына посольского Прончищева, взяв, по выходе своем на Донце убили, а потом углицким, пошехонским, вологодским, в поморских местах, Наваге, в Тотме, в Устюге, в Двинской земле, нигде не останавливаясь, все жгли, грабили и пустошили и, быв в Кренске, в Луде и у Ледовитого моря, чрез Каргополь паки в Новогородский уезд пришли. А часть из оных пошли к Сумскому острогу, где их много от русских и в заонежских погостах побито, а достальные, которые ушли было на Олонец, там все прибиты так, что ни один из оных домой не возвратился.

Польша, видя силу и храбрость козачью, начала ко уменьшению их придумывать замыслы

Поляки, видя, что запорожские козаки их столь смелы, что и во отдаленных чужих землях храбро и весьма удачно воюют и побеждают и тем себя наиболее умножают и усиливают, приходили чрез то несколько в робость, рассуждая, если они в силе своей далее дела свои простирать будут, то могут они так усилиться, что и их самих в Польше завоюют. Они вознамерились сего для неотменно силу их уменьшить и всю вольность их от них отнять, чрез который способ мнили их сократить и тем к послушному повиновению привесть, а излишних всех в свое холопство взять, к чему их польское главное желание и было. Для чего и начали уже делать к тому свои замыслы.

Козаки, слыша о умысле польском, начали многие удаляться от них и селиться в иных местах

Но коль скоро о умысле оном козаки спознали, то тотчас многие из жилищ своих выбрались и пошли на житие к Дону и к Северному Донцу, чем еще более полякам страх навели. Для чего принуждены всякие ласкательства оказывать оставшим в Украйне для рассеяния слуха отшедшим козакам, почему чрез несколько времени хотя назад и переходили, но в луга днепровские и оттоль против турок и татар воевали по-прежнему, и так тем из ведомства польского известного числа до 10 000 козаков уже уменьшилось.

Поляки стали быть скромнее до козаков, но не надолго

От сего поляки начали было осторожнее себя вести и умереннее ко обузданию их поступать, понеже те отделившиеся действительно оставались уже жительством особым от оставшихся на своих местах и поделали там станы и жилища свои. Но по вольности польской скромность та не надолго у них скрывалась: она вскоре потом, да еще и с вящею наглостию, открылась, как ниже объявлено.

Польша вознамерилась еще на Москву и для того употребила войско запорожское с королевичем

Между тем, чтоб они употреблены были к военному делу, послан того для был от Речи Посполитой наказным запорожским гетманом Петр Конашевич Сагайдачный с войском козацким в российскую землю на помощь польскому королевичу Владиславу, который вознамерился, чтоб конечно взять Российское царство и оное чрез силу оружия своего подвергнуть под польское владение, и для того в 1618 году сам Владислав, вооружась, поднялся идти на Москву.

Королевич приходит под Москву с польским войском и домогается оную с Сагайдачным взять. Королевич заключает с Россиею мир

Конашевич, исполняя волю их, по повелению с войском козацким пришел в порубежные российские города: он, во-первых, взял Ливны, воеводу князя Никиту Черкасского пленил, а товарища его убил, город выжег и людей побил. Потом одержал город Елец и в нем посланников, посланных от царя в Крым, Стефана Хрущова да подъячего Семена Бредихина и с ними 50 человек татар крымских и на 30 000 государевой казны взял, а оттоль шед, разорил многие города и прогнал от Серпухова супротивных противу себя россиян. Перешед реку Оку, пришел с польскою и литовскою силою и Владислав, с которым Сагайдачный войско свое соединил, и домогались город одержать, но по усильному отпору от московских граждан взять оный не могли. Владислав по сем, хотя требовал от царя мира, но в договорах согласиться не могли. Королевич старался Троицкий монастырь одержать, но и там не успел, как только послал Сагайдачного к Серпухову и до Калуги, который только что Калугу, и то от переметчика, в осаде держал, а полякам замосковные уезды разорять велел; но русские войска, собравшись, сих последних нарочито побили и прогнали их. Королевич, как видел уже свою неудачу, требовал еще о установлении мира, почему за многими несогласиями и спора-

ми едва мир, наконец, согласно на 14 лет и на 6 месяцев, 1619 году, заключен [43]. На оном уступлено Польше: Смоленск, Белая Невль, Красный, Дорогобуж, Рославль, Почеп и Трубчевск, а России с той стороны городов оставлено: Серпейск, Стародуб, Новгород Северский, Чернигов и Монастыревский, что все записьми утвердили, и по окончании оного королевич с войсками пошел в Польшу, а Сагайдачный от Калуги с козаками в свою Украйну. В сей случай от Сагайдачного оставшие козаки с 300 человек государю в службу отдались.

Объявление от турок и продолжение войны с поляками. Гетман Самойла Кушка. Богдана Хмельницкого военные дела противу турок

А как в 1620 году от Оттоманской Порты объявлена была противу Польши война за нарушение мирных установлений между оными государствами с султаном Махометом II и польским королем Казимиром Ягеловичем, как то за многие татарам в Крыму и в Бесарабии, и не менее того туркам в Болгарии, в Романии, в Азии и в Анатолии, кроме юртов татарских, сел и местечек, городов: Кафы, Акермана, Килии, Измаила, Варны, Синопа, Трапезонта и Кизика, разорения и грабительства как на сухом пути, так и на Черном море — многие корабли, галеры и другие военные и торговые суда потопленные, и в полон людей и добыч грабительством забранных, то за то напротив того и с польской стороны претензию свою объявили, что с Турецкой стороны еще никакого удовольствия Польше не сделано во многих татарских в Украйну, в Волынию, в Подолию, в Полесье, в Краснорусию и в самую Польшу нашествиях с великим от них грабительством, разорением городов, сел, деревень и местечек, с пленением премножественного числа людей христиан, то за все то и Польша принуждена, с своей стороны, собрать свое войско и вооружиться противу турок, для чего должна была призывать сколько можно более и козаков малороссийских. Что слыша, от утеснения польского оскорбленные козаки, имея еще не угасшую в себе искру верности и любви к отечеству своему, по созыву гетмана своего Самойлы Кушки тотчас стеклися отовсюду, и собравшееся войско соединилось с армиею польскою, из коего числа 10 000 козаков отделено и послано было, под начальством Богдана Хмельницкого, для опустошения турецких мест и для препятствия турецким сикурсам и недопущения к подвозу разных им запасов, как равно и на море, где удачно взяли двенадцать турецких военных судов и глубине морской предали, забрав довольно добычи и плена, за прочими ж бегущими от них весьма далеко погоней гнались. За что, при возвращении, Хмельницкий весьма от самого короля и прочих магнатов выхвален был, обще и с козаками, бывшими при нем.

Богдан Хмельницкий взят турками в полон, а отец его, Михаил, убит

Но при главной армии не столь счастие послужило, ибо как сам Осман, султан турецкий, с многочисленною своею силою в Молдавии наступивши на польскую армию, при Цецоре разбил и прогнал с немалым выигрышем, в котором побеждении поляки весьма многих у себя воинов потеряли, в коем числе между прочими именитыми убиты коронный гетман Станислав Жолкевский и сотник Михайла Хмельницкий, а козацкий гетман Самойла Кушка и Богдан Хмельницкий с прочими попались в полон, кои по дву годах искуплены на обмен плененными татарами.

Описание о Хмельницком

С сих времен стало известно имя бывшего потом славного малороссийского гетмана Богдана Хмельницкого, который мужественным вооружением с запорожскими козаками противу Польши, отторгнувшись от них, всю Малороссию по-прежнему, так, как отчину, в подданство российское доставил. Отец его был помянутый Михайла Хмельницкий, сотник чигиринский; он служил во время польского короля Сигизмунда Третьего и был в войне 1607 году с графом Сапегою за второго Самозванца противу России и в 1619 году [44] ж в Смоленском и под разными российскими ж городами и Белевым, а 1620 противу турок на Цецоре, как выше сказано, с своими украинскими козаками. Сей сына своего Зиновия, проименованного Богданом, обучал в латинских школах довольно наукам и латинскому языку; он был острого разума и понятен, в военных делах смел, храбр и отважен, что по молодости лет своих оказал, будучи при отце, в войне уже довольно.

О поставлении вновь архиереев в Украйне и явное притеснение на них и на всех православных от короля

В сие самое время возвращался из Москвы, чрез Киев, патриарх Иерусалимский Феофан, который по прошению Петра Конашевича Сагайдачного, тако ж шляхетства исповедания греко-восточного, в немалом числе еще придержавшегося, посвятил во все епархии, униятскими епископами отнятые, архиереев благочестивых, а именно: митрополитом в Киев — Иова Борецкого, архиепископом в Полоцк — Мелетия Смотрицкого (сей сделался после унистом), да пятерых в епископы, как то: во Владимир Волынский, в Луцк, в Перемышль, в Хелм и в Пинск. Сии, как без дозволения королевского в

епископы поставлены были, не могли инако, как тайно, в епархии свои для паствы своей въезжать, почему они в Киеве и по монастырям малороссийским принуждены больше проживать, ибо король дал повеление ловить их и казни предавать. Таковое притеснение для православных было королевское.

15-й гетман Бородавка. 16-й гетман Петр Конашевич Сагайдачный

Во время ж плена Самойлы Кушки козаки изобрали было гетманом из своих же некоего, прозывающегося Бородавку, но в 1621 году, за некое на него подозрение, убили, на место коего возвелся у них гетманом Петр Конашевич Сагайдачный. Оный учредил реестровых козаков 6000 человек и сверх того собрал и привел по-прежнему их в порядочное устройство, со умножением их [45].

ГЛАВА 13

О бытии козаков и храбрости их с поляками на войне противу турок. О разных запорожских действиях и удальствах. О чинимых озлоблениях польских козакам и о приносимой от них Республике в том неоднократной жалобе, и о вооружении козацком за чинимые им паки от поляк обиды и притеснения, с переменою их удач, и о удалении их чрез то в разные места. О принесенной потом самому королю о чинимых им польских налогах и утеснениях жалобе и о получении на то от короля к вооружению противу поляк поводу

Нашествие турецкое на Польшу, но турки побеждаются поляками и козаками

Осман, султан турецкий, будучи ободрен прошедшею победою своею над поляками, в наступивший 1621 год вооружился паки на Польшу и приступил со всею своею силою, состоящею до 200 000 турок и татар, к самым границам польским, противу чего со всякою скоростию принужден был король Сигизмунд III послать войска свои, коих только 65 000 набрать мог; напротив его под предводительством своего сына, Владислава, и при нем, за неимением тогда коронного гетмана, командующим Якова Собеского (отца потом бывшего короля польского Иоанна Собеского). Но как силы турецкие весьма превосходили польских, и от того вся Польша в великой опасности состояла, то король послал сего для к гетману Сагайдачному,

призывая его со всеми козаками запорожскими к своему войску на помочь и обещая им за то достойную плату и прежнюю иметь вольность. Сагайдачный не отрекся: он собрал храбрейших козаков до 40 000 и сверх того немало охотного войска и пришел к королевичу в помощь под Хотин августа 30-го числа. Когда ж приспело время к сражению, тогда поставлено было войско запорожское впереди, на коих ярость и оружие турецкое во первых простерлось, и производилась битва с ними, а потом уже, обще и с поляками, в каждый день до вечера с ужасною яростию с обоих сторон, от чего найпаче турок пало бесчисленное множество. Наконец умыслил Сагайдачный в наступившую ночь, командуя один своим войском, подкрасться к турецкому стану, где напал на спящих и на обозы их, во всю ночь убивал турок по наметам. Когда ж утро уже настало, увидевши турки бесчисленно своих убитых, известили об оном своего султана, который пришел из сего в оторопость и ужас, не знал, что начать, и тотчас решился сделать тут конец, послал предложить и требовать у королевича Владислава мира. Поляки, склонясь на сие и установя договоры между собой, мир заключили, и тем та война тут окончалась. Сагайдачный с войском награжден довольно и отпущен в свое жилище.

Кончина гетмана Конашевича

По сем оный (как то в 1622 году) Сагайдачный скончался, и как был Киевобратского монастыря ктитор [46], во оном погребен. Сей гетман, споспешествуя благу отечества, при кончине своей жизни отдал все свое имение училищу Братскому, состоящему в оном монастыре, от 1588 году основанному [47], а потом академиею, на основании высокомонарших грамот, названному.

По прошению многих знатных о сделании блага козакам сенат польский ничего не сделал

Козаки, хотя и были от поляк за последнюю услугу свою деньгами награждены, но просили притом от Республики о подтверждении им обещанной вольности их, ибо непрестанные налоги и притеснения им от польских панов причиняемы были. А как гетмана их Сагайдачного уже не было, принужденным нашелся вступиться за них, так как одного роду и единозаконец с ними, князь Константин Иванович Острожский * и делать из того жалобы; он челобитствовал в сенате

---

* Сей князь Острожский по смерти его погребен в Киево-Печерской церкви Успения Пресвятые Богородицы при входе западных дверей на левой стороне в притворе под самою стеною, над которым местом сделан, в память его, на стене монумент с эпитафиею и со изображением во оном статуи лежачего воина в латах.

польском, о чем также просил об них короля и король шведский, а королевич польский Владислав в трибунале, но ничто не успевало [48].

Козаки ж запорожские, при всем наблюдении и воспрещении польском, так равно и со всеми предосторожностями турецкими, проезжали их заставы, доезжали морем в 1624 году почти и до Царяграда и делали великие грабежи у живущих тамо на берегах в селах и местечках.

Король польский, между тем, наблюдал свои интересы: он, после установленного с московским царем мира 1619 году, не только Смоленскою областию с принадлежащим к оной городами Белым, Невелем, Красным, Дорогобужем, Рославлем, Почепом и Трубчевском, уступленной к тому от России, но и сверх трактатного договора и положения Стародуб, Новгород Северский, Чернигов и Монастыревский, с облежащими их местами и землями, под свое владение забрал и все оные в поссесию и администрацию сыну своему, королевичу Владиславу, препоручил; а главному в сих местах, состоящему близ российской границы, купеческому городу Нежину, который в прошедшие как за самозванцев и прочие с Россиею войны был с другими городами разорен, повелел оный, как и прочия места, заселить и укрепить с придачею к ним окружной земли, утвердил все оное 1625 году марта 26 дня двумя своими привилегиями: первой — о укреплении и заселении того города Нежина со всеми вольностями и преимуществами, а второй — о придаче к оному городу окружной земли для его выгод. Что все учинено им на основании даваемых от прежде бывших польских королей по Магдебургским правам всем городам и живущим во всей Малой России или Украйне людям, в каковой же силе те привилегии состоят, оным точный список, в окончании 16 главы истории сей, прилагается.

Попущение польское на утеснение козаков, за что приносима была жалоба от них королю

Что ж касалось до украинских жителей, то они беспрестанно Республике, да и самому королю, приносили жалобы, токмо ничто не превозмогало; ибо король и Республика оного прилежно не внимали, а оставляли только, по обычаю, канцелярскому служителю впредь до рассмотрения, не взирая на то, или, еще лучше сказать, попускали поляк чинить обиды и налоги и делать беспрестанные тягости и озлобления народу, даже так, что и церкви их уже разоряли.

Чрез умножившихся униатской веры еще более притеснения украинцам стало, чрез что козаки, восставши, вооружились и жестоко поляк побили

К сему злу зло вящее Малороссии причинялось, ибо многие уже русские, живущие в Малой России, князья, воеводы, старосты и прочие именитые люди, посягая за себя в жену из польского роду веры

римского исповедания, а своих дочерей отдавая за поляк, смесились чрез сие так, что, наконец, все те отпали от греко-российского закона и прилепились к римской вере, чрез что, а паче по смерти гетмана Конашевича и князя Острожского, вознегодовавши оные на россиян веры русской и приложась к полякам, усильно старалися преложить также веру и церковь греко-российскую в унию и из сего делали в Украйне людям всякое понуждение и налоги. А к большему притеснению, по бывшей у поляк с шведами войне, расположили поляки войска свои в воеводстве Киевском, по всем тамо городам, селам и деревням, от коих произошли всякие обиды и наглости всем украинским жителям. Козаки с посполитыми сего, наконец, снести не могли, возволновавшись все вдруг, ударили на поляк и побили их множество, а кои спастись могли, разбежались.

Поляки вооружились на козаков за их возмущение, но сами побежденными остались. 17-й гетман Тарас

Коронный гетман Конецпольский, слыша о волнующихся и усилившихся козаках противу Польши, собрал силы и пошел на Украйну, чтоб побить всех возмутителей, но козаки, уведавши о сем, тотчас вооружились и выбрали себе из своих в гетманы козака Тараса, пошли противу поляк и, сразившись с ними, жестоко побили их под самым Переяславлем, что было в 1628 году, а оттоль их гнали повсюду, даже и за Днепром, так, что под Баром златого хорунгва гусар всех побили ж и мир с собою сделать в начале 1629 году (а по польскому, то есть по римскому, числению — в 1628 году в исходе) принудили [49].

Богдан Хмельницкий стал известнее быть самому королю

В оном году Зиновий, или Богдан Хмельницкий, будучи на войне противу волох, во время разъезда своего с отъезжего караула поймал двух волоских князей Кантемиров и к королю Владиславу в Варшаву оных привел, за что особая милость от его величества ему оказана была, как равно и за прежние его храбрые дела жаловал.

В наступавшем же 1630 году постигла казнь Божия: во всей Украйне оказалась моровая язва на людей и продолжалась с июля до исхода декабря месяца.

По скончании жизни митрополита Киевского Иова Борецкого, в 1631 году мая в 12 день, и погребении его в киевском Златоверхо-Михайловском монастыре настал митрополитом же Киевским Петр Могила, воеводич волоский, из архимандритов Киево-Печерския Лавры. Сии поборники, искусные и благочестивые мужья, были вели-

кою подпорою в Украйне вере и церкви православной: они, сколько могли, не допускали расширяться унии, а Могила очистил от униятизма и киевскую Софийскую церковь.

В сие самое время, как то в 1631 году, король польский Сигизмунд III скончался, а на место его сын его Владислав IV [50] королем настал.

Вторичная приносимая жалоба Польше от всей Украйны о обидах и притеснениях ей

По непрестанным же беспокойствам, продолжающимся от поляк обидам, налогам и наглостям козакам и всем жителям украинским, посылано вторично было 1632 году от целого общества с великими жалобами прошение к королю и в генеральный сейм в Варшаву, при чем главными ходатателями были тогда черкаский полковник Барабаш и Богдан Хмельницкий. Точию и на то от правительства никакого правосудия и облегчения, во удовольствие их, не учинено, а объявлено им, якобы за начинающеюся тогда вновь войною того исследовать правление времени не имело; сам же король, во утешение их, им только изустно объявил, чтоб они по праву вольность свою и обиду сами защищали, и с тем их отпустил в Украйну.

Сей король, Владислав IV, государь был для подданных своих милостивый, щедр и праводушен; он всегда просителям оказывал свое благоволение и делал благодеяние, если только что в его силе и власти состояло, как то на прошение нежинского уряда или магистрата пожаловал, подтвердил городу Нежину прежде данную покойным отцом его королем Жигимундом III привилегию, со всеми принадлежащими к оному выгодами, и своею власною рукою подписал 1633 году мая 9 дня, которая гласит в той же, прежде помянутой, привилегии, приложенной в конце 16 главы истории сей.

18-й гетман Сулима

По Тарасе у запорожцев был гетман Сулима. Оный с козаками от 1633 году, плаваючи в чолнах своих по Черному морю и заплывши за Меотическое, в Азии город Язык, а потом при устье Днепра-реки Акерман и на Дунае Килию, Измайлов и прочие многие места, села и деревни пленил и грабил, отколь с немалою корыстию возвратился.

19-й гетман Семен Перевязка

По Сулиме был у запорожцев некий из козаков же гетман Семен Перевязка, а по другим запискам значится, якобы по одной стороне Днепра Петрижицкий, а по другой Гаврилович гетманами ж. Сии

два, названные гетманами, может быть были только начальники, определенные от польской стороны по обоим сторонам Днепра, а не настоящие гетманы.

Объявление войны от России Польше

А как по смерти ж короля Жигимунда III с московской стороны от царя и великого князя, Михайлы Федоровича, принуждено было объявить Владиславу IV королю войну за известные от Польши недоброжелательства и причиняемые России многие обиды и возмущения, войска российские, прикрыв прежде по венцу все свои украинские города силами, вступили воевать Северию, Смоленск и Литву и там все места, как равно Рославль, Дорогобуж, Белую, Невель, Почеп, Трубчевск, Осов и прочие многие города тамо повоевали; напротив чего поляки принуждены были везде также по границам своим вооружиться и нарядить при том и козаков, именуемых черкас, и с оными обще воевать Россию, которые, повинуясь власти их, осадили пятидесятью тысячами человек в 1633 году в мае месяце город Путивль и держали в осаде оный пять недель, чиня ужасные многие приступы ко оному, но силою московского войска побито их тут до 6000 человек и с тем, как равно и в июне месяце от Новагородка Северского с не малым уроном их прогнали; и так оная война продолжалась даже до замирения в 1634 году.

Поляки козаков и жителей украинских со всеми их землями под панские владения их занимают. Подается совет о построении крепости на Кайдаке для разделения украинских с запорожскими козаками

После сей войны, как некоторым знатным польским шляхтичам и вельможам от короля Владислава IV жалованы были, а другим покупкою и иным образом якобы достались, земли в Украйне и в других местах, на которых и козаки свое жительство имели, то поставляли уже везде там, кому где что доставалось, межевые столбы свои и присваивали живущих на тех местах козаков, так равно, как и посполитых мужиков, налагая на них десятину и тяглы все, и тем вознамерились их совсем уничтожить, о чем хотя и приносимы на то от них королю жалобы были, но вельможи в том премогали. Они противу всех жалоб их вместо правосудия возбуждали короля на них к негодованию, изъясняя их всегдашними быть бунтовщиками и возмутителями целого общества, за что время бы, де, уже от буйства, разбоя и наглости их усмирить. А чтоб приглашать запорожских низовых козаков и иных людей к себе и сами бы к ним переходить они не могли, подал совет коронный гетман Конецпольский построить бы

при Днепре, между жилищами украинскими и низовых запорожских козаков на урочище Кайдаке, крепость и тем бы пресечь им к сообщению их всю удобность сухим и водяным путем, для чего политическим образом отложена та жалоба с обещанием им данного свободного времени.

Посылка от Польши на Кайдак рабочих людей для строения крепости

Сами ж тотчас послали на Кайдак (место при самом днепровском первом или верхнем пороге Кайдацком, на правой оного стороне) строителей, работных людей и военную команду для прикрытия оных строить крепость со всяким поспешением.

Старшина козацкая ездили в Варшаву к королю, испросили себе о прежней вольности у него грамоту. Гетман Савалтович или Сава Кононович

Между тем беспрестанно утесняли поляки козаков, вознамерясь тем привесть их в крайнее изнеможение. Сие видевши, старшина их и именитые козаки, что беспрерывное утеснение происходит им от панов, вознамерились произвесть жалобу самому королю Владиславу. А как обычай древний был всегда для тезоименитых дней, как то восшествия на престол и коронования, для подданнического поздравления ездить в Варшаву малороссийским начальникам с именитыми людьми своими, сего для в 1636 году за неимением у них тогда гетмана полковник черкаский Барабаш и именитый Хмельницкий с прочими старшинами и козаками знатными, яко начальнейшие люди, поехали в Польшу и, представя себя королю, яко патрону своему, Владиславу, поздравя его с тезоименитым днем, просили при сем случае его величество о милостивом защищении от несносных притеснений и обид, чинимых от польского шляхетства всему войску и всей Малой России, прав и вольности их. Тут будучи, при милостивом приеме, пожаловал король им, за подписанием его величества руки, с возобновительным подтверждением о прежних правах и вольностях, а паче о ненарушимости веры их, грамоту за шнуром и печатью коронною и притом, при отпуске, одаривши каждого, изустно им объявил, что «ныне по сей привилегии по-прежнему можете себе гетмана поставить и при своих правах и вольностях крепко стоять, не отдавая себя по оным панам в попрание, защищаясь оным и прежними правами. А если паны польские или дозорцы тех привилегиев не послушают, то имеете мушкет и при боку саблю: оными можете защищать свои от поляк повреждаемые права и вольности», с чем и возвратились обратно, объявя об оном в войске. Козаки тотчас по сему поставили себе гетмана именем Савалтовича.

Поляки на данную козакам грамоту не взирают. Козаки нападают на кайдацких работников. 21-й гетман Полурус. Сей новый гетман поляк прогнал. Поляки, паки напав, побеждают козаков и принуждают их выдать старшин своих, уменьшают их число войска и отбирают их войсковой город со всеми принадлежностями и привилегиями

Точию польское шляхетство, находящееся в Украйне, хотя им об оном королевском подтверждении о малороссийских правах и вольностях козацких объявлено было, на то не взирало, но еще вяще огорчение им чинити стало: они, ловя и перехватывая их, тайно убивали, делали им всякое насилие, обложить хотели даньми и отяготить их и посполитых. Чрез что, как за оное, так равно и узнавши о городовом уже на Кайдаке строении и что, наконец, им от того воспоследовать может, тотчас собрались к препятствию оного и, сообщась с запорожцами, разбили там французского полковника Мариона, который в Кайдаках уже с 200-ми военными людьми приставлен был для прикрытия работников, так, что ни единый жизнию не спасся. А как, сверх чаяния, услышали, что Конецпольский поспешно поспешает к ним с великим числом войска, то в великое сумнительство пришли о гетмане своем, Савалтовиче. Они, обвиняя его в том изменою и признав заподлинно, тотчас его в куски изрубили и на место его определили из своих же козаков некоего Полуруса или Паулука, он же и Павлук, и Палий назывался, мужа, хотя простого, но смелого. Он тотчас обнародовал универсалом своим всех живущих малороссиян в Украйне о себе и о начинаемой им войне противу поляк и тем созывал козаков на помощь свою, а сам, с бывшими при нем, пошел противу идущих поляк и под Кумейками в начале 1637 году, сразясь с ними, счастливо мог победить и прогнать их. Но наставший по смерти Конецпольского коронный же гетман Потоцкий между тем, как, будучи предуведомлен чрез выданный от Павлука помянутый универсал его, мог предупредить собрание козацкое. Он ускорил свое войско собрать и нечаянно вдруг напал на Павлука так, что там же, поразив его, погнал и, пристигши его с козаками при городе Боровиче, в такой страх и бессилие всех привел, что они, по требованию его, Потоцкого, принуждены были сдаться на договор и принять такие постановления, каковы полякам на сейме сего 1637 году декабря 6-го дня предписать угодно было. Они должны были своего Павлука и четырех других полковников своих выдать, но, однако ж, с договором, чтоб оных старшин их безвредно оставить; точию поляки в слове своем не устояли, отсечением голов в Варшаве всех казнили. С сего времени лишены были они всех выгод и преимуществ и оставлены в числе только шести тысяч человек. Начальные люди определены к

ним из поляков, а все прочие остались в несносном порабощении; ибо и город Трехтемиров со всем снарядом, и все жалованные привилегии от них силою отобраны.

В подтверждение сему упоминают и поляки, между прочим, в описаниях своих, что «польские господа, жившие в воеводствах, порубежных Украйне, хотели поступать с козаками так, как с своими рабами. Они попирали ногами права их, присвоивали себе вольности и чувствительнейшим образом оскорбляли их, разоряя греческие церкви, в которых они по своему закону богослужение отправляли. А король Владислав IV столь слаб был, что не принимал во уважение сих несносных оскорблений. Верный народ превратился в мятежных подданных; они ополчились против Польши, были побеждены и для избавления прочего народа выдали полякам своего предводителя Павлука, которые отсекли ему голову несмотря на данное ими обещание, чтоб не лишать его жизни».

Козаки стали быть в бедном состоянии, от чего многие в другие владения пошли. 22-й гетман Остраница. С сим гетманом козаки нападающих поляк разбили и к миру их с присягою принудили. За побеждение козацкое поляки, злясь, заманя их гетмана и старшин в Варшаву, казнили.

Козаки, таким образом, ослабели и, будучи в рассеянии и загнании, нашли себя в таком состоянии, что и никогда так не бывали, ибо так бедно доведены были, что почти не лучше крестьян быть стали. Они пришли, наконец, в крайнее отчаяние и огорчение, и для того некоторые из них, чтоб оного ига избежать, желая лучше всех своих земель и жилища лишиться, нежели так в презрении и утеснении жить, отдались некои под защищение московское, а другие крымскому хану, кои тогда ж поселены были, первые близ донских козаков вверх по Северному Донцу и другим тамо рекам, а последние от татар на крымской стороне по реке Самаре и прочим, находящимся там в степях местам владения того; иные ж, яко отчаянные люди, ни в которую сторону из таковой опасности отдаться не хотели. А потому они поставили над собою начальника из своих же козаков, Остраницу, придав ему в помощь козака Гуню, и укрепились шанцами при Днепре, где чинили полякам, нападающим на них, жестокие отпоры, так, что целые два месяца от всех нападков их храбро оборонялись; даже, наконец, исправившись с силами, под Голтвою и Лубнами их жестоко побили, а в степи, при устье реки Старицы (Старая то ж), совершенно уже и кровопролитно поразили, так, что принужден был господин Потоцкий с ними примириться и обещать им все возвратить, что им принадлежало, в чем и присягою подтвердили пан Кисель и другие господа. Но как потом Остраница и Гуня делали с сво-

ими переписки и отношения о предбудущих предприятиях своих к вооружению противу поляк, если от них хотя мало к оскорблению их общества предвидимо или чинимо паки будет, чтоб сделать за то всем дружное на них нападение, для чего и назначалось уже место между ими зборное, то коль скоро о заговоре оном Республике известно стало, хотя и довольно знать могли, что без поводу к тому и без причины козаки противу поляк не вооружатся, по внутренней своей ненависти к ним и без важности, постыдным образом, как и прежде, нарушили и все обещания уничтожили. Они, заманя помянутых начальников, Остраницу и Гуню, в Варшаву, там, за заговор, их убили [51] и из числа общества их киевского сотника Казимира с сыном его на колы посажали, а прочих многих именитых козаков за ребра повесили, иных же четвертовали и головы рубили.

По вероломству польскому 4000 козаков пошли на Дон

Коль скоро о сем известно стало козакам, что всякую неправду с ними делают поляки, опять огорчились и весьма желали еще вооружиться противу их, но за раскасованием и рассеянием уже силы их не отважились, а паче за тем, чтоб остатки свои не привесть в вящее изнеможение, вознамерились сего для вдруг 4000 из храбрейших козаков, которые упомянутых утеснениев более сносить не хотели, искать себе прибежища в других странах, заключа при том счастие свое сыскивать неотменно в военных действиях. Чего ради, собравшись с женами и детьми, пошли представить себя Персии, которая тогда с турками имела войну. Таким образом, перешли они, продравшись сквозь крымские и нагайские орды, со всякою храбростию и осторожностию к Дону и там, по приглашению донцов, в начале весны 1637 году, сообщась с ними, город Азов у турок взяли *.

Поляки, уменьша число козаков, войском своим Украйну окружили и к ним своих начальников определили

Поляки, видя волнование и отхождение козаков, тотчас, по приговору сеймовому, велели войскам своим, под командою князя Вишневецкого, занять всю Украйну и по списку учредить только шеститысячное число козаков, определя к ним своих из поляк полковников, сотников и прочую старшину и дозорцев, кои начали при своих учреждениях содержать их, во-первых, за крайнем пренебрежении

* О сем взятье козаками Азова описано с точностию в истории о донских козаках.

и утеснении. Они обременили их разными, неподлежащими к ним, исправлениями и службами, а паче всех, вновь полагаемых в поспольство (в пахари), обложили на Корону данью и податьми, на панов оброками, тяглами и всякими работами, розоряли церкви, продавали утварь жидам, детей убивали, а некоторые и в котлах варили, женам сосцы деревом оттирали и прочие насилия делали, как об оном малороссийская повесть повествует и тем намерены были в крайнее изнеможение и бессилие их привесть.

23-й гетман Полтора Кожух. Козаки намерены были еще противу поляк вооружиться, но за малым их собранием разошлися

Чрез такие бесчеловечные и несносные тиранства и налоги из числа оскорбленных еще вознамерились было в наступившем 1638 году противу поляк восстать; но как на первой случай не более полутораста человек их, под предводительством своего гетмана, Полтора Кожуха, при урочище Мерле на тогдашнее время собраться могло, не отважились того для противу немалой силы польской, находящейся в Украйне, сделать ударение и хотя уже и вооружены к тому были с прибавлением к ним людей, но однако ж разбежались, а поляки, напротив того, имея предосторожность и стражу противу волнующихся козаков, сами претерпели, чрез жестокую тогда зиму, ужасный в войске своем урон.

Для удержания козаков от буйств поляки строить крепость Кайдак начали

Как поляки всячески старались козаков своих неотменно угнесть и чтоб от убегательства их удержать, а прочих, отшатившихся от набегов и разорениев, чинимых Польше, отвесть и по многим от Оттоманской Порты на них жалобам о чинимых ими по Черному морю и в селениях грабежах, усильно постарались достроить помянутую крепость Кайдак, а паче чрез старание коронного хорунжего (знаменоносца) Конецпольского; и чтоб населить оную народом польским и немецким вооруженным и тем бы их на обои стороны обуздать и усмирить. Для чего будучи в 1639 году сам Конецпольский на том урочище Кайдаке, и с ним Богдан Хмельницкий с козаками, спросил его: «Угодна ли вам, козакам, сия крепость и довольно ли крепка для вас будет?». На то ответствовал Хмельницкий по латыни: «Еще нет того, чтобы, что людьми сделано, разрушено быть не могло». Конецпольский с удивлением слушал такой его ответ.

Но вместо того, чтоб то удержать и обуздать козаков могло, запорожцы, отшатившиеся от Польши, по вольности своей, еще больше

из сего вреда им чинить стали: они беспрестанно делали у них убийства, грабительства и всякое разорение.

24-й гетман Булюк

Сие поляки ставили на счет своим козакам; они, злясь на них, и последнего гетмана их Булюка, коего они было между собою изобрали в 1640 году, отрешили и определили вместо того из своих, как в самую Сечу Запорожскую, так и в прочие козацкие полковые и сотенные города полковников, комиссаров и дозорцев с принадлежащими к ним чинами. Сии начальники, по прихотям и для прибыли своей, козаков так, наконец, истощили, что едва кто имел у себя что в доме, кроме жены. Как сами о том писали они при сем случае, имели только одного из своих над собою главным — оставленного им войскового есаула Барабаша, который был и полковник черкаский.

Точию понизовые запорожцы не оставляли свое удальство производить: когда в Польше чего не удалось получить, то в иных местах сыскивали добычи свои, как то в 1642 году, достигши на Донце посланника султанского чауша Мехмета Келеби с шестью человеками, из корысти убили и, скрывши то, след свой замели.

Турки делают преграду от запорожцев

По всегдашним же козацким набегам и нахождениям на города и селения турецкие и татарские, а паче для тайных их проездов на Черное море ради таковых же их промыслов, турки принуждены были по Днепру и в прочих местах учредить крепкие заставы и при оных чрез реки перетянуть железные цепи, чтоб тем воспрепятствовать и удерживать их от всегдашнего разбойнического стремления.

Разные способы запорожских козаков к проезду сквозь преграды турецкие

Но все оные укрепления и предосторожности турецкие не сильны были козацким предприятиям воспрепятствовать: они промыслили против оных. Как скоро вознамерятся в море выехать, чинили сперва близ тех застав и укреплениев в ночное время разные подложные тревоги, а сами иными местами проезжали; иногда ж срубали толстые деревья, подводя рекою их ближе к заставам, и пускали со всеми их сучьями по воде в темные ночи, сами ж укрывались близ оных в речках и ериках; деревья ж наплывали на те перетянутые цепи и тем ударением по ночному времени тревожили турок, кои думали заверно, что козаки в лодках к ним приплывали, стреляли по

оным ворогам из пушек и ружьев и тем чаяли удержать нашественников. Точию козаки, сколь скоро пальба окончалася, в то время тут же проезжали, и хотя турки иногда, видя их проезжающих, и вслед их стреляли, но удержать их и вреда им почти делать не в состоянии были; иногда ж козаки так тайно проезживали, что турки об них и сведать, не только видеть, не могли.

Мимо ж Очакова и Кинбурна всегда ночью проезжали; токмо наперед изжидали себе благополучной погоды, а паче тумана, или, не доезжая Очакова, обвозили лодки свои прогноем и оттоль ручьем в море выходили, что никто в Очакове и Кинбурине того видеть не мог, где будучи, чинили свои добычи на море и на сухом пути, и, возвращаючись, в удобных камышных местах, близ берегов, для переду затапливали в море думбасы свои, сами ж, вышед на берег, отгоняли у турок и татар табуны конские и скот и на оных всю свою добычу до станов своих доставляли.

Случалось и так, что козаки вдруг, сухопутно и водою, отъезжали и, на нареченном месте соединясь, промыслы свои делали и назад возвращались. Точию когда турки о всех их проездах и о пролазах стали сведомы, тогда везде удвоивали свои заставы и отъезжые караулы и, тем многих ловя, убивали. Противу чего козаки, отменя тот способ свой, иным образом обходить их стали. Они брали с собой малые челны и обваживали их сухопутно; мимо всех тех застав, кои им опасны были, и, достигши в туманные времена до тех мест, где затопшие их лодки были, они сажались в них человек по 30 и более, а главный начальник их, будучи впереди, всегда имел на лодке своей мачту с флагом или со значком, каждый же козак имел для сражения ружье, пистолеты, саблю, копье, а иной и лук с стрелами, притом были с ними крючья, топоры, дубье и цепы деревянные. Подъезжали ж на турецкие большие суда во время ночное и туманное и, приближась на дубах своих к оным, прицепившись, топорами бока прорубали, а прочие, чтоб турки с судов их не язвили и не оборонялись, по них стреляли, кололи и цепами били и, входя во оные, все, что на судне из вещей и богатства знатного и к войне способного имелось, равно порох, ядра, свинец, пушки и всякое орудие, брали; судно ж с неспособными для козаков товарами и людей без пощады топили, кроме христиан, коих с собой забирали.

Что ж касалось до оставших украинских козаков, кои, будучи со времени уменьшения их при самой бедной крайности, в неописанных обидах, налогах и утеснениях своих, в 1647 * году третично чрез посланных своих челобитствовали слезным прошением самому королю Владиславу IV и просили о милостивом его заступлении и защите себе, верным рабам своим. Король, памятуя важных сих утесненных

* Во оном 1647 году генваря в 1 день скончался преосвященный митрополит Киевский Петр Могила, а на его место посвящен митрополитом же Сильвестр Коссов и был 10 лет и скончался.

воинов услуги, покушался возвратить им старые выгоды, но мнения польских правителей тому несогласны были, за каковое непослушание их, как милость к народу оному далеко простиралась, то в посланном письме своем до черкаского полковника Барабаша между прочим напоминал те самые слова, кои он ему и Хмельницкому с товарищи в Варшаве говорил, что, «если вы жолнеры (воины) добрые, мушкет и при боце шаблю маете, то оными и крепко можете боронити свои от поляк повреждаемые права и вольности».

Письмо оное Барабаш, когда получил, не объявил никому, но сохранил его тайно у себя так, дабы не уведал об оном никто, ибо благосклонен был полякам, а о козаках своих хотя и жалел, но не весьма старался и радел об них, а наблюдал только о сохранении состояния своего. Но тайна сия от Хмельницкого, как был между воинством оным благоразумнее, хитрее, пронырливее и службами своими королю известнее других, укрыться никак не могла: он об ней весьма проник *.

ГЛАВА 14

О повествовании французского писателя о начатой войне противу Польши Богдана Хмельницкого

С сего самого времени за отнятие у именитого чигиринского жителя Богдана Хмельницкого польским старостою Конецпольским его вотчины, прозываемой Суботов, и за несносную, причиненную ему от чигиринского подстаросты Чаплинского обиду смертельным поруганием над его женою, и за битье его сына, возгорелось неукротимое в нем пламя злобы, и за все при том выше описанные от Польши Малой России притеснения, наглости и убийства с нарушением всех жалованных ей от польских королей прав и закона, учинилося чрез того Хмельницкого во всем войске козацком и во всей Малой России жителях возмущение с неукротимою яростию и вооружением на всю Польшу следующим началом, о котором во-первых по польским ведомостям, бывший в то самое время при польском королевском дворе секретарь посольства французского двора надворный советник Шевалиер [52] описывал и в Париже на французском языке в печать выдал 1653 году. С оного при сем прилагаю точный список перевода, и хотя

---

* С 1621 года настали паки в Киеве православные митрополиты и стали писаться Киевскими, Галицкими и Малыя России, и был с сего году первый Иов Борецкий.

По смерти митрополита Иова Борецкого был в 1631 году в Киеве митрополитом же Исаия Копинский, но за сумнительством на место его посвящен в 1632 году Петр Могила.

оное со многими вероятностями от него обнародовано, но, однако, более по польским прихотям, закрывая многое, из чего любопытный читатель может усмотреть самую истину, которая сторона имела более справедливости к тому выигрышу; как по окончании сего следующее от малороссийской стороны повествование обстоятельнее объявляет, а здесь начинаю во-первых описание господина Шевалиера.

Повествование французского писателя Шевалиера

Польша имела часто с неприятелями дело; имела она войну с Немецким государством, с крыжаками или кавалерами Ордена Тевтонического со времени их в Пруссии, которые часто подкрепляемы были помощию немцев с татарами, кои беспрестанные на нея делали нападения и проходили оную иногда с одного предела в другой, наконец, с турками, которые в 1621 году, пришедши Днестром в Хотин с армиею, состоящею в четырехстах тысячах человек, думали пожерти целое оное государство; в то же самое время шведский король Густав Адольф с сильною армиею вступил в Лифляндию; однако поляки всем тем, хотя и сильным, неприятелям делали отпор, и те брани не столь им казались опасны, как приключившаяся в 1648 году в самом почти пункте смерти короля польского от тех же самых козаков, кои им пред тем во всех баталиях пособляли; ибо они, взбунтовавшись, не только весь почти краснорусский народ привели в свое согласие, но и, оставив смертельную и непримирительную злобу, которую они имели всегда на татар, согласились с ними и испросили себе помощи от турка для падения и крайнего Польши разорения.

И так козаки, соединя силы свои с войсками неверных, сделали менее как четырех лет четыре великие нападения на оное королевство, с армиею, состоящею от двух до трех сот тысяч человек, которая тем сильнее и опаснее казалась, чем козацкая пехота, состоящая из одних почти мужиков, приобыкшая к трудам и разным воздуха переменам и чрез частые татарские на их земли пред тем набеги довольно сопротивлению научившаяся, подкрепляема была татарскою конницею, которая, без сомнения, была найлучшая в свете, если бы так обучена экзерциции, как европейская.

Богдан Хмельницкий был первая искра оного пламени и причина всей той войны; он был природный шляхтич, сын подстаросты польского * и, вписавшись в козацкое войско рядовым козаком, произо-

* Сие против российской истории разуметь должно, о отце его, Хмельницкого, кой чаятельно был сын подстаросты и был действительно сотником чигиринским, а чтоб Богдан Хмельницкий был когда сотником, того по историям российским нигде не значится, кроме, что он был в депутатах и комиссаром от Малороссийского Войска.

шел по степени в чин сотничий и был от Запорожского Войска в депутатах на сеймиках польских, потом генеральным комиссаром, а наконец произведен в войсковую старшину. И понеже имел он некоторое познание русского письма, что между козаками весьма редко в то время было, то Владислав, король польский, ослабевый первее от праздности, когда другие короли и принцы християнские большею частию упражнялись в делах, принял напоследок намерение 1646 года начать войну с перекопскими татарами, которых хотел он прогнать из Крыму; для которой экспедиции за найлучшее почел употребить козацкое войско, для командирования которого определил Богдана Хмельницкого, по его к тому способности и достоинству. Однако, когда в таковом королевском предприятии християнские принцы, просимые им в помощь, дать оной, за многими своими другими делами, были не в состоянии, да и венецияне, на которых также надеялся король, отказались пособить в том ему, а Польская Республика пожалела издержаний для собрания войска, то король принужден был таковое свое предприятие оставить и все войско, которое имел он от стороны королевской супруги своей, отпустить их в домы, чего для и Хмельницкий остался без должности; однако скоро сыскал он чем упражняться: за ссоры, последовавшие о границах земли * с Чаплинским, поручиком и дозорцею одного польского Великого хорунжего коронного, а паче с огорчения о худом поступке с женою его и сыном, которого Чаплинский чрез ту ссору бил палками.

Сия обида подала Хмельницкому случай открыть намерение свое малороссиянам в освобождении себя от поляк, коих более все козаки терпеть не могли, что когда поляки несколько приметили, начали и более бедных козаков утеснять и работать ими так, как бы подданными.

Хмельницкий, будучи вовсе надежен на козаков к лучшему предприятию своего совершения, а чтобы между тем не был поляками подхвачен, в начале 1648 года ушел на Запорожье, где, открыв свое намерение, начал к войне приуготовляться.

Некоторые думали, со многим, правда, сходством, что король Владислав, желая принять опять намерение свое в поднятии оружия противу татар, имел тайное с Хмельницким сношение и велел как бы нарочно возмутить козаков, чтоб чрез то понудить Республику о даче ему войска для усмирения их, и, когда то последует и войска соберутся и соединятся с королевскими полками, то он вместо того, чтоб усмирить козаков, обратит их на татар, поколику тогда польское войско имело б быть под командою верных королевских офицеров, кои ордеров Республики, предпочитая государевы повеления, слушаться не похотели б.

Как бы то ни было, Хмельницкий увидел, что письма, которые он писал в Польшу, с представлением жалобы и о приключаемых час-

---

* За Суботов — собственное Хмельницкого добро и угодие.

то козакам обидах и ему самому, хотя оные письма наполнены были преданности и засвидетельствования верности и почитания, не имели, однако, никакого действия, а напротив тому гетман Потоцкий приуготовлялся уже вооруженною идти рукою на Хмельницкого, чего для он, не будучи вовсе на силы свои надежен, упросил в помощь к себе татар, которые тогда зимовали на Диких Полях [53], сыскивая случаев напасть и ограбить Украйну. Тогда провожены были они Тугабеем, вождем и храбрым воином, который и крымскому хану не весьма был подвержен и часто ослушивался повелений его.

Отдаленность места, которая польских вождей не допустила знать тайных Хмельницкого предприятий, была ему весьма авантажна; а как скоро поляки подлинное в том получили известие, то тотчас приняли намерение в самой крайней скорости идти прямо на Запорожье для усмирения оного бунту в начатке его; чего для уже на ту сторону и отправили часть польского войска для обережения границы, в которой был козацкий корпус, обретающийся в службе Республики, под командою вождей — комиссара Шомберга, Степана Потоцкого, гетманского сына, и Сапеги, да Чернецкого, так, как и других несколько польских вельмож. Из оного козацкого корпуса половинная часть, которая судами по реке Днепру пришла к порогам, предалась тотчас на сторону Хмельницкого несмотря на учиненную вновь полякам присягу, которую они думали безгрешно сломить для однородцев своих.

Хмельницкий с помощным войском, следуя прямо противу другой части того ж козацкого корпуса (кой сухим путем поход свой имел) и усмотря оный, легко привлек к себе, по примеру первых. В сей последней партии было несколько драгунских рот, которые много услужили в сражении Хмельницкому противу польского шляхетства, потому что оные не хотели тратить суммы на немецких солдат, коих тамошние магнаты заобыкли у себя иметь, вооружили и обмундировали, по примеру немцев, собственных своих мужиков, кои, будучи переменою состояния своего недовольны и желая освободиться от рабства, оставив господ своих, противу их же оказали отличную храбрость.

Хмельницкий, подкреплен дезертировавшими козаками, коих числом четыре тысячи были, не много имел труда преодолеть остальное польское войско, которого не более тысячи пятисот человек оставалось. Сии чрез несколько дней внутри лагеря своего защищали себя по возможности, а наконец, когда потеряли уже пушки и противиться большему числу войска, окружающему себя от всех сторон, были не в состоянии, остались все побежденными, из которых одни побиты, а другие татарами в плен взяты; между пленными ж были Сапега, Шомберг и Потоцкий, но сей последний от ран скоро умер.

Хмельницкий, употребя с рассуждением оного авантажу и в победе славы, которую одержал благополучно при первом сражении, пошел прямо против остальной польской армии, состоящей еще от

пяти тысящей человек, которых вожди всуе ожидали ведомостей о походе и состоянии первого корпуса, отправленного к Днепру, который предался на сторону Хмельницкого. Когда они известились о том, так, как и о соединении с теми изменниками татарами, положили намерение ретироваться назад, чтоб предохранить в целости прочие королевские войска, ибо они почувствовали себя быть не в состоянии устоять противу неприятелей, чего для и начали было уже отступать назад, однако скорость татарских лошадей не допустила их отойти далече. Татары, сближась к ним, начали делать нападения; между тем несколько из тех татар попалось полякам в плен, и как взяты были они и в пытку, то объявили, что число их в козацком войске простирается до сорока тысящей, а козаков семь тысящей, однако мужики, приходящие от всех сторон толпами в козацкое войско, прибавляют от часу в час великое число козаков. Сие принимая поляки в рассуждение, собрались на совет, в котором много рассуждали, дать ли, приостановясь, с ними баталию или продолжить ретираду; но как будучи в опасности медлить чрез долгое время на таком месте, где неприятели легко препятствовать могут привозу провианта и фуража, то, во уважение сих обстоятельств, за лучшее почли ретираду в построенном обозе, что и продолжать начали. Но только что отошли на полмилю, вошли в лес чрезчур густой, где земля была весьма болотиста, а к тому, для большего их несчастия, тысяча восемьсот человек козаков, которые остались было при польской армии, оставив ея на том месте, дезертировали к своему товариству. Хмельницкий с войском своим туда ж сблизился и дал полякам баталию; они, после сопротивления, чрез несколько часов в том лесе по причине неудобного места пришли в беспорядок и остались побежденными; из них некоторые побиты, а прочие в плен взяты, а иные в болоте потоплены.

Таковое польской армии злоключение, последовавшее недалече от города Корсуня, сделалось еще чувствительнейшим Польше, когда король Владислав IV, в то ж самое время, в Мереще, литовском городе, жизнь свою, коей течение 52 года было, окончал. Каждый бы не усумнился, что сей государь, коего слава, соединившаяся с многими великими его качествами, всех подчиненных к почитанию его побуждала, равно как и врагам страшна была, мог бы величеством своим и одним почитаемым именем его начинающийся между козаками бунт усмирить.

Смерть такового короля Хмельницкому не была еще известна, и если бы он, завременно о том уведал, то бы, без сумнения, и более вреда Польше приключил, продолжая гордое свое предприятие, от которого он, по одержанной не вдавне победе, несколько поудержался было, ибо вслед той акции писал он письмом к его величеству с великою преданностию, в котором полагает причину поднятия той войны — приключаемые от губернаторов грабительства и несносные налагаемые дачи от жидов, откупщиков добр шляхетских и королев-

ских, при том просит он прощения, что принужден был искать себе облегчения вооруженною рукою, а между тем уверяет его величество, что он отпустит обратно татар в их землю и будет жить в послушности и верности к его величеству, только бы он и козаки оставалися свободными и жили при вольностях своих, которые им от королей, предков его, дозволены.

По отправке такового письма, по несколько времени Хмельницкий получил известие о королевской смерти от Адама Киселя, воеводы Брацлавского, чрез некоего греческого монаха.

Тот воевода, будучи сам греческого исповедания, писал к нему письмо ласкательными и учтивыми выражениями, приводя Хмельницкого к прежней его должности и изъясняя ему древнюю козацкую верность, в которой они, хотя и ревновали о вольности своей, были, однако, всегда постоянны и, живя в преданности к Республике, все, а особливо военные люди, имели всегда свободный приступ у Республики к произведению интереса своего и к представлению жалобы за приключаемые им обиды. Между тем уверял их, что и он, будучи один из сенаторов греческого исповедания, есть защитник церквей и правил веры, чего для и берет на себя верно в том наблюдение и просит Хмельницкого воззреть на святость той же самой веры и чести российского народа, отпустить татар обратно в землю их, а козаков привесть в прежнюю их должность и поставить их в обыкновенных им квартирах; при том советовал отправить некоторых из своих в депутацию с представлением обид, приключаемых козакам и ему; а чтобы те обиды награждены были по их желанию, обещевался он сам стараться для услуги козакам, ибо он в Республике столь почитается, что они без сообщения ему никакой резолюции о мире или о войне не предпринимают. При том обнадеживал также Хмельницкого, что он иметь будет попечение те бранные начатки лучше окончать миром, нежели продолжением гражданской войны; да и армия, прибавляет он им, козацкая, упражняющаяся ныне в взаимном своем падении, полезнее и славнее употреблена быть может против христианских неприятелей, и тот то будет истинный христианской поступок, чтоб начатую брань оставить. Хотя же ими поднятые просьбою татары будут и огорчены и вздумают в случае сами противу вас продолжать войну, то их от того легко удержать можно, чего для единственно остается то, чтоб их отправить обратно и чрез то одержать себе похвалу.

Монах, податель того письма, опасаясь, чтобы не попасться в руки татарам, много имел труда, пока пришел в лагерь к Хмельницкому, коему как скоро подал письмо, то он велел тотчас собрать и созвать войско, которое было уже несколько в замешательстве, и приказал то письмо пред всеми прочесть в голос. По прочете которого Хмельницкий первый апробовал усоветование воеводы Брацлавского, на которое, когда и прочие согласилися, то он, в пресечение всех враждебных происхождений, положил намеру, пока на

письмо свое, писанное к королю, получить ответ от двора польского, отпустить татар в Дикие Поля с тем, чтоб они всегда и во всех случаях в пособие были им готовы, а между тем пригласить к себе воеводу для лучшего персонального усоветования.

Сей Хмельницкого поступок, при таком деле его благополучного состояния, удивил весь свет, хотя то его предприятие и не без хитрости было, потому что чем он, с одной стороны, казался течение победы своей приостановить для ощадения кровопролития и для удобнейшего получения милости, тем, с другой стороны, оказал хвастовство и силу свою пред поляками для одержания у них того, чего бы они надежно простому покорению уступить никогда не хотели.

По отправлении татар Хмельницкий вошел внутрь города Белой Церкви и жил несколько в спокойстве. Кривонос [54] же, другой вождь, человек, наполненный ярости и смелости, в то же самое время огнем и мечом разорял польскую Россию и Подолию, а Хмельницкий, когда до его о сем писано, оказывал себя так, как бы о том и не знал, и тот Кривоносов поступок ему якобы чувствителен был, чего для и говорил, чтоб схватать оного Кривоноса и других его соучастников бунтующихся, отдать в руки полякам. Сим давал вид только относительный от себя, а не в истинное исполнение, дабы тем только удержать поляков от нечаянного на них нападения, что и самим делом так сбылося.

Сия Хмельницкого хитрость когда от польской стороны примечена, то князь Еремей Михаил Вишневецкий прибыл до самых границ России по ту сторону Днепра с несколькими полками, к которым полки Януша Тышкевича, воеводы киевского, присоединены были, також и полк гвардии покойного короля под командою генерала Осинского, маршалка литовского, который в той же был экспедиции; он того Кривоноса приудержал и пресек путь ему к дальнейшему разорению, а Хмельницкий, между тем, пробрался внутрь самого королевства со всем почти малороссийским народом, которого считалося до ста тысячей человек. О чем когда другие польские войска и пограничное шляхетство известились, все вдруг, согласясь, пошли прямо против козаков и возмутившихся мужиков, делая, однак, наперед разов до двух опыты к примирению их, но тем ничего успеть не могли.

В то время Польская Республика почувствовала, сколько ей великий удар был смерть королевская, ибо она не искусилась еще того, сколь нужно много мощного и повелительного иметь королю для управления такими знатными господами, кои тогда в той армии находились, которые одни другу другу не уступали, а чрез то только одно несогласие и беспорядок происходил. Чего для некоторые из них рассудили за благо, когда дело в такое состояние пришло, оставить поход свой, следующий вперед, а возвратиться бы ближе к своим местам, что, по общему усоветованию, и апробовано, и, для лучшей безопасности окружась обозом, последовали до Константинова для занятия там своего стана. Но при том походе их приказы и повеле-

ния были в таком ослушании, что, когда начали поход свой и будучи поблизу Польши, то некоторые, не ожидая очереди, упреждали первых; а сей беспорядок, по причине случившейся тогда темной ночи, подал причину другим, кои следовали за первыми, к сумнению и привел их в страх, которому и самые храбрейшие польские воины были подвержены, потому что не могли узнать скорой причины такового народного замешательства и бега. В сем беспорядке Хмельницкий мог бы, без сумнения, одержать над ними совершенную победу, если бы обстоятельно знал таковое у них смятение; но он думал, что то делается для него нарочно, чтоб тем его понудить к атаке, и за тем он поудерживался гнать их вслед и скоропостижно, а довольствовался только тихим походом своим вслед их и с великою предосторожностию; но наконец, когда узнал подлинно, что то замешательство от одного их страха происходило, сожалел весьма, что в мыслях своих обманулся, чего для рушил он тотчас со всем войском своим до славного купечеством города Львова. Сей город был только от восточной стороны не столь крепок, при том для защищения себя ни людей способных, ни запасу довольного не имел; обретался же в нем один старый офицер именем Арцишевский, который чрез долгое время служил в чужих краях и командовал голландским войском в Брезиле; тот, по уверению других, ожидал себе скорой помощи из Малой Польши, чего у тех и в мысли не бывало. Жители города того, командуемые тем офицером, довольно за себя делали сильный отпор чрез несколько дней; наконец, изнемогши, принуждены были оставить крепость осадившим оную, и, видя себя народ более не в состоянии биться с армиею, состоящею от трехсот тысяч человек, да и недостаток хлебного запасу в городе, рассудили откупиться у неприятеля знатною суммою денег, которую получивши, козаки от стен градских отступили.

По окончании над Львовом такой экспедиции, рушили они до Замостья, города нынешним манером сделанного от Яна Замосцкого, великого канцлера коронного, во время короля Сигизмунда, отца последних двоих королей. Тот город единое было прибежище русскому шляхетству, изгоняемому из владений их от бунтовщиков мужиков; чего для и в то самое время много там обреталось шляхетства из воеводств Бельзского и Сендомирского, где и 1400 солдат находилось, кои из Белоруссии туда воеводою Померанским, Людвигом Венгером, приведены были.

Козаки и бунтовщики-мужики сколь насилилися достать оного города, не могли; и, так будучи они при осаде, чрез целый месяц принуждены с потерянием многих своих отступить назад в Украйну.

Не должно умолчать здесь о помощи, которую Польская Республика от французского короля имела, хотя тогда и во Франции от граждан война возгораться начиналась, но несмотря на то французский король послал в помощь Польше восемьсот человек, новонабранных полковником Христофлем Приемским, кой во фландрийской его армии командовал комплектным полком.

Хмельницкий, прибывши в свою Русь, стал с войском своим на кантонир-квартирах, где знатные господа от стороны Республики приезжали к нему для разговору о мире, однак ответы были его на предложение то чресчур гордые, ибо авантажи последнего походу сделали его продерзнейшим, нежели как он пред тем был, чего для депутаты много труда имели, пока могли уговорить его по крайней мере к перемирию на несколько месяцев.

Еще совершенного оному перемирию окончания не было, как с одной стороны начаток новой войны оказался, ибо бунтовщиков полки, на многих местах собравшися, нападали на поляков, однак взаимным образом достойно от тех же поляков наказаны были; Андрей Фирлей, каштелян Бельзский и Станислав Лянцкоронский, каштелян Каменецкий, коим новоизбранный король, Ян Казимир [55], препоручил в командование войска, всех почти их разбили в прах. Таковым же бунтовщикам знатный тогда ж последовал урон при наступлении к Остру Полю, Бару и другим городам, которые у них поляками с великим кровопролитием и немалою добычью взяты.

Хмельницкий к наступающей весне, коей он с нетерпеливостию ожидал, упросил опять в помощь к себе татар, которых числом более ста тысяч было, и выступил в поход для учинения нового нападения на Польшу. Поляки, для пресечения предприятий его, собирались також в место, и по собрании нескольких вожди их держали совет, на каком бы месте стать им, пока все польское воинство соединится с ними и, по многих рассуждениях, положили было намерение стать под самые стены Каменца Подольского, как таковой крепости, которая есть щит Польше от турков и достойная есть ко всякому защищению; однак наконец мнение Фирлея предпочтено, ибо он предлагал, что армии отдалять от границ не следует, чтоб в случае неизвестности в руки неприятелям не впасть, и избрал сего для за лучшее место для лагеря город Збараж, принадлежащий князю Вишневецкому. Оное место для сего, так и для получения скорой помощи, которой они ожидали, было весьма способное.

Фирлей не имел у себя более, как десять тысяч человек; в том числе и те полки, которые польские господа имеют у себя на собственном своем содержании. В том войске между прочим генералитетом присутствовали в товарищах Фирлея Лянцкоронский и князь Острожский, подчашей коронный, також и князья Дмитрий, Михаил и Еремей Вишневецкие, Александр Конецпольский, великий хорунжий коронный, сын покойного гетмана Конецпольского.

Генерал Фирлей, предвидя, что вскоре атакован будет бесчисленною армиею, приказал завременно учредить магазейны и починить обветшалые фортификации как города самого, так и крепости Збаража, и прикрыть лагерь свой добрым ретранжаментом, обнесть его рогатками и рвами, а особливо берег озерцо, которое бы им довольно доставляло воды, будучи под неприятелем.

Помянутый Фирлей только что оградил себя шанцами, козацкая и татарская армии вдруг от всех сторон окружили его. Оные были столь многочисленны, что равных еще со времени браней Аттилы [56] и Тамерлана [57] не бывало, а сверх того удивительнее еще было, что хан сам персоною своею в армии своей присутствовал, желая польское королевство иметь себе в корысть, и ласкал надеждою себя, что оная от него не уйдет, а Хмельницкий уверял его в том как в подлинном событии. И подлинно ни во что он вменял так малое число польских солдат, кои в состоянии были б только защищать польские границы, чего для хан и Хмельницкий думали их не токмо голодом переморить, но и силою в первом разе овладеть ими и лагерем их, что произвесть думали так легко, что и щадить людей своих, поелику их было множество, нужды им не было.

1649 года месяца июля 13 дня генеральная дана была баталия и с великим устремлением; хан командовал сам в персоне войском своим, которое, не испытав довольно силы и храбрости поляков, наскакивало на их безрассудно, усиливаясь чресчур на станцию генерала Фирлея, кой более всех нападению подвержен был, чего для польская армия прикрыла себя в близ находящемся раздоле для прогнания овладевших уже неприятелей частию ретранжамента, что хотя и с трудом, но благополучно, однакож, победу свою одержали. Фирлей и князь Вишневецкий защищали себя храбро; из сих последний усмотрел, что солдаты его ослабевать начинают, приказал пальбу приостановить, чрез что дал своим думать, что как бы он намеревает делать пропозицию о мире с татарами, а им остается токмо стать храбро против одних козаков, чем войско оное будучи одобрено, вооружилось опять так сильно, что хотя и великое число от них убитых лежало, однако они, употребя все силы, оказали в сражениях удивительные и отчаянные знаки храбрости, несмотря и на то, что уже того ж одного дня семь атак выдержали.

Следующих дней козаки вооружались беспрестанно противу поляков. Однако с меньшим еще выигрышем, как пред тем, хотя к силам своим употребляли и воинские хитрости, ибо они, желая уверить поляков, что им и турки пришли на помощь, сделали было соломенные болваны и, одев их в турецкое платье, посадили на лошадей и поставили их в армии своей без вождей, каковую козацкую хитрость от польской стороны тотчас примечено употреблением микроскопа.

Хмельницкий посылал часто письма к полякам, из которых одними уговаривал Фирлея к примирению, а другими побуждал немецкие полки к дезертированию; наконец, видя, что не успевает ничто ни силою, ни хитростию, принял меры атаковать польские ретранжаменты траншеями и употребил к работе той, денно и нощно, всех бунтовщиков-мужиков, коих считалось тамо так великое число, что чрез малое время те траншеи отделаны были ими аж до самой подошвы польских ретранжаментов.

Сие новое козаков средство устрашило поляков более прежнего, из чего видя они, что защита у них отнимается и что они едва ль первые свои ретранжаменты одержать могут, сделали тотчас другие поближе города, в которые вскоре и ретировались. По сим обстоятельствам некоторые главнейшие козацкие старшины думали, что поляки, оставив все свои ретранжаменты, заперлися в одном месте. Но сие как полякам вредительно в самом деле ни было, однако сверх крайности той, в которую они пришли (ибо не имели уже почти никакого средства ко освобождению себя), последовал при том им в провианте и фураже недостаток, с чего лошади, падающие всякий день толпами, приключили несносный в лагере смрад, и по недостатку для людей пищи одна булка платилась десятью полтурами *, а бочка пива — 50 золотых **, солдаты ж принуждены были есть лошадиное и собачье мясо.

Хмельницкий, ведая о осажденной польской армии, от которой почти непрестанно дезертировали солдаты, что у них такое бедное состояние, тем более пришел в твердость, не хотел инако согласиться на мир, как на печальных и несносных полякам кондициях. Однако хан при таковом случае оказался склоннейшим и требовал, чтоб князь Вишневецкий и Конецпольский приехали к нему на конференцию, поляки отнюдь не хотели сего, чтоб те их господа сами себя отдали в руки хану, чем хан весьма ожесточился.

Всуе польские генералы отправляли курьеров до короля с уведомлением о состоянии своем, в каком они тогда были; они просили от него скорой помощи, но все почти курьеры попадались в руки козакам и татарам, а хотя бы кто из них туда в проезд свой и избежал их рук, однако ответа полякам привезть никак не могли, потому что в обратном пути либо пойман будет, либо убит; они же, ожидая день от дни от короля известия и помощи, не преставали защищать себя. Но наконец, когда в ожидании нетерпеливость их мучила, умыслили подметное написать письмо, как бы оно действительно было от короля, и, чтобы войско тем лучше уверить, приделали к оному королевскую печать, которую они с прежде полученных писем оторвали. Сею хитростию, так, как и сладкими речьми, увеселили несколько осажденную армию, уговаривая ее иметь терпение; а для лучшего к тому солдат побуждения, некоторые из тех же главнейших генералов, хотя они и имели еще у себя довольно съестного припасу, оставя добрые вкусы, употребляли в пищу смердячее конское и собачье мясо. Фирлей сам, хотя уже стар и болен был, хотел то же есть, но присутствующие с ним из почтения и, жалея слабости его, к тому не допустили.

---

* Десятью или двадцатью копеек.

** 10 рублей, ибо золотый состоит из 20 полтур, полтура же считается ныне $1^1/_4$ копейки, а в то время шла она только за одну копейку.

Князь Вишневецкий и Конецпольский для отнятия у козаков надежды в получении ими скорой над собою победы беспрестанные делали с ними битвы теми людьми, кои и посреди такового бедствия имели в себе еще довольно отважности. Между тем для большего полякам несчастия, кроме недостатка провианта, последовал им недостаток в воинских припасах, что им воспрепятствовало так часто производить стрельбу, как прежде палили. А козаки от стороны своей не дремали в том, ибо кроме беспрерывного огня, палящего на польский лагерь, и кроме беспрестанных нападений чрез транжемент усиливалися завладеть городом Збаражем и отнять у осажденных воду; однако, когда одно и другое им достать не удалося, то намерены были они зажечь город, а паче те ворота, которые им много препятствовали по причине высоты своей, откуда беспрестанная на козаков делалась пальба от искуснейших польского войска стрельцов, между коими превосходнейший был ротмистр Битлер да патер Мишавецкий, ордена езуитского, который стрельбою своею сверху замковых ворот убил более двухсот козаков. Сии, видя, что приступ им труден, взяли фитили в руки и подошли под самые ворота толпою, и если бы удалось им зажечь оные, то был бы уже легкий способ достать и другие места вскоре; однако осажденные, как скоро приметили то, употребили все силы свои к недопущению намерения их, подвизаясь в том так храбро, что не щадили многого кровопролития своего; и когда все их дела были уже в худом состоянии, стрела, испущенная в город, принесла им радостную весть, ибо к оной прицеплено было письмо от некоторого безименного шляхтича, находившегося в козачей службе. В том письме, во-первых, писал тот шляхтич, извиняя себя, что служит он у козаков, до которых принужден был предаться по причине обид, приключенных ему от некоторого знатного господина, и по причине несчастия, случившегося в прошлом годе полякам. При том объявил о себе, что он еще любви и верности к своему отечеству не потерял, как он уже и прежде того, посылая таким же образом трижды письма, довольно себя верностию своею к Польше оказывал и ныне дает им знать, что король идет до их на помощь и находится уже в Зборове, а козаки, уведав о его величества походе, стараются усугубить силы свои противу их; того для советовал он, чтобы и они равным образом не теряли храбрости своей и приуготовлялися мужественно к супротивлению. Таковому писанию большая часть осажденных не могла верить, почитая его за подметное от самих же польских старшин, однако после оказалося оно быть действительно и истинно.

Король имел много таковых препятствий, кои могли бы поудержать поход его; однако ж, наконец, поспешая к освобождению содержащегося в осаде войска своего, благополучно прибыл в Зборов; но армия та, которую он имел с собою, не токмо не была довольно сильна к прогнанию страшного оного неприятельского множества, но ниже к выдержанию малейшей баталии, когда б с ним то встретиться

случилось, ибо она состояла вся только в пятнадцати тысячах солдат да из пяти тысячей тех, которых господа имеют на собственном своем содержании; остальное же шляхетство не могло вскоре собраться, хотя и указы королевские рассыланы были для скорейшего поспешения к ним.

Хмельницкий и хан, уведав прибытие короля, разделили войска свои на части и, оставив сорок тысяч татар да двести тысяч козаков и мужиков под Збаражем, пошли прямо в Зборов с войском, состоящим в шестидесяти тысячах татар и восьмидесяти тысячах козаков, и продолжали тот поход свой в такой закрытности, что никаким образом неприятеля узнать не можно было, хотя король и многие рассылал партии для уведания об них, ибо посылаемые мало что могли изведать, потому что деревенские мужики все в округе там склонны к козакам были, как одной веры и питомцы, криво о козацком походе объявляли полякам. Козаки и татары того ж дня благополучно прибыли к королевскому лагерю никем не примеченные, к чему лес и густой туман много им способствовал; Хмельницкий тотчас сыскал случай войти внутрь самого города Зборова и рассмотрел там, по способности времени, состояние всей польской армии.

Оная армия, не ведая о татарском и козацком прибытии, маршировала тесною дорогою, по причине худых переправ на тамошних болотах — чрез гати и мостки; а как по переправе начинала уже идти в порядке, то тотчас увидела себя обнятою вокруг от козаков и татар, которые во первых нападать стали на польский обоз, а татары, жадничая корысти, захватывали королевских людей, переправляющихся чрез воды, на которых хотя и были гати и мосты, но мужики во удовольствие, по доброхотству своему козакам, а по вражде к полякам, разломали их. Тут премышельское шляхетство и конница князя Острожского первый неприятельский удар выдержать принуждены были, а наконец, когда более великому неприятелей числу, окружающему их от всех сторон, противиться были не в состоянии, многие от того шляхетства со всем своим багажом достались татарам в плен. И хотя Станислав Витинский и Леон Сапега, вице-канцлер литовский, прискакав на помощь, прогнали было оттуда татар, однако ж не на долгое время, ибо они, обратясь с вящим стремлением, войско вице-канцлера атаковали и, сразившися с ним, чрез целые шесть часов преодолели бы его совсем, ибо оное трижды уже приходило в робость, если бы каштелян Сендомирский и Людовик Осолинский, староста Стеблицкий, не пособили ему, чрез что неверные в найвящую ярость вошли и дали сильную полякам баталию, на которой Людовик Осолинский со многим шляхетством воеводства русского остались убитыми на месте. Между сим, как польская армия потом приближалася, то Хмельницкий с козаками своими и некоторою партиею татар атаковал оную с фронту; король поставил на первом челе войска свои в ордер баталии, препоручил в оной правое крыло в команду великому канцлеру Осолинскому, которое состояло как из королевской ка-

валерии, так и от кавалерии ж воеводства Подольского и Бельзского, Дангофа, старосты сокальского, и прочих, а левое крыло препоручил в команду Еворгу Любомирскому, старосте краковскому, и князю Корецкому, в котором крыле между прочими полками от кавалерии была многая компаний волонтеров инфантерия, в коей и сам король присутствовать соизволил. Все сие последнее было в команде генерал-майора Губальда, уроженца Миснинского, который чрез долгое время служил в немецком войске и был на разных баталиях, а после определен был комендантом в Гданске да так же в команде губернатора краковского Вольфа, дворянина лифляндского, которые оба и свои немецкие полки имели при себе в той же инфантерии.

Татары, раздавшись вширь в виде авангарда и как бы для некоторой обсервации, вдруг обняли было ее, по обыкновению своему, а после бросились все на правое крыло, однако приняты были они там весьма жестоко, ибо инфантерия стояла сомкнуто штыками, чего татары разорвать не в состоянии были; чего для оттуда ударилися они на левое крыло, которое удачнее разбили, нежели правое, и под князем Корецким, кой командовал тем крылом, убили лошадь, при каком случае сам он мало что убит не остался, а Ружицкий, когда ранен стрелою, которая ему пробила щеку, то он, не вынимая ее из раны, пошел прямо к королю с объявлением опасности, в которой находится левое крыло. Его величество, несмотря на величество и особу свою, прискакал тотчас к левому крылу для подкрепления его своим присутствием, увещевая всех на храбрость и возвращая обратно на брань тех, кои были уже в бегах, и тем, кои представляли жалобы о недостатке офицеров для командования, изволил сказать, что сам особою своею заступит их места. Сей государь нечувствительно входил бы в великие опасности, ежели бы идущие в след его не удерживали от того присутствия, который таким опасностям для спасения своих подчиненных подвергал себя. Ободрились войска его так, что несравненное множество неприятелей, коих они пред собою имели, начали ослабевать, а поляки мужественно сражались с ними и с лучшею горячностию, нежели пред тем, а при том и от мест своих не отступали. Партия татар проломилась было с одной стороны внутрь войска польского, однако тотчас пушечными выстрелами и двумя инфантерии ротами, под командою капитана Ейка королевской гвардии, назад прогнала. Наконец, когда неприятели не одержали никакого авантажу, который бы соответствовал великим их силам, употребленным противу польской армии, наступающая ночь печальный оный окончила день, в который армия, по всем обстоятельствам, должна была быть разбита на части.

Целая оная ночь проходила в советах и раздаче повелений к баталии на утрешний день, и сделано несколько ретранжаментов в скорости, как для прикрытия себя, так и для лучшего авантажу. Между тем, как король с главнейшими господами офицерами от армии держал совет, то в лагере нечаянно стал шум и смятение, как бы госу-

дарь их принял намерение ретироваться с прочими господами обратно в Польшу самой той ночи. Крайность бедствия, в которой состояло дело, оную догадку о ретираде привела мало что не в самое действие, ибо за малым чем не воспоследовало замешательство, о чем как скоро король, кой хотел было на время отойти для роздыху, уведомился, тотчас сел на лошадь, ездя по лагерю, уверял всех присутствием своим, что то только вымышленное голословие произошло, объявляя им, что он о ретираде своей никогда не думал, а желает всегда твердо стоять противу неприятеля вместе с ними, при том ласкал их надеждою благополучного успеха в сей войне, которая дана будет следующего дня.

В военном же совете между прочим по настоящим обстоятельствам рассуждено, чтобы сделать опыт в рассуждении Хмельницкого отделения от хана, что и произведено следующим образом. Послано к хану одного пленного татарина с письмом от короля, в котором изъяснено, что король не думает, чтобы хан позабыл милости и благодеяния покойного короля Владислава, который, когда он был прежде сего пред сим в Польше пленником и содержался под караулом, оказывал ему все ласки, а наконец совершенную дал ему свободу, так, как и получение настоящего его достоинства должен он помнить и почитать все милости оного государя, и что король удивляется сему, что хан присовокупился бунтовщикам и рабам, за которое неправильное соединение не должен себе мечтать великих авантажей, ибо бог в таковых предприятиях не благоволит. Между тем и сие привнесено ему на память, что он много одолжен был от покойного короля, брата его, при том обнадеживал его дружбою своею, если он ему приятелем будет, нежели союзство с бунтовщиками; на таковое королевское письмо в ответ тогда ничего не было.

А на рассвете утрешнего дня стали обе армии, козацкая и татарская, в ордере баталии, козаки последовали прямо до города Зборова, а татары атаковали обоз; однак четыреста человек от легкой польской конницы козаков несколько времени приудержали и с помощию другого своего войска прогнали их от города прочь, а служащие, обретающиеся при багаже, принявшись за оружие, прогнали от себя татар. Почему неприятельское войско, разделя себя на три части, корпусами атаковали с трех сторон королевский лагерь и первее всего завладели было церквою, состоящею поблиз лагеря польского, при которой, сделавши они батарею, поставили пушки и пальбою своею принудили защитников того места ретироваться. Они, завладев тем местом, усиливались на ретранжаменты, и на одном из оных смелости наполненный козак один поставил было уже и знамя на валу, однако некоторые королевские полки, прискакав туда, дали так сильный отпор, что они принуждены были атаку ту и баталию свою оставить. Служащие того места гнались вслед за ними, и храбрость их, которую они при той баталии оказали, подала случай сделать определение о принятии их в конницу и распределить по полкам для при-

умножения числа, и вдруг дать баталию целою армиею. На сие последнее предрассуждение многие не соглашались, потому что, когда все вдруг изнемогут, то напоследок неким будет защищать города и он чрез то может прийти в такую ж крайность, как и Збараж. Иногда у них таковая разность мнения воспоследовала, то все почти колебаться начали, что апробовать ли то или опровергнуть; но само небо, для благополучия их, открыло им путь. Хан, кой прежде всех ласкал себя получением победы над польскою армиею, усматривая в том противное, начал понескольку, как бы от страха, удаляться от брани и оказывать себя склоннейшим к примирению; чего для на королевское письмо и сделал ответ весьма учтивый, признал он в том письме себя много одолженным королевскому двору, изъясняясь притом, что ежели б его величество при избрании своем требовал его, то он, без сумнения, оказал бы ему более дружбы своей, нежели козакам; но понеже он его так пренебрег, что едва ль за равного себе человека почел, хотя и довольно ведал, как дружба его может быть Польше полезна. Того для принужден он был вступить с козаками в согласие; однако когда король желает возобновить древний союз с татарами, то хан от своей стороны не отказывается и обещевает отложить оружие и привесть козаков к их должности, когда и козацкие вольности в целости будут содержаны, и когда его величество согласится на то и пожелает означить место для конференции о мире, и пришлет своего канцлера, то и он не умедлит прислать своего визиря. Оное ханское письмо сообщено было с письмом Хмельницкого, в котором Хмельницкий весьма учтиво писал, уверяя короля о верности своей и о будущей от него службе.

Предположение ханское принято за благо между обеими армиями, польскою и татарскою. Визирь и великий канцлер Осолинский съехались на то место. Визирь от стороны хана своего требовал:

1. Чтоб уплачен был пенсион, который Республика Польская давала хану за службу, оказываемую им Польше, а покойный король Владислав оную ему отказал.

2. Чтоб запорожские козаки были удовольствованы.

3. И чтоб за урон, последовавший татарам в сей экспедиции, и за пролитие их крови дозволено было татарам в обратном их пути бегать и грабить Польшу свободно.

Во время сей конференции брань приостановлена; однако, по некоторым враждам, частое было нарушение перемирия.

На утрешний день, то есть 17-го августа 1649 года, полномощные опять съехались на место конференций; каждый из них был сам третий. Канцлер имел воеводу киевского с собою и вице-канцлера литовского, а визирь — Сиферназа- и Сулимаза-агу, при которых был в персоне своей сам Хмельницкий для испрошения амнистии козакам и взбунтовавшимся мужикам, равно как и для испрошения крепкого содержания вольностей их и веры греческой. Того ж дни, после многих споров от обоих сторон, заключен мирный трактат с татарами и козаками на ниже следующих кондициях:

1.

Быть миру и братерской дружбе впредь с Иоанном Казимиром, королем польским, и с наследниками его, королями, и Исланом-Гиреем, ханом татарским, и со всею фамилиею его.

2.

Король должен дать обыкновенный татарам пенсион, когда нарочно для взятия оного присланы будут в Каменец депутаты.

3.

Хан за тот пенсион должен всегда помоществовать королю целым своим войском, за востребованием его, противу всех неприятелей Польши, какие бы они ни были.

4.

Хан должен защищать границы польские от нападений и грабительств, причиняемых от его подчиненных.

5.

Остальное татарское войско, состоящее под Збаражем, отступило б тотчас от города и приступило б во всякой безопасности осажденное польское войско на то место, когда его величество идти ему повелит.

6.

Хан приказал бы всем войскам своим и находящимся при них туркам отступить и возвратиться беспродолжительно из Польши и земель, принадлежащих его величеству.

7.

Король, из почтения к хану, прощает Хмельницкого и все козацкое войско и утверждает оному войску быть в прежнем его виде, числе и вольности.

8.

Сверх сих кондиций обещано хану триста тысячей золотых, с которых сто тысячей уже и принял.

Статьи, заключенные с Хмельницким, суть ниже следующие.

1.

Король должен согласиться навсегда всем козакам и бунтовщикам мужикам даровать амнистию и бывшее все оставить в забвении.

2.

Хмельницкий, козацкий гетман, должен просить у его величества прощения, на коленах стоя.

3.

Хмельницкий был бы всегда козацким гетманом, а число козаков было бы сорок тысяч, и в таком чине он, Хмельницкий, не был бы никому подчинен, кроме единственно королю, а имел бы однако от республики почитание, как польский шляхтич.

4.

Его польское величество должен иметь список тех сорока тысячей козаков по именам и оседлости их; в случае ж смерти Хмельницкого были бы оне всегда под командою одного из их вождей, или старшин, греческого исповедания.

5.

Войско польское, осажденное в Збараже, имело б от козаков свободный пропуск.

6.

Греческая вера имела бы всегда свободное исповедание во всем королевстве и в самом Кракове, и на соединение с Римскою церковию не привлекать.

7.

Воеводство Киевское состояло б всегда под ведомством и управлением воеводы греческого исповедания.

8.

Митрополит греческого исповедания имел бы место в Сенате, между епископами.

9.

Козакам дозволено б было сидить вино для их собственного употребления, а не на продажу.

10.

Козакам давано б сукно для мундирования и, сверх того, по десять золотых каждому для воинских надобностей.

11.

Шляхетство, за принятием владений своих, не взыскивало бы от подданных своих награждения за понесенные ими уроны и не отмщало бы.

12.

Шляхетство как римского, так и греческого исповедания, которое при козацком гетмане обреталось в службе, не было б обеспокоевано, но все, что ни было в последней войне, предано б было вечному забвению.

В следствие сего Хмельницкий пришел пред короля и, став на колени, говорил с плачем великую речь, с засвидетельствованием преданности своей, изъясняясь, что он всегда желал предстать пред лице его величества и оказать самым опытом услуги свои его величеству и Республике более, нежели продолжать войну к дальшему кровопролитию; но когда судьба так уже определила, то ныне приступает он с покорностию, прося милости и прощения за свои преступления, уверяя его величество наградить то будущими своими добрыми поступками. Король ответствовал ему чрез канцлера литовского так: его величество лучше любит подданных своих покаяние, нежели наказание, и прощает Хмельницкому верно все бывшее с тем токмо, чтоб он ревностию и верностию своею к отечеству загладил тот содеянный им поступок.

По заключении сих мирных трактатов Хмельницкий и хан приказали войскам своим отступить и возвращаться. Король, освободясь благополучно от такой опасности, принял путь свой с польскою армиею на Глиняне, а оттуда изволил пойтить до Львова.

Войска, осажденные в Збараже, пришедшие уже, как известно, до самых крайностей, укрепляли себя более яростию и отчаянием, нежели надеждою спасения.

Граждане города того, не могучи более снесть беспокойства и голоду, намерились было уже сжечь город или отдать неприятелю; однако недремливость поляков не допустила к тому трагическому предприятию; чего для просили они о выпуске себя из города, что и дозволено, однако, одним токмо женщинам и малолетным.

Сии выпущенные не могли прикрыть ретирады своей и уйти так, чтоб не подпасть в руки польским солдатам и татарам, ибо первые из них тотчас схватали их и насильничали, а последние, переловя всех, взяли в плен, в которой неблагополучной партии было, между тем, множество слуг от польской армии.

Того ж 1649 года августа 21 дня козаки осажденным в Збараже вопервых принесли известие о заключенном в Зборове мире, о котором одни верили, а другие сомневались и думали, упомянуто ль что об них в мирном трактате, каковые мысли навел им некакой трубач, который с легкомыслия своего о том объявлял им звуком трубы, за что осуждено было его на смерть, но из великодушия одного польского генерала даровано ему жизнь. После его вскоре получено от Хмельницкого письмо, которым уведомил он осажденных о их свободе, только б некоторую сумму денег уплатили татарам. Польский генералитет запретил им того давать, объявляя, что, когда Хмельницкий должен отвесть татарские войска из Польши, следует ему и удовольствовать их, а буде инако, то они могут еще оставаться на своих местах.

Наконец, вернейший и радостнейший вестник прибыл до них с письмом от короля, полковник Минор, и уверил их тем о их свободе без всякого возмездия, а при том объявил, что воеводство Сендомир-

ское, которое тогда было чрез смерть князя Заславского на ваканции, пожаловано от его величества генералу Фирлею за службы его, князю Вишневецкому — староство Премышельское, князю Острожскому — староство Несевицкое, а Ланцкоронскому — староство Стабницкое и воеводство Брацлавское. Все сии награждения, хотя и знатные, однако несравненны были с великодушием и героическою храбростию, которые те господа изрядные оказали знаки, чрез целые два месяца будучи в осаде и в беспрестанной атаке в Збараже.

Бог не менее благодетельствовал полякам и в Литве, как и в Руссии, где, так сказать, как рукою обе армии вывел из опасности, а инако, по всем обстоятельствам и обращениям, должны б были оне приупасть.

Бунты козаков и русских мужиков с начала сей войны распространились в Литве по тому более, что народ того княжества довольно сходствен был нравами и верою малороссиянам.

Козаки, вступив в оное княжение из двух сторон, сделали несколько нападений в Полесье, которая сторона наполнена лесами и болотами и принадлежит частию к воеводству Киевскому и Волынскому, и чрез измену полякам тамошних обывателей, кои в козацком походе согласны были, завладели было уже городами Стародубом и Гомлем; однако ж польского войска полковники Пац и Волович, а при том князь Ян Радзивил, генерал жмудский и гетман литовский с шляхетством оршанским и гарнизоном быховским так, как и с другими несколькими полками, пресекли дальнейшее их нападение. Когда ж помощь от Республики поздно пришла, а князь Радзивил позван был на сейм, то те бунтовщики, пользуясь отлучкою его, делали опять нападения и атаковали город Слуцк, принадлежащий князю Богуславу Радзивилу, обер-шталмейстеру литовскому. Г. Сосновский, губернатор тамошний, защищал тот город храбро и к взятию оного не допустил. Горш, губернатор оршанский, в Чересе разбил на части козаков тысячу пятьсот человек и прогнал их от Быхова прочь. Г. Мирский, генерал-майор литовской армии, взял у них многолюдный город Присков, в котором состояла греческого исповедания епископа резиденция, которым козаки завладели было уже чрез измену тамошних граждан. При осаде оного поляками козацкий полковник Гладкий защищал его мужественно, но, наконец, остался убитым; и поелику то место было главнейшим убежищем козакам, то поляки, разграбив первые его до последнего, разорили в нем все до основания для образца и другим городам.

Князь Радзивил, возвратясь из елекции польского короля, одною побудкою о прибытии своем в Литву, хотя к продолжению войны и время неспособное уже было, усмирил бунтующиеся города Туров и Гродень и положился лагерем с войском под городом Мозырем, который чрез многие дни так с великим усилием защищал себя, что потом сам не вдался, пока не взят был, наконец, штурмом, по искусству некоторого подполковника полку Радзивилового. В оном го-

роде Михненко, один из бунтовщицких начальников, пойман и, с повеления княжеского, казнен смертию отсечением головы, которая после взоткнута была на замковой веже.

По взятии Мозыра князь последовал с войском своим к реке Березине, где осадил город Бобройско, но граждане оного испросили от него себе милость, которая им и оказана с тем, что они отложат оружие, а возмутителей и согласников козачьих выдадут; о чем когда виновные сему известились, то тотчас спрятались в кучу лежачего тамо леса и, предпочитая вольную смерть лучше, нежели каковою грозил их победитель, сожгли в том сами себя. Продубич же, командующий начальник бунтовщиков, жив отдан в руки князю и принял с прочими достойную бунтам своим казнь.

Зима так, как и перемирие, поудержала брань в Литве и в Польше чрез несколько месяцев; а как скоро Хмельницкий, в наступившей весне, решился вступить внутрь самого Королевства, то и в Литве опять войска собираться начались, ибо он отправил туда с десятью тысячами человек Илью Голоту, к которому тотчас бунтующиеся в Литве мужики присоединились. Сей козацкий генерал, Голота, вздумал атаковать во первых партию литовской армии, стоящую на кантонир-квартирах в Загали, при реке Припети, но Радзивилово войско, собравшись, в скорости прогнало его оттуда и, загнав в болотное место, одержало над ним совершенную победу. А вышереченный вождь Голота остался убит на месте, на которого место Степан Подобайло прислан от Хмельницкого с тем наставлением, чтоб он стал в ретранжаментах между реками Днепром и Сожею, что он, за прибытием своим к войску в Литву, и учинил, а вопервых зажег город Львов, опасаясь, чтобы то место не могло быть убежищем литовскому войску от той стороны, от которой стоял Гозиевский с некоторыми полками против его. Сей литовский вождь, отправя пехоту свою в судах по Днепру, сам с конницею взял путь свой на таком месте, которое весьма способное было к препятствию в Подобайловых предприятиях. Хмельницкий прислал еще вновь в Литву, в помощь прежнему, войска тридцать тысяч человек под командою Кршичевского и Ржищевского, шляхтича польского. Сей шляхтич исходатайствовал некогда Хмельницкому свободу, когда он взят был поляками под караул; равным образом и сам получил от Хмельницкого таковую ж милость, когда в прошлом году, на войне корсунской, попался козакам в плен, в котором Хмельницкий почел его отлично и охотно принял его в службу свою. Он, прибывши в Литву и переправясь чрез реку Припеть, сделал вид, как бы осадить хотел Речицу-город, который в изрядном положении места стоял; однако, оставя то, пошел прямо к лагерю князя Радзивила, воображая себе, по забрании справок об отправленных от того принца некоторых полках против его, что с почтением Радзивила и княжего его войска легко преодолеть может, прибыл туда никем не уведан; однако вскоре на первый шум Ходоркович вышел к нему навстречу с конницею и, подкрепляем четырьмя

стами пехоты под командою Подлека Отскевича, дал сильный отпор первым козацким усилиям. Между тем как козаки разнообразными задержаны были сопротивлениями, остальное литовское войско возымело время стать в вооруженный порядок; Гозиевский и Инкевирович с гусарами левое неприятельское крыло атаковали и прогнали его в лес, состоящий неподалече оттуда. Козаки с леса в начатке дали великий огонь и многих тех, кои погнались за ними, убили, а литовское войско, по причине леса, в который далее козаки пробрались, дать уже им битву не в состоянии было. В то ж самое время несколько эскадронов, коих горячность к сражению завела было в отдаленность, обняли вкруг козаки и хотели было уже всех перерубить, но счастие их, что Комаровский, которого принц Радзивил прежде сей стычки отправил было против неприятеля с тысячью человек для разведывания сил неприятельских, на ту акцию наспел, которого когда командующий правым козацким крылом усмотрел и, думая, что еще и больше в помощь им будет, а паче, когда еще ему на мысль и то пришло, что нет ли кого еще в засаде, тотчас, оставя бой, ретировался в лес, но, будучи и там небезопасен, сделал ретранжамент. Вслед за сим козацкий генерал Подобайло прискакал было в помощь козакам своим с двенадцатью тысяч человек, переправя всех их чрез Днепр судами, но поздно; а буде бы он мало прежде, когда войско еще не было разделено, прибыл на помощь, то войско литовское, без сумнения, пришло б в крайнюю опасность. А как после сего Подобайло войско свое из того места рушил и, став на половине своей дороги, начал делать для себя ретранжамент, то князь Радзивил наступил прямо на него и, по многой беспрестанной пальбе, привел козаков в беспорядок и тем загнал их в реку. При таком случае он столь много их побил, а иных потопил, что от четырех тысячей и пяти сот человек осталось только в живых от трех до четырех сот человек, да и те одним спаслись плаванием.

Полковники Тизенгаузен, Нолб и Фрехтскан своими немцами вслед гнались за остальными козаками, спешащими к табору для соединения с Кршичевским, который, для принятия их, нарочно вышел из леса, однак гусары обратно его вогнали туда ж. Он, видя пред собою такову опасность, принужден вскоре делать ретранжамент с лежачего дерева и из всего того, что ему ни попалось в руки, несмотря и на мертвые тела; а следующей ночи, когда известился он от шпионов своих, что князь Радзивил приуготовляется атаковать его вновь, то, оставя на месте множество багажу, ретировался оттуда как можно скорее подалее, при которой ретираде, когда он и сам многими ранен ударами и далее идти с войском не в состоянии был, принужден остаться на дороге, чрез что и попался в руки Литве, у которых в лагере после того чрез несколько времени от многих ран и умер. Козаки, несмотря на таковое свое несчастие, и к вящей еще приуготовлялись войне: шестьдесят тысяч их переправилось уже было чрез Припеть в Бабище для учинения новых на Литву нападений и для учреж-

дения тамо своих партий; но, когда мир в Зборове заключен, то в силу трактата того все козаки как из Литвы, так и из Польши, должны были выступить.

Вторая козацкая генеральная война

Король польский, по заключении в Зборове договора, прибыл благополучно в Варшаву с похвалами и приветствиями народа, кои не могли довольно засвидетельствовать с радостию его величеству преданности и почтения своего за учиненные им принадлежащего к сохранению целости королевства. Что касалося до статей о договоре мира, то, по прибытии своем, старался на будущем, по окончании того года, сейме поставить оные на мере и укрепить все то, что ко установленному миру с татарами и козаками принадлежало. Заключение ж оного последовало на сейме в начале 1650 года января 12 дня и состояло в нижеследующих пунктах: 1) Всех польских солдат тотчас удовольствовать; 2) Войско, которое было в осаде в Збараже, предпочесть и за его великую службу дать тройное жалованье; 3) Короне содержать беспрестанно армию, состоящую от 12-ти тысяч человек, для охранения границ; 4) Артикулы или статьи, учиненные с королем, козаками и татарами в Зборове, утвердить; 5) Трех козацких шляхтичей принять на публичные звания и чины; 6) Для пособствования всем тем к великим издержкам на 1650 год учредить во всей Польше и Литве новые сборы; 7) Его величеству дозволить на новое право, в прибавок зборов из купечества, уставить в королевскую казну, за поднятие им труда в последнем походе. Сверх сего на том же сейме рассуждено за благо учредить одного сенатора в Киеве для присматривания, по большой части, за козаками и для пресечения их затеев, которые могли последовать противу трактатов, на которую должность и избран Адам Кисель, по способности его к тому, ибо он был сенатор греческого исповедания, как и выше о нем упомянуто, коему после от короля и воеводство Киевское дано. Ему ж поверено и делать ревизию сорока тысячей человек козаков, которым числом войскам их в силе трактатов состоять должно, и учредить в оной нужные порядки.

Хмельницкий заключение оного мира содержал чрез целый почти год свято и ненарушимо и оказывался поведением своим добрых мыслей; а наконец, опасаясь, чтоб поляки, коих он, по худым делам и обстоятельствам, принудил согласиться на таковые чрезвычайные кондиции, не раскаялись бы и не искали бы случая к нарушению оных, рассудил, не лучше ль будет, когда те, учиненные с ним мирные трактаты, сильными властьми будут подкреплены.

В сих будучи мыслях, искал притом он аллианса, или гарантии, у турок и у великого князя московского, а большею частию у Порты, чрез что он думал себя всему свету сделать страшным, и искал также того ж и у господаря, или князя, молдавского, однак особливым об-

разом, употребляя на то хитрости и силы. А именно: вздумал он дать о господаре молдавском худые внушения султанским министрам, уверяя их, что господарь есть тайный их неприятель, а верный друг полякам, которые по сие время получали всегда от него вести о предприятиях его и татарских. Те министры обнадежили Хмельницкого султанскою протекциею и, уверив его, что он настоящим будет Малыя России обладателем, или князем, поколику, по мнению их, Малая Россия принадлежит к Оттоманской Порте, как ленная земля, взяли от него письменное уверение, вместо присяги, о послушности и верности его к султанскому двору и дозволили ему с князем молдавским поступить по рассмотрению своему. Хмельницкий, получа такое дозволение, поступал, однако ж, весьма осторожно, хитро и лицемерно, ибо на такое с принцем молдавским дело употребил он татар и дал, как бы в помощь, им козаков своих четыре тысячи человек; а для лучшего той хитрости прикрытия уговорил хана, чтоб он чрез депутатов своих благодарил ему, Хмельницкому, за присылку себе помощного войска противу черкесов и просил бы еще и впредь козацкого ж войска для нападения на Москву в отомщение якобы причиненных ему от великого князя обид, что ханом так действительно и учинено. Почему вправду соседственные государи думали, что татары иметь будут войну с Москвою, а молдавский господарь, кой жребию тому подвержен был, никогда на себя не чаял и жил в обыкновенной глубокой мира праздности. В таковой нечаянности татаре и козаки во многом числе атаковали его; он, не ведая, что делать, принужден бежать в лес, состоящий не далече от столичного его города Яс, в густоте которого с фамилиею своею и немногими людьми, кои в скорости до него собраться могли, ретранжировался деревьями, откуда не мог освободиться дотоль, покамест не посулил татарам двадцать тысяч червонцев, а Хмельницкому обещал по требованию от него дать дочь свою в жену сыну его Тимофею; посредствием сего спасся он от других многих тяжких кондиций, которые тогда ему предложены были.

Между тем заключенный в Зборове мир от козаков всегда нарушаем был, и число войска их прибавлялось сверх положения; а мужики, которые не введены были в ревизию, пребывая в защищении от козаков, не хотели принимать до себя настоящих своих владельцев, ибо, как скоро они приехали в свои деревни, то мужики им оказались вовсе ослушными и начинали господ своих убивать. Таковый мужиков поступок, так, как и Хмельницкого с Молдавиею, побудил генералиссимуса, или гетмана, Потоцкого, который недавно из татарского плена (в который попался он вместе с Калиновским 1648 года под Корсуном) освободился, принять поход с польским войском до Каменца.

Хмельницкий, за получением первой вести о походе его, испужался было сначала; а в то время многие были у него депутаты от

разных польских господ, которые представляли жалобы о бунтах крестьянских, продолжающихся до тех пор, и что они признавать за владельцев своих господ и принимать их к себе не хотели. Но он, напившись до пьяна, приказал было всех тех депутатов следующей ночи потопить в реке, что и действительно б последовало, ибо те, коим от него такой приказ отдан был, уже были к тому готовы, и было б исполнено, если бы Хмельницкий, по просыпе от пьянственного шума, напред не упрежден был от жены своей о таковом его на убивство приказе, который он тотчас отменя, послал одного из старшин своих, именем Кронсевского, до гетмана Потоцкого с объявлением тем, что он не может довольно надивиться о походе польских войск в такое время, когда Республика с целым светом имеет мир и содержит в своей диспозиции сильную козацкую армию для бережения границ. Гетман на сей вопрос учинил ему, во-первых, выговор за нарушение им самим мира, потому что он крестьян, кои собственным своим владельцам приключают обиды почти ежеденно, не усмиряет; второе — за войну, которую поднял он без ведома его против князя молдавского, а о сем должен был он ему, как коронному гетману, дать знать неотменно, а притом, в заключение сего, сказал, что он не может оставить место, которое занял по королевскому указу, без особливого его величества повеления. Сей ответ показался депутату Хмельницкого нендравен, чего для, хотя сторонно и намекал, что шеф его таковым ответом весьма недоволен будет, наводя в речах и о начатке войны, и что тем, однако ж, не учинил никакого вида к нарушению мира и дальнего о Польше огорчения, яснее ж выражать, чаятельно, присутствие польской армии и гетмана Потоцкого, коего он достоинство почитал и смелости его опасался, ему препятствовали, или большею частию для того явно не открылся, что тайные Хмельницкого предприятия в получении ему княжества не были еще в совершенном действии, кроме что довольствовался он одною экспедициею, произведенною в Молдавии, чрез которую получил он себе нового союзника, хотя силою оружия.

Между тем украинское шляхетство от мужиков худо принимано, равно как бы в продолжении войны, чего для многие дворяне принуждены оттуда всякий день удаляться. Господа, которые имели в Украйне великие свои владения, как то и князь Вишневецкий, не получали из добр своих никаких почти доходов. Беспрестанные жалобы, которые те господа заносили королю, принудили его величество писать до Хмельницкого с репремандом, во-первых, за войну, которую поднял он без повеления его против молдавского господаря, потом — за обиды, приключаемые польскому шляхетству, и притом повелевает ему тотчас козаков отпустить в их места, а мужиков, которые вооружаются против своих владельцев, наказать и усмирить.

Хмельницкий принял оное письмо под видом великой преданности, но в исполнении по оному поступал лениво и, напротив того, как

можно старался в то ж самое время сделать еще подтверждение крепчайшего союза с турками и с великим князем московским, у которого, большею частию, искал для того, что российские козаки суть одной веры, и чрез то ласкал он себя, что когда получит у московского государя, чтоб быть ему в союзе у него, то прибыльнее и безопаснее будет для него, нежели в союзе с турками. Точию великий князь желал лучше пользоваться бунтами их, нежель их гарантировать или заступать, ибо одержанная победа Хмельницким над поляками, которую на стороне думано быть весьма знатною, подала случай великому князю московскому начать у польского двора некоторые требования, надеясь при их худых обстоятельствах получить у них премену трактата, который россияне принуждены были заключить с покойным королем Владиславом под Смоленском (где тот король, обезоружив всю московскую армию, осадившую смоленскую крепость, покорил себе), для чего изволил чрез посланника своего за бесчестие, нанесенное царю от польских господ, а паче от князя Вишневецкого и Конецпольского, в недаче ему всех титулов надлежащих и в писаниях уразительными с поношением славы российского народа терминами, требовать сатисфакции, или того, чтобы Республика за то уступила ему город Смоленск со всеми к оному принадлежностями и уплатила бы России за убытки сто восемьдесят тысяч червонцев. Его польское величество, выслушав от российского посланника таковое требование, изволил тотчас к его величеству, государю царю и великому князю московскому, послать своего посланника, шляхтича Барлинского, с изъяснением, что посол его царского величества требует нечто чрезвычайное и ненадлежащее, а между тем приказал оного посла российского приудержать, покамест посланник его возвратится из Москвы. Когда ж посол тот прибыл и привез ответ полный с засвидетельствованием благосклонности более в наблюдении древнего с Польшею миролюбия, нежели в нарушении оного, и хотя великий князь рад бы был приращению России и греческой веры, однако ж поступки Хмельницкого его величеству не нравны и опасны казались, чтоб иногда козацкие и крестьянские бунты не рассеялись и в российской земле, где уже по нескольку некоторые искры оного огня, кои и Польшу зажгли, возгнетаться начали. Московский посол, усмотрев ответ государя своего не против требований его, сознал пред королем и пред сенаторами, что он те пропозиции сделал от себя, предупреждая своего государя, почему и миролюбие с его царским величеством подтверждено.

Беспрестанное Хмельницкого с турками сношение, о коем уже и король сведал чрез соседственных государей, приятелей своих, так, как и непристойные его поступки с Республикою, понудили его величество собрать главный Королевский сейм при окончании уже 1650 года, за собранием которого король целому сейму объявил нестерпимое козацкого гетмана обращение, во-первых,— презрение самого его величества и Республики; второе — обиды многому шляхет

ству, лишившемусь имущества своего и недопущение оных на житье в Украйне; третье — чрезмерное его войско, которое он еще и приумножать старается татарами и турками, и что, четвертое,— может он в одном мгновении собрать и поставить армию более осмидесяти тысяч человек, ибо у каждого козака, введенного в ревизию, коих число по последнему трактату должно быть только сорок тысяч, требует иметь у себя конного и пешего слугу, кроме работника, из чего заключить можно, что неотменное есть его предприятие освободиться вовсе от Республики и посесть себе особенным уделом под султанскою протекциею, так что он после все предприять будет в состоянии, если течения вредительных его намерений завременно не приудержать. На оном собрании некоторые рассуждали так: приводя себе на память последнюю бедственную войну, чтоб предпочесть лучше мир такой, каков быть может, нежели брань, изъясняя и то, что силы Королевства знатно уменьшились, а козацкие приумножаются, как сами собою, так и помощию Оттоманской Порты, чего для советовали лучше им оставаться при Зборовских трактатах; но другие, коих число превосходило первых, принимая в рассуждение будущее и прошедшее, представляли всему собранию, одному чему из сих двух быть должно: или разорить козаков, или оставить бедственно погибать Королевству, ибо король одним только титулом над козаками власть имеет такову, какову они сами хотят, и что они помышляют уже о учреждении княжества, то из сего немного чего ожидать, как одних печальных следствий, когда сему расти и крепиться время дано будет, ибо оне толкуют трактаты так и в таком разуме, как им нравится. Известно ж, что Республика имеет еще знатное войско, когда только командование доброе будет, и что ей ныне лучше приудержать новопроисходящую власть, нежели драться с нею тогда, когда она возвысится и укрепится более; что король их храбрый, добрый и великодушный государь, который когда пред сим с небольшою армиею оказал довольно силы своей, то и ныне за чем не может знатного иметь преимущества над своими неприятелями, а паче над подданными, да и Республика подать вспомоществование не откажется. И как сие продолжалось на сейме, то козаки представили от себя новые требования, что всех депутатов побудило согласиться вообще на последнее мнение и всем единомысленно поднять войну противу козаков. Требования же козацкие состояли в нижеследующем: 1) В число Зборовских трактатов следует вопервых не привлекать греческую церковь на соединение с римскою и оставить; 2) Хмельницкому по той стороне Днепра быть главным командиром, и чтоб в той провинции ни один из польских господ и ни шляхтич польский не имел никакой власти над крестьянами, а буди б кто из оных пожелал там жить, то должен в повинности и послушании козацкому гетману; 3) Девяти епископам на полном собрании присягнуть о содержании в целости выше прописанного; 4) Хмельницкому дать в залог, для лучшей твердости, четырех воевод по его избранию, за что он королю

обещевается каждый год платить миллион золотых (200 000 рублей). После те же требования сократили они так: 1) Малороссийскому народу определить в наследие землю, в которой бы мог он жить, не имея во оной общежительство с поляками; 2) Его величеству и двенадцати главнейшим Королевства сенаторам присягою подтвердить сохранение Зборовского мира; 3) Для лучшего уверения, из тех сенаторов трем быть при козацком гетмане; 4) Греко-россиян с римлянами не соединять.

Все сии требования сейму показались чрезвычайные, да никто не мог увериться на таком человеке, как Хмельницкий, ибо он не мог быть доволен верою, которую король и Республика ему учинили чрез конфирмацию Зборовского трактата на прежде бывшем сейме. Чего для все обще крепкое положили намерение поднять войну и для того определили сделать набор солдатов от пятидесяти тысяч человек и созвать все шляхетное воинство на случай нужды; но в оном много было противных мнений, потому что когда все воинство собрать, то никто не останется для последнейших крайностей; шляхту ж защитить надобно кордерезерву, чего для поставлено было прибавить солдатского набору. Вследствие чего и положено начать войну прежде весны для отнятия козакам времени к приуготовлению себя, так, как и для лучшей способности похода, прежде, нежели распустятся реки и болота, коими они себя обыкновенно защищают в походах и лагерях своих, а большею частию для того, чтобы козаки зимнего времени не могли иметь помощи от турков и татар, разве б с великою трудностию то быть могло, ибо турки к холодам не обыкли, а татары в то время для лошадей корму сыскать не могут. Однако ж положение сейма не могло принять вскоре действия своего, ибо войско, коего набор определен, не могло быть так в коротком времени совершено, за тем король принужден был одного только фельдмаршала (полевого гетмана) Калиновского с имеющимся на то время войском отправить в поход для обережения границ от козацких нападений с тем притверждением, что ежели козаки предпочтут войну миру, то б как можно приудерживал их заключением Зборовского трактата.

Предприятия Хмельницкого, противные миру, оказались тотчас явно неприятельские чрез козацкие поступки на польских границах. Нечай [58], один из козацких генерал-майоров (он был полковник брацлавский), имея при себе три тысячи человек, разорял всю ту сторону огнем и мечом и велел в присутствии турецкого посланника убивать депутатов воеводства Брацлавского, за что он потом достойное принял наказание. Войско воеводы брацлавского и Калиновского принудило его отступить в город Красное, при которой ретираде часть войска его наголову разбита, да и он сам, когда того города защищать был не в состоянии и принужден был, оставя его, далее бежать, остался убит, коего один шляхтич, именем Байбща, собственною своею рукою изрубил; тако ж и остальное козацкое войско, которое заперлось было в других местечках, тем же образом, как и первое,

пострадало, а местечки те до остатка разграблены и обращены в пепел. Богун [59], другой козацкий генерал, на место Нечая маршировал прямо против Калиновского и овладел было городом Винницею, стоящею над рекою Богом; но поляки, переправясь чрез ту реку, хотя с великим трудом, город штурмом взяли и многих неприятелей тамо побили, а наконец, когда козаки за помощию Глуха [60], полковника уманьского, оправились, то тотчас и поляков выгнали из города; однако вскоре после, исправившись, опять поляки одержали то место. Когда же Богун полками — Чигиринским, Полтавским, Калницким, Брацлавским, которые состояли каждый от двух тысячей человек козаков, подкреплен был, то Калиновский принужден был отступить от города и, оставив в оном несколько пехоты с служителями и обозом, сам стал с целым войском своим в поле и поставил полки свои в боевой порядок, но, оставленное в Виннице к защищению города войско, наведши на себя некий страх, весь тот багаж между собою расхватали и бежали оттуда, а козаки, обложив от всех сторон польские войска, принудили их отступить в беспорядке под крепость Бар, при котором своем беге потеряли они своих четыре тысячи пять сот человек пехоты и артиллерию.

Сие польского войска несчастие принудило короля, который шел тогда пилигримом в Литву, до Заровича на поклонение, возвратиться вскоре к польским границам, где гетман Потоцкий собирал войска недалече города Соколя; а как в Люблин прибыть изволил и уведал обстоятельно о козачьих нападениях в Подолии, так, как и о учиненном между султаном и Хмельницким союзе, о чем имел уже и ведомость от императорского посла, обретающегося у Порты, то соизволил тотчас отдать приказ собираться всем войскам и шляхетству.

Калиновский, который из Бару ретировался в Каменец, за получением указа о прибытии ему в самой скорости в главную армию, оставя в Каменце довольный гарнизон для защищения крепости, которая целой Польше и християнству есть щит от неприятелей, последовал до Соколя, за которым вслед пошли восьмнадцать тысяч козаков и две тысячи татар, а остальное козацкое и татарское войско, которого число более семидесяти тысяч было, начали атаковать Каменец без повеления и ведома своего гетмана, и вопервых достали некоторый замок, стоящий не подалеку Каменца, в котором знатную получили добыч, а потом делали многие и сильные приступы на самую крепость Каменец; токмо всуе труд их был, ибо всегда они от оной прогоняемы были с не малым уроном. Напоследок они все предприяли было, чтоб всех своих старшин перерубить для того, что они подвергли их к такому опасному месту, без малейшего о том сведения Хмельницкого, который, как скоро уведал тот их приступ, тотчас прислал повеление отступить оттуда; да и те, которые все ревностно гнались за Калиновским, не лучшую от сих имели удачу, хотя они его иногда, выпережая, с переду, иногда со сторон, а иногда и

сзади атаковали, однако всегда от поляков мужественно прогоняемы были, хотя и со всегдашним нескольким польских солдат уроном.

1651 года мая 14 дня близ города Зборова было сражение, в котором козаки, кои, во-первых, напали на полк Собеского, многих своих потеряли, в том числе полковника Кононовича и татарского мурзу, ибо гетман Калиновский принужден был, по причине худых переправ и трудных дорог, оставить обозы свои. А чтоб тотчас наградить урон свой и представить неприятелям войско свое в большем числе, велел им всем сесть на лошадей, кои были под обозом, и таким образом, по выдержании многих стычек и беспокойств, последних числ мая в армию королевскую прибыл благополучно.

Полки, набранные на содержание Республики и прочие господские, собрались туда от всех сторон, коих число простиралось до десяти тысяч человек, кроме служителей, которых также чресчур много было, и большею частию на лошадях и при ружье. Оная многочисленная армия не могла чрез долгое время на одном месте быть без притерпения недостатков в провиянте и фураже; за тем король полагал всевозможные порядки и учреждение в предупреждение недостатков, в военном совете, чем войско продовольствовать и как оное распределить, который совет чрез целую ночь продолжался, и во оном некоторые подавали мнение свое, чтоб армию разделить на два корпуса, из коих бы один, состоящий на жалованье, отправить против неприятеля, а его величество изволил бы до времени оставаться в Сокольке с корпусом шляхетского войска, как кордерезерв, для самонужнейшего случая; но другие, как и сам король, того не опробовали, потому что, когда б таким образом разделить армию, то она легко могла быть от неприятеля иногда осилена; а если будет вся вместе, то не только в состоянии будет сильно сразиться с неприятелем, но еще и победить его может; чего для и положено вот обще рушиться всей армии вместе противу неприятеля ближайшею и способнейшею дорогою чрез Берестечко. И так его величество, король, 15 июня со всем своим войском выступил в поход, а напред себя отправил разные партии для поимки языков; но когда узнал, что болотистые места по пути бессчисленному обозу весьма будут препятствием в марше, когда все вместе идти будут, то рассудил за благо разделить войско на десять бригад, если их так назвать можно, или корпусы, от 10 до 12 тысячей человек состоящие. Первую бригаду, которая состояла из войска, содержащегося на жалованье, оставил при себе, другую поручил в команду гетману Потоцкому, третью — фельдмаршалу Калиновскому, воеводе черниговскому, четвертую — Яну Симеону Шкавинскому, воеводе брестовскому, пятую — князю Вишневецкому, воеводе русскому, шестую — Станиславу Потоцкому, воеводе подольскому, седьмую — великому маршалу королевства Любомирскому, осьмую — Станиславу Ланцкоронскому, воеводе брацлавскому, девятую — вице-канцлеру литовскому Сапеге, десятую — Конецпольскому, великому коронному хорунжему.

И таким образом разделенная армия благополучно 16 июня прибыла в Вигнанку, место, изобилующее водами и пасьбою, где и вести от солдата, бежавшего из козацкой армии, получили, что Хмельницкий из лагеря своего, кой был между Збаражем и Вишневичами, рушился навстречу хану, которого он ожидал с нетерпеливостию, для пособствования себе, ибо он ненадежен был на одни силы свои, хотя имеется при нем чрезвычайное множество бунтовщиков-мужиков, присовокупившихся к козакам, и татар шесть тысяч человек.

Король, прибывши в город Берестечко, владения графа Делесно, подкомория Бреста Литовского, расположился лагерем поблизу оного города, в длину по реке Стере, которая от всех сторон окружает город, и отправил тотчас 3000 конницы под командою Стемковского и Гарнеского для подлинного уведомления о неприятельском походе. А как от взятых нескольких в плен козаков уверен был, что Хмельницкий разослал партии для уведомления о месте и состоянии польской армии, то тотчас его величество приказал быть военному совету, на котором и положено снять лагерь от Берестечка и маршировать до города Дубна, принадлежащего воеводству Краковскому; почему обоз начал было уже рушаться и армия выступать в поход с тем, чтоб дать баталию козакам, где бы их ни постигли. Но когда князь Вишневецкий стоявших на отводном карауле прислал доложить королю, что Хмельникий и хан маршируют весьма поспешно прямо к нему, то, как обоз, так и армия возвращены на прежние места. И так совет гетмана, чтоб стоять крепко при Берестечке, был полезный, ибо он, известясь от некоторого крестьянина, что неприятель ласкает себя викториею, если только может повстречать польскую армию на дороге, внушил королю о том и советовал с места не рушаться. А как армия вступила обратно в лагерь, то переезжающие люди объявляли, что обе, козацкая и татарская, армии прибыли уже к Перепетину, деревне, состоящей от Берестечка на версту; чего для король и генералитет постановили тотчас армию свою в ордер баталии, оставляя неприятелю на стороне реку Стер, а у леса, находящегося поблизу того места, поставили разную пехоту для опасности от засады.

Июня 27 дня накануне 10 000 татар, с табора своего выступя, сблизились до польской армии для распознания состояния ее, показывая вид к вызыванию на брань. Великий маршал и великий хорунжий, не стерпя их хвастовства, вышли на встречу, за дозволением гетманским, с собственными своими и князя Вишневецкого полками и, сражаясь чрез долгое время с ними, наконец, прогнали их с места и провели их, бьючи сзади на полмилю.

28 дня того ж течения ужасная была баталия. Хан с войском своим стал на высоком месте, в порядке военном, в виду поляков, и между войском его было несколько полков из выбранных козаков. Польская армия выстроилась также в ордер баталии; полки воеводств Брестского и Померанского и князя Богуслава Радзивила, воеводы витебского, с премысльскою и волынскою кавалериею высту-

пили атаковать татар, а сии, желая получить отомщение за прошедший день и видя, что оная кавалерия малою частию пехоты подкреплена была, напали на нее великими толпами. Ланцкоронский первое их усилие выдержал, хотя с великим своим уроном, на которой битве и брата своего потерял; наконец, когда вдруг многим числом неверных объяты были, то вскоре прибыли к ним на помощь полки обоих гетманов, коронного и полевого, и воеводы русского, великого маршала, и Сапегины, и дан был сильный бой, на котором многие с обоих сторон пали. Татары потеряли своих около 1000 человек и несколько из знатнейших тут достались полякам в плен, между коими находился и ханский секретарь, а от польской стороны убито было до 300 человек, между коими числились: Казановский, каштелян галицкий, Осолинский, староста люблинский, внук покойного великого канцлера, Стадницкий, подкоморий, Санацкий, мечник премышельский, Ржечицкий, Журдан и прочие многие шляхтичи воеводства Ленчицкого. На сем 28 день июня окончился.

Накануне того ж дня был военный совет, и поколику от польской стороны примечено, что неприятельское намерение состоит продолжать время нарочно, чтоб привесть польскую армию к недостаткам провиянта, как в земле, отдаленной от таких мест, с которых бы можно получать запасу к пособствованию сему, то рассуждено лучше действовать армиею тогда, когда она еще в силах, чего для и положено утрешнего дни дать генеральную баталию.

Король большую часть ночи тогда провел в молитвах и в раздаче нужных повелениев, а на рассвете повелел поставить армию вновь к баталии, без всякого к тому примечания, к чему немало способствовал весьма густой туман, который с утра до 9 часа продолжался.

Правое крыло первой линии состояло в команде гетмана Потоцкого, а по нем командовали следующие господа: Ланцкоронский, воевода брацлавский, Опалинский, воевода познанский, Любомирский, великий маршал королевства, Сапега, вице-канцлер литовский, Конецпольский, великий хорунжий коронный, граф Владислав Делесно, подкоморий познанский, два Собеские, сыны покойного Собеского, каштеляна краковского, и прочие господа, которые на собственном своем содержании имели некоторые полки. Левое крыло состояло в команде полевого гетмана (фельдмаршала) Калиновского, а по нем командовали: князь Острожский и Заславский, воевода брестский, князь Вишневецкий, воевода русский, Станислав Потоцкий, воевода подольский, Ян Замойский и полковник Ян Денгоф, уроженец лифляндский. Из тех господ многие соединили собственные свои войска с войсками республики, а король изволил принять в команду и смотрение свое корпус баталии, состоящий изо всей инфантерии немецкой и польской, пред фронтами которых стояла артиллерия под командою Сигизмунда Приемского, генерала от артиллерии, который чрез долгое время был в службе шведской армии, в немецкой земле, генералом-майором.

Вторая линия, в которой король также избрал для себя место, состояла единственно из кавалерии под командою Тышкевича, великого подчашего литовского, и с прочими. Кордерезерв был в команде полковника Мейделя, обер-егермейстера, и Денгофа, старосты сокальского; состояла ж оная как из кавалерии, так из собственного их войска и господ Грузинского и Розаревского, також и из инфантерии принца Карла, брата королевского, и господ Конецпольского и полковника Деплискса, уроженца французского. Весь багаж с аммуницией оставлен был в лагере, который с одной стороны ретранжирован, а с другой стороны прикрыт городом и рекою; для охранения ж его оставлено было несколько полков инфантерии, которые издалека показывались многочисленною армиею, потому что при них оставлены были, с повеления королевского, все гусарские копья, на верху которых имелись красные флачки, и те, когда поставлены были по примеру ордера баталии, делали вид, как бы особливое состояло войско.

Туман продолжался до тех пор, пока целая польская армия построилась в ордер баталии, который от неприятеля ее прикрывал; но когда оный от мала по малу исчезать начал и солнце показалось на горизонте, то вся армия, как бы при поднятии вверх занавеса, на перспективе театра в подлежащем своем порядке показалась неприятельским глазам.

Сии, увидев ее в таковом состоянии и так многочисленную, сначала ужаснулись было, однак войска их пред прежним отмены никакой не показали, ибо имели еще у̀ себя более трехсот тысячей человек, которые столько земли лагерем своим заняли, как глазом окинуть можно было. Татары заняли там некоторые высокие места, по коим по окатости тех мест изрядно построились так, как бы растущая луна, имея по правой от себя стороне козаков, которые стояли прямо противу польского левого крыла, между коими числились и разные толпы татар; впереди ж их был козацкий табор, состоящий из многих разных телег, а посреди их еще одна партия козацкого войска, коих число и постройка так оказывалась, что они многие выдержать бы могли сражения.

При таковом обеих армий порядке целое утро проходило только в легких сражениях, из чего король усматривал, что неприятель, конечно, предпринял такими малыми сражениями препроводить день и тем уменьшить из армии его людей, а в следующую ночь, напавши действительно, дать баталию, что и легче было бы им в темноте делать; запретил сего для, под лишением жизни, всем своим воинам выступать из своих мест без повеления и приказал порубить все мосты по реке Стыру, дабы иногда с тылу не учинено было на них нападение, и таким устройством повелел твердо стоять за отечество, пресекая тем всю надежду к отступлению. А чтоб не напрасно прошел день, который в силу уже доставать мог к окончанию генеральной баталии между такими двумя армиями такового количества, которые не

менее четырех сот тысячей человек составляли, изволил повелеть начинать делать вдруг разные залпы пушечные на неприятельскую армию, приказывая подкачивать их всегда в период и палить от часу в час так, чтоб досягать могли те места, на которых стояли татары. Когда ж то продолжалось почти во весь день, и видят уже, что день склоняется к ночи, желали отложить брань до утрешнего дня, но другие тому не соглашались, опасаясь, чтоб козаки не напали на армию ночью со всем их табором, который чрезвычайно у них укреплен был, и чтоб чрез то не принудили оставить место баталии; чего для его величество приказал начать делать Вишневецкому на них наступательную атаку, кой и начал производить то в действо с двенадцатью ротами старых солдат, подкрепляемых воеводою подольским и шляхетством воеводств Сандомирского, Ленчицкого и Премисльского. Козаки приняли их весьма храбро и продолжалась обосторонная между ними брань около часа, во время которой дым и пыль препятствовали от польской стороны примечать действие своих (кои начали было уже и ослабевать); того для король заблаговременно соизволил прислать в пособие им несколько свежего войска, с которым прежние соединясь, прогнали козаков в их табор так, как и татар, пособляющих козакам. На их же места, между тем, сам король в боевом порядке маршировал прямо против татарского корпуса, коего правое крыло приостановилось у леса, для пресечения неприятельских предприятий, ибо из них уже несколько было там в засаде для обнятия вкруг польской армии. В случае ж замешательства король приказывал подвозить артиллерию вперед себя, с которою генерал Приемский управлялся весьма проворно и поспешно; сим король оставил низину татарам, а сам соизволил взойти потихоньку на вершину мест и выдержал неустрашимо янычарских карабинов огонь, стреляющих без умолку; почему до одержания тех мест его величество был в крайней опасности, ибо четыре ядра татарских пушек, стоящих при лесе, пролетали близ его, а одна из тех пала пред самыми его величества ногами, за что поляки тотчас им тем же наградили. Королевский переводчик на языках турецком и татарском уверил короля, что хан находится в персоне своей на том месте, где виден большой белый штандарт, почему король приказал на то место навесть пушку, из которой за первым выстрелом остался убит из главнейших татарских офицеров стоящий поблизу хана, от чего хан так сильно испужался, что не мог вскоре одуматься, куда ретироваться, и, оставя все, бегством пошел обратно в путь свой. Войско его, прогнанное с гор, последовало ему, оставя на месте несколько толпов своих для прикрытия своей ретирады и для удержания поляков; но сколь скоро сии усмотрели то, тотчас в погоню за ними поспешили и гнали их мили на полторы. Ночь и скорость татарских лошадей сделала им от поляков безопасность; однак они в той своей ретираде оставили многих своих раненых и мертвых, коих инако приобыкли они брать с собою и жечь мертвых в их походе, когда время дозволит, почитая себе за

беззаконие оставлять мертвых своих в руках християнских. Сверх сего оставили они много своей рухляди и вещей, как то: платья, седла, сабли, телеги и прочее, а при том и палатки, и штандарт своего хана, и малый вызолоченый серебряный бубен, натянутый кожею, который они употребляют вместо барабана, или литавры для побудки и созыва людей. Многие поляки, которые были уже действительно у тех неверных в плену, получили тогда свою свободу, убивая тех татар, кои их весть далее были уже не в состоянии. И так татары того ж еще вечера убежали мало что не 50 верст. И когда король отправил в погоню за татарами разные деташаменты кавалерии, то козаки, имея способное время, коих было еще более двух сот тысячей и при них сорок пушек, отступя к своему табору, вздумали еще вооружиться противу самого короля, продолжая беспрестанную из пушек пальбу.

Хмельницкий, видя побег татарский, поскакал сам вслед за ними с тем, дабы возвратить их обратно, и, нагнав хана, просил его возвратиться, чтоб он его не оставил всей победе, но вместо всего того хан ругал его и выговаривал ему об обмане его и утайке о состоянии сил польского войска, о котором Хмельницкий якобы внушал ему, что оная состоить числом не более, как 20 000 человек, за что грозил ему послать самого его королю в обмену мурз своих, находящихся у поляков в плену; и по многом между ими спирательстве, хан не хотел его отпущать от себя, доколе не послал он в Чигирин повеления о выдаче хану знатной суммы денег и части корысти, полученной пред тем в Польше.

Король, по одержании той победы, приказал отпеть благодарственный молебен на месте батальном, в которой, по справке, потерял он своих не более как 1200 человек, а с неприятельской стороны урону оказалось в шестеро более. Король целую оную ночь провел в карете, ездя по всем местам, хотя и чрезвычайный лил дождь; он тут, по усмотрению своему, тотчас приказал завезть артиллерию на гору, оставленную татарами, чтоб с того места разбить было можно козацкий табор.

Козаки, будучи в предосторожности, несмотря на тот великий дождь, окопали табор свой широким и глубоким рвом, а где места худые и открытые были, укрепили мускатерами; сзади же имели они большое болото, на которое они много надежны были; а за отлучкою Хмельницкого препоручили себя в команду одному старшине своему, именем Джеджелию [61], полковнику кропивенскому, весьма свирепому человеку, а между тем изыскивали все возможные средства к спасению себя, писали до короля с прошением милосердия о них и с изъяснением крайнего своего желания о мире. А как в одно время они имели в руках перо и оружие, то для того прошение их не принято, ибо король не думал инако, как силою, покорить их, а паче в то время, когда донесено ему, что козаки якобы начали быть между собою несогласны, и будто бы табор их весь наполнен воды, и оное течение

ее удерживает плотина, то как все сие может, как они думали, разорить лагерь их до основания, к чему в добавок велено навесть на них большую пушку с крепости, сделанную покойным гетманом Конецпольским. Между тем поделали мосты выше и ниже козацкого лагеря для свободной коммуникации войскам польским, так равно шанцы и редуты на высших местах для артиллерии, из которых месяца июля 4 дня козаки одним шанцем тотчас овладели и состоящих тамо на карауле поляков 80 человек порубили, отсекая головы их косами, которые обыкновенно козацкая пехота, то есть мужики, употребляет вместо копьев, и взяли было в добыч себе две пушки, но генерал Губальд, прискакав туда с деташементом, пушки у козаков отбил и прогнал их в табор. Того ж дня козаки одержали было одну горку, средствием которой легко могли бы они наблюдать лошадей своих, ходячих на пастьбе, но великий хорунжий и оттуда прогнал их и отбил у них 500 лошадей.

5 числа того ж течения козаки выступили из лагеря своего в великом числе и в надлежащем порядке, с чего заключили поляки, что они хотят им дать вновь баталию, и для того, став храбро противу их, многие имели сражения и, наконец, козаков преодолели и прогнали опять в их ретранжамент. При сем случае козаки потеряли своих более 400 человек, а от польской стороны были только ранены Сокол и Пясочин. Сие сражение от обоих сторон с великим пушечным и оружейным треском происходило.

Козаки, видя себя в худом состоянии, предприяли употребить хитрость в следующую ночь, то есть всеми своими силами напасть на польскую армию, но то предприятие их тотчас открылось, первее чрез случившийся дождь, которых чрез недремание самого короля и его генералитета, кой как бы нарочно для того объезжал дозорами. Между тем получили ведомость от регемент Челибея, польского своего татарина, который от давнего времени был в службе у гетмана и произведен капитаном. Возвратясь в лагерь из погони за татарами, он привел с собою пленника, знатного татарина, именем Муртазу-агу, ханского свойственника, кой, будучи раненым, не мог следовать скоро за своими и хотел освободиться от Челибея, сулил ему пятнадцать тысяч решедалей; однако ж Челибей, предпочитая верность свою, которую он имел от многих лет к гетману, господину своему, не порадовался тем деньгам и другим знатным дарам, каковые тот татарский господин ему обещал прислать, как скоро он в свою землю возвратится. Челибей за возвращением своим репортовал, что он сверх сего пленника находил по дороге более тысячи татар мертвых и раненых смертельно, коих бегущие татары, чтобы не сделать себе чрез взятие их с собою в беге своем препятствия, оставляли; с чего приметить можно было, что они чрезвычайно спешили, ибо по вере и обыкновению их лучше есть жечь мертвых, нежели оставлять их в руках неприятелей.

Козаки, когда последнее предприятие их не удалося, остались почти без надежды и в крайнем беспокойстве. Одно было им только средство в удобном проходе, который соблюли они для себя причиною болот, как для пастьбы лошадей своих, так и для удачной ретирады, что усмотря, козацкий полковник Балабан [62], стоящий особо лагерем с тысячью человек по другой стороне реки, начал было силиться дать своим помощь и освободить их; однако, когда от польской стороны то примечено, то тотчас велено на ту сторону реки переправить довольное число войска с тем, чтоб всю надежду у них отнять.

Напоследок, когда польская артиллерия доставать стала козацкого табора с такою удачею, каковой прежде не имели, и чрез все то козаки, видя себя не в силах более драться, принуждены были послать трех депутатов, а именно: Крезу [63], полковника чигиринского, Гладкого [64], полковника миргородского, и Лободу, полковника переяславского, для испрошения мира, кои, за прибытием своим в польский лагерь, адресовались первее до гетмана, который, дав им строгий выговор за их злодейские поступки и неверность, наконец сказал, что они уже сделали себя недостойными милости его королевского величества и християнского с ними снисхождения для бесчестного союза, учиненного ими с турками и татарами.

Однак король, по совету с сенаторами, допустил их к аудиенции своей, сидя на престоле под балдахином, поставленном на горе, с которой пред тем татар прогнали. Они, пришед пред государя, пали ниц, поднося челобитную от имени всех козаков своих, со многократным прошением милосердия прося, повторяя те ж самые слова на все чинимые им вопросы, целуя руки и плать всех сенаторов, предстоящих тамо. Его величество изволил иметь о том совет, а им чрез господина Кулмского, своего великого канцлера, ответствовал так: хотя ваши преступления были таковы, чтоб вам за то следовало потерять жизнь и всю надежду прощения, однак его величество, подражая благости и милосердию божию, жалует вас милостию, и понеже вы подали действительные знаки истинного раскаяния своего и совершенной преданности, то его величество прощает вам все бывшее на тех, однакож, кондициях, которые вам после даны будут, а вы, для принятия их, явитесь утрешнего дня в одиннадцатом часу, до которого времени на прошение их и отложение оружия последовало. Между тем Креза, главнейший из депутатов, оставлен в залоге, а прочие пришли в определенное им время для принятия тех пунктов, чрез которые его величество, снисходя на просьбу их, простил весь их проступок. В тех пунктах изображено было следующее: 1) Козакам дать от себя главнейших двенадцать старшин своих в залог до тех пор, покамест выдадут королю гетмана Хмельницкого и Виговского, его секретаря; 2) Возвратить обратно артиллерию и знамена, которые они получили в добыч во время сей войны; 3) Отдать штандарт гетмана своего для вручения его другому, о коем его величество благоволить будет; 4) Если они не довольны будут числом двенадца-

ти тысяч человек козаков, которые им дозволяется иметь и содержать для бережения границ, то сей пункт отложить на следующий сейм; 5) Что до привилегии принадлежит, о которой козаки имеют всегда претензию, не иметь им другой, как токмо ту, которая им 1628 года от покойного гетмана Конецпольского дана.

Депутаты, возвратясь в свой лагерь, объявили всем обстоятельно те пункты, на которые на утрешний день сделали ответ следующий: 1) Что к первому касается пункту, то они обещеваются сделать возможное в выдаче Хмельницкого в королевские руки так, как и его секретаря Виговского, однак для того заложников дать не в состоянии; 2) На вторый и третий пункты суть согласны, а что к прочим последним принадлежит, то они, не принимая других кондиций, оставаться желают при Зборовском трактате. Таковым козацким ответом король весьма огорчился и приказал тотчас усугубить артиллерию, будучи в намерении том, чтоб их вовсе истребить, а они лучше предприяли умереть, нежели уступить что от Зборовского трактата, и за тем соответствовали пушечными против польских выстрелов как лучше, однак не столь часто, как пред тем было, с чего заключать можно было, что они уже в порохе имели не довольный достаток. Некоторые ж из козаков были столь отважны и смелы, что подлезали тайно под польский лагерь и выслушивали отдаваемые солдатам приказы чрез трубы, что когда от польской стороны то примечено, то поляки принуждены были как приказы, так и предприятия свои отменить. Они утвердились в том, чтоб совершенно на козацкий табор всеми силами своими напасть и дать с ними генеральную баталию. Козаки ж, как были всегда и на всякий случай против всех польских усильствиев в готовности, супротивлялись им со всякою храбростию, и оное мужество их достойно было б чрезвычайной похвалы, если б они не употребляли многих бесчеловечных поступков; ибо они с пленных поляков драли кожи и жгли их живых в огне и прочие бесчисленные бесчеловечия делали тем, которые попадалися в их руки, для того только, что предложенные их пункты, чрез которые хотели поляки сделать мир, были им несносны и более их на ярость, нежели ко усмирению побудили. Причиною ж более к тому были их попы, которые беспрестанно уверяли их скорым возвращением Хмельницкого и татар; но когда беспокойства, которые они сносили, чрез долгое Хмельницкого отсутствие, представилось им, наконец, все то уверение, чтоб быть скорой помощи ложным, то хотя многие от истинного желания вознамерились просить мира, но вожди их, ведая, что простой народ весьма не будет на то согласен, как то уже и приметили, что и Джеджелий, кой был на месте Хмельницкого, склоннейший есть к миру, лишили его тотчас той должности и на место его избрали Богуна. Сей новоизбранный вождь, желая оказать себя в том чине, проведал, что воевода брацлавский переправился чрез реку с несколькими полками для заступления дорог, которыми козаки ходили за фуражом и теми ж самыми могли бы, в случай крайней опасности,

ретироваться, выступил против его с довольным числом добрых и старых козаков и двумя пушками как для прогнания оного воеводы оттуда, так и для укрепления своих отводных караулов, кои учреждены были для обережения тех дорог. А как скоро он то учинил, то тотчас в таборе оказалось подозрение на старых козаков и их старшин, как бы уже они от некоторого времени приняли намерение, оставя братию свою, бежать и тем своим мнением привели всех в возмущение, а более в подтверждение сему один новопринятый козак пред всеми вскричал, что Богун выступил из лагеря с тем точно намерением, чтоб уйтить от них, от чего найболее воспоследовало смятение и произвело во всех такой страх, что каждый начал бежать из табора в крайнем беспорядке. Дороги, которые они поделали чрез болото, были весьма тесны, чрез что многие из них падали в воду и в той так загрязли, что принуждены были платья, епанчи и другие вещи свои для удобнейшего из болот освобождения бросать на стороны. Богун, усмотря таковое между ими замешательство, прискакал к ним со всеми своими козаками, уверяя их, что он такого предприятия никогда и в мыслях не имел; но то уже было поздно, ибо одни за другими бежать и следовать принуждены были по неволе. Воевода брацлавский, увидев неприятельское войско, так скоропостижно из лагеря своего бегущее, не мог вообразить себе, какая бы тому причина быть могла, и думал сначала, что оное идет атаковать его, чего для стал он с двумя тысячами человек в порядке к сражению на месте, весьма способном для сопротивления их атаки. Но когда узнал потом ошибку свою, то он по малу начал следовать за ними, притом задерживан был худыми переправами, а они чрез то к побегу спасение свое получали; потом нагнал их, сколько мог, с помощию шляхетства воеводства Подольского, которое, как скоро приметило побег козаков, тотчас рушилось за ними в погоню, а остальное польское войско, которое не чаяло такого скоропостижного и беспорядочного бегства неприятельского, следовательно и не было в готовности на нечаянный такой случай, кроме одних отводных караулов, прискакало потом прямо в казачий табор, где, имея чем довольно корыстоваться, вместо того, чтоб за бегущими гнаться, остановилось тамо. Козаки при таковом своем побеге потеряли своих двадцать тысяч человек, из коих одни побиты, а другие сами в лесах и болотах погибли; две тысячи ж из них засели в таборе своем, выбравши себе небольшую горку для защищения своего, так как, отчаянные уже спасения своего, восхотели дорого ценить жизнь свою; но когда увидели себя быть принужденных уступить множеству поляков, то одни из них бросились в реку, а другие в болота, а из тех триста человек, собравшись на одном месте в уголок табора своего, мужественно защищали себя против великого числа наступающих, которые от всех сторон чрезвычайно утесняли их, и для уверения о себе в нещадении живота своего (который им даровать обещаемо было) и всего дражайшего в жизни вынимали из карманов своих и поясов все, что ни было зо-

лота и серебра, бросали в воду, а наконец, когда более великому числу войска противиться не в состоянии были, то все побиты один за другим остались; однако при том каждый за себя особливо мужественно стоял, как то один из них еще оставался в живых, защищал себя чрез целые три часа против всего польского войска храбро. Сие случилось таким образом: в том болоте было небольшое судно, за которое когда он забрался, то был так смел, что весь польский огонь выдержал мужественно да и сам палил из своего ружья до тех пор, покамест ему доставало пороху, а наконец, по недостатку того, отбивался косою, которою всех, наступающих на него, прогонял от себя. Один из великороссийских солдат наступил на него с таковым же орудием, однако ж ничего ему учинить не мог, хотя и усиливался много, и если б вскоре от него не отскочил, то бы, без сумнения, остался пополам рассечен. Что некоторый шляхтич из владения Чехановского да немецкий солдат, усмотрев, бросились прямо в воду по шею и, когда начали с ним иметь битву, то, хотя тот козак и был уже четырнадцатью пулями ранен, однак крепко и мужественно стоял еще, в великое всей польской армии и самого его величества короля удивление: ибо в присутствии королевском оная брань продолжалась, и король не мог довольно надивиться храбрости его, приказал объявить ему в голос, что его величество жалует ему жизнь, если только он отдастся сам в руки, на что ответствовал он весьма гордо, сказав, что жить более не старается и умереть желает, как истинный воин. В след сего другие из иноземцев, подскочив к прежним на помощь, закололи его до смерти копьями.

Поляки в козацком лагере кроме множества жен и детей сыскали знатные и довольные добычи, то есть сорок пушек, между которыми было 18 ломовых, пороху довольное же число, знамен, между коими и штандарт гетманский, данный от короля Хмельницкому с времен елекции своей в знак подтверждения его гетманом. Так, как и другой штандарт, жалованный козакам от короля Владислава во время требования их на войну, которую думал он начать против великороссиян. Третие знамя, которое козаки отбили было у поляков 25 числа, саблю, которую греческий патриарх прислал Хмельницкому в знак почтения за защищение греческой веры, церковные утвари капелия и другие дорогие вещи греческого духовного, который называл себя архиепископом Коринжанит и жил всегда при Хмельницком от стороны патриаршей. Сей архиепископ много выдержал огня с времени козацкого и крестьянского бунту и был подвержен многим неспокойствам, покамест остался убитым от стрелы, пущенной от некоторого молодого поляка при замешательстве козацком. Сыскан также Хмельницкого ларчик, в котором была спрятана печать Войска Запорожского и разные письма от султана и его величества царя и великого князя московского, и от князя трансильванского. Там же около 30 000 решедалей, которые определены были в награждение татарам, платья, дорогими мехами подшитые, ружья великое число

и довольно провианта. Сысканы также горшки и рожны при огне — подлинный знак, что бегство не умышленное, но единственно был удар неба.

При сем случае и поляки от стороны своей потеряли несколько солдат и одного капитана от инфантерии радзивилового полку, кой остался убитым при атаке выше помянутых 300 козаков, ретировавшихся в болото, кроме тех, которые посланы были в погоню за козаками. Фельдмаршал князь Вишневецкий отправлен был вновь для недопущения козаков к соединению вместе, которые всех, кто бы ни попался на дороге, убивали. А каковая участь козаков, бегущих чрез болото, была, то из тех 3000 гарнизон того города истребил мечом. Прочие же польские полки также для поимки козаков после отправлены были на ту сторону реки по той причине, чтоб все вдруг не имели утеснения в переходе своем на долгой плотине, а король, оставя все почти шляхетское войско в Берестечке, последовал прямо в Кременец, для такового ж своего распоряжения, который, будучи в пути своем, не иное что, как страшное позорище находил, ибо все дороги наполнены были мертвыми телами, как и леса мужиками, в которые они, при замешательстве своем, прятались и, зашедши в густейшие места, многие из них чрез несколько дней иной пищи себе не имели, как принуждены были кору с дерев есть, чрез что они в таковое пришли изнеможение, что и убегать далее уже в несостоянии были. Поляки, сжалясь над таковым их бедствием, немилосердие свое превратили на милость и вместо того, чтоб убивать их, гнались за ними для подаяния жизни и для побуждения их к сохранению оной. Король сам, милосердствуя о таком их плачевном состоянии, повелел им раздавать провиант, обнадеживая их прощением, только бы они оставили бунтующих козаков и возвращалися бы в домы свои, ибо его величество, по милосердию своему, не желал оного бунтующегося народа допустить погибнуть от меча, чтоб чрез то не истребить главной королевства своего провинции и чрез то не привесть бы в разорение бесчисленное шляхетство и больших господ, которые, имея тамо великие свои дачи, лишилися бы всех своих из тамошних добр доходов, если бы земли их остались без народа; а если б крестьян переселить в Польшу на те места, которые суть еще впусте, то бы всех их никаким образом поместить тамо не можно было, и сие-то есть истинная причина, которая, как тогда, так и в других случаях, препятствовала всегда к истреблению до основания козаков, а инако были б они давно истреблены. Король, рассуждая присутствие свое быть нужным для окончания той войны, приуготовлялся сего ради идти в поход со всею армиею в Киев, куда и отправить изволил уже несколько полков и послал самонужнейшие указы об исполнении такового предприятия; однако шляхетство на то не согласилось, представляя нужду дел своих, которые понудили его величество возвратиться обратно в Польшу для того, во-первых, что имелись дела, касающиеся до шляхетского войска, и что надлежит привесть в совершенное действие недо-

кончаное. При том, как козаки, уже рассеянные повсюду, более не в состоянии будут исправить себя, если бы даже которые из них предприяли опять поднять оружие, то, как уверяло шляхетство, что регулярное войско, содержимое на жалованье, и само собою будет довольно для недопущения, в случай побуждения их к тому; словом сказать, якобы не было никакой нужды шляхетству в пустую и разоренную беспрестанными козацкими и татарскими нападениями землю вступать, а в противном случае, чтоб не довелось всем погибать тамо от голоду, что вообще всеми вождями и офицерами в армии на генеральном совете поставлено и утверждено; чего для и король принужден был на то же согласиться и удовольствовать тех, которые желали возвращения его в Польшу, ибо число тех советников было чресчур великое. И так его польское величество препоручил то дело великому гетману Потоцкому привесть в совершенное окончание, сам же соизволил принять путь свой до Варшавы; но прежде, нежели вступил в тот путь свой, взял от всего шляхетства пароль о новом ему вспомоществовании как в людях, так и в деньгах. В след сего король получил ведомость, что татарский хан, уведавши о козацком замешательстве, поспешил как можно скорее в Крым, и что 4000 турок, которые прибыли было до Хмельницкого на помощь, переправились обратно чрез Днестр. Того ж времени получено тамо ж известие, что и в Литве князь Радзивил одержал над козаками победу следующим образом.

Козаки, коих число простиралось до 12 тысяч человек, сначала положились лагерем неподалече города Лоева, на месте, где река Сожь впадает в Днепр. Оными всеми там командовал козацкий генерал Небаба [65] (он был полковник черниговский) и сделал все то, что к безопасному проходу по тем рекам принадлежало, и расставил войскс свое для обережения тех мест. Князь Радзивил, гетман литовский, как скоро известился о расположении его, положил на мере тотчас атаковать козаков и для того отправил вперед себя генерал-майора Мирского с тремя тысячами человек выборного войска, приказывая ему переправиться на ту сторону Днепра, а сам, по отправлении кавалерии сухим путем, пошел водою в судах с остальною инфантериею и артиллериею и, как скоро прибыл до тех мест, где стояли козаки, тотчас приказал атаковать их ретранжамент, а генерал Мирский, которому дан был знак, пушечными выстрелами атаковал козаков с другой стороны. Козаки от обоих сторон защищали себя храбро чрез целые полтора часа, но, наконец, остались побежденными и все почти рассечены на куски; и хотя Небаба прибежал было с другим войском на помощь своим, однак князь Радзивил и без соединения с Мирским, после сильного сражения, победил его на сей баталии. Три главные козацкие полковники убиты, а напоследок и сам Небаба остался там же убитым, так как и рядовых козаков 3000 человек пало, а прочие многие живые попались в плен, между коими был внук Небабин; другие же козаки спаслись с лагерем сво-

им, который неподалече состоял от места баталии, оставленной Хриштофлем Потоцким, подмаршалком литовским, который отправлен был нарочно для разведования о козаках, что видя, и остальные козаки, стоящие у городов Любеча и Чернобыля, принуждены были уступить далее, когда наступал на них от артиллерии генерал Голекевский.

В след сего князь Радзивил маршировал прямо до Киева * с тем нарочно, чтоб истребить вдруг всех бунтовщиков до основания. Гетман Потоцкий упражнялся также и в Волынии, где, по недостатку провиянта и фуража, принужден был войско свое разделить на многие корпусы и назначил им рандеву для соединения с ним в городе Любаре, который положением места и числом граждан и в самом огне той брани до тех пор стоял еще в целости, а сам положил намерение идти атаковать Паволочь и Белую Церковь, рекомендуя по большей части офицерам содержать солдат своих так, чтоб мужики чрез худые их поступки не принуждены были оставлять домов своих и истреблять то, что им может оставаться к пропитанию себя и скота. Их владельцы старались тако ж привесть крестьян своих к их должности, обещевая им, чрез письма и нарочно присланных, милость свою, если они желают прийти в раскаяние.

Между тем Хмельницкий, удовольствовав хана знатною суммою денег, возвратился в Украйну для ободрения народа, который последним несчастием и отлучкою его смутился было, и за прибытием своим тотчас употребил им обыкновенное обнадеживание, и, посылая в те места, в коих сам своею особою быть не мог, письма и нарочных для поощрения и возбуждения ретивости в тех, у коих еще пламя военное не угасло, и для увещевания к понесению трудов за общество, представляя и то, что счастие есть переменчиво и обращается на все стороны, которое когда пред сим послужило полякам, то то ж самое оставило еще и козакам подовольной храбрости и силы для возобновления оного к оправке их после урону, лаская их тем к новому возмущению. Не довольно сего: Хмельницкий возбудил на свою сторону и венгерского князя Ракоция противу Польши, что понудило короля взять с собою великую часть армии своей для пресечения ракоциевых предприятий, ибо, как увялый цвет, оживотворилась козацкая милиция, собравшись паки, и к тому, что вскоре и татары прибудут к ним для отомщения своего над поляками за последний урон. А чтоб найвернее предприятие его быть могло, посылал сего для почти ежечасно разные посольства до хана с великими обещаниями, побуждая его дать ему опять помощи, изъясняя при том и то, что опасность его зависит от несчастия Хмельницкого, и падение его совершенно удобнейшее воспоследует, если падет Хмельницкий. В дополнение сему отправлял и до Оттоманской Порты трех послан-

---

* С сего времени, как другие пишут историки, приказал Радзивил город Подол выжечь.

цев с такими же просьбами, с объяснением таким, что если козаки получат помощь от султана, то будут они в состоянии дать отпор всем польским усильствиям, а в противном случае, ежели султан их оставит, то они принуждены будут помириться с поляками и вслед сего вместе с ними делать войну против Порты.

Князь Радзивил, с которым и Глебович, воевода смоленский, оставив Фронкевича, подполковника гусарского, с несколькими полками около Чернигова для приудерживания набегов от состоящих в том городе козаков, присоединился, между тем прибыл до Киева, и тотчас стоящих тамо козацких полковников с полками, киевского Антона Адамовича и черниговского Горкушу, прогнал, приводя полки их в такой беспорядок, что они, зажегши лагерь свой и мост, состоящий на реке Днепре, ретировались внутрь города Киева; однак не долго там пробыли, потому что обнял их страх о приближающейся литовской армии, хотя они и думали быть тамо в безопасности; чего для, оставя город, который тогда главным был для их прибежища, последовали далее. Граждане того города, видя себя беспомощных, за неимением в городе гарнизона и других надежных средств к защищению оного, положили на мере у литовцев просить мира, и для испрошения оного, а большею частию, чтоб город остался без разорения, по общему согласию, посылан был к польскому генералитету архиепископ Киевский и архимандрит Печерский; и поелику король милосердствовал всегда о городе Киеве, и что он во время браней был всегда прибежищем польскому шляхетству, то для того и на прошение их учинено снисхождение. Но для отнятия у граждан впредь средства к злу князь Радзивил приказал от всех отобрать оружие.

Хмельницкий, известясь о потерянии Киева, приусугубил старание свое, употребляя все возможные меры к набранию нового козацкого войска, которым бы скорее неприятельские удачи поудержать и прекратить можно было. Но худые его обстоятельства, в коих он тогда находился, делали его наполненным яростию и отчаяния в том, что поспешно собрать людей на супротивление не мог, как только, наконец, когда стеклось к нему отвсюду козаков и мужиков довольное число и способных ко брани, тотчас пошел с оными к испытанию вновь счастия своего; и, для лучшего к тому поощрения, многие из мужиков говорили в голос: «Стыдно терять смелость за худой выгрыш в войне! Да те, которые обратили наших в бегство, убегали и сами от них; равная часть может и теперь еще полякам последовать!». А притом заключили тем, что, ежели счастие будет на польскую сторону, то они иметь могут убежище и в турецких землях, где жить будут с большою вольностию и спокойствием, нежели здесь в Руссии, как уже о том покровительстве и к силистрийскому паше писано. Сим многие побуждены будучи из деревенских мужиков, всякий почти день толпами к ним приумножались и начали делать набеги и грабительства в разных местах, а особливо живущие поблизу

Днестра и Молдавии, кои более протчих дерзновеннее на разорение были. О чем известясь, гетман Потоцкий тотчас отправил туда 2000 человек войска под командою сына своего, старосты каменецкого, для истребления всех таковых нападчиков. Он, за прибытием своим в те места, по усмотрению обстоятельств, требовал от своего отца, гетмана, помощи, но гетман потом не рассудил за благо давать частьми помощи и для того повелел сыну своему возвратиться обратно, и начал собирать все войско свое в один корпус, а для получения обстоятельного известия о козаках послал семь эскадронов конницы под Белую Церковь. Они, проходя до города оного, вместо исполнения повеленного начали было разорять Паволочь, но козаки, стоящие неподалеку того города, коих было 2000, да татар 500, захватили их тамо и гнали их, бьючи, до самых городских ворот, чрез что поляки принуждены были, оставя всю взятую ими добыч, бежать. Но к тому когда несколько полков князя Вишневецкого прибыло им на помощь, то они, оборотясь все вдруг, равным образом и козаков от себя прогнали, из коих часть бежала в лагерь свой, а часть до Белой Церкви. При сей акции взято в плен несколько татар, которые допросом объявили, что их при Хмельницком находится только 2000, однако вскоре имеет быть еще в добавок 40 000, а за тем достальные татары находятся в степях и отпасывают своих лошадей, имея повеление быть во всякой готовности к походу в Польшу. Сия весть принудила гетмана Потоцкого отложить поход свой до тех пор, пока прибудет к нему инфантерия. Напоследок, по совету с офицерами, он взял меры, чтоб с войском своим идти далее и дабы захватить город Фастов, состоящий по киевской дороге, для удобнейшей комуникации и соединения с князем Радзивилом, что им и учинено, и мимоходом расположился было лагерем в Паволоче с тем нарочно, чтоб обождать прибытия своей инфантерии, которая маршировала весьма тихо. Во время ж то, когда Потоцкий имел раздох, князю Михайле Кориботу Вишневецкому приключилась не излечимая болезнь, от которой он там и жизнь свою окончал. Сей вождь при всех случаях многие знаки храбрости своей оказал и всегда поступал отлично чрез целую ту войну, которая лишала его всех прибытков с тех имуществ, которые были в Украйне.

1651 года августа 25 дня польская армия провела тот день в засвидетельствовании последней своей должности к князю Вишневецкому, а на утрешний день маршировала под Трилистья (Трилесья?), место довольно крепкое, и когда тамошний козацкий гарнизон на требование, учиненное польским генералом, о сдаче города ответствовал гордо, то гетман командировал тотчас генерала от артиллерии Г. Приемского и армейского комиссара Г. Берга, подполковника князя Богуслава Радзивила с 700 немецких солдат атаковать оное место, при которой осаде потеряли они от 60 до 80 человек рядовых солдат и двух капитанов, Страуса и Вала, покамест приспешила им в помощь польская инфантерия. За прибытием ее они соединенными

силами уже менее двух часов овладели городом и крепостию несмотря на упрямое сопротивление осажденных, между которыми и многие женщины сражались храбро косами, но, наконец, все пали от острия меча, без разбору рода и возраста, тамошний губернатор козацкий тотчас повешен в городе. Все брато в добыч, а чего взять было не можно, обращено вместе с городом в пепел. Таков строгий поступок произвел надежно более действия, нежели когда оказывано милосердие, ибо когда усмотрен был в Фастове дым и огонь, происходящий из оного города, то в то самое время оберегающи город Фастов козаки, числом 300, оставили его, вслед за ними и граждане выступили из оного, хотя и в состоянии были стоять против поляк, которым, чаятельно, приступ стоил бы многого числа людей.

Князь Ян Радзивил в ожидании королевского указу и, покамест армия соединится с ним, пребыл неподвижно лагерем поблизу города Киева, но не без опасности, потому что неприятель все возможные средства к нападению на него употреблял, а паче о препятствии ему к соединению с гетманом Потоцким.

Августа 16 отправлен был от оного принца полковник Нолд с некоторою партиею войска для разведывания о козаках, который, сыскав множество их, вместе с татарами, поблизу ворот киевских, называемых Золотых, как скоро о том отрепортовал князю, то из того встревожились было во всем его лагере. Князь командировал тотчас на то место одну партию легкой кавалерии, которая атаковала козаков так сильно, что и мост, чрез который думали они себе убежище иметь, не пособил, ибо поляки тотчас им завладели; и пало тут козаков и татар до 1000 человек. В то время от взятых в плен уведано об оном числе, состоящем из 3000 человек, которым долженствовало быть еще на подкрепление их тысяча для того, чтоб тою силою армию литовскую осадить могли в ее ретранжаменте. По одержании победы над козаками князь Радзивил выступил из лагеря своего и маршировал прямо для соединения с польскою армиею, оставя довольный в Киеве от стороны своей гарнизон и снабдя его довольно тем, что ему потребно было для защищения города. Между тем гетман Потоцкий отправил вперед себя 1500 человек, за коими сам, со всем войском своим, прибыл благополучно к Василькову для лучшего и удобнейшего с князем соединения.

Хмельницкий, ведая несостояние свое, что не в силах воспрепятствовать Потоцкому в предприятиях его, отправил сего для от себя депутатов к нему с прошением мира, уповая на возложенную доверенность ему от Сената и Республики, что он может пресечь пролитие человеческой крови и постарается привесть его самого и козаков в милость королевскому величеству, уверяя притом его, что он и козаки верны в службе королевской пребудут и впредь то содержать станут свято и ненарушимо по Зборовским статьям.

Таковые Хмельницкого предложения о мире не могли довольно гетмана надивить, поколику известен был он о беспрестанных Хмель-

ницкого требованиях от Оттоманской Порты и татарского хана скорой помощи, следовательно и знал он, что сие прошение мира не для иного чего было, как для продолжения времени, чрез которое возымел бы он случай дождать к себе требуемое вспоможение. Сего для гетман не хотел, однако, с ним как окончать дело вооруженною рукою, ибо польская армия тогда уже знатным числом умножена была чрез соединение войска литовского, в котором числилось 9000 человек. Хмельницкий ж, хотя уже имел вспомогательных у себя 6000 татар, но не был еще надежен на силу таковую, чего для принял еще дерзновение просить мира, для которого ходатайства разными способами склонял воеводу киевского, чтоб он постарался окончить войну сию лучше прощением, нежели продолжением толиких бедсвий, внушая о том польскому генералитету, сколь то поднятие солдатам в походе стоит труда, а приключаемые между ними болезни убавили и ныне убавляют, всякий почти день, их число людей, на что воевода, согласясь теми и другими резонами, уговорил обоих гетманов, Потоцкого и Радзивила, на принятие козацких депутатов, которые пришли с прошением того мира. На что когда оба гетмана согласились, то Хмельницкий, во-первых, просил, чтобы скорее присланы были уполномоченные на определенное место для конференции с Виговским, его секретарем, и первейшими конфидентами; чего для от стороны польской отправлен капитан от кавалерии Маховский с письмом от гетмана Потоцкого до Хмельницкого. Но когда в том письме не выражено было ему надлежащего гетманского титула Войска Запорожского, то козаки почли себе оное в немалое презрение и пришли было сперва в смятение, а наконец, когда Маховский пристойным образом изъяснился и доказал им некоторые в том резоны, усмирели, и конференция началась следующим образом. Польский депутат тотчас предложил, чтобы Хмельницкий отпустил от себя татар и пришел бы в польский лагерь для засвидетельствования своего должного почтения, на что гетман Хмельницкий на первые из сих пропозиций долго противился, а на другие, какие б ни были, секретарь его на представленные ему договоры легко соглашался, но, наконец, как первому, так и последнему договорам принуждены положить на мере той, ибо по первому предложению все его старшины и мужики много противились, оспоривая в том, что непристойно, де, чтоб Хмельницкий в польском лагере свидетельствовал гетманам почтение свое, почему в той конференции рассуждено за найлучшее, дабы оной в лагере том не продолжать по причине упорности мужиков и ради опасности той, чтоб татарам не подать чрез то сумнения, и они бы, приметив, о чем идет дело, не умыслили какого зла против комиссаров. А как Виговский притом предлагал перевесть оную в Белую Церковь, то Маховский о сем рапортовал гетманам своим, почему в совете польской армии рассуждено и определено послать комиссаров, как козаки желали, чтоб быть той комиссии в Белой Церкви, в которую и определены уже были воевода киевский Кисель, воевода

смоленский Грабович, обер-гофмаршал литовский Гонзевский, подсудок брацлавский Казановский, кои и отправлены в тот город для производства той комиссии с большим и сильным конвоем, с которого, однако ж, вошло только в город 500 человек конницы. Польские комиссары, переговоря с комиссарами Хмельницкого, согласились на мир на всех тех кондициях, которые предложены были, кроме некоторых пунктов, коих решение должно быть в обоих лагерях. С чем польские комиссары возвращаясь до лагеря своего, были в том обратном пути в великой опасности, ибо татары и мужики засели было в прикрытых местах к убийству их, по чему Хмельницкий сам и его полковники много имели труда в провожании их, защищая от всех нападений татарских и мужицких. Ибо татары, а большею частью мужики, никакой пропозиции о мире принимать не хотели, потому что они всегда думали о себе, что, когда мир заключен будет, то неминуемо в кондициях положено будет то, чтобы их вовсе отдать полякам в подданство. Татары ж в сем случае несколько сдобылись, по хищничеству своему бегая по сторонам всюду, они напали на комиссарский обоз и разграбили из того некоторую часть. Между тем гетманы, коронный, Потоцкий и литовский князь Ян Радзивил, по усмотрению обстоятельств, что предприятая негоциация почти уже совершилась, рушились от Германовки, лагеря своего, прямо под Белую Церковь, в место, в котором Хмельницкий и главнейшие козацкие старшины долженствовали возобновить свою присягу королю и Республике; и только что польская армия начала приближаться туда, то вся чернь, или простой народ, пришел в великое удивление и смятение, покамест им обстоятельно не внушено, что сближение целой польской армии не для иного чего, как только для предосторожности от татарских нападений, а комиссары, как с одной, так и другой стороны, между обоими лагерями опять съехались для окончания того, что в Белой Церкви конференциею не решено. Козацкие комиссары вместо окончания нерешенных пунктов учинили новые и весьма отличные от прежних предложения, как бы позабыли вовсе то включить, что прежде сего уставлено было, требуя: 1) Подтверждения и исполнения Зборовского трактата; 2) Отдаления польского войска от украинской границы; 3) Свободы содержать союз с татарами, которых они признают быть истинными защитниками их вольностей. За каковое их легкомыслие и непостоянство в твердости (которое, чаятельно, последовало из известия в получении новой татарской помощи или от мнимого произглашения о приходе некоторых турецких полков) на то польские гетманы, сделав первее им выговор, потом приказали тотчас армии своей стать в ордер баталии следующим образом: правое крыло принял в команду князь Радзивил со всем литовским войском, левое же — полевой гетман Калиновский, а коронный гетман Потоцкий оставил для себя главный корпус.

Равным образом козаки и татары выступили с лагеря своего, оказывая себя так, как бы они не имели другого предприятия, кроме,

чтоб посмотреть на состояние польской армии; однако вслед сего начались разные набеги и продолжались чрез целые три дни. Многие козацкие полки, которые, рассеявшись и укрываючись в кустарниках и в других прикрытых местах, делали частые набеги на поляков и наскакивали на них иногда с сторон, иногда с тылу, что они, уповательно, делали нарочно, для того и тем устращивая, чтоб польских генералов склонить к непременному получению от их потребных и полезных для себя договорных пунктов. Чем польские гетманы огорчась, понуждали Хмельницкого из таковых поступков объясниться, на что он представлял, как бы о всех тех козацких произвождениях ничего не ведал.

И для того сентября 26 числа Хмельницкий послал до польских гетманов трех депутатов для заключения с ними твердого договора о примирении трактатом, которые потом, за прибытием его в ту конференцию, при благосклонности его, представили ему свои пропозиции; однако и те были с отменою против прежних, но за многими препирательствами, когда соглашено, наконец, от обоих сторон, чтоб быть при договорах тех именно числу козаков 20 000 человек, то при том требовано было, чтоб квартиры иметь козакам в воеводствах Брацлавском и Черниговском. Точию на то они отказ получили, а потом просили они, чтоб хотя, по крайней мере, польские войска не имели у тех козаков квартир, которых Хмельницкий в ревизию свою запишет в вышепомянутое число, до самого оного окончания, и дабы гетману Хмельницкому для собственного его содержания даны были уезды Черкаский и Боровицский. На таковое последнее предложение гетман Потоцкий приказал объявить, что он сам собою, без особливого королевского и Республики указу, учинить не может, а что к прочим принадлежит требованиям, то он на все соглашается и дозволяет быть по их предложениям для того больше, что Хмельницкий секретно объявил Потоцкому, что он все, что ни требует, делает только для одного удовольствия бунтующихся мужиков, которых ныне, по рассуждению его, опасно раздражать, покамест они все вместе и во многом числе. По окончании всего сего не оставалось более чего делать, как только Хмельницкому и его полковникам придти в польский лагерь для отдания своего почтения гетманам, к чему он уже и готов был и для безопасности своей взял от польской армии довольные, по мнению его, залоги; но из козацких его старшин некоторые вовсе на то не соглашались, чтоб Хмельницкий шел в польский лагерь для отдания чести гетманам польским. Однако он, не смотря на то, учинил по преднамерению своему тем польским гетманам удовольствие, и 28 числа того ж течения Хмельницкий с главными своими старшинами прибыл в польский лагерь и, став пред великим гетманом Потоцким, просил прощения с унижением и со слезами, которые он приобык проливать, когда нужда и обстоятельства того требовали, свидетельствуя при том всевозможное почтение князю Радзивилу и

прочим магнатам. Вслед сего в присутствии его, Хмельницкого, читаны были артикулы трактата, который тогда ж от обоих сторон закреплен и утвержден присягою; и в знак радости от польской стороны сделано довольное торжество и почтение Хмельницкому с бывшими при нем. Оные артикулы суть следующего содержания.

1. По видимой преданности, учиненной от Запорожского Войска командующего и старшин его, по присяге их, чтоб быть им всегда в верной службе королю и Республике, определяется оному войску быть впредь числом 20 000 человек, кои имеют быть выбраны и записаны в перепись козацким гетманом и старшиною, и иметь им жительство свое в землях и во владении, принадлежащем до его величества, короля польского, а именно: в воеводствах Киевском, Брацлавском и Черниговском, однак имеющиесь в тех воеводствах шляхетские добра должны быть от козаков свободны.

2. Если некоторые шляхетские подданные впишутся в Войско Запорожское, то должны уже они перенесть жительство свое в земли королевские воеводства Киевского, и дастся им свобода движимое и недвижимое свое имущество, где бы оно ни было, продать без малейшего препятствия от их владельцев, старост и подстаростей.

3. Вписывать козаков 20 000 человек чрез 15 дней, считая от заключения настоящего трактата, учиня на то два реестра, в которых состоять должно имя, прозвание и оседлость каждого козака; и таковы реестры должны быть закреплены рукою гетмана козацкого, из которых один послать к королю, а другой оставить в архиве киевской. Те козаки, которые введены будут в перепись, одни только пользоваться должны древними правами и привилегиями козацкими, а которые останутся исключены, те бы возвратилися к должностям своим, по-прежнему, под владение королевское.

4. Польским войскам не иметь квартир в воеводстве Киевском и в местах, определенных для козаков, да и козакам в воеводствах Брацлавском и Черниговском ныне их не иметь же, а иметь разве по Рождестве Господнем, после окончания ревизий.

5. Шляхетство вышереченных воеводств, Киевского, Брацлавского и Черниговского, имеет принять добра свои беспрепятственно по-прежнему во владение и получать с них принадлежащие себе доходы. Во время же сочинения ревизий подданные их не должны ничего работать и податей никаких не давать, ибо после окончания ревизий узнать будет можно, кто остался от козацкого компуту исключенным, и кто принадлежит к оному, и так первые должны будут несть все крестьянские тяжести, а последние наслаждаться козацкими привилегиями.

6. Козацкому гетману иметь свою резиденцию в Чигирине; и как настоящий гетман, Богдан Хмельницкий, так и наследники его, имеют пользоваться дозволенными им прерогативами, раздавая чины прочим козацким старшинам, и состояли б они под протекциею генералиссимуса (гетмана коронного) и Республики, чему обязались присягою сохранять свято и ненарушимо и верность свою.

7. Греческая вера, которой исповеданию Войско Запорожское подлежит, сохранена быть должна при древней своей вольности, со всеми епископами, монастырями и церквами греческой религии, тако ж и церковные добра, которые во время войны могли быть похищены, возвратить в прежнее церквей владение.

8. Шляхетство католического греческого исповедания, которое придержалось козацкой партии, так, как киевские граждане, имеют пользоваться навсегда амнистиею, следовательно, и возвратить им все добра их, чести, вольности, и что им надлежит; сего для исключение, последовавшее им от сообщества их, уничтожается.

9. Жидам быть под гражданским правом в королевских владениях и землях шляхетских, которые могут, по-прежнему, быть откупщиками шляхетских добр.

10. Татарам, находящимся в польском королевстве, выступить тотчас вон без малейшего местам разорения и нигде им внутрь границ не иметь квартир; однак козацкий гетман употреблял бы возможный с ними мир к привращению их впредь для службы Республике. Но понеже сего подлинно ныне определить прежде не можно, доколе о сем на сейме не рассуждено будет, то для того, как Хмельницкий сам, так и все козаки, должны ныне отказаться от дружбы их и сделать с ними войну, как с неприятелями королю и Республике, а по большой части не имели б козаки с татарами никакого сношения и согласия, так, как с прочими соседственными государями, а были б во всегдашней постоянной верности и послушании его величеству и Республике, что, как они сами, так и их наследники, содержали б свято и ненарушимо во всех случаях, а равно и командирования, какие бы ни были.

11. Понеже никогда и никто из козаков не бывал у обережения границ литовских, того для и ныне быть им там не должно, а пребывали б они всегда, как вышепомянуто, только при границах воеводства Киевского.

12. Град Киев — митрополия и имеет трибунал и опитиции: для того из тамошних жителей не должно вписывать много в козаки.

До сих времен писал французский писатель Шевалиер.

По заключении сего трактата козаки расположились на определенных им квартирах, а польские войска разведены были по всей почти Малой России, по обоим сторонам Днепра, где находясь постоями, приключали несносные обывателям обиды как в податях от панов польских, так и грабительствами и боями, чрез что на Хмельницкого от народа малороссийского великое было роптание за отдачу полякам Украйны; что, хотя Хмельницкому и весьма чувствительно было, однак он принужден был с терпеливостию то сносить и ожидать, покамест зимнее время пройдет.

Что ж на сие воспоследовало, об оном в последующем здесь малороссийском повествовании от 1652 году описывается.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 15

Здесь начало малороссийского повествования о прямой причине к вооружению противу поляк помянутым Богданом Хмельницким и всего Войска Запорожского за насильства и наглости польские и о постановлении его Войском в гетманы

О насильном отнятии польскими старостами от Богдана Хмельницкого маетности

А как усильственно начальники польские отняли у Богдана Хмельницкого землю с селением и с прочим пристроем, которое именовалось Суботов, состоящее от города Чигирина в полутора милях, еще отцу его, чигиринскому сотнику Михайле Хмельницкому, когда был он писарем сборов, дано было от чигиринского старосты Ивана Даниловича Конецпольского, и в надежду службы отца своего, который на баталии турецкой убит, також и для своих заслуг и плена, поселил на оной своих людей и устроил слободу, водяную мельницу и пасеку (то есть пчельник), чему позавистновав, бывший тогда в Чигирине подстароста Чаплинский представил чигиринскому старосте, что якобы козаку иметь земли в своем владении весьма не следует, почему и отнял староста от Хмельницкого и отдал Чаплинскому, при чем в отказе написано Хмельницкому: не достоит, де, простому козаку слободы селить.

Угрожение Хмельницкого на Чаплинского, за что был в тюрьму на время посажен

Хмельницкий сей, видя усильное отнятие слободы своей, весьма оскорбился и, как ему противу насильства такого делать собою было нечего, сказал только в сердцах, что еще, де, козацкая матка не умерла, указавши на саблю свою. «Не все Чаплинский забрал, когда

еще сабля в руках». Чаплинский, коль скоро услышал сии угрозы, тотчас посадил его в тюрьму, а сына его Тимофея за дерзкие ж слова в два кия велел на площади выбить, и, наконец, едва их от тюрьмы выпросила жена Чаплинского, по прошению матери своей.

О вышеписанном усильстве и польский историк свидетельствует

О сем польское повествование так же объявляет, что «новое злодеяние поляков даровало козакам нового предводителя. Козак Хмельницкий жил спокойно доходами волости своей, полученной в наследство от отца, и, присоединив к оной необитаемые земли, сделал их прибыточными и обогатил мельницами.

Польский дворянин Чаплинский, бывши повелителем в Украйне, позавидовал благополучию сего козака и, видя, что он сопротивляется ему, повелел сжечь его мельницы, осрамил жену его и умертвил ее на кровавом, бездушном теле сына ее.

Несчастный отец и обесславленный супруг просил короля о возмездии; множество одноземцев его, которые имели также причину приносить жалобы, соединились с ним, но никакого удовольствия не получили».

Начало замысла Хмельницкого к возволнованию козаков запорожских

От сего времени, чрез то насильное и неправильное отнятие чужого владения, возгорелся огонь для всех поляков. Хмельницкий начал тотчас за сие выдумывать правильное на них мщение, понеже знал, что к тому в недрах было скрыто. Он, не мешкавши нимало, искусно достал у Барабаша [66] во время крестин дитяти своего, коему был Барабаш восприемником, ту самую грамоту, которую прислал ему король польский за своею печатью с тем надписанием, что «если козаки жолнеры добрые, мушкет и при боце саблю мают, то крепко могут боронити свои от поляк повреждаемые права и вольности».

При самом же оном случае, имеючи в гостях у себя и старинного своего приятеля из Переясловля, именитого козака Ивана Ильяша Ормянчина, который так же, как и он, находился известным у короля, и испросили обще, будучи пред сим у его величества, универсал или грамоту на делание челнов, коими ездить по морю можно б было, и для свободного провозу оных мимо ведомства польских гетманов, что, имевши, содержали тайно. А сохранял оное Иван Ормянчин у себя в Переясловле с тем, чтоб не ведали об оном их полковники. Упоя его пьяного, как равно и Барабаша, и выведав у них, где сохраняются те грамоты, взял тайно у спящих (кои, будучи гостьми, ноче-

вали тогда у него) от первого ключи и перстень, а от другого ключи ж и шапку, послал за оными к их женам — Барабаша в Черкасы, а Ормянчина в Переяслов — своих посланцев верных, которые немедленно и исполнили все по желанию и, привезши, вручили Хмельницкому. Сей, получа при удобном времени обои королевские грамоты, объявил надежным козакам своим и изъяснил им, какую волю и права они ко отомщению за обиды свои имеют. При том уговорил их, чтоб шли все для соединения ко исполнению оного в Запорожье, где и он будет, и, оттоль начавши, истребить бы иго польское.

Сам же, не отлагая вдаль, последовал немедленно в Запорожье, как то 1647, а по церковному старому уставу в 1648 году, декабря 7 дня [67]. Он оттоль отозвался гетману коронному, что он намерен с депутатами отправиться на сейм, просить возвращения вольностей, но тайно отбыл, как некто повествует, в Крым; там выпросил у хана татарского знатное войско в помощь свою, и по возвращении в Сечь Запорожскую выбран гетманом.

Начало убийства в Сечи поляков

Малороссийская ж история говорит, что вопервых Хмельницкий прибыл в остров Бучки, потом в Рог Никитин, где нашел козаков 300 человек. Оным объявя также те грамоты и намерение свое и приговоря их к себе, с ними в Сече, во-первых, жолнеров польских всех перекололи, затем послал в Крым до хана Ислам Гирея просить помочи на поляков, что и выпросил следующим образом.

Объявление причины к восстанию Хмельницкого на Польшу, к возволнованию всего козачества на оную за все их наглости, варварства, обиды и разорения, а паче за нарушение закона

Объявил он наперед собравшимся нему козакам вину прихода своего к ним с тем, что возжелал, единственно из любви к отечеству своему, заступить всю Малороссию и отомстить за все бывшие и ныне еще чинимые наглости, усильства, обиды и налоги полякам, за которые по многократным приносимым прошениям и жалобам еще никакого правосудия от Польской Республики получить не могли, но вместо всякого удовольствия только вящую беду и изнурение от них терпеть принуждены. Об оном бы им обнародовать всем живущим землякам своим в Малороссии и приглашали б на соединение с ними, стать единодушно противу поляк и отомщевать за обиды и озлобления свои, напоминая им все причиненные оскорбления подробно. Что ныне, де, «козаки от вольности и почтения уже уничтожены, силы их

уменьшены, начальников своих природных лишены и отданы под начал поляков, а иные и в подданные им; что грунта все отобраны и в крайнее неимущество доведены, разогнаны и истреблены многие; оставших же козаков заставляют в непристойные и необыклые для козака, как то в городовые и прочие работы, употребляют к топлению печей, к чищению дворов, коней, к кормлению псов, дровомелями и на почты вместо почтарей посылают. Определенное жалованье от короля и Речи Посполитой, на каждого козака по 30-ти * золотых, оставляют полковники, комиссары и сотники у себя, разделяя между собою; также, когда козак от татар коня доброго в охоте своей добудет, отнимают. Из Запорожья чрез степи ястребов, беркутов и хортов до городов в подарок к вельможам с бедными козаками посылают, не сожалея, что хотя бы и пропал, как то хищность от татар и бывает. Когда ж языка татарина кто достал, оного отсылают с своими любимцами к коронному гетману, а отважность и услугу ту, с которым бы следовало того ж самого с тем представить, ни во что вменяют. За жидовскими откупами невольно козаку для своей надобности никакого напитка в доме держать и ниже браги иметь. Собирают ныне и десятину от следующих из Запорожья с рыбою или и с иным чем в Кайдаке на комиссара, сверх оного берут на полковников, сотников и есаулов, и писарей, чрез что, разоряя, приводят нас к великому убожеству. Козакам же быть уже, как сами, братья, знаете, не больше 6000 человек реестровых определено, для того, чтоб нас обессилить, а дети козацкие должны мужиками на панщине быть и всяку работу и платеж так равно, как и посполитые, исполнять, да еще и вяще. А паче всего, что козаков грабили, мертвили, даже и детей, над женами ж и дочерьми всякое ругательство и бесчиние делали. Закон наш нарушают и отвращают нас от оного, вводят свою унию, церкви разоряют, утварь церковную жидам продают, священников и самую святость истребляют, а архипастырей наших изгоняют. Соединимтеся, братья, и восстанемте за церковь и Веру Православную, истребим сию ересь и напасть свою, восставим паки свою златую вольность и будем единодушны. Призывайте своих козаков и земляков наших и, если желаете, то буду предводителем вашим. Я уповаю достать и умножить сил наших и надеюсь, что и все козаки, где б они теперь ни были, к нам приложатся и будут наши помощники. Возложимте упование наше на Всевышнего: Той да поможет нам!»

Козаки, возъярясь и слыша напоминание о огорчительных им обидах, единодушны стали с Хмельницким

Козаки, слыша сие, возъярясь, восторгли все единодушно, тотчас приложились к нему и все единогласно сказали: «Умрем все друг за друга, отомстим наши обиды и защитим Веру и Церковь нашу и

* Цена золотому 20 копеек.

освободим от ига наших единоземцев. Пойдем и соберемся, будем начинать и да поможет нам Всевышний!»

Козаки посылают по своих гонцов к собранию их

Тотчас разослали гонцов во все стороны к козакам своим и прочим, чтоб известие об оном дали. Сами ж, сколько их на первый случай в сборе было, вооружась, за Хмельницким последовали.

Хмельницкий укрывается с козаками в безопасное место до большого собрания их

В сей самый час уведомил Хмельницкого переяславский полковник Кречовский [68], что велено от коронного гетмана Потоцкого его поймать и предать смерти. Но уразумел Хмельницкий, что и сего, как польского духа, опасаться должно. И при том, что козаки, случившиеся тут, хотя усердно к нему приложились, но за малостию еще числа их на Запорожье быть ему не можно, потому что в близости оных мест не малая залога военная с полковниками и прочими чинами польскими там находилась, переправяся чрез Днепр, пошел того для с сообщниками своими на низ Днепра в луга к лиману и там занял свой стан, где войско присовокупляться к нему стало.

Поляки сыскивают Хмельницкого, но он оных разбил и чрез то умножение людей у него более стало

Полковники ж польские, сведав об оном намерении и о призыве и собирающихся к нему козаках, тотчас начали сыскивать Хмельницкого, чтоб его поймать и разогнать козаков, послали сего для не малое число от войска своего, которых Хмельницкий сам, нашед их, разбил и разогнал, а козаки, кои были с поляками, предались все к Хмельницкому.

Извещение Хмельницкому о убийстве жены и сына его

Тут от предавшихся козаков объявлен Хмельницкому вящей для него удар: они объявили ему, что как скоро стало известно о его из Чигирина побеге и что он собирается с козаками воевать поляков, то тотчас подстароста Чаплинский, напавши на дом и жену его обругавши, и с новорожденным сыном ее убил, что услышавши, Хмельницкий почти помертвел, обомлевши, а потом, вспрянувши в горестном

своем состоянии, заклял себя до последней капли крови своей не только одному Чаплинскому, но и всей Польше за таковую несносную, ему причиненную да и всей Украйне нанесенную обиду и поругание огнем и мечом мстить, для чего тем усильнее просил всех находящихся с ним козаков, представляя им сии явные, не только слышанные, наглости и обиды, стать единодушно.

Тут, слышавши козаки такое неслыханное и чрезвычайное дело, учиненное от поляк, тем более яростию на то подвигнуты были, все единогласно вскричали: «Пойдем, пойдем, братия, отомстим таковую обиду, чинимую нашим!»

Посылает в Крым просить татар. Хмельницкому татары даны, с которыми пришел в Сечь, поляков выгнал, и запорожцы все к нему присоединились

Видя, Хмельницкий, что запорожцы все восторглись и единодушно желают мстить за все польские обиды и наглости, при том, как сделал уже начало и задирку с поляками, что будет на него неотменно от Польши еще больше сил, немедленно послал от общего приговора, посланцев своих к хану крымскому с тем, чтоб сделать с ним мир во всех бывших междуусобиях и раздорах и, установя согласие, просить от него себе вспоможение, чтоб сделать на Польшу нападение и воевать бы при том обще и единодушно, помогая друг другу, да и впредь бы которой стороне воевать на них ни случилось.

Хан, приняв то прошение со уважением, советовал об оном с своими мурзами и уланами, на что сперва было некоторые из них, а паче Тугабей-мурза, не хотели к тому согласиться, наводя прежние себе от них озлобления; сего для хан посланным советовал просить Тугабея-мурзу, яко старейшего и сильнейшего от прочих мурз, что и исполнено. Они все, по усильной просьбе и великим им за труд их обещаниям, наконец согласились. По чему хан послал от себя мурз своих до Хмельницкого с тем, чтоб в лучшей имоверности, во-первых, дал он в залог сына своего, и при том учинить с обеих сторон в верности присяги, что и учинено и утверждено требуемым залогом в стану его.

Хан по сему немедленно прислал со многими ордами Тугабея-мурзу к Хмельницкому, с которыми он тотчас вступил в Запорожье и выгнал из оного бывших и пришедших вновь туда поляк, где к нему все войско запорожское присовокупилось, и Хмельницкого себе за начальнейшего старшину приняли.

Извещение из Чигирина польским гетманам о возмутившемся Хмельницком, и что все Запорожье уже к нему пристало. Поляки вооружаются и идут противу его

О сем уведомил господ гетманов, коронного и каштеляна Краковского Николая Потоцкого и напольного Калиновского, из Чигирина польский комиссар, что собралось на Запорожье уже немалое число войска козацкого и соединилось с Хмельницким, и что возмущают и прочих всех, живущих в Украйне и в других местах, для соединения с ними, призывая их воевать противу Польши, которые к тому и охотно идут. Гетманы польские, слыша сие, немедленно собрали войска свои и вступили со оными в Украйну к городу Черкассы, где самую Светлую Неделю Христову [69] взяли и в оной собранных своих козаков привели к присяге с тем, чтоб им Польше не изменять, но воевать противу возмутителя Хмельницкого и его сообщников неослабно и единодушно с ними.

По сем распределили войско следовать поспешно двумя путями: первой под начальством каштелянича и старосты нежинского Стефана Потоцкого, сына коронного гетмана Николая Потоцкого ж, с комиссаром чигиринским, коего войска с ними состояло польского с немецкими полками 6000 человек да козаков из шести ж тысячного числа половина, а другую оных — при комиссаре ж козацком и черкасском полковнике и войсковом есауле Барабаше, которого на сей случай наименовали в малороссийские гетманы, с пехотою немецкою и козацкою в челнах рекою, и следовать бы оным на низ Днепра в Запорожье, до самой Сечи, где сыскивать и разбить Хмельницкого или осадить его с войском. А сами ж гетманы последовали за ними вслед с пехотою и с тягостьми войсковыми сухопутно.

Хмельницкий пошел навстречу полякам

Хмельницкий, коль скоро получил ведомость, что войско польское следует на него уже в Запорожье, не дожидаясь приходу их на себя, немедленно и все войско татарское переправил чрез Днепр и пошел с ними и своими козаками противу поляк и, встретив их в полях, при реке Желтых Водах, впадающей в Ингулец, осадил того Стефана Потоцкого и комиссара чигиринского с их войсками.

Посланные от поляк козаки Днепром войско польское покололи и в воду пометали, а сами к Хмельницкому передалися. Хмельницкий напал на поляк, в кое время от них и все козаки перебежали к Хмельницкому

Между тем козаки те, которые шли рекою Днепром в лодках с пехотою, проплыв все города, а не дошед порогов, находящихся над ними командира с начальниками, во-первых, войскового есаула и

полковника Барабаша Филон Джеджала копьем спящего заколол, а по нем и прочих, и всю ту пехоту немецкую перекололи ж и в Днепре перетопили, что учинено апреля 24-го дня, и об оном тотчас уведомили Хмельницкого, который, как скоро от них то сведал, немедленно прислал за ними татар с верховыми лошадьми, коими в самой скорости до Хмельницкого доставлены на те Желтые Воды, где, соединясь вместе, сделали на поляк нападение. Тут увидели козаки, находящиеся в польском войске, что те самые их товарищи, кои посланы были на лодках Днепром, сообщились уже с войском Хмельницкого и делают ударения на силы их, тотчас перекинулись туда ж и, сообщась с ними, напали на поляк.

Староста Стефан Потоцкий, видя измену и жестокое нападение на себя козацкое с татарами, послал о сем уведомить отца своего, некоего именем Бьяска, но он был татарами перехвачен, и, показывая его и письма издали польскому войску, объявляли им, о чем и к кому писано было от них.

Хмельницкий с татарами войско польское разбил и великую добычь и в плен многих знатных взял

Хмельницкий, видя умножение сил своих, со всех сторон к нему стекающихся, тем паче наступать на поляков начал и, осадя их, продолжал с ними жестокую битву, беспрестанно дней несколько даже. Наконец, от лютости козацкой поляки уступать начали и потянулись было обратно к Княжим Буеракам оборонною рукою, чтоб тем дойтить до городов своих, но на оном отступном походе их напали татары на обоз, который, приближась было к Княжим Буеракам, хотел сквозь оный пройти. Токмо нашли, что во оном путь их весь перерыт был уже посланными вперед пешими козаками, чрез что пришли в великое замешательство. Татары тут разбили поляк и взяли многих в полон, а обоз разграбили, что было мая 8-го дня. В числе оного плена взяты были татарами и самые начальники из господ: Сапега, Шемберг, Фома Улинский, Иван Хребтович, воевода новогородский, Христофор Хелмский, Гаврила Балхадский, Малицкий и Семигродский. А Хмельницкий взял от них Стефана Потоцкого, коего отослал было в Сечу, точию от ран тамо умер, да Черницкого, Городчинского, Ивана Виговского и комиссара козацкого чигиринского. Прочие ж все, в коем числе многие знатных господ дети были, в Крым отведены.

Гетманы польские шли на Хмельницкого с главным войском своим, но чрез извещение о победе его назад отступили

Гетманы ж, коронный Потоцкий и напольный Калиновский, следуя от Черкасс к тем в подмогу с немалою силою своею, по точном чрез спасшихся уходом, а паче чрез Марку Кидешинского и то ране-

ного, уведомлены, что то передовóе войско их совсем без остатку разбито и в полон взято, по общему совету назад возвратились и, не следуя уже прежним путем, но поворотя к Корсуню, оный опустоша, перешли реку Рось и там было стали от Стеблева в миле, на ровном поле, и хотели оттоль далее в путь свой следовать.

Хмельницкий пошел в погоню за поляками и их, пристигши, разбил и попленил с великою добычью

Хмельницкий, ведая о наступном и отступном оном походе гетманов, поспешал немедленно на сопротивление и погоню оных войск, коих настигши за Корсуном, сделал с ними бой и, бившись, понудил их отступить оборонною рукою. Кои пробирались в поля Урасовы, и для того надлежало им наперед проходить леса, состоящие в миле от Корсуня, куда Хмельницкий приказал завесть корсунскую пехоту козаков, кои там, дорогу им перекопавши, а со сторон засеки зарубивши, за оные засели, не пропуская обозы, а Хмельницкий, нападаючи созади и со сторон с войсками своими и ордами и окруживши тем поляк, разбил и гнал так, что нигде от меча его укрыться не могли, и мало кто избежать от оного мог. Сие совершилось мая ж 16 дня; тут орда неоцененную добычь себе получила, как то: знатных пленных, двух гетманов, коронного Краковского каштеляна Николая Потоцкого и напольного Калиновского, начальников — Казановского, Ординовского, Балабана, Бедановского, Хмелецкого, Комаровского, Яскольского, Ковальского, Хоментовского, Кедешинского, Бедзинского, Тимидского, Орочовского, Кучковского и иных многих полководцев и капитанов и множество военных людей, лошадей и уборов конских. Так равно и козаки, одержавши обоз, разбогатели, а паче знатных господ, из коего получили столь много серебра, что самою малою ценою продавали. Победа оная происходила в самую седмицу сошествия Святого Духа. На оную победу воспела тогда Малороссия песнь стихами, а какову? Прилагаю здесь оную от слова до слова:

Которые пошли, Хмельницкого абы поймали,
Леть сами в неволю впали,
Поехали бучно до Крыму рыдваны,
С советниками оба польские гетманы,
А возы скарбные козакам остали,
Абы худорбу свою полатали.
Хотели ляхи с козаков славу мати,
Аж Бог тому дал, кто умее их смиряти,
Той вознесе ныне смиренных руснаков,
А гордых со престол низложи поляков,
Богатых тщих отпусти до Крыму,
Хотевших Руссию наклонить до Риму

Хмельницкий получил все польские гетманские клейноты, при чем козаки его гетманом поставили

Хмельницкий по завоевании польских коронных войск и самих коронного и напольного гетманов, как получил все гетманские клейноты и войсковые знаки, яко то: булавы, бунчуги, знамена и прочее, просили сего для Хмельницкого козаки всем обществом, чтоб принял он на себя и достоинство гетманское и был бы их главный начальник. Он был тем доволен, при благодарности своей чин тот принял, в чем все обще и присягу в верности и в послушании ему учинили; а до получения победы и знаков достоинства гетманского на себя не принимал. В сие ж время дошел он и до Белой Церкви и там обозом стал.

Хмельницкий из под Белой Церкви посылает для извещения во всю Малую Россию универсал о победе своей над поляками

По пришествии ж под Белую Церковь тотчас рассудил о полученных своих победах над поляками и достоинстве своем универсалом своим всех живущих в Украйне малороссиян обрадовать и тем обнародовать, что желает простирать дела свои противу поляк еще далее и вести с ними войну для совершенного освобождения их от ига и работы польской, с тем, однако ж, прося, чтоб все ему в том, кто доброжелатель общему добру, вспомоществовали, увещевая их при том, как друзей и братьев, дабы шли и поспешали как найскорее к войску его и в обоз, состоящему под Белою Церковью, где и ожидает их усердно. В какой же силе тот универсал или грамота его написана была, для любопытства с оного точный список при сем прилагаю.

Посланный универсал от Хмельницкого для обнародования всем, живущим в Украйне, и о призыве их к себе

Зиновей Богдан Хмельницкий, Гетман славного Войска Запорожского и всея по обоим сторонам Днепра сущей Украйны Малороссийского. Вам, украинским, по обоим стронам Днепра-реки, шляхетным и посполитым, большого и меньшего всякого чина людям, а особливо шляхетно урожоным козакам из той братьи нашей знаменитым сим универсалом нашим ознаймуем, иж не без причин наших слушных мусилисмо зачати войну и поднести оружие наше на поляков, чрез которое, що ся при всесильной помощи божественной на Желтой Воде мая 8 дня, а потом под Корсуном мая 16 дня, над ними, поляками, стануло, тое вам всем уже совершенно есть ведомо. Теперь зась по двух оных над ними, поляками, генеральных битвах

скоро получили ведомость, же они, тем несчастием своим разгневаны и розъятрены будучи, не токмо сами панове княжата около Вислы и по за Вислою многие свои на нас стягают и совокупляют войска, але и самого найяснейшего Короля своего Владислава, Пана нашего милостивого и отца ласкавого, на нас же подмовляют и возбуждают, абы, со всеми силами своими пришедши в Украйну нашу Малороссийскую, латво нас огнем и мечем звоевати, мешканья наши разорити, в прах и пепел обернути и нас самих всех выбити, а других в немилостивую неволю забрати и на иншие далечайшие места за Вислу, запродавши славу нашу, не только в части света европейского присно славную, но и в отлеглых за морем Черным странах азиятских довольно народом тамошним ведомую, могли испразнити и поглотити, постановились в намерении нашем не против Короля, милостивого Пана нашего, но против поляков гордых и за не за що его Королевские высоко поважные привилегии, нам козакам и всем обще малороссиянам данные (права и вольности наши древние при нас заховуючие и укрепляючие), меючих, мужественным и небоязненным при помощи Божией станути сердцем и оружением. Для чего, притягнувши от Корсуна и станувши обозом нашим войсковым тут, под Белою Церквою, пишем до вас сей универсал, чрез который, взываючи и заохочуючи вас, малороссиян, братью нашу, к нам до компании военной, тое прикладаем и известуем, иж они, поляки, подлуг их же кроникаров польских свидетельства, от нас савроматов и руссов уродившися и изшедши и с самовластною братиею нашею савроматами и руссами с початку бывши, по несытому желанию славы и богатства, душе временного, от сопребывания с предками нашими древних оных веков отдалилися и, иншое именование (еже есть ляхи и поляки) себе учинивши и за Вислу заволокшись, на чужих грунтах и землях там, между знаменитыми реками Одрою и Вислою сели, многим околничим землям и панствам немецким и иным западным и полуношным зашкодивши и державы их с людскими населениями военным и разбойническим способом прошлых оных древних веков утрутивши и украдши себе, завладели, по том, за прошествием многих времен, в селениях своих по над Вислою и за Вислою в пространных тамошних чужих землях расплодившися и умножившися, а пречеными людскими шкодами и выдирствами недовольны будучи, поустали напрасно и бессовестно, яко иногда Каин на Авеля, на руссов, албо савроматов — власную (яко выше писалось) с древности природную братию свою — и за предводительством Короля своего, Казимера Великого, иже есть имени того третий, року от Рождества Христова 1333 албо 1339, звлаща умалившимся и оскудевшим тогда Киевским и Острожским и иным истинным Русским Князем нашим завоевали и к своей несытости поприлащали, и подчинили истинные из древних веков земли и провинции наши Савроматиские и поселения наши ж Русские от Подола и Волох по Вислу аж до самого Вилня и Смоленска, дальние и обширные границы свои имущие, а именно: Киев-

скую, Галицкую, Львовскую, Хелмскую, Белзскую, Подольскую, Волынскую, Премыслъскую, Мстиславскую, Витебскую и Полоцкую. И не только в помененных землях и провинциях наших Русских славное имя наше козацкое испразднили и загладили, але, що и найгорше и найжалостнейше всех оных, братию нашу, роксолянов, в невольническое подданическое ярмо запрягши, от веры Чесной Православной, душеспасительной греко-русской отринули, а до пагубной Унеи римского заблуждения силою, гвалтом и многими над совесть християнскую мучениями и тиранством привлекли и приневолили всех прежних Князей и Королей своих польских, благочестие наше греко-русское не хуливших, присягами и привилегиями утвердивших, привилегии и мандаты презревши и уничтоживши и целе против политики шляхецкой и доброй совести скасовавши. Когда и того душевредного, в погибель влечащего схизматического их и несытного учинку (еже Благочестие святое на Унию обернули и честь козацкую в нечестие и незнание претворили) за заздрость и гордость мало быти показывалось, то, наконец, наложили было мимо волю Королевскую, Пана нашего милостивого, и из самых крайних и остатных, от поль диких будучих, яко то Чигирина, Терехтемирова, Переясловля, Полтавы и иных многих городов и сел, по обоим сторонам реки Днепра зостаючих, украйно-малороссийских власной предковечной отчизны нашей, от святого и равноапостольного Князя Киевского Владимира, святым крещением Русь просветившего, благочестием истинным и непоколебимым сияющих знатнейших людей и козаков выгубити и выкоренити, а самим поспольством, албо посполитым народом нашим завладевши, и не только в ярмо невольническое их запрягти, но по своей безбожной воле в душе вредную правилам священным и святых отец наших противную вринути Унию, чего уже певне были знаки и документы, когда не только многих козаков и мещан, братью нашу, псы дозорцы мерзкие поели и лядоплетками фальшиве панам своим оскарживали, и о потерянье голов их приправили, и добрами и имениями их завладели, что и мне, Хмельницкому, от нецнотливого сына и брехуна Чаплинского, дозорцы чигиринского, пришло было терпети и головы позбути, але и веру нашу Православную всегда ругали и бесчестили, священников наших благочестивых, где колвек, из якой колвек, хотя найменьшой причины, бесчествуючи, ругаючи, бьючи, разрываючи волосы и бороды вырываючи и урезуючи; а якие зась вам самим, всем малороссиянам, от них, поляков и жидов, их арендаров и любимых факторов, по сие время являлись обиды, тяжести и озлобления и разорения, тут мы те все не именуем, поневаж вы сами об оных ведаете и памятуете. Тое только тут вам припоминаем, иж до такой есте пришли были неволе у поляков, же двом или тром на местцу, яко и на улици или в доме своем сшедшимся, заказано и невольно было вам с собою говорити и в потребах своих господарских побеседовати, без чего и акта Христианские и весельные не могут быть, и що Бог дал человеку уста на глаго-

лание, тие поляки строгими указами своими заградили и немствовать над природу и политику и всегосветный звычай вам были приказали. Якое несносное бремя и устное заключение поневаж милость Божия всемогущая благоизволила и помогала нам оружием нашим военным отсекти и отомкнути побеждением знаменитым в двух вышереченных потребах поляков, супостатов наших, теды да будет о том присно хвалимо и превозносимо имя Его Божественное, яко не презрел бед, утисков, воздыхания и слез наших, чрез поляков пролитых и проливаемых. А что мы нынешнюю с поляками зачали войну без ведома и совету вашего всенародного, за тое вы нас не ужаснитеся, где же мы учинили так для лучшей пользы вашей и нашей, научившись осторожности и лучшего воинского управления с прикладу прежних братьи нашей, под Кумейками и на устье реки Старця с поляками недавно прошлых времен войну имевших, которые поневаж прежде войны своей универсалами своими, до вас во всю Украйну засланными, уведомили о своем против поляков намерении; теды тем уведомлением перестережены, поляки як надлежало запобегти злу своему приуготовлялися и на побеждение их войск козацких приспособилися. Мы, теж такого несчастливого случая стережачись, удержалисмося аж по сие время с сим универсалом и о начатом с поляками деле военном уведомлением нашим. А теперь як ведати вам, всем обще малороссиянам, о том доносим, так и до компании воинской на предлежащее с ними ж, поляками, дело военное вас взываем и заохочуем. Кому мила Вера благочестивая, от поляков на Унию претворенная, кому з вас любима целость отчизны нашей, Украйны Малороссийской, и честь ваша шляхетская, от поляков ругаемая, уничтожаемая, весьма посмеваемая и попираемая, тот всяк не як отродок, но зычливый и любезный сын отчизны своей по выслуханье сего универсального ознайменья нашего к нам в обоз под Белую Церковь на добрых конях и исправным оружием неотладно прибувати, и тому с нами прикладом старых валечных славных многих во околичных народов странах предков своих станути мужественно и небоязненно при всемогущей помощи Божией против поляков, своих грабителей, озлобителей и супостатов, изволите, бо если не изволите допомогти нам в настоящей военной компании, то, як поляки нас одолеют, ведайте певне — и вас всех, малороссиян, без жаднаго браку и респекту, подлуг давняго злаго намерения своего огнем и мечем изринут и опустошат и с всеконечным вредом нашея Благочестивыя и Святыя Веры, искоренением и поруганием, и вас до остатку, и чад ваших (яко же выше писахом) в погибель загорнут и в несчастливую всегдашней неволе облекут одежду. Лучше и благополезнейше нам за Веру Святую Православную и за целость отчизны на пляцу военном от оружия бранного полегти, нежели в домах своих яко невестюхам побиенным быти. Где ж если умрем за Благочестивую Веру нашу, то не только слава и отвага наша рыцарская во всех европейских и инших странах и далеких землях славно провозгласится, але и упование наше

(еже за Благочестие умерти) будет бессмертия исполнено и страдальческими венцами от Бога венчанно. Не бойтеся теды, Ваш Мосце, братья наши, шляхетне урожонные малороссийские, поляков, хочь бы и найбольши были их войска, але прикладом (яко же выше рекохом) славных и валечных руссов, предков своих, при своей правде за Благочестие святое, за целость отчизны и за поламанье древних прав и вольностей своих станьте сполне с нами против их, своих обидителей и разорителей, с несумненною надеждою своею от обид настоящих освобождения. А всемогущая благодать Божия в наступающем случае военном на супостатов наших помощь нам сотворити готова, яко той благодати Божественной уже и суть знаки: 1-е — двократная вышепомененная победа поляков; 2-е — щирая прихильность всего Войска Низового Запорожского, помощь нам при всенадежной помощи Божественной, в поготовности зостающаго, кроме того, что уже есть при нас оного тысяч восемь с лишком; 3-е же — найяснейший Хан Крымский со всеми ордами помогти нам готов есть на поляков, при котором для лучшей певности и сына старшего Тимоша остановилисмо, а теперь уже при нас знайдуется данной нам от его Ханской милости доброй и военной орды крымской 4000 с паном Тугабеем, мурзою знатным; 4-е же — и козаков реестровых, братьи нашей, 5000, що от Гетманов Коронных с Барабашем, полковником Черкасским, и с немцами выправлены были в суднах водных против нас Днепром к Кайдаку, отдавши Барабаша, недруга отчизного, а похлебцу лядского, и немцев днепровым глубинам, к нам пристало и военной во обоих разех экспедиции знатне допомогло нам, слушне тую присягу зломавши, которую на верность Гетманам Коронным у Черкасех пред седанием в судна водные под оружием лядским, яко невольники пленники, были принуждены учинить, когда сами поляки ко зломанью тоей присяги суть виною и початком, сами первее поломавши, мимо волю Королевскую, права и вольности древние козацкие и малороссийские, присягу свою на приязнь, при ненарушимой целости давных прав и вольностей, козакам и всем малороссиянам взаимно учиненную; 5-е — что из властных их людей три тысячи драгоней пред Корсунскою битвою, в передней страже бывши, верность и присягу свою зломавши и Гетманов Коронных оставивши, к нам добровольно присовокупилися, так для того, иж были укрывжоными в своих заслугах, яко и для тех причин, иж зрозумели ненависть, немилость и злобу Гетманов своих Коронных и всех панов польских, всем нам, малороссиянам, бывшую и на всеконечнее наше и Веры нашея Православныя искоренение и истребление великим гневом устремившуюся, изволили лучше последовати нам, малороссиянам, при правде и истине сущим, права и вольности свои хранящим, нежели своим полякам, неправедно на искоренение наше восставшим и гордостною яростию воспаляемым; 6-е — для того ласка Божия и помощь Его всесильна при нас быти может, же мы при обидах наших зачали войну сию с поляками не без ведома и позволения Пана

своего, найяснейшего Королевского Величества Владислава Четвертого, который року 1636 [70] *во время счастливой своей коронации бывшим и нам при оной с Барабашем и иным знатным Войска Запорожского товариством прикладом прежних найяснейших Князей и Королей польских, антецессоров своих, все наши войсковые и малороссийские права и вольности древние, при особливом утверждении нам Веры нашей Православной, новым своим, на пергамине красно писанным, Королевским, при подписи властной руки и при зависистой Коронной печати ствердивши привилегием, отправил нас, яко отец, ласкове, ударовавши каждого знатными подарками. А при отправе нашей, наедине бывше, изустне Его Величество к нам молвил, абысьмо по-прежнему Гетмана себе постановили и при своих правах и вольностях крепко стояли, не поддаючи оных в попрание, щитячись к тому Его Королевскими и иными давними привилегиями. А если бы панове польские или дозорцы тех привилегиев не слухали, то «маете,— мовить Его Королевское Величество,— мушкет и при боку шаблю, то ею прето можете боронити своих, от поляков повреждаемых, прав и вольностей». После чего в килко лет, где напрасно деялись от поляков злобных обиды и крайние разорения, тогда знову мы все с Барабашем супликовалисмо том чрез нарочных послов наших до Его Королевского Величества, Владислава, Пана своего милостивого, который при отправе их як словесно, так и приватным листом своим Королевским, до Барабаша и до всех нас, козаков, писанным, тое ж слово Королевское, прежде нам самим мовленное (еже к обороне прав ваших маете мушкет и шаблю), подтвердил и повторил. Но, поневаж Барабаш, полковник Черкаский, яко выше писалося, недруг и нежелатель добра отчизны нашей, яко такое Королевское милостивое слово и позволение, так и привилегии Королевские таил и без жадной пользы украинской крыл у себя, не стараючись он о збирании Гетмана козацкого и о увольнении от обид лядских всего народа украйно-малороссийкого, теды мы, Хмельницкий, взявши Господа Бога на помощь и отобравши штучным образом у Барабаша привилегии Королевские, мусилисмо сие военное с поляками зачати дело, которое Его Королевского Величества самою превысокою особою на нас порушенья нигде не чаем, так для того же зачалисмо сию войну с поляками за позволением Его Королевским, яко и для того, же поляки, легче Его Королевскую превысокую персону у себя важачи, мандатов и приказов его не слушали и непрестанные Малороссии утеснения налагали. А если Король, яко есть всему войску глава, сам в войску польском против нас не пойдет, то мы панов польских и их много собранные войски, яко тела албо ока без главного, бы наймней устрашитись не похотим, бо, ежели ветхий Рим, иже всех европейских градов матерью нарещися может, многими панствами владевый и о шестистах четыредесяти и пяти тысячей войска своего гордившыйся, здавна оных веков далеко меньше против помененной воинственной силы римской валечных руссов з Руссии, от помора Балтийского*

албо немецкого собранных, за предводительством Князя их, был взятый, с четырнадцать лет обладаемый, то нам теперь, кштальтом оных древних руссов, предков наших, кто может возбранити дельности воинской и уменьшити отваги рыцарской? Що вам, братьи нашей, обще всем малороссиянам, предложивши и до рассуждения здравого подавши, поспех ваш к нам в обоз под Белую Церковь прилежно и пильно жадаем и им же уприйме зычим от Господа Бога здоровья и благополучного во всем узнавати поведенья. Дан в обозе нашем под Белою Церковью, 1648, месяца мая 18 дня.

ГЛАВА 16

О умножении силы козацкой из вольных и самоохотных малороссийских людей. О изгнании оными поляк из Малой России и о убийстве многих их и жидов. О наступлении Хмельницким на поляк и о повоевании многих городов и прогнании поляк за Вислу-реку, и о искании королем с Хмельницким примирения

О притеснении закона греческого

Коль скоро вооружение Хмельницкого противу Польши в Малой России польским начальникам известно стало, то великие угрозы от них и самохвальство происходить стали. Они грозили, что коль скоро усмирят возмутителя Хмельницкого с сообщниками его, то всю Малороссию разорят и поселят в оной немецких и польских людей; для того и стали уже делать оставшим в вере российской великое помешательство. Ксензы и попы униатские усильно вводили свои законы и так, что не только в Литве и на Волыни, но и в Украйне уже начали возрастать они. В Чернигове одного архимандрита за другим переменять стали; церкви в городах и по селам, кои не хотели униатам повиноваться, перепечатали, к чему способствовали шляхты и уряды, а костелы польские уже и прежде сего в городах украинских имелись. Равно и в Киеве великие притеснения церквам же божиим делали.

Воевода, бывший тогда, Януш Тышкевич с езуитами, доминиканами, бернардинами и другими их законниками нахально митрополита киевского утесняли, школ иметь и веру православную содержать возбраняли, вменяя оную за языческую. Они скверных жидов лучше российского христианина почитали, делали им посмеяние, а паче те, кои по слабому своему рассудку римскую веру приняли.

О сборищах полками черкас. О выходе начальников польских из малороссийской части в Польшу. О неповинном убийстве черкас

Но как скоро в Украйне народ малороссийский чрез универсал гетманский услышал о разбитии им, Хмельницким, войск коронных и взятии самых великих гетманов польских в плен, тотчас стали собираться полками не только те, кои были пред сим козаками, но и не бывалые в военных службах, и, вооружась противу поляк, пошли к своему гетману, что видя, господа украинские державцы, находящиеся по городам старосты и прочие начальники, да и сам князь Еремей Вишневецкий из Лубен, который всю заднепровскую часть Украйны в своем повелении имел и содержал несколько тысяч на жалованье военных людей, кроме драгун и назначенных рекрут, коих с подданных учредил было по всем городам великое множество, принужден, прискорбно оставляя там маетности свои, заблаговременно выступить и бежать из Украйны с княгинею своею и с сыном Михайлом (который после королем польским был) и переправился в Любичах чрез Днепр, отколе княгиню свою и с сыном до Вишневца отослал, сам же с войском своим до Погребищ пошел. Там повелел мещан и священников русских, выведчи в поле, неповинно побить. Сие свершив, пошел к Немерову и, став там обозом, послал до мещан жолнеров своих за провиантом. Посланные ж увидели, что ворота городские заперты, перелезли чрез вал, людей многих там порубили и, возвратясь, об оном князю возвестили, который, при том известясь еще о рассеявшихся козаках, оттоль пошел им встречу.

О истреблении поляк и жидов в Малой Россиu

Козаки ж с дозволения гетмана своего выбрали себе полковников и сотников и, отделясь некоторые от войска, пошли по городам украинским и там еще оставшую знатную шляхту, замковых слуг, жидов и служителей ратушных убивали, не щадя жен и детей их. Имение их забирали, костелы жгли и разоряли, ксензов убивали, дворы и замки шляхетские и домы жидовские опустошали, одним словом, не оставляя ничего, чтоб разорению и хищению их не подвержено было, и редко кто в то время не омочил рук своих в крови и добычи не брал.

О вооружившихся разных работных людях и из посполитства. О принуждении зажиточных к вооружению противу поляк и о истреблении их и жидов

Сверх сего, так же вооружась и возволновавшись, посполитые люди, а найпаче от самосбродов пивоваров, винокуров, могильников, будников, наймитов, скотарей и прочих сему подобных черней, раз-

ного звания именитым людям делали озарничество. Они у зажиточных людей, кои хотя бы от них и скрывались, вломившись к таковым, поить и кормить себя заставляли со излишеством; при том ругали и насмехались оным, а иногда и били, упрекая, для чего не йдут к козакам по универсалу на подмогу, от которого озарничества принуждены были по неволе почти все идти и приобщаться к козакам, и доставать польских шляхтичей, кои было ухранились тут же в замках своих, как то: в Батурине, Нежине, Чернигове, Стародубе, в Гомле и прочих местах, и, разоряя все, самых поляк убивали. Из коих некоторые было, спасая жизнь свою, жидов вместо себя с пожитками выдавали, чрез что многие жиды, избегая смерть свою, христианскую веру принимали, а потом, по утишении и изождав время, в Польшу убежавши, паки жидами стали; мало таких, кои бы в законе христианском остались. И так не осталось в Украйне ни одного жида и поляка, а жены шляхетские были потом женами козацкими. Равную же участь и по другую сторону реки Днепра, даже до Днестра-реки, а найпаче жиды в Немерове и в Тулчине неисчислимо имели.

Вышеписанному подтверждение польское

О чем и польский историк упоминает, что «многие невинные поляки погибли от мщения Хмельницкого, а достойнейший наказания Чаплинский избежал язвительного сего меча».

Потом говорит: другое, де, «дело, достойное удивления, есть совершенное побиение польского воинства. Великий гетман Потоцкий имел хорошее знание в воинских делах, а Хмельницкий совсем почти никакого; и сии случаи усматриваем мы часто в истории: отчаяние служит сильному духу и мужественному народу вместо всего».

О смерти польского короля Владислава

В сей самый случай, когда Всевышний за грехи наслал такую жестокую войну и разорение на Польшу, лишил их и короля счастливого, Владислава Четвертого, который умер в Мериче по выезде из Вильны в октябре 31 числа, якобы с печали, ибо Речь Посполитая вознегодовала на него за сию возгоревшую войну, которая по письму его, посланному к Барабашу, о данном дозволении всему козачеству вооружиться противу поляк за обиды свои произошла. Господа сенаторы не могли уже предупредить сего миром, но допустили сами на себя разорение оное, как и поляки пишут, что «Владислав скончался, не потушив пылающего воинского огня. Хмельницкий вводит козаков своих в самую нутренность Польши с большим свирепством, нежели искусством, и губит дворян, щадит крестьян, находит на польское войско» и далее.

О послании челобитны к королю от Хмельницкого

Слыша Хмельницкий, что король польский уже умер, поскорбел несколько о лишении такого милостивого государя, от коего всегда себе получить благодеяния чаял, но чтоб поляки ведали его невинное вооружение противу их, написал сего для челобитье, якобы не знав о смерти короля, на имя его, Владислава, и послал оное с тремя выборными от себя козаками, а именно: с Григорьевым, Богданом Вишняком и Мозиром, принося тем жалобу ему о учиненных всем козакам и посполитым, в Украйне живущим, от польского начала жестоких налогах, обидах и разорениях, и просил о милостивом защищении, объявляя при том свою невинность, надеясь на его к себе высокую милость. Каким же образом от него оное челобитье, названное супликою, написано, рассудил я здеся приложить за потребное до сей истории с оного точный список.

Челобитье Хмельницкого к королю

Найяснейший, незвытяжоный Королю и прочая. Подданство, верность и козацкие наши услуги як найсмиренней Вашему маестату приносим. Любо то многажды тяжкие скарги Войска Запорожского уши Ваши Королевские отягощали, однак на улжение наших утисков жадных отписов Ваших Королевских доселе не видим и отдохновения от злых не имеем. Теперь знову панове и старосты украинские тяжчая турецкого отягощают игом. Упование на Бога, а надежду во облегчении злых наших во милости Вашей Королевской покладаем. От многих прежде времян обиды поносим, злодейство и досады и не токмо на добрах наших, которые зависть возбуждают, но и на вольных телах насилие претерпеваем. Старинные поля или вырубленные нивы, отчины, гумна, мелницы и козацкое, що колвек есть ко уподобанию, выдирают; отбирают быдло, одесятствуют пчолы, последние кони, которыми войску служим, отъимуют, а скаржитися не годится — просьбу за гордыню, жалобы и слезы за бунты имеют. Полны козаков темницы, иные же явны терпят узы на теле, а иные без жадной вины, хиба за маетни наши, смерть поносим. Комиссары войска нашего вместо заступников нам суть продавцы; горкостию нам суть панов наших украинских продажи; а еще на конечную беду нам бедным проклятый род жидовский новые меры и сдирства вынаходит и тем, где от имени наших наполнится, хитростьми вину на нас наводят, яко им же старосты подают нас на убивство. А когда бысмо похотели до Вашего Королевского маестату с жалобою удатися, то узы и мечи нам готуют. Чего не могучи более терпети, последнею бедою из домов наших изгнаны, оставивши жоны и дети, о животе нашем умышляти мусим, не иначей же, только за пороги удаемся, отнюдуже и старшие наши Королевству тому и найяснейшим Королям повольность и услуги войсковые, явные свету, осведчали, но ни там беспеч-

ное прибежище имамы, где на убийство ищут нас, яко невольников последнейших, а не яко подданных воинов Королевских Ваших. Свидетеля Бога призываем, яко от услуг повинных не отступлем ни на один палец, же нас бо вольможный каштелян Краковский и за порогами безпечных не оставляет жити. Албо вем, собравши воинство, преследует, донеле же не погубить имя и род козацкий, тако великое воинство собравши, ищет неповинной крови, для чего от великой нужды, не ведуще, что творити, мусилисмо у Крымского Хана, тому противу злому, прибежища просити, отколь помстою Божиею и сырое ведле сухого мусил огонь попалити. Начало злому, албо вину толикому убийству кому написати, Божию суду оставляем. Теперь Войску Запорожскому, до ног Ваших Королевских упадаючому, вину оставити просим и свидетельствуем бо всем, яко тое воинство всегда в верности Вашему Королевскому маестату и в послушенстве будет зоставати. Аще ли кое прегрешение наше, услугами то нагородим. Молим же, дабы привилегии в целости своей от Вас, найяснейшего Короля, Войску Запорожскому ненарушимы пребывали, о що просячи, до стопу ног Вашего Королевского маестату упадаем. Дата с замку Белоцерковского второго дня июля 1648 году.

Богдан Хмельницкий, старший Войска Запорожского.

Истребляются козаками поляки и жиды

Хмельницкий, доколе посланцы его не возвратятся из Польши с ответом, пустил татар от Горыни до Бужка и даже до Константинова, также и Максима Кривоноса с партиею до Бара-города, а сам, собравшись несколько с силами своими, пошел за ними в Подолию и далее в Польшу и остановился близ Замостья, в обозе, наджидая тут еще войска своего. А как послышал, что множество на Подоле, в местечке Нестерваре, или Нестерове, заперлося жидов и шляхты, послал сего для туда полковника своего Ганжу [71] с его полком то место добывать, а для вспоможения иногда в надобности его Остапу [72] с полком же в готовности быть повелел. Когда ж пришло войско козацкое к местечку, где и князь Четвертинский в осаде был, осажденные, видя такую силу, не могли им супротивляться, но тотчас приступили на требуемый договор с тем, чтоб дать им откуп или контрибуцию, а жидов бы всех выгнать из города. Они и контрибуцию им дали, и жидов от себя выгнали, коих козаки всех порубили. Егда ж возвращался Ганжа с своим войском, тут встретил их на пути с полком полковник Остап и, видя следующих их с великою добычью, требовал, чтоб разделить оную с ними, но Ганжа ему в том отказал. Остап же, озлясь за сие, напал на город, зажгли башню с порохом и замок взяли, и всех до единого там порубили, где и князю Четвертинскому слуга его ж голову топором отсек. Из коего великого множества побитых осталась в живых только одна княгиня Четвертинская, которая досталась полковнику Остапу.

О удалении поляк за Вислу

Польское шляхетство, слыша отвсюду такое своим убийство и истребление великое, не могло более надежно оставаться в малых укреплениях и местечках своих, но тотчас убралися все тут вблизи живущие за реку Вислу.

О взятии козаками города Бара и о истреблении в нем поляков

Князь Вишневецкий, как сыскивал козаков, коль скоро о наступлении полковника Максима Кривоноса весть получил, тотчас встретил и, многажды бившись и сражаючись с ним, отогнал его, сам же подступил под город Россоловцы. Но подана ему ведомость, что Кривонос город Бар взял, хотя и был там Андрей Потоцкий, сын гетманский, с своими жолнерами; точию Максим Кривонос, пришедши с козаками, от мещан (ибо поляки были им в немалую тягость) нашел ворота отворены и, впадши в город, поляк всех и премножество жидов порубил, замок одержал, где одного только Потоцкого того в полон взял. О сем совершенном разорении и истреблении города услышав Вишневецкий уже под Збаражью, обратился к обозу своему под Чаганский Камень, а княгиню свою до Белого Камня отослал, которая с ним расставалась с плачем, приложа свое лицо к лицу его, говорила: «О окаменелые! Далеко ли нам мерить за Вислу границы?» По сем соединился Вишневецкий с гетманами, князем Острожским, Домиником, и с господином Синютою и советывал каждый тут по своему рассуждению, каким бы образом лучше напасть и разбить Хмельницкого.

О побеждении Хмельницким двух гетманов и войска польского при городе Баре

В то время Хмельницкий, собравшись еще с воинством своим и подошед с ним, стал при Каплицах, но когда пришли к нему с полками от Каменца Подольского Кривонос, а от Олики Колодка [73], то далее пошел Хмельницкий и, мало не дошед города Великоконстантинова, под местечком Пилявцами, что в Малой Польше, встретил великую силу коронного войска под предводительством гетманов, князя Острожского, Доминика и господина Синюты, которые, надеясь на силу свою, хвалились козаков не оружием, но плетьми прогнать. А как Хмельницкий не менее ста тысяч козаков конных и пеших имел, смело сделал на них ударение, но войско польское, сражаясь с ними, преодолевать их стало и в немалую уже растройку их привело было.

Хмельницкий, хотя и видел сие, но не оробел, тотчас велел вновь прибывшему Карачбею-мурзе с татарскою ордою к себе приближиться и сделать на них нападение, что видя, поляки оробели и чрез то потеряли всю свою храбрость. Козаки тут взяли верх над ними: они, одолевши их, с татарами разбили и погнали, где оставили поляки на месте полки Сандомирского каштеляна, Виговского, Вылынца, Киселя, Тарновского и Карховского, да и самих полководцев оных также и весь свой обоз, пушки, орудия и всякие припасы, все оное досталось в добычь козакам и татарам. Бежавших же поляков по дороге до города Константинова, нагоняя, рубили и, пригнавши их всех к мосту, которые спеша хотели перебежать чрез оный, от множества своего обломили и в Случь-реку тут премного потонуло, а кои хотя и в город тот попали, но и там не спаслися, что было 1649 году сентября 27 числа. Татары при сем удачливом случае в полон, кроме знатных господ, не брали, но всех рубили, чтоб им не отяготиться ими, а козаки — коней, сбрую, одежду, серебро и прочее. Хмельницкий же взял только военные припасы, орудия и гетманские клейноты.

О взятии городов Хмельницким

Тут собрались к Хмельницкому первейшие его полководцы: Герасим Чорнота [74], Максим Кривонос, Остап Воронченко, Калина, Лобода, Бурлай [75], Полкожух [76], Небаба, Нечай и Тиша [77], также и Иван Виговский [78], который предь сим при Желтых Водах с поляками ж был взят в полон и, оставшись в службе при Хмельницком, был писарем войсковым. Поздравляли с сею славною его победою, увеличивали храбрость, распоряжения и дела его, чем оказывали удовольствие свое, что имеют такого достойного мужа начальником себе, повторяли тут титлом гетманским его и вручили ему взятые все клейноты и знаки гетманские с войсковыми знаменами и печатью войска с мечом при бедре, а самопал держащего на плече. При том представляли, так равно и все войско, а более всех Виговский, будучи у него в службе, храбрецом противу поляк, советы иногда к лучшему подавая, ибо был человек разумный и писец искусный, чтоб он не преставал вести войну противу поляк до тех пор, доколе их не смирит крепко. По сему совету Хмельницкий послал полки в разные места по Польше, а сам пошел к Збаражу и взял город и замок, пушек 50 и множество разных военных припасов, оттудова отправил под Броды Главацкого с двумя полками, сам же пошел к Львову.

О подтверждении вышеписанному чрез польского историка

О котором времени и польская история говорит между прочим, что «Хмельницкий находит на польское войско при Пилавеце, побеждает оное совершенно, продолжает путь свой в Лемберг, то есть в

Львов, главный город Краснороссии, который для избежания крайнего несчастия сдается; распространяет страх до самого Кракова — оттуда вывозят корону для сохранения оной в безопасное место; вогонь, срамление жен и смертоубийства последуют ему. Дабы учинить достойное воздание за то, что от поляков претерпел, и в самом сем гибельном мщении воспоминает он, что они верою его ругались, чего ради принуждает священников сочетаться браком с монахинями и жить в греческом разделе».

О истреблении православных римскими монахами в Львове

В Львове ж тогда, по тому военному случаю, весьма великое множество для охранения себя всякого народа находилось и такое число, что не только в городе все домы и улицы, но и костелы оными наполнены были, между коими находилось также не малое число и греко-российского закона людей. Что ж выдумали и какую лесть в сей случай сделать трудженики святые, Бернардинского ордена [79] монахи, когда видели, что их монастырь весьма наполнен укрывающимися от неприятельского нашествия, и что в оном числе быть следует всемерно и русского закона людям? Они положили сего для между собою совет, чтоб всех, тут у них находящихся, русского закона людей истребить. Они выставили в день субботний для всех, находящихся у них в укрывательстве, людей трапезу от мяса и рыбы, дабы тем узнать, кто российского и римского закона, ибо римляне в день субботний мяса не едят, и звали ясть к трапезе с тем, что, кто русский,— шел бы к мясному, а кто римлянин — к рыбному яству.

И так, разделясь русские от поляк, не зная лукавства монахов, посели к мясному, а поляки к рыбному. Бернардины, узнав тут, кои были русского закона, выслали сего для два ксенза, кои, звав от трапезы по единому руснаку с собою с тем, будто б для совета и некоего дела, выводили за монастырь, где был в близости колодязь, там всех приводимых повелевали приготовленному уже нарочно для того одному бернардину ж бердышем посекать и метать в тот колодяз их, чем и наполнили оный. Каким образом весьма не мало их побили, воду ж из колодца оного с того времени и доныне уже не употребляют. Коль скоро ж, хотя тайным образом, уведали благочестивые о истреблении их, тотчас несколько пометались в окны и за градскую стену бежали для спасения своего к войску Хмельницкого.

О взятии Хмельницким контрибуций с города Львова. О опустошении многих польских городов

Хмельницкий, как был уже близ города Львова, услыша об оном истреблении русских, поспешно приступил к городу и осадил оный с тем, чтоб всех во оном мечу и огню предать и город истребить. Но

благочестивых ради, когда узнал, что находится тамо еще премножество их, помиловал, а взял только с города знатную контрибуцию. Оттуда пошел он к городу Замостью; там остановясь, он пустил козаков и татар до самой реки Вислы, кои, простираючись тамо, везде селения все опустошали, а на Волыни знатные города разграбили, както: Великий Острог, Заславье, Луцк, Володимир, Кобрин и даже до Бресты Литовской. Тут неисчислимое множество татар людей в полон уже побрали, а козаки — имение. В сем случае не было живущим там какого милосердия, ибо не только жидов и шляхтичей убивали, но и общий народ великую беду претерпевал. Их брали татары также в полон без разбору, а найпаче мастеровых молодых людей, кои брили головы под чуп по-польски, считая их за поляков. Совершенные ж россияне, о коих знать могли, в селениях своих только оставлялись, и те шляхты, коих россияне укрывали, прочих же всех мертвили, костелы опустошали, даже что и склепы в церквах вскрывали и, тела из оных выбрасывая, обдирали, которое опустошение в Польше продолжалось того лета от Петрова поста до Филиппова.

О избрании короля на место умершего

Магнаты польские и все их шляхетство, видя свое разорение и убивство народа, а паче, что во оное время были безгласны, не имея короля, кому б более о подданных своих пещися было можно, принуждены сего для к успокоению мятежей старание приложить и, собравшися в Варшаве, во-первых, князя Вишневецкого гетманом коронным поставили, потом о выборе и постановлении себе короля старались и по самой крайности уже изобрали кардинала на королевство, Яна Казимира V — родного брата умершего короля Владислава, а сына бывшего Жигмунда III. О коем новоизбранном короле Казимире присоветовали немедленно извещение дать и послать со оным объявлением к Хмельницкому под Замостье, куда и прислан был ксенз Ганчеля. Объявя ему об оном, просил, чтоб до присылки от самого короля к нему послов остановил свое оружие и не разорял бы их государство на сие время.

Возвращение Хмельницкого в Украйну

Хмельницкий, приняв польское предложение не столько для прошения их, как для наступающего на 1650 год [80] зимнего времени, принудил того для тотчас замостских жителей дать себе знатное число контрибуций и, отступив от города, пошел обратно в свою Украйну со всем войском своим, а татар с добычью в Крым отпустил. Но как обещался принесть Богу благодарность, давшему ему победу над неприятелем, то пошел до Киева, что услышавши, находящийся тог-

да тамо польский воевода Януш Слогойска Тышкевич учинил великие притеснения всем киевским жителям, духовенству и церквам, выехал из оного, опустоша весь город и обители. Куда прибыв, Хмельницкий встречаем был тамошними жителями всякого звания и возраста, приносившими ему от радости своей благодарения и хвалы яко свободителю своему по Бозе российской страны от польского работного ига. Вошедь туда, с жалостию смотрел на опустошенный град, церкви и монастыри, а иное и совсем низложенное и, отправив там свое благодарственное моление и поклонение отдавши тамошним всем святым, пошел до Переясловля, а с ним все его полководцы и войско многое.

О взятии козаками крепости Кайдак

В том самом же лете, когда Хмельницкий в Польшу ходил, послан был от него нежинский козачий полк к Кайдакам, для взятия оного от поляк, который, следуя к оному, на пути делал обыкновенные воинским людям буянство и поборы, из чего сочли живущие в селениях быть оным идущим литовцам для подкрепления и защиты Кайдака. Собравшись сего для немедленно нарочитым числом, напали нечаянно на несколько сотен и разбили их в Рашевце за Комышном, что видя, полк, так же собравшись, сделал на них ударение при Днепре под Максимовкою такое, что мало кто уйтить от них мог. Сами ж, переправясь чрез Днепр, пошли под Кайдаки, который облегши, несколько недель в осаде держали и тем принудили осажденных сдаться и отдать им свою крепость. Козаки взятых жолнеров отвели без всякого чинимого им озлобления до Чигирина, да и там оказали им свою благосклонность, заарестовав только их коменданта, коего потом Хмельницкий отпустил в Польшу.

Присланное от короля посольство к Хмельницкому

В ту самую зиму, когда Хмельницкий спокойно отдыхал в Украйне в городе Переяслове, следовали к нему и ко всему Войску Запорожскому, на самой Рожественной неделе, от польского короля Яна Казимира великие послы: князь Четвертинский и благороднейший вельможа Адам Кисель со многим знатным шляхетством, а именно: львовский подкоморий Мясковский, новгородский хорунжий Григорий Кисель, браславский подчаший Яков Зеленский, для которых послов и для приему их Хмельницкий созвал тотчас раду (то есть сбор), посреди которой публично послы вручали ему, присланные от короля, первое — универсал о удостоении его на Запорожское Войско гетманом и на то достоинство — булаву, бунчуг, хоругвы, или знамена, литавры, каламар, или чернильницу, печать и про-

чее, потом представляли, чтобы успокоить ту войну и восставить тишину желаемую по-прежнему.

Об ответе послам. Послы расстановляются врозь по квартирам без выпуска

Сдыша сие, все козаки и начальники их вскричали: «Вы этим только хотите нас по-прежнему в неволю обуздать!» При чем за всех уже говорил Джеджелий один: «Еще ли вы, поляки, сими прелестными дарами хотите нас уловить, дабы мы вместо сложившего с себя ига имели уже вас, на себе ездящих? Пред вами ваши дары, и пусть на стране они будут. Нам мечом, а не словами разделиться должно. Вы имейте Польшу, а Украйна козацкая да будет!», и с тем разошлися. Послов же Хмельницкий велел всех порознь по квартирам поставить и чтоб ни под каким видом одного до другого для каких-либо сообщениев, так же и до себя, не допускать.

По некоем времени выпущаются послы

По неколиком же времени Виговский исходатайствовал о приходе послам к Хмельницкому, и, когда допущены, Мясковский говорил: «Для чего так долго, ясновельможный гетман запорожский, без ответу послов королевских удерживаешь? Миру ли или войне быть положил еси, уведоми о том. Время нас отпустити, нигде еще такого обычая нет, ниже у варвар, чтоб безвинно в заключении послов держать». Хмельницкий, не дав на то ответа, взял на столе из под ковра лист и подал оный послу, на коем писано было нижеследующее.

Письмо к королю

Найяснейшему Королю Казимиру. Имя и память, и след Унии, которую по Руси широко видим, да не будет. Римским костелом до времени, а езуитским не быти зараз. Митрополит Киевский по Примасе в Сенате Польском место да имеет. Между Русью воеводы, каштеляны и иные от благочестивых туболцы да будуть. Войско Запорожское, як много есть по всей Украйне, при своих вольностях да будет. Гетман козацкий до самого Маестату Королевского только нехай надлежит. Жиды со всей Украйны нехай зараз уступают, и Еремей Вишневецкий регитментарства над войском козацким нехай не имеет никогда.

Кто мал ныне, той утро велик бывает,
Счастье и панам мощным права раздавает.

Оные статьи послы прочетши, пожали плечьми и, взглянувши друг на друга, говорить начали:

Не помышляеши надходящих, Гетмане Войска Запорожского; за приходом настоящих, но своим или нашим несчастием омраченный, на счастие взираеши только. Еже кому лучше работает, тех презирает; горше склу чистому себя сообразуешь, еже малым случаем разбиватися обыче. Веру ими, аще тебе и Войску Запорожскому хощеши порадети, то веждь, яко желание счастия твоего тебя искушает, да не оставляеши брани, для единой или для другой корысти надходящей; остави гордыню, усмотри прийти хотящая. Хощеши итти Польшу погубити, а Украйну, сохранити целу. Разводиши с ляхами дружбу, аки бы тем укрепити Веру. И се от турков и от татар сам ищеши покрова. Да накажут тя, яже быша прежде! Веси, что турки и татары помышляют, соболезнуют тебе, яко да грады и люди, изведши в свою землю, от основания имя исторгнут Российского рода. Мниши ли, яко Восточныя ради Веры турки содружаются с тобою, или козаки расширения славы ради счастию себе возверяют? Аще же ляхове не возпомогут вы силою своею, то об меж живущие народы на козаков ради давных и новых вин восстанут и, ненавистие восставше, со оружием придут, где ляхи, козаки, Литва и вся Россия от поган падет не трудно смертию, в заем, егда мечем их изнемогут наши силы, должен еси воспомянути. Добре было тебе со многомощным Королем, который кольми ныне снисходить тебе милостивно, тольми на отомщение тяжчайше за презорство Королевского Маестату восстанет; яко бо и дуга небесная (есть знак колвек за прегрешение) мир людям своим возвещает. Восприими убо и ты надежду и, излишне отвергши гнев, надею на брань изобретателей прелестных, принеси смирение во время. Аще же то презриши, сам тщету обрящеши и Веры благочестивой со всем Украинским народом.

Ответ послам от Хмельницкого

На оное отвечал Хмельницкий так:

Не возможно инако от меча удержати по невиности нашей, донележе живота и вольности нам станет, смерть разве ускорит неволю. Мы не надеемся на фортуны слизкость, слушности вины превосходящей себе уверяем. Что до Короля сего, яко пана почитаем, но шляхты и панов ненавидим весьма и никогда друзи обнаженным не будем. Обаче аще они вражде верне престанут, не трудно на покой стати будет; аще же хитры будут, брань готова ради хитрым их трактом.

Такой ответ Хмельницким дан был послам.

Вопрос послов и ответ на то Хмельницкого

Сие слушая, послы просили его, чтоб показал им границу, чрез какие именно места не переходить как польскому, так и козацкому войску, доколе что обстоятельства окажут. По сем, чтоб польские

пленные освобождены и отпущены были. Ибо у Хмельницкого содержались тогда в плену: Конецпольский, Потоцкий — сын коронного гетмана, Чернецкий и Гродчинский. Хмельницкий же сказал им, что до гор граница и пленных им не освобождает, и так отпустил послов с коротким к королю ответом.

О приходе к Хмельницкому послов от Семигории, Волох и Молдавии

По сем приходили к Хмельницкому и от семигородского князя Рогация послы с дарами и с поздравлением в гетманском достоинстве его, от чего сделалась великая слава козакам и Хмельницкому в том, что ищут владетели, чрез послов своих и подарки, дружбу и приятства их. Также и от волошского и молдавского водов, или князей, о том же ища, с великими дарами присыланы были. Возгордился Хмельницкий чрез оказанную такую честь ему и не соглашался ни на какие снисхождения польские. И с тем пошел в свой город Чигирин, где зимовавши и будучи там, женился на куме своей, госпоже Чаплинской.

Об определении Хмельницким по городам полководцев

Тем временем Хмельницкий полководцев по своей Украйне поставил, как то по городам: чигиринским сам начальником сделался, в Черкаском — Воронченка, в Переясловле — Лободу, в Каневе — Кутака, в Браславле — Нечая, в Белой Церкви — Гирю, в Умане — Степку, в Корсуне — Мороза, в Калницке — Остапа, в Гадяцке — Бурлая, так равно и по прочим местам.

ГЛАВА 17

О повоевании Хмельницким поляк и самого короля и о принужденном замирении королевском с Хмельницким, и о нарушении оного поляками

О приуготовлении войска польского противу Хмельницкого

Король же польский между тем, как скоро короновался и известился о намерениях Хмельницкого, повелел немедленно гетманам своим собирать войска и приуготовить их к самой весне неотменно.

Польское повествование, что король не желал вооружаться противу Хмельницкого

При сем случае историк польский аббат Кое [81] говорит: «Шляхетство Казимера, чтоб он сам предводительствовал сим собираемым многолюдным войском, просило. Сей король, желая паки успокоить козаков переговорами и учинить удовольствие обиженным жестоко храбрым людям, ответствовал шляхетству: „Вам не должно было жечь Хмельницкого мельниц, кольми паче срамить его жену и умерщвлять ее купно с сыном". Сей ответ не понравился шляхетству, которые, ополчась, пошли в пятидесяти тысячах в нижнюю Волынию погублять себя. Они приближились к Гипанису. Сия река, соединяющаяся с Днепром и впадающая вместе со оным в Черное море, называется Богом. Берега реки оной не благополучнее для поляков были, как и оное место, где первое сражение происходило, ибо они и на сем месте не отвратили конечной своей погибели».

Хмельницкий призвал хана, чтоб воевать с ним обще противу Польши

Хмельницкий, чрез послов своих упрося, призвал к себе самого крымского хана с силами, который охотно сему согласился. Он пришел с своими крымскими, эдисанскими, нагайскими, кубанскими, черкескими и иными многими ордами к нему весною.

О наступлении Хмельницкого с силами в Польшу

Хмельницкий, сообщась с ханом, не дождав еще от польского короля какого ответа, немедленно тою же весною 1649 году пошел в Польшу с бесчисленными силами татарскими и с великим числом войска своего козацкого, в котором были полки: Чигиринский, Черкаский, Корсунский, Каневский, Лисянский, Белоцерковский, Паволоцкий, Уманский, Калницкий, Могилевский, Животовский, в коих сих двух последних городах также козаки были, и оными всеми полками около Галича замки, а паче Ипневский, и многие города, кроме Каменца Подольска, даже и за Велико-Константинова, Шулжинцы, Грицев и Черторыю взяли, а в Овручью, который не принадлежал к Хмельницкому, был особый полковник, коему все Полесье подчинено было. Сверх сих гетману Хмельницкому по другую сторону Днепра принадлежали полки: Киевский, Переясловский, Нежинский, Черниговский (со всем севером по Гомель, Драков и Мглин) также Прилуцкий, Иченский, Лубенский, Ирклеевский, Миргородский, Полтавский и Зеньковский — сии все были с Хмельницким. Во оном числе полков бесчисленное множество людей было, ибо полки иные состоя-

ли из тысяч двадцати, потому что во всяком селе был сотник и сотни такие, что по тысячи козаков имели. Оная вся сила пошла в поход за своим гетманом и так охотно, что едва сыскался такой человек, чтоб сам не пошел либо сына не послал, или буде зачем кто не мог, то посылал наймита вместо себя, а иные целыми семьями шли, оставляя только по одному человеку в домах своих, от чего с нуждою домашние дела тогда за безлюдством исправляться могли. Причина ж сего охотного выступления людей — богатое получение добы́ч прошедшего лета повлекло, на что смотря, и все в городах магистратские чины пошли, яко то: бургомистры, войты, райцы, цехи и прочие гражданские чины, оставляя свои уряды, обрив бороды и головы в кружало за тем, что которые приходили было в бородах в войско, делали над ними посмешество.

О следовании Хмельницкого на поляк и о отступлении их от него

Гетман же Хмельницкий, стоя на Черном Шляху [82] за Животовым, как на назначенном сборном месте, дождался оставшие полки, следующие к нему, и пошел со всею силою своею и с ордами, в начале Петрова поста [83], под Межибожье, где было передовых козаков войско коронное атаковало. Но коль скоро жолнеры те польские сведали о приближении уже к ним великих сил козацких и татарских, то немедленно побегом оставили не только козаков тех, но и город Межибож, бежали до войск своих к обозу, который стоял тогда под Константиновым, и коль скоро оный сведал о приближении сил Хмельницкого, пошел от страха обратно до Каменя Чаганского, а отту́да пришли под город Збараж. Отселе послали в разъезд Гулевича с партиею до Вышгородка, чтоб сведать о неприятеле: где и как далеко еще. Они, следуючи ночью, напали на татар, оторопели и бросились в бегство, где пропали: Душинский, Сераковский и Пингмовский с хорунгами своими. В то ж самое время ударил гром, и молнием своим разбило древко хоругвы, или знамя коронного гетмана, которого приключения поляки себе в несчастное предзнаменование поставя, содрогнулись и все бы прежде времени, если б к тому не подоспел в обоз князь Вишневецкий, не видавши еще и Хмельницкого, разбежались.

Хмельницкий, наступя на поляк, город Збараж осадил

Хмельницкий же следовал прямо противу той силы польской, которая стояла под тем Збаражьем станом под командою того князя Еремея Вишневецкого, и, дошед до Каменя Чаганского, оставил тут обоз и тягости войсковые, чтоб оттоль следовать за ним по малу, сам

же дошел на самый день праздника Петра и Павла под Збараж, куда вскоре за ним и обоз приспел. Войско ж коронное, выступя им на супротивление, в 13 день июля сражалось и, видя, наконец, упадок свой великий, в коем числе убито из начальнейших господ их: Сброский, Сераковский, Сваршевский, Цеклинский, Длоцкий, Держка, Галайма, Подгородинский и иные многие, видя тут неприятеля своего в такой великой силе, хотя и сами были во множественном числе, но, уже убоясь, немедленно убрались в город, оставя и окопы свои на месте станишном. Хмельницкий тотчас силами своими облег весь город и держал их в неослабной осаде даже до Успенского поста [84], чрез которое время терпели в городе осажденные в пище великую нужду, потом и самый голод такой, что принуждены были, наконец, конину и всякую падаль, собак и кошек есть, но и того уже не доставало.

Оставя в осаде Збараж, Хмельницкий на короля наступил и разбил войско польское, и их осаждает близ Зборова

Между сим временем король польский Ян Казимир уже находился при городе Топоровом с своими магнатами, где с общего совета собрали 2000 лучшего войска своего под командою великого канцлера и генерала Осолинского, так же посполито рушенье, и по уведомлении о самой крайности коронного войска состоящей последовали немедленно к Збаражу ж на освобождение осажденных. Хмельницкий, коль скоро сведал о следовании на него той силы, оставив пристойное число войска своего для держания Збаражья в неослабной осаде, пошел сам с ханом и с войсками напротив самого короля, коего встретил идущего уже от города Зборова. Тут, сошедшись войско с войском, сделали друг на друга ударение, в котором сражении козаки и татары ужасный урон полякам причинили и так разбили их, что до 5000 войска побили, а знатных полководцев — Осолинского, Тышкевича, Речицкого, Урендовского, Стобнецкого, Захария Четвертинского, Сверского, хорунжего подольского, полковников — Кашовского, Хоцимирского, подкомория львовского, Мясковского, Гдешинского, Бродовского и иных великородных господ и при них шляхетные полки Премигельского и Санецкого, и гнали их так, что с нуждою король их остановить и собрать мог. Устроившись паки, наступил он на козаков, но Хмельницкий с войском своим сделал ударение на поляк с левой их стороны и привел их паки в великое замешательство и бегство, что видя, король просьбами своими еще их поворотил и бился с ними даже до тех пор, что козаки с татарами совсем окружили их и привели в такую тесноту, что ни биться, ни выдраться им уже неможно было. Козаки отбили весь обоз у них и привели тем поляк в такую скудость, что и пропитать себя уже нечем было. Видя, поляки, такое бедствие свое, что ни назад к Зборову отступить, ниже оттудова за пресечением коммуникации сикурса полу-

чить возможно, тотчас в совет вступили, чтоб всемерно бегством короля своего, как главу, спасти. Другие ж советовали: лучше к хану послать и просить его, чтоб он, Хмельницкого отложась, отстал, и обещать ему за то дары. На сем согласясь, утвердили и послали нижеследующего содержания грамоту к хану.

Королевское письмо к хану

Ян Казимир Король, здравия зычит Крымскому Хану. Много еси должен Владиславови Королеви, нашему брату, занеже сушу тебе во узах не яко узника тя, но яко пана, почестьми почиташе и свободна тя отпустивши, даде ти на свое взыти господствование, ему же господствуеши ныне. Удивляюжеся, почто еси сего забыв, егда мне, восстающу на подручного врага моего, и тебя ту вижду, подносяща оружие на мя, чесого не убоюся, видя тя в мале корысти приемша оттуда, ибо такового и Бог ненавидит, ниже тебе в преложении твоем имать ублажити. Обаче, аще хощеши дружбы моея, се припосылаю ти ону, желая оной непорушимой быти, или инако явно есть неблагодарствие твое, Крымский Хане, егда живот и господствование татарское обладаеши пособием Польского Короля, а без вины от тебя вражду имеем, привязавшуся ко врагу подручному нашему, а прежде дружеством Королевским блажен был еси и преславен, ему же козаки всегда были неприязненны; а еже днесь мняться послугою и друзи тебе быти, но абие ненависть и оружие на вас, способников своих, обратят, вскоре возмужавше в силу, яко бо волчие дети, возрастше питавшую их козу снедят последи; тожде страждет и врач, уврачеваный болезнь неблагодарному. Добро есть с Королем, иже управляет подданных, им же мощно без пособия иного и прибежища быти, без наказания же невозможно; добро есть конец брани смотрети, аще праведно восстание ея; а чия первее правда есть, яко праведен судия тому буди помогаяй.

Отступление короля к Зборову

Король по отправлении той грамоты к хану во всю ночь устроевал свое войско и при рассвете сделал жестокое сражение с козаками под обозом польским, сам же отступая к Зборову, где также козаки с татарами нападали на обоз их усильно.

На королевскую грамоту следует

ответ ханский

По получении ж грамоты королевской велел оную хан вслух при всех своих начальниках и мурзах прочесть и на оное ответствовать нижеследующим образом:

Ислам-Гирей Хан, Королю Польскому, Яну Казимиру, здравия!

Аще твое Королевское Величество щастливе живеши, я с моей стороны Вашему Королевскому Маестату здравия и счастия и всему Королевству Польскому на долгия лета зычу. Известно ти буди, что писанием дружество нам возвещаеши, приях от Вашего Маестату; зело же удивляюся, яко Ваше Величество, отнележе прият скипетр, доселе мне писанием не изволили возвестити, памятствуя убо, яко несть от человек никто же, да не будет кому благопотребен; что же либо есть, буди; обаче дружбы не отметаю, ни беседы отщетиваю.

При сем случае и Хмельницкий, как об оном и ему знать дано, послал к королю свою отписку, объявляя тем ему давнюю верность и военные заслуги польской короне и извещая при том, что за великие обиды и всей Украйне наглую тяжесть, единственно от зависти людской причиненную, неволею защищаючи свою неповинность, до меча взяться принужден нашелся.

На сие, по условию, в урочный день выехал ханский визирь и генерал Осолинский на назначенное место, где по приветствию друг друга начал говорить Осолинский: «Какой бы ради вины союз древней дружбы между обоима народы, польским и татарским, расторгнулся ныне? Для чего соседская обязанность опровержена войною, и чего ради козакам прибежище у вас дано? Чего для татары сделались оберегатели врагам, а злодеи друзьям? Какое зло поляки вам сделали, что терпят ныне от вас беды?»

При том словесное изъяснение с ханской стороны

На оное отвечал визирь: «Союз дружества нарушен с Польшею того ради, что должная дань от оной хану удержана. Когда ж оная дана будет разойдемся все в домы целы».

На то оправдание от поляков

Осолинский на сие вопреки говорил: «Поляки дань умеют брать, а не давать. О сем инако говорить следует, то есть просить из милости, что королю нашему, как милостивому, за обычай дарствовати. Ты ж напрасно скрепился однаково друзей и врагов признавать». И так по разговорах сих и других условившись, на другой день визирь дал статьи полякам нижеследующего содержания.

Татарские статьи полякам

Оттоле Хану с Королем мир и дружество неподвижимо будет. Король Польский дара сто тысяч до Каменца прислати должен. Нахождения и вражды на Польскую державу воспящати будет и нахождения более не попустит. Войско татарское в то ж время от обло-

жения польского обозу из-под Збаража выступит и воевати не будет. Войско татарское и турецкое с Ханом абие от границ польских без обиды пойдет. Король Польский должен Войску Запорожскому вину отпустити и приняти в милость, Войско же Запорожское должно в своей службе быти по сем верно и клятвою утвердити.

При сем случае и Хмельницкий, написав статьи свои, отослал к королю, а каковым содержанием, тому здесь список прилагается:

Войско Запорожское да будет свободно и вновь Королевским привилегием утверждено. Войска Запорожского четыредесять тысяч быти и написоватися чрез старшины козацкие должно, и до присуду замку Киевского да будет. Старшина козацкая по местах и поветах Королевских да живет, яко шляхта, свободно же, и кому либо от простых без препятствия всякого от шляхты перейти и жити в тех же Королевских градех, иным же вольно и в подданстве жити. Хлеб войсковый и станции в местех козацких войску польскому и значитися да не будет. Свободою церкве Восточной, клир и добра духовны мают быти упривилигированны явне. Митрополит Киевский по Примасе место в Сенате да имет, и униаты на ня не мают наступовати. Начальства повету Киевского, Брацлавского, Черниговского, яко то воеводства, каштелянства, староства и иные, обывателям тех земель Русии даватися должны, а не полякам. Староство Чигиринское як ся в себе мает, должно быти при Гетмане Запорожском.

Об установлении мира между Хмельницким и поляками

Поляки, слушая статьи, присланные от Хмельницкого, хотя для них и неугодны были, но не могли опровергнуть оные по крайней их тогда необходимой нужде, а паче желающие мира, находящиеся в Збараже и под Зборовым. И так, при заключении и подтверждении оном, обнародовано публичным объявлением, с трубным и литавренным звуком и пушечною пальбою, 1649 году августа 16 дня.

О бытии Хмельницкого у короля и о говорении речи его

По сем король и хан между собою дарами обослались, а Хмельницкий сам по приглашению к королю пошел, испрося наперед для уверения своего в аманаты, или в залог, польского магната одного, по чему и дан великий канцлер Любомирский, коего оставил в лагере своем, и, пришед пред короля, почтил его своим нижайшим поклонением и говорил:

Не сим подобием тако собранным воинством Ваш Маестат Королевский имел приветствовати. Что либо прилучися вяще случаем

лобным, нежели виною моею, за что да будет прощено! Исповедаю честь милости достоин; обаче свойственно есть, яко же самому Богу, тако и наместным Его, милостивым противу смиренного быти. Той бо сердца сокрушенна не презирает.

Ответ с польской стороны к Хмельницкому

На то отвечал литовский подканцлер:

Что либо ныне видим, и есть явне, кто тому виновен, невозможно познати, но не считати требе то; токмо яко Король найяснейший ран раздражати не хощет, где своею милостию, аки врачебством, исцеление видим; яко же солнце благих и злых освещает, тако над лучшим Монархом, егда граждан сохраняет, кротких и сопротивных прощает; прощает же сим образом, егда преизлишное дело, достойное казни, твердою по сем верою за отчество воздает кто работою.

Объявление мира в войсках и городах

И так сим ответом Хмельницкий был прощен, следовательно, и статьи его были приняты и подтверждены, хотя полякам и не угодно то было. Но чтоб козаков не раздражить и паки к войне не привесть, должно было снизойти, и по сему, оное замирение коль скоро в Збараже объявлено всем осажденным и осаждающим было, произвели в знак радости своей с обоих сторон пушечную пальбу и растворили в городе ворота, а в обозах базары для свободной всем продажи. Граждане тотчас бросились в козацкий и татарский обозы, покупали себе хлеб и всякий харч, в чем крайнюю нужду и недостаток имели. Козаки их тем снабдили, а татары, вместо продажи чего, самих их множество побили. Король же, за неимением тогда для хана обещанных ста тысяч в готовности денег, дал ему, доколе заплачено будет, в заклад Потоцкого с Динофом, старостою сокальским, коих взяли татары и пошли восвояси. Так равно и Хмельницкий, отступая со всем войском своим, пошел до Куземова, воспевши козаки песнь:

Победу над ляхами нося Украйне,
Которых голов без числа под Збаражьем ныне
Зличить хыба той, кому там сдарилося быти,
Где и найбольший пан мусел головою наложити,
Що ж слуги и войско грошовое
Тямить имуть и все ляхи веселье Зборовое.

О роптании поляк об оном мире

О сем мире пишет аббат Кое, что «дворяне роптали на сей заключенный при Зборове мир и то, что Казимир, не отрынувши прежнего своего намерения, чтоб привести козаков кротостию в послушание, заключил с ними такие договоры, которые они могли употребить

во зло, и оставил их вооруженных, коих было 20 000 в воеводстве Киевском, которое обещался он жаловать токмо вельможам греческого, а не иного какого исповедания. А как должно всегда определить нечто и для удовлетворения королевского величества, то положено было на мере, чтоб Хмельницкий, став на колени, просил у короля прощения, на которое уничижение и согласился он для пользы своего отечества. Все сие мудро учреждено было, но польское дворянство, не принимающее во уважение истинной своей пользы, говорило, что король предает республику, и помышляло о разрушении оного мира.

Козаки, усмотрев, что сообщество вельмож преодолевает десницу короля, и что заключенный мир колеблется, приняли паки купно с татарами, оружие противу их» и так далее, что и воспоследовало, как ниже явствуется.

Действие посланных от Хмельницкого в Полесье

А между тем посланный с самого начала года сего Хмельницким в Полесье полковник Гладкой с козаками там многие города, селы, деревни и домы шляхетские разорил и разграбил и достигал нашествием до Кобрина, Вишницы. Бобрики и Бресту Литовскую взял, где, напавши уже на него, поляки брань жестокую сделали с ним, в которой с их стороны убиты Тышкевич и иные многие, и с тем их прогнал. Но потом в Пинску напали на него поляки нечаянно и побили Гладкого со всеми козаками его. При наступлении ж весны некий Голота, полководец, вступил в Литву с козаками ж и победил Воловича с литовским войском, но после сего и сам от Гонсеневского и Фалендского побежден и живота лишен. Так же и Подобайло с козаками ж и с ним Кречевский с киевским полком, пришедши туда, сражения многие с поляками имели, точию от Радзивила и литовцами под Заганьем и Хвойниками поражены и убиты.

О сочинении на короля пасквиля от поляк о мире

При возвращении королевском от Зборова в Варшаву бывшие шляхты там на сейме тотчас сочинили на короля пасквили, понося оными о Зборовском замирении и о учиненных статьях с Хмельницким, с тем, что король уже побратался с ханом, прилагая: «Коль се добро, и коль красно братья вкупе!» Другие писали о дне оном, в который статьи сочинены, козакам, а не полякам по вкусу, и на то приложили: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он!» В третьих стихи выдали:

Премени король стан, но не фортуну,
Принес убийство нам не едино оттуду.
Весть отчизна сил твоих днесь блаженство,
Сеймами плод буее королевство!

Король пасквили сносит, а поляки Киевского митрополита, в противность мирных договоров, к заседанию в сенате не допускают, а паче их епископы. По совету вельможи Киселя митрополит возвращается в Киев

Король, хотя и слышал о пасквилях и о поношении себе в оных, но сносить терпеливо принужден был, потому что довольно ведал во многом непостоянство их и неповиновение иногда и самому королю и несогласность междуусобную. Ибо сколько в Польше есть шляхетства, столько рассуждениев и согласия. Всякий своим словом и хотением хочет пред другим своим братом, да и пред лучшим, первенство одержать, а в противном случае и полезный или иногда и нужный совет, по буйству своему, опровергнуть. Иногда ж и всем обществом установленный, и их голосами и подписками уже утвержденный совет после нарушают и переменяют или от оного совсем отрицаются, так, как и со статьями, учиненными при замирении с Хмельницким под Зборовым, которые тогда все общим советом приговорили и утвердили с королем, а после присудили инако, чтоб митрополит Киевский во время собрания их в сенате не имел заседание по примасе первое, как то и самым делом после учинили. Когда прибыл тогдашний Киевский митрополит Сильвестр Косов, в силу установленного мирного договору того, до Варшавы, тотчас роптание восстало, и условились твердо не дать митрополиту в сенате места, так как русаку и той веры, а паче всех роптали из сего епископы польские на короля своего и считали себе за обиду, что будет с ними и российский архиепископ местничаться. На что иные, хотя и объясняли им, что всякий совет политический в сенате не от духовных токмо, но и от мирских бывает, то чтоб мешало и митрополиту в советах о правлениях светских быть, а чрез сие могло б найпаче любовь и мир у козаков с поляками утвердиться, да и статьи Зборовские ненарушими пребыли б, точию епископы польские в том были непреклонны и, озлясь, вышли все из собрания. О сем узнал Кисель, родом от древних господ русских, известил преосвященному митрополиту и присоветовал ему скорее возвратиться в Киев, дабы поляки, по легкомыслию своему, не сделали какой обиды. Почему Сильвестр блаженный, не мешкав, возвратился восвояси и оставил им только войну и бедствие на немалое время.

Возвращение Хмельницкого в Украйну

Когда ж Хмельницкий с великим богатством, полученным из Польши в добычь, возвращался от Зборова обратно в Украйну, с не малою радостию встречал его там весь народ русский, принося ему яко избавителю своему и всей Украйны от ига польского великие похвалы с благодарностию.

Об отпущении хана в Крым

Хана ж крымского с султанами, мурзами и чиновниками его, одаривши довольно, отпустил восвояси с благодарением за их вспомоществование.

Хмельницкий остается с обережением

Сам же на следующий год остался в Украйне с обережением и имел того для три полка выборных козаков и 3000 татар всегда при себе ради охранения своего.

О присылке в Украйну воевод для подтверждения мирных статей и чтоб польской шляхте по-прежнему быть, и что чрез то воспоследовало

По установленному мирному договору присланы были в Украйну из Польши по-прежнему в свои места старосты с чиновниками. На место ж бывшего в Киеве Януша Тышкевича воеводою — православного закона благороднейшего вельможу Адама Киселя, который завсегда находился к русским и с самим Хмельницким благосклонным и доброжелателем, и с ним Брозовский. Сим всем велено было Зборовские статьи подтвердить, и чтоб все те места имели поляки во владении, по-прежнему могли засесть и принять в свое правление. Но Хмельницким уже те самые места прежде розданы были своим начальникам, а козаков коль скоро начали переписывать, коим состоять только в сорокатысячном числе, а не более, оставшим же от того числа всем быть неслужащим и в работе у панов своих по-прежнему, то от сего произошел чрез пронесшийся слух во всех местах от козаков великий ропот и мятеж, и послали от себя к Хмельницкому, объявляя: «Так ли ты вздумал, гетман запорожский, чтоб нас по-прежнему отдать ляхам в холопство и на мучение? Не должен ли ты нас заступать, как верных своих слуг и одноземцев, по обещанию своему? Или ты не знаешь, что ляхи миром сим хотят тебя и нас всех только уловить и злее прежнего под тяжесть правления своего при-

весть? Ежели ж тебе угодно под польским игом быть, так извещаем, что мы иного гетмана себе изберем и такого, который нас конечно лучше тебя обстоивать будет». А более всех забогекие и поднестровские об оном роптали и волновались, коим был в том наставник и возмутитель их начальник Нечай. Услышавши сие, устрашился Хмельницкий и побоялся, чтоб не лишили его оной чести гетманской, оставил ту переписку козацкую, а дал на волю всем: кто хочет быть оным, да будет.

Для удобрения малороссийских жителей король жалует городам привилегии

Во время самого начала царствования своего король Ян Казимир V, удобряя мещан и посполитых людей, живущих в Малой России, оказывал им всем свое благоволение, чем намерен был приласкать их тем более к своей державе своими благодеяниями. А в доказательство таковой его милости дал он между прочим, по прошению, города Нежина жителям, кои били челом его величеству о пожаловании им на место утраченных чрез разорение города в прошедшую войну жалованных от покойных королей, отца и брата его, привилегиев, чтоб наградить их из высокомонаршей милости своей таковыми ж, на что от него охотно, в рассуждении, что оный город принадлежал Черниговскому княжеству, точно такая привилегия вновь дана, каковая последняя жалована была от брата его Владислава IV, короля польского, в 1639 году сентября 10 дня в силу данных тому городу от покойного отца их, короля Сигизмунда III. Пожаловал, как видно, в сие самое мирное время с Хмельницким за собственноручным подписанием от имени своего в следующем содержании:

Королевская привилегия, данная городу Нежину

Ян Казимир, з Божей ласки Король Польский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жмудский, Лифляндский, Смоленский, Черниговский, а и Шведский, и Готский, Вандальский дедичний Король *.

Ознаймуем нынешним привилегием нашим всем вообще и каждому зособно, кому бы о том ведати належить албо будет належати на часы потомные, продуковане суть перед нами два пергаменовыи привилегии, рукою найяснейшего святой памяти Короля, Его Милости Жигмунта Третьяга, отца нашего, подписанные, данные в Варшаве дня 26 месяца марта, року Господнего тысяча шестьсот двадцать пятого выданные, с которых первый право Майдебурское [85], *другый ограничение места Нежина, в собе замыкають, тут же конфирмацию*

---

* *Сия подлинная привилегия и доныне сохраняется в магистрате города Нежина.*

тих обох привилегиев генеральную, с подписом найяснейшего святой памяти Владислава Четвертого, брата нашего, данную в Варшаве дня 9 месяца мая, року тысяча шестьсот тридцать третьего, все печатью Коронною створженые целые, ни в чем не нарушенные, который таки тенор, яки и путь, един по другим слово в слово выраженный есть: Жигмунт Третий, с Божей ласки Король Польский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Мазоветский, Жмудский, Лифляндский, а Шведский, Готский, Вандальский дедичный Король, ознаймуем сим листом нашим на вечные и потомные часы, иж за особливою ласкою и опатрностю Божиею, под счастливым пановaньем нашим, впредь за отвагою нас самых под Смоленск, а потим за экспедициею найяснейшего Королевича, Его Мосце Владислава, сына нашего, под столицу Московскую, яко иншие земли, места и во части панства нашего, которые были за предков наших дедичных, неприятель москвитин, пакты вечные несправедливе зламавши, фортелне розни часы одорвал и посел; а нам и городище наше Нежин, в Княжестве Черниговском лежащее, теперь ново оселое, счасливе з рук неприятельских есть рекуперовано и до панства нашего привернено. Мы, упатраючи же тое городище пограничное новоселое Нежин, будучи на месцу оборонном в валах, не только самые импеты неприятельские здержати, але и границам панства нашего Коронным заслоною бути может, зычим того зо всех мер, иж бы яко найлепше крепило и умножалось, и до оздоби приходило, а за тим потужнейше против неприятелей и наглым не безпечностям оставало. Аже бысмы до сего людей, звлаще купцов и ремесленников всяких, приохотили, право Майдебурское прикладом инших мест наших, упривилигованных тим всем, которые теперь в месте нашем Нежине, албо наперед места мешкають, любо потим мешкати будуть, надаем, привлащаем и теперешним привилегием нашим на вечность утверждаем и всех мещан нежинских, купцов, ремесников, всяких шинкаров, перекупцев, и всякой меской кондиции людей так взглядом особ самых, яко и взглядом домов, огородов и грунтов, которые месту нашему Нежину пред ревизора нашего, уроженного Геронема Цехановича, Подсудка Смоленского, заведеные и поданые суть, также взглядом товаров, шинков и ремесл всяких от всяких прав и судов и юрисдикции иных, яко же колвек названных, внимуем, вылучаем и отдаляем, а самому только праву Майдебурскому и юрисдикции уряду меского нежинского поддаем и вцеляем, так, иж от того часу все мещане нежинские, купцы, ремесники, шинкари, перекупни и яке колвек забавы меские люде не мают и не будут повины жадной иншой юрисдикции, окроме войта маестрату меского нежинского подлегати и отповедати, а надто купцы приезжие, ремесники, перекупни и иные меской забавы люде, которые бы, з иных мест наших до места нашего Нежина приехавши, збиток албо выступок який пополнили, албо в чем против всякой слушности и праву выкрочили, тому ж урядови мескому нежинскому взглядом товаров и ремесл своих подлегать и о прибытью своем до

места гостинным, которые на тое збудованые будуть, складати повинны будуть. А если бы шляхтич который, албо человек служалый и козак запорожский дому от огорода, албо и грунту меского нежинского якого колвек набил, албо ся гендлем, шинком и ремеслом яким колвек в месте нашем Нежине бавил, теды каждый таковый тому же праву Майдебурскому и урядови меского нежинскому подлегати и отповедати, и тежары меские поносити будет. Аже бы справедливость святая отволоки не мела, тут же для лепших порядков меских подаем и назначаем войтом нежинским доживотным уроженного Щасного Вешля, хоружего и капитана Новгородка Северского и нежинского, и потим завше Мы сами, сукцесорове наши, Короли Польские и Великие Князи Литовские, войтов нежинских, католиков Святого набожества Римского (албо Русского), стосуючись до права Майдебурского, от нас им наданного, подавати маем, а инших урядников меских, бурмистров, раицов, лавников, теперь на початку войт с посполитым, а потом завше войт из урядом меским и поспольством, в навечерие нового лета Католицкого Римского, змежи себе людей добрых, цнотливых и права Магдебурского, вместных Католицкого Римского и Руского набожества, ведлуг звычаю права Магдебурского, собирати маеть, чего теперь на початку дозор и зпоряжене ревизорови нашему, который от нас там зъедет, злецаем. А когда те урядники меские обраны будуть и присягу звычайную, яко и войт, выполняють, теды зараз все справы меские, ведлуг бегу права Магдебурского, стосуючись звычаем инших мест наших Коронных, судить и отправовать, винных карать, и справедливость статечную и неотволочную, так мещанам нежинским, яко общим, чинити повинны будуть. А войта и урядников меских нежинских, если бы хто крывду себе от их претендовал, Королевич, Его Мосце Владислав, сын наш, паки там тие Северние провинци в администрации своей мети будеть; а за аппеляциею от суду Королевича, Его Мосци, администраторского, также за позвы и мандатие Канцелярии нашей Коронной винесеными, мы сами и сукцесорови наши, Короли Польские и Великие Княжата Литовские, судити маем. А декрвта меские нежинские и все справы языком польским писанные быть мають; а если бы в суде котором войтовском, бурмистревском албо лавничим сторона которая колвек декретом разумелася быти укривжона, теды кождому укривженому от яких колвек декретов аппеляции таким способом, яко место наше Чернигов заживаеть, позволяем. Еднак от таких справ, которые бы пятьдесят золотых не переходили, от суда войтовского, бурмистровского и лавничого аппеляции ити не мають. А до печатованя справ меских нежинских уряду бурмистровского и лавничего за герб меский назначаем Святого Юрия на коню с копием, в збруях убранного. А жебы то место наше Нежин тим прудше росло и запомогатися могло, яко им торгов и гендлев всяких пристойных позволяем, так и то варуем, иж вольно будеть каждому мещанинови нежинскому вечными часы, меды и пива варити, солоды робити, горелку курить

и всякие таковые трунки, домовые и привозные, также вина мальмазии, галеканты и прочее гарцем справедливым, албо квартою львовскою, шинковать без жадной перешкоды вечными часы. А взглядом таковой вечистой в шинках вольности повинен будеть каждый мещанин нежинский, также и козак, который шинковать будеть, в кождый рок о Святом Мартыни, в осень, заплатить капщизни по золотых полтреть от каждого напою, особливе, который сам на продажу робити або шинковать будеть; а той капщизне всей якого колвек стану, которые бы горелки робити або напой який колвек в месте нашем Нежине шинковать хотели, подлегать мають и взглядом наданя теразнейшего права и вольности починати мають платити и выплачивати завше тую капщизну от року прошлого 1626. На то повинны будуть все мещане нежинские, за таким позволением шинков, корчем, всякие солоды и збожа свой у млинах молоти наших на реке Остре под самим местом Нежином и платити за мливо ведлуг устава ревизорского. Если бы теж когда млины наши от места, на ближшия з яких колвек причин, мелися будовати, албо гребля направы потребовала, теды все мещане нежинские челядь свою, яко на гвалт, посылати мають, абы гребля у двох толко млинов каких на реке Остре, места найблизших, ведлуг потребы засыповать и соломы навозить; а дерево, хворост, камене, волость до млинов возити и млинов поправлять будуть. А если бы которые мещане нежинские роли и грунтов потребовали, теды них, ведлуг устава ревизорского, повистью слободи им наданной, платити будуть побором. Теж, которые бы Речь Посполитая ухвалила, подлегать, ища от товаров звычайное, повинны платити будуть. Аже бы урядники меские нежинские охотней в рядах своих працевали и добро посполитое меское обмисляли, надаем и фундуем вечными часы на войтовство нежинское волок двадцать, на бурмистров волок дванадцать, на писаров меских волок четыре, от всяких повинностей ухвал Речи Посполитой вольных; а волоки тые помянутые не при особах, але при урядах вечными часы зоставати мають, особливо на фолварок ратушный до скрынки меской надаем и фундуем вечными часы волок тридцать от всяких повинностей, кроме ухвал Речи Посполитой, вольных. Надто до тоей же скрынки меской на посполитые меские оздобы, торговое слушне и звычайне, от всяких речей привозных, которые бы на продажу привезено, так же от коней, была, возов рыб, селедцев и прочее, тож от збож продажных и ваговое от ваг всяких товаров, которые порадне и справедливе быть мають, до скрынки меской вечными часы надаем дом гостинный, един в месте для купцов, из иных мест наших приезжаючих, а другий на предместью для купцов московских; так же лазне посполитые, ятки резничие, урядови мескому нежинскому збудовать и на месце способном поставить, из того всего доходы слушны, так же от купцов взглядом купечества, от резников, пекаров и всяких ремесленников нежинских, взглядом ремесла, покилько грошей на рок, ведлуг пропорции пожитку их, до скрынки меской брать позволяем; так же

*и млин овдеевский на реце Остре, полмиле от места Нежина, на них и мостовое, которое они сами, мещане нежинские, в грунте нежинском по злым переездам мостили и робили, ведлуг устава ревизорского браты мають, что мы до той скринки меской ратушной вечными часы прилучаем, и от скрынки меской и акцесорове наши тех помянутых доходов, месту наданных, отлучати и отдаляти не мають. То еднак варуем, абы тые доходы не на приватны чьи пожитки, але на муницию около места, на порохи, до стрельбы и на иные меские посполитые порадки и оздобы через шафаров меских за ведом уряду меского отбираные и выдаваные были, и жебы личба з них що рок перед войтом и перед поспольством о Новом Лету чинена была, а меновати то на уряд мески нежински взглядом меж доходов, от нас наданных, вкладаем, абы на оздобу мескую ратуш на месце способном яко найскорее збудовали и дзигарь справили, а потом завше, ведлуг потребы, направовали и трубача уставили кого, дая трубача на ратушу о полдне и в ноче, щоб годины держали и всякие иные порадки и потребы меские обмышляли, и воле чему цехи всякие урядови мескому нежинскому становити и закладать и на подтверждение до нас отсылать позволяем. А иж то место на Украйне будучое обороны и варунку уставичного потребует, то на них вечными часы вкладаем, абы валов перекопу и острогу так коло замку, яко и около места, завше поправовали и варовали, чего уряд замковый посполу с урядом меским огледати будуть, и над тие повинности и податки, вышей описанные, жадных иных мещане нежинские полнити, подвод старостам, албо преложенным нежинским, давать сторожи, жадной, окром толко сами по воле своей — сколько места оправовать, листов носить, на влови ходити и работать, жодных подлегати не будуть; повинны вечними часы послушество еднак взглядом обороны замку и места тамошнего нежинского только преложенным замковым отдавати, риштунки до обороны имети готовые и на кажду чверть року перед урядом меским и замковым пописыватися повинны будуть, яко ж для тим варовнейшей и грунтовнейшей обороны замку и места тамошнего нежинского уряд войтовский, як мы теперь дали, так и в потомные часы от нас и сукцесоров наших, даваный мает быть мещанинови преложоному тамошнему нежинскому, а не кому иншему. Подводы теж под посланцы наши за власными тылко листами нашими, ведлуг звычая инших мест наших Коронных, повисть еднак вольности им позволенной, давати мають. А жебы место тим знатнейшее выживление мело, вольно будеть каждому мещанину нежинскому на реце Остре и инших речках в ограниченню их, през ревизора нашего им указанных, рыбы ловити. Если бы теж купец з иншего места товар який до Нежина привез, мает его огулом, а не локтем и не кварто*ю *продавать. То теж особливе в тим привилегии нашем за речь слушную и потребную выразити казалисмо, абы в том нежинском месте нашем, яко и во всем Княжестве Черниговском, духовенство*

все набожества Святого Римского в диоцезие и послушенстве Бискупа Смоленского, а духовенство руское в диоцезии и послушестве Архиепископа Смоленского, от нас и сукцесоров наших, легитиме поданых, быти мають; а уряд тамошний нежинский так в закони, яко и мески инех, инших, мимо властинных пастиров их, выше описанных, в справы духовные вдаватися и до судов своих светских потягати их не мають. Що все на вечность утверждаючи сей привилегией, рукою нашею подписались, до которой и печать нашу Коронную завесити росказалисмо. Писан в Варшаве дня 26 месяца марта, року Господнего 1625, панованья нашего Польского тридцать осьмого, а Шведского — тридцать второго. Жигмунд король. Андрей Шулский, писарь гнезненский — Жигмунт Третий, з ласки Божей Король Польский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Жмудский, Мазовецкий, Лифлянский, а Шведский, Готский, Вандальский дедичный Король. Ознаймуем, иж покладали пред нами мещане места нашего Нежина, в Князстве Черниговском лежачего, лист ревизора нашего в замках, от Москвы рекуперованных, уроженного Геронема Цехановича, Подсудка Смоленского, которым помянутый ревизор наш, за особливым злеценем нашим, грунты, месту подлеглы, часть на выгоны, часть на роли меские вымовивших, еднак с тих грунтов на вас и потомки наши повинности, местам нашим тамошним звычайны, в певных границах до помянутого места нашего прилучил и границе грунтов месту Нежину заведенных и поданых достаточне описал, в чим абы то место было безпечнейше, и всякое господарство на них грунтах охотней проводило, супликовали нам о тоем, абысмо тое ограниченье грунтов меских нежинских через помянутого ревизора нашего, за росказаньем нашим учиненное, привилегиями нашими ствердили, як же и лист ревизорский, на тое ограниченье данный, перед нами покладали, который так ся в себе маеть: Героним Цехановичь, Подсудок Смоленский в замках и вольностях, от Москвы рекуперованных, ревизор Его Королевской Мосци, ознаймуе, иж то упатруючи, же то место Нежин, от многих лет опустошалое, значне за ласкою Божиею ростеть, и що раз людей до его пребываеть, абыся барзей умножало и крепилось и напротив неприятелей потежнейше доставало, а за тим и Речи Посполитой пожиточнейше было, придалем и распространил владзою моею ревизорскою, от Королевства Их Мосце себе даною, грунтов тому месту Нежинови, частью на выгоны, которых место людное, якое уже есть Нежин, пространных потребуеть, частью на роли, фолверки и сеножати меские, с которых мещане нежинские повсюду вольности собе данной повинны будут платити, ведлуг звычаю иных мест Его Королевской Мосци, Нежину найближей прилеглых. Граница тих грунтов меских нежинских почитается от двох Девиц-речок, где ся те речки Девицы разделилисъ и граничать Носовку с Нежином, отколь граница нежинская идеть, едною Девицею к противой речки найближша, которая ся с Кропивною сходить, и там же обидве в Остер впадают, рекою Остром на доль по бо-

лото плоское, болотом плоским в гору, с одной стороны того болота к дорозе Черниговской, межи Нежином и болотом плоским, к Чернигову идучи та дорога до реки Смолянки, Смолянка — до Сацевой Рудки, аж до грунту Колчевского и мимо Беду Якова суходолом до Березовой речки, от Рибуя о границу Зейволожем городищем, от Рибуя в реку в Устр мимо Печилесы, с Печилесы в Химовку речку. Тая Химовка идеть аж под Татарскую Могилу просто мимо Ржавец, о границу с Дарогинским грунтом, через речку Кропивную мимо Ржавец и мимо Обсировку речку до тих же двох Девиц, отколь граница зачала. Которого ограниченья абы место Нежин спокойне, без всякой перешкоды уживало, даю им тот лист мой ревизорский с подписом руки моей и з моею печетью. Дан в Нежине дня 26 мая року 1624. Героним Цеханович, Подсудок Смоленский, ревизор Его Королевской Мосци, рукою своею. Мы теды зычачи того, абы тое место наше Нежин зо всех мер помножалося и крепило, а за тим и Речи Посполитой оздобу и неприятельству пострах чинило, и грунты помянутые, тому месту нашему чрез ревизора, от нас высланного, заведенные и поданные и тим листом ревизорским описанные, до места нашего Нежина с повинностью, еднак местом нашем, Нежину прилеглым, звычайную, на вечность прилучаем и ограниченье тых грунтов ревизорское вышеописанное утвержаем; а на то для лепшего упевненя и варунку помянутого места нашего Нежину далисмо тот привилегий наш, рукою нашею подписаный, до которого и печать нашу Коронную завесити росказалисмо. Писан в Варшаве дня 23 месяца марта року Господнего 1625, пановання нашего Польского — 38, а Шведского — 32. Жигмунд Король. Андрей Шолдерский, писарь гнезнский.— Владислав Четвертый, з ласки Божей Король Польский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Мазоветский, Жмудский, Лифлянский, а Шведский, Готский, Вандальский дедичный Король, обраный Великий Царь Московский. Ознаемуемо тим листом нашим всем вообще и каждому зособно, кому то ведати належить, иж показанные суть перед нами привилегии два пергаминовые, рукою найяснейшего святой памяти Короля Его Мосци Жигмунда Третьего, пана отца нашего, подписаные, с притиснением печати Коронной данные, в Варшаве дня 26 марта року 1625 виданные, несказительные, ни в чем не нарушенные, першый, которым святой памяти Король, Его Мосци пан отец наш, месту Нежинови, в Княжстве Черниговском лежачему, через частые инкурсии неприятельские и переходы войска козацкого и Запорожского спустошенному, для того, жебы тим лутче и потужней садовитися могло, право Магдебурское, ведлуг которого все маются судити, и иные вольности, то есть всяких товаров вольное купованье и продаванье, гендлов, провожень напоев розмаитых, меновите горелок паленье и оных шинкованье, не поношаючи перешкоды от тамошних державцев больш, и пожитки певные, месту тому служащие, роле, грунты, поля и волоки, на бурмистра, писаря мескаго, также и ратушу места того Нежина, чрез святой

памяти Короля Его Мосци, пана отца нашего, назначенные суть; другий зась ограниченье места того ж, Нежина, и грунтов, до его належащих, через уроженного Геронема Цехановича, Подсудка земского Смоленского, ревизора до тоей справы назначенного, которое ограничение святой памяти Король, Его Мосць Жигмунт Третий, пан отец наш, от звыше менованного Подсудка Смоленского ревидованное и месту тому назначенное, подтвердил. Мы теды, Владислав Король, маючи взгляд и баченье на просьбу обывателей места нашего Нежина, звышеменованные привилеги два данные, яко сии выше описано, во всех пунктах, клявзулах, артикулах и кондициях тим листом нашим так, яко в себе ширей описанные суть, подтверждаем от слова до слова, иле право посполитое кажеть и допускаеть звычай, умочняем, хотячи, абы во всяком тое подтверждение наше зуполную моц и власть свою на веки мело. На щося, для лепшей веры, рукою власною подписуем и печать Коронную притиснути росказалисмо. Дан в Варшаве дня 9 месяца мая року Божего 1633, панованья нашего Польского и Шведского першого року. Владислав Король. Иван Бедерман.— Мы теды, Иван Камель, з Божей ласки Король польский и проч., маючи взгляд и баченье на просьбу обывателев места Нежина, звышмянованные привилегиев два, першый право Магдебурское и иншие вольности и пожитки певные, месту тому служащие, другый ограничении места того ж Нежина и грунтов, до него належащих, в себе заверяючые, данные, яково выше описано, во всех пунктах, клявзулах, артикулах и кондициях, тим привилегием нашим, так, яко в себе ширей описаны суть от слова до слова, иле право посполитое кажеть и допущаеть звычай, умочнаям, хотячи, абы во всем тое подтверждение наше за полную моц и власть свою на веки мело. На щося для лепшей веры рукою нашею подписуем и печать Коронную притиснути росказалисмо. Дано в Варшаве дня 10 месяца сентября року Господнего 1639, панованья Королевств наших, Польского — одиннадцатого, а Шведского — дванадцатого року.

На оной привилегии подписано:

Ян Казимир Король.

Еварист Ян Белжецкий, писарь и дворянин покоевый Королевской Мосци за уряду канцелярского, ясне велебного Его Милости Ксенгза Миколая, на прозвавы Празмовского, а номината Бискупа Луцкого, абата Сецаховского, пробоща Краковского, найвысшего канцеляра Коронного, реестровано и индуктовано до акт Метрика Руской, Канцелярии Великой Коронной.

Стефан Ганкевич, Короля, Его Мосци, секретарь.

Печать на красном воску висящая при той привилегии, писанной на пергаменте.

Примеч. В оном 1650 году при гибельном состоянии для Польши была еще и саранча немалая, которая причинила и в самой Украйне великие убытки; оная поела все травы и хлеб посеянный. Чрез сие в наступившую зиму, случившуюся тогда жестокою, прокормить было скота почти невозможно. При том, зазимовавши, оная в Украйне от выпущенного семени ее на весну еще больше родилася, и сделана была тем во всем не мала дороговизна, от чего терпели люди великую нужду.

ГЛАВА 18

О посылке Хмельницким к царю в Москву с прошением себе его помощи. О присылке от разных владетелей к нему послов для призыву его к себе в союзство. О вооружении королевском и от Хмельницкого друг на друга и о их сражении. О измене ханской Хмельницкому и о побеждении польском. О оставлении Хмельницким своего войска и о побеге козацком от осады польской

Первое послание Хмельницкого к царю московскому с прошением помощи его

Предвидя Хмельницкий, что не будет ему и всему народу его от поляк спокойствия, но сделается, конечно, между ими еще вящщая война, сего ради рассудил заблаговременно послать в Москву и предуведомить обо всем, а паче о своем прибежище, к великому государю царю и великому князю, Алексею Михайловичу, открывая ему притом о всех тайных замыслах и поступках польских противу России, при чем и просил у государя помощи, за что обнадеживал от Литвы отстоять все российские поветы, или уезды с городами по Трубчевск, которые в 1634 году, после Смоленской войны, отошли под Польшу.

Царь Алексей Михайлович оказал ему на то свое благоволение и обещал как защиту, так и все подлежащее в его требованиях впредь ему в том вспомоществовать, а в ожидании к тому времени имел бы терпение, ибо без важной причины разорвать с ними мира не можно было.

Царь послал послов к королю польскому с жалобами на магнатов во унижении его чести

В то самое время послал великий государь послами Пушкина и князя Трубецкого к королю польскому с жалобами на некоих его магнатов, кои приписывали чести его царское унижение, и что папа римский, как слышал, писал к покойному королю Владиславу, именуя его только великим князем московским, а не царем. Так же и что казнодеи, или предиканты польские, раскольниками всю Москву по костелам объявляют и тем поносят в обиду его величество. В сей самый случай пришел в Варшаву посланник от крымского хана, возбуждая с собою поляков к войне противу Московского государства, чему поляки согласны оказывались. Татары ж были тому рады и, чтоб несумненно оказать им к тому свое дружество, отпустили сего для из полону и от уз обоих прежде взятых гетманов — Потоцкого

и Калиновского, а прочих Польша искупила. По сем вскоре и российские послы отпущены, но без удовольственного ответа да еще с небрежением о претензии монаршей.

По угрозам польским царь ставит войско свое по Венцу

Царь Алексей Михайлович, слыша чрез послов своих о таких татарских возбуждениях и польском пренебрежении на его претензию, немедленно велел войску своему придвинуться к Венцу в свои украинские города и быть там до дальнейшего указа.

Посылка от Хмельницкого к царю в Москву ведомости о числе войска своего

Хмельницкий же, между тем, всему живущему в Украйне народу универсалом своим объявил с тем, кто хощет быть козаком, кто простым земледельцем, позволяет и для того разделил Украйну на 15 полков и поставил в оных полковников, списав лучших выборных, или реестровых козаков, коих оказалось самых добрых около 60 000 человек, кроме охотного козацкого войска бесчисленного, и о таком премножественном своем числе войска послал к царю Алексею Михайловичу ведомость в следующем образе:

Полку	Полковники	Число козаков
1. Чигиринского	Федор Якубовский	3189
2. Черкасского	Иван Ворончeнко	2989
3. Каневского	Семен Павинский	3120
4. Корсунского	Лукьян Мозира	3492
5. Уманского	Иосиф Глух	3830
6. Браславского	Данило Нечай	2802
7. Калницкого	Иван Федоренко	6046
8. Киевского	Антон Адамович	2080
9. Переясловского	Федор Лобода	2150
10. Кропивенского	Филон Джеджелей	2083
11. Остранского	Тимофей Носач	1988
12. Миргородского	Максим Гладкий	3188
13. Полтавского	Мартын Пушкар	2873
14. Нежинского	Прокоп Шуменко	9083
15. Черниговского	Мартын Небаба	9096
	Итого:	58 009

Сверх того росписания не внесены были в ведомость еще полки: гадяцкий, в коем полковник был Бурлай, и белоцерковский, где полковник был Гира.

Прибывший посланник турецкий с дарами призывал Хмельницкого в подданство султану

В сии ж времена прибыл к Хмельницкому от турецкого султана Чауш Осман-ага, представляя ему благоволение султанское, чтоб он отступил от Польши и приклонился б к его величеству, препоруча при том ему в дар знаки милости султанские: бунчуг, мечь, знамя и булаву. О сем как скоро сведал киевский воевода Адам Кисель, послал немедленно к Хмельницкому из Киева племянника и брата своего Григория до Чигирина со увещанием, чтоб, конечно, не отступал от Польши и не отдавался б в покровительство турецкое. Но признали посланные, что Хмельницкий якобы со всеми козаками своими более склонен к туркам, нежели полякам, за их к ним несправедливость, отъехал сего для оный племянник и с дядею своим в Польшу. Хмельницкий же провидел замысел крымского хана, чего ради он дружиться начал с поляками, чтоб его и Украйну неотменно попрежнему предать в польские руки. Того для умышленно отдавался якобы под защиту турецкую, доколе что будущее время окажет.

В польском Сенате, рассматривая статьи Хмельницкого, возбуждали воевать на козаков

При наступлении ж генваря 1650 году поляки собрались на сейм в Варшаву и начали статьи зборовские рассматривать и рассуждать и, читая их, роптали на короля и на весь его сигклит, считая, что оные сделаны нарочно с Хмельницким всей Польши в укоризну. Сего ради побуждали короля, чтоб, конечно, начал войну противу Хмельницкого, наводя к тому и вину козацкую, что будто б живущие в Немерове выбрали себе некоего именем Куйку начальником города и сделали с ним якобы совет, каким бы образом впредь находиться с своим паном, и приговорили дать ему только один плуг волов и четыре меры солоду с тем, чтоб только с голоду не умер. Также будто б присоветовали и поклонные приносы давать только в уреченные дни, а работы отнюдь никакие ему не исправлять, да хотя бы кто и из лучших панов отважился чем их отягощать, то тотчас чтоб всем восстать и вооружиться противу их. При том, якобы поляк, стоящих по зимовым квартирам, козаки также начали уже убивать.

Возмущение на него от поляк. Хмельницкий истребовал себе от султана помощи

Хмельницкий, слыша об оных возмущениях, предвидел, что, по всем обстоятельствам, поляки не оставят сделать на него нападение. Того ради рассудил для предупреждения оного, к надежнейшей себе защите послать с прошением к Оттоманской Порте, чтоб и с оной стороны он противу Польши помощь имел, обещая напротив того и с своей стороны им равномерным образом, в надобных случаях их, войском своим вспомоществовать. Для чего и послан от него в Царьград был полковник Джеджелий. Султан с удовольствием принял Хмельницкого послание и велел немедленно удовольствовать его во всем. Чего для с тем же полковником посланы были ферманы, или указы султанские к силистрийскому паше и водам (или князьям) волохскому, или молдавскому с тем, если когда востребует Хмельницкий от них себе вспомогательного войска, чтоб немедленно отправить к нему и быть бы для того войскам во всякой готовности. А к нему об оном с дарами объявление прислано.

Для надежнейшей защиты от поляк Хмельницкий вознамерился с молдавским князем вступить в союз

Хмельницкий хотя и был уже уверен, что может подкреплен быть от разных сторон, но еще желал, чтоб и чрез свойственную дружбу благонадежен быть мог, понеже довольно известны ему были все польские хитрости и недоброжелательство их к нему, а потому помышлял все оное предупредить и пресечь. Вознамерился сего ради высватать у молдавского воды Василия Лупула дочь Ирину за сына своего Тимоша, для чего и писано было к нему с прошением об оном. Но вода противу сватовства сего погордился и отказал ему от выдачи дочери своей и дружества такова.

Султан присылает к Хмельницкому, чтоб обще с ним воевать противу России. Поляки препятствуют Хмельницкому свести союз с Молдавиею

Под сей самый случай Нурадин, султан турецкий, прислал к Хмельницкому посланца — татарского мурзу, подзывая его с собою вооружиться и идти на Московское государство войною, к чему и татары уже были совсем готовы, чего Хмельницкий никогда не помышлял и входить в такую войну отнюдь не хотел. А как к сему случаю придалась вина, что молдавский князь Василий Лупула, избегая иногда от невольного сватовства и дружбы Хмельницкого, послал в Польшу к королю просить с тем, чтоб от оного его освободил и в случае

к тому неволи защитил, то король немедленно велел гетману Потоцкому, пришедшему из Крыму от татарския неволи, с войском польским стать при Каменце Подольском и препятствовать бы Хмельницкому делать сватовство с Лупулою.

Хитрость Хмельницкого и представление туркам, зачем ему ныне воевать противу России не можно

Уведомился Хмельницкий, что гетман Потоцкий с польским войском стал под Каменцом Подольским, собрал тотчас и свои полки, под видом тем, будто бы по требованию султанскому собирается в поход противу России, в самой же вещи смотрел быстро на них, какой бы вины ради собрались они тамо. А как поляки при том, ловя, людей подднепровских на полях убивали, иным уши и носы резали, иных же на полы перерубали и по полям тела метали, о чем избежавшие от того, многие без ушей и носа, прибежавши, Хмельницкому с жалобою извещали и говорили: «Ты нас заступи бедных. Смотри, как во время мирное с нами козаками поляки мучительски и бесчеловечно поступают», то, видя и слыша сие, Хмельницкий и случившийся при нем посланник татарский ужасно удивились и сжалились, на что Хмельницкий начал говорить к предстоящим: «Видите, что делают господа поляки не отшедшим еще нам от своясь, а коль скоро отойдем мы войною в московскую землю и отдалимся отсель, то тотчас нападут на домы наши, города и села предадут огню, а жен и детей наших посекут до конца».

И так отправил Хмельницкий посланника татарского обратно с тем, что не может он ныне приступить к войне противу России за учиненными налогами и вооружением на них от поляк, за что со оными непременно по неволе должно оборону свою иметь, но еще при том самих их просил, если надобен он им впредь быть может, чтоб сделали ему ныне еще вспоможение, в чем он и благонадежен остается, что не оставят его. Посланник же, прибыв в Орду, известил обо всем оном, что видел, и что воспрепятствовало намерению их, и при том, что, прося, требовал Хмельницкий от него, чтоб хану своему, а оный уж султану объявил о том. И так сие объявление воспрепятствовало им обще с поляками поход и войну начать противу России, а дали вспоможение Хмельницкому по требованию его.

За отказ молдавцев от союза Хмельницкий производит за то на них нападение

Но как Молдавское княжество находилось тогда в довольствии, тишине и мирном состоянии под управлением своего князя, позавистовал тому благоденствию народа общий враг и ненавистник хри-

стиян диавол, возмутил на оное состояние восстать алчущим корысти, направил око хотения на оное княжество и разжегши сердца татар и козаков так, как сделавшихся уже к грабительству в войне неспокойных по согласию между собою. В то ж лето, 1650, Хмельницкий послал начальников Носача, Пушкаря [86] и Дорошенка [87] и с ними 16 000 козаков и 20 000 татар на Молдавию с тем, чтоб понудить князя Лупулу к отдаче дочери своей за сына его Тимоша.

Прошение князя молдавского о недопущении к нему для новобрачного союза Хмельницкого. На то прошение отказ от польского гетмана

Тогда послал молдавский князь просить для недопущения того войска помощи у польского коронного гетмана Потоцкого, который ему на то отписал, что он с гетманом Калиновским был уже в руках у Хмельницкого, что он их подарил был в полон в Крым хану, и что оттуда они насилу откупились великим числом денег, посему он с ним для него дела иметь не хочет.

Пленение Молдавии чрез Хмельницкого

Войско ж оное, вошед в Молдавию, пленило и грабило все, что ему попадало, взяло там город Сороку, состоящий при Днестре-реке, не взирая на то, что оный был под покровительством турецким, а может быть, как думают, что то было и с турецкого дозволения, чтоб только искоренять христиан, по чему и до самых гор все опустошало и разоряло, от чего там жители города Сочава скрывались в Ясах, а князь бежал в Хотин, оставя свою столицу. И так оставались в целости только одни замки крепкие, кои успели от оного затвориться.

Молдавский князь, прося мира, соглашается выдать дочь свою за сына Хмельницкого

Князь, видевши такое своим разорение, возвратился, наконец, в Ясы, послал просить гетмана Хмельницкого, чтоб оставил оное, вышли б войска из его владения, и сделал бы с ним мир, обещая притом свою дочь Ирину, по требованию, выдать за сына его, что все по оному, как то, так и другое, сделалось, и вышли в наступивший 1651 год войска из Молдавии октября от 1 числа и пошли, по-прежнему, в Украйну, а татары в Крым.

Вопрос Хмельницкого от Потоцкого, коей вины ради войска польские близ Украйны собрались

При отправлении ж войск в Молдавию послал Хмельницкий к Потоцкому Кравченка спросить его, ради чего во время мирное на Подолию собрано войско польское, и какой ради вины и кто такие людей его грабят и убивают, ибо не слышно, чтоб было отколе какое неприятельское нашествие, а войска собираются и чинятся обиды?

Ответ Потоцкого

Потоцкий на то отвечал, что по указу королевскому ему велено с войском при границе быть, следовательно, удивляться о сем гетману Запорожскому не для чего. Но ему более удивляться должно, для чего он с войском козацким собрался и стоит на брань готовый. При том почто без повеления королевского козаки молдавскую землю опустошают? Ведает бо Хмельницкий, что то союзники их, следовательно, он не молдавцев, но их союз разоряет. Кравченко ж, возвратясь, объявил все, что слышал от Потоцкого, а Хмельницкий умолчал на оное, остался с тем в покое до тех пор, доколе возвратились из Молдавии все посланные козаки и татары. Он привел, между тем, турок к защищению своему и утвердил на свою сторону татар с тем, чтоб не ходить им войною на Московское государство, чем сделался российскому двору приятелем, а Польшу привел оному в ненависть, так равно и хана крымского за то, что все старался он усмирить козаков для Польши, и склонил его, чтоб вооружился войною на Польшу.

За вооружение от поляк на козаков объявляет хан им войну, а Хмельницкий требует от них подтверждение мирным договорам. Воевода киевский представляет о удовлетворении козакам. Поляки пренебрегают представление воеводы киевского

Хан не проразумел всем хитростям Хмельницкого, но думал так, как известно ему было, что поляки не инако козаков погубить могут, как только под учиненным с ними миром истребить их ищут. Послал сего ради к королю за такия непостоянства и хитрости их объявить им от себя войну, а Хмельницкий послал с тем, чтоб статьи зборовские были целы и ненарушимы, и буде Войско Запорожское обнесено чем пред королевским величеством, за оное взыскание учинить Войско Запорожское ищет. При том чрез посланников своих велел просить короля, чтоб зборовские статьи от четырех первейших его сенаторов клятвою утверждены были с тем, чтоб унию извести из всей

Украйны, так как — начало злу, и римским костелам не быть. Греко-российским же церквам и клиру быть свободным не только в Малой России, но и в Польше и Литве, и равную честь духовенство российское с римскими имело б, а Еремей, князь Вишневецкий (посмеянием сказавши) как великий защитник козаков присягою утвердил бы зборовские пакты. И сие все соверша, могут потом Конецпольский, Калиновский, Любомирский и другие великородные господа все идти в Украйну и обладать своим имением, но без воинских, а своими только дворовыми людьми. Послание от Хмельницкого хотя полякам весьма оскорбительно было, однако ж на то умеренно Гонсеневскому ответствовать было велено. Под сей самый случай при посланниках Хмельницкого читано было в собрании присланное из Киева представление от Адама Киселя, которым извещал, что, приходя к нему великим числом, козаки просят, чтоб конечно из Украйны унию извести. И притом собственно от себя писал к тем самым, кои под Зборовом составляли мирные статьи с тем, чтоб приложили конечно старание свое о небытии в Украйне унии, советуя им, что лучше тысяча церквей русских с римскими в мире, нежели десять униатских с ними быть могут, чрез что только вражда от Украины Польше и Литве и опустошение городам, селениям и многим святыням происходит. Из сего только вознегодовали нерассудные поляки на Киселя, сочли, что он, как греко-российского закона, то об оном и о козаке старание прилагает. И так вместо всего того в Варшавском сейме положили, чтоб гетманы польские как возможно скорее с войсками при границе стали, посланникам же Хмельницкого — Марковичу, Гурскому и Ивану Дорошу, шляхетство давши, к гетману Хмельницкому отпустили.

Вооружение от короля и от Хмельницкого на обои стороны и их сражении. Нападение на Украйну

По отпуске ж оных король Казимир повелел не только наемным войскам, но и всему посполитому рушенью к войне против козаков готовым быть. Можно сказать, что Казимир был понужденный подданными своими принять паки оружие и воевать против воли своей. А между тем, по наступлении 1651 году, послал Маховского до Киевского митрополита с тем предложением, чтоб он увещевал заблаговременно смириться козакам пред его королевским величеством, в противном же случае огнем и мечом всю Украйну истребить обещался. Митрополит же посланного отослал к Хмельницкому и с предложением королевским. Услышавши сие, Хмельницкий велел тотчас переписать свое войско, потом собраться полкам и, выступя, по празднике Рождества Христова, стал в Ставищах сам, а войско по городам и по поветам, лежащим близ реки Буга, расположил. Между тем писал к хану и просил его на помощь к себе, объявляя нападение и

замыслы польские на него и на всю Украйну, а поляков, между тем, велел всех из Украйны выгнать и вырубить. Полковника же Нечая послал с полком из Забужья от Браславля во встречу шедшим полякам. Гетман же польный Калиновский, как был от оных неподалеку, услыша о Нечае быть в местечке Красном, велел днем и ночью войску польскому поспешать ему навстречу и, напавши оный на него в местечке том нечаянно в самое мясопустное заговенье, в который случай Нечай был упившись, да и войско его в те дни сырные недели праздновало, рубили и убивали козаков нещадно. Нечай, видя сие, вскочил на сопротивление и хотел полякам воспрепятствовать, но устрелен тут пулею в груди, с чем вбежал в замок и скончался. Козаки ж, будучи осаждены в замке, и три дни храбро бились с неприятелем, но, не видя ни отколе себе помощи, разбежались все, кому куда возможно было, оставя город, его же поляки огню предали, а Нечая нашли в замке под килимом мертво лежащего. В сей случай сего года козакам первое насчастие чрез пьянство случилось.

Победа над поляками. Польный гетман ретируется от козаков

Оные вести Хмельницкий пустил мимо ушей, но послал войско свое с начальником Богуном до Винницы. Калиновский же, наступая на Украйну и нападаючи на местечки: Черняховцы, Морахту, Шаргород и Ямполь, огнем и мечом уже повоевал, а оттуда под Винницу пошел и вознамерился город, облегши, взять, но Богун предупредил его в том. Он сделал при пути его засаду и оным побивши многих, а сам выше из города засел в монастыре, состоящем близ оного и реки Бога, прорубив лед в оной, по пути неприятелю лежащий, и покрыв то место сеном, чего поляки не знали. Вдруг бросились тем местом, хотели монастырь оный и козаков взять, но премножество в реку их обломилось и потонуло, в коем числе погибли начальники Кисель и Тышкевич, один только спасся от утопления браславский воевода. Да и под самым винницким замком во время приступа козаки поляков много побили. При сем услышали поляки, что Глух, полковник, Богуну на помощь идет, вышли сего для в поле и хотели путь ему пресечь от соединения его с Богуном, но неведомо по какой причине у оставших поляк в городе сделалась тревога и смятение: одни из города бежать начали, другие им последовали, а оставшие возы господские грабили. Наконец все, оставя свои обозы, с великою торопливостию до Бару бежали и так оставили козакам, добычь получить без дальнего труда. Но как в Бару для войска их не было съестных припасов, и от того должны были голод сносить, то пошли по той причине к Каменцу Подольску.

Мешканье и нерадивость поляков к собранию в войско свое

Еще не было надежды польному гетману Калиновскому отколь себе помощи ожидать, потому что, хотя король и повелел посполитому рушенью быть к оной войне в готовности, но шляхетство иное, прохлаждаясь с женою еще в доме и в объятиях нежных, веселилося в покое, за чем не так-то спешило к команде строго; а в войске гетманском уже не один бедный от неприятеля и голоду помер. Того ради принужден был Калиновский к королю следовать до Сокольи, где он находился.

Разные победы на обои стороны

Хмельницкий, находясь до весны в Ставищах и дождав тамо хана с ордою, послал Богуна с шестьюдесятью тысячами войска козацкого и татарского до Каменца Подольского. Точию об оном молдавский князь Лупула поляков предуведомил, почему там уже их и не застал. Сего для послал за ними в погоню Демка с частию войска, током в Купчинцах поляки его разбили, а паче тех, кои были еще за переправою, где убит полковник каневский Семен Павинский. Сею победою поляки ободрились и паки поворотилися за реку Бог. Точию загон татарский тут напал на них; из сего вздумали поляки, что Хмельницкий вознамерился обойти их с тылу, побежали сего для все обратно чрез реку вплавь, чрез что много их тамо потонуло, а к королю в обоз (то есть в стан) мало возвратилось.

Шествие королевское с войском из-под Сокольи до Берестечка

Гетман Хмельницкий, видя их наступление и слыша, что король Казимир уже собрался с войсками своими и пошел с оными из-под Сокольи до Берестечка, собрав все силы свои, так же наступательно пошел насупротив его и дошел до Збаражья.

Извещение королю о следующей силе неприятельской

Король известился, что Хмельницкий уже под Збаражьем, и что хан с татарами неподалеку его стоит. Но, однако ж, хотел еще более изведать, подлинно ли Хмельницкий с ханом и с великою силою, ожидал о том чрез передовых своих точного уведомления. В сей самый случай прискакал один из числа разъездных с тем объявлением, что князь Вишневецкий с Бестековским послал было добрых хоронг-

вей несколько, но, напавши на них, татары, кроме одного его убежавшего, всех побили, объявляя при том, что орда нападает на обоз и побивает множество людей, чему сделалось начало мая 14. Поляки чрез сие взяли предосторожность, подкрепили свой стан или обоз и войски и тем усилились противу татар. Татары ж оные, коль скоро увидели великую силу их противу себя, тотчас отступили от них и, оставя, наджидали приближающих Хмельницкого и хана с войсками своими.

Хмельницкий с ханом следуют противу короля

Хмельницкий же пришел со всеми силами своими под Берестечко *, куда достигши на второй неделе Петрова поста, в самый тот день, в кой пришли, что было в среду, то есть 27 июня, передовые козаки и татары конные имели с поляками до самой ночи сражение. На другой же день, как то в четверток, то есть 28 числа (вышедши уже с обоих сторон полками и со всеми силами своими в приспевший час), между собою сразились и бились ужасно. Каждая сторона победу одержать старалась, и так продолжалось несколько на равновесии, даже, наконец, козаки с татарами стали поляков преодолевать и, осиливши их, нещадно убивали, от чего, как от меча, так и от огнестрельного оружия, пали от поляк что ни храбрейшие воины: полковник Стайницкий и наездники Казановский, Осолинский, Ангеза, Мотчицкий и иных именитых до 500, кроме разных чинов, коих более 1000 человек. И так пресекла битву сию наступившая ночь, и тем окончилось.

Ханская измена Хмельницкому

Но как овца на волка, равно христианин на бусурмана не должен полагаться на его к себе дружбу, так Хмельницкий обманулся в хане. Король чрез тайную в ночь пересылку ослепил хана своими блистательными дарами и золотым обещанием, который, прельстясь на то, изменил Хмельницкому и в самое по сем первое сражение вдруг, оставя козаков, пошел от них с своими ордами, как здесь о том повествование объявляет.

Тайная посылка от короля к хану. Сражение козацкое и татарское с поляками под городом Берестечком. Хан отступил от козаков

В оную ночь тонок был сон поляков, ибо король созвал своих магнатов и делал с ними совет, каким бы способом козакам и татарам отпор лучше сделать. И присоветовали, во-первых, последнего,

---

* Состоящий город на поле, в Волыни, при границах воеводства Белзского, над рекою Истрою, владения господ Лещинских.

дарами купя, убедить, а первого потом неотменно силою победить, что для последнего в ту ж ночь учинено и по условию на обои стороны утверждено. Для первого устроили полки так, как к бою надлежало, равно ж и Хмельницкий рано приуготовил с гор от полудня войско свое, также и обоз укрепил, а хану с татарами правую сторону дал. В приспевший же час пустили они войски свои к бою порядком установленным, и было сражение ужасное. Но как оказалося, будто бы судьбиною козацкие и татарские силы поляками премогались, и как бы все польские орудия на татар обратились, от чего татары, не ведущие во оном хитрости тайныя, возроптали на козаков, думая быть от них в том подлогу, и, не стерпев сего, начали уходить, не взирая на то, что с левой их стороны стали их козаки подкреплять, но чрез то сами попались под самые неприятельские пушки и тем пришли в беспорядок и великое неустройство. И так чрез сей случай хан пошел обратно и не возвращался более, оставив козаков одних. Но и те уже начали уходить к своему обозу, который от того места находился в миле, при реке Пляшове. Хмельницкий тотчас чрез Виговского приказал полковникам и всему козацкому войску быть в обозе и из оного обороняться от неприятеля, что было июня 29 числа.

Хмельницкий просит ханской помощи, но он отказался от него, а дал лишь некоторую часть татар ему. Татары, от хана данные, оставляют его. Хмельницкий принужденно оставляет войско свое. Хмельницкий собирает новое войско

Сам же гетман, видя такое неустройство и неудачу свою, немедленно побежал с писарем своим к хану и просил его о неоставлении, но тот, не приняв его просьбу, шел прямо путем своим под Ожеговцы и стал там за несколько миль. Хмельницкий неотступно просил: когда сам присутствием своим помогать ему не хочет, хотя бы отделил от себя и дал ему для защищения его войска орды несколько. На что, по усильной просьбе, хан дал ему мурз с несколькими тысячами, с которыми гетман пошел к своему войску, но по лицемерству тут татары дошли с ним только до реки Пляшева, а до войска за милю, и возвратились обратно. Для чего принужденным нашелся и Хмельницкий, так как оставленный от них, остановиться, оставя свое войско и при оном знаки гетманские и войсковые, также и пушки, понеже не более при себе имел, как козаков с тридцать, с коими дойти до войска за облежащим вокруг неприятелем опасся. Хан же пошел в свою землю, оставив только орды двадцать тысяч с мурзами, а Хмельницкий, не дошед Старого Константинова, с малым числом своего конвоя, коих набралось к нему, и с охотниками татарами человек с семьдесят поворотил к Грицеву и к Любару. Хмельницкий, видя, что

счастие его на сие время переменилось, и что отшатилась фортуна от него, потому что помешало все намерения и предприятия его татарское недоброхотство, или лучше сказать измена к нему, для того, уходя и сам, татарам уже не вверялся, но следовал сколь можно поспешно от Любара чрез городы, где многих еще оставленных козаков находил по залогам, а других недошедших до войска за препонным переходом от татар, также и находящихся таких, кои для содержания городов только именовались козаками. Все оные и посполитые принуждены идти за ним на Украйну, боясь жолнеров и господ своих поляк, и собирались к Хмельницкому, который, пришед в Паволочь, тотчас велел собираться к себе оставшим всем в Украйне козакам своим.

Промысел атакованных козаков над поляками. Совет козаков. Козаки вознамерились просить от поляк миру. Поляки мир отвергают

Войско ж козацкое, оставленное под Берестечком в обозе, тотчас окопалось вокруг себя валом и надежнейшем образом укрепилось. Поляки, приступя к ним со всеми силами и с пушками и осадя их, всеми мерами доставать домогались, но козаки жестоко оборонялись и сделанный близ их польский шанец четвертого числа июля ночью взяли и людей побили. По сем король требовал совета у магнат своих, штурмом ли козаков брать или в осаде держать, доколе сами сдадутся. На сие многие советовали, что лучше их, облегши всеми полками и силами, в осаде держать и тем довести их до собственного и чрез потраву конского корму голоду и отчаяния от всякого вспоможения, чрез что польское войско без урону быть, а они покориться могут.

Но из оного совета сделалась сперва между посполитым рушеньем и квартяным войском несогласица. Один одного к облежанию козаков посылает, а никто к тому идти не хотел, чрез что между ими произошла ссора, и оставили в ту ночь себя в безосторожности. Козаки, будучи в ночи свободны, напали паки на шанец, который был им во многом препоной, и вырубили всех поляк во оном. По неколиких же днях услышали козаки, что к ним ни хан, ниже Хмельницкий на помощь не будут, не знали тут кому булаву гетманскую и управление войска препоручить, а как осаждены уже поляками вокруг были, послали сей крайности ради к королю из старейших своих Крысу Переясловца и Петрашенка просить у него мира с тем, чтоб им при зборовских статьях по-прежнему остаться. Но поляки не думали о мире, а наступали на них усильно и хотели всеми мерами взять их боем и тем понудить их к сдаче и к покорению, для чего пресекли им и последний путь, лежащий от них по ту сторону реки Пляшева, и

сделали там мост и при нем шанец, в который посадили войско немецкое; при том присоветовали послать на стражу за реку Пляшево Вишневецкого и с ним 15 000 лучшего войска. Но судьбою размесились их советы, ибо из сенаторов некоторые говорили: ежели мы лучшее войско на стражу за реку пошлем, а козаки оное сведают, то тотчас, напавши всею силою своею на здешнюю оставшую часть, побьют и весь обоз наш возьмут, и будет чрез сие победа побежденным, а одоление одоленным. Сих ради причин рассудили послать на место первых Лянцкоронского с тремя тысячами только, который тем числом и занял стражу за рекою.

На представление козацкое о мире поляки новые кондиции подают. Козацкое на то упорство

Бывшим же при короле посланцам козацким вместо подтверждения Зборовских пунктов дали вновь учиненные статьи нижеследующего содержания, а именно: «Козакам Хмельницкого выдать с Виговским, а доколе оное исполнится, дать в залог козакам старшин своих. Пушки и прочее оружие отдать победителям. Чтоб гетмана козаки сами себе не избирали, а просили б от короны польской, кого б пожаловала. Сколько б быть козаков, оного числа требовать на сейме. Зборовские статьи совсем уничтожить». На оные при объявлении пунктов посланцы отвечали, что Хмельницкого и с Виговским выдать обещаем, точию пушек и прочего оружия отдать козаки не помыслят, хотя б им всем тепереча умереть. и с тем Петрашенко к своим до обозу возвратился и объявил, а Крыса у поляков остался.

Совет козаков. Переправа козацкая чрез реку. Побег козацкий из стана своего

По сем, в наступившую ночь, когда усмотрели оплошность поляк, козаки сделали вылазку и напали тайно на шанец, состоящий у реки при мосте, побили там много людей радением Богуновым, которого козаки себе вождем своим уже поставили. Богун собрал потом всех полководцев, предложил им, как бы отойти от той осады. К сему и чернь прибавила с тем, чтоб конечно сделать то скорей для того, что иногда б и козаки, как видно из роптания их, прельстясь на что-нибудь, и свободы ради своей, предательски не выдали начальников своих всех полякам в руки. Общим советом приговорили все старшины, чтоб сделать в наступившую ночь чрез реку Пляшеву мост и оным бы перевести довольно число войска, дабы тем Лянцкоронского там со стражи отогнать и войску козацкому можно было в целости уйти. Чего для в ночь и сделали козаки из телег, бурок, епанечь, войлоков, наметов, палаток и прочего, что было излишнее, три моста

и оными по утру рано начали переходить, во-первых, конные. Видев сие Лянцкоронский, что вся сила козацкая к нему, переправляясь, приближается, принужден по малой силе своей отступить с пути и дать им свободу к бегству их. А как не все козаки могли ведать о положенном совете, каким бы образом перейти надежнее было, но, видевши уже, что некои имеют свободный переход, тут каждый начал торопиться, чтоб как возможно так же поспешнее перейти и избавиться только от осады. хотя им в том начальники и воспрещали, удерживая, объясняли, каким образом следует по положению переходить и что, конечно, все и безвредно перейдут и будут безопасны. Но вкоренившаяся по легкомыслию их самовольность и неповиновение привели в сем случае к непослушанию и чрез то в великую гибель их. Они все вдруг бросились на мосты и стеснялись так, что, наконец, друг друга с мостов сталкивали и опровергали, от чего грязли и тонули там в болоте, а паче, что такою беспорядицею разбили все мосты, и тем вящще оставшие гибли в Пляшовце и в Икве реках, чрез что почти третия часть их там пропала, исключая то, что оставили полякам в добычу всю свою артиллерию, состоящую из 60 пушек, все военные орудия, гетманские клейноты, весь свой обоз с припасом и прочее все, что было, но сами только и то в разные дороги бежали, где поляки, нагоняя, также немало побили. А если б порядочным образом, так, как положено было, переходили, то б тем числом, как их до 50 000 состояло, могли б весьма сообразно отступною обороною дойти восвояси и были б целы. Все оное происходило в 1651 году чрез весь Петров пост, а, оставя свой обоз, бежали от поляк июня 30 числа, то есть в день Собора Святых Апостолов двунадесять (некие из малороссийских писателей об оном же повествуют с тем, что будто б Хмельницкий тогда умышленно оставил то свое войско для того, что не во всем его козаки уже слушаться стали, ниже войны вести с поляками, но перестать хотели). Все оставшее то войско прибежало в Украйну, и, там уже собравшись, снабдили себя потребным, пришли паки к Хмельницкому и, будучи под Белою Церковью, немедленно послали еще просить орды в помощь свою.

По уходу козаков поляки стан их в добычу себе получают

Поляки, гнавшись за бегущими от них козаками, многих их по разным местам убивали и по возвращении своем, оставленный обоз и все, что в окопах их было, получа себе в добычу, разграбили, а пушки, снаряды и прочее орудие на Корону взяли. По сем советовали, чтоб козаков конечно совсем истребить и для того идтить бы за ними вслед всему войску польскому. Но посполитое рушенье сему возроптало, не хотело следовать далее, понеже немалый урон от войны той и от нужды, так равно и от недостатка в съестных припасах

уже имело, для чего определили только идтить двум гетманам, коронному и напольному, с войском наемным, достигать бы оным, следуючи в Украйну, козаков и истреблять их, а король пошел до Варшавы. Следующие же за козаками по пустым и разоренным местам в Украйне претерпели великую нужду.

ГЛАВА 19

О собрании Хмельницким паки войска козацкого. О наступлении на него поляков и о сражении их и перемирии. О бытии поляков по договору паки в Малой России и о удалении чрез то козаков от них. О нападении Хмельницкого за озлобление и непостоянство на поляков и о поражении и выгнании их из всей Малой России по осаде самого короля при городе Жванце, и примирении их. О вторичном послании в Москву о принятии в подданство Хмельницкого с войском и о пленении в Украйне людей и замысле ханском

Хмельницкий паки войско к себе собрал

Хотя Хмельницкий и побежден был, однако не лишился еще жизни и имел средство к избавлению себя от конечной погибели. Он, коль скоро уже был в Украйне своей, немедленно собрал паки то оставшее войско свое, и к тому числу набралось к нему вновь столько, что составилось у него оного число почти около 50 000 человек. К сему числу испросил еще он на помощь свою татар, коих к нему прибыло с Корогос-мурзою до 40 000.

О следовании поляков за козаками в Украйну и о смерти князя Еремея Вишневецкого

В исходе ж месяца августа пришли поляки под Паволочь, куда шед, хотя великую нужду от ненастья и во всех недостатках претерпели, но более всего прискорбно и жалостно им было, что лишились они тут своего лучшего предводителя, которого найсчастливейшим вождем и воином считали — князя Вишневецкого. Он по многих сражениях с козаками лишился тут жизни, что сочли подчи-

ненные за несчастливое предзнаменование сего похода своего. Они тело его отправили до гробов отчичей его, сами же готовились далее в поход, а литовцы за Днепр.

Хмельницкий с войском ожидает на себя поляков. Литовское войско следует и делает нападение на заставы козацкие и побивает их. Литовцы Любич взяли. Войско литовское, переправясь чрез Днепр, в Киеве селение сжет и разоряет

Хмельницкий же в то время стоял с войском своим при Масловом Ставе и с таким великим числом, что во удивление многих приводило, откудова те люди к нему набирались. Он быстрым оком смотрел на движения гетманские и на идущего к Днепру с литовским войском князя Радзивила [88], который пришел уже под Лоев, сделал в тамошнем краю, переходя чрез Днепр, на козаков, находящихся на заставах и на отводных караулах, нападение, а полки, определенные для содержания оных по Днепру, Черниговский и Нежинский, будучи под речками, как нечаяли от поляк себе нападения, считая себя всегда безопасными, так как поляков победители, находились чрез то прохладны и были от того в оплошности. Но когда уже о следовании оного войска с отводных караулов им знать дано, что литовцы переправились и еще переправляются чрез Днепр и делают на караулы нападения, тут вдруг нестройным порядком и безопасно побежал с полком своим черниговским полковник Небаба и с прочими противу устроившегося уже войска того литовского, которое, в растройности его увидя, разбило и порубило много козаков и старшин, Горкушу и Антонченка, а Небабу в полон взяло. Оставшие же, видя то, принуждены с полковником нежинским к Чернигову бежать и затвориться тамо. За оными последовал князь Радзивил и домогался взять их город, но по жестоком отпоре принужден был отступить и идти к Любичу, который отобрав и переправясь паки чрез Днепр, пошел к Киеву и, нашедь нижнее предместье оного, называемое Подол, впусте оставленный (ибо мещане, слыша о следовании к ним того неприятеля, выбрались из селения своего и поплыли судами на низ Днепра-реки с козаками к Переясловлю, к Черкасскому и иным городам, лежащим при оной реке; в городе ж остались только митрополит Киевский Сильвестр Косов в Софийском кафедральном монастыре своем с монахами да в Печерской лавре архимандрит Иосиф Тризна и прочие монастыри с братиею своею, терпя от литовцев оных немалые напасти и убийства), и прочее селение все выжгли, отколь послали семь хорунгов зараз в подъезд с вождем Анджулом. Оных, идущих назад с добычею, козаки, напавши, разбили и всю добычь их себе взяли.

О соединении польского и литовского войск, об оном и о силе козацкой гетманы польские и Радзивил услышавши, тотчас соединили под Фастовым свои обозы и войско. Оттоль пошли под Трилесье и город оный, взявши, огнем и мечом повоевали, а оттудова намерены были идти к Белой Церкви.

Хмельницкий с войском приходит к Белой Церкви. Поляки ищут у Хмельницкого мира. Негодование козацкое на Хмельницкого и поляк за неугодные им мирные статьи польские. Польское войско подступает под Белую Церковь для воевания с козаками

Между сим временем Хмельницкий перешел под Ольшанку, а оттоль под Белую Церковь, где тотчас облег весь город и занял берега по обеим сторонам реки Рось. Гетманы польские и князь Радзивил, видя пришедшее козацкое войско великое, начали между собою советовать и опасаться, потому что, во-первых, к прибавлению сил своих от Польши уже удалились, да и зимнее время наступающее 1652 году уже близко приблизилось, а от суровых непогодей измогает их войско. Для того присоветовали склонять Хмельницкого к успокоению и послали сего ради к нему Маховского с предложением мирным. Хмельницкий, получа оное, велел прочесть себе при всех своих полководцах и на оное не отрекся к миру, для чего дозволял к себе быть в Белую Церковь польским комиссарам. Начальники ж польские, учиня договоренные пункты и при том дав довольное наставление, послали комиссарами воеводу браславского Киселя, воеводу ж смоленского Григория Глебовича, подстолия литовского Гонсевского, подсудка браславского Косаковского. Во время же проезда их сквозь обоз, или стан козацкий, принуждены тут были великое себе ругательство сносить от козаков. И когда при всем собрании читаны были пункты о установлении мира, и дошло до статьи, чтоб гетман Хмельницкий отпустил татар от себя и войско б его не более 20 000 состояло, тут учинился великий ропот и шум от войска. Они приступили к Хмельницкому и кричали, говоря так: «Ты, гетман, хощешь только покой с поляками иметь и для того отступаешься от татар, а нас намеряешься полякам предать на мучение. Сие доколе еще сделается, положишь сам наперед голову и все с тобою поляки». При чем тотчас обступили весь замок целым войском и вознамерились как всех польских комиссаров, так и самого Хмельницкого убить. Видя Хмельницкий такое восстание на себя от черни, тотчас вышел к ним сам и с ним Виговский и все полковники их, и едва их могли уговорить и успокоить в их смятении. Под сей

самый случай сквозь бойницу башенную немного не убил Киселя стрелою татарин. О таком смятении и суровстве козацком комиссары уведомили своих гетманов, которые, между тем, стояли уже под Германовкою. Они тотчас вознамерились было всем войском своим идти выручать своих комиссаров, но прежде прихода их Хмельницкий отпустил оных и выпровожал их сам из города. Точию как скоро сквозь стан козачий проходить было стали, паки возволновались козаки и татары, ругали комиссаров и бросились на них, разграбили возы со всеми их пожитками, самих же их едва живы оставили. Услышавши гетманы о бесчестии оном, причиненном их комиссарам, подступили под Белую Церковь и стали своим станом, но на таком месте, где уже ни травы (за вытравлением татарами и козаками), ниже воды в близости и свободной не было, чего им без покупки, а паче без лишения людей своих, весьма доставать было неможно.

Хитрая посылка Хмельницкого до польских гетманов

Хмельницкий тотчас послал к гетманам польским двенадцать человек козаков своих с тем, будто бы они без ведома его пошли требовать от них, чтоб зборовские статьи были подтверждены попрежнему и ничем не нарушены, а паче всего, чтоб состояло козацкого войска 40 000, и что козаки дружбу разорвать с татарами не намерены.

Сражение поляков с козаками

Но гетманы польские, не приняв от них того предложения, отпустили козаков с роптанием и без ответу, сами ж, вооружась всею силою коронною и литовскою, приступили к козацкому стану, напротив чего и козаки с татарами выступя, тотчас с ними сразились и производили битву так, что с обеих сторон великий урон людям учинился, в коем числе со стороны польской знатнейший убит Волович.

Хмельницкий полякам о мире предлагает. Козаки нападают на стан польский и побивают многих. Устанавляется мир поляков и козаков

На другой день поутру послал Хмельницкий к полякам послом Рейтаровского, притворяясь, будто бы не ведал, по какой бы причине вчерашняя битва произошла, а для прекращения таковых ссор пред-

ставлял, не лучше ли установить между собою мир. Козаки ж и татары, между тем, окружили весь стан польский и сделали с ними битву и так жестоко, что, преодолев обои сии громады, коронное и литовское, побили у них людей много и, осадя их так, что они целые две недели принуждены терпеть великий недостаток в воде и для скота корма, от сего начали склоняться посредством киевского воеводы Адама Киселя к миру. Сей воевода во время сего примирения понес великий урон в людях и имуществе своем от татар. Гетманы польские, примирясь с Хмельницким, истребовали у него вновь, противу прежних мирных договоров, чтоб находиться войску оному польскому в Украйне, части одной в Браславле, около реки Бога, а другой — за Днепром, в полках Нежинском и Черниговском, литовскому ж — в Стародубщине. Хмельницкий никогда б сего не допустил, если б татары тогда ему к измене не сомнительны были, и для того, по самой нужде, под видом будто бы доброй дружбы, согласилея по их требованию и вновь мирные договоры подписал, однако ж с тем, чтоб козакам повольно из занятых поляками мест выходить и переселяться было можно. В прочем оставлено на прежних Зборовских договорах. А чтоб быть для совершения сего самому гетману у польских оных магнатов, взял наперед в свой стан взамен или в залог из знатных их господ Собеского и Потоцкого и был у них с полковниками своими трактован и отпущен безвредно, что было при наступлении 1652 году.

Поляки в Любиче от осады освобождаются. Войска по местам располагаются

В сей самый случай Любич находился с поляками в осаде от козаков, от которого, по замирении, Хмельницким велено отступить, и так войска, по договорам своим, разошлись: польские по назначенным местам, а козаки в свои домы. А именно: половина жолнеров коронных — около Браславля по Богу с коронным гетманом своим Калиновским, который на место умершего в ту осень Николая Потоцкого в тот чин удостоен, а другая часть с братом его родным — пожалованным на место его, польным гетманом Калиновским же, на другой стороне Днепра, около Десны реки по городам расположены, которых без всякого супротивления по универсалу гетмана Хмельницкого козаки во оные впустили, а польный Калиновский зимовал в городе Нежине. Войско ж литовское стояло в Стародубщине княжества Литовского.

Козаки выходят из своих жилищ, в коих полякам быть должно. С сих времен слободские полки начало свое возымели

Козаки ж, живущие в тех, занимаемых поляками, местах, оставили тотчас жилища и грунта свои, не хотя с ними вместе быть, повиноваться и подати платить им, но выходили из городов и местечек с пушками и со всеми воинскими снарядами своими, переселялись в другие места по городам и за Полтавою на порожних украинских и великороссийских сопределенных Малой России местах для поселения, с дозволения царского, между Днепром и Доном слободами селились. Которые ж не ускорили до прибытия поляк выйти из своих мест, тех, одержавши, обложили податьми и вымогали от них без упущения.

Убивство малороссиянам от поляк чрез вымогательство податей

Чрез оные подати в Вишневичах и в Липовом, когда поляки того от малороссиян усильно вымогать стали, а те им отнюдь давать не хотели, сделался великий раздор и битва, наконец, такая, что в самый день Воскресения Христова всех жителей поляки порубили.

Наказание Хмельницкого за ссоры и убивства

Также и в Миргородском полку козаки с поляками не согласны стали и из оного, когда гетману Хмельницкому дошла жалоба, принужден был исследовать и нашел, что раздор тот происходил от вымогательства наложенных податей. Но в удовольствие приносимой жалобы наказал старшин своих, тех, кои были в том раздоре причиною, а паче за то, что возмерились брать на себя начальство главное, как то, когда старший полковник шел с войском из-под Берестечка, назывался гетманом, за которое самозванство и без того намерен был того наказать, велел сего для смертию казнить. Между тем послал он к хану в Крым, призывая еще его с ордами к себе с тем, чтоб, конечно, опять выгнать из Украйны поляк, который в том ему и не отрекся.

Вящее сдирство польское с малороссийских поселян

Поляки, положась на Хмельницкого и видя, что не только чтоб чего взыскивать на них за разные происходимые от них и изобыклые жолнерские наглости, но и за разграбления и убивства козаков, и по великим из того ему приносимым жалобам уничтожая, якобы для них оставлял, тем злее, по снисходству его в том, к народу были. От чего народ, будучи под таким тяжким игом, стоная, воздыхал от несносных вымогательств, налогов и мучениев, роптал на гетмана своего в том, что по многим победам свободных украинских людей по-прежнему полякам в неволю отдал. Что слыша Хмельницкий об утеснении таком и жалобе народной, молча сносил, доколе приспеет ему время отомстить за оное полякам.

Посланье Хмельницкого к молдавскому господарю с тем, что будет ли дочь его отдана за его сына, а в противном случае угрожает. Господарь просит польского короля о учинении тому преграды. От короля войско выставляется при Батаве (Батоге?) для воспрепятствования того союза. Хмельницкий соединяется с ханом

Коль скоро ж в 1652 году [89] приспевало уже удобное время к собранию татар и войск его, то, предупреждая оное, отправил Хмельницкий посланного к молдавскому князю Василию Лупуле с тем, что желает ведать, выдаст ли ныне по обещанию дочь за сына его Тимоша? А если не намерен, то с целым войском сам к нему в гости будет. От сего пришел Лупула паки в ужас и все молдавцы, не зная, что начать. Послал сего для немедленно к королю польскому, прося да избавить его от такого союза, буде можно, каким препятствием. Король, снисходя такому прошению, велел выступить (новопожалованному на место умершего Потоцкого) коронному гетману Калиновскому с войском своим с тем, чтоб не допустить сына Хмельницкого в Молдавию для брачного союза его. Для чего и стал он с войском за Ладыжиным на Батаве (Батоге?), коего было с ним пехоты 3000, а конницы шесть тысяч, и занял оными путь к проходу за невестою. О чем Хмельницкий уведомлен и получил известие, что орда уже из Крыму выступила, чего по несносности от поляк нетерпеливо ожидал, не объявляя о сем и о намерении своем войску своему, но взяв только полки те, которые находились ниже Чигирина, пошел с ними в поля, сообщиться с ханом.

Войско литовское следует для соединения с польским

Коронный гетман, услышав, что татары уже следуют, перешед Днепр, в Украйну, тотчас сообщил о том брату своему польному гетману, чтоб он, собрав войско, расположенное в Нежине, Чернигове и по другим городам, как возможно найскорее с оными к нему для соединения сил поспешал. Который потому собрал полки свои и последовал, перешед Днепр, чрез Киев, но поляки и тут в пути своем немалые обиды поселянам делали.

Воевода киевский Кисель выезжает из Киева

Что видя, воевода киевский Адам Кисель, что будет из такого нашествия жесточае прежнего война и разорение Украйне, удалился сего ради из Киева с тем, дабы ни которая сторона в чем-либо на него не подозревала.

Хмельницкий спрашивает Калиновского, для чего путь заграждает сыну его следовать на свадьбу?

Следующая ж часть войска из-за Днепра к коронному гетману не ускорила, ибо, между тем, уже Хмельницкий, соединясь с ханом, поспешал до Калиновского на Батаву (Батог?) и, назначая поход свой, будто б идет к Днепру, послал письмо к Калиновскому, спрашивая оным: «Какой ради причины заступаете вы путь сына моего, который идет только до Молдавии для женитьбы своей? Какое бы в том подозрение иметь можно, и что бояре, по обычаю свадебному, зло делать вам могут? Только не сами ли вы лестным образом что со свадебным поездом сделать вознамерились или испытать того хотите? А если от оных вам что приключится, то в том тогда на себя пеняйте!»

Хмельницкий с татарами нападает на Калиновского и побеждает его с войском

Калиновский не мог еще ведать, где и в коих местах был Хмельницкий. Но вдруг и сверх чаяния увидев он татар, нападающих на обоз его, немедленно наступил и он на них с полками своими, оставя обоз позади неустроенный, и сразился с ними, прогоняя. Татары ж, умышленно отступая от поляк, отводили их от обозу за собою и так далеко, чтоб могли между тем козаки напасть на обоз и без дальнего труда им обладать. А как татары увидели, что козаки к ним подскорили, тотчас бросились на них так, что принуждены,

наконец, поляки отступать и поспешать к своему обозу, но с великим ужасом вдруг увидели весь свой обоз в пламе, не знали тут, куда бежать, и потому бросились к реке Богу на переправу. Калиновский, видя крайность такую, стал мужественно противу их с Приемским при пехоте, а с ними Собеский, староста красноставский. Но татары обще с козаками, напавши на них, поражали и убивали всех, в том числе самому Калиновскому татары голову отсекли и к Хмельницкому принесли, так равно и Собеского, старосту красноставского, и других побили, от чего редко кто из них спастися мог. По той причине, хотя иные на резвых конях лесами от татар было и ускакали, но за причиненные ими налоги и разорение в Украйне жители их, находя рассеянных, без всякой пощады убивали, прочие ж на переправе и в грязях перетонули. Попавших же в полон всех порубить было велено для того, чтоб войско, а паче татары, отягощены ими не были. Сами ж хан и Хмельницкий последовали под Каменец Подольский. Сын Калиновского, бежавши от козаков, в Бубновце на мосту обломившись, утонул. И так все войско польское на Батаве (Батоге?) погибло, и воздалось полякам за Берестецкую победу над козаками.

Польские помещики в Украйне от мужиков истребляются

Чрез сию победу также немало панов, прибывших в свои украинские маетности, то есть поместья, пропало, ибо их же подданные оных побили. Козаки ж, кои из жилищ своих для поляк было повыходили, многие, по победе той, назад в домы свои возвратились. Гетман Хмельницкий, расположась при Каменце, много урону сделал под Заславьем по Волыне и, удовольствовав, наконец, орду ясырем, отпустил их в домы, а сам в Чигирин пошел.

Поляки бегут в отдаленные места по слуху о неприятеле

Поляки, слыша о таковой победе над своими и пленении с ужасным их разорением, тотчас все из ближних тут мест убравшись за реку Случь, а оттоль и за Вислу, в тамошние крепости и к приморским местам, к Гданску побежали, чаючи, что такая ж на них победа пришла, какова была Корсунская.

Поступки Хмельницкого над поляками

В сие время, как повествуют молороссияне, за все оказываемые от поляк неправды и огорчения, а паче за Берестецкую победу,

Хмельницкий, по разбитии их под Батавой (Батогом?) и по набрании великого числа плена около Заславья, прогнавши премножество их за Случь-реку и Львов, найчувствительнейше отомстил им и сверх того тем, что пойманными поляками, запрегаючи их в плуг, великие поля в тамошних местах взорал и посеял на оных местах жолуди дубовые, чтоб оные произросли в потомственную память, что, выросши потом лесом, проименовалось от козаков Лядским гаем, то есть польскою рощею, которым именем и доныне там живущие оный называют. При том он твердил, гнавши их за Случь-реку: «Помни, ляше, что по Случь — наше».

Прибытие Тимоша Хмельницкого в Ясы для женитьбы

По окончании выше описанной победы Хмельницкий послал из Чигирина сына своего Тимоша в Молдавию жениться на дочери молдавского князя Василия Лупула, который выдать ее по обещанию принужден был, боясь Хмельницкого за тем, что с сыном следовало к нему 12 000 козаков конных. Когда князь молдавский услышал о приближении к Ясам Тимоша, тотчас выслал его встретить дворянство свое, а в городе сам с боярами своими его принял, и так той же осени свадьба та совершилась с великим пированием и веселием, с чем Тимош и возвратился в дом благополучно.

Малороссияне выгоняют жолнеров из Стародубщины

В оное ж лето, по побеждении поляк, в севере живущие, то есть в Стародубщине, посполитые люди выгнали всех находящихся там жолнеров польских, как то из тамошних городов: Стародуба, Почепа, Мглина, Дракова и из прочих мест, и многих побили, чем Малороссия на то время от поляк была очищена.

О побуждении Хмельницкого на Польшу бывшим сенатором их Радзиевским

Но тем бедствия для Польши были еще не окончены, понеже и от внутренности восставало зло на своясы, ибо Радзиевский, сенатор, от канцелярии отставился (неведомо по какой причине), бежал в Швецию и оттоле писал к Хмельницкому с тем, чтоб храбро всегда ополчался противу Польши и мужественно бы стоял за себя и за свою Малороссию, потому что и король шведский хочет быть козакам помощником, чем его и всю Украйну возбуждал яростнее на брань.

Послание Хмельницкого к королю

Коль скоро ж гетман Хмельницкий в своей город Чигирин в осени начала 1653 году прибыл, тотчас послал к королю польскому Яну Казимиру посланцев своих с жалобою на коронного гетмана польского Калиновского и на все его войско с тем, что воспящали путь сыну его Тимошу, идущему в Молдавию к князю Василию Лупуле жениться на дочери его, и что не давали ему и козакам, бывшим при нем, не только воды и травы, ниже места земли, где б им стать было можно, чего сам Всевышний как благим, так и злым не возбраняет. От чего при шествовании его с боярами мимо того польского стана произошла немалая ссора и побоище, за которое просил, как свадебным вольным людям, его величества прощения.

Король, видя, что Хмельницкий тем только насмехался явно, положил сего для на оное послание к нему не ответствовать и возвратил посланных козаков к Хмельницкому без всякого ответа.

Вторичное послание к королю

Хмельницкий, не смотря на то, послал еще к королю с тем, прося, чтоб прощено то было, что свадебные учинили и разогнали войско, представляя при том, что обычай таков веселых бывает, которого потому и воспрепятствовать им было не можно, за что он службою и верностию своею впредь наградить обещался, только бы присланы к нему были для установления спокойствия комиссары.

От короля к Хмельницкому посылаются договорные статьи, но оные опровергаются от него с угрозами

По сему уже от польской стороны посланы к нему были те самые, кои были прежде, во время сей войны, на земле Зацвилиховым (?) комиссарами ж, так же и от черни с таким, однако ж, договором: требовать велено было, чтоб, во-первых, Хмельницкий, если милости и прощения королевского себе совершенно хощет, от дружбы и помощи татарской отрешился; во-вторых, дал бы для лучшей о себе имоверности всей Польше в залог сына своего. Но коль скоро Хмельницкий сие услышал, так озлился, что, взявшись за саблю свою, сказал: «Доколе еще сие в руках моих, да не будет сего! От сего времени вы, поляки, не будете более ругаться мною. Ведаю довольно, что вы всячески ищете меня погубить, и для того невозможно и не отступлю от дружбы татарской, кольми паче, чтоб я дал вам сына моего в залог, который притом только что оженился; оставить сего ради жены своей ему весьма невозможно. Другой же в малолетстве еще, коему

от родителей отлучиться так же трудно. Сие дело иным образом начать должно: пускай король ваш утвердит наперед клятвою Зборовские пакты, которые мы и доныне саблями пишем!» Слышав сие, комиссары возвратились с оными вестьми из Чигирина в Польшу.

Хмельницкий со искушением своих старшин полагает намерение отдаться туркам в подданство. За возроптание на то старшин казнит Хмельницкий

По отшествии ж их Хмельницкий начал еще пещися о целости всей Украйны своей, понеже Россия вспоможение делать ему до времени отрекалась. А дабы Польша, усилившись, ускорить того времени не могла, то, предупреждая оное с тем, чтоб мог остаться при своих авантажах и выгращах над ней, делал сего для вид, якобы намерен был еще послать к султану и будто б хотел доставить Порте Украйну и Польшу в их владение за то только, дабы дано ему было на сей случай от турок вспомогательное войско. Сие коль скоро услышали некоторые полковники его, тотчас на него из оного вознегодовали. Из них же первые были: миргородский Максим Гладкой, чежинский Григорий Гуленицкий [90], кои поносили его изменником и предателем своим для того, что вознамерился, от христианского начальства отведши Украйну, предать вольных людей в турецкое порабощение, что сведавши, Хмельницкий тотчас велел, яко возмутителей общества, Гладкого взять и отсечь ему голову. Гуленицкий же, уведав о сем, бежал и скрылся в неизвестном монастыре, а Хмельницкого [91], поймавши в Паволоче, так же отсечением головы казнил.

Польское нападение на Украйну. Побеждаются поляки

О таковом раздоре как услышал король польский, тотчас послал Чернецкого с войском на Украйну, который, как скоро вошел во оную, во-первых местечка Клинцы, Липовцы и Погребище огнем и мечом, так и многие села и деревни, разорил. О чем услышавши, Хмельницкий послал Богуна полковника с козацким войском противу его, коего, дошедшего до местечка Монастырища, осадил Чернецкий и, облегши его во оном месте, возгорелась тут с обоих сторон жестокая битва и с немалым уроном, в коем числе тогда убит с козацкой стороны славный сотник Дрозденский, а с польской сам Чернецкий из ружья пулею в лицо прострелен. Богун же, между тем, выбрал несколько сот лучших козаков и, нарядя их татарским убором, обвел их позад неприятеля и велел напасть на них с тылу. Поляки, увидевши оных, ужаснулися, думая, что татары козакам на помощь пришли, и потому не только от Монастырища отступили, но и совсем, оставя свой обоз козакам в добычь, из Украйны побежали.

Послание царское в Польшу с требованием своего удовольствия в поношении его чести, и дабы всю Малороссию оставили в покое и веры их не нарушали, с угрожением за пренебрежение того. Поляки послание царское пренебрегают

Россия долго, терпя, смотрела на обращения польские противу Малой России и на все их несправедливости против оной, и что без всякого удовольствия оставляет в поношении чести и унижении царский титул его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича. Сего ради он еще послал в Варшаву на сейм к королю польскому Яну Казимиру полномочных своих великих послов, бояр, наместника великопермского князя Бориса Алексеевича Репнина и наместника муромского князя Федора Федоровича Волконского с товарищами, с тем предложением, что за учиненные его царскому величеству бесчестия и укоризны в силу королевских грамот, по сеймовому уложению и по конституции, так же и по установленным договорам его величество не мог еще изождать себе подлежащего удовольствия, которого по всем правам исполнить бы уже надлежало. Его царское величество, по великодушию своему, вместо оного предлагает, чтоб король, его величество, примирил вражду противу гетмана Хмельницкого и всех козаков Войска Запорожского с тем, однако ж, чтоб по Зборовскому договору и на веру греко-российскую гонения более не было, также и унию из Украйны вывесть, за что его царское величество, если все то совершенно исполнено будет, вины тех, кои причиною в поношении его величества чести, отпускает и от смерти, прощая, освобождает. В противном же случае должен будет за честь свою монаршую и за веру свою стать и защищать в том удрученных своих однозаконцев. Послы требовали на то точного ответа, но король предложение оного от послов вменил ни во что и отпустил их с грубостию, без всякого благопристойного отпуска и ответа.

Сын Хмельницкого Тимош пошел с войском на волохского князя Радула за тестя своего, молдавского князя Лупула, и выгнал Радулу из Яс. Радула побеждает Тимоша. Тимош от приступных в Сочаве убит

В оном же году, с начала лета, Тимош Хмельницкий ходил с козацким войском своим на Валахию. А вина тому была следующая: Радул, воевода волохский и мунтянский, с князем Ракоцием угорским послали войски свои на тестя Тимошева молдавского князя Василья Лупула и изгнали с Молдавского господарства его, наводя причину за то, что будто бы Тимош во время свадьбы своей у него хвалился с ним, что они со временем купят от Порты турецкой Волох-

ское и Мунтянское господарство и примут под свою державу, наипосле чего не отстоится от них и Венгерское княжество. За которое изгнание Тимош Хмельницкий пришел до Яс с 7000 козаков и с ним полковник Николай Федоренко на помощь тестю своему, Лупуле, отколе выгнал всех, находящихся тут угров и мунтян и побил их множество, тестя ж своего посадил в Ясах по-прежнему на господарство свое. Но по сем Радул, князь волохский, собравшись силами своими и призвавши к тому опять Ракоция, князя угорского, с войском его и поляк на помощь свою (чего сии последние желали), победили Тимоша, Лупулу князя выгнали и одержали Ясы. Тимош, отступая от силы той, дошед с княгинею, тещею своею, до замка сочавского, затворилися в оном с козаками своими, но и во оном Радул и Ракоций с поляками его осадили и жестоко домогались одержать его. Наконец, судьбою, пушечным ядром Тимошу отбило ногу, от чего и умре. Козаки от сего пришли в смятение: одни вознамерились было сочавской замок сдать венгерцам, а другие хотели до последнего человека обстоивать оный, к чему и княгиня, отложа свою женскую немощь, мужественно с ними ж вооружилась и всех уговорила, чтоб стоять в храбрости всем единодушно. Токмо увидели, что помощи им ниоткудова ожидать не можно было, а потому, с твердым и клятвенным договором от угров и поляк, замок сочавский и со всем имуществом, что в нем было, им сдали, потом и сами вышли безвредно и пошли с княгинею в Украйну до Хмельницкого, и тело сына его везли с собою, также и ротмистра Могелницкого связанного, который с поляками напал было на княгиню и привесть к королю хотел, но по побитии всех поляк сам в плен попал.

Хмельницкий о смерти сына своего умалчивает. Хмельницкий под видом помощи сыну своему идет с войском. А чтоб не допустить Хмельницкого в Молдавию, для препоны тому король с войском своим стал при Жванце

Сей удар Хмельницкому был несносен, когда услышал о смерти сына своего еще до приезду княгини и до привозу тела сыновнего, и что помогали в той войне князю Радулу поляки, в отомщение чего рассуждал, вымышляючи, каким бы образом отплатить полякам за оное. И, наконец, как скоро собрался с многими силами своими, разгласил в первых, будто б не ведал еще о смерти сына своего и о сдаче замка сочавского, а идтить намерен с войском своим к Сочаве на помощь, и сим обманом ввел короля с поляками следовать под Жванец. Местечко оное весьма малое и скудное. Хмельницкий же продолжил время к походу своему, наджидая тем, доколе поляки восчувствуют голод и стужу, а король, возжелав неотменно Хмельницкому путь в Молдавию воспрепятствовать, стал сего для при Жванце, а о Хмельницком, где он тогда находился, не ведал.

Кончина киевского воеводы Киселя

В оное лето 1653 скончался воевода киевский Адам Кисель, муж благочестивый, веры греческого исповедания и поборник оныя, при том сладкоглаголивый и приятель Украйне, рода Святольда, бывшего в 1128 году князя российского.

Хмельницкий, сообщась с ханом, окружает при Жванце и держит его в осаде

Между сим временем Хмельницкий соединился с ханом, оставя часть войска своего под Черниговым, а именно: полки Нежинский, Переясловский и Черниговский, против войска литовского, которое находилось тогда станом своим под Речицею, придав им несколько мурз с татарами и всех оных подчинив шурину своему полковнику нежинскому Ивану Золотаренку [92], пошел сам с силами своими и с татарами под Каменец Подольский, а оттоль до Жванца, имея с поляками частые схватки. Тут, вдруг окружа их, осадил так, что им, наконец, из стана своего и выглянуть невозможно стало, чрез что сделался у них преужасный голод, такой, что чрез оный в короткое время от 15 000 пехоты не более 4000 осталось, также и конницы весьма много от меча и голода пропало.

Хмельницкий понудил короля с собой примириться

Король, видя себя в такой гибели, послал к хану уговаривать, обещая ему дары великие за то только, чтоб оставил войну на случай оный. Но хан сказал, что доколе король не удовлетворит довольным числом сребром и златом за труд его и доколе зборовские статьи козакам не утвердит присягою, не хотел меча своего в ножны вложить. Тогда поляки и неволею на все согласились, они обязались хана требуемым всем удовольствовать и зборовские статьи козакам утвердить, чего ради, во уверение всего исполнения того, дали хану в заклад сенаторов двух — Лянцкоронского, воеводу русского, и Олесницкого, подкомория сендомирского. И так поляки сим случаем едва с ушьми в Польшу возвратиться могли. Сия Жванецкая победа стоила им вдесятеро противу Берестецкой над козаками.

Хмельницкий с общего согласия третично посылает в Москву с тем, что угодно ли будет их в подданство российское принять?

Гетман, видя, наконец, такие обстоятельства, что хан только прибытки свои чрез войну оную наблюдает и сыскивает, и что чрез

оный только татарский обман и хищничество, а обществу украинскому совершенное разорение происходит, сего ради с общего согласия приговорил, для пресечения оного и для установления в Малой России тишины и спокойствия послать еще в Москву с тем, чтоб испросить от царя и великого князя московского себе неотменно уже покровительства и защиты и, будет ли на то высочайшее соизволение, то прислать бы можно было от целого Войска Запорожского послов с просительною отпискою. А для вероятия в том, если послание оное милостиво принято будет, благоволено б было кого угодно к нему в Малую Россию прислать для вернейшего доставления до его величества государя царя в Москву, с чем и послан был нежинский полковник Григорий Гуленицкий. На сие в Москве объявлено было, что они совершенно и скоро оставлены не будут.

Хан, следуя в Крым, пленяет в Польше и в Украйне людей и разоряет селения

Хан, хотя и взял от короля двух сенаторов в заклад себе, но не был еще тем доволен; он, возвращаясь от Жванца до Крыму своего, пустил загоны татар своих в края польские и от самых рек Припети, Пены и далее бесчисленное множество людей бедных в полон побрал. Как повествуют, шляхетские целые домы и целыми супружествами мужей, жен и детей обоего пола, всего всех до 5000, в бусурманские руки пошли. Тут горестное стенание, плач, рыдания и вопль происходили, какого и описать не можно. Там было жен обругание, девиц растление, вязание немилостивое, от голоду и жажды удручение, смерть видимая и страх внутрь сердца несносный был. Не менее же и тем, кои взяты со всею свадьбою, бывшею тогда у Косовского, шляхтичей, шляхтянок, сватов, свашек и девиц шляхетных, с музыкою и со всем поездом свадебным, и погнаны в татарскую неволю. Сам же хан, поссорившись с Хмельницким за несоглашение в его прихотях, в Крым следуя, на Украйне подобно так же множество местечек, сел и деревень пленил и брал полон с собою, а другие и совсем мечом и огнем разорял, и хотел всех козаков погубить и тем понудить, чтоб с ним единомысленны были войну начать противу России. Этим хотел только раздражить Московское государство, дабы восстать на Украйну, почему б и он с татарами и с поляками тогда, приступя и окружа оную с трех сторон, во изнеможение привел бы, а, наконец, соединившись с ними, поляками и с Ордою, напал бы на россиян и оных, поработя, в подданство привел или, совсем разоря то, Богом спасаемое, царство, паки Астраханское в первое бытие и могутство восставил бы и в нем воцарился.

Примеч. *Малороссийская история повествует, что тремя днями прежде победы Батавской (Батогской?) в ночи на небе видны были звёзды с метлами, то есть с долгими лучами, коих якобы некая рука держала, а потом те метлы в мечь превратились рукоиманием к востоку, а острием на обоз польский.*

В другую же ночь видно было на небе вооруженное воинство, сражающееся и прогоняющее один другого.

Почему не только небо гибель полякам предзнаменовало, но и земля об оном предвозвещала, как то прежде сего одним днем, будучи под Ладыжиным, из-под камня дух некий, призывая людей, возвещал: «Идите и скажите гетману польскому, чтоб отшел отсюда или оберегал бы себя крепко; приходит близко пьяница: он свиреп весьма, обрежет бороду Калиновскому; да остерегался бы, чтобы и голове его то ж не досталось!» Глас оный многие слышали, но в смех обратили.

Предвозвещали же и прогностники по затмению солнечному бывшему того 1652 году апреля 7 числа в знаке Тельца, что будет опустошение земли польской, гладь, пожары, бури и наводнение рек, а паче всего мор, что Божием попущением и был тогда весьма великий от Троицына дни до самой глубокой зимы, чрез что не только домы, но и многие городы, а паче села и деревни опустели, люди оставляли по той смертоносной язве селения свои и бежали в лева и пустыни, избегая тем от наглой смерти, а звери между тем обитали в жильях, вырывали и терзали тела человечьи.

В оном 1652 году и в Украйне было моровое поветрие, как то в Корсуне и других городах и поветах, так равно и за Днепром, в Переясловле и приселках его, в Носовке, в Прилуках и в прочих местах, кроме Нежина, где людей весьма много вымерло, и чрез то немало домов опустело.

Малороссийская ж история при сем повествует, что в начале лета 1653, считая по церковному счислению, с самого сентября месяца в 14 число случилось быть в городе Конотопе чуду, ибо от самого первого году и начала Хмельницкого с Польшею войны, по избежании для сохранения жизни своей от мятежников из Малороссии всех поляков, оставался только в конотопском замке на уряде безсходно польский староста Сосновский с женою и с пятью детьми своими. Когда ж коронного гетмана Калиновского на Батаве (Батоге?) с войском Хмельницкий разбил, то и за Днепром, сведавши об оном, тотчас польских старост, приставов и шляхт многих оставшие тамо малороссияне побили ж, в котором числе и Сосновского того в Конотопском замке с женою и с четырьмя детьми убили, а тела их в колодезь там пометали. Оное происходило о Троицыном дне. Колодезь тот был глубиною в десять сажен, и лежали те тела в оном колодезе в воде даже до дни Воздвижения Животворящего Креста Господня. В тот самый день неведомым действием вдруг колодезь оный наполнился водою, и с собою подняло наверх находящиеся в оном те-

ла, вверженные в него, которых видя народ на поверхности воды невредимых, сочел сие за чудо, и коль скоро взяли их с воды, то тотчас вода в колодце уменьшаться стала и в короткое время пришла по-прежнему в свою меру. Все оное делалось в присутствии многих людей; тела ж погребли близ колодца оного.

ГЛАВА 20

О совершенном принятии по третичном послании в Москву гетмана Хмельницкого со всею Малороссиею и всего Войска Запорожского в подданство российское, и на то учиненные договорные статьи и жалованные грамоты, и об объявлении от царя московского полякам войны и наряде к тому войск

Хмельницкий, собрав Раду, объявляет еще всем свое желательное намерение, чтоб конечно отдаться в вечное подданство российскому государю, на что все и согласились

Но Бог воспяти лукавые коварства, обратил в иной путь и поставил так, как было Ему известно в неисследимом Его совете, потому что предвидел уже Хмельницкий и знал наперед, в какой конец татары дают ему помощь и что тем более своей корысти от обоих сторон ищут, нежели христианам добра желают, так как — их природные враги от сущего племя агарянского. К сему и то Хмельницкому известно было, что хан некогда обещался королю по-прежнему Польше покорить Украйну. Всего сего избежания ради, усильно вознамерился третично просить у российского двора с тем, чтоб принять его и всю Украйну в подданство и покровительство его царского величества неотменно. Для чего немедленно собрал всех старшин и полковников своих к себе, и усоветовавшися с ними, об оном при собрании потом рады, или сбора войска своего, объявил им с тем, что, как известно уже всем, какие налоги и бедствия терпят они от поляк и какие чрез то тяжкие войны с ним происходили, притом и то не безизвестно уже, что и союзник их, хан крымский, подкупом от них на польскую сторону передается, единственно для того только, чтоб их и всю Украйну наперед истощить, а потом и Польшу, приведши в изнеможение, самому обладать и сделаться повелителем их и прочим, того ради положили есми намерение подлинное, препоруча себя, отдать в вечное подданство прямому всея России наследному и православному царю и великому князю московскому, да

им защитимся от римлян, поляк и от бусурман, татар и турок, и тех избавимся, и будем свободны от всякого их порабощения и неволи. На что все единодушно согласились и сказали, да пошлют с прошением еще до царя московского с тем, чтоб принял их в подданство и покровительство свое навеки.

По вышеупомянутому всего войска приговору Хмельницкий посылает к царю в Москву посланцами старшин своих о совершенном принятии их всех в вечное подданство российское

И по сему тотчас Хмельницкий послал, при самом начале 1654 года[93], паки в Москву к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу нарочных с челобитьем: старшину Григория Гуленицкого и писаря войскового Ивана Виговского с товарищи, прося, чтоб принял всю Малороссию его и все Войско Запорожское в вечное свое твердое владение, подданство и покровительство и тем бы освободил из-под ига и неволи польской. А для подлинной в том имоверности и утверждения присягою их прислал бы государь бояр своих к нему, кого ему угодно, и в залог принял бы от них город Киев и Белую Церковь.

Челобитье Малороссийское охотно царем приемлется

И хотя по первому и второму прошению Хмельницкого об оном не успевало, затем что имелся тогда у России с Польшею твердо установленный мир, которого нарушить без важной причины было невозможно, точию, когда уже поляки подали повод к нарушению оного союза, в самое то время подоспело сие третичное от Хмельницкого челобитье, по которому его царское величество уже изволил охотно то принять.

Собрание всего российского духовного и мирского сигклита к царю на совет о приеме в подданство Малой России

И для того октября в 1 день, призвав к себе святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, митрополиты, архиепископы и освященный весь Собор, притом бояр, околничих, думных людей, столников, стряпчих, дворян московских, жилцов выборных посадских, кои все сии последние были выборные ж, и в Грановитой палате с ними об оном советовать изволил и представлял им то, что в прошлых и во оном, 1653, году к нему, государю царю и великому

князю, гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское били челом с большим молением и прошением тем, что король польский со всеми своими панами, войском и Речью Посполитою на святые Божие церкви и на православную христианскую веру греческого закона восстали и гонение начали делать великое: святые восточные церкви во многих местах запечатали, а в иных унию учинили, их же Войско Запорожское начали от истинного православного закона греческого исповедания отлучать и неволить к своей римской папежной вере, всякое гонение и поругание делают нестерпимое. За что Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское, соединясь вкупе, за святые восточные церкви и за православную веру греческого закона противу короля и польских и литовских людей восстали. От чего король польский с панами, воинством и вся Речь Посполитая с ними с гетманом Богданом Хмельницким и всего Войска Запорожского козаками под Зборовом помирились и присягали на том, чтоб королю, панам, войску и всей Речи Посполитой святые восточные церкви не разорять и на веру греческого исповедания не наступать, и им, козакам и всем православным христианам, гонения не делать, так равно и к своей римской вере не принуждать. Но после того миру король, паки и все общество их, в присяге своей не устояли: которые церкви в договоре написаны из унии отдать, по-прежнему оных не возвратили, а которые немногие церкви и отданы были, и те отняты опять в унию, и хотят церкви греческого закона совсем, как равно и веру оную, истребить. Для чего, собрав войско свое на них, многие города, местечки, села и деревни разорили, церкви святые обругали и осквернили, и пусты учинили и греческого закона духовных и мирских людей многих невинно замучили, и всякое злое поругание делали. А потому чтоб его величество гетмана Хмельницкого и все Войско Запорожское пожаловал, видя их погибель, над ними умилосердился, велел их принять под свою царскую высокую руку с городами и с землями, чтоб православную веру и святые церкви гонителям их и клятвопреступникам разорить не дать. А они ему, великому государю царю и великому князю всея России, хотят служить и за него, государя, против всякого неприятеля стоять вовеки.

Соизволение царское о принятии черкас [94]

И сие государем царем всему сигклиту своему объявлено будучи, и то, что царское соизволение его есть, чтоб восприять совершенное заступление за единозаконцев своих, черкас, и, защитя их, принять под свою царскую руку в державство, так как издревле принадлежащих российским государям и отчину свою, и тем церковь и веру православную от поляк, как равно Войско Запорожское от угнетения их всех и напрасного кровопролития и разорения земли, а паче от поругания веры, заступить, и на оное требовал от присутствующих с ним

их мнения, на что все, слыша сие, согласно его величества благоволению согласовались и к скорейшему исполнению его царской воли подтвердили.

На то следует повеление царское

По чему государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея России самодержец, указал принимать гетмана Богдана Хмельницкого с полковниками, писаря войскового со всеми старшинами и козаков, как равно Киев и иные города, коими гетман и все Войско Запорожское владеют, и живущих в них черкасских людей, мещан и все посполитство ко утверждению навсегда верными быть, к присяге привесть ехать боярину Василью Васильевичу Бутурлину да стольнику Ивану Алферьеву, и думному дьяку Лариону Лопухину.

Послы Хмельницкого представлены царю

А 4 числа для объявления у государя царя были в золотой палате присланные от Хмельницкого посланники, при чем пожаловал из стольников в окольничие Ивана Васильевича Алферьева.

Объявление послам о принятии их в подданство

И указал государь думному посольскому дьяку Алмазу Иванову им объявить свое государево жалованье, что гетмана Богдана Хмельницкого и Войско Запорожское пожаловал велел их принять под свою государеву высокую руку и посылает для того к ним своего царского величества ближнего боярина и наместника тверского Василья Васильевича Бутурлина да окольничего и наместника муромского Ивана Васильевича Алферьева, и думного дьяка Лариона Дмитриева сына Лопухина.

Объявление войны противу Польши

А для обнародования, что Польша причиняет всякое притеснение и неправду черкасам, живущим в Малой России, а паче, что истребляют церкви и веру православную и силою приводят их в унию и холопство, также за поношение поляками чести и унижение царского титула, и что оставлено королем на требование российских послов по сеймовому уложению и по конституции, и по установленным грамотам и договорам без всякого удовольствия, указал государь 5-го числа при присутствии своем, объявить в соборной

Успенской церкви за то Польше войну с церковным молением, чтоб Всевышний даровал на врагов его и его подданных победу и одоление, для чего тут же велено было заблаговременно собрать силы российские и приступить оным к рубежу неотменно мая к 20 числу, а оттоль уже назначенным к той войне боярам и воеводам вступить с войсками в Литву и промышлять там над литовскими людьми и городами, при котором случае те самые, коим быть при той войне главными начальниками, удостоились быть у царской руки, и с тем отправлены ко исполнению дела того, о чем, для ведома, государь писал с жалобою и к цесарю, и к королю шведскому, так равно и к прочим дворам.

Отправление послов царских и Хмельницкого в Малую Россию для принятия всего войска в подданство свое присягою

А 9-го числа также в Успенской соборной церкви, по совершении молебного пения, боярин Бутурлин, окольничий Алферьев и думной дьяк Лопухин, так равно и посланники Хмельницкого, были у его величества руки ж и отправлены в малороссийские Черкасы к гетману Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому с тем, чтоб всех там под царскую руку принять и в верности к присяге привесть, и в том подписками утвердить. А при том его величество с ними послал свою жалованную грамоту, знамена, булаву и прочие войсковые клейноты с тем, если во всем беспрекословно по воле монаршей гетманом Хмельницким и всем Войском Запорожским исполнено будет, пожаловать их теми войсковыми знаками, и приемлются под высочайшую державу его царского величества всероссийского так, как истинные сыны отечества, в вечное подданство и покровительство.

Со оными послами посланы были, а именно:

с Бутурлином — стольники князь Григорий Григорьев сын Ромодановский, князь Феодор Никитин сын Борятинский, Феодор Володимеров сын Бутурлин, Михайла Михайлов сын Дмитриев, князь Алексей Юрьев сын Звенигородский, Василий Яковлев сын Колтовский, Василий Петров сын Кикин, стряпчий Михайла Петров сын Воейков; дворяне князь Данила Матвеев сын Несвицкий, князь Василий Дмитриев сын Горчаков, Денис Петров сын Тургенев;

с окольничим Алферьевым — стольник Иван Степанов сын Телепнев, стряпчие Тимофей и Андрей Ивановы дети Спасителевы, дворяне Иван Степанов сын Исленьев, Федор Богданов сын Глебов, князь Семен Никитин сын Болховский, Максим Савинов сын Ладыженский;

с думным дьяком Лопухиным сын его, стольник Левонтий Ларионов сын Лопухин.

Да при двух первых послах с приказом голова стрелецкий Артемон Сергеев сын Матвеев.

Особые воеводы посылаются в Киев

По отправлении ж боярина Трубецкого и окольничего Алферьева с товарищи послал государь декабря 18 числа, для принятия в свое управление, в Киев, в осадные, бояр своих — наместника ростовского князь Федора Семеновича Куракина, наместника ж галицкого князь Федора Федоровича Волконского да дьяка Андрея Немирова, и к руке при отправлении их удостоил.

По прибытии послов в Переясловле собрана Рада, и с присягою в подданство российское отдаются

Хмельницкий же, коль скоро об оном сведал, тотчас прибыл сего для в город Переясловль и туда для великих оных послов собрал всех своих старшин, полковников, сотников и разного звания начальников, также и козаков, и во оной Раде, по прочтении и объявлении к ним присланной царской грамоты и по принятии жалованных знамен и прочего, а начальникам всем — соболи, охотно учинили того ж часа всем обществом своим, в церкви Успения Пресвятыя Богородицы, при присланных от государя, в истинном желании своем быть вечными подданными его царскому величеству всероссийскому и наследникам его, присягу 1654 году генваря в 6 день. И тотчас по всем полкам разослали стольников с приданием к ним козаков, дабы как козаки все, так и войты со всем посполитством учинили на вечное подданство, что по всей Украйне живущие все россияне присягою ж себя утвердили и вечно под российскую державу охотно отдалися [95].

Которые города при посланных всем народом своим присяги учинили, тому посланные сделали опись и по возвращении своем оную сообщили боярам.

Уведомление царю от послов о принятии Войска Запорожского с городами в подданство

По окончании того дела боярин Бутурлин и окольничий Альферьев с товарищи послали к государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея России с стрелецким головою Артемоном Матвеевым, с тем, который, прибыв генваря 18 дня к его величеству, бывшему тогда походом в селе Хорошове, письменным донесением государя уведомили, что по его царскому указу как гетмана со

всеми его старшинами, так равно и все Войско Запорожское со всем поспольством, с землями и городами под державу его величества с описью приняты и в том присягою утверждены. А сколько городов ведомства Войска Запорожского в их бытность в подданство отдались, приложили при том роспись нижеследующим порядком:

полку Браславского	—	31 город
Белоцерковского	—	19 город
Корсунского	—	19 мест
Черкасского	—	5 мест
Переясловского	—	11 мест
Нежинского	—	16 мест
Миргородского	—	12 мест
Киевского	—	22 места
Черниговского	—	7 мест
Кропивянского	—	9 мест
Полтавского	—	15 мест

А всего: 166 городов.

За вышеписанную услугу и за исполнение дела февраля 9 дня послал государь следующим обратно из Черкас, к боярину и наместнику тверскому Василью Васильевичу Бутурлину с товарищами, с своим царским жалованием, с милостивым словом и о здоровье спрашивать стольника Алексея Иванова сына Головина.

Объявление, что царь сам изволит идти войною на короля польского

А 14 числа указал государь в Москве всем своим главным и меньшим чиновникам и всему войску своему, кои были для военного действия противу Польши назначены, и всем подданным своим торжественно объявил, что за многие его величеству обиды и поношения и за все неправды и присяжное преступление изволит государь сам идти войною на польского короля, и поход его будет с Москвы на Троицын день мая 14 числа, и для того чтоб всем полку его величества собраться к Москве на срок мая к 1-му числу, а прочим бы на рубежах к уреченному дню.

Хмельницкий, отдавшись в подданство, посылает просительные челобитные грамоты к царю с посланником своим

По исполнении ж выше писанной присяги и описи в подданстве Хмельницкий поехал в свой город Чигирин и отправил оттоль как

тех присланных от государя царя и великого князя Алексея Михайловича, так при том и своих посланных людей, а судью войскового, именно Самойлу Богдановича, да полковника переясловского Павла Тетерю с товарищами к государю царю и великому князю того ж году февраля 17 дня со всеми подданическими двумя грамотами своими просительными о пожаловании и подтверждении им прежних их прав и вольностей всему Войску Запорожскому, с чем посланные и прибыли в Москву в марте месяце и имели счастие 12 числа самолично представленным быть и при том посланные с ними грамоты подать и челобитствовать его царскому величеству самому, а помянутым боярам подали от себя статьи. В каковых же содержаниях грамоты и статьи, со оных здесь точные списки приобщаются.

Челобитна Хмельницкого первая

Божиею Милостию Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому и Великому Князю Тверскому, Киевскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных, Государю и Великому Князю Новагорода Низовския земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому, и всея Северныя страны Повелителю, и Государю Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских князей, и иных многих Государств Государю и Обладателю, Вашему Царскому Величеству, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское низко до лица земли челом бьет.

От многих лет многочастне мы, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, борющеся с ляхами и нашествия их отражающе, помощи от Бога искахом и грамотами и посланниками нашими ко пресветлому лицу благочестивого Царя, Твоего Царского Величества, челом били и молили, дабы нам, Православным Христианам, быти под крепкою и высокою рукою Бога Всемогущего и Царя благочестивого, Твоего Царского Величества. И ныне Бог всеведущий и ведаровитый неизреченными судьбами божественными единого двое се сотворил и ляхов, наших врагов, гордыню их смирил, и совет благ в сердце Царево, Тебе, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея России Самодержцу, Твоему Царскому величеству, вложил, что Твое Царское Величество поревнова по Боге Вседержителе и по вере Православно-Восточной и вожделеется в церквах Божиих и местах святых, и о народе российском и о благочестиво христианском умилосердися, и нас, Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорож-

ского, и все Войско Запорожское, и весь мир Православный Российский, пожаловать ущедрити, защитити и под крепкую и всесильную руку свою Царскую всеконечно прияти изволил милостиво. И едва ближний твоего Царского Величества боярин и наместник Тверский Василий Васильевич Бутурлин, окольничий и наместник Муромский Иван Васильевич Алферьев да думной дьяк Ларион Дмитриев Лопухин по указу Твоего Царского Величества с грамотою к нам приезжали и милость неисчетную Царскую нам возвестили, и знамена войсковые и жалованье великое Твоего Царского Величества нам отдали, и разговор пространный о всяких делах с нами учинили, и неизреченно нас обрадовали, и в то время мы, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, и весь мир Христианский, в городах, селах и деревнях начальные и чернь, непорочно Христа Бога нашего заповеди последующе, по-доброму, воистинно ненужному соизволению нашему, ничто же лукаво в сердце имуще, Тебе, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея России Самодержцу, Твоему Царскому Величеству, веру совершенную учинили есмы и никаков извет имели есмы от Царей окрестных, которые искали нас к себе присовокупити, мы, не радевше оных, яко о неверных, вседушне Тебе, единого благочестивого Государя Царя нашего, Твое Царское Величество, избравше, возлюбилисмо и всем сердцем и силою, и помышлением прилепились к Твоему Царскому Величеству.

Сего ради дерзаем неисчетной милости Твоего Царского Величества да еще, аще просить что учнем у тебя, Великого Государя нашего, Твоего Царского Величества, надеемся получити, словеси бо Царскому, Твоего Царского Величества, всячески веровахом, как нас тот же ближний Твоего Царского Величества боярин с товарищи увещал и уверял и на той вере нас непоколебимых утвердил. Для того посланников наших, Самойла Богдановича, судию войскового, и Павла Тетерю, полковника Переясловского, с товарищи к пресветлому лицу Твоего Царского Величества с сею грамотою нашею отпускаем и просим, дабы им Твое Царское Величество праведны свои очи показати и милостиво ухо приклонити изволил, и молений наших не презрил, и что они учнут говорить и молить у Твоего Царского Величества, изволил их Твое Царское Величество выслушати милостиво и нас, Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, и весь мир Христианский Российский, духовных и мирских людей, во всяком чину сущих и милости от тебя, Великого Государя нашего, Твоего Царского Величества, ищущих, пожаловать ущедрить и права, уставы, привилегии и всякие свободы, и державы добр от духовных и мирских людей, во всяком чину и преимуществе сущих, елико кто имеявше от веков от Князей и панов благочестивых и от Королей Польских, в Государстве Российском наданны, от них же мы кровь свою проливаем, от дедов и прадедов, тыя содержаще и пагубе не попускающе, просим

и до лица земли упадающе велико просим Твоего Царского Величества, изволь, Твое Царское Величество, утвердить и своими грамотами Государскими укрепити на веки, таково бо Государское Твоего Царского Величества слово нам тот же ближний Твоего Царского Величества боярин с товарищи обещал; и больше сих дел, рече, одержите от Великого Государя, Его Царского Величества, егда воспросите, большими вас, рече, свободами, державами и добрами пожаловать Его Царское Величество, паче Королей Польских, Княжат древних Российских, точию челом бейте и верно служите Его Царскому Величеству. Вторицею убо и третицею до лица земли Твоему Царскому Величеству припадающе, молимся, дабы нам вся сия, елико просим ныне и просити учнем впредь, получити от Тебя, Великого Государя нашего, Твоего Царского Величества, дабы мы, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, все Войско козацкое и весь мир Православный Российский, во всяком чину и обладательстве живуще и о неисчетной милости и пожаловании Твоего Царского Величества обрадовались и обвеселились, и Тебе, Великому Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, усердно прияли, и прямо и верно служили до кончины живота нашего, и за Твое Царское Величество на всякие враги и супостаты крепко ополчалися и кровь свою проливали, а точию Богу Небесному верили и поклонялися и Царю единому под солнцем благочестивому, Твоему Царскому величеству, повиновались и покорялись в роды и роды до века. А Твое Царское Величество под кровом крылу твоею, как орел гнездо свое покрывает и на птенца своя вожделе, изволь нас, верных слуг и подданных своих, милостию своею от всех враг наших ненавидящих, обидящих и ратующих нас покрывати, соблюдати и крепкою рукою и ратию своею Царскою защищати, и повсегда в милости своей премногой сохраняти паки просим и паки Твоего Царского Величества просим. Множайшая в грамоте не суть писано, посланники наши вся изрекут тебе, Великому Государю, Твоему Царскому Величеству, а мы себя в глубокую милость и неизреченные щедроты Твоего Царского Величества ввергше на веки, Господа Бога, Царя Превечного, молим, дабы Ваше Царское Величество не пресветлых престолах пресветлого Царства Российского многолетствовати и благополучно долгоденствовать, и всех Царей земных подручники имети сотворил, отныне и до века усердно желаем. Писано в Чигирине месяца февраля 17 числа 1654 року.

Вашему Царскому Величеству прямые подданные, найнижайшие и верные слуги Богдан Хмельницкий, Гетман, с Войском Вашего Царского Величества Запорожским.

Челобитна вторая

Божиею Милостию Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, Владимирскому, Московскому, Новгородскому, Царю

Казанскому, Царю Астраханскому, Царю Сибирскому, Государю Псковскому и Великому Князю Тверскому, Киевскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иных, государю и Великому Князю Новагорода Низовския земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому, и всея Северныя страны Повелителю, и Государю Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных многих Государств Государю и Обладателю, Вашему Царскому Величеству, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское низко до лица земли челом бъем.

Граждане с города нашего украинского, Переясловского полку, с самого Переясловля, учинивши непорочные Христа Бога нашего заповеди, веруем тебе, Великому Государю нашему, Царскому Величеству, ныне челом бити учиняют и милости в Твое Царское Величество, дабы их Твое Царское Величество пожаловати изволил и права их, привилегии и свободы, которые имеют от древних Князей и Королей Польских, подтвердить изволил, и грамотами своими Царскими укрепил на веки. О которых и мы, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, ходатайство и поспешество наше приносим пред Тебя, Великого Государя нашего, Твое Царское Величество, и молимся усердно пресветлому лицу Твоего Царского Величества, дабы моление их Твое Царское Величество не презрил, но, милостивно послушав, исполнити изволил. Они же, от Твоего Царского Величества таковое пожалование и милость великую получивши, прямо служити и верно прияти тебе, Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, будут повеки. И мы, Богдан Хмельницкий, Гетман, и все Войско Запорожское, ходатайство наше в событие пришедшее увидевши, возрадуемся о сем и благодарственная Твоему Царскому Величеству воздадим: а ныне, в премногую благодать Государскую Твоего Царского Величества тех же граждан переясловских вручивше, и себя в премногия щедроты Твоего Царского Величества всею душею вметаем на веки. Из Чигирина 17 февраля 1654 году.

Твоему Царскому Величеству прямые и верные слуги и подданные Богдан Хмельницкий, Гетман, с Войском Вашего Царского Величества Запорожским.

В письме, каково прислали к ближним боярам, боярину и наместнику казанскому князю Алексею Никитичу Трубецкому, к боярину и наместнику тверскому Василью Васильевичу Бутурлину, околничему и наместнику каширскому Петру Петровичу Головину и думному дьяку Алмазу Иванову, Войска Запорожского посланники Самойла Богданович да Павел Тетеря с товарищи в 1654 году марта в 12 день, написано:

Письмо боярам, поданное от послов Хмельницкого

Бьют челом Великому Государю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, и многих Государств Государю и Обладателю, Его Царского Величества Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, и весь мир Христианский Российский, чтоб Его Царское Величество пожаловал, и о чем посланники их бить челом будут, а они Его Царскому Величеству во всяких его Государевых повелениях служить будут вовеки, и что на которую статью Царского Величества изволение будет, то б подписано статьями.

Сии последующие пункты говорены от послов

1-е прошение

Чтоб в городах урядники были из их людей выбираны к тому достойные, которые должны будут подданными Царского Величества удержати и доходы всякие вправду в казну Царскому Величеству отдавать, для того, чтоб Царского Величества воевода не учал правы ломать и уставы какие чинить, и чтоб нам не было в великую досаду, а как здешние их люди где будут старшие, то они против прав своих учнут исправлять исправно.

Боярский ответ

О сей статье Царское Величество пожаловал велел быть по челобитью: в городах бы урядникам, войтам, бурмистрам, райцам, лавникам и доходы всякие денежные и хлебные сбирать на Царское Величество и отдавать в Его Государеву казну тем людям, которых Царское Величество пришлет, да тем же присланным людям и над теми сборщиками смотреть, чтоб делали правду.

2-е прошение

Писарю войсковому, по милости Царского Величества, 1000 золотых польских для подписков давать, а на судей войсковых по 300 золотых польских, а на писаря судейского по 100 золотых польских, на писаря да на хорунжего по 50 золотых, на хорунжего сотницкого 30 золотых, на бунчужного Гетманского 50 золотых.

Ответ

Царское Величество пожаловал велел быть по их челобитью, а давать те деньги из тамошних доходов.

3-е прошение

На писаря и на судей войсковых на два человека, и на всякого полковника, и асаулов войсковых и полковых чтоб по мельнице для прокормления, что расход имеют великий.

Ответ

Царское Величество пожаловал велел быть по их челобитью.

4-е прошение

На поделку снаряду, войска и пушкарей и на всех работных людей, которые у наряду бывают, чтоб Царское Величество пожаловал изволил учинить Царское Величество свое милостивое призрение как в зиму, так и во осенях, такожде и на обозного пушечного 400 золотых, а на хорунжего пушечного 50 золотых.

Ответ

Царское Величество пожаловал велел быть по их челобитью и деньги давать из тамошних доходов.

5-е прошение

Послы, которые издавна к Войску Запорожскому приходят из чужих краев, чтоб Гетману и Войску Запорожскому, которые к добру были, вольно принять, а только б что имело быть противно Царству Его Царского Величества, то должны они Царскому Величеству извещать.

Ответ

По сей статье Царское Величество указал послов о добрых делах принимать и отпускать, а о каких делах приходили и с чем отпущены будут, о том писать к Царскому Величеству подлинно и вскоре, а которые послы присланы от коего будут Царскому Величеству с противным делом, и тех послов и посланников задержать в войске и писать об них о Указе к Царскому Величеству вскоре ж, а без Указу Царского Величества назад их не отпускать, а с Турецким Салтаном и с Польским Королем без Указу Царского Величества не ссылаться.

6-е прошение

О Митрополите Киевском посланникам изустно наказ дан, а в речах посланники били челом, чтоб Царское Величество пожаловал велел дать на его маетности свою Государскую жалованную грамоту.

Ответ

Царское Величество пожаловал Митрополиту и всем духовного чина людям на маетности их, которыми они ныне владеют, свою Государеву жалованную грамоту дать велел.

7-е прошение

Чтоб Царское Величество изволил рать свою вскоре прямо к Смоленску послать, не отстрочивая ничего, чтоб неприятель не мог справиться и с иными совокупиться, для того, что войски ныне принуждены, чтоб никакой лести не верили, если б они имели в чем делать.

Ответ

Царское Величество изволит на неприятеля своего, на Польского Короля, идтить сам и бояр и воевод послать со многими ратьми по просухе, как конские кормы учнут быть.

8-е прошение

Чтоб быть немного люду зде по рубежу от ляхов для всякого бесстрашия с 3000, или как воля Царского Величества будет, хотя и больше.

Ответ

Царского Величества ратные люди всегда на рубежи для Украйны обереганья есть и впредь стоять учнут.

9-е прошение

Обычай тот бывал, что всегда Войску Запорожскому платили, бьют челом и ныне Царскому Величеству, чтоб на полковника по 100 ефимков, на асаулов полковых по 200 золотых, на асаулов войсковых по 400 золотых, на сотников по 100 золотых, на козаков по 30 золотых давать.

Ответ. От Его Царского Величества Указ

В прошлых годах присылал к Царскому Величеству Гетман Хмельницкий и все Войско Запорожское и били челом многажды, чтоб Его Царское Величество их пожаловал для Православныя веры Християнския и святых Божиих церквей, за них вступился и принял их под свою Государеву высокую руку, и на неприятелей их учинить им помочь, и Великому Государю, Его Царскому Величеству, в то время под свою Государеву высокую руку приняти было вас неможно, потому что у Его Царского Величества с Королями Польскими и Великими Князьями Литовскими было вечное окончание. А что ж их Королевские страны Царского Величества отцу, блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю, Михайле Феодоровичу, всея России Самодержцу и многих государств Государю и Обладателю, и деду Его Государеву, блаженныя памяти Великому Государю, Святейшему Патриарху, Филарету Никитичу, Московскому и всея России, и Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея России Самодержцу, Его Цар-

скому Величеству, учинились многие бесчестия и укоризны, потом по Королевским грамотам, по сеймовому уложению и по конституции, и по посланным договорам Царское Величество ожидал исправления, а Гетмана Хмельницкого и все Войско Запорожское хотел с Королем Польским помирить чрез своих Государевых великих послов тем способом, буде Ян Казимир Король учинит с ними мир по Зборовскому договору и на Православную Християнскую веру гонения чинить не учнет, и униатов всех выведет, и Царское Величество винным людям, которые за Его Царскую честь довелись смертныя казни, вины их хотел отдать и о том посылал к Яну Казимиру королю своих Государевых великих и полномочных послов — боярина и наместника Великопермского князя Бориса Алексеевича Репнина и Оболенского с товарищи, и те Царского Величества великие и полномочные послы о том мире и о поступках Короля в полной Раде говорили всякими мерами, и как Казимир Король и послы Рады ни на которую меру не сошли и то великое дело поставили ни во что, и тех Царского Величества великих и полномочных послов отпустили без дела, и Великий Государь наш, Его Царское Величество, видя такие с Королевской стороны многие неисправления и грубости, и неправды и хотя Православную христианскую и всех Православных от гонителей и хотящих церкви Божия разорити и веру Христианскую искоренити, от латын, оборонити, под свою Государеву высокую руку вас принять, а для вашей обороны собрал русские и немецкие, и татарские рати многие, идет сам Великий Государь, Его Царское Величество, на неприятелей Христианских и бояр своих и воевод шлет со многими ратьми, и на тот ратный строй по Его Государеву Указу роздана Его Государева казна многая, и ныне им, посланникам, о жалованье и о Войске Запорожском говорить, видя такую Царского Величества милость и к ним оборону, не довелось. А как был у Гетмана Богдана Хмельницкого Государев ближний боярин и наместник Тверской Василий Васильевич Бутурлин с товарищи, и Гетман говорил с ними в разговорах о числе Войска Запорожского, что учинить 60 000, а хотя б, де, того числа было больше, и Государю, де, в том убытку не будет, потому что они жалованья у Государя просить не учнут. Да им, Самойлу и Павлу и иным людям, которые в то время при Гетмане были, про то ведомо ж, а что в Малой России в городах и местах каких доходов, и про то Царскому Величеству неведомо, и Великий Государь наш, Его Царское Величество, посылает доходы описать дворян. А как те Царского Величества дворяне доходы и всякие прибыли опишут и сметят, и в то время о жалованье на Войско Запорожское по рассмотрению Царского Величества Указ будет. А ныне Царское Величество жалует Гетмана и все Войско Запорожское, хочет послать своего Царства жалованья по давним обычаям предков своих, Великих Царей и Государей и Великих Князей российских, гетману и всему Войску Запорожскому золотыми.

10-е, продолжение пунктов

Крымская орда, если бы имела вкинутися, тогда от Астрахани и от Казани надобно на них наступить, такожде и донским козакам готовым быть, а ныне еще в братстве дать сроку и их не задирать.

Ответ

Царского Величества Указ и повеление на Дон к козакам послано, буде крымские люди задору никакова не учинят и на них ходить и задору чинить не велено. А буде б крымцы задор учинили, и в то время Царское Величество укажет над ними промысл чинить.

11-е прошение

Кодак город на рубеже от Крыму, в котором Гетман всегда по 400 человек держит и кормы всякие им дает, чтоб и ныне Царское Величество пожаловал кормами и порохом к наряду изволил под строй, и те так же и на тех, которые за порогами Коша берегут, чтоб Царское Величество милость свою изволил показать, понеже нельзя сего без людей оставить.

Ответ на оное

О той статье Царского Величества милостивый Указ будет впредь, как про то ведомо будет, по скольку на них запасов посылывано, и сколько будет доходов в сборе на Царское Величество.

А что в письме ж вашем написано: как Великий Государь наш, Его Царское Величество, Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское пожалует, свои Государские грамоты на вольности ваши дать велит,— тогда вы смотр меж собою учините, кто будет козак или мужик, а в том числе Войска Запорожского было б 60 000, и Великий Государь наш, Его Царское Величество, на то изволил, тому числу списковым козакам быть велено, и как вы, посланники, будете у Гетмана Богдана Хмельницкого, и вы б ему сказали, чтоб он велел козаков разобрать вскоре и список себе учинил, да тот список за своею рукою прислал к Царскому Величеству вскоре.

На другой день целое собрание бояр повелели послам подать их дополнительные требования

Но того ж марта в 13 день посланникам Хмельницкого велено было по указу царскому быть в казенный двор у господ бояр — у боярина и наместника тверского Василья Васильевича Бутурлина и окольничего и наместника каширского Петра Петровича Головина, да думного дьяка Алмаза Иванова, и оных спросить именем его царского величества в том, что они, будучи у его царского величества,

били челом, о чем его величеству Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское чрез них челобитствовать наказывали, об оном его царское величество от них указал им выслушать и им бы, о чем просили, все объявили.

Послы подают дополнительные пункты боярам

На оное генеральный судья Богданович и полковник Тетеря подали боярам статьи, объявляя при том, что, о чем, де, его царского величества гетман Хмельницкий и все Войско их Запорожское нам велели у его величества просить, об оном челом бьем здесь нашими статьями:

1.

О вольностях, как прежде всего бывало, чтоб им вольно было гетманов и полковников, сотников и иных старшин выбирать меж себя самим, а кого они выберут, о том пришлют вид государю, и судиться бы им меж себя своим правом.

2.

В которых больших городах будут государевы воеводы, и в тех городах для судов и расправы были бы рядники их козацкие, и судиться им, шляхте и козакам, и мещанам, по своим правам, а государевым бы воеводам их не судить. А буде кому их суд козацкий будет нелюб, а похочет дело свое перенесть к государеву воеводе, и в то время государев воевода меж ими расправу учинит по своему рассмотрению.

3.

Чтоб Войска Запорожского учинить их в 60 000 и государево жалованье на Войско Запорожское давать, и то назначить на сколько тысяч, и давать в то время, как они где будут на его государевой службе, по его государеву изволению, а не для своей обороны, и отведены будут где на чужие краи.

4.

Буде государь всему Войску Запорожскому своего государева жалованья давать не изволит, иноб пожаловал государь велел дать свое государево жалованье полковникам, асаулам, судьям и сотникам из тех же доходов, из которых прежде сего давано; а прежде сего давано им из королевских доходов жалованье полковникам по 300, сотникам по 100, рядовым по 30 золотых польских человеку, и чтоб во всяком полку было по мельнице.

5.

Шляхта благочестивыя христианския веры, которые служат в Войску Запорожском, чтоб им повелено было маетностями своими владеть по-прежнему и судить по своим стародавним правам.

6.

Об откупах и закладных маетностях, буде кто кому что отдал в откуп или маетность заложил, а за прошлым военным временем те откупщики откупов не сдержали, а ныне люди по закладным маетностям не владели, и тем бы всем людям поволить и ныне те урочные годы откупы и маетностьми додержать и с тех откупов и с закладных маетностей до тех мест, как им урочные лета отойдут, на государя доходов собирать не велеть.

7.

Чтоб государь указал быть в их козацких городах из их же людей, которые б были люди знатные и верные и права их козацкие знали, на государя доходы всякие сбирали, и только, де, государь тому быть не изволит и укажет быть в их черкаских городех своим государевым воеводам и приказным людям, иноб у доходов сборщикам их же людям, потому как учнут доход сбирать на государя их люди козаки, и хотя кому покажется тяжело, а досадовать за то не будет, для того что учнут делать по их же правам.

8.

Чтоб государь пожаловал велел дать гетману на булаву, что надлежит, город Чигирин и иные места.

9.

Прежде сего бывало на Войско Запорожское королевское жалованье из его королевских доходов, на строение, на починку пушек, на порох и на свинец, чтоб и ныне государь их пожаловал велел на то строение давать, что его государево изволение будет.

10.

Чтоб тем людям и лошадям, которые бывают по нарядам, давать в зимнее время прокормление и покою кормные места в их же черкаских городах, где пригоже.

11.

Чтоб государь пожаловал велел дать свои государевы жалованные грамоты в Войско Запорожское на монастырские и на церковные, и на шляхетские, и на козацкие маетности на хартии, за своею рукою и государевою печатью большою.

12.

Чтоб государь пожаловал побитых и умерших козаков жен и детей велел им жить на старых их местах и поборов бы с них никаких, покаместь они к службе поспеют, имать не велел.

13.

Велел государю бить челом гетман Богдан Хмельницкий, чтоб государь пожаловал велел свою государеву жалованную грамоту дать митрополиту Киевскому на его митропольные маетности, чтоб ему маетностьми его владеть по-прежнему свободно.

14.

Чтоб государь указал быть своим государевым воеводам в больших городах, в Киеве да в Чернигове, а в иных бы городах воеводам не быть. А буде ж государь и во всей Малой России своим государевым воеводам быть не велит, а прикажет ведать гетману по-прежнему, и гетман учнет присылать к государю казну по всякий год, сметя, сколько доведется, по местным делам.

15.

А буде государь изволит, то гетман и Войско Запорожское учнут государю доход давать с Войска Запорожского против того ж, как збирает турский салтан с венгерской и мунтянской и из волохской земли, сметя сметить делом, а переписать бы те все доходы и в смету положить, кому государь укажет, своему государеву человеку.

16.

Бьет челом государю гетман Богдан Хмельницкий, буде учнут приходить к нему с которых пограничных земель посланцы о больших делах, и он, де, гетман, тех посланцев учнет посылать к государю, и о тех делах, о чем они к гетману присланы будут, что государь им укажет? А буде учнут приходить о малых делах, и государь бы тех посланцев поволил принимать и отпускать ему, гетману, а в жалобы того не поставить.

17.

Которые запорожские козаки небогатые люди ходят на промыслы для рыбной ловли на низ и тем, назад приходя, кормятся, на те же промыслы ходят украинских городов и мещане и в том им чинят помешку, и государь бы их пожаловал, мещанам в те промыслы ходить и в том им помешки чинить не велел.

18.

Король Владислав устроил на устье Днепра город Кодак для того, чтоб им, запорожским козакам, нельзя было ходить на Черное

море, и ныне же в тот город, Кодак, посылает гетман для оберегания козаков по 400 человек, и чтоб государь пожаловал велел тем козакам давать свое государево жалованье, деньги и хлеб для того, что там им, будучи на Украйне, без жалованья прокормиться нечем.

При сем пункте посланникам бояре говорили, что «гетман и полковники и великих чинов люди государю на подданство веру учинили, а запорожские козаки, которые живут в самом Запорожье, веры не учинили, чтоб гетман велел и тех козаков к вере привесть на государево имя».

На то посланники отвечали: «в Запорожье живут козаки малые люди, и то из войска переменные, и тех, де, в дело почитать нечего, а кошевого, де, туды старшину посылает гетман.

19.

В Войску Запорожском Трехтемировский монастырь войсковой, а надлежит, де, к нему река Самара и маетности, и чтоб государь пожаловал велел им тем всем владеть по-прежнему.

20.

Чтоб государь указал прислать своих государевых ратных людей к Смоленску вскоре, чтоб польским и литовским людям собраться и исправиться не дать и учинить бы им с той стороны помешку, а то им ведомо уже, что все белорусцы, православные христиане, под государевою высокою рукою быть желают и его государевых ратных людей ожидают.

Ответ на оный пункт

На сей пункт отвечали бояре, что «у государя собраны рати многие, конные и пешие, и указал государь быть для обережения и помочи о приходе польских людей на Украйне от них Войска Запорожского городов боярину и воеводе Василью Борисьевичу Шереметеву с товарищи со многими ратными, и посылку с гетманом помочь учинить ему на поляков велено, а к Полоцку указал государь послать своих государевых боярина и воеводу ж Василия Петровича Шереметева с товарищи со многими ратми ж, а во Брянск указал государь послать бояр и воевод князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи и с конными и пешими многими людьми, также и в иные места по государеву указу будут на оное воеводы с большим собранием. А на смоленские и оршанские места хочет царское величество идтить сам, своею государскою персоною, а с ним, государем, будут цари и царевичи, которые у него, государя, служат, и бояре, и воеводы, и ратные, и конные, и пешие самые большие люди и учнут над польскими и литовскими людьми промышлять и неправды их им мстить, сколько ему Бог помочь даст».

В дополнение послы говорили

Посланники на то им говорили, что то, де, царское величество чинит по своему государскому милосердному обычаю, хотя православное христианство из неволи неверных высвободить, а хотя и война минется, а на границе войску всегда надобно быть государевым людям для всякого бережения с 5000 человек.

По сем бояре вопрошали

Как Гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское Царскому Величеству веру учинили, что им быть под Его Царского Величества высокою рукою, и после того от Крымского Хана послы у Гетмана были ль, и буде были, то сколь давно и о чем приходили, и с чем отпущены, так же и от Гетмана посланы в Крым: для чего посланы, сколь давно и не чаять ли от Крымского Хана с Польским Королем соединения и на Войско Запорожское войны?

Ответ посланников

От Крымского Хана послов и посланников у Гетмана не бывало, а Гетман послал к Хану посланников своих для того объявления ему, что он, Гетман, и все Войско Запорожское учинились под Государевою высокою рукою на веки, а он, Крымский Хан, в дружбе с ним, Гетманом, и Войском Запорожским будет ли. И будет Крымский Хан в дружбе с ними, и Государь бы указал послать свое Государево повеление к донским козакам, чтоб они в то время, пока Крымский Хан с ними в дружбе, на крымские улусы не ходили и задоров никаких не чинили, а буде Крымский Хан в дружбе с ними по-прежнему не будет, и в то б время указал Государь воевати крымские улусы донским козакам и астраханским, и казанским, татарским и калмыцким ордам.

Вопрос

У Польского Короля окрестных которых от Цесаря или Папы, или от Венгерского, или от иных от кого прибыльных ратных людей нет ли, и буде есть, то много ли?

Ответ

На то посланники отвечали, что им про то неведомо.

Вопрос

От Волохского и от Мунтянского присылки к Гетману бывали ли, и буде были то сколь давно и о каких делах?

Ответ

Венгерский Ракоц и Волохский владетель, проведав, что гетман учинился под Государевою высокою рукою, писали к Гетману, чтоб

он с ними был в дружбе, а они с ним, Гетманом, и Войском Запорожским в дружбе и в любви быть рады, и который был посланник запорожский в венграх задержан, того отпустили назад с честию и с большими подарками, а от Мунтянского присылки ни о чем еще не было.

Вопрос

Ведомо Государю учинилось, что нагайские мурзы с улусными людьми кочуют близко его, Государевых, черкаских, Полтавы и иных городов, и буде кочуют и которые мурзы, и присылка от них к Гетману бывает ли и в каких делах, и смирно ли кочуют, и нет ли от них какова дурна?

Ответ

Присылали к Гетману Большого и Меньшего Нагаю мурзы татаров послов своих с тем, буде Крымский Хан в дружбе с ним будет и они тому рады, а буде, хотя Крымский Хан от него, Гетмана, и отступит, то они, нагайцы, с ним, Гетманом, и всем Войском Запорожским будут в соединении и от них не отступят. Да и к Государю те нагайские мурзы и татары послов своих прислать хотели ж, а в которое время тех послов к Государю приходу чаять, про то ведомо будет в то время, как их крымские посланники из Крыму назад поедут и про то объявят, похочет ли Крымский Хан с ними в дружбе быть или нет.

Вопрос

Польские и литовские люди не наступают ли, и буде наступают, то на которые города и многие ли люди?

Ответ

Про наступанье польских многих людей не слыхали, а в Шаргороде стоит полковник Окунь с немецкими людьми и присылает в окольные деревни для живности, а Гетман войска послать на них без Государева указу не смеет, а выгнать их моцно можно. Да к Гетману прислал Хорунжий Коронный Конецпольский, чтоб ему позволить в маетностях его, в козацких городах, имать живность. Но Гетман ему в том отказал, что он уже учинился под государевою рукою со всем Войском Запорожским и с городами, и с землями, и ему без Государева указу учинить ничего не можно.

Бояре при отпуске из палат повелевают послам подать прошение свое на письме

Бояре, посланников отпускаючи на подворье, велели подать те речи их на письме, что и подали, и при том прошение ж или статьи гетманские.

Послы подают* ПРОШЕНИЕ *письменно

Божиею Милостию Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя России Самодержец, и многих Государств Государю и Обладателю, Твоему Царскому Величеству.

Мы, Богдан Хмельницкий, Гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, и весь мир Христианский Российский до лица земли челом бъем.

Обрадовася вельми с пожалования великого и милости неисчетной Твоего Царского Величества, которую нам изволил Твое Царское Величество показать, много челом бьем Тебе, Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, служити прямо и верно во всяких делах и повелениях Царских Твоему Царскому Величеству будем вовеки. Только просим вельми, яко и в грамоте просили есьмы, изволь нам, Твое Царское Величество, в том во всем пожалование и милость свою Царскую указати, о чем посланники наши от нас Твоему Царскому Величеству будут челом бить.

1.

В начале изволь, Твое Царское Величество, подтвердити права и вольности наши войсковые, как из веков бывало в Войске Запорожском, что своими правами суживалися и вольности свои имели в добрах и в судах, чтоб ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступалися, и от старшин своих чтоб товарищество сужены были: где три человека козаков, тогда два третьего должны судити.

Решение

Сей статье указал государь, и бояре приговорили: быть так по их челобитью.

2.

Войско Запорожское в числе 60 000 чтоб всегда полно было.

Решение

Указал государь, и бояре приговорили: быти по их челобитью 60 000 человек.

3.

Шляхта, которые в России обретаются и веру по непорочной заповеди Христовой Тебе, Великому Государю нашему, Твоему Царскому Величеству, учинили, чтоб при своих шляхетских вольностях пребыли и меж себя старшин на уряды судовые обирали, и добра свои и вольности имели, как при Королях Польских бывало, чтоб и ныне, увидя таковое пожалование Твоего Царского Величества, скло-

нились под область и под крепкую и высокую руку Твоего Царского Величества со всем миром Христианским. Суды земские и градские чрез тех урядников, которых они сами себе добровольно изберут, исправлены быть имеют, как и прежде сего; тако ж шляхта, которые казенную свою имели по крепостям на маетности тогда, и ныне чтоб или им поплачено, или на маетностях довлады дано.

Решение

Сим статьям указал государь, и бояре приговорили: быть по их челобитью.

4.

В городех урядники из наших людей чтоб были обираны на то достойные, которые должны будут и подданными Твоего Царского Величества справляти или удержати, и приход надлежащий в правду в казну Твоего Царского Величества отдавати.

Решение

Указал государь, и бояре приговорили: быть по их челобитью. А быть бы урядникам, войтам, бурмистрам, райцам, лавникам и доходы денежные и хлебные, и всякие на государя сбирать им и отдавать в государеву казну тем людям, которых государь пришлет, и тем людям, кого для той сборной казны государь пришлет, над теми сборщиками смотреть, чтоб делали правду.

5.

На булаву Гетманскую что надано, со всеми принадлежностями Министерство Чигиринское [96] *чтоб ныне для всего ряду пребывало.*

Решение

Указал государь, и бояре приговорили: быть по их челобитью.

6.

Сохрани, Боже, на нас, Гетмана, смерти, понеже всяк смертен, без чего не может быть, чтоб Войско Запорожское само меж себя Гетмана избирали и Его Царскому Величеству извещали, чтоб то Его Царскому Величеству не в кручину было, понеже тот давный обычай войсковой.

Решение

Государь указал, и бояре приговорили: быть по их челобитью.

7.

Имений козацких чтоб ни на что не отнимали, которые земли имеют, и все пожитки с тех земель чтобы при тех имениях добровольно владели, вдов, после козаков оставших, чтоб и дети их такие ж вольности имели, как предки и отцы их.

Решение

Государь указал, и бояре приговорили: быть по их челобитью.

8.

Писарю войсковому чтоб по милости Его Царского Величества 1000 золотых для подписков, так и мельниц для прокормления, что великий расход имеет.

Решение

Быть по их челобитью и давать из тамошних доходов.

9.

На всякого полковника чтоб по мельнице, для того что расход великий имеют. Но когда милость будет Твоего Царского Величества, и больше того, чем Твое Царское Величество пожаловать изволит.

Решение

Государь пожаловал — по их челобитью да будет.

10.

Также на судей войсковых по 300 золотых и по мельнице, а на писаря судейского по 100 золотых.

Решение

Государь пожаловал по их челобитью, а про судей спросить, сколько судей?

11.

Также есаулам войсковым и полковым, что на услугах войска завсегда обретаются и хлеба пахать не могут, по мельнице бы им было, просим Твоего Царского Величества.

Решение

Государь пожаловал по их челобитью.

12.

На поделку снаряду воинского и пушкарей и на всех людей работных у снаряду просим Твоего Царского Величества, изволь имети свое Царское милостивое зрение, яко о зиме, тако и о сенях, такожде и на обозного 400 золотых.

Решение

Государь пожаловал велел давать из тамошних доходов.

13.

Права, наданные из веков от Князей и Королей духовным и мирским людям, чтоб ни в чем не нарушены были.

Решение

Государь пожаловал велел быть по тому.

14.

Послы, которые из века из чужих земель приходют к Войску Запорожскому, чтоб господину Гетману и всему Войску Запорожскому, которые к доброму, вольно принять, чтобы то Его Царскому Величеству в кручину не было; а что бы имели противу Его Царского Величества, быть должными Его Царскому Величеству извещати.

Решение

Государь указал, и бояре приговорили: послов о добрых делах принимати и отпускати, а о каких делах приходят и с чем отпустят, и о том писать к государю. А которые посланцы или послы присланы от кого будут с противным делом, оных задержав, писать к государю, а без государева указу их не отпускать; а с турским салтаном и с польским королем без государева указу не ссылаться.

15.

Как в иных землях дань вдруг отдается, хотели бы и мы, и то б ценою ведомою давать о тех людях, которые Твоему Царскому Величеству надлежат. А если бы инако быть не могло, тогда и на единого воеводу не позволять и о том договариваться, разве бы из здешних людей обобравши воеводу, человека достойного, который имеет все те доходы в правду Его Царского Величества отдавати. А то для того имеют посланники наши договариваться, что, наехавши, воевода права бы нарушать имел и установы какие делал, и то б быти имелось с великою досадою, понеже праву иному не могут скоро навыкнуть и тягости такие не могут носить, а из здешних людей когда будут старшие, тогда против правды уставов здешних будут справляться.

Решение

По сей статье государь указал, и бояре приговорили: быть по тому, как выше сего написано, сбирать войтам, бурмистрам, райцам, лавникам, а отдавать в государеву казну тем людям, кого государь пришлет, и тем людям над сборщиками смотреть, чтоб делали правду.

16.

Прежде сего от Королей Польских никакого гонения на веру и на вольности наши не было. Всегда мы всякого чина свои вольности

имели, и для того мы верно и служили, а ныне за наступление на вольности наши понуждены Вашему Царскому Величеству под крепкую и высокую руку поддаться, прилежно просити имеем чрез послы наши, чтоб привилегии Ваше Царское Величество нам, на хартиях писанные с печатями висящими, един на вольности козацкие, а другие на шляхетские, изволь дать, чтоб на вечное время непоколебимо было. А когда то одержим, мы сами смотр меж собою иметь будем, а кто козак, то тот вольность козацкую будет иметь, а кто пашенный крестьянин, тот будет дань давать обыклую Его Царскому Величеству так, как и прежде сего, так же и на люди всякие, которые Вашему Царскому Величеству подданные, на каких правах и вольностях имеют быть.

Решение

Государь указал, и бояре приговорили: быть по их челобитью.

17.

О митрополите помянуть имеют, как будут разговаривать, и о том послам нашим изустный наказ дали есьмы.

Решение

Государь указал, и бояре приговорили: митрополиту на маетности его, которыми ныне владеет, дать жалованную грамоту.

18.

Такожде прилежно просити послы наши имеют Его Царского Величества, чтоб Его Царское Величество рать свою вскоре прямо к Смоленскому послал, не отсрочивая ничего, чтоб неприятели не могли справляться и с другими совокупиться, для того что войски ныне принужденные, чтоб никакой их лести не верили, если б они имели в чем делать.

Решение

Указал государь, и бояре приговорили: про поход ратных людей объявить посланникам, с которого числа государь сам и бояре, и ратные многие люди с Москвы пойдут, а гетману не писать.

19.

И то надобное дело припомнить, чтоб наемных людей здесь по рубежу от ляхов было для всякого случая и пострашия с 3000, или как воля Его Царского Величества будет, хотя и больше.

Решение

Государь указал спросить: в коих местах по рубежу стоять?

20.

Обычай тот бывал, что всегда Войску Запорожскому платили, просят и ныне Его Царское Величество, чтоб на полковника по 100 ефимков, на есаулов полковых по 400 золотых, на сотников по 100, на козаков по 30 золотых.

Решение

Отговаривал великий государь, его царское величество, для православныя веры, хотя их от гонителей и хотящих разорить церкви Божие и искоренить веру христианскую, от латын оборонити, собрал рати многие и идет на неприятелей, и свою государеву казну для их обороны ратным людям роздал многую. А как был у гетмана Богдана Хмельницкого государев ближний боярин и наместник тверской Василий Васильевич Бутурлин с товарищи и говорил с гетманом о числе Войска Запорожского, и гетман говорил, хотя число Войска Запорожского и велико будет, государю в том убытка не будет, потому что они жалованья у государя просить не учнут, а говорил гетман при них, при судье и при полковнике, и им ныне о том говорить не доводится.

21.

Орда если бы имела вкинуться, тогда от Астрахани и от Казани надобно на них наступать, такожде и донским козакам готовым быть, а ныне еще в братстве дати сроку и их не задирати.

Решение

Сказать: на Дон к козакам государево повеление послано. Буде крымские люди задору никакого не учинят, на них не ходить, а буде задор учинят, и в то время государь укажет над ними промысл чинить.

22.

Кодак город, который есть сделан на рубеже от Крыму, в котором господин Гетман всегда по 400 человек имеет и кормы всякие им дает, чтоб и ныне Его Царское Величество как кормы, так же и на тех, которые за порогами в Коше берегут, чтоб Его Царское Величество милость свою изволил показать, понеже нельзя его самого без людей оставить.

Решение

Государь указал спросить: по сколько корму на тех человек дают, и за порогами для Коша сколько человек, и о чем за них челом бьют?

23.

Доложить Государю бояре говорили, которые Государевых всяких чинов люди бегати в Государевы черкаские городы и места учнут, и тех бы, сыскав, отдавали. Марта 14 дня 1654 году.

Посланники Хмельницкого удостоены к столу царскому

В приспевшее торжество для дня тезоименитства его царского величества, на другой день оного, то есть 18 марта в субботу Лазареву, удостоены были присланные от гетмана Хмельницкого посланники обедать при царском столе с прочими боярами, окольничими и стольниками.

Жалованье царское послам своим за исправленное дело в Черкасах

А в 26 число, в самое Светлое Воскресенье, после обеденного стола, за посылку в Черкасы за приведение там всего Войска Запорожского в подданство российское государь жаловал боярина Василья Бутурлина, окольничего Ивана Алферьева и думного дьяка Лариона Лопухина. Первому — дворечество с путем, шуба бархат золотой, кубок золоченый серебряный, 4 сорока соболей и к прежнему его окладу, к 450 рублям, придачи 150 рублей; второму — шуба атлас золотой, кубок, 2 сорока соболей и к окладу его, 300 рублям, 70 рублей; а дьяку — шуба ж атлас золотой, кубок, 2 сорока соболей да придачи к прежнему окладу 50 рублей.

Жалует царь грамотами Войско Запорожское на прежние вольности их и преимущества

На другой же день того светлого праздника на всеподданническое Хмельницкого и всего Войска Запорожского прошение государь царь и великий князь Алексей Михайлович пожаловал им всем прежние их права и вольности войсковые иметь и состоять ненарушимо навсегда, так, как они просили, и в том дал им свои царские грамоты, 1654 году марта 27 числа. В каковой же силе те жалованные грамоты состоят, при сем прилагаются списки.

Царская грамота первая

Божею Милостию Мы, великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь

Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных многих Государств и земель Восточных и Западных, и Северных Отчич и Дедич, и Наследник, и Обладатель.

Пожаловали есьмы наших, Царского Величества, подданных, Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, и писаря Ивана Виговского, и судей войсковых, и полковников, и есаулов, и сотников, и все Войско Запорожское, что в нынешнем 1654 году как по милости Божией учинилися под нашею Государскою высокою рукою, он, Гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, и веру нам, Великому Государю, и нашим Государским детям и наследникам на вечное подданство учинили, и в марте месяце присылали к нам, Великому Государю, к нашему Царскому Величеству, он, Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское посланников своих — Самойла Богданова, судию войскового, да Павла Тетерю, полковника Переясловского. А в листе своем к нам, Великому Государю, к нашему Царскому Величеству, Гетман писал и посланники его били челом, дабы нам, Великому Государю, его, Гетмана Богдана Хмельницкого, и все Войско Запорожское пожаловать велеть прежние их права и вольности войсковые, как издавна бывали при Великих Князех Русских и при Королях Польских, чтоб уживали и вольности свои имели в добрах и в судах, и чтоб в те их войсковые суды никто не вступался, но от своих бы старшин судились, подтвердити и прежних бы их прав, каковы даны духовного и мирского чина людям от Великих Князей Русских и от Королей Польских, не нарушать, и на те б их права дати нашу Государскую жалованную грамоту за нашею Государскою печатью, и чтоб Войска Запорожского спискового учинить 60 000, а было б тое число всегда полно. Буде же судом Божиим смерть случится Гетману, и нам бы, Великому Государю, поволить Войску Запорожскому по прежнему обычаю самим между себя Гетмана обирать, а кого оберут, и про то нам, Великому Государю, объявляти. Имений козацких и земель, которые имеют для пожитков, чтоб у них отнимать не велеть; так же бы и вдов после козаков остальных дети повольности имели, как деды и отцы их. И мы, Великий Государь, наше Царское Величество, подданного нашего Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, пожаловали велели им быть под нашею, Царского Величества, высокою рукою по прежним их правам и привилегиям, каковы им даны от Королей Польских и от Великих Князей Литовских, и тех их прав и вольностей не нарушивати ничем не велели, и судиться им велели от своих старшин по своим прежним правам. А число Вой-

ска Запорожского указали есмы по их же челобитью учинить спискового 60 000 всегда полное. А буде судом Божиим смерть случится Гетману, и мы, Великий Государь, поволили Войску Запорожскому обирати Гетмана по прежним их обычаям самим меж себя, а кого Гетмана оберут, и о том писати к нам, Великому Государю, да по тому ж новообранному Гетману на подданство и на верность веру нам, Великому Государю, учинить, при ком мы, Великий Государь, укажем. Также имений козацких и земель, которые они имеют для пожитка, отнимати от них и вдов, после козаков осталых, и детей не велели, а быти им за ними по-прежнему. А буде из которых пограничных государств учнуть приходить в Войско Запорожское к Гетману Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому о добрых делах, и мы, Великий Государь, тех послов Гетману принимать и отпускать поволили; а из которых государств и о каких делах те послы присланы и с чем отпущены будут, гетману о том о всем писати к нам, Великому Государю, вскоре; а буде которые послы от кого присланы будут с каким противным к нам, Великому Государю, делом, и тех послов в войске задерживать и писать об них к нам, Великому Государю, вскоре ж, а без нашего, Царского Величества, Указу назад их не отпускать. А с Турецким Салтаном и Польским Королем без нашего, Царского Величества, Указу ссылки не держать. И по нашему, Царского Величества, жалованью нынешним Царского Величества подданным, Богдану Хмельницкому, Гетману Войска Запорожского, и всему нашему, Царского Величества, Войску Запорожскому, быть под нашею, Царского Величества, высокою рукою по всем прежним правам и привилегиям и по всем статьям, которые писаны выше сего, и нам, Великому Государю, и сыну нашему, Государю Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, и наследникам нашим служити и прияти, и всякого добра хотети, и на наших Государских неприятелей, где наше Царское повеление будет, ходити и с ними битись, и во всем быть в нашей Государской воли и послушании навеки. О которых они статьях нам, Великому Государю, нашему Царскому Величеству, те выше именованные посланники, Самойло и Павел, именем Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, и всего нашего, Царского Величества, Войска Запорожского били челом и подали нашим, Царского Величества, ближним боярам, боярину и наместнику Казанскому князю Алексею Никитичу Трубецкому, боярину и наместнику Тверскому Василью Васильевичу Бутурлину, околничему и наместнику Каширскому Петру Петровичу Головину, думному дьяку Алмазу Иванову, статьи, и мы, Великий Государь, тех статей выслушали милостивно, и что на которую статью наше, Царского Величества, изволение, и повелели подписать под теми ж статьями, да те статьи с нашим, Царского Величества, Указом велели дать тем же посланникам, Самойлу и Павлу, и хотим его, Гетмана Богдана Хмельницкого, и все Войско Запорожское держать в нашем, Царского Величества, милостивом

жалованье и в призрении и им бы на нашу Государскую милость быть надежным. Дана сия Царского Величества жалованная грамота, за нашею Государственною печатью, в нашем Царствующем граде Москве, лета от создания мира 7162, от Рождества ж Христова 1654, месяца марта 27 числа.

Царская грамота вторая

Божиею Милостию Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных многих Государств и земель, Восточных и Западных, и Северных Отчич и Дедич, и Наследник, и Государь, и Обладатель.

Пожаловали есьмы нашей, Царского Величества, отчины, Малыя России, жителей, людей стану шляхетского, что в нынешнем 1654 году как по милости Божией учинились под нашею Государскою высокою рукою, Гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское, и вся Малая Русь, и веру нам, Великому Государю, и нашим Государским детям и наследникам на вечное подданство учинили, и в марте месяце присылал к нам, Великому Государю, к нашему Царскому Величеству, он, Гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, посланников своих, Самойла Богданова, судию войскового, да Павла Тетерю, полковника Переясловского, чтоб нам, Великому Государю, его, Гетмана Богдана Хмельницкого, и все Войско Запорожское пожаловати поволити шляхте благочестивой Християнской веры, которые в Малой России обретаются и веру нам, Великому Государю, учинили, быть при своих шляхетских вольностях и правах, и привилегиях, и старшин себе на уряды судовые выбирать меж себя, и добра свои имети свободно, так же, как и напред того при Королях Польских бывало, и суды б земские и градские отправляти чрез тех урядников, которых они сами меж себя оберут; и мы, Великий Государь, наше Царское Величество, для челобитья подданного нашего Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, и всего нашего, Царского Величества, Войска Запорожского шляхты, которые пребывают в нашей, Царского Величества, вотчине, в Малой России, велели быть под нашею Царского Величества высокою рукою по прежним их правам и привилегиям, и вольностям, от Королей Польских данным, и вольностей шляхетских ни в чем нарушивать не велели, и старшин им себе на уряды судовые, зем-

ские и градские выбирати меж себя самим, и маетностями своими владеть, и судитись по своим правам поволили, и по нынешнему Царского Величества жалованью нашего Царского Величества отчины, Малой России, жителям шляхте быти под нашею, Царского Величества, высокою рукою по своим прежним правам и привилегиям в вольностях шляхетских свободно, без всякия неволи, во всем по тому, как в сей нашей Государской жалованной грамоте написано, и нам, Великому Государю, и сыну нашему, Государю Царевичу, Алексею Алексеевичу, и наследникам нашим служити и всякого добра хотети, и на наших, Царского Величества, неприятелей, где наше, Царского Величества повеление будет, ходити и с ними битись, и во всем быть в нашей Царской воле и в послушании навеки; а мы, Великий Государь, учнем вас держать в нашем, Царского Величества, милостивом жалованьи и в призрении, и вам бы на нашу Царскую Милость быть надежным без всякого сумнения. Дана сия наша Государская жалованная грамота в нашем Царствующем граде Москве 1654 года марта 27 дня.

Царская грамота третья

Божиею Милостию Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Кондинский, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных Государств и земель Восточных и Западных, и Северных Отчич и Дедич, и Наследник, и Государь, и Обладатель.

Пожаловали мы подданного нашего Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, что в нынешнем 1654 году как по милости Божией учинились под нашею Государскою высокою рукою он, Гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, и вся Малая Россия, и веру нам, Великому Государю, и нашим Государским детям и наследникам на вечное подданство учинили, и били челом нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, он, Гетман Богдан Хмельницкий, что наперед от Королей Польских дано было Войска Запорожского на Гетманскую булаву Староство Чигиринское со всеми к нему принадлежностями, и чтоб нам, Великому Государю, пожаловать тому Староству Чигиринскому для всякого урядства велеть быти при булаве Гетманской по-прежнему; и Мы, Великий Государь, наше Царское Величество, Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, пожаловали Староству Чигиринскому со всеми принадлежностьми, велели быть Войска Запорожского при

Гетманской булаве по прежним правам и привилегиям ненарушимо, и по нашему, Царского Величества, жалованию Старосту Чигиринскому со всеми принадлежностьми быти Войска Запорожского при Гетманской булаве по прежним правам и привилегиям, и по сей нашей Государской грамоте бесповоротно стоять. Дана сия наша Государская грамота жалованная в нашем Царствующем граде Москве 1654 году марта 27-го дня.

Писаны сии грамоты на средине бумаги. Подпись думного дьяка Алмаза Иванова. Печать большая под кустодиею.

Конец статьям гетмана Богдана Хмельницкого.

ГЛАВА 21

О следовании царском противу поляк войною под Смоленск и о взятии оного со всеми его городами, и всей Белоруссии, Северии и Литвы со многими городами ж. О повоевании Хмельницким в Украйне поляк и о разорении им много в Польше. О смерти Хмельницкого и о избрании на место его сына, Юрия Хмельницкого, в гетманы

Хмельницкий обнародывает присланные от царя жалованные грамоты и извещает государя о замыслах соседних

По совершении всех вышеписанных статей и по утверждении их царскими жалованными грамотами с присланными от гетмана, по удостоении оным быть у царской руки, отправлены в Войско Запорожское, которые, прибыв, привезли то все с собою, и Хмельницкий тотчас обнародовал оное торжественно всему войску своему и потом, что известно ему об умыслах соседственных народов учинилось, немедленно уведомил о том своего государя.

О выступлении царском с войском к Смоленску

Царь Алексей Михайлович, собравшись с силами своими, уповая на Всевышнего, мая 18 числа выступил из Москвы и, вооружась, пошел на польского короля Яна Казимира, где, будучи на том походе, 19 числа из села Воробьева отпустил посланников крымских и присланного от Войска Запорожского до гетмана Хмельницкого, сам

же, следуя походом, прибыл июня в 8-й день в город Вязьму, отколь 10-го числа при выступлении своем из города послал к гетману и всему Войску Запорожскому с жалованьем своим, с золотыми, дворянина Петра Данилова сына Протасьева.

Король польский соглашается с ханом крымским преодолеть черкас под свое владение

Между тем как сведали король польский и хан крымский, что Хмельницкий отдал себя и все свое Войско Запорожское со всею Украйною, и всех живущих в ней обывателей черкаских царю российскому в подданство вечное. Установили сего для они между собою согласный договор и утвердя оный с тем, чтоб, напавши на Россию и на козаков, повоевать их всех мечом и огнем и, тем их разоря, под свое подданство паки привесть.

О следовании войск российских в Украйну и в Литву

О сем союзе и о умысле польском как государь чрез Хмельницкого уже уведомлен был и, зная, что без войны с ними, а паче за все свои от Польши обиды и за унижение его чести, также и за утеснение православного греко-российского закона, обойтиться невозможно будет, прежде намерения их уже вооружился, и сам, объявя им, противу Польши пошел, как выше сказано, а в Украйну к гетману послал с московскими ж войсками немалыми боярина Василья Васильевича Бутурлина. К чему и Хмельницкий присовокупил к государю из войска своего полки Нежинский и Черниговский и к ним из охочих козаков, которых всех набралось 8000 человек, над коими шурину своему, нежинскому полковнику Ивану Золотаренке, наказное гетманство препоручил, дав ему булаву и бунчуг и притом пушек довольное число, который с тем пошел на Гомель, а под Смоленск с охочими козаками, брать его, наказной полковник Василий Золотаренко [97].

О взятьи царем города Смоленска

Его царское величество к Смоленску прибыл и 1 июля 5-го дня оный осадил, и доставал его усильно, где также и козаки весьма храбро себя оказали. Они штурмовали, так равно, как и прочие, город, лезли по лестницам на каменные его стены, убивали стоящих людей на оных и сопротивляющихся там войска немецкого. Они метались бесповоротно во внутрь города, что видя, царь, их отвагу возлюбя, жалел о лишающихся, за что удостоивал государь Золота-

ренка с старшинами быть у стола своего июля 25 на день тезоименитства царевны Анны Михайловны с прочими боярами, окольничими и с стольниками, так равно и на день Успения Пресвятыя Богородицы, то есть августа 15 числа. А как приступ продолжался ужасный надолго, и видя в городе жолнеры польские и воевода смоленский Филипп Казимир Обухович, и полковник Корф, что осада города и штурмование происходит на них денно и нощно ужасное и с такою беспримерною храбростию и отважностию войска российского, не в состоянии были боле в городе держаться и, по изнеможении сил своих, 10 числа сентября 1655 году сдали царю город свой с договором тем, чтоб все военнослужащие безвредно в Польшу отпущены были, что и исполнено. Город приняли под Российское державство, воеводу с полковником и с гарнизоном отпустили.

По принятии ж города Смоленска от поляк государь пошел 23 числа со стану своего, с Девичей горы, со всеми полками своими следующим порядком:

пред государем были два великие знамя, при которых одном был стольник и воевода князь Андрей Иванов сын Хилков, а с ним головы — Гаврила Федоров сын Самарин и Астафей Семенов сын Сытин; при другом — стольник же и воевода Данила Семенов сын Яковлев, а при нем головы ж — Володимер Федоров сын Скрябин да Матвей Захарьев сын Шишкин, а за ним следовали полки.

И, приступя под самый город, стал станом против смоленских ворот, сам же быть и осматривать город изволил.

Приношение благодарного моления Вышнему

А 25 числа в постановленной походной церкви Воскресения Христова по литургии о счастливых завоеваниях и одержанных над неприятелем многих победах было благодарственное молебное пение и после того — обеденный стол, за которым удостоены были кушать архиерей, князья, бояре, окольничие, головы государева полку и прибывший под тот случай к государю наказной гетман Иван Золотаренко с товарищи, а 28 числа оставшие начальники обедали у государя ж.

О опровержении костел и освящении церквей и всего города

И как скоро государь Смоленск получил и осмотреть его изволил, во первых, опровергнув в нем костелы польские, превратил их в церкви российские и освятил оные, так равно и весь город при присутствии своем.

О завоевании множества литовских городов

Находящиеся же его величества войска в Белоруссии и в Литве польских и литовских войск везде счастливо преодолевали и множество городов, местечек и протчих мест завоевали, как то: Дорогобуж, Невель, Белый, Полоцк, Рославль, Мстислав, Копыс, Лисну, Друю, Оршу, из-под коего гетмана литовского, князя Радзивила, с войском прогнали и разбили, потом — Глубокий, Озерище, и близ Борисова на речке Шклове паки гетмана Радзивила разбили, взяли 12 полковников, знамя и бунчуг гетманский, 270 человек литовцев со знаменами и литаврами, и сам Радзивил бежал раненый, затем — город Могилев, Усвят и Шклов, потом в Литве ж городы: Горы, Дубровну и Витебск взяли же.

Об определении в Смоленск воевод

При оном месте простоял царь Алексей Михайлович до 5 числа октября, получая также почти всякий день о счастливых успехах от воевод своих вновь из Литвы над неприятелем известия. Между тем, государь определил в Смоленск воеводами боярина и оружейничего Григория Гавриловича Пушкина, окольничего Степана Гаврилова сына Пушкина, Петра Данилова сына Протасьева да дьяка Максима Лихачова и Ивана Степанова, да к ним дворян — Тимофея Федорова сына Караулова, Григория Степанова сына Караулова, Ермолая Никитина сына Челыткина, Афанасья Васильева сына Лазарева и Ивана Маркова сына Поздеева.

Отбыл царь для зимования в Вязьму

И, отбыв государь от помянутого числа, прибыл в 21 день для зимования в город Вязьму, а в Москву за тем не изволил идти, что оказалась там моровая язва, для чего и государыня царица Марья Ильинишна к государю в Вязьму прибыла.

Город же Гомель, хотя долго в осаде держался, но, наконец, видя силы российские, преодолевающие все, сдался Золотаренке, о чем обще с Тимофеем Ивановым сыном Спасителевым 16 числа сентября государя уведомили, и то, что, оставя в нем свой гарнизон, пошли под Быхов Новый, который потом, а с ним еще два города, также взяли, а именно: Чечерск и Пропойск, кроме Старого Быхова, и об оном Его Величеству донесено 29 числа ж; затем, за поздним уже временем, Золотаренко расположил войско свое по становищам, а сам для донесения о своих делах ездил к государю и паки от него к войску своему возвратился.

Царь отбыл в Москву

По утишении язвы в Москве государь со всеми царскими домом своим изволил в Москву февраля 10 дня прибыть и тамо до весны прозимовать.

Домогательство Радзивилово о отобрании городов

Золотаренко ж с козаками своими зимовал в Новом Быхове, а к Старому Быхову пришед литовский князь Радзивил с своим войском, ходил отбирать город Могилев, но ничего не успел. Потом пошел к Новому Быхову доставать Золотаренка с козаками, но и там за потерянием многих людей своих ничего сделать не мог, а оттоль возвратился к Старому Быхову, где жестоко его было атаковали, но, отбившись, счастливо еще возвратился.

Жалованье козакам

Гетман же Хмельницкий в то время, с войском московским и с козаками своими, находился за Киевом под Фастовом, куда козакам от царского величества прислано было в жалованье золотыми копейками, каждая в тридцать копеек *.

Король удалился из Польши

Давно не видала Польша толь многих у себя неприятелей, сговаривающихся низложить оную, ибо и шведы напали во оное же лето и в скором времени овладели не малою частию Польши, а Ян Казимир, король, видя такое нашествие сильное, и дабы не мог в их руки попасть, оставлен будучи своим войском, принял убежище в область цесарскую, в город главный, и видел, что, хотя не совсем еще неприя-

---

* С сего времени начались медные деньги, как то: копейки, денежки и полушки, и возымели хождение свое по повелению царскому равною ценою — копейки с серебряными копейками ж, а денежки противу их в полы, полушки ж в четвертую долю.

Российский же талер битый серебряный, под гербом царским состоящий, ценою ходил в шесть золотых, что составляло до двадцати копеек тогдашних.

Оного году было великое затмение солнечное в Спасов пост на первой неделе в среду.

От сих времен, как то от 1654 году, титул царский писаться начал: «...и Малыя, и Белыя России Самодержец».

телем покорена Литва, но уже преклоняющаяся под защиту победителя.

О подкупе татар Польшею, чтоб с ними воевать противу России

Гетманы польские, когда сам король шведский Карл Густав на зиму в Польшу вступил, как то в 1655 году, считая по старому уставу, с сентября месяца, послали в Крым к хану с дарами сто тысяч червонных, прося по уставленному между ими договору и дружбе его с ордою на помощь к себе противу козаков и россиян, пустошить и разорять зимним временем Украйну, но посланный не застал уже хана в живе *. Однако ж того Ислам Гирея хана татары с сыном Мелин Гирей ханом и со многими ордами охотно по тому зву полякам на помощь быть обещались.

Россияне пресекают путь татарам

Хмельницкий, уведомившись, что польское войско собирается к Каменцу Подольскому, и что к ним будут на помощь татары крымские и, соединясь под Каменцем, пойдут на Украйну, тотчас, уведомя о том государя, собрал свои козацкие полки и расставил из оных несколько по городам от самой Умани, а сам, с другими и с войсками московскими, над которыми был воеводою Василий Борисович Шереметьев, стал при Ставищах.

Хитрость полковника Богуна противу поляк

В сей самый случай будучи в Калниках, полковник винницкий Богун, возжелав обольстить поляк, послал сего для немедленно до польного гетмана с тем, будто б желал он и с козаками своими поддаться Польше, и для того просил, чтоб шел он скорее к нему без всякой опасности, чем хотел его заманить, чтоб пришел до него малым числом войска своего, и с тем бы удобнее его разбить, а паче, чтоб тем продолжать столько времени, доколе гетман Хмельницкий соберется с московскими и своими силами, что все по намерению его и чинилось. Польный гетман по призыву тому пришел под Межибожье и, став при оном станом своим, послал к Богуну с извещением о прибытии своем и что далее делать спросить велел. Богун же

---

* Повествуется о причине смерти сего хана, будто б он имел пленницу из Украйны, которая всегда пить вино ему подавала, и будто б она Хмельницким подкуплена и научена была, чтоб хана оного в пойле ядом отравить.

напротив сего поджидал свои войска и хотел с оными на него напасть. Гетман польный как об оном узнал, тотчас, совокупив силы свои, пошел под Кальник, но там Богуна уже не застал, сего для пошел за ним до Умани и там его, в городе осадя, жестоко взять домогался, точию по потерянии множества людей своих принужден был с досадою отступить и возвратиться обратно.

Шествие Хмельницкого своим на помощь, где поляки его осаждают и с ним сражаются

Собравшись войска польские и соединясь с пришедшими к ним на помощь татарами, прямо пошли от Каменца Подольска и, вшед в Украйну, разоряли. Хмельницкий, слыша о сем, послал противу их наказным гетманом Томиленка с козаками, токмо татары оного разбили. Полковники ж, бывшие с ним, браславский Зеленский, винницкий Богун, поднестровский Гоголь, с козаками ж до Умани убежали, где их поляки с татарами жестоко осадили. Но как скоро услышали, что Хмельницкий уже с войсками российскими и с козаками идет своим на помощь, оставили Умань, и все силы польские и татарские противу его двинулись и между Ставищами и Охматовым в поле осадили (которое место после победы Дрыжыполем прозвалося), и не дали ему соединиться с теми козаками. А как Хмельницкий без оных противу их не весьма силен был, а паче тем, что в самом пути напали вдруг и нечаянно, и так жестоко, что не только их прогоняли, но и во весь обоз их драгуны ввалились и пушками было овладели, точию козаки, тотчас исправившись, все единодушно с московским войском на поляк и татар ударили, и так ожесточившись с ними дралися, что даже, наконец, и дреколием драгун из обозу выгнали, и столько поляк побили, что весь свой обоз как валом из телов мертвых оклали; которая ужасная битва продолжалась во весь день, пока ночь оную воспрепятствовала и успокоила биющихся от трудов их. Точию козаки и все войско московское находились тут в великой тесноте и нужде: они не могли иметь ни воды, ни дров, ниже корму лошадям, кроме стужи и снегу, и тот был смешен с кровию.

На другой день вторичное сражение

В наступивший же день паки поляки и татары с ними в брань вступили и во весь день производили битву и сечу велику, так, что от меча и огня бесчисленное множество пало воинства с обеих сторон, от чего приходили уже в немалое изнеможение, но наступившая ночь все то сократила. При таком ужасном побоище невозможно было исчислить побитых людей, но всяк должен был содрогаться, видя человеческую кровь, текущую ручьями. Точию при всем том царское войско поляк одолевало, и тем пехоты их мало что осталось.

Хмельницкий на третий день, пробившись сквозь поляков, к своим приходит

Во утренний же день увидел Хмельницкий, что поляки и татары его обступают, тотчас все войско свое и обоз изрядным и оборонительным порядком устроил и ударил оным на поляк проломом так сильно, что, пробившись сквозь их, пошел до Охматова, противу чего уже поляки устоять не могли, но принуждены были дать ему дорогу.

Хмельницкий освобождает своих в Охматове и располагается на зимовье

Дошед же Хмельницкий до Охматова, освободил оттуда Пушкаренка с его пехотою и, с ним соединясь, пошел под Буки, где обретши пять козацких полков, куда и из Умани к нему козаки ж пришли, с оными Хмельницкий хотел за поляками идти, но уведомился, что поляки чрез Бог-реку пошли восвояси, отменил сего ради тот поход, а вместо того расположил на великий пост войско свое для отдохновения по становищам до весны надходящей.

Татары берут в плен

Татары ж принуждали поляк, чтоб шли с ними к Днепру ради взятия полону, но поляки, утрудившиеся и ради изнеможения сил своих, от того походу отреклися, а только дозволили им, где могут, брать людей в плен в награждение за вспомоществование их, что татары и учинили и немалое число плена с собой в Крым отвели.

О следовании сил российских в Польшу

По известиям от Хмельницкого государь послал к Белой Церкви для усильнейшего действия противу неприятеля с войсками своими боярина и дворецкого, воеводу Василья Васильевича Бутурлина и воеводу ж, стольника князя Григорья Григорьева сына Ромодановского с товарищи, а из Белой Церкви идти им обще с гетманом Хмельницким и со всем Войском Запорожским на польские и литовские города для военного действия ж, в которое время при взятье города Люблина весьма много поляк побили, а под городом Гроднею двух гетманов польских с войском разбили.

Следование самого царя в Литву. Калмыки в подданство российское приходят. Царь повоевал всю Литву

Сам же его царское величество марта 11 числа изволил из Москвы последовать в поход до Смоленска и, будучи на пути, 28 числа из Астрахани государь получил ведомость, что калмыцкие князья и со всеми калмыками своими ему, государю царю, в подданство отдались и в том присягою утвердились, а 31 дня марта в город Смоленск прибыть изволил и, пошед сам с войсками своими, где был с козаками и наказной гетман Иван Золотаренко с братом своим Васильем, также и донские козаки, воевал во всей Литве, взял Борисов и Минск, а калмыков послал из Астрахани с силами ж противу Крыму. В Литве одержал он многие города и местечки и получил великие добычи, а паче козаки.

О разбитии сил польских и литовских

Противу которых сил вооружились было гетманы князь Радзивил и Гонсевский с войсками своими и, сразясь с оными, производили с разным успехом битву, которая простиралась до Березы-реки, где при городе Шклове, как бурливым ветром прах развеян, так сила российская воинство польское с Радзивилом и Гонсевским разбила и разогнала, что едва и сами гетманы бегством себя спасти могли, и тем государь даже и мятежников литовцев усмирил, Вильню, столичный город Великокняжества Литовского взял, потом и Ковны одержал.

Хмельницкий, вошед в Польшу, брал города и опустошил не мало земли

Гетман же Хмельницкий в то время с войсками своими и московскими под Львов и Замостье ходил и, осадя оные, так равно и другие города, в коем числе и Люблин, взял и опустошил там не мало земли, чему супротивляться не могли силы польские, потому что короля у них в королевстве тогда не было, а прочие войски были разогнаны, в коем числе и сам гетман литовский Радзивил, как выше сказано, из Вильны был уже выгнан и принужден отдаться для некоторой защиты, шведскому королю со всем своим гетманством и войском литовским.

По сих походах и сражениях Хмельницкий возвращался в Малороссию и остановился тамо на урочище Озерной Стрелке. Там мимо шел хан крымский на помощь полякам, чтоб им паки воевать с Великою и Малою Россиею. Тогда Хмельницкий, вдруг напав на не-

го, большую часть войска его побил и победителем на месте сражения остался. Имел потом с ханом изустные переговоры, укорял о непостоянстве и злости духа татар, и о прочем.

Царь, повоевав Литву, поставил там своих воевод, а сам возвратился в Москву

В Вильне ж государь поставил воеводу, так равно и в других городах литовских, даже за Смоленск, по всем там малым и великим городам, а наипаче над посполитыми, где были и прежде воеводства, как-то: в Вильне, который после разорен, Полоцке и Минске. Чрез оную войну государь всю Литву, Белую Русь и более двух сот мест, кроме Слуцка и Старого Быхова, завоевал, Витебск вырубить велел и, расположа войско свое по оной и Повенцу, возвратился по сем зимовать паки в Москву.

Иван Золотаренко кончает жизнь свою под Старым Быховом

Оный Старый Быхов осажал войском своим наказной гетман Иван Золотаренко, но во время штурмования и вылазок подстрелен он на лошади из ружья в ногу, от чего при Быхове и умер. Однако ж город силою взяли.

О замешательстве козачьем по смерти Золотаренка

Когда ж по смерти его, Золотаренка, тело повезли уже в Нежин *, то чрез короткое время по нем взбунтовались многие коза-

---

* Неизвестный писатель малороссийской истории пишет о сем, что он, будучи и при погребении сам тому свидетель, что тело нежинского полковника Ивана Золотаренка отвезено было от Быхова в Нежин, где стояло в церкве почти во весь Филиппов пост, а оттоле, за неделю праздника Рождества Христова, отвезли в город Корсун и поставили в церкви Николая Чудотворца. И в самый праздник Рождества Спасителя для выноса из оной в построенную им, Золотаренком, в городе церковь же во имя Рождества Христова собравшиеся нежинские священники с протопопом, с игуменом Дионисием и с двумя диаконами, всего девять человек, отслужили собором обедню, в которую собралось, для смотрения оного выноса и погребения, премножество народа, и в самое то время, как запели «Буди имя Господне благословенно отныне и до века», священник закричал из царских врат, что церковь загорелась, и вдруг и сказанный в церкви огонь оказался. Услышав о сем народ и видевши уже оный, вдруг бросился из церкви, которая была только о западных дверях одних, и так стеснился во оных, что не можно им всем было продраться; огонь же, усилившись, пожрал тут всех и церковь, где сгорело людей числом 432 человека, в том числе два брата свя-

ки против своих начальников и хотели старшин своих побить. Точию начальники, вооружась, многих их порубили в то самое время, когда они, напав на обоз купеческий, состоящий с вином, грабили и перепились пьяными, а зачинщиков всех перевешали. Оставшие ж уже не могли в город Быхов ворваться, ниже в осаде его держать, а посему пошли в Украйну свою, оставя только полковника Нечая, которой в тамошнем могилевском повете и по иным городам, даже по Гомель, с войском своим стоял и город Быхов под свое управление взял.

В оном 1656-м году царь на шведа пошел в Ливонию

В 1656 году, когда король шведский Карл Густав перенес военное позорище свое в Пруссию, государь царь Алексей Михайлович пошел противу шведов в Ливонию, то есть в Лифляндию, и, следуючи туда, во Пскове мятежников усмирил и покорил паки под свою власть. В Ливонии ж замки Дерпт, Кампенгаузен и другие замки взял и гарнизоном своим их снабдил, силу шведскую в Ригу вогнал, куда и сам дошед, оный осадил. Но за изменой чужестранных офицеров и солдат, а потому и за крепким его укреплением и за великим в нем гарнизоном, а паче за недостатком для войск своих съестного запаса, притом и за поздним уже осенним временем отступил государь от города и возвратился восвояси.

О установлении мира между Россиею и Швециею

В оном лете в Вильне был учрежден конгрес, в котором были от России, от шведов, от поляк и от Малой России с посредственниками между ними от цесарской стороны послы, где чрез то Россия со шведами примирилась, а Польша к миру еще не приступала [98].

Начало болезни Хмельницкого. Хмельницкий посылает свое последнее благодарное писание к царю

Хмельницкий же, ослабев своим здоровьем, находился во оное время и с козаками своими в Украйне, не имея ни от кого на себя

щенников, от чего вместо радостного торжествования празднику редкий кто б в городе не пролил слезы и не рыдал по своих родственниках, погибших так скоро, как то: многие родители о детях, а дети о родителях, жены о мужьях, мужья о женах, братья и сестры о кровных и свойственники о своих. Нет возможности об оной жалости довольно описывать, как там в такое короткое время учинилось. По сгорении ж всей церкви труп Золотаренков отыскан, но происходил, как обыкновенно от давно лежалого и обгоревшего тела, не малый смрад от оного, и взят братом его в дом свой, который сделал, по желанию своему, в церкви Рождества ж Христова ему погребение, однако и там церковь два раза загоралась, доколе то погребение отправилось.

нападения, а оберегал только свои границы. Но почувствовал в себе от дня до дня свое изнеможение, для чего, предупреждая иногда кончины своей, вознамерился, как может быть, последнюю свою принесть благодарность государю своему за вся его ко всей Малой России великие милости и благодеяния, прибыл в город свой Чигирин и, по отправлении некоторых войсковых и всяких государственных для общенародной пользы дел с ближним его царского величества боярином Бутурлиным, в 1656 году написал обще от всей обосторонней реки Днепра Малой России грамоту к его царскому величеству и послал, благодарствуя за освобождение Малой России от египетского ига польского и за приятие Украйны под крепкую свою высокомонаршую руку в протекцию, желая и прочих княжений, его ж величеству наследственных, скорого привращения к Великой России, яко то: Волыни, Покутии, Полесия и прочих многих российских земель, досель поляками владеемых, купно же и моля, дабы Малая Россия при целости вольностей своих в непременной милости высокомонаршей всегда благонадежно пребывала.

Хмельницкий соглашается — быть князю Ракоцию в Польше королем. Хмельницкий посылает войско на помощь союзникам своим против Польши

С сих времен гетман Богдан Хмельницкий никуда на войны не ходил, только, по прошению, согласился с Ракоцием, князем венгерским, и королем шведским Карлом Густавом с тем, чтоб Ракоцию быть неотменно королем польским, для чего в ту ж зиму Ракоций из Седьмиградского, так равно и король шведский, двигнулись с силами своими и с вспомогательным войском брандебургским в самую средину Польши. К чему и Хмельницкий послал от себя к ним в помощь, за болезнию своею, под предводительством Антона Адамовича, полковника киевского, многочисленного войска малороссийского козацкого со всяким воинственным снарядом, с которыми собравшись при горах за городом Самбором, отколе шел Ракоций, взяли оба столичные города польские, как то Краков и Варшаву, и тамо бесчисленную казну, драгоценные королевские, церковные и знатных людей сокровища и, несметные корысти получа, опустошали Польщу до самых прусских границ, что продолжалось с самой зимы почти во все лето. Однако ж об оном требуемом вспомогательстве Хмельницкий доносил своему государю, царю Алексею Михайловичу.

Король польский пишет к магнатам своим в Польшу, чтоб просили хана на союзных неприятелей своих. Король возвращается в Польшу. Королевское писание к Хмельницкому. Ракоциево прошение к Хмельницкому о вспомоществовании ему войском. Король шведский удаляется из Польши. Ракоция поляки берут в плен. Посланные от Хмельницкого в помощь Ракоцию козаки возвращаются в Украйну. Хмельницкий посылает еще войско на помощь своим, но оные возвращаются чрез непослушание свое противу старшин

О таковом усильном нашествии неприятельском и великом разорении от союзного войска Польше и от внутреннего мятежества и непрестанных нападений со всех сторон слыша, король Ян Казимир, что сверх того князь Ракоций с венгерским, шведским и малороссийским войсками и мятежниками, домогаясь получить польской короны, писал к своим магнатам, советуя, чтоб приложили старание к отвращению видимой гибели всего государства, дабы послать еще в Крым до хана и просить его помощи, почему и обещал хан прислать орды с султанами и мурзами своими к ним чрез молдавскую землю. По сему, не умедля, и король сам возвратился в Польшу и обще с сенаторами своими, где б ни услышали о войсках своих, давали им знать и повелевали, чтоб они немедленно собирались к своему государю. По чему жолнеры, хотя которые у короля шведского и князя Ракоция при границах цесарских были, все к королю своему собрались. При чем король писал от себя грамоту и к Хмельницкому, дабы он прежде им самим разоренному отечеству Короны Польской, а ныне венграми и шведами крайне разоряемому, помощию от себя не учинил конечного падения. В то же время и от Ракоция пришли к Хмельницкому просительные письма, прося о продолжении его войсками в вспомоществовании ему. Но король шведский, слыша о усильном вспоможении, дающемся от крымского хана, пошел с войском своим в Пруссию, что видя, козаки, отяготившись добычью, обратили путь свой в Малороссию, для чего принужден за ними и князь Ракоций следовать, потому что татары уже путь его от гор заступили. Орда же, соединясь с войском коронным, пристигши Ракоция при городе Межибожье, осадили, и взяли его в полон поляки. Козаки ж пошли отступно на Украйну, которым в помощь и просителям союзным, слыша Хмельницкий, что орда опять из гнездища своего вышла, за одержимою болезнию своею, послал несколько тысяч своего войска под предводительством сына своего Юрия Хмельницкого, наказного гетмана, который, пришед к Ташлыку, там остановился, и, раздорившись козаки между собою, возволновались и не пошли далее,

но возвратились назад, не слушая своих начальников, ниже наказного гетмана своего Хмельницкого, по молодости лет его.

Ракоций принужден платить Польше за убытки ее

Ян Казимир, получа Ракоция пленного, принудил его со стыдом просить мира и свободу себе, обещать несколько бочек золота ему за разорение его, причиненное Польше, почему и отпущен.

Богдан же Хмельницкий за то непослушание и самовольство козацкое, что не повиновались с сыном его Юрием дале в поход идти и что усильно возвратились назад, за болезнию своею и слабостию наказать виновных и исправить того на прежнюю степень не мог, но оставить принужден был до будущего состояния его.

Угрожение римского императора и турецкого султана всей Малой России войною за избирательство ее на польский престол российского наследника

При том в то ж самое время известился он, что цесарь римский Фердинанд III, и султан турецкий Ибраим, грозил ему и всей Малой России войну, по причине, что король польский, Ян Казимир, приметив, что подданные его правлением недовольны, и слыша от сенаторов и вельмож польских, что они единогласно все с Посполитою Речью польскою постановили и утвердили уже между себя, чтоб царя или царевича российского, Алексея Алексеевича, на престол королевства польского возвесть, то и он, король, сам якобы на то принужден был склониться в пользу самой Польши, для несчастливого ее тогдашнего времени.

Император и султан чрез хана устращают Хмельницкого, чтоб он неотменно Малую Россию доставил по прежнему Польше

О чем цесарь и султан известие имея, крайне опасались, дабы толь сильные народы, российский и польский, во едино не совокупились и не были им вредны, и того ради, согласив цесаря письменно, султан турецкий чрез хана крымского стращал гетмана Хмельницкого яко мира ненавистника и виновника злу сему, дабы он приведенную им в подданство монарху всероссийскому Малую Россию паки возвратил Польше; буде же того не сделает, то они и память всей Малой России истребят, думая, что Хмельницким подданство свое под Российскую державу нарочно для того и учинено, дабы поляки российского царя или царевича воспреемником польского скипетра избрали.

О вышеписанном устращивании доносится царю

Но Хмельницкий, не думая учиненной им присяги нарушить и верности своей к монарху всероссийскому оставить, донес о том государю, и потому приняты были с российской стороны надлежащие меры, и сопределенные с Польшею и Турциею места приведены в оборонительное состояние.

Для всей Малой России назначается от Польши граница

В то же время присланы требованные Хмельницким от Польши комиссары, Мясковский и Кисель, для отводу новых украинских границ, кои и учинены: от устья Днепра, мимо Очакова, по Днестру до Покутья, а оттуда до рек Орели и Припети, к городу Быхову, чрез Днепр над рекою Сожею, под город Рославль, а от устья Днестра до Лимана, и чтобы по Днестру — Днепру в Черное море свободный был россиянам проезд.

Ослабевши здоровьем, Хмельницкий, собрав войско свое, благодарит их за их услуги, труды и послушание, препоручает им своего сына и приказывает им выбрать на место свое гетмана. Войско избирает сына его, Юрия, в гетманы. Богдан Хмельницкий дает сыну наставление и препоручает ему клейноты гетманские

Вскоре по сем Хмельницкий, утомленный подвигами войны и от времени до времени ослабевая в здоровье, почувствовал приближающийся конец достохвальной жизни своей, и для того заблагорассудил уведомить о сем войско, дабы они заблаговременно могли себе избрать единомышленно гетмана, к чему признавал достойными полковников Тетерю, Пушкаря и прочих, а сына своего, яко малолетнего, не находил к тому способным. И потому приказами своими созвал старшину генеральную, полковников, сотников и всю, как полковую, так и сотенную старшину, и все козацкое войско в Чигирин августа к 6 числу 1657 года и, не в состоянии уже будучи сам ходить, от старости и болезни своей, велел себя привесть в собрание и, став посреди круга, в краткой, но сильной, говоренной им, речи, во-первых, припомнил вообще прежние бедствия и нестерпимые от поляков чинимые народу малороссийскому обиды, от которых потом, милостию Божиею, мужеством их, козаков, а предводительством его самого, Хмельницкого, соделавшееся от ига польского избавление не без великих в том трудом последовало. Потом всему войску мало-

российскому за храбрость в сражениях с поляками, венграми, мунтянами, татарами и шведами, а именно тридцати четырех счастливо отправленных, и за послушание их ему, яко начальнику своему, да и за самый уряд свой гетманский благодарил. Между тем, сожалел, что не дал Бог войны той с поляками, как желалось ему, совсем окончить, понеже (как он говорил) крайне было должно Волынь, Покутье, Подолию и Полесье, ныне поляками владеемые, и в тех землях народ малороссийский благочестивый, к унии принуждаемый насильно, оружием нашим от ига польского избавить, и все то, чем прежде великие князья великороссийские и самодержцы наследственно владели, к самодержавию всероссийскому паки присовокупить [99]. Напоследок спрашивал всех, кого желают они себе по нем иметь гетмана? Ибо он чувствует, что скоро умрет. При чем поручил войску сына своего Юрия и повелел себя похоронить не в Чигирине, но в своей отчине, Суботове, при созданной им каменной церкви. На вопрос о преемнике Хмельницкого все войско малороссийское со всею старшиною единогласно подтвердили Юрия Хмельницкого, еще в молодых летах тогда бывшего, во мзду заслуг отцовских, быть гетманом. Умирающий Хмельницкий, видя общую к себе и сыну своему всего народа любовь, со слезами радости, благодаря всех за оную, призвал сына своего и, учиня пристойное в оной должности наставление, вручил ему клейноты его царского величества — булаву, бунчуг, знамя и прочее, по совершении ж всего сего отвезен он в дом и вскоре потом умре к неописанной всех печали.

Кончина гетмана Богдана Хмельницкого. Погребение Богдана Хмельницкого

Кончина ж Богдана Хмельницкого воспоследовала в день Успения Пресвятыя Богородицы, то есть августа 15 числа 1657 году, и погребен в Суботове того ж месяца пред первым числом сентября, или Нового лета, в воскресение, при котором погребение премножество народа было, а паче военных людей, которые отдали, при сердечном сожалении, достойную последнюю честь ему.

Восстало желание старшин быть гетманом.
Молодой Хмельницкий пред Радою отказывается
от уряду гетманского. Все старшины отказываются
от своего начальства. Усильное прошение козацкое,
чтоб быть гетманом Хмельницкому.
Хмельницкий от того паки отрекается.
Козаки усиливаются прошением. Хмельницкий принимает
на себя только звание гетманское.
Козаки Виговского управителем гетманским поставляют.
На сие следует хитрость Виговского.
Приговор старшинский, как ему титуловаться.
Виговский отдаляет Хмельницкого в училище

По смерти ж и погребении Богдана Хмельницкого восстала зависть в старшинах. Почти каждый льстился быть гетманом, для чего вздумали они стараться, как бы молодого Хмельницкого от оного чина отвесть, а доставить такому, который бы ту должность исправлять и снесть с успехом в состоянии был. Чего ради начали советовать молодому Юрию, во время собрания Рады от выбора его в гетманы отрекаться и отговариваться от уряду того молодыми летами своими, а когда достигнет совершенных лет своих, тогда в силах будет управлять оным. В сем замысле более всех старался генеральный писарь Иван Виговский, под видом тем, так как свойственник его, советует ему к его лучшему, чтоб он весьма не брал на себя того ига по многотрудном правлении оном. Хмельницкий, слыша таковое себе представление, поверил, по молодости своей, согласился отказываться от затруднительного такого чина и должности, которого, как ему заподлинно воображалось, не снести. Старшины в сей надежде тотчас созвали Раду во двор его, но таких более людей, которые были согласны тем, кои желали того начальства, и, затворя ворота, не впустили многого числа козаков. Хмельницкий тут вышел из своих покоев и, став пред Радою, или войском, тех благодарил им за ту честь, которую отец его и они препоручали ему, положил пред ними булаву и бунчуг гетманские, сказав при том, чтоб они выбрали в тот чин себе другого, какого они, по желанию своему, изобрать могут, а себя он во оном находит еще неспособным, и с тем отошел от них в свой покой. Виговский тут, также поблагодарив войску за чин свой писарский, от оного отказался, так равно судья Григорий Лесницкий от судейства и обозный Носач Корсунский от обозничества своего с благодарностию отреклися, почему булава и бунчуг лежащие оставлены были посреди Рады. Оставшие ж тут начальники почти каждый к принятию тех клейнот гетманских назывались и достоинство то принять на себя желал. Точию войско, которое не знало умысел старшин тех, к тому не дозволяло. Для чего, по обычаю войсковому, чрез есаула до несколько раз спрашивано, кого войско желает себе гетманом и кому препоручает сие правление? На сие все те,

находящиеся тут, кои были благосклонны к имени Хмельницкого, а паче посполитые и козаки, едногласно кричали, чтоб был гетманом их сын Хмельницкого. Они презирают молодость его, но просят и желают быть ему на место отца своего за все его услуги к ним. На оное Хмельницкий паки отрекался молодостию своею, а паче печалию о лишении отца своего, и что лета его еще не дозволяют столь знатный чин принять на себя, и оным великое такое войско управлять, по молодости, не в состоянии, а всего более, чтоб Украйна быть могла в покое. Точию все войско, а паче посполитые, извиняли его молодость и просили неотменно, чтоб он конечно принял то достоинство на себя, хоть для той славы, что Хмельницкий у них гетман и управители войска и сотники те ж, которые были при покойном отце его, как то: Виговский писарем, Носач обозным, судьею Григорий Лесницкий и прочие все полковники, так равно и сотники, и те б управляли войском, коим покойный отец его пред кончиною своею им в опеку его поручил. Однако Виговский, как первый желал то достоинство себе неотменно, с товарищами своими весьма Хмельницкого от того отводил и советовал, чтоб он конечно чина того на себя не принимал, представляя ему при том разные, для него могущие быть, затруднения, почему Хмельницкий усильно отрекался, чтоб его от того освободили. Токмо козаки не хотели его от уряда того уволить, напоминая славные дела и благодеяния к ним и всей Украйне, сделанные отцом его, просили сего ради неотступно, чтоб он был на оном уряде неотменно и принял бы булаву и бунчуг в свои руки с тем при том объявлением, что когда б войску в поход куда идтить, то б Виговский тогда булаву и бунчуг принимал из рук его, со оными следовал бы и повелевал при войске по своему распоряжению, а при возврате по-прежнему ему вручал. По такому для него выгодному представлению и по усильной просьбе Хмельницкий все оное принял, и тем обнародован гетманом. Токмо Виговский устами от того отговаривался, а духом искал, как бы ему настоящее гетманство себе похитить. Просил при том войско, чтоб извинили его в том на сей случай, а дали б ему наперед сроку подумать об оном на три дни, то есть до середы, в чем войско и согласилось. Когда ж пришел тот уреченный день, козаки паки собрались к Хмельницкому и все их начальники, и сколько могло вместиться в двор черни. Тут начали о том же препоручаемом правлении рассуждать, и точно, как прежде, сотники с чернью присоветовали, чтоб быть знакам гетманским при Юрье Хмельницком, и дабы он их Виговскому тогда только из своих рук препоручал, когда будет с войском куда идти, а возвратясь, по-прежнему бы Хмельницкому вручал. Точию хитрость латынская и непостоянство польское сыскали вылазку, которою бы похитить уряд гетманский, ибо представил себя Виговский полковникам и сотникам, и всему войску, будто б склонился только на усильное прошение козацкое и повинуется по желанию их, что он приемлет тот труд на себя, который налагает на него войско. Ток-

мо при том спрашивает и требует себе наставления, как ему в то время, когда он при войске и войсковой печати с знаками гетманскими находиться будет, себя титуловать и подписывать на листах, понеже Хмельницкий в доме оставаться будет, и потому подписывать на листах и универсалах о войсковых делах и распоряжениях ему будет не можно и не следует? На сие присудила вся старшина, не проникнув польскую хитрость в Виговском, и дозволили все вообще подписываться ему и титуловаться тако: «Гетман на тот час войска Малороссийского», что получа, Виговский, тотчас Юрия Хмельницкого отдаля в училище, клейноты гетманские к себе забрал и начал быть в образе действительного гетмана.

Примеч. От 1657 году был в Киеве митрополит Дионисий Балабан.

ЧАСТЬ II

От времени кончины славного и достохвального гетмана Войска Запорожского и всея Малой России Богдана Михайловича Хмельницкого, то есть, от 1658 году, кои были по нем гетманами ж, о их делах, поступках и о разных в те времена военных приключениях, действиях и обстоятельствах, с приращением, наконец, от времени до времени, всей Малой России спокойствия и благоденствия

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 22

О изобравшемся собою вместо Юрия Хмельницкого в гетманы войсковом писаре Иване Виговском и о действительном, чрез лесть его, подтверждении царскою грамотою в оного. О оказавшейся потом его противу всей России и царя измене и преданности к Польше

Виговский, получа гетманские знаки, дальнейшие замыслы свои производит

Виговский, коль скоро получил знаки гетманские в свои руки, то по сему он и быть мог совершенным гетманом над козаками, тотчас помышлять начал, каким бы образом отстать от его царского величества, самодержца всероссийского со всем войском козацким и всею Малороссиею и примириться с Польшею. Под самый тот случай был у него присланный из Польши посол Беневский, которому он об оном намерении своем подавал знать, но козаки, как ненавидя поляк, немедленно выгнали его из Чигирина и немного не убили. Токмо Виговский о получении себе гетманства и о своих замыслах Беневского потом уведомил, что он от царя всемерно отстанет и каким образом и что весьма желает с Польшею соединиться, когда король и Речь Посполитая ему то сделает, чего он желает.

Виговский набирает себе наемное регулярное войско

Он, по сему, скоро забыл просьбу старого Хмельницкого о неоставлении и призрении сына его и все его благодеяния, оказанные ему, который, во-первых, высвободил его из плена татарского, потом, что возвел у себя на высокую степень и обогатил не только его, но и всю его родню. Он взял, без согласия войскового, покойного гетмана Богдана Хмельницкого собственных его денег до миллиона руб-

лей и начал себе нанимать польское легкое и регулярное войско, конницу и пехоту, и часто в мыслях своих сносился с послами польскими, почему в Польше и приуготовлять войска свои стали.

Полтавский полковник Пушкарь становится соперником Виговскому за самовольное взятье на себя гетманства и подозревает его к измене склонного

Полковник полтавский Мартын Пушкарь услышавши, что Виговский, вместо того, чтоб быть в правлении войска только за гетмана, делается уже настоящим гетманом малороссийским, и что собирает к себе и новые войска, притом слыша и проникая его умысел к измене противу России, тотчас, согласясь с запорожскими козаками, от него отказался и протестовался об оном всему войску, а в Москву к царю Алексею Михайловичу послал челобитье с тем, что Виговский без войскового согласия и выбора и без соизволения его царского величества самовольно и хищнически берет на себя уряд и звание гетманское всего Войска Запорожского. Почему он имеет на него к противным замыслам противу отечества сумнение.

Войсковая старшина, по совету Виговского, просят у царя себе в гетманы Виговского, в чем и удовлетворяются

А как в то ж самое время, по совету Виговского, от согласников его, войсковая старшина послали в Москву к его царскому величеству, Алексею Михайловичу, полку Корсунского асаула Юрия Миневского, челобитье, с тем прося, чтоб его величество на место умершего гетмана Богдана Хмельницкого пожаловал повелел быть ими выбранному всему Войску Запорожскому гетманом, Ивану Виговскому. На что его царское величество тотчас прислал ближнего окольничего и оружничего и наместника ржевского Богдана Матвеевича Хитрова, как для исследования по челобитью полковника Мартына Пушкаря, так и для избрания при нем, Хитрове, целым войском, кого они пожелают и изберут себе гетмана, тому и препоручить и поставить на гетманство на основанных и утвержденных 1656 году [100] статьях и жалованных грамотах его царского величества.

Виговский принимает боярина в Переясловле и, по оправдании его, поставляется гетманом

Виговскому ж коль скоро о сем знать дано, он тотчас прибыл с своими единомышленниками, старшинами и козаками, в Переяслов, принял тамо того окольничего Хитрова с великою встречею и учтивостию, оказывая ему при том все ласковости свои, почести и дары чрезмерные, чем обольстил и ослепил его так, что во всем по желанию его сделал, оправя его противу доноса, так как сообщники его оправдали, и при собрании согласных ему старшин и козаков Юрия Хмельницкого, якобы по молодости лет его, а паче, что при том случае его не было, и обстоятельства его представить было некому, отрешил потому его от гетманства, а на место его, не созвав всех полковников с их полками, подтвердил, по желанию той при нем Рады, Виговского, быть ему гетманом, не ведая быть врагом отечеству, обязав его присягою и подпискою точно на тех же кондициях и статьях, на каковых гетман Богдан Хмельницкий в подданство великому государю, царю и великому князю всероссийскому вечно отдавшись со всем войском своим и всею Малороссиею, пребывать.

Пушкарь, по непризыву его на Раду, остается соперником Виговскому

Сие зло желая отвратить, полковник полтавский шел с 20 000 войска козацкого на раду к Переясловлю. Но коль скоро услышал, что Виговский уже на место Хмельницкого гетманом утвержден, не пошел далее, а остановился под Лубнами. Хитров, слыша о сем неудовольствии, узнал в том свою ошибку. Сего для, по прошению Виговского, возвращаясь из Переясловля, в Лубны к Пушкарю заехал и оного к примирению с Виговским уласкивал всячески, и одарил его особыми дарами царскими, и указом монаршим приклонил его, дабы он не вчинал брани, и тем на то время успокоив его несколько, отправился в путь свой до Москвы, а полковник Пушкарь возвратился в Полтаву. Токмо остался твердо в том, чтоб ни в чем не повиноваться Виговскому: он отлучил от него всех козаков запорожских и склонил их и других многих на свою сторону.

Виговский посылает к Полтаве войско под видом залоги, но оное оттоль восвояси возвращается

Виговский, видя, что козаки, по наставлению Пушкаря, не все его гетманом своим почитают, и что делается он соперником ему, сего для под видом залоги послал в полтавский повет полки Нежинский и Стародубовский, кои там было и расположились, и хотел тем

его и его полк обуздать; но полки оные, уразумев в том Виговского умысел злой и не предвидя какой-либо нужной надобности тамо в них, по общему согласию возвратились сами в домы свои.

Виговский посылает новонабранные свои хоронгви в Полтаву на полковника Пушкаря для укрощения его, но оные им побиваются

Виговский, видя могущее быть смятение чрез непокорливость оную, тотчас послал для конечного укрощения Пушкаря новонабранных хоронгов своих с тем, чтоб в противном случае поступить с ним, как с неприятелем. Точию, коль скоро пришли оные под Полтаву, полковник Пушкарь с полком своим вышел им навстречу и те хоронгви разбил и прогнал их обратно, с которого времени сделалось почти в целом войске смятение.

Виговский приносит жалобу на полковника Пушкаря и на кошевого Барабаша [101]

Сие видя, Виговский тотчас послал миргородского полковника Григория Лесницкого к его царскому величеству в Москву с жалобою на полтавского полковника Мартына Пушкаря и сообщника его, запорожского кошевого атамана Якова Барабаша в непослушании и неповиновении их, и что они и всех козаков к возмущению противу его, гетмана, приводят и за гетмана своего признавать его не хотят, просил сего ради высочайшим указом своим их к повиновению привесть повелеть.

Царь, по жалобе Виговского, присылает грамоту к полковнику Пушкарю

По сей гетманской жалобе царь послал с грамотою своею к полковнику Пушкарю и кошевому атаману Якову Барабашу стольника Ивана Олфимова да дворянина Никифора Волкова с тем, дабы они бунтов не вчинали и были бы у гетмана в послушании и со всем Войском Запорожским в соединении и любви, а друг на друга не воевали.

Посылаемая жалоба от полковника Пушкаря к царю на Виговского

Напротив чего в то ж время и полковник Пушкарь от себя с жалобою на Виговского к его ж царскому величеству, царю Алексею

Михайловичу писал, изъясняя при том, что он, гетман, насылает на него усильные вооружения для того только, чтоб тем его принудить ко всем его намерениям. А как он содержит свято свое клятвенное обещание и, будучи верноподданный его величества, имея на него некоторое сомнение, отделился сего для от его властолюбия до дальнейшего в том сомнении его усмотрения, просил сего ради его царского покровительства и заступления и всем верноподданным его величества, ибо он из Виговского поступков не иное что примечает, как только недоброхотство к отчизне их, а может быть и измену.

Повелевается войсками усмирять волнующихся в Малой России

По сим обстоятельствам его величество указом повелел окольничему и белогородскому наместнику князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому с войском белогородским следовать в Украйну и там бы усмирять волнующихся козаков противу гетмана, а гетман бы умерил свои поступки противу своих подчиненных.

Виговский входит в союз с татарами и поляками для злого своего намерения

А как в то ж самое время Виговский послал тайно в Польшу и в Крым соглашаться с оными областьми к действительному своему намерению, кои с охотою ему в том помогать обещались, то по сему хан крымский, по прошению его, прислал своего славного воина Карамбея с 40 000 татар к Чигирину, который стал при речке Ирклее, что случилось быть 1658 году по празднике Светлого Христова Воскресения, на день Святого Великомученика и Победоносца Георгия, то есть апреля 23-го числа, куда для свидания и совета с Карамбеем Виговский к нему приехал и, на особом уединенном месте видевшись с ним, по приветствии друг ко другу, сидя на лошадях, часов до двух продолжали между собою разговор скрытно от бывших с ним его старшин и козаков. Они тут советовали, каким бы образом им найлучше начать противу известных людей войну, а во-первых бы напасть военною рукою на соперников его и продолжать оное далее. По окончании ж того совета Виговский просил Карамбея с мурзами в приготовленную для того палатку свою, где, обще со всеми находящимися при нем полковниками и старшинами своими, сделал публичный уговор с татарами под видом, чтоб им будто б иметь только с ними непременную дружбу и согласие, на всякий случай, куда б нужда позвала, им их не оставлять и друг другу везде помогать. В чем, во утверждение того, Виговский, обозный Носач, корсунский судья Лесницкий, полковники, сотники и козаки, кои при том быть

случились, все оные в той видимой согласившейся непременной дружбе и присягою пред Карамбеем и мурзами утвердили. По котором совершении представился тут пир, веселие и пальба пушечная. По окончании чего, в вечеру, Карамбей с мурзами своими отъехал в стан свой, расположенный уже при речке Цибулнике, и с ними отправлены были Нежинского полку сотники Роман Ракушка и Левко Бута для учинения с татарской стороны таковой же присяги, или шерти, какову делал Виговский с подчиненными.

Виговский извещает царю, якобы он в пользу царскую сделал с татарами союз. Царь посылает Виговскому с татарами похвальную грамоту

Виговский, дабы скрыть коварство свое и измену противу России, донес в то время его царскому величеству, что поляки, по соизволению своему, от короля данному Речи Посполитой о бытии его царскому величеству на королевстве польском, не желая более исполнять, с возможною поспешностию набирают войско, також призывают в союз себе Ракоция, князя венгерского, и хана крымского, дабы, соединясь, воевать противу россиян. Но, вопреки тому, он, как ревнуя быть поборником России, отважился отвлечь от них крымского хана на свою сторону, и упрося его на незапный случай прислать к нему татар, которых и прислано с Карамбеем до 40 000. На сие его величество прислал к нему похвальную грамоту и тем оказал ему свою милость.

Царь посылает в Польшу послов

Царь Алексей Михайлович, по уведомлении оном, тотчас послал полномочных послов к Республике Польской, упоминая о исполнении предлагаемого от всех чинов польских его царского величества на Королевство Польское избрания. Послов поляки приняли и отпустили честно с тем же уверением — обождать, покамест с шведами и прусами войну они окончат.

Поляки присылают Виговскому подтверждение на гетманство его

В то ж самое время поляки прислали посланников к Виговскому, подтверждая его на гетманстве, и дабы он был к им склонен, за что обещали все присланные на сейм еще от Хмельницкого Богдана, гетмана бывшего малороссийского, чрез Немерича [102] и Сулиму [103] пункты, которые под городом Гадячем сочинены, укрепити вечно.

Виговский посылает в Польшу свои нотации с тем, чтоб Сенат, рассмотря, учинил на то решение

Но Виговский с своими замыслами послал в Варшаву трех посланцев — козаков Павла, Петра и Грушу с нотациями, дабы сенат тамошний, если принято то быть может, учинил бы об них рассмотрение и решение; по чему и было тамо трактовано, на каком бы основании ему, Виговскому, в Малой России состоять, и иные выгодные статьи к нему прислать в скорости обещать.

Полковник Пушкарь от Виговского присланное войско для истребления его под Полтавою побивает и прогоняет

Виговский же, ведая, что полковник полтавский Пушкарь его царскому величеству верность истинную по всей присяге сохраняет твердо, а ему, Виговскому, есть недоброжелатель, и чтоб он в намерении его не препятствовал, послал сего ради для истребления его наемные свои польские собственные полки, ибо малороссийские полки за него противу Пушкаря воевать отказались. Но полковник полтавский, встретя то войско Виговского, все наголову побил недалече от города Полтавы и Тимоша, господаря гадяцкого, от Виговского посланного с сербами на него ж воевать, на реке, прозываемой Грюнь, поймав и оковав, к околничему под стражу великороссийскую отослал, а полковника винницкого, Богуна, с оставшими сербами к Виговскому возвращающегося, нечаянно постиг и вконец истребил.

Из Польши присылаются трактатные пункты [104] для прельщения козаков

В сие ж самое время поляки, прельщая козаков к присоединению их себе паки, определили, яко бы третьей республике или Речи Посполитой быть в Малой России, и прислали из сейму варшавского обещанные, по наставлению маршала Гнинского, хитро сложенные договорные статьи такового содержания: 1-е — униатской веры чтоб не было в Малой России; 2-е — чтоб митрополит Киевский с четырьмя русскими архиереями по архиепископе Гнезненском заседал в сенате; 3-е — чтоб войска козацкого всегда 60 000 было; 4-е — чтоб гетману малороссийскому быть князем княжения русского, первым киевским воеводою и генералом, также сенаторам впредь быть не токмо из поляков, но и из малороссиян 5 человекам; 5-е — церкви и монастыри с доходами их присоединить паки к России; 6-е — в Малой России иметь свою академию, метрики, канцелярии и типографии, где бы и российские были учители; 7-е — самовольства и пре-

ступления, во время войны Польской Короне от козаков учиненные, предать вечному забвению или амнистию объявить, а инако мир будет нарушен; 8-е — малороссиянам податей никаких Короне Польской не давать; 9-е — обосторонной Малой России ни под чьим владением, токмо под правлением оного гетмана быть; 10-е — что король польский, по свидетельству гетманскому, козаков шляхтичами жаловать должен, и чтоб для того всегда сто человек, шляхетства достойных, при себе имел; 11-е — чтоб коронным польским войскам в Малой России не консистовать, разве по нужде, но и тогда чтоб гетман малороссийский оными командовал; 12-е — козацким же войскам в волостях королевских, духовных и сенаторских консистовать беспрепятственно; 13-е — малороссийскому гетману чтоб свою малороссийскую монету делать на жалованье своему только войску; 14-е — полякам во всяких нуждах и делах козаков на совет призывать и стараться отворить свободный ход в Черное море, и прочая.

Таковыми, хитро вымышленными, договорами своими поляки хотели козаков паки преклонить к своей стороне из-под мирного владения самодержца российского и после поработить их по-прежнему.

Тогда, сими статьями, яко отличные выгоды гетману доставляющими, несказанно пленяясь, Виговский, паче же удельного княжения желанием воспалён, отправил послов польских с объявлением, что договоры свои он с государем российским разрушит и к Короне Польской присоединится.

Виговский нападает на Полтаву и тем делает начало злого своего намерения

Но к скорейшему получению того преименитого достоинства себе и выгод от Польши и к немедленному исполнению своего злого намерения он, не ожидая на послание свое от царя извещения или какой защитной присылки к себе, пошел сам противу полтавского полковника Пушкаря с своим наемным войском и с единомышленниками своими, старшинами и полковниками, с их полками; к чему в дополнение послал и за татарами, дабы для помощи, в случае надобности, придвинулись они ближе к Полтаве, потом приступил к самому городу и расположился станом. Но Пушкарь, имевший при себе около 20 000 козаков, из города в самый Троицын день сделавши вылазку, напал на стан, разбил его войско и не только обоз разграбил и пушки взял, но и булаву его гетманскую отнял; точию, наконец, по извещению об оном самим Виговским, подоспевшей к тому ордою крымскою многочисленною будучи окружен, убит, и все войско его, тем смешанное, татары почти всех порубили и Полтаву-город, разграбивши, выжгли.

Виговского сообщник Гуляницкий воюет и разоряет города малороссийские, кои были Пушкарю склонны

В который самый случай Виговский послал явившегося к нему из укрывательства от Хмельницкого Григорья Гуляницкого, бывшего уже паки нежинским полковником, с полками Прилуцким и Черниговским к Гадячу и Лубнам, которые были партии Пушкаря, который оные, во-первых, Гадяч, потом Лубны, приступом взял, а после под Глуховым той же партии несколько сот козаков порубил.

Пришедшие войска в Украйну для усмирения волнующихся возвращаются

Под сей случай, по полученному от его царского величества указу, пришел из Белагорода с войскими в Украйну окольничий князь Григорий Григорьевич Ромодановский, но Виговский тотчас отписал к царю, что он уже своевольников усмирил и татар помощных от себя отпустил, и для того, дабы войска его величества понапрасно не трудились, повелено б было им возвратиться из Украйны, которые, по указу же его величества, из Малороссии и выступили и возвратились в свои места.

По уведомлению, к Виговскому присылается спросить, для чего его войска приуготовляются?

Но коль скоро войска московские вышли из Украйны, Виговский тотчас приказал полкам своим быть во всякой готовности; о сем когда в Москву царю знать давали, были к Виговскому в разные времена нарочные присланы: сын боярский Феодор Тюлюбаев и подъячий Яков Портомоин, для осведомления от него, какой ради надобности им велено быть, всем его полковникам с их полками, в готовности? Но он оных присланных, не возвращая их с известием, задержал при себе под стражею, производя свое злое намерение в действие.

Сам Виговский измеппически воюет и разоряет супротивные ему города и местечки

По победе над Пушкарем вскоре еще несогласников своему злому против самодержца всероссийского намерению — наказного гетмана именем Силку, в Зенкове затворившегося с своими козаками, не могши войною и приступом достать, присягою обязал, что в целости его, Силку, и с людьми его отпустит, а взяв город, всех бывших

в нем вырубил и местечки — Гадяч, Веприк, Рашевку, Лютеньку, Сороченцы, Ковалевку, Обухов, Богачку, Устиновицу, Ярески, Шишак, Бурки, Хомутец, Миргород, Беспальчики и иные многие города и селы дал татарам на разграбление, и был еще сам под Каменным городом российским с войском своим и с татарами.

Козаки нападающего Гуляницкого из Гадяча изгоняют

Так равно потом и Гуляницкий лестно вошел в город Гадяч, в который несколько оставших козаков уже собралось, и последки в городе грабить начал, однако козаки, в замке бывшие, выбежав, с партиею его сделавши бой, из города выгнали.

В сие самое время великороссийские войска, бывши в Литве, стольный город князя Радзивила Кайданы с великим иждивением взяли и все, что в нем было, сожгли и разорили, потом литовского воеводу Гонзевского под городом в полевом бою со всем войском его завоевали и самого в полон взяли, а поляк и литовцев 2000 на месте положили.

Посланы войска царские на сопротивление Виговского и сообщников его, и о их действиях. За гетмана Иван Безпалый, 27-й.

Об открывшейся уже действительной от Виговского измене и о его противных и злодейских поступках дали знать из Малой России в великороссийские города воеводам и в Москву самому царю, почему тотчас, по указу его величества, из Белагорода боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский с 20 000 войска московского паки в Украйну пришел. Но уже под самую осень и несколько приобщились к нему козацких полков, как то: Лубенский, Полтавский и Миргородский, которыми командовал в то время генеральный судья за гетмана, на тот случай козаками поставленный, Иван Безпалый, да при нем были войсковой генеральный есаул Воронок да кошевой атаман запорожский Яков Барабаш с запорожцами, которые, гонясь за Григорьем Гуляницким, сожгли города Лубны, Пирятин, Чернухи, Горошин и иные. Гуляницкий же, имев при себе полки Черниговский и Прилуцкий, с оными отважился было сделать нападение на войска царские под Пирятиным, но принужден был от превосходной силы уходить, коего осадя в Варве, князь Ромодановский держал его чрез шесть недель в осаде, даже сам Виговский пришел с войсками для освобождения оного. Тогда князь Ромодановский, по наступившей глубокой уже осени, или, лучше сказать, зимы, принужден был, оставя осаду и наступление Виговского, расположить все свое войско на зимнюю стойку в Лохвице, где сам зимовал, а за

гетмана Безпалый с своими в Ромнах и в округах оных, и там изождать будущей весны.

Польша присылает Виговскому помочь, с которой делает на города, где войски московские и козаки, приступ без успеха, за что разоряет бессильные местечки

Между тем как Виговский уже с Польшею примирился и согласились между собою, потому и прислали по требованию его в ту зиму несколько тысяч жолнеров польских, с которыми он, обще с ордою, ходил под Лохвицу доставать там князя Ромодановского. Точию в оном не успев, пошел под Зинков, где много украинских козаков было; но когда не получил и оного, разорил вместо того немало там местечек, нашедши их без супротивления, и с тем пошел до своего Чигирина, жолнеров же расставил на зимовье вокруг себя по городам украинским.

На требуемый государский от Виговского о злодейских его поступках ответ приносит он свое оправдание

Но когда к нему из Москвы о таковых его злодейских поступках писано было, то и тут еще он, явную свою измену утаевая, великому государю извинялся, что якобы он своих противников, бывшего полковника Пушкаря и других, смирял, противу воли города и села опустошал; а что под город русский Каменный и прочие приступал, то он булаву свою гетманскую, Пушкарем у него взятую, проведал у каменского воеводы, который, якобы, на бесчестие его, Виговского, оной ему не отдает. Однако ж его, Виговского, лесть противу государя видимо показалася тогда, как он пошел под город Конотоп в помощь Гуляницкому.

Татары обещают помогать полякам противу России

Сего лета от стороны российской требовано было от Польши установить перемирие июня по 24-е число; точию в то самое время татарский посол, прибывший в Варшаву, против того обнадежил поляков, что его хан, доброхотствуя им, хочет на русские войска послать свою орду, и в том бы они были благонадежны.

Виговского брат приступает к Киеву, но отгоняется от оного

При наступлении ж лета 1659 году, августа в 22-й день, брат Виговского, Данила Виговский, с козаками, пяти полками заднепровскими пришел и стал под Киевом на урочище горе Щековице и хотел доставать Киева; токмо боярин Василий Борисович Шереметев его и с полками разбил и прогнал, и тем освободил на то время округу киевскую.

Виговский приступает к Киеву, но побеждается войсками московскими и к усмирению приводится

Виговский же, гетман, слыша сие, тотчас поспешил сам придти под Киев с войском своим и крымскими татарами, но боярин Шереметев усильно супротивлялся ему, разбил его и татар и возвратил от них пленников, а от гетмана взял весь его обоз, знамена, пушки, литавры, барабаны, бунчуг и печать войсковую и принудил его себя усмирить под присягою с тем, что не будет он более противу войск его царского величества воевать и войско свое распустит по домам, а татар до Крыму. С чем, во уверение, послал в Москву к его величеству, государю царю с объявлением о поступках своих и в том с повинностию своею белоцерковского полковника Ивана Кравченка, почему отправил и под Варву наказного своего гетмана Ивана Скоробогатку с тем, дабы и там замирение учинить с князем Ромодановским и со всею ратью московскою, что и учинено.

В полк Полтавский присылается от царя с благоволением своим к ним милостивая грамота

Но по извещению сего в Москву, царь Алексей Михайлович тотчас прислал свою милостивую грамоту в полк Полтавский во утешение всем тамошним и в прочих местах верноподданным своим с объяснением в оном всего изменнического от гетмана Виговского, делах и поступках его, коих о заступлении своем монаршем за них навсегда обнадеживает впредь милостию своею под высокодержавною рукою в покровительстве их содержать и ни в какие обиды и разорения не давать; а при том бы по желанию своему изобрали меж себя иного доброго и надежного вновь гетмана с тем уверением, дабы он и с ними служил по присяжной должности его царскому величеству и наследникам его верно и радетельно и ни на какие прелести не сдавался, за что надеялися бы на всегдашнюю его великую милость. В каковом же содержании та царская грамота состоит, тому при сем точный список прилагается.

Царская грамота

Божиею Милостию от Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержца, и многих Государств и земель Восточных и Западных, и Северных Отчича и Дедича, и Наследника, Государя и Обладателя.

Нашего Царского Величества Войска Запорожского Полтавского полку полковнику и сотникам, и асаулам, и всяким начальным людям, и козакам, также войтам, бурмистрам, райцам, лавникам и всему поспольству, и всей черни наше, Царского Величества, милостивое слово.

В прошлых годех присылали к Нам, Великому Государю и Великому Князю, Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, к Нашему Царскому Величеству, Гетман Богдан Хмельницкий и вы, все Войско Запорожское, били челом многажды, что Польский Король Ян Казимир и Паны Рады, и вся Речь Посполитая на Православную Христианскую веру Греческого закону и на Святые Божие Восточные церкви восстали и гонение учинили большой истинной Православной Христианской веры, в которой вы издавна жили и ныне живете, учали вас отлучать и неволить к своей Польской вере и всякое над вами поругание и злости Християнския чинить, а после того, и помирясь с вами под Зборовом и под Белою Церквою, на правде своей не устояли, войски свои на вас и многие городы и места собрали, и в тех городах и местах святые Божие церкви осквернили и обругали, и разорили, и Православных Християн духовного и мирского чину многих невинно замучили. И вы, не хотя благочестивыя Християнския веры отбыть и святых Божиих церквей в разорении видеть, просили милости у Нас, Великого Государя, чтоб Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, Православныя Християнския веры искоренить и святых Божиих церквей разорить гонителем вашим и Нашим не допустить и не дали, и над вами умилосердились, велели вас, все Войско Запорожское, принять Нашего Царского Величества под высокую руку с городами и землями и вы, все Войско Запорожское, Нам, Великому государю, Нашему Царскому Величеству, учнете служити, и за Наше Государское здоровье против всякого Нашего неприятеля стояти во веки неотступно. А буде Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, под Нашу Государскую высокую руку приняти вас не изволим, и Нам бы, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, пожаловати, для Православныя Християнския веры за вас вступитись и велети б с Польским Королем с паны Рады помиритись чрез Наших Государских Великих послов. И Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, по вашему челобитью посылали Нашего Царского Величества великих и полномочных послов к Польскому Яну Казимиру Королю — боярина и наместника Великопермского князя Бориса Александровича Репнина с товарищи, и велели Королю и Панам Раде

о том миру и посредстве говорити накрепко. И Нашего Царского Величества послы Королю и в ответах Паном Раде учинили, чтоб Король и Паны Рада Православной Христианской веры Греческого закона не гоняли, церквей Божиих не отнимали и неволи вам, Войску Запорожскому, не чинили, а учинили б с вами мир по Зборовскому договору. И Польский Ян Казимир Король, и Паны Рада Нашего Царского Величества послам отказали, а говорили помирятся, де, они с вами, Войском Запорожским, в то время, как вы, Войско Запорожское, шабле на свои шеи положите. И в прошлом в 162 годе Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, видя на Православну Християнскую веру и на Святые Божие церкви великое гонение и не хотя того слышати, чтоб церквам Божиим в запустении и поругании от латин, а вам, единоверным Православным Християнам, в конечном разорении быти, Гетмана Богдана Хмельницкого и вас, Войско все Запорожское, под Нашу, Царского Величества, высокую руку по вашему челобитью с городами и землями принять изволили и Нашего Царского Величества ратными людьми на неприятелей ваших помочь чинить велели. И Гетман, Богдан Хмельницкий, и вы, полковники и всякие начальные люди, и козаки, и мещане, и вся чернь Войска Запорожского, которые были на Раде в Переяслове, видя о благочестии Наше, Царского Величества, тщание и о вас, Православных Християнах, велие попечение, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, в Соборной Апостольской Церкви пред Святым Евангелием по Святой непорочной Евангельской заповеди Христову веру учинили при ближнем нашем боярине и наместнике Тверском, при Василье Васильевиче Бутурлине с товарищи. А которые начальные люди и козаки, и мещане, и чернь Войска Запорожского на Раде с Гетманом в Переяслове не были, и те ж все по тому ж веру учинили во всех городах и местах по полкам всего Войска Запорожского, во Святых Божиих церквах пред Святым Евангелием при стольниках Наших и дворянах на том, что служити вам, всему Войску Запорожскому и мещанам, и всей черни, Нам, Великому Государю, и сыну Нашего Царского Величества, благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Нашим Государским наследникам, и к иным Государям, к Польскому и Немецким Королям и к Турецкому Султану, и Крымскому Хану, и к иным некоторым Царям и Королям, не приставать и опрочию Нас, Великого Государя, и сына Нашего Царского Величества, благоверного Царевича и Великого Князя, Алексея Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Наших Государских наследников, на Московское и на Владимирское Государство, и на все великие Государства Российского Царствия, и на Великое Княжество Киевское и Черниговское, и на всю Малую и Белую Россию иного Государя никого не имети и не мыслити, и быти всему Войску Запорожскому под Нашею, Царского Величества, высокою рукою навеки неотступно. И как Гетман, Богдан Хмель-

ницкий, и вы, все Войско Запорожское, у Нас, Великого Государя, у Нашего Царского Величества, в подданстве учинились, и Ян Казимир Король, и Паны Рада, и вся Речь Посполитая учали на Православную Християнскую веру и на вас, Православных Християн, умышлять всякое пуще прежнего, и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, за избаву Православныя Християнския веры и за вас, Православных Християн, изволили идти на Польского Яна Казимира Короля, и ходили со многими ратьми своею Государскою особою, а к вам Нашего Царского Величества в Войско Запорожское на оборону против неприятелей посыланы Нашего Царского Величества бояре и воеводы со многими ратями. И Гетман Богдан Хмельницкий Нам, Великому Государю, служил до смерти своей верно, по своему обещанию, да и вы, Нашего Царского Величества Войско Запорожское, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и доныне служили верно, без всякой шатости. И как в прошлом, в 165, году Гетмана Богдана Хмельницкого не стало, и вы, Нашего Царского Величества Войска Запорожского, обозный и судьи войсковые, полковники и сотники, и асаулы и старшина Войска Запорожского прислали к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству бити челом Корсунского полку асаула Юрья Миневского с товарищи, что вы по смерти Богдана Хмельницкого промеж себя советом и единогласием всего Нашего Царского Величества Войска Запорожского обрали на Гетманство Ивана Виговского, и чтоб Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, пожаловать того нововыбранного Гетмана Ивана Виговского, велеть ему дать Нашего Царского Величества жалованную грамоту и булаву, а вам бы, всему Войску Запорожскому, и с новообранным вашим Гетманом Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и сыну Нашего Царского Величества благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Нашим Государским наследникам служити и всякого добра хотети, на чем ваше прежнее обещание было пред Святым Евангелием. И Мы, Великий Государь, по вашему челобитью посылали к вам Нашего Царского Величества ближнего окольничего и оружейничего, и наместника Ржевского Богдана Матвеевича Хитрова с товарищи, и новообранный ваш Гетман Иван Виговский на прежнюю подданственную службу в Переясловле, в Соборной Апостольской церкви, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, по Святой непорочной Евангельской заповеди Христовой веру учинил и образ Святой целовал при ближнем Нашем окольничем и оружейничем, и наместнике Ржевском, при Богдане Матвеевиче Хитровом с товарищи и при вас всех на том, что служити ему Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и сыну Нашего Царского Величества благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Нашим Государским наследникам с вами, со всем Войском Запорожским, и

быти под Нашею Царского Величества высокою рукою по-прежнему, на том всем, на чем Нам, Великому Государю, веру учинил прежний Гетман Богдан Хмельницкий и он, Иван, и все Войско Запорожское пред Святым Евангелием, и Наше Царского Величества жалованье, булаву окольничей наш, оружейничей и наместник Ржевский, Богдан Матвеевич, ему, Гетману, при вас дал, и после того присылал к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству Гетман Иван Виговский Миргородского полковника Григория Лесницкого с товарищи, бьючи челом Нам, Великому Государю, на Полтавского полковника, на Мартына Пушкаря, да на Якова Барабаша с товарищи, и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, поверя его обещаниям, посылали к Мартыну Пушкарю и к Якову Барабашу Нашего Царского Величества стольника Ивана Олфимова да дворянина Никифора Жолкова с Нашими, Царского Величества грамотами, чтоб они бунтов не вчинали, а были бы у Гетмана Ивана Виговского в послушании и с вами, со всем Войском Запорожским, в соединении и любви для того успокоенья, а не войны. По его, Ивана, челобитью, указали Мы, Великий Государь, в Наши Украинские Черкаские городы идти Нашего Царского Величества окольничему князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому с товарищи, с Нашими ратными людьми. И окольничий наш и воевода с Нашими ратными людьми сбирался, и Гетман Виговский не дождался Нашего Царского Величества окольничего, и, призвав к себе крымских многих татар, полковника Мартына Пушкаря убил, и Наши, Царского Величества, Черкаские городы и места, и церкви Божии, и домы многие пожег и разорил, и многих Православных единоверных Християн побил и в плен татарам отдал. И как окольничей наш и воевода, князь Григорий Григорьевич, в Наши Черкаские городы пришол, и Гетман, Иван Виговский, писал к Нам, Великому Государю, что он своевольников усмирил и татар отпустил, и, чтоб Нашего Царского Величества войск не утруждать, и велети б окольничему Нашему, князю Григорию Григорьевичу, с ратными людьми из наших Черкаских городов отступить, и по указу Нашего Царского Пресветлого Величества окольничей Наш, князь Григорий Григорьевич, с ратными людьми из Наших Черкаских городов выступил. И после того Гетман Иван Виговский велел Войска Запорожского всем полковникам с полками быть готовым, невидимо для какова умыслу, и Мы, Великий Государь, посылали к нему, Гетману, в разных месяцех и числех с Нашими, Царского Величества, грамотами путивльца, сына боярского Федора Тюлюбаева, подъячего Якова Портомоина, и он, Гетман Иван Виговский, у себя их задержал. И в нынешнем, в 166, году писали к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству из Киева боярин Наш и наместник Белоозерский, и воевода Василий Борисович Шереметев с товарищи, ведомо, де, им учинилось, что идут под Нашу, Царского Величества, отчину, под Киев, пять полковников с полки, с крымскими татарами, со многими людьми и Наших, Царского Величества,

людей побивают и граблят, и всякие злости чинят, и оный, де, боярин Наш и воевода Василий Борисович Шереметев с товарищи, не хотя разлития крови Православных Християн, посылали к ним, полковникам, говорить дворян Михайла Свищова с товарищи, для чего они с полками и со многими людьми и татары под Киев идут. И полковники, де, к боярину Нашему и воеводе с Михайлом Свищовым приказали, что они пришли под Киев со многими людьми по росказанию Гетмана Ивана Виговского, а татар, де, с ними нет, и будет, де, к ним, под Киев, для договору всяких дел, идет Данило Виговский. Августа, де, в 22 день пришел под Киев Данило Виговский с татары и с черкасы со многими людьми, и у Наших ратных людей конские стада отогнали и за сторожевыми сотнями учали гонять, и на посаде на торгу Наших ратных людей побивать, и посад велели жечь, и стали в обозах, и шанцы окопали, и учали к городу приступать. И Нашего Царского Величества боярин и воевода Василий Борисович, видя к Нам, Великому Государю, Данилы Виговского явную измену, боронясь о себе и прося у Бога милости, посылал товарищей своих, воевод, с Нашими, Царского Величества, воеводы, и ратные люди их побили, из шанцов выбили и обозы, и корогви, пушки и знамя, прапор, и литавры, и барабаны, и бунчуг, и печать войсковую взяли, и живых многих во языцех поймали, и тех взятых Православных Християн боярин наш и воевода Василий Борисович и с товарищи отпустили к вам в полки, а иные Православные Християне, бегучи с бою, в Днепре и Почайне многие потонули. А Мы, Великий Християнский Государь, поборая по благочестии, слыша такое междусобие в Православных Християнах и невинное кровопролитие, которое учинилось от того изменника Нашего и гонителя всех Православных Християн, от Ивана Виговского, зело поскорбили, а положили упование на Всещедрого Бога и на силу Животворящего Креста, и на Пресвятую Богородицу и веруем Богу Нашему, что и впредь воздаст ему Бог мщение за его клятвопреступление, что забыв он страх Божий и прежнее свое и нынешнее обещание, на чем Нам, Великому Государю, обещался пред Святым Евангелием, в том во всем солгал, и воздвиг рать на Церковь Божию, сложась с крымскими татары, единоверных Православных Християн воюет и сечет, и в плен, и в расхищение хощет отдать, хотя церкви Божии до конца разорить и вас, единоверных Православных Християн, из-под Нашей, Царского Величества, высокой руки отгонить, и учинить в вечном порабощении у ляхов и у татар, обличая Нас, Великого Государя, Наше Царское Величество, вам, верным подданным Нашим, будто Мы, Великий Государь, права и вольности ваши нарушаем и от неприятелей ваших обороны вам не чиним. И вам то сведомо подлинно, как Гетман Богдан Хмельницкий и вы, все Войско Запорожское, учинились под Нашею, Царского Величества, высокою рукою в вечном подданстве, и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, посылали к вам для обороны вас, единоверных Православных Християн, от неприя-

телей Наших, Царского Величества, бояр и воевод со многими ратьми не по одно время, и Наши, Царского Величества, бояре и воеводы, и ратные люди с вами вместе, с Коронными Гетманы и с крымскими татары, ино бы крепко и мужественно, и городы многие и места в Короне Польской и на Волыни, и на Подоле поотнимали, и от Наших, Царского Величества, бояр и воевод вам никаких обид в правах и вольностях ваших не бывало. И Наши, Царского Величества, многие грамоты посыланы к вам напред сего с Нашим Государским милостивым словом, и ведомо Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, учинилось, что те Наши Государские грамоты Гетманы задержали и вам не отдали, а Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, жалуем, держим вас, единоверных Православных Християн, под Нашею, Царского Величества, высокою рукою, в Нашем Государском милостивом призрении, по вашим правам и вольностям, и вам, Нашего Царского Величества Войска Запорожского Полтавского полку полковнику и асаулам, и сотникам, и всяким начальным людям, и козакам, также войтам, бурмистрам, райцам, лавникам, и всему поспольству, и всей черни, памятуя Бога и Православную Християнскую веру, и пред Евангелием по Святой непорочной Евангельской заповеди Христови свое крепкое обещание, и Нашу Государскую к себе премногую милость и жалование, ныне к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству службу свою и доброхотение совершенно показать и от изменника Нашего Царского Величества и клятвопреступника, и разорителя веры Християнския, от Ивана Виговского, и от татар отстати, и с Нашими, Царского Величества, бояры и воеводы о Наших Государских делах ссылатись почасту, и обрати бы вам всем Войском Запорожским единогласно иного Гетмана, кого меж себе излюбите, и быти б под Нашею, Царского Величества, высокою рукою в вечном подданстве по своему обещанию по-прежнему, а ни на какие прелести не уклоняться и, сшедшися с бояры Нашими и воеводы, за Святые Божии церкви и за Православную Християнскую веру против Нашего Царского Величества и вас всех, Православных Християн, изменника и клятвопреступника Ивана Виговского и крымских татар, и ляхов стояти, и промысл над ними чинити, колько милосердный Бог помощи подаст, чтоб Святые Божии церкви до конца не разорились и вас, Православных Християн, ляхи и бусурмане в плен и в расхищение не поработили вечно. А Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, учнем вас жаловать и держать под Нашею Государскою высокою рукою, в Нашем Государском милостивом жалованье, по вашим правам и вольностям, и в том бы вам на Нашу Государскую милость быти во всем надежным без всякого сумнения. А тем бы не сумневатись, что прежде сего прошлого 166 года к Нашему Царскому Величеству полку Полтавскому верным подданным козакам обороны и защиты не учинено; всяк о том может рассудити, честь и ум имеючи, что то учинено не презрения для или кроме всякого попечения

им без помочи оставленным быти, но верна имеючи Гетмана, яко начального надзирателя и остерегателя Украйны Малороссийския, ничто же сумнительно об нем разумея; обаче он, яко наемник, а не пастырь, и не лучшее свободное избирая на пагубы злокозням своим, Нашего Царского Величества верных подданных Войска Запорожского, и Июдски на предание братий тайно в души своей вымышлял, возложа надежду свою на бусурманскую тщетную силу, единоверных братию свою, Церкви Восточныя сынов, дражайшею кровию Христа Спасителя искупленную, дешевою ценою тем Агарянам чадом продати обещался. И Мы, Великий Государь, видя тех, которые Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, верно служат, Нашею, Царского Величества, державною милостию обнадеживаем и велим за вас Нашим, Царского Величества, воеводам стоять и защищати, сколько милосердый Бог помощи подаст. Да и к Гетману же, Ивану Виговскому, посылан был Нашего Царского Величества дьяк Василий Михайлов, и в нынешнем же, в 167 году к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству дьяк Василий Михайлов приехал и вещал, что он по Нашему, Великого Государя, указу Гетману Ивану Виговскому говорил, чтоб он, Гетман, памятуя Бога и истинное свое обещание пред Святым Евангелием на вечную службу и подданство, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, служил верно и был бы на Нашу, Великого Государя, милость во всем надежден, а сомнение и непостоянство всякое оставил, и ни на какие он злохитрые людские прелести не прельщался, а татар бы всех отпустил, для того что от татар вам всем, Православным Християнам, насильство и утеснение великое. И Гетман Иван Виговский от Нашея Государския милости отлучился и Нашему Государскому повелению учинился непослушен, татар от себя не отпустил и, забыв Бога, истинное свое обещание, говорил, что он и с ним враги Креста Христова, с бусурманы хощет соединитись на Православных Християн. Да он же, Гетман, говорил, что будто есть у него из Наших, Великого Государя, полков русские люди перебежщики, и сказывают те перебежщики, будто они слышали, что Наша, Великого Государя, грамота прислана окольничему Нашему, воеводе, князь Григорию Григориевичу Ромодановскому, велено, де, его, Гетмана, и всю старшину побить и вольности поломать, а козакам только быть десяти тысячам, и то Гетман Иван Виговский, не убоясь праведного и страшного суда Божия, вмещает меж вами, Православными единоверными Християнами, на ссору, хотя вас от Нашей Государской милости отлучить, чтоб ему теми своими злохитрыми вымыслы учинить мятеж меж Православными Християны, расколы и брань междуусобную и привести б всех вас, Православных Християн, в лядскую Латинскую веру; а у Нас, Великого Государя, того и в мысли нет, чтоб старшине какое зло чинить или козакам такому малому числу быть, и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, желаем видети всем Православным Християнам всякого

добра и покоя и хотим того, чтоб в Войске Запорожском были козаки многие тысячи. А которые налоги и обиды в Войску Запорожском учинились Нашего Царского Величества от ратных людей, и ему было, Гетману, за таким великим утверждением и за присягою Нашего Царского Величества на окольничего и воеводу, на князя Григорья Григорьевича Ромодановского, и на ратных людей, и на Наши, Царского Величества, Украинские городы войне приходити было не годилось, а о управе довелось было прислать бить челом к Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству. А Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, вас, верных подданных Войска Запорожского, как прежде сего в Нашей Государской милости имели, так и впредь содержати будем неотменно.

Печатана сия грамота Наша, Царского Величества, в Нашем, Великого Государя, царствующем граде Москве в лето от создания мира 167 месяца сентября в 22 день.

Виговский, изломавши свою вторую присягу, вооружился против России

Но по совершении всего того гетман Виговский, уничтожа и пренебрегши присягу свою, паки вооружился против сил московских. Он, совокупясь с поляками и паки с татарами и козаками своими, послал немалый отряд до Варвы и обще с тамошними людьми, нечаянно напавши на войско князя Ромодановского, сделали с ними не малую битву, а под Лохвицу прислал черкес и татар оной добывать.

За изменнические поступки Виговского посылается против его со умножением войск московских, чтоб, по успокоении между мятежия, на место Виговского избрать другого гетмана

Царь Алексей Михайлович, как сделался потом обо всем также известен, что Виговский ему и по другой присяге изменил и учинил в Малой России немалое разорение, и отважился паки вооружиться против сил его величества и чинить великие кровопролития, сего ради насланным указом повелел для сокращения сего, в 1659 году генваря 13 дня, ближнему боярину и наместнику казанскому, князю Алексею Никитичу Трубецкому, чтоб с ним были боярин и наместник белозерский Василий Борисович Шереметев, окольничий и наместник же белогородский, князь Григорий Григорьевич Ромодановский и думный дьяк Иларион Дмитриев сын Лопухин, и дьяк Феодор Грибоедов, чтоб им следовать с войсками своими в его царского величества черкасские города и в Войско Запорожское для успокоения их междуусобия и невинного кровопролития. И егда

успокоят смятения оные, то тогда повелел государь ему тем указом учинить в Войске Запорожском в Переясловле Раду с тем, чтоб в оной быть обозному, судьям, полковникам и всей старшине и черни и по их праву им обрать гетмана, кого они меж себя излюбят. А как изберут гетмана, повелеть изволил на Раде вычесть им статьи, каковы были даны, по указу его царского величества, прежнему гетману Богдану Хмельницкому и всему Войску Запорожскому, на каких статьях были под высокою рукою его царского величества прежний гетман и все Войско Запорожское; а иные статьи указал сочинить вновь для подтверждения им, чтоб впредь такие измены не были, как учинил изменник Виговский, а потом бы в верности службы их его царскому величеству привесть его, новоизбранного гетмана, и все Войско Запорожское к присяге.

Князь Трубецкой осаждает Гуляницкого в Конотопе

По которому означенному указу помянутые бояре с товарищи и с войсками своими, и сверх того к ним приобщился князь Пожарский с дьяками и полководцами, с немалым числом войска московского ж, собравшись и соединясь при городе Путивле, вступили в Малую Россию. Гуляницкий же Григорий, коль скоро об оном уведомился, тотчас пошел напротив войска того с полками Нежинским и Черниговским и, встретившись, с ними сразился, но, не устояв противу силы той, пошел от них отступно до Конотопа и засел в оном; войско же московское под предводительством князя Трубецкого, пристигши его тамо, двенадцать недель в осаде держало и разными способами его и город доставало, как то: сильными приступами, подкопами и метаньем гранат; но, наконец, хотели засыпать около крепости ров, а потом насыпать выше города вал и тем его взять, что войско и делать уже начало; точию в осаде сидящие ночью, чрез вылазки свои, ту землю в город уносили и тем вал свой еще выше возвышали, чрез что только князь немало людей своих потратил.

Князь Ромодановский с отдельным войском побеждает неприятелей под Борзною

Между тем, князь Ромодановский, ходя с отдельным войском для поиска неприятеля, нашедь их несколько под городом Борзною, разбил так, что они, миновав город, бежали до Нежина, в который случай князь Борзну взял и в нем одну половину неприятеля порубил, а другую в полон взял, и город сжег.

Князь Ромодановский побеждает неприятелей под Нежином

Сие окончивши, Ромодановский, мая 8, с силами своими к Нежину пришел, но козаки, находящиеся при оном, имели при себе 20 000 татар с начальником их — ханским зятем мурзою Мамсиром, с которыми Ромодановский должен был сразиться в поле, но, преодолев, их разбил, понудил козаков с наказным гетманом своим бежать в город Нежин, а татары оборонною рукою пошли от него полями на Лосиновку. Князь же, хотя следовал за ними, точию ничего более успеть не мог, возвратился сего ради и пошел под Конотоп.

Виговский со всем своим войском, а хан со всею ордою присягою между собою обязываются твердо друг за друга противу России стоять

А как пред тем уже гетман Виговский с полками своими козацкими и имевшимся при себе Нурадином султаном с ордою пришел с ними на Крупич-поле, куда и хан крымский с великими силами войск татарских июня 24-го числа к нему прибыл, и как вооружение Виговского противу царя московского уже всем малороссиянам явно открылось, вздумал сего для утвердить всех своих старшин и козаков присягою в том, чтоб все единодушно, обще с ханом и татарами, не отступая друг от друга, противу царя российского воевали и до последней капли крови старались бы довести себя быть свободными от Российского державства. В чем Виговский первый со всеми своими старшинами, а полковники с сотниками и козаками, при присутствии хана и всего его войска присягали в том, чтоб им неизменно обще продолжать начатую войну до ее благополучного окончания и никогда бы не отступать от хана и орды его, и не оставлять их. Напротив чего с тем же пред ними и хан с своими султанами, мурзами и татарами, им шертью своею обязался, и в том письменно между собою утвердили.

Виговский со всеми войсками пошел к Конотопу

По совершении всего того пошли все обще к Конотопу, а из конницы вперед многие разъезды послали, кои при переправе, напавши на войски российские, сражение учинили, и во оном случае разъездные от россиян языка взяли. Московское ж войско, хотя так же о поимке от них языка старалось, но в сражении оном получить живого им не удалося, как только, прогнав их, вблизи города, в миле, заставы и отводные караулы при оной переправе учредить успели, и тем тот день окончался.

Войско российское сражается с войсками Виговского, польскими и татарскими, от коих и побеждается, чрез что и Гуляницкий из Конотопа от осады освобождается

Великороссийские ж князья Трубецкой и Ромодановский с товарищи, будучи при Конотопе, услыша Виговского, вооруженною рукою на себя с поляками и с татарами наступающего, и, уведав о учинении договоров с поляками и теми татарами, пошли с войсками своими противу его, чтоб его с ордою татарскою разлучить, но уже орду крымскую многочисленную, с его, Виговского, войском совокупленную, и обозного коронного, с премногим польским войском устроенных 28 июля застали, что было в среду рано. Гетман Виговский с своими и польскими войсками шел к Сосновке, а хан с отборными татарами — на пустую Торговицу, где Виговский близ Сосновки, при переправе нашел великое число российского войска конного и пешего, которыми командовали князь Ромодановский и князь Пожарский. Тут сразились войски Виговского и московское, но с другой стороны, от Конотопу, в тыл хан с татарами своими на войско московское напал и учинил с ними жестокое сражение, где по долговременной обосторонней битве весьма великое число войска российского легло. И из князей-воевод одного Трубецкого и Долгорукова убили, как равно и козаков, и татар, и поляк до 10 000 побито, с коего сражения сами князья с поля уступить принуждены были, и остальное великороссийское войско с командирами, князем Пожарским и князем Яковом Черкасским, Виговский поразив и оных в полон взял, из коих Пожарского смертию казнил за то, что жестоко изменника Виговского ругал и хана вероломником называл, что он, наруша дружеский союз с его государем, изменнику помогает, а Черкасский в Крым отведен. По окончании ж сего Виговский Гуляницкого из Конотопа выручил, почему от 29-го июля Гуляницкий, будучи в Конотопе с 2500 козаков, спокоен был, а князь Трубецкой, собрав свое оставшее войско и устроивши обозом, пошел с ними в третий день по битве до города Путивля, за коим гнался Виговский, и подошел до Путивля, но осадить оного не отважился, пошел обратно с войсками своими и ордами до Гадяча и там расположился. Оттоль послал Гуляницкого, для добычи и опустошения сел и деревень, с козаками и татарами в границы российские, а полученную добычь от войска московского — большое знамя, барабаны и пушки — отправил в Польшу к королю.

Выше объявленный трактат польский с Виговским за победу над россиянами в Гадяче обнародывается, договоры польские с царем о избрании его на королевство уничтожаются

За то во оном городе Гадяче подтвержден прежде объявленный договор и трактат Виговского с Польшею, которой от польской стороны и привилегиею ему утвердили. А те договоры, кои от стороны царской с Короною Польскою о примирении с ними трактованы и на мере уже было установлены, чтоб быть от царской степени у них в Польше королем, поляки уничтожили. Потому как скоро Виговский неверность к государю оказал и начал противу его воевать, согласясь с татарами, а паче с поляками, ими опровергнуты.

Виговский повелевает все те города жечь, из коих козаки противу его были, и отпускает татар со взятьем плена

Виговский же, как будучи при Гадяче, велел все те городы, из коих были противу его, гетмана, при войске московском, как то: Ромны, Полтаву, Миргород, Веприк, Лубны и прочие все жечь, а козаков, оставших в них, перегнать за Днепр. Сие учиня и распустя войско свое, сам намерен был возвратиться в Чигирин, а хан с ордою, набрав ясырю, пошел до Крыму, хоронгви ж польские расположил по станциям в полках Нежинском, Черниговском, Прилуцком и по прочим местам, кроме Переясловля, над которым был начальником господин регементарь Немирович.

Неудача в Литве россиянам во взятье города Бресты

Находящиеся же в Литве войска московские нарочитую крепость Бресту было взяли, но вскоре потом литовский генерал Комаровский, соединясь с братом Виговского, россиян прогнали и тем освободили город.

Войско литовское в Литве от россиян поражаются

Только вместо того, того ж лета, князь Долгорукий, будучи в Литве ж, войско литовское со всем поразил и самого гетмана их, Коневского, поймав в полон, к его царскому величеству отослал.

Юрий Хмельницкий домогается о получении гетманства своего

В сии времена Юрий Хмельницкий сносил свою обиду и бесчестие, причиненое ему от Виговского, в отнятии себе из рук его гетманского достоинства, сперва с терпением, но, наконец, воспрянувши и согласясь с доброхотами своими, послал от себя слугу своего Ивана Мартынова сына Брюховецкого к козакам в Запорожье и к прочим с жалобою и с прошением, чтоб дали ему помочь к принятию, по-прежнему, прямо следующего ему чина гетманского, коего Виговский хищническим образом у него похитил, а его, яко изменника и возмутителя целого войска козацкого, низвергнуть.

Козаки заднепровские Юрия Хмельницкого гетманом себе возводят

Живущие же за рекою Богом и над рекою Днестром и другие украинские козаки, видя, что он, Виговский, примирился с поляками, и что полки малороссийские Полтавский, Миргородский и Лубенский опустошил и людей татарам в неволю отдал, и что полтавского полковника Пушкаря, государю своему верно служившего, убил, и что Хмельницкого Богдана со всем обще клятвенное обещание нарушил и на его величество, своего государя, дерзнул воевать, обще с запорожскими козаками собрались в город Брацлав и Юрия Хмельницкого паки гетманом себе поставили.

Виговский, слыша, что Хмельницкого козаки гетманом себе поставляют, прилагает старание оного опровергнуть, точию того отвратить не мог, но сам едва от убийства спасся и все гетманские знаки отдать принужден был

О чем Виговский уведав, оставил свое и татарское войско, которых послал в Великую Россию для разорения городов и людей, а сам поспешал за Днепр с поляками к Белой Церкви для собрания войска; но козаки его не послушали, и хотя оный тамо пред всем заднепровским козацким войском оные от поляков присланные к себе статьи и велел читать, якобы войску Малороссийскому полезное, однако за то ни от кого не только не похвален, но еще и руган был, что от самодержца всероссийского отступил и конечно бы тамо его убили козаки, ежели бы польское войско его не защитило. Однако его единомышленных, Немерича, Врещаку, Сулиму, кои были ходатаями в Варшаве о тех пунктах, и иных многих, тут же в собрании старшин саблями в куски изрубили, ибо Юрий Хмельницкий в войско уже

вступил, к которому прислали и все полки, находящиеся в Волыни, коим был начальником полковник Калницкий Иван Серко, и с ним из Запорожья козаки тотчас послали к нему отобрать пушки и знаки войсковые, что с принуждением должен был Хмельницкому отдать булаву, бунчуг, знамя и прочее, а сам, чтоб его самого не словили, оставя жену свою в Чигирине, бежал в Польшу, где корона польская, приняв его, изменника, дала ему во владение город Бар и другие к тому места.

Полковник переясловский Цецюра желает быть гетманом. Цецюра объявляет намерение свое киевскому воеводе и побивает изменников и поляк в Нежине

В сие самое смутное время полковник переясловский Тимофей Цецюра ища себе на сей стороне Днепра гетманства, по совету нежинских протопопа Максима Филимонова и именитого козака Василья Золотаренка, который был потом полковник нежинский, и в том вспомоществовать ему клятвой обещались, почему и началось новое дело. Цецюра, как будучи начальник переясловский, приказал собрать к себе в дом всех знатных козаков, тех, кои были со стороны Виговского, и, перевязавши их по одному, побить велел. По сем послал в Киев к боярину и воеводе Шереметеву, объявя ему о оплошности в городах возмутителей и находящихся там поляк, также и о своем намерении, что он изменников покорить, а поляк выгнать и паки к подданству возмутившихся привесть намерен, для чего просил прислать к нему войска московского, что к нему и отправлено. А до прибытия их, по сношению из Нежина от козака Василья Золотаренка, что Гуляницкий, полковник, отбыл в Корсунь, и что без него все в городе оплошно и караула польского по воротам не состоит, полковник Цецюра с козаками вдруг и нечаянно сентября 1 числа, то есть в новый год 1660, в город Нежин вошел, и вскричали все его козаки к жителям нежинским, чтоб бить до смерти всех поляков, что и воспоследовало. Все обыватели и посполитство, как будучи огорчены уже от поляк, обще сказав, бросившись на них, всех, не щадя никого, и почти в один час пять хоронгов или полков побили, так равно потом и в других городах — в Чернигове и Борзне, и где были жолнеры, тож с ними учинили и регементара их, господина Немеровича, бежавшего от сего, за Кобыщею, под селом Свидовцем нагнавши со всеми за ним следующими, убили ж.

Войско московское по призыву входит в Украйну до города Нежина и до Переяславля, и о том доносится государю

Коль скоро ж был город Нежин взят, тотчас, ставши на место Гуляницкого полковником, Василий Золотаренко и с общего с старшинами совета послали в Путивль к ближнему боярину князю Трубецкому с объявлением оным и просили, чтоб как можно скорее он к ним с войском своим в Нежин поспешал. Видя он, князь, что старшины со извещением оным и с прошением к нему неподложным образом прислали, и что притом в тот же самый случай и из Киева об оном же начатом деле, что Виговского жолнеры все побиты, уведомляют, уверился сему, пошел к ним с войском своим и, заняв Нежин, послал в октябре месяце послов своих, обще и от полковника Золотаренко,— полкового судью Романа Рокущина с товарищи, к государю в Москву с объявлением об оном, начатом полковником Цецюрою с товарищи, деле и о своем предприятии, сам же со всеми войсками пошел под Переясловль.

Король польский присылает Юрию Хмельницкому подтверждение на гетманство. Юрий Хмельницкий доносит государю о выборе своем на гетманство

Король польский Ян Казимир, сведавший, что козаки вновь поставили себе Юрия Хмельницкого гетманом малороссийским, тотчас послал к нему для приласкания его к Короне Польской воеводу Волынского, подтверждая его на гетманство, которого Хмельницкий честно принял и отпустил, обещаясь служить за то королю в пристойных обстоятельствах. Однако ж в Москву к государю донес о избрании его войском в гетманы малороссийские и о приходе к нему того посла, при чем подвергал себя в подданство его царскому величеству.

Хмельницкий выгоняет поляк из Украйны Заднепровской

Между тем, Юрий Хмельницкий к Потоцкому писал, который был в то время в Украйне, дабы он из Малой России с войском своим вышел, коего Виговский ввел в Украйну, и как тогда не хотел выходить, то насильно оного козаки выгнали битвами, с великим кровопролитием производимыми.

ГЛАВА 23

О постановлении царскою грамотою Юрия Хмельницкого в гетманы с обязательством в верности по присланным статьям с присягою

Царский указ о выборе на место Виговского вновь гетмана

По присылке в Москву к его величеству, государю и великому князю, Алексею Михайловичу, послов с доношениями, сколько — по княжему, Трубецкого, а в двое тому — по Хмельницкого прошению, от его величества указом велено, напоминая, как, де, данным еще от 13 числа генваря 7167 году от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца, указом именно велено было ближнему боярину и наместнику казанскому князю Алексею Никитичу Трубецкому да боярину и наместнику белоозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, да окольничему и наместнику белогородскому князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, и думному дьяку Илариону Дмитриеву сыну Лопухину, и дьяку Феодору Грибоедову, чтоб им следовать в его царского величества черкасские города и в Войско Запорожское для успокоения их междуусобия и невинного кровопролития. И егда успокоят смятения оные, то тогда великий государь, его царское пресветлое величество жаловал велел учинить в Войску Запорожском в Переясловле Раду с тем, чтоб на Раде оной быть обозному, судьям, есаулам, полковникам и всей старшине и черни и по их праву им обрать гетмана, кого они меж себя излюбят. А как изберут гетмана, и его царское пресветлое величество велел на Раде вычесть статьи, каковы были даны по указу его царского пресветлого величества прежнему гетману, Богдану Хмельницкому, и всему Войску Запорожскому, на каких статьях были под высокою рукою его царского пресветлого величества прежний гетман, Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское. А иные статьи указал великий государь учинить вновь для подтверждения в Войске Запорожском, чтоб впредь такие измены и междуусобия, и невинныя християнския крови разлития не было, как учинилося от изменника Ивашки Виговского и от его советников. А как они гетмана изберут, и им с тем нововыбранным гетманом ему, великому государю, царю и великому князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержцу, его царскому пресветлому величеству и сыну его государеву, великому государю, благоверному царевичу и великому князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия, Малыя и Белыя России, и их государским наследникам на вечное и вечное подданство по непо-

рочной евангельской заповеди веру учинить и крест целовать, и быть им у него, великого государя, у его царского пресветлого величества под его, великого государя, самодержавною высокою рукою, в вечном подданстве, в прежних правах и вольностях, по прежним его, великого государя, его царского пресветлого величества, жалованным грамотам, как были даны прежнему гетману Богдану Хмельницкому и всему Войску Запорожскому, и каковые статьи вновь учинить.

О собрании Рады по указу для выбора в гетманы, и избирается в оный чин Юрий Хмельницкий

В силу которого указу бояре и воеводы, по утишении того бунта, расположили войска свои при Переясловле и призвали все Войска Запорожского и обоих сторон реки Днепра полки и всех старшин и чиноначальников их в Переясловль, где и учинили, по повелению, Раду всего войска, в которой объявлен им был помянутый высочайший, его царского пресветлого величества указ и прежде данные бывшему гетману Богдану Хмельницкому статьи, по которым тою Радою все единогласно избрали и удостоили, за услуги Богдана Хмельницкого, сына его, Юрия Хмельницкого, в гетманы и, восклицая тем его, все охотно государю и наследникам его величества, так равно и ему, гетману, в верности и в подданстве быть присягу учинили и под статьями в том его царскому величеству подписали, что все соверша, ближний боярин князь Трубецкой с известием оным к его царскому величеству в Москву отбыл, а гетман Хмельницкий — в Чигирин, где тотчас велел, обще с кошевым запорожским и полковником калницким Иваном Серком, замок козакам чигиринский доставать, в коем заперлась было жена Виговского с людьми своими и единомышленниками мужа ея, и оный взяли, и все пограбили, что там ни было, а жену с сообщниками в тюрьмы заключили.

О точном пожаловании в гетманы Юрия Хмельницкого, 28

Князь Трубецкой, как скоро обо всем происхождении о избрании по желанию козацкому в гетманы Юрия Хмельницкого государю донес, то тотчас его царское величество с жалованною своею грамотою его ж, князя Трубецкого, в Малороссию отправил и тем Хмельницкого со всеми знаками и достоинствами гетманскими пожаловал и подтвердил. В каковой же силе статьи те состояли, с оных здесь точный список прилагается.

Статьи Гетмана Юрия Хмельницкого

*В нынешнем, в семитысячном сто шестьдесят осьмом году, октября в семнадцатый день *, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержца, ближний боярин и наместник Казанский, князь Алексей Никитич Трубецкой, боярин и наместник Белоозерский Василий Борисович Шереметев, окольничий и наместник белогородский, князь Григорий Григорьевич Ромодановский, дьяки: думный Ларион Лопухин да Федор Грибоедов в Переясловле Раду учинили и Указ Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, на Раде всем сказали, чтоб они обобрали по своим правам и вольностям Гетмана, кого излюбят. И наказный Гетман Иван Беспалый, и обозный, и судьи, и полковники, и вся старшина, и чернь по своим правам и вольностям обобрали Гетмана. И ближний боярин и наместник Казанский, князь Алексей Никитич Трубецкой, и боярин и наместник Белоозерский Василий Борисович Шереметев, и окольничий и наместник белогородский, князь Григорий Григорьевич Ромодановский, и дьяки: думный Иларион Лопухин да Федор Грибоедов на Раде прежние статьи, каковы даны в прошлом 7162 году прежнему Гетману, отцу его, Богдану Хмельницкому и всему Войску Запорожскому, и сверх прежних статей новые статьи, которые по Указу Великого Государя ныне вновь прибавлены, велели вычесть, и на тех статьях Гетман Юрий Хмельницкий и обозный, есаулы войсковые и судьи, и полковники, и вся старшина, и козаки, и чернь Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, и сыну Его Государеву, Великому Государю, Благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия, Малыя и Белыя России, и их Государским наследникам по Святой непорочной Евангельской заповеди веру учинили на том, что быти им всем пред их Государскою Самодержавною высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступным на тех статьях, которые статьи постановил на Раде. И к тем статьям Гетман Юрий Хмельницкий и обозный, и есаулы войсковые, и судьи, и полковники, и вся старшина, и козаки из всех полков руки свои приложили; а по которой записи Гетман и обозный и есаулы, и полковники к вере приведены, и та запись под статьями.*

А на Раде были и к статьям руки приложили:

Гетман

Юрий Хмельницкий; сам руку приложил.

Обозный

Тимофей Носач; в его место руку приложил писарь его — Тимко Стефанов.

---

* 1660 год, октября 17 числа от Р. Х. [105]

Судьи войсковые:

Иоанн Беспалый, Иоанн Кравченко; в их место руку приложил Кобринский архимандрит и игумен Каневский Иов Заюнчковский.

Есаулы войсковые:

Иоанн Ковалевский, Онисим Чеботков; в их место руку приложил иеромонах Иосафат Куцевский — старший Печатарне Печерской.

Писарь

Семен Остапов; сам руку приложил.

Полковники:

Черкаский

Андрей Овинев; в его место руку приложил его полку писарь Андрей Суличич;

Каневский

Иоанн Лизогуб; в его место руку приложил писарь его Остап Иванов;

Корсунский

Ияков Петренко; в его место руку приложил писарь его Василий Игнатов;

Переясловский

Тимофей Цецюра; в его место руку приложил Переясловский Успенский протопоп Григорий Бутович;

Кальницкий

Иоанн Серков; в его место руку приложил Гетман Юрий Хмельницкий;

Полтавский

Федор Жученко; руку сам приложил;

Миргородский

Павел Апостол; в его место руку приложил Петр Дорошенко;

Лубенский

Ияков Засадка; в его место руку приложил Прилуцкого полку писарь Василий Савастянов;

Прилуцкий

Федор Терешенко; в его место руку приложил писарь его Василий Савастянов;

Нежинский

Василий Золотаренко; в его место руку приложил Нежинский протопоп Максим Филимонов;

Черниговский

Иоаникий Силич; руку сам приложил.

Протопопы:

на той же Раде были и к статьям руки приложили: Переясловский — Григорий Бутович, Нежинский Максим Филимонов.

На той же Раде были переясловские сотники, есаулы, атаманы и вся старшина; и в их место полковой их писарь Василий Евтихиев сын Василевский руку приложил.

О полковниках, которые на той Раде не были

А на той Раде не были тыи полковники для того, что оставлены на границе против ляхов и татар; а в их место к статьям руку приложил Гетман Юрий Хмельницкий:

1. Чигиринский — Кирило Андреев.
2. Белоцерковский — Иван Кравченко.
3. Киевский — Василий Дворецкий.
4. Уманский — Михайло Ханенко.
5. Брацлавский — Михайло Зеленский.
6. Паволоцкий — Иван Богун.
7. Подольский — Евстафий Гоголь.

Первый

о вольностях

ведлуг давных прав Войска Запорожского

Чтоб Его Царское Величество пожаловал и изволил подтвердити права и вольности войсковые; як издавна бывало в Войску Запорожском, чтоб своими правами суживалися и вольности свои имели в добрах и в судах, чтоб в тые их суды войсковые ни боярин, ни воевода, ни стольник не вступался, но от старшин своих чтоб товарища сужены были; где три человека козаков, тогда третьего два должны судити.

И по сей статье Его Царское Величество Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское пожаловал велел быть по их челобитью.

Второй

о майстратах и о урядниках городовых

В городах урядники из их людей абы были обираны на то достойные, которые должны будут подданными Его Царского Величества исправляти или уряжати и приход належачий в правду в казну Его Царского Величества отдавати.

Сей статье Его Царское Величество пожаловал велел быть по их же челобитью; а быти б урядникам в городах, войтом, бурмистром, райцом, лавником, и доходы всякие, денежные и хлебные, сбирати на Его Царское Величество, и отдавати в Его Государеву казну тем людям, которых Его Царское Величество пришлет на то устроенных в Киев и в Переясловль, да тем же присланным людям, кого для той сборной казны Его Царское Величество пришлет, и над теми сборщиками смотреть, чтоб делали правду.

Третий

данина Гетману на булаву

На булаву Гетманскую дано староство Чигиринское со всеми принадлежностями, чтоб и ныне для всякого ряду прибывало, да ему же и тысяча золотых червонных.

И сей статье Царское Величество пожаловал велел быть по их челобитью.

Четвертый

о смерти Гетмана и обиранье иного

Буде судом Божиим смерть случится Гетману, и Его Царское Величество повелит Войску Запорожскому самим меж себя Гетмана обирати, а обобравши, Его Царскому Величеству извещати, потому что тот давный обычай войсковый.

И сей статье Его Царское Величество пожаловал велел быть по их же челобитью; а по обрании Гетману ездити к Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, к Москве, и видети Его Государские пресветлые очи, и Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, пожалует Гетмана, по чину булаву и знамя и на Гетманство свою Государеву жалованную грамоту дати ему велит.

Пятый

о имениях козацких

Имений козацких чтоб никто не отнимал, которые землю имеют и с тех земель пожитки, чтоб при тех имениях добровольно были, жебы и вдов, после козаков осталых, дети такие ж вольности имели, как предки и отцы их.

И по сей статье Царское Величество пожаловал велел быть по их челобитью.

Шестой

о заплате всего войска

Писарю войсковому и обозному по тысяче золотых польских человеку. На судей войсковых по три ста золотых. На писаря судейского по сту золотых. На писаря и на хоружего полкового по пятидесять золотых. На хоружего сотницкого тридцать золотых, на бунчучного Гетманского сто золотых польских. На полковников

по сту ефимков. На есаулов полковых по 200 золотых. На есаулов войсковых по 400 золотых. На сотников по сту золотых. Да обозному ж и писарю, и на судей на двух человек, и на всякого полковника, и есаулов войсковых и полковых, которые на услугах войсковых завсегда бывают, по мельнице б было.

А на реестровых козаков по тридцати золотых польских человеку. А быти реестровым козакам шестидесят тысячам, и давати им Государево жалованье, сбирая Войска Запорожского Малыя России с городов со всяких доходов, ежегод.

Седьмой

о гармате войсковой

Чтоб гармате войсковой быти в Корсуни и весь повет дати на выживленье и на всю оправу до гармат. А на послузе при гармате заставати обозному, есаулу, хоружему, писарю, пушкаров осмьдесять человек, гарматов, также шипошников четыре человека, ремесленников двенадесять человека, стадников шесть человек, целюрник один человек, довбышов два человека, коновалов два ж человека.

И по сей статье бояре приговорили быть по их челобитью.

Осьмый

о правах как духовных и мирских

Чтоб Его Царское Величество пожаловал прав, наданных из веков от Княжат и Королей как духовным и мирским людям, ни в чем нарушать не велел.

Царское Величество пожаловал: как права духовные, так и мирские ни в чем нарушены не будут, а Митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малыя России, быть под благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Великия и Малыя, и Белыя России. А в права духовные Святейший Патриарх вступати не будет.

Девятый

о послах и посланниках

Гетману послов и посланников и гонцов из окрестных и ни из которых государств к себе не принимать и против тех присылок в окрестные и ни в которые государства послов же и посланников и гонцов от себе не посылать, для убытку денежных и иных всяких росходов Войска Запорожского, разве о каких делах повелит Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, ему, Гетману, в которое государство послать; а которые послы и посланники и гонцы из окрестных начнут к нему, Гетману, приезжать, и им отказывать, и какие у них дела есть, и они б ехали к Великому Государю, к Его Царскому Величеству, к Москве.

Десятый

о мире с татарами

А с Крымским Ханом, кроме миру, никакой ссылки не иметь; а мир иметь с ним по Указу Великого Государя, Его Царского Величества, для того, чтоб на жителей Войска Запорожского татарове из Крыму войною не приходили и их не разоряли и в полон не имали, и гуляки б с Крыму, или нагайские изневесть их же черкас не разоряли и в полон не имали.

Первый на десять

о данях и о выбиранье их

Как в иных землях дань дается вдруг, волели бы и они, чтоб ценою ведомою давать от тех людей, которые Его Царскому Величеству належат, а если б инако быти не могло, тогда ни на единого воеводу не позволять и о том договариваться, разве бы из туточных людей обобравши воеводу, человека достойного, который имеет те все доходы вправду Его Царскому Величеству отдавать.

И сей статье Его Царское Величество указал быти потом же, как и выше сего написано, что сбирать казну войтам и бурмистрам, и райцам, и лавникам, и отдавати Его Царского Величества в казну тем людем, кого Его Царское Величество пришлет и над сборщики тем людем смотреть, чтоб делали правду.

Второй на десять

о воеводах

Чтоб, наехав, воевода учал бы права их ломати и тягости какие чинил, и то б имело быть с великою досадою, понеже праву иному не могут вскоре навыкнути и тягости такие не могут носити; а из туточных людей, когда будут старшие, тогда против прав и уставов тутошних будут исправлятися.

И по сей статье Его Царское Величество милостивый указ — быть урядникам того войска права и вольности смотреть им.

Третий на десять

о привилегиях

Прежде сего от Королей Польских никакого гонения на веру и на вольности их не было; всегда они всякому чину свои вольности имели, и для того они верно служили. А ныне, за наступление на вольности их, поддалися Его Царского Величества под высокую руку и бьют челом, чтоб Его Царское Величество велел дати им привилегии с печатьми вислыми, чтоб на вечное время непоколебимо было.

А когда то получат, то они сами смотр меж себя учинят, и кто козак, тот будет вольность козацкую иметь; а кто пашенный крестьянин, тот будет должность обыклую Царскому Его Величеству отдавать, как и прежде сего бывало. Тако ж и на люди всякие, которые Его Царскому Величеству подданные, на каких правах и вольностях имеют быть.

И Царское Величество пожаловал велел сию статью учинить по их челобитью.

Четыре на десять

о Киевском Митрополите

О Митрополите Киевском, что посланникам изустный наказ дан, а в речах посланники били челом, чтоб Его Царское Величество пожаловал велел дать на его маетности свою Царскую жалованную грамоту.

И Царское Величество пожаловал Митрополиту на маетности его, которыми он ныне владеет, свою Государскую жалованную грамоту дать велел.

Новые статьи, которые по указу великого государя царя и великого князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца, постановлены сверх прежних статей:

Статья первая

о готовности всего войска на рать

По указу и повелению Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, Его Царского Величества, куда Его Царское изволение будет, всегда на Его Государеву службу Гетману со всем войском быть готову.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сии статьи, приговорили быть так, как та статья написана.

Вторая

о полках, як их много мает на рать пойти

Так же, где укажет Великий Государь, и несколько полков послати на Его Государеву службу, и ему, Гетману, тыи полки послать без всякого мотчанья.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Третия

о Гетманской противу Его Царского Величества верности

Гетману ж быть верну и навеки неотступну, и ни на какие ляцкие прелести не прельщаться, так же и про Московское Государство никаким ссорам не верити; а кто станет ссоровать, и таких людей карать смертью, и о всяких ссорных делах писать к Великому Государю, к Его Царскому Величеству. Так же, которые ссорные дела и Московского Государства от людей будут вмещены, и тем людям Государевых порубежных городов воеводы учинят Государев Указ по зыску, до чего доведется.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сии статьи, приговорили быть сей статье так, как написана.

Четвертая

О указу Государском на рать

Без указу ж и без повеления Великого Государя, Его Царского Величества, самому Гетману со всем Войском Запорожским в войну никуда не ходить, и полками большими и малыми людьми Войска Запорожского ни которым окрестным Государствам не помогать, и в помочь им людей не посылать, чтоб тем вспоможением Войско Запорожское не умалялося; а будет без Гетманского ведома пойдет кто в войну самовольством, и тех казнить смертию.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сии статьи, приговорили быть сей статье так, как написана.

Пятая

о воеводах по городам с войсками для обороны

Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, велел быть в своих Царского Величества, в черкаских городах, в Переясловле, в Нежине, в Чернигове, в Браславле, в Умани, своим, Его Царского Величества, воеводам с ратными людьми для обороны от неприятелей; а тем воеводам в войсковые права и в вольности не вступать. А которые воеводы и ратные люди будут в Переясловле, и в Нежине, и тем быть на своих запасех, а в Киеве, и в Чернигове, и в Браславле владеть воеводам маетностями тыми, которые принадлежали к тем воеводствам прежде сего, а в полковничьи поборы воеводам не вступаться; а кто учинит какое насильство, и тем чинить нака-

зание. А которые Великого Государя ратные люди будут в Государевых черкаских городах, и тем Государевым ратным людям у реестровых козаков на дворах не становиться, а становиться Государевым ратным людям у всяких жителей, опричь реестровых козаков; так же и подвод под посланников и под гонцов у реестровых козаков не имать, а имать у городских и у деревенских жителей. Да реестровым же козакам держать вино, пиво и мед; а продавать вино бочкою на аренды и куда кто похощет; а пиво и мед вольны же продавать гарнцем; а кто будет вино продавать в кварты, и тех карати.

И Гетман, и все Войско Запорожское, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Шестая

о залогах, на Белой Руссии черкасцом не быть

В городах же и местах и местечках на Белой Руссии ныне и впредь залогам черкаским не быть, чтоб ссоры тем между ратных людей как великорусских и белорусских не чинилося.

Гетман и все Войско Запорожское, и чернь на Раде приговорили: в Белой Руссии залогам черкаским отнюдь не быть; полковникам и сотникам, и козакам в Белой Руссии запорожским козаком не озываться, пока места належат к полкам — к Нежинскому, к Черниговскому и к Киевскому; а Белорусским и Старобыховским, и Чаусовским кто будет называться Войском Запорожским, и тех выслать в Государевы черкаские городы с их пожитки. А которые не похотят идти в черкаские городы, и тем жить в тех местах, а козаками запорожскими не озываться; а если б которые учали озываться запорожскими козаками и пойдут к Польскому Королю, и тех имать и карать горлом.

Седьмая

о обиранью Гетмана и полковников

Который Гетман по указу Его Царского Величества, а по обиранью всего войска, учинится в войску Гетманом, а после того учинится в какой проступце, и войску, без указу Его Царского Величества, самым Гетмана не применять, хотя новообранный Гетман, опричь измены проступку какую учинит, и Великий Государь, Его Царское Величество, велить про то взыскать всем войском, и по зыску велит указ учинить, как повелося в войску издавна, а самым однолично Гетмана, без указу Его Царского Величества, не переменяти. Также и Гетману без Рады и без совета всей черни в полковники и в иные начальные люди никого не выбирать, а чтоб выбирать в войско полковников на Раде, кого меж себе излюбят из своих

полков, а из иных полков в полковники не выбирать; также тех полковников Гетман без Рады неповинен отставливать.

Гетман и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Осьмая

о иноверных, дабы в начальстве в войску, разве православных, не были

В Войску ж Запорожском всяким начальным людям, кроме Православных Христиан, иных некоторых вер людям вперед не быти, для всякия ссоры и прелести, да и новокрещенным иноземцам в начальных людех не быть же, потому что от иноземцев от новокрещенных многая в войску смута и междуусобие зачинается, да и им Войска Запорожского козаком чинятся налоги и тесноты. А кого новых полковников оберут, и тех новообранных полковников на верное подданство и в вечную службу привести к вере.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Девятая

о Виговских — изменниках

Чтоб изменника Ивашка Виговского жену и детей Гетман и войско отдали Его Царскому Величеству за измену, так же и брата его, Данилка, и иных Виговских, которые есть в Войску Запорожском, а вперед не только при Гетмане и в урядниках, но и в Войску Запорожском Виговским не быть.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили изменника Ирашкову жену и детей, так же и брата его, Данилка, отдать Его Царскому Величеству вскоре.

Десятая

о изменниках прочих Его Царского Величества

Которые были в совете с изменником, с Ивашком Виговским, Гришко Гуляницкий, Самошка Богданов, Антошка Жданов, Герман и Лобода, и тем, по век живота, в Раде войсковой и в секретной и в уряде ни в каком не быть; а если кто напротив сей статьи учинит, в Раду будет призывать и уряд какой на них положит, и тыи будут караны смертию.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Первая на десять

о том, кто мает при Гетмане з начальных быть

При Гетмане быти с обеих сторон Днепра по судье, по есаулу и по писарю.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Вторая на десять

о тех, которые каранье смертное заслужат, без указу Его Царского Величества караны да не будут

Наказному Гетману, Ивану Безпалому, и его полку начальным людем, так же полковникам, Переяславскому, Тимофею Цецюре, Нежинскому, Василью Золотаренку, Черниговскому, Аникию Силину, и их полков начальным людем, если какой из тех людей будет винен куда к смерти в каких делах, и их Гетману и начальным людем без Указу Великого Государя, Его Царского Величества, не карать до тех мест, кого Его Царское Величество укажет прислать к тому суду на исправление, для того, чтоб им напрасного изгонения и утеснения не было, потому что они Его Царскому Величеству служили. Так же и всех полковников и иных начальных людей обеих сторон Днепра не повинен Гетман на горле карать без высланного на суд от Его Царского Величества. А сия статья учинена для того, что изменник Ивашка Виговский многих полковников и начальных людей, и козаков, которые служили верно Царскому Величеству, напрасно смертию карал.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быти сей статье так, как написана.

Третья на десять

о невольниках

Чтоб полоненники на обе стороны были свободны; а кто похочет волею быть, и тех на обе стороны не неволить.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Четвертая на десять

о знаменах и пушках побранных

Чтоб знамена и пушки, и большая верховая пушка, которые взяты под Конотопом, а бы отданы были в Киев без всякого задержания.

И Гетман, и полковники сказали, что изменник Ивашко Виговский знамена и барабаны, и полковые пушки послал к Польскому Королю, а верховую пушку отдадут они в Киев вскоре.

Пятая на десять

о старом Быхове

Гетману ж велеть город Старый Быхов очистить Великому Государю, и велеть черкас и иных чинов служивых людей из того города вывесть, потому что тот город издавна Польского Короля, а не черкаский, и в нынешние мимошедшие времена от изменников, от Самошки Виговского и от Ивашка Нечая, и от их советников, Великого Государя ратным людям были всякие злые вымыслы и бунты, и кровопролитие великое, и многих за верою ж вьявь и тайно до смерти побивали; а впред будет тем изменникам быть в Быхове начальными людьми, и от них быть такому ж дурну; а в Быхове, кроме Государевых людей московского народу, быть никому не пристойно, для того, что всякая ссора будет, потому что ляхи живут близко, беспрестанно ссоривали, и ныне, и впредь учнут ссоривать; и пристойно быть тем людям в Нежинском полку и в Черниговском, или где кто похочет.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав Великого Государя Указ, сказали, что они пошлют в Быхов к Ивашку Нечаю лист, чтоб он город Быхов Великому Государю, Его Царскому Пресветлому Величеству, очистил и козаков, которые назывались запорожскими козаками, выслал в Нежинский и в Черниговский полки. А чтоб, де, Его Царское Величество пожаловал его, велел вины его отдать для их прошенья; а если, де, не учинится против их письма, и они, де, по указу Его Царского Величества пойдут на него войною.

Шестая на десять

о разбеглых людех с городов, как боярских, так и Християнских, в Черкаские горы

В прошлых в 7162, 7163 и в 7164 годех, и после тех годов, изо Брянского, из Карачевского, из Рыльского, из Путивльского уездов, дворян и детей боярских люди и Християне многие разбежались в

черкаские городы, и в Новгородок Северский, и в Почеп, и в Стародуб, и из тех городов приходячи к помещикам своим и вотчинникам, всякие взлости и разорение нестерпимые делают, и Гетман бы и все Войско Запорожское тех воров беглецов велели, сыскав, отдать помещикам их и вотчинникам, и вперед заказ учинить крепкий, которые боярские люди и Християне вперед учнут бегать в черкаские городы, и тех бы никто в черкаских городах не приймал, чтоб в том в тех порубежных городах ссоры, а служивым людям разоренья не было. А о которых беглых, о чиех людех, или о Християнех учнут из городов воеводы писать, и тех бы отдавать назад. А если будет кто принимать тех беглых людей и християн, и тех карать смертию; так же будет кто из Войска Запорожского учинил над кем смертное убийство, или в людех какую смуту, или иное какое злое, прибежать в Государевы Украинные городы, а Гетман и полковники учнут об них писать Великого Государя в Украйные городы к воеводам, и тех беглецов, по тому ж сыскивая, отдавать в Войско Запорожское.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Седь мая на десять

о подводах и кормах посланникам

Чтоб во всех городах, с войтов, с бурмистров и с мещан кормы и подводы имать тем людем, которые посланы будут от Великого Государя к Гетману Войска Запорожского, и Его Царского Величества к боярам, и воеводам, и к приказным людем, или в иные государства, в послех и в посланниках, или Малыя России в которые городы и места, для Государских каких дел с грамотами, так же которые посланы будут к Великому Государю с Гетманскими листами, или Его Царского Величества бояр, и воевод, и приказных людей с отписки, или от окрестных Государей послы и посланники с грамотами, или которые власти Греческие пойдут к Великому Государю для милостины и для иных яких Государских дел; и как от Него, Великого Государя, тыи люди пойдут назад, каждому по его достоинству, а насильством бы у них кормов и подвод иным людем, которые пойдут Его Царского Величества московских и Малыя России городов, кроме тех вышеписанных дел, не имати, и всякими угодьи, чим они владели по Королевским привилегиям наперед сего, владеть бы попрежнему.

И Великий Государь пожаловал указал быть по их челобитью.

Осьмая на десять

о тех, которые веры не учинят Его Царскому Величеству

Будет кто Великому Государю, Его Царскому Величеству, по Святой непорочной заповеди, ныне в Войску Запорожском веры не учинит из старшин из какова-нибудь чину, или из козаков и из мещан, а сыщется про то подлинно, и тех людей по войсковому праву казнить смертью.

Девятая на десять

о тех, которые нарушать восхощут статьи

Будет кто сии статьи, которые постановлены войском, нарушит, кто и не совершит, начальный человек или козак, или мещанин, и тыи будут караны горлом.

И Гетман, и полковники, и вся старшина, и чернь, на Раде выслушав сию статью, приговорили быть сей статье так, как написана.

Запись, по которой записи приведены к вере,
по Святой Непорочной Евангельской Заповеди,
Гетман Георгий Хмельницкий и обозный,
и судьи, и есаулы, и полковники,
и вся старшина, и чернь

Аз, Гетман Георгий Хмельницкий, обещаюся пред Святым Евангелием на том, что в прошлых летех посылали к Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, отец мой, Гетман Богдан Хмельницкий, и все Войско Запорожское, посланников своих многажды бити челом, чтоб Великий Государь пожаловал велел его, Гетмана, со всем Войском Запорожским, и всю Малую Россию, всяких чинов людей принять с городами и с землями под свою государскую высокую руку, в вечное подданство. И Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержец, Его Царское Пресветлое Величество, пожаловал под свою Государскую высокую руку его, Гетмана, отца моего, Богдана Хмельницкого, и все Войско Запорожское, со всею Малою Россиею, приняти изволил. И в прошлом 7165 году, волею Божиею, отец мой, Гетман Богдан Хмельницкий, умерл, а после того, по указу Его Царского Величества и по войсковому обранью, учинен был в войску Запорожском Гетманом писарь Ивашко Виговский; и ныне он, Ивашко, за свое клятвопреступление, Войском же Запорожским от Гетманства отставлен. А по указу Великого Государя и по обранью всего войска Запорожского, учинился ныне на Раде Войску Запорожскому Гетманом я, Георгий Хмельницкий.

И мне, Гетману Георгию, с полковниками и сотники, и со всякими чиновными людьми, и со всем Войском Запорожским всяких чинов людьми, быть под Царского Величества высокою рукою навеки неотступным, и служить Ему, Великому Государю, и сыну Его Государеву, Государю нашему Благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия, Малыя и Белыя России, и наследникам их верно, и на всякого Его Государева неприятеля стоять, по Его Государскому повелению безо всякия измены. А к Польскому и к Турскому, и к Крымскому, и ко иным Государем не приставать. И на том на всем я, Гетман Георгий, и Войска Запорожского всякого чину люди, на чем ныне обещаемся пред Святым Христовым Евангелием, при Его Царского Величества боярех, при ближнем боярине и наместнику Казанском, при князю Алексее Никитичу Трубецком, при боярину и наместнику Белозерском, при Василии Борисовичу Шереметеве, при окольничем и наместнику Белогородском, при князю Григории Григорьевичу Ромодановском, при дьяках: при думном, при Ларионе Лопухине, да при Федоре Грибоедове, которых Его Царское Величество для того ныне прислал.

А на истинное уверение во всем в том обещаваюся Государю своему, Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, и Его Благоверной Царице Государыне нашей и Великой Княгине, Марии Ильичне, и Благоверному Государю Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия, Малыя и Белыя России, и их Государским наследникам, по непорочной заповеди Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, яко же в Святом Евангелии указася, еже ей, на том служити мне и всему Войску Запорожскому всяких чинов людем, Ему, Великому Государю своему, Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, и Его Благоверной Царице Государыни нашей и Великой Княгине, Марии Ильичне, и благоверному Государю Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия, Малыя и Белыя России, и их Государским наследникам, и опричь Государя своего, Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, и сына Его Государева, Государя Царевича и Великого Князя, Алексея Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России, и их Государских наследников, на Московское и на Владимирское государства, и на все великие Государства Российского Царствия, и на Великое Княжество Литовское, и на Княжество Киевское и Черниговское, и на всю Малую и Белую Россию, иного Царя из иных Государств Польского и Немецкого Реш Королей, и Королевичев, и розных земель Царей и Царевичев, и из русских и из иноземских родов, никого не хотеть, и под Государствами, которые под ними Государями, не подъискивати ни которыми мерами и ни какой хитростию.

А где уведаю или услышу на Государя своего Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, и на сына Его Государева, Благоверного Государя Царевича и Великого Князя, Алексея Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России, и на Его Царского Величества наследников, и на все Его Великие Государства, на Великую и на Малую, и Белую Россию, и на Великое Княжество Литовское, каких неприятелей Польских и Турских или Крымских, или коих иных Государств собрание и злой умысл, или Его Царского Величества в подданных измену, или какой злой умысл, и мне, Гетману Георгию, Государю своему Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, про то известить как мощно вскоре, а самому против неприятелей за Государя своего и за Его Государства стояти и промыслы всякими мерами к помочи делать и битися, не щадя головы своей, а изменника поймать и прислать к Его Царскому Величеству. А где велит мне Его Царское Величество быть на своей, Великого Государя, службе Войска Запорожского с ратными людьми, и с своими, Его Царского Величества, московскими ратными людьми, и кто будет Его Царского Величества над войсками бояре и воеводы, и мне, будучи на Государеве службе, с теми бояры и воеводы совет держать, и Войска Запорожского ратным людем, с Его Царского Величества ратными людьми, по тому ж совет и промысл иметь, и с Его Государевыми недруги битися заодно. А которые со мною будут Его Царского Величества подданные, Войска Запорожского ратные люди, и мне их утвержати, чтоб они Его Царского Величества с ратными людьми совет и дружбу имели и Его Царского Величества с недруги билися заодно, не щадя голов своих, чтоб их обещание и клятва всех была без преткновения постоянна, и из полков мне Его Царского Величества к неприятелю не отъехать и ни какими мерами измены не учинить, и в городах, где мне случится быти Его Царского Величества с подданными, с московскими ратными людьми и с иными, которые Его Царского Величества подданные, и мне тому неприятелю города не сдать, и неприятеля на простое и на безлюдное место собою и иным неким к городу не подвести и зла никакова не учинить, и ни в которое в иное государство изменя не отъехать, и будучи в полках воевод не покинуть, и с Его Государевыми недруги и с изменники не ссылатися, и ни в чем мне, Государю своему, Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, и сыну Его Государеву, Государю Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, и их Государским наследникам не изменити ни которыми делами и ни которым лукавством. А кто не станет Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, и сыну Его Государеву, Государю Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, и их Государским наследникам, служити и прямити, или кто учнет с их Государскими

недруги ссылаться, и мне с теми людьми за них, Государей своих, и за их Государство биться до смерти. А самому мне, Гетману, по моему обещанию, еже обещаваюся ныне пред Святым сим Евангелием, ни к какой измене и к воровству ни к какому, и ни к какой прелести не приставать. А что от Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, от Его Царского Пресветлого Величества, был и отлучен изменою клятвопреступник, Ивашка Виговский, и впредь мне к тому изменнику и клятвопреступнику, к Ивашку Виговскому, и к его советникам, к таким же изменникам и клятвопреступникам, не приставати и ни на какие их, злочинцев, прелести не прельщаться, и статьи, которые преж сего даны были Гетману, отцу моему, Богдану Хмельницкому, и которые статьи ныне вновь на Раде постановлены и укреплены, и мне те статьи сдержати вечно, и по сему своему обещанию быти мне у Государя своего, Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, и у Его Государева сына, у Великого Государя, Благоверного Царевича и Великого Князя, Алексея Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России, и у их Государских наследников, в подданстве навеки неотступно, и во всем мне, Государю своему, Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, вся Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, и сыну Его Государеву, Великому Государю, Благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия, Малыя и Белыя России, и их Государским наследникам, служити и прямити, и во всем добра хотеть и без всякого лукавства в правду, яко же аз обещахся.

Конец статей гетмана Юрия Хмельницкого

Прошение о милостивом царском прощении всему Нежинскому полку за прошедшую измену и смятение

По постановлении ж в гетманы Юрия Хмельницкого государь царь Алексей Михайлович, по присланному пред тем к нему, сего ж 1660 году в октябре месяце 7-го числа, от нежинского полковника Василья Золотаренка с полковым того ж полку судьею Романом Рокушиным с товарищи челобитью и извещением о бывших у них мятежах чрез изменников и о своих противу того поступках, всеподданейше тем просили его царского величества от всего общества своего о всемилостивейшем рассмотрении с благоволением его величества о винности их невольной. Его царское величество, рассмотря и имея довольное на то рассуждение, жалуючи их всех, простил им вины и пожаловал с тем всему полку и всему их городу, Нежину, со всем его уездом и прочим местам, свою всемилостивейшую грамоту с проще-

нием всех их вин и в приеме их по-прежнему в свою высокую милость, и отпустил посланцев, а с ними оную грамоту прислал в тот полк Нежинский к полковнику Золотаренке для объявления того всему полку, городу и повету его и всей Речи Посполитой, что и обнародовано в следующем содержании.

Присланная Милостивая грамота Царская всему Нежинскому полку

Божиею Милостию от Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского, Царя Казанского, Царя Астраханского, Царя Сибирского, Государя Псковского, и Великого Князя Литовского, Смоленского, Тверского, Волынского, Подольского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, Государя и Великого Князя Новагорода Низовския земли, Черниговского, Рязанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондийского, Витебского, Мстиславского, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иным многим Государствам и землям, Восточным, и Западным, и Северным Отчича и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя.

Нашего Царского Величества Войска Запорожского Нежинскому полковнику, Василью Золотаренку, сотникам и козакам, и войтам, и бурмистрам, и мещанам, и всему поспольству, также и городов и местечек, належачих к Нежинскому полку всяких чинов жителям. Сведомо вам, всему Войску Запорожскому, и всем обывателям Малыя России, духовного чину и мирского, как в прошлых годех Гетман Богдан Хмельницкий, и вы, все Войско Запорожское, прислали к Нам, Великому Государю, бити челом многажды с слезным прошением, чтоб Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, вас пожаловали приняли под Нашу Царского Величества высокую руку в вечное подданство, и от ига Латинского свободили, чтоб вера Християнская от латынников до конца не испражнена была и церкви божии не разорены были. И Мы, Великий Государь, для союзу единыя Православныя Християнския веры и для того, что исстари Малая Россия от предков Наших, Великих Государей, во Благочестии была под единою державою с Великой Россией, вас, единоверных Православных Християн, пожаловали под Нашу, Царского Величества, высокую руку в вечное подданство приняли. И вы Нам, Великому Государю, перед Нашим Царского Величества боярином, и дворецким, и наместником Тверским, перед Васильем Васильевичем Бутурлиным, на верное и вечное подданство перед Святым Евангелием обещание с клятвою учинили и крест целовали, и Мы, Великий Государь, для освобождения вашего ходили на Польского Короля Нашею Царского Величества особою, и с Нами бояре Наши, и воеводы,

и ратные люди многие, и от ига Латинского вас освободили. И как после того собрався польские и литовские люди и совокупясь с иными Государствы, с венгры, и с волохи, и с мунтяны, и с крымскими татары, на вас приходили и хотели вас разорити, и Мы, Великий Государь, в то время посылали вас от неприятелей боронить Наших Царского Величества бояр и воевод со многими ратьми, не поодинова ратных людей, жалуя Нашею Царского Величества казною, а с вас, с Малыя России, ничего не сбирая. И как Гетмана Богдана Хмельницкого не стало, и вы обрали Гетманом писаря, Ивана Виговского, и прислалы к Нам, Великому Государю, бити челом, чтобы Мы, Великий Государь, пожаловали на подтверждение Гетманства его велели дать Нашу Царского Величества жалованную грамоту, и Мы, Великий Государь, по челобитью всего Войска Запорожского послали Нашу Царского Величества жалованную грамоту с окольничим Нашим, и оружейничим, и наместником Ржевским, с Богданом Матвеевичем Хитрово с товарищи, и велели отдать тому, Нашему новообранному Гетману, на Раде, и Иван Виговский при том нашего Царского Величества околничем, и оружейничем, и наместнике Ржевском, при Богдане Матвеевиче Хитрове с товарищи, и при всем освященном соборе, веру учинил и крест целовал в другие и обещался с клятвою, что без Нашего, Великого Государя, ведома ни с коими Государи не ссылаться, а от которого Государя послы к нему присланы будут, и ему про то ведомо чинить Нам, Великому Государю. И после того не во многом времени учал он тайно ссылаться с поляки и с Крымским Ханом, и происковати измену, и которые Войска Запорожского из вас, Наши Царского Величества, подданные, помня свое крестное целование, и Нашу, Великого Государя, к себе милость, учали его в той измене обличать, и он за то вчал междуусобие и привел на вас крымских татар и ляхов, и многие вам разорения причинил. И Мы, Великий Государь Царь, Наше Царское Величество, Государь Християнский, жалея о вас, Православных единоверных Християнах, и слыша про междуусобие ваше и невинное кроворазлитие, посылали к нему многие Наши, Царского Величества, грамоты, чтоб он от междуусобия престал и на единоверных Православных Християн, врагов креста Христова, бусурман, не наводил, и разорения, и плена, и расхищения бусурманами Християнам не чинил. И он своим злоумышлением хотя тем угождение ляхам учинить, Наши, Царского Величества, грамоты поставил в презрение и от злого своего дела не престал, и хотя вас от Нашия Царского Величества милости отлучить и крестного целования преступниками учинить, и паки в первое порабощение и веру Християнскую в разорение под иго Латинское ввести, многие ссоры про Нас, Великого государя, вам вмещал, будто Мы, Великий Государь, хотим права ваши и вольности испразнити, чего Мы, Великий Государь, никогда учинити не мыслили и не мыслим. И после того послали Мы, Великий Государь, Наших Царского Величества бояр и воевод не для войны, но хотя

междуусобие успокоить, но он, Гетман, и против Нас, Великого Государя, вчал войну и посылал брата своего, Данилу Виговского, под Киев и много кровопролития учинил, а после того и сам он со всем войском и с крымскими татары под Киев приходил же, и под Киевом с боярином Нашим и воеводою, и наместником Белоозерским, с Васильем Борисовичем Шереметевым, учиня договор, велел за себя и за все войско полковникам учинить присягу на том, что он вину свою Нам, Великому Государю, приносит и войско все хотел распустить и крымских татар отпустить же; и полковники по тому его договору за него и за все войско крест целовали. И после той присяги из-под Киева ж присылал он к Нам, Великому Государю, посланцев своих, Белоцерковского полковника Ивана Кравченка, с повинною, а под Варву к окольничему Нашему и воеводе, к князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, присылал Наказного своего Гетмана, Ивана Скоробогатка с товарищи, и они под Варвою с окольничим Нашим, учиня договор, и крест целовали ж за себя, и за Гуляницкого, и за все войско, которое было в Варве в осаде, что им быть под Нашею, Великого Государя, высокою рукою в подданстве по-прежнему, и на Наших, Великого Государя, ратных людей войною не приходить. И те все присяги поставя, он, Виговский, ни во что, учал всякое зло делати пуще прежнего. И как Наши, Великого Государя, ратные люди по договору за крестным целованием пошли от Варвы к Лохвице, и он осадным людям, которые были в Варве, на Наших, Великого Государя, ратных людей, чего от них не чаяли, велел ударить, и под Лохвицу черкас и крымских татар присылал, а после того, совокупясь с Крымским Ханом и с ляхи, приходил на Наших, Великого Государя, ратных людей под Конотоп, и невинное кровопролитие учинил многое, так же и вовсе последуючи тому врагу, а не вождю, понуждены страхом его, крестное целование Нам, Великому Государю, нарушити и восследовати ему. И в нынешнем в 168 году, октября в 7 день, прислали к Нам, Великому Государю, вы, Нежинского полку полковник, и все посполитство, посланцев своих, судью Романа Рокущина с товарищи, в винах своих бити челом, и те ваши посланцы Нам, Великому Государю, объявляли невольное преступление вашего обещания и клятвы, и что винные все единогласно, воспомянув Бога и прежнюю присягу Гетмана Богдана Хмельницкого, оставя Виговского, яко лживого Гетмана, под Нашу, Великого Государя, высокую руку поддалися по-прежнему и на верное и вечное подданство Нам, Великому Государю, духовного и мирского чину люди пред Святым Евангелием веру учинили и обещались Нашему, Царскому Величеству будучи в подданстве, и сыну Нашего Царского Величества Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, во веки служити верно и головы свои полагати, и чтоб Мы, Великий Государь, вас пожаловали вины ваши, что вы, за смертным запрещением Виговского, против Наших, Царского Величества, ратных людей воевали, велел вам отдать и пожаловать Нашею, Великого Государя,

жалованною грамотою, во обнадеживанье Нашей Государской милости всему полку и обывателям города Нежина, духовного и мирского чину, и городам с поветы, належачими к Нежинскому полку, чтоб вам за те ваши вины в предбудущие времена воздаяния и пременения из своих городов к Москве или куда инугды, не было, потому что вы все о себе смущаетесь, бояся какова воздаяния, так же где кто ни есть, на своей вотчине живет, чтоб безопасно строилися, никакова врежения и воздаяния не опасаясь и вольности б ваши и права все были сохранены, чтоб вы, будучи при Нашей Государской милости, тешились, а иные бы, видя ту Нашу, Великого Государя, милость, по тому ж под Нашу, Великого Государя, высокую руку превратились. И Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, вас, подданных Наших, пожаловали, обращение ваше милостиво принимаем и вины ваши вам отдаем, и в Нашем Царском милостивом жалованье по войсковым правам, во всяких ваших вольностях, как и прежде сего в Наших Царского Величества жалованных грамотах и в статьях Гетману Богдану Хмельницкому и вам, всему Войску Запорожскому, написано, так и ныне неотменно, за Божиею помощию, содержати хощем. И дабы Нежинского полку жителям, духовного и мирского чину людем, на Нашу, Царского Величества, милость и жалованье без сомнения быти надежным, а вины ваши никогда в воспоминовении не будут, и Наше Царского Величества милостивое слово пременно никогда, за помощию Божиею, не будет. И которые из вас пришли иные жить на свои отчины, и те б строилися безо всякого опасенья. А чтоб между вами ни един враг зломышленный не был, исторгать таковых, яко плевелы изо пшеницы, чтоб от таковых злодейственные прелести ляцкие подсылки в простых людех не вмещались, и жити б вам в Малой России под Нашею, Царского Величества, высокою рукою, за милостию Всемогущего Бога, во благоденствии, в покое и тишине, и чтоб Малыя России городы и места Всещедрый Бог паки в первое состояние и в собрание Православных Християн поумножение учинил, силен бо есть Бог надеющимся на него, и из небытия в бытие привести и разоренное паки создати, и расточенных обратити. А что тот же враг и клятвопреступник прельщал вас всех, устращиваючи и отлучая от Нас, Великого Государя, лживыми вымыслы, будто хотели Мы, Великий Государь, вольности ваши испразднить и учинить невольниками, и для будто того прислали в городы воевод, и то он все устращивал вас и ссорил, отводя из-под Нашей Великой Государя высокой руки, и вам бы впредь на Нашу, Великого Государя, милость безо всякого опасения быть надежным, а ни каким ссорам и прелестям не верить, а союз Нашия Государския милости неразорваный к вам, вера наша Християнская едина. Писан в Нашем царствующем граде Москве, лета от создания мира 7168 году, месяца октября 31 дня.

Прошение от гражданства города Нежина о пожаловании им на прежние вольности царской милостивой грамоты

Слышавши о сем милостивом благоволении царском ко всему народу малороссийскому, нежинское гражданство тотчас прибегли также к его царскому величеству и просили всеподданнейше о милостивом награждении их грамотою о подтверждении им магистратской, то есть гражданской, и всей Речи Посполитой прежней вольности и права, на что его царское величество, снисходя на таковое прошение, пожаловал им и на прочие места свою милостивую грамоту, подтверждая все Магдебургские права и все прежние вольности, как имели прежде от королей польских, в следующем содержании.

Жалованная Царская Милостивая грамота о вольности граждан города Нежина

Божиею Милостию Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Горских Князей, и иным многим Государствам и землям, Восточным, Западным и Северным Отчич и Дедич, и Наследник, и Государь и Обладатель.

Пожаловали есма подданных Наших Малыя России города Нежина, войта, Александра Цурковского, и бурмистров, и райцов, и лавников, и всех мещан, что в нынешнем, в 168, году били челом Нам, Великому Государю, оный войт, Александр Цурковский с товарищи, и все мещане, чтоб Нам, Великому Государю, пожаловати по их правам и привилегиям, которые им даны от Королей Польских, велети им войтам и райцам, которые заседают в магистрате, выбирати меж себя, кого они похотят, самим, и судиться б им по правам Магдебургским, и посылков по них ни от кого чинити не велеть. А хто буде учнет Нам, Великому Государю, на их приговор бити челом, тогда б их, Наших, Царского Величества, зазывными грамотами позывати до Нашего Царствующего града Москвы. И Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, подданных Наших Малыя России города Нежина, войта Александра Цурковского, и мещан, пожаловали по их правам и привилегиям, велели выбирати им войта, и бурмистров, и райцев, и лавников меж себя лучшим, и середним, и молодчим людем, всем посполито со всего земского

совету, добрых и знающих людей, которые бы суд судили, бояся Бога в правду, другу б не дружили, а недругам не мстили, чтоб в судных делех всем расправа была в правду, так же кому будет в чем какое дело до войта, и до бурмистров, и до лавников, и им на судью суд давати безволокитно ж в правду по их Магдебургскому праву, и позыванья им ни до кого чинити не велели; но только кто будет учнет бити челом на их суд и на приговор Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и тогда их Нашими, Царского Величества зазывными грамотами позывати до Нашего царствующего града Москвы, и по Нашему, Царского Величества, указу таких дел выслушают Наши, Царского Величества, бояре и думные люди и расправу учинят; а позывати их Нашими Государскими грамотами в великих делех, а в малых делех Наших Царского Величества зазывных грамот никому никаких не давати, чтоб в таких малых делех им, мещанам, напрасных убытков не было, и войту, и бурмистрам, и райцам, и лавникам, и всему поспольству Нам, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, и сыну Нашего Царского Величества, Благоверному Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Нашим Государским наследникам, служить и всякого добра хотеть, и во всем Наше, Царского Величества, повеление исполняти, а Мы, Великий Государь, учнем их держати в Нашем Государском милостивом жаловане и в призрении. Дана сия Наша Государская жалованная грамота в Нашем царствующем граде, лета от создания мира 7168, месяца марта 28 дня.

Хмельницкий отсылает в Москву сообщников изменника Виговского. О позволенном перехождении из-за Днепра на сию сторону черкас. За невмещением в Малой России черкасы селятся в пустопорожих местах, где ныне слободские полки

По окончании ж всего обряда о выборе и постановлении на гетманство Юрия Хмельницкого, коль скоро вступил он в настоящее правление, то, нимало не медля, тотчас, в силу высочайшего повеления, отправил в Москву всех взятых им в Чигирине сообщников изменника Виговского. И так от сего времени начало было царствовать в народе тихомирие на здешней стороне Днепра. А как в той части украинской всегда воинские беспокойства бывали, то гетман Юрий Хмельницкий приказал оттуда народу малороссийскому невозбранно выходить в сию часть Украйны, а которые не вмещались в Малороссии, пошли в Великороссию, в прикосновенные к Украйне места, где пустые земли великими слободами осадили, почему после

и названо селение оное Слободскими полками, по примеру, как отец его, Богдан Хмельницкий, ради таких же народных беспокойств, приказал народу тамошнему, заднепровскому, выходить на сию сторону Украйны, который в Великороссии на пустых землях свободно селиться начал с 1652 году, да еще и прежде. И когда довольно населилось, то его царское величество указал разделить оный новопоселенный малороссийский народ на пять полков, пожаловал им и полковникам, а именно: в Сумах, в Ахтырке, Харькове, Изюме и Острогожске, или Рыбном, дозволил им пользоваться своим козацким правом и дал такие же вольности, как и Войску Малороссийскому. И они при вольностях своих и правах козацких подвергли себя судебному праву великороссийскому на основании Уложения и государственных узаконений, что по желанию их им и дозволено.

Установленная комиссия о мире чрез польские интриги разрушилась

В 1660 году паки от Двора Российского для мирных договоров с Польшею комиссию в Борисове было учредили, и в оную от стороны козацкой призваны были, в коем числе и упоминаемый неизвестный писатель малороссийской истории был, точию, как объявляет он, комиссия оная, чрез хитрости польские, в протяжении времени только происходила, потому что князь Хованский при том, по разбитии паки войска литовского под Ляховицами, стоял с силами своими не во отдаленности, а комиссары польские находились в Минску, продолжали только время до прибытия господина Чернецкого с войском же, к коему поспешать велели в Полоцк, почему и продолжалось до Петрова поста. Чернецкий, исправившись, вдруг и нечаянно под Ловичем, напавши июня 20 числа, ударил на войско князя Хованского, разбил и прогнал их так, что Хованский принужден был бежать, а все комиссары российские ударились в безопасные места, не производя ничего по своей комиссии. Борисов же оставили в осаде, где потом уже князь Долгорукий имел с Чернецким сражение, да и иные в разных местах стычки происходили; а в Вильне и Могилеве, изменя, литовцы воевод своих побили и полякам отдалися.

Войска российские воюют в Польше

В оное же лето Юрий Хмельницкий и боярин Василий Борисович Шереметев, с войском пошед разными дорогами и дав баталию с коронным гетманом под Варшавою, с поля войска его сбили, с остальным же польским войском прогнали его в город Дубно, а в городах и селах шляхту польскую и всякого чина польских людей рубили своим великороссийским и малороссийским войском и весьма великое во всей Польше причинили смятение.

Иностранные войска Польшу пустошат. Польша делает перемирие со Швециею

Тогда же и голштинское и прусское войско Польшу опустошали; но как король шведский, Карл Густав Адольф, в сие время на немецкой войне убит, то Польша, в преддверии Оливского мира [106], со Швециею вчинила перемирие.

Войска российские, собравшись, следуют в Польшу, но король польский их на пути побеждает

Получа Польша мир, тотчас король Ян Казимир призвал татар крымских и, обще с ними и своими войсками, вознамерился идтить на войска российские. В то самое время (что случилось быть в июне месяце) при местечке Доуке был сбор или Рада всему козацкому и прочему войску, при чем были гетман Юрий Хмельницкий со всеми своими старшинами и боярин Василий Борисович Шереметев. Тут с совету они положили, чтоб идтить им всем к городу Львову, но порознь, двумя дорогами до оного: Шереметеву с войском своим и с ним полковнику переясловскому Цецуре с полками Переясловским, Киевским и Прилуцким, а гетману Хмельницкому со всеми оставшими полками. Они пошли, первый по дороге на Котельву, а последний на Гончариху: тут на Хмельницкого, под предводительством самого короля, с ордою войско коронное нечаянно напало и тем чрез жестокие сражения весьма воспрепятствовало ему соединиться с боярином Шереметевым; наконец он так доведен был, что либо лечь всем от меча неприятельского, или им живу отдаться в руки. Но рассудилось Хмельницкому, по молодости лет своих, спасти еще жизнь свою — с договором отдаться в руки и подданство польское, и потому он примирился тут с неприятелем (что было под Слободищами) и учинил всей Короне Польской в верности службы присягу со всеми своими подчиненными. Соверша сие примирение, пошли все войска насупротив Шереметева и, напавши на него, шедшего из Котельвы (которая была уже и с припасами сожжена), окружили под Чудновым и беспокоили его беспрестанно и в самое ненастное время. При том козаки, как скоро увидели войско и гетмана своего на стороне польской при Короне, то тотчас все и с начальником своим, Цецурою, от Шереметева к гетману своему предалися; точию не без урону козаков сие было, понеже при измене оной, когда они перейти к полякам бросились, татары их грабить начали и в плен многих себе брали. Чрез сие Шереметев, хотя хвалился прежде неотменно победить поляк и Варшаву взять, а самого короля пленить и в Киев его привесть, принужденным сделался вместо всего того с неприятелем делать мир и с договором тем, чтоб вывесть войско российское из Киева и оный Польше по-прежнему вручить, с чем и мир заключили.

Точию на оном не состоялось, ибо находящийся тогда в Киеве с войском воевода, боярин князь Феодор Никитич Борятинский, не только полякам, но и ему, боярину Шереметеву, не дал и близко до Киева приступить, почему Шереметева татарам в плен отдали, у которых в Крыму он более 20 лет, то есть до генваря 1681 года, находился, а прочих начальников поляки разобрали по себе, кои потом от них выкупом себя освобождали.

Поляки почти всею Украйною обовладали

От сего времени почти всею Украйною Польша паки обобладала, кроме городов Киева, Переяслова, Нежина и Чернигова, ибо во оных городах воеводы московские находились, и потому они, яко начальники им, оных не отдавали. При том же, когда Цецюра, полковник переясловский, с Хмельницким изменил, тогда на место его определили переясловского ж жителя старшину Якима Самченка [107] быть полковником и наказным гетманом, который держался верно в службе его царского величества, и потому и те три полка — Киевский, Нежинский и Черниговский — полякам не предавались, хотя усильно предавшиеся к Польше козацкое войско с жолнерами и татарами, под предводительством бывшего нежинского полковника и изменника Григорья Гуляницкого, нападали, но их одолеть никак не могли. По прочим же городам поляки в ту зиму по квартирам зимовали, почав от самих Прилук и по всей вниз Украйне.

На здешней стороне Днепра поляки изгоняются из Украйны козацкими войсками. Переясловский полковник наименовал себя гетманом

При наступлении самой весны, как то в 1661 году, во время великого поста, козаки с наказным гетманом своим Якимом Самченком, с конницею и пехотою королевскою жестокую битву имели и, победив их, до единого из Малороссии выгнали. И так чрез сие вся здешняя часть осталась от поляк свободна и по-прежнему во обладании его царского величества. При котором случае Самченко возжелал быть настоящим гетманом и тем себя наименовал, хотя не был еще Радою избран.

Хмельницкий с войском своим и с татарами нападает на Украйну здешней стороны Днепра и в ней зимует. Хмельницкий с ханом за Днепр возвращается

Слыша о сем Хмельницкий, что Самченко себя гетманом именует, призвал сего для хана крымского с ордою себе в помощь и осадил с войском своим козацким, с жолнерами и татарами Переясловль, но взять его и Самченка, так равно и других городов, не мог, и с тем отступил и пошел на зимованье в наступившем 1662 году, то есть в сентябре месяце: хан с ордою — к Нежину и стал там в селе Хорошем Озере, а Хмельницкий с козаками и прочими — в местечке Кропивном и около оного. В сие время при сих местах от них жителям еще не было разорения, как только татары позад Стародуба и около Мглина, и в ближних московских местах немало полону набрали и в Крым отвели, за коими, по дни Богоявления, то есть в генваре месяце, хан, обще с Хмельницким, паки за Днепр перешли.

Оставшие татары и войски Хмельницкого, делая разорения на здешней стороне Украйны, изгоняются войсками российскими

Отходя хан с Хмельницким, оставил несколько козаков в Ирклееве и Еремеевке, а татар около мест оных, от коих потом немалые разорения чинимы были по многим местам обывателям. Сего для, как услышал об оном окольничий, князь Григорий Григорьевич Ромодановский, обще с Самченком, должность гетмана правящим, на весне, собрав войско, пошел к Ирклееву и, на оных татар и козаков напавши, разбил и выгнал и город Ирклеев сжег, так равно и Еремеевку, из коих мало кто за Днепр ушел.

Самченко козацкою Радою избирается гетманом, 29

Как усильно желалось Самченке быть настоящим малороссийским гетманом, собрал сего ради о самой Светлой Неделе в Козельце Раду, в коей козаки охотно, по его храброй службе, избрали его своим гетманом и в том ему присягою подтвердили. Но полковник нежинский, Василий Никифоров сын Золотаренко, в том ему был несогласен; он сам того достоинства иметь желал, наводя к тому некакие неоспоримые права, и по тому, что Рада та к выбору гетмана без воли его царского величества была Самченке недействительна.

В самое сие время намерялись и сечевские козаки возвести гетманом своего кошевого атамана, бывшего слугу Хмельницкого Ивана Мартынова, сына Брюховецкого, и с тем, конечно, чтоб из состоящей черни Радою избран был. Вся малороссийская старшина,

слыша о многих, усильно желающих быть гетманами, положили намерение об оном представить в Москву, к его царскому величеству с тем, дабы повелением своим дозволил им собрать Раду для избрания себе настоящего из своих природных гетманом. Но в том намерении их воспрепятствовал Хмельницкий, ибо под тот самый случай собрался он с татарами и жолнерами, конными и пешими, также и с козаками своими, переправясь чрез Днепр, осадил Переяслов, и усильно домогался чрез немалое время как город оный, так и Самченка, со всем войском московским и козацким, овладеть, но по усильному отпору, а паче следующей к ним подмоге, взять ему не удалося, и потому принужден отступить от оного.

Хмельницкий нападает на Переясловль, но паки отступает назад

Точию Хмельницкий, не будучи тем доволен, что уже выходит из сей заднепровской части Малой России, и видя, что ни погони за ним, ниже напору какого на него еще не было, умножа силы свои и в 20 000 козацкого войска, возвратясь паки, прищел туда ж и доставал город, где Яким Самченко с козаками своими будучи, храбро от него отбивался по тех пор, пока окольничий князь Ромодановский, собрав войско и полк Нежинский, пошел к Переясловлю ему на помощь. Но несколько татар, будучи в разъезде, видели количество российского войска и, возвратясь, объявили Хмельницкому об оной силе, идущей на него. Хмельницкий же, слыша сие, тотчас отступил и пошел к Днепру мимо Канева, и, проминовав только городище над Днепром против села Крылова, окопался, и стал там станом.

Князь же Ромодановский, слыша о татарском разъезде, тотчас за ними погоню послал, кои гнались до самой речки Оржицы, но татары тут, облегчившись, перелезли чрез ту реку и бежали прямо мимо Яблонов, не взирая на трудные переправы. А следующие погонею принуждены, за неудобностию пути, идтить помалу и переправляться чрез способные переправы, а при реке Супой, за обширностию ее, уже остановились.

Войско российское следует за Хмельницким

Как скоро Хмельницкий от Переясловля отшел, Самченко тотчас уведомил об оном князя Ромодановского, и что немалая партия от него за ним послана. Потом дал и то знать, что уже и от городища отшел, то и князь Ромодановский к Днепру ж, мимо Переясловля, за ним последовал, к которому и Самченко, из города вышед, со всем войском своим к нему ж приобщился.

Хмельницкий стал с войском своим при Днепре

Хмельницкий же, остановясь с обозом паки при Днепре, против Канева, окопался и послал часть козаков насупротив князя до Помилья. Но как скоро они в строевом порядке войско усмотрели, то тотчас к своему обозу назад возвратились, для того что татар с ними не было, ибо они уже Хмельницкого оставили и, переправясь чрез Днепр, назад в домы свои возвратились.

Войско российское осаждает Хмельницкого и поражает его войско

Войско ж Ромодановского, между тем, придвинулось почти на пушечный выстрел к обозу Хмельницкого и там остановилось. Хмельницкий, видя их, выступил им на супротивление, но вдруг, притом с двух сторон, полем конные козаки на него напали, а Яким Самченко с козацкою и московскою пехотою с лица прямо наступил, и тем жестокое сражение сцепилось и продолжалось на полтретья часа, даже к тому и князь Ромодановский приступил с конницею своею, устроенною в боевом порядке, что увидевши, войско Хмельницкого тотчас на отступ пошло, и ни под каким видом удержать их уже было не можно. Они, оставя обоз свой, бежали, иные к Днепру, где многие из них потонули, а другие за гетманом своим в бор. Видя сие, немецкая пехота, коих было только 1000 человек, что оставлена совсем от своих, отчаянно уже дралася и до тех пор, даже всех их порубили. И так на оном месте потерял Хмельницкий тысяч до десяти войска своего и весь свой стан, а сам в малом числе бежал в город Черкасы и далее. Козаки ж его оставшие, кои переплыли Днепр, все в домы свои разбрелися, а жолнеры при Днепре побиты, так равно и бежавшие от них редкий кто того ж избежал, что все воспоследовало июля 16 дня. Ушедшие ж Хмельницкого козаки Канев взяли и многие обиды делали как там, так в Корсуне и по иным городам, местечкам и селам. Князь же Ромодановский пошел со всем войском своим московским, и с ним нежинский полковник Золотаренко с своим полком, к Переясловлю. А наказной гетман Самченко со всем войском своим остался еще на месте ратном.

Умысел, чтоб не быть Самченке гетманом

Войско ж оное, видя Самченка, что был он их добрый предводитель, храбрый и смелый воин, не щадил нигде своей жизни, возжелало его неотменно иметь у себя настоящим гетманом. Точию епископ Мефодий, Мстиславский и Оршанский, и Блюститель Киевской митрополии, был в том ему препоною, потому что нежинский

полковник Василий Золотаренко желал оный чин себе получить, и для того, дабы сделать в сей случай помешательство к собранию Рады, обще присоветовали и склонили князя Ромодановского, чтоб он послал Самченка, яко наказного гетмана, с несколькими полками взять от неприятеля и одержать город Канев, да и самим бы следовать для взятия так же города Черкас и прочих мест, и торопил сего ради скорее вступить в тот поход для того только, чтоб не допустить ко вторительному выбору тут Самченка в гетманы. Подкупленный же его писарь полковника Золотаренка уведомил, что он в сие время, празднуючи, гуляет и торжествует по полкам у своих козаков о благополучной победе над неприятелем. При том советовал Золотаренке, чтоб до прибытия его к ним он как можно старался сыскивать своего счастия, ибо коль скоро Самченко к ним с войском прибудет, то, конечно, он козацкою Радою в гетманы избран будет. Напротив же сего Золотаренко только что на козаков своего Нежинского полку к выбору своему в гетманы надежду имел, которые в том его обнадеживали.

Войска российские следуют за Днепр и отбирают города

Князь Ромодановский принял то предложение: он пошел от Переясловля в поход с войсками своими, не дождав Самченка, и послал к нему свое повеление о следовании ему к Каневу и о взятии оного, а Золотаренко с своим полком пошел, обще с Ромодановским; прочие же оставались при Самченке, который при приходе своем в Переясловль, уже не застав князя, пошел к Каневу и взял оный, как равно и не малые там за Днепром получил добычи, и возвратился без урону паки в Переясловль, оставя в Каневе с полком полковника Якова Лизогуба.

Войска российские, отступя от Чигирина, следуют обратно. Хмельницкий слагает с себя гетманство и вручает оное зятю своему, полковнику Тетере

Между сим временем князь дошел до Богушковой Слободки и, пересмотрев войско свое, послал товарища своего, стольника Приклонского, к городу Черкасам и далее. Он, переправясь чрез Днепр, к городу приступил, и Черкасы ему безо всего сдалися, в котором оставил из тамошних козаков полковников Михайлу Гамелею, придав ему несколько войска московского и козаков своих. Сам же Приклонский пошел с войском в низ Днепра-реки, приближаясь к Чигирину и покоряя ту всю сторону под власть прежнюю, с чем дошел до Бужина. Ромодановский же следовал своей стороной, также

в низ, и стал против Бужина и Крюкова, токмо сие беспрепятствие им не надолго продолжилось. Гетман Хмельницкий, коль скоро прибыл в Чигирин, тотчас послал за ордою, которую посланные сыскали во всякой готовности: они немедленно в нескольких тысячах отборных татар с султаном своим к Чигирину поспели. О сем уведомясь, стольник Приклонский поспешно пошел от Бужина к перевозу, и хотя орда на него нападала, но, шед с обозом от них оборонною рукою, урону ему большого причинить не могла. Точию войско при самой переправе сделало неустройство: оно вдруг, оставя обоз, кроме пушек, кои перевезть паромом успели, бросилось все вплавь чрез Днепр и плыло на другую сторону с великою торопостию, за коими и татары, по мелкости тогда в реке воды нагоняя их, также поплыли за ними. Токмо Ромодановский с берегу супротивного отбил их из пушек и мелкого ружья, чем и обоз свой спас и как все чрез реку перебрались и переправились, не медля уже нимало у Днепра, пошел он с Приклонским, устроившись, до Лубен. Хмельницкий же, как сего, а паче переясловского урону, уже наградить не мог и утвердить себя на гетманстве не в силах был, оставил сего для гетманство свое зятю своему, бывшему полковнику переясловскому Павлу Тетере, а сам пошел в монастырь и постригся в монахи.

По сложении с себя Юрием Хмельницким гетманства малороссийская старшина челобитствует о пожаловании им вновь гетмана

Как скоро сведала вся старшина малороссийская, что Хмельницкий сдал свое гетманство зятю своему Павлу Тетере, согласясь все вообще, как то — наказный гетман Самченко со всеми старшинами своими и полковниками, сотниками и прочими чиновниками, послали с нарочными посланцами своими челобитье в Москву со всеподданническим прошением своим, к его величеству, государю царю и великому князю, Алексею Михайловичу, с тем прося, и потом неоднократно просили, чтоб из высокомонаршей милости своей пожаловал их настоящим гетманом и для того благоволил бы в Малороссию прислать своего царского величества боярина и учинить бы генеральную Раду в городе Переяслове, и на той бы всем Войском Запорожским вольными голосами оного избрать.

О возведении на гетманство сечевские козаки просят, чтоб пожаловать их кошевого атамана Брюховецкого

Под который случай и сечевские козаки также от стороны своей к его величеству с прошением же челобитье свое послали с представ-

лением тем, что они, полюбя верного и надежного для его царского величества кошевого атамана своего Ивана Брюховецкого, за достойного признают быть ему малороссийским гетманом, коего они всею сечевскою козацкою Радою избирают, и если когда будет к избранию тому его величества воля, то чтоб и они, и вся малороссийская чернь при том на указном месте была.

Одобрение к царю от епископа Мефодия о Брюховецком

К тому еще, по происках того Брюховецкого чрез немалые свои подарки, и Мефодий, епископ Мстиславский и Оршанский и Киевской митрополии Блюститель, об нем, кошевом, с великим одобрением к его царскому величеству просительно ж писал и оное с нарочным, нежинским протопопом Максимом Филимоновым, послал, дав ему при том и изустное наставление просить и одобрять Брюховецкого всячески, что он и немалое приращение его царского величества государству и войску против прежних и прочих гетманов сделает.

Брюховецкий чрез происки и дары одобряется царю, и чрез то приуготовляют быть ему гетманом. Брюховецкий, по повелению, приходит с войском своим в Малороссию ко князю Ромодановскому к собранию Рады

По таковым весьма одобрительным о Брюховецком представлениям, а паче чрез ослепление дарами, московские бояре стараясь докладами своими предстательствовать и испросить у его царского величества, чтоб учинить по таковым одобрениям его совершенно малороссийским гетманом и велеть бы ему, по просьбе его, со всеми его сечевскими козаками быть заблаговременно в Малой России и находиться тамо до присылки туда из Москвы для таковой черневой Рады боярина, кого его величество послать изволить, что и подействовало по желанию предстателей. Его величество указал отписать к кошевому, чтоб он заблаговременно к собранию той Рады со всем войском своим прибыл в Украйну и приобщился бы ко князю Ромодановскому, состоящему тамо с войском же, о чем и ко князю оному о том писано было, дабы он его, как скоро прибудет, принял под свое управление и определил бы ему и войску его место до присылки из Москвы указа, и почитал бы его уже наказным гетманом. Из сего князь Ромодановский проразумел, что то угодно и воля на то была его царского величества удостоить и пожаловать его, конечно, назначающимся чином, почему, по прибытии его с войском к Гадячу, князь принял благосклонно и определил ему тут, яко наказному гетману, часть Украйны по самые Ромны.

Полковник Золотаренко старается быть гетманом

Из сих обстоятельств нежинский полковник Золотаренко узнал, что он от запорожцев обманут обещаниями, чтоб быть ему гетманом, которые, приезжая к нему из Запорожья, видели что он уряду того весьма желал, обманывая его только для получения от него себе подарков, объявляли всегда, что Войско Запорожское хотят его, конечно, избрать гетманом. Он же, как простой человек, будучи весьма богат, не жалел ничего, всякого за такое обещание щедро дарил, причем наказного ж гетмана Самченка всячески обносил и в Москву описывал, и будто бы он за ордою посылал и хотел изменить государю; но как то все было ложно, ибо поступки и дела его были всем известны, как выше о том значится, привел тем только себя более и Самченка безвинно в подозрение и немилость царскую, чрез что и Рада о выборе его в гетманы уничтожена.

Умыслы Золотаренка опровергаются

Но как увидел Золотаренко, что Брюховецкий пришел из Запорожья, к нему ни о чем не пишет, вознамерился было сего для сам ехать в Гадяч, токмо приглашал с собою из Батурина знатное число товарищей и хотел с оными всех тех, кто ему в предприятии его мешает, истребить; точию от оного те ж самые его отводили, чтоб ничем Самченка не обносил и не описывал об нем, но согласился бы с ним к выбору гетмана добровольно, представляя ему при том, что запорожцы и без того, по своей суровой закоснелости, не совсем доброго намерения о градских начальниках бывают. И так, хотя усильно он домогался, чтоб намерение его неотменно исполнено было, только партия оная батуринская на то отнюдь не соглашалася, но, будучи еще им огорчена, возволновалась было и мало что самого его не прибила, если б другие от того ее не отвели.

Промыслы и дары от Золотаренка, чтоб быть ему гетманом, не помогают

Видит Золотаренко, что ничто к желанию и намерению его не помогает, рассудилось ему обольстить Ромодановского подарками с тем, чтоб князь держал его сторону к возведению в гетманы. При том же хотел ведать, желают ли запорожцы иметь его гетманом? Для чего посланные, следуя, нашли князя в Зинкове и там ему подарки вручали, при чем случилось быть и запорожцам. Князь, видевши присылки, оным насмехался и, так как имущий человек, пренебрегал такими дарами. Запорожцы ж, напившись пьяны, ясно умыслы свои открыли, что они всех старшин городовых, паче Самченка и Золо-

таренка, убить намерение имеют. Посланные, слыша сие, возвратясь, Золотаренку объявили, что нет надежды на князя и на запорожцев, чтоб быть когда ему гетманом, но еще жизни и имущества беречь должно.

Золотаренко удостоивает быть гетманом Самченка

От сего времени начал он стараться войти в приязнь к Самченку, что и сделал, ибо, к лучшему уверению, собрал несколько полковников, старшин, сотников и именитых козаков в город Ичню и там, в церкви Соборной, на гетманство Якима Самченка присягать велел, и сам ему присягу свою учинил, также и прочих к тому понуждал. Но то уж было не во время, ибо испорченное иногда и поправить не можно, потому что он на Самченка в измене и недоброжелательстве к его царскому величеству доносил; из оного виновником он сам в том, чрез ту присягу, остался. Власть же двух назначенных гетманов чрез всю ту зиму продолжалась, как то: Брюховецкому повиновались полки Полтавский, Зинковский и Миргородский, а Самченке Лубенский, Прилуцкий, Переясловский, Нежинский и Черниговский. И осталось последнему только то, чтоб Черной Раде [108] не быть.

Для собрания Рады и выбора в гетманы из Москвы присылаются в Малороссию бояре

По объявленным же просительным челобитьям его царское величество изволил указать послать при указе окольничего и наместника галицкого князя Данилу Степановича великого Голицына (?) и с ним стольника Кирилу Осиповича Хлопова, да тайных дел дьяка Дементия Минича Башмакова, и дьяка Евстрата Флорова, которые и отошли из Москвы 1763 году марта 10 числа, коим дана была царская верющая грамота с открытою государственною печатью, и велено им следовать в Малую Россию до города Нежина и там собрать Раду для избрания настоящего гетмана.

Брюховецкого встреча боярам

Брюховецкий, сведав о приближающихся в Малороссию посланных из Москвы с царскою грамотою господ бояр, встретил их за Нежином с обыкновенною честию и препроводил их до города, где и расположил их и всю их военную команду по пристойным для них квартирам. Там уже будучи, бояре объявили волю государскую, чтоб было повелено при всех старшинах собрать все Войско Запорожское и чернь к Нежину.

По данному повелению Рада собирается к Нежину

А как еще до прибытия тех господ дано было во все малороссийские города повеление, чтоб все полки и всякого звания люди были б во всякой готовности, коль скоро они востребуются к собранию на Раду, почему, ни мало медля по объявлении к сбору, все войско, мещанство и чернь начали собираться к Нежину, в коем числе во первых наказный гетман Самченко собрал из всех полков ведомства своего полковников, старшин и знатных козаков, представился князю Голицыну и стольнику Хлопову и прочим, препоручая себя и подручную свою старшину и козаков в высокую милость его царского величества. А нежинский полковник Золотаренко к Нежину собрал весь свой полк и из севера и Стародубщины всех людей и с тем так же представился и расположился под городом; но все то великое его собрание ему, по намерению его, не в помощь было, ибо Брюховецкий твердо надеялся то получить по обещанию предстателей своих, чего желал, коих он своими дарами и разными обещаниями обольстил, такими, какие обыкновенно ослепляют емцев.

Царское повеление объявляется старшинам о бытии Черной Раде и о избрании настоящего гетмана

В таком положении находились они тут, доколе весь народ собрался, в несколько недель; наконец, окольничий и стольник с товарищи созвали начальных людей Войска того Запорожского, в том числе двух наказных гетманов, Самченка и Брюховецкого, с их старшинами, коим обьявили, что указал его царское величество, по прошению и желанию их и всего Войска со всею чернею, быть Раде для изобрания одного настоящего гетмана, и тому б все войско козацкое и вся Украйна повиновалась.

Самченко боярам объявляет, что он уже в бывшей Раде вольными голосами гетманом избран, но для подтверждения тому велено быть настоящей Раде

На оное объявил Самченко, что он уже обществом козацким и многими старшинами и полковыми начальниками в гетманы выбран, и для непременного в том его бытия подсудные ему многие полковники, сотники и козаки все присягою в Козельце и в Ичне подтвердили, по чему представлял тем, чтоб не была в том вольность и права их нарушены, предостерегая при том, что могут быть чрез то бунты от народной Рады, если не по их вольному избранию кто в гетманы избран будет. Сие все с уважением хотя от него принято,

но объявили ему на то, что предоставляется дело оно до созыву Рады, в коей и спрашивано будет о желании народном, кто будет люб, и чтоб все в том его подтвердили присягою.

День для Рады назначается

Брюховецкий оставался на тот час в надежде той, что любимцы и единомышленники его во время Рады не оставят, а паче запорожцы; для генерального ж собрания назначили начальный день июня от 18 числа, и объявлено было с тем, чтоб во оный на назначенное место к поставленному за городом царскому шатру, присланному нарочно для того, по данной повестке и барабанному бою сбора все без ружья собрались.

Во время собравшейся Рады делается о выборе гетмана раздор и драка между козаками

Коль скоро урочный день приспел, ударили по утру, при поставленном царском шатре, в барабаны на сбор, а вокруг оной поставлено было войско московское с ружьями для укрощения иногда могущего быть от буянов и своевольников какого смятения или здора. Но мало оное защищать и попрепятствовать наглецам могло. Ибо как скоро повестка сборная на Раду учинена, то Брюховецкий, в силу повеления с своей стороны, войско пешее и без ружья к ставке привел. А Самченко и все подчиненные его не последовали тому приказанию: они все приехали верхами и вооруженные, так подобно, как бы против неприятеля идти следовало, и с тем намерением, что когда в Раде не по их желанию будет выбор, то смело сделать на супротивников ударение и употребить тогда к тому и пушки, коих неподалеку в обозе его довольно было. Но ничто тем не успето, ибо запорожцы на милость царскую полагались. Но как скоро Рада собравшаяся к шатру приступила, а князь Голицын и Хлопов с товарищи вышли из оной и начали читать указ и грамоту его царского величества о избрании гетмана, то не дали оных совсем и выслушать и докончать. Вдруг сделался тут с двух сторон о гетманстве превеликий спор и шум: одни кричали Брюховецкого гетманом, а другие — Самченка, каждая сторона своего на приготовленное к тому кресло сажала. Из чего сделалась, наконец, междуусобная драка; да и самого князя в том смятении и тесноте едва не удушили, и, подхватя Брюховецкого и на стол, бывший тут, поставя, гетманом поздравляли, другие в запальчивости запорожцы, бросаясь на Самченка и вырываючи из рук его, булаву переломили, а бунчуг отняли и убить его хотели, от чего он едва уйти мог, продравшись сквозь царскую ставку, и с ним некоторые старшины в обоз свой бежали, а из прочих оставших там начальников его нескольких убили.

Запорожские козаки усильно возводят Брюховецкого

По уходе ж Самченка, как стало несколько беспрепонно запорожцам к возведению в гетманы Брюховецкого, столкнули сего для князя с кресла, в которое он было засел на время то шумное, и посадили на оное Брюховецкого, дав ему булаву и бунчуг в руки, и гетманом его огласили; однако шум и крик не скоро в народе утишиться мог. Князь Голицын, видя такую наглость и необузданность козацкую, не подтвердил сего для им гетманского выбора, но оставил оное до иного дни. Брюховецкий же, напротив сего, считал себя совершенным и думал, что он есть уже гетманом всего войска и всей Малой России повелитель, когда козаки его изобрали и возвели на кресла, и бунчуг с булавою ему вручили, пошел с оными в веселом духе в свой обоз, который стоял при реке Остре в Романовском Куту.

По Самченкову представлению вторичная Рада назначается

Яким Самченко, как лишился своих гетманских клейнотов, а козаки его сочли, что он тем был лишен власти и достоинства своего, начали колебаться, вознамерились тут все отложиться от него. Видя то, Самченко хотел их удержать, послал ко князю Голицыну с тем, что он и с войском своим той бывшей Раде не согласен и Брюховецкого гетманом не признавает, и если не будет другой Рады для выбора гетмана собрано, и во оной не положит Брюховецкий все войсковые знаки, то он отойдет с войском своим в Переяслов и оттоль пошлет к его царскому величеству с тем, что гетманство Брюховецкому дано неправильно. Князь, слыша сие несогласие, начал опасаться, чтоб не произошло из оного худого следствия, назначил сего для в третий день, то есть 20 числа, быть неотменно другой Раде и приказал объявить Брюховецкому, чтоб он в ту Раду был и знаки войсковые положил на оной, и дабы вся старшина, собравшись, была внутри намета царского и не выходили б из оной, а чернь бы пред оной, согласясь, выбрала в гетманы, кого хотят. Чему Брюховецкий повиноваться весьма не хотел, чаючи, что князь держит сторону Самченкова. Но старшина, видячи упорное мнение его, тотчас подали ему совет, чтоб он, конечно, исполнил все предложение княжое, дабы не лишиться тем милости государской.

Козаки изменяют Самченку и, предавшись к Брюховецкому, обозы старшин своих граблят. Самченко с старшинами отводится под стражу

Но изобильное уже непостоянство в козаках чрез многие и разно случившиеся между ними перемены вдруг сделало Самченке измену. Они отложились все не только от одного его, но и от всех своих начальников. Захватя все вдруг сотен своих хоругвы *, в обоз к Брюховецкому прибежали и ему приклонились, и, сие сделавши, тотчас назад возвратились и начали грабить обозы старшин своих, что увидевши, Самченко с полковниками и другою старшиною, севши на лошадей, прибежали ко князю с тем, чтоб получить от него в том помощь и защищение. Но как уже (хотя ложно) на него о измене доносимо было, а притом и то, что он угрожал, если не ему быть гетманом, чтоб не могли бунты и смятении воспоследовать, и что принесется о таковом небывалом избрании с нарушением древних прав малороссийских жалоба самому государю, и объявлял с старшинами и козаками своими отступить к Переясловлю, то повелел князь вместо всей ему защиты взять его с сообщниками и отвесть их в Нежинский замок под стражу, отобрав от них лошадей и все орудие.

Брюховецкий во второй день Рады приходит в собрание и действительно избирается и поставляется гетманом. Подписавшиеся о выборе гетмана на Раде

Брюховецкий. повинуяся повелению, пришел на Раду со всеми своими подчиненными в учрежденный день к царскому шатру и положил во оном все войсковые клейноты. Князь, получа оные порядочным образом, при объявлении всем царского указа и данной им верющей грамоты в том, чтоб собрать генеральную Раду, и в оной были б все духовенство, наказный гетман Яким Самченко, кошевой атаман Иван Брюховецкий, обозные, судьи, полковники, есаулы, сотники и все Войско Запорожское, и чернь, дабы они все выбрали настоящего себе гетмана вольными своими голосами, по старинным своим правам и по переясловским статьям, каковы в 1654 году генваря 6-го числа гетманом Богданом Хмельницким поставлены на Раде ж, при ближнем же боярине и наместнике тверском Василье Васильевиче Бутурлине, и в 1660 году октября 17-го числа гетманом Юрием Хмельницким, при ближнем же боярине и воеводе и наместнике казанском князе Алексее Никитиче Трубецком с товарищи, поставлены в Радах, и по прочтении им всех оных, кто им всем — старшинам, войску и черни будет люб, избирали б. Тут все единогласно вскричали, что желают и люб им быть Брюховецкий гетманом, почему

* Хоругва есть знамя малое.

князь Голицын и препоручил из рук своих ему булаву, бунчуг, знамя и прочие все войсковые знаки, подтверждая при том ему гетманство и власть над всею Малороссиею. По сем пошли они с ним в город в церковь соборну Николая Чудотворца, и за ними вся старшина и вся Рада, где, по совершении молебного пения, Брюховецкий со всем войском своим его царскому величеству и наследникам его в верности своей присягу учинил, а потом и ему все войско в повиновении присягали, и в том выборе и в учинении той присяги все бывшие на той Раде, как то: гетман Иван Брюховецкий, а по нем бывший при том выборе Мефодий, епископ Мстиславский и Оршанский и митрополии Киевской Блюститель, с духовными и вся старшина Войска Запорожского, подписались. А по окончании оного гетман Брюховецкий последовал с боярином, стольником и дьяками, и старшиною своею в Батурин, где договорные статьи совершать начали; но, по принесенной туда вдруг нечаянной ведомости, что татары следуют с польской стороны напасть на Малую Россию, принуждены сего для, не докончав оные, оставить совершать до иного спокойного времени. И так должны князь Голицын с товарищи своим и с дьяками отъехать в Москву, а гетману приуготовляться с войском на супротивление татар, о чем тотчас отдал повеление собраться войску к Нежину.

ГЛАВА 24

Бытие Брюховецкого малороссийским гетманом, и о делах его. О нашествии польского короля в Малую Россию и о выходе его из оной чрез понуждение московскими войсками паки в Польшу, и о измене противу России Брюховецкого

Гетман малороссийский Иван Мартынов сын Брюховецкий, 31. При возвращающихся боярах в Москву Брюховецкий посылает посланцев с отпискою своею к царю с благодарением о возведении его на гетманство и при том доносит о бывшем в Раде смятении на Самченка и Золотаренка

По получении Брюховецкий гетманства, в начале июля месяца, при отъезде от него обратно князя Голицына и Хлопова с товарищи, послал с отпискою своею к его царскому величеству в Москву от себя посланцев и при них козаков около ста человек для принесения

своей всеподданической благодарности за высочайшую ему его царского величества милость и награждение, при чем обещался и обнадеживал за то для государственной пользы всякие приращения приобретать. И при том его величеству доносил, что якобы в оскорбление, не столько ему, коль для государства, учинено бывшим наказным гетманом Якимом Самченком и сообщником его, бывшим нежинским полковником Васильем Золотаренком с товарищи, во время самой собравшейся для избрания гетмана Рады великое смятение и бунт в народе оном, и усиливались тем насильно быть гетманом Самченке, устращивая при том своими угрозами, что уклонятся они от высочайшей власти, если по-прежнему не дозволено будет избранию его и не исполнится, по их желанию, быть Самченку гетманом, и хотели уже отступить к Переясловлю, и из сего едва ль не к измене они склонны были, ибо и других к тому возмущали, и, приготовя в обозах своих пушки, с вооруженными людьми не только к сборному месту, но и к самому шатру приступали, не почитая царской ставки, его величества, освященным местом, что видя, царского величества поверенные присланные, окольничий и наместник галицкий князь Данила Степанович Голицын и стольник Кирила Осипович Хлопов с товарищи, приказали для пресечения всяких зол, от них могущих быть, с высочайшим повелением взять и посадить их под стражу, где и содержутся, на что и испрашивал его царского величества высочайшего рассмотрения и благоволения.

Мефодия, епископа, отписка к царю о бывшем деле при Раде

При тех же посланцах и Мефодий, епископ, Блюститель Киевской митрополии, послал от 11 числа июля к его царскому величеству свою отписку с нежинским протопопом Максимом Филимоновым, объявляя тем, что он при избрании в Раде гетмана того, Брюховецкого, был и к присяге его и всех бывших с ним приводил, и в предложенных статьях подписался. При чем доносил его величеству, что сей новый гетман положил свое намерение промыслить, откуда бы взять хлебных запасов для московских ратных людей, которые находятся и впредь будут в малороссийских городах для обороны от неприятельских приходов, в чем рачительно и вседушно старается собрать со всех мельниц во всех полках к Семенову дню и оный уже ссыпает в хлебные амбары и делает положение, по коликому числу раздавать по чинам военным людям. А за тем, что от стороны бывшего наказного гетмана Самченка происходило, описал же; а для лучшего об оном объяснения, велел тому протопопу изустно объявить, если востребует того его величество от него.

При начале гетманства Брюховецкого все городовые полковники переменяются, а козаки делают по городам озорничества в пьянстве

Брюховецкий, как будучи уже гетман, тотчас переменил во многих полковых городах прежних полковников и на места их определил из тех, кои с ним из Запорожья пришли, а от полку Нежинского, за великостию его, отделил несколько сотен козаков к полкам Зинковскому и Сосницкому. При оном новом постановлении полковничьем чернь и запорожские козаки в знак удовольствия своего, что по их Черной Раде желание и выбор гетманский состоялся, по данному им на три дни позволению, растворяя себе все шинки, пили и пьянствовали все те три дни и делали в то время по буянству своему всякое озорничество, так что и убивали многих, не исключая старшин и знатных козаков, что все им и они сами за шутку поставляли, от чего многие мещане, старшина и козаки, именитые и зажиточные люди, где кто мог, укрывались и для не опознания их меняли и передевались из хорошего платья в свитки и зипуны. По прекращении ж в четвертый день того пьянства, в удовольствие обидимым, позволено было по жалобам просить и ведаться судом с теми, кто кого тогда обидел или убийство сделал.

Арестованных имение расхищается

Арестованных же полковников и прочих старшин, кои содержались в Нежине под караулом, домы и все их имущество разграбили и расхитили без остатку. А город Ичня и с его замком, и та самая церковь, в которой Самченке на гетманство его присягали, в тот самый день и час, как его под караул взяли, сгорели.

Брюховецкого распоряжение полковникам и о содержании при них запорожцев

Брюховецкий, по отправлении посланцев и прочих дел, по переезде из Нежина в Батурин (город гетманской резиденции), разослал всех вновь пожалованных своих полковников по своим полковым городам, придав всякому полковнику по сту человек козаков своих. Им определены были в жалованье жупаны с полков и по мере с мельниц. От сих начальников и козаков всякого звания люди, а паче знатные, огорчательные обиды сносить принуждены были, ибо те, кои у кого служили и были иногда за вины и проступки наказываны или бранены, отмещали тем бывшим господам своим за оное.

На представление гетманское, и бояр, и епископово воспоследовало повеление начальников осудить в войске гетманском

По отписке гетманской и епископа Мефодия и по представлению бывших господ поверенных его царское величество указал отдать всех вышеупомянутых, бывших на Раде возмутительных начальников, на суд его, гетмана, войсковой с тем, когда которые осудятся и будут смертной казни подлежать, оных при войске, в страх другим, казнить, а кои телесному наказанию подвержены будут, тех для ссылки в отдаленные места в Москву прислать.

О поступке и делах паволоцкого полковника Поповича

Во время ж бывшей нежинской Рады в городе Паволоче полковник Иван Попович (который прежде сего из полковников был попом, а после от укоризней жидовских паки полковником стал и всех жидов там побил) вознамерился с полком своим Паволоцким к российской стороне, к киевскому начальнику присоединясь, подчиниться и требовал для того себе из Киева помощь, чтоб, с оными вооружась, идти против вызвавшегося гетмана Павла Тетери; токмо вспомогательных людей ему не дали, а Самченка, на кого он более в помощи сего надежду имел, за арестованием его уже того лишился. Тетеря ж, сведав о поступках Поповича, послал на него свое войско, чтоб взять город и его, Поповича, который, избежания ради, просил чрез посланных своих гетмана Брюховецкого о учинении в том ему вспоможения; точию по сему хотя и обещано было, однако ж никакой помощи не только ему, ниже городу не прислано. Попович же, видя свое бессилие, хотя и не хотел, сдал неприятелю город, где, взяв его, смертию казнили.

Поход и действие Брюховецкого

Брюховецкий, услышавши, что татары уже идут на Малороссию, собрав вскорости войско, пошел до Переясловля и стал там, при урочище Креста, где напали на него татары, двоекратно делая свои попытки, но он их войском своим удачно разбил, не дав им взять ясыра, и прогнал чрез Еремеевку за Днепр так, что премножество их там перетопил. Потом пошел к Кременчуку и оный, за непокорство к нему жителей города, сжег, оставя только замок один, откудова последовал к Гадячу.

Самченко и Золотаренко смертию казнены, а прочие в ссылку ссылаются

В сей самый случай, по исследовании и окончании всего дела суда, и в силу уже присланного его царского величества указа, в самом начале 1664 году, то есть по Семенове дни, как то — в первых числах сентября, Брюховецкий, реша своею конфирмациею, велел смертию казнить бывшего гетмана Самченка и полковников: нежинского — Золотаренка, черниговского — Силича, лубенского — Засадку, что и исполнено в городе Борзне, а прочих полковников и бывших с ними, ведения Самченкова есаулов полковых и сотников, которые были верны отечеству своему, в Москву отправил, откоде уже все в Сибирь в ссылку сосланы. Которые же хотя и не были судимы, но, однако ж, отставлены от своих мест и чинов и жили при своих домах, нося все наложенные тяглы на жалованье, на кормы и одежду, как и другие, давать для всей, состоящей при гетмане, запорожской пехоты, от чего весь народ украинский великую тягость несл.

А как следовало по постановлении нового гетмана предложить ему и всему Войску прежних двух Хмельницких, гетманов, установление статей и к тем вновь приложить нужные пункты, чтоб все оные были новым гетманом и всею старшиною, и целым Войском утверждены и подписаны, при том, чтоб и о том, о чем к его царскому величеству Мефодий, епископ, писал, на мере положить, как то — о сборе хлебных запасов для продовольствия московских военных людей, находящихся в Малороссии, то его царское величество послал августа от 24 числа бывших в Нежине на Раде тайных дел думного дьяка Дементия Башмакова и дьяка ж Евстрата Флорова в Малую Россию к своему государеву богомольцу, к Мефодию, епископу Мстиславскому и Оршанскому и Блюстителю митрополии Киевския, и до своего царского величества Войска Запорожского, к гетману Брюховецкому, с своими великого государя грамотами и милостивым словом и жалованьем. Кои прибыли в Батурин 1664 году ноября 17 числа и там, по собрании гетманом старшин и прочих чиновников, от оных присланных дьяков указ его царского величества объявлен и статьи прежних гетманов прочтены с тем, дабы по указу его царского величества оные подписками их утверждены были. Потом предложены вновь присланные ж им пункты, которые только что трактовать и подписками оные утверждать стали, в то самое время уведомлен Брюховецкий о важной опасности для Малой России, ибо король польский Ян Казимир с великим числом войска уже в Украйну вошел и, по одержании Брацлавля, передовые войска его, дошед до Днепра, город Стайки завладели, и что король, поспешая, следует за ними с своим польским, немецким и татарским войсками к переправе той. Которое нечаенное нашествие совершить и докончать статьи утверждением подписками помешало, а потому принуждены сих обстоятельств ради, оставя то до будущего свободного времени,

гетману со всеми старшинами и войском своим поспешить на супротивление наступающих поляк, а присланные дьяки, не доверша свою препорученную им комиссию, и с начатыми подписками немедленно выехать из Батурина и возвратиться в Москву. А что ими с гетманом и с старшинами сделать успето, тому при сем прилагается список.

По указу Его Величества, Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержца.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, холоп, я, Гетман Иван Брюховецкий, с верным Его Царского Величества Войском Запорожским предложенные нам всем выше упомянутые двух Гетманов Хмельницких статьи, слушали и приговорили быть тем статьям и для нас так, как оне написаны; а во утверждение оных статей, я, Гетман Иван Брюховецкий, на сих статьях подписался своеручно.

Судья войсковый, Юрий Незамай, сих статей при Гетмане и всей старшине слушав, приговорил тем всем статьям быть так, как оне написаны; а в его место писарь судейский, Еремей Тищенко, по его, Юриеву, велению на сих статьях руку приложил.

Вместо судьи войскового, Петра Забелы, писарь его судейский, Ерема Тищенко, руку приложил.

Вместо обозного наказного войскового, Павла Животовского, писарь гарматный, Парфен Марков, руку приложил.

Писарь войсковый Степан Гречанович подписуюсь.

Вместо асаула войскового, Степана Афанасьева, Карп Иванов руку приложил.

Вместо асаула гарматного войскового, Богдана Щербака, писарь, Парфен Марков, руку приложил.

Вместо полковника Прилуцкого, Данилы Писоцкого, того ж полку, Степан Шуба, руку приложил.

Вместо Нежинского полковника, Матвея Квинтовки, того ж полку писарь, Никифор Алексеев, руку приложил.

Вместо Сосницкого полковника, Якова Скидака, того ж полку писарь, Лаврентий Касперов.

Вместо Лубенского полковника, Игната Вербицкого, того ж полку писарь, Степан Григорьев, руку приложил.

Вместо Зенковского полковника, Василья Шимана, Сосницкого полку писарь, Лаврентий Касперов, руку приложил.

Вместо Стародубовского полковника, Ивана Терника, того ж полку писарь, Василий Иванов, руку приложил.

Вместо Полтавского полковника, Демьяна Кгутжали, писарь войсковый, Степан Гречаненко, руку приложил.

172, ноября 29 дня, Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, обозный генеральный, Иван Климович Цесарский, сих всех статей слушав в Карачеве, едучи з Москвы, и приговорил сим всем статьям быть так, как оне написаны и гетманскою и

старшинскими руками подписаны; в том к сим статьям, в его Иваново место, по его велению, Каневского полку писарь, Лазарь Михайлов, подписал рукою власною.

172, ноября 29, в Карачеве съехался, Царского Пресветлого Величества Тайных Дел, з дьяком з Дементием Башмаковым, да з дьяком Евстратом Флоровым, Киевский полковник, Василий Федоров Дворецкий, сих статей слушал и приговорил быть сим статьям так, как оне написаны и гетманскою и всей старшины руками подписаны; в том я, Василий, сии статьи подписал рукою своею власною, что быть по тому впредь неподвижно и постоянно.

172, декабря в 8, Войска Запорожского асаул войсковый генеральный, Парфен Михайлович Нужный, да полку Запорожского судья, Поднесенко, Севастьян Иванович, всех статей, под Москвою, в селе Семеновском, слушал и гетманской и старшинской рук усмотря подпись, приговорил сим всем статьям, на содержание нашим войсковым быть годны, так, как оне написаны; в том, по их велению, Войска Запорожского писарь, Василий Лукьянов, который под тот час ехал с ними из Москвы, руку приложил.

А сверх прежних статей в Батурине, в то же время Великого Государя Тайных Дел дьяк, Дементий Минич Башмаков, да дьяк Евстрат Хлоров, с Гетманом, Иваном Брюховецким, и старшиною статьи постановлены таковы:

1.

В прошлом 171 году, июля в 11 день, к Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, к Его Царскому Пресветлому Величеству, писал Мефодий, епископ Мстиславский и Оршанский, с Нежинским протопопом, Симеоном, что ты, Гетман Иван Брюховецкий, вседушно промысл имеешь, откуда бы взять хлебных запасов, Великого Государя, Его Царского Величества, ратным людем, которые ныне, так же и впредь будут, для обороны от неприятельских приходов в малороссийских городах, и велел ты, Гетман, со всех мельниц во всех полках хлебные запасы збирать и в амбары зсыпать, чтоб к Семенову дню изготовить. А по чему хлебных запасов ратному человеку дать, так же и воеводам и ратным людем чем сытым быть, о том Великий Государь, Его Царское Величество, пожаловал тебе, Гетмана, чрез его епископа прошение, велел к тебе прислать кого пригоже, чтоб с вами, Гетманом, о том о всем подлинно договорясь, постановить и в совершение привесть не замолчав. А с окольничим и наместником Галицким, с князем Данилом Степановичем Великого Голицыным (?) с товарищи, то дело для скорого его отъезду в Москве, и для твоего, Гетманского, отходу против неприятелей к Днепру, в совершение прийтить не могло.

И Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, Его

Царскому Величеству, Войска Запорожского Гетман, Иван Брюховецкий, и судьи, и полковники, и вся старшина, били челом, а в Батурине Его Царского Пресветлого Величества, Тайных Дел дьяку, Дементию Башмакову, да дьяку Евстрату Флорову говорил, чтоб Великий Государь, Его Царское Величество, пожаловал велел их, для скудости малороссцйских жителей и для разорения от неприятелей городов и мест, имать у них своего Царского Величества ратным людем на прокормление, которые люди в малороссийских городех для обороны от неприятелей малороссийских жителей и ныне есть и впредь будут:

Воеводам по мельнице с двема колы.
Головам и полковникам по 50 осмачок.
Подполковникам и маиорам по 25 осмачок.
Ротмистрам и капитанам по 20 осмачок.
Поручикам и прапорщикам, и сотникам по 10 осмачок.
Рейтарам и драгунам, солдатам и стрельцам по
4 осмачки иржаной муки на год.

А как малороссийских городов и уездов жители обоих сторон Днепра будут в соединении, и милостию Великого Бога и Великого Государя, Его Царского Величества щастием, неприятелям отпор дан будет, и война успокоится, и о зборе хлебных запасов на прокормление ратным людем, как Великий Государь, Его Царское Величество, укажет.

И на той статье подписано:

Царского Пресветлого Величества Войска Запорожского Гетман Иван Брюховецкий подписал рукою власною.

Войска Запорожского судья Юрий Незамай, с Гетманом Иваном Брюховецким, по сему писанию бъет челом; а в его место, я, Роман Ракушка, руку приложил.

Я, Степан Гречановский, писарь войсковый генеральный, руку свою власную приложил.

А вместо Петра Забелы, судьи войскового, да Степана Иванова, асаула войскового, да Павла Житовского, обозного наказного, да Данила Писоцкого, полковника Прилуцкого, да Демьяна Кгутжеля, полковника Полтавского, да Ивана Плотника, полковника Стародубского, да Якова Скидака, полковника Сосницкого, да Игната Вербицкого, полковника Лубенского, да Богдана Щербака, асаула гарматного, по их велению, руку приложил он же, Степан Гречанович.

Я, дозорца скарбу войскового, Роман Ракушка, подписал свою руку.

К сему челобитью, вместо Матвея Квинтовского, полковника Нежинского, по его челобитью, отца епископа Мефодия писарь, Иван Васильев, руку приложил.

Иван Цесарский, обозный генеральный войсковый, сию статью слушав, едучи с Москвы в Карачеве, приговорил быть так, как она написана; в том по его Иванову велению, Киевского полку писарь, Лаврен Михайлов, который на тот час с ним, Иваном, с Москвы ехал, руку приложил.

Я, Василий Дворецкий, полковник Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского Киевский, сию статью подписал своею рукою в Карачеве, едучи с Москвы 172 году, ноября в 29 день.

172 году, декабря 8 дня, к сему челобитью, вместо войскового генерального асаула, Парфена Михайловича Нужного, да полку Запорожского судьи, Василья Ивановича Подсененка, по их велению, под Москвою, в селе Семеновском, едучи с ними с Москвы, писарь полку Запорожского, Василий Лукьянович, руку приложил.

2.

Ведомо Великому Государю, Его Царскому Величеству, учинилось, что Московского Государства городов служивые люди многие и севские драгуны, избегаючи от службы, а крестьяне от податей, так же и порубежных городов, Карачева, Брянска, Рыльска, Путивля и иных порубежных мест, помещиков и вотчинников люди и крестьяны, разоряя помещиков и вотчинников своих домы и всякие пожитки, бежав, живут в малороссийских городех и в уездех, и на будах, и на винокурнях, а иные и ныне бегают, чтоб им жить в волях своих. И Великий Государь, Его Царское Величество, указал тебе, Гетману Войска Запорожского, и старшине говорить, чтоб в малороссийские во все городы послать универсалы под войсковым жестоким караньем, и велел тех всех прежних и нынешних перебежчиков, Московского Государства всяких чинов людей, в городех и уездех, и на будах, и на винокурнях, сыскать и переписать, и кто где живал, и переписав, отослать их всех по росписям в те городы и уезды, кто откуда бежал, а впредь бы учинить заказ крепкий, под смертною казнию, чтоб Московского Государства служивых и всяких чинов людей, и боярских холопов, и крестьян в малороссийские городы никто не принимал, чтоб от того Великого Государя службы порухи и податям збору, и пограничных городов помещикам и вотчинникам напрасного разорения и убытку впредь не было.

И Гетман, и старшина, сей статьи слушав, говорили, что тому делу, для того, чтоб люди к Королю, на Украйне, будучему не приклонились, быть не можно, а убийцев, и татей, и всяких злодеев он, Гетман, и Войско, по Переяславской 16 статьи, не защищает, а как война минется, и в тот час будет мочно.

3.

В Переяславских статьях шестая статья написана: быти в Войску Запорожском реестровым козакам шестидесяти тысячам человек,

а на жалованье збирать им и иных чинов людем в малороссийских городех по указной статье, и буде по той статье сполным тысячам человекам в козаках быть и на них поборы сполнять в зборы будут, или на половину? А как мы стояли в Глухове, и в то время тамошние жители и сторонние люди сказывали, что козаки, и мещане, и поселяне, и их земли, и мельницы, всякие угодия, и ранды, и коморы не переписаны и оброков ни на что не положено, и сколько ныне в войску козаков, и что им доведется дать Царского жалованья в год, и сколько с мещан и со всяких их угодий каких поборов собрать в год можно, и того тебе, Гетману, и всей старшине неведомо. Так же и козаки без переписи, Царского Величества на услуги с тобою, Гетманом, и с вами, начальными людьми, бывают не все, ездят в полки и с полков отъезжают без вашего отпуску, по своей воле, а иные и в войско не ездят, а проходит им то даром, а только б козаки и мещане, их земли и мельницы, и всякие угодия, и ранды, и коморы были переписаны, и чтоб всем было ведомо, и в смету положить козакам число, а с мещан и поселян и из их угодий поборы можно, и во избылых никто не будет.

И Гетман, и старшина, сей статьи слушав, говорили, что под сей военный час, когда неприятели стоят над шиями, реестру учинить и казны збирать не можно; а как военная пора минется, и в тот час будет можно.

4.

Как по Указу Великого Государя, Его Царского Величества, для Его Великого Государя дел, ехали мы к тебе, Гетману, и к старшине, и в дороге слышали от жителей малороссийских городов, что козельские и остерские жители и иные многие користовники, покупаючи всякий хлеб в Глухове и в иных таких же жилых местах, отпускают за Днепр, для своей корысти, без твоего, Гетманского, и без старшинского ведома, и тем в малороссийских городех хлеб вздорживают, а заднепрским изменникам и татарам тем великое вспоможение чинят, и чтоб впредь хлеба, опричь Киева, не продавать. А буде о том заказу учинить не можно для заднепрских жителей, чтоб они склонились под Царского Величества высокую руку и здешней стороны Днепра с жителями соединились, и им бы хлеба велеть купить указное число с твоего, Гетманского, и старшинского, ведома, и где им купить и на которые городы привозить, о том бы давать им универсалы, и они то учнут себе ставить в великую доброту, и друг другу учнут то выславлять, и от тамошнего разорения склоняться на житье на здешную сторону, потому что за Днепром ныне от ляхов и от татар хлеба сеяно мало.

И Гетман, и старшина, сей статьи слушав, говорили, что на то крепкие универсалы давно выданы и ныне выданы будут же.

5.

По Указу Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, в Московском Государстве о вине, чтоб опрочь Его, Великого Государя, Его Царского Величества, кабаков никто не торговали, и табаку не держали, учинен заказ крепкий. А которые люди в таких проступках объявлятся, и тем чинят жестокое наказание и ссылают их в Сибирь, и в Астрахань, и в иные дальние украинские городы на вечное житие, а дворы их и пожитки емлются на Великого Государя бесповоротно. А ныне с малороссийских городов многие жители с вином и с табаком в Московское Государство и в украинские городы ездят и продают всяким людем для своей корысти, и от того кабачным сборам чинится поруха и недобор, а меж людьми смута, и ссора, и смертное убийство, и всякое зло. И тебе б, Гетману, учинить заказ крепкий под жестоким караньем, чтоб малороссийских городов жители всяких чинов люди, вина и табаку к Москве и в украинские городы и в уезды отнюдь не возили и не продавали, и тем бы Великого Государя, Его Царского Величества, казне порухи не чинили, так же б от того меж людьми ни какова зла не было.

И Гетман, и старшина, сей статьи слушав, говорили, что о том универсалы разосланы будут по всем городам, буде кто малороссийские жители с вином и с табаком пойманы будут в великороссийских городех, и у тех вино и табак имать на великого государя безденежно. А те статьи по составам закрепил гетман Иван Брюховецкий своею рукою.

6.

А что в Батуринских постановленных статьях написано: давати мне, Гетману, с Войском Запорожским, Его Царского Величества ратным людем, которые на Его Государевой службе в малороссийских городех, в то время были и впредь будут, збирая с малороссийских городов, и я, Гетман, с Войском Запорожским, теми всеми малороссийскими городами и с уезды, и со всякими доходы ныне челом ударили Великому Государю, Его Царскому Пресветлому Величеству, ныне и впредь, и во веки; а до тех мест, покамест городы примут хлебные запасы, збирать и ратным людем давать мне, Гетману.

Король разосланным войском своим, вооруженною рукою, города малороссийские отбирает

По прибытии ж короля с войском своим к Райкам и по переправе его чрез Днепр, шел на Остер, где, следуючи путем, взял города Борисполь, Барышевку и сдачею Остер. И разослал войски свои,

под предводительством гетмана Тетери, Гуляницкого и Чернецкого, воеводы русского, в правую сторону, отбирать и покорять города и местечки, которым то сделать и удалося, ибо отдавались оные им без дальнего супротивления, по малосилию своему, кроме Киева, Переясловля, Нежина и Чернигова, за крепким их укреплением и немалого числа в них войска. Прочие ж места покорялись почти везде, куда войски оные доходили, а более по причине той, что наказной их гетман Богун, следуя притом, своими козаками и татарами, где каким местом одержал, то покорившиеся все к нему приставали и тем умножением сил покоряли и прочих. Между коими местами одно было местечко, Монастырище, супротивляючись, не сдавалось, но по усильному приступу жолнеры польские с козаками в оный ворвалися и город весь разграбили, а людей в плен татары побрали, чего полковник Песоцкий, когда защитить не мог, сам уже потом полякам приклонился. Также и Прилуки гетманом Тетерею были взяты и залогою польскою от него заняты, чрез что и тракт свободный от него до короля войску польскому чрез Ичню, обходя Нежин, возымели.

Король, следуя по Малой России, многие города под себя приклонил и завоевал

Будучи ж король при Остре, собрал потом свое войско и, сделавши с начальниками своими совет, разграбив тут жителей и опустошив город, последовал до Олишевки и оный взял, а оттоль не пошел на Нежин, ведая о состоянии и твердости города, а паче о изрядном укрепленном его замке, притом о немалом числе в нем московского войска и козацких полков, Нежинского, Зиньковского и с иных мест, а потому пошел до Салтыковой Девицы, стоящей при Десне-реке, где нашел себе от осажденных жестокое супротивление, велел для того все силы употребить и, хотя чрез то великую потерю в людях получил, но, однако ж, город, кроме замка, взял. Что видя, осажденные, что сил их уже против множественного числа неприятеля замка удержать не достает, на предложенный сего для договор свой замок сдать согласились с тем только, чтоб их безвредно выпустить, но слово, данное на то, поляки не сдержали: они, коль скоро только в замок ворвалися, многих порубили, а иных татары в полон забрали, и, опустоша город, тотчас нарочитый отряд до Березны послали. Но поелику там полковник Сосницкий с немалым числом козаков стоял, не подходя близко, мимо благополучно промаршировали и к королю своему, следующему до Мены, приобщилися. Когда они дошли туда, то им Мена, Сосница и Новые Млины сдалися, а Богун с козаками Борзну получил, чрез сдачу полковничью и приклонение его с людьми, за что и обиды всем тем местам не было. Они потом собрались все к королю под Новые Млины, и оттоль также отряд к Батурину послан; но когда оный усмотрел крепость и в

ней военных людей, козаков и московского войска немалое число, и что не только к крепости, но ниже к предместью было возможно подойти, то пошло оттоль же, сообщась, все войско к Коропу паки с королем, и когда город оный сдался добровольно, пошло к Королевцу, который также отдался, и король во всех оных городах учредил свои залоги. От сих мест пошел он со всем войском своим до пограничного города Глухова, в котором затворился войсковой генеральный судья Животовский с козаками.

Между сим временем войски московские уже приближились к пределам малороссийским, и первый пришел во оную с Белогородскими полками князь Григорий Григорьевич Ромодановский к Батурину и соединился с гетманом Брюховецким, а прочие бояре с немалыми силами стали уже по границе, как то — князь Куракин в Путивле и князь же Яков Куденосович Черкаский в Брянске. Точию в Украйну, неведомо для чего, еще не входили; но может быть по той причине, что младшему больше препоручено было, нежели старшим, поелику он был только еще окольничий, а те были уже ближние бояре, следовательно, он был чином их ниже, а они пред ним выше, и для того с ним соединиться не хотели, а каждый думал с своей стороны дело производить и себя тем прославить. Токмо князь Ромодановский смело пришел под Батурин: он собрал всех оставших козаков и препоручил их гетману Брюховецкому. Ему тотчас отдалися по прежнему городы Борзна, Новые Млины, Короп (где и сражение с татарами было), также и Королевец, в коем взята и не малая казна королевская.

Все сие сделавши, Ромодановский, нимало не медля, пошел на самого короля Яна Казимира, до Глухова, который уже был им осажен, и усильно взять его старался, но ни жестокие его приступы, ни подкопы, гранаты и пушки преодолеть оного не могли; даже великие обещания и угрозы его к сдаче города не сильны были, чрез что только продолжил пятинедельное время втуне. Но чтоб наградить ту бесполезность, послал сего для в загоны войски свои и великороссийские границы, за Карачев: там они разоряли волости, не касаясь к городам. Но находящееся войско польское под Глуховым, стоя, от осеннего наступившего времени и слякотей изнурилось и ослабело, а паче от голоду и бескормицы конской, и коль скоро им известно стало, что войски российские на них идут, тотчас татары отступать начали, так равно и король со всем войском своим, встревожась, от Глухова отступил и последовал до Новогородка Северского, под которым местом, при селе Пироговке, Ромодановский обще с гетманом Брюховецким на короля напали и сделали с ним сражение. Наконец, король хотел войти в город, токмо новгородцы его не впустили, для чего принужден был стать тут на время в монастыре, однако ж войски его имели беспрестанные нападения. Король, видя такое беспокойство, немедленно перевел все войско свое чрез Десну-реку, не взирая на худобу льда. Под сей случай если б к Ромодановскому

подоспело войско из Путивля, то б едва ль можно было королю уйти от Десны. Со всем тем король потерял тут от зимней стужи много людей, а более от нужды и голоду. Он разделил их потом на две части: с одною послал Чернецкого следовать мимо Чернигова и Любича до Польши, а сам с другою пошел чрез Стародуб на Белую Русь к Могилеву. На оном пути король также много людей потерял, понеже от брянского князь Яков Куденосович Черкаский, пристигши войско его на тесном пути при Кричеве и Мглине, разбил, чрез что в великую тревогу и самого короля привел и тем поспешнее понудил его оставить всю Малороссию, после чего те города, кои полякам отдавались добровольно, великую тягость в наказание терпели, а старшины их от Брюховецкого за то смертию казнены.

В сей самый же случай оказалось, что бывший малороссийский гетман Виговский вознамерился было опять быть в Украйне гетманом, о чем узнавши, Запорожского Кошу кошевой Иван Серко тотчас с козаками своими из Сечи выступил и пошел на супротивление оному. Но между тем сыскался из запорожских козаков некакой именем Сулимка, собрал в Уманской волости людей всякого сброда немало и, оставя кошевого своего, Серка, пошел для вспоможения к гетманству, к Виговскому, до Лисянки и Ставищ, которые места ему и сдались, и со оными из тех городов людьми шел под Белую Церковь, пробираясь к Виговскому в помощь; но Чернецкий, воевода русский, с полковником Маховским соединиться ему с ним не допустили. Они под Белою Церковью его разбили так, что Сулимка тут пропал безъизвестно, потом они и Виговского поймали, коего расстрелять велел полковник Маховский, не взирая на то, что он уже был у них воевода. И так тем Виговского гетманство и память исчезла.

Дела кошевого Серка. Чернецкого отомщение

Между тем кошевой Иван Серко домогался Чигирина доставать, но не взял, после чего пошел в город Бужин, и в оном, пристигши, его осадил Чернецкий, воевода русский, с польскими хорунгами; но Серко в самый день Пасхи на пролом из города выбрался и польского войска много переколол с своими запорожцами, и убежал в степь, за что, сердясь, Чернецкий Бужин-город и Суботов выжег и тело гетмана Богдана Хмельницкого и сына его Тимоша из гробов выбросил.

Кончина митрополита Дионисия Балабана. По доносу гетмана Тетери епископ Тукальский и шурин его Хмельницкий обще с Гуляницким ссылаются в ссылку

В сей же самый случай в городе Корсуне скончался Киевский митрополит Дионисий Балабан, на место которого все тамошнее духовенство и польское шляхетство избрали было и удостоили епископа Иосифа Тукальского, но не состоялось чрез то, что проговорил свое желание на оную митрополию епископ Перемышльский Антоний Витицкий, коему и сторону держал в том гетман Павел Тетеря, который, опасаясь, чтоб чрез Тукальского и шурина своего, Юрия Хмельницкого, по тесной их согласности, гетманства своего не потерять, писал сего ради королю, обнеся клеветами их обоих, якобы все возмущения и бедствия от Тукальского и Хмельницкого происходят, также и Григория Гуляницкого виновником в том с ними поставлял и просил для того, дабы Антоний Витицкий был митрополитом на место Балабана, а сего, с Хмельницким и с Гуляницким, лишил бы Украйны, чем Тетеря и перемог всех представителей Тукальского, ибо король, по донесенному сумнительству, велел их всех трех взять и сослать в ссылку в город Мариенбург, состоящий в польской Пруссии, где они и содержались целые два года.

Гетман Тетеря от нашествия войска российского выходит из Чигирина в Брацлавль со всем своим гетманским имением

Вскоре ж по празднике Пасхи Христовой гетман Брюховецкий собрал все свое полки и, имея при себе несколько тысяч войска московского, пошел из-под Переясловля к городу Черкасам, о чем услышавши гетман Павел Тетеря и узнавши недоброхотство к себе козацкое и всеф людей, взял немедленно всю войсковую казну, которую еще гетман Богдан Хмельницкий и прочие по нем гетманы собрали, также войсковые клейноты и табуны конские и скотские, переселился из Чигирина с женою и со всеми своими домашними в Брацлавль.

Брюховецкий воюет в Украйне польской

Гетман Брюховецкий, переправясь в Сокириной чрез Днепр, послал наперед в Черкасы лубенского полковника Гамалиенка, который, взяв город и разграбя, сжег, так равно и другие такую же участь возымели, что услыша прочие города, устрашась сего, тотчас послали каждый от себя, в том числе и из Чигирина, резиденции гетманской,

своих полковников с тем, что поддаются они добровольно во власть гетмана Брюховецкого. Он, уверившись сему, пошел надежно к Чигирину; токмо сыскались из оных городов такие люди, кои тотчас об оном дали знать войску короному, почему Чернецкий, воевода русский, и ускорил прислать в Чигирин несколько хоронгов жолнер, с коими чигиринцы смело противу Брюховецкого вооружились и, сильно сопротивляясь ему, несколько недель защищались. В то ж самое время гетман Тетеря призвал в помощь свою татар и, со оными соединясь, пошел на защищение Чигирина. Брюховецкий, о сем услышавши, отступил от оного и пошел к Бужину, где соединился с запорожским кошевым атаманом Иваном Серком. Тут Тетеря с ордою и с жолнерами наступал на Брюховецкого и делал с ним стычки, продолжая оными нарочно до приходу к себе Чернецкого с войском, которого ожидал уже вскорости. Брюховецкий узнал о сем чрез пойманного языка, что собираются на него великие силы, пошел сего для от него оборонительно вверх по Днепру до самого Канева, который под его управлением был, и его залога в нем. Он вошел во оный город со всем войском своим и с пушками без всякого вреда, куда вскорости следом за ним, перенимая от Корсуна, Чернецкий с войском коронным пришел к Каневу ж и, осадя город, несколько раз попытки к взятию оного имел, точию все без успеха было, для чего по нескольких днях принужден был отступить сам с войском своим и с татарами к Белой Церкви. А гетман Тетеря возвратился в Брацлав, но козаки тамошние, для измены его государю, не были ему послушны; они выгнали его с помощию кошевых козаков из города, и он принужден был сего для, полагаясь на милость королевскую, по обнадежению его получить вотчины немалые, из Украйны всей выехать в Польшу с домашними, взяв с собою, сколько мог, денежной казны, а оставшее число и серебро, и прочее оставил там под сбережением.

Кошевой атаман Серко следует к Брацлавлю и забирает там оставленное имение Тетерино

А как скоро в Каневе от осады освободились, кошевой Иван Серко пошел обратно чрез Медведевку до Умани, для забрания в Чигирине и из Брацлавля казны, оставленной Тетерею, которую он всю с собою и забрал. А что Тетеря с собою в Польшу завез, поляки хитростию того у него лишили, чрез что, наконец, он пришел в великое убожество и принужден был от стыда скрыться в Волощину.

Чернецкий же между тем снабдил жолнерами крепости: Чигирин, Корсунь и Белую Церковь, не принадлежавшие Брюховецкому, прочие ж все до самого Днестра не подвластны были Тетере.

Серко пленит татарское селение

Потом кошевой Серко, получа волгских калмык, с дозволения его царского величества, прошел с ними и с своими козаками в Украйну, миновав поляк и татар, и вошел в татарское Будчатское селение (что между Очаковым, Бендерами и Акерманом, или Белым Градом Бесарабским). Он крымского хана деревни и местечки разграбил и разорил и с тем возвратился назад, но на пути оном под Саражином Маховский с жолнерами и татарами, напав, разбил его и всю добычь отнял, и побил немало калмык и козаков, сам же Серко с оставшими людьми своими, бежавши, вышел на Украйну.

Поляки приклоняют под себя украинские города

Во оном же году Чернецкий доставал Ставищи и, взяв Стеблов, отдал татарам на расхищение, в котором случае Ставищи, защищаясь, убили Чернецкого. А на место его, главнокомандующим же над тем войском, стал Яблоновский, который, для наступающего зимнего времени, возвратил войско свое к Белой Церкви и там расположил их по винтер-квартирам, а Брюховецкий зимовал с войском своим в Каневе и около оного.

Коль скоро ж весна наступать стала, гетман Брюховецкий послал посланных своих просить о даче ему вспомогательного войска и при том в дар ясырей из польского плена к калмыцкому хану, которые несколько тысяч кочующих калмыков сыскали за Доном, перешедших только что из-за Волги со владельцем своим Мунгаком, и выпросили у него за посланный дар человек до 1000, кои и пришли к гетману о Троицыне дни. Брюховецкий тотчас послал их, коих набралося 700 человек (с ними 15 000 козаков) под Белую Церковь. Оные, пришед, напали под Гребенником на Яблоновского и сделали с ним тут жестокое сражение. Яблоновский, видя жестокость неприятеля, немедленно отправил наперед весь обоз свой от Гребенников, а сам с конницею своею сражался два раза с ними, но не выдержал ярости их, побежал и сам с войском своим до Белой Церкви, потеряв немало лучших людей и знатных начальников своих. Токмо белоцерковцы уже к себе в город его не впустили, для чего принужден был следовать в Польшу, опасаясь суровости калмыцкой *, а козаки, замешавшись между собою, также разошлися.

В сей случай если б козаки не поспешили назад идти, то б, конечно, мало кто из поляк вживе стался или домой возвратился.

---

* Калмыки есть народ степной, кочующий. Они живут в кибитках, переходя летом, для корму скотского, с места на место, а зимою недвижимы при удобных и теплых местах стоят. Обыкновенно становятся при воде на луговых местах, а скот во всякое время кормится в степях; употребляют себе в

По празнике Петра и Павла Брюховецкий сам пошел с теми ж калмыками и войсками, московским и козацким, под Белую Церковь доставать города оного, но ничего тем предприятием своим не успел, как только возвратился назад и войско свое отослал, почему и калмыки восвояси отошли.

По окончании в Украйне войны Брюховецкий посылает в Москву челобитье, коим просит о позволении быть к его царскому величеству

По окончании сих военных действиев и по возвращении своем в Батурин Брюховецкий послал к его царскому величеству во оном 1665 году июля 5 числа челобитье с тем, чтоб его величество позволил быть ему в царствующий град, Москву, видеть царское пресветлое лице.

Брюховецкий получает дозволение прибыть в Москву

На посланное к его царскому величеству гетмана Брюховецкого челобитье указом его величества позволено прибыть ему в Москву; но дабы при том данные от королей польских мещанам привилегии все привез к его величеству с собою и пред отъездом своим в малороссийских городах устроил и поставил по местам полки, где пристойно, чтоб о приходе неприятельских людей было обережно с опасностию, так равно и к находящемуся в Украйне воеводе Феодору Протасьеву указал великий государь с своими, его царского величества, ратными людьми быть в Гадяч до его величества указу. А на встречу гетману, к прибытию его в царствующий град, Москву, указал государь послать в Путивль стольника Назара Алфимова.

пищу мяса всякого скота, лошадей, зверей и зверьков разного рода, а падалище скотское и конское без употребления себе на пищу никогда не оставляют. Они едят и всякую рыбу, кроме рака, также и птиц всяких, а иногда и мышей и тому подобную тварь. Они могут по случаю есть мясо и невареное, но было б только несколько припарено. Богатство их состоит в лошадях и скоте; езда их обыкновенно верховая; какого б роду люди не были. Они на войне верхами храбры, а пешие робки. Оружие их состоит в копьях, луках с стрелами, шашках, саблях, ружьях и в кольчугах, или панцырях, кто имеет и иметь сможет. В ручном бою смелы и отважны, а от огнестрельного орудия робки. Они росту обыкновенного, телом смуглы, лице плоское, глаза узкие и тем нелепообразны; ездят летом, хотя б и на войне, по большей части до пояса нагие; волшебство законно употребляют, по идолопоклонству своему, и в том суеверны. Они имеют своего хана, владельцев, зайсангов, или дворян, одного главного духовного, который состоит от мунгальского далайламы; также и многих манжиков, то есть тружденников. Все сии волгские калмыки состоят под Российскою державою.

Брюховецкий при отъезде в Москву препоручает со учреждением Малороссию наказному гетману

Гетман Брюховецкий, коль скоро получил его царского величества указ о позволении быть ему в Москву, тотчас собрал все жалованные мещанству королевские грамоты и, переехав в Глухов, собрал всю свою генеральную старшину и полковников, учредя по Малой России в силу указа его величества; потом объявил им по себе наказным гетманом быть переясловскому полковнику Данке (или Дашкову) и оному все свое правление на время отбытия своего препоручил, а сам с несколькими генеральными старшинами, полковниками и из всех городов малороссийских посланцами, и с запорожскими козаками августа в первых числах отбыл для отдания его царскому величеству всеподданнического поклона в Москву.

На место Тетери становится гетманом Опара [109]. *Опара отрешается от гетманства, а возводится на место его Дорошенко*

Во время сие из местечка Медведевки некто козачий старшина именем Опара сам собою вызвался быть гетманом, призвав именем королевским к себе татар не малое число и со оными обладал несколько городов под власть свою. Как скоро сие известно стало, то, находящийся еще при бывшем гетмане Тетере есаулом Петр Дорошенко подпал к Опаре и предался на его сторону с умыслом тем, чтоб сделаться чрез то самому гетманом. Ему знаком и дружен был главный при Опаре над татарами султан, на которого положась надеждою своею, объявил ему, что Опара королевским именем себя гетманом объявил и что без королевской воли его с татарами призвав, просил сего для о помощи в намерении его. Султан, как и прежде, держа с ордою всегда его сторону, тотчас Опару и с старшиною его, призвав к себе, приказал связать, а Дорошенка гетманом на место Опары огласил. Опару ж султан и с старшиною его отослал к королю, который, как скоро получил их, велел тотчас смертию казнить, и тем кончилось гетманство Опарино, а Дорошенко на место его с польской стороны гетманом признан и удостоен.

Гетман Брюховецкий, прибыв к Москве, принят и представляется царю

Брюховецкий же гетман прибыл к Москве со всеми, выехавшими с ним из Малой России, старшинами, полковниками, городскими посланцами и запорожскими козаками, в наступившем 1666 году сентября 11 числа, где, по воле его царского величества,

на встречнем месте встречены и приняты ясельничим Иваном Афанасьевым сыном Желябужским да дьяком Григорием Богдановым и в Посольском дворе поставлены, а в третий день, то есть сентября 13 дня, представлены все они к его царскому величеству видеть его пресветлое лице и удостоены быть у его величества руки, чем изволил их всех жаловать. А 16 числа его царское величество указал, чтоб гетман со всеми, прибывшими с ним, старшинами, полковниками, посланцами и козаками запорожскими был на Казенном дворе у ближнего боярина и наместника вологодского Петра Михайловича Салтыкова, у дьяков Дементия Минина Башмакова и Ивана Михайлова для спросу, где будучи того ж числа по тому указу на Казенном дворе, гетмана и старшину выше упомянутые особы спрашивали, с чем они видеть пресветлого царского лица прибыли и о каких делах его величеству челом бить желают? На то от них объявлено, что о чем их надобность и для чего они до его величества приехали бити челом, о том они, написав статьи, им для донесения его царскому величеству подадут.

Брюховецкий, сочиня докладные статьи, представляется царю

Почему гетман Брюховецкий со всеми своими старшинами, полковниками, посланцами и козаками, сочиня статьи докладные, ближнему боярину и наместнику вологодскому Петру Михайловичу Салтыкову с товарищи октября 11 числа подали, которые его царскому величеству на высочайшее рассмотрение поднесены, и оные статьи его величество слушал, и что на те статьи указать изволил, все оное под теми статьями написано, а именно:

Сочиненные статьи

1.

В прошлом 171 году, в июле месяце, во время Рады Генеральныя чернѣвыя, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержца, и многих Государств и земель, Восточных и Западных, и Северных Отчича и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя, Его Царского Пресветлого Величества, по собрании на Гетманство, я, Гетман, Иван Брюховецкий, в Нежине Ему, Великому Государю, Его Царскому Пресветлому Величеству, и Его Царским детям, Благородным Государям Царевичам, и их Государским Наследникам, по святой Христовой непорочной Евангельской заповеди веру учинил на том, что мне, Гетману, со всем верным Войском Запорожским и со всем миром Християнским, и со всеми малороссийскими городами,

и в них всяких чинов жителями, быти вечными и во веки неотступными и непоколебимыми, под высокою державою Его Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, их Государских детей, Благородных Государей Царевичей, и их Государских наследников, рукою, в подданстве на веки непременно и неотступно. Так и ныне Ему, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, и многих Государств и земель, Восточных и Западных, и Северных, Отчичу и Дедичу, и Наследнику, и Государю, и Обладателю, Его Царскому Пресветлому Величеству, и Его Государским детям, Благородному Государю Царевичу и Великому Князю, Алексею Алексеевичу, и Благородному Государю Царевичу и Великому Князю, Феодору Алексеевичу, и Великому Князю Симеону Алексеевичу, и их Государским наследникам, на том же на всем я, Гетман, с Войском Запорожским и пред Пресветлым престолом Государским бьет челом, чтоб мне, Гетману, и со всем верным Войском Запорожским, и со всем миром християнским, и со всеми малороссийскими городами, которые городы и села перед войною под рукою Короля Польского и в державе дедичных и недедичных панов лядских бывали, а ныне под Самодержавною Его Царского Пресветлого Величества рукою есть и будут быти во веки, под их Государскою высокою и крепкою рукою непременно в вечном подданстве. А для усмирения частыя в малороссийских городах шатости, которая за прошлых Гетманов на Украйне бывала, и ныне часто за непостоянством малороссийских жителей изрывается, чтоб Украйна с малороссийскими городами, и местами, и слободами, и селами, и в них всяких чинов жители, под Его Царского Пресветлого Величества, и Его Государских детей, Благородных Государей Царевичей, и их Государских наследников, высокодержавною и крепкою рукою, в прямом и истинном подданстве стройно пребываючи, и обыкновенную должность с городов и с сел в Государскую казну отдаючи, при крепкой и от неприятелей невредимой обороне Государской вечно пребывали, понеже надлежащее от Бога врученное дело городам и землям владеть и оные заступать Монархом, а не Гетманам, и чтоб Богу и всему свету ясно было, что он, Гетман, с Войском Запорожским и со всеми малороссийскими городами и селами, совершенно и истинно в подданстве Государском ныне и впредь вечно пребыти хощет, и что самою истинною Монарха своего знати желает, тогда всякие денежные и не денежные поборы от мещан и поселян во всяком малороссийском городе и селе живущих, по милосердому Государскому рассмотрению погодно в казну Государеву выбирати, Гетман с войском желает и челом бьет. При которых поборах денежных Гетман же с войском челом бьет, чтоб примером иных начальнейших малороссийских городов, и по меньшим всем городам малороссийским кабаки на одну только горелку были, которые приходы кабачные винные в Государеву казну обретатися имеют, также всякие размеры хлебные, со всех мельниц

малороссийских городов приходящие, вкупе с данью медовою в волостях малороссийских выбирати и с доходами откупщиков чужеземских приходящею, не где инде, токмо в Государеву казну во всех малороссийских городех доходить имеют.

И Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержец, Его Царское Величество, тебе, Гетмана Ивана Брюховецкого, и старшину и все Войско Запорожское жалует, за то милостиво похваляет, и по своей Государской милости учнет вас держати в своем Государском милостивом жалованье и в призрении, и свыше прежнего, и по вашему челобитью, Великий Государь, Его Царское Величество, укажет в малороссийские городы послать своих Государевых воевод.

2.

Также Великому Государю, Его Царскому Величеству, бьет челом Гетман с Войском Запорожским, о вольностях козацких, о судах, о имениях, и о заплатех Войску Запорожскому, чтоб стародавные права и вольности козацкие, Он, Великий Государь, пожаловал изволил подтвердить, и чтоб козаков старшина козацкая, се есть, Гетман, судьи, полковники, сотники и атаманы в войску, по городах бы и по селах, против прав и звычаев стародавных войсковых, судили и карали, а в те суды козацкие и права войсковые ни боярин, ни воевода, ни стольник, ни иной начальный человек вступатися и козака в войску, и по городам, и по селам, судити и карати не имеет и не будет должен, опричь вышеписанной старшины козацкой, понеже права, вольности и суды войсковые, в статьях с покойным Богданом Хмельницким, Гетманом Запорожским, учиненных, и в статьях Переясловских и Батуринских, обережены есть.

И Великий Государь, Его Царское Величество, сей статьи слушав, Гетмана Ивана Брюховецкого и старшину и все Войско Запорожское пожаловал велел той статьи быть по их челобитью.

Чтоб домы и хутора козацкие, по всем городам и селам будучие, от всяких становищ, против стародавных вольностей и прав козацких, вольные были, и чтоб боярин и воевода всякий с войском, чрез городы идучи, и в городех стоячи, в дому козацком ни сам не становился, ни ратных людей становить хотел, но по домам мещанским и поселянским становиться ратным людям чрез город идучи и в городе стоячи, быти имеют, также и иные всякие места козацкие, се есть, гаи, сады, займища, сеножати, поля, огороды, при вольностях ненарушено, без всякой от бояр и воевод, и ратных людей, по городам будучих и чрез городы идучи ж, шкоды имеют быти; при тех же вольностях козацких после козаков, на бою побитых и в дому померших, остальные вдовы, в домех и во всех своих имениях с детьми

своими сохранены быти имеют. А если бы вдова козацкая не за козака замуж пошла, тогда она, хотя тратит вольность, однако ж, де, дети козацкие отпадати от вольностей козацких отцовских, чрез звычайную налогу не имеют.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, сей статьи слушав, указал быть по их челобитью и о бережении козацких имений послать свой Государев Указ к боярину и воеводам в Киев и в иные малороссийские города.

И мельницы козацкие, те, которые на заплате прямыми, а не мирскими деньгами, гачены стоят, при козаке и при вдове козацкой вольны совсем быти имеют, так же с мельниц козацких тех, которые на заплотинах миром сделаны и ныне от миру починиваются, обыкла есть размера приходящего, одна половина в казну Государеву, а другая половина на козака и на вдову козацкую идти имеет; так же мельницы мещанские, мужичие, опричь им третие мельничной мерочки, в Государеву казну подлежати должны будут, понеже всякий козак для того голову свою на места воинские, за достоинство Его Царского Пресветлого Величества, носить и умирать готов есть, чтоб вольно и спокойно в доме своем жил и имения свои без помешки держал.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, сей статьи слушав, Гетмана Ивана Брюховецкого и старшину, и все Войско Запорожское пожаловал велел быть по сему челобитью.

Так же бы вотчины и пасеки козацкие против тех же данных вольностей козацких от дани медовыя вольны были; а который бы козак послушен не был и в войско ходить очурялся, тогда таков козак от выше помянутых статей от подати и к градским вольностям причтен быти имеет, понеже Государский милосердный Указ о том есть, чтоб те особы и с того тешились, что им грамоты наданы; тогда бьет челом Гетман с войском, чтоб села и мельницы, в грамотах особам заслуженным наданные, стацеям, казенным поборам и арендам не подлегали, а те вотчины и пасеки в малороссийских городех в трех местах у козаков отцовские, а иные купленные.

И Великий Государь, Его Царское Величество, указал быть тем их вотчинам и пасекам по старине и по купчим, за кем те вотчины и пасеки ныне есть.

Чтоб на писаря войскового городище с мельницами и со всеми принадлежностями, так як за покойного Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, бывало, на двух судей войсковых по мельнице, на полковников на всех по мельнице с двумя колесами

мучными, и третие ступное в себе имеющее; а в каком месте те мельницы помянутым особам даны имеют быти, то Гетманскому рассмотрению вручитися имать.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, той статьи слушав, Гетмана Ивана Брюховецкого и старшину пожаловал велел той статьи быть по их челобитью.

Так же бьет челом Великому Государю Гетман со всем Войском Запорожским, чтоб Великий Государь умилосердился, а по своему Государскому изволению козаков, за достоинство Его Царского Величества частократно на войне труждающихся, платежем потешити и оный указати им изволил, который платеж, в то время, по милости своей Царской, козакам доходить будет, как число войска росписное станет.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, по сей статьи велел свой государев Указ учинить, как Войску Запорожскому росписное число станет.

3.

О изобрании Гетманском и о надании на булаву Гетманскую, если судом Божиим ныне и впредь будущему Гетману смерть случится, чтоб промеж себя Войско Запорожское, а не с иного какого народа и войска, истинного козака Гетмана, по стародавным правам войсковым обирать на Гетманство, по Указу Великого Государя, Его Царского Величества, при особе, от престола Его Царского присланной, вольно Войску Запорожскому было. Обобраный Гетман к Москве ездить и Великого Государя пресветлые очи видеть должен будет, так как и ныне Гетман нынешний по своему обещанию, учинил; а по смерти Гетманской булаву и знамя большое, и булаву ж и знамя меньшое, и бунчук, и пушки до Гетманского обобрания, и для шатости малороссийских жителей, должен взять обозный войсковый и отвезти к боярину и воеводам, которые в то время будут в Киеве, или в ином в котором малороссийском городе.

И Великий Государь, сей статьи слушав, указал быть так, как написано, а боярину и воеводам из Киева булаву и знамя большое прислать к нему, Великому Государю, к Москве; а как по Его Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, указу, и по обобранию Войска Запорожского новообранный Гетман будет, и в то время меньшую булаву, и знамя, и бунчуг, и пушки дано ему будет при обобрании, а булавою ж и знаменем большим новообранного Гетмана, пожалует Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, и на подтверждение свою Государеву жалованную грамоту велит ему дать в царствующем граде великом, Москве.

Чтоб вся волость Гадяцкая при булаве была, так как и за покойного Богдана Хмельницкого, Гетмана Запорожского, было; а волости Гадяцкия, Зенковского полку, те городы обретаются: Котелва и Опошня, Козятин, Грунь, Черкаская, Зенков, Лютенка, Веприк, Рашевка, Комышная, Ковалевка, Буран, чтоб при Гадяче, и те все городы помянутые с мещанами, с селами, с полями и с иными угодьями, к тем городам належащими, на булаву Гетманскую шли, да в тех же городех мельницы даны будут есаулам войсковым двум человекам.

И Великий Государь, Его Царское Величество, слушав сию статью, пожаловал Гетмана велел ему на булаву Гадяч с теми городами дать.

4.

о Митрополите в Киеве

Чтоб в Киев на Митрополию, по указу Государскому, русский святитель послан был, для того, чтоб русские чины на митрополитов под русскую (королевскую) будучих, оглядаючись, в шатости войску вредительной, не был, понеже в статьях Переясловских и Батуринских так постановлено, что Митрополиту Киевскому быти под послушанием Святейшего Патриарха Московского; и так Гетман с войском для лучшей всего народа под рукою Его Царского Величества крепости и утверждения бьет челом о прислании в Киев святителя русского.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, указал Гетману сказать, что о том он, Великий Государь, учнет описываться к царьградскому Патриарху, и буди цариградский Патриарх к нему, Великому Государю, учнет о том писать, и благословение о Митрополите в Киеве подаст, и в том Его Великого Государя указ будет в то время.

5.

о воеводах и о ратных людех, в котором городе имеют быти

По указу Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, при воеводах в городех имеет быти ратных людей:

В Киеве пять тысяч, а в Переясловле две тысячи; а из тех двух тысяч в Канев пять сот человек переменою ходить имеют; в Чернигове тысяча двести, в Нежине тысяча двести, в Новгородку триста, в Полтаве тысяча пятьсот, и из тех на Запорожье тысяча пойдет, в Кременчуг триста, на Кайдаки триста, в Остре триста, из Киева ж тако ж и в Домонтов и Поповку триста; из Киева ж ходити имеют при Гетмане сто человек, для того же бьет челом Великому Государю Гетман с войском, чтоб воеводы в дорогу воинскую Гетману и

полковникам в поле ратных людей из городов давали, не отговариваясь указом Государским. О том припадаючи до лица земли и в другое Гетман с войском челом бьет. Те же воеводы, по городам будучи, ни к каким делам и к судам козацким вступатися не имеют. А если бы домы и хуторы, гай, сады, займища, огороды, сеножати и места козацкие какую поруху и шкоду от ратных людей поносили, тогда воеводы, по городам будучие, и с таковых проступных наказание чинили, и чтоб таковых порух и шкод в вышеписанных имениях козацких от ратных людей не чинили, прилежно запрещать ратным людям воеводы ж должны будут.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, сей статьи слушав, указал своим Великого Государя ратным людем в малороссийских городах быть по их челобитью, а к боярину и воеводам, которые в малороссийских городах будут, послать свой указ Государев, чтоб они велели ему, Гетману, в войску для походов, а полковникам для посылок, ратных людей давать и с тех городов по своему рассмотрению.

6.

о гармате войсковой

Хотя по милости Его Царского Пресветлого Величества Лохвица на гармату дана, однако ж размышляючи Гетман, что одной Лохвице тяжко будет, надобе и услуг гарматных поносити, тогда бьет челом Гетман с войском, чтоб еще другой город на гармату, се есть, Ромен с принадлежностию, по милости Его Царского Пресветлого Величества, придан был.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, слушав сей статьи, пожаловал Гетмана на гармату город Ромен дати велел.

7.

о деньгах лживых или воровских

Не меньшая ссора меж миром из того возрастает, когда некоторые ратные люди деньги воровские людем, на рынке, куплею упражняющимся, дают сильно, чтоб воеводы таким самовольным людем велели чинить наказание и такие ссоры опасно остерегали.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, сей статьи слушав, указал послать свои, Великого Государя, грамоты в малороссийские городы, в Киев и в иные, к боярину и воеводам, с

большим подтверждением, чтоб они отнюдь конечно остерегали того накрепко, чтоб таких воровских денег не было; а если кто впредь учинит, то и тем людем по сыску чинить наказания, смотря по их винам.

8.

о назывании изменниками

Русские люди козаков в ссорах изменою не бесчестили б, ибо то зело бесчестие словесное честных людей рыцарей, за достоинство Его Царского Пресветлого Величества, кровь и раны на бою подъемлющих, оскорбляет, и чтоб тем людем, которые учнут такими словами бесчестить, чинить наказание по сыску и по рассмотрению.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, сей статьи слушав, указал послать свои Государевы грамоты к боярину и воеводам, чтоб за то ратным людем чинили наказание по сыску и по рассмотрению.

9.

о послах чужеземских

Как прежде сего без Государския воли до чужих окрестных земель, се есть, к Хану Крымскому и к иным не посылывал Гетман своих посланцев, так и по том, помянутое крестное целование Гетман тож исполняти с войском готов.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, гетмана Ивана Брюховецкого, жалует за то, милостиво похваляет.

10.

о привилегиях городских

По указу Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, привилегии Королевские мещанам на права Магдебургские данные, Гетман отобрал от мещан и отдал в Приказ Малыя России.

И Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, сей статьи слушав, указал им на право Магдебургское дать свои Государевы жалованные грамоты и против их привилегии.

Те все статьи вышеписанные Гетман с войском, на премудрую и милосердную волю Государскую подает и, до лица земли припадаючи, покорне милость у престола Государского просит.

В нынешнем 174 году, октября в 22 числе, в день недельный, на праздник Пречистыя Богородицы Казанския, по указу Великого

Государя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержца, в ответной палате, при ближних боярах, при боярине и наместнике Астраханском, при князе Никите Ивановиче Одоевском, да при боярине и наместнике Вологодском, при Петре Михайловиче Салтыкове, да при окольничем и наместнике Новоторжском, при князе Иване Дмитриевиче Пожарском, да при дьяках, думном при Дементию Миничу сыне Башмакову, да при Ивану Михайловичу, Войска Запорожского Гетман, Иван Брюховецкий, и старшина, и все Войско Запорожское, которые были на Москве, к сим новопоставленным статьям, которые в сей книге писаны, в иске сего, впредь для вечного утверждения руки своей подписали; а каких чинов и что именно, и то писано под всею статьею порознь по статьям.

1.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, холоп, я, Гетман Иван Брюховецкий, верный Его Царского Пресветлого Величества Войска Запорожского, на сих подтвержденных статьях и вместо всего Войска Запорожского подписую своею рукою.

2.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо обозного, Ивана Цесарского, подписок войсковый, Карп Корнеев, на сих подтвержденных статьях в его место, что он грамоты не умеет, руку приложил и за себя.

3.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского вместо судьи, Петра Забелы, подписок войсковый, Дмитрий Пиковцов, на сих подтвержденных статьях по его прошению, что он грамоты не умеет, и за себя руку приложил.

4.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо асаулов двоих войсковых, Василья Демьяненка, Павла Константинова, и третьего асаула гарматного, Богдана Щербака, грамоты неумеющих, по прошению их, войсковый подписок, Федор Михайлов, и на всех на сих подтвержденных статьях и за себя руку приложил.

5.

Велшкого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, на сих статьях подтвержденных, войсковый писарь, Захар Шийков, руку приложил власную.

6.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, посланцы от полковника и от всех полку Переяславского, вместо Андрея Романенка, да сотника Степана Корнеева, да сотника Ивана Лещенка, да обозного переясловского Гаврила Ярмоленка, грамоту неумеющих, по прошению их, писарь полку Киевского, Лаврен Михайлов, на сих подтвержденных статьях и за себя руку приложил.

7.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, Киевский полковник, Василий Дворецкий, на сих подтвержденных статьях руку свою власную приложил.

8.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо Нежинского полковника, Матвея Гвинтовки, грамоты неумеющего, по повелению его, на сих подтвержденных статьях, того же Нежинского полку писарь, Петр Самойлов, и за себя руку приложил.

9.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, Лубенский полковник, Григорий Гамалея, на сих подтвержденных статьях руку приложил.

10.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, войсковый писарь, Степан Гречаный, на сих статьях подтвержденных руку свою власную приложил.

11.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, посланцы от полковника Василья Шиманенка и от всего полку Зенковского, Григорий Шиманенко, сын полковничий, и с своими товарищами, вместо Никиты Безпалого, асаула того же полку, грамоты неумеющего, всех вышеписанных имени, руку на сих статьях подтвержденных приложил.

12.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, посланец полку Черниговского, Кирило Давидов, и вместо его полку руку свою власную приложил.

13.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, посланец полку Черниговского, Иван Домонтов, на сих статьях подтвержденных, за себя и за весь полк Черниговский, руку приложил.

14.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев полку Полтавского, Демяна Гуджеля и Михайла Степанова, грамоте неумеющих, на сих подтвержденных статьях, по прошению их, того ж полку товариц, Степан Петров, и за себя руку приложил.

15.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев полку Миргородского, судьи полкового, Гаврила Алексеева и Григория Гладченка, неумеющих грамоты, на сих подтвержденных статьях, по прошению их за себя руку приложил.

16.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев полку Прилуцкого, сотника прилуцкого, Савы Тимченка, и сотника красянского, Дениса Сыча, грамоты неумеющих, на сих подтвержденных статьях, по их прошению, города Козельца мещанский писарь, Петр Созонов, руку свою приложил.

17.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев полку Стародубовского, Петра Рославца и Кузьмы Домощенка, атамана стародубовского, грамоты неумеющих, на сих подтвержденных статьях, по их прошению, в их место, стародубовский мещанин, Иван Низовец, руку приложил.

18.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев, полку Каневского обозного полкового, Василя Миткевича, и Симона Романенка, и сотника каневского, Андрея Игнатенка, грамоты неумеющих, на сих подтвержденных статьях, по их прошению, Григорий Тимоненко, сын полковничий Зенковского полку, руку приложил.

19.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев полку Браславского, сотника рашковского, Григория Хриштофорова, сотника яйпольского, Гаврила Корсунца, да сотника пехотного, Нестора Иванова, грамоты неумеющих, по их прошению, на сих подтвержденных статьях, того ж полку, козак Федор Григориев и за себя руку приложил.

20.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Низового Кошевого Запорожского Войска, вместо Ивана Лященка Горбаня, и Мартына Горба, письма неумеющих, по их прошению, на сих подтвержденных статьях, и их же товарищ куренный, Захарко Андреев, руку свою властную приложил.

21.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо посланцев, полку Нежинского асаула полкового, Василя Многогрешного, да сотников, Матвея Юриева, Ивана Тимофеева, на сих постановленных и подтвержденных статьях, того ж полку писарь полковый, Петр Рачинский, по их прошению и неумеющих грамоте, руку свою власную приложил.

22.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, Нежинского полку сотников, Павла Павлова, Игната Пархомова, Матвея Мартиненка, Юска Никифорова, на сих поставленных и утвержденных статьях, в их место, по их прошению, неумеющих грамоте, Петр Домонтович, канцелярист, свою власную руку приложил.

23.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо сотников, Тишка Даниленка, Герасима Стаскова, Пилипа Иванова, Ильюша Василенка, хорунжего полкового, Дмитра Сафонова, и прапорщика полкового, Касяна Степанова, неумеющих грамоте, по их прошению на сих поставленных и утвержденных статьях, Карп Мокриевич, канцелярист войсковый, руку приложил.

24.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, полку Лубенского асаула полкового, Левка Назаренка, хорунжего полкового, Герасима Илляшенка, того ж полку писарь Степан Климов, в их место, неумеющих грамоте, и

сотников того ж полку, Иосифа Яковлева, и Остапа Григорьева, Михайла Григорьева, Никона Коротила, того ж полку по их прошению руку свою власную приложил.

25.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, полку Лубенского судья, Кирила Гуляченко, на сих утвержденных статьях руку свою власную приложил.

26.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Переясловля соборныя церкви Успения Пресвятыя Богородицы протопоп Григорий Филимонов сын Бутович, по сих утвержденных статьях руку приложил.

27.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества города Киева войт Данило Полоцкий, и вместо бурмистров, и райцев, и лавников, и всех мещан киевских, к сим утвержденным статьям руку свою власную приложил.

28.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Киева наместный писарь, Власий Желескович, на сих подтвержденных статьях, за себя и за всех мещан киевских, по их велению, руку приложил.

29.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Переясловля, вместо Горба Иванова бурмистра, и войта Ивана Степанова, и вместо райцев и лавников и мещан переясловских, на сих подтвержденных статьях, черниговский райца Василь Иванов, по их же велению, руку приложил.

30.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Нежина войт Александр Петров сын Церковский, и вместо бурмистров и райцев, и лавников, и всех нежинских мещан, на сих подтвержденных статьях руку и за себя приложил.

31.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Чернигова войт Григорий Евфимов, за себя и вместо бурмистров и всех мещан черниговских, на сих подтвержденных статьях руку свою власную приложил.

32.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Канева, вместо войта Федора Данилова, и вместо бурмистра Павла Яковлева, и вместо всех мещан каневских, на сих подтвержденных статьях, по их прошению, города Козельца писарь меский, Петр Созонов, руку приложил.

33.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Стародуба войт Андрей Шабрицкий, за себя и за всех мещан стародубских, на сих подтвержденных статьях руку свою власную приложил.

34.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Стародуба меский писарь, Василий Бернацкий, за себя и за бурмистров, и за райцев, и за лавников того ж города Стародуба, на сих статьях подтвержденных руку свою власную приложил.

35.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Остра меский писарь, Андрей Павлов, за себя и вместо войта, бурмистра и райцев, и лавников, и всех мѣщан остерских, на сих подтвержденных статьях руку приложил.

36.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, города Козельца писарь, Петр Созонов, и за себя и вместо войта, бурмистров и райцев, и лавников, и всех мещан козельских, на сих подтвержденных статьях руку свою власную приложил.

37.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо Зенковского полку миргородских сотников, Андрея Игнатова, Петра Пащенка, неумеющих грамоте, по их прошению, на сих постановленных и утвержденных статьях, канцелярист войсковый, Лаврентий Кашпоров сын руку приложил.

38.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, полку Киевского сотник, Андрей Васильев, за себя и вместо того ж полку асаула Игната Калницкого, и хорунжего Ивана Дворецкого, сотников Ивана Маковеева, Гаврила Шилова, неумеющих грамоте, по их прошению, на сих постановленных и утвержденных статьях руку приложил.

39.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо полтавских сотников, Костя Кубличенко, Герасима Прокопенка, Михайла Емельянова, Ивана Урсова, Сергея Симеонова, неумеющих грамоте, по их прошению, на сих постановленных и утвержденных статьях, Федор Михайлов, канцелярист войсковый, руку приложил.

40.

Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, верного Войска Запорожского, вместо сотника Нестора Гаврилова, Андрея Иванова, Марка Павлова, Прокопия Семенова, Афанасия Лазарева, неумеющих грамоте, по их прошению, на сих постановленных и утвержденных статьях, Петро Домонтов, канцелярист, руку приложил.

И октября в 22 числе, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержец, Его Царское Величество, указал у ближних бояр, боярина и наместника Астраханского, у князя Никиты Ивановича Одоевского, у боярина и наместника Вологодского, у Петра Михайловича Салтыкова, у окольничего и наместника Новоторжского, у князя Ивана Дмитриевича Пожарского, да у дьяков, думного Дементия Башмакова и у Ивана Михайлова, Своего Царского Величества верным подданным, Войска Запорожского Гетману, Ивану Брюховецкому, и старшине Войска Запорожского, которые при нем, Гетмане, на Москве быть в ответной палате для подтверждения статей и подписания рук, которые статьи он, Гетман, с войском подали ближнему боярину и наместнику Вологодскому, Петру Михайловичу Салтыкову, да дьякам думным, Дементию Башмакову и Ивану Михайлову, которые статьи постановлены в Переясловле в 168 и в Батурине 172 годех, и того ж числа Гетман Иван Брюховецкий, старшина и Войско Запорожское, в ответной палате были, и к челобитью своему под теми вышеписанными руки приложили, а кто руки приложил о том писано ниже сего.

В нынешнем в 174 году октября в 22 числе, в день недельный, на праздник Пресвятыя Богородицы Казанской, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца, в ответной палате, при ближних боярах, при боярину и наместнику Астраханском, при князе Никите Ивановичу Одоевском, да при боярину и наместнику Вологодском, при Петру Михайловичу Салтыкову, да при окольничем и наместнику Новоторжском, при князе Ивану Дмитриевичу Пожарском, да при дьяках думных, при Дементию Минине Башмакову, и

при Иване Михайловичу, Войска Запорожского Гетман, Иван Брюховецкий, и старшина и все Войско Запорожское, которые были на Москве, к прежним Переясловским, Батуринским и нынешним новоставленным статьям, впредь, для вечного утверждения, руки свои подписали, а на которых на прежних и на новых статьях, каких чинов и кто именно руки подписали и то писано под сею статьею порознь по статьям, на прежних Переясловских и Батуринских статьях.

1.

Сих постановленных и подтвержденных, Переясловских и Батуринских, статей, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества холопья, Гетман Иван Брюховецкий, с верным Его Царского Величества Войском Запорожским и старшиною слушав, подписал своею рукою власною, я же, Гетман Войска Его Царского Величества, на сих статьях подписал своею рукою власною, року 1666, месяца октября 22 дня.

2.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, вместо обозного Ивана Цесарского, войсковой писарь, Степан Гречаной, по его велению, что он грамоте не умеет, руку приложил, я ж, Степан Гречаной, вместо ж обозного Ивана Цесарского, по его ж велению, руку приложил.

3.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, вместо судии Петра Забелы, писарь его, Максим Андреевич, по его велению, что он грамоты не умеет, руку приложил.

4.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, холоп, Войска Запорожского, полковник Киевский, Василий Дворецкий, руку приложил.

5.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, вместо полковника Нежинского, Матвея Квинтовки, писарь его, Петр Рачинский, по его велению, что он грамоты не умеет, руку приложил. Полку Нежинского за асаула полкового, я, Петр Рачинский, Василия Многогрешного,

да сотников Матвея Юриева, и Ивана Тимофеева, Юска Гараина, Пашка Сенченка, Павла Павлова, Игната Пархоменка, Матвея Мартинова, Юрия Никифорова, Тимоша Даниленка, Герасима Стаского, Пилипа Иванова, Ильяша Василенка, и хорунжего полкового, Дмитра Софонова, и прапорщика полкового, Демяна Степанова, по их же прошению и за себя руку приложил.

6.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, холоп, Войска Запорожского, Лубенский полковник Григорий Гамалея за себя и за Лубенского ж полку вместо асаула войскового, Левка Назаренка, и хорунжего полкового, Герасима Иленка, да сотников, Иосифа Яковлева, да Остапа Гришкова, да Михайла Гришкова, да Николая Каротина, неумеющих грамоты, по их прошению, руку приложил.

7.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, холоп, Войска Запорожского писарь войсковый генеральный, Степан Гречаной, руку свою власную приложил.

8.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, вместо асаула войскового генерального, Богдана Щербака, неумеющего грамоты, по его прошению, Гадяцкого полку обозный писарь, Иван Никонов сын Чертеня, я ж, Иван, и за себя руку свою приложил.

9.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, вместо асаулов генеральных войсковых, Василия Федяненка, да Павла Костельникова, неумеющих грамоты, по их прошению, Лубенского полку козак, Михайло Яковлев, и за себя руку приложил.

10.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, холоп, Войска Запорожского бунчужный войсковый, Иван Михайлов сын Попов, за себя и вместо хорунжего войскового, Николая Яковлева, неумеющего грамоты, по его прошению руку приложил.

11.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, Переясловского полку, вместо наказного полковника, Андрея Романенка, да сотников, Стефана Корнеева, да Ивана Лященка, да обозного переясловского, Гаврила Ярмоленка, и полку Киевского вместо асаула Игната Калнецкого, да хорунжего Ивана Дворецкого, Киевского полку сотник, Андрей Василиев, по их прошению, неумеющих грамоты, и за себя руку приложил.

12.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, Прилуцкого полку за сотников, Саву Тищенка, Дениса Сыча, по их прошению, неумеющих грамоты, Лубенского полку атаман асаулский, Михайло Яковлев, сын Жабокритский, и за себя свою власную руку приложил.

13.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, Полтавского полку, вместо бывшего полковника Демьяна Кгутежля, да сотников, Михайла Степанова, да Костантина Коблясенка, да Герасима Прокопенка, да Михайла Емелиянова, да Ивана Урсулова, да Сергия Семенова, неумеющих грамоты, по их прошению, канцелярист войсковый, Лаврентий Кашперович, руку и за себя приложил.

14.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, Киевского полку писарь, Лаврентий Михайлович за себя, и вместо того полку сотников, Ивана Маковеева, да Яремы Шилова, неумеющих грамоты, по их велению руку свою власную приложил.

15.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Лубенского, а вместо того ж полку асаула, Левка Назаренка, да Герасима Канпикова, хорунжего, да сотников, Иосифа Яковлева, да Иосифа Гришкова, да Михайла Грицкова, да Никона Коптина, неумеющих грамоты, по их прошению Лубенского полку писарь, Степан Климов, руку свою власную приложил.

16.

К сим постановленным и подтвержденным Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Лубенского писарь, Стефан Климов, за себя и вместо того ж полку асаула Левка Назаренка, да сотников Иосифа Яковлева, да Остапа Гришкова, да Михайла Грицкова, неумеющих грамоты, по их прошению, руку приложил.

17.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Миргородского, вместо судии полкового, Гаврила Алексеева, да сотников, Григория Матвеева, Андрея Игнатова, Петра Пащенка, неумеющих грамоты, по их прошению, Лубенского полку козак, Григорий Сергеев и за себя руку приложил.

18.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Зенковского, вместо полковника, Григория Василиева, да асаула, Никиты Дмитриева, да сотников, Нестора Гаврилова, Андрея Иванова, Марка Павлова, Прокопа Семенова, Афанасия Лазарева, Богдана Савченка, неумеющих грамоты, по их прошению, полковника Василия Шиманенка, сын Григорий, руку подписал.

19.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Черниговского посланный Иван Романов, руку свою власную подписал; я же, Иван, и на сих всех статьях последних подписал.

20.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Черниговского посланный, Кирило Давидов, руку свою власную подписал, и на сих статьях я ж, Кирило, руку приложил.

21.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Стародубовского, вместо

посланных, бывшего полковника, Петра Рославченка, да атаманов, Михайла Рубца, да Козьмы Домоишеева, да Никиты Кирилова, неумеющих грамоты, по их прошению, стародубец Ивашка Никифоров, и за себя руку приложил.

22.

К сим постановленным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Каневского посланных, вместо обозного Василия Митченка, да сотников, Симона Романова, да Андрея Игнатова, неумеющих грамоты, по их прошению, того ж полку, козак Юрий Миколаев и за себя руку приложил.

23.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, Войска Запорожского, полку Браславского, вместо посланных сотников, Григория Христофорова, Гаврила Корсунця, Нестора Иванова, неумеющих писать, по их прошению и за себя того ж полку козак, Федор Григориев, руку приложил.

24.

К сим постановленным и подтвержденным, Переясловским и Батуринским, статьям, Великого Государя, Его Царского Пресветлого Величества, переясловския соборныя церкви Успения Пресвятые Богородицы, протопоп Григорий Филимонов сын Бутович, руку свою власную подписал; я ж, Григорий Бутович, протопоп, и на сих статьях руку приложил.

Брюховецкий жалуется боярином, а старшины дворянами

По окончании подпискою сих, вышеписанных, статей были все, как гетман Брюховецкий, так и старшина его, приняты в милостивое благоволение его царского пресветлого величества и награждены, как то — гетман царским боярином и, по изволению его величества, женился на знатной царедворческой дочери, и при том всем бывшим с ним старшинам жаловано дворянство. Один только сделался несчастлив генеральный его писарь Захар Шийкевич: за некоторую ссору с гетманом в ссылку в Сибирь сослан. Брюховецкий же получил и подтверждение на чин его, так и на дворянство всем грамоты, и отпущены все в Украйну с великими дарами.

В бытность Брюховецкого козак Децик[110] *вызывался гетманом, 34*

Когда ж Брюховецкий был в Москве, в то время некто своеволец, запорожский козак именем Децик, назвался гетманом малороссийским, которого некоторое число запорожцев и малороссийские козаки приняли и огласили сего себе гетманом малороссийским, который с козаками теми пошел в Полесье и тамо многие города ограбил, но скоро пойман и в Нежине в тюрьме умер.

Дорошенко преклоняет малороссийские полки под державу Польскую, а нехотящих силою принуждает

Дорошенко ж, коль скоро стал быть на польской стороне гетманом, начал отводить тамо малороссийские полки из-под державы его царского величества, самодержца всероссийского, преклоняя оные под державу короля польского. Нехотящих же отдаться под польское владение военною рукою насильно преклонял и тем принудил многие города сдаться, в том числе Брацлавль, который целые три месяца не сдавался, ожидая все к себе от российского войска подмоги; но когда тамошние козаки уже великую нужду иметь стали и были безнадежны, тогда сдалися, из коего взял Дорошенко под стражу начальника того города, Дрозда, а потом и Рашевку одержал и тем ту войну свою кончил, и пошел в Чигирин, где Дрозда смертию казнил; прочие ж козаки многие уходили от него за Днепр до гетмана Брюховецкого, где позад Десны-реки на жилье расположены были. От сих-то времян стали быть по обоим сторонам Днепра гетманы в Украйне, один под его царским величеством, по сей стороне, Брюховецкий, а другой под королем польским, по другой стороне Днепра, Дорошенко.

За услуги козацкие король жалует им привилегии

За выше объявленное приращение и услуги для Польши, по прошению Дорошенка, со всею его старшиною и войском, король Ян Казимир пожаловал подтвердил им привилегиею своею все прежние вольности и преимущества козацкие и тем, удобривая такою наградою, мнил тверже оное козачество при владении своем удерживать.

Брюховецкого прибытие в Малороссию и с ним присылаются из Москвы воеводы и целовальники для сборов податей казенных

Брюховецкий прибыл в Малороссию по Рождестве Христове и, по новоустановленным статьям, привел с собою из Москвы почти во все начальнейшие города малороссийские воевод и при них разных чиновников и военных людей, а именно: в Гадяч, Полтаву, Миргород, Лубны, Прилуки, Батурин, Глухов, Сосницу, Новгород Северский, Стародуб и прочие места, кроме Киева, Переясловля, Чернигова и Нежина, ибо во оных городах еще прежде великороссийские начальники определены были; а от тех воевод начальнейших и в меньшие городы определены целовальники, то есть сборщики. Они обнародовали, каждый в своем ведомстве, указы его царского величества с тем, что быть от того времени и впредь по назначенным местам навсегда воеводам и главным управителям государственных сборов в Малороссии, и для того подчиняются посполитые люди к платежу, как то — мещане, купцы, пахари и все те, кои тягло несут. Оным определено было взымать с плугов отсыпщину и окладные деньги, для чего разосланы были списчики для переписи всех живущих по городам, местечкам, селам и деревням людей, и кто имеет сколько сыновей, чем и на сколько кто плугов или сох пашет или иным чем промышляет; на оных всех тяглых людей наложить оклад с каждого плуга, платя отсыпщину по 16 четвертей, а деньгами по рублю, а кто пашет лошадьми, то есть сохою, с тех, с каждой сохи, по две четверти ржи и по 25 копеек; для промышленников же и торгующих учредить по городам целовальников, которые б сбирали во время великих и малых торгов оценочную цену, а с иных десятину; также обложить бы окладом всех мастеровых людей и, сочиня всему тому со списками окладные книги вдвойне, из них одне отослать в Москву, а другие к воеводам, дабы они по оным взимали окладную подать и тем сбором производили военным людям жалованье. Но что из сего вышло? Вся Украйна на Брюховецкого возроптала, как она и без того довольна не была.

Во-первых: как скоро по сем послал Брюховецкий несколько полковников насупротив своих неприятелей, татар, то из оных не все, но некоторые пошли в поход; токмо до Гадяча дошед, не делав на неприятеля какого нападения, сердясь на Брюховецкого, под видом, что для чего сам с ними в поход не пошел, возвратились к своим обозам и оттоль, собравшись, пошли в Запорожье к кошевому атаману Ивану Серку, и с ним ходили на татар.

Волнование и мятеж козацкий за огорчение им от Брюховецкого. 1667

Потом, когда находился Данко или Дашков, полковник переясловский, с полком своим при Богушковой слободе для охранения иногда от нечаянного неприятельского нападения, то вдруг козаки, взволновавшись, того полковника своего убили, за то ненавидя, что оный от Брюховецкого в их полк его партии определен был, и что чрез них в Малой России перепись людям и наложенные подати воспоследовали. И учиня сие, они тотчас ночью к Переясловлю прискорили и, вбежавши в город, ворваться и в замок хотели с тем, чтоб там и войско московское побить; но воевода, как будучи на всякий случай осторожен, имел сего для в замке всех военных людей своих всегда в готовности при себе; он отбил их мужественно от себя, и чрез то они взять его и войско не в силах были. Развращенные и необузданные козаки, видя в том неудачу свою, возложили вину на собратиев своих, бывших житьем тут в городе, якобы от них в том им измена была, ограбили их всех и, выжегши город, пошли к Барышевке с тем, чтоб взять оный и оттоль подчинить себя и город Дорошенке, точию и там ничего не успели. Они принуждены были и от сего места бежать до Золотоноши и, одержавши город, в оном засели. Между тем, собрались войски, московское и козацкое, под предводительством князя Щербатова, приступили к Золотоноше и, окружа мятежников, усильно доставали, держа их тем немалое время в осаде. Но из оных же наперед ушедшие некоторые старшины, по опустошении Переясловля, искали защиты и покровительства своего: они прибежали к Дорошенке и просили его, чтоб принял их и с их городами под защиту свою. Он, приняв их и будучи тому рад, тотчас послал за ордою, которая была ему всегда благосклонна, так, как возводителю своему на гетманство. Они, не помешкавши, пошли до него и, соединясь с его козаками, перешли Днепр, что было в начале лета 1667 году, и, достигши до Золотоноши, освободили тех мятежников, в оной осажденных. Войско ж московское и козаки российские, видя ту силу, к ним идущую, принуждены были заранее отступить и отойти по-прежнему к Переясловлю, под командою того воеводы, князя Щербатова. А орда, освободя тех от осады, из-под Золотоноши пошла в начале октября месяца в Украйну далее и между Нежином и Прилук почти всех людей из сел и деревень в полон побрала, кои весьма того не чаяли, будучи безопасны и надеючись на войско, бывшее под Золотоношею.

Начало вражды Дорошенковой противу Польши

Но в то ж самое время из Польши в Украйну польскую послан был с войском регементар, или полковник, Маховский, чтоб там ему

с ними расположиться. Он, пришедь к Ивану-Городу, хотел во оный войти, но тамошние козаки его к себе не впустили. Маховский, видя их упорство, город силою взял и опустошил, а людей вырубил, о чем коль скоро гетману Дорошенке дано знать, то тотчас он с козаками своими и с ордою туда поспешил и, пристигши Маховского при Брацлавле, следующего уже к Бару, так разбил, что едва кто от меча его уйти мог, где и самого Маховского, поймавши, и с жолнерами всех имевшимся при себе татарам в плен отдал. С сего времени паки сделался между козаками и поляками раздор, и по той причине многие заднепровские козаки от Польши паки отступили и приклонились по-прежнему к самодержцу российскому.

Для охранения границ Малороссия везде по местам снабжается войсками московскими. По роптанию и беспокойству запорожских козаков переводится из Сечи войско московское в иное место

По оным коловратным обстоятельствам необходимо надобно было от российской стороны везде предосторожности иметь ради охранения земель и людей своих от нападения татарского, польского и мятежных козаков. Для чего во все пограничные места, как то — в Киев, Переяслов и прочие города, войски московские, так равно и в самую Сечь Запорожскую, от его царского величества воевода Косагов с полками и несколько калмык присланы были. Токмо запорожцы, по обыкновенной суровости и буянству своему, а найпаче по наущению козаков с стороны дорошенковой, не могли ладить и дружелюбно быть с ними. Они утесняли из беспрестанно и всякие наглости им делали. Сего для просил командующий Косагов о выводе его и всего войска московского из Сечи в иное место, описывая при том все обстоятельства, происходимые от них, что быть им в Сече для того весьма невозможно, и что они не требуют и не желают иметь их для себя, и считают быть их при них излишними, а паче тесноты ради места не терпят. На сие и воспоследовал его царского величества отзывной повелительный указ, по которому Косагов, с войском своим и с пушками, из Сечи вышел и приобщился к своим.

Оказавшееся злодейство сечевских козаков. О пожаловании полковника Лизогуба в российские дворяне

Как скоро войско московское из Сечи вышло, то вскоре по том и злое намерение сечевских козаков оказалось. Они по-первых сделали то, что, когда присланный от хана из Крыма посланник отправлен был из Москвы обратно и прибыл с российским послом к Сече, козаки того посланника татарского к себе в Кош для ночлега не впусти-

ли, а заставили ночевать его за городом в поле, российского ж посла с подобающею честию приняли и в Сечу его, со всеми бывшими при нем и посланными с ним к крымскому хану дарами и денежною казною, впустили. Ночью ж крымского посланника и всех его прислужников там на поле убили и всю его пажить разграбили. Сие услышавши, посол писал об оном к государю, просил себе дальнейшего повеления, следовать ли ему в повеленное место и с кем, или, за объявленным обстоятельством, назад возвратиться? На оное от его величества в Сечу прислан указ с тем, чтоб неотменно тех, кои сделали то убивство, а паче что посланника, за то б, без изъятия всех сыскав, казнить смертию; а посла, стольника Ладыженского, выпроводя из Сечи, отпустить до Крыму обережно. Запорожцы по тому указу, под видом повиновения своего, несколько злодеев тех переловя, в тюрьму посадили, а посла Ладыженского потом, выпроводя из Сечи с честию и посадя со всеми людьми его на думбасы и стерны *, отпустили с обережными козаками, которые, отплыв с ним по Днепру несколько, не далеко от Сечи отшед, посла и всех его людей утопили, а денежную казну и дары, посланные к хану, между собой разделили. И так оказалось тут их первоначальное к России злодейство, забыв все милости и благодеяния, оказанные от его царского величества, что им почасту посылано было соболями, луданами, сукнами, деньгами, мукою и прочим. И хотя та вина его величеством прощена была без всякого наказания, однако недоверка и на всю Украйну начала уже умножаться, по частым их изменам противу России и возмущениям междоусобным, чем паче милости царския они лишалися. Козаки ж, не взирая ни на что, пренебрегали тем всем и считали, что им по воле своей поступить на все позволяется, и что будто б все от них зависело. Они распространяли свое буянство и шалости и противу всего общества своего, наводя только тому причину, что для чего людей тяглых всех подчинили воеводам московским и обложили их излишными податьми? Они де, не обыкли, по вольности своей, такие подати платить и быть невольниками. И так из сего-то начались мятежи, ибо прежде сего на Запорожье всякому вольно было идти, козаку, мещанину и мужику, и быть козаком, где ни на что не смотрят, всех принимали и впредь принимать обещался. Во все сии в Малой России смутные времена, известно было его

---

* Думбасы и стерны есть лодки большие мореходные.

В оном лете, по зву его царского величества, Алексея Михайловича, в Москву прибыли два Патриарха — Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, для суждения Патриарха Московского Никона, который их судом и низложен.

От 1667 году оказался на Волге разбойник, Стенька Разин, который был донской козак. Он не только по Волге и на Каспийском море чинил великие разбои, но и чрез приведение жителей к бунту Астрахань и многие понизовые города обладал, где бесчеловечные убивства, грабежи и разорения делал. А пойман уже он на Дону с братом своим, и в Москве казнены 1671 году апреля 14 дня.

царскому величеству, что от самого начала подданства оной под Российское державство между некоторыми малороссийскими старшинами и Яков Лизогуб ни в каких примесах с изменниками не был или чтоб к которой возмутительной или к супротивной стороне от России отставал, но всегда был в верности своей и в должности тверд, непоколебим и радителен по службе с ревностию, которою оказал во многих войнах противу неприятелей свое мужество, храбрость и проворство, как об нем особо по сему повествованию значится, с немалою от самих государей царей похвалою жалованьем и милостивыми грамотами награжден и об оном обнародован, за каковую отличную его поступку, службу и твердую верность к России сверх того его царским величеством, Алексеем Михайловичем, как и прочим, удостоен быть российским дворянином, и на то достоинство особо ж ему грамоту свою пожаловано в 1667 году февраля 3-го дня. В каковом же содержании, тому под сим точный список прилагается.

Божиею Милостию Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новогородский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский, и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских, и Горских Князей, и иных многих государств, и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчич и Дедич, и Наследник, и Государь, и Обладатель.

Пожаловали есма Нашего Царского Величества Войска Запорожского Каневского полковника, Якова Лизогуба, за его к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, многие службы, как под Нашею Государскою высокодержавою рукою, учинилась в подданстве предков наших, Великих Государей и Князей Российских, и наша Царского Величества отчина, Малая Россия, и он, Яков, служил Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, исполняя свои обещания верно, и против неприятелей стоял твердо и мужественно, не склоняясь ни на какие неприятельские прелести и подсылки, и бился, не щадя головы своей, поиски многие над неприятели чинил. И за те его службы и радение, Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, велели его, Якова, написать в дворяне и сию Нашу Царского Величества жалованную Грамоту на дворянство дать велели, и ему Якову, видя к себе Нашу, Царского Величества, милость и жалованье, и впредь Нам, Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержцу, Нашему Царскому Величеству, и Нашим Государским детям, Благоверному Царевичу и Великому

Князю, Алексею Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Благоверному Царевичу и Великому Князю, Симеону Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России, и Благоверному Царевичу и Великому Князю, Иоанну Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России, и Нашим Государским наследникам, потому ж служити верно и всякого добра хотети, и над неприятели промысл чинити, и быти у Нашей Государской воле и в послушании; а верная его служба у Нас, Великого Государя, у Нашего Царского Величества, никогда забвенна не будет. Дана сия Наша Царского Величества жалованная Грамота, в Нашем Царствующем великом граде Москве, от создания мира 7175 года, февраля 3 дня.

На обороте саморучно подписано: *Божиею Милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя, и Белыя России Самодержец.*

Дорошенко с татарами ведет войну на поляк

По выше объявленному раздору гетмана Дорошенка с поляками, в оное ж лето, по зву его, пришло 8000 татар буджадских в Украйну и вступило в пределы польские, где опустошали уже Подолию, Волынию и воеводство Русское. К тому числу пришел Кулга-султан крымский с великим числом орды ж и с прочими султанами. Соединя с ними Дорошенко войско свое козацкое, пошел противу поляк, но во внутрь Польши войтить им не удалося, потому что, во-первых, войско коронное с великим гетманом своим, Иоанном Собейским, стояло под городом Гойцы, а прочие хорогвы польские, уведомясь о великой силе татарской, соединившейся с козаками, вступили в шанцы. Потом, хотя Дорошенко с силами своими на Собейского напал и, жестоко осадя его, с ним на долгое время бился, и тем ему казалось над Собейским ту победу получить, чтоб понудить поляк к мирным договорам, но Кулга-султан искал своей корысти, отводил его еще от того на несколько и тем продлил на 17 дней, и даже до того промедлили, что вдруг пришло известие, что козаки сечевские, шед в Крым и встретясь с ханом при Перекопе, с ордою его разбили и прогнали, сами ж, целые шесть дней будучи в Крыму, селения жгли и разоряли, и, взяв добычь, назад в Сечу свою возвратились. Для чего Кулга-султан и Дорошенко на то время с Собейским, по взятьи заложников, мир заключили и тому статьи октября 19-го дня 1668 году подписали. Отступя орда, в Крым возвратилася, а Дорошенко пошел в Чигирин, войско же его по полкам.

Освобождаются из ссылки Хмельницкий, Тукальский и Гуляницкий

В сей самый случай в Польше освобождены из ссылки Мариенбургской митрополит Иосиф Тукальский да молодой Хмельницкий, Юрий, и Гуляницкий, из которых, следуя чрез Полоцк из оного, наперед Хмельницкий, а по нем и митрополит Иосиф * в Украйну бежали за тем, что паки хотели их взять и смертию казнить по клеветам на них Тетериным.

О заключении 13-тилетнего мира между Россиею и Польшею

В сем же лете, на границе смоленской, с Литвою, в Андрусах, окончался Конгресс или Комиссия мирных договоров, и поставлен тринадцатилетний мир между Россиею и Польшею, по чему и учинен тому трактат, с уступкою к России Смоленска, Северии и всей Украйны с восточной стороны Днепра-реки, также и града Киева, что при манифесте в Москве, в Соборной Успенской церкви, обнародовано, и с таковым же к гетману Брюховецкому прислан был стольник Евстратий Антипович, с приобщением при том пунктов, в той Комиссии заключенных, которые ему и всему народу также объявлено.

Ложное разглашение о мирном постановлении делает тревогу людям

Но вместо истинности в народе пронесся ложный слух, что будто бы, по возвращении на западной стороне Днепра Украйны всей, в войну граблением забранные в костелах польских вещи: серебро, ризы, книги и прочее все, что можно сыскать там, от козаков отбирать, а найпаче востужились, что все живущие люди с козаками в городах Чигирине, Корсуне, Умани, в Черкасах и прочих местах отдаются по прежнему Польше, и что, если которая сторона будет вооружаться на которое-либо владение, то оных с обоих сторон истреблять, о чем Брюховецкий уведомил и в Запорожье козаков, от чего в Украйне еще более смятений востало.

По заключенному мирному трактату того ж лета прибыл в Москву полномочный польский посол, воевода черниговский Беневский, по требованию которого отпущены все взятые в плен поль-

---

* Сей митрополит Нелюбович Тукальский скрылся у гетмана Дорошенка в Чигирине и там скончался, а погребен в монастыре Лубенском, где тело его лежит и доныне неистлевшее, но, по повелению императора Петра Первого, за неверность противу отца, его величества царя Алексея Михайловича, в 1709 году под спудом в стену закладено.

ские и литовские шляхтичи и мещане с женами и детьми и со всем имуществом их из Москвы по прежнему в их жилище.

Ложное уведомление от посланных в Москву малороссийских чиновников

В сие ж самое время из Малороссии посыланы были старшина Рубан и канцелярист Мокриевич в Москву с жалобою на определенных с Москвы по городам украинским воевод и сообщников в обидах и притеснениях, чинимых народу. Но как те посланные никакого еще на то рассмотрения и призыва получить не могли, то из оных канцелярии подписок Мокриевич и Рубан, злясь за сие, писали в Украйну, что козаки уже от сего времени ни во что в Москве поставляются, и что вся Украйна вскоре полякам по прежнему отдана будет, ибо и послу Беневскому уже в Москве как шляхту, так и посполитых, в Литве завоеванных, из всего государства собирая, отдают, и козаки, де, по прежнему Польше отданы будут. От сего почти все козачество приходило в отчаянность и огорчение.

Чрез назначение к присылке московского войска в Малороссии вящее волнение от сумнения в народе происходит

А паче, как при том от государя грамота к гетману прислана была с тем, что в наступающую зиму в Украйну десять тысяч войска московского с боярином и воеводою прислано быть имеет, то Брюховецкий и вся старшина с козаками, слыша оное, весьма встревожились, думая, что войско оное для отдачи полякам Малой России придет; рассуждая же и сие, яко удобно могут воеводы с людьми своими, указ получа, из городов выступить, а на свое место поляков впустить, которые бы без всякого труда Малороссиею завладеть могли.

Дорошенко посылает с письмом чернеца к Брюховецкому для приглашения его с ним обще воевать и из подданства выйти

Гетман же Дорошенко, слыша о роптании и тревожных мыслях гетмана Брюховецкого и всех старшин и козаков его на царя московского, признал случай сей найспособнейшим быть к отведению их от России и к приведению к умыслу своему в согласие; для чего, подкупя чернца, наместника монастыря Пивского именем Якубенка, подослал к Брюховецкому с письмом своим увещательным,

прописывая ему при том с укоризною, что вольный козацкий народ, от польской работы чрез мужество и кровь свою освободившися, подвергается ныне новому утеснению воевод и самой Польши, как уже предвидеть может и о прочем, и при том, чтоб и словесно уласкать и привлечь его на те мысли, под видом общей пользы и спокойствия всей Украйны, обещал ему уступить и свое гетманство, если он токмо козаков обоих сторон Днепра пожелает, за разделением нынешним, соединить вместе. Брюховецкий, поверивши сему, польстился и дал тем себя обмануть. Он обещался желанию Дорошенкову следовать и для того стал ненавидеть и предпринимать разные злые меры противу московского войска и всей России, чем сердца народные приклонил к смятению.

Начало Брюховецкого противу России бунтовства

Это и последовало в начале генваря 1668 году, после дня Богоявления. Брюховецкий собрал всех полковников, судей и старшин своих в Гадяч, куда и сам он прибыл; они сделали тут между собою Раду и в оной тайный совет, как воры и разбойники, будучи из запорожского наброду поставленные, своевольцы, плуты, злодеи и бездельники. Мысля тако о грабительстве, усоветовались тайным условием между собою с присяжным обязательством, чтобы неотменно отступить от Российского державства и сделаться паки им вольным, для чего к вооружению и послать бы оттоль за ордою в Крым, а между тем воевод московских (от него ж самого введенных) из Малороссии выслать, и если б из городов вытьтить не захотели, то оных бить до смерти. Установя сие, полковники, ни мало медля, возвратились в домы и, по прибытии своем, тотчас начали делать с воеводами раздор. Во время ж наступившей сырной недели уже произошли от козаков драки и битвы с людьми московскими, да и самых воевод под караул забирали, а во первых в Гадяче сам гетман Брюховецкий воеводу и со всеми его людьми московскими из города выслал, которых (как уповательно, с его же, Брюховецкого, дозволения), задравшись с людьми, осилили и ограбили, а иных и побили, воеводу ж с женою в замок под караул посадили; так равно и в Прилуках, Миргороде и Батурине с воеводами поступили, а людей побили ж. Что ж касается до прочих воевод, как то: сосницкого, Новогородка Северского и стародубовского, запорожские козаки, кои там зимовали, с мещанами города приступом взяли и всех их побили, а города Нежин, Чернигов и Переясловль опустошили и выжгли, кроме их замков, кои во все лето от козаков и всякого народа в осаде находились.

Послание Брюховецкого в Крым и в Царьград с отдачею себя в покровительство турецкое

Гетман же Брюховецкий, исполняя свое мерзкое желание, послал своим посланцем Степана Гречаного в Крым, делая согласие с ханом и призывая его к себе с ордою противу России, а других, Григория Гамалея и канцеляриста Лаврентия Кашперовича, послал чрез Акерман, или Белгород татарский, в Царьград к Порте турецкой с тем, чтоб приняла его со всем его войском под свое защищение, не ведая того, что ему, Брюховецкому, никого в войске малороссийском приятствующего не было, кроме одних запорожцев.

Козаки предаются к Дорошенке

Коль скоро о измене и возмущении Брюховецкого войскам московским известно стало, тотчас окольничий, князь Ромодановский, по скорости, сколько мог, войска своего собрал в самом начале весны, и как скоро стала трава, пошел с оным под Котелву и находящихся там запорожских козаков осадил. А прочие все, кои были полку Брюховецкого, и Черниговский полк Василия Многогрешного, за непорядок его и безумный умысл и за убивство многих знатных людей, в том числе за сожжение в Малой России полковницы гадяцкой, прозываемой Острой, возгнушалися оным Брюховецким и, соглашась тайно с кошевым запорожским Иваном Серком, отложась от Брюховецкого, послали к Дорошенке, прося, чтоб выступил из Чигирина и поспешил бы найскоре к ним с своим войском, обещаяся его за гетмана своего принять, потому что они от Брюховецкого отлагаются. Дорошенко, получа сие первое известие, поверил их прошению, тотчас послал козаков своих в Чернигов для занятия оного вместо залога, к лучшей имоверности, а сам, переправясь чрез Днепр, пошел под Опошню.

Татары приходят к Брюховецкому. Дорошенко отдает Брюховецкого на убивство козакам

В сие самое время и орда, с посланцами Брюховецкого и Дорошенка, из Крыму выступила, и от оной часть, по наставлению Дорошенка, под Гадяч пришла, где Брюховецкий им, а татары ему, в неразрывной дружбе присягу учинили. По учинении чего Брюховецкий, собрав свое войско, обще с теми татарами от Гадяча выступил с намерением идти до Котелвы для защищения и выручки козаков своих, но не мог предвидеть хитрости и лукавства Дорошенкова и измены к себе татарской, так равно и козацкой, кои ему, хотя и были с ним, также не доброхотствовали, кроме запорожцев. Дорошенко, как ве-

дал уже о его выступлении, не допуская его до Котелвы, встретил за пять верст от города Опошни, упредив и ему путь воспятив, где тотчас Брюховецкого обоз его ж козаками разграблен был, самого ж Брюховецкого, поимав, к Дорошенку привели, а он отдал его черни в руки, кои дубьем его убили и при том весьма много знатных козаков и запорожцев побили, что делалось на первой неделе Петрова поста. Однако тело Брюховецкого приказал Дорошенко отвезть в Гадяч, где и погребено в церкве Богоявления Господня; жену его и все имущество велел в Чигирин отвезть. И так сим действом окончалось гетманство Брюховецкого, а Дорошенко стал быть гетманом обоих сторон реки Днепра.

Дорошенко, приняв все войско Брюховецкого, следует по Малой России, получает ведомость неприятную, а потому последовал в Чигирин, войско же препоручил войсковому есаулу Многогрешному

Дорошенко, окончив по желанию своему первоначальное дело, пошел с ордою и козаками до Котелвы, где, отбив от оной Ромодановского и с войском его, освободил от осады козаков, которые, оставя город впусте, с ним же пошли до Гадяча, куда с татарами следуя, на пути вотчины Брюховецкого опустошал, а оттоль последовал было к городу Путивлю. Токмо из дому его пришла неприятная ведомость, а именно: объявлено ему, что жена его слюбилась с чужим бесчинно. Чего ради оставя свой поход, препоручил по себе наказным гетманом быть генеральному есаулу Демьяну Многогрешному и приказал как можно доставать воевод, оставших по городам, в Переясловле, в Нежине и в Чернигове, сам же возвратился в Чигирин; а орда, набрав по границе московской ясыря, также в Крым пошла.

Между сим временем князь Ромодановский, собрав и умножив силы свои, последовал в Украйну, прямо под Нежин, для освобождения своих, сидящих в осаде, и пришел к оному на самый праздник Рождества Богоматери, то есть 8-го сентября 1669 году, что увидевши, нежинцы поднялись с козаками и выступили из города, оставя все; Ромодановский же, вшед во оный, своих осажденных освободил и войском все, что было в городе, попленил; потом, вышедши, весь его сжег, а Дорошенко, между тем, собрал войско свое в Сокиринцах.

Козаки сечевские отдаются под Крымское владение. Хан крымский жалует запорожцам писаря их, Суховея [111], гетманом, 35. Многогрешный приклоняется к войску московскому и с ним, наконец, соединяется

Козаки ж из Запорожья, по убивстве Брюховецкого, которого они любили, уже к Дорошенке, злясь на него, за то не приобщились; они приклонились к хану крымскому, который принял их весьма охотно. Он желал, чтоб запорожцы имели своего гетмана, но не было тогда у них к тому достойнейшего, как только писарь их, Суховей, который написал лист от Войска Запорожского и со оным с прошением в Крым поехал, чтоб они под защиту и оборону ханскую приняты были, и чтоб дать им на сей случай вспоможение. Хан по обыкновенным обрядам принял их и пожаловал Суховея гетманом, дал ему, при султанах, орды несколько. Султаны ж, вышед из Крыму, послали к Дорошенке с тем, чтоб он переправился чрез Днепр с войсками и шел бы обще с ними против московского войска. Дорошенко, услышавши, что запорожцы отдались под ханское покровительство, и что хан благосклонен стал им более, нежели к нему, побоялся сего ради, не пошел сам, но послал брата своего родного Григория Дорошенка, поручив ему войско. Под который случай, ушедши из Гадяча, бывший посланник от Брюховецкого в Крым, Степан Гречаный, к Дорошенке передался; но доколе успели войски козацкие, запорожское и татары на заднепровскую часть Украйны придти, генеральный есаул и наказной гетман дорошенков Демьян Многогрешный, между тем, приклонялся по скорости ко князю Ромодановскому и уведомил его о следовании к ним войск козацких и запорожских с татарами. Тогда послал князь несколько войска своего вперед с сыном своим, князем Андреем, на воспящение неприятелю в следовании его; токмо татары, нечаянно напав на оных при городе Гайвороне, разбили и князя Андрея Ромодановского в полон взяли, а сам окольничий, князь, принужден был, от великой силы и сильного на него напора от них, отступно отходить и возвратиться обратно в Путивль, куда дошел уже без всякого урону, потому что козакам и татарам, за наступающим зимним временем, далее за ними следовать было невозможно, и затем также возвратились татары и запорожцы в Крым; а Григорий Дорошенко, как оставался уже с войском своим один, и что козаки тутошные склоняются по-прежнему к миру, пошел сего для оттоле в Канев. По чему Демьян Многогрешный тем безопаснее стал склоняться и трактовать отважнее с московскими начальниками о действительном примирении, а генеральных старшин своих и некоторых полковников и чиновников, созвав, усоветовал с ними нарочных послать к его царскому величеству просить, во-первых, о милостивом прощении в той изменнической поступке их и о пожаловании им на место бывшего изменника Брюховецкого нового гетмана. Для чего, по общему избранию, и посланы, со всепокорнейшим

челобитьем своим, от архиепископа Черниговского и Новгорода Северского Лазаря Барановича Максаковского монастыря игумен Иеремей Ширкович, а от войска генеральный обозный Петр Забела с товарищи в декабре месяце до Москвы.

Многогрешного желание и вымыслы к возведению себя в гетманы

Многогрешный, как был всему сего дела началом, положил предлогом себе как можно при оном случае доставать себе гетманство, стараючись всячески и удобривая всех своих собратиев. Он набрал при том в козаки охотных людей на жалованье и назвал их компанейцами, которые, будучи приласканы и одолжены им, побуждали из сего прочих козаков, чтоб они во время будущей Рады давали голоса в избрании гетмана на Многогрешного. К тому в дополнение он позвал к себе из Польши и Литвы и шляхетство в гости с тем умыслом, чтоб в том ему, во время угощения, они помощники были; для чего призвал полковников, старшин и прочих именитых людей в Новгородок Северский и там, угощивая их весьма, предложил им, наконец, чтоб они, для избежания всех общих неустройств, выбрали и назначили себе заблаговременно гетмана, одного из старшин своих, и оного бы по общему совету и выбору в собранной Раде и огласили, не взирая на супротивление к тому Дорошенка, и дабы оное тем часом и совершено было, к чему уже и козаки приготовлены были. Старшины, видя в том усильно просительное понуждение, при чем и польское шляхетство их к тому убеждало, и с тем точно и усильно просячи, чтоб они в гетманы его, Многогрешного, выбрали, принуждены были, по таковому усильному от многих об нем предстательству, на то согласиться. Они, подошед все к нему, просили униженно, чтоб он был их гетман и принял бы тот чин, труд и иго в свое благое управление. Многогрешный, подавая вид, якобы не было к тому желания его, отговаривался так, как старая девка от хорошего молодца, поелику он сам того искал и старался тем быть; он согласился, наконец, под видом, будто бы по усильной просьбе их приемлет то иго на себя. Тут все гости и вся старшина, и полковники, как равно и все случившиеся там, при доме его, козаки в повиновении ему клятву дали и с тем его, воскликнувши быть гетманом их, и поздравили, почему, наконец, и все Войско Малороссийское его признало.

Примеч. В 1665 году, по смерти Дионисия Балабана, митрополитом Киевским был обществом избран Иосиф Нелюбович Тукальский, но был ненавидим гетманом, Павлом Тетерею, и для того прошено им было от короля польского, чтоб на месте его быть епископу Перемышльскому Антонию Витицкому.

ГЛАВА 25

О бытности гетмана Многогрешного и о делах его, и гетмана Дорошенка, и о сложении с себя царствования своего короля, Яна Казимира, и о возведении на его место королем Михайла Вишневецкого [112], и о их делах

Гетман Демьян Игнатович Многогрешный. Прошение от всей Малороссии о прощении изменнической вины, пожаловании им нового гетмана и о небытии в Украйне воеводам для сбора податей

23

А как по присланному к его величеству челобитью, которым значилось, что прошение оное состояло от всего Войска того Запорожского и всего их духовенства, и что били челом с тем, дабы его царское величество из высочайшей своей милости пожаловал их изменническую вину, которую они поневоле, боясь угрожаемой от главного изменника, Брюховецкого, напрасной себе смерти, простил, с вечным об оном забвением, за что с клятвою обещались, при всевернейшей его царскому величеству службе, все оное кровью своею загладить, и если высочайшая его царского величества милость будет, пожаловал бы им, на место изменника того Брюховецкого, нового гетмана, с подтверждением прежних, жалованных покойному гетману, Богдану Хмельницкому, статей, или к тому новых учинить изволил пункты. Также и о небытии, для спокойства впредь, и пребывании в малороссийских городах московских воевод и сборщиков, из чего все смятения и бунты в народе украинском воспоследовали, и чтоб все оные сборы препоручить уряду малороссийскому.

На прошение войсковое с увещанием и угрозами прощается им изменническая вина и жалуется им избирать себе нового гетмана, также и сборщики сборов отменяются

Его царское величество, снисходя на просьбу их, указать изволил послать в малороссийские города боярина и воеводу и наместника белогородского, князя Григория Григорьевича Ромодановского, и стольника, и полковника, и наместника серпуховского Артемона Сергеевича Матвеева, да дьяка Григория Богданова, с указом,

данным его царского величества 7177 году, от 12-го дня февраля, которым повелено Войска Запорожского, сея стороны Днепра, в городе Глухове учинить Раду, и в оной были б: преосвященный архиепископ Лазар Баранович Черниговский и Новгородский, генеральный обозный, судьи, полковники и вся старшина и козаки. Куда прибыв оные, марта в 3 день, при собрании Рады, тот указ его царского величества всем прочли в следующем содержании:

«Присылали вы все к Великому Государю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцу, к Его Царскому Величеству, как от духовных, так и от всего войска старшины и черни, бити челом в винах своих, Максаковского монастыря игумена Иеремея Ширковича, да генерального обозного Петра Забелу, с товарищи, что вы, забыв страх Божий и свою присягу, данную Великому Государю, Его Царскому Величеству, послушав изменника, Ивашку Брюховецкого, боясь от него смертного убийства, изменили. А ныне, узнав свою измену, Ему, Великому Государю, Его Царскому Величеству, вину свою принесли и добили челом, а впредь обещались ни на какие прелести и смуты и на всякие ссорные слова не уклонятись, и стоять в своем обещании впредь крепко и недвижимо. И Великий Государь, Его Царское Величество, Государь Христианский всемилосердный, как Бог приемлет кающихся, так и он, Государь милосердный, вины ваши, прошения ради за вас всех Государских Благородных господ и Благородного Великого Государя Царевича и Великого Князя, Алексея Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России, и Благородного Великого Государя Царевича и Великого Князя, Симеона Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России, и ради Благородного Великого Государя Царевича и Великого Князя, Феодора Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России, и Благородного Государя Царевича и Великого Князя, Иоанна Алексеевича, всея Великия, Малыя и Белыя России и архиереев и богомольцов своих, Святейших вселенских Патриарх, Святейшего Вселенского Паисия, Папы и Патриарха Великого града Александрии, и судьи Вселенского, и Святейшего Иосифа, Патриарха Московского и всея России, Богомольца своего, и радетельного вашего пастыря, архиепископа Лазаря Барановича Черниговского и Новгородского, прошения его ради слезного, Великий Государь, яко отец милосердный, милосердуя над вами, вины велел вам отдать и в вечное запамятование пустить изволил, и к прежнему своему Царского Величества Государскому милосердию приняти изволил. А если б впредь, забыв страх Божий и Великого Государя, Его Царского Величества, премногую и неизреченную милость, стали б в какой измене и к суетным и ссорным словам и письмам приставать и верить, и учнете какую шатость и междуусобие, и Великий Государь, Его Царское Величество, уже к тому терпеть не будет, прося у Всемогущего Бога милости и Пречистыя Богородицы помощи, и взяв Святый Животворящий Крест, и во всех своих Государских мило-

сердных к вам делах освидетельствовав Всемогущим Богом, станет вас своею Государскою особою приводить в подданство и своевольных унимать, сколько Всемогущий Господь подаст. И всей своей Государской милости и оказании, Великий Государь, Его Царское Величество, изволил сам, из своих Государских уст, Максаковского монастыря игумену Иеремею Ширковичу, да генеральному обозному Петру Забеле, с товарищи, к Гетману и к старшине, и к войску, указал сие сказать.

Избрание Радой гетмана

Так же на прошенье ж ваше, всего Войска Запорожского и всего духовенства, Великий Государь, Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, царским указом своим доизволяет в сей Раде всему войску вольными голосами своими обрать себе гетмана, кого излюбите».

Тут вся генеральная старшина, полковники, чиновники и все козаки и чернь, вскричали: «Во всех правах и вольностях Демьяна Игнатова! Нам он люб быть Гетманом нашим!»

Жалуются и препоручаются новому гетману его знаки, и присягою утверждается он со всем войском

По сему объявлению князь Ромодановский вручил сему новоизбранному в гетманы Демьяну Игнатову булаву и все знаки гетманские, как то: бунчуг, знамя, литавры и прочее, и жалованную грамоту царскую, а при том на той Раде прежние статьи, каковы даны, в прошлом в 160 году, прежнему гетману, Богдану Хмельницкому, и всему Войску Запорожскому, и сверх тех прежних статей, новые статьи, которые на многих Радах поставлены, прочтены, и ныне, по указу великого государя вновь прибавлены, прочтены и на оных статьях, для утверждения, гетман, обозный, судьи и есаулы войсковые, и полковники, и вся старшина, и козаки, которые на Раде сей были, великому государю царю и великому князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, Малыя и Белыя России самодержцу, и его царским наследникам, по святой непорочной евангельской заповеди, на вечное подданство веру учинили, чтоб им быть под их государскою самодержавною высокою рукою неотступно, и в том все к статьям тем своеручно подписались, а именно:

Архиепископ Лазар Баранович, Черниговский и Новгород-Северский.

Максаковского монастыря игумен, Иеремей Ширкович.

Гетман Демьян Игнатов.

Войсковой обозный Петр Михайлов сын Забела.

Войсковые судьи:

Иван Самойлов.
Иван Домонтов.

Войсковые есаулы:

Матвей Никитин сын Гвинтовка.
Павел Грибович.

Писарь генеральный:

Карп Иванов сын Мокреев.

Бунчучный:

Лукаш Заборовский.

Хорунжий войсковый:

Василий Спириденко.

Писарь генеральный войсковый:

Никифор Александров.

Полковники:

Нежинский Филип Иванов сын Умавец.
Стародубовский Петр Иванов сын Рославченко.
Переясловский Иван Ефименко Наказный.
Киевский Константий Солонина.
Полку пехотного кошевой Афанасий Савенко.
Прилуцкий наказный полковник Яков Трохимов и есаул полковой.
Конный полковник Михайло Кияшко.
Полковник пехотный Иван Берво.

Ротмистры:

Афанасий Иванов.
Андрей Нестеров.
Петр Ворошило.

Капитан:

Александр Станиславич.

Судьи полковые:

Нежинский Федор Завацкий.
Переясловский Юрий Николаев.

Обозные полковые:

Нежинский Матвей Матвеев.
Стародубовский Гаврило Дашевский.
Киевский Яков Иванов.

Есаулы полковые:

Нежинский Игнат Парпура.
Стародубовский Василий Юрьев.
Дмитрий Турченко.
Киевский Трофим Яковлев.
Самойло Присановский.

Иван Тихий.
Николай Есаул.
Гаврило Есаул.
Стародубовский Василий Лана.

Атаман черниговский:

Станислав Кохановский.

Стародубовский:

Тимофей Алексеев.

Подписки канцелярии войсковой:

Петр Домонтов.
Иван Биховец.
Ярема Яремов.
Сергей Андреевский.
Семен Олиференко.
Андрей Тихонов.

Писари полковые:

Нежинский Павел Михайлов.
Стародубовский Иван Вородей.
Переясловский Михайло Бурижецкий.
Киевский Андрей Василиев.

Хорунжие полковые:

Нежинский Роман Сергеев.
Стародубовский Василий Волкодичь.
Киевский Михайло Михайлов.
Пешего полку Тимофей Иванов.
Прокопий Чниренко.
Игнат Путин.
Павел Крещенский.
Иван Ворона.

Поручик:

Иван Онбрихт.

Сотники полку Черниговского:

Василий Бурновский.
Павел, Белоусовский, Товстолес.
Сава Унучко, Белецкий.
Филон Свяцкий, Сыберский.
Азий Иванов, Слабинский.
Андрей Тишеневский, Сосницкий.
Филип Марченко, Столинский.
Василий Марченко, Синявский.
Герман Михайлов, Киселевский.
Василь Алещенко, Волинский.
Федор Ковтуненко, Понурницкий.

Нежинского полку:

Константий Иванов, Батуринский, Григорий Карпенко.
Кондрат Иванов, Хорошего Озера.
Григорий Проскуренко, Борзенский.
Павел Павлов, Шаповаловский.
Иван Евтушенко, Новомлинский.
Феско Химин, Короповский.
Степан Нестеренко, Рождественский.
Юско Жураховский, Глуховский.
Василий Ющенко, Кролевецкий.
Савва Прокопиев, Воронежский.
Леско Лисенко, Конотопский.
Федор Михалченко, Ивангородский.

Стародубовского полку сотники:

Павел Храмченко, Стародубовский.
Овдий Брославченко, Почепский.
Гаврило Яременко, Погарский.
Захарий Степанов, Новгородский.
Василий Исаенко, Шестаковский.
Андрей Есимонтовский, Мглинский.
Иван Рученко, Топальский.

Переясловского полку:

Павел Богун.
Григорий Волошин.
Иван Щербина.

Киевского полку:

Григорий Алфериев, Киевский.
Гаврило Карпов, Козелецкий.
Максим Степанов, Остерский.
Онисим Коробка, Добровицкий.
Иван Кононов, Гоголевский.
Яков Васильев, Мутразецкий.

Пешего полку сотники:

Леонтий Кирилов.
Данило Гаврилов.

Прилуцкого полку:

Феско Семенов, Ичанский.
Капрал Криштофоров Рохшоханский.

Мещане Нежинские:

Войт Александр Цурновский.
Бурмистр Яков Жданов.
Писарь Филип Константинов.
Гаврило Тимошенко.
Иван Воробей.

Черниговские:
Войт Григорий Ефимов.
Райця Роман Остапов.
Павел Филонов.
Федор Михайлов.

Переясловские:
Райця Иван Щербина.
Писарь Михайло Бурижецкий.
Трофим Коцарь.
Петро Мещанин.

Стародубовские:
Войт Константин Парконов.

Бурмистры:
Сергей Потапов.
Борис Карпов.
Райця Иван Низовец.
Парфен Антонов.
Писарь Василий Барнацкий.

Новгородка Северского:
Войт Никифор Пожарский.
Писарь Трофим Якимов.
Алексей Андреев Карач.
Давид Мишковец.

Погарские:
Войт Константин Иванов.
Бурмистр Григорий Карпива.
Райця Игнатий Трофимов.
Райця Семен Климов.
Ларион Бакланский.

Почепский:
Войт Иван Иванов.

Глуховские:
Федор Яковлев.
Бурмистр Андрей.

Менские:
Войт Степан Кирьяков.
Стефан Филонов.
Феско, Менский бурмистр.

Коропские:
Войт Адам Русанов.
Андрей Емец.

Города Кролевца:
Войт Осип Лукьянов.
Бурмистр Григорий Романов.
Бурмистр Иван Никифоров.

Статьи, постановленные в Глухове

1.

Били челом Великому Государю, Его Царскому Величеству, Гетман и все войско сей стороны Днепра, чтоб Великий Государь пожаловал велел вины их им отдать, и впредь бы те их вины воспомянены не были, и изволил бы Великий Государь держать их в своем Государском милостивом жалованьи и призрении.

Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, Государь Християнский милосердный, жалует Гетмана и все Войско, при нем будучое, вины их милостиво прощает и отпускает, и впредь те их вины воспомянены не будут, а им бы, подданным, по своему обещанию, Его Царскому Величеству и Его Царским наследникам, служить верно и всякие шатости оставить, и впредь ни на какие прелести не уклоняться, и быть под Его, Великого Государя, самодержавною высокою рукою в вечном подданстве, по прежнему, неотступно, без всякой измены.

2.

Милости у Великого Государя просят, чтоб им быть в прежних своих правах и вольностях, и чем пожалован был прежний Гетман Богдан Хмельницкий, и то бы им все было подтверждено.

Великий Государь, Его Царское Величество, пожаловал Гетмана и все Войско, сей стороны Днепра, правами и вольностями по прежнему их праву, и ничем права и вольности их нарушены не будут.

3.

Гетман Богдан Хмельницкий в прежних статьях постановил, чтоб Царского Величества воеводам с ратными людьми быть бы в Переясловле, в Нежине, в Чернигове, и ныне бы Царское Величество в малороссийских городах воеводам и ратным людям быть не указал, понеже от них многие ссоры.

Указом объявляется, что все сборщики в Малой России отменяются и возлагается оное единственно на гетмана

По сему объявлен всему тому собранию его царского величества указ с тем, что, по прошению всего Войска сего, об отмене для сбора все воеводы и сборщики, от сего времени, в малороссийских городах не имеют быть более, кроме прежде определенных воевод по городам в Киеве, Переясловле, Нежине и в Чернигове, и те бы никто в малороссийские сборы, дела, суды и расправы не входили, а препоручается все оное единственно одному гетману, так как главному всей Малой России начальнику, состоящей в единственном ведение его царского величества, над всем Войском Запорожским и посполитыми

людьми, и потому все сборы, суды, расправы и распоряжения препоручаются ему, что все имеет он управлять и исполнять по присяжной своей должности, со всякою верною ревностию.

Старание Многогрешного неповинующиеся через изменников полки приводит к повиновению

С сего времени не стали быть великороссийские воеводы и сборщики по городам Малой России (кроме вышеобъявленных городов), а все те сборы, как то и последних четырех городов, кои принадлежали прежде того в государеву казну, единственно на него ж, гетмана, возложено. И так с сим правлением, гетман более года беспокоился, доколе возмог все города, кои предались было гетману Дорошенко, в повиновение свое склонить, и потом, наконец, уже вся Малороссия стала быть под высокодержавною его величества рукою, во всем спокойна и довольна.

Король польский, Ян Казимир, слагает с себя сан королевский. На место Яна Казимира возводится королем князь Михаил Вишневецкий

В сие самое время, как то в 1669 году, польский король, Ян Казимир, утрудившись от беспрестанных беспокойств военных, а паче от украинских козаков, вознамерившись успокоить себя, снизошел с престола своего, сложа с себя и корону навсегда, что все оставя, удалился в монашескую жизнь. На место коего тотчас поляки возвели на престол себе князя Михаила Еремеева сына Вишневецкого. Сей король, по возшествии своем на царство, вознамерился своим распоряжением поступить на волнующихся против Польской республики козаков наистрожайше, не приемля против того никаких советов от искусившихся против оных людей своими вооружениями, ниже полезных предложений некоторых сенаторов. Он привел тем устращиванием своим только в вящее отчаяние главнейших войска того, так что они, наконец, принуждены искать от иного государства покровительства себе нижеследующим образом.

О чем и польский историк, аббат Кое, говорит, что «Польша была бы опустошена, если бы Собейский не защитил оной. Козаки, имея великое подозрение на намерение короля Михаила, вступили в польские пределы, не уважая на мир, который они в царство Казимирово с Республикою утвердили. Они опасались, чтоб он не пожелал отнять у них паки обширных волостей своего колена, а купно с оными и всех тех владений польских дворян, кои они присвоивали себе. Для прекращения такой боязни, желали они, чтоб он отрекся от всех сих требований.

К чему и Собейский намерен был, не употребляя победы во зло, щадить козаков и привести их в прежнее послушание, обнадеживая оных благополучием и оказывая им милости.

Сего желали на сейме все земские послы и большая часть сенаторов, но король и Тайный его Совет инако помышляли. Они вменили то, что оскорбление Королевскому Величеству будет, если простит он Дорошенко, и для того Михаил в великую честь себе поставил оказывать на все представления Дорошенка непреклонность.

Дорошенко, уведав о сем и опасаясь, чтоб раздраженный государь не погубил его, стал искать себе другого в Константинополе».

Дорошенко посылает к султану турецкому для принятия его с Украйною в подданство. Посылается от султана чауш к Дорошенке. Дорошенко, собрав Раду, объявляет войску о прибытии чауша. Войско смущается, не хотят быть под турками. Дорошенко представляет войску, что они будут помочь иметь от турок. Вторичное послание к Порте от Дорошенка. Дорошенко отправляет чауша и с ним посланника своего с тем, что отдался он совсем под турецкую протекцию

А как Дорошенко знал, что Польша старается произвесть свое усилие в Украйне, и видел, что Орда Крымская весьма держит сторону Запорожскую, а ему несогласна, решился, наконец, сих ради причин, согласясь с сообщниками своими, неотменно в подданство отдаться, со всею своею Украйною, под покровительство и защиту в турецкое владение, по примеру молдавцев и волох с мунтянами. Послал сего ради подлинно с тем посланника своего, именем Портянку, с товарищи, в Константинополь к Магомет султану *, объявляя об оном желании своем, и прося от него притом о присылке к себе санжаков ** для составления договорных кондиций между им и его величеством. Только султан, по представлению своего визиря, Купрюлля, удержал посланника, не дав ему никакого ответа и послал к нему чауша своего с яничарами, с тем, чтоб отобрать о точности наперед, все ль украинцы тому согласны и все ль единомысленно отдаться ему в подданство желают, о чем просит гетман Дорошенко. Коль скоро ж о приближении чауша известно стало, тотчас Дорошенко, будучи в Корсуне, собрал Раду, где были его все старшины и полковники с козаками, и в оной объявил им всем, что прибыл к ним от турецкого султана Магомета посланником чауш его, коего и

---

* Сей султан, Магомет Четвертый, через удавленного янычарами отца его, Ибраима, султаном возведен.

** Санжаки знаменоносцы, а санжак знамя, жалованное от султана называется.

принять должно для их важнейших дел, о коих он, представляя, просил, чтоб была им в том его защита. Точию коль скоро об оном услышали, вся Рада на то вскричала, что они ни под каким видом не хотят быть турчину подданными, но он на то им инако представил, объявляя, что он к блистательной Порте только с жалобою посылал в том, что татарские султаны ни в чем ему ныне вспоможения не делают, но еще и на самого его с запорожцам восстают, то дабы им от Порты повеление было, чтоб они его помощью своею во время нужды не оставляли, а вооружаться им на него запретила и за возмутителей и изменников общества не вступалась, так же при крайности, чтоб и Порта ему помогала, чему вся чернь в Раде, по простоте своей, поверила, и в том, для охранения своего, не проникнув его лукавства, согласовалась. Почему, с позволения их, тотчас и чауша, так как посланника султанского, в той Раде гетман принял, где он с ним свободно трактуючи, что на обе стороны к пользе их потребно было, постановили и статьями утвердили, о котором окончании с объявлением к Порте послал своего судью, Белогруда, просить и присылки санжаков, чтоб по тому знаку татары ему повиновались, о чем чернь нимало ведать не могла (поелику он ее пренебрегал), как только единомышленники его, полковники и старшины с козаками теми, кои были его любимцы, ибо он имел особо несколько тысяч пехоты и конницы военной на жалованье при себе. Он отправил, по окончании дела того, чауша, и с ним еще послов своих в Царыград с тем, что отдался уже вечно в подданство Турецкому державству, прося только при том, чтоб санжаки присланы к нему были, что происходило в самом начале сего, 1670 году, в великой мясоед.

Султан сомневается принять козаков по частым их изменам, но по визирскому совету приемлет. Угрожение визирское козакам, если будет измена их к ним

Султан, хотя и получил через послов трактованные договорные пункты, но еще сему не уверялся; он весьма их принять не хотел, ведая козацкое непостоянство, ибо ни одному монарху верного подданничества не додерживают. Но Купрюлле довел до того, что послам оным выговаривал с тем, чтоб помнили, что государь его их не сыскивал и к себе не призывал в подданство; когда ж усердно подданниками его величеству быть желают и требуют его воспомоществования, чтоб от неприятелей их защищены были, то он приемлет и заступать их не оставит, такмо конечно б была их верности неизменная твердость, в противном же случае объявлено им, что он не иной государь; он столь много сносить их неверности не будет, как короли польский и венгерский, или царь московский коим не раз изменяли, да еще таким монархам, коим суть сами одноверцы. И так,

наконец, просьба их была приемлема и желание исполнено, токмо с тем обязательством, чтоб конечно им не изменять; а ежели верность додержана не будет, то до последнего человека истреблены будут. По окончании ж сих предувещаниев повелено было дать им санжаков, с которыми при Белогруде послал и чауша, кои все в путь свой и последовали.

Сему всему вышеписанному делу был инструментом тот просвещенный вельможа, Купрюлле. «Приняв в разсуждение предложения Дорошенка, как объявляет Кое, намерился он покорить Польшу под Турецкую державу, и отложил разорение Римского Государства до другого похода, в том намерении, что сие облегчится через побеждение оной, и желал, чтоб Государь его соплетал сам венцы из лавров, кои он приуготовит для него. Купрюлле не без ухищрения просил Магомета, чтоб он благоволил сам присутствовать при войске».

Точию Диван представлял, что начинаемая война не может быть праведна, ежели поляки не будут об оной предуведомлены, и когда они обещаются учинить козакам удовлетворение; наипаче не хотел Муфти *. Купрюлле, наблюдая строго как правосудие, так и закон свой, принял за благо мнение Дивана и отозвался к Польской республике следующим образом:

Визирское письмо Польше со угрожением за козаков

Вы объявляете, что Украйна принадлежит вам, и что козаки ваши подданные, как будто не ведаем мы, что сей бывший прежде вольный народ от самого себя зависит. Правда, что они покорились вам по собственному своему изволению и на некоторых договорах; но они не думали того, что подвергают себя защите варваров, которые уже причинили им много обид. И так восстали они на вас по естественному праву для возвращения себе прежней своей вольности и благоденствия. Они просили славную Порту, чтоб она приняла их в свое покровительство и учинила для них то, что делает для всех несчастных; чего ради послал непобедимый Магомет начальнику козаков, Дорошенку, саблю и штандарт. И так ведайте, что ежели не примиритесь скоро с моим Государем, который приуготовляется уже к походу в Андрианополь, и подадите ему повод вступить в ваши пределы с непостижимою силою, то спор решен будет тогда уже не переговорами, но мечем и огнем мстящего Бога.

---

* *Муфти есть первосвященник магометанского закона. Он для начинания войны дает всегда свои фетфы. У турок он весьма важная особа, и пред ним токмо одним встает султан. Но если б вздумалось ему поступать пристрастно, то истолкут его в игоши в мелкие частицы. Фетфа есть некоторое духовное повеление, которое всегда присовокупляется к издаваемым народу султанским ферманам или указам.*

Рассуждение польское на визирское письмо

Король слушал такое угрожение. Для сего собрался Сенат; сперва они вменили себе в оскорбление, что оное письмо, содержащее в себе объявление войны визирем, а не самим султаном, писано было, что есть знак гордости, совокупленной с презрением. Сообщники короля употребили сие негодование в свою пользу, дабы внушить Сенату, что оное объявление неистинно. «Почто, говорили они, нарушать с нами мир Порте, столь свято договоры свои хранящей? Не для того ли пожелает она сие учинить, чтоб распространить свое владение? Но сие не может статься; ибо не безизвестно всему свету, что она должна паче стараться о утверждении за собою неизмеримых своих областей, нежели помышлять о распространении оных. Или не с тем ли думает она вступить с нами в войну, чтоб Дорошенку учинить вспоможение? Однако и на сем утвердиться не можно; ибо гораздо бы приличнее ей было подать ему руку помощи тогда, когда еще все войско его в согласии было. Уж ли пожелает Магомет устремиться со всею своею силою на Польшу, дабы учиниться сообщником разбойника? Кажется, что оное визирево объявление войны есть не иное что, как угрожение, которое он к нам написал по неотступному прошению и лже Дорошенка. Но положим, что гром последует за молниею, то склонится на нашу сторону российский император, станет не только сильно беспокоить турков, но подвигнет еще и Персию к защищению нашего государства. Сверх того надобно думать, что и Немецкая земля не меньше нас попечение иметь должна, чтоб азиатические варвары не преступили пределов своих. Сия есть такая защита для нас, о которой должны мы неукоснительно просить».

На то благие советы сенатские

Истинные сыны отечества, пекущиеся о благосостоянии оного, ответствовали, что гораздо приличнее и легче удовольствовать козаков, и сим самым отвратить все те предлоги, под которыми могут турки беспокоить Польшу. К чему, по призыву, и Собейский подтверждал сильно мнение тех, кои советовали учинить удовольствие козакам. Он упомянул о всех тех требованиях козаков, кои Польша может исполнить без всякого ущерба; но Михаил, утвердясь в своем упрямстве, не ответствовал Порте на оную грамоту, подобно как угрозы ее почитал за тщетные.

Запорожские козаки вооружились на Дорошенка

Под сей самый случай, как запорожцы были на Дорошенка злобны и намерение имели отомстить ему за коварный обман и убий-

ство Брюховецкого, которого они весьма любили, то в помощь свою, подозвав с собою несколько крымской орды, при наступлении самой весны, пошли на него вооруженною рукою, что сведав Дорошенко, тотчас собрал свои полки и расположил порознь около Чигирина. Но как запорожцы с ордою к ним приближились, то все те полки соединились с ними, как то: Корсунский, Уманский, Белоцерковский, Паволоцкий, Брацлавский и Могилевский, по причине, что и они не были им довольны и желали всячески от него отбыть, или и совсем его лишить, ибо он к ним не так благосклонен был, как к своим наемным полкам. Над сим соединенным войском главным начальником стал быть гетман Суховей, не знав еще никто из сих того, что Дорошенко отдался со всею Украйною уже в турецкое подданство и что ожидает вскоре от Порты к себе помощи; тем меньше ведали, чтоб через то могли им изменить татары.

Запорожцы нападают с татарами на Дорошенка. С турецкой стороны приходит Дорошенке подмога. Гетман Суховей сдал гетманство свое полковнику Ханенке [113]

Дорошенко, видя, что все полки его предались к запорожцам и татарам и соединились с ними, и что остались только при нем его пехота и конница, состоящая из 6000 человек, да к тому еще оставались два полка, Черкаский и Каневский, о коих побоялся, чтоб и те от него не отступили, тотчас сего для, собравшись с своим войском, выступил из Чигирина, надеясь при том вскоре получить и отправленных уже от Порты к себе санжаков с янычарами и пошел с тем к Каневу, где следуя, только что переправился через реку Рось в селе Коновце, напали на него татары и козаки и окружили его вокруг, в которой осаде принужден Дорошенко находиться целые пять недель, и сно́сить жестокие нападения от них, даже, наконец, мог уже получить через присланных двух турок известие, что чауш с санжаками, посланными до него, и с янычарами уже прибыли в Сороку *, кои турки о следующем чауше и о санжаках тотчас татарам тем известили и объявили им, чтоб они были от стороны Дорошенка, а не от запорожцев, почему и отступили татары от своих козаков. Но Суховей, коль скоро то увидел, тотчас взял тех турок под стражу. Татары ж, по объявленному приказанию, Дорошенка оставивши, в Крым возвратились, что запорожскому гетману, Суховею, столь чувствительно сделалось, что он гетманского уряду того более несть не хотел и сдал для того его уманскому полковнику Михайле Ханенко, и с тем пошел с козаками своими в Умань.

---

* Сорока местечко молдавское, в коем небольшой замок каменный, состоящей на границе польской, при самом береге реки Днестра, в 60-ти верстах ниже Днестровского Могилева.

Дорошенко приклоняет украинские полки и города под себя

Дорошенко ж, взяв свое наемное войско и два полка, Каневский и Черкаский, пошел с ними из под Канева к Лысянке, покорил тамошние полки паки под власть свою и с оными прямо пошел под Умань, где облежал немалое время, продолжая свои приступы. К сему пришел чауш с белогородскою ордою, и приведши их и санжак, Дорошенке препоручил; с этого времени стал он быть совершенный турецкий подданник. Увидевши сие уманцы, что орда при Дорошенке находится, мир сего для заключили с ним, однако в город войти его не допустили, и Ханенко с старшинами к нему не вышел, а обещались к нему быть в Чигирин. И так с тем Дорошенко отступя от Умани, пошел к Чигирину.

Дорошенко, учиня султану присягу, отпускает вновь присланного чауша к Порте. Дорошенко посылает войско в Заднепровскую сторону Украйны для приведения тамошних полков под себя

Там Дорошенко подтвердил присягою своею туркам подданничество и наградя чауша довольными дарами, отпустил с тем его в Цареград, а санжак, и янычар, и татар для защиты своей оставил при себе. Таковою новою протекциею будучи Дорошенко чрезвычайно ободрен, принял намерение отомстить Многогрешному за его к себе обман, и для того отправил козаков и татар довольное число на Заднепровскую сторону Украйны, для защищения и одержания в ведомстве своем прежде отдавшихся ему полков, Лубенского и Гадяцкого, прочие же ему непокоряющиеся места чтоб разоря, принудить их тем привесть под его управление. Переправившиеся тотчас напали на селения, разоряя оные, и чиня многие обиды, и в плен людей татары брали, а паче из местечка Лохвицы захватили многих с собою, доколе войска российские могли, по нечаенному их нападению, собравшись напасть на них и выгнать их из Украйны своей. После сего сия часть Украйны оставалась в спокойном пребывании под владением российским и под повелением и управлением гетмана Многогрешного.

Соперники Дорошенка нападают на него. Дорошенко через помощь Серка с козаками и татарами освобождается от соперников

Как всячески домогались соперники Дорошенковы, за его противные им и всей Малой России дела и поступки, а паче, что собою

всю свою Украйну и с людьми ее отдал в подданство бусурманам туркам, вознамерились еще после установленного с ним перемирия уманского, гетман Ханенко и Суховей, обще с явившимся тут из укрывательства, молодым Юрием Хмельницким, согласясь между собою, не идти в Чигирин по данному слову своему, а напасть нечаянно на Дорошенка и выгнать бы его, или истребить из Украйны как можно. Для сего через посланных, призвав к себе запорожских козаков и татар крымских, склоняя их на свою сторону и присовокупя оных к своей силе, пошли, обще с ними на Дорошенка, который, услышавши о их наступлении и следовании таких к нему гостей, тотчас послал наскоро за белогородскою ордою, которая уже не под ханским, но под силистрийского паши ведением состояла; до прибытия ж оных татар Дорошенко из Чигирина вышел с войском своим и встретя их под Стебловым, жестоко с ними сразился, но по превосходной супротивной силе, принужден уступить и войти в Стеблов; Ханенко тотчас осадил его там. Здесь неотменно бы запорожцы могли его взять живого, если б Иван Серко, по имеющейся вражде на Ханенка и на Суховея, а притом и не знав еще заподлинно, что Дорошенко в подданство туркам отдался, с согласными себе козаками и белогородскою ордою не дал ему помощи и не прогнал оттуда запорожцев и татар, которые все принуждены, как то татары в Крым, а запорожцы с Ханенком и Суховеем в Сечу, бежать.

Хмельницкий бежит из Умани и татары его пленяют

Что услышавши Юрий Хмельницкий принужден так же бежать из Умани, которого потом татары на пути нечаянно поймали и вместо ясыря в свой Белоград привели, где хотя скрывал лицо свое в монашеском уборе, однако ж козаки, служившие при нем, узнали его и о имени его объявили, почему старанием гетмана Дорошенка в Царград отвели и там при Порте в Едикуль [114] посажен. Так малороссийский историк об нем пишет, но ниже об оном обстоятельстве говорено будет.

Дорошенко, завладевши Уманью, вознамерился обобладати Заднепровские полки, для чего доведенных ставит близ себя татар на зимние квартиры. Татары, возволновавшись, пошли во свояси, забрав с собою хозяев своих в плен. Дорошенко на татар приносит жалобу, но втуне. Посылаемый от Дорошенка поверенным к Порте, делает вместо того грабительства в Украйне

По разогнании того войска и крымских татар, Дорошенко с помощью белогородской орды Умань взял и всех в оном знатнейших

людей под стражу забрал, а иных казнил; потом орду свою по Украйне, неподалеку от Днепра, по зимним квартирам расположил, с намерением тем, чтоб идти с ними зимою на Заднепровскую сторону воевать. Почему пред праздником Рождества Христова и приказал было орде сбираться под Мошнами, куда орда и собралась, но, возволновавшись, от Днепра возвратилась, за тем, что для чего сам гетман с ними не пошел; она забравши с квартир своих людей, взяла с собой в полон. Дорошенко, видя такие от орды плутовские поступки, писал об оном к Порте с жалобою на них с тем, чтобы взятых ими людей его возвратили со взысканием и им бы впредь делать того запретили; токмо дело оное при Порте за шутку вменили и потому не возвратили никого: кто взят, тот пропал, разве кто выкуплен и тот освободился. Чего для Дорошенко исходатайствовал у Порты Оттоманской быть в Константинополе от Украйны его поверенному в делах; сего ради и послал туда посланником из старшин своих, прозванием Кияшку, который, не ездя в Царьград, но вместо того собрав к себе вольницу из всякой сволочи, пьяниц и отчаянных людей, с ними в Украйне многие места разорил.

Ханенко слагает с себя гетманство и стал в Сече кошевым атаманом

Ханенко, рассуждая о чине своем, что гетманство его стало быть безместное и безлюдное, не имея себе настоящего определенного уряду, не восхотел для того более гетманом титуловаться, сложил с себя сего ради гетманство свое, а приступил, по совету и приглашению сечевских козаков, быть сечевским кошевым атаманом, чем, по общему войсковому приговору, и поставили его над собою.

Архиерей Тукальский возводится митрополитом в Киев. Тукальским испрошенная от патриарха на гетмана Многогрешного соборная клятва

В сем же году находящийся в Украйне безпрестольный митрополит Иосиф Тукальский, который был пред сим, по оговору гетмана Тетери, от короля польского в прусской Польше, в Мариенбурге, в ссылке, и оттоль, по освобождении, а потом паки по клеветам, от смерти ушедший, как выше об нем сказано, послал с письменным прошением браславского протопопа Михайлу Ракушу к святейшему патриарху Константинопольскому Мефодию, о благословении и подтверждении ему митрополии Киевской, по первейшему его на то возведению. А как оным другой епископ, перемышльский, Антоний Витицкий, именуется, который, вызвавшись, после сам на себя то

звание с помощью украинского гетмана Тетери, незаконно принял, то чтоб был по прежнему один. Но патриарх посланного того протопопа не прежде с оным принял, доколе не явился при Порте и не принес к нему с собою дозволительного султанского указа и письма от визиря, почему уже на присланное прошение, выслушав обстоятельства дела, соборне от него позволено и благословлено, т. е., подтверждена ему, архиепископу Иосифу Тукальскому, митрополия, и чтоб Антонию епископу тем не быть, и никто другой Киевским митрополитом и архиереем не назывался, под клятвенным преданием, с чем протопоп Ракуша возвратился. Притом он привез от патриарха ж соборную клятву на заднепровского гетмана, Демьяна Многогрешного, по обнесению его и по клеветам на него от духовных, в том числе и от самого митрополита, что ему, гетману, и объявлено было. Точию он ту клятву, как историк об нем говорит, не только не уважал, но пренебрегал гордо и тому ругался, смеясь суеверам. Легковерные ж люди, кои уважили ту клятву, верили тому, что, когда случилось Многогрешному, идучи, с крыльца упасть и шею себе свихнуть, от чего несколько времени и говорить не мог, сочли что то по клятве той ему наказывается, да и последнее падение его будто б через клятву ж учинилось. А мне мнится, что и без проклятия, но от дел своих, плуты погибают. Если б всех злых людей проклятием изводить, весьма б много духовным работы было; не лучше ль верить, что за всякое дело воздаяние человеку от Бога насылается? Так на что ж людям людей заклинать и мнить быть тем им в век потерянным? Извините; повествование в такую материю ввело. Теперича ж начинается по прежнему коловратство украинское, как следующее.

Тишина в Украйне

Что едва сие лето в спокойствии оставили, или лучше сказать, что были бурливые украинцы спокойны; они от трудов отдыхали: точию между тем за министерию брались и тем думали по прихотям себя успокоить. Польша уже ведала, так равно как и прочие, что гетман Дорошенко в подданство туркам отдался; запорожцы ж ненавидели Дорошенка; и как был уже при них кошевым Михайло Ханенко, то он трудился через посланных своих к королю польскому, Михайле Вишневецкому, и к прочим украинским начальникам полковым, чтоб учредить о союзе комиссию, в которой были б от обеих сторон реки Днепра из Украин и Сечи Запорожской, так же и от Польши, депутаты и в оной бы поставили на мере, чтоб, обще вооружась, выгнать и истребить во первых Дорошенка, а потом и турок. Для коей комиссии избрали город Острог, для чего, по договорному установлению, объявлено во первых от Польши, а потом от всех козацких полков украинских и от Сечи, чтоб депутаты в Острог присланы бы-

ли; точию паволоцкие козаки от такого депутатства совсем к делу несходное требовали, чтоб дали наперед поляки сенаторов своих им в заложники, а потом хотели прислать они в комиссию и своих депутатов, почему съезд комиссии и не состоялся, и все, кои в Остроге для комиссии той уже были, разъехались обратно, и тем время к смятению по прежнему осталось.

Дорошенко истребовал татар и пустил их в загон по польским местам

Гетман Дорошенко слышал о привлекаемых в союзы козаков с поляками и вооружающих оных против его; а как был он уже всей Короне Польской неприятель, то неотменно положил мешать в том их намерении тем, чтоб делать самому им через разные действа препятства; послал сего ради еще с самого начала зимы 1671 году к силистрийскому паше с тем, чтоб прислал орду по зимнему еще пути в Украйну. Между тем временем, ездя по своей епархии, прибыл в Могилев Днепровский львовский епископ Иосиф Шумлянский, о коем Дорошенко сведав, велел взять и привесть его в Чигирин со всем его клиром, что видя народ, случившейся на ярмаке тут крещенской, такому усильному взятию архиерея соболезновал, а потом дали немедленно о сем знать Киевскому митрополиту, который коль скоро к Дорошенке об отпуске епископа того просительно отписал, тотчас отпустил тот его по прежнему. Шумлянский, освободясь, поспешал наискорее, и только что мог ускорить от орды и плена до своего места, которую только что пришедшую, пустил Дорошенко в след его: она ужасное разорение причинила народу, и возвращаючись, расположилась по волостям, лежащим около Бог реки и Умани, а оттоль безпрестанные партии посылала в волости, подлежащие до Короны Польской, для пленения.

Тайное отвезение в Москву гетмана Многогрешного, яко бы по сумнительству на него

В сие ж самое время, в половину Великого поста, то есть, в марте месяце, по недоверке на гетмана Демьяна Игнатова сына Многогрешного, войсковой генеральный писарь Карп Мокриевич, согласясь с прочею генеральною старшиною, за примеченную яко бы от гетмана против царя измену (чего от него по обстоятельствам весьма не оказывалось, но как чаятельно по ненависти) вдруг и нечаянно ночью, напав тайно в замке батуринском, спящего с постели его взяли и, связав, в сани положили и, накрыв кожею, поспешно в Москву повезли, что учинено весьма с опасностью, дабы никто о увозе его той ночи не сведал и его не отняли, ибо имел для охранения своего

войско, содержащееся на его жалованье и по квартирам расположенное около себя и Батурина, а паче, что все полковники были его любимцы. Точию, как сведали потом уже о взятии и увозе его в Москву, то тотчас те полковники и все то войско от опасности таковой же разбрелось и разбежалось, которых же именитых и с братьями его и женою поймавши, в Москву ж отсылали, которые все там, как равно и Демьян Многогрешный, без выезда остались, с чем и гетманство его окончилось.

О сем падении Многогрешного легковерные сочли точно быть по наложенной на него патриаршей клятве, следовательно, по мнению их, если б клятвы на нем той не было, то, хотя б он и был изменник, но не мог бы погибнуть. О суеверы! Разве бог злодея без клятвы человечей наказать не может? Не верьте! По совершенном же падении Многогрешного, старшины те, не опасаясь проклятого имения, смело разделили маетности и пажить его по себе.

Многогрешного благодеяния для Малой России

Сей гетман Многогрешный Малороссию утишив, привел под державу его царского величества, и за преступления гетмана Брюховецкого и прочих изменников прощение с амнистиею выпросил, тако ж пунктам гетмана Богдана Хмельницкого подтверждение, и дабы не быть в Малой России впредь великороссийским воеводам, постановление исходатайствовал.

По весне ж того 1671 году, коль скоро подножной корм настал, татары, зимовавшие в Заднепровской Украйне, соединились с козаками, под предводительством брата Дорошенкова, и стали вместе за Калмусом в полях, где пробыли до Спасова поста, и делая в оное время Польше немалое разорение.

Польша делает совет о вооружении против турок и призывает в помощь сечевских козаков, с которыми нападает на Украйну

Польша уведомилась уже точно, что Дорошенко отдался в подданство турецкое и что Порта делает ему вспоможение, так же и что вооружается против оной; сего для требовали от короля, чтоб он созвал сейм в начале весны, что королем и учинено было, а паче для того, что уже получено было известие, что турки выступили подлинно в поход. Между же тем гетманы польские послали, для лучшего отвращения сего, от имени своего короля, посланца в Сечу Запорожскую, прося, чтоб Войско Запорожское сделало им при сем случае вспоможение и поспешило б придти, если дружба их в том будет, под Ладыжин, объявляя и о своем приходе, что они уже у Бога

реки. Кошевой Ханенко и Серко тотчас по оному посольству прибыли с несколькими тысячами козаков своих и с пушками; но между тем, доколе они пришли до них, гетманы коронные, напавши на орду под Брацлавлем, разбили их так, что принуждены были бежать в дома свои, да и те, кои были при Дорошенке, за ними ж последовали. Дорошенко, видя сие, необходимо должен был от Бога с войском своим возвратиться, и бродя около городов, к Чигирину пришел.

Украинские города отдаются польской стороне

Гетманы ж коронный, Иван Собейский и напольный, князь Димитрий Вишневецкий, под Брацлав подступили, а Ханенко с Серком под Ладыжин. Все места около Ладыжина им отдалися, где, сделав они между собою совет и согласясь, пошли со всеми войсками своими до Калника, однако ж город оный им не здавался, для чего целые две недели его доставаючи, в осаде держали, но, наконец, отступить принуждены были к Брацлавлю.

Польский король присылает Войску Запорожскому за услуги клейноты гетманские с привилегиею, с тем, кого хотят, они избрали б себе гетмана, почему избирается Ханенко гетманом в другой раз

По сем король польский, Михаил, послал Войску Запорожскому, бывшему тогда на урочище, Гайман именуемом, за их Польше услугу, булаву, бунчуг, знамя и литавры, дозволяя им выбрать себе гетмана, кого они хотят. Тут войско в Раде изобравши, вручило гетманство Михайле Ханенко, при присутствии польских гетманов, и с позволением ему и войску, в силу пунктов гадяцких, землею польскою, как своею собственною, по город Слуцк владеть, чему и гетманы польские в том ему согласны учинились; потом снабдили замки все те, кои одержали, как то: Могилев Днепровский, Брацлавль, Немеров, Ладыжин и Рашков, и поручили все то гетману запорожскому, Ханенке, с тем, дабы во всем ему все повиновались, определив для того к ним и регментаря, именем Вижицкого, прочих же расположили на постой. Во время сие поляки находились с украинцами весьма благосклонно; они от них безденежно, а паче насильно, ничего не брали, кроме сена. Ханенко ж сам находился в Ладыжине, с коим были тут жолнеры и козаки, но оные жители довольствовали пищею запорожцев безо всего и беспрекословно, а жолнеров польских за деньги. Чем оказывали украинцы полякам внутренно свою ненависть и злобу за прежнее их к ним озлобление, коих утушить им еще не возможно было.

Дорошенко, призвав татар, пустошит Украйну. Уманцы приклонились к Ханенке на польскую сторону

При наступлении ж 1672 году, во время большого мясоеда, и по выходе большего ж числа из Украйны войска польского, Дорошенко, паки призвав орду и соединя с ними и своих, подступил под Тростянку и оную сжег, кроме замка, от которого он, по сильному сопротивлению жителей и жолнер польских, наконец, отступить принужден был и возвратился в свой Чигирин, куда следуючи, лишь только немалые опустошения в земле поделал, как то орда в то время Кублич и другие местечки в плен себе взяла. При отходе ж своем Дорошенко оставил было в Умане полк своей пехоты; точию, уманцы, возволновавшись против их, вооружились и побив первого их полковника, Жеребилу, потом старшину и лучших козаков, а черни несколько из города, оставших прогнали и оную крепость Ханенку сдали на имя короля польского.

О состоянии Азова

В 1672 году, казалось, что Россия намерена отнять у турок Азов, который принадлежал ей уже за несколько сот лет, еще прежде, нежели имя турков известно было. Тогда приведен Азов в такое состояние, в каком нашла его Россия в 1695 году. Но как из предприятий российских тогда ничего не воспоследовало, а после взятия турками в Средиземном море острова Кандии и по заключении мира с венецианами, искал уже хитрый верховный визирь, Ахмет Купрюлле, по древней турецкой ненависти на поляков, причины к начатию с ними войны, то оную и получил весьма скоро, особливо когда часть взбунтовавшихся против Польши украинских козаков туркам в защищение отдалась, и польской посол, Франциск Казимир Висоцкий, не только о мире согласиться не мог, но своими угрожениями еще больше повод к войне подал.

Несогласие польское между королем и Сенатом

К вящему наказанию всей Украйны и самой Польши настало в оное ж время новое смятение и дело от поляк: они, возмутившись, восстали против короля своего, Михайла Вишневецкого, а король против всего Сената, примаса и великого гетмана Иоанна Собейского и начала собираться для того на обе стороны конфедерация, коей ради причины принуждены были жолнеры и их начальники, находящиеся в Украйне при Ханенке, следовать в Польшу и тем оставили его в Украйне бессильным.

Польское снабжение войском Ханенка

Но гетман коронный снабдил Ханенка силами: он прислал к нему регименгаря Лужецкого, каштеляна подлядского с войском в Ладыжин; токмо недолго оные там пробыли, потому что гетман Дорошенко уже увидевши, что отовсюду его окружая, притесняют, начал опасаться, чтоб не лишили его гетманства и посылал сего для почасту к Оттоманской Порте, прося себе помощи.

Челобитье от всей Малороссии царю о сумнительных разглашениях о постановленном мире с Польшею. Царское объявление на челобитье Малороссийское

Между сим же временем, по взятии и по отсылке в Москву гетмана Многогрешного, генеральные войсковые старшины, обозный генеральный Петр Забела, судьи генеральные Иван Самойлович и Иван Домонтович, писарь генеральный Карп Мокриевич, и полковники с прочими старшинами, и вся чернь, били челом его царскому величеству, чтоб изволил пожаловать приказать объявить им мирный трактат, в какой силе между послами от его царского величества, князем Юрьем Алексеевичем Долгоруковым, и от польской стороны, Яном Гненским, под Смоленским, в Андрусах, поставленным, понеже поляки произносят якобы по силе того мира Малая Россия отдана будет по прежнему Польше, и поляки из Киева мощи святые развезут по своим городам, а козаки во время войны в добычу взятую в Польше шляхетскую и костелную казну будут возвращать и прочее взыскание делать, и потому поляки, как бы по благоприятству к козакам, предостерегают их, объявляя, что для того на ту комиссию, против давнего обычая, недопущены козаки, дабы о трактовании оного мирного договора были незнающи, советовали сего ради завременно, пока они полякам не отданы будут, чтоб королю добровольно поклониться, какового следствия ради, опасался и гетман Брюховецкий, при других войсковых обидах, России изменить принужден был. На оное челобитье от его царского величества милостивая резолюция воспоследовала, и велено им объявить, что хотя и так было между уполномоченными, князь Юрием Александровичем Долгоруким, да от польской стороны Яном Гненским, договоренность, однако, за нарушение от польского короля многих статей, его царское величество Киева, как ныне, так и впредь, никогда уступить не намерен, и всех малороссийских чинов, со всем их войском, под своею и наследников своих обороною обещевает содержать во веки, а притом его царское величество милостиво соизволил указать выбрать между собою вольными голосами, кого заблагоразсудят, гетманом в

Малую Россию, и при оном выборе указал быть князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому, думному дворянину Ивану Ивановичу Ржевскому и дьяку Афанасию Ташлыкову.

По царскому указу избирается Радою в гетманы Иван Самуйлович

И по тому указу его царского величества, малороссийское козацкое войско в самом начале 1672 году, собравшись в Козацкой Дуброве, состоящей между Путивлем и Конотопом, учинило Раду, на которой, в присутствии помянутых князя Ромодановского, думного дворянина Ржевского и дьяка Ташлыкова, избран вольными голосами гетманом судья генеральный Иван Самуйлович, который там же, со всем войском, на верность его царскому величеству и царевичам, Феодору Алексеевичу и Иоанну Алексеевичу и прочей высочайшей фамилии монаршей, к присяге приведены, и, по учинении сего, поставлено быть козакам при прежних правах и вольностях по государевым грамотам и по Глуховским статьям *.

---

* В оном лете, 1669 году, возвратились патриархи из Москвы, по постановлении там нового патриарха, паки в отечество свое, но Александрийский, Паисий, на пути скончался, а Антиохийский, Макарий, от Порты в Константинополе на несколько был задержан, доколе платою откупился.

По смерти Иосифа Тукальского с 1670 года был действительно Киевским митрополитом Антон Витицкий, но с 1685, для набегов турецких, жительства в Киеве не имел.

ГЛАВА 26

Происхождение гетмана Ивана Самуйловича, поповича, и о делах его. О происходящей против Польши турецкой войне и о их мире, и о провержении потом оного. Также кончина короля польского, и что Россия входит с турками в войну за отбирание ими Украйны во владение свое. О препоручении гетмана Ханенка, по отложении от Польши, себя в подданство российское. О кончине московского царя и о восшествии на престол его наследника, равно о возведении в Польше нового короля

Войска российские вступают в Украйну ведомства Дорошенкова и отбирают там города. О отдавшихся России добровольно украинских полках представляется царю, на что тех городов начальникам прислана милостивая грамота

И так, по тому избранию Самуйлович на гетманстве утвердившись, верно и радетельно поступал и прочих своевольцов на обеих сторонах Днепра смирял, и оных на верность и подданство к его царскому величеству преклонял, как то, когда Россия сведала, что Дорошенко, не желая быть подвластным Короне Польской, отдался туркам в вечное подданство со всеми своими людьми, что наводит своими представлениями на Польшу войну, которым султан, в самое междуусобное замешательство сей Республики, начать и тем всею Украйною, а может быть и более чем, обобладать намеряется, к предупреждению сего, за способнейший случай царь принял в сие время, за многие, оказываемые от союзных турецких татар обиды и разорения Российскому государству, которые все без удовольствия, по приносимым от оной Порте жалобам, оставались, отомщевать, и для того, как на неприятеля и неправильное наступление его на союзные земли, его царским величеством велено было собрать и вооружась силам, следовать на Украйну, оным обладать и отобрать. Почему, после праздника Рождества Христова, по указу его царского величества, боярин и воевода белогородский, князь Григорий Григорьевич Ромодановский и окольничий Петр Дмитриевич Скуратов собрали великое число московского войска и, совокупясь с силами козацкими гетмана Ивана Самуйловича, пошли, переправившись через Днепр, до Крылова, а оттоль к Чигирину, где, немного постояв, опустошили непокоряющиеся местечки около Днепра, и шед по оному в верх к Черкасам, приступя, доставали который через Доро-

шенкова генерального обозного Ивана Гулака, взят января 7 дня, понеже жители черкаские, не будучи в силах им сопротивляться, сдались, где оставили часть войска своего в залоге, сами ж пошли до Канева, и там так же, через каневского полковника Ивана Гурского и генерального есаула Якова Лизогуба, им покорились, о которой добровольной сдаче и покорении сих двух полковых городов и с их полками в российское подданство, князь Ромодановский, окольничий Скуратов и гетман Самуйлович писали к царю Алексею Михайловичу 1672 году, февраля 24 дня, на что от его царского величества всем тех мест начальникам, и всем при оных бывшим козакам и посполитству прислана за государственную печатью, с похвалою милостивая грамота, писанная того ж году, марта 1 дня, а в какой силе, явствует под сим *.

Дорошенко снабжает силами города свои и призывает на помощь татар

Дорошенко, видевши силу российскую наступающую на него, и что отбирает у него города и полки, послал того для на защищение города Корсуна семь полков с полковниками, корсунским Михайлом Рославцем, уманским Ефимом Торговицким, брацлавским Григорием

---

* Божиею милостию, от Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, Малыя, и Белыя России Самодержца, и многих Государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчича, и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя, Нашего Царского Величества подданным Войска Запорожского, той стороны Днепра, Генеральному есаулу Якову Лизогубу, да Каневскому полковнику Ивану Гурскому, да Серденяцкому полковнику Харитону Щуренку, и всей при вас будучей старшине и поспольству милостивое слово.

В нынешнем 172 году, февраля в 24 день, к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, писали, Нашего Царского Величества боярин и воевода, и наместник Белогородский, князь Григорий Григорьевич Ромодановский с товарищи, да Войска Запорожского сей стороны Днепра подданный Гетман Иван Самойлович, что вы, Генеральный есаул, и полковники, и иных разных полков сотники, и козаки, и со всеми города Канева жители, Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, город Канев сдали и учинились в вечном подданстве, и Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, по святой Евангельской непорочной заповеди, веру учинили, и о том Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, по письму их, Нашего Царского Величества, боярина и воеводы, и гетмана, и всем известно. И Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, за то вас, Генерального есаула и полковников, и все при вас будуче посполитство, жалуем милостиво, похваляем, и вам бы, Генеральному есаулу и полковникам, со всем будучим посполитством, и впредь Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, по своему обещанию, на чем вы обещалися пред святым Евангелием, служить верно и всякого добра хотеть, и во всем радеть в правду, и ни на какие прелести не прельщаться, и служа Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и иных полковников и старшин, которые еще не в приобретении под Нашу, Великого Государя,

Белогрудом, подольским Григорием Дорошенком, могилевским Остапом Гоголем, паволоцким Андреем Седым, кальницким Андреем Дорошенком, и с главным над ними командиром Григорием Гамалеем, а сам затворился в городе Чигирине и послал по скорости в Белогородскую Орду, к татарским султанам с прошением, чтоб дали ему хотя несколько татар для устрашения войска московского. Почему, по усильному прошению, султаны отправили к нему несколько татар; но, следуючи оные через Рашков, делали там жителям всякое насилие, по какой причине мещане, возволновавшись, из города татар выгнали, но, напоследок едва их прозьбами укротили, и то с немалыми расходами, что стоило им 6000 талеров. Татары, примирясь с Рашковцами, пошли до Лысянки к полковнику Григорию Дорошенке.

Войска российские простираются по Украйне

Князь же Ромодановский, с Скуратовым, с гетманом Самуйловичем и со всем своим войском, пошли в Канев, отколь послали несколько войска своего до Богуславля, для того, как узнали, что в Корсуне и Лысянке находилось войско Дорошенково с татарами.

Войско Дорошенково при наступлении силы российской поражается. Украинские полки почти все к Российской державе под команду гетмана Самуйловича преклоняются

Полковник Григорий Дорошенко, сведавши о сем, тотчас пошел сам с войском своим козацким и татарами им на супротивление до Богуславля, но то войско московское, напавши на него, прогнало и разбило, так что едва сам Дорошенко мог от них уйти в Лысянку. Жители ж города того не могли стерпеть татарского своевольства, возволновавшись, татар побили и выгнали, а оставшие в небольшом числе с старшинами своими уклонясь, в одном дворе затворились, и в оном до того времени просидели, доколе от войска московского прибежала партия, под командою одного есаула, оных в полон

Нашего Царского Величества, высокую руку приводить, и Нашею Государскою милостию их обнадеживать; а служба ваша у Нас, Великого Государя, у Нашего Царского Величества, забвенна никогда не будет. И указали Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, быть вам в Нашем Государском милостивом жалованье, и в призрении, и права ваши и вольности ни в чем нарушены и никогда перемены не будут; в том бы вы на Нашу, Великого Государя, Нашего Царского Величества, милость были надежными. Писан в Государствия нашего Дворе, в Царствующем великом граде Москве, лета от создания мира 7172, марта 1-го дня.

с старшинами, так равно и полковника Григория Дорошенка нашед скрывавшегося в предместье, побрала, и потом за караулом отослали их в Москву. Другой же брат Дорошенков, Андрей, услыша о нашествии сил оных, бежал из Корсуна со всеми своими сообщниками, почему находящиеся на той стороне гетманства Дорошенкова полки почти все приклонились к стороне царской, под гетманство Самуйловича, кроме Чигирина и Паволочи, через судью генерального Дорошенкова Якова Улеська, да Соловья, полковника корсунского. Самуйлович, потча оных, дал им свои универсалы, распустил полковников и с людьми их по городам своим до востребующейся до них надобности.

Турецкое объявление войны Польше. Султан следует с войсками в Польшу. Хан крымский с ордою следует к султану

Визирь, сведавши о междуусобии Польши и не получивши от нее на свое письмо никакого ответа, повелел тотчас объявить против ее войну, которою он ей угрожал, за истинную и Муфтий благословил оную своею фетфою. Почему обнародованы были указы и выставленны бунчуки пред Сералем. С чем султан Магомет IV, собрав свои силы, немедленно пошел сам на Польшу, прежде нежели поляки к прямому супротивлению могли соединиться, куда повелел и хану крымскому с ордами следовать за собою, который, шедши из Крыма, соединился с Дорошенком, и шли с ним мимо Ладыжина через Батов. Там напали на них Ханенко и региментарь, каштелян подлядский и имели с ними жестокое сражение, но по превосходной силе татарской, принужден Ханенко и Лужецкий с уроном вступить паки в Ладыжин, а хан и Дорошенко с силами своими пошли мимо, не занимая Ладыжина, до Каменца Подольского соединиться с султаном.

С российской стороны делаются набеги на Азов, Крым и прочие места

Против чего приказал царь Алексей Михайлович своему войску и козакам, также и великому числу калмыков, в границах турецких, как то около Азова и в прочих местах набеги делать, которые и разоряли все около лежащие места, для чего капитан-паша принужден был пойти с 39 галерами к Азову и привести опять все в прежнее состояние.

Посылаемая подмога польская в Каменец Подольский не приемлется

Гетман коронный предвидел, что султан осадит в сию войну во первых Каменец Подольский, главный город Подола, для чего послал было в оную восемь полков пехоты для умножения гарнизона, но верховный начальник в оном, будучи партии королевской, а недоброжелатель ему, Собейскому, не впустил оных в город.

Султан с войском осаждает Каменец Подольский

Турецкое войско, состоящее из ста пятидесяти тысяч и предводительствуемое самим Магометом, переправилось при Хотине через Днестр. В последних числах июля приступил султан к Каменцу, в которое время, по повелению его, прибыли и сто тысяч татар с Селим-Гирей ханом своим. И как скоро соединились они с Магометом, то получили от него повеление распространять наезды свои до самой Вислы, а козакам, воспламененным мщением, приказал он опустошать Польшу по другую сторону.

Татары опустошают Польшу

Собейскому невозможно было вступить малым числом своими людьми в сражение, с турками, состоящими из ста пятидесяти тысяч и расположившимися близ Каменца; чего ради препоручил он сию крепость лютой ее судбине. Он должен был стараться паче о том, чтоб задержать оную многочисленную толпу татар, которая могла б пробраться в самую внутренность Польши. Хан опустошал Покутию, а два сына его, султан Нурадин Волынию, и султан Кулга воеводство Русь.

Поляки татар поражают, а король с конфедератами уходит в Люблин

Сих султанов Собейский разбил и гнал повсюду, а король с тысячью конфедерацкого войска своего в одном месте простоял, при Голембе, а после в Люблин ушел.

Через подорвание порохового погреба турки Каменец Подольский получают

Султан же между тем тотчас, окружа город, осадил и нашел его в таком состоянии, что оный состоял совсем в безопасности; он был без дальной силы, потому что пред сим, по просьбе мещан, за долгим бытием, на тот случай, как не надеялись нашествию турецкому быть, почти войско выведено из города было, но и в таком случае турки принуждены были в осаде держать город недель до пяти и едва ли могли б взять, если бы несчастие поляков не постигло, понеже вдруг неведомым случаем у них пороховой погреб подорвало и тем разбросало стен градских немало, по какой причине главные начальники, старосты Потоцкий и Ланцкоронский, принуждены были сдать на договор и город, с тем, однако ж, чтоб свободно выйти всему шляхетству и мещанам было можно. Султан сему согласился; он всех их свободно выпустил и город принять велел, что было августа 29 дня.

При сем случае историк польский говорит, что «некоторый майор пришед от того в отчаяние, что предался такой город, который можно было лучше защищать, вознамерился, после толь великого урона, прекратить и свой живот. У самого мосту стояла огромная башня, служащая вместо порохового амбара; он, положа в нее зазженный фитиль, влез сам на самый верх оной, откуда смотрел на шествующих в крепость турков, бегущих для усмирения победителей, а порох, разорвав башню, поглотил пламенем своим как самого его, так и все то, что в некотором расстоянии от оной находилось, при чем погибло немалое число турков и поляков. Полякам, избежавшим смерти, весьма трудно было исходатайствовать себе прощение за такое преступление, которому они непричастны были; Магомет, однако же, не переменил ни в чем сдачных статей».

Въезд султанский в город Каменец Подольский

Но как сам он возжелал в городе быть, то тотчас приказано было его везде очистить, даже и гробы с телами из склепов и могил вырыть и вывозить за город, а иконами святыми, из костел и церквей выбравши, улицы и грязи вымостить, по которым султан следуючи въехал на лошади и в соборную церковь сего города (так как Магомед II в церковь святой Софии, находящуюся в Константинополе), чему подданный его, богомерзкий гетман Дорошенко, не поболев сердцем, смотря на поругание святым образам, причиненное для его привременного окаянного гетманства, но привел на великое иступление, предавшись турку, народ, и с сего времени церкви и костелы в мечети все превращены были, а из соборного костела главную для султана сделали, при сем и колокола также и кресты все с церквей посброшены и разбиты, а иные Дорошенко к себе побрал.

По взятии Каменца турки и всю Подолию одерживают и Львов отобрать вознамерились

«Магомет, овладев Каменцем, говорит историк, и всею Подолиею, послал во все украинские города, состоящие во власти козаков, гарнизонное войско, а Польша начала тогда (но уже поздно) сожалеть о том, что угнетала сей народ. Неблагополучие ее не кончилось еще сим: турецкий султан, приняв намерение распространить завоевания свои в самую внутренность Польского королевства, повелел в то время, когда стоял сам с главным войском в Буджаке, четырем тысячам человек идти в Львов, под предводительством паши Каплана, градоначальника Аппелоского».

Львов от турок откупился

«Львов худой город защищался лучше, нежели уповали; но как он уже не в состоянии был далее противиться неприятелю, то откупался деньгами от грабежа и огня», а татары пленили уже в подгорных местах.

Войска польские из Украйны на помощь к своим идут, а коменданты тех городов сдают крепости Дорошенке

Находящиеся же в Ладыжине каштелян подлядский и гетман запорожский Ханенко, когда услышали только, что турок пришел под Каменец Подольский, тотчас выступя с войсками своими, пошли на вспоможение до Польши, оставя только в Ладыжине коменданта с небольшим гарнизоном, но как после их заподлинно уведомились коменданты, состоящие в крепостях Брацлавле, Барске, Могилеве Днепровском и Ладыжине, что турки уже Каменец взяли, немедленно сего для на договор сдали козакам гетмана Дорошенка свои крепости, и вышед сами с войсками своими и с пушками, пошли в Польшу.

Коронный гетман защищает Польшу

Турок всякий день ввергал Польшу в сугубое неблагополучие. Собейский, повоевав татар, предпринял обратный путь с победоносным своим войском, оставя Карпатские горы, разделяющие Польшу от Молдавии, Семигородской земли и Венгрии. В то время надлежало ему защищать отечество свое от одних турков; чего ради вознамерился он напасть на них тогда, когда можно будет учинить сие с большою выгодою, и послал нарочитую часть своего войска освидетельствовать Буджакский стан.

От Собейского посланная партия нападает на стан султанских жен

Военачальник, которому препоручил он сие дело, продолжал поход свой столь скрытно, что напал внезапно на жилище султанш. Глава евнухов, который должен оберегать их под опасением смертной казни, не успел и умертвить оных для отвращения посрамления, могущего учиниться от неприятелей султанским любовницам, а християнин спас оных, именно, молдавский господарь Константин Кантемир: он прогнал поляков, которая услуга столь важна была для султана, что неминуемо надлежало его наградить; а посланное войско возвратилось к Собейскому, но не без урона и сообщило при том такие известия, каких от оного ожидали. Собейский удобен был обратить оные в свою пользу.

Король мирится с султаном постыдным образом

Король Михаил, через оных воюющих, приведен был в такое состояние, что начал опасаться благополучного успеха оружия своего военачальника не меньше турков. Вместо того, чтоб предать все прошедшее забвению и примириться с оным для общественной пользы, вместо того, чтоб весть против неприятеля, при себе имевшихся сто тысяч дворян, принял он такое намерение, которое подвергло Польшу совершенной погибели. Он послал в магометов стан, расположенный при Буджаке, просить мира, при чем обызывался принять все подписываемые договоры, выключая один (который мало до султана касался), то есть, чтоб он не низлагал его с престола. Украйну и Подолию, две обширные и процветавшие в то время провинции, получил победитель, от чего претерпела Польша токмо ущерб; но она навлекла себе и великий стыд, обязавшись платить туркам вечно по сту тысяч червонцев ежегодной дани. Оные мирные статьи, сочиненные в Буджаке, король, приклоня колени, у себя подписал и тем данником сделался султану.

Турки завоеванных поляков переводят из Подола за Дунай

Визирь, знающий ценить достоинство людей, хотя и почитал столько Собейского, сколько короля презирал, однако желал в пользу Турецкого государства, чтоб он долго царствовал. Всех поляков живущих в Подоле, поселил он по другую сторону Дуная и горы Гема. Сии несчастные, лишенные родственников и жилищ своих, принуждены были пахать и населять поля своих врагов. Две тысячи спагов пришли из лежащих около Бендер мест и взяли во свое владение все то, чем они обладали.

Войско турецкое оставляется при Хотине в стану. Султан возвращается в Царьград

Сего числа недовольно показалось визирю для утверждения завоевания, того ради оставил восемьдесят тысяч войска в стану при Хотине, под командою сераскира Гусейна Трехбунчужного, с прочими пашами, повелев им стоять там дотоле, доколе поляки не забудут совершенно своей вольности, а сам отправился с победою и с своим государем паки в Константинополь. Что было в осени и в начале 1673 году.

Дорошенко следует в Чигирин

Дорошенко ж пошел к своему Чигирину, и шед, мимоходом, взял Умань, покорившуюся ему. Оставшие ж запорожцы пошли в Польшу к своему гетману Ханенко, а наказного его гетмана Дорошенко взяз, казнил смертию в Чигирине.

Белоцерковский комендант крепости своей туркам не сдал

Белоцерковский же комендант, пришедшим к нему туркам требуемого от него города, по мирному трактату, не сдал и в крепость их не пустил, объявляя, что он, по Буджацким мирным договорам, не должен повиноваться, потому что город Белая Церковь не в Подолии и Украйне, но в Волынии, которая, по сим обстоятельствам, в тех пунктах включенной быть не может, следовательно не только сей крепости сдать, ниже требовать оную, не долженствует, с чем их от себя, а паче пригрозивши, обратно отправил.

Мир, учиненный с турками, Польша опровергает и вооружается на турок

По усильным представлениям и протестованиям Собейского, общим приговором, наконец, в феврале месяце определили заключенный с турками мир объявить за недействительный и для того, не допуская неприятеля до себя далее, идти самим им навстречу. Польша войска собрала до 50 000 при коих были великие гетманы, коронный, Собейский и литовский, Пац. К сему войску прибыл и сам король Михаил, но при смотре оного, вдруг заболел и с тем для излечения отвезен в город Львов.

Польское войско следует к Хотину на турков

Собейский, обще с литовским гетманом и его войском, пошел в сентябре месяце, начала 1674 года, против неприятеля, который стоял при Хотинской крепости. Он перешел Днестр и лесистые горы Буковины, достиг до неприятеля и стал против его стана октября 9 числа, но, за наступающим зимним временем, едва гетмана Паца удержать просьбами мог. Тут во первых подкупом перезвал к себе находящихся при турках козаков, с начальником их Самуйлом Мотовилдою, но на другой день, при самовольном нападении его на турок, он убит от них *. Под вечер еще умножило неожидаемое приключение для польского войска. По правую сторону турков стояло в стану семь или восемь тысяч волохской и молдавской конницы, которых князья волохский Георгий и молдавский Петрацей передались к Собейскому со всем тем войском своим, по той причине, что с обоими государями поступили турки так как с рабами; сераскер столь много преступил пределы власти своей, что бил молдавского своим бердышем.

Собейский своим польским войском нападает на турок и поражает их и Хотин взял на договор

В наступивший день, то есть, 11-го октября Собейский с войском польским напавши на стан турецкий, сделал с ними сражение, которое хотя и во весь день продолжалось, но с таким счастьем, что турок разбил и прогнал, коих на месте 20 000 положил и 10 000 бегущих потонуло в Днестре, а своих потерял только до пяти или шести тысяч; также множество взято им было в полон, но всех велел побить, не щадя и пашей, кроме сераскера, который мог себя богатством спасти. По сей победе взял на договор и Хотин, а гарнизон оный и с начальником отпустил до Каменца. Сию победу могли поляки тем выиграть, что турки были в сей случай без татар.

Собейский следует на супротивление турецкого сикурса, но турки, возвратясь, от него бегут

Спустя три дня после того ласкала надежда Собейского новою победою. Уведомившись он от молдавского князя, что десять тысяч турок, переправясь через Дунай, продолжают поход свой через Мол-

---

* Сей храбрый муж был 19 лет рабом на турецкой галере, от которого рабства избавился он храбростью своею, купно с тремя стами соучастников своего неблагополучия, яко победитель галеры, к которой он прикован был, и, обагренный кровью своих мучителей, приехал он в Венецию, мертвое ж его тело в стану изсекли турки на части.

...вию, дабы умножить стан при Хотине, взял с собою часть своей конницы без всякой тяжести; а как прибыл после четырехдневного поспешного похода к Перерыте, что у берегов Прута, то с прискорбием узнал, что предприятие его тщетно. Турецкий вождь, Каплан-паша, получивши на пути известие о хотинской победе, отступил паки к Дунаю.

В отбытность Собейского литовский гетман с войском своим, оставя при Хотине поляк, пошел в Литву. Кончина короля польского. Намерение Собейского о взятии Каменца

Собейский, возвратясь к войску своему, уповал получить наилучшие прибытки от благополучных успехов в своих предприятиях; но все было противно желаниям его. Пац, который по великой просьбе вступил при Хотине в сражение, не намерен был следовать за Собейским и предпринял, в отсутствие его, с войском своим обратной поход в Литву. Поляки еще не являли негодования, но известие о кончине короля, которое воспоследовало октября 10 дня, переменило мысли их и служило многим предлогом. Они, для избрания короля, советовали возвратиться в Польшу, но Собейский представлял, что избрание совершится весною, а зиму можно употребить с пользою на то, чтоб выгнать турков из Украйны и покуситься отнять паки у них Каменец, при чем показал и письмо, полученное от великого канцлера, который объявив ему кончину короля, советовал продолжать и побеждать неприятеля. Он поколебал тем поляков и вдохнул в них другие мнения.

Намерение Собейского отвлекается указом примаса польского

Точию повеление, полученное им от примаса Черторижского, положило ему пределы; а состояло оное в том, чтоб войско немедленно возвратилось в Польшу. Указ наместника королевского почитается больше, нежели соизволение самого короля; и так должно было исполнить оный. Великий гетман польский, будучи не в состоянии продолжать своих намерений, оставил в Хотине гарнизон, а на месте том, где происходило сражение, сделал могилу грубую и великую на память и сам пошел с войском своим в Польшу.

Собейским оставленное войско, для охранения Молдавии и Валахии, татарами изгоняется

Неправедно поступал бы Собейский, если б предавшуюся ему Молдавию и Волохскую землю поверг мщению турков; он послал восемь тысяч войска под предводительством великого хорунжего Адама Сенявского для защищения как оных земель, так и государей их; но сия защита не учинила им никакого вспоможения, потому, хотя Сенявский и стал зимним постоем с войском своим в Ясах, но коль скоро султан получил известие о разбитии своих сил и о взятии крепости хотинской и что польское войско находится в Молдавии, тотчас послал к хану в Крым и велел немедленно ему послать в Молдавию орду с тем, чтоб выгнать поляк из оной земли, с обещанием за то каждому татарину по два червонных платы. Они по сему в ту ж зиму в Бесарабию * прибежали, под предводительством ханского сына и одного султана, и с ними бывший князь молдавский Думитрашко. Они поспешно пришли к Ясам и выгнали из оного господаря, Петрацея и Сенявского с поляками, так равно и из прочих мест, кои следуя обратно, от холода, а боле с голоду, не мало померли. Петрацей, как будучи изгнан, принужден принять убежище в Польше, где самый неважный староста предпочитал себя безземельному князю. Он сожалел о том, что не снесши одного поношения, подверг себя многим другим, но смерть прекратила оные. Волохский господарь Георгий, будучи долго маним императором, искал себе у папы защиты, который увещевал его, чтоб он принял католическое исповедание, но он остался при своем законе и получил паки владение свое, примирившись с султаном. Для чего ж в вышеписанную войну под Хотином с турками белогородских татар не было, тому была причина нижеследующая.

Для чего в прошедшем 1673 году татары с турками против поляк не были?

В прошедшую 1673 года весну, через громовой удар в пороховую казну, подорвало погреб и разбросало множество акерманской городовой стены, чем его немало повредило, которого починить в скорости, за отлучкою татар, султану было не кем, ибо оные, при возвращении султаном от Каменца, почти все в прошедшую зиму посланы в Крым, для недопущения к разорению оставших там людей и жилищ, запорожских козаков с калмыками, которые под командою своего предводителя Серка в оной полуостров ходили для добычи и разорения обиталища тамошнего. Но татары оные, следуя до Крыма, в пути своем от лютости мороза в степи, около реки Бога, весьма

* Бесарабия или белогородских татар жилище.

многие зазябли, а более того на переправах через реки по худости еще льда перетонули, для чего за потерею от того людей, а паче за их труды и изнурения и для починки города, в поход в прошедшем году под Хотин с турками не посланы были. Серко ж в то время с запорожцами своими и с калмыками в Крыму и оттоль в Белогородской Орде будучи, великое разорение поделал.

Бег побежденных турков от поляк

Из числа ж разбитых под Хотином и бежавших в Каменец, турки от страху и оттоль через Могилев и Рашков до города Тягина уходили, для того, что не было там и Дорошенко, за отбытием его с козаками в Туреччину.

Хищение татарское в Молдавии и прочих местах

От времени выгнания поляк и самого князя Петрацея из Яс и прочих мест, молдавцы великое притеснение и обиды от татар имели, от чего многие, да и бояре, принуждены были, оставя дома свои, бежать, волочиться и нужно проживать по городам около Бога, а татары остались зимовать у них. На место ж Петрацея они постановили господарем Думитрашку, того, который у них в плену был и с ними пришел; они брали и делали по Молдавии что хотели, даже до самых занимаемых мест поляками.

Хотин турками отбирается

Что касается до сего похода, в рассуждении завоеваний, то не получила Польша от него почти ничего полезного, хотя и взят Хотин, однако не надолго; турки паки отняли его зимой.

От стороны польской гетман запорожский, Ханенко, отдается под российское державство, почему призывается и гетман Дорошенко, чтоб и он к российской стороне передался

В то же самое время, уже по смерти короля польского Михаила Вишневецкого, гетман Ханенко не мог более твердой надежды на поляков иметь, предался сего для и перешел также к стороне российской и находился с Войском своим Запорожским и с теми козаками, кои к нему из разных мест пристали, при князе Ромодановском, для чего и гетмана Дорошенка так же призывали, чтоб и он к российской

стороне неотменно преклонялся; но как он того чина лишиться не хотел, а усильное привлекание к тому было, просил сего ради бояр, чтоб для препоручения под оную державу себя и своего войска (будто для торжественного сложения гетманского чина) собрана была в Переясловле Рада, на которую и он для того прибудет, в самой же вещи тем продолжал только время и высматривал, в силах ли будут турки удержать его гетманство своим вспоможением; в противном же случае хотел решиться подвергнуть себя Российскому державству.

Начальники российских войск собирают Раду, в которой Ханенко слагает с себя гетманство, к коей для того ж призывают и Дорошенка, но он прибытие свое отлагает до весны. С сего времени стал быть гетманом обеих сторон реки Днепра Самуйлович

Князь Ромодановский с Скуратовым и гетман Самуйлович согласились на его предложение, препоруча князю Андрею Цею войска великороссийского, а Самуйлович Ивану Лисенку малороссийского по части дали в команду, и пошли сами к городу Переясловлю, где собрали Раду, на которой тотчас Ханенко безпрекословно сложил торжественно с себя гетманство, препоручив гетману Самуйловичу булаву, бунчуг и знамя, а себя и войско свое в вечное подданство его царскому величеству российскому, а за Дорошенком, хотя его звать за тем же еще посылали, но через присланного, Ивана Мазепу, просил он, чтоб за зимним временем оное отложить до лета. Токмо, за собранием уже той Рады, хотя Дорошенка при том не было, к тому ж приехали помянутые, генеральный судья Улесько и полковник Соловей с товарищи, и по совету с малороссийскою старшиною при князе Ромодановском и при целом оном собрании, подтвердили Самуйловича на обе стороны Днепра, даже до Днестра реки, единым гетманом, и с тем та Рада, за жестоким тогда холодом, вся распущена, а Ханенке жить в Киеве определено.

Посылка Дорошенкова к туркам

Дорошенко ж между тем через полковника Гоголя, который не хотел полковничества своего лишиться и держался его стороны, отправлял посольство к туркам и искал всячески получить от них вспоможение.

Татары с козаками Дорошенковыми нападают на города украинские, но поражаются россиянами

По наступлении ж весны, по празднике Светлой Недели, как то в апреле месяце, вдруг орда татарская с тремя своими султанами в полях украинских оказалась, и с ними сам гетман Дорошенко с войском своим, сердюками, компанейцами и черкасами начали всякие обиды и озорничества делать и ближние к себе города, Лысянку, Уховцы и другие места силою отбирать, и залоги, поставленные от гетмана Самуйловича, равно людей городовых и сельских с женами и детьми татарам брать дозволено было. Только коль скоро об оном слух пронесся, гетман Самуйлович тотчас послал, как то в мае месяце с 20 000 войска козацкого, под командою Думитрашки, полковника переясловского и двумя полками великороссийскими, имевшими 15 пушек с собою, под город Смелую, где когда вновь прибывши, султан орды крымской с 20 000, и с Андреем, полковником Дорошенком, с множеством войска козацкого, под Орловцем, нечаянно на полки, Гадяцкий, Уманский и Торговицкий, напали, то Думитрашко, послыша стрельбу, сам туда пошел и с войском татар и Дорошенка над Ташлыком так поразил, что трупами на 20 верст поле устлалось и многих в полон взял.

Войска российские осаждают Дорошенка в Чигирине

В след за Думитрашкою пошел и князь Ромодановский с Скуратовым и с гетманом Самуйловичем, с многими войсками великороссийскими и малороссийскими, переправившись через Днепр под городом Черкасами, и от стороны оного приступя к Чигирину, осадили оный и в нем атаковали гетмана Дорошенка, коего доставали несколько недель, не ведая того, что другая сторона города, позади реки Тясмины, оставалась свободна, коею Дорошенко посланцев своих до турок и татар посылать и получать известия и сикурсы свободно мог.

Король польский отбирает украинские города под свое владение

А как и польское войско, под предводительством самого новоизбранного короля Иоанна Собейского [115], на Украйну ж, против Дорошенка вооружалось, и в немедленности быть ожидали, то султан, коль скоро о сем уведомлен, найстрожайше повелел хану крымскому чтоб он все силы свои употребил и защитил Украйну. Хан пришел со ста тысячами татар в Украйну и нашел там все города весьма наполнены военными людьми, которые при том были от российской стороны обнадежены тем, что подможное войско к ним

немедленно будет, и чтоб они смело и храбро до прибытия их обороняліс̀ь и не сдавались. Точию король пришед с 36 000 поляков в сентябре месяце, взял города: Бар, Немиров, Брацлавль и Калник, а Поволочь имевшую оберегательное войско, из одних козаков состоящее, осадил и при вылазке поляками взято несколько козаков, которых король, с обещанием им всем всякой пощады, отпустя в город, всех в свою службу склонил и наградил жалованьем.

По призыву Дорошенкову и хан в Украйну пришедши и повелевая своим войском, довольствовался только тем, что следовал за поляками и урывками лишь на них нападал.

Король же, приступя к городу Умани, в виду татар осадил и взял оный, потом разделил свое войско, не взирая, что уже и снег выпал, и послал гетмана своего, Яблоновского, который завоевал все, что ни попадалось ему, так равно и Корецкий прошел до самого Каскова местечка, при рубежах татарских лежащего, оным овладел, а литовский гетман Пац преследовал татар и побеждал разные их толпы, но, наконец, за зимним уже холодом, Пац возвратился в Литву. Итак, если б литовцы не отошли, то король покорил бы всю Украйну совершенно.

Король остается зимовать в Украйне

Король, будучи уже не в состоянии с оставшимся при нем войском идти против неприятеля, расположил оное по взятым городам и сам в Украйне зимовать остался при реке Боге, в нарочито укрепленном городе Брацлавле, который в 1673 году был турками взят и разорен.

Татарское нападение поляками отражается

Хан, видя что польское войско уменьшилось и разделилось, послал сына своего Кулгу-султана, с несколькими тысячами татар с тем, чтоб он напал на поляков со стороны Умани и Рашкова, а сам он вознамерился сделать свое нападение на Брацлавль и Калник. Он осадил сие последнее место, употребив к приступу козаков за тем, что татары воюют только на конях, но король не допустил до оного; он вышел сам с войском против их и тем пресек осаду; равно и Кулга-султан, нигде своего намерения от жестоких сопротивлений польских исполнить не мог.

Хан всячески напрягался окончить и победить неприятеля своего скорее; сего для соединил все силы свои и приступя к Брацлавлю осадил, ведая, что король с небольшим числом войска находится в оном; но король, изождав удобное время, нечаянно сделал вылазку, напал на татар конницею и так жестоко, что до двух тысячей их на

месте положил и 300 в плен взял. Хан, видя везде свою неудачу, и что не может он препорученную ему страну соблюсть, предпринял поход в свою землю и оставил поляков в покое; но за сим последовала великая тревога.

Посылаемое войско турецкое на Польшу

Магомет IV, султан, вознамерился найсильнее мстить полякам за нарушение Буджакского мира и за поражение войск при Хотине. Он, препоруча войско свое новому визирю Кара Мустафе, отправил его с оным на Польшу.

Король, выходя из Украйны, становится по рубежу Краснороссии для охранения Польши от нападения турецкого

Король Иоанн, уведомившись о сем, что турки числом во сто крат его более идут и что войско его от начатой им войны начинает роптать, отбыл сего ради немедленно в исходе апреля месяца в Польшу, оставя только сберегательное войско по городам в Украйне, а сам со всеми пошел к Львову. Он собрал в добавок войска, призвав и литовское рушенье с гетманом Пацом, и при оном городе укрепился, а Яблонского отделил с шестью тысячами к Цлочкову, чтобы он под самыми крепостными пушками окопами окопался.

За злоумышление козацкое на польские сберегательные в украинских городах войска истребляются ими те города

По отбытии короля, брацлавцы, согласясь с Дорошенком, хотели побить оставленных для сбережения города поляк, но исполнить им того не удалось, а принуждены вместо того бежать сами. Начальник польский, видя такой от жителей умысел, зажегши город, перешел сам в Немиров; он послал оттоль за ними погоню и пристигши брацлавцев в Ладыжине многих побили, и все, что было там, в добычь взяли, которой участи и Бершада, за такой же умысел, не миновала.

Турки в Украйне усильно города отбирают и с людьми оными варварски поступают

Король, будучи в ожидании на себя турок, услышал, что визирь вместо того вошел в начале июля в Украйну и брал порубежные города, во первых Косницу и Цену, в коих всех людей вырубил; потом приступил к Куничию, в котором множество собравшихся из прочих мест всякого звания народа и с имуществом были. Жестокий приступ сделал он, и хотя весьма немало при том людей своих потерял, но, по безмерной силе своей, город одержал, а осажденных в нем всех порубил; отколь пошел к Ладыжину, который усилен был из Заднепра от гетмана Самуйловича пятью тысячами войском козацким, под командою полковника Мурашки, и оный осадил. Князь Ромодановский, слышавши сие, немедленно послал с войском в помочь Мурашке полковника переясловского Думитрашку, который в пути услышал, что турки с великою силою уже побрали многие города, Бар, Подгайное, Межибожье и Ладыжин, возвратился сего ради назад к Каневу, но Мурашко в Ладыжине против визиря делал ужасно вылазки, ибо одиннадцатью битвами своими жестоко его поражал и премножество турок побил; токмо, наконец, через уговор и присягу Дорошенка и Гоголя, обыватели ладыжинские обманно от Мурашки отведены были от него и отступили. Видя сие визирь, что они без Мурашки покорились, несмотря на присягу Дорошенкову и примирение, велел всех вырубить и город с женами и с детьми выжечь; Мурашко же в замке чрез две недели от турок оборонялся, но напоследок, от трудов и безводья, изнемог; однако не дал себя с командою живого в руки туркам; но козаки его одни после других в храбром супротивлении жизнь свою скончали.

Визирь, сделавши оное, послал войско свое так же для взятия Умани, сам же остался в Ладыжине. Уманцы, увидевши великую силу турецкую, к ним следующую, а притом, по обнадежению через посланных от Дорошенка им всякой милости получить, если они без супротивления город сдадут, немедленно выслали полковника с старшинами и с лучшими козаками к турецкому начальнику с тем, чтоб принял их и весь город в свое покровительство. Но турки, вместо награждения, их побрали в плен; сидящие ж в городе уманцы, видя неправду турецкую, хотя остались уже без начальников, жестоко огорчились: они, затворившись в городе, отбивали храбро и многими вылазками своими премножество турок побили; напротив чего турки, огорчась, принуждены были, по неприступности к городу, начать делать от Грекова леса шанцы, и с тем подошед под самый замок, высыпали равной высоты с городским валом батареи против раскатов крепостных и поставили пушки против пушек, но и с тем город едва через две недели взять могли, и то так, что во время штурмования немалую часть стены левой стороны с приезда замка до самого подошвы подкопом подорвали, которое место хотя жители

всячески трудясь старались землею и навозом засыпать и лесом заставлять, но против орудиев и великих сил турецких превозмочь не могли. Однако ж и тут так туркам супротивлялись, что не только с дворов через заборы, но и выходя на улицах ручным боем бились; точию по превосходной силе своей, неприятель побил тут всех супротивляющихся, а укрывающихся от лютости чрез натасканную и зажженную солому в погребах задушил, кои же собрались было при Раковской башне, тех, так же не щадя никакого и ссущего младенца, всех порубили, и ездя по телам, уже самых полумертвых убивали. Тамо было с ужасом Дорошенку и войску его смотреть на кровь христианскую, по стогнам города текущую; турки отбитым там христианам головы отрезывая, за всякую от паши по червонцу брали и из тех же побитых людей кожи снимая и делая чучелы, в Ладыжин к визирю отвозили. Напоследок и весь город со всем его строением, с людьми и с телами, сожгли и тем до основания оной украинский знатный и нужный пограничный город, со всеми его людьми, коих до 20 000 было, истреблен и разорен; оставшие ж пушки медные с собою взяли, а чугунные изорвав, разметали, и с тем назад отступили.

Которые ж города добровольно туркам покорилися, то с тех визирь брал в дань сынами и дочерьми и всех побусурманил.

Войска российские от Чигирина отступя, поспешно за Днепр возвратились

По сем визирь послал хана с ордою к Чигирину для защищения и обороны от осады города, что услышавши князь Ромодановский тотчас отступил с гетманом и со всем войском от Чигирина и, сжегши лагерь свой, пошел к городу Черкасам, за коими, в след погонею, пришли хан с ордою и Дорошенко с своими козаками, но никакого вреда им причинить не могли, как только принудили войско, которое пред сим по нескольку дней или и неделей переправлялось, перейти в одни сутки через Днепр, при чем и жители черкаские все с ними ж перебралися, поелику город Черкасы князь сжечь велел. Прочие ж города Дорошенке сдалися, которые он и жителей в награду ограбить татарам для заплаты отдал, что услышавши лысянские жители, будучи уже свободны от турок, выбравшись со всем из домов своих, зажгли весь город и пошли все также за Днепр, под покров и защиту российскую.

Безчеловечное варварство визирское над волохами

Визирь же турецкий, исполнив свое варварство, пошел в Подолию, оставя орды и турок несколько при Дорошенке по нужным городам. Там давно живущих волохов, кои попались ему в руки, без

всякого от них супротивления, на колья посажал. Такую ж казнь, по взятии города, и в Микулине делал; потом взял на договор крепость Подарецу, оную срыл, а церкви и кладбища посрамил и имение разграбил. За сим, через измену, получил Збараж, но предателей всех казнил.

Посылка татар от визиря для опустошения Польши

Визирь, исполнив свое желание и расположив свой стан при Збараже, отправил 50 000 человек конницы турок и татар под предводительством Нурадина, султана татарского, с тем, чтоб учинили нападение на короля, лишили бы его постоев и все опустошили б на пути своем.

Грабительство Дорошенково у своих и разбои козацкие

Дорошенко ж, чего турки в Украйне его не добрали, то он все, что было еще бедными жителями от них ухоронено, через разосланных своих к себе пограбил и оным войску своему жалованье производил, прочие ж около Паволоча разбой и грабежи по дорогам делали. Такое безпутство видя, оставшие украинские жители, поднявшись из селениев своих, почти все в Заднепровскую часть пошли и также под Российскую державу отдались, через то Дорошенко весьма много изрядных воинов лишился.

Посланные татары от поляк поражаются

Нурадин-султан, следуя к Львову, все, что было ему на пути мечем и огнем пленил и наткнулся на стан Яблонского, где делал покушения на его окопы. Но сей скоро доказал ему, что нападать на него трудно. Нурадин сберег свое войско; он тотчас пошел на короля и пристиг его пред полуднем, что было уже в августе месяце, токмо король встретил его пушками и тем удержал в отдалении. Потом, по сделавшемся между ими жестоком сражении, король опрокинул конницу неприятельскую и положил их на месте с утопшими там в болоте тысяч до пятнадцати. О чем татарин сей, как стал быть в опасности, дал тотчас знать визирю.

Турки осаждают польскую крепость

Визирь, хотя и слышал о поражении войск своих, но не пошел на короля, а последовал на крепость Трембовлу, состоящую при входе из Подолии в Польшу или лучше сказать в Краснороссию, при речке Янове. Он приступил к оной, делал жестокие приступы на крепость, поспешая тем, чтоб до прибытия короля, который уже следовал на него, одержать оную без помешательства.

Турки с поражением отгоняются от крепости и от границ польских

Войско польское пришло между тем на помощь крепости. Визирь как уведомился, что при войске сам король предводительствует, принужден оставить осаду свою и начал обратно перебираться через реку Яново. Король, видя его отступление, сделал тотчас ударение на турок, и так удачливо, что тысяч до семи поразил их на месте. Мустафа, видя свою неудачу, не отважился более с королем сразиться но, для безопаснейшей защиты, дошед до Каменца, стал под городскими пушками станом, где, простояв несколько времени, пошел обратно к Дунаю и сделал только великое грабительство и разорение городам и крепостям, а особливо пленение великого числа жителей.

Козаки удаляются от разорения, а король польский истребляет города и селения турецкие

Что видя Дорошенково наемное пехотное войско, такое чинимое разорение Украйне со всех сторон, отдалось польскому королю Яну Собейскому; а дабы и сам Дорошенко с королем не примирился, то крымской орды множественное число к оному Дорошенку пришло. Понеже король из городов украинских, Бара, Рашкова и из Могилева все турецкое войско прогнал, и ведомства турецкого местечка, села и деревни и суда огнем истребил, которые снабжали города и прочие места съестными припасами, и лишил тем Каменец Подольский того вспоможения, какое он мог иметь от людей и скота, и еще желал было тогда под свою область прибавить от малороссийских городов, но сие совершивши, поспешил в Краков для коронования своего и расположа только войско свое на зимние постои, в Польшу отбыл.

Корсунский полковник Кандыба отдался с полком своим в российское державство. Дорошенковы происки и пронырства

Между сим временем, боярин князь Ромодановский с войском его царского величества приступя паки к Днепру, обще с гетманом Самуйловичем, послали часть войска в город Корсунь, который им и сдался, и козаков и жителей с их полковником Кандыбою и старшинами перевели в свою Заднепровскую сторону, что слыша поляки пришли так же в Корсунь и оный сожгли; о том отправлена была партия к Чигирину, но ничего тут успеть не могла. После чего, по наставлению от российской стороны, пришел из Запорожья кошевой атаман Иван Серко к Дорошенку и приглашал его, чтоб он отдался в подданство его царского величества, как ему и самому уже видно было, что он от всех сторон притесняем был и что вспоможение турецкое более для своих прибытков, а не для его состояло и дабы он в польские руки впасть не мог, с согласия своих старшин послал посланника своего в Москву, к его царскому величеству и просил тем о принятии его и с подчиненными ему в подданство его величества, а после и санжаки турецкие с тестем своим туда же отправил. Но и на сем Дорошенко не основался; он колебался мыслями своими, и по сему наружно представлял себя быть слугою государя, внутренно же искал способы, как бы быть ему и с Украйною вольным через помощь турецкую и татарскую. Он не оставил послать еще просить по прежнему себе помощи, поелику жалел лишиться своего гетманства; а когда стали отходить и бегать, видя его слабость и непостоянство в предприятиях своих, в заднепровскую сторону компанейцы и пехотные козаки, тогда вступил уже он в дружбу с запорожцами и посылал им вино, табак и деньги, надеясь от них получить себе желаемое, а на прочих уже более надежды иметь не мог. Поляки шли все против его, от татар не было приязни, а турки боялись за отсылку санжаков. Одна только на запорожцев надежда его оставалась; от них чаял он получить себе на обе стороны реки Днепра подтверждение своего гетманства, для чего искал их неотменной дружбы, забыв то, что он никогда с запорожцами в мире жить не хотел, а умышлял прежде всегда, как бы Запорожье туркам на разорение отдать; напротив же того и они сами его ненавидели за то, что отдал себя и Украйну свою в подданство туркам. И так Дорошенко оставался только с своим местом и малым числом оставших при нем городов, яко: первый Чигирин, потом Крылов, Черкасы, Медведовка, Жаботин и Мошны, и по малости такого числа подчиненных для него, яко для гетмана, городов; не хотел еще приклониться к российской державе, поелику жалел чина своего потерять, посылал сего для еще, для утверждения своего на гетманстве, за ордою, но татары ему в том отказали; так равно просил и от султана, точию и тот, слышавши об отсылке в Москву санжаков, ему не дал, но еще, сердясь, угрожал за

то ему. И так, наконец, оставался Дорошенко с одною своею, оставшейся при нем, безпутною пехотою, состоящей только из полутора тысяч, которую снабжал по нужде денежным жалованьем и провиантом, собираемым с тех городов, кои еще ему присудны были; за тем уже сыскивал дружбу лестным своим приятством у своих соседей, как то в Побожанах, в Запорожцах, в Полтавцах и в иных украинских городах, и то у таковых же людей, каков сам совестью был, уговаривая их к низложению восстать на заднепровского гетмана Самуйловича. И хотя то некоторое действие было возымело, дабы для выбора другого созвать Раду, токмо запорожцы на то не согласились, и тем возмутителям воспрепятствовали, но потом от оного утаившаяся искра, в злых сердцах было воспламенилась, как о сем ниже объявится.

О понуждении царским повелением к низложению Дорошенка с гетманства

Царь ожидал совершения того подданства Дорошенкова, но за протяжением от него под разными предлогами времени, а потом известно стало, что он действительно передумав, делает к отбытию сему разные происки и пронырства в малороссийском народе, предприемлемо было сего ради понудить его к тому силою, для чего и велено отправить в Украйну войско из московских и смоленских сил и тем низложить его с гетманства.

Скончание царя Алексея Михайловича и о восшествии на престол его сына, Феодора Алексеевича

Но за продолжением времени по невозможности скорого собрания войска, и за пристижением уже глубокой осени, предоставлено тем походом до будущей весны, а затем за променившейся российской главы, ожидаемо было другого повеления, ибо в первый день января 1676 года великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович по власти Всевышнего лишась сего света, в 4 часа скончался и по нем вступил на престол старший сын его, царевич Феодор Алексеевич, о чем как всему Московскому государству, так и всей Малой России о кончине его царского величества и о вступлении на отеческий всероссийский престол старшего сына, его царского величества, государя царевича и великого князя всероссийского Феодора Алексеевича, царскими грамотами обнародовано, с тем, дабы о том всем ведомо было, и по долгу все подданные в верности и в подданничестве своем, его величеству, государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу всероссийскому присягу учинили, о чем особо и к стародубовскому полковнику Петру Рославцу таковая ж

грамота с объявлением об оном же, и по исполнении им к полку его присяги его величеству, прислана в нижеследующем содержании.

Присланная грамота к стародубовскому полковнику о кончине царя Алексея Михайловича и о возшествии на престол царя Феодора Алексеевича

Божиею милостью, от Великого Государя Царя и Великого Князя, Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, и многих Государств и земель, Восточных, и Западных, и Северных, Отчича, и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя, Нашего Царского Величества подданному, Войска Запорожского Стародубовскому полковнику, Петру Рославцу, и всей Стародубовского полку старшине и посполитству, Наше Царского Величества милостивое слово.

В нынешнем в 184 году, января 1, по воле Всемогущего Бога, отец Наш, Великий Государь Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, оставя земное Царствие, отъиде в вечное блаженство небесного Царствия, а Нас, Великого Государя, Наше Царское Величество, благоволил и вручил Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, Великих Российских Царств и Государств престол свой, и державу, и скипетр. И ныне изволением того ж Всемогущего Бога, и по благословению отца Нашего, блаженныя памяти Великого Государя, Его Царского Величества, учинились Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, на престоле Российского Царствия Великим Государем Царем и Великим Князем, и всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцем, и Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и матери Нашей, Великой Государыне Царице и Великой Княгине, Наталии Кириловне, и Нашим Царского Величества братьям, Благоверному Царевичу и Великому Князю Иоанну Алексеевичу, всея Великия, и Малыя и Белыя России, и Благоверному Царевичу и Великому Князю, Петру Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцу, и Благоверным Царевнам, а Нашим Царского Величества теткам и сестрам, Наши Царского Величества подданные, Касимовский и Сибирский Царевичи, и бояре, и окольничие, и думные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и жильцы, и всяких чинов люди, во святой Соборной и Апостольской Церкви, веру и обещание пред святым христовым Евангелием учинили на том, что им Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и матери Нашей, Великой Государыне Царице и Великой Княгине Наталии Кириловне, и братьям Нашим, Благоверному Царевичу и Великому Князю, Иоанну Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России, и Благоверному Царевичу и Великому Князю Петру Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России, и Благоверным Царевнам, а Нашим Царского Величества теткам и сестрам служить и прямити, и всякого добра хотеть; тако ж как они, по обе-

щанию своему и отцу нашему, блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя Россци Самодержцу, служили и всякого добра хотели. И тебе, Нашего Царского Величества стародубовскому полковнику, Петру Рославцу, и полку твоего во все города, и местечки к старшине, и к сотникам, и к атаманам, и ко всяким градским и сельским урядникам, от тебя писать, чтоб они съехали к тебе в Стародуб. А как они к тебе в Стародуб все съедутся, к тебе Нашего Царского Величества полковнику, и полку твоего всей старшине, и сотникам, и атаманам, и всяким градским и уездным урядникам, учинить Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, на верное и на вечное подданство, перед святым Евангелием обещание, при Нашем Царского Величества стольнике, Алексее Ивановиче Ржевском, на том, что быть тебе, Нашего Царского Величества, стародубовскому полковнику, Петру Рославцу, и полку твоего всей старшине, и сотникам, и атаманам, и всяким градским и уездным урядникам, со всем поспольством, под Нашею Царского Величества Самодержавною высокою рукою в вечном подданстве, и Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, а матери Нашей, Благоверной Государыне Царице и Великой Княгине, Наталии Кириловне, и братьям Нашим, Благоверному Царевичу и Великому Князю, Иоанну Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России, и Благоверному Царевичу и Великому Князю Петру Алексеевичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России, и Благоверным Царевнам, а Нашим Царским теткам и сестрам служить верно столько ж, как ты, полковник, полку своего, с Войском Запорожским, по своему обещанию, служили верно отцу Нашему, блаженныя памяти Великому Государю Царю и Великому Князю, Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя и Белыя России Самодержцу, а Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, тебя, полковника, со всею полку твоего старшиною и с поспольством, учнем держать в Нашем Царского Величества милостивом призрении и от всех наступающих неприятелей в обороне, тако ж, как вы были в милостивом жалованьи, и в призрении, и в обороне блаженныя памяти при отце Нашем, Великом Государе Царе, и Великом Князе, Алексее Михайловиче, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержце, и права ваши и вольности по прежнему ни в чем не нарушены будут, в том бы тебе полковнику и полку твоего всему поспольству, на Нашу Царского Величества премногую милость быть надежну. А как Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, ты, полковник и полку твоего старшина, и все поспольство, в подданстве под Нашу Царского Величества самодержавную великую руку пред святым Евангелием обещание учините, и вам бы о том к Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, писать и обещательное письмо подписать руками своими, прислав с выше помянутым, Нашего Царского Величества стольником, Алексеем Ивановичем Ржевским.

Писано Царствия Нашего в дворе Царствующем Великом Граде, Москве, лета от сотворения мира 7184, месяца февраля 1 дня.

По вступлении его царского величества на всероссийский престол, не только управлять всеми государственными делами, но и все неоконченные родителем его военные и прочие дела, докончать и довершать непременно должен был он, как то и по сему повествованию значится.

Турки, вооружась на Польшу, приступают к польским границам, где их король с войском своим встречает, там и мир между собою заключают

В сие самое время султан турецкий, Магомет IV, по гордости своей вознамерился еще отменно отомстить полякам за поражение войска своего. Он послал 180 000 человек турок, 80 000 татар, под предводительством сераскер-паши Ибраим-Шайтана, чтоб неотменно завоевать всю Польшу и привести их всех в подданство турецкое. Король, слыша о вооружении и следовании оном, не ожидая такого неприятеля в своей земле, тотчас, выступя с 38 000 своего войска из Львова, последовал, переправившись через Днестр, в Покутию, где занял при местечке Царавке место и, остановившись, укрепил стан свой. Турки, узнав о сем, следуючи уже в исходе августа месяца от Хотина через Буковину, приступили к сему месту, и так же устроившись, делали стычки. Но по долгом времени, как то через 38 дней, и почти вседневным сражением, а паче по наступившей осенней стуже, притом, что Россия угрожала туркам своим оружием, принуждено было с обеих сторон помышлять о мире, для чего, по предложении друг другу, мирные статьи, 27 октября 1677 года, заключа, примирились, с тем, что по причине возженного к войне огня, от Украйны Порта уступает две трети полякам, а третью долю козакам, кои имеют остаться под Турецкою державою, также часть Подолии полякам, удержав за собою Ярославец и Каменец, за тем, чтоб поселившимся в Литве татарам не возбранять, если они пожелают паки возвратиться под защиту Порты Оттоманской, и возвратить на обе стороны пленных, и далее послать к обоим дворам с обязательством сего мира послов и о прочем, с чем и возвратился каждый в свое государство.

Король производит над своими козаками гетмана Евстафия Гоголя

За неимением же с польской стороны над козаками гетмана, а за храбрые в сей войне поступки, король пожаловал козацким гетманом бывшего в Подолии полковника Евстафия Гоголя и для

пребывания его дал ему на резидование все Полесье, занимая к тому несколько городов и сел литовских, где жительство свое возымел в городе Димере, а войско козацкое расположил вокруг оного, содержание ж козакам определено королевское жалованье и одежда, а провиант с земли той.

Дорошенково послание к царю о принятии его в подданство. Царский ответ на прошение Дорошенково. Турецкое и российское движение к войне

Как по замирении у турок и поляк Дорошенко с козаками своими оставаться должен был в подданстве турецком, то приходил через то только в худшее состояние. Дорошенко, который сие уже предвидел, посоветовав с своею старшиною, отправил поверенного к новому царю, Феодору Алексеевичу, о принятии их в российское подданство; на сие ответствовал им царь, января 15 дня, 1677 года, что хотя он и сомневался козаков, для великого их непостоянства, в свое защищение принять, однако ж, в рассуждении равного с ними закона, позволяет им войти в российские границы. Гетман объявил о том в своем Универсале всем козакам своим и увещевал их, чтоб к походу были в готовности. Оный поход предприемлем был так тихо, что Порта о том весьма поздно узнала, и то через Константинопольского патриарха Парфения, которому сие от греческого попа, жившего в Украйне, донесено было. Турки уже тогда начали делать движение, так равно и царь с своей стороны к войне вооружался, как ниже явствует.

Войско российское, приступя, осаждает Чигирин, а Дорошенко отдает себя, войско свое и город в державство российское

Но чтоб Дорошенко, также иногда переменя свои мысли, не сделал проволочки в обещании своем, царь Феодор Алексеевич, по прежнему наряду войск, указал того ж года князю Ромодановскому следовать до Чигирина и тем понудить Дорошенка к обещанному его под российское державство подданству, если добровольно к тому не приступит. Ромодановский же собрал к тому еще полки белогородские и пошед соединился с прежденаряженным и с козаками, состоящими под началом гетмана Самуйловича, которого войска состояло всего 60 000 человек, с коими последовали к Днепру и стали против Вороновки, а вперед себя послали 20 000 войска под Чигирин, которые оной осадили вокруг так, что никому в город войти и выйти из оного не можно было, что видя Дорошенко послал к приступающим от себя с договором тем, чтоб принять его и со всем

войском в подданство его царского величества. Князь Ромодановский и гетман Самуйлович, получа сие, подписали ему договоры и, обязавши в том его подпискою, при данном, в безопасности его, верном своем слове, призвали к себе, где он вынес свои гетманские знаки, бунчуг, булаву, знамена, также пушки и прочее, и тем пришел под державство российское, учиня в верности подданства своего, его царскому величеству, присягу, почему вся пехота и войско его как из замка, так и из города вышла, а на место оных войско ж его царского величества и козаки с полковником Черниговского полку, Василием Бурковским, в город вступили, и все, что было в оном, яко то пушки, порох, снаряды и прочее, чего было весьма не мало, под свое ведомство приняли. Дорошенке ж велено, чтоб он со всем своим домом переселился за Днепр, почему и принужден он был то исполнить, и с дозволения жительство иметь в городе Соснице, чем гетманство Дорошенково в Украйне кончилось, и с оного времени в Чигирине стало быть войско его царского величества по указу.

В оном году зима была жестокая, ветреная и снежная, и в оную ж зиму от стороны московской было только по наряду из Украины 3000 подвод до Севска, а оттоль доставление всякого военного орудия, снаряду, пороху, провианта и прочего до Киева, по известиям, что турки вооружаются на сии места сделать свои нападения, от которого холоду премножество народу в пути бывших, также и скота всякого, померзло.

О турецком старании к одержанию Чигирина и Украйны той, с изгнанием из оной козаков. На то российское разглашение о защищении ею козаков и Украйны

До оного у турок с поляками замирения казалось быть с Россиею тишине, даже во оном 1677 году, когда султан, старался о возвращении от России города Чигирина, который яко бы без всякого спору турецкой области принадлежал. Также чтоб и козаков из государства выгнать, представляя при том, что, по учинении такого малого дела, можно многие опасности отвратить на то со стороны российской, между прочим знать дано, что Россия намерена не только козаков защищать, но еще и о возвращении всей Украйны до реки Днестра, так же и о получении Азова, которым турки, несмотря на все справедливые от России требования, неправедно владеют, старание неотменное приложить.

О намерении и следствиях стародубовского полковника Рославца и прочих

В сие самое время, по открывающемуся важному делу на стародубовского полковника Петра Рославца, который уже несколько лет был в оном полку полковником, не захотел, наконец, быть под командою гетмана Самуйловича, отъехал сего для самовольно в Москву, с тем более, чтоб отдать Стародуб в великороссийское управление, и состоять бы ему полковнику наряду с прочими московскими украинскими городами, и с поборами равным с оными; а с ним был в оном замысле сообщником протопоп нежинский Семион Адамович, бывший в милости государевой. Они делались там доносителями на гетмана по важному делу, но по представлению гетмана Самуйловича на помянутого полковника, Рославца, в умысле, чтоб лишить его гетманской жизни, обще с нежинским протопопом, Адамовичем, присланы из Москвы к гетману на общий суд целого войска, коих, по съезде всех старшин и полковников в Батурине, по исследованию и доказательству, а потом и собственному признанию, и за ложный их донос, в котором были с ними согласны, полковники переяславский Думитрашко, прилуцкий Лазар Горленко, нежинский Ярема и иные; за то первых двух к смертной казне, а последних к телесному наказанию приговорено было, но гетман, милосердствуя, с дозволения царского, даровал им жизнь, и по указу его величества, июля 31 числа, 1677 года, в Москву для ссылки отправил, а полковников Думитрашку, Горленка, Ярему и прочих их сообщников, определил на несколько времени посадить в тюрьмы и имение их всех конфисковать.

О пожарном приключении Стародуба

Сего ж 1677 года, мая в 17 день, что было в четверток, город Стародуб, в самое обеденное время, от стоящей на базаре церкви Рождества Христова загоревшей, весь в пламя обратился, и тем сокрушился до основания, что сочли духовные в наказание, сосланное по присланному от черниговского архиерея, тогда бывшего Лазаря Барановича, на всех живущих тут в городе людей, за невоздержное и беззаконное житье их, проклятию, которое в то ж самое время, через присланного ж из Чернигова попа Шубу, в церкви Николаевской соборной читано и с обращенными горящими свечами анафеме предано были, почему город бедный благочестивый за проклятых людей и пострадал. К самой же вещи проклятие то воспоследовало на весь город за то, что в прошедшем году полковник Рославец хотел побить попа, именем Якова, которого августа 13 дня за последовавшее проклятие и целому городу несчастие, козаки, будучи огорченные, по окончании обедни, вытаща из алтаря, до смерти убить хотели, но наказной полковник отвел их от того.

Турецкое движение на Украйну к войне и осаждение ими Чигирина

Турки, как будучи уже уведомлены через патриарха Константинопольского, что Дорошенко отдался в подданство российское и с тем перешел в Малороссию, а в Чигирине засело войско московское, и что царь великие вооружения делает против Оттоманской Порты, пришли через то в немалое движение. Они так же с своей стороны поспешно вооружаться стали и старались всячески одержать свой верх, не только над Подолиею, но и над Украйною, яко принадлежащею им. Они прислали в августе первых числах под Чигирин турок и татар, но неверные, пришед ужаснулися, видя пред собою великое число российского войска; сверх чаяния очутился тут с ними и Юрий Хмельницкий. Они делали потом на город усильные приступы, но, по жестокому отпору, недоставало их сил к тому довольно.

Российское вспомогательное войско следует к Чигирину

Коль скоро ж услышал гетман Самуйлович о приступе турецком к Чигирину, то тотчас на вспоможение своим, сам с козаками из Батурина выступил, и соединясь на Липовой Долине с боярином князем Ромодановским и с силами его московскими, пошел до реки Днепра, и, достигши до переправы, что против Бужина, отправили вперед к Чигирину московской и козацкой пехоты полторы тысячи, которая, упреждая осаду с усильною обороною от татарского нападения, едва до Чигирина пробиться могла.

Турки прибавляют войска к Чигирину, как равно и россияне и производят сражение, но турки побеждаются

Но как к тому силы турецкие весьма прибавлялись и тем осаду свою сильнее продолжать начали, неотменно сего ради все войско российское на помощь своим к Чигирину поспешать было должно, для чего прилежно старались как можно поспешнее через Днепр переправиться, но турки и татары в том препятствовали им жестоко. Видя это, козацкое войско отважилось непременно переправиться на судах ночью, невзирая ни на какие им препоны. Они перебрались благополучно, и вдруг на той стороне Днепра поделали себе окопы, несмотря на то, что им турки весьма в том мешали; они отстреливались только от них пушками и из-за оного продолжали свое дело, причем убили и ханского сына, что хана в немалую привело прискорбность; и так перепалка оная продолжалась целые два дня, в ко-

торое время и вся оставшая сила из за Днепра могла перебраться. Видя это турки, что российские уже великие войска к ним приближаются и что князь Ромодановский и гетман с силами своими уже при Бужине, а к тому пришедши и князь Голицын с великим же числом войска близ Днепра в Пивах остановился, не знали что делать, отступить ли от города или продолжать свою атаку, которую они уже четыре недели продолжали, и тем временем четыре подкопа в действо произвели, через что уже 27 августа дошли было окопами так близко, что почти ручным боем осажденные с валу отбиваться с ними принуждены были. Но как оказалось, что во все эти сражения побито татар одних 10 000, мурз семь и ханский сын, также и турок премножество, то за оным, не одержав города, опасались, чтоб неприятель им в тыл не пришел, отступили от крепости и пошли в свой путь, ибо на татар уже они худую надежду имели, потому что хан был им недоброхотен, а султана, ниже визиря, при армии не было, как только главнокомандующим у них был Ибраим-паша. Таким образом, августа 29 числа, Чигирин от осады турецкой на сей случай освободился, и пришедшими войсками подорванный и разбитый город с замком починивали, и все турками поделанные рвы и шанцы по прежнему зарыли и сравняли. Что все исправивши и окончив, гетман пошел далее и покорил под себя по прежнему все те города, которые пред сим было туркам сдалися, как то: Черкасы, Медведовку, Жаботин, Мошны, Драбовку и прочие места, и оные все залогами своими снабдил, а Чигирин наполнили войсками московскими и козацкими и оставили в нем полковником жителя батуринского, именем Григория Карпова сына Коровченка, который и в сию осаду в Чигирине был. Старшину ж тут бывшую и всех старинных козаков, имея на них недоверие, перевел гетман за Днепр, а на место их других определил. И так все сие учредя и окончав, возвратились все оставшие войска за Днепр по своим местам.

О явившемся в войске турецком Юрие Хмельницком от стороны турецкой гетманом

Как сверх чаяния в июле месяце явился в Украйне Юрий Хмельницкий и очутился с прежним своим званием гетманским при войске турецком, то привело многих тогда россиян в удивление, для чего жадны все были ведать, каким бы случаем он опять на свет явился, что и довело, наконец, по самой надобности, через любопытных, узнать, как он в Цареграде содержался и каким случаем из Едикуля был освобожден и прежним чином гетманским от султана пожалован. Как об оном же достовернейший и очевидный свидетель был секретарь, бывший тогда при Оттоманской Порте, у королевского французского посла, который его величеству об оном за истинное от себя самого писал и следуемое известие подал.

Он писал, что «сей Георгий Хмельницкий, одевшись в монашеское платье, хотел пробраться в некоторой около Киева монастырь, но на пути напавшими поляками ограблен, к чему в тот же час набежавшими татарами из их рук высвободился и поведен был яко невольник в Орду, и хотя он и называл себя старцем, будучи в переменной одеже, однако познан одним вероломным козаком, который прежде служивал отцу его, Богдану Хмельницкому. Сей объявил об нем хану, что он Георгий Хмельницкий и бывший гетман Войска Запорожского, который тотчас возжелал, чтоб всю Малороссию с козаками в протекцию свою получить. Старался того для он всевозможным образом оного в магометанскую веру склонить, но не приняв оную, сослал его в Константинополь, где яко лазутчика заключили в тюрьму семибашенную, и где был с 1670-го по 1677-й год. Скучившись, наконец, жизнью такою, выломал у темницы своей из окна железную решетку одну и, тюфяк свой разрезав в ремни, спустился за окно. Но как то коротковато было, то жестоко упал и голову зашиб, однако за внешнюю стену и по морскому берегу скрылся между каменной горы. Точию, по долгом искании его ночью с фонарями, паки сыскали и бив его тут немилосердно палками по полумерзлому телу его, в цепи заковали. Но что сделалось с ним? И какая перемена в короткое время воспоследовала? Оное было подобно ширме на позорище; он, который о себе уже думал быть многим несчастливее прежнего, нашелся в самое то время на такой высшей степени возведенным, о каковой уже никогда себе вообразить невозможно было». Так говорит секретарь.

По оставлении им всего Войска Запорожского и обеих сторон реки Днепра гетманства, и по многим по нем бывшим в Украйне одной правой стороны Днепра ж гетманом, был последний Дорошенко, который было отдал себя и всю свою Украйну с козаками туркам в подданство, но, наконец, как вышеописано, пришел под Российскую державу, и принят со всеми его подчиненными.

«О чем уведав султан, паки секретарь говорит, подумал, что сие подало ему изрядный случай, чтоб возведением Георгия Хмельницкого козаков разделить, и тем их в безсилие привесть, и как оных, так и прочих, склонять и одолять. Вот случай тот, который сего полоненного из вонючей темницы возвел на престол, из бедного невольника сделал князем и со многим великолепием и штатом в отческое достоинство отправил; однако не удалось такому человеку, с которым пременное счастие играло, оным возведением долго пользоваться, как ниже следующее об нем объявляет». По сих пор было секретарское уведомление справедливо.

Турок, как хотел сделать на Украйне замешательство, то освободил для того Юрия Хмельницкого из Едикуля (который пред сим добровольно оставил гетманство, постригся в монахи и был архимандритом Жидачевской обители) и сделал его от своей стороны гетманом Запорожского Войска, с чем отправил его до войска с

силистрийским сераскером, шайтаном, Ибраим-пашею к Чигирину, столице запорожских козаков. А что в этот случай они Чигирина не взяли, в том меньше вины полагал на Хмельницкого, нежели на начальников своих, и султан велел за постыдный оной отступ от Чигирина всех тех пашей казнить смертию, да и самого за то хана крымского, но он побегом своим в черкесы спасся от оного.

Султан ищет у царя мира, но вместо того объявляется ему война

По разбитии войска и по возвращении их от Чигирина, при таких обстоятельствах приказал султан татарскому хану просить у царя миру, но, понеже ханский посланник найпаче старался склонить царя к тому чтобы Чигирин туркам возвратить, царь же знал совершенно, что такое требование не от татарского хана, но от самого султана происходит, то царь Федор Алексеевич через посланного объявил в Цареграде действительную им войну. Правда, что турки невеликую охоту к войне с Россиею имели, но более намерены были начать оную с цесарем в Венгрии, для чего велено было немедленно вооружаться.

По исполнении всего того и по восстановлении на место бежавшего другого хана, велено было, чтоб к предбудущему лету все было к походу в готовности следовать паки к Чигирину и под Киев, а между тем, до будущей весны, чтоб Хмельницкий был при Днепре в молдавском городке Сороке с командою своею, где он находясь, стекались к нему целыми толпами из подольских городов и разношатающиеся козаки, коим он, по просьбам их, велел на имя свое селиться на опустошенных местах около Бога реки.

С сего начала года оказались в Украйне татары и делают нападения

В 1678 году, на сплошной неделе уже оказалась и орда в Украйне и стала кошем своим на Росове, отколь через посланные свои загоны в повете Переясловском немалые разорения поделала и людей много порубила.

Дорошенко берется в Москву

А в Великий пост, присланным от его царского величества стольником Алмазовым, бывший гетман Петр Дорошенко взят в Москву и там задержан, а вместо того, брат его отпущен в Малороссию; бывшему ж гетману Петру Дорошенке пожаловано 1000 дворов кре-

стьян, то есть, целая волость близ Москвы, именуемая Ярополч, для его содержания, при чем и оставался там по смерть свою.

Через сию зиму весьма множественным числом из России всякого военного снаряду и прочего припасу в Чигирин доставлено, а город починкою и к лучшей обороне устроевали, надеясь, что турки напасть и осадить не оставят.

С начала сего года состоялись в Украйне откупы для платежа и построения мундира пехоте и конным козакам, тем, кои, остав от Дорошенка и от Гоголя, к войскам российским присоединились в службу; точию откупами и сборами сими жители сего места недовольны были, потому что до времени дорошенковых козаков, не имели они к таковым сборным платежам привычки.

Для обережения от турок войска российские выступают в Украйну

По достоверным известиям, что неприятель усильно напрягается на Чигирин и хочет всю Украйну одержать, для отвращения того, со всяким поспешением, войска российские были уже в движении и с самого начала весны сего году премножественным числом в Украйну вступили, под командою царевича Касимовского и князя Ромодановского, к чему выступил из Батурина, мая 10 числа, с козаками своими и гетман Самуйлович, и последовали в свой путь назначенный.

Набор со всякого звания людей с козаками

Для оной войны к оному походу для набору козачьего войска по универсалу гетманскому выслано на сей год было не только одних козаков, но и от мещан и посполитых людей, от мастеровых и художников, из сел и деревень, с каждого звания от двух человек третьего, а с небогатых от четырех пятого, с оружием, одеждою, харчами и всяким запасом, не обходя никого, под жестоким взысканием, как с козачьего числа душ, так и со всего посполитства, даже и от скрыпачей и дударей и тому людей подобных.

О наложенном бдительном посте на всю Малороссию

А от времени выступления во оный поход войска, архиерей черниговский Лазар Баранович, разосланными грамотами своими во всей епархии своей, всем остающимся в домах православным людям, во всякую седмицу поститься, не едя и не пия три дни, как то в понедельник, в среду и в пятницу, и быть бы те дни только в благовейной молитве к Богу, до окончания сей страшной войны,

в чем согласно и гетман повелел, к тому с подтверждением разослал и свои универсалы повсюду к своим всем старшинам, чтоб об исполнении оных постов и бдения крепко наблюдали, со взысканием за неисполнение.

Прибывшее посольство польское в Москве не приемлются благоприятно

В оном же году от короля и всей Польши в Москву прислан был полномочный посол с многим шляхетством для требования о возвращении от России Киева и Смоленска со всеми их воеводствами, которые с начала приезда их хотя приняты были с честью, но по объявлении их требования, кое привело в немалое удивление, подарки государственные от них не приняты и самих их без отдаваемой чести в Москве задержано, почему уже должны были собственным своим иждивением себя довольствовать.

Турки осаждают Чигирин и производится жестокая война, через что низлагается весь город и турки отступают от оного с уроном

Турки, по намерению своему, со ста четырнадцатью тысячами войска, а именно: турок 80 000, татар 30 000, да оставших еще при них козаков 4000, было под командою верховного визиря Мустафы, со многими другими пашами, и с великим числом снаряда, и пришли июля 8 числа под Чигирин, а войска его царского величества, состоящие изо ста тысяч, в то же самое время, переправясь через Днепр, ниже Бужина, расположились на чигиринских полях, по сей стороне реки Тясмина, от Черкас, турецкое же, стояло по другой стороне реки, за Чигирином. И разделившись с пашами, ханом крымским, с князьями волохским и молдавским, переправились через Тясмин, расположились на сей стороне под бором, заграждая тем путь российскому войску до Чигирина, и осадя город, жестоко и усильно всякими орудиями доставали. Только трудом и прилежностью отважного окольничего и воеводы чигиринского Ивана Ивановича Ржевского и полковника чигиринского Григория Карповича Коровченка и иных тамо начальников, храбро сопротивляющимися и жестокими вылазками отбиты. А как войско российское между тем еще стояло у Бужина при перевозе, то турки, отрядя от себя на них конницы, немалым числом оною окружили и, переменяючись всякий день свежими людьми, держали их несколько времени в осаде, и до тех пор, доколе пришли с московской стороны черкаский князь Булат с черкесами, калмыки и козаки донские, и коль скоро войска оные подоспели, то тотчас от перевозу россияне, июля 31, на турок

выступать начали, и тем наступом окружающих их прогоняли, кои же передними (состоящие в коннице и пехоте) с пушками были, под командою паши Каплана, то и те также отступать начали. На оном походе под селом Шабелниками, при переправе с ними сразились с преужасным боем, где бившись войско заночевало, в которое сражение немало козаков донских и украинских побито. На другой же день, переправившись, пошли было и там на гору Кувечинскую, точию турки, с пушками стоя на оной, их не допустили, для чего тут паки заночевать принуждены были. Гетман не оставил и ту ночь в покое; он послал в оную черниговского полковника Василия Бурковского с козаками, к которым придал Ромодановский несколько и московского войска. Тот подойдя под оный стан, напал на их караул отводной и с ними сразился, но турки сим встревожась, ужасною пушечною пальбою отбивались, и с тем почти всю ночь препроводили; даже на рассвете, что было августа 3, в субботу, все московские и козацкие войска, на турок ударивши, прогнали и гору ту заняли, где в добычь 27 пушек, со всеми военными припасами, от неприятеля получили. Турки, состоящие под крепостью, видя бегущих своих, безмерно встревожились, а войско российское еще за ними гнаться хотело, но их от того удержали. Точию, когда уже конница турецкая, содрогнувшись побежала, тогда российская конница с козаками и прочими за ними вслед погналась, оставя на этой горе только одного полковника с малою частью войска (окидавшегося рогатками) и прогоняя, рубили до самого главного их стана, а следующая пехота со всеми своими тягостями и обозом, пришед на ту же гору, туда ж против турок вооружились, и весь день битву с ними ужасную производили. Турки, видя усилие российское, немедленно перебравшись назад через Тясмин, мосты пожгли и поломали, а войско российское к Чигирину приступило и расположилось под бором станом при озере, августа 4. Они стояли тут почти целую неделю без всякого воинского промысла для своего отдыха; турки ж, хотя видели их праздное стояние, но не отважились более сделать на них нападение, как только промыслили тайным образом делать под город подкопы, и, произведя то в действо, подорвали в пятницу подкоп под самым замком, которым, кроме прочих многих, убило воеводу Ржевского, мужа храброго. А в воскресенье, что было 10 августа, в самые полдни, еще подорвали несколько подкопов под городом, от чего, по нечаянности, встревожились жестоко осажденные и оторопели так, что, видевши в тех самых подорванных местах турок, лезущих уже в город, вместо того, чтоб всем вдруг им броситься на них, они все из города от них побежали и, кинувшись на мост, толпою своею обломили, а стеснясь на плотине, друг друга давили и топили, где турки, в след гнавши, рубили без пощады, не оставляя ни одного живого, а затем зажгли город. Оставшаяся ж козацкая пехота сердюцкая, собравшаяся при горе, за церковью, до самой ночи отбивалась, а московская в замке обронялась и в наступившую ночь зарядя двойными

и тройными зарядами, наглухо забив пушки и зажегши замок, пошла с оставшимися сердюцкими пехотными козаками сквозь турецкое войско, которое было перебралось через Тясмин, и, продравшись, пришли к своему войску, точию при выступлении из замка более самих их побило.

Войско российское возвращается от Чигирина, а турки и татары преследуют, но с уроном своим

Потеряв совсем на обе стороны город, пошло сего ради российское войско обратно, в понедельник рано, что было 11 августа, к Днепру, куда следуючи, великое затруднение от нападения турецкого претерпели, но, дошедши до прежнего бужинского места, окопались, в среду ж, что было 14 августа, сам визирь и с ним Юрий Хмельницкий, со всем своим войском пришел, весь стан российский осадил и целую неделю бившись, оной доставал. Точию, по великом уроне турок, ибо не только оружейным, но и ручным боем бились, и что под самим визирем две лошади убито, принужден был отступить и постыдным образом, в ночи с 19 на 20 число августа, бежать к Чигирину, и оного остатки совсем разоря и побрав пушки, оставя войну, побежал в свою землю; российское ж войско, уже будучи свободно, безпрепятственно перебравшись через Днепр, пошло в свое место.

Хмельницкий с войском напав на Канев, истребляет город и людей, а прочие города ему сдались

Турки при отступлении своем, отделили часть войска своего и препоручили оную под команду Хмельницкого и старшине его, Яненке, которые пошли с оными под Канев, и оный взяли, людей всех, сопротивляющихся, порубили, город выжгли и тех, которые были в церкве каменной, зажгли огнем и подушили. Оставшие ж, кои сдались, те присягою Хмельницкому спасли себя, потом вблизи находящиеся города, видя такую в Украйне гибель, без всего Хмельницкому поддались, как то: Черкасы, Мошны, Корсунь и Жаботин, и с тем оставались в подданстве турецком.

По забрании многих украинских городов себе, Хмельницкий начал писаться с титулом гетманским и княжеским

Как об оной чигиринской войне услышали поляки, и что Хмельницкий уже города украинские отбирает, тотчас выступили из своих мест и оставили все те, в коих находились, как то: Калник, Немиров,

Ленец и Жорнище, которые все Хмельницкий под свое правление забрал, почему и начал писаться следующим титулом: «Мы, Георгий Гедеон Венжик Хмельницкий, Божиею милостию Князь Сарматский и Гетман Запорожский». И от сего времени Хмельницкий имел резиденцию свою в городе Немирове с войском своим, а старшина Яненко находился в Корсуне, так же с войском, при коем были и татары, по вышеупомянутым же городам расположены были от них залоги.

От стороны Хмельницкого делаются на малороссийские местечки нападения

Хмельницкий сим обладанием своим доволен не был; он послал от себя, в 1679 году, в Заднепровскую сторону Украйны наказного своего гетмана Яненка с татарами белогородскими, которые вдруг, января 6 числа, то есть, на день Богоявления, около Днепра оказались и немалый урон по селам в людях поделали, и даже от Козельца до Носовки пленили, с чем безвредно и с полоном возвратились.

И сим Хмельницкий не был доволен; он еще пошел с четырьмя крымскими султанами и с множественным числом их орды, на всеедной неделе, и перешел через Черкасы за Днепр, хотел оную сторону, а паче Лубенский полк, совсем опустошить; но судьба его до того не допустила и сохранила бедных жителей тем, что на то время безмерно снег великий выпал и путь им заградило, ибо ни коим образом за глубокостью оного ехать на лошадях и за великою стужею далее идти было не можно; а паче опасалися, когда уведомились, что войско российское стоит около Днепра, расположась по городам от Ирклеева до Миргорода. И так, побыв только в Лумье и Яблонове, не успев ничего, возвратились с великим уроном лошадей и самих татар.

Он еще попытку сделал с татарами, в марте месяце перешел Днепр и став кошем над рекою Росовкою, в Переяславском полку многие обиды в народе поделал.

Войско российское нападает на украинские города и людей всех из оных за Днепр к себе переводит

Гетман Самуйлович, коль скоро о сем последнем бытии Хмельницкого уведал, собрал пристойное число войска московского и козаков, послал их с сыном своим Симеоном за Днепр к Ржищеву, и там приступом взял замочек и людей всех в нем вырубил, что услыша Яненко, со всеми своими бежал. Семен же Самуйлович шел далее, взял: Корсунь, Мошны, Драбовку, Жаботин и Черкасы, из коих городов людей всех перевел на свою заднепровскую сторону.

Через представительство папы римского устанавливается мир между Польшею и Россиею с разорванием мира польского с турками и о воевании с обеих сторон на них. Войска российские от турок приступают к своим границам и располагаются по оной для сбережения

Папа римский, слыша о действиях и намерениях турецких, и о делах российских и польских, и о страдании из того всей Малой России, возжалел о таком напрасном от варвар кровопролитии, разорении и пленении христиан, прислал сего ради с грамотою посланника своего в Польшу, предлагая королю и всей Республике, чтоб они разрушили с турками мир, а вместо того, смирясь, заключили б с Россиею дружбу, с тем, чтоб все християне, соединясь, воевали против вероломного варвара, обещая при том, для продолжения той войны, дать на войско знатную сумму денег. Для чего поляки тотчас собрались и сделали между собою в Литве, в городе Гродне, сейм, где об оном трактовавши, на мере полагали. О сем уведомили и царя Феодора Алексеевича, который, по приглашению к оному союзу, послал в оный сейм послов своих, боярина Бутурлина и окольничего Чедаева, и с ними два миллиона денег на войско и для восстановления между ними дружбы. Поляки на то согласились как примириться, так и помогать друг другу, разоривши мир с турками, обещались; почему его царское величество сего ж года, но с осторожностью от польских хитростей, на весну послал (на случай против турок) великое число войска в Киев, и с тем, что и слух носился, что султан разорением Чигирина недоволен, и будто б намерен подлинно осадить и обладать Киевом, в противном же случае совсем разорить и всю Украйну под свое владение силою взять. Того для определил к войску бояр, первого и главным воеводу и наместника казанского князя Михайла Алегуповича Черкаского, а по нем начальнейшими, стольников и воевод, Петра Васильевича Шереметева, князь Федора Юрьевича Борятинского, наместника тверского, князь Михайлу Юрьевича Долгорукова, князь Григория Афанасьевича Козловского, Ивана Богдановича Милославского, думного дворянина Венедикта Андреевича Змеева, царских приказов голов: Агея Алексеевича Шепелева, Матвея Осиповича Кравкова и прочих стольников, полковников, дворян, голов стрелецких, смоленскую шляхту и иноземцев, коего при них разного войска состояло числом до двухсот тысяч, в том числе были царедворцы, стрельцы, так же конные и пешие ратные.

Сверх сего особо находились в городе Киеве, начальником воевода, боярин и наместник дорогобужский, князь Никита Семенович Урусов, с товарищи своими, с окольничим и воеводою, князем Данилом Афанасьевичем Боротянским, и с думным дворянином и воеводою Иваном Петровичем Лихаревым, своим городовым войском управляли.

Боярин же и воевода, князь Иван Андреевич Хованский, с великоновгородских и псковских полков войска во всякой готовности на определенных ближних местах находился.

Князь же Яков Семенович Борятинский с войском же, на белогородскую черту против Крымской Орды послан был; прочие же великороссийские силы немалые и в Запорожье были посланы.

Князь же Каспулат Муцалович черкаский, с черкесами и калмыками многими, на Муравских шляхах против крымцев стоял.

А гетман войск его царского величества запорожских, с козаками был при Киеве ж, и с ним сын его, Григорий, да генеральный обозный Петр Забела, генеральный судья Иван Домонтович, генеральный же судья Павел Животовский, генеральный писарь Сава Прокопович, генеральный есаул Леонтий Артемьевич Полуботок, бунчужный Константин Иванович, хорунжий генеральный Стефан Забела. Полковники: киевский, Константин Дмитрович Солонина; черниговский, Василий Бурковский; нежинский, Яков Жураковский; прилуцкий, Дмитрий Чернявский; стародубовский, Григорий Карпович Коровченко; лубенский, Максим Ильяшенко; полковники ж с полками своими, переясловским Вуйца Сербин, был в то время на страже вниз по Днепру, а гадяцкий Михаил Васильевич Самуйлович, полтавский Феодор Жученко и миргородский Павел Апостол, были на страже, вниз Днепра от степей татарских, где и другие многие полки Войска Запорожского комонные, компанейские и пехотные сердюки находились, а комонный полк под правлением полковника своего, Ильи Новицкого, был под Киевом; полк комонный с своим полковником Яковом Павловским в полк Полтавский послан был ради сторожи от татарских и иных неприятельских набегов; полковник Яков Корицкий с своим полком комонным и иные многие пехотные посланы были в Запорожье, в помощь атаману кошевому Ивану Серкову, где оные с государевыми силами, с низовыми и городовыми войсками, крепко противились против турок и татар по силе своей.

Над сердюцкими ж полками были полковники: Андрей Ребриковский, Петр Кожуховский, Герасим Василенко, Василий Иваней.

Все же вышеупомянутое войско, собравшееся к Киеву, по обеим сторонам Днепра обозами своими стояло и ежечасно ожидало неприятеля своего, для чего к свободному завсегда войскам проходу, по указу, устроены были стрельцами на Днепре под самым Киевом крепкие и надежные мосты, каковых прежде там не бывало, чрез искусного строителя, стольника и полковника, Стефана Ивановича Янова, на стругах и на якорях. Только турки, слыша о великой той силе российской и о приготовившейся уже совсем против них к бою, не отважились сделать своего на Киев не только нашествия, ниже к тому покушения, но оставили оное в покое с тем, чтоб изождать их отхода, а потом бы сделать нечаянное нападение и одержать Киев. Точию, как видели уже, что войска российские и до

осени не отходят, оставили, наконец, намерение, под тем видом, будто б они и не намерены были приступать к оному.

Киевское городовое строение подкрепляется

А как то от российской стороны предвидимо было, что турки могут быть из опасности нашествием своим медлить, и чтоб то время втуне не пропадало, и чтоб и впредь безопаснее город стоять мог, приложили сего для все воеводы старание свое и устроили Киев обведением многими крепкими городовыми валами и тем его укрепили.

Печерский монастырь Самуйлович валом укрепляет

А войск его царского величества запорожских, гетман Иван Самуйлович, на память свою, войском своим укрепил монастырь Печерский также твердым земляным валом вокруг с довольною обороною.

По отступлении от границ войск российских татары делают набеги близ Киева

Но за всем тем, при самом выступлении от Киева оных сил, которые находились там до праздника Рождества Богородицы, напав татары на тех, кои при конских табунах находились, несколько урону им сделали, несколько военных людей порубили и в полон побрали, также и лошадей отогнали не мало, с чем безвредно ускакали.

Визирь турецкий направляет хана крымского, чтоб истребил козаков сечевских. Турки и татары от козаков поражаются

В то самое время турецкий визирь вознамерился истребить всех сечевских козаков, за отступление их от турецкого и крымского владения, и что они поддались под Российское державство; для чего направил хана крымского, с придачею к нему янычар своих дабы он то истребление их конечно исполнил как можно. Хан охотно взялся за то, что, по обыкновению, татарскому хищничеству сродно; он вздумал напасть на весь кош ночным временем, и тем казалось для него лучше, как было то время зимнее. Приступя подлазом к Сечи, послал он в город всех янычар, а сам с татарами своими окружил оной, но весьма в том был неудачен, по всегдашней и во всякое время козацкой осторожности, и был с немалым уроном, с чем и отошел в свой Крым.

Сечевские козаки делают на Крым нападение и взяли много плену татарского. По прошению татар посылается письмо к хану

А как в то время имели запорожцы весьма проворного у себя кошевого атамана, именем Ивана Серка, то сей, дождав лета, собрал козацкого войска тысячь до пятнадцати, пошел до Крыма и перешел через Гнилое море, называемое Сиваш, так тайно и такими скрытыми местами, что никто из татар об этом его походе не мог узнать до тех пор, пока очутился во внутри самого Крыма. Он там великие разорения им поделал, побил премножество татар, выжег несколько селений, взял великую добычу и плену до 4000, и с тем пошел обратно, ведая наверно, что при Сиваше, на переправе их, залегши татары, напасть на них ожидают, прямо напал на их Перекопскую крепость, разбил тамошний гарнизон, и, вышед из оного, дошел безвредно до Сечи своей, откуда по просьбе тех пленных татар, по договору с ними о выкупе их, послал с тремя татарами к хану письмо в следующем содержании:

Письмо, посланное от запорожского кошевого атамана, Ивана Серка, к крымскому хану

Ясневельможный Мосьце, Хане Крымский, со многими Ордами, близкий наш соседе!

Немыслилисмо мы, Войско Низовое Запорожское, с вашею Ханскою милостию и со всем панством Крымским в великую неприязнь и войну заходить, если бы от вас не увидели до того початку, который прошлой зимы ваша Ханская милость учинилась, послухавши дурной рады шаленого и безумного Визиря Цареградского. А по ней и неслушного ордонансу найяснейшего и найвельможнейшего Султана своего приходили с янычарами его и из многими Ордами Крымскими до нас, Войска Низового Запорожского, а ночною добою пришедши близко к Сечи нашей, и изнявши сторожу нашу, за Сечью состоявшую, вслалесь был в Сечь пятнадцать тысяч янычаров, приказавши им (чего в стыд было чинить), не по кавалерству, всех нас молодцов Войска Запорожского сонных и жадной беды ненадеявшихся выбить и выдавить, и кучку нашу бедную с фундаменту вывернуть и разорить, а сам из Ордами около Сечи стоялесь, дабы и утекающих молодцов наших не пустить. Леч тое намерение и замысл ваш, Христос Бог и Спаситель наш премилосерднейший переменил нам в доброе, а болезный упадок наш тогдашний обернул на упадок главных янычаров ваших турецких, о чем сам, Ваша Ханская Мосць, добре ведаешь, яко злого замыслу вашего и недишкреции (яко тех людей, которые рыцарским промыслом бавячися, правду у себя заховати любят), якой нигды не сподевались, так и слушной осторожности и доданя отпору по готовности не имели. Один Господь Бог и Спаситель наш сохранил и защитил от напасти вашей и крайнего

упадку нашего, якой поступок ваш вельми зневажил нас, Войско Запорожское, и не без шкоды нашей досадил нам. Так и мы, прикладом древних предков наших и братий, мусили постараться вет за вет вашой Ханской Мосьце и всему Панству Крымскому свою зневагу и обиду поветовавши, отомстити явно, а не тайно, по рыцарски и по кавалерски, а не так, как вы с нами поступили. И Бог сердцеведец, при нашей правде, лучше нам помог гостити в Панстве вашем Крымском, нежели вам около кучки нашей Сечевой; и ежели тая гостина наша в Панстве вашем показалась быти недишкретная, то може й так есть, бо козаки, як не одной матери дети, так не одного суть нраву, едни на право, другие на лево, а третие просто стреляли, только добре, же целью не минали, да и недишкреции той от вас научилися, а не сами вымыслили, бо и в Крыму ваша Ханская Мосць, не принявши нас за гостей и добрых кавалеров, поспешились был с Ордами своими сильными до Сиваша к той переправе, которою мы войшли в Панство ваше, где стоячи мелися нашего повороту дождаться и там нас поглонути, на переправу не пустивши. Но и тут намерение ваше судьбами всемогущего Бога нашего, вспак переменися, а нам милость Божия, при нашей правде, помогла, и торжествовать над вами позволила, в яком торжестве, еслисмо потурбовали вашу Ханскую Мосць, и если со стороны нашей что показалось недишкретно, то мусиш ваша Ханская Мосць в том нам выбачить, уважаючи тое, что ваша недишкреция недишкрецией платиться обыкла б, подобно й не снилось вашей Ханской Мосцье тое, жебы Войско наше Низовое Запорожское в малом и вельми щуплом числе посмело и отважилось на знаменитое и многолюдное Панство Крымское воевати и наступовати яко же и не было бы того, не для якой боязни нашей, але для давней соседской с Крымом приязни, если бы со стороны вашей не подана была оказия и причина до войны и неприязни с нашим войском Запорожским. Не рачь тогда впредь ваша Ханская Мосьць мети (як приказуют) поля за бовдура, и нас, Войско Запорожское, легко у себе важити, и войною впредь на нас наступовати. Гды ж если бы было иначе, то и мы взаимно в большой уже силе войска нашего, и з лучшим до войны прибором, не на Сивашу переправу, але на самой Перекоп, выломавши и отворивши себе в нем ворота (яко певний имеем до того способ), завитаем в Панство Крымское, и потоль з его не выйдем, поколь, при всесильной помощи Божией, желаемого намерению нашему не узрим скутку, бо ежели отважные и мужественные кавалеры, прежние Войска Запорожского вожди, предки и славные антецессоры наши, здавна на Крым и на Царство Турецкое морем и землею воевалц, яко то Самусь Кушка, Атаман и Гетман Кошевой, воевал по Черном море, по нем року 1575 Богданко с козаками Крым воевал и плюндровал, потом 1606 Петро Конашевич Сагайдачный, прежде гетманства своего, с запорожцами заплинувши човнами в Таврику вашу, взял в ней знаменитое и крепкое место, Кефу, и с многими користьми до Сечи повернулся счастливо, по нем року

1620 теж прежний Гетман Хмельницкий, Богдан, на море Черном воюючи в своих моноксилах, многие корабли и каторги турецкие опановал и благополучно до Сечи повернулся; потом року 1624 братия наша, запорожцы, с певным вождем своим воюючи в човнах по Евксинскому Понту, коснулися мужественно до самых стен Константинопольских, и оные довольно окуривши дымом мушкетным, превеликий султану и всем мешканцам Цареградским сотворили страх и смятение, и некоторые отлеглейшие селения Константинопольские запаливши, теж счастливе и с многими добычами до Коша своего повернулися. А в року Божием 1633, Сулима, Гетман Войска Запорожского, в моноксилах от Сечи по Днепру на Черном море, чрез остров Киммерийский в Меотицкое сплинувши озеро, достал был прекрепкого турецкого в Азии града, Языка. А что найхвалебнейше и найславнейше, те ж славно именитые вожди наши козацкие и скифославянские, не только Цargраду, но и всему Царству Греческому, первейшим от иных соседственных народов были страхом, где, кроме Константинополя, за тысячу миль и вящше, Евксинпонт в лотках переплинув, славные грады азиатские, Синоп и Трапезонт выстинали, и иные замки по берегу тамошнему сплюндровали, не токмо моцному Белограду не раз крыла осмалили, але Варну, Измаил и иные фортеции Подунайские, повыдирали и внивец обернули. Тому ежели ваша Ханская Мосьць не повериш, то изволь в своих крымских и константинопольских летописных книгах писарям своим приказать поискать, и певне найдеш; а еще больше сдаемся на летописцы греческие, римские и польские, в которых ясно оглашается немерцающая слава козацкая и хвалебные дела воинские Войска Запорожского. Но нам, их наследникам, кто заборонит тем же хвалебным предков наших идти тором? И так любо не желаем мы, Войско Низовое Запорожское, с вашею Ханскою милостию и со всем Панством Крымским воеваться и бити в гневе, однак, ежели и изнов увидим початок ваш до войны, то мы взаимно на Панство ваше Крымское воевати не убоимся. А что с нас, с охочих молодцов, табуны ваши и наши по розлеглым местам и диким степам гуляючи, сходитимутся и битимутся, того вам и нам дозаиста в войну великою причиною ставити сполна не треба. Не ширячи больше письма нашего до вашей Ханской Мосьце, то еще доносим, иж невольников ваших крымских, начальных и простых, знайдутся у нас на Кошу четыре тысячи, якие сами реестр имен своих и откупу нам от себе поступленного написавши, у нас войска трех татар успросивши, посылают через оных до рук вашей Ханской Мосьце, который откуп ежели изволишь ваша Ханская Мосьць приказать кревным их вскоре выстатчити и до нас на Кош прислать, за особливым от своей Ханской дишкреции на нас, Войско Запорожское, подарунком, то мы невольников ваших всех зараз в Крым отпустим. А если найдалее за полтора месяца откупу того не будет, то декларуем, что всех невольников до Пресветлейшего Его Царского Величества, доброго

и богатого Государя и добродея нашего, отослати маем, который певне с казны своей монаршей уконтектует нас слушне за присылку тех татар. То все выразивши, зычим вашей Ханской Мосьце доброго здоровья и счастливого повожения. Писал в Сечи Запорожской вашей Ханской Мосьце зычливый приятель, Иван Серко, Атаман Кошевой, со всем Войска Запорожского Низового товариством.

Из сего письма видно, коль смелы, хитры и удалы были прежде сего козаки запорожские.

Турки строят крепости при Днепре для непропуску козаков в Черное море

Между тем турки, как будучи без войны, вознамерились сделать, чтоб запорожские козаки не могли более в Черное море входить, повелели сего для близ Очакова три крепости, ниже Запорожской Сечи, по обеим сторонам Днепра, вновь заложить, которые бы в одно время сухопутные и морские их разбои и поход к соляным ямам им пресечь могли. Сие строение препоручено было Мимае-аге, главному надзирателю над строениями. А для прикрытия работников определен был каплан-паша с шестью янычарскими полками. Но как скоро они только работу начали, нашел их кошевой атаман Иван Серко с 15 000 человек, и побив прежде татар, отогнал у них немалое число скота и лошадей. Он напал на турок, не упуская ни малого времени, порубил, как работников, так и приставленных к их обороне янычар. Он уведомил о сем действии царский двор, ожидая от оного дальнейшего повеления, от которого указом велено было, чтоб от Киева князь Долгорукий с довольным числом войска шел к Серку на помощь.

Наименование турецких новых крепостей

После ж сего оные крепости по выстройке их проименовались: состоящие по течению, на правом берегу реки Днепра, Кизикирмен, а супротив ее, на острове, Таман, против же оной на крымской стороне, при самом береге Астлан; и между оными, как через Днепр, так и через протоки, цепи были перетянуты, чтоб тем удержать воровские проезды.

Обстоятельное описание о Юрие Хмельницком

И хотя малороссийский историк в сем месте ничего о Юрие Хмельницком не объявляет, только по многим обстоятельствам утверждается, что запорожский кошевой Иван Серко убил, конечно,

и Хмельницкого, со всеми бывшими при нем людьми, в сие время, который следовал к тому ж новостроющемуся месту. Чему статься и верить весьма можно, потому что и господин адмирал, Корнелий Крейц, в описании своем о козаках об нем упоминает, и между прочим, что когда «он в отеческое достоинство был отправлен, в следовании его, некоторое число турецких людей, кои под командою запорожских козаков, полковника Цырка, для прикрытия строения крепостей, близ Очакова находились, напали и его со всеми имеющими при нем людьми порубили, кроме малого остатка, кои могли от того избежать и об оном подать известие». Сим кончает господин Крейц.

Вместо гетмана Хмельницкого с турецкой стороны назначается князь Дука господарь [116]

И так в том только его описание с объявлениями малороссийскими не сходствует, что будто бы тогда он убит, когда следовал в Украйну на гетманство. Как же бы он мог быть от 1677 по 1680 год при войске турецком, и с своими людьми брать города и покорять к себе людей? Кто ж резидовал будучи в Немирове тою частию Украйною и делал нападения с татарами на Заднепровскую сторону? Следовательно, он тогда не был убит, с своим (ведомства турецкого подданства) и за турецким препровождением, сделать того им не можно было. А убит он конечно после, как обстоятельство доводит, что он, может быть, по повелению следовал с своими людьми за пороги, для прикрытия работных людей или для работы, к новостроющимся крепостям, или для каких либо разъездов, где с козаками своими, кошевой сам, будучи в разъезде, Иван Серко, а не полковник Цырка, напал и разбил их всех, в коем числе и самого Хмельницкого убил. И всемерно в оное время быть сему следует, потому что с самого сего времени его в' Украйне не стало. А дабы козаки его, будучи без начальника, паки не отшатились и за тем бы и вся Украйна оная от турок не отпала, тотчас султан определил на место его молдавского князя Дука в Украйну господарем, который там было и поселился. О чем ниже обстоятельнее описывается.

Хан крымский делает нашествие и пленение в границах российских

В начале лета 1680 года, вышел хан из Крыма с великими ордами в великороссийские слободы. Там, по реке Мерле и позад Белгорода, верст на триста, немалые разорения поделал и с тем счастливо назад возвратился; а в мае месяце по Николине и Троицыне дни, несколько урону около Киева в людях татары сделали.

Собрание войск российских при Путивле для военных действий

Войско его царского величества между тем собралось под Путивлем при Белых Берегах, под командою князей Голицына и Ромодановского, где и ожидали о неприятельском следовании известия из Киева, куда и гетман с старшинами ездил к ним для военного совета, а козаки оставались при своих местах, кроме одного Стародубовского полку, да и тот только при Десне реке простоял, а далее не ходил, так равно как и все войско московское.

Посольство царское в Царьграде о мирном трактовании

В оном 1680 году царь отправил послом Пяткина с грамотою в Царьград, к султану. Как скоро оная по переводе ему представлена была, то усмотрел он, что царь намерен с ним мир заключить, если только султан от всякого требования на Украйну и на Чигирин откажется; а ежели в непродолжительном времени того не учинить, то силою оружия далее поступлено будет. Султан из угроз сих весьма озлился; он хотел тотчас посла российского в Едикуль посадить, но министерство турецкое рассуждало, что продолжение войны с Россиею за одну, и то по большей части опустошенную, Украйну, никакой пользы не принесет; а напротив того больше корысти воспоследует от войны с цесарем в богатой Венгрии, а потому турки, чрез целый год, делали то России то Польше предложения о мире; только оба сии государства к тому не великую склонность показывали, но, наконец, хотя с крайним нежеланием, принужден султан, как с Россиею, так и с Польшею, по требованиям их и с возвращением России принадлежащих в Украйне мест, кроме Азова, заключить в Радзине двадцатилетний мир, кой потом в 1681 году султан Магомет IV совершенно подтвердил, и по коему отступившие от турков козаки оставлены России, а татарам положено возвратить России Трйполь, Стайки, Васильков, и прочие, как принадлежащие к Киеву, места и оставить всю землю от Днепра до запорожских островов; при том запрещено им делать набеги на границы российские, для того, что с российской стороны без того ни о каком мире слышать не хотели, с чем посол и прибыл в Москву в 1681 году, на самой неделе Пасхи.

Турки усильно отграничиваются от Польши к Подолии

Между сим временем турки с поляками вступили в разграничение, но, за спором от обеих сторон о местах, поляки не согласи-

лись, а отложили до установления об оном на Сейме; точию турки, пренебрегши наконец то их предложение, в осени, одни границу отмежевали по реку Стрыю, а позад оной, где и города Чертков, Трембовля и другие, приняли в свое владение, и там объехавши, пограничные концы со знаками поставили.

В оном 1682 году скончался славный вождь в Запорожье, кошевой атаман Иван Серко.

Поляки, зная непостоянство и вероломство турецкое, для того склоняли к охранению границ своих украинских и малороссийских козаков на свою сторону, и несколько чрез то лучших у себя имели, а некоторые и из Заднепра к ним переходили и делали им вспомоществование.

В эту прошедшую зиму паки татары под Киев подбегали и брали людей в полон.

Кончина царя Феодора Алексеевича. Возводятся два царя на Московское царство

По несчастию, в 1682 году, месяца апреля 27 числа, Россия лишилась своего младшего государя царя и великого князя, Феодора Алексеевича, и хотя преемником надежнейший меньший брат его величества, государь Петр Алексеевич был, но за малолетством его и за обойдением к возведению на царский престол среднего их брата, Иоанна Алексеевича, от ненавистников и недоброжелателей к нему, восстали в Москве великие неустройства, возмущения и бунты, через то не только в оном царствующем граде, но почти и во всем государстве от мятежников и бунтовщиков стрельцов смятения стали, кои не инако, как возведением и того среднего брата их величества на престол же успокоить, а главных бунтовщиков казнями усмирить, было можно. И так потом двумя царями с высшим провидением благополучно было управляемо, все дела как внутренние, так и внешние пошли по прежнему в свое течение, турецкие и крымские дела доканчивать, для чего как о восшествии их величества на наследный престол, так и об окончании миром враждебных дел, к оным, так же равно и к другим дворам, дружески писано было.

С обнародования ж, по кончине его царского величества, Феодора Алексеевича, о восшествии на его место, на отческий престол меньшего его величества брата, Петра Алексеевича, хотя во всю Россию грамоты его царского величества разосланы были, но по вступлении ж потом вскоре на тот же отческий престол среднего их брата, государя царевича и великого князя, Иоанна Алексеевича, вторительными грамотами от общего уже их царского величества лица, во все московское государство, так равно и в Малую Россию, ко всем начальнейшим людям, для приведения в верности службе, их и всех подчиненных им, подданных их царского величества, были

посланы, в коем числе особо и к миргородскому полковнику, Даниле Апостолу, такова ж грамота и с таковыми ж повелениями прислана в следующем содержании:

Присланная грамота к миргородскому полковнику от царей Иоанна и Петра Алексеевичей о восшествии их на царский престол и о исполнении по оному

Божиею милостью Великих Государей Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцев, и многих Государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчичей, и Дедичей, и Наследников, и Государей, и Обладателей, Нашего Царского Величества подданному, Войска Запорожского, миргородскому полковнику, Данилу Апостолу, и всему полку, старшине и поспольству, Наше Царского Величества милостивое слово.

Прошлого 190 года, месяца мая 1 дня, в Нашей Царского Величества грамоте к тебе, Нашего Царского Величества подданному, писано, что того ж года, апреля в 27 день, Всемогущий Господь Бог и Владыка всех, им же Царие царствуют и все монархии состоятся, по Своей святой и праведной воле, изволил от сего земного царствия, переселить в вечное блаженство небесного Своего царствия брата нашего Государева, Великого Государя Царя и Великого Князя, Феодора Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца, и многих государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчича, и Дедича, и Наследника, и Государя, и Обладателя, Его Царское Величество. А по отшествии Его Царского Величества из сего света в вечное блаженство небесного царствия, на прародительском великого и преславного Российского Царствия престоле учинились и венец Царский и престол и Самодержавный скипетр и державу, при помощи того ж Всемогущего Бога, восприяли Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, Наше Царское Величество, и Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, Наши царского Величества подданные, Касимовские и Сибирские Царевичи, и бояре наши, и окольничие, и думные люди, и все чины Московского Государства, пред святым Евангилием веру учинили, на том, что им Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, служити и прямити, и во всем всякого добра хотети, а Нашего Царского Величества подданного Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетмана, Ивана Самуйловича, и генеральную старшину, и полковников, которые при нем в Батурине есть, указали Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, привести к вере думному нашему дворянину и наместнику Курмышскому, Ивану Афанасьевичу Желябужскому, да дьяку Максиму Бурцову, а тебя, Нашего Царского Величества подданного, миргородского полковника, и при тебе бу-

дучее поспольство, и полку твоего во всех городах и местечках жилецких людей, указали Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, привести к вере Нашего Царского Величества дворянину. И мая 24 дня к Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, писал думный наш дворянин, Иван Афанасьевич, и дьяк Максим Бурцов, что по Нашему Царского Величества указу, Нашего Царского Величества подданной, Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетман Самуйлович и генеральная старшина и все батуринские жители, пред святым Евангилием на верное и вечное подданство обещание учинили, и Крест целовали, и к крестоприводной записи руками своими подписались, и в полки для приводу к вере всех войсковых чинов и градских жителей, по Нашему Царского Величества указу, послали они, думной Наш дворянин и дьяк, Нашего Царского Величества дворян, вместе с его, Нашего Царского Величества подданного, Гетмана Ивана Самуйловича, посланными, и сего же мая в 27 день, по воле того ж Всемогущего, в Троице славимого, Бога, и по Нашему, обоих Великих Государей, общему совету и согласию, и по упрошению о святом Духе Отца Нашего и Богомольца, Великого Господина, Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всея России, и всего освященного собора, так же и по челобитью подданных Наших, Касимовских и Сибирских Царевичей и бояр Наших, и окольничих, и думных людей, и стольников, и генералов, и полковников, и стряпчих, и дворян Московских, дьяков, и жильцов, и дворян городовых, и детей боярских, и всяких ' чинов служилых людей, и гостей, и черных сотен, и слобод всяких торговых людей, так же и всех чинов Московского Государства людей, на прародительском великого и преславного Российского Царствия на престоле учинилися, и венец Царский, и престол, и Самодержавный скиптр, и державу восприяли Мы обще, Великие Государи Цари и Великие Князья, Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцы, Наше Царское Величество и Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Величеству, те выше помянутые Наши, Царского Величества, подданные, Касимовские и Сибирские Царевичи, и бояре Наши, и окольничие, и думные люди, и стольники, и генералы, и полковники, и стряпчие, и бояре, и всяких чинов служивые люди, тако ж и всех вышепомянутых чинов Московского Государства люди, пред святым Евангилием веру учинили, на том, что им обоим Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Величеству, и наследникам Нашим Государским, и Нашей Царского Величества матери, Благоверной Государыне Царице и Великой Княгине, Наталье Кириловне, и Брата Нашего супруге, Благоверной Великой Государыне Царице и Великой Княгине, Марфе Матвеевне, и Нашим Государским теткам и сестрам, Благоверным Государыням Царевнам, служити и прямити и во всем всякого добра хотети без всякие хитрости, и быть им в Нашем Государском повелении, так же как были при отце Нашем, Государеве, блаженныя памяти, при

Великом Государе Царе и Великом Князе, Алексее Михайловиче, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, также и при Брате Нашем, блаженныя памяти, при Великом Государе Царе и Великом Князе, Феодоре Алексеевиче, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец. А тебя, Нашего Царского Величества подданного, полковника, и при тебе будучее поспольство, и полку твоего во всех городах и местечках жилецких людей, указали Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, привести к вере Нашего Царского Величества дворянину, Федору Ивановичу Анцыбукову, и тебе б, Нашего Царского Величества подданному, миргородскому полковнику, Данилу Апостолу, о том ведать, и учинить по сему Нашему Великих Государей, Нашего Царского Величества указу, и быть во всем на Нашу, Великих Государей, Нашего Царского Величества, милость надежну, и полку своего во все города и местечки к старшине и к сотникам, и по всяким градским и уездным урядникам, от себя писать, чтоб они съехались к тебе, полковнику, и по тому учинили. А мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, тебя, Нашего Царского Величества подданного, миргородского полковника, и все Войско Запорожское, учнем держать в Нашем, Царского Величества, милостивом призрении, и при помощи Божией от всех наступающих неприятелей в обороне, также как вы были в милостивом призрении и в обороне при отце Нашем Государском, блаженныя памяти, при Великом Государе, Царе и Великом Князе, Алексее Михайловиче, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержце и при брате Нашем, блаженныя памяти, при Великом Государе Царе и Великом Князе, Феодоре Алексеевиче, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержце, и права ваши и вольности ни в чем нарушены не будут, в том бы тебе, полковнику и полку твоего всему поспольству на Нашу Царского Величества премногую милость быть надежным. Писан Государствия Нашего в Дворе, в Царствующем Великом граде Москве, лета от создания мира 7190, месяца июня 1-го дня.

Князь Дука-господарь вместо гетмана

Турки со своей стороны, как не стало у них гетмана Хмельницкого, определили на место его молдавского князя Дука господарем, и дали ему в посесию всю оставшую за ними часть Украйны, от самого Днестра до реки Днепра, а Молдавия другому князю препоручена. Дука, будучи в Украйне, собрав с повету немировского от Покутья людей, оными выстроил для житья себе дом в Целовке, по сей стороне Днестра. В Немирове же вместо себя, поставил наместника. Но как Украйна оная людьми была весьма пуста, обнародовано сего ради было везде, чтоб возвращались все в свои места, с тем, что увольняются те, кои приходя, селиться по прежнему будут, на несколько времени от всех сборов и податей. Что ж касалось до Подо-

лии, оная со всеми ее городами подсудною сделана Каменца Подольского паше, который во всех городах, да и в Бару и Межибожье, свои турецкие залоги поставил, а Дуку господарю дела до тех мест не было.

Польша, разорвав с турками мир, и собрав войско, помогает цесарю против турок и побеждают их

1683 года турки объявили против венского двора войну, а Польша, за суровости их турецкие, под сей случай разорвав с ними мир, вооружалась против турок, и по окончании Сейма собрала войска свои, с которыми сам король, Ян Собейский, стоял на границе за Краковым и с оными, по прошению венского двора, для вспоможения им против турок, с приумножением сил своих, ходил до столичного их цесарского города, Вены, и там обще с войском цесарским, сентября 13 дня, турок разбил и прогнал даже из границ имперских. В оную войну многие паши турецкие, и Дука, господарь украинский, в полон поляками взяты.

Поляки украинские города под свое владение отбирают и гетмана над козаками своими поставляют. Гетман Куницкий [117]. По убийстве Куницкого козаками поставляется гетманом Могила [118], он же Мигула

Поляки видя себя победителями над турками и что мир с ними уже нарушен, при том, что и начальника Украйны, Дуки, не имеется, а находится у них в полоне и содержится как равно и паши, в Львове, под караулом, вступя в 1684 году в Украйну свою, объявили о себе и повелели живущим тут вооружаться и собраться козакам. По чему с охотою почти все облеклися, и к ним множество от разных мест приобщились, к которым от стороны польской определен и начальник, именем Куницкий, а потом наречен и гетманом, который учредил по прежнему в полковых городах своих полковников, и, собравши войско, пошел с оными через Рашков в Молдавию, а оттоль к татарам в Бессарабию, где при Тягине местечке, сжег предместье, но замка взять не мог; однако ж в околичности там множество деревень опустошил, и далее бы разорение сделал, если б орда с сыном ханским, к тому не прискорила. Они, напавши на козаков, сразились и ужасную битву с ними произвели, от чего Куницкий ужаснулся; он думал, что козаки его побиты будут и что он, между тем, от них не спасется; оставя их сего страха ради, бежал с малым числом людей обратно; козаки ж, управившись с татарами, возвратились благополучно и тотчас начальника своего, Куницкого, за побег и оставление

их, убили, а на место его козака запорожского Могилу, жителя немировского, начальником себе изобрали и гетманом своим нарекли, который, выгнав турок из городов, состоящих к Подольцу, в оных свои залоги учредил, а дальные тут города турецкие разорил.

За перехождение козацкое на польскую сторону для вспоможения, им делается от России запрещение

К сим козакам, по приглашению польскому, несколько из заднепровских козаков делали к ним перехождение и чинили им так же против турок вспоможение. Они в мае месяце, когда везли в Каменец провиант, разбили два турецкие конвоя, но на третий большой напавши, сами претерпели и несколько сот потеряли козаков, за что они хотя получали от них исправно свое жалованье, но вознамерившиеся назад возвратиться, остановясь близ Триполья при Днепре, просили от польского гетмана себе увольнение. Он же, хотя 3000 человек под великими обещаниями у себя и удержал, однако ж четыре полковника с 5000 человек назад в Переясловль пришли, потому что гетман Самуйлович, видя то козацкое перехождение, и что через чинимое вспоможение Польше, тратят сами себя понапрасну, запретил своим, под взысканием. А как козацкий же полковник, Иван Стригайло, будучи прельщен от польских комиссаров, своим полком полякам вспомоществовать хотел, то заказал ему сперва гетман, чтоб он того не делал, а напоследок его, в июле месяце, за непослушание отставил и определил на его место другого, Григория Пойдужского, за что он от двора получил с нарочно присланным себе похвальную грамоту и призыван был на совет о войне турецкой, и чтоб тех козаков, которые несмотря на гетманское запрещение, в польскую службу вступили, старался бы всеми мерами оттуда возвратить.

Отграничение к Стародубу

В оном же лете, по указу их царских величеств, гетман Самуйлович велел от Гомля по самую Сожу реку даже до Рославля все села и деревни объехать и, отобрав от поляк, к стороне российской, к городу Стародубу, причислить по которым селениям полковник стародубовский и залоги свои поставил.

Каменец Подольский был в осаде от поляк

Между сим временем король польский Каменец Подольский осадил, но, по жестокому из города от турок сопротивлению, а паче

за приключившимися в войске его болезнями и при том за пришедшими татарами с ханом, города одержать был не в состоянии, однако ж Молдавия и часть Валахии от козаков, так равно как от татар польских и поляк, весьма опустошена была.

Козаки цесарю помогают

Потом в 1686 году, по требованию цесаря, многие козаки из обосторонной Малороссии ходили в Цесарию и разбили Текелия, воеводу венгерского и турецких пашей, и с тем, по окончании того, возвратились.

Турки и татары делают нападения на границы российские и пленят в польской области

Турки, за установленным миром, по вероломству своему, чинили непрестанные из Азова, а паче татары из Крыма, в область российскую, а больше в Польшу, частые набеги, как то в оном, 1685 году, и, разоряючи селения, уводили в полон многие тысячи людей; орда ж великим числом пришедши весною к Рашкову, распространилась по Кумани, а оттоль и далее, увела около 40 000 человек, в Подляхии и Волыни великое разорение сделала, чего поляки ни мало по нечаянности отвратить не могли. Для чего и с российской стороны приуготовления к вооружению делать и Киев починкою городских валов исправлять начали; ибо татары и около Белой Церкви оказались; однако ж они от тамошнего гарнизона ночью внезапно атакованы были, и отсель пошли они через Волощину для соединения с турками к реке Дунаю, после которых поляки с козаками и с польскими татарами вместо того Молдавию опустошали.

Сего 1685 года, июня 7 дня, скончался сын гетмана Самуйловича Симеон, будучи лет молодых, но разума зрелого, полковничества своего четвертого года.

Гетман Драгинич с польской стороны

В оном году был с польской стороны в Украйне гетманом некто Драгинич [119], но из каких людей и какие его воинские дела были, неизвестно, только то, что оный вскоре умре от безмерного употребления горячих напитков.

Прошение от гетмана и от всего малороссийского общества об определении в Киевскую епархию настоящего митрополита, и о преимуществах его

В сие самое время не имела Малороссия своего главного архипастыря, престольного Киевского и всей Малой России митрополита, и вдовствовала, по смерти настоящего митрополита, Дионисия Балабана, от 1665 года, на коего место хотя и был назначаемый епископ Иосиф Нелюбович, но, по ненависти на него гетмана, Павла Тетери, испрошен был от короля польского на его место быть митрополитом епископ Перемышльский Антоний Витицкий, который и был тем саном в 1670 году посвящен, но, за частыми на Киев неприятельскими набегами, от 1683 году жительства в Киеве не имел, по каковой причине в месте митрополичьем находился епископ Луцкий Гедеон Святополк, князь Четвертинский. Каковых обстоятельств ради, гетман Иван Самуйлович вошел в оное состояние, имея о том рассуждение с целым своим обществом и со всем малороссийским духовенством, и, усоветовавшись между собою об оном, положили послать свое просительное послание к Константинопольскому патриарху; ибо от начала православия в России, всегда, за лишением архиерея Киевской митрополии, просимо всем миром было от того вселенского патриарха, и от оного избранный миром хиротонизованным был в митрополиты Киевские, как равно о том представя, просили и у их царского величества, государей царей и великих князей всероссийских, на то их благоволение, чтоб на вдовствующий Киевский митрополичий престол благословлено и повелено было посвятить настоящего, из природных украинских жителей в митрополиты, назначаемого ими целым обществом и за достойного признаваемого из их природных людей, того епископа Луцкого, Гедеона Святополка, князя Четвертинского, как по всем правам того просить не от короля чуждого, но от своих государей царей долженствует. По каковому общему мирскому и духовному согласию и приговору послано было, как в Константинополь к патриарху, так и в Москву до их величества государей царей и великих князей всероссийских, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, с нарочными двумя игуменами монастырей Выдубецкого, Феодосия Углицкого, и Переясловского, Иеронима Дубину, да генерального писаря, Саву Прокопова, всеподданнейшее просительное челобитье, что их величество весьма с уважением принять благоволили, и немедленно тому епископу, Гедеону, указом своим в Москву прибыть повелели, куда он по тому и отбыл, и там в царствующем граде, по представлению их царского величества, святейшим патриархом Иоакимом в соборной Апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы, рукоположением на тот престол благословлен, и 7194 году, ноября 8 дня, возведен. Причем от гетмана особо через нарочно присланных же, бунчужного, Константина Иванова, да войскового канцеляриста старшего, Василия Кочубея,

челобитьем всеподданейше прошено, чтоб быть той епархии под послушанием и благословением только святейшего патриарха Московского и между великороссийскими митрополиями первоначальное, но первопрестольному граду великих князей российских, и все бы духовные дела и суды в Киевской епархии митрополиту препоручены были, а не иным властям духовным, так равно и все преимущества, надлежащие до митрополита, ему и будущим пожаловано было. Что все просимое их царское величество милостивою грамотою пожаловал и с тем до Киева, в том же году 1686, в месяце январе возвращен он, и обо всем вышеписанном гетману указом знать дано. В каковой же силе тому преосвященному митрополиту, Гедеону, та грамота пожалована, тому при сем точный список прилагается:

Царская жалованная грамота на прошение малороссийского общества в определении и посвящении в Киевскую епархию митрополита, с преимуществами его

Божиею милостию Мы, Великие Государи Цари и Великие Князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, и Великая Государыня, Благоверная Царевна и Великая Княжна, София Алексеевна, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцы, Московские, Киевские, Владимирские, Новгородские, Цари Казанские, Цари Астраханские, Цари Сибирские, Государи Псковские, и Великие Князья Смоленские, Тверские, Югорские, Пермские, Вятские, Болгарские и иных Государи и Великие Князья Новагорода Низовския земли, Черниговские, Рязанские, Ростовские, Ярославские, Белоозерские, Удорские, Обдорские, Кондийские и всея Северныя страны Повелители, и Государи Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных многих Государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчичи, и Дедичи, и Наследники, и Государи, и Обладатели. Наше Царское Величество пожаловали Нашего Царского Величества Богомольца, Преосвященного Гедеона Святополка, Князя Четвертинского, Киевского и Галицкого, и Малыя России Митрополита, и впредь по нем будучих Богомольцев Наших, Преосвященных Митрополитов Киевских, и всей той Епархии Киевской причт, и всей Малой России чин духовных властей и под властию будучих, повелели им, по челобитью и прошению, Нашего Царского Величества верного подданного, Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетмана, Иоанна Самуйловича и всего Митрополии Киевской духовного причта, на их права и вольности дать сию Нашу Царского Величества жалованную милостивую утверждающую Грамоту, то есть, ведомо им Богомольцем Нашим, как, по милости во Троице славимого Бога, в прошлом от создания мира 7096, а от Рождества Спасителя Нашего 1587 года, при предке Нашем, Государе, блаженныя памяти, при Великом Государе Царе и Великом Князе Феодоре Ивановиче, всея России

Самодержце, по его Государскому святому намерению и изволению, а по совету и благословению всех Святейших Вселенских Патриархов и всего Освященного Вселенского Собора, Преосвященнейших Митрополитов, Архиепископов и Епископов, будучи в Нашем Царствующем, Великом Граде Москве, Святейший и Блаженнейший Кир Иеремия, Патриарх Константинопольский, благословил в Нашем Российском Государстве благочестивыя церквы Греческого закона, у Пресвятые Владычицы Нашей Богородицы и присно Девы Марии, честного и славного Ея Успения, и у Великих Святителей и Чудотворцев Московских, быть с Святейшим Патриархом и рукоположением посвятил Святейшего и Блаженнейшего Кир Иеремея (Иова?) Митрополита в Патриархи, так же в 7098 году, к тому ж предку Нашему, блаженныя памяти, к Великому Государю и Его Царскому Величеству, Святейшие и Блаженнейшие Вселенские Патриархи, и всего Освященного Собора, Преосвященнейших Митрополитов, Архиепископов и Епископов, с подписанием рук Грамоту прислали, в которой обретается благословение их Архипастирское, что и впредь Святейшим Патриархом Московским поставлять их в России от Митрополитов и Архиепископов и Епископов, и по тому их Святейших Вселенских Патриархов благословению, в Нашем Государстве Святейшие Патриархи Московские и всея России поставляются, от Преосвященных Митрополитов и Архиепископов, и Епископов, и до сего времени. А Преосвященные Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы всего Нашего Самодержавного Великого Российского Царствия рукоположение и благословение принимали от Святейших и Всеоблаженнейших Московских Патриархов, и ныне приемлют во Святом Духе от Отца Нашего и Богомольца, Святейшего Кир Иоакима, Патриарха Московского и всея России и Северных стран, так же по милости того ж Всесильного Бога, и предстательством Пресвятые Владычицы Нашей Богородицы и пресно Девы Марии, при отце Нашем Великих Государей блаженныя и вечнодостойныя памяти, при Великом Государе Царе и Великом Князе Алексее Михайловиче, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержце, учинился в Нашей Государской державе, древняя прародительская Наша Государская отчина, Богоспасаемый град Киев и вся Малая Россия, и тем Святая Церковь, и весь Православный тамо живущий народ, от великого гонения и утеснения в Вере, и принуждения к Унеи, свободны учинились, а пребывают и до днесь и впредь, по благодати Божией, пребывати будут в Православной Христианской Вере Греческого закона под Нашею Государскою Самодержавною высокою рукою. Однако ж той Нашей Государевы державы, Богоспасаемого града Киева Церковь Божия и Митрополии престол, многие лета пребывали без пастыря, а отступники Святыя Восточныя Церкви, пребывающие при костеле Римском, видя того Богоспасаемого града Киева и Митрополитанский престол без пастыря, дерзают писатись непрестанно блюстительми оной Киевской Епархии, а то

чинится для того, что та Киевская Епархия, коликонадесять лет пастыря не имела. И того ради Богу поспешествующу и Святей Его Благодати, а желанием Нас, Великих Государей, Нашего Царского Величества, также и по совету и благословению во Святом Духе Отца нашего и Богомольца, Святейшего Кир Иоакима, Патриарха Московского и всея России и Северных стран, и всего Освященного Собора, той Нашей Государской отчины Богоспасаемого града Киева, на вдовствующий престол, по Нашему Великих Государей, Нашего Царского Величества, указу, службою и радением и усердным в том деле попечением Нашего Царского Величества верного подданного, Войска Запорожского обоих сторон Днепра, Гетмана Иоанна Самуйловича, обран на элекции в Киеве, в церкве Святыя Софии, прошлого 7193 года, от всего причта Епархии Киевской чина духовного власти и под властью будучими, так духовными особами, яко и мирскими чинами на ту элекцию собранными, единомысленно и единогласно пастырем и Малороссийской Церкви хранителем, вышепомянутый Преосвященный Гедеон Святополк, Князь Четвертинский. И по совершении оной элекции, к Нам, Великим Государям, к Нашему Царскому Величеству, вышепомянутый причет чина духовного той Епархии Киевской, присылали с челобитьем и прошением, честных отцов игуменов и во Церкве Малороссийской заслуженных, Феодосия Углицкого, монастыря Святого Архистратига Михаила, именуемого Выдубецкого, да Иеронима Дубину, монастыря Георгиевского Переясловского, да подданный Наш Гетман, войскового генерального писаря, Саву Прокопова, чтоб Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, то избрание, дело ко славе Божией и ко обновлению Святительского достоинства благолепно утвердить повелели вскоре. И Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, указали, ему, вышепомянутому Богомольцу Нашему, Преосвященному Гедеону Святополку, для благословения и рукоположения на престол Киевской Митрополии, быти в Наш Царствующий Град Москву, который в нынешнем, в 7194 году, ноября 8 дня, в прибытии своем, при помощи Божией, в Соборной и Апостольской церкве Пресвятые Владычицы нашей Богородицы и присно Девы Марии, честного и славного Ея Успения, во Святом Духе Отца Нашего и Богомольца, Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всея России и Северных стран, рукоположение и возведение на той престол восприял. Да в челобитье Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, вышепомянутого Киевской епархии причта чина духовного, и верного подданного Нашего Гетмана, с которым он прислал войскового генерального бунчужного Константина Иванова, да войсковой канцелярии старшего Василия Кочубея, написано, что Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, изволили той Киевской Епархии быть под послушанием и благословением, Святейшего Патриарха Московского, между Великороссийскими Митрополиями первоначальною, и Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Ве-

личеству, покорно и всепокорно били челом, чтоб милостивым Нашего Царского Величества повелением, суды Митрополита Киевского, в своей Епархии были содержаны, и никто б от тех судов в Царствующей Наш Град Москву с челобитными не был, и Святейший бы Патриарх в те суды вступать не изволил, и челобитья ни у кого никакого не принимал, соблюдая ту первоначальную Митрополию в таком содержании, в каковом она под благословением Святейшего Вселенского Константинопольского Патриарха обреталась, и была во всем вольна, яко в соблюдении Митрополичей чести, так и в исправлении духовного чина и церковного начала, и в сохранении прав и вольностей своих обыклых, обретающихся в исконном начинании и в предбудущие времена о вольном избрании Митрополита от них, так же, дабы епископии, архимандрии, игуменства, братства, монастыри и церкви, которые издавна належали к послушанию Митрополии Киевской непременно, и ныне оному вышепомянутому Богомольцу Нашему, Преосвященному Митрополиту, и которые по нем будут, в послушании были, и митру бы со крестом, и ношение креста в своей ему Епархии во всяких походех, и печатание книг, на хвалу Божию, и на оборону святыя Веры иметь, и учение б детям греческого и латинского языков при обыклости древней не возбранять, и все обыкновения прежние содержать безпременно, в чем на Нашу, Великих Государей, Нашего Царского Величества, милость будучи они надежны, просят покорно, чтоб Мы, Великие Государи и Великая Государыня, Благоверная Царевна, Наше Царское Величество, те вышеупомянутые духовного чина права и вольности, Нашею Государевою жалованною грамотою милостиво утвердить повелели. И Мы, Великие Государи Цари и Великие Князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, и Великая Государыня, Благоверная Царевна и Великая Княжна, София Алексеевна, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцы, и многих государств и земель, Восточных, и Западных, и Северных Отчичи, и Дедичи, и Наследники, и Государи, и Обладатели, Наше Царское Величество, видя верные и радетельные к Нам, Великим Государям, к Нашему Царскому Величеству, подданного Нашего, Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетмана, Иоанна Самуйловича, службы и всей Митрополии Киевской причта чина духовного, усердное в том Божием деле радение и попечение, изволили челобитье и прошение его, Гетманское, и Епархии Киевской духовного чина, и всего Войска Запорожского, и народа Малороссийского, принять милостиво, и того Богомольца Нашего, Преосвященного Гедеона Святополка, Князя Четвертинского, Митрополита Киевского и Галицкого и Малыя России, и впредь по нем будучих Митрополитов Киевских, и весь тот той Епархии Киевской причт и чин духовных властей и под властию сущих, в надежду Нашей Государской милости, пожаловали, для утверждения той Киевской Епархии, и в подтверждение прежних духовного чина прав и вольностей, сию Нашу Царского Величества милостивую жало-

ванную Грамоту дать повелели, впредь той Епархии Киевской быть между Великороссийскими Митрополиями первоначальною, и судить Митрополита Киевского в своей Епархии, быти и отправлятися по прежним обычаям, и никому от тех судов в Царствующий Наш Град Москву с челобитьем не приходить, и во Святом Духе Отцу Нашему и Богомольцу, Святейшему и Блаженнейшему Кир Иоакиму, Патриарху Московскому и всея России и Северных стран, и по нем впредь будучим Святейшим и Блаженнейшим Патриархом Московским, в те суды не вступатись, и челобитен ни у кого не принимать, а быть той Киевской Епархии в таком же соблюдении, в каковом она была до сего времени, под благословением Святейшего Вселенского Константинопольского Патриарха, как Митрополичей чести, так и во исправлении духовного чина, и церковного начала, и в сохранении прав и вольностей обыклых, обретающихся по исконному обычаю. Так же всем высоким и низким духовным особам, а именно: Богомольцам Нашим, Преосвященному Лазарю Барановичу, Архиепископу Черниговскому и Новгородскому, Киевопечерской Лавры Архимандриту, Варлааму Ясинскому и Черниговской Епархии Архимандритам, Могородскому и Елецкому, и Игуменом нынешним, и по них впредь будущим, также и иным Епископам, Архимандритам, и игуменствам, братствам, монастырям, церквам, которые издавна надлежали к оной Митрополии непременно, и ныне повиноватись, и послушание отдавать ему, Богомольцу Нашему, Преосвященному Гедеону, Митрополиту, и по нем будущим Киевским Митрополитам, а поставлять тех властей в вышепомянутые чины, с повеления Нас, Великих Государей, Нашего Царского Величества и с благословения Святейшего Патриарха Московского, ему, Богомольцу Нашему, Преосвященному Гедеону, Митрополиту, и впредь будучим Киевским Митрополитам, и на Архиерейский Киевский престол в предбудущие времена в Митрополиты обирать им вольною элекциею по Нашему, Великих Государей, Нашего Царского Величества, Указу, и за благословением же Святейшего Патриарха Московского, мужа в Божественном Писании искусного и тихого, из тамошних природных обитателей, и митру со крестом имеющу, как в Царствующем велицем Нашем Граде Москве, приключающееся в Соборней и Апостольской церкве, Пресвятыя Владычицы Нашей Богородицы и присно Девы Марии, в службе Божественныя литургии, со Святейшим Патриархом, и в иных, так же и в Малой России. А ношение креста в своей ему Епархии во всех походех, и печатание книг, также и учение детям Греческого и Латинского языков невозбранно иметь, и все обыкновения прежние без применения содержать повелеваем. А в делах, приключающихся Малыя России, как в военных, так и расправных, воля ему, Преосвященному Митрополиту, и впредь по нем будущим Митрополитам Киевским, быть не имеет, и вступатися не довлеет, понеже то надлежит от Нас, Великих Государей, от Нашего Царского Величества подданному, Нашему Гетману, Ивану Са-

муйловичу и впредь по нем будучим Гетманам, также и Королевства Польского в державу, и к духовным особам, ни к кому, без совету подданного Нашего, Гетмана Иоанна Самуйловича, и впредь по нем будущих Гетманов, ни о каких в духовных делах ему, Богомольцу Нашему, и впредь будущим Митрополитам, не писать, и с ними ссылок не иметь. А когда ему, Преосвященному Митрополиту, прилучится о приключающихся в духовных делах в тех странах во Благочестии к живущим духовным особам писать, и о том о всем ему, Преосвященному Митрополиту, и по нем будучим Митрополитам, советовать с ним, подданным Нашим, Гетманом, Иоанном Самуйловичем, и по нем будучими Гетманы, а без совету того не иметь. А если бы к нему, Богомольцу Нашему, Митрополиту, и впредь по нем будучим Митрополитам Киевским, из стран Польских и Литовских и иных с какими письмами, присланными до него, кто прибыл, или через кого, или почтою, что донесено будет, и ему, Богомольцу Нашему, Преосвященному Митрополиту, и по нем будучим Митрополитам Киевским, о том объявлять, и письма присылать, и подданному Нашему, Гетману, Ивану Самуйловичу, и впредь иным, по нем будучим Гетманам, а ему подданному Нашему, о том к Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Величеству, писать. А когда по Нашему Царского Величества, указу, ему, Богомольцу Нашему, Преосвященному Митрополиту, прилучится для каких великих дел в Наш Царствующий великий град Москву прибыть, и тогда ему в прибытии своем на Москве времени не продолжит, а отпущенну по Нашей Государской милости в свою Епархию ему быти вскоре, а по обыкновению Великороссийских Преосвященных Митрополитов, в Наш Царствующий град Москву на годовое и полугодовое время его не взывать. И тех всех вышеписанных Киевской Епархии прав и вольностей в содержании сею Нашею Государскою жалованною Грамотою милостиво обнадеживаем и утверждаем неподвижно, и быти им на Нашу Государскую милость во всем надежным, а ему, Богомольцу Нашему, Преосвященному Гедеону, Митрополиту Киевскому, Галицкому и Малыя России, и по нем будучим Митрополитам Киевским, со всем причтом Малороссийского народа духовным, быть под благословением и послушанием в Святом Духе Отца Нашего и Богомольца, Святейшего и Всеблаженнейшего Кир Иоакима, Патриарха Московского и всея России и Северных стран, и по нем будучих Святейших и Всеблаженнейших Патриархов московских, навеки неотступно, по своему обещанию, каково он учинил и подписанием руки своей ствердил при возведении и благословении своем в Митрополиты в Соборной Апостольской церкве Пресвятые Владычицы нашей Богородицы и присно Девы Марии, честного и славного Ея успения, не отлучаясь под повеление и разсуждение к иным Епархиям. А правам их и вольностям, в сей Нашей Царского Величества милостивой жалованной Грамоте описанным, то его обещание ни чим преминенно и нарушено быть не имеет, и Богомольцу Нашему, Преосвя-

щенному Гедеону Святополку, Митрополиту Киевскому и Галицкому и Малыя России, и той Киевской Епархии причту чина духовного властем и под властию сущим, видя к себе сию Нашу, Великих Государей, Нашего Царского Величества, неизреченную милость и жалованье, Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Величеству, свое обещание исполнять твердо и непоколебимо, а Наша, Великих Государей, Нашего Царского Величества, милость от Нас отъемлема не будет. Дана сия Наша Великих Государей, Нашего Царского Величества, жалованная милостивая Грамота, государствия Нашего во Дворе, Царствующем Граде Москве, лета от создания мира 7194, месяца декабря 15 дня, государствования Нашего четвертого года.

На выше упомянутое просительное послание Гетмана Ивана Самуйловича, воспоследовала от Константинопольского и Вселенского Патриарха Дионисия, и от всего его Освященного Собора, к Государям Царям и Великим Князьям Всероссийским, и к Киру, Патриарху Московскому, благословительная грамота на хиротонисание от сего времени и впредь Киевского Митрополита, в нижеследующем содержании:

Грамота, присланная в Россию, от Цареградского Вселенского Патриарха, о постановлении на всегда Московским Патриархом в Киевскую Епархию Митрополита

Года 1686-го, месяца июня, индиктиона 9

Дионисий, Милостию Божиею Архиепископ Константинопольский, Нового Рима и Вселенский Патриарх. Вся (глаголет Апостольское слово) к созиданию да бывают, аще делающим нам, или глаголющим мысли нашей, подобает действоватися ко устроению ближнего и управляться к пользе братий всех, ибо Божественный Апостол и братию звать не перестает, и исправления их радеть не отлагает, научая, яже ко спасению способствуют, и возбуждает каждого, радети о своем обещании, неусыпными очесы, и внимательным ума стремлением вложить каждому приличествующему утешение и лице (?) даже до ныне обещания сего наследники Апостольские пребывали, их же наследничество и нашему смирению восприявшу, предусмотрением вси, яко же ему показася, правящу всесильному дому и соборно председательствующу, соседательствующим с Нами Преосвященным братиям и Архиереям, Грамоты Пречестные объявившим, тишайших православнейших и Богом венчанных Царей и Великих Князей Московских, Государей и Братий, Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, Самодержцев всея Великия, и Малыя, и Белыя России, и многих Государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчичей и Дедичей, и Наследников, и Государей, и Обладателей, возлюбленных по Господе и из утробы возжелаемых сынов Наших, и Блаженнейшего Патриарха Московского и всея России, Кир Иоакима, во Святом Духе возлюбленного брата

и сослужителя Нашего, и благочестивого и святительного, вкупе с вышереченным державнейших Великих Государей Запорожского Войска обеих сторон Днепра Гетманом, Господином Иваном Самуйловичем, о Господе сыном нашим возлюбленным, извещающая, яко Епархия, еже в Киеве, во еже быть подлежащей под Высочайшим и Святейшим Вселенским Константинопольским престолом Архиерея, ее Хиротонию, или издание Хиротонии, всегда от него восприяша по священных законов повелению. Пред немалыми ж леты Митрополии сей вдовствующей, прошедшу времени, и не хиротонисану, бывшу в ней искреннему Архиерею, яко посреди двоих Величайших Царств войны, пения (?) припадши время восхитив и благовременне получив, врачь правдивыя и истинныя, и святыя непорочные веры Православных Християн, кукол и терние всея посреде пшеницы, си есть Православные и едва не бедствует сию подручную имат чудными странными мудрствовании. И сего ради просил с великим благоговением и с множайшим молением давать волю Блаженнейшему Патриарху Московскому хиротонисати Митрополита Киевского, когда пребывает лишенна смиренного Архиерея Митрополия сея, или ради вины благословения отложен бывает архиерательствующий, его же изберут, иже Епархии сей подлежавшие Епископы, Архимандриты, Игумены священных монастырей и прочии, яко же обыкло, во еже не пребывать впредь Епархии сей без предстателя, яко же трудно и зело люто оттуда совершающуюся делу сему, яко же и всем явну сицу, и возсеяв паки, си есть ересь и схизматическия мнения, враг истинный дьявол, яже и величайшие и державнейшие царствия владеющие нам повелевает, понеже умалено от тишайшего и христианнейшего сего царствия, си есть никакие препоны сотворить к сему делу, тем же умерение наше, понеже превысокость Вселенского престола получивше, еликая сила пещися, попечения требующих познавать, яко же отповедь дали о всех, иже от Бога есть поверившихся, прошение сие зело радостно восприимуют, и благословенну и праведну утверждать, письменно Собором, и пречестным, иже во Святом Духе возлюбленным наших братий сослужителем повелеваем, да Святейшая Епархия Киевская будет подлежащая Святейшему Патриарху Московскому, его же изберут, иже во Епархии сей подлежащие боголюбезнии Епископы, пречестнии Архимандриты, преподобнейшие Игумени священных и пречестных монастырей, преподобнейшии Иеромонахи, благоговейные Иереи, преподобные Монахи, и Боляре и прочии, увещанием и произволением тамошнего великого преславного Гетмана, яко же обычай в том месте обыклый, и восприять от него, еже в мемвронах глаголемое деяние, и познавать оного старейшего, и предстателя своего, яко же от него хиротонизающуся, а не от Вселенского, яко же вышереченно, ради места, паче мерного отстояния, и ради часто приключающихся посреди двоих царствий браней, и образом снисходительным употребляясь по своему предреченному обычаю, и подающую смотрением ему сицевую волю. Когда

же совершает Митрополит Киевский в своей Епархии божественную и священную безкровную жертву, да воспоминает во первых пречестное имя Вселенского Патриарха, яко сущу источнику и началу и предвосходящу всех, иже повсюду приселеннии (?) и Епархии, потом Патриарха Московского, яко старейшего своего, никому в том противящуся или прекословящу ни в чесом, яко же благословенно и праведно бывшу, а иже паче в писанных помысливши, или иначе восхотевши непослушенство, или противность показать государеву повелению противен будет, и от оного мздовоздательства приимет, яко пренебрегатель Патриархов, сущих образов Бога одушевленных и живых, тем же и явления ради дела сего и утверждения, сия написана соборная и здательная Грамота, и во священном кодине, написан же при нашей Христовой великой церкви, и списавшись вручил Блаженнейшему Патриарху Московскому, Кир Иоакиму, в лето вышеписанно.

Внизу приписано Патриаршескою рукою, а потом приписано Митрополическими руками:

Ираклийский Герман, Кизикийский Кирилл, Никомидийский Мелетий, Халкидонский Захарий, Тевсалорийский Неофит, Прусийский Макарий, Ларисийский Парфений, Нафиармакарта Варфоломей, Мирнофилийский Григорий, Костерозарийский Калинник, Дистрийский Кирилл, Силиврийский Дионисий, Видийский Мизийский Захарий, Приконский Митрофан, Пароловский Иоасаф, Вермский Афанасий, Критский Калиник, Редистицкий Никодим, Аникяцкий Даниил: Киевский Митрополит мает совершатись на Москве благословнием Вселенского Патриархий и Собору.

Татарское пленение в Малой России

В оном 1686 году, напавши татары на Заднепровскую сторону, в разных местах много людей в полон побрали и порубили, и с тем назад возвратились.

Король польский ходил войною в Молдавию и Валахию

Король польский в оное время ходил с великим числом войска своего (оставя немало для осады при Каменце Подольском) в Молдавию и Валахию до Дуная, но знатного чего туркам сделать не мог, потому что они вели в то время на Средиземном море и против цесаря войну, а вместо того напал на него сын крымского хана с ордою немалою, с которым имел он непосредственное дело и побоище, от чего он, наконец, принужден был не без урону возвратиться в Польшу, сам же хан в сие время находился в доме, с ожиданием тем, что может быть будут козаки и литовцы в Крым.

Намерение российское о начатии войны против турок и татар

За вероломство турецкое и за чинимые от татар многие обиды и разорения Российскому государству, в оном году чинены были в Москве такие учреждения, от которых можно было заключать, что Россия имеет какое нибудь тайное намерение против Крыма, а именно: выкупали прежде в каждой год по некоторому числу российских подданных, которые у татар в полону находились, что после указом запрещено было, так же не хотели больше от двора никаких послов в Крым отправлять, ни татарским позволить в Москве быть. Все сие определено было еще в марте месяце.

По совету папскому и цесаря уставляется вечный мир между Польшею и Россиею, дабы обще воевать на турка

Причина к тому та состоялась, что для многих тех важных обстоятельств, а паче по старанию и приговору папы римского и цесаря, Польша должна уже была, наконец, приступить к совершенному вечному миру с Россиею, с тем, чтоб остаться Смоленску с своим ведомством и Киеву по установленным вокруг его границам, со всею Заднепровскою частию Малой России, так же чтоб в землях и владениях Короны Польской и Великого княжества Литовского, греко-российская церковь и исповедания ее люди, пользовались непременно и во всегдашнее время принадлежащими им вольностями, правами и преимуществами, и оные не нарушать ни под каким видом и образом, при том и с тем обязательством, чтоб с турками разорвать мир и объявить им войну, и каждому воевать против их и крымцов с своей стороны, помогая тем друг другу, в чем, при поставленном вечном мирном трактате в городе Явурове в 1686 году, мая 6 дня, на обе стороны подписками, с печатями и присягою, утвердили, с польской сам король Ян Третий, с министрами своими, при после их царских величеств, боярине Борисе Петровиче Шереметеве и других особах, кои с ним были, что и с российской стороны также учинено; по чему вся Белорусия и с частию Литвы и отобранные до Стародуба места, между Гомлем и Рославлем, по реке Соже, по прежнему возвращены, а за Киевом вся часть Малой же России или Украйны, Польше оставлена, что все вышеписанное и цесарем Леопольдом подтверждено.

Сечевские козаки отлагаются от России. Сии козаки привлекаются паки к России

По заключении того с Польшею мира, уже начали всеми силами против турок вооружаться; только под тот самый случай живущие в Запорожье сечевские козаки знать о себе дали, что не намерены более российскими подданными быть, но вольными людьми остаться вознамерились, для чего и с татарами твердо соединится согласились. Но, опасаясь сего, если оное самым делом совершится, то и с турками тогда будет делать нечего, принуждено того для было, чтоб всеми мерами пресечь оное, послать к сим неверным козакам нарочного и при том знатную сумму денег, дабы тем их по прежнему привлечь и успокоить, и на иные мысли возвесть, чрез что они склонились, и так, что обещались не только под властию российскою быть, но и вооруженною рукою против турок и татар воевать, что они в знак своей в том справедливости, учиня, в присутствии того посланного, всех татарских пленников порубили.

Начало выступления сил российских на Крым. Возвращается сила российская обратно

По чему в 1687 году, определено было начать войну, для которой и выступили из Москвы: мая во 2 день, 50 000 человек, кроме украинских козаков; и был того войска главным полководцем, или воеводою, определен князь Василий Васильевич Голицын, по нем бояре: Алексей Семенович Шеин, князь Владимир Дмитриевич Долгорукий, и боярин Василий Курбатов, и с ними генерал Гордон, окольничие: Юрий Иванович Косагов, Леонтий Романович Неплюев, граф фон Грагама, полковник Фестофер и прочие чиноначальники, с которого числа следовали прямо к Крыму и дошед по крымской степи, вниз по Днепру, ниже Конских Вод и реки Анчикры до Кизикирменя, за выжжением татарами на степях травы, также за исходом уже почти всего провианта, без которого по очевидной опасности, до Крыму дойти было никак не возможно, учинили совет и оным приговорено возвратиться обратно, для чего последовали 18 июня, прямо назад.

Оказывается измена гетмана Самуйловича и производится о том следствие

В то ж самое время прошел слух, будто козаки сами, попущением гетманским, степь зажгли, для отвращения того с российской стороны похода в Крым, от чего произошла тайная недоверка между козаками и россиянами. Вероятных причин находилось довольно, по которым можно было заключить, что козаки, для собственной

своей прибыли, того допустить не хотели, чтоб татары были разорены и побеждены, для чего Скляевскому коменданту приказано было прилежно примечать все гетмановы поступки. Того ради склонил он на свою сторону гетманского или генерального есаула и писаря, которые ему все его намерения открыли. Гетманское недовольствие происходило еще от заключенного в прошлом году с Польшею вечного мира, а именно: просил он тогда неоднократно в Москве, чтоб ему о мирных договорах, сколько надлежит до него и до козаков, учинено было сообщение, дабы ничего к их вреду заключено не было, так же посыланы были от него депутаты к польскому королю, что царский двор весьма немилостиво принял и учинил ему за то жестокий выговор, который он, быв в толиком почтении, во время своего правления, впервые услышал; потом примечено было, что он завидует счастью христиан против турок, а особенно не мог он утаить своей печали о взятии Буды. Напоследок открылось, что он с татарами имел тайное согласие и заключил с ними союз, после которого намерен был освободить свой народ от российского подданства и учинить себя самодержавным государем; а татары также Порте больше повиноваться не хотели, как только за денежную плату, в чем оба народа друг другу, при нужном случае, помогать обязались.

Действительный донос в измене гетманской. Присылка от царей указа о взятии гетмана под караул

Генеральная старшина коль скоро также сведали об оном, были такими поступками весьма недовольны. Будучи на речке Коломаке, июля 7 числа, они принесли на имя царское тайно жалобу князю Голицыну на гетмана, что и было представлено ко двору. На что, когда присланный из Москвы к воеводам и ко всему войску, для подлинного разведания о возвращении войска от походу того обратно и всех поступок гетманских, Стрелецкого приказа думной дьяк Феодор Леонтьев у гетмана спросил: Для чего он степи зажег? В том он заперся. Когда ж войско обратный путь в Россию восприяло, крымские татары, под предводительством Нурадина Кулги-султана, сделали было нападение на запорожских козаков, только оставленною частью войска, под командою окольничих Косагова и Неплюева в том им попрепятствовано, за что дьяком, именем царским, благодарность получили воеводы 22 числа июля. Оная почта, с которою козаки послали ко двору свою жалобу на гетмана, с указом возвратилась в лагерь, который состоял тогда в одной миле от Полтавы, при реке Коломаке, на пространном поле; по правую сторону оного стоял Алексей Семенович Шеин, и по левую гетман, с боярином Курбатовым. Оным указом велено, чтоб гетмана взять под караул и отвести его в какой нибудь город в Великую Россию, а на его место выбрать нового гетмана.

Дается повеление и учреждается о взятии тайно гетмана под караул

Сие содержано было весьма тайно и один только российский полковник, который всегда при гетмане находился, призван был к боярину и воеводе, который приказал ему арестовать гетмана как можно тихо, ибо он, опасаясь козаков, перешел со всем своим обозом в российский лагерь. Полковник собрал еще того ж вечера команду, чтоб его под караул взять. Хотя гетман и имел некоторое подозрение, также и люди его, которые о том ведали, его остерегали, однако ж он такого вида на себя показать не хотел, будто б он русских опасался, но что боится только козаков. И для того писал он в ту ж ночь к полковнику, представляя ему учиненные России верные и знатные свои услуги, и подтверждая клятвою, что он ни в чем не виноват, просил, чтоб не выслушав его, не делал ему никакого насильства, но на сие письмо он ответа не получил. Около полуночи пришел к боярину и воеводе генеральный писарь Кочубей и донес, что все по его приказу исполнено.

Гетман привозится под стражею к ставке главного военачальника, с сыном и со служительми его

Еще до рассвета пошел гетман в церковь молиться; те, которые командированы были, чтоб его взять под караул, пошли также в церковь и дожидались окончания молитвы. При выходе его из церкви подошел к нему офицер и сказал, чтоб он шел к полковнику, от чего он не очень устрашался. С ним повели и сына его, Якова, которого в то время подхватили как он хотел к отцу идти и его остеречь, но понеже все проходы крепко заставлены были, то он солдатам в руки попался; также приказано было взять под караул гетманских служителей и всех тех, на которых имели подозрение. Вдруг около лагеря поставлены были везде конные заставы, чтоб никто не мог пройти и уведомить о том другого гетманского сына, Григория, в Запорожье. Гетмана привезли в худой коляске в главную квартиру, куда и сын его, верхом, за ним следовать принужден был.

Очная ставка гетману с доносителями и по учинении гетман с сыном под стражею отвозится в Россию

В главной квартире собрались уже все генералы, старшина и козаки пришли также туда и предложили, что они, приметивши через довольное время изменнические гетмановы намерения, объявили об оных, должным образом, высочайшей власти и того ради надеются

что он, будучи ныне под караулом, по преступлению своему наказан будет. Боярин и воевода представлял им напротив того, не от приватной ли какой злобы против гетмана жалоба их происходит, и не можно ли им каким дружелюбным способом помириться? Но они ответствовали, что хотя показанные от него наибольшей части из них несправедливости были так великие, что они часто хотели его изрубить, однако ж ныне больше о том не упоминают, но только, по должности своей, о измене его свидетельствуют. Потом привели гетмана. Голова обвязана была у него белым платком, при чем он на свою серебрянную булаву опирался. Когда ему сказано было, что на него козаки донесли, то он во всем заперся и извинял себя весьма коротко; от сего произошел между ним и козаками жестокий спор. Напоследок вывели его вон; козаки требовали неотступно, чтоб гетмана наказать, но генералы того им позволить не хотели. И так отдан был гетман с своим сыном полковнику, чтоб отвести его в безопасное место в Великую Россию, а козакам приказано было выбрать нового гетмана. В избрании оного были они весьма несогласны и для того отложили сие действие до предбудущего понедельника; команду ж препоручили и за гетмана до того времени быть генеральному обозному Василию Борковскому. Между тем отправлен был курьер с ведомостью о том в Москву, а к Неплюеву послан был указ, чтоб большего гетманского сына, Григория, взять под караул.

В каковой же силе тот выше упомянутый донос на гетмана того состоял, тому с поданной от всего козацкого Войска Запорожского на имя их царского величества челобитны, о всех его и детей его продерзостях и дерзких словах, точный список при сем прилагается в следующем содержании, а именно:

Челобитная от всего войска малороссийского, о доносе на гетмана Самуйловича в его измене и поступках

Всепресветлейшим, Державнейшим, Великим Государям, Царям и Великим Князьям Иоанну Алексеевичу, и Петру Алексеевичу, и Великой Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне, Софии Алексеевне и всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцем, Их Царскому Величеству, милостивым своим Обладателям, верные подданные покорно доносят, что Войско Запорожское зело скорбно и жалостно есть, что Их Государское святое намерение, о посылке сил Их монаршеских на Крым, на который весь свет Християнский обратил очи свои и с которого все монаршеские доброхоты с великим желанием надеялись счастливых, прехвальных и к приращению безсмертныя во веки Российскому Царствию великия славы приличных сбытей, не пришло ныне к своему совершенству, в котором деле, хотя для милости милостивых и милосердных Скипетроносных Государей своих радо было Войско Запорожское при всякой бодрости и радении служить, однако не могло за неисправлевием

гетманским, который только для слепоты очей своих и для тягости своей не был и несть угоден к творению должностей, гетману приличных, другое и не желал того, чтоб над Крымом их монаршеские силы сим походом имели одоление, которое нежелательство его можно довести отсюда. Прежде учинения еще вечного мира их Царского Пресветлого Величества с Королевством Польским, всегда он, Гетман, таковы предложения через посланных и через гонцов своих к Великим Государям доносил, чтоб они, Великие Государи с турками и татарами перемирие держали, а с поляками не мирились, сказывая, что тот мир ненадобен, и для того он и села Посоженские, не советовав ни с кем, велел было заехать, хотя их Царское Пресветлое Величество ссорить глубоко с Королевским Величеством Польским, дабы тот мир не состоялся, которых сел Посожских, не имел уступить, хотя бы и многие их монаршеские к нему были указы, как и не уступал их, покамест сами поляки, по соизволению Государскому отобрали.

А как мир уже учинился вечной с Польскою стороною, и был прислан от Их, Великих Государей, ближний окольничий Леонтий Романович Неплюев, с тем мирным извещением, тогда запечалился зело и был печален многие дни, и кроме того, что пред окольничим словами недоброжелательными выявливался, говоря: Увидите, что не всяк из ваших чинов Московских вам станет благодарить, что разорвали мир хитростью польскою с Государствами Турским и Крымским, и хочете войну против их начать.

При старшине войсковой тогда же, скоро по отъезде окольничего из Батурина, многократно таковые же жестокие слова говорил: Купила ныне Москва себе лиха за свои гроши, ляхам данные, и се что в том с поляки учиненном миру сыщет, и что против хана учинят, увидите. Жалели малой дачи татарам давать, а будут большую казну давать, какову татары похотят. А после того бывал смутен и сердит и таковые слова в случаях речей поновлял, а за тот мир учиненый между монархами, не велел и молебствовать по церквам.

А как прислана ведомость от Великих Государей в списках, из разных курантов писанных, что цесарские войска Будин город взяли у турков, а венециане многие города у турков же морем побрали, и тех писем не хотел и слушать, валяются нечтены, а то от него исходит, что неохочь слышать вестей о победе христианской над бусурманами. А как услышит, что татарова поберут людей на Волыне, и тогда зело бывает весел; и колико у него бывало из Крыму мурз и посланников крымских во время перемирия, всегда правда спрашивал и приказывал к хану, чтоб непрестанно под Белую Церковь и Немиров, на Волынь и Полесье загонами татаровя подпадывая, в людях христианских урон чинили Королевству Польскому, в чем явная его измена.

Семья его, гетманская, в некое время говорила женам особ генеральных: Сердит ныне и великие похвалки чинит Иван мой на Москву; едва того не учинит, что учинил Иван Брюховецкий.

А как Королевское Величество в прошлом году из Волоской земли уступал, тогда бунчужный имел наедине речь с гетманом и такие слова изнес: Рад бы, господин гетман, чтоб поляки от татар в той земле Волоской, осадою утеснены будучи, помирились, а чай бы Москва и нас познала и легко не почитала, что мы приобещанную и надежную дружбу с Государством Крымским имеем. Хотя, по указу Великих Государей, с того прошлого лета, на сие с полками в нынешней поход готовились воевать Крым, и о том Великим Государям докучал он, гетман, чтоб все силы монаршеские, сколько их есть, в сей же поход были двинуты, однако не имел такой истинности, дабы поистине оказал свою службу, как и ныне исполнилось, потому что, хотя предлагал, чтоб Великих Государей великие подняты были силы, а советовал с прилежанием, чтоб раннего вешнего времени были в поля выведены, а то нѣ на иную какую прислугу, только на пагубу войска, понеже в Крым и прежде сего кто ни хаживал в малых собраниях, и то делал в осень, а не по весне.

А вышед из Батурина и приблизившись к реке Ворскле, хотя полки козацкие не все собрались, было предлагал накрепко вельможному боярину, Его милости Князю Василию Васильевичу Голицыну, дабы как скорее в поле выходить, и так, по его предложению и боярин, Его милость, войска, дальним из домов путем утружденные и отпочиву требующие, в поле за Самару вывел. А в тех полях, чтоб надлежало гетману о языках радеть и за неколико верст караулы посылать, и о положении поля проведывать, того он отнюдь не чинил, и боярину, Его милости, хотя хотел посылать наперед полки, отсоветовал, и совета о том от старшины не принимал, и видя около таборов пожарами пылающие поля, гасить хотя многократно старшина ему докучала, не посылал и не приказывал.

А когда пришли к Воде Конской, и там, за тою Водою, все поля пожарами выгорели, он ничего о том не радя, хотя боярин, Его милость, без совета общего рушитися совершенно, не проведав, сколь далеко выгорело за ту реку, не советовал, подвигся с полками козацкими, а после его и боярин, Его милость, подвиг Монаршеские силы, чая, что он известен есть о довольствах кормов конских, и так далее поступая, обрелось, что поля все погорели.

Того ради, по тем всем вышеписанным причинам, и нежелательствам и нерадениям, многие чают и совершенно твердят, и мы ведаем, что он, гетман, не хотя совершенно тем пожарам предварить, есть причиною и повелителем к выжегу полей, понеже, не доходя Конской Воды, когда и ему в походе болезным очам солнечный зной докучал, говорил: Се неразсудная война московская коль нам вредительна! Лишила меня здоровья крайнего. Не лучше ль было Москве дома в покое сидеть и своих рубежей беречь, нежели с Крымом войну сию ненадобную заводить? А как неможно было войскам по погорелым полям далее идти, он, не ища и не промышляя какого способа, как бы над неприятелем, хотя уже меньшим числом войска, учинить

промысел, гоня не на славу вечную войск московских и козацких, а защищая Государство Крымское, совершенно на том стал и советовал, чтоб бояре, их милости, с войсками возвратились назад.

А возвратя обозы назад, то говорил: Не сказывал ли я, что Москва ничего Крыму не сделает? Се ныне так и есть, и надобно будет впредь гораздо им от крымцов отдыматись! А творил то наругательство со смехом.

Ныне ни о чем не печалится, только так говорит пред духовною честною особою: Когда мне дал Бог сына моего с Низу целого сыскать и в Батурин придти, буду знать, что делать. Есть у меня дела напряжены к деланию иные. И то говорил через ту ж особу: Не знаю, что мне делать с теми чертями москали, как они со всеми войсками своими напрутся в домы идти! Я бы хотел просить боярина, чтоб мне дал и оставил с пять тысяч войска, а то для пождания и отыскания сына моего с Низу.

И то Пресветлейшим Великим Государям будет известно, что он, гетман, самовласно владеет и хочет владеть Малой Россией, грамоты Монаршеские у кого хочет берет, и дачи на себя, или на детей своих, оборачивает и к Царствующему Граду, Москве, не только мирским, но и духовным людям ездить запрещает, и города Государские Малороссийские не Государскими, но своими, именует, и людям войсковым приказывает, чтоб ему, а не Монархам верно служили. Сверх того говорил: когда возвратимся из крымского похода, порадеем лучше Малою Россиею утвердить, не так, как стоит в прежних статьях. А сын его, Григорий, в Чернигове бранил войта и мещан, и лаючи казнью грозил, что войт и мещане хотели поставить на ратуше орла платаного, в то знамение, что город Чернигов есть власное их Царского Пресветлого Величества отчина, и говорил Григорий войту и мещанам так: Не будете, мужики, жить на свете, что хочете выломаться из подданства господина отца моего и поддаться Москве. И заказал, дабы орла не ставили и ставить не дерзали.

Тот же сын говорил с иными хульные слова о Пресветлейшем и Превысочайшем доме Монаршем Их Царского Пресветлого Величества, которые их досады хотя и слыхал отец их, но им того не запрещал. Да и то припоминаем, что он же, гетман, высылая Михайлу Самойловича, бывшего полковника Гадяцкого, на размену с татарами, давал перво словесный приказ, а потом писал своею рукою к нему, Михайле, чтоб всеми силами радеть о утверждении сил своих и дружбы с Государством Крымским, по которому указу и Михайла говаривал: Когда бы нам самопалы козацкие соединить с саблями крымскими, сильны мы были б против всяких монархов. И такую речь многократно при старшине и всем в слух вносил: Не послушала, де, дурная Москва моего совета, помирились с поляками; дождусь же и я того в скором времени, что будут сызнова меня просить, чтоб я посредником к перемирью с государством Крымским был. Только знать буду как государство Крымское с Москвою мирить;

будут меня памятовать и ведать, как и нас почитать. Да и то говорил: Чертовские, дурные и гнусные войны Москва взяла на себя, не по себе тягость, и славилась всему свету повоевать государство Крымское; а она сама никогда не может себя оборонить. Лучше б, де, радеть при промысле нашем, своих рубежей беречь, нежели чужое лихо подыматься боронить, понеже, когда еще от своего намерения похотят войну поднять, то пропадут.

Сам от многих лет бил челом Великим Государям, чтоб чехи под Царским знамением и титулом, или в Путивле, или в Севску, были деланы; а ныне, когда с денежного двора на сию дорогу вышли и войску выдана плата, не велит и не приказывает, чтоб меж народом малороссийским брана была, и всякие купли и продажи действовалися, найпаче посмевается, говоря: Из одной меди много безделья наделали, что убогому человеку ни на что не годится, потому что будто шелуха ломятся.

Степана Гречаного, судью Гадяцкого, без ведома и изволения Государского, к Королевскому Величеству с тем посылал, чтоб Мигула, именующийся на той там стороне гетманом, с его войском самовольным не держал, а себя на всякую службу быть готовым с Войском Запорожским обещая, просил при том, чтоб ему позволил по тех мест владеть, города осадив, пока Хмельницкий владел.

Июля в 4 день, семь мостов на реке Самаре, войском окольничего Леонтия Романовича Неплюева строенные, он, гетман, с своими полками перешед велел пожечь, а на той там стороне боярина со всем войском оставил, который только два моста имеюще своих к переправе, принужден был боярин новые мосты делать, и тот его поступок изменнический учинился под войском Государским.

Июля в 6 день, призвав к себе Думитрашку, говорил: Имею, де, ведомость, что хан с султанами и с своею Ордою около войска нашего, на Низ посланного, забаву воинскую имеет, только не много помедлить, сам хан к Перекопу уступит, а султаны с Ордами против поляк пошлет, и дадут, конечно, полякам добрую встречу. Пусть же бояре, такие, непочтивой матери дети, скачут и полякам дают помочь, а не здорово дадут.

Того ж дня, пришед к нему, гетману, войт переясловский, говорил: Жалуется, де, Москва, приходя, что людей государских много померло, и много больных лежит. А он сказал: Хотя бы и все пропали, то б я о том не печалился!

Лошадей сколько к нему не приведут, заблудившихся московских и всяких, всех велит своим пятном перепятнав, в Гадячь отсылать, то его всем явное воровство. В некое время здесь, в войске, был гетман с полковниками московскими и с нами всеми на обеде у обозного, и после обеда Петр Борисов, полковник, размолвил с Гамалеем, а Гамалей, знатно в надежду его, против полковника сказал: Что ты, меня, полковник, порекаешь? Не саблею, де, нас взяли. И он, гетман, то слышав, ни единого слова Гамалею не молвил, да

и разсмеялся, а чаятельно, что похвалил. А после учиненного мира, знатно, хотя какую в том вреду учинить, посылал в посылки Заднепровские, в договорах мирных, при Польской стороне оставлены десятины у черни выбирать, и то учинил он противно, а не по воле Государской.

А о землях той стороны Днепра говорил жестоко: Не так то будет, как Москва с поляками в мирных своих договорах постановила! Учиним мы так, как нам надобно. По которому своему намерению, тому Гречаному, к Королевскому Величеству посыланному, о тех землях и о Посожских селах, сверх договоров мирных, упоминать велел. И при таковых своих к Великим Государям нерадениях, и вольности Войска Запорожского, от Великих Государей подтверждения нарушил.

Все один делает, никого к Думе не призывает; уряды по своему гневу отнимает и не по пристойным причинам их наказует, и в безчестие вводит кого хочет, без суда и без доводу, напрасно.

За уряды полковничьи берет великие посулы, и через то допускает людям утеснение, чего при иных гетманах не бывало.

Людей старинных войсковых заслуженных всякими своими вымышленными способами теснит, и слова доброго не говорит, а иных мелких незаслуженных собою поставливает и тем оказывается, что хочет учинить, то может.

В мельницах козацких нет козакам воли, ни знатным, ни заслуженным; все на себя забирает; что у кого полюбится, возьмет, а что он минет, то дети возьмут; и тому только у него приступ, который посул дает; а кто не дает, хотя бы и годен был, отрыновен бывает.

Старшине генеральной нет у него чести надлежащей и безопасности, и больше от гнева и похвальных его слов мертвы бывают, нежели покойны живут.

Судейского уряду уже от четырех лет не отдает, для того, что никого за доброго человека не имеет и хочет, чтоб тот судейский уряд за великие деньги был куплен. Государево жалованье соболиное и объяриное, на двух присланное, себе забрал; а в небытии судей погасло право, и обидимым людям нет управы, и от того плачут много.

Больше упражняется он около домовых вещей, нежели в самых Монаршеских делах.

Того для, тех ради всех причин и для неспособности его, нет надежды, чтоб и впредь Войско Запорожское, за его поводом, к прислуге Монаршеской что похвальное объявило, и желает все войско и со слезами Господа Бога молит, дабы Великие Государи, для лучшего управления Монаршеских своих дел и для утоления многих слез, изволили указать с него уряд гетманской снять, а на тот уряд, по правам войсковым, вольными голосами повелели обрать какого бодрственного, вернейшего и исправнейшего человека, который быв на нешней войне, не лениво, но радетельно и верно с войском, во всяких случаях чинил Им, Великим Государям, службу, которой перемены

гетмана многие, с великим упокорением превеликой милости Монаршей просят и предлагают, что таковым образом поступив, может быть Крым заперт и вскоре силами Государскими и Войска Запорожского повоеван. А если того не будет, то под сим гетманом не может ничего к славе Монаршей оказаться, разве бед, а будет то, что от его тесноты все розно разбредутся, или, избави Бог, чтоб в добрых не учинилось какой порухи. И о том все Войско Запорожское бьет челом, чтоб, по снятии его с гетманства, не был и не жил на Украйне, но со всем домом взять бы его к Москве, и, яко явный изменник Их Царского Величества и Войска Запорожского, был казнен.

О том челом бия Вам, Великим Государям, припамятовали есмы того ж гетмана изменное дело. Был указ к нему от Вас, Великих Государей, по прошению Королевского Величества, пустить в сторону Польской державы хлебные запасы, которых тогда была там скудость; и он, преслушав тот Ваш Государский указ, учинил заказы, чтоб в ту державу никто хлебных запасов возить не дерзал и здесь тамошным людям не продавал, а только позволил было вино, да табак продавать приезжим оттуда чумакам, а в Крым и в городки турские, укрепляя там с собою крепкую дружбу, велел нарочно всякой запас возить, волы, овцы и кони гнать на продажу, с которыми продажами малороссийские люди непрестанно туда ездили. И как покой вечный у Великих Государей с Королем Польским учинился и война оглашена на бусурман, и тогда тех продаж не уняли: кто хотел, ездил туда с хлебными запасы во все лето и зимой прошлой заняв. А хотя кого с такими продажами и поймали, не наказывали; которым образом знатно городки турские, на Днепре будучие, из турской земли хлебных присылок не имеющие, отсюда, из Малой России, учинились обогащены. И иных многих неизчетных поступок немочно и выписать; только у Превысочайшего престола Вашего Царского Величества падше, просим конечной его гетманской перемены, понеже, если за теми предложениями посторонними не имела быть на том воля Вашего Царского Пресветлого Величества, то Войско Запорожское из меньших чинов отнюдь его, яко явного недоброхота, соблюдая к Вам, Великим Государям, свою верную службу, не может терпеть, по своим войсковым правам и обычаям с ним поступити в скором времени принуждено будет, за что, дабы Ваш Царский Престол на нас не досадовал, всепокорно Вашему Пресветлому Царскому Величеству бьем челом со всем войском.

А чтоб те все злые его гетманские дела, от нас выписанные, приняты были и вера им была дана, имена наши руками нашими подписываем, и в руки ясневельможного, Его милости, ближнего боярина, князя Василия Васильевича Голицына, покорно отдаем. В табуре над речкою Коломаком, в лето 1687, июля 7 дня.

Вашего Царского Пресветлого Величества верные подданные и нижайшие подножия:

Василий Борковский, обозный войсковой, Вашего Царского Пресветлого Величества из Генеральных.

Михайло Воехович судья.

Сава Прокопов, писарь войсковой Вашего Царского Пресветлого Величества из Генеральных.

Иван Мазепа, есаул войска Их Царского Пресветлого Величества из Генеральных.

Полковники:

Константин Солонина
Яков Лизогуб
Григорий Гамалея
Думитрашко Райца
Степан Петров Забела
а внизу:
Василий Кочубей

Записка сверх вышеписанного

И то требует высокого разсуждения, что он, по высокому о себе разумению, скрытым умыслом своим, не только в народе сем Малороссийском, меж которым и сам мелко, как и иные люди, родился, не кладет урождением никого себе равного, но и разумом Великороссийского Православия всякими чинами гнушаясь, не похотел ни за кого отдать нынешней дочери своей, но из-за рубежа нарочными способами для того принимал Князя Четвертинского, в чем разсуждает способный иметь приступ когда ни есть к отделенному в Малой России владению и таковым то знатным намерением и печать Юрия Хмельницкого при себе задержал, не отсылая к Великим Государям, на которой погоня княжество Малороссийское изображено, тому Юрасю от турок данное.

А что от детей его в полках, Черниговском и Стародубском, бед деется, того и выписать не можно, о чем те же полчане во время свое совершенно скажут.

Между сим же временем каковые в Малой России от козаков, кои ординарно всегда переменам ради, происходили непорядки и многим гражданам и самим старшинам обиды, довольно изъяснить не можно, многих во смерть убивали, грабили, а иных, спрашивая денег, потому жгли; да и посполитый народ, подданные, которые и от натуры господина своего любить не могут, смотря на таков козацкий безпорядок, то же над своими собственными владельцами делали.

От них же, Самуйловичев с согласниками, обвинены были полковники: Леонтей Полуботок, Лазар Горленко и Ярема Нежинский, которые безвинно страдали, а за что бы именно, не объявлено.

Примеч. 1676 года, января 30 числа, вооруженною рукою взят Соловецкий монастырь и всех в нем монахов, Его Царского Величества военные люди перерубили, которого монастыря через шесть лет неотступно доставали за роскольническую ересь, ибо не хотели повиноваться принять новоуставленные на Соборе Московском, в бытность двух Патриархов, Александрийского и Антиохийского, слова, изглаголенные, первое, чтоб не читать по старописанному в Символе веры, «и Духа истинного», второе, не читать же в молитве «Господи Иисусе, Сыне Божий», а читать бы «Господи Иисусе, помилуй мя», а «сына» в оном месте не упоминать, и прочие, сему подобные, слова исключенные, по невежеству своему не отлагали, а вновь преданные не принимали по напечатанной книге Жезл, за что и прочего звания люди многие понесли наказание.

Сего ж года оказалась новая ересь, самоизвольное сжигательство людей, которой секты был начальник некакой Капитон.

В оном 1679 году в Москве оказались было к бунту заговоры от некоторых бояр и стольников, а начальник сего дела был некакой именем Коротков, который как сообщники его с тем заговором пойманы и уличены были, с ними смертию за то казнен.

Во оном лете была великая засуха на всякий посев, а более на огородные овощи, которые наплодившимся великим множеством червей, переходивших с места на место, были поедены.

Июля в 7 день Новгородок Северский весь выгорел.

Также в оное время погорели местечки: Лохвица, Золотоноша и других много.

В оном же году Государем Трубчевский монастырь Киевской Лавре отдан, и для того монахов Московских из оного выслано.

Так равно Киевопечерской Лавре возвращен Свинский монастырь, что под Брянским.

Декабря с 15 числа, с вечера, явилась на небе комета, из малой звезды сделаявшейся светлой великой столп до полнеба, и являлся в оной ясности по три вечера сряду, а потом тусклее и через несколько времени изчез.

От 1683 года в Киев назначен в Митрополиты Гедеон Святополк, Князь Четвертинский, из Епископов Луцких.

Во удивление всем произросли в самом начале 1684 года, в Польше, в повете Ярославском, после Семенова дни, то есть, в месяце сентябре, овощи и ягоды полевые так, как бы и в лете.

Избранный и удостоенный Князь Четвертинский Гедеон, епископ Луцкий, на Митрополию Киевскую, позван в Москву и оттоле с саном Митрополита прибыл в Киев 1686 года, в январе месяце.

ЧАСТЬ III

В сей части описывается о измене гетмана Мазепы с сообщниками его и о возведении на место его в гетманы стародубовского полковника Скоропадского, с его правлением, и о вступлении, по приглашению того изменника, короля шведского Карла XII, в Малую Россию с его армиею, и о военных действиях между войсками российскими и шведскими, с преславною, наконец, победою под Полтавою над шведами, и о побеге самого короля в турецкую область, потом, разное повествование о природе, жизни и поведении того Мазепы, с его делами, хитростьми, поступками и службою по смерти его, как равно и о происхождении бывших в той измене запорожских сечевских козаков, их жизни и пребывании тогда под владением крымским до возвращения их паки под российское державство, и о прочих гетманских правлениях, делах и службах, бывших в Малой России и в других местах.

КНИГА ПЯТАЯ

ГЛАВА 27

Об избрании на место Самуйловича в гетманы Ивана Мазепы, о военных действиях против татар и турок. О вооружении, осаде и взятии царем Петром Азова и турецких крепостей и об измене Мазепиной

Предложение о выборе нового гетмана

Июля 24 числа собрались знатнейшие из козаков к боярину и воеводе князю Голицыну, который велел им прочесть оные пункты, на которые присягал прежний гетман и которые почти совсем согласны были с заключенным в Глухове трактатом, кроме того, что в иных местах нечто прибавлено, а в других убавлено было, для большего обнадеживания о верности козаков. Сими пунктами козаки весьма были довольны. После советовано было о пожитках оставленного гетмана, при чем боярин и воевода объявил, что хотя все его имение, для предприятой от него измены, по силе государственных уставов, на государя отписать надлежало, однако ж он будет стараться, чтоб половина из того козацкому войску отдана была. Как потом некоторые из козацких старшин, для изъявления за то благодарности своей, у боярина спросили, кого он желает чтоб они выбрали гетманом, то предложил он им генерального есаула Ивана Степановича Мазепу.

Оный Мазепа был в войске знатный старшина украинский шляхетной породы, из Белоцерковского повету.

Об описании пожитков и о взятии под стражу сообщников гетманских

Еще того ж вечера подали они прошение, чтоб всех, которые с прежним гетманом в согласии были, лишить чинов. В согласность сего, в Батурине и в других местах, где находились гетмановы и детей его пожитки, велено было все точно описать, и тех арестовать, а в Москву отправились с сей приятной ведомостью три человека, один от князя Василия Васильевича Голицына, другой от Алексея Семеновича Шеина, а третий от князя Володимера Дмитриевича Долгорукова.

О выборе войском нового гетмана. Мазепа избран гетманом

Июля 25 дня, пошли стрельцы и выборное войско к козацкому лагерю, где сделана была полевая церковь. Потом пошел боярин и воевода с прочими боярами и с знатнейшими офицерами войска в оную церковь, куда все гетманские знаки публично принесены и на малый столик, покрытый богатым ковром, положены были. Около стола стояло несколько стульев и скамей; 800 козаков верхами и 1200 пеших стали вкруг около палатки, а знатнейшие вошли в оную за гетманскими знаками, вместе с российским генералитетом. Четверть часа спустя началась служба Божия, по окончании которой все из церкви вышли, и гетманские знаки так же вынесены и опять положены были на столик. Боярин и воевода говорил потом ко всему собранию речь и позволил им, именем его царского величества, выбрать по обычаю своему, нового гетмана, при чем бы всякий имел свободный голос. Сперва молчали все, потом несколько человек назвали Ивана Степановича Мазепу, которого и прочие немедленно гетманом объявили; хотя же некоторые и предложили Василия Борковского, однако ж прочие принудили их молчать и повторили прежнее свое объявление. Как после боярин и воевода у козацкой старшины спросил: которого из обоих они желают? то согласились все на Мазепу. Потом позвал думный дьяк к присяге козацкую старшину, которая, подписавши помянутые пункты, гетману действительно присягала. Напоследок разосланы были оные пункты по всем городам, чтоб магистрат и священники также подписались, а 26 числа отправили генералы в Москву трех дворян, и новый гетман своего генерального писаря, Кочубея.

Окончивши благополучно сие важное дело, получили 27 июля известие о сражении, случившемся между татарами и российским войском в Запорожье. Хотя оно было и невеликой важности, однако ж многие сомневались, для чего не прислано о том обстоятельной ведомости, ибо Нурадин-султан, выехав с 10 000 татар, поймал 7 числа

июля несколько козаков, которые кормили лошадей на острове Тамановке.

Новый гетман трактует весь генералитет. Старший сын бывшего гетмана взят с сообщниками его и отвезен в Севск

28 числа июля трактовал новый гетман весь генералитет, а следующего дня пошел он с двумя пехотными козацкими полками в Смоленск. 30 и 31 числа уведомлено, что козаки чинят в Украйне великие непорядки, а 5 августа пришла из Запорожья ведомость, что больший сын прежнего гетмана склонил несколько козаков к бунту. 6 августа приказано было подполковнику Нольдофу с 200 человек проводить в Москву отставленного гетмана, который на другой день, в закрытой коляске, туда и отправился. 9 числа получена из Запорожья ведомость, что часть по ту сторону Днепра находящегося войска, отдохнув в окончании июля месяца в старой Сечи, настигла 4 августа при Кайдаке Григория, сына прежнего гетмана, который сделал там окоп, но потом добровольно сдался, объявляя, что он не российскому войску, но некоторым неспокойным козакам хотел противиться, которые прилуцкого полковника Лазаря Горленка и несколько человек других порубили. По взятии его и двух полковников, переясловского, Леонтия Полуботка, да нежинского, Ярему, забраны были под караул с ними разные другие мятежные козаки. Григорий привезен был в лагерь главной армии и препоручен, 17 числа, генералу Гордону, который, привезя его в Севск, отдал тамошнему воеводе для содержания его под караулом.

Набеги татарские

В то самое время как войска российские в Крым ходили, татары, не смотря на то, под самый Киев подбегали и почти под самою крепостью, да и по сию сторону Днепра, по селам людей в полон брали и рубили.

Бывший гетман ссылается в ссылку и с сообщниками, а его старший сын казнен в Севске

Бывший же гетман Иван Самуйлович, по исследовании над ним и прочими сообщниками его, сослан с меньшим его сыном Яковом и с братом генерала Швайковского в отдаленные места в ссылку в Сибирь, а старший его сын Григорий в Севске смертью казнен отсечением головы. Оставшая ж жена его гетманская, в самой бедности, отослана на житье в город Седнев. Сему равную участь возымели и любимцы их с презрением от народа.

О возведении нового гетмана делается по городам от козаков смятение

Но коль скоро Самуйлович сведен с гетманства и отвезен из войска для ссылки, а на место его возведен Мазепа, то почти во всей Украйне малороссияне возволновались, и так казалось как бы к бунту склонными были, не повинуясь не только начальникам своим, ниже гетманских универсалов слушали. Чего боясь Мазепа, чтоб от таких беспорядочных козацких поступков не воспоследовало какого замешательства, или и совершенного бунта, для такого усмирения и для собственного охранения своего, испросил от князя Голицына в залогу себе несколько полков великороссийских, в коем числе были смоленской ландмилиции 3000 человек и 1000 конных, которые и находились все при нем в Батурине.

Козаки бунтуются, для чего о нововозведенном гетмане царской грамоты не имеется

Но все то для успокоения народа, а паче для козаков, недовольно было. Они явно говорили и кричали, что произведение Мазепино в гетманы не по воле царской, но по происку Мазепы боярами московскими произведено, а когда б, де, царями московскими он гетманом пожалован был, то б, де, Рада не на поле в походе была, но у нас, в малороссийском городе, и была б дана на то ему жалованная грамота, и оная бы нам всем объявлена была, чтоб и все поспольство наше о том ведало, с какими преимуществами и вольностями он на тот уряд возведен, и при тех ли прежних правах мы состоим, как Богдан Хмельницкий испросил и договорился, отдававшись под Московское державство. Сей слух важный, по отпискам Мазепиным, донесено в Москву их царским величествам и прошено было о пожаловании на тот гетманский чин, из высочайшего благоволения, всемилостивейшей грамоты, на что и прислана была от их царского величества следующего содержания:

Царская жалованная грамота, присланная на уряд нововозведенного гетмана, Иоанна Мазепы, с преимуществами Малороссии

Божиею милостию, Мы, Великие Государи и Великие Князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, и Великая Государыня, Благоверная Царевна и Великая Княжна София Алексеевна, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцы.

Пожаловали Нашего Царского Величества верного подданного Войска Запорожского обоих сторон Днепра, Гетмана Ивана Степановича Мазепу, и генеральную старшину, обозного, и судей, и писа-

ря, и есаулов, и хорунжего, и бунчужного, и полковников, и сотников, и все Войско Запорожское обеих сторон Днепра, и народ малороссийский. В прошлом от создания мира 7195, а от Рождества Христова 1687 года, месяца июля 17 дня, по Нашему, Великих Государей, Нашего Царского Величества Указу, на Генеральной Раде на речке Коломаку, при ближних боярах Наших и воеводах, по войсковым правам, вольными гласы, вы, Генеральная старшина и все Войско Запорожское, и народ малороссийский, как духовные, так и мирские, обрали тебя, подданного Нашего, Ивана Степановича, обеих сторон Днепра Гетманом, и били челом Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, на той Раде все Войско Запорожское, чтоб пожаловали Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, тебя, подданного Нашего, Гетмана Ивана Степановича, повелели Нашего Царского Величества милостивою жалованною грамотою на гетманство подтвердить, а вы, Войско Запорожское обеих сторон Днепра, и с тобою, Нашего Царского Величества подданным, Гетманом, Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, и Нашего Царского Величества Наследникам, впредь будучим, Великим Государем Царем и Великим Князем Российским, обещались и обещаетесь служить вечно верно и неотступно, и на ту верную службу ты, Нашего Царского Величества подданный, Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетман, Иван Степанович, Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Величеству, и Нашего Царского Величества Наследникам, пред святым Евангелием веру учинил, при вышепомянутых же Нашего Царского Величества ближних боярах и воеводах. И при том били челом Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, ты, Нашего Царского Величества подданный, и все Войско Запорожское, и народ малороссийский, как духовные, так и мирские, чтоб содержать Нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству, тебя, подданного Нашего, Гетмана и все Войско Запорожское, и народ малороссийский, в Нашей, Царского Величества, милости, при стародавных ваших правах и вольностях, о чем на той Генеральной Раде, при челобитии своем, и статьи, с Нашим, Царского Величества, милостивым указом, руками своими подписали. И Мы, Пресветлейшие и Державнейшие Великие Государи Цари и Великие Князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, и Великая Государыня Благоверная Царевна и Великая Княжна, София Алексеевна, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцы, и многих Государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчичи и Дедичи, и Наследники, и Государи, и Обладатели, Наше Царское Величество, по тому обранью на Генеральной Раде, всего Войска Запорожского обеих сторон Днепра как духовных, так и мирских, тебя, подданного Нашего, Гетмана, Ивана Степановича, пожаловали сию Нашу Государскую жалованную милостивую Грамоту на подтверждение гетманства твоего дать тебе повелели. А быть тебе, подданному Нашему, Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетману и Ге-

неральной старшине, и всему малороссийскому поспольству, в Нашей Государской милости по сему, ниже объявленному, Нашего Царского Величества, повелению. Для обороны от неприятелей указали Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, быть в малороссийских городах боярам нашим и воеводам, в прародительской Нашей Государской отчине, в Богоспасаемом граде Киеве, также в Чернигове, в Переясловле, в Нежине; а иметь тех городов воеводам начальство над ратными великороссийскими людьми, которые в те городы будут присланы во всяком строении; а для судов и росправных дел, кто в обидах на ратных людей учнет Нам, Великим Государям, бить челом, при тех Наших воеводах, ради скорой расправы, быть из малороссийских жителей знатным и разумным людям, которые при тех судах будучи, судили б вправду, и по суду, и по сыску Наш, Царского Величества, указ чинили, как надлежит. А на заплату войску, которые служат с денежного жалованья, быть поборам по прежнему обычаю, со всяких чинов Наших, Царского Величества, малороссийских городов жителей. А полковникам и начальным людям, которым вотчины, по Нашей государской милости даны, и Нашими Царского Величества жалованными грамотами утверждены, и им тех своих вотчин крестьян судить и приносы вольные у них принимать, и сена, и дрова на себя готовить им велеть, а поборы с них на жалованье Войску Запорожскому собирать равно, а с городов всякие доходы иметь по стародавным войсковым правам. А которые Наши Царского Величества подданные малороссийские жители за службы пожалованы дворянскою честью, также и впредь которые такой же чести за службы свои достойны будут, и Мы, Великие Государи, за службы тем людям, за их службы в той дворянской чести быть указали, и впредь, которые за службы свои достойны того будут, жаловать милостиво изволим. А кому ты, Нашего Царского Величества подданный, Гетман, и старшина, по Нашему, Царского Величества, указу за службы дадите мельницу, или деревню, или кто у кого купив, учнет по той твоей даче и по листам бить челом, в подтверждение того, о Нашей, Царского Величества, жалованной грамоте, и по Нашему, Царского Величества указу, по твоим гетманским листам, тем людям на данные и купленные их мельницы и деревни, Наши, Царского Величества, жалованные грамоты даны будут, и теми мельницами и деревнями повелим владеть им непременно. А если, изволением Божиим, случится тебе, подданному Нашему, Гетману, смертный час, и Мы, Великие Государи, указали вам, старшине генеральной и всему Войску Запорожскому, о обирании Гетмана чинить, по прежним вашим правам и вольностям, с повеления Нас, Великих Государей, Нашего Царского Величества; а без челобитья и указу Нашего Царского Величества вам, старшине и всему Войску Запорожскому, Гетмана не обирать, также из гетманства не отставливать. А к окрестным государям, а именно к Королевскому Величеству Польскому, и Крымскому Хану, и к иным государям, тебе, подданному

Нашему, Гетману, и всей старшине, ни о чем не писать и к ним не посылать, и ссылок никаких с ними на чинить. А если которых государей, или Хана Крымского, будут к вам письма, и те письма приняв вам, присылать к Нам, Великим Государям, Нашему Царского Величеству; а учиненный у Нас, Великих Государей, у Нашего Царского Величества, с Королевским Величеством Польским и с Речью Посполитою вечный мир, тебе, подданному нашему, Гетману, и всей старшине, и всему Войску Запорожскому, и народу малороссийскому, содержать крепко и ничем не нарушать, и довольствоваться по Нашей Государской милости теми городами с принадлежностями их, которые в договорах вечного мира, именно, в Нашу, Царского Величества, сторону написаны, и от Королевства Польского и Княжества Литовского вечно уступлены. А если через тот же вечного мира договор Королевского Величества Польского со стороны на Малороссийской край какая показалась бы противность, и тебе б, подданному Нашему, Гетману, и всей старшине, в том писать к Нам, Великим Государям, а самим никакого нарушения не чинить. А для защищения великороссийских и малороссийских городов от наступления Хана Крымского, тебе, подданному Нашему, Гетману, и всей старшине, держать полки в пристойных местах, и по Нашему, Царского Величества, указу, для запертия и удержания самого Крыма, и промыслу военного над неприятелем Креста святого, в приключающееся время, ратных людей малороссийских городов посылать в которые места пристойно, а именно: в Сечу и в иные тамошние места, где случай воинской употреблять того будет, и над городами турскими, на Днепре стоящими, и над Очаковым, военный промысл чинить, а Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, к тем малороссийским полкам и великороссийских городов рати посылать укажем, а запорожцам миру с Крымом и с городками никогда не иметь, жить им в прежних местах и борошен и дачу с перевозу Переволочинского к ним на всякий год, тебе, подданному Нашему, и старшине посылать непременно, почему бывала им дача наперед сего. А Нашим, Царского Величества, ратным людям, которые посланы будут против неприятелей, в Наших, Царского Величества, малороссийских городах иметь становища свои на дворах у мещан и у мужиков, кроме козаков, а на козацких дворах не становиться и лошадей козацких в подводы неимать. А беглецов в малороссийских городах великороссийского народу всяких чинов людей, так же и людей боярских и крестьян не принимать, и у себя их не держать, и из малороссийских городов отдавать без всякого задержания, а старшины генеральной и полковников без воли и указу Нашего Царского Величества тебе, подданному Нашему с урядников не переменять; если которые старшины и полковники пред Нашим Царским Величеством объявятся в какой винности, а к тебе, подданному Нашему, в непослушании, и о том писать к Нам, Великим Государям. А если в малороссийских городах учнут чиниться какие ссоры от жителей, от кого

ни есть, и тебе, подданному Нашему, Гетману, и старшине, и полковникам того смотреть и остерегать накрепко, и писать к Нам, Великим Государям; а тех людей, от кого какие ссоры в малороссийских городах учинятся, унимать, и наказывать, и карать смертью по правам своим и по уложенью. А малороссийских городов жителям, которые приезжают в наши великороссийские замосковские и украинные города, учинить тебе, подданному Нашему, и всей старшине, заказ крепкой, под жестоким наказанием, чтоб они вина и табаку в украинные города и в уезды отнюдь не возили и не продавали, и тем Нашей, Царского Величества казне на городовых кружечных дворах порухи и недобора денежного в сборах не чинили. А о имениях козацких, которые свои власные грунты имеют, быть так, как в пятойнадесять статьи вольного обрания на гетманский уряд Гетмана написано. А если от чего, сохрани Боже, когда войска неприятельские татарские и иные имели на сию сторону Днепра наступать войною, и Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, изволяем тебя, подданного Нашего, Ивана Степановича, и всю старшину, и Войско Запорожское держать в Нашей Государской милости, и от неприятеля во всякой обороне, и Нашей, Царского Величества, рати, с боярами нашими и воеводы, из великороссийских городов тогда на вспоможение и оборону присланы будут. А когда, по нестройному какому пути, осенью, или весною не вскоре те рати придут, и того себе вам от Нас, Великих Государей, в немилость не ставить. А если тебе, подданному Нашему, Гетману, когда прилучится идти в поход на неприятеля, и тогда Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, укажем тебе давать и с Киева, и из Севска, и из Нежина, и из Чернигова, и с Переясловля, Наших, Царского Величества, конных и пеших ратных людей с воеводы, сколько доведется. А жити тебе, подданному Нашему, и гармате войсковой быти, по Нашему, Царского Величества, указу, в Батурине. И пожаловали Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество тебя, подданного Нашего, указали при тебе в Батурине, для охранения и целости твоей быть полку московскому стрелецкому, а хлебные запасы на тот полк давать тебе из своих доходов по прежнему. Да тебе ж, подданному Нашему, Гетману, и всей старшине, и полковникам, и всему Войску Запорожскому, Нам, Великим Государем, Нашему Царскому Величеству, службу свою и радение показать, для утеснения и удержания Крыма от нахождения их поганских Орд на великороссийские и малороссийские украйные города, сделать на сей стороне реки Днепра, против Кодака, шанец, а на реке Самаре, и на реке Орел и на устьях речек Берестовой, Корчика построить города и населять их малороссийскими жителями, охочими людьми. А иных о всех делах, которых в сей, Нашей, Царского Величества, жалованной Грамоте не написано, а государствам нашим те дела будут прибыльны, тебе, подданному Нашему, Гетману, и всей старшине, и полковникам, Наше Государское повеление исполнять по Нашему, Царского Величества, Указу, и по

своему верному обещанию и радетельной службе, и по статьям, каковы на обрании твоем постановлены и руками вашими закреплены. И тебе б, Нашего Царского Величества верному подданному, Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетману, Ивану Степановичу, и вам всем, генеральной старшине, и полковникам, и всему Войску Запорожскому, и народу малороссийскому, видя к себе Нашу Царского Величества милость, по сей Нашей, Царского Величества жалованной Грамоте, под Нашею, Царского Величества Самодержавною высокою рукою быть в вечном подданстве, и служить нам, Великим Государям, Нашему Царскому Величеству и Нашим, Царского Величества, наследникам, и впред будущим Великим Государям Царям и Великим Князьям Российским верно. А правами и вольностями, Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, тебя, подданного Нашего, и все Войско Запорожское и весь малороссийский народ пожаловали прежними, повелели им быть так, как в прежних жалованных и в сей Нашей Государской жалованной же, Грамотах, и в постановленных и подтвержденных на Генеральной Раде статьях написано. И то все Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, этой Нашей, Царского Величества, жалованной Грамотой утверждаем и укрепляем, и для того сию Нашу, Царского Величества, милостивую жалованную Грамоту повелели утвердить, Нашею, Царского Величества, государственною печатью. Писана сия Наша, Царского Величества, жалованная Грамота в Нашем Царствующем велицем граде Москве, лета 7198, месяца октября 13 дня, государствования Нашего 8 года.

Вторительное представление гетманское об озорничествах козацких и о неповиновении Черниговского полку Мазепе

Но доколе сия вышеписанная грамота прислана быть могла, было от Мазепы вторительно писано в Москву с тем, что не только мятежные козаки его, гетмана, за настоящего не почитают, но и сами их начальники послушание ему не делают, через что происходят в некоторых местах обывателям и помещикам озорничество и убийство, а паче из того, что для чего Черниговский полк с полковниками и старшинами своими к выбору гетмана на Раду призыван не был, оказывал свое в том неудовольствие и роптание, с тем объявлением, что против их прав и узаконениев то было учинено, и им в том царского объявления не сделано. А как тот полковник, Лизогуб, знаем их царским величествам и уважаем ими был, велели сего для к нему особую грамоту свою с милостивым словом послать ради утишения тех мятежей и уверения того пожалования в действительные гетманы, Мазепы, в следующем содержании, от 1690 года, декабря 3 дня:

Грамота царская, присланная на вторительное гетманское представление, в полк Черниговский к полковнику Лизогубу

Божьей милостью, от Пресветлейших и Державнейших Великих Государей Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, и Великия Государыни Благоверныя Царевны и Великия Княжны, Софии Алексеевны, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержцев, и многих Государств и земель Восточных, и Западных, и Северных Отчичей и Дедичей, и Наследников, и Государей и Обладателей, Нашего Царского Величества подданному, Войска Запорожского Черниговскому полковнику, Якову Лизогубу, и старшине, и всему полку Черниговскому, Наше Царского Величества милостивое слово.

Хотя ведомо вам по письмам из большого полку ближнего Нашего боярина и дворового воеводы, Князя Василия Васильевича Голицына, Нашия Царственныя большия печати и Государственных Великих и Посольских дел оберегателя и наместника Новгородского, о измене бывшего Гетмана Ивашки Самойловича, о обрании в тот чин нового Гетмана, Ивана Степановича Мазепы, однако ж и сею Нашею Царского Величества милостивою Грамотою тебе, подданному Нашему, и полку твоего старшине, и всем козакам, указали Мы, Великие Государи, Наше Царское Величество, о том милостиво объявить, что, за многие измены и противные дела и к Войску Запорожскому, и к народу малороссийскому, за обиды и за тягости, бывший Гетман, Иван Самойлович, от того уряду отставлен, а на его место,по Нашему, Великих Государей, Нашего Царского Величества, указу и по челобитью генеральной старшины, и полковников, и Войска Запорожского, на Раде обран новый Гетман, Иван Степанович Мазепа, и Наше, Великих Государей, войсковое знамя, и булава, и бунчук, и иные войсковые клейноты ему вручены, а после того и Наша, Великих Государей, Нашего Царского Величества, милостивая жалованная Грамота на подтверждение Гетманства его и на права и вольности ваши, за Нашею Государскою маестатовою печатью ему, Гетману, дана. А Черниговского полку, вы, подданные Наши, старшина и козаки, при обрании выше помянутого Гетмана, Ивана Степановича, не были потому, что в то время, по Нашему, Великих Государей, Нашего Царского Величества, указу посланы на Запорожье для осторожности и бережения от неприятельских бусурманских приходов. И тебе б, подданному Нашему, Черниговскому полковнику, и того Черниговского полку старшине, и козакам, о том, выше объявленном деле, Наш, Великих Государей, Нашего Царского Величества, указ и изволение ведать, и подданному Нашему, Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетману, Ивану Степановичу Мазепе, в Наших Государских и во всяких делах послушание и повиновение отдавать, яко было при прежних Гетманах; а милость Наша Государская от вас

никогда отъемлема не будет. В том бы вам на Нашу Государскую милость быть надежным, и сию Нашу, Великих Государей, Нашего Царского Величества, грамоту, тебе, подданному Нашему, Черниговскому полковнику, того Черниговского полку старшине и всем козакам объявить. Дан государствования Нашего во дворе, в Царствующем великом граде Москве, лета от создания мира 7198, декабря 3 дня, государствования нашего 6 года.

Известие о турецком движении

По окончании того крымского походу и всего происшествия, получено в Москву от гетмана Мазепы известие, что хан крымский намерен, с великим числом войска, на Украйну нападение учинить, и что в Крым прибыло несколько тысяч янычар. Для чего, 1690 года, ноября 18 числа, послан был генеральный есаул с 1000 человеками легкой конницы к Кизикирменю, для примечания неприятельских движений, откуда возвратясь, объявил он, что турки перевозят в оную крепость много провианта и амуниции.

Известие о татарском намерении

А января 10 дня пронесся слух, будто татарский хан действительно в поход отправился. 12 числа получено о том подтверждение, с таким прибавлением, что он намерен в Украйну пройти, чего для, 23 числа, собран был совет в присутствии их царского величества и положено на мере о продолжении войны и о построении вновь крепости при устье Самары реки, где оная в Днепр впадает; о чем и определение сделано февраля 9 дня, и в оном году состроена.

О нападении татарском на Волынь делается военный совет

Но как 18 марта уведомлено, что Нурадин, султан татарский, с великим числом крымских татар учинил нападение на Волынь и отвел около 60 000 душ в плен со всеми их пожитками, для того, 29 марта, приехал окольничий Леонтий Неплюев к гетману, чтоб услышать его мнение, каким образом можно наиспособнее татар от таковых наглостей удержать и продолжать против их войну, на что сделали они вместе письменное определение об осаждении Кизикирменя, и чтоб при оной экспедиции генералу Гордону иметь главную команду. Для чего, 16 апреля, и Гордон с помянутым гетманом о том же советовал, и согласились, чтоб неукоснительно осадить Кизикермен. Но между тем принуждено было усмирять несколько мятеж-

ных козаков. А войско российское, под командою Неплюева и с нескольким числом козаков уже находилось в походе и чинили против крымцев разные поиски; точию татары делали покушение на новую крепость, проименовавшеюся тогда Богородицкою, ныне ж Старая Самара, и, миновав ее, проходили даже до Полтавы и до Белоклеева, где, захватя несколько людей и лошадей, назад ушли.

О неповиновении сечевских козаков новому гетману, но деньгами их к тому склоняют

Между тем уведомлено, что запорожские козаки не хотят повиноваться новому гетману, для чего принуждено к Мазепе послать немалую сумму денег, дабы оными мог их на свою сторону склонить, а к запорожцам прислана увещательная грамота; да когда и казна оная им разделена была, так и тут они говорили: «Да кто его, Мазепу, в гетманы выбрал?»

В оное лето цесарь, разбив турецкое войско, взял Белград, сербскую столицу, и Солоник и иные города.

Посланные козаки Очаков громили

4-го октября отправил гетман 4000 человек к Очакову, для примечания турецких движений, а 18 ноября объявлено от него, что отправленные к Очакову полки взяли город, все в нем попленили и получили великую добычу, но войско московское возвращено обратно.

Поход российского войска до Крыма и отступление с возвращением через искуп от оного. Явившееся внутреннее в Москве смятение

Того ж 1691 года армия, под предводительством бояр, князя Голицына, Шеина, князя Долгорукова, Змеева, Шереметева, Шепелева и иных, так же и гетман Мазепа с своими козаками, в апреле к Самаре, а 10 мая в поход выступили до турецкого замка Асланкерменя, что против турецкой же крепости Кизикирменя, и далее следовала до Крыма, где на пути встретила орда и следовала за оною, потом на встречу наступили два султана с своими татарами, за ними и сам хан крымский, с силами, с которыми было сражение, и на оной убиты, между прочими, сын ханский и сын беев, а с российской стороны, напав было на обоз, урону несколько сделали Сумскому и Ахтырскому полкам, но гвардиею гетманскою, козаками, называемыми сердюки, тотчас те татары прогнаны. После же, когда войска начали, пришед под Перекоп, шанцами подходить, то хан, яко бы мира ища, обещал

за то и поступил князю Голицыну искуп, и дав ему ложными червонцами, в мешки кожаные насыпанными, его обманул, которые сверху только добрыми червонцами прикрыли, на что князь польстясь, сделал с ними перемирие, а от стен войско отступить принуждено было, и 14 июля возвратилось обратно. На котором пути, напавши со сторон орда белогородская, делала нападения, и дошед с тем в Самару, оставили пушки и тягости все, и пошли на зимние постои, а гетман 24 числа возвратился с козаками через Сечу в Батурин, отколе, по указу их царских величеств, с четырьмя полковниками, нежинским, черниговским, миргородским и гадяцким и с 500 козаками отправился в Москву, где равно и прочие господа главнокомандующие бояре, допущены от его величества царя Иоанна Алексеевича и от царевны, Софии Алексеевны к руке, но царь Петр Алексеевич показал о бывшем оном военном действии на них свое неудовольствие, однако ж гетман и с свитою его принят благосклонно и отпущен с дарами обратно. А потом того года в Москве объявились, с 7-го августа, мятежи и возмущения внутренние, которые тем военным предприятиям воспрепятствовали, для чего с российской стороны надлежало в последующих годах больше думать о внутреннем состоянии государства, нежели о военных предприятиях; и для того турки и татары по 1695 год несколько в покое оставлены были.

Козаки разоряют предместие очаковское

В 1691 году войско козацкое ходило под Очаков, где сожгли его предместье и немалое разорение там татарами причинили; так же для содержания Самарской крепости по нескольку с полков козацких, с переменою ходило и там по четверти года стояло*.

Самусь гетман от польской стороны избран на место Драгинича и о его делах

Сего 1691 года после гетманов Могилы и Драгинича, король польский, Собейский, поставил на место их некоего Самуся[120] из козаков и дал ему клейноты гетманские и жалованье войску; при чем подтвердил и привилегии на вольности козацкие, а резиденцию имел оный гетман, Самусь, в городе Виннице при реке Днестре[121], а в поднепровских городах многих собрал к себе охотных козаков и из запорожцев и других гулящих людей, тако ж и из городовых коза-

---

* В оном 1691 году в крепости Богородицкой, тож и Самара, был великий мор на людей, для чего войско оное с переменою содержалось.

Во всей Малой России, в Украйне, в Польше, в Литве и в части Великой России, оказалась сильная саранча, от чего во всяком хлебе была великая дороговизна, так что осьмуху ржи и овса по шести гривен покупали.

ков, и, учиня многие артели, в оных полковников определил без указу самоизвольно, ради обороны от нападения бусурманского на христиан, и для защищения рубежей, и по обеим сторонам Бог реки по степям татар, набегающих на Польшу и Россию и там похищавших народа польского и российского в плен, и возвращающихся с корыстьми восвоясы, разбивал, отбивая у них лошадей, ружья и всякую добычу для себя, а христиан пленных в отечества их отпускал, и татар многих в полон часто брал и оных в Москву и в Польшу отсылал, получая за то от дворов похвалу и награждения.

О храбрости фастовского полковника Семена Палия[122]

Из числа запорожских козаков, именем Семен Палий, родом из Борзны, города малороссийского, женился в городе Фастове, который был опустевший, оселил его с дозволения королевского, разными вольными людьми, и собрал к себе войско охотное, со всякой сволочи и из запорожских козаков, и из городовых, гуляков с которыми не допущал татарам на Польшу и на российские границы нападать. При том он не однажды и сам ходил и посыливал ту свою артель на Буджадские и Белогородские Орды, и Очаков разорял, и где нападали на него татары, мужественно их побеждал с великою християнам пользою. В один случай и самого татарского хана он в полон взял; тогда татары, примирясь с ним, и великими дарами ущедрив его, и хана своего у него знатною суммою денег изкупили. И таким своим мужественным промыслом тишину доставил всей Малороссии Заднепровской, и жил там, как удельный господин, расположа войско свое козацкое с дозволения королевского, по Полесью и по Украйне, и тамо десятину с пчельных заводов и прочего, и индукту со всей оной Украйны, даже до Днестра, Днепра и Случи, на себя взымал, а что злясь поляки, позабыв благодеяния его, обманно его взяли и в город Марьенбург в ссылку сослали; но он оттуда из под стражи, сев на подведенного коня, в дом свой убежал, по чему польский гетман коронный, по жалобам и по просьбам шляхетским, отправил на оного гусарские полки с пехотою, чтоб взять его вооруженною рукою. Но Палий коль скоро о том сведал, как и был на всякий случай в осторожности, тайно сокрыл часть своего войска в лесах, а сам с другою частью засел в городе, и как поляки приступ учинили к нему, то войско его из лесов сзади вдруг напало на их обозы, а Палий, выбежавши из города с войском своим, на них напал и всех от Фастова с уроном их прогнал. Палий знал на себя от поляк всегдашнюю и тайную вражду, но имея надежду на его царское величество и на короля польского милость, жил, под защитою их, при всяком довольстве, равно как гетман, будучи только полковником фастовским. Только поляки всячески старалися Палея и друзей его, полковников малороссийских, истребить, и так, в другое лето, послали регементаря Рустича с нема-

лым числом войска своего (в коем числе из высокородных фамилий многие господа были), ради отбирания своих в Украйне вотчин, которыми они прежде владели. Палий, предупредя умысел польский, упросил в помощь себе гетмана Самуся, и, соединя козаков своих с козаками гетманскими, при коих и два полковника было, Абазин[123] и Искра[124], не допуская не только до отбирания вотчин, но ниже до Фастова, а встретивши их под городом Бердичевым и напавши на то войско, почти всех изрубил, последних же в замок Манжелевский вогнали, где регементарь Рустич, оставя свое войско козакам на жертву и весь обоз на расхищение, ушед в замок, и оттоль с стены городской каменной спустясь, едва сам ушел.

Войска ж российские в оном году спокойно по своим местам находились, но имели крепкую предосторожность от татар.

Татары делают нападения в полку Переясловском

А в 1692 году гетман Мазепа уведомился, что зимним путем орды великим числом умышляют на его Заднепровскую сторону сделать нападение, выступил сего ради сам с войсками своими и стал в Переяслове. Орды ж крымская и белогородская, приблизившись к Днепру и переправившись на сю сторону, хищнически набрали полону около Бубнова и Домонтова; а уведомившись, наконец, что гетман с войсками у Днепра стоит, возвратились поспешно назад. За которыми хотя в погоню отправлен был с войском есаул войсковой Гамалей, но их не нагнал и возвратился обратно.

Козацкое нападение на Очаков

После сего от польской стороны отправлен был вышеупомянутый полковник, Семен Палий, с частью войска городового и компанейцев, обще с заднепровскими, посланными от Мазепы, козаками, на добрых лошадях к татарскому местечку Тягину, но по причине ростополи, и что реки уже начали скрываться, принуждено было только переправиться через реку Бог, и вдруг напали на турецкий город Очаков, выжгли его и вырубили несколько людей, и с немалою добычью возратились, но за усталью лошадей, мало что из оного с собою привезли, как только несколько пленных, коих потом разделя пополам, Палий часть свою отправил к королю, а российские доставили до Мазепы.

Побег войсковой канцелярии канцеляриста Петрика[125], *и о возмущении его крымцев и несколько козаков на Малороссию*

В сие время бежал из генеральной войсковой канцелярии канцелярист Петрик в Запорожье, а оттоль в Крым. Он подговорил хана подняться на Украйну, злясь на всех старшин малороссийских, к чему и запорожцы пристали, а хан и орды тому очень были рады. Они вышли из Крыму, надеясь, что и Войско Запорожское к ним присовокупится. Они с Петриком пришли к Самаре и около города Богородицка селение выжгли, а Китай-городок и Цариченку к себе приклонили, куда собрались было к ним из разных городов толпы всякого наброда. Против чего гетман соединил свои войска с московскими и отправил вперед полки Миргородский, Прилуцкий, Гадяцкий и Лубенский, а сам стал станом под Полтавою. Петрик и орда услышавши о сем, пошли обратно в Крым, без всякого военного действия, а гетман отступил к Лохвице. После чего, по указу их царских величеств, войска распущены по домам.

Петриково с татарами на малороссийские рубежи нападение

Оный Петрик и в наступивший 1693 год, в зимнее время, обще с сыном ханским и с ордою, вознамерился паки напасть на малороссийскую Украйну, о чем через запорожцев коль скоро уведомился гетман Мазепа, то тотчас собрал свои войска и пошел против их до Гадяча, точию орда, будучи уже около Полтавы, как только сведала о приближении гетмана с силами, возвратилась обратно, набрав несколько полону с собою. Что сведавши Мазепа принужден без действа и поиска возвратиться.

В оном году, января 25 числа скончалась царица Наталия Кириловна, мать государя царя Петра Алексеевича.

Татары делают нападение в полку Переясловском. Войско козацкое разоряет в Буджаках селение татарское и берет корысти. Запорожцы делают нападение за Перекоп и берут пушки и плену с собою

Татары не оставили еще свои попытки делать, они и в сем 1694 году, так же при окончании зимы, на самой сырной неделе, напали на села и деревни около Переясловля, и, побрав много людей в полон, через оплошность переясловского полковника, с тем возвратились обратно, за что, в отомщение, гетман Мазепа тотчас

20 000 войска своего послал под командою черниговского полковника Якова Лизогуба до Буджаку, который, достигши того места, опустошил их селение и набрав множество там ясырю и добычи, с тем возвратился благополучно. А из Заднепровской стороны под тот самый случай ходил фастовский полковник Семен Палий с своим полком, при том и киевский полковник Григорий Коровченко Волский, да переясловский Иван Мирович, с своими полками и компанейцами, под Очаков, оный округ почти весь опустошили, войска турецкого много побили и триста человек в полон взяли, также знамен и прочей добычи много, с чем возвратились благополучно в свои места. А запорожцы в оное время ходили до Перекопа, и там, при Гнилом море, стоящую на перекопской линии каланчу, или башню, одержали и опустошили. Отколь набрали добычь и ясыра довольно, и восемь медных пушек с собою взяли, на котором пути их напал было Нурадин-султан с татарами, но вреда им причинить не в силах был, с чем запорожцы счастливо в кош свой возвратились, а Мазепа, для охранения от татар, поставил свои войска по Днепру и по рубежам.

Сего года находящийся три года без отпуска, крымский посланник из Москвы отпущен во свояси, который следовал через Батурин до Крыму.

Татары делают в Польше нападения. Полковник Палий усмиряет татар

Татары крымские, видя, что войска российские расположены по границе, куда им впасть опасно казалось, сего ради, для добычь своих, на Польшу напали и там обид поделали много. Они во львовском предместии людей порубили, войско коронное разбили, волости и в самом Полесье деревни орда белогородская с султаном опустошили, Фастов осадили и предместье выжгли, от чего полковник Палий едва бегством в город спастися мог, но по усилию татарскому принужден был султану оному вывезти хлеба и напитка, при чем между собою имели переговоры и друг друга дарили, чем успокоив его, город и сам освободился.

Царь Петр Алексеевич осаждает Азов и по Днепру крепости турецкие. Малые крепости турецкие на Дону и Днепре отбираются войсками российскими

Царь Петр Алексеевич имел, между тем, довольное время к учению военных приуготовлений, и понеже главное его намерение состояло чтоб у турок отнять Азов и тем начать, в отомщение всех их обид, прямую войну, то, по заведении и сделали в Воронеже флота,

а в Брянске судов, с которыми бы по Дону и Днепру в Черное море войти можно было, в 1695 году разделил войско свое на две части, одну послал к Днепру, под предводительством боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева, а с другою сам пошел с боярином и воеводою большего полка Алексеем Семеновичем Шеином к Азову и, осадя его вокруг, во первых состоящие выше города в двух верстах, при самом Доне, две каменные каланчи или башни с перетянутыми между ними реку цепьми, а по Днепру все лежащие крепости и замки, как то Кизикермен, Аслан, Гордек, Шахкермен, Таван и крепость Иван отобрал, и прочие городские жители отданы были на волю козакам, за оказанные при том их храбрости, которые с своим гетманом Мазепою, в оном походе так же присутствовали, тде более всех заслужил хвалы миргородский полковник Данила Апостол, и с тем, за некоторыми в военных надобностях еще недостатками, определил оставя азовскую осаду, расположиться войску на зимние постои, а в отобранных от турок крепостях оставить гарнизоны, чтоб тем азовские и другие места держать чрез целую зиму в осаде.

Мазепа турецких пленных в Москву отсылает

Гетман по приходе в Батурин отправил от себя, с полученым в Кизикермене турецким пленом, в Москву полковников: гадяцкого Михайла Боруховича, переясловского Ивана Мировича и киевского Константина Мокиевского, которые, по прибытии туда, приняты были милостиво, и при отпуске жалованы от их царских величеств.

Покушение татарское разных орд на границы малороссийские были втуне

Татары ж между сим временем делали еще свои попытки. Они, соединясь, и в оном 1696 году, как то крымская, черкеская и белогородская орды, ворвались, по празднике Рождества Христова, в границу украинскую и домогались взять Китай-городок, но за приближением войск российских, принуждены тотчас отступить и следовать обратно, за коими гетман послал в погоню прилуцкого полковника Дмитрия Лазаренка и с ним Ивана Романовского, с козацкою партиею; только татары бегством своим удалились, чего для и посланные за ними возвратились обратно.

Кончина царя Иоанна Алексеевича. Формальное осаждение Азова самим царем Петром Алексеевичем

В оном 1696 году, января в 29 день, по власти Всевышнего скончался его величество государь царь и великий князь Иоанн Алексеевич, но к предприятому намерению его царского величества, Петра Алексеевича ничто не препятствовало. Он в то же самое время повелеть соизволил неотменно войску своему к Азову, для формальной осады и атаки, приступить и призводить надлежащее действие против оного, куда и сам, по погребении любезнейшего брата своего, мая к 9 числу, прибыть не укоснил.

При присутствии царском донских козаков действие над флотом турецким

В тот самый же день, по известию донских козаков, не оставил ехать с ними в лодках на Азовское море: они промышляли там, в присутствии его величества, над турецким флотом, и получили тут с удачею немало добычи без потеряния своих.

При осаде азовской были и козаки

Действие осады продолжалось до июля месяца, при которой были и малороссийские козаки; при них находился за гетмана черниговский полковник Яков Кондратьевич Лизогуб, у коего находилось их 10 000 пехоты и 6000 конных. Они сперва содержали объезжие караулы для непропуску в город подможного войска и всякого припаса, так равно и вестника исходить возбраняли, а донских козаков притом 4000, с своим атаманом, Фролом Миняевым, находилось.

Дела сечевских козаков на Черном море

В то же самое время сечевские козаки под предводительством своего атамана Якова Чалого с товарищи, будучи на Черном море на своих лодках, называемых думбасами и стернами, восемь турецких судов с хлебными припасами, да девять с разными товарами, которые шли в Очаков, взяли в Сечу и побили.

Штурмование Азова войсками российскими, в коем числе и козаки храбрость свою казали. Сдача турками города

Под Азовом козаки не оставили с своей стороны, так как и прочее войско, город штурмовать, ибо Лизогуб, во первых, напросился на оное, однако ж с тем, чтоб учинить фальшивую атаку от главной армии, и во время оного 17 числа, как сделался к тому крик, наказной гетман с своей стороны с козаками к приступу пошел и, бившись с турками, наконец, взбежал на вал, а донские на два раската, коих турки хотя всеми мерами старались оттуда сбить, однако ж они храбро против их устояли, и сражение сие продолжалось около шести часов, до самой ночи, а в наступившей день и вся армия к штурмованию всего города приступила, что видя турки, наконец, сдали город на договор, июля 18 числа, с отпуском всего гарнизона в отечество их.

Царь во все государство свое о взятии Азова обнародовал

О сей счастливо одержанной победе и о взятии города Азова, государь царь Петр Алексеевич тотчас обнародовал не только во все свое государство, но и российского патриарха Андриана особо письмом своим известил *.

---

* *От его Пресветлого Величества извещение до Святейшего Патриарха о взятии города Азова.*

Всесвятейшему Кир Адриану, Божиею Милостию Архиепископу Московскому и всея России и всех Северных стран Патриарху, в Святом Духе Отцу нашему и Богомольцу, глубокого мира и твердого стояния, о благочестии Церкви Христовой Восточныя, здравия же и благоденствия вкупе и душевного спасения от Господа Бога, в Троице славимого, усердно сподобиться желаем.

По преждеписанному Нашему извещению, Вашему Святейшеству о целости здравия Нашего и объявленных Наших трудах довольно предложено, а ныне известуем милостию Превеликого Бога Нашего, в Троице славимого, и предстательством Пресвятые Богоматери Девы Марии, и молитвами всех Святых, тех Наших военных трудов радостное облегчение восприяли есмы сицевым образом. Когда по повелению Нашему промыслом и усердно радетельными труды боярина Нашего и Большего полку воеводы, Алексея Семеновича Шеина, великороссийские Наши войска, во облежании будущего около города Азова, по многих чрез все лето трудах военных и потычках, не толь-

При отпуске войск царем награждаются козаки и старшины

По окончании всего оного, как и вся армия, кроме оставленного для содержания тут всех крепостей, десятитысячного числа, украинские козаки отпущены были августа 1 дня, и наказному гетману Якову Лизогубу действительно пожаловано за добрые его услуги 40 соболей во ста рублей, 30 червонных, да три косяка лудану. А пяти человекам, гадяцкому Михайле Боруховичу, прилуцкому Дмитрию Горленке, лубенскому Леону Свечке, компанейскому Федькову и сердюцкому Кожуховскому, каждому по пятнадцати червонных и по два косяка лудану. Всему их войску выдано было в награждение 15 000 рублей.

И так Азов, со всем своим уездом, так равно и по Днепру взятые крепости, остались в российской державе.

Во время азовской осады войска российские по украинской границе татарскому набегу предостерегают

Во все то время, доколе армия Азов в осаде держала, боярин и воевода Шереметев и гетман с войсками своими при Коломаке против татар, для непропуску их в российские границы, стояли, ибо крымцы недалеко от них кошем своим в полях находились.

ко с градскими сидельцы, но и от поля на войска Наши крепко находящими татарами черкаскими и нагайскими, землями вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно привалили, и из того вала ров градский заметавши и заровнявши, тем же валом через тот ров до неприятельского вала дошли и валы сообщились так близко, еже возможно было с неприятелем, кроме оружия, едиными руками терзатися, уже и земля за их вал метанием в город сыпалась, и сего же месяца июля 17 числа, в пяток, малороссийские Наши войска, по жребию своему, в тех трудах пребывающе, при которых неотступно пребывая муж добродетельный и военных трудов искусный, Гетман Наказной, Яков Лизогуб, полковник Черниговский, предварили неприятельской блякавз подкопать и на него мужестно взойти, и с неприятелем бились довольно, от полудни до самой ночи; видя же их мужество и донские тогда козаки при них стали, аще же турки, азовские сидельцы, все силы свои на их обернули и оставших мужественно турков вон выбили и тем блякавзом овладели, а дождавшись ночи с того блякавзу четыре пушки стащили. А в 18 числе, в субботу, о полудни, неприятели, азовские сидельцы, видя войск Наших крепкое на град наступление, мужество и промысл радетельной, а

Царское свидание с Мазепою в Острогожску

Государь, при возвращении своем из Азова в Москву, указал Мазепе быть на пути к себе, где может пристичь его, а войска бы отпустить на зимние постои, почему гетман, прибыл в Рыбное (Острогожск) и тамо, встретя, при подданническом поклоне, поздравил, как с счастливою победою, так и благополучным прибытием государя и поднес ему в дар, из числа полученных им в ту с турками войну, добычь саблю, оправленную золотом и дорогими каменьями, да щит на золотой цепи и с дорогими ж камнями. Тут оказал его величество свою милость и удовольствие к нему и всему войску его, и пожаловал его своим посещением, с чем и изволил отбыть в свой путь, а Мазепу отпустил обратно.

Кончина короля польского, Яна Собейского

В оном 1696 году польский король Ян Собейский скончался, чрез что во избрании вновь на место оного, была в Польше немалая конфедерация и междуусобие до тех пор, доколе, с помощью цесарскою и папы римского, изобран королем саксонский курфирст Фридрих Август[126].

свою конечную погибель, замахали шапками и знамена преклонили, уже бо не могли ни в граде, ни под валом скрытися, яко из их же блякавзу пушками и дробною стрельбою били их крепко, и выслали для договору от себя два человека знатных людей и били челом, чтоб их даровать животом, и отпустили с женами и с детьми; а на знак уверения и твердости о правде, оставили двух человек аманатов, то есть, заставу, и отдали немчина Якушку, который изменив, из войск Наших ушел к ним в Азов, и бусурманился прошлого года. А в 19 числе, в день Воскресения Христова, азовские сидельцы боярину Нашему и Большего полку воеводе, Алексею Семеновичу Шеину, город Азов со знамены и с пушками, которых пять сот больших нашлося, и с пороховою казною и со всем, что в нем было, отдали; самим же им и женам их и детям учинена свобода и милость Наша Царская. Егда бо малороссийские войска начаша их пленити, животы и богатство их грабить, Мы, Великий Государь, велели дать малороссийским войскам 15 000 рублей, Наказному ж Гетману, Лизогубу с полковниками и сотниками, и знатным товариством, особь каждому, червонными золотыми, и тако свободными от смерти стали и отпущены с животами, и кто что мог взять себе, вниз рекою Доном до речки Кагалницкой, на 18 бударах, а 20 числа по ведомостям выходцев тех азовских сидельцев конницах, и отвезли на кораблях турецких,

Доставшие крепости от турок снабжаются военными и рабочими людьми и всякими припасами и о прочем

Крепости все, взятые от турок по Днепру, хотя были снабжены российским войском, но за повреждением их от военных приступов, велено было, на сделанных в брянских и трубчевских лесах судах, в наступившем году, 1697, отправить, для поправления и выстройки оных, всякого припасу, мастеровых и военных людей, запасу, снаряду, орудия и прочего, под начальством окольничего Неплюева, реками, Десною, до Днепра, а оным до порогов и до Кизикерменя, под прикрытием малороссийского войска. Для чего гетман Мазепа, с довольным числом козаков своих, пошел до Коломака и соединился там с боярином, князем Яковом Феодоровичем Долгоруким, и последовали с ним через Самару к Днепру, и там пересмотрели свои войска, где оставил часть на заставы против татар, под началом миргородского полковника Данилы Апостола, а сам, с оставшим своим войском, переправился через Днепр в Кайдаки, пошел вниз до Кизикерменя. Между тем хан, пришед к Асланкерменю, который запорожцами оставлен был, ввел в него пришедших с ним турок. Они стреляли пушками из оного по Шингерейской и Таманской крепостям, а с другой стороны орда белогородская к Кизикерменю приступала и делала находящихся при нем козаков нападение, к чему прибывали водою и сухим путем турки и уведали, что для исправления оной крепости прибыли московские войска и рабочие люди. Гетман, видевши то, что сила турецкая весьма умножается, а он, за малоимением при себе козаков, с ними сразиться и прогнать их не в силах был, умножил сего для военными людьми тут все крепости, а сам пошел обратно до своей Украйны, отколь немедленно еще послал на помощь к ним несколько своих городовых и запорожских козаков. Тур-

---

которые стояли против наших московских судов, и те отпустили в дальность да и конницы их, нагайцы, все разбежались. Тако Господу Богу Творцу Нашему содевающему дивные по Своей Святой воле, за которое Его святое и неизреченное милосердие к роду Христианскому, в радостных слезах молебно благодарствовали. При Азове же взяли еще Наши войска град Лютин и в нем пушек 50, и замки два, называемые каланчи, над Доном, выше Азова стоящие. Пушки же и с стрельбою и порохом, ланцуги, через реку Дон препятые, поразбивали. О чем изъявя и Вашего Святейшества, в Духе Святом Отца Нашего и Богомольца, просим, дабы, за такое неизреченное Божие милосердие, соборно и коленно молебное благодарение воздавали, и о Нашем здравии и всего воинства молили. Писан в завоеванном городе Азове, лето от создания мира 7204, а от Рождества Христова 1696, июля 20 дня.

ки ж между тем делали на Кизикермен почти каждый день ужасные приступы и продолжали оное почти всю осень, даже с помощью запорожскою во время приступа более 6000 побили их. Турки, видя невозможность свою, вздумали сего для договором к сдаче крепости обольстить козаков, представляя им все изнеможение их, и что подмоги им уже ожидать не возможно, при том обещали, если крепость сдадут, не только их под своим конвоем в целости до границы доставить, но и деньгами, каждому по десяти левов, дано будет. Козаки ж, не будучи глупы, не польстились лестному обещанию их: они во всем отказали им и объявили, что они до последнего человека крепости обстаивать будут, не опасаясь их угрозов. Турки, видя упорство и силу их, а свое изнеможение, принуждены, хотя со стыдом, от них отступить и восвоясы возвратиться; козаки ж и все войско тутошнее, освободясь от такой жестокой осады, Богу благодарность принесли, приписывая оное высокомонаршему счастию.

По окончании с турками войны, государь царь Петр Алексеевич изволил отбыть 1697 года, мая 11 дня, в чужие края и пробыл там по 1699 год.

Но в бытность оную, его величество, царь Петр Алексеевич, в 1698 году благоволил учредить первый российский орден, Святого Апостола Андрея Первозванного[127].

Мазепе пожалован орден

В наступившее лето 1698, паки для устройки и поправления завоеванных крепостей, и к прикрытию оных военными людьми, Мазепа, с козаками своими и с войсками московскими, к Кизикерменю ходил, где почасту с нападающими татарами и дело имел, и по устройке ж их и по снабжению людьми и прочим во время осеннее возвратился гетман по прежнему в Украйну свою; а в наступившем 1699 году Мазепа имел счастие видеться в Белгороде с государем и получил от него учрежденную вновь Кавалерию Святого Апостола Андрея Первозванного.

С сего года Новый год января 1-го установлен

С 1700 года государь царь Петр Алексеевич уставил праздновать Новый год, или Новое лето, от января 1 числа, то есть, в день праздника Обрезания Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа и с оного времени счисление лет весть по новому штилю.

Установление между России с турками мира на 30-летие. Объявление войны от России шведам

В 1700 году, июня 3, заключили турки с Россиею на 30 лет мир, который обнародован был в Москве, в соборной Успенской церкви, 29 августа, а на другой день, то есть, 30 числа, объявлена, за известные и всей Европе протестованные, учиненные самому государю и послам его обиды, против шведов война, которая и продолжалась даже до 1721 года.

Заключенный мир у турок с цесарем и с Польшею и возвращение Каменца с Украйною

В то ж самое время турок, как с цесарем, так и с королем польским, мир же на 20 лет заключил и в самом том лете, 1700 года, сентября 13 числа, Каменец Подольский и всю Украйну с Подолиею Польше возвратил.

Объявление войны от польского короля шведам

По объявлении от России против шведов войны, и король польский, Август, видевшись в литовском местечке Бирже с государем, и установившись там с ним, с своей стороны так же войну шведам объявил, и ходил с войсками своими саксонскими под Ригу, и оную во все лето в осаде держал, к чему, в подмогу, по указу его царского величества, и козаков малороссийских было несколько дано.

Обще с московскими войсками и малороссийские против шведов употреблены

А для Ругодевского, то есть Нарвского, похода к новому городу, в помощь силам московским, племянник Мазепин, стольник и полковник нежинский, Иван Обидовский, наказным гетманом, и с ним полковники, полтавский Иван Искра и черниговский Ефим Лизогуб, с немалым числом козачьего войска и с пушками, ходил, но успеха тогда еще быть не могло, за побеждением шведским, и для того, наконец, по зимовым постоям были расположены. Однако ж козаки и оттоль, с полковником своим, Лизогубом, под Орешек, что ныне Шлисельбург, ходили, и обще с силою московскою, на реке Ижоре, шведов с их генералом сбили, равно и от Гдовского уезда и тамошнего Псковского Печерского монастыря, в Ливонию набеги делали безпрестанные, и немалые шведам чинили разорения и их побивали и в полон брали.

А в 1701 году, по указу его величества к границам шведским послано было несколько тысяч сечевских козаков, и с ними компанейцев и сердюков (пехоты), которые там во все лето, да и в самую зиму, находились, а Гадяцкий полк, с полковником своим, Боруховичем, ходил к Пскову против шведов, а оттуда, с князем Аникитою Ивановичем Репниным, под Ригу, оставшие ж городовые козаки, по смерти Обидовского, который по болезни, будучи еще молодых лет, умер, некоторые отпущены обратно в Украйну, вместо коих, по указу, сам гетман с войском своим и с артиллериею, против шведов ко Пскову пошел. Точию после, по повелению его величества, Мазепе велено остаться в Малороссии, а послать только, при 2000 козаках вместо себя, наказного, почему то число, под начальством миргородского полковника Данилы Апостола и отправлено, сам же от Могилева возвратился в Батурин.

Из под Пскова с войсками великороссийскими пошел боярин Михайло Борисович Шереметев, и с ним, с войском же своим, полковник Данила Апостол под Юрьев Ливонский, то есть, Дерпт, где войско шведское разбили.

С польской стороны козачий гетман с полковником Палием отдались под российское управление Мазепы

Польское шляхетство не оставляло своей злобы и зависти на козаков, даже и на своих, не взирая на пользу через них государству своему, от чего начальники козацкие, паче по смерти короля своего Собейского, имели опасность и недоверку на поляк, ожидая от них подобной прежней гибели себе. А как видели, что с российской стороны и Заднепровскою частию Украйны властвуя, гетман, всеми тут жительствующими козаками и посполитыми людьми, и все под управлением его при своих правах и вольностях, и при всяком довольствии, без всякого утеснения находятся, то, таковых ради благоденствиев того народа, поревновали с польской стороны гетман Самусь и фастовский полковник Семен Палий, со всеми своими козаками согласившись, по дружелюбности своей между собою, в рассуждении права имеющей быть под единым управлением, так как с единородцами и по вольности своей козацкой, в Малой России живущим, всем вместе под державою Всероссийскою состоять. Для чего заблаговременно и избежания ради польского самовольства, свободно объявя о своем желании, как они и прежде сего уже к России приглашаемы были, гетману Мазепе с присягою отдалися, и потому гетман Самусь, отдав все свои, жалованные от короля польского, клейноты, как то: булаву, бунчуг, знамя, привилегию и прочие знаки, а Палий со всем своим полком, себя Мазепе препоручили, и остались под Царскою державою, первый, Самусь, полковником богуславским, а последний, Палий, при фастовском своем полку полковником же.

Разные козацкие дела. Сражение происходит близ Дерпта 9 числа января

Прежде посланные ж козаки запорожские, которые, за неспокойствием их, отпущены обратно, следуючи через Литву, по их буянству, многие пошли из найму в литовскую службу к супротивной стороне гетмана Сапеги: они там партии королевские многие и самого Поцея разбили, а потом, по окончании оного, в Сечу возвратились. Компанейцы ж и сердюки после присообщены к наказному гетману и определены потом быть при войске московском с фельдмаршалом Борисом Петровичем графом Шереметевым в Лифляндии, где Апостол мужество свое с козаками оказывал во время сражений против шведов, состоящих под командою их генерала Шлипенбаха неослабно. Во время сие убит компанейский полковник Пашковский.

В 1702 году, июля 17, под командою того ж графа Шереметева, козаки, татары и калмыки против шведского генерала Шлипенбаха в сражении находились, который силою российского оружия тогда побежден, июля 8 дня под Гомельсгофом, при реке Эмбахе. Да в декабре 31, от него ж из Пскова, с московскими конными полками, козаков 1000 человек, с их полковником, Лизогубом, посланы были под Нарву и Ивангород, под командою полковника, князя Вадбольского, в котором подъезде много шведов побили и в полон побрали.

В оном году царь Петр Алексеевич с польским королем, Августом, курфирстом Саксонским, союз подтвердил.

Возвращается Белая Церковь от Палия полякам

1703 года, по прошению прибывших к государю великих литовских послов, указом его величества, велено было гетману Мазепе, чтоб он о возвращении от Палия Белоцерковской крепости Речепосполитой и успокоении тамошних чинил найпрележнейшее старание имел, и Палия к тому, пристойными способы, приводил и предостерегал бы того, чтоб подданные, к России принадлежащие козаки, к тому бунту не приставали, что Мазепа через строгое повеление свое усмирил и успокоил.

Даны козаки полякам в помощь союзной стороне

Между тем, по прошению ж польского короля Августа и литовских гетманов Вишневецкого и Огинского, посылал Мазепа на помочь к регементарю литовских войск, к Михайле Халецкому, под город Быхов, на Днепре стоящий, где был гарнизон противников сапежинцев. с малороссийскими войсками, стародубовского полковника Михайла Миклашевского с 15 000 человек, который, обще с полька-

ми, осадили; но как потом к ним на помощь прибыл из Смоленска генерал-майор Богдан Корсак с смоленскою, бельскою и рославскою шляхтою и рейтарами, тогда уже, по шестимесячной осаде, сапежинцы город сдали, который со всею артиллериею, жителями и их имением отдан Речe Посполитой, а взятого в нем в полон партизана шведской стороны Абилцыкевича, со всем его гарнизоном, отвели к гетману в Батурин. Потом еще, по прошению польских господ, в Литву вторично с полками послан был от Мазепы Радич против шведов. А в Польше, как и в Литве, делали вспоможение союзникам своим воевать против поляк, супротивников их королю, и шведов.

Посылка для набора рекрут и лошадей и для усмирения башкир

В то же время, для лучшего послушания к даче рекрут и лошадей с казанских и уфинских татар, и ради усмирения взбунтовавшихся башкирцев, за Волгу послан был, с наборщиком Александром Сергеевым, лубенской полковой судья Кичкаревский с козаками.

Мазепа с войском своим выступил в Польшу против шведов

В 1704 году, за вступлением шведов в Польшу, должен был с козацким войском своим выступить гетман Мазепа в поход, и стоял до самой осени при могиле Перепятихе, под Любаром.

Король шведский берет контрибуцию с супротивных ему польских городов

Но король шведский между тем, угнетая Польшу, а паче супротивных против себя и Станислава Лещинского, проходил от Варшавы до Львова, и оный не столько силою, как устрашением своим, сентября 11 числа, одержал. Он взял из него великое число контрибуции, и нашед в нем многих турок и татар, в плену содержащихся, освободил и, снабдя их путевыми деньгами, при своих паспортах в отчизну отпустил, оказывал тем против турок и татар свою благосклонность.

Царское распределение войск своих по разным местам против шведов

В наступившее ж лето 1705 года, царь Петр Алексеевич имел намерение внести оружие свое в средину Лифляндии, чтоб быть при-

том сильною помощию своему союзнику, королю польскому, Августу; точию предусмотрел, что надобно прежде выгнать шведов из Курляндии. Для чего распределил свою армию: он послал с частью оной фельдмаршала барона Огилвия в Литву к Тикочину, а гетмана Мазепу, с козаками, в Волынию, генералу ж фельдмаршалу, графу Шереметеву, велел немедленно вступить в Курляндию, где шведский генерал Левенгаупт находился. Сей, уведомившись о приближении российского войска, собрал поспешно своих людей и ожидал неприятеля в Самогитии.

Шереметев сражается с шведским генералом Левенгауптом

Граф Шереметев, узнав о сем, что он в таком вооружении, с общего военного совета, положил сделать ударение на него; но как неприятельские крылья прикрыты были с обоих сторон болотами, сего для козаки, как будучи везде отважные люди, продравшись через болота, ударили вдруг и нечаянно на неприятельскую конницу левого крыла, а оная смяла своих, поставленных в боевой порядок гранодер, и тем привела все войско их в немалый безпорядок, в который самый случай и весь корпус российский сделал на них ударение и сразился с ними найсильнейшим образом, что продолжалось жестоко на четыре часа, даже Шереметев был ранен, а шведы свое место уступили, и тем сражение кончили в 19 июля, при Мур мызе, в Курляндии.

Король шведский низводит короля польского с престола и на место его возводит Лещинского

Король же Карл XII, как старался низложить короля Августа с престола польского, за союзство его с царем российским, с сообщниками своими поляками, назначенного в короли Станислава Лещинского[128], действительно сего году, октября 4, при многочисленном собрании поляков, в Варшаве короновал и с ним мирный и союзный трактат заключил.

По причине зимования шведов в Великопольше, войско российское располагается в Литве, в Милой Польше и в Краснороссии, но с движением

По сему, как известно было, что король шведский оставался с войском своим к зиме в Польше и что многие поляки, согласники его, положили намерение воевать не только против Августа, но и против его союзников, принуждено было сего ради расположить как

в Литве, так и в Польше российское войско, из коего числа гетман Мазепа с войском своим стал было на зимний постой в Краснорусии, в городе Замостье и в округе оном, и оттоль посылал черниговского полковника Якова Лизогуба, с его полком, и гадяцкого Боруховича и Танского с компанейскими полками, в Списке воеводство, где почти под самыми цесарскими границами, супротивника, воеводу Списского, убили, и полк его разбили, а оттоль паки возвратились в Броды и из оных пошли к Минску, для того, что король Карл вознамерился от Варшавы идти в Литву, где российские войска находились.

Во время движения шведов, войска российские их поражают

Король в самую зиму 1706 года следовал за россиянами и достиг до Гродно, нашел его весьма укрепленного и сильного от войск российских, не делал сего для на оный нападения, но, постояв несколько, пошел обратно в Великопольшу. Огильвий, видя наступление шведов, отправил на другой день за ними в погоню деташамент драгун с козаками, под командою генерал-поручика Рена. Они напали на шведский ариергард и на обоз, охватили 28 шведов и несколько телег с багажем. 18 числа февраля, послан был опять даташамент с козаками ж на обоз Станислава Лещинского, от которого и охватили всю его серебрянную и поваренную посуду и другие вещи, купно с полевою короля аптекою, а от двух сот конвойных шведов 24 убито и 8 в полон взяты. И так после сего россияне оставались в своих ретраншаментах весьма спокойны до самого апреля.

О бесчеловечном поступке шведском над пленными российскими

Между тем, к удивлению царскому, привезены в Москву двое российских солдат и представлены ему были, при послах английском, прусском и резиденте галанском, которые объявили, что когда их шведы в разных местах партиями разбили и в полон взяли, то, при подъеме их похода, большу часть из них пред глазами самого короля порубили и ножами кололи, а другим, таким же образом как и мы, персты отсекали. Ретировавших же небольшее число людей, кои укрылись было в деревянном доме, и просили пощады, вместо того, по повелению короля, сожгли с самым домом. Так же, что в то же самое время, как несколько сот малороссийских козаков досталось шведам взять в полон, повелел король их не оружием, но дубьем побить до смерти. «Варварства такого еще ни один государь христианский ни над какими не делал, кроме Карла XII», было от государя сказано.

Мазепа летует в Фастове и в Белой Церкве. По жалобам от послов Мазепа берет Палия под стражу и ссылает в ссылку

В оном году летовал гетман Мазепа с войском своим за Днепром, в городах Фастове и в Белой Церкве. Где будучи он, приносили ему поляки на фастовского полковника Палия многие жалобы в том, что якобы он им разные обиды, наглости, озорничества и возмущения на них козаков делать наводил, что Мазепа приняв, так как любил и почитал больше поляк, нежели своих, удостоверился на их жалобах, и коротким следствием обвиня Палия, велел тотчас взять его под стражу, чего ему в иное время, без войска и без себя, сделать никак бы не можно было, ибо и сам его боялся. А как ведал при том, что он зело был богат, то, из зависти и алчности к тому, конфисковал все его имение на себя и сослал его потом, по отписке своей к царю, в Москву, для отсылки его в Сибирь, где и находился он по 1709 год. Тогда то, как слух носился, делал Мазепа тайные переписки с королем шведским о предательстве своем.

Царь закладывает в Киеве Печерскую крепость и старый город укрепляет

Государь Петр Первый, по прибытии своем из Москвы в Чернигов, июля 1-го, известил последовать рекою Десною до Киева, и там, пробыв июля с 4, августа по 20 число, за неудобностию старого Киевского городового укрепления, вновь заложил и застроил, с 15 числа того августа, Киевопечерскую крепость, где и Мазепа для того строения с козаками был, а старый город велел укрепить вновь к нему наружными крепостными пристройками.

Царское распределение войсками

Государь как уведомился, что король шведский не учинил приступа на Гродно, и что армия, там находящаяся, не может, по желанию, действовать, послал из Киева указ к фельдмаршалу Огилви поспешить к границам российским, а князь Александр Данилович Меньшиков остался бы с своими войсками и с деташаментом козаков у Могилева и Борисова, для защищения Польши.

Партия российская делает поиски в Польше и поражает поляков и шведов

По отбытии короля шведского из Польши в Саксонию, отправилось 3000 человек, конницы российской, в том числе и козаки, из

лагеря, под Могилевым бывшего, к Великой Польше, ради осмотрения тамошних действ. В походе своем настигли они у Львова польского конного фурьера и князя Любомирского с некоторым числом войска, коих они и разбили, а в Люблине поймали 600 человек шведов и шведскую военную казну, которая в оной же провинции набрана была.

Шведы поражают козаков

В оном же году, при сражениях из войска малороссийского шведами побито, в Несвиже: полковники, стародубовский, Михайла Миклашевский, зять его, Андрей Гамалей, и Тарас Гаврилович, сотник погарский, да в полон взяты: Романовский, Иван Чернолуцкий, есаул полковой, Турковский, Тимошенко и Бурман.

Да по злобе и по наветам генерального судьи Семена Чуйковича, Мазепа послал полковника переясловского Ивана Мировича с полком в Польшу, в город Ляховичи, и через его, Мазепины, факции, шведы в оном городе атаковали кругом оного и, взяв в полон, отослали, с старшиною его и с многими козаками, в Стокгольм, где в плену и помер.

От Порты присылаются шведские пленники к королю

В наступившее лето 1707 году, от Порты, в знак благодарности своей за освобождение из Польши бывших в плену турок и татар, прислано к коро́лю шведскому, находившихся в неволе ж, шведов 300 человек, чему король весьма доволен был, и возымел на турок не малую надежду.

Шведское самохвальство и угрозы на Россию

Под который случай двор французский, для своих тогдашних обстоятельств, старался, чтоб Карл XII с царем российским и Короною Польскою примирился, и об оном ему предлагал, но он того и слышать не хотел, по той причине, что тайное согласие уже с малороссийским гетманом Мазепою имел, да и турки своею благосклонностию его обнадеживали, ответствовал сего для только, что «с царем московским будет трактовать о мире в самой Москве», а министры его, кои были при других дворах, слыша оные предложения, ответствовали также с гордостию и ругательством, что «их король прежде с Россиею мира не учинит, пока к Москве пришед, царя с престола низвергнет и царство его разделит на небольшие княжества

и воеводства, и обяжет трактатом, все регулярные войска, по европейскому образцу учрежденные, переменить, экзерциции, одеяния, и прочие, по обычаю европейскому ж введенные порядки, покинуть, а привести их паки в старые обыкновенности, купно с одеянием и бородами». Но того, что говорили, недовольно было; они еще и с немалым ругательством изъявляли в письмах злобные намерения свои, которые король их исполнить замышлял. И, в надежде своего высокомерного намерения, раздавал он уже многие государства Российского чины своим генералам, почему генерал Шпар, будучи в Берлине, во многолюдной компании у подскарбия Короны Польской Пребендовского, хвалился и показывал, что ему сейчас от короля его на губернаторство московское прислан патент, которым чином его там уже поздравляли. Но другие при том говорили, что получение в самом деле того чина, кажется им без великой трудности не воспоследует, в разсуждении толь дальнего пути к Москве, и в Польше стоящее российское войско может в том много препятствовать. Но Шпар, по обыкновенной шведской гордости, ответствовал, что «они русскую каналию могут не только оружием, но и плетьми из всего света, а не только что из их земли выгнать». Петр Великий такие шведские о мире ответы и ругательства слушал и сносил с особенным великодушием. Он только на то сказал: «Брат мой, Карл, намерен быть Александром, только на найдет он во мне Дария».

О начале бунта донских козаков

Как продолжающаяся оная со шведом война требовала частого дополнения армии, набор царского войска чинен тогда по большей части в его восточных провинциях, откуда множество из новонабираемых рекрутов, не имев склонности к военной службе, убегали к донским козакам, которых выбору ради послан был от государя полковник князь Юрий Долгорукий с пристойною командою; но донцы, чтоб не выдавать оных, возволновавшись, Долгорукого убили со всею его командою, от чего сделался на Дону между козаками не малый бунт. Государь, уведомившись о сем, для наказания и усмирения того, послал брата убитого, гвардии майора, князя Василия Долгорукого, с немалым числом военных людей, который жестокостью тот бунт их утишил (смотри о сем в Летописной истории о донских козаках, сочиненной мною 1778 году).

Войсками российскими поражаются поляки за их непостоянство

Видя государь непостоянство польское (ибо открылось, что некоторые из новых его союзников обратились опять к партии Карло-

вой и Станиславовой), восхотел наказать таковое их непостоянство, за что полковник Шульц с своим полком, и к тому с козаками и калмыками, выступив против отступников, воеводу Смигельского на голову разбил а притом выжег все маетности Станиславовы. Так же завладел Быховым, где отступники находились, и полонил весь тамошний гарнизон.

Донос царю на Мазепу, что имеет он намерение к измене. Царь не поверил, отсылает доносителей к Мазепе, который их за то казнит смертью

Его величество, по распоряжении в Польше армии своей, как был в Санктпетербурге, по присланному к нему письму важному, призвал из Малой России генерального судью Василия Леонтева, сына Кочубея, и полковника полтавского Ивана Искру, которые точно доносили, что гетман Мазепа, против его величества подлинное намерение к злодейской измене имеет и в том делает тайную переписку с королем шведским. Точию государь сему верить не хотел, однако ж писал к гетману, чтоб он ему об оном изъяснился. Мазепа, как будучи человек хитрый, прислал к государю, повидимому, такое объяснение, что он легко ему в том поверить мог. Он тотчас, как за безвинное оскорбление чести гетманской, отослал их к нему на его суждение. Мазепа, получа их, немедленно до Белой Церкви послал и не довезя до оной, велел, в селе Борщаговке, смертью их обоих казнить, т. е. отсечением голов.

Король наступает на войска российские, но оные отступают

В начале 1708 году король шведский уведомился, что малороссийский гетман, Мазепа, с 30 000 человек козаков, имел повеление соединиться с корпусом генерала-фельдмаршала-лейтенанта, барона фон дер Гольца, который стоял в окопе у Борисова, ради наблюдения движений его. Он наступал сего для на последнего и следовал далее, но войска российские отходили в свои границы. Мазепа ж своим походом ни мало не спешил, а за чем, об оном ниже окажется.

Король следует в Малороссию

Намерение короля шведского о походе в Украйну как было никому не известно, потому и казалось, что по отправке его указа в Лифляндию, будет он ожидать генерала своего, графа Левенгаупта, у Могилева и, по соединении с ним, идти прямо к Москве через Смо-

ленск, как то сам объявил было везде; но король, будучи нетерпелив ожидать такой помощи, которой крайне требовалось, перебрался через реку Днепр, в намерении выступать помалу в Украйну.

Войска российские приступают к границам своим

Об оном походе коль скоро царю известно стало, тотчас повелел войскам своим регулярным и нерегулярным придвинуться к границам для отражения вступления в оные шведов.

Козаки нападают на фуражиров шведских

Король, следуя намерению своему, и будучи в пути, посылал в разные места свои партии сыскивать фуража, съестные припасы и неприятельские подъезды, из которых одна, под предводительством его королевского генерал-адъютанта, Канифера, 300 волохов, у реки Березы напала на козаков; но как оные стояли там осторожно, то оных волохов козаки прогнали и на месте их 30 человек положили, 4 живых в полон взяли, что было в июне месяце.

Козаки берут наездника шведского

Потом, в исходе июля месяца, того ж знатного наездника Канифера, в местечке Смольянах, в кляшторе пристигла партия козацкая, оного и несколько драгун и волохов живых взяли, а прочих побили.

Король продолжает путь свой в Малороссию

Король продолжал поход свой беспрестанно, пренебрегая все чинимые ему от войск российских препоны. Он, перешед Днепр при Могилеве, следовал к реке Десне, будучи в надежде на верную измену Мазепину, как после о том точно известно стало, и на бунт донских козаков* о коем мнили, что якобы через Мазепу ж возмущены, так же и запорожских козаков, которые в то время с Мазепою заодно уже были, и потому все ближе вовнутрь Украйны приближался.

---

* О сем бунте подробно писано в Донской истории.

Деташамент российский нападает на армию шведскую и делает поражение

При сем случае козаки и калмыки, подкреплены будучи шестью полками драгун, под предводительством генерала Рена, напали нечаянно на левое крыло армии шведской. Король, услышав пальбу, поскакал тотчас к ободрению своего войска, но, по прошествии нескольких минут, увидел он и самого себя в опасности, потому что не только два генерала, защищающие своим животом жизнь его, остались мертвы, но и конь, на котором он сидел, был убит. И так нашел он уже не тех россиян, с коими под Нарвою дело имел.

Партия российская нападает на обоз шведский

Сверх сего, посланный генерал-майор князь Волконский, с своим полком, с козаками и с волохами напал на неприятельский обоз и несколько шведов побил, а двух в полон взял.

В сумнительстве на Мазепу делается примечание

Но когда усмотрена медленность гетмана Мазепы, что оный с козаками своими ни сам, ни с наказным от себя, не выступает против неприятеля, начал Петр Великий несколько сумнение иметь, по прежнему доносу на него, сего для указал киевскому воеводе и смоленскому наместнику, князю Голицыну и генералу князю Меншикову, прилежно примечать за его поступками.

Мазепина хитрость против сумнения на него

Мазепа, как будучи человек хитрый, проник сие подозрение на себя; а дабы оное сумнение от себя отвесть, разослал сего для в то время универсалы свои по Малой России, объявляя тем, чтоб народ в великом был опасении, по чаемом наступлении сильного неприятеля, шведа, закапывал бы того для всякой в землю хлеб свой, деньги и лучшее имение, так же и церковные утвари, казны и украшения укрыть бы их прихоронить, дабы ничто попасться не могло обыклому шведскому грабительству; притом повелевал, чтоб по всем монастырям и городам в соборных церквах частые были молебствия со всенародным бдением, дабы неприятеля того, как православия восточного ненавистника, помощию Всевышнего, скорее прогнать от предел российских было можно.

Сим объявлением своим Мазепа зело народ малороссийский устрашил и многим сердца, кто б и доброжелателен шведам был, от

них отразил, хотя не знал об них и сам заподлинно, будут они еще согласны намерению его, но только догадкою на них надеялся.

Умысел Мазепин к соединению со шведами

Сверх всего того, когда были к нему неоднократные указы царские, дабы с войсками своими за Десну шел конечно против неприятеля, видя он, что по переходе оном, хотя бы и делал шведам притворные супротивления и не могла б через то открыться его измена, погубил бы крепость Батуринскую и в великое себя и шведа ввел затруднение, а потому вознамерился он, как то проразуметь было можно, чтоб не переходить ему Десну и не оставлять резиденцию свою, но дождаться шведов на сей стороне, для того, что он тут, кроме других городов, Батурин свой, который как местом, так и самим положением своим, крепче и лучше был, еще поновлением вала и всего городового укрепления укрепил, так же амуницией, провиантом, гарнизоном и всякими припасами воинскими довольно снабдил, что все было бы тщетно, если бы переходом своим за Десну измену свою объявил и с неприятелем не поспел бы за трудною чрез Десну переправою возвратиться к обороне своего Батурина, как то и сделалось против его желания; он притворился сего для так трудно болящим, как бы к самой смерти уже приближался, и тем извиняючись пред государем, отрицался от оного похода, чему можно было и поверить, потому что посланные от государя находили его всегда недвижимого на постели, и с нуждою на вопросы что отвечать мог. К большему ж к тому уверению подтвердил дивным, по случаю, ухищрением, а именно: шел тогда из Москвы в Киев новопоставленный Киевский митрополит Иоасаф, и когда пришел к нему, притворною немощью болящему в городе Борзне, хитрый льстец просил оного архиерея, дабы там же написал ему письмо, будто б оное от него, по отъезде с дороги посланное к нему, прислано с тем, что желает ему лучшего здравия и упомянул бы и о елее освящения, от себя ему поданном, так как бы оное было, в самой же вещи отнюдь не было. Получив же такое письмо, тотчас послал оное к государю во уверение о крайней своей немощи.

Еще и сие примыслил: велел, состоящим при нем в войске козацком, некоторым сотникам, чтоб наустили чернь свою вопить на него, будто бы бунтуются в том, что давно от домов своих бедне волочатся, что и было при одном царском посланнике; а сие он для того настроивал, чтоб показать, что не только самому ему за болезнью своею, но и иному кому вместо его, невозможно весть козаков за Десну по их непокорству. Таковыми и иными хитростями проволочил он время, дабы шведской на сию сторону реки переправы дождаться.

Сам царь сражается с Левенгауптом и поражает его на голову. С царем было войска 10 000 человек

Царь Петр Алексеевич не выпускал из мыслей своих того, что в побеждении Левенгаупта состоит безопасность царства его, ибо когда следовал он из Лифляндии через Литву с 16 000 шведами, и до 8000 телег с разными припасами с собою имел, да и через Днепр уже перешел, он тотчас повелел только отделенным войскам своим препятствовать королю в пути его; сам же наступил на Левенгаупта под Лесным и сразился с ним сентября 28 числа, поутру, но по первом бое решительно не одолел; того для придавал смелость солдатам, а козакам, которые в корпусе резерва за лесом стояли, приказал стрелять на тех, которые бы восхотели бегать, да не щадить и самого его, ежели бы побежал. По отдохновении войска, в четвертом часу пополудни, подкрепив все свои линии свежими людьми, наступил опять на неприятеля; тут ужаснее прежнего сразились и кровопролитие пребезмерное было до самой ночи, и даже, наконец, шведы силою оружия российского принуждены были отступить назад к обозу. Темнота ночная не позволила гнаться за неприятелем, однако ж царь не хотел отпустить его непобежденного, повелел сего ради войску своему во всю ночь быть в ружье, и на самом рассвете следующего дня повел войска паки на неприятеля, но удивился весьма, увидевши, что Левенгаупт уже в ту ночь отступил к Пропойску, а свою артиллерию, амуницию, и съестные припасы, купно со всеми раненными, оставил своему победителю. Царь не был еще и сим доволен; он не хотел, чтоб и один швед убежать мог от его меча; сего ради отправил тотчас в погоню за неприятелем драгун и несколько козаков и калмык. Сии посланные настигли около 4000 шведов у предупомянутого ж села, а Левенгаупт пред тем уже перебрался с несколько тысячами человек через реку, на другую сторону; оставшие ж на сей стороне, как не хотели добровольно сдаться, то россияне, обхватив их со всех сторон, предали больше 500 острию меча и несколько сот в полон взяли, где и достальный их обоз, более 2000 телег, взяли ж, так же и по дороге и по селам бегущих неприятелей козаки и калмыки много побили, и при реке Соже, на переправе, не малой вред неприятелю сделали.

Левенгаупт о положении своем посылает весть к королю, но вестник попался в полон

Левенгаупт о сем, что он от российских войск побит, с известием послал к королю маиора, который заехал в Стародуб, чая, что король всею Украйною уже овладел, и тут попался козакам в руки, коего привели в Стародуб к фельдмаршалу Шереметеву, и через него уве-

домился он о той счастливой победе, прежде присланного известия от государя.

Царь следует из Смоленска

По одержании под Лесным над Левенгауптом победы, государь отбыл в Смоленск и, пробыв там 12 дней, сведал, что уже неприятель внутрь Малой России вступил, последовал сего для сам в Украйну через Рослав, Брянск, Трубчевск и прибыл, октября 27 дня, к местечку Погребкам, состоящему от Новагородка Северского с милю.

О подлинном уведомлении царя о Мазепиной измене

В оном месте, в ночи, государь, к ужасному своему удивлению, получил письменную ведомость от генерала князя Меньшикова, который уже тогда с войском стоял в Украйне, о явной измене гетмана Мазепы, и что с небольшим числом людей, состоящих на его плате, компанейскими и несколькими городовыми полками и с своими единомышленниками, за Десну реку ушел к королю шведскому.

Ночное подтверждение об измене Мазепиной. Посылка царем указа о прибытии в Глухов всего общества малороссийского для избрания в нем гетмана

В наступивший день, то есть, 28 числа, к государю к Погребкам, от местечка Субочева, сам князь Меньшиков и с князем и воеводою киевским и наместником смоленским, Дмитрием Голицыным, прибыл и о измене и побеге Мазепином к королю подтвердил, а также и то, что объявлено ему через прибежавшего к нему из Батурина, гетманской канцелярии канцеляриста, Андрея Кандыбу, что Мазепа с своими генеральными старшинами, обозным Иваном Ломиковским, судьею Семеном Чуйковичем, писарем Филипом Орликом, есаулом Антоном Горленком, хорунжим Иваном Сулимою, бунчужным Дмитрием Максимовичем, канцелярии писарями: Михайлом Ломиковским и Иваном Максимовичем, канцеляристом Антоновичем, да с полковниками: киевским, Константином Мокиевским, прилуцким, Дмитрием Горленком, и с зятем его, Бутовичем, лубенским, Семеном Зеленским, миргородским, Данилом Апостолом, компанейским, Игнатием Галаганом (все с своими полками), бежал к шведам, и что в городе оставлено немалое число войска и два надежнейшие пехотные сердюцкие полка, с их начальниками при том: полковники Чечель и Полтавского полку Леонтий Эрцик, да гетманский регент (правитель Мазепиной канцелярии), есаул артиллерии, Немчин. Фридрих Ке-

нигсек, генеральный есаул Гамалей, и города того городничий и сотник батуринский, которые и крепость уже затворили. Сего для царь учинил военный совет, на котором положено, чтоб князю Меньшикову с частию войска идти доставать Батурин. Но напред бы послать в оный к сдаче их уговаривать, а в противном случае всех изменников не щадить, кроме старшин, для учинения им публично правильного наказания, с чем Меньшиков и отправился. А в войско малороссийское и их старшинам, так равно и ко всему духовенству, от 28 числа октября, посланы указы с объявлением той измены Мазепиной и для того, дабы вся генеральная и полковая старшина, со всем поспольством своим, и духовные, для избрания вновь гетмана, наскоро в Глухов собрались, а в каковой силе тот указ состоялся, тому при сем список прилагается:

Указ царский, коим повелевается быть всем чинам в Глухове

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Пресветлейший и Великодержавнейший Великий Государь, Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, и многих Государств и земель, Восточных, и Западных, и Северных, Отчич, и Дедич, и Наследник, и Государь, и Обладатель, Наше Царское Величество, объявляем верным нашим подданным Малороссийского народа, духовным и мирским, а особенно Войска Запорожского генеральной старшине, полковникам, сотникам, атаманам куренным и всему войску и прочим жителям Малороссийского народа.

Известно Нам, Великому Государю, учинилось, что гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное к Нам, Великому Государю, целование, изменил и переехал к неприятелю Нашему, Королю Шведскому, по договору с ним и Лещинским, от шведа выбранным на Королевство Польское, дабы, с общего согласия с ними, Малороссийскую землю поработить по прежнему во владение Польское, и церкви Божии и Святые монастыри отдать в Унию. И понеже Нам, яко Государю и оборонителю Малороссийского края, надлежит отеческое иметь об вас попечение, дабы в то порабощение и разорение Малой России, тако ж и церквей Божиих во осквернение не отдать, того ради повелеваем всей генеральной старшине, полковникам и прочим, вышеобъявленным, чинам Войска Запорожского, дабы на прелесть и измену сего изменника, бывшего Гетмана не смотрели, но, при обороне Наших великороссийских войск против тех неприятелей стоялц, и для лучшего упреждения всякого зла и возмущения в малороссийском народе от него, бывшего Гетмана, вся старшина генеральная и полковая, съезжались бы немедленно в город Глухов для обрания по правам и вольностям своим, вольными голосами, нового Гетмана, в чем крайняя нужда и спасение всея Малыя России состоит. При сем же объявляем, что известно Нам, Великому Государю, учинилось, что бывший Гетман, хитростью своею, без Нашего указу,

аренды и многие иные поборы наложил на Малороссийский народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего и те тягости наложенные повелеваем мы ныне с Малороссийского народу оставить. Дан сей Наш Царского Величества указ в обозе при Десне, за приписанием власным Нашей руки и припечатанием печати, октября в 28 день, 1708 году.

На подлинном тако: *Царь Петр*

Царь уведомляет об измене письмом своим нежинского наказного полковника Жураковского и призывает его к себе

В сей самый случай его величество государь царь, Петр Алексеевич, изволил письмом своим писать и к полковнику нежинскому, Лукьяну Яковлеву сыну Жураковскому, о той же Мазепиной измене и звал его оным для совета к себе следующим образом, как в приложенном списке здесь значится:

Царское письмо

Господин полковник Нежинский Наказный!

Объявляем вам, что Гетман Мазепа, забыв страх Божий, изменил Нам и переехал к Королю Шведскому, таким образом: объявил войску Малороссийскому, что указ наш получил идти за Десну против неприятеля, и когда перешед за Десну, приблизился к войску неприятельскому, тогда войско Малороссийское, поставя в боевой строй, объявил им, что он пришел не биться, но служить Королю Шведскому, и тако тем льстивым образом вся старшина и полковники достались в руки неприятелю. Чего ради Мы послали Наши указы ко всей генеральной старшине и полковником и сотником, дабы оные избирались на избрание нового Гетмана, по правам и вольностям своим, вольными голосами, а вас желаем, дабы вы, как найскорее, для советов прибыли сюда к Нам, ибо Мы, попечение имеем о Малороссийском народе, чтоб оный в порабощение и под владение Польское не приведен был, и церкви и Святые монастыри во осквернение и в Унию обращены не были, и уповаем, что и вы, по верности своей к Нам, о том попечение иметь, и за веру, и за отечество стоять, будете. И того для к Нам немедленно поспешайте, а Мы вас обнадеживаем Нашею особливою высокой милостью, и будьте благонадежны, что Мы вас в настоящие полковники Нежинские пожалуем.

Подлинное за подписанием собственноручным тако: *Петр.*

Царское рассуждение об изменнике

При таких будучи обстоятельствах, его царское величество рассуждать изволил, что какую он в злодее оном великую доверенность имел, и какие оказывал ему благодеяния, да самую и любовь, в возведении его на оную степень, с данными ему всеми на то преимуще-

ствами, клейнотами и пожалованием ордена Святого Апостола Андрея Первозванного, и что весьма обогащен, за что почти сетовал сам на себя, что плут такой умел в него вкрасться, и что любя его, и по старости его лет, не верил никому ни в каких на него доносах, ниже в преважнейших.

Мазепа соединяется с королем

Король между тем, как следуючи безпрестанно в Украйну, шел уже в стародубовских пределах, дабы перебраться через реку Десну, где стал в расстоянии от Новагородка Северского мили с две, близ села Псаровки. Там явился к нему изменник Мазепа, однако ж и с ним нашел он там новое себе супротивление.

Швед переходит через Десну

Государь же между тем в 1-й день ноября от Погребков прибыл к местечку Субочеву, куда так же приехали, для засвидетельствования его величеству своей неизменной верности, три полковника малороссийские: стародубовский, Иван Скоропадский, нежинский, Лукьян Жураковский, переясловский, Степан Тамара, и того ж числа в ночи пришла ведомость, что швед Десну перешел.

Посылается в Глухов грамота царская для избрания при министре вновь гетмана

Из обоза сего Субочева места того ж 1 числа ноября, его царское величество изволил в Глухов послать всемилостивейшую грамоту свою ко всей генеральной старшине, полковникам и ко всему Войску Запорожскому, мещанству и черни всякого состояния, с тем, дабы немедленно избрали меж себя одного из верных, знатных и искусных особ, вольными голосами, по правам своим, на гетманство, как того требует сие время и обстоятельства, для которого избрания благоволил быть на той Раде министру своему, князь Григорию Федоровичу Долгорукову. А грамота та состояла в следующем содержании:

Царская грамота об избрании гетмана

Божиею поспешествующею милостию, от Пресветлейшего и Державнейшего Великого Государя Царя и Великого Князя, Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца, и прочая, и прочая, и прочая. Нашего Царского Величества всему Войску Запорожскому и народу Малороссийскому милостивое слово.

Объявляем верным Нашим подданным Войска Запорожского полковникам, есаулам, сотникам, атаманам и всей полковой старшине и всему войску и народу, на избрание нового Гетмана, по указу Нашего Царского Пресветлого Величества, съехавшимся, что, понеже бывший Гетман, Мазепа, забыв страх Божий и свою к Нам, Великому Государю, при Крестном целовании, присягу, изменил Нам, Вели-

кому Государю, без всякой данной ему к тому причины, и переехал к Королю Шведскому, в таком намерении проклятом, дабы Малороссийский край отдать в порабощение еретикам шведам и под иго поляков, о чем как Мы, Великий Государь, известились, учинен у него с Королем Шведским и, от него выбранным на Королевство Польское, Лещинским, договор, того ради Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество яко Государь и оборонитель всей Малой России и народа сего, милосердствуя о вас, верных подданных Наших, намерены высокою своею особою всеми силами вас и весь малороссийский народ, оборонять войски своими великороссийскими. И дабы упредить сие злое намерение, того Богоотступного изменника Мазепы, и к исполнению оного и Малороссийского края до разорения, церквы же Святые до осквернения и превращения в Римскую веру и Унию не допустить, того ради посланы от Нас, Великого Государя, Нашего Царского Величества, во все полки Наши указы, за подписанием собственныя Нашея руки и печати, дабы съезжались на избрание нового Гетмана вольными голосами, по правам и вольностями вашим, и уповаем, что вы, верные Наши подданные, разсуждая целость отчизны своей и показуя к Нам, Великому Государю, верность, по тех указах немедленно к избранию нового Гетмана приступите и единого из верных, знатных и искусных особ, вольными голосы, по правах своих, на Гетманство немедленно изберете, понеже нынешний случай ускорения того дела требует, дабы единодушно против общего неприятеля, Короля Шведского, стать и оного войска, которые уже от Наших великороссийских и малороссийских войск большею частию побиты, и гладом и хладом померли, и до конечного разорения привесть, и того изменника Мазепы прелести и замыслы пресечь и упредить, и тако свою отчизну от всяких опасностей и разорения избавить и освободить. А Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, обещаем вам, верным подданным Нашим, тому, вольными голосы новообранному, Гетману, так же и генеральной старшине, полковникам и есаулам, сотникам, и всей полковой старшине, и всему Войску Запорожскому, Нашим Царского Величества словом все вольности, права и привилегии, которые вы от времени принятия блаженныя и вечнодостойныя памяти Отца Нашего, Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца, под свою высокодержавную руку Гетмана Богдана Хмельницкого из Войском Запорожским и со всем Малороссийским народом, и потом при Нашем Царского Величества государствовании Гетманы, и все войско имели, свято ненарушимо и цело содержать, и вас, верных своих подданных от нападения всех неприятелей оборонять, и весь Малороссийский народ в непременной своей милости содерживать, в чем бы вам, верным нашим подданным, на Нашу, Царского Величества, милость быть благонадежным. А на сие избрание нового Гетмана послан к вам, верным Нашим подданным, от Нас, Великого Государя, министр Наш,

князь Григорий Федорович Долгоруков. Дан в обозе при Десне, ноября в 1 день, 1708 году.

Подлинная подписана собственною рукою тако: *Петр.*

Генерал князь Меньшиков приступает с корпусом к Батурину

Генерал князь Меньшиков, отбыв от государя на другой день с корпусом, приступил к Батурину, который застал уже затворенный и ворота землею засыпанные. В нем находились начальнейшие Мазепины единомышленники: полковник Чечель наказным гетманом, Полтавского полку полковник же Эрцик, сотник Димитрий, есаул артиллерии Фридрик Кенигсек, немчин. В город посылан был сперва от князя Меньшикова сотник Андрей Маркович, человек к тому способный, однако ж приход его туда тщетен был; начали было мятежники терзать его и смертию грозить, и с тем приведен к Чечелю, которой княжеское предложение сказал им, что они довольно знают уже о измене Мазепиной, и увещевал сего для их, чтоб они пред таким государевым министром не затворялись, будучи и сами такие ж люди государевы; но он отправлен от них с таким объявлением, что они делают то по ригиментарскому, то есть, командующего, повелению, а измене отнюдь верить не могут. Потом приезжал лодкою через реку Сейм к Батурину, киевский воевода и наместник смоленский, князь Димитрий Голицын, которого, не допуская до города, на берегу встретили посланные от Чечеля, коим он также предлагал и объяснил им ясно о Мазепином поступке и увещевал их весьма смириться им. Только и он с таким же ответом отправлен был, к тому еще некоторые мятежники слова поносительные употребили и из ружей с пулями в след провожая, по нем стреляли. В вечеру того ж дня прислали изменники к князю Меньшикову, стоявшему за рекою, квартирою в избе одной, с уверением о неизменной хотя б изменил гетман, верности своей к государю, и просили, чтоб им в городе запершись, на рассуждение три дни дали высидеть, но прошение их, как оное состояло только в том, чтоб дождаться Мазепы со шведами, князем отказано было, так как явная и злостная хитрость их, а дано им только времени намыслитися чрез оную ночь до утра; точию как скоро изменники от возвратившихся о том сведали, тотчас злобу свою известили выстрелами несколькими из пушек с ядрами на квартиру княжую.

Приступ к Батурину и штурмование крепости его

В утренний же наступивший день, то есть, 2 числа ноября, князь Меньшиков сделал на город приступ, и оный коль скоро нашел от изменников себе жестокое супротивление, и что они столь ожесточи-

лись, то повелел тотчас штурмовать, с тем, чтоб не щадить ни одного человека, кроме начальников их и двух полковников сердюцких, буде можно, яко главных в крепости оной бунтовщиков и изменников, представить к нему для доставления государю, к учинению им достойной казни, а прочее все, исключая орудия, предать в добычу солдатам, что в самое короткое время и исполнено: город одержан, люди все мечу преданы, как в крепости, так и в предместье, без остатку, не щадя ниже младенцев, не только старых. Начальники, кои убиты не были и которые скрыться не могли, те пленными взяты, богатство Мазепино великое в добычь побрано, орудие с нарядами забрано, а провиант и припасы, ради шведов заготовленные и здание всякое, сокрушены и огню преданы, крепость разорена и совсем опровержена, и с тем без возобновления оставлена. Что все соверша, тот же час, о благополучном успехе, князь, через письмо свое, государя, бывшего уже в местечке Воронеже, уведомил, что город Батурин, где Мазепа изменник имел свою резиденцию, достали не со многим уроном людей, приводцы изменнические многие в руки достались, как равно есаул артиллерии Кенигсек, жестоко раненный скрывающийся найден, а полковник Чечель ушел было, но от козаков, на то посланных, в некоем селе пойман.

Взятые в Батурине изменники отсылаются в Глухов

Сих изменников взятых всех князь Меньшиков отправил в Глухов, из которых Кенигсек дорогою, под городом Конотопом, умер и там мертвый, на колесо вскинутый, оставлен.

О причине поспешности к побегу Мазепиной к соединению со шведами. Объявление Мазепино о его переходе к шведам своим подчиненным и о их в том удивлении и размышлении

Причина поспешности измены, или побега, Мазепина, что оный не дождав, по хотению своему, короля к себе, воспоследовала от того, что князь Меньшиков прибытием своим в Украйну предупредил короля и стал быть уже неподалеку от Батурина, и тогда в великое смущение Мазепа пришед, страшился ежечасно, чтоб тайное его намерение не было проникнуто; с другой стороны, что и шведский король, как воображал себе, имея известие о оглашенных от него универсалах, может быть начал так же в справедливости его обещаний сумневаться, так что хитростями своими вдруг от обоих государей, как мнил, в недоверенность уже впал. Быв в толь трудных обстоятельствах и слыша о великих злоключениях шведских, между страхом и чаянием и самая его хитрость та помешалась было, и потому он

принял последнее, но неизбежное по мыслям своим, намерение, объявить уже свои тайные мысли. Сего для он, яко бы уже выздоровевши, с обретающимся при нем немалым числом войска вдруг отправился в поход, под тем видом, будто бы устремлялся, по повелению царскому, на отражение шведского короля, и направлял путь свой прямо против армии его. Когда же приблизился на малое расстояние от шведских войск, тогда вдруг, изъявляя измену, приличною речью обретающимися при нем козакам, к соединению со шведами и к измене России увещевал. Нечаянное такое объявление всех, не проникающих оного, в ужас и в удивление привело, так что каждый воображал себе, что Мазепа имеет уже более соучастников своей измене, и ежели он действительно их имел, того для сопротивляться в том открытым образом ему не осмелился никто, но помышлял только всяк уходом из под предводительства его избежать и не быть с ним присоединенным к шведам, почему большая часть, под разными видами, из воинства его, усердные к России, ушли и разошлись, а Мазепа, оставшись, наконец, с небольшим числом своего войска, пришел в армию короля шведского.

Мазепа, представ пред короля, препоручает ему себя и войско свое в его покровительство. Приносит королю жалобы на царя. Король прнимает Мазепу и обнадеживает его своею милостью

Когда ж прибыл к королю изменник, хотя не так, как он хотел, или обещался с 30 000 человек козаков, препоручил себя и всех подчиненных его величеству в милостивую протекцию, и что радуется о достижении своего счастия и благоденствия видеть в лице его величество, и просил о неоставлении своем, при том коей ради причины принужден он во власть его величества отдаться и в покровительство, приносил в том жалобы на государя, на князя Меньшикова и на прочих, в причиненных ему и всему его народу яко бы разных обидах и оскорблениях, и в неполучении, по приносимым жалобам, от царя никакого удовольствия, кроме вящшего еще огорчения, и что вся власть его и общая их вольность уничтожилась против договорных обязательств, что принудило прибегнуть, яко к правосудцу, к его величеству, где надеется все милости по мере заслуг своих получить. Король принял его благосклонно и обнадежил благоволениями своими поправить его состояние, за тем указал причислить его с сообщниками к своему войску. Мазепа вел было за собою корпус, состоящий действительно в 15 или 16, а по некоим и до 20 тысяч человек, под своим предводительством, но не более с ним из того числа к шведам, как тысяч с небольшим до полутора козаков пришло.

Шведам делается при переправе через Десну сопротивление от россиян

Во время ж самой их переправы, когда хотел король переходить реку, нашел он там новое себе сопротивление. Российский генерал-майор, Александр Гордон, с деташаментом и с пушками, был заблаговременно против самого того места, где переправляться ему следовало. 1 ноября пришед шведы к реке, а в 6 часу под вечер, при местечке Чеплеевке, чтоб переправиться через оную, поставили пушки на той горе, где был их лагерь, в три ряда: одне на верху, другие в пол горы, третии на низу, и начали по батареям и деташаменту российскому стрелять. Итак продолжался до 11-го часа ночи ужасной огонь на обои стороны безпрестанно, даже, наконец, у россиян не оставалося зарядов, и ради того принуждены были оставить неприятелю свободную переправу и пойти в местечко Воронеж.

Король, перебравшись через Десну, имел намерение идти в Батурин, столичный город гетманский, но по видимым от россиян себе сильным супротивлениям, поворотил мимо по другой дороге.

Примеч. В оном 1690 году митрополит Киевский Гедеон Четвертинский скончался, а на место его поставлен Варлаам Ясинский, архимандрит Киево-Печерской Лавры, и был 16 лет.

1700 года, ноября 16 дня, последний патриарх Московский, Адриан, в Великом Новгороде скончался.

В оном 1705 году сделался в Астрахани, за бритье бород и за принуждение к ношению немецкого платья, от стрельцов бунт, коих генерал Шереметев вооруженною рукою принужден был усмирить.

По смерти Киевского митрополита Варлаама, от 1708 года посвящен и на место его настал, Иоасаф Кроковский.

ГЛАВА 28

Об избрании на место изменника Мазепы в гетманы стародубовского полковника Ивана Скоропадского. О казни над личиною Мазепиной и сообщников его. Об опубликовании той измены. О возвратившихся от Мазепы к царю козацких полковниках и прочих. О следовании по Малой России шведов. О приложившихся к шведам козаках сечевских и о истреблении за то их жилища и их Сечи.

Царь и войско его прибыли в Глухов

Между тем войска российские пришли к Глухову, куда и государь, 5 числа ноября, прибыть изволил, а князь Меньшиков прибыл на другой день. Он представил государю взятых им изменников и обо всем действии своем, в Батурине происшедшем. Куда также премножество черни козацкой и старшина, по указу его величества, собрались.

О всей точной измене той и умыслах к тому важных, царь публикует манифестом к поднятию оружия на изменников и неприятелей

В сие ж самое время его царское величество выдать изволил манифест о поднятии на шведов и изменников оружия, с объяснением в оном всех их предприятий и злого намерения, разослав оный по всей Малой России, для лучшего знания и объявления, всему жившему не только тут одному народу, и но и целому свету, как сколько о измене Мазепиной с его единомышленниками, ко вреду всей России чинимой, так тем более о делах обидных и наглых, от короля шведского и разных пасквилей с клеветами и ругательствами его царскому величеству учиненных, с выражением произведенных, с жалобою и сожалением о всех тех королевских и его подчиненных поступках и делах публиковать повелеть соизволил в следующем содержании:

Царский манифест

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Пресветлейший, Державнейший, Великий Государь Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем через сие верным Нашим подданным, Войска Запорожского генеральной старшине, полковникам, есаулам, сотникам,

куренным атаманам и прочим всякого чина, гражданского и купеческого, людям, и поселянам, и всему малороссийскому народу, сим Нашим, Великого Государя, указом, что, понеже Нам известно учинилось, как неприятель, Король Шведский, видя изнеможение сил своих и не имея надежды оружием против многочисленных храбрых, великороссийских и малороссийских, войск стоять и победу, по гордому своему предвосприятию над оными, тако ж и над землями Нашими, получить, когда, по претерпенном многом уроне войск своих у Смоленского рубежа, принужден был поворотиться, не вступая в оные, и скорым и коварным своим походом хотя упредить войско Наше, в Малороссийский край, по призыву и присылке изменника Мазепы, вошедши, оной завоевать и города знатнейшие взяв, в оные засесть, и потом сию землю тяжкими податьми, и налогами, и пленением людей, даже до конечного разорения привести, как он то в Короне Польской и в Великом княжестве Литовском, и в Саксонии, в которые, под образом защитителя, вошел, тако ж учинил, и дабы потом сию Малороссийскую землю, по истечении оной, отдать под иго польское и в порабощение Лещинскому, незаконно от него выбранному Королю, которому он то обещал в учиненном с ним союзе, дабы, вместо Курляндии, Жмуди и Лифляндии польской, которые Лещинской шведу уступить обещал, оному сей Малороссийский край завоевав, отдать, а изменника Мазепу в Украйне самовластным князем над вами учинить, в чем он от него, изменника богоотступного, бывшего Гетмана Мазепы, был обнадежен, что он ему в том его намерении допоможет, как то последи измены его явилось, которой, забыв страх Божий и присягу свою, при крестном целовании, Нам, Великому Государю, учиненную, и превысокую к себе Нашу милость, без всякой данной к тому причины, изменил и перешел к Королю Шведскому, объявя наперед о себе генеральной старшине и полковникам, при нем будучим, будто имеет Наш, Царского Величества указ идти против неприятеля, для воинского промыслу, с несколькими компанейскими полками. И когда перешел реку Десну, то, приблизившись к войску шведскому, поставил войско, при нем будучее, в строй к баталии и потом объявил старшине злое свое намерение, что пришел не биться с оными, но под протекцию Его Королевскую, когда уже то войско, по его соглашению, от шведа окружено было; тако ж он, изменник Мазепа, пошед к шведу, оставил в городе Батурине сердюцкого полковника Чечеля, да немчича Фридриха Кенигсека и с ними несколько полков сердюцких, да из городовых полков не малое число козаков в гарнизоне, и, подкупя их деньгами, приказал им Наших, Царского Величества, ратных людей не впускать, в том намерении, дабы тот город и в нем обретающийся Войска Запорожского великий пушечный снаряд Королю Шведскому, со многим числом пороху и свинцу и иных припасов, отдать, дабы он тем против Нас воевать и Малороссийский край поработить мог. Что Мы уведав, отправили к тому городу генерала Нашего от кавалерии, князя Меньшикова, с ча-

стию войска, который, пришед к оному, посылал неоднократно от себя с Нашим, Великого Государя, указом к помянутому полковнику Чечелю и Фридриху Кенигсеку, и ко всему гарнизону говорить, чтобы они войска Наши в тот город впустили добровольно, без всякого сопротивления, объявляя им измену Мазепину; но они, по наущению помянутого изменника Мазепы, слушать того не похотели, и по Нашим, Царского Величества, войскам стреляли; того ради вышеписанный генерал Наш, князь Меньшиков, по Нашему указу учинил к тому городу приступ и оной, милостию Божиею, приступом взял, и те единомышленники Мазепины, за учиненную Нам, Великому Государю, противность и измену, восприимут достойную казнь. И тако, видя он, Король Шведский, то свое намерение храбрыми оружия нашего поступками пресекаемо, и знатное войско свое с генералом Левенгауптом, Нашим, Царского Величества, собственным приводом, с помощью Вышнего, на голову побито, что от шестнадцати тысячь оного и трех тысячь человек не ушло, где все пушки, и знамена, прочие воинские клейноты и обоз свой, в восьми тысячах возах состоящий, со многими имениями, в Польше, и Литве, и в Курляндии награбленными, в добычь нашим оной и с полторы тысячи знатных полоненников оставил. Тако ж, сверх того, в Ингрии войско его шведское побито, под командою генерал-майора Лебенера, в двадцать тысячь состоящее, прошедшего месяца октября, в 12 день, а именно: когда тот Лебенер, переправясь реку Неву, стал меж Санкт-Петербургом и Нарвою, хотя тамо вред учинить войскам Нашим и уездам, то Наши войска, под командою адмирала Нашего, Апраксина, ему тот путь к возвращению паки через Неву заступили и пересекли, для чего тот генерал, Лебенер, видя себе опасность, приблизился к берегу морскому и сделав транжамент в оном, стал и послал к адмиралу шведскому, в близости с флотом корабельным обретающемуся, прося, чтоб его с людьми на флот перевез и так бы от конечной погибели спас. И потом, видя оный Лебенер войска Наши мужественно на себя наступающие, не видя иного спасения, велел всей коннице своей, которой было при нем шесть тысячь, лошади свои пострелять и все войско в мелких судах, с флоту шведского присланных, на корабли возить, что уведав Наши войска мужественно на транжамент неприятельской наступая, оный взяли и войска шведского две тысячи человек, в оном найденного, трупом положили, многие же, которые в те суда сесть и ехать не могли, в море потонули, а иные по лесам разбежались и там побиты, и многое число в полон оных наши взяли, и весь обоз их получили, и тако все то войско разрушено. Так же, усмотря он, Король Шведский, непрестанной здесь свой урон и ущерб в войсках своих, и когда Стародуб, Почеп, и Погар, и Новгород Северской, по введении в оные гарнизонов, не дерзал добывать, принужден в целости и не зацепляя оставить, потеряв при Стародубе и в прочих местах в Украйне несколько тысяч человек, которых как Великороссийские Наши войска, так и верные Наши подданные, Ма-

лороссийского народа жители, побили и в полон побрали, от чего был он в такое состояние приведен, что намерен был бежать, для спасения своего, паки назад в Польшу на Волынь, как все полоненники и перебежчики из войска его сказывали, ежели б от проклятого изменника Мазепы от того бегу не удержан и в Украйне обнадеживанием его не остановлен. И в таком безсилии себя усмотря, Король Шведский и потеряв надежду, гордо в мыслях своих напред сего крепко положенной уже победы, восприемлет прибежище к слабым способам, а именно: издавая к вернейшим нашим подданным Малороссийского народа прелестные свои письма, в образ пашквилев, в которых не устыждается Нашу высокую особу и славу безчестными клеветы и фальшивостьми ругать, и во первых, нарекать, будто Мы, Великий Государь, сию войну на него без причин праведных начали, и немилосердно подданных его мучить указали, которое все на нас явственная ложь есть, ибо как Мы сию войну, ради обороны государств наших и приращения от предков его за мирными договоры отлученных от Российского государства неправедно многих вековечных наследных земель, а именно: ижерской и карельской, и под игом его стенящих православных церквей, и подданных наших благочестивых, с которых многие насильно в лютерскую веру превращены так и особливо за учиненные собственной особе Нашей и послам Нашим безчестия в Риге от губернатора Далберта, на которого он, Король Шведский, Нам по прошению Нашему, никакой обороны и управы не дал, но во всем тот его к Нам безчестия учинок оправдал. И Мы тако ту войну, по обычаю всех иных христианских потентатов, по предшествующих многих добродетельных способах и учиненных протестациях на него, Короля Шведского, начали, и никогда подданным его мучения никакого чинить не повелевали, но наипаче плененные их у нас во всякой ослабе и без утеснения пребывают, и по христианскому обычаю содержатся, хотя он, Король Шведский, наших пленников великороссийского и малороссийского народа, из которых большая часть за паролем неправедно задержаны, у себя мучительски держит и гладом томит и помирать допущает, и ни на какую размену, ни на откуп, не позволяет, хотя ему оное от нас, по христианскому обычаю, сожалея о верных своих подданных, многократно предложено есть. Но что злее того, по Фраустатском бою взятых Наших в полон великороссийского народа ратных людей, генералы его на третий день после взятия, ниже у бусурман слыханным тиранским образом, ругательно посечь и поколоть повелели, а иным Нашим людям, взяв оных он, Король Шведский, пальцы у рук обрубить и тако их отпустить повелел; тако ж, когда на часть одну малороссийских войск, в Великой Польше бывших напал и оную разбил, что оные, видя изнеможение свое, оружие положа, пощады от него просили, но он, в ругательство всему малороссийскому народу, оных обшед и оружие у них обрав, немилосердно палками, а не оружием, побить велел, как и ныне в некоторых деревнях многих поселян, не сопротивляющихся

ему, с женами и детьми порубить повелел, а в церквах благочестивых войска шведские, в поругание православию, лошадей своих ставят. Из чего довольно его, Короля Шведского, зельную злобу и желательство к кровопролитию православных христиан великороссийского и малороссийского народа и ненависть к благочестию, всем усмотреть возможно. Второе: объявляет он, Король Шведский, прельстительно всем малороссийского народа жителям, дабы они спокойно со всеми своими пожитками в домах своих жили и отправляли торговли и прочее, но под сею ласкою прикрыт есть яд смертоносный его злоковарного намерения, ибо тем образом, приманя оных, хочет он их потом ограбя и всего имения лишив, употребить то на пропитание гладом тающему своему войску, дабы тако удобнее мог собственными имениями наших подданных выше объявленным образом поработить их Лещинскому и изменнику Мазепе, и от Веры Православной и церквей Христианских отлучить, обращая оные в кирки свои лютерские и униятские, как он то в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском чинил и церкви православные грабить и осквернять допущал, а именно, в Минску, в Борисове, а особенно в Могилеве, как оттуда в войско наше могилевские благочестивые монахи и священники заподлинно со слезами писали последовавшие мерзости запустения, которые шведы там чинили, что из всех церквей потиры и оклады икон святых серебряные ободрали и пограбили, а которые и сохранены были, о тех мучением духовных доведався побрали; по церквам, во время службы Божией, с собаками ходили, и что найвящшее всего и ужаснее, в церкви соборной могилевской, Святейший сакрамент, тело Христово, на землю выброся, и оный потир похитя, вино из оного пили. Тако ж и народ шленский, саксонский, польский и литовский, таким же прельщением обманув, назвав себя всем им оборонителем и вольностей их защитником, потом же ограбя их до основания и их же награбленным имением войско свое учредя, оных самих воевал и до основания разорил, права и вольности их переломал, и в Шлезии больше семидесяти костелов римских лютерскими в неволю учинил. Того ради повелеваем, напоминаем и предостерегаем Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, всех своих подданных малороссийского народа милостиво, дабы с их прелестей неприятельских и богоотступного Мазепы изменника прелестных писем не слушали, и от неприятельских набегов, в которых местах войск Наших не прилучится, от их наступления укрывались с именем своим в безопасные места, и того смотрели, чтоб к поживлению неприятелю ничего не оставалось, дабы от того неприятель Наш вяще истощен быть мог и из Малороссийского краю как найскорее выступить принужден был, как и от смоленских границ он принужден отступить с великим уроном. Сей же коварный неприятель Наш хочет в тех же своих прелестных письмах внушить народу малороссийскому, будто оного прежние права и вольности от Нас, Великого Государя, ущерблены и города их от воевод и войск Наших завладены, напо-

миная их, дабы мыслили о своих прежних и старых вольностях, и то может каждый разумный из Малороссийского народа знать, что то самая явная ложь, и, только ради возмущения, всякия неприятельския плевелы, ибо как с начала Отец Наш, блаженныя памяти, Великий Государь, Царь и Великий Князь, Алексей Михайлович, Самодержец Всероссийский, при принятии под Высокодержавную свою Царского Величества руку Малороссийского народа, по поставленным пактам, оному привилеи и вольности возволил и утвердил, тако оные и доныне от Нас, Великого Государя, им без всякого нарушения и ущербу свято содержаны бывают и ни одно место, сверх оного постановления, войски нашими великороссийскими до сего военного случая не осажено, а которые для обороны от неприятеля, осажены, из тех, по изгнании неприятельском и отдалении оного, паки люди великороссийские выведены будут, как то из Почепа и Погара уже учинено, а в которых ныне и есть, и из тех тако ж по отдалении от них неприятельском, великороссийские гарнизоны выведены будут. И можем непостыдно рещи, что ни который народ под солнцем такими свободами, и привилеями, и вольностью похвалитись не может, как, по Нашей, Царского Величества, милости, малороссийский, ибо ни единого пенезя в казну Нашу во всем Малороссийском крае с них брать Мы не повелеваем, но милостиво их призираем, с своими войски и иждивении Малороссийский край, святые православные церкви и монастыри, и города, и жилища их от бусурманского и еретического наступления обороняем. А что неприятель напоминает малороссийскому народу думать о прежних и старых своих вольностях, и то всем старым жителям сего народа, и чаю, самим младым, от отцов их известно, какие они до приступления под Высокодержавнейшую Отца Нашего блаженныя памяти, Великого Государя, Его Царского Величества, руку, вольности и привилегии, как во светских делах и житии своем, так найпаче во отправлении Благочестивой Веры, имели, и коль тяжко утесняемы под польским игом были, и какими несносными обидами и ругательствы сей народ от них мучен, и как церкви святые в костелы римские и униятские превращены были. И тако он, Король Шведский, напоминанием тех старых вольностей и сам явно народу малороссийскому коварное намерение явил, что он их паки в польское и Лещинского, також и изменника Мазепы, порабощение привесть намерен. Что же принадлежит до той фальшивой укоризны неприятельской, будто по указу Малороссийского народа дома и пожитки попалены и разорены, и то все подлоги неприятельские, к возмущению малороссийского народа вымышленные, ибо Мы войскам Своим великороссийским, под смертною казнию запретили малороссийскому народу никакого разорения и обид отнюдь ни чинить, за что уже некоторые самовольные преступники при Почепе и смертию казнены. А ежели что малое от жилищ их, или хлеба, пожечь принуждены были, то по крайней нужде, дабы неприятелю ко пропитанию не досталось то, и дабы он тем принужден был, без жи-

лища и пищи, погибать, что уже и учинилось бы было при Стародубе, ежели б тот изменник Мазепа далее его не потянул, о чем выше пространнее изъявлено. И то все, Мы, Великий Государь, тех, кто такой убыток претерпел, обещаем, по изгнании неприятельском из земель наших, милостью своею наградить, и чтоб тем претерпенным своим убыткам писали они и подавали росписи. И так бы видя верные Наши подданные малороссийского народа сии лжи неприятельские, а Нашу к себе Государскую милость и оборону отчизны своей, от всех прелестей неприятельских уши затыкали и не внимали, тако ж ежели какие прелестные универсалы, или подсылки от бывшего Гетмана, богоотступного изменника, Мазепы, где явятся, и тех бы отнюдь, яко изменнических, не слушали и по ним не исполняли, но приносили б их к Нам, Великому Государю, и трудились бы оному неприятелю и сообщнику его, изменнику Мазепе, хотящим церкви святые и весь Малороссийский край благочестия лишить и поработить, всякую шкоду приключать, и загонами, и по лесам и переправам людей их побивать, а за веру христианскую, за святые церкви и за отчизну свою, мужественно против оных стоять, и от нападения оного из городов некрепких, сел и деревень, в наступление неприятельское, жители б сами, особами своими, с женами и детьми, и пожитки, укрывались, и неприятелю отнюдь никаких живностей и хлеба и никакой харч не доставляли, а особливо ни по каким универсалам Короля Шведского и вора изменника Мазепы, на продажу и так не привозили, под опасением за то смертныя казни, но чинили б над ними, неприятельми, всякой военной промысел, дабы его, при храбрых войсках Наших великороссийских и малороссийских, с помощью Божиею, как найскорее побить, и Малороссийский край, отчизну свою, от нападения и разорения, и от намеренного порабощения освободить и из оного изгнать. Чего ради Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, и Сами высокою своею особою, на оборону малороссийскому народу сюда, в войско Наше, прибыли. При сем же объявляем, что кто из малороссийского народу из неприятельского войска возмет в полон генерала, тому за оного дать две тысячи рублей, за полковника тысячу рублей, а за иных офицеров, за каждого, по росчету, против чина их, а за рядовых рейтар, солдат и драгун по пяти рублей, а за убиение каждого неприятеля, по свидетельству явному, по три рубля из казны нашей давать укажем, и сей наш указ, за Нашею Государскою печатью, выдать, и оный по городам, при ратушах, а по селам по церквам, прибыть, и всему Малороссийскому народу прочитать повелеваем. Дан в Глухове 1708 года, ноября в 6-й день.

На подлинном подписано тако: *Петр.*

Об избрании по повелению царскому, в гетманы Радою и о пожаловании в ту степень, полковника Скоропадского

А как по измене Мазепы вся Малороссия, а паче войско козацкое, уже оставалось без своего главного начальника, от чего бы могли воспоследовать разные замешательства и раздоры междуусобные, сего ради нужно было государю все оное предупредить, не менее ж для военного того случая, к распоряжению в оной потребного, он, по насланному своему указу, тотчас повелеть соизволил собрать Раду, и в оной бы чтоб избрали себе гетмана, но подали б наперед ему для того достойных в оной чин кандидатов. Начальники малороссийские собрали тотчас Раду, состоящую из козаков, из их начальников и поспольства, и подали государю назначенных кандидатов, достойнейших людей из первенствующих пóлковников своих, черниговского, Павла Полуботка, стародубовского, Ивана Скоропадского, быть достойными. Государь, из оных выбрал и назначил в гетманы последнего, человека надежного и заслуженного, а о Полуботке сказал: «Этот очень хитр; он может Мазепе уравниться». Посему, ноября 7 числа, в собравшейся той Раде, общими голосами того Скоропадского и избрали, почему, в силу высочайшего указа, на тот чин определенный министр, князь Григорий Феодорович Долгорукий, за подписанием прежних гетманских и вновь в оном Глухове сочиненных статей, вручил ему, гетману, Ивану Ильичу Скоропадскому, все принадлежащие до гетманского достоинства клейноты, как то: грамоту, булаву, бунчуг, знамя, печать, чернильницу, литавры с бубнами и прочее, и притом со всеми начальниками обнадежил высочайшею царскою милостью и подтверждением их привилегий, а гетман присягал его царскому величеству, и наследникам, и царству Российскому на вечную верность, а старшина и чернь гетману, при присутствии прибывших к тому архиереев, киевском, черниговском и переяславском.

Через пойманных батуринских изменников объявилась точная подробность измены Мазепы

По сем, 8 числа ноября, по указу его величества, следованы и разыскиваны батуринские изменники и бунтовщики, и изведано через них об измене Мазепиной обстоятельно, что Мазепа почти уже лет за семь как вознамерился отклониться от российского державства и изыскивал для того только способного случая; когда война шведская уже вмешалась в Польшу и поляков на две стороны разделила, тогда, как по указу монаршему был он с войском своим в оной, имел сообщение с властьми польскими и узнав из них противных российской стороне, открыл оным намерение свое, а будучи на пиру у княгини Дульской договоры о том с ними заключил, чтоб помогать королю шведскому и конфедерации польской, Малороссию же отре-

шить бы от российского ига и быть ему самовластным князем, о чем и дано королю Карлу XII ведать. По сему уже и король, имев твердую надежду, последовал в Украйну с тем, что будет он ему вспомоществовать против его величества своим войском и удовольствовать армию его всеми потребностями, при том и то, что турецкий верховный визирь, Чорлилы Али-паша, помогая в том ему, побуждал крымского хана, Каплан-Гирея, чтоб он в том Мазепе подал всякое вспоможение, дабы король тем более усилиться, а государя во изнеможение привесть мог, обнадеживая при том, что сильная турецкая армия находится в готовности, чтоб так же на Россию нападение учинить и помочь шведам в их предпрятиях, напротив чего польстился он, по обещанию короля, быть действительным самовластным государем, или князем, малороссийским и под рукою бы шведскою состоять, а сообщникам его всем получить высокое достоинство и немалое награждение.

О предании заклятию изменника Мазепы

А после сего, то есть 9 числа, по собравшемуся премножественному числу народа, в соборной церкви, по литургии божественной, целым духовным собором, яко первейшего клятвопреступника, изменника и всякой казни достойного, Ивана Мазепу, со всеми его сообщниками, проклятию (анафеме) предали, и принесенная личина его, Мазепы, с лишением с него орденов, брошена была в руки палачевы, который, прицепя оную веревкой, таскал по улицам и на площадях, даже до виселицы, где и повешен, и при том с прописанием об измене, со всеми его к тому злыми делами, указ был выставлен.

Наказание изменников

Потом, в 10 день ноября ж, пятерили всех тех батуринских начальников, старшин, полковников и прочих изменников, коих части разосланы были по всем знатным городам во всей Малороссии, и при указах же к поставленным на то столбам прибиты, а головы на колы взоткнуты были; любимцев же Мазепиных и свойственников его, Обидовского, Эрцика, Мировича и прочих, с семьями, конфисковав имение их, в Сибирь в ссылку сослали.

О приведении народа в страх за изменников и о вооружении их за то на неприятелей

И так, Божиим смотрением, все не по намерению неприятельскому и изменническому пошло. Столичный город Батурин, место войне

назначенный, разорен, артиллерия Мазепина забрана, сердюки и прочее выборное войско (сила измены изряднейшая), часть большая там же побита, а прочие разбежались нарозно, при том страх через казненных изменников смирил многих таких, если которые были того ж духа, да и иным, коим несчастилось через неприятеля. Потом вскоре государя уведомили, что и мужики малороссийские, кои могли вооруженно действовать, в некотором при Десне местечке в то же время с полтораста человек шведов часть порубили, а часть в полон взяли; многие же из стана Мазепина или по верности своей к монарху, ибо много таких было, которые по неволе, а не добровольно, за изменником последовали, или по изданной клятве убоялись, или увидевши неудачу изменникову, к стороне царской и к новому гетману перебегали.

О возвратившемся от изменника Мазепы полковнике Галагане и о явке его самому государю

Из оных был первый компанейский полковник, Игнатий Иванов сын Галаган, который с своим полком к тому месту, где находился царь, явился и, по объявлении о себе и по докладу, к государю, представлен, который, шед к его величеству, вел за собою, под своим козачьим конвоем, пленных шведских драбантов 60 человек, и, оставя их за несколько, не дошед еще до государя, отброся от себя саблю свою, подошел с покорностью к государю, который того для, чтоб видеть то странное пришествие его и порядочное ведение им пленных, вышел к нему. Галаган, бросившись к ногам и став на колени, отдавал себя и весь свой полк во власть его величества, а в знак своей проступки и в залог своей неотменной государю верности, представляя препоручал привезенных шведских пленников*. Чему государь довольно надивиться не мог и, смотря на него пристально, спросил: «Галаган! Вить ты с Мазепою вместе мне изменил?» — «Нет, государь», отвечал Галаган.— «Да ты с ним бежал?» — говорит ему. «Я не бежал, но как нам от него объявлено, что, по повелению вашего величества, велено нам с ним против шведов идти, то потому мы за ним и следовали, но вместо того, когда мы близ шведов стали, объявлено нам, чтоб мы ему последовали, а он предался уже королю с тем, чтоб отбыть нам от России и быть под Мазепиным управлением, от всех монархов вольным, что коль скоро услышали, то многие, бывшие с нами козаки, с немалым ропотом, под разными видами, отставши, разбежались, а меня с полком, как равно и других, пону-

---

* О сем мне сам Галаган, Игнатей Иванович, о себе рассказывал, в 1745 году, когда мне случилось, по указу сенатскому, быть у него в Прилуках.

дивши, за собою конвоем взял. Что ж я, как некоторые и другие, хотя и усомнился, но отважась, пустился на власть судбины, потому что возвратиться уже от силы неприятельской, как представлялось, никак было невозможно; притом и разсуждал я о себе, что может быть и высвобожусь еще из сетей сих, как то и удалось мне теперь. По впущении в лагерь, король принял нас приятно, обещал нам свою милость и велел всех нас внутри лагеря уместить. Из сего не только я, но и все козаки мои начали роптать и пеняли, что зачем в такое место заехали? Я утешал их и обнадеживал, что будем еще на свободе. Принужден того для на третий день через Мазепу делать доклад, чтоб дана была нам свобода и чтоб имели мы свой кош не внутри, но вне лагеря, под видом для продовольствия лошадей, что нам, с воли короля и дозволено, чтоб мы с того времени чинили разъезды и поиски, но с великим завещанием, чтоб мы измены королю сделать не могли. Я тут недолго думал. Хотя служить и обещался им, токмо в мыслях держал своих, что не для них, но своему царю, кому я присягою обязан. И так, коль скоро мы стали быть на свободе, тогда под видом разъездов в партию, следуючи, я нечаянно наехал весьма вдали от войска на отъезжих сих драбантов, которые мною сюда до вашего величества приведены 60 человек, кои, не опасаясь нас, яко своих уже людей, были в оплошности. Мы же, окружа, тотчас взяли всех со всею их амуниciею, поскакали в путь свой и, приведя сюда, препоручаем их и себя в соизволение вашего царского величества, и просим если можем быть еще в доверенности, чтоб мы были такие же слуги, как и прежде, несумнительные».

Государь препоручает Галагану чинить разъезды и поиски над неприятелем

Государь, со удивлением слушав, простил его в той проступке, и только сказал: «Не сделай ты и со мною такой шутки, какую сделал Карлу!» На то Галаганов ответ был: «Разве принесть свою голову к нему за взятых сих драбантов? Вот тебе, государь, сии шведы в заклад наш!» Государь, дав ему свободу, повелел чинить над шведами поиски и доставать языки, что Галаган и исполнял, и так удачливо, что не только разъезды, но и самых шведских курьеров, бегущих с письмами, почти всех и отовсюду приводил к государю, и тем делал ему немалую услугу. А в один случай, напав на обоз, следующий из Польши под немалым конвоем с денежною казною до армии шведской, разбил и, привезя оный, к государю представил, но его величество ту денежную казну пожаловал ему и на полк его, так как их добычу, а сам доволен был орудием, аммуниciею, приведенными людьми и разными его действиями, и что пресекал везде комуникацию шведским партиям.

От государя дается повеление о возвращении из ссылки полковника Палия

Тут государь вспомнить изволил, а может быть кто и напомнил, о славном наезднике, воине и партизане, фастовском полковнике, Семене Палие, который Мазепою невинно сослан в ссылку, и потому повелел немедленно оного освободить обратно, который бы к сему случаю потребен был, почему за ним и указ в то место, где он находился, послан.

Государь письмом призывает Мазепу о возвращении его

При всем оном озлоблении Мазепином, государь писал к нему, чтоб он возвратился, обнадеживая даровать живот и прощение ему, но ответа на то не воспоследовало. При сем случае не укоснил и Преосвященный митрополит Рязанский, Стефан Яворский, от лица всея России выдать на оного изменника Мазепу стихи*.

---

* Стихи, изданные от митрополита Рязанского, Стефана Яворского, на изменника Мазепу.

Измн мя, Боже, вопиет Россия,
От ядовитого змия,
Его же ждаша адские заклепы,
Бывшего вождя, Ивана Мазепы.
Ах! Тяжку горесть терпит мати бедна,
Утробу мою снедает ехидна.
Кто мне даст слезы, яко же Рахиле,
Восплачуся горько в моем смутном деле?
Се второй Ирод, исполнь смертна яда,
Мазепа лютый убил мои чада.
Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяше обиду.
Авессалом сын был неблагодарный,
Подобен ему Мазепа коварный,
Возлюбих его, яко мати сына,
Откуду убо такова измена!
К нему бысть моя матерняя любы,
Той же изостри люте на мя зубы.
Аз сотворих и с вельможи сидети,
Той же смертные сплет на мя сети,
Аз, яко чадо носих во утробе,
Той же мя хощет видеть во гробе.
Аз напоих и из камене меда,
Той же пагубна исполни мя вреда.
Толику на мя отрыгнул есть злобу,
Люте снедающ матерню утробу.
Аз, любящ, его мати выше меры,

О следовании королевском с Мазепою вдоль Малороссии

Король, следовал с войском своим и с Мазепою вдоль Малороссии, точию не мог, за занятием уже везде войсками российскими мест, пройти свободно, как ему хотелось, при том поджидал к себе своего генерала, графа Левенгаупта, следующего за ним из Лифляндии с корпусом, с денежной казной, с амуницией и провиантом. Но, когда получил уже известие, что Левенгаупт, со всем его корпусом, от россиян разбит и всего, что было для армии его везено, лишился, то ему не осталось уже более надежды, как только на обещания Мазепины.

Он не взирал на разорение Батурина и думал непременно, что украинский народ, а потом и татары, пристанут к нему, и для того не останавливался нигде, да и не находил он нигде, чего надеялся, кроме сожженных и опустошенных деревень.

Он следовал непременно своим путем, и везде, где чаял сыскивать себе пропитания, тратил только там людей своих, как то при Пирятине, где весьма много в сражении от россиян побито, так равно и при прочих местах, но все был в непрерывной надежде в получении у козаков съестных припасов и людей. Точию надежда сия была тщетна, козаки пребыли государю своему верны, а царь Петр Алексеевич еще перед тем велел все запасы увезти, так что разве мало где что оставалось.

Подается королю совет, чтоб не входить в Украйну по наступающей зиме, но им не приемлется

При таких обстоятельствах, хотя первый его министр и сродственник, граф Пипер, подавал ему совет, чтоб не вступать так далеко в опустошенную землю, при наступающей зиме, точию представление сие, по своеобычливости его, осталось без успеха.

Чаях от него сыновския веры,
Той же бысть на мя бритва изощренна,
От нея же есмь люте уязвленна.
Яко прельсти мя и не познах беса,
Ангела видом, прелестию ж беса.
О мнях, яко агнец, но волк ядовитый,
вчею лестно кожею покрытый.
Сладок языком, но прегорький делы,
Утаи на мя пагубные стрелы.
Сахар во устах и сладкие слова,
В сердце желчь, в руках погибель готова.
О лицемере! О Сатанин сыне!

Вступление шведское по городам украинским

Мазепа, как будучи королю вожатым, вел его в города Ромны и Гадячь, которым путем не касался города Нежина и прочих тамо мест, ведая в них быть силе российской. Они проходили и становились постоями в Прилуках, Лохвице, Лубнах, Рашовке и в прочих городах, и так, с места на место переходя, не имели ни единого города, чтоб волею который повиновался им, через что видимо было, что суетное было Мазепино на народ малороссийский упование, а потому и обнадеживание шведам.

Надежда на Заднепровскую сторону обманула Мазепу

На другой же стороне Днепра еще более ему вопреки пошло, нежели чаял и надеялся Мазепа. Он только имел попечение, как бы Малороссию по сю сторону от государства Российского отторгнуть, а о другой весьма был безопасен, так как о отдаленной и к Польше прилегшей стороне, откуда и короля польского, Лещинского, быть скоро в помощь свою надеялся. Он с тем полагал, что когда бы сей стороны Днепра удержать не мог, на другой, которая тогда еще под его властию состояла, прибежище иметь себе умышлял, но все против мыслей его пошло. Ибо коль скоро князь Дмитрий Голицын, киевский воевода, разослал указы именем царского величества в тамошние города, объявляя народу измену Мазепину и увещевая тем оного к непременному послушанию державе Российской, то, сверх чаяния, нашел он там людей всех самовернейших и послушнейших, которые тотчас со всех городов прислали начальников своих в Киев подтверждать верность свою монарху российскому перед воеводою и примать указы, если б что им надлежало исполнять во оное время. Так же через них объявлялось, что сохраняется в Белоцерковской крепости и Киево-Печерском монастыре в тайне великим числом Мазепиной казны, которая тотчас без всякого затруднения взята.

Тернием острым красящийся крыне!
Как простерти дерзнул еси длани,
Люте матери уязвити раны?
Аще бы мы враг поносил сугубо,
Претерпела бы казни его любо:
Но от своего чада прелюбима,
О коль матери язва нестерпима!
Что моя вина? Что творих ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?
За моя хлебы, за моя трапезы,
Горькия в жажду даеши ми слезы.
Горе проклятый тебе, лицемеру!

Мазепа рассылает по всей Украйне плевельные письма на государя, думая тем народ к себе привлещи

Между тем сложил Мазепа плевельные письма и во всей Малой России разослал оные, которыми тщился уверить и к своей стороне привесть народ, объявляя ложно о намерении государевом, будто б свободности отнять у них мыслит и совсем их поработить хочет. А что в Батурине произошло, то яко бы по нужде, а не через него стало. Оное он простым людям в неправильное мучительство толковал и иные многие клеветы на государя и его министров сеял. Письма же оные велел при народном собрании в церквах прочитывать; но коварство его не могло быть действительно, потому что те письма, где кто получил, не объявляя народу, отвозили или в Киев, или в Глухов, или в другой который город к начальникам государевым; так же и в Заднепровские города, в Чигирин, Корсунь, Богуслав и иные посылал от себя некоих с молвотворными письмами ж, иных же с властию полковничею, но и тем способом ничего не успел, ибо некоторые из оных его подосланных переловлены и в Киев приведены, а другие сами к царской стороне добровольно перешли.

Посылка в Сечу для увещевания козаков к удержанию при российской стороне

При таком случае нужно было в Кош Сечевский, к козакам запорожским, послать с тем увещанием, чтоб они в службе царской непременны и верны были, и как к неприятелю шведу, так и к помощнику его, Мазепе, не переходили. Для чего отправлены к ним были от государя стольник один, да при нем от малороссийской стороны из духовных, Иродион Жураховский, архимандрит потом бывший монастыря Межигорского, и один из мирских людей, посланник гет-

---

Как дерзнул еси изменити веру,
Юже пред крестом и Евангелием,
Утвердил еси твоим лобызанием?
Горе ти, горе, злобу исполненну!
Подобен еси гробу повапленну,
Иже снаружи является красен,
Внутрь ядовитым червием ужасен,
Горе ти, горе, второму Каину!
Горе ти, горе, погубленну сыну!
Пролиял еси зверски кровь премногу,
Яже вопиет гласно на тя Богу,
Божия храмы быша, днесь же вертепы,
От шведского льва и волка Мазепы.
Друг твой лев, ты волк, ты ярость сугуба,
А людям бедным последняя пагуба.

манский, и с ними в дар царское великое денежное жалованье, сверх обыкновенной им платы; но посольство оное и с царским жалованьем, от суровости и зверства их не умягчало, как только еще посланцов оных, против всех прав и законов всемирных, ругать и терзать не устыдились, а найпаче гетманского посланника и монаха, которых утопить или сжечь стращали, и с тою грубостью и с угрожением, наконец, от себя отослали. Государь сию суровость их до времени оставил, вменяя оную простонародному их неразумию, и благоразумно обождать положил, не угаснет ли по времени то злострастное зверство их, а если когда непреклонны будут, то в то время без мщения чтоб не оставить.

Поход царский за шведами

Когда ж неприятель в Ромне, Рашовке и Гадяче взял себе непременную квартиру, тогда и царь Петр принял путь в те же стороны. Он отбыл из Глухова 16 ноября на Хоружевку, Комаровку, в Лебедин, а из оного к Веприку, где было конное войско московское, а в замке полторы тысячи пехоты. Оное все осмотрел и возвратился паки в Лебедин, но из оного пошел с полками к Гадячу атаковать неприятеля, коего было в нем, то есть, шведов 6000 человек. Король слыша сие, и сам из Ромен на помощь своим пустился было, но, за великими тогда морозами, каковых от многих лет люди не запомнили, дойти одному к приступу, а другому в помощь, не могли, и много солдат от зимней лютости дорогою поморозили, с чем назад каждый в свое место принужденно возвратились.

И что речети на страшном судищи,
Лишенный неба и Райския пищи?
В крови невинной осквернивший руце,
Повинен еси нестерпимой муце.
Иным рече Бог: Благий рабе, верный,
Понеже благ и нелицемерный,
Вниди в радость, в Рай Господа Бога,
За твою веру, се тебе мзда многа!
Тебе же горе, преступниче веры!
Восприимеши часть со львом лицемеры,
Известен буди, яко тебе вора,
Ад ожидает и погибель скора.
Боже мой, к тебе молитву пролию,
Услыши горце стенящу Россию!
Ты нам сам суди, и матерь и сына,
Виждь, чья правда, виждь чья измена!
Суди, Господи, обидящия мя,
Посрами гордость востающих на мя!
Прими мечь и щит, буди помощь моя,
Возсияй ми свет мира и покоя,
Мене Россию возвесели бедну,
А ядовиту попри ехидну!

Появившимся Мазепиным плевельным письмам гетман Скоропадский, в опровержение оных, публикует своим универсалом

Появившимся же разным рассееваемым от изменника Мазепы плевельным разглашениям и письмам должен был гетман Скоропадский составить для обнародования во всей Малой России от себя универсал, изобличая оным все его, изменника, лжи и неправды, и утверждая тем, дабы не были российские подданные, живущие в Украйне, по тем рассееваемым плевелам легковерны, но пребыли б во всяком случае тверды в верности своему царю государю и непременны, да и вооружилися бы против неприятелей и изменника того, который универсал и публикован в следующем содержании:

Универсал гетмана Скоропадского

Пресветлейшего и Державнейшего Государя Великого, Его Царского Величества Войск Запорожских Гетман, Иоанн Скоропадский, Его ж Царского Величества Войска Запорожского господам полковникам, обозным, судьям, писарям, есаулам полковым, сотникам, атаманам и городовым и куренным, со всем старшим и меньшим товариством, туде ж войтом, бурмистром, со всеми посполитыми людьми и всем обще, яко духовного, так и рыцарского стану, по обоим сторонам Днепра обретающимся жителям, и кому о том ведать теперь и в потомны часы належати будет, сим нашим универсалом ознаймуем. Достаточне Вашим милостем объявлено, в прошлых поважных Его Царского Пресветлого Величества, Государя нашего, грамотах и наших универсалах об измене богоотступного бывшего гетмана Мазепы з ясным выводом, с каковым намерением и гордым умыслом он, изменник Его Царского Величества и отчизны нашей, тую измену и прихиление свое до короля шведского учинил, а власне для того, жебы был самовласцем над народом нашим Малороссийским, отдавши оный под неизносное нам ярмо польское, яко ж тое намерение злостное в власных его универсалах прелестных, до того 10 числа ноября писанных и во все полки разосланных оказалось, которые универсалы, з тех полков, по должной своей и неизменной верности, старшина до рук наших поприсылали. А в тех универсалах, забывши он страх Божий и погордивши милость монаршую, о якой он и сам признавает, не встыдился тую измену и злость свою пред всем светом, особливо перед народом нашим, тем барзей вымышлять помовками невдячными и лживыми клеветами, Его Царского Пресветлого Величества Превысочайшей достойности и Великороссийского народу славе смел дотыкати, а могу мовити и ясными показати доводами, же в тех его универсалах, альбо речей срамотных пашквилях, жадного правдивого не маш слова, кроме того, где он, Мазепа, о милости Царского Пресветлого Величества к себе вспоминает, альбовем, на початку в пашквиле своем первее положил, удаючи лживе, якобы Мо-

сква, то есть, народ Великороссийский, нашему народови Малороссийскому завше ненавистен, издавна в замыслах своих поставил злосливых народ наш до згубы приводити, а то самая всему народови нашему явная неправда его изменническая, поневаж мы повинны зо всею отчизною нашею, славно достойной памяти Пресветлейшего и Державнейшего Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, Его Царского Пресветлого Величества, милость благодарити, же нас, принявши под свою оборону, от несносной тиранской неволи лядской освободил, а по нем и наследников Его ж Царского Пресветлого Величества, Великих Государей Наших Православных Монархов милость, Украйна, отчизна наша, пришовши по перших войнах в спокойное квитучое и щасливое повоженье, помножилась зданием церквей Божиих и святых обителей, и распространилась в городы, места и в села, урожаями земными и купецкими гандлями во всякой изобиловала достаток. И не только жадной вражды от народа Великороссийского противно нас не деется, але всякую приязнь, яко от единоверных, узнаем. Повторе: будто Москва, как он, изменник, удает, городы наши знищивщи, почала в свою область приводити и отбирати, и, поработивши, из мест выгоняти и в Москву загоняти, и тая в сем неправда, гды ж яко Его Царского Пресветлое Величество войска великороссийские не для грабованья и отбиранья городов наших, але на оборону нашу под правлением Его Царского Величества превысочайшей особы от наступления на нас неприятельского пришли, так за помощью Вышнего от всякого разорения и неприятельского наступства, которое, по изменничьем его, Мазепы, терпети б имели умыслу, зостали оборонены, а именно: Стародуб, Почеп, Погар и Новгородок, и жителей с тех городов не выгоняли, леч со всеми добрами в целости зостали, которые задобровольно, яко не военные люди, выезжали, тые знову за отходом неприятельским в свои домы повернули, а войска великороссийские, як отлучился неприятель с тех же городов выпроважены. В Полтаву теж, як самому полковнику тамошнему, старшине и всем ведомо, иж жадного великороссийского войска до сего часу, поколь неприятель сближился, не впроважено, а пишет он, изменник, тое в своем пашквиле с того фундаменту, разумеючи, же тое уже учинено, бо он в письмах своих до двора Царского Пресветлого Величества сам советовал, удаючи будто той полк до замешанья и бунтов склонный, и для того, жебы было войск тамо впроважено, яко тое явно из писем его власных, в канцелярии Его Царского Пресветлого Величества найдуючихся, от Его ж Царского Величества и нам показанных, ведомо, однако же той совет его не принят. Так же и тые его ложные потвари явны, будто хотели под сей военный час Его Царского Пресветлого Величества указом воевод и кабаки в наши малороссийские города впровадити, чего, по милости Великого Государя нашего, свободного и спокойного часу в наших городках не чинено, овшем, при своих вольностях и свободах, без всяких тяжаров и податков захованны, если бы не его ненасытным Мазепиным лакомством збиранья грошей, через нигды пред

сим небывалые тяжкие поборы, народ наш не был обтягчен, без воли и ведома Его Царского Величества, для приватного его обогащения. По трете: явная его, Мазепы, неправда, для прикрытыя измены вымышленная, будто бы он имел от двора Царского Пресветлого Величества перестороги, же хотят его всю старшину генеральную и полковников в руки прибрати и в неволю запроводити, а козаков в драгуны и солдаты устроити, народ же дать посполитый поработити, альбо за Волгу загнати, а наш край великороссийскими людьми населити. Кто бы, розум имеючи, не мог того признати, же то явная вымышленная неправда и плевелы суть вражие? Альбовем, яко тое может статися, что Царскому Величеству, яко Монарсе Православнохристиянскому, верных своих подданных, которые, по Его и предков Его Величества милости, от часу до часу в так доброе постановленье естесьми приведены и так многие лета верно Ему, Великому Государю, служили, а для чего ж бы такой невинной гнев на нас завзяти и права наши ломати, а особливе ведаючи тое, же наш народ Малороссийский до драгунской солдатской службы неспособный, окроме своего обыкновенного порядку Козацкого, и для чего ж такого прикладу не показано не только над нашим народом, але и над Слободскими, в великороссийских городах живучими, где непременно удержаются оные при старожитейских своих обыклостях, и отправуют козачую, а не драгунскую службу? Так же, як тое статися может, жебы Царское Величество великороссийских своих подданных румуючи змешканья их в наш край, а нас оскорбивши, за Волгу пересилати похотел, без жадной побужаючой причины до того и пожитку, а особливо под сей час военный то чинити, чего и в покое зостаючи, не мышленно нигде чинить? А так явно есть, же то и самая неправда и душевредная клевета, которой Мазепа уживает для покрытья своей богомерзкой измены, альбовем он тую измену не для запобеганья будто яковему укнованному отчизне нашей злу (которой он, як нигде правдивым не был сыном, так и барзей теперь явным супостатом и изгубцею стался) учинил, але для приватной своей чести, умышленно хотячи отчизну нашу в такий лабиринт и пустошенье привести, затягнул Короля Шведского усиловне, который любо и ввойшол было, леч мужеством великороссийских и малороссийских войск около Стародуба до такого приведен был положенья, иж назад уходити на Волынь хотел (як тое все языки поведали), если б он, Мазепа, через измену свою его изнову не удержал и не повернул. По четверто: что о посылках войск наших на службу Монаршую наменяет, тлумачачи прохирно, будто для згубы и уменшенья народу нашего тое деется, и то есть такая ж прохирная его ложь, поневаж мы под его Высокодержавною рукою Монаршею живем, теды наша должность за Благочестиву Веру, за достоинство Монаршое и за общее добро против общих неприятелей ставати, и як великороссийския войска нас под час потребы, по указу Монаршему, обороняют так и нам, по его ж Монаршему указу, в военных оказиях и потребах помогати им надле-

жит, гды ж за тое маем Царского Пресветлого Величества милостивую протекцию и живемо при правах и вольностях наших войсковых. Пятое: чтоб светлейший генерал Римского и Российского государств, князь, его милость, Александр Данилович Меньшиков, которого он наругаясь укоряет, чего каждому цнотливому не надлежало чинити, и так же его милость, Киевский воевода, князь Дмитрий Михайлович Голицын, с полками, будто для якогось промыслу над ним, изменником, поход свой с войском отправовали, и то все фальшивые его также вымыслы, гды ж, если б кто знал его измену, альбо кто хотел его, по указу Монаршему, взяти, то и без полков латво было учинити; лечяко князь, его милость, Александр Данилович, дорогою простою обходил неприятеля от Гомля на Чернигов, для свободнейшего совокупления с головным войском, после битвы и звитяства над шведским генералом Левенгауптом, а не для якого иншего замыслу ишол, так и его милость, Дмитрий Михайлович Голицын, по власной пораде его, изменника, увойшол был в Нежин с несколькими полками, бо он, Мазепа, удал был до двору Его Царского Величества ложно, будто во всех полках малороссийских бунты повстают, и для постереганья того, и для обороны Малороссийского краю, оному воеводе тот поход назначен, до которого изменник обещал послать Наказного от себя с частию своего войска, и для чего ж так многократны войска, наши малороссийские с великороссийскими совокупно бывали, без всякой шкоды и подозрения. По шесто: аргумент его изменничий барзей смеху годный, нежели правдивый извет, будто для того он изменил, же войски московские не военные, от шведа утекают; мы зась сами тому сведомы, с многими знатными полковниками, с старшиною и товариством Войска Запорожского, иж великороссийские войска, при помощи Божеской, не убегают от шведов, даже отважно его бьют и гонят, яко то и сего лета деялося под Добрым, где великая их шведская сила под генералом Розеном была, а потом под Милювичами на самого Короля Шведского его переднейшую кавалерию избранная часть драгунии великороссийской, при лице всего войска шведского, с немалою их шкодою, досыть отважна была и прогоняла без всякой своей шкоды, в якой оказии я сам былем. Потом еще приводом самого Царского Пресветлого Величества, как шведский генерал Левенгаупт с войском 16 000 будучи, от 10 000 великороссийских войск на голову збит, иж мало что с тех зостало. В Ингрии зась генерал Лебекер з 12 000 от пана адмирала Апраксина збит на голову. А и самого Короля Шведского войско головное в разных отважных оказиях аж до половины умалено и уставичне от нападаючих Царского Величества войск умаляется, надея же, за помощию Вышнего, и достатка знесено и из отчизны нашей выгнано будет; а так отчизна наша, край Малороссийский, от того згубца неприятеля и еретика, которого изменник за протектора и оборонцу церкви нашей Православной, от безумия, а барзей мовити, от беззакония, обрал, свобождена зостанет, гды ж войска великороссийские не уступают из Украйны, леч засту-

пают оную от неприятельского наступления, в чем сам себе он, изменник, прекословячи, двояко в едном универсале пишет: в початку написал, будто он, его протектор, Король Шведский, не на Украйну, але в Москву идет, а потом осведчает, же внутрь Украйны вступает, а за ним будто и Лещинский последует, и то явная его неправда, иж не для целости милой отчизны нашей, але для разорения оной, по его злости, призваны и затягнены тие неприятели, наступают, и ежели бы не его Царского Пресветлого Величества Высокомощная десница и воинство нам помогло, то бы отчизна наша запевне, чрез его, проклятого, подавном в работу лядскую пришла, а церквы Божии в лютерские костелы и в римскую унию, от оных его протекторов обернены были. И яко уста его богоотступные отворяются, же тех церкви православной католической противников, и ворогов, и нарушителей прав и вольностей польской и литовской Речи Посполитой, Короля Шведского и Лещинского называет оборонцами церкви православной и вольностей наших? А заправды, кто тилько под Шведского Короля протекцию поддался, жаден без порабованья и разорения не остался, яко то Польша и Литва, так же Саксония и почасти Шлионская земля, которые его за протектора приняли и крайную руину понесли; либо Саксония и Шлионско, с ним единоверные суть, однако ж целком от него порабованы и вольности их нарушены, костелы зась римские в Шлионску на лютеранские обвернены и всякие им утиски и неволя учинена: чего ж мы, православные христиане, от него, яко иноверного, с которым а ни народ наш ни границы наши близкости и сполности не мают, ожидати себе можем? А любо бы он и хотел боронити нас, якая оборона нам не есть потребна, леч як то может из за Балтийского моря и в такой дальной отлеглости живучи, тое чинити, и церквей наших, которых есть противником, оборонцею быти? И если бы и похотели (чого Боже не дай!) отторгнутися от протекции найпевнейшей Всемилостивейшего Монарха нашего Православного, то бы мусили в порабощение ляхам, а потом в разорение совсем, як и прошлых лет бывало, знову прийти, гды по воле Виговского и Тетери, таких же изменников, яко и Мазепа, от Высокодержавнейшей руки Их Царского Пресветлого Величества отлучилися, але узнавши потом свой упадок, знову находилисмо прибежище и спасение под крылами высокопарного орла Всероссийского, и так по сей час, за помощию Вышнего, в благополучном мире и повожению пребывали. Пре то з того очивисто всяк видети может, з якою совестию изменник Мазепа во свидетельство небо и землю, а на суд Бога Всемогущего, призывает, будто он для добра отчизны нашей, а не для своих приват тую измену учинил и до шведа удался, оставивши Благочестивого и нам одиноверного Монарха, которого милость он, враг и отступник, выхваляет, признаючи, же и Княжею честию Римского Панства его почтил и милостью свою изходатайствовал, однако и тую милость проклятым своим неблагодарствием поносит, будто тое все чинено для того, жебы он соизволил на порабощение Украйны; лечь як та-

ким вымыслам верить, поневаж жадный знак нигды до того з стороны Царского Величества не оказался, и ежели б тое было в намерении, то б и без его, Мазепы, соизволения чинено, и колиж бы колвек могли якие знаки и початки того явитись, чего никогда не бывало, и ниже кто з нас, опрочь милости Царского Пресветлого Величества, ко всему малороссийскому народу, не узнал, яко и теперь, при обранью моему на гетманство, из уст милостивым словом и грамоты своей Монаршей за подписом власной руки содержать вольности и права наши всемилостиво обещати и ассекуровати рачил, которые никогда от Его Величества не нарушены, овшем маем отчизна наша Малороссийская остерегатись от того называючегося сына, а рачей мовити, выродка, злочестивого Мазепы, иж он, по змове с Королем Шведским и поставленным от него в Польше на Королевство Лещинским, хочет запродати оную, для своего ненасытного властолюбия, в давное горькое ярмо лядское. Альбовем кому может Король Шведский (чего Боже не дай!) ежели бы взял силу, по выходе своем з сих краев до своей Шведской области, отчизну нашу отдати, кроме своего единомышленника, Станислава Лещинского, от которого, яко запевне доходят нас вести, Мазепе и сестренцу его, Войнаровскому, уже даны титулы некоторых в Польше воеводств, а так очевидно его клятвопреступление в том, иж он кленется, будто для общего и лепшаго добра тую измену учинил? Что ж принадлежит до пашквильного его Мазепина дорекания, будто нам от Их Царского Величества нигды данная обетница не одержана, и то самая всеявная неправда, он жадного документу в том показати не может, иж бы что противного правам нашим, по указам Его Царского Пресветлого Величества, мело деятися, и о чем бы мы упоминатися мели у Его Величества, и тое знову не исправлено было. Ащо он причитает до нарушенья прав, будто Его Царское Пресветлое Величество ему, Мазепе, во всех полках компанею указал чинить, и тое надлежит до ведомости, иж сами мы той указ видели и чули, в котором выражено было соизволение по его ж доношенью в Жолкве, жебы по давнему звычаю и постановлению учинить реестровых козаков, которые бы в войско ходили и за тое з войскового скарбу плату брали, а иншие, которые бы не были в реестре, домовство бы управляли; леч, где панове полковники и старшина напотом почали просити, жебы тое отложено, теды прислан знову инный Его Царского Пресветлого Величества указ, жебы того, по общому прошению нашему, занехано. Также и тое всем ведомо, же все поборы и аренды не от Его Царского Пресветлого Величества, але по части з общей порады и ухвалы войсковой, по давнему обычаю, на заплату охочего войска постановлены, а больше по самовольному ненасытному его, Мазепину, лакомству, с подвышением, що раз, арендового, порукавичного и стаций роковых, на народ наш наложены, яковый излишок теперь, по указу Его Царского Величества, за моим рейментарством, оставляется и всякая полегкость народу будет учинена. Также и в том он, безбожный изменник, Ма-

зепа, честь Монаршую лживе поносит, будто бы всюда кредит российского народа страчен от незадержания трактатов и данных обетниц, гды ж всему свету ведомо, же Царское Пресветлое Величество, маючи союзы с посторонними Монархами, с Цесарем Римским, с Королями Дацким, Польским и Прусским, оные свято содержал и содержует, и в том славу от всей Европы мает, же слово свое и договоры ненарушимо содержувает, любо от иных коллигатов Ему, Великому Государю, не одержано. З того и з иного всего может каждый верный сын отчизны нашей Малороссийской видеть, иж целый помянутый универсал альбо пашквиль Мазепин наполнен неправды и яду смертоносного, лестною облудою прикрытого, и не до чого иного, только до конечной руины нашу отчизну, Войско Запорожское и весь народ ведет, побуждаючи за згубу нашу, иж бы то нарушивши обещание и присягу свою, повстали и воевали против Православного нашего Монарха, и поддались бы в неволю тяжкую иноверную, еретицкую Шведскую, альбо теж Лядскую; Пре то упоминаю и обязую Ваших милостей всех, от старшин и до найменших войсковых и посполитых людей, любовью и горливостию отчизны, жон и детей и благонадежным повожением, а найбарзей Верою святою Православною, страхом праведного суда и гнева Божого, абисте затыкали уши от таких всепагубных и прелестных писем изменника Мазепы, оных не слухали и причетниками измены его не были, за которую он от Пресвященных Архиереев Малороссийских и всего собору публично, со всеми его единомышленниками, проклят и от Церкви Божией отлучен, овшем абисте вместе едностатно, все з отвагою здоровья, за Веру Православную, за церкви благочестивые и за отчизну свою, при обороне войск Его Царского Величества Великороссийских, стояли, и на каждом местцу, по силе своей, неприятеля громячи и на становиска до войска его жадных живностей и запасов не возили, чим бы оного як найскорее з отчизны своей выгнати и выкоренити, а себе мир и спокойное, подлуг стародавних вольностей наших, мешканье одержати могли. А и мы, з местца уряду нашого упевняем словом нашим гетманским в роковой стации и в иных податках, якые з утяжением посполитого народу, от Мазепы наложены были, яко выше именовалося, полегкость и ослабу учинити. Що те ж споминает он, безбожный изменник, о прилучившемся нещастии Батурину и в нем кровопролитию, кто ж иный до того причиною, опрочь его? Поневаж там будучие малоразсудные люди заведены от его, противилися своему власному Государю, не хотячи добровольне на лагодное упоминанье и обнадеживанье милостию и жалованьем Монаршим, здатися, а овшем, ставши при упоре и противности, хотели город той и зо всею войсковою арматою и аппартаментом военным, Королю Шведскому отдати, поднесши против своего ж Монарха по неприятельски руку, Государского войска отчасти побили, чим примушенное войско Царского Пресветлого Величества, под командою Светлейшего генерала князя, его милости, Меньшикова, будучое войско, штурмом добувати, а добувши в той час, яко звычай, каждой жолнер на

помсту побитой братии своей, не скоро от убийства мог быти унятый, однак же, що о жонах и детях, о гвалтованью паниям и о ином написано в изменничем универсале, то самая есть неправда, гды ж не только тые, не имеючие в руках оружие, але большая часть сердюков и из городовых войсковых людей, в Батурине бывших, напотом пощажены и свободно в домы, по указу Его Царского Пресветлого Величества, от князя, его милости, Меньшикова отпущены. А же бы и иным, указови и облудам изменничим Мазепиным повинуючимся, таковый припадок и гнев Монарший не прилучился, яко того не зычим, так Христианско и горливе всех за часу в том перестерегаем, а до единомысленной с нами по прежнему верности и склонности под Высокодержавную и крепкую руку православного христианского нашего Монарха взываючи, доброго от Господа Бога здоровья и спокойного помешканья всем Вашим Милостем уприйме желаем и сприям. Дан в Лебедине, 8 декабря, 1708 году.

В подлинном подпис таков: Звыш именованный Гетман рукою власною.

О возвращении некоторых старшин от шведов к царю

Во время ж следования шведского, из находящихся при Мазепе, полку Миргородского полковник, Данила Апостол, славный в Малороссийском войске воин, который принужденно следовал за оным, изобрав способный случай, уклонился от него с людьми своими и явился в войске российском, у самого царя, в городе Лебедине, за что получил не только прощение от государя, но и прежний свой чин, полк, маетности и пожитки; так равно возвратившийся ж генеральный хорунжий, Иван Сулима, которые по сем, так же равно с прочими, против шведов и Мазепы воевали.

О препоне в доставании шведам съестных запасов

Мазепа, хотя по обещанию своему довольно домогался продовольствовать армию шведскую, но за беспрестанными, везде бываемыми, российскими партиями, не в силах был столько доставать, колико потребно было, понеже шведов одних с начала 24 000 находилось, да поляк и козаков разных 18 000, притом с российской стороны теми партиями везде на шведов нападали, и тем, как способы в доставании провианта, так и число шведов, найболее умаляли.

Умысел изменника обратился в пользу российскому войску

Спомоществовали и то голоду, который в сем случае претерпевали шведские войска, что Мазепа, стараясь вящим усердием к службе Петра Великого утаить свою измену, повелел все припасы народу в крепкие места свозить, яко бы через сие хотел отнять способ пропитания шведскому королю, но, в самом деле сим способом он делал магазейны для шведов, надеясь, что при первом вступлении оных в Украйну народ взбунтуется и города с собранными припасами Карлу XII предадутся; но когда он в том обманулся, то самое сие его коварство в пользу России обратилось.

Король, выступя из Ромен, получает Веприк, а войска российские взяли у него Ромны

В праздник же Рождества Христова, государь из Лебедина пошел в Сумы, а король шведский, со всем войском своим, из Ромен к Гадячу а оттоль к Веприку, и оный городок, в котором тогда только 1500 человек гарнизону было, по троекратном штурмовании, с великим трудом и уроном своих людей, взял, и то тогда, когда у россиян уже зарядов не стало, да и подмоги получить надежды не имели, за коменданта полковник Фермор, не дождав четвертого уже приступа, отдался ему января 6, 1709 года, на договор. Токмо между тем войско российское, осадя Ромны, из оного оставших шведов выгнали и многих побивши в полон взяли, а город одержали, почему король принужденно нашелся, оставя войска в Веприке, прозимовать в Гадяче, где шведов везде на квартирах малороссияне убивали тайно и явно, знатнейших ловили и к Его Царскому Величеству отводили.

О расположении войска российского по местам вокруг шведов

Но чтоб их отовсюду в осаде держать, для того государь указал по нужным местам расположить свои пехотные полки, как то, во первых, снабдил оными Полтаву, потом введены в Сумы, в Лебедин, и около оных по местечкам, селам и деревням, а конницу в Ахтырку и от оной в Городеньке и по засеке до Северного Донца, почему тайное намерение короля не могло обмануть предосторожности Петра Великого. Сим осаждением шведам пресекаемы были многие, посылаемые от них для добычи и получения съестных запасов, партии и притом оными всегда обеспокоивали их; при том же, когда время и удобный случай неприятелю к движению окажется, то чтоб тогда все корпусы вдруг соединиться к одному месту могли, и там, по намере-

нию его величества, с королем шведским всячески управиться и сделать конец толь долговременной войне и многому кровопролитию.

Самонравие и упрямость короля шведского против подающих ему благие советы от генералов его

Завоевание Веприка так же не пользовало королю, кроме зимования войска его во оном, потому что съестных припасов там не было, а число войска его со дня на день умалялось; однако ж намерения своего, чтоб идти в Москву, он ни мало не пременял. Поход его в Украйне был конечно противен его генералам; они не могли опустить не отвращать его от такого предприятия; Карл намерен был идти в престольный российский город, Москву, чтоб низвергнуть царя с престола, так как учинил он в Польше с королем Августом. Советы верных его министров и генералов, неизвестная ему сторона, куда он идет, малое число солдат, с коими он думает победить найвящее в свете государство, все то не было в состоянии его отвратить от того намерения. Но куда идет он через Украйну? Он намерен идти в Москву, а идет к Царьграду; путь московский оставил он у Смоленска, а пошел к Черному морю.

Мазепа подает королю совет о взятии Полтавы

Изменник Мазепа объявлял королю о Полтаве с тем, что в оном довольно запасено им всякого запаса и что оный город взять без дальнего труда весьма можно, тем меньше, понеже надеялся, что окрестные козаки пристанут к нему, а на запорожцев уже и совсем полагался, потому что имел он прежде тайную переписку с их начальником, кошевым атаманом Гордиенком.

Мазепа посылает просительное письмо в Польшу к королю Лещинскому

Но когда еще непредвидимы были все обещания Мазепины, ниже помощь являлась запорожская, а на крымцов и надежды не было, да еще дивнее было, что не имели никакого известия от Лещинского, для чего он до сего времени в Украйну не спешит, и где, и как находится, того ради Мазепа, которого была должность, по его с поляками договору, польских сил просить, писал сего для в оное время к королю Лещинскому, прилежно прося его тем, чтоб он ему в предприятии его помог, давая тем знать нужду и надобность свою. И послал письмо оное через простого мужика, жителя роменского, прозываемого Хлюса, надеясь вернее через него доставить, что никто в нем

такого посланца быти не помыслит, но доброжелатель некто об нем известил, и мужик оный пойман уже по другую сторону Днепра, в городе Лысянке, у коего письмо то, заделанное в полозе санном, найдено, писанное языком польским, которое и вручено царю, а по прочтении государь сказал: «Желал бы я, дабы и Станислав прибыл; тогда б я трем королям праздник славный составил!»

Поимка шпиона Мазепина

А другой посланный шпион пойман близ Глухова, в селе Коропце, Менской сотни, козак Григорий Пархомов, с данным же от изменника словесным клеветным наставлением, безвинно на знатных особ духовных и мирских, клеветы взнесть, что через пытку потом объявились его, изменника, коварство и злоба с тем точно, дабы довесть безвинных в немилость царскую и во истязание, через чтоб привести весь народ в роптание и огорчение, что в безвинности уже и знатные особы страдают от московского владения.

На все Мазепины пашквильные письма издан царский манифест

Через таковое изменниково писание и через пасквильные со шпионами подсылки, ясно открылось его, Мазепино, намерение и предательство всей Малой России и ее народа, в прежнее иго тяжести ярма польского, и тем более, что себя изменник называл рабом и верным подданным Лещинскому; почему ложь его открылась, противу рассеянных плевел его и разосланных писем пасквильных, которыми объявлял всему украинскому народу, будто б они, выбившись из под державы Московской, не имеют более быть ни под московскою, ни под польскою властию. О сей лже хотя первостатейным людям довольно известно было, но, дабы не усумневался о том коварстве изменничьем и народ простой, его царское величество указать соизволил письмо оное на русской язык перевесть и напечатать, и при своем манифесте по всем местам Малой России, для всенародного читания, листами выставить в нижеследующем содержании:

Манифест

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Пресветлейший Великий Государь Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, Самодержавец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем Малороссийского народа духовного и мирского чина людям, а особливо Войска Нашего Запорожского старшине генеральной, полковникам, сотникам, есаулам, атаманам городским и куренным, всем козакам, також и посполитству, верным подданным На-

шим: чаем что уже всем то ведомо, как мы в нескольких грамотах наших, тако ж и Гетман Наш, Войска Запорожского обоих сторон Днепра, Иван Ильич Скоропадский, в универсалах своих ответных об измене богоотступного вора, изменника, бывшего Гетмана Мазепы, вам ясными доводами доказывали, что оный богоотступник оную для собственной своей тщетной славы и властолюбия учинил и шведа для того в Украйну призвал, дабы поработить сей Малороссийский народ паки под древнее ярмо польское, и церкви Божии лишить Благочестии и привесть в Унию, хотя он в пашквилях своих, в образ универсалов, за рукою и печатью своею, для возмущения народа Малороссийского выданных, с богоотступною совестию кленется, будто для общей пользы народа Малороссийского и содержания вольностей их, и чтоб оному бы не быть ни под Нашею, ни под Польскою властию, но содержатися особливо свободному, в чем будто ему от Короля Шведского обещание дано. Но ныне та его богомерзкая ложь объявилась явно, что он как все в пашквиле своем фальшиво, так и сие ложно пишет, прельщая народ малороссийский, ибо от него, изменника, посланной к Лещинскому шпиг, роменской житель Фесько Хлюс по имени, сего января месяца поиман в местечке Лысянке и привезен в Киев, у которого между иным найден его, изменника Мазепы, лист за рукою его, печатью, к развратнику отчизны своей, от Шведского Короля вверженному на Королевство Польское, Станиславу Лещинскому, по польски писанной, которой подлинный мы, для лучшего известия и уверения, к Гетману Войска Нашего Запорожского, Ивану Ильичу Скоропадскому, послали, и повелели оной объявить в Войске Нашем Запорожском и по всем полкам. А при сем, переписав оной, для лучшего выразумения, на российский язык, список с оного переложить повелели, в котором он пишет, призывая того Лещинского на отобрание Малороссийского краю, будто, по общему желанию всея Украйны, называя его себе государем, а себя его верным подданным, а Украйну наследием его, Лещинского, и потому явно, с какою совестию оный богомерзкий изменник предает себя Всевышняго суду, будто оный измену свою учинил для пользы Малороссийского краю и содержания вольностей, и чтоб им будто ни под Нашею, ни под польскою властию не быть, но особливо свободным остатися; а ныне, по тем его, богоотступного изменника, письмам, явилась явная ложь и предательство под польское иго малороссийского народа. А и сверх сего Нам от верных особ известно, что оный, желая себя под польскую власть поддать, получил уже от Лещинского себе гонор воеводства в Польше и титул княжения Северского. Какою же безбожною злобою оный изменник, Мазепа, к малороссийскому народу духовного и мирского чина дышет, то явно из последующего объявления, что в сих же числах пойман близ Глухова в селе Коропце шпиг от него ж, изменника Мазепы, посланной, Мен-*

* Феодосий

ской сотни козак Григорий Пархомов, и привезен в нашу главную квартиру в Сумы, где, по распросу и розыску, сказал, будто послан он от Мазепы с письмами к преосвященному архиепископу Черниговскому (сей архиерей именовался Иоан Максимович), и Глуховскому сотнику Турянєкому, и князю Четвертинскому (оный князь Четвертинский был стольник и полковник, именем князь Юрий Михайлов сын) и к атаману Глуховскому Карпеце, которые письма будто в навечерии Рождества Христова отдал архиерею через служебника его, а прочим самим; и как помянутые, князь Четвертинский, и атаман, и служебник архиерейский, оному представлены, то им тот шпиг и в очи говорил. Но Мы, Великий Государь, милосердуя об оных подданных своих, не поверя тем донесениям, велели того шпига в том пытать, с которой пытки объявил оный шпиг, что послан он нарочно от Мазепы в Глухов, а писем с ним к оным особам не было послано, а обещаны ему от него, Мазепы, деньги, дабы, когда пойман будет, сказал нарочно, будто он от него с письмами к вышеписанным особам послан, и оные письма будто он им отдал, дабы их тем привесть в Нашу, Великого Государя, немилость, и который шпиг для подлинного уведомления той злости изменника Мазепы, послан к подданному Нашему, Гетману Ивану Ильичу Скоропадскому и ко всему Войску Запорожскому, и велено оного, по объявлении всем, казнить смертию. И так надлежит верным Нашим подданным малороссийского народа, видя сию явную измену богоотступника Мазепы к предательству отчизны вашей в польское несносное ярмо намереваемую, тако ж и желательство к погублению знатных особ духовных и мирских малороссийского народа, от его, Мазепиных, прелестей остерегатись и оных отнюдь не слушати, но где могут неприятелю шведу, изменнику Мазепе и единомышленникам его приключать всякой вред, и при войсках наших великороссийских стояти против неприятеля мужественно, и где от него, Мазепы и от шведов какие подсылки, или шпиги явятся с письмами, или без писем, тако ж к ним посланные, тех ловить и к Нам, Великому Государю, присылать, за которую свою верность восприимут от Нас, Великого Государя, милость и награждение, и крепкую оборону. Дан в Сумах января 21 дня, 1709 года.

На подлинном подписано тако: *Петр.*

Список с листа изменника Мазепы, писанного к Лещинскому

Найяснейший милостивый король!

Государь мой милостивый!

Уже то второй лист изображением подданской моей униженности к Вашей Королевской милости посылаю, сумневаясь, ежели мог прежний в таком замешенном состоянии дел, в своем пути дойти. А как я в прежнем желаемым усердием и публичным всей Украйны

ожиданием покорно просил Вашей Королевской милости, дабы, ко освобождению наследия своего, непобедимую изволил подать десницу, так и ныне паки то ж самое повторяю и ожидая, ожидаю счастливого и скорого Вашей Королевской милости прибытия, чтобы мы могли соединенным оружием и умыслы неприятельского московского намерения в начале усмирить дракона, а найпаче ныне, когда начала Москва грамотами своими простой бунтовати народ и гражданскую сочинять войну, и хотя оный еще никакого не имеет виду, однако ж, те искры, утаенные в пепле, надобно завременно гасить, чтоб из них к публичному вреду какой не произошел огонь, для чего, яко овцы лимбе ожидаем пришествия Вашей Королевской милости, аки избавителя нашего, и прося о том покорно, лобызаю тысячекратно непобедимую вашу десницу.

Вашей Королевской милости, моего милостивого Государя верный подданный и слуга жайший, Иван Мазепа, Гетман. Из Ромна, декабря 5 дня, 1708 года.

Российский корпус посылается на границу против чаемого войска польского

Чтоб пресечь требуемую изменником от Польши помощь получить и на то надежду иметь, царь Петр Алексеевич послал сего ради на границу польскую корпус один, чтоб оный сделал препятствие в том Лещинскому, когда бы он сам, или командующий от него, хотел в Украйну идти, что и успел было.

Царю приносится королевский универсал, на который издается от царя манифест

Но в сие самое время принесено, к немалому удивлению его величеству, изданный универсал короля шведского, за подписом руки его и печати с многими на его величество несправедливыми разглашениями и клеветами для обнародования во всю Малороссию, против чего его царское величество тотчас указал выдать, для опровержения всех тех студных лжей, свой манифест, с тем, дабы всем известно было, какие его самохвальства, и кичение и ложь вымышленные наносит король, в следующем содержании:

Царский Манифест

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Пресветлейший и Державнейший Великий Государь Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Всем обще и коемуждо особно, особливо же верным Нашим подданным малороссийского народа, духовным и мирским, объявляем, что, хотя Мы, в первых своих грамотах о всем на выданные неприятельские шведские и изменника Мазепы прелестные к народу малороссийскому письма с ясными доводами, в каком намерении к порабощению народа малороссийского оный неприятель, со изменником, богоотступным Мазепою, согласясь, в сей край пришел, так же и каких ради праведных причин Мы, Великий Государь, сию войну против Короны Шведской начали, так что и не потребно б было больше сего повторяти; но понеже Нам в сих числах донесен, выданный за подписью и печатью Короля Шведского, от 16-го декабря, месяца, прошлого 1708 года, бесстыдной универсал на малороссийском языке, который наполнен грубой лжи, касающейся высокой персоне Нашей и ради нескладной, явной всем и простым, а не то, что умным людям, лжи, самохвалства и кичения его, удобнее может стыдным и возмутительным пашквилем, нежели королевским универсалом назван быти, и хотя Мы, Великий Государь во всю сию с Королем Шведским войну от всех таковых безплодных и между политическими и христианскими народы, а не то что коронованными главами, незвычайных хул, персоне его Королевской как в письмах, так и в разговорах, удерживались, однако ж принуждены были уже многократно от него такие королевским особам не приличные хулы, особы своей и славы народа Нашего касающиеся, высокодушно сносить, и наипаче оные правостию оружия Нашего, нежели тщетными взаимными укоризнами письменными оную, обиду Нашу мстить намеряя. Но ныне, выдя в сем названном универсале наипаче прежние хулы и лаю меру превзошедшия, и како познаваем, по совету и составлению богоотступного изменника Мазепы к подданным Нашим Малороссийского народа для возмущения выданные, принужденны на оные взаимною мерою ответствовать повелеть, не для такого намерения, яко бы Мы чаяли, что оные клеветы у верных Наших подданных веру обретут, в чем не сумневаемся, видя к себе непоколебимую верность оных, но наипаче, дабы не умыслил себе вышеписанной и самохвальной Наш неприятель то в разум и похвалу, яко бы Мы не могли студную его ложь ясными доводами опровергнути. И первое объявляется в том, что в его, клевет исполненном возмутительном, письме, будто Мы, преломав мирные договоры с ним, Королем Шведским, без причины воевать провинции его начали, и то первая есть ложь, ибо уже довольно в первых грамотах Наших праведные причины начинанию сей войны объявлены, что Мы, мстя свою персональную и послам Нашим нанесенную обиду в Риге, за которую управу на грубого губернатора Рижского, по публичному прошению Нашему, через послов шведских учиненному, он, Король Шведский Нам дать явно отрек, тако ж и для отыскания и привращения от многих столетных времен, предком Нашим, Великим Государям Российским принадлежащих провинций, Ижерской и Корельской, которые Ко-

рона Шведская, поистине рещи, изменнически, а не честным военным способом, во время трудных смятений внутренних, и от неприятелей иностранных в Российском государстве тогда свирепствующих, по обычаю своему древнему, как со многими государствы оная Корона то ж учинила, вкравшись притворною своею приязнию и будто помощию, за мирным постановлением, вероломно и неправедно отторгнула, и в начале будто в залог, в претендованных некаких деньгах, хотя и за непоказанную помощь, на несколько лет оными завладела, а потом, усмотря паки труднейшее Российскому государству военное время с Королевством Польским, взятием коварным Новаграда и добыванием Пскова, до невольного уступления оных вышепомянутых провинций принудила. И понеже всякий Государь обязан, усматривая добрый случай о привращении неправедно от государств своих отторгнутого, старание свое прилагати, того ради невинно сей гордой неприятель Нас, Великого Государя, такими хульными словесы за то поносить, не имея силы оружием оные отобрати и того ради ищет, по древнему обычаю своих вероломных предков, подъисками, и изменами и возмущением безчестным подданных против Государя своего, к тому намерению достигнути, ибо оные предки его не только от Нашего Российского государства, но и от Римского императора и от Датского и Польского королевств, многие пространные провинции и города неправедно и вероломно, за трактатами и союзами, отторгнули и завладели, усмотря смятение междоусобное, или иностранных неприятелей на те государства тогда сильно наступающих, как и он, Король, оным последуя и в сей войне не своею силою оружия, но наипаче изменами, и учиненными факциями возмущениями подданных в Польше и Саксонии, большую часть дел исправил и в силу пришел, ибо под образом защитителя вольностей, в Польшу и Саксонию вманясь и подданных обольстя, права их и вольности переломав и имения пограбя, войско свое гладное и безоружное размножил, вооружил и удовольствовал, и, под таким же образом и с злым намерением, склоня изменника Мазепу обещании своими, вошел в Украйну, хотя ему поработить народ малороссийский и отторгнув от Нашея державы, привесть паки под прежнее несносное ярмо польское, и послушника воле своей, Лещинского, как то явно народу малороссийскому доказано и из перенятого подлинного листа изменника Мазепы, к Лещинскому писанного, показано, в котором письме оной его на завоевание Украйны призывает, называя его Государем своим, а Малую Россию наследием оного, из чего их враждебные умыслы о порабощении сего народа явны, хотя в сем своем письме Король Шведский ложно того отрекается, объявляя, будто того никогда не намеревал, чтоб Украйну Польше завоевать и от Польши себе что присвоить, но то первое уже явно из письма помянутого Мазепина, к Лещинскому писанного, второе ж с присвоения княжества Курляндского к Шведской области, в котором и губернаторы шведские уже постановлены. Что же напоминает Король Шведский о приступлении

изменническом Мазепы, будто с первенствующими народа малороссийского, и что по прошению будто народному то учинено, для отвращения разорения и получения обороны сему краю, и то явная ж всему народу малороссийскому ложь и обман, ибо известно им самим, что собою и без совету и ведома народного оной богоотступной изменник, Мазепа, ту измену учинил для собственной своей тщетной славы и властолюбия, и факциями своими в сей край впровадил неприятеля, изнищалое и изголодалое войско шведское паки отчасти посилил, которое при смоленских рубежах, при продолжаемом походе, с гладу и нужды истаяв, и от войск Наших до остатку разорено бы быть могло. И кто ж из малороссийского народа, кроме самых малых от него ж изменника Мазепы единомышленников и поставленных в знатные уряды особ, при нем изменнике ныне остались, из которых многие, пребывая в крепком карауле шведском, не могуще убегнуть, тамо остатися принуждены, ибо от какой бы неволе всему народу малороссийскому обороны себе еретической требовать, когда под Высокодержавною Нашею рукою, в таком изрядном и довольном состоянии, при Вере Благочестивой, при правах и вольностях своих живучи, день ото дня умножался? Понеже Мы, Великий Государь, ниже пенязя в казну свою со всего малороссийского народа никогда не брали и не требовали, но разве от того ж изменника Мазепы какие обиды и налоги, без ведома Нашего, оной претерпел, и кроме службы их звычайной козацкой во время нужное, военное, ничего с них себе не спрашивали, а какую добротливость Король Шведский, по тому своему фальшивому обещанию к народу малороссийскому, по вступлении своем в сей край являет, и како оной разоряет, и какими тяжкими поборами, под видом несносных провиянтов, отягчает, то тем известно, в которых местах они, шведы, были; тако ж, как уже многие места свирепо по указу его пожжены и невинные жители, яко верные Государю своему, тиранско порублены. Что же принадлежит о самовольных, его, Короля Шведского, ложных объявлениях о победах, будто над войском Нашим, причитая уступление войск Наших, с доброго воинского разсуждения учиненное для утомления его войск к побегу, и тако надлежит то во осмотрении иметь, что в нынешние веки и сильнейшие и обученнейшие войски и славнейшие генералы, кроме отчаянных вертоглавов, без крайней нужды и усмотренного фортелю, никогда до главной баталии не приступают, но воинские свои действа отправляют вымыслами, утомляя неприятеля маршами и партиями, ибо трудно на одной баталии главной щастие и благосостояние своего государства отважить, но, с помощью Вышнего, Мы, усмотря удобное время и место, и от одной баталии не отречемся. Какие же, однако, с помощью Вышнего, воинскими Нашими действиями приключены неприятелю уроны, то признавают сами шведские главнейшие особы в перенятых от оных письмах до Шведской земли писанных, тако ж и взятые от них пленные и приходящие напрестанно перебежчики, ибо из главного

королевского войска близ половины, по выходе из Саксонии, оного убыло, и не то что удивлению, но и смеху достойно, что в том письме Шведского Короля, не только головчинскую акцию, при которой они, однако ж, в двое или больше перед нами людей потеряли, но и побиение части войска при Черной Напе, где 6 знамен их взято, но что еще удивительнее, и совершенную победу над Левенгауптом, который от 16 000 человек войска, насилу с 3000 к нему, Королю, привел, и все пушки и большую часть знамен потерял, 250 возов нашим в добычу оставил, которое все и с полторы тысячи пленных в Смоленск явно, во знак победы, привезено, так что едва оной генерал вплавь с достальным через реку бегством спасшись, ушел; однако ж себе с безстыдною в лице всего света ложью, в победу и побиением Нашего войска приписует; тако ж и генерала Либекерова корпуса разрушение, который, видя свою погибель, постреляв всех у конницы своей коней, насилу с достальными людьми на корабли ушел, признать не хочет, и незнаемо какими, никогда бывалыми, будто находками, над войски Нашими хвалится, где всегда войск своих немало терял, яко и на Десне, которой реки удержания ради, крутых с другой стороны берегов и наступивших морозов, от которых оная в некоторых местах покрываться льдом было уже начала, и ради потребного взятия Батурина с единомышленниками Мазепиными, невозможно было, но по знатном уроне неприятелю приключенном войски Нашими, для потребнейших действ оттуда отведены. Тако ж он, Король Шведский, и урон своих под Смелым, от Наших войск претерпенной, с явною ложью себе в выигрыш приписует. О которых всех тщетных похвальбах, более смеху, нежели почтения, достойных, не разсуждаем потребно быть разпространять, ибо оные их лжи и самохвальства всему уже свету известны, и никто в Европе их шведским разглашенным ведомостям, яко от всегдашних лживцов происходящих, веры не дает и Король их лживой во всей Европе никому неимоверен; но уповаем Мы, при помощи Вышнего, во время удобное, ему, гордому неприятелю своему, в самом деле оружием Нашим показать, что то его поношение войск Наших ложно, как и Левенгауптов корпус, который усильнее нашего корпуса числом был, то довольно чувствовал. Что же принадлежит о лживой его, Короля Шведского, клевете, где он, прикрывая ненависть свою к благочестивой нашей церкви и Православной Вере, и знатно, по злобному и богоотступному совету Мазепиному, напоминает, будто Мы, Великий Государь, с Папою Римским о соединении Веры трактуем, и то паче посмеянию, нежели имоверию, достойно, и да сохранит Нас Вышний, дабы Мы, яко поборители о Благочестии, и в мысли о том имели, чего во веки истинною доказати никто не возможет. А что он, в довод тоя лжи, представляет, будто от Нас позволены вновь римлянам костелы на Москве имети и иезуитам школы отправляти, и то не есть новое от Нас позволение, но от предков Наших, Великих Государей, Царей Всероссийских, для иноземцев, в службе Нашей сущих и в государствах

Наших, купечество отправляющих, позволено не одной римской, но и лютерской и калвинской веры костелам быть, и школы им, для обучения детей их, держати в одной Немецкой слободе, где они живут, в Казани ж, и Астрахани, и Сибири, и в иных Наших землях, позволено издревле и бусурманам мечети, а калмыкам и иным поганам мольбищи свои имети; и знатно, что ввержены сии лживые плевелы по внушению воровскому Мазепину, для наведения какого-либо на Нас, Великого Государя, подозрения, и для прикрытия показанного грабежу и ругательства шведского церквей Благочестивых и святыни в Литве и в здешнем Малороссийском крае, с чем пространее прежде всего объявлено. Обнадеживание же Короля Шведского здешнему Малороссийскому краю обороны как ложно, так и невозможно, ибо как может он, в таком отдалении земель своих от сего края пребывая, оной оборонять? К тому же укоряет он Нас отягощением земель Наших, не объявляя о себе, како его земли от многих поборов рекрут так разорены, что многие пусты остались, а провинция Лифлянская, которую предки его, за клятвою на таких кондициях, что оная при вольностях и правах своих содержана быти имеет, из под польской власти оторгнули, в такую неволю отец его и он поработили, какой больше нигде быти не может, ибо всю шляхту, без всяких причин, маетностей их и имений лишили, и откупщикам оные отдали; которые же из них знатные на привилегии свои ссылаясь, просили в том пощады и вносили протестации, и тех многих мучительными смертьми тирански казнили. Однако ж, не устыжается он, Король Шведский, такие свои немилосердия к подданным на нас возлагати, чего Нам доказать не может, ибо Мы всех подданных своих при правах и вольностях их всегда ненарушимо содерживаем, а особливо малороссийскому народу все обещанное, при принятии их под Высокодержавную Отца Нашего, блаженныя памяти, Великого Государя, Его Царского Величества, руку, свято содерживали и впредь содерживать будем. Прочие же его, Короля Шведского, противо коронованных глав обычая, нанесенные на Нас клеветы и хулы, сокращения ради, не разсуждаем достойны быти ответу, ибо не надлежало б потентанту честилюбивому обходиться такими, возмутителем одним обыклыми, делами, но наипаче Мы, уничтожая оные, яко самые клеветы, минуем, и токмо вышеписанное верным Нашим подданным, на улику лжи, в том хульном письме содержанной, объявить сие потребно быть разсудили, напоминая их паки притом милостиво, дабы, на сии злодейственные и к конечной погибели и порабощению их, с совету изменника Мазепы, вымышленные прелести не смотрели, и ни обещаниями, ни угрозами неприятельскими себя от начатой своей к Нам, Великому Государю, верности отлучать не допускали, но оному, при великороссийских Наших войсках, везде мужественно отпор и промысл над ним чинили; ибо уповаем на милость Вышнего, что вскоре оной неприятель Наш, наипаче утомлен и от Нашего оружия пора-

жен, и из государств Наших выгнан будет, и оные верные Наши подданные по прежнему, при правах и вольностях своих, вечно в покое и тишине благополучно жительствовать могут, от Нас же за ту свою показанную верность, вящую милость и награждение получать.

Дан в Сумах, февраля в 3 день, 1709 году.

На подлинном подписано: *Петр*

Российскими войсками поражаются шведы

Того ж февраля 15 числа генерал-фельдмаршал граф Шереметев, через посланной деташамент, под командою генерал-майора Бема, находящихся в местечке Рашевке шведов, под началом их полковника Алфенделя, почти всех побил, а оставших, полковника того с девятью обер-офицерами и с нижними служителями, 266 человек, в полон, а в добычь до 2000 лошадей и многих генералов и офицеров оставленной тамо обоз взял.

Будучи в партии, король едва от поражения российского спасся

А как шведы принуждены были почасту доставать себе сами съестные припасы, сего для они партиями бродили и сыскивали в разных околичных местах, и даже по Северному Донцу, до села Красного, куда проходили, как то случилось в месяце феврале ж, войска российские, их близ местечка Городенки, так же побили и многих в полон, да и самого короля, приводца той партии, осажденного в мельнице, едва было не взяли, прочих же прогнали, и набранной королем довольное число скота и провианта на другой день под Опошнею, куда они следовали, отбили, вместо чего король сжег многие местечки, села и деревни.

Царь, будучи в разных местах, укротил мятежников и привел в оборонительное состояние пограничные места

А как разсудил государь, чтоб время ему втуне не проходило, изволил между тем ездить для осмотра войск своих из Сум в Ахтырку и в Белгород, отколь уже и в Москву; но чтоб безопасну быть и с стороны татарской, при Азовском море, то, при самом начале весны, был он, следуя с Воронежа водою, рекою Доном, в городе Черкаском, в Азове и в Троицкой крепости, что на Таганроге; там бунтовщиков смирил, и сообщника Мазепина, таганрогского протопопа, казнил, и поставил между тем все в оборонительное состояние.

Шведы поражаются от россиян

Потом в апреле, когда известно стало, что деташамент шведский при местечке Будищах стоял, и в оной была главная их квартира, где и Мазепа изменник был, оных войско российское, под предводительством генерал-майора Шаумбурга и полковника Кропотова, из укрепления их выгнало, присланную от короля помощь разбило, в полон многих побрало и невольников, жителей тамошних, черкас, несколько сот от них освободило.

Близ Полтавы поражаются шведы от россиян

Карл XII, не смотря на правильную предосторожность Петра Великого, заподлинно верил, что фортуна, которая против короля польского и против русских ратоборцев у Нарвы и инде ему спомоществовала, не может его оставить никогда; в таком мнении приближился он к Полтаве еще в апреле месяце, и войско его уже подкреплено было некоторым числом запорожских козаков. Завоевание оного города обещало ему сообщение с поляками, с козаками и с татарами, и представляло способнейшую дорогу к Москве; однако ж Полтава, как пограничное место, состоящее по течению реки Ворсклы на правой стороне, хотя была и не довольно укреплена, но довольно выборным войском снабжена. Король, не взирая на все трудности, которые имели содержать его в сумнении о счастливом успехе такового предприятия, приготовлялся к формальному осаждению сего города, и затруднения умножали токмо нетерпеливость его. Он послал, апреля 12 числа, генерала-майора Круза с 4000 шведов и запорожских изменников 3000 ударить на корпус российского войска, который находился тогда уже по другую сторону реки Ворсклы при местечке Соколке, которую переправясь реку, и обшед оных, атаковал их генерал-порутчик Шаумбург, увидевши их, с ними сразился и, по жестоком бое, шведы были разбиты, и 800 человек на месте положены, прочие ж бежали со всевозможным поспешением; большая часть изменников, как равно и шведов, была на бегу порублена, а другие на переправе в реке потонули. На месте побоища найдено потом две изрядные медные пушки со всеми их припасами и одно знамя драгунское, два барабана, да в полон взято: майор один, капитанов три, порутчик один, прапорщик один, вахмистров два, и сто человек рядовых драгун и солдат.

Посылка в Запорожье и истребление изменнического Коша Сечевского

Когда усмотрено, что прелестьми Мазепиными улещены и уговорены к измене козаки сечевские, а что они не скоро переходили к

неприятелю, то может быть для того, что не скоро могли устроиться к походу, или не скоро между собою согласились, а может быть и промедливали нарочно время, наджидая известнейшего неприятельского поведения, как то и в грубой простоте живет лукавая хитрость, и когда уже заподлинно уведано, что они в упорности окаменели и часть войска своего оставили в Сече, а часть, под предводительством своего кошевого атамана, Костки Гордиенка, в начале мая пришла к королю шведскому и к Мазепе, тогда, по указу царскому, для совершеннейшего искоренения всего их Коша Запорожского, послан был с частию конницы и козаками полковник Петр Яковлев, чтоб, за измену их, истребить всех, живущих за Днепром, и жилище их, называемую Сечу, разорить, которая состояла тогда ниже порогов, близ Днепра, по течению его, на правой стороне, при речке Чертомлыке. Он, достигши той крепости их, куда был вожаком с ним, яко знающий тамошние места, компанейский, а прежде бывший чигиринский, полковник, и бывший же их кошевой атаман, Игнатий Иванов Галаган, с своим полком, сделал к ней приступ; и тем хотя сперва с великим от запорожцев сопротивлением, но, наконец, устрашившись и при усмирении их, оный взят, людей сколько в ней застать было можно, всех побил, начальников, яко главных изменников, казнил, артиллерию их, коей состояло разных пушек до 100 , все так же снаряды, оружие, а паче их козачьи знаки, как то: знамена, бунчуг, булавы, перначи, литавры и прочее все, взял, город разорил и выжег, и с тем возвратясь, главнокомандующему генералу, князю Меньшикову, реляцию о том подал, почему от него его царскому величеству донесено.

Король осаждает Полтаву

При наступлении ж уже настоящей весны, то есть, с самого начала мая, король приступил, со всем войском своим, для формальной осады к Полтаве, в которой было три полка, и, осадя оную, делал жестокие приступы; во время которое из города сильными вылазками шведы многие побиты, и несколько сот малороссийских рабочих людей от работ освободились. В который случай посланный для подкрепления гарнизона бригадир Алексей Головин, с девятью стами человек, и в виду неприятеля, счастливо в город без всякого урону прошел.

Царь повелевает армии своей приступить к Полтаве и сам к оной поспешает

Коль скоро принесена царю ведомость, что король шведский следует уже со всею своею армиею для осаждения города Полтавы, тотчас послал свои указы, чтоб все отдаленные корпусы его войска

как наискорее придвинули к Полтаве ж, а сам, как находился еще в Троицкой крепости, из оной, мая в 27 день, последовал через Миюс, Крынку, Левонтьевы Буераки, Алховатку, Глухие Буераки, Бахмут, Тор, Изюм, Андреевку, Харьков, Люботин, прибыл, наконец, к армии своей июня 4, и заключил тут конечно славу своего оружия и своего царства предать участи главнейшего сразительного с ним соития.

Царь с армиею, перешед Ворсклу, придвинулся к армии шведской

Государь, видя в том месте, где опыты его были, что есть невозможность к переходу всей армии его, того для 19 числа, оставя ту шанцовую работу, послал Рена с корпусом его вперед, и, сам изволил пойти, чтоб конечно выручить Полтаву от усильной атаки шведской, вверх по Ворскле, и в двух милях, где стоял уже с конницею Рен, 20 числа переправившись, построил свой стан, в расстоянии от неприятеля в трех или четырех верстах, а в 24 день придвинулся ближе к шведской армии за одну или полторы версты и построил тут себе ретраншамент, в котором находился с войском своим до баталии только два дни.

Король, рекогносцируя, через свою продерзость сделался пораненным

Но между тем король не оставил чтоб не высматривать российского стана, в каком положении оный находится, в котором случае, наехав на российский козацкий небольшой отъезжий караул, который случился быть в тот час несколько в неосторожности, сидя при огне, усмотря оное, поехал к ним с малыми людьми и одного из них, сошед с лошади, застрелил, кои козаки, вскоча, тотчас из трех фузей по нем выстрелили и прострелили ему в то время ногу. Иные же повествователи хотя объявляют, будто бы во время подъезда его для осмотра крепости прострелен часовым с вала из ружья, но несправедливо; со всем тем, как бы то ни было, но та рана ему весьма жестока была. Сей случай обличил продерзость его; он, ничего не говоря об оном, может быть, в злобной ярости своей будучи, того не чувствовал, или не хотел дать знать кому, и, сев на лошадь, ускакал в лагерь свой; да и там, когда уже сама кровь, которая в сапоге умножилась, объявила опасность, тогда принужден был дать перевязать ногу и лечить себя.

Королевское разглашение о дни, когда быть баталии

Пред сим же король распустил разглашение, что он намерен день тезоименитства царя российского торжествовать наиславнейшим образом у него в шатре, то есть июня 29 числа, и оный день назначает всей оной их войне быть решительным. Сие государю известно учинено, который разумев намерение и жадность его тщеславия, сказал: «Я в желании брата моего согласен и буду спокойно ждать дня того, который конечно докажет, кому по справедливости торжествовать о победе подлежать будет».

Царь укрепляет свой стан

Царь не оставил и с своей стороны, чтоб не осмотреть самому находящиеся между шведским и своим станом места и расположения неприятельского лагеря, и, усмотря, что к стороне шведской, между лесом и буераками, весьма свободное поле к проходу и нечаянному нападению их на стан его, велел тотчас место оное от одного до другого леса для преграды, шестью редутами в равных между ними расстояниях, укрепить, а от середины в прямую ж черту вперед к неприятелю, для перекрестных выстрелов, четыре редута ж построить, позади ж первых всю конницу свою в подкрепление поставить, дабы тем воспятить нечаянное ударение неприятельское к упрепляющемуся еще его траншаменту и к располагающейся армии, а между тем повелел войску своему, приуготовя себя, всем к наступлению на неприятеля быть во всякой готовности.

Король повелевает армии своей к 27 числу быть к баталии в готовности

Король же, с своей стороны, от 26 числа, усильно возжелал тут произвесть с царем генеральную баталию, не принимая о том и советов от кого; он обнадеживал уже победою войско свое, и в поле приуготовляющимся к бою солдатам не велел и хлеба брать, сказывая, что в русском обозе обедать им подлежит, и так утрешний день к баталии определил.

Шведская армия наступает на российский стан нечаянно

Посему вдруг, в 27 день почти еще до света, от шведской стороны сделалось нападение на отводные редуты. Что услышавши в рос-

сийском главном лагере, тотчас, разбудя государя, донесли ему, что шведы делают атаку. Государь, воспрянув, вышел из шатра своего и усмотрел, что точно конница шведская уже напала на конницу его, и немедленно приказал, как возможно найскорее всей армии, вооружась, выступить из стана и, приуготовясь к бою, в боевой порядок стать; сам же поворотился в шатер, чтоб и себя приуготовить.

Нечаянное наступление от шведской стороны на армию российскую

Нечаянное то наступление учинил король потому, что усматривал, что царь уже приуготовлялся, наступя на него, сделать с ним баталию; того для, предваряя сие, приказал, при вознамерении своем, вынести на носилки себя, и, чтоб предупредить своего неприятеля, послал конницу свою, с подкреплением ее пехотою, чтобы напасть оным на правое отводное крыло российское, состоящее при редутах, пока он сам, со всею армиею, выступит за ними. Шведский корпус оный, под предводительством генерал-майоров Розе и Шлипенбаха, напавши на конницу российскую, учинил такой стремительный удар, что оная принуждена была уступить, а в то самое время пехота завладела двумя отводными редутами, кои были не совсем еще отделаны.

Армия российская ускорила стать к бою

Между сим временем российская армия, уже вышед из стана, в боевом порядке в готовности стала, а царь, с наивозможнейшим поспешением вооружась и принеся теплую молитву к Вышнему, вышел и сказал: «Теперь на начинающего Бог, а по Нем и мы», и с тем поспешно поскакал сам предводительствовать армиею своею и ободрил всех присутствием своим. Но чтоб иногда коммуникация к Полтаве пресечена быть не могла и чтоб путь оный, в случае нужды, в своих руках иметь, государь тотчас послал часть некоторую войска, и самого гетмана Скоропадского с козаками в монастырь на гору.

Шведская конница напавшая поражается от россиян

Конница та шведская, обольстясь тем небольшим успехом своим, гналася за уступающими российскими так далеко, что уже была отделена от своей армии, а жестокая пальба из пушек с батарей российских привела ее в замешательство, и, опасаясь, дабы внезапно она обхвачена не была, уклонилась позад одного небольшого леса; но конница ж российская, собравшись опять и исправившись, ударила на

шведов, и так жестоко, что через короткое время корпус оный разбила и взяла в полон генерал-майора Розе, а потом и Шлипенбаха.

Сражение двух армий с победою над шведами

Между тем король, следуя со всею армиею, и с великою трудностию пробиваясь между редут, с немалою своих тратою, но, по фурии своей, прошед их, приступил пред фронт российской армии ж; устроившись порядочным образом, стали к действию тут, в девятом часу пред полуднем, и началась генеральная баталия. Легко каждому себе представить можно, что она была с обоих сторон не меньше отчаянна, коль и жестока, в которой случай, сохраняя жизнь и здравие воины, государя своего просили, чтоб щадил себя и в себе надежды российские; если же ему смерть его не страшна, то помыслил бы, что им всем и всему отечеству потеряние его страшно; на то он объявил, что «они поставлены теперь вооруженные не за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой и за народ российский, и для того не страшились бы о славе неприятельской, но помнили б, сколько крат он был от них самих побежден, следовательно, и ныне, по храбрости своей, победить могут», Царь Петр Великий оказывал тут в себе все то, что делает самых великих полководцев, удивительную храбрость, неустрашимую бодрость в самых крайних бедствиях и чрезвычайное присутствие разума в самом жаре действия; не устрашили его простреленные на нем в разных местах платье и шляпа. Однако ж шведы, приведены будучи в непорядок, начали уступать, только с непрерывным уроном, понеже россияне уже жестоко наступили на них с обнаженными шпагами, штыками и копьями и убивали всех без пощады; замешательство было везде великое, через что, наконец, как место сражения, так и весь неприятельский лагерь был завоеван вооруженною рукою.

Поражение и побег шведов от россиян

Король шведский во время оного жестокого сражения, увидя, что ему более ничего не остается к избавлению своей армии от погибели, а паче себя, ибо и носилки уже его под ним пушечным ядром разбиты были, принужден был сего для бежать к Днепру от того, которого того дня считал ни за что и которого помышлял с престола в Москве низвергнуть. Под сей самый случай, получивши прощение, бывший в ссылке малороссийский полковник Фастовский, Палий, прибыл, и был во время оного сражения, и коль древен уже ни был, ездил на коне с козаками, поощряя их к дерзновению чинить ударения на неприятеля, сыскивая сам Мазепу.

К армии российской пленные шведы приводятся. Все военное орудие и прочее в добычь взято. Число убитых шведов. Погоня за бегущими шведами посылается

Победители приводили к государю пленных, коих набралось до 3000 человек рядовых, кроме что по объявлению их разбежалось и безизвестно пропало. Из начальников же генерала-фельдмаршала, графа Рейншильда, генерал-майоров Шлипенбаха, Роза, Штакельберга, Гамельтона и королевского министра, графа Пипера, со всеми его канцелярскими служительми. Потом привезли всю шведскую артилерию, обоз и лагерь весь, и денежную казну, состоящую до трех миллионов, собранную с поляков и саксонцев. Убитых же сочтено, на месте 9280, оставшие же все и большая часть за королем побежали, за коими государь, по окончании счастливого бою, ввечеру за неприятелем в погоню послал генерал-порутчиков: гвардии Семеновского полку полковника, князя Михайла Михайловича Голицына, и Баура, с пехотными и драгунскими полками, а 28-го числа генерала князя Меньшикова с корпусом.

Бег самого Карла XII и прочих с ним

Короля, между тем, как больного человека и ослабевшего, сперва унесли с места баталии гренадеры, потом, через помочь польского полковника и его камердинера, он увезен верхом до обоза, а оттоль уже коляскою. Но как оная дорогою изломалась, то хотя с крайнею нуждою, однако ж довезли верхом до Переволочны. Изменник же Мазепа с несколькими стами своими единомышленниками козаками еще прежде короля за Днепр перебрался и ушел в Турецкую область. С королем же бежали граф Понятовский, канцлер Миллер, польский полковник, офицеров несколько, драбантов 300 и несколько поляков. Они старались о своей переправе через реку Днепр, но не только моста на оном, ниже лодок, кроме малого числа, и то самых малых, там было. Король тотчас велел тут церковь и несколько строений сломать и плоты поделать, на коих сам, со свитою своею, переправился. Однако ж за случившеюся тогда погодою, чтоб не утонуть, ибо до опасности уже доходило, принуждены были сундуки Мазепины с богатством и деньгами, почти три доли оных, в воду сбросить. Оставшие ж конные все пустились вплавь, и, сгрудившись вместе, благополучно переплыли; кои же на плаву оном уже поотстали, или от волнения кто поплыл как особо, так равно и те, кои будучи пешие, за королем плыть помешкались, те все, по обширности реки и волнения, перетонули.

Князь Меньшиков с корпусом следует за ретирующимися шведами

Князь Меньшиков, следуючи к Днепру с корпусом, и будучи близ Переволочны, поймал одного шведского квартермейстера, который объявил князю, что король и Мазепа, с атаманом запорожских козаков и с несколким выборным войском, перебрались через реку Днепр, а команду над оставшим войском король препоручил генералу, графу Левенгаупту, который так же у Днепра находился; князь пошел тотчас прямо к неприятелю.

Остатки шведской армии берутся в полон

Оставший же шведский корпус, состоящий около 16 000 шведов, под командою Левенгаупта, ожидал своей судьбины, что далее с ними воспоследовать может, ибо не только на чем за королем переправиться было можно, но ниже у кого куска хлеба и одного заряда пороху уже не было, и вдруг тут увидели следующий к ним десятитысячный корпус конницы, и столько ж пехоты, сидящей на лошади, за каждым драгуном. Меньшиков, приближась к ним, послал одного бригадира с трубачем, советуя Левенгаупту сдаться с своими войсками, понеже, в противном случае, не имеет он надеяться никакой пощады. Левенгаупт, не видя себя в состоянии в чужой и незнакомой земле биться с неприятелем, уже торжествующим, рассудил лучше сдаться на честный договор, нежели последовать продерзости государя своего; так заключено было с ними к сдаче себя, 30 числа, военнопленными письменно. Шведы в иное б время никогда сего не учинили, но, будучи без пороха и снаряда, а паче от голода, ибо сколько шед до сего места почти ничего не едали, положили ружье свое и шпаги и из оных выступили. Тут взял Меньшиков в полон весь тот корпус и генералов: графа Левенгаупта, генерал-майоров: Крейца, Круза и прочих многих штаб и обер офицеров, и привел их всех к государю, коих, по ведомости, оказалось 15 753 человека.

Царь торжествует о победе над шведами и день тезоименитства своего празднует

Государь при всяком приводе пленных спрашивал: «Нет ли тут брата Карла?» ибо весьма видеть его желал, и, как будучи о такой преславной победе, а паче о решительной войне, в неизреченной радости, по принесении Богу благодарности, подлинно торжествовал тут же на месте, день тезоименитства своего, и к обеденному столу удостоены были все пленные шведские генералы, кроме одного графа Пипера, о коем говорить изволил, что «он причиною в продолжении

оной разорительной войны, и если б не он мешал, то б, конечно, давно, по желанию его величества, мир был, и потому, де, ныне король несчастлив». Генерала-фельдмаршала, графа Рейншильда, за храбрость и мужество его, изволил пожаловать шпагою, вышеупомянутым же всем дозволил ходить, хотя пред присмотром, однако ж, по воле, а Пипер содержан под арестом, потом в Петербурге, наконец в Шлисельбурге, где через три года и скончался; за обеденным же столом изволил пить за здоровье своих учителей, тех, кои его воевать научили.

Царь уведомляет о победе своей своих союзников и по всем городам

По получении оной преславной победы, государь писал об оном ко всем союзникам, так равно и в города к начальникам своим, уведомляя их тем для обнародования, из коих писанное одно к Воронежскому вице-губернатору, Степану Колычеву, при сем сообщаю:

Царская реляция о победе

Господин Колычев!

Объявляем вам, что по учиненной виктории, к посланным за разбитым неприятелем двум генералам-лейтенантам, послан в 28 день генерал князь Меньшиков, который в 30 день июня оных неприятелей у Переволочной достиг, и по многим посылкам оное войско, яко воинские полоненники, положа ружье, со всеми людьми и с артиллериею, нашим без бою сдались. Только король с шестью или семью стами, генералы Шпаром и Лагаркроном, и Мазепою, ушли, за которыми тако ж послано, и уже из оных многие побиты и взяты, о чем пространно из реляции видеть возможно. А что взято людей, знамен и артиллерии о том из посланной росписи видеть возможно. И таковая неприятельская армия Нам через помощь Божию в руки досталась, которою, в свете неслыханною, викториею вас поздравляем, и прошу объявить товарищам вашим, ***Козинцу, Иосифу, Ною**** *и прочим.* ***Питер.***

Из лагеря от Полтавы, в 9 день июля, 1709 году.

Первая обстоятельная реляция о счастливой главной баталии меж войска Его Царского Величества и Королевского Величества Свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы, сего июня в 27 день, 1709 году

Сего месяца 20 дня перешли мы со всею армиею через Ворсклу, и по сю сторону оной, с малую милю от неприятельской армии, ста-

---

* Сии три особы были корабельные мастера.

ли, потом же 24 числа, пошли мы далее со всею армиею и стали с четверть мили от неприятеля, и дабы оный на нас нечаянно не напал, учинили около обозу траншамент, но наша кавалерия на правой руке между лесом поставлена была, и между оною несколько редут сделано, и людьми и пушками осажено. Изволил Его Царское Величество всякое предуготовление чинить к нападению неприятеля, однако ж оный, по своей обыкновенной запальчивой отваге, в том нас упредил, и 27 числа, по утру весьма рано, почитай при бывшей еще темноте, из дефелеев, в которых он во всю ночь свое все войско в строй поставлено имел, на нашу кавалерию как с конницею, так и с пехотою своею, с такою фуриею напал, что, хотя он многократно с великим уроном от нашей кавалерии и от наших редут, к которым приступал, отогнан был, однако ж наша кавалерия, понеже оную нашею инфантериею толь скоро выручить не могли, после не много к нашему ретраншаменту отступить принуждена, однако ж паки скоро остановилась и неприятеля атаковала, и оного правое крыло весьма сбили, и генерал-майора Шлипенбаха, который тем крылом командовал, в полон взяли; между тем же послал Его Царское Величество его светлость, генерала князя Меньшикова, да при нем генерала-лейтенанта Ренцеля, с некоторою частию кавалерии и инфантерии, к Полтаве, дабы еще в сикурс неприятелю идущие войска, тако ж и в шанцах оставшегося неприятельского генерал-майора Роза, с неприятельскими войсками атаковать, и помянутый город от блокады весьма освободить. И выше упомянутый, его светлость, встретил на дороге неприятельский корпус резервный, состоящий в трех тысячах человек, который они поставили позади своего правого крыла при селе, которых, по кратком бою, сбили и в полон побрали; и потом его светлость паки к главной армии возвратился, генералу же лейтенанту Ренцелю велел продолжать марш к Полтаве, до которого прибытия ретировался генерал-майор Розе, с тремя, при нем бывшими полками, в сделанные пред городом от неприятеля крепости и шанцы, но оный от помянутого генерал-лейтенанта Ренцеля тамо атакован и, по кратком учиненном сопротивлении, принужден, со всеми, при нем будущими людьми, на дискрецию сдаться. Между тем же неприятельская кавалерия, для собрания главного войска, от нашей кавалерии уступила, и со всею инфантериею паки случилась, и поставила всю свою армию в ордер баталии пред фрунтом, с четверть мили от нашего обозу. Между тем Его Величество повелел тотчас двум линиям от нашей инфантерии из траншамента выступить, а третью в оном назади оставил; и так ту армию в строй поставил, что инфантерия в среди, кавалерия же на обоих крылах поставлена, и с их же стороны правое крыло кавалерии командовал генерал-лейтенант Бауер, понеже генерал-лейтенант Рен в первой акции, в которой он много опытов храбрости показал, в бок прострелен, левое ж крыло командовал его светлость князь Меньшиков, понеже тамо его прибытие потребнейшее было, а корпус баталии командовал сам Его Величество Вы-

сокою особою своею, и притом господин генерал-фельдмаршал Шереметев, тако ж господа генералы от инфантерии, князь Репнин, и Аларт, купно с генералом-лейтенантом Белингом и прочими генералами, а артиллериею управлял генерал-поручик от артиллерии Брюс, и всякой в своем назначенном посте управляли с изрядными опыты мужества и воинского искусства своего. И так, войско наше таковым образом в ордер баталии установясь, на неприятеля пошло, и тогда от 9 часу пред полуднем атака и жестокий огонь с обоих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростию учинена, что вся неприятельская армия, по получасном бою, с малым уроном наших войск, еже притом наивяще удивительно, как кавалерия весьма опровергнута, так шведская инфантерия ни единожды потом не останавливалась, но без остановки от наших штагами, багинетами и пиками колота, и даже до обретающегося вблизу леса, яко скот, гнаны и биты; притом в начале, генерал-майор Штакельберг, потом же генерал Гамельтон, тако ж после и фельдмаршал Рейншильд и принц Виртенберский, королевской родственник, купно с многими полковниками и иными полковыми и ротными офицеры, и несколько тысяч рядовых, которых большая часть с ружьем и лошадьми отдались, в полон взяты, и тако стадами гнаны от наших. В погоню ж за уходящим неприятелем последовала наша кавалерия больше полутора мили, а именно пока лошади, ради утомления, идти могли, так что почитай от самой Полтавы в циркумференции мили на три и больше на всех полях и лесах мертвые неприятельские телеса обреталися, и чаем оных от осьми до десяти тысяч побито; а сколько с ними пушек, знамен и литавр взято, тому последует при сем, елико ныне за скоростию могли уведомиться, роспись, а прочих обстоятельствах, тако ж, сколько с нашей стороны побито и ранено, тамо прислано будет впредь уведомление. И так, милостию Всевышнего, совершенная виктория, которой подобной мало слыхано и видано, с легким трудом против гордого неприятеля, чрез Его Царского Величества славное оружие и персональной храброй и мудрой привод, одержана. Его Величество в том свою храбрость, мудрое великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей Царской высокой особе, в вышнем градусе показал, и притом шляпа на нем пулею пробита, под его же светлостью, князем Меньшиковым, который тако ж мужество свое при том довольно показал, три лошади ранено. При сем и сие ведати надлежит, что из нашей пехоты только одна линия, в которой с 10 000 обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того не дошла, ибо неприятели, будучи от нашей в первой линии опровергнуты, побежали и тако побиты. Где ж король сам обретался, еще до сего числа неизвестно, понеже его зенфта, или носилки, в которой его, ради прежде полученной раны в ногу, носили, найдена на части растрелена, так что и фельдмаршал Рейншильд худое мнение о его состоянии имеет. За неприятелем в погоню далее, тако ж и ради взятья багажу его, посланы вчерашнего чис-

ла генералы-лейтенанты от гвардии, князь Голицын с обоими гвардиями, с Ингермоландским и Астраханским полки, конною пехотою, и Бауер с десятью полками кавалерии, и ожидаем мы повсечастно, что оные учинят. Граф Пипер с некоторыми секретарями, не имея случая бегом спастися, приехал сам в Полтаву, почитай вся неприятельская инфантерия при сем побита, тако ж и от кавалерии мало осталось. Куды ж оные обратятся далее бегом спастися, о том время окажет. Сего 28 дня и его светлость князь Меньшиков за неприятелем пошел, за которым еще несколько полков инфантерии последовало. О неприятеле мы имеем ведомость, что войска наши вблизи уже от оного обретаются и его еще конечно застанут; что далее учинится, о том не оставим вам сообщить.

Получено известие, от посланных для погребения мертвых по баталии, что они на боевом месте и круг оного сочли и погребли шведских мертвых тел 8619, кроме тех, которые в погоне по лесам в разных местах побиты.

От посланного ж нашего войска за неприятелями получили ведомость, что неприятели бегут от наших с достальным войском своим, уже с 3000 возов в добычь нашим покинули, тако же и раненых своих поколов, на дороге оставляют и бегут, ни мало не останавливаясь; однако ж чаем, что те посланные наши войска скоро тех бегущих догонят и атаковать будут.

Посланные войска настигли неприятеля у Днепра при Переволочне, и взяли его на договор под командою генерала графа Левенгаупта с генералами, штаб-, обер- и унтер-офицерами и рядовыми, в числе более 17 300 человек. При чем сочинена и роспись, что чего всего во время баталии побито и обще с догнанными в полон взято и в добычу получено, и об оном, при оной реляции, для обнародования, приобщена (в каковой же силе та роспись состояла, оную видеть можно в журнале Его Величества, и за тем здесь прилагать за излишнее рассудилось). Через посланных же в погоню по получении ведомостей, что король с небольшим числом войска, в провожании изменника, запорожского атамана Гордиенка, и польского графа Понятовского, за Днепр бежал в турецкое владение и под их покровительство, послан сего ради был генерал-майор Яковлев с деташаментом. Оный, гнавшись за неприятелем до самой реки Бога, там увидел, что король только успел через оную наперед переправиться, а от свиты его оставшую на сей стороне реки партию, коя состояла сот до 4 человек, в виду его напавши, всех в полон побрал, и с тем к государю возвратился.

Царь, разделя армию свою на три дивизии, распределяет их по разным местам

Спустя несколько дней после баталии собрал государь военный совет, в котором заключено, чтоб всю армию разделить на три диви-

зии: одной, под командою генерал-фельдмаршала, графа Шереметева, быть в Курляндии и Лифляндии, другой, под командою князя Меньшикова и князя Голицына в Польше, а третьей, с князем Репниным, остаться на границах между Россиею и Волыниею, для наблюдения движений турков и татар, и содержать козаков в их должностях.

Милосердие царское к жене и детям безвинно пострадавшего Кочубея

Между сим временем государю представлена была несчастного судьи генерального, Кочубея, жена с детьми, о которой, жалея в безвинной казни мужа ее Мазепою, спросить изволил, чего она желает, просила б от него? Она, павши в ноги, будучи в горьких слезах, просила из милости возвращения своего имения отнятого, и дети б ее сирые высокою милостию его величества оставленны не были, и, буде можно, правление полтавское полковничье сыну пожаловать. Государь охотно на то соизволил и именным своим указом, данным от себя, повелел все имение их им возвратить, и быть, по возрасту, детям ее в Полтаве и в других малороссийских полках полковниками, а между тем удостоены бунчуковыми товарищами, из коих старший, Василий, потом от 1727 года и был на место Черныша полтавским полковником; сын же его, Семен Кочубей, от 1747 году, нежинским, а от 1756 генеральным обозным и тайным советником и кавалером Святыя Анны, а прочие, Василий, Павел и Петр, бунчуковыми товарищами, потом из сих первый коллежским, а второй штатским советником произошли.

В местечке Решетиловке царю подаются от гетмана на резолюцию просительные пункты

По одержании наисчасливейшей для всей России славной той Полтавской победы, его царское величество, будучи случайно в местечке Решетиловке, где гетман Скоропадский подал его величеству о нужных делах и обстоятельствах на высокое рассмотрение докладные пункты, на что и воспоследовал ему от его величества в следующем, на ниже объявленные пункты, решительной указ, 1709 года, июля 17 дня.

Пункты, первее в доклад великому государю нашему, его царскому пресветлому величеству, под Решетиловкою поданные:

1

По превеликой милости своей, изволил Ваше Царское Пресветлое Величество, при избрании и наставлении меня, Гетмана, и стар-

шины, в Глухове обещати заховати и утвердити все наши войсковые вольности, права и порядки на тих статьях, какие были от Пресветлейших и Самодержавнейших Великих Государей Царей и Великих Князей, блаженной и вечно достойной памяти отца и брата Вашего Царского Величества за прошлых Гетманов всему Войску Запорожскому данные и утвержденные, про то теперь о милостивом тих статей, вольности и права наши утверждаючих, надании Вашего Царского Пресветлого Величества всепокорне молим. Сверх тих статей и в сих нуждах наших милостивого Вашего Царского Пресветлого Величества просим призрения.

2.

Когда, по премощнейшем Вашего Царского Величества указу, случится кому от нас, без генерального походу, с частию войска малороссийского на службу выйти, где потреба укажет, тогда тот, кому над помениным нашим войском вручена будет от зверхности гетманской команда, абы, по благозрительной Вашего Царского Величества милости и повелению сам, не будучи у генералов и офицеров под командою, подлуг указу Вашего Царского Пресветлого Величества, по согласию с ними, войско, себе врученное, управлял; а то для того, чтобы генералы и офицеры не заживали козаков до воженья дров, сена и пасенья быдла и коней, як перед тем в разных до Польши походах деялось, що себе войско за великую прикрость, нужду и утиск имело.

3.

Артиллерия войсковая, которая, по измене Мазепиной, с Батурина взята, а в Севску теперь найдуется, всепокорнее просим милостивого Вашего Царского Величества указу, дабы войску нашему была отдана.

4.

Арматы, взятые в полку Гадяцком з разных сотен и в Харков запроваженные, абы были тем же милостивым Вашего Царского Величества указом, приверненые; там же местечко Котелва, которая всегда до того полку Гадяцкого належала, абы и теперь по прежнему до того ж полку прислушала.

5.

Господа воеводы где колвек, по давных президиях зостают, абы до жадных порядков и дел полковых и градских не интересовались, але жебы самих только замков пилновали, и людей малороссийских разсвирепевших и власти себе належной непослушливых на службу не принимали, так же обид людям меским не чинили, и сами себе, в приключающихся справах, управы, без старшины нашей, не чинили; гарнизоны ново по городах некоторых малороссийских, для неприятель-

ского нашествия осаженные, абы теперь, когда неприятель так преславно и вечно памятно, щастием и непобедимыми Вашего Императорского Величества силами, есть побежден и уже в отчизне нашей не обретается, милостивым Вашего Царского Величества повелением были зведены.

6.

На козацких дворах самовольне абы никто из великороссийских людей не становился, але жебы там становилися посланнии и посланники, где от старшины городовой или сельской указано будет, бо чрез тое вольность козацкая, за которую едину только служат, нарушается.

7.

Подвод жебы самовольно не брано, и коней, взятых в подводу, не завожено, яко перед тим в сих часах несколько тысяч с разных полков забрано и не поотдавано. Так же и вымыслов на ратушах и над людьми збитков, бьючи их и мордуючи, не чинено, а особливо войска великороссийские, когда лучится им переходить через Украйну, абы обид и разорения людям малороссийским не наносили и не чинили.

8.

В нынешнем времени, за уведением неприятеля шведа через проклятого Мазепу и его единомысленников, великое во многих полках и местцах учинилося разорение, так же уставичными походами козаки вельми знищали; пре то для тих нужд и подможения, а паче для построения разоренных и сожженных, не мало по всей Украйне селений, просим на лет килко от службы войсковой пофолгования.

9.

Любо то запорожци проклятые, через явную свою измену и противность утратили Сечь, однако, понеже весь малороссийский народ оттоль рыбами и солью питался, и на всяком зверу имел добычь, абы и теперь, по ускромлению помененых проклятых запорожцев, милостивым Вашего Царского Величества указом вольный туда с Украйны был путь для помянутой добычи, и яко от господина воеводы Камянозатонского, так и от людей, в гарнизону том будучих, таковым промышленникам жадная не чинилася обида и препятствие.

10.

Един проклятый Мазепа с малым своих единомышленников числом изменил Вашему Царскому Величеству, а на всех нас, при верности Вашего Царского Величества непоколебимо зоставшихся, порок и досада от великороссийских людей, когда называют нас изменниками, натягается; про то абы всемощнейшим Вашего Царского Величества и тая досадная укоризна заказана указом.

11.

Войска охочие, которые верно служили и служат Вашему Царскому Величеству, яко то компанея Федкова, Ковбасина и Чучина, так же Сердюцкий полк Бурляев, в яких прежде полках свои мевали станции, с тих полков иные через неприятеля разорение и до инших шведов полонников для прокормления послано. За чим где тии компанеи и сердюки впредь мают мети станцию и откуду плату и месячное, о которые уставично, будучи нагие, по все часы упоминаются, на тое отнюдь жадного тедь готового скарбцу, яко и способу, иль под сее разорение отколь бы оным грошей на заплату помянутому охотницкому войску и на всякие иные расходы и потребы войсковые взяти, не имеем. Скарбы зась войсковые и изменничий Мазепин одни разобраны, другие с ним же завезены, а нам за них ни единой деньги не осталося. В том теды просим Вашего Царского Величества призрительного разсмотрения и милостивого указу.

12.

Прежде нашествия неприятельского дворы, по указу Вашего Царского Величества, в Чернигове и внутрь города и поза городом, на тридцать сажен поломанные зостали, о том по челобитью граждан черниговских милостивого Вашего Царского Величества просим указу, абы могли они знову на тих купленных плацах селитися, поневаж оные суть не малым их коштом покупленные.

13.

Со всенижайшим Вашему Царскому Пресветлому Величеству нашим поклоном и о сем всепокорнейше челом добываем, дабы в надлежащих погребах власные именные Вашего Царского Величества указы, не от многих в различные регименту Гетманского полки и города, но от Вас, Великого и всенадежно милостивого Государя нашего, и не до кого иншого, только до самой власти Гетманской, были посыланные и дабы тие Гетман от себя в города регименту своего розсылал.

14.

По всеподданнейших Вашего Царского Величества подорожных грамотах, за которыми еще больше и под чиим именем подорожными имеются по городах и по селах Малороссийских выдавати подводы, и о том просим указнаго Вашего Царского Величества определения. О сем всем, паки и паки припадающе под победительные Вашего Царского Величества стопы, неотреченной милости и всемощнейшего грамотного Вашего Царского Величества указу, вторично и всесмиреннейше просим.

На поданные от гетмана просительные пункты царской решительный указ

Решительный указ Великого Государя, Его Царского Величества, на прошение по́данного Его Царского Величества обоих сторон Днепра, Гетмана Ивана Ильича Скоропадского со всем Войском Запорожским, писанное в обозе под Решетиловкою, июля 17-го дня 1709 году.

На 1.

Права и вольности, и порядки войсковые, от прежде бывших Великих Государей Царей Всероссийских и от Его Царского Величества прежним Гетманам в статьях изображенные, а особливо на которых приступил Гетман Богдан Хмельницкий с малороссийским народом под Высокодержавнейшую руку блаженныя памяти Великого Государя Царя, Алексея Михайловича, Всероссийского Самодержца, Великий Государь, Его Царское Величество, в грамоте своей, за подписанием своея Монаршеския Высокия руки, при наставлении его, господина Гетмана, в Глухове на гетманский уряд, генерально уже подтвердить изволил, и оные и ныне ненарушимо содержать, по милости своей Монаршей, обещает; а статьи ему, Гетману, обстоятельные в подтверждение того, против прежнего дадутся вперед, сколько скоро время допустит, понеже ныне, за краткостию времени и за походом Его Величества в Польшу, того учинить не возможно.

На 2.

Чтоб наказным над малороссийскими войсками не быть под командою великороссийских войск генералов, тому сбыться невозможно, ибо сначала всегда они безпрекословно бывали под командою полковых воевод войск великороссийских генералов, а помянутым генералам от Его Царского Величества накрепко указано будет, дабы козаков, кроме войскового дела, ни в какие свои приватные услуги отнюдь не употребляли, и воинские дела управляли с совету и согласия с наказными; а буде генералы то чинить будут противно Его Царского Величества указу, и ему, господину Гетману, тако ж и наказным о том доносить Его Царскому Величеству, за что восприимут оные преступники Его Царского Величества указов жестокий гнев.

На 3.

Часть не малая артиллерии, в Батурине взятой, отдана, по прошению, господину Гетману, а достальные пушки имеют, на память измены бату́ринской, яко против Его Царского Величества войск от изменников употребленные, отвезены быть в московский цейхауз, по обычаю всего света, что все в неприятельских руках хотя 24 числа бившее, за добычь признавается.

На 4.

Пушки, взятые из полку Гадяцкого для наступления неприятельского, из некрепких мест отдать Его Царское Величество по прежнему укажет, кроме тех мест, которые в измене против его Величества явились; а местечко Котелву, понеже оное, по докучному от тех жителей Его Царскому Величеству челобитью, дабы им для близости и удобства в присутстве Ахтырского полку, от Его Царского Величества к тому полку определено в ведение. Того ради, того Его Царского Величества указу ныне уже отменить невозможно.

На 5.

Воеводам, по давнему обычаю, в Украйне пребывающим, указом Его Царского Пресветлого Величества подтверждено будет, дабы до малороссийского народа людей без указу отнюдь не интересовались, и прав их и вольностей не нарушивали, и в суды и расправы их не вступались; а до кого из малороссийского народа какое важное дело будет, о том, с согласия тех мест полковников или старшины, розыск и справедливость, по правам их, чинили, кроме государственных дел, яко измена и прочее, тому подобное; из городов же, в которых, для неприятельского наступления, гарнизоны великороссийские введены, кроме Полтавы, из которого гарнизону выводить невозможно, ибо большая часть городов того полку были в бунте обще с запорожцами; того ради опасно оный, яко крайний город, без гарнизону оставить, дабы те же бунтовщики запорожцы, с единомысленники своими не учинили паки какого возмущения, выведены будут.

На 6.

О сем крепко заказ учинен будет; но ежели такия обиды от войск великороссийских впредь где случатся, то б о том объявили будучему при господине Гетмане, для всяких дел Его Царского Величества определенному, ближнему столнику, Андрею Петровичу Измайлову; тако ж буде то в Киеве или вблизи оного случится, то воеводе Киевскому, князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, которые о том по розыску будуть чинить справедливость.

На 7.

Чтод постою на козацких дворах без крайней нужды не было, о том подтверждено будет Великого Государя Указом; что при том в той статье к лицу Велшкого Государя выражено, что за одну козацкую вольность, которая тем нарушается, они служат и того было так выписывать не надлежало, ибо весь малороссийский народ довольно милости Царского Величества имел и ныне меет в содержании всех привилей, и вольности, и свобод их, паче всех иных народов, и, сверх того, всего, какая оборона ныне, чрез персональный привод и мужественное оружие Его Царского Величества с поражением неприятеля

и разорителя Малороссийского краю, Короля Шведского, и изменника Мазепу, учинена, и они от крайней погибели и руины, и порабощения освобождены; так же и в прошедших временах от наступления польского, турского и татарского войск великороссийских всегда охранены, и за то довольно причины имеет весь народ малороссийский Его Царскому Величеству служить верно, паче прежнего.

На 8.

Для нынешнего разорения Малороссийского краю, милосердствуя Его Царское Величество об оном, указал нынешнее лето войско уволнить от воинского походу, кроме разве самой крайней нужды, и то некоторого числа, ко охранению сего края, по требованию случая.

На 9.

Сие позволение малороссийскому народу, по милости Царского Величества, дается и о том совершенное определение, как тому порядочным образом чинитися, учинено будет вскоре; а пока то состоится, ныне того позволить невозможно, ибо опасно, чтоб под таким предлогом бунтовщики запорожцы в тех местах паки не возгнездились и собирания бунтовские не учинили.

На 10.

О сем всегда от Его Царского Величества запрещение было, дабы верных Его Царского Величества подданных малороссийского народу никто изменниками называть не дерзал, ибо кто тому преступлению не виновен, и ныне то Указом Его Царского Величества еще накрепко заказано будет.

На 11.

Под нынешней нужнейшей час надлежит охотные полки поставить, для пропитания, на станциях, в тех местах, где великого разорения не было, для чего оные полки ныне и от походу военного увольняются; а понеже впредь потребно вскоре определение учинить приходам, как на заплату сим полкам, так и на иные расходы и потребы войсковые нужным: того ради потребно, дабы господин Гетман прислал к Его Царскому Величеству немедленное известие, какие при прежних Гетманах, тако ж и при последнем бывшем изменнике, Мазепе, были положены на народ малороссийский налоги и подати, и с чего, какие в войсковой скарб и на прочие налоги и подати и с чего, приходили со всех полков доходы; и потому может Его Царское Величество легко о всем определение учинить, дабы то ко всех удовольствованию и без народного отягчения было.

На 12.

Понеже дворы в Чернигове ломаты для укрепления и безопасения фортеции Черниговской, того ради невозможно тех дворов, для

лучшего впредь состояния той фортеции, позволить паки строить; но отвесть тем, у кого те дворы сломаны под строение, в иных местах удобных, земли, сколько пристойно.

На 13.

Как прежде сего было определено, так и ныне Царского Величества Указом подтвердится, чтоб все, Великого Государя, указы, надлежащие в Малороссийский край, посланы были к одному Гетману из Приказу Малыя России и от министров Его Царского Величества, которым те дела вручены суть, а не от кого иного.

На 14.

Давать по дорожным подводы надлежит с Москвы, за подписанием судей Московского, а почтовые Ямского Приказов; а из походу, за подписанием господ фельд-маршалов и министров Посольских дел, також главную команду имеющих генералов, ежели в котором особливом корпусе войска кому команду иметь прилучится, а из городов знатных за воеводскими или комендантскими руками.

Государственный канцлер, граф Головкин.

Дан в Киеве, 31 июля 1709 года

Царское прибытие в Киев

По распределении войска по местам, государь прибыл 22 июля в Киев, где, в бытность его величества, киевское общество праздновало о славной той Полтавской победе, с говоренною на то ему торжественною речью* через ректора Киево-братского монастыря Феофана Прокоповича, в которое время, вместо отпадшего полковника Трощинского, в Гадяч пожалован полковником же, Иван Черныш, а с 15 августа изволил государь отъехать в Польшу, и был у своего генерал-фельдмаршала-лейтенанта, барона Фондергольца, который находился там с союзным войском польского графа Синявского, бывшего всегда государю в союзе верным. Потом, 8 октября, прибыл в Польскую Пруссию и следовал до города Торуна, где за две мили встречал его Август, король польский; там были приносимы друг другу искренния поздравления, как первому о счастливой победе, так последнему о вторичном благополучном восшествии на престол свой, что слыша Лещинский, оставя престол, удалился из Польши. Там возданы были государю великолепнейшие пиры и торжества, в которые Великий Петр без всякого выговору, за его, учиненные ему, обиды в отречении своем от союза, учинил Августу молчаливое порицание, дав ему видеть опоясанну на себе ту шпагу, которую он, Август,

---

* Речь сия имеется в журнальной книге Петра Великого.

шведскому королю, во время его бытности у него в Саксонии, в день конференции их, подарил. Сия шпага найдена была во время Полтавской баталии в обозе королевском. Оттоль последовал государь в Марьенверден, где ожидал его король прусский, и пробыл с ним 9 дней, а 5 числа ноября последовал в Курляндию, до столичного города Митавы. Тут, составя армию, под командою генерала-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева, отправил до Риги для блокады, в коем числе были и малороссийские козаки, куда и сам изволил последовать, и, учредя к военному действию, отбыл до Санкт-Петербурга, а из оного в Москву, где триумфальный вход с ведущими шведов пленных, добычи и трофеи, изволил иметь 1 января 1710 года.

Прибытие короля шведского с изменниками в Очаков

Карл XII между тем поспешно дошел с Мазепою изменником до турецкого города Очакова, лежащего при Черном море и при устье реки Днепра на правой стороне; но паша их не впустил в город, опасаясь султана. Король пользовался только в предместии от болезни своей и оттуда писал к султану о учинении ему вспомоществования в путевом проходе до государства его; на то ему письменно знать дано, что для препровождения его, куда он похочет, пристойного числа войска дать определено, и на содержание его в каждой день по 500 левков и прочих припасов производить Бендерскому сераскиру велено. По нескольком выздоровлении его, он отправился в Бендеры, где с честью и с пушечною пальбою принят, и все то получал, что ему определено было, а в бывшем пути, доколе он от Очакова до Бендер следовал, премножество изменнических козаков к нему сбежалось, так равно и разсеявшихся от Полтавской победы поляков и шведов.

Сечевские козаки под покровительство Крымское отдались

Запорожские ж козаки, от разрушения их Коша и Сечи, разбежавшиеся и оставшие все, кои в отъездах были, собравшися, с общего согласия побежали к Крыму и там отдались хану, представляя свое гонение и разрушение общества и всего их Коша, так же и то, что российским войском пограблены не только их пожитки, но и знаки их козацкие, равно и орудие все без остатку, что они пришли к ним добровольно в подданство. Тогда даны им от хана по прежнему знаки, как то: бунчуг, булава и прочее, кроме пушек, так же на первый случай хлебное и денежное жалованье, и дозволили им селиться, где они пожелают на их Крымской земле.

Вновь поселившаяся Сеча сгоняется с места

По сему изменники оные, запорожцы, поселились было по той же стороне реки Днепра, ниже при самом устье, где в Днепр впадает речка Каменка, и устроили себе новую Сечу; точию коль скоро об оном известно стало, и что они уже состоят под ведомством крымского хана, то через посланную партию, их опять так как по близости с российских мест, согнали и Кош их разорили.

Сечевские козаки на иное место переселяются

Тут запорожцы должны уже были перейти за Днепр на крымскую сторону и, по показанию крымцев, построиться еще ниже близ Днепра, на урочище Алешках, где и имели свою Сечу или Кош безпрепятственно до 1733 году.

Конец жизни изменника Мазепы

Во время той бытности Мазепы при короле в Бендерах, с российской стороны требовано было от Порты о выдаче изменника и беглеца того с его сообщниками и о отогнании от себя запорожцев, почему и уповательно они бы и выданы были, если б жизнь его, слишком семидесятилетняя в сентябре, 22 числа, тут не прекратилась. И так изменник Мазепа изчез[129], и память его, как дым по воздуху, рассеялась*.

На место Мазепы гетманом избран Орлик

Филип Орлик, генеральный писарь Мазепин, видел свою уже неизбежную гибель, паче по смерти Мазепиной; а чтоб оную избежать, то был во первых поставлен на место Мазепы шведским королем, Карлом XII, и всеми, в измене бывшими, козаками, гетманом, в котором чине находился по 1715 год. Но дабы не отдан был по усильному от России требованию, принял, наконец, закон магометанский и, для лучшего туркам уверения, женился на турчанке. Тогда запорожцы, яко бусурманина гетмана, иметь его у себя не захотели и, отказавшись от него, остались при своем кошевом атамане, Гордиенке, и под ведомством крымского хана.

---

* Сего злодея съела вошь, понеже, при напавшей на него печали, о лишении всей надежды своей, такая вошь напала, что не мог он, переменяючи рубашку на каждый день по утру и в вечеру, освободиться от нея, и тем, или тою болезнию, изчез. А иные объявляют, что ядом отравил себя.

Орлик весьма склонял козаков под свое гетманство

Сей Орлик в бытность свою гетманом, многими лестными письмами своими, не только полки малороссийские, но и слободские к себе подговаривал, как равно и заднепровские, ово прельщая, а иногда на оные войною и разорением с татарами и запорожцами наступая, себе покорял, и долго в Украйне смущение делал, как ниже значится; а как состоялся, наконец, совершенный мир с турками, тогда и оный гетман Орлик, с скопищем своим, исчез.

Первое

Повествование о Мазепе

Некоторый европейских историк, в книге «Разговора в царстве мертвых», печатанной немецким языком, в Лейбциге 1725 году, между прочим, в делах государя императора Петра Великого, пишет, что назывался он Иван Мазепа и был польский шляхтич из Украйны. Рожденный близ Белой Церкви, в бывшей деревне Мазеповке, по коей и прозвище свое имел, он в юношестве своем при польском короле Казимире придворным пажем был и находился безотлучно при оном. В то время в Польше все междуусобное несогласие было, и король магнатам, а магнаты королю, не доверяли. При чем будучи Мазепа как хитрец, имел лучшее время тут всем штатским хитростям научиться, от чего он, во время войны козацкой, первые опыты оказал. И хотя казалось, что при том случае худой выигрыш иметь будет, потому что вотчина его, находящаяся в Украйне жестокость же получить должна, но он умел себя на обе стороны благосклонно представить, а особливо к польскому коронному гетману, Дорогинскому, так вкрался, что он ему и наиважнейшие дела вверял, и, наконец, посольство к татарскому хану, которого дружба тогда им весьма нужна была, препоручил. Мазепа исполнил все по желанию, и хотя он, при обратном пути своем запорожскими козаками в полон пойман, но оной случай был ему самым началом его благополучия, ибо сыскал он тогда в козацком гетмане, Иване Самуйловиче, не только то, что имел, но еще более, все имущество свое, как то заступил у сего место тайного секретаря и был ближним комнатным его, которые чины у сих особ важнейшие есть, могли обои в одном весьма согласны быть. При всем оном оказался Мазепа не только разумен, но еще, когда до сражениев доходило, был и храбр, почему и был уже генеральный старшина, а потом, когда Самуйлович отставился и в Сибирь сослан, пожалован был, 1687 году, гетманом над козаками.

В оном звании своем был он с козаками обще с войсками московскими против татар, и тем заградили границу против их построений крепости Самарской. Потом воевал против турок, и взяты были

городы, как то, в 1695 году Кизикермен, Тавань, Сингирей и Аслан-Кермен, с великим уроном турецким, а 1697 укрепил Тавань и снабдил оный немалым числом войска, которые потом турок, наступивших на них, храбро отбили; и в оном же году укрепил и Кизикермен; но обои сии места, по воспоследовавшем потом вскоре замирении и по разрушении всего того строения, паки туркам возвращены. В то же самое время женился он на вдове козачке, и со оною дочь одну прижил, которая и с матерью в 1702 году умерла.

По прошению ж Мазепы был принят ко двору племянник его, Обидовский, чашником, который вскоре потом получил полк и место комендантское в Нежине; в 1700 году командовал он, вместо дяди своего, за гетмана, корпусом, состоящим из 16 000 козаков, и когда войско российское в Лифляндию вступило, оказал и он свои храбрости против шведов под Псковом. Все оные ему, Мазепе и родственникам его, оказанные милости были еще неважны, чтоб сего лукавого мужа могли удовлетворить и верным оставить, ибо в 83-летней старости его, пришло ему еще чрезвычайное высокомерие с тем, дабы ему в Украйне самодержавным князем быть. Ко исполнению сего намерения заключил он, так, как лицемер, царя оставить и шведскую сторону принять, от которой он то счастие себе получить надеялся. Для чего, как скоро войско российское к Десне обратилось, послал тайно верного своего Бесницкого к королю шведскому с тем, чтоб испросить от него себе протекции, и как ему оное обещано было, то и не мешкал он долго оное предприять. Он твердо думал, что вся сила козацкая ему последует и к шведам с ним предастся, почему дал повеление, чтоб оная был к походу в готовности, не объявляя им отнюдь о своем намерении. Когда ж приспело время и назначенный день настал, пошел он с козаками и Десну реку перешел, потом поставил их всех в боевой порядок, и открыл им, что он вознамерился партию шведскую принять, в том уповании, что и они ему в том последовать будут. Точию весь корпус оный удивясь против речи, отводил усильно от предприятия его, и когда то все и ничто его от того отвесть не могло, то угрожали ему жестоко и объявили, что в верности к царю они навсегда непременны пребудут. Из сего он принужденным нашелся только с тысячами тремя или четырьмя и несколькими старшинами, коих мог деньгами обольстить, в безопасность себя, с поспешностью в лагерь шведский доставить; отклонившиеся ж от него козаки возвратились паки через Десну, переправились и дали об оном, что происходило, и что им предлагаемо было, царю тотчас знать.

Мазепа ж, прежде исполнения своего намерения, велел секретаря и двух козацких полковников своих, которые о всех тайных его умыслах и о других коварствах, кои он против царя предпринимал, ведали, казнить смертию, чтоб они сор оный прежде времени не вынесли, а царя об оном уведомил, что они казнь за то заслужили, что тайную переписку со шведами имели.

Уже при всем том не с порожними руками к шведам перешел, но прежде отбытия своего, уже в разные времена, тайно до 30 телег с золотом и с прочими драгоценными вещами наполненных к ним отправил, что шведам, для получения жалованья своего, весьма кстати было.

Коль скоро царь об измене Мазепиной известился, немедленно послал он с деташаментом князя Меньшикова, город его, Батурин, находящийся в Черкасах, то есть в Украйне, одержать, который вооруженною рукою и взять, и в оном, на воздвигнутом столпе, экзекуцию над Мазепиною личиною или изображением его чрез палача исполнить, с лишением с него ордена, повесить велел. Так повествует и сим кончает об нем автор.

Второе

Повествование, писанное Вольтером

В книге, сочиненной им о делах шведского короля, Карла XII с российским царем Петром I, между тем и о Мазепиных поступках, описал нижеследующим порядком:

Был во оное время козацким гетманом некоторый польский шляхтич, именем Мазепа, родом из воеводства Подольского. Он при польском короле Иогане Казимире пажем служил и искусно там писать и письма сочинять научился; и когда, будучи еще молодым, имел тесную дружбу с женою одного польского шляхтича, то то сделалось, наконец, откровенно; шляхтич за то его жестоко розгами высекши и на бешеную лошадь нагого привязавши, посадить и, в поле пустя, прогнать велел, с тем, чтоб оная его замчать могла. Но как та лошадь будучи породою из Украйны, его в ту сторону от страха, труда и голоду полумертвого привезла, крестьяне, видевши в таком состоянии, из жалости над ним милость оказали. Они взяли его к себе, где он несколько времени между ими живши, уже во многих набегах против татар отличным себя оказал, а великий его разум приобрел ему не малое у козаков почтение, и как слава его из дня в день умножалась, то царь его князем в Украйне сделать принужден был.

Потом, в одно время обедал в Москве с царем, который ему говорил, чтоб козаков регулярному военному искусству обучить, и тем сей народ еще паче вымуштрованными сделать; Мазепа ответствовал на то, что состояние и нрав сего народа делает то невозможным; царь разгорячившись, как и всегда, не мог гнева своего удерживать, назвал его изменником и угрожал, что прикажет его на кол посадить, если по воле его не будет сделано.

Мазепа как возвратился потом в Украйну, замыслил сей досады ради измену сделать. К чему послужило, что когда шведская армия, которая вскоре к тамошним границам приближалась, тогда казалось, что и способы ему к тому уже обещали, он вознамерился быть неза-

висимым от России и из Украйны и некоторой части Великороссии сделать себе сильное владение. А как он был человек смелый, к предприятиям скор и в трудах неусыпен, в таком случае сыскал он способ тайно с королем шведским согласиться, с тем, чтоб царя низложить, а себя по намерению своему возвысить.

Шведский король назначил ему съезжаться при реке Десне; Мазепа обещал ему туда прибыть с 30 000 человеками войска своего, с военною аммуницией, съестными припасами и безчисленным сокровищем; и так шведская армия, к великому удивлению всех офицеров, которые о королевском с Мазепою договоре ничего не ведали, туда последовала. Между тем Каролус к Левенгаупту указ послал, чтоб он ему войско и припасы в Украйну доставил, ибо он тамо зимовать вознамерился; а дабы тем себя снабдить, и будущею весною Москву завоевать, то сам между тем приближался к реке Десне. Все, бывшие до сего времени по дорогам, трудности, были весьма способнее, нежели те, кои в сем новом пути случились; тут надобно было переходить лес, на 50 миль распространяющейся и болотами наполненной. Шедший наперед с 5 000 человек генерал Лагеркрон и шпионы шведскую армию 30 миль в южную сторону от прямой дороги завели, четыре дни уже идучи, король усмотрел Лагеркронову погрешность, от сего насилу на прямую дорогу выправился, но почти вся артиллерия и телеги в грязи загрязли и остались.

Насилу по 12-ти днях толь трудного похода, в котором шведы и остальные свои сухари сглодали, оная армия, от труда и голоду изнуренная, пришла к берегу реки Десны, на то место, где Мазепа сбираться назначил. Но вместо того, чтоб его тамо найти, увидели они тут корпус российского войска, который на тот берег реки приближался. Король и сам тому удивился, однако ж тотчас вознамерился через Десну перейти и неприятеля атаковать. Берега сей реки так круты были, что солдат по веревке спускать надлежало. Шведы реку переходили по всегдашнему своему обыкновению, одни на сделанных тотчас плотах, другие ж вплавь. Российский корпус, который в самое то же время туда пришел, состоял только в 8 000 человеках, и оный долгого супротивления не учинил, а потому шведы сие препятствие превозмогли.

Каролус в ту новопреданную землю шел, не зная ни дороги, ни верности Мазепиной. Сей козак, наконец, явился, но не яко сильный союзник, а паче яко беглец, ибо россияне, узнавши, предупредили замысел его, на сих козаков напали и в куски их изрубили, главные его друзья, в числе тех же 30 000, погибли, кои колесованы, города его в пепел обращены, имения их разграблены, приготовленные им для короля шведского провизии взяты, и он насилу, с 6 000 человек и несколькими золотом и серебром навьюченными лошадьми ушел. Однако ж он еще не оставлял королю надежду подавать, что он, по своему знанию, в той, для короля незнаемой, земле, его подкреплять может, и козаки, по усердию их к нему, и как будучи раздражены от россиян, во многом числе в лагерь приходить и запасу привозить станут.

Каролус надеялся, что, по меньшей мере, генерал Левенгаупт поправит его состояние, ибо генерал оной около 15 000 шведов, кои лучше 100 000 козаков стоят, и всякие военные и съестные припасы привесть имел; но оный почти в таком же состоянии, как Мазепа, к королю пришел. Тем кончает о Мазепе господин Вольтер.

Третие

Повествование

Малороссияне ж повествуют, что об оной измене коль скоро верным особам в Малой России известно стало, был царю донос, с тем, что возмечталось Мазепе уклониться от своего государя; а доносительми оному были двое начальники, первый, генеральный судья, Василий Левонтьев сын Кочубей, да свояк его, полтавский полковник, Иван Искра. Они об оном к государю предварительно писали, и доносяся, просили, если дозволено им будет явиться к его величеству, то точнее изустно донесть могут. Царь Петр Алексеевич, призвав их в Санкт-Петербург, где он тогда случился быть, и, распросив о точности об оном, услышал, что Мазепа против его яко бы подлинно намерение к злодейской измене имеет и в том делает тайную переписку с королем шведским, призывая его вступить в Украйну, для того, чтоб соединиться ему с ним и обще воевать против его величества, почему мог бы король всю Россию завоевать, царство разделить и низложить самого царя, а ему, Мазепе, быть бы самовластным князем во всей Украйне. Государь хотя и слушал их донос, но весьма тому не верил; он тотчас отписал к Мазепе и требовал от него на то объяснения. Гетман не утаил от государя то, что он писал к шведам, но с тем будто бы намерением, чтоб их выманить из Польши и завесть в такие пределы, где бы их окружить российскими силами свободнее возможно было и тем решительное окончание войны с ними сделать. А как бы скоро получил на то желаемое известие об оном, в тот самый час хотел уведомить его величество. А что он к такому замыслу приступил, извинялся тем, что он, нося на себе его величества высокомилостивую доверенность, может то, почему и за должность считал к полезным и к нужно надобным делам всякие способы приискивать. Кочубею ж о намерении своем будто для искушения объявил, и дабы до времени о том никому не объявлял, для того, чтоб, прежде времени иной кто узнав о подлинном предприятии, к предосторожности короля известить не мог. Но Кочубей, как видно, озлившись на него за то только, что он дочь его, при себе держа, не отдает ему, по требованиям его, и для того вздумал тем самым надобным, а ему всегда известным, делом, оклеветать и обнесть его, объявя тайну оную, которую весьма б до времени никому извещать не должно было, а паче свояку своему, Искре, такому человеку, который, и кроме сего, заслужил уже по делам своим наказание и лише-

ние своего чина полковничья, и с тем с ним сообщась, в донос вступил. Он еще то яко бы за счастие считал, что об оном только его величеству объявили, а не иному кому, через кого б могла иногда тайна сия откровенною сделаться; при том уверял государя и тем, что может ли он против его величества, за все высочайшие милости и награждения, себе полученные, помыслить, кои он ничем иным, как кровию своею заслуживать должен, не только сделать какое зло, а паче измену ему; он хотел бы за все те его величества благодеяния, если б ему только докончить дозволено было, то самым делом доказать, чтоб привести к государю короля на жертву; впрочем, предает себя во власть его величества и подвергает во всевысочайшее рассмотрение и благоволение его.

Государь любил Мазепу и весьма уверен был в нем, ибо знал его достоинство и дела, кои заслуживали монаршей милости; он уверился на сказках его, а доносителям не поверил, с чем их, так как бы подлинно из злобы вздумали оклеветать его, отослать, яко оскорбителей своего гетмана, на собственное суждение его в Батурин, приказал. Мазепа, как скоро их получил, то, чтоб, во-первых, государь об них не передумал и не возвратил бы их назад к себе, во-вторых, чтоб родственники и друзья, коих было у них в Украйне много, о привозе их не сведали и за них, по знатности их породы, требуя им свободу, не возволновались, тотчас отправил за Киев до Белой Церкви; но чтоб и там того не знали, не довезя до города того, велел, в селе Борщаговке отсечением головы казнить их*, о которых государь, по совету генералитета, хотя скоро потом передумал и тотчас нарочного курьера о возвращении их, в след за указом своим, наскоро послал, но оный самым малым временем казни той упредить и их в живых уже застать не мог, что так и осталось.

Наконец, когда король, по намерению своему и по призыву и обещанию Мазепину, уже вздумал в Украйну вступить, и оттоль, чтоб следовать до Москвы, так равно и всею Великою Россиею, вместо всех взятых россиянами в Ингерманландии, Корелии, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии, городов и земель, овладеть, перешед через границы, стал уже приближаться. Вошед из Польши от Могилева, в Малороссию, и, следуючи ею, уведомил Мазепу, с тем, чтоб съехаться на уроченном месте, при Десне реке, что им и исполнено. Но коль скоро с царской стороны о следовании короля уведано, то тотчас насупротив посланы были деташаменты, чтоб тем чинить ему везде всякое сопротивление. Король, приступил для переправы своей к Десне, увидел с удивлением, что вместо, вспоможения, оказалось супротивное войско московское, состоящее из 8000 человек, от коих и имел затруднение в переходе своем через реку, но однако ж, отбив, перешел Десну.

---

* Тела сих, безвинно за верность к своему государю пострадавших, мужей потом погребены в Киевопечерском монастыре.

Четвертое

Повествование российское

Что сей малороссийский гетман, Иван Степанов сын Мазепа, родом из Волыни, малороссиянин, или как просто называют, черкасин, а воспитан у таких людей, которые могли нечувствительно вкоренить в сердце его ненависть к российскому, а склонность к польскому правительству. Воспитатели его были поляки и езуиты в Польше, у коих обучался он по латыни и всего того, что выше сказано. Он служил в юном возрасте своем при польских дворах, через которое обращение свое отложил он от себя грубость, своей земли обыкновенную; он, навыкшись тамошнего нрава, хотя бесчестно оттоль, как повествуется, вышел, однако ж к народу оному весьма преклонен, и паче, нежели к отечеству своему, являлся, показывал всегда в себе такие знаки людкости, какие были способны удостоивать его в любовь и почтение у своего народа, а через сие, как он, будучи в козацкой службе, происходил между ими чинами, был у него при гетмане Дорошенке старшиною или войсковым писарем, потом, по сдаче гетманства Дорошенком, достался к гетману ж Самуйловичу и был при нем генеральным есаулом, во время которого по нем и получил он достоинство гетманское, по случаю такому, как в сей летописи, 26 главы, 1687 года, повествуется. Потом в походах государя Петра Великого на Азов, в коих был и Мазепа, оказывал он снаружи такие знаки своего разума, верность и послушание, что государь изволил потом не весьма редко призывать его к себе, с ним советоваться, у него мнения требовать и во многих делах полагаться на него, каковой чести и доверенности прочие гетманы не имели; а наконец пожаловал его и орденом Святого Апостола Андрея Первозванного, потом и польский король, Август, своим Белого Орла.

Он, не имея уже чего более надеяться от своего государя и благодетеля, вознамерился искать средства, как бы уравниться с ним, то есть, освободить себя от подданства и быть самовластным государем. Тогдашние обстоятельства казалися ему благовременным случаем, а король шведский, которого оружие славою было проводимо, мог быть ему самым лучшим средством и помощью к произведению его вероломного намерения. Сего ради он, вымышляя, сыскивал времени того, в которое и каким бы способом то желание свое к совершенству привесть; а как скоро в Польшу вмешалась шведская война и оная поляков на две стороны разделила, тогда уже наиспособнейшим случаем и временем к исполнению своего изменнического желания быть судил. Он вздумал наперед, как бы запорожцев, коих он одних опасался, отвратить от верности к государю своему, в чем весьма хитро поступил; он начал часто государю на них всякие плевелы внушать и советы подавать, чтоб конечно их из воровского гнезда выгнать и крепость их, Сечу, разорить, так как помешателей мира и безпрестанных виновников домашних мятежей; а паче, что когда за-

порожцы караван купцов греческих разбили, заплачено из казны царской тем людям сто тысяч ефимков по иску от Порты Оттоманской. Напротив же того старшине их наговаривал, что царь их ненавидит и искоренить хочет, но он за них яко бы обстаивает и тщится гнев царский укротить; в самой же вещи думал, что, по наущению его, государь будет неотменно запорожцев гнать, и потому предвещание его им исполнится. Таким образом простаков оных раздражал противу монарха своего, подобно как и некоторым малороссийским начальникам клеветы на государя внушал и плевелы в народ сеял, будто бы государь мыслит всю Малую Россию полякам отдать, и всех начальников городовых истребить, а на место их воевод своих ввесть хочет; так же, будто б намерен переформировать козаков и обучить их регулу солдатскому и драгунскому (будто бы то вредно было!). Ложь оную внушал людям простым, ведая, что им то неприятно будет, хотя того вводить монарх никогда не мыслил, потому что, кто бы хотел народ мятежный и к бунтам склонный, учением регулярным подкрепить? Такими и другими лестьми приуготовлял дорогу к измене своей, между тем высматривал, как бы и когда умысл свой произвесть в действо, и с шведами, так и с поляками противной стороны, на то согласиться.

В то самое время, когда по указу царскому, был должен ходить он с войском своим против польских мятежников в Польшу, тогда в оный случай имел он сообщение с польскими вельможами и, проразумев через обыкновенные свои хитрости, кто куда думает и уклоняется, открыл противным нашей стороне свое намерение, и, на пиру у княгини Дульской, как сказывали, договоры о том заключил, чтоб быть Украйне под Польшею по прежнему, а ему обещано княжение определить Северское со властию и титлом княжеским, тако ж и княгиню Дульскую ему в жену отдать, что после подтвердил король Станислав Лещинский.

Об оном тотчас было уведомлено королю шведскому, который тем весьма доволен быть оказался, что получает такую сильную себе помощь напротив неприятелей своих, с тем только, чтоб Мазепу со всею Украйною освободить от Российского державства и поставить его самовластным князем, за что обязывался он ему своею верною службою с крепким обещанием, ежели вступит он в Украйну, то не только пристанет к нему со всем козацким народом, но и даст армии его всякие съестные припасы. Сверх того обнадежил он короля, что в том случае прийдет им так же в Украйну от татар вспоможение; и подлинно Мазепа не опустил нимало пред тем сообщить свое верховному в Цареграде визирю, Чорлили, или паше, который и принял оное тем охотнее, чем более надеялся он наградить урон, который Порта в потерянии Азова претерпела, а ради того и побуждал он крымского хана, Каплана-Гирея, дабы, как скоро король шведский вступит в Украйну, подать Мазепе всякое вспоможение, обнадеживая его, что сильная турецкая армия находится в готовности, чтобы

такожде на Россию нападение учинить и помочь шведам в их предприятиях; однако ж провидение рассыпало все сии коварные замыслы, а шведам стали оные весьма дороги.

Король шведский принял предложение Мазепино без дальнего размышления и обещал взаимно сильную свою помощь к произведению его в достоинство, без посредственного и ни от кого зависящего государя, сам же радовался, что сие Мазепино предательство приведет его в Москву к низложению Петра Великого с престола удобнее, нежели как он надеяться мог. Рассуждал он, что когда армия его усилится толь с великим числом козаков и крымских татар, народами отважными, то уже кто возможет стать против оружия его? В таком дурном мечтательстве послал указ он к своему генералу, графу Левенгаупту, в Лифляндию, чтоб ему, как наискорее, возможно поспешить с своим корпусом к нему.

По сим вышеписанным объявлениям верить можно, что Мазепа подлинно уроженец из Украйны, а именно из Волыни, и так как малороссийский повествователь объявляет, что он породы шляхетской из Белоцерковского повету, а европейский историк именно говорит, из села Мазеповки, близ оного города находящегося.

Мазепа, как получил уже обнадежение от короля о своем желании, тотчас начал всякое приуготовление припасать к намерению своему, наипаче в городах Батурине, Полтаве, Ромне и в Гадяче, которые нарочито укрепил и съестными запасами наполнил; Батурин же определил быть главным местом изменнической войны, для чего сложил в нем большую часть военных припасов и гарнизон составил из лучших козаков, на малороссийском жалованье состоящих, сердюков именуемых; на случай же неудачи своей, если бы силы их не превозмогли намерению его исполниться, и по сю сторону Днепра остался бы по прежнему в российском владении, то, в таком случае, полагал быть убежищу своему в Заднепровской Украйне, в границах польских, которая тогда еще под его управлением и властию состояла, куда предварительно отправил великое число казны своей, в город Белую Церковь, равно ж содержал скрытно и в монастыре Печерском, а в Белоцерковском повете и в других, там ближайших, местах, себе и ближним своим служителям занял многие вотчины, мельницы и иные поместья.

И как все сие к начинанию своему устроил и дожидался только прихода к себе шведского, и через письма звал короля в Малую Россию с обнадеживанием во всем и в возможном ему; по сему король, как сделал уже преврат в Польше по желанию своему, и как скоро перешед ее и Литву, достиг до города Могилева, направил поход свой от оного к границам российским, и, перешед Днепр и Ипот при местечке Дрокове, последовал Стародубовским полком в Украйну, где достиг до места (при селе Псаровке), бывшего его, Мазепы, к Десне реке, к случению с ним, изменником, отколь уже был он, Мазепа, вожаком ему. Так в Малороссии повествуется.

И при том объявляют, что он столь хитр и лукав был, что те самые, которые всегда при нем обращались, хотя с примечания видели, что он весьма к полякам благосклонен и усерден был, но думать и верить не могли, чтоб то в истинную от него происходить могло; он так притворяться и пристрастие свое утаивать мог, что тем, коих опасался, весьма не таков, каков в самой вещи был, им быть казался; великороссийскому наипаче народу, которого весьма ненавидел, так любовым, доброжелательным и приветливым себя представлял, что таковой его злобы, какую после от себя изрыгнул, отнюдь чаять невозможно было. Так и царскому величеству себя в доверенность ввел, не преставал различными мнимыми услугами и всяким верности видом утверждать о себе доброе мнение, и теми обманами своими достиг, что и кавалериею российскою, а потом и польскою, почтен и в советы тайные допущен был. При том долговременное его на гетманстве бытие (которой уряд до 30 лет имел), и старость знатная, около 70-летняя, обороняла его от подозрения; еще ж и немощь себе и всего тела дряхлость притворял, и, наконец, слабость в себе такую представил, единственно для того только, дабы не идти ему с войском своим, по повелению царскому, напротив шведов, которые уже вступили в границы российские, как выше о том упомянуто; чего за подлинно в нем не было, чтоб он так безсилен, каково являл себя, будто бы уже и стоять и сидеть долго не мог, и для того лекарей безпрестанно и неотступно при себе держал, и часто с постели не вставал, обложен будучи пластырями, стоня тяжко и едва голос изпущал, как бы разслаблен и полумертв был. Таким притворством так обуял и ослепил многих людей, что всякий за истину думал и уверен был в нем только чаямой смерти быть. Он был через меру догадлив и прозорлив, а иногда и мнителен, что из всех слов и дел чужих высматривал, нет ли какой тайны в них. Сие ж свое любопытство с великим и хитрым опасением хранил, и так лице и глаза свои в беседах управлял, будто он произнесенную от кого какую речь, которая бы хотя в двояком разуме была, не больше разумел, как только что слышал. Если же что ясно было предложено, на то разумно отвечать тщился, дабы его прочие считали за простосердечного, да и не за глупого. Хитр же весьма был и в том, как пристрастия людские познавать и кто кому доброжелателен, или противен, и к чему кто склонен, узнавать различные прибирал на то способы; более ж всего во время бесед и пиров, угащивая, на коих весьма щедр был и допьяна употчивать людей любил, причем и сам, как бы излишно хмелен делался, открывая им будто бы добросердечие свое, а в таких коварствах своих часто с воздыханием нарекание клал на хитрых людей, а простосердечие похвалял, и так тем присутствующих гостей ловил и через них изведывал о друзьях и начальниках их, и кто кому друг и искренен, и каких они замыслов; так же поступать наущал и некоих тайников своих, однако ж так, чтоб гостям тем, или где б то ни было, никто того признать не мог, что они секрету его служат. Паче всего же прельщали всех

честь, достоинство, богатство и великое имущество его, и усердные его услуги к монарху своему, и за то, что оказаны любовь и милость царская к нему. Чего ж больше сего ему возможно было желать себе? Все сие умышление его покрывало счастие. А как намерение его было издавна отторгнуть от Российской державы Малую Россию и по прежнему подвесть под иго польское, того для, чтоб народ малороссийский, как с природы от поляков отвращен, не догадался того его умыслу, великим показывался пред ним православия ревнителем, церкви каменные созидал, сосуды и утвари церковные. И другие его подаяния во многих местах были, хотя иногда и видел иную свою мысль, как то случилось в одно время быть в академии Киевской, и увидел великих школ каменных начатое строение, оборотился к учителям и сказал: «Стройте, да не знаю, вам ли тут учить доведется!» и случившемуся тогда с ним иезуиту Заленскому (который часто приезжал к нему и был соучастник измены его, как потом объявилось) обещал, когда бы он при нем жить хотел, то б одного его тем иждивением снабдил, которым питается вся коллегия Киевского училища, состоящая больше как из 30 человек, кроме послушников.

Таков был сей коварник во всю гетманскую жизнь свою. Он не только одному монарху и благодетелю своему по умыслу измену явил, но и самой отчизне своей оковы ковал, как то за все благодеяние намерялся воздать гибельное воздаяние; провидение ж Всевышнее за такое его зломысленное ухищрение и лицемерство пред всею святостию, опровергло его желания, кои самого его в самую гибель низринули, со всеми сообщниками измены его, через что лишились некоторые земляки и последователи его сожития, имения и спокойствия своего, а паче жизни и отчизны своей, как то изменников же и запорожцев довел лестию до странствования их или лучше сказать, до скитания в чужих странах, где будучи принуждены были, по неразсудному своему легкомыслию, отдаться под чужую державу и власть, да еще и под неверное правление, под которою находились уже не так как природные, но как самые беглые пришельцы, коим ни должной доверенности, ни места изобильного дано не было. Запорожцы хотя крымцами на первый случай на некое число денежное и хлебное жалованье приняты были, но и то по тогдашнему только неимуществу их, а после, как скоро у них они поселились, от оного их отрешили и определили им, вместо того, иметь речные перевозы, и собирать бы им доходы те самим на войско свое, как то на Днепре, при Кизикермене, Каменке и на реке Бог, так же при Мертвых Водах и Берде; при всем том им пушек иметь и крепости строить, так же в Крыму и Очакове торговать, не дозволили, как только там покупать и отвозить к себе в Сечь, а у них торговлю всякими товарами чтоб свободно производить татарам, туркам, так же грекам, армянам и жидам велено. Вместо сего в выгоду им, для содержания своего, позволено им еще было только производить под Очаковым и Крымом в степях звериную, в ведомстве Очаковском же в реках и рыбную ловлю, так же и зимовья иметь.

Гетман Орлик всячески домогается всех украинских козаков преклонить под свое правление, но в том был неудачен и воспрепятствован

По смерти ж Мазепы, будучи от турецкой стороны над изменившими козаками гетманом Филип Орлик, весьма и всячески старался подосланными своими письмами малороссийские и слободские полки к себе склонить, подущая их к измене против царя российского, а в польской Украйне 1710 году разными прельщениями и войною с татарами и запорожцами козаков себе покорять и беспокоить во все то время старался, но по всегдашним противу его, как с российской, так и с польской стороны в том ему разным препятствиям, желаемого исполнить не допущали, следовательно и исполнить был не в состоянии.

Прошение гетмана Скоропадского от государя о пожаловании ему на чин и уряд его грамоты

Гетман же Скоропадский, с возведения своего на гетманство в Малой России не имел еще данной грамоты от государя на уряд его, о чем всеподданнейше просил его царского величества тем его снабдить, почему и прислана было от его величества из Санкт-Петербурга на то ему грамота в следующем содержании:

Царская жалованная грамота на уряд гетмана Скоропадского

Божиею поспешествующею милостию Мы, Пресветлейший, Державнейший Великий Государь Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных Государь, и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных многих государств и земель, Восточных, Западных и Северных Отчич, и Дедич, и Наследник, и Государь, и Обладатель. Наше Царское Величество, пожаловали подданного Нашего, Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетмана, Ивана Ильича Скоропадского, повелели ему дать сию, Нашего Царского Величества, жалованную грамоту, для того: прошлого 1708 года октября в 4 день, известно Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству,

учинилось, что бывший Гетман Мазепа, забыв страх Божий и свою, при крестном целовании данную Нам, присягу и обещание, и запомня Нашу, Великого Государя, к себе премногую милость, без всякия данныя к тому причины изменил и отъехал к неприятелю Нашему, Королю Шведскому. Того ради, по оной богоотступной измене, послана Наша, Царского Величества, грамота к генеральной старшине, полковникам, Войску Запорожскому и ко всему народу Малороссийскому, дабы они, по верной и усердной своей к Нам, Великому Государю, службе, не допущая помянутого зла до размножения, обрали в Гетманы из старшины или из полковников, по стародавным своим правам, вольными голосы, доброго и справедливого человека, кого народно похотят; на которое обрание послан от Нас, Великого Государя, был министер Наш, князь Григорий Федорович Долгорукий; И потому Нашего Царского Величества указу они, полковники и старшина, з войском и все поспольство, народ малороссийский будучи для помянутого обрания гетманского в Глухове, по прежним своим войсковым обыкновениям, вольными голосы, выбрали в Гетманы его, подданного Нашего, Ивана Ильича Скоропадского, при вышепомянутом, от Нас, Великого Государя, посланном нашем министре, на которого обрание Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, всемилостивейше соизволили, и на том уряде утвердили, и клейноты войсковые, булаву, знамя, бунчук и литавры, дать повелели. И он, подданный Наш, Гетман и прочие, по том обрании своем, учинил Нам, Великому Государю, в верности своей, в соборной церкви, со всею генеральною старшиною и полковники и прочими Войска Нашего Запорожского, присягу, при Святом Евангелии и при крестном целовании, и то его обрание, купно с присягою, как от духовных, так и от мирских, подписанием утверждено. И февраля в 16 день нынешнего 1710 году, к Нам, Великому Государю, к Нашему Царскому Величеству, писал он, подданный Наш, Гетман, с присланными своими, с генеральным есаулом, Жураковским, да и с судьею полковым Гадяцким, Велецким, прося Нас, Великого Государя, дабы Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, пожаловать его, подданного Нашего, Гетмана, повелели, и на уряд гетманский, и на маетности, на булаву определенныя, дать Нашу, Царского Величества, жалованную грамоту. И Мы, Пресветлейший Великий Государь Царь и Великий Князь, Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, Наше Царское Величество, призирая на вышеписанное его, подданного Нашего, прошение, и видя его к Нам, Великому Государю, по учиненному обещанию, верность и службу, которую Мы, особливо усмотрели в бытность на Украйне неприятеля Нашего, Короля Шведского, с изменниками Нашими богоотступными, Мазепою и единомышленники его и, что он против их служил Нам, Великому Государю, и всякие воинственные дела и все отправлял с Войском Нашим Запорожским во все оное время, тако ж и под час счастливой баталии Полтавской, верно, усердно и мужествен-

но, повелели сию Нашу, Царского Величества, милостивую жалованную грамоту на подтверждение уряда гетманского дать, и, силою сей Нашей, Царского Величества, жалованной грамоты, соизволяем ему, подданному Нашему, Гетману, войсковую армату, или артиллерию и клейноты, данные при обрании, иметь, так как бывшие прежние Гетманы в верности своей к Нам содержали, и всякие воинские и гражданские в Малой России дела управлять, по войсковым правам, по прежним обыкновениям и по поставленным пунктам на которых приступил под высокодержавнейшую руку отца Нашего, блаженныя и вечно достойныя памяти, Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца, Его Царского Величества, Гетман Богдан Хмельницкий, со всем Войском Запорожским и народом малороссийским, и по Нашим, Великого Государя, указом определенным и впредь присылаемым, без нарушения прав и вольностей стародавних народа малороссийского, и маетностями, на булаву определенными, против иных подданных Наших, бывших Гетманов, владеть со всякою пристойною повинностью, и дабы видя, подданный, Наш, Гетман, к себе Нашу, Царского Величества, милость, Нам, Великому Государю, и сыну Нашему, Пресветлейшему Царевичу и Великому Князю, Алексею Петровичу, и Нашим наследникам, служил верно и постоянно, со всем, под регементом своим, обретающимся подданным Нашим Войском Запорожским, народом малороссийским, против всех Наших неприятелей, во всем, против данной своей вышеименованной, при обрании, присяги, за что Наша, Великого Государя, Нашего Царского Величества, милость и призрение, и впредь от него, подданного Нашего, отъемлема не будет, но наипаче умножится, и для объявления Нашей к нему, подданному Нашему, Гетману, милости и утверждения, сию Нашу, Царского Величества, грамоту, собственною Нашею, Великого Государя, рукою подписали, и Нашею Государственною печатью утвердить повелели. Дан в Санкт-Петербурге, лета от Рождества Христова 1711 месяца января 5 дня, Государствования Нашего 29 году.

На подлинном подписано тако: ***Петр***

Граф Гаврило Головкин

Турки, по наущению короля шведского, нарушают мир и объявляют России войну

Через наущение ж короля шведского, в 1711 году турки нарушили с Россиею мир и объявили оной войну, для чего, по указу царскому, гетман Скоропадский должен был для охранения своих границ с войсками своими идти до Самары и до Каменного Затона, а сам царь, с армиею, вступил в земли неприятеля и, вошед в Молдавию, имел там при Пруте реке с турками сражение, но, наконец, тут с ни-

ми мир вечный, июля 11 числа, заключил, с возвращением туркам, по прежнему, Кизикерменя с прочими завоеванными крепостьми и Азова с его крымскою прежнею границею и с уничтожением там при реке Самаре вновь состроенных от России крепостей Богородицкой (Самарской то ж), также и Каменного Затона, как и Троицкую крепости, состоящей на урочище Таганроге, при Азовском море и близ устья реки Миуса, с левой стороны, со всеми, вокруг облежащими крепостями ж.

Нападение татарское на Украйну польскую

В оном же году, до замирения, по наущению короля шведского хан крымский, Девлет-Гирей, с ордою и с запорожскими козаками, коих было 7000, под предводительством польского воеводы киевского Потоцкого, в Украйну до Немирова и до слобод тамошних, разоряючи доходил, но войсками российскими разбиты и до 5000 человек побито, и с 10 000 уездных пленных малороссиян возвращено генерал-порутчиком Реном.

При Пруте ж в армии с государем находились и малороссийския войска, как равно и донские козаки и калмыки, не малое число.

Мятежники польские делают нападение на войска российские в Польше, но с неудачею

От заключения ж мира была в Украйне тишина, точию мятежники польские, сообщась с изменниками запорожцами и с татарами, нападали на небольшие войска российские в Польше, токмо, наконец, оными все разбиты и в полон многие козаки и татары взяты, а оставшие разогнаны.

Татарское нападение на границы российские

По вторительном возмущении ж королем шведским султана турецкого против царя в 1713 году, турки, а паче татары, бешлеи азовские и кубанцы, в разные времена делали великим числом своим на Дон и на Украйну нечаянные нападения и более 1500 человек побили, да слишком 14 000 в полон взяли, кроме премножественного числа скота и лошадей.

О возвратившихся в измене паки в Россию

В 1714 году, по увещании и обнадеживании монаршего прощения и милости, бывшими в Цареграде господами полномочными посла-

ми, графом Петром Андреевичем Толстым, бароном Петром Павловичем Шафировым, и при них графами ж Михайлом Борисовичем Шереметевым и Алексеем Петровичем Бестужевым, бывшие с изменником Мазепою, а по нем при Орлике, старшины: Дмитрий Горленко, зять его, Бутович, писари: Иван Максимович, Михайла Ломиковский, да канцелярист Антонович, с письменным видом возвратясь, прибыли в Глухов и явились у гетмана, который отправил их в Москву к государю, где они приносили его величеству повинность и прощены за тем были.

Обережение российских границ и возвращение из Москвы бывших под сумнением

1715 году гетман Скоропадский во все лето находился под Киевом со всем своим войском, для обережения границ от мятежных неприятелей, и во оном году отпущены из Москвы бывшие под сумнением: лубенский полковник Григорий Гамалей, мазепиной канцелярии канцелярист Андрей Кандыба, да бывший гадяцкий протопоп Лисовский, который, по сложении сана, пожалован был в Новгородок Северский сотником.

Обережение российских границ и о начале построения царицинской линии

В 1716 году изменник Орлик, обще с татарами и запорожцами, делал в Украйну нападение, для чего гетман Скоропадский все лето простоял и зимовать должен был в Гадяче; а для пресечения в Россию татар от кубанской и черкеской стороны набегов, послано было с генеральным хорунжим, Иваном Сулимою, к Царицину не малое число войска, для делания царицинской линии и канала по Камышенке речке, от Волги до Илавлы реки, для соединения с Доном, чему был мастер Перри.

О следовании Петра Великого в Германию и о присылке оттоль на прошение гетманское, к нему с резолюциею грамоты

В 1717 году государь царь Петр Алексеевич изволил в Германию и во Францию шествовать, где будучи из Голландии, города Амстердама, прислал к гетману Скоропадскому, на отписки его, от 1717 году, января 8, грамоту, писанную о делании впредь всякого облегчения в разставке полков великороссийских в Малой России, с обнадеживанием милостию и содержанием, и о прочих приносимых жалобах

удовольствия; в каковой же силе та грамота состоит, тому при сем нижеписанный список прилагается:

Царская грамота до гетмана Скоропадского

Божиею поспешествующею милостию, от Пресветлейшего и Державнейшего Великого Государя Царя и Великого Князя, Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца, и многих государств Восточных, и Западных, и Северных Отчича, и Дедича, и Наследника, и Государя, и Благодетеля, Нашего Царского Величества подданному, Войска Запорожского обоих их сторон Днепра Гетману, Ивану Ильичу Скоропадскому, и всему Войску Запорожскому, Наше, Царского Величества, милостивое слово.

Прошлого 1716 года писал ты, верный подданный Наш, в разных своих листах, против которых, за дальностию Нашего похода и многих нужнейших дел, к тебе не ответствовано; ныне же указали Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, учинить тебе последующую резолюцию, что вы доносите прошение свое о облегчении малороссийского народа в станицах и квартирах зимовых от Наших войск, когда оные возвратятся из Польши. И понеже те Наши войска еще ныне суть в Польше и некоторое время пробыть там еще имеют, того ради сие отлагается до того времени, когда имеет учиниться возвращение. И хотя тебе, верному подданному Нашему, самому ведомо, коликую тягость от, так долгопротяжныя с неспокойным и непримирительным Нашим неприятелем, Королем Шведским, войны, Наш народ великороссийский в податях и людях во всем прочем несет, чего малороссийский народ, по Нашей милости к ним, не знает, такожде и в воинские дальные походы уже чрез долгое время не посылается и за обороною Нашею живет в покою; а что чрез несколькие немногие годы разставлено было по несколько полков великороссийских в краю Малороссийском, и то учинено для народу и краю Малороссийского собственной пользы и охранения от опасаемых турских и татарских набегов, и что тем давали по указу Нашему провиант и фураж, то для вышеписанных причин во отягощение ставить им не принадлежит, и малороссийскому народу, яко верным подданным, в сие военное время чинить всякое вспоможение, что Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, наградим вам, верному Нашему подданному, и всему малороссийскому народу, по окончании сея трудныя войны, своею милостию и содержанием ваших прав и вольностей без всякого умаления; однако ж Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, по прошению твоему, видя из ваших доношений некоторую тягость малороссийскому народу, всякое возможное облегчение впредь в разставке полков и в провиянте, учинить укажем; и о том, в то время, ежели указано будет войскам Нашим команды генерала Рена паки из Польши возвратиться, Наши надлежащие указы в Сенат отправим, к которым вы, подданной Наш, можете тогда о определении того писать, ибо по отсутствии Нашем дали Мы, указ

им, сенаторам, такие случившиеся дела управлять и разсмотрение надлежащее чинить. Что же требуете вы Нашего указу о запорожцах тех, которые в прошлых годах пришли и вины свои Нам, Великому Государю, принесли, и по Нашему указу повелено оных распустить и жить им позволено в Малой России у свойственных своих; но что из них те, которые свойственников не имеют, и стоят даром по квартерам, а угодны явятся в службу охочую, в сердюки, прибирать ли тебе оных в ту службу, и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, оных, яко бывших в явной против Нас измене, и всегдашних самовольников и легкомысленных, в службу сердюцкую прибирать тебе, подданному Нашему, не повелеваем, понеже от оных верной службы Нам уповать и впредь нечего, но опасаться всякого худа. А ежели потребно тебе, подданному Нашему, прибрать в сердюцкую службу, то соизволяем Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, тебе, подданному Нашему, выбрать из верных и в измене неприличившихся, в ту службу годных, козаков; а тех запорожцев мочно тебе употреблять в какую работу и домашную службу, ежели оные под городом где жилища себе восприять и на грунтах жить не похотят и сыскать себе пропитания не могут; а что ты, верный подданный Наш, приносиш Нам жалобу на дьяка Овинова и на фискала Киевской губернии, Безобразова, которые, без указу Нашего, самовольно интересуются присылкою людей рейменту вашего, тако ж и дерзнул в тех письмах своих учинить тебе, верному подданному Нашему, обиду, и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, повелели о том Нашему полковнику, Афанасию Головкину, разыскать, понеже оные, дьяк Овинов и фискал Безобразов, ему подчинены, и нам о том донощение учинить, для чего они то чинили; и когда от него, Нашего полковника, известие о том получим, то тебе, подданному Нашему, не оставим надлежащую сатисфакцию над оными и оборону учинить, в чем буди ты, верный подданный Наш, на Нашу к тебе милость благонадежен, и тебе б, верному подданному Нашему, Гетману Войск Наших Запорожских, о вышепомянутом соизволении Нашем ведать и по тому чинить, а что чиниться будет, к Нашему величеству писать. Дан в Нашем походе, в Амстердаме, лета господня 1717, января 8, государствования Нашего 35 году.

На подлинном подписано: ***Петр.***

Гетман призывается в Москву

1718 году государь возвратился в Москву и должен был отомщевать винным за известное оскорбление, причиненное ему от сына его, царевича, Алексея Петровича, для чего ездил и гетман со своими старшинами, черниговским, Павлом Полуботком, лубенским, Андреем Марковичем, и прочими старшинами, а оттоль, за государем в Петербург, откоде его величеством уже отпущены в Украйну.

Драгунские полки определяются для квартирования в Малой России

1719 году, по указу его царского величества, ко установлению, с общего совета, для расположения в Малой России драгунских полков по квартирам и для порядочного содержания их, в самой весне гетман, со всею генеральною старшиною и с полковниками своими, в Гадяче был.

Граф Толстой определен в Нежин полковником

В оном году, зять гетманский, граф Петр Петрович Толстой, вскоре по свадьбе его, указом царским пожалован и определен в Нежин полковником.

1720 год продолжался спокоен и без всяких в Украйне знатных дел.

О начале строения Ладожского канала, и о посылке туда работных людей

В начале лета 1721 году, по именному его величества указу, для делания Ладожского канала, послано было козаков 12 000, под командою полковников: черниговского, Полуботка, лубенского, Марковича, да генерального хорунжего Ивана Сулимы, но сей на пути скончался.

О вечном мире со шведами

Сего году заключен в Нейштате, в месяце августе, со шведами, полезной для России, вечной мир, в котором включена и Польша; козаки ж, кои оружию шведскому последовали, исключены.

Царь приемлет от Сената и Синода императорский титул. Триумфальный въезд императорский в Москву. Указом определяется в Глухове при гетмане быть Коллегии

По совершении ж, для такого всерадостного и давно желаемого наиполезнейшего мира, великолепнейшего в Санкт-Петербурге, при Сенате, торжества, и от оного, как равно и от Синода, именем всего государства, царь титлу: «Петра Великого, Императора Всероссийского и Отца Отечествия», изволил принять; в самом же начале 1722 года, прибывши в Москву, въезд имел с торжественною славою; куда и малороссийский гетман, Иван Ильич Скоропадский, с генеральною

и полковою старшиною своею, прибыл для поздравления его императорского величества полученным счастливым миром и с принятием императорского титула. Где будучи, он получил от его величества, за собственноручным подписанием, грамоту с тем, что быть при нем, гетмане, в Глухове, Коллегии Малороссийской, в которой президовать бригадиру, Стефану Вельяминову да шести офицерам от гарнизона, погодно, чтоб денежные и хлебные сборы собирать в доходы государевы, о чем, для ведома в Малороссию, печатные манифесты присланы.

В Москве объявляется Персии война, куда сам император в поход пошел и 10 000 малороссийского войска послано

Будучи ж государь император в Москве объявил противу Персии войну и пошел сам сего для Волгою рекою до Астрахани, а оттудова морем до рек Терка и Сулака, где при оной реке, заложил крепость Святого Креста, откоть пошед далее, взял город персидский, Дербент, повоевал там многих кумыцких и дагестанцих горских татар владельцев, а в провинции персидские, как то: в Гилян, в Баку, Куру, Ширван, Шамаху, Тенгинск и прочие места, послал свои войска оные отобрать, которые все теми и заняты были. Для чего и малороссийского войска 10 000, под командою полковника миргородского, Данилы Апостола, с полковниками ж, прилуцким, Игнатом Галаганом и киевским, Антоном Танским, ходили. Сам же государь, между тем, назад в Астрахань, а оттоль в Москву, возвратился.

Кончина гетмана Скоропадского. Присылается грамота с тем, чтобы, до избрания нового гетмана, ведать и управлять Малою Россиею полковнику Полуботку с генеральною старшиною, обще с бригадиром Вельяминовым

По отбытии ж государя Петра Великого в тот поход, гетман Скоропадский, в самой Петров пост, в Малороссию возвратился, и июня 3 числа, по верной своей к государю службе, с покойным духом, по воле Всевышнего скончался, и в 5 день того месяца в Гамалеевском девичьем монастыре погребен. А от 4 числа того месяца, о кончине того гетмана из Глухова доношением его императорскому величеству, было донесено и прошено, кому то гетманское правление препоручить повелено будет. На что, от 11 числа июля ж, по именному его императорского величества указу из Правительствующего Сената, бывшему тогда в Москве, прислана в Малую Россию, Черниговского полку к полковнику Павлу Полуботку и ко всей генеральной старши-

не, грамота с тем, дабы Малую Россию, до избрания другого гетмана ведать и управление чинить по правам малороссийским, ему, полковнику Полуботку, и всей генеральной старшине вообще, но с тем, чтоб во всех делах и советах, и в посылках по Малороссии универсалов, иметь им сношение и сообщение с определенным, для охранения народа, бригадиром Вельяминовым, о чем и ему указ дан. В каковой же силе та грамота прислана, тому при сем список прилагается:

Присланная грамота к Полуботку и к генеральной старшине

Божиею поспешествующею милостию Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорского величества подданному, черниговскому полковнику, Павлу Леонтиевичу Полуботку, и генеральный старшине, Наше Императорское милостивое слово:

Понеже сего июля 11 дня, по доношению вашему из Глухова июля 4, известно учинилось, что сего ж июля 3 дня, верный Наш подданный, Гетман Иван Ильич Скоропадскцй, волею Божиею умре, того ради Наше Императорское Величество указали Малую Россию, до избрания другого Гетмана, по прошению вашему, ведать и всей той Малой России управление чинить по правам малороссийского народа, вам, подданному Нашему, полковнику и генеральный старшине обще, только во всех делах и советах и в посылках в Малую Россию универсалов иметь вам сношение и сообщение с определенным, для охранения народа малороссийского, бригадиром Нашим, Вельяминовым. И как вы сию Нашу, Императорского Величества, Грамоту получите, и вам чинить по вышеписанному Нашему Императорского Величества указу; а в котором числе сия Наша Императорского Величества Грамота получена будет, о том к Нашему Императорскому Величеству в Правительствующий Наш Сенат писать, а Наш, Императорского Величества, указ о том к бригадиру Нашему, Вельяминову, послан. Писан в Москве лета 1722 , июля 11 дня.

Подлинная подписана тако: Канцлер граф Головкин
Граф Брюс
Граф Иван Мусин-Пушкин
Барон Петр Шафиров
Князь Григорий Долгорукий

Граф Андрей Матвеев
Князь Дмитрий Голицын
Обер-секретарь Иван Позняков.*

ГЛАВА 29

О правлении, по смерти гетмана Скоропадского, между гетманством, в силу именного его императорского величества указу, с определением во оном правлении быть бригадиру Вельяминову со членами

Учреждается в Глухове Коллегия и всякие сборы в Малороссии налагаются

20 числа июля в Глухов прибыл бригадир Стефан Вельяминов, уставил сборы сбирать со всего и со всех, кто б какого звания ни был, не обходя ни козака, ниже старшину какого, что на представление от полковника черниговского, правящего гетманскую должность, с генеральною старшиною, по силе пунктов Хмельницкого, указом Правительствующего Сената, оставить было велено, но по прибытии его величества из Персии, на представление Вельяминова, паки велено было доходы сбирать, кои и наложены, и для того учреждены были сборщики из малороссиян, которые, по инструкции Малороссийского правления, со всякого товара, вещи, промысла и угодьев, деньги и хлеб сбирали в казну государеву.

Посылка козаков на Ладожский канал на смену прежним

Сего ж года, 12 000 козаков на смену прежним послано для работ на Ладожский канал, под командою полтавского полковника Ивана Черныша.

---

* *Прим.* 1718 году, Киевский митрополит, Иоасаф Краковский, взят в Петербург, но в пути будучи, умер и погребен во Твери.
1718 году в Киевской и Азовской губерниях, и в некоторых малороссийских городах, было на людей моровое поветрие.
От 1721 года в Киеве был архиепископом Варлаам Ванатович.

По прибытии из Персии государь коронует супругу свою, императрицу Екатерину Алексеевну, в Москве

По прибытии его императорского величества из Персии в Москву, изволил, в 1723 году, короновать супругу свою, ее величество, государыню Екатерину Алексеевну, на всероссийский императорский престол, с тем, чтоб быть ей и по нем наследною императрицею всероссийскою, что соверша, отбыть изволил в Санкт-Петербург.

Козаки посылаются в Персию на смену там прежних

В самом начале весны сего 1723 года посланы были на смену прежним, на Сулак, 10 000 же малороссийских козаков, под командою лубенского полковника Андрея Марковича, по чему бывший там, от прошлого 1722 году полковник Апостол, со всею командою своею благополучно назад в Украйну возвратился, и, по прибытии своем в осени, с князем Михайлом Михайловичем Голицыным ходил, с 12 000 козаков, под Коломак, против татар и их козаков.

По прибытии в Петербург малороссийская старшина с челобитьем государем арестуются. На место арестованных определяются другие старшины в Малороссийскую Коллегию

В июне месяце, по указу его императорского величества, правящий гетманскую должность черниговский полковник, Павел Полуботок, и с ним генеральный судья, Иван Черныш, да генеральный же писарь, Семен Савич, и прочая старшина, в Санкт-Петербург отбыли, с тем, чтоб при том испросить от его величества о подтверждении и пожаловании, по прежним, данным Хмельницкому, статьям и жалованным высокомонаршим грамотам, о вольности козацкой и о избрании вольными голосами себе гетмана, но по смелым и отважным об оном представлениям, привели на гнев его императорское величество, за что, ноября 10 числа, арестовать Полуботка и товарищев его, Черныша, Савича, да находящихся в Малороссии при правлении, в Глухове, генерального есаула Василия Жураховского, бунчужного Якова Лизогуба, переясловского наказного полковника Карпича, из Гадяча, полкового судью Григория Грабянку, Войсковой Генеральной Канцелярии регента Дмитрия Володковского, канцеляристов Ханенка и Романовского, кои все взяты и в Санкт-Петербургской крепости посажены под караул, а имение их, движимое и недвижимое, конфисковано. По арестовании ж всех оных, на место их, прис-

ланным генералом Александром Ивановичем Румянцевым, в ту Генеральную Войсковую Канцелярию выбраны и определены правителями: полтавский полковник Иван Левенец, да сотник глуховский Иван Мануйлович, и Федор Гречаный. Да и потом многие полковые старшины и сотники, кои состояли по тому делу под сумнением, были взяты и содержаны в Глухове под арестом, где и сидели больше года.

Третичная посылка козаков на смену в Персию

Сего 1724 году третично 10 000 войска малороссийского на смену прежним и полковника Марковича на Сулак послано, под командою гадяцкого полковника ж, Михайлы Милорадовича.

Кончина Петра Великого. Престол российский приняла супруга его величества, Екатерина I

1725 года, января 28 дня, Россия лишилась через окончание жизни отца отечества, его величества, Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, а державу Всероссийскую восприять изволила супруга его, великая государыня, императрица Екатерина Алексеевна.

По смерти Петра Великого, императрицею освобождаются многие арестанты

По смерти блаженныя и вечной славы достойныя памяти, его императорского величества, многие, содержащиеся в заключении, в том числе и в Санкт-Петербургской крепости, первый миргородский полковник, Данила Апостол, который в прошлом году, после коломацкого походу, позван в Петербург и там задержан, прежде всех к своей должности в Украйну отпущен. Потом генеральные: судья, Иван Черныш, писарь, Семен Савич, есаул, Василий Жураховский, бунчужный, Яков Лизогуб, бунчуковый, Константин Савич, и прочие все освобождены и все имение их по прежнему возвращено, и в дома отпущены. Но полковники, Полуботок, по нем Карпич, за оным регент Володковский, еще в 1724 году, а в оном 1725, скоро по выпуске, Константин Савич, в Петербурге померли.

Посылка 2000 козаков в Персию

В Персию ж за Дербент, в Гилян, из Малороссии послано козаков 2000 человек, под командою наказного полковника, Прилуцкого

полку обозного, Михайлы Ограновича, и с ним бунчуковые товарищи: Семен Лизогуб и Андрей Горленко; сии два последние, по плутовскому доносу одного Змиевского монастыря чернца, взяты были в Санкт-Петербург, но вскоре оттоль, по безвинности их, обратно в дома отпущены. На место ж их в поход послан был бывший корсунский полковник Кандыба, где находились оные лет до пяти.

Вместо посылки в Персию козаков берется с них деньгами

1726 года в Коллегию Малороссийскую послан был из Правительствующего Сената ее императорского величества указ с тем, чтоб в Сулацкий поход высылать козаков, или платежем за всякого козака деньгами, сколько подлежательно будет, вместо их похода. О чем, по объявлении во все полки, хотя некоторые полковники в Коллегию представляли, дабы, вместо людей, лучше деньгами, полагая с каждого козака, иной по два, другой по три, а иной и по четыре рубля с человека, но другие неотменно самих козаков указное число в поход посылать советовали, а деньгами откупать их от службы той за стыд предлагали. О чем донеся, Сенатом велено было, с того числа колико посылать требовалось, с каждого человека взять деньгами по 4 рубля, коих и собрано было 40 000 рублей, и в малороссийскую сумму положены, а козаков в поход не посылать.

Кончина императрицы Екатерины I. Престол приемлет внук Петра Великого, Петр II. Повелевается гетману быть в Малой России по прежнему

1727 году, июня 7 дня, ее императорское величество, государыня Екатерина Алексеевна, по власти Всевышнего скончалась, и того ж дня, на место ее, внук блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великого, великий князь Петр Алексеевич, на престол всероссийский возшел. Потом, соизволением его императорского величества, Коллегия Малороссийская, со всеми ее членами отрешена, и положенные сборы оставить велено было, а быть по прежнему гетману и оного избирать вольными голосами, без коего Малороссия была 5 лет.

Сего году, по учинившемуся несчастию с господином графом Толстым, сын его, нежинский полковник Петр Толстой, из Малой России взят, и на место его полковником же определен Иван Семенович Хрущов.

ГЛАВА 30

Об избрании, по именному его императорского величества, Петра II, указу, вновь гетмана, почему целым Войском Малороссийским избран миргородский полковник Данила Апостол, и о пожаловании ему на тот чин с конфирмациею императорской грамоты, и о присылке потом на управление того уряда решительных пунктов, в силу высочайшего указа, из Верховного Тайного Совета, и о прочем

Об избрании гетмана

По соизволению его императорского величества, Петра Второго, чтоб быть в Малой России по прежнему гетману, прислан был в Глухов от двора его величества, министр и кавалер, Феодор Васильевич Наумов, с грамотою об избрании оного вольными голосами в следующем содержании:

Императорская грамота об избрании гетмана

Божиею милостию, Мы, Петр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашим верным подданным малороссийского народа, духовным и мирским, а особливо Войска Запорожского обоих сторон Днепра полковникам, полковой старшине, сотникам и городовой старшине, козакам и всему поспольству. Понеже настоящего 1727 году в Наших, Великого Государя, Нашего Императорского Величества, указах к вам, малороссийскому народу, посланных, объявлено, что Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, по высокой Нашей милости, указали вас, подданных Наших, обнадежить, что в Малую Россию и Войско Запорожское Гетман и старшина будут определены вскоре, как прежде было по договору Гетмана Богдана Хмельницкого, а которые всякие доходы положены по определению Малороссийской Коллегии, по доношениям генерала-майора Вельяминова, тем отставить и впредь не сбирать; и ныне Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, милосердуя о вас, Наших подданных, повелели в Малой России Гетману и старшине генеральной быть и содержать их по прежним привилегиям и пунктам, а для присутствия при том обрании Гетмана, по прежнему вашему обыкновению, кого из малороссийского народа, посылается в Глухов Тайный Наш Советник и министр, Федор Наумов, и вам, Нашим верным подданным, духовным и мирским, для того избрания съехаться в Глухов и быть изо всех полков полковникам и старшине полковой, и бунчуковым и значковым козакам, к означенному от того, Наумова,

термину, и при том Нашем министре, Наумове, выбрать себе Гетмана по прежним обыкновениям. Впрочем имеет тот Наш Тайный Советник объявить вам Наше Императорского Величества Всемилостивейшее соизволение, которому вам верить и быть к Нам, Великому Государю, к Нашему Императорскому Величеству, всегда в непоколебимой верности и при должном подданническом послушании; а Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, в Нашей Монаршей милости вас содержать будем. Дан в Санкт-Петербурге, лета от Рождества Христова 1727, июля 25, государствования Нашего 1 года.

В подлинном подписано: *Канцлер граф Гаврило Головкин*
Андрей Остерман

Избран гетманом миргородский полковник Данила Павлович Апостол

Почему, по собрании всех малороссийских чинов и архиереев с духовными, козаками и черни, изобран и удостоен оным, октября 1 числа миргородский полковник Данила Павлович Апостол, и по совершении гетманской элекции, по приведении его, всей генеральной и полковой старшины и козаков к присяге, министр препоручил ему все гетманские клейноты, булаву, знамя, бунчуг, печать и прочее, в которое время и полковниками пожалованы из бунчуковых товарищей, на место его, миргородским, старший его сын, Павел Апостол, а полтавским Василий Кочубей, сын пострадавшего за донос об измене Мазепою, на место Ивана Черныша.

Посланы от гетмана до его императорского величества посланцы с принесением, за высочайшую милость, благодарения и с испрошением гетману жалованной грамоты

По окончании того избрания на гетманство, как гетмана Апостола, так и ото всей Малой России, по отбытии министра Наумова из Глухова, отправлены до его императорского величества в Санкт-Петербург посланцы с благодарностью о пожаловании им гетмана, при чем всеподданнейши просили о всемилостивейшей его императорского величества на то конфирмации и пожаловании на уряд его гетманской высочайшей грамоты, почему его императорское величество и указал пожаловать на все просимое ему, гетману, свою высочайшую жалованную грамоту, и с тем, при пожаловании посланцам особо милостивым жалованьем, они отпущены обратно в Глухов, где по прибытии своем и по вручении той грамоты гетману, обнародована оная во всей Малой России. В каковом же содержании та грамота прислана, с оного при сем список приобщается:

Императорская грамота жалованная об удостоении гетманского чина

Божиею милостию Мы, Петр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Императорского Величества подданному, Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетману, Данилу Апостолу, и всему Войску Запорожскому, Наше Императорское милостивое слово.

К Нам, Великому Государю, Нашему Императорскому Величеству, писал ты, подданный Наш, с посланцы своими, Нежинского полку с судиею, с Михайлом Забелою, Прилуцкого полку с сотником, с Григорием Стороженком, Переяславского полку с полковым есаулом, с Лукою Васильевым, Гадяцкого полку с полковым судиею, с Мартином Стишевским, об избрании от всех Наших подданных малороссийского народа вольными голосами тебя, Данила Апостола, в Гетманы Войска Нашего Запорожского и просишь на то обрание Нашей Императорского Величества всемилостивейшей конфирмации. И Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, приемля то ваше, Наших верных подданных, всего малороссийского народа, избрание тебя, Данила Апостола, в Гетманы Войска Нашего Запорожского, жалуем и всемилостивейше конфирмуем и повелеваем Нашим верным подданным Войска Нашего Запорожского генеральной старшине, полковникам, полковой старшине и всему Войску Запорожскому и народу малороссийскому, тебя, Данила Апостола, за Нашего верного подданного Гетмана признавать и почитать, и належитое послушание отдавать, и надеемся Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, что ты, подданный Наш, Гетман, видя к себе сию Нашу, Императорского Величества, превысокую милость, в сем пожалованном чину и поверенном уряде, Нам, Великому Государю, Нашему Императорскому Величеству, служить будешь во всякой верности непоколебимо, и по учиненной подданнической присяге неотменно, за что Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, тебя, Нашего верного подданного, Гетмана, в Нашей Императорской милости содержать будем. Посланцы твои, Забела с товарищи, пред Нас допущены и листы у Нас приняты, и словесное благодарствие на Нашу милость и обещание о верной к Нам службе Мы выслушали и пожалованы они Нашим Императорского Величества жалованьем и отпущены с сею Нашего Императорского Величества Грамотою к тебе, подданному Нашему. Дан в Санкт-Петербурге, лета от Рождества Христова 1721, декабря 26 дня, государствования нашего 1 году.

В подлинном подписано: *Канцлер граф Гаврила Головкин.*

Гетманское прибытие в Москву ко дню коронования его величества, для поздравления и принесения своей благодарности, где пожалованы ему, на управление его уряда, решительные пункты

А 1728 году, ко дню коронации его императорского величества, которая назначена была в месяце феврале, для принесения к тому всеподданического поздравления и благодарности за удостоение и пожалование в гетманы, Данило Павлович Апостол, с многими генеральными и прочими своими старшинами, ездил в Москву, где, при милостивом приеме, на прошение его о урядном правлении, из Верховного Тайного Совета даны ему решительные пункты в следующем содержании, а именно:

Решительные пункты, учиненные по Его Императорского Величества указу, в Верховном Тайном Совете на поданное прошение Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетмана, господина Апостола

1.

Его Императорское Величество всемилостивейше соизволяет в Малой России Гетмана и всех подданных своих содержать по прежним их правам и вольностям, и то им подтвердить своею Императорскою грамотою, и суду и расправе у них в Малой России указал Его Императорское Величество быть по прежнему их обыкновению, как о том именно в пунктах Гетмана Богдана Хмельницкого изображено, по которым пунктам сами они подтверждения просят, и быть тем судьям из их народа и отправлять в городах на ратушах, и сотникам, и полковой старшине, и полковникам, которые б были в таких чинах люди добрые и правдивые, чтоб народ отнюдь никаким неправым судом ни от кого отягощен не был. Когда же кто сим из обидимых тем судом не будет доволен, тому дается позволение чинить апеляцию на неправые и продолжительные суды, на сотенные полковникам, а на полковников в Глухов, к Генеральному Суду. А понеже напред сего на тот Генеральный Суд от малороссийского народа многие жалобы и его Императорскому Величеству челобитья бывали в неправых их судах, а паче, что те суды чинятся с великими наклады и взятки, от чего бедные козаки и поспольство и с правдою обвинены бывают, и Его Императорское Величество, милосердуя к народу малороссийскому, яко главной судия Всероссийской империи, желая везде между подданными своими установить правосудие, соизволяет, для лучшего между ими малороссийского народа в судах доброго порядка, быть при том Генеральном Суде, из великороссийских трем персонам, да из малороссийских трем же персонам, которым великороссийским разсматривать дела обще с их малороссийскими судьями, и решить тем великороссийским и малороссийским судьям по их

малороссийским правам, только без накладов и без взятков и разорения народа, и отправлять им тот суд с сообщения Гетмана, яко президента того суда, и по разсмотрению дел ежели явится, что судьи нижних судов обвинили кого неправедно и из взятков, или для какого похлебства, за то тех судей в том Генеральном Суде штрафовать по разсуждению судей и по разсуждению Гетманскому и из взятого с них, судей, штрафа чинить обидимым награждение. А не бив челом прежде в нижних судах по порядку, в Генеральном Суде никому ни на кого ни в каком иску не бить челом и челобитен нигде не подавать. Ежели же кто Генерального Суда решением не будет доволен, и таким бить челом Его Императорскому Величеству в Коллегии Иностранных Дел.

2.

Обранию Гетмана вольными голосами быть по прежним их правам и вольностям, с воли и соизволения Его Императорского Величества, как и прежде было, а без указу Его Императорского Величества в Гетманы не обирать и не отставливать; и кто обобран будет в Гетманы, тому приезжать к Его Императорскому Величеству для конфирмации, и Его Императорское Величество пожалует ему, Гетману, клейноты и на Гетманство жалованную грамоту.

3.

Как прежде в Малой России бывало, так и ныне Его Императорское Величество, по милости своей к народу малороссийскому, быть соизволяет, что Гетману одному, без совету старшины и поспольства, в генеральную старшину, в полковники, и в полковую старшину, и в сотники, не выбирать и не ставить; а выбирать генеральную старшину, полковников, полковую старшину и сотников вольными голосами и по прежнему их обыкновению, из заслуженных и знатных и верных к Его Императорскому Величеству и не из подозрительных людей, и от того б тех полков козакам и народу обид и разорения не было; и в генеральную старшину и в полковники выбирая прежде кандидатов человека по два или по три, писать к Его Императорскому Величеств, и требовать указу, и которые в те генеральные чины и в полковники, по представлению гетманскому и народному, указом Его Императорского Величества определены будут, и тех (по пунктам Юрия Хмельницкого) Гетману, без Рады и не донесши Его Императорскому Величеству, и не получа указу, не отставливать, дабы никому из малороссийского народа напрасно никакая обида не была учинена, наипаче же того генеральную старшину, ни полковников, и никаких полковых урядников, ни за какие вины, не описався к Его Императорскому Величеству, смертию казнить не велеть по пункту 12-му Юрия же Хмельницкого. А в полках на порожные места в полковую старшину выбирать полковнику с полковою старшиною, с сотниками и с знатными козаками, а в сотники выбирать в каждой сотне

всем козакам общим советом, и на том совете, по приговору общему, назначить к тому уряду из людей заслуженных, годных, добрых и неподозрительных в верности, человек двух или трех, и назнача, писать к Гетману, а ему, Гетману, из тех назначенных людей усматривать, кто из них к тому уряду годнее быть может, и которые всегда были во всякой верности безпорочно, и из тех позволять единому быть и определить его на тот уряд гетманским универсалом, и по учинении того, писать ему, Гетману, к Его Императорскому Величеству, описав службы и годности их, по которым они в те чины достойны; а в таких универсалах в начале писать титул Его Императорского Величества, и в верности к Его Императорскому Величеству тех новоопределенных в полковую старшину и в сотники приводить к вере по обычаю, и кроме православных христиан (в войску малороссийском) начальным людям иных никоторых вер впредь не быть, да и новокрещенным иноземцам, в начальных людях не быть же. А буде на полковую старшину и на сотников будет от кого челобитье об обидах и в прочем, или оные станут делать какую неправду, и сыщутся от них какие народу обиды и разорения, и за такие тяжкие их вины наказывать, а иных, по важности дела, и от чинов отрешать, и доносить же к Его Императорскому Величеству и ожидать о том указу.

4.

Город Короп, для содержания артиллерии генеральной, служителей, и для строения фурманов и прочих артиллерийских припасов, ежели прежде на артиллерию належал, Его Императорское Величество повелел отдать на артиллерию по прежнему, и чтоб с оного города оная артиллерия, со всеми к ней принадлежностями и припасы была всегда в добром порядке и строении, и служители довольствованы жалованьем по их обыкновению и как при прежних Гетманах то было, о чем особливо стараться и попечение иметь генеральному обозному по прежнему их обыкновению; а в каком состоянии та артиллерия ныне есть, о том прислать в Коллегию Иностранных Дел известие и впредь по всягодно присылать.

5.

Что великороссийские полки в Малой России на квартирах ныне стоят, и то чинится по состоянию дел, для охранения рубежей, и что на них провиант дается, и то согласно с пунктами, постановленными с прежними Гетманы; а расположение тех квартир имеет быть учинено с общего определения главного командира великороссийских войск, и его, Гетмана, с старшиною, не обходя ни кого, ни великороссийских, ни малороссийских владельцев маетностей.

6.

Что принадлежит о полках охочекомонных и охочепехотных, и Его Императорское Величество, милосердуя к народу малороссий-

скому, для убежания им в сборах на платеж тех полков тягостей, указал ему, Гетману, иметь таких три полка, в которых быть по пяти сот человек.

7.

Его Императорское Величество, как в прошлом 1727 году в грамоте своей, к малороссийскому народу об избрании Гетмана посланной, повелел объявить, что сборы, бывшею Малороссийскою Коллегиею определенные, указал отставить, так и ныне, по высокой своей к народу малороссийскому милости, быть соизволяет, а те сборы, которые надлежат по пунктам Гетмана Хмельницкого, и которые сбираны при бытности бывших по нем Гетманах, повелел собирать в войсковой скарб. А понеже о том войсковом скарбе, поскольку в Малороссии, того в год в сборе бывало, известия не имеется, и ведать не по чему, что прежние Гетманы доходы в Малой России собирали по своему расположению, за что от народа и жалобы доходили, так же и в расход те собираемые доходы употребляли как хотели, а в войсковом скарбе ничего не оставалось, наипаче же, что тот сбор бывает под ведением гетманского дому людей, какого непорядку ни в котором государстве нет, чтоб с народа государственные доходы собирать и оными партикулярным персонам користоваться, от чего народу была несносная тягость, сего ради, Его Императорское Величество, милосердуя о них, своих подданных, чтоб им впредь от таких непорядков тягости не было, и чтоб тот сбор, для полегчения малороссийского народа, в настоящей порядок привесть, повелел до предбудущего указу, для сбору с малороссийского народу в войсковой скарб доходов, учредить двух подскарбиев, одного из великороссийского, а одного из малороссийского, которых определять по полкам те доходы собирать, выбрав из ратушных урядников и иных сборщиков, и, собирая, привозить в казну, как в пунктах Гетмана Богдана Хмельницкого именно изображено. А из тех собираемых доходов употреблять на потребные действительные войсковые расходы с записки и давать в приходе и в расходе отчет, как обыкновенно везде водится и дабы Его Императорское Величество о доходах с подданных своих малороссийского народа (как каждый государь в своем государстве чинит) ведать мог. И понеже о тех сборах в войсковой скарб и о расходах войсковых прямого известия не имеется, без чего подлинного определения о сборах с народа и о расходах войсковых положить не можно, для того Его Императорское Величество до впредь будущего вящшего в том осмотрения и указу, а особенно для нынешнего мирного состояния, и не хотя, чтоб тот малороссийский народ податьми без нужды отягощен был, указал ныне в тот войсковой скарб собирать только с промыслов, а именно: покуховное и скатное, с продажного вина в шинки, и в отвоз в великороссийские города, да из дегтю так же покуховное и скатное, с винокуренных казанов; а со пчел и за табачную десятину, кроме козаков,

в ярмарки, в торги, с купецких людей с продажным товаром, и с хлеба мерки, с мостов, с перевозов, и с гребель с проезжающих людей, с откупных разных статей, с ратушных сел годовой платеж, и за живность. И собирать те сборы со всех владельцев и с монастырских, которые такие промыслы иметь будут, а сверх того иных никаких поборов, никакого из малороссийского народу никому, без именного Его Императорского Величества указу, отнюдь не накладывать и ни в чем их не тяготить. И сколько за годовым расходом денег в остатке будет, о тех доносить Его Императорскому Величеству, и без именного Его Величества указу в расход не держать. И понеже здесь донесено, что те сборы по полкам собираются не равным числом и от того может быть одним перед другими не без тягости, того ради Гетману со всею старшиною и с полковники подать о том известие, в которых местах какая тех сборов рознь, и для каких резонов и не имеется ль от того неравного сбору кому отягощения, и впредь как оные сборы поравнять, и о том донесть в Коллегию Иностранных Дел со мнением.

8.

Имений козацких, за войсковые службы данных и купленных, и маетностей, которые кому по правам принадлежат, а после умерших козаков у жен их, покаместь они будут во вдовстве и у детей мужеска полу, да и всякого чина у людей, ничего, что кому по справедливости надлежит, не отнимать; а ежели Гетман с старшиною кого за какие показанные знатные услуги за достойно почтут Его Императорского Величества милостию и награждением, и о таких доносить ему, Гетману, Его Императорскому Величеству, с представлением своего мнения, чем они пожалованы и награждены быть достойны, на которое его, гетманское, доношение Его Императорского Величества, всемилостивейшее определение учинено будет, ибо Его Императорского Величества всемилостивейшее намерение есть, всех своих верных подданных за службы в милости своей содержать и награждать.

9.

По пунктам Гетмана Богдана Хмельницкого определено было на булаву гетманскую староство Чигиринское, а потом по указам предков Его Императорского Величества, определен на булаву ключ Гадяцкий, против того прежнего Хмельницкого определения с великою прибавкою иных городов и мест, и Его Императорское Величество соизволяет ключ Гадяцкий с прочими местечками и со всеми доходы отдать ему, Гетману, на булаву, как и прежние Гетманы оным владели, а о маетностях, ежели какие еще на булаву надлежали, и Гетман Скоропадский взял себе и утвердил жалованными грамоты жене своей и детям в собственное владение, и к монастырям, роздал, освидетельствовать, и ежели которые подлинно надлежали, на булаву ж и те возвратить

10.

Маетности ж, принадлежащие к чинам старшины генеральной, полковников и старшины полковой и сотников, которые напред сего во владении у той старшины были на уряде их, так же и к ратушам, а по гетманским универсалам те ж старшины и другие получили те маетности в собственное свое владение, и побрали на оные жалованные грамоты, и владеют по отлучении от тех чинов, а иные и померли, а после их владеют жены их и дети, и те все маетности возвратить к тем урядам, а ратушные к ратушам, и тем возвращенным маетностям учиня реестр, для известия прислать в Коллегию Иностранных Дел. Да которые маетности и к Канцелярии войсковой и судовой надлежали, тем такожде быть по прежнему при тех канцеляриях и впредь тех урядовых маетностей и ратушных сел никому отнюдь не давать, а быть оным при тех урядах всегда неотменно.

11.

О резиденции гетманской, дабы из Глухова перевесть в иной город, чтоб Гетман, по возвращении своем из Москвы, изобрав место, представил, именно куда ту резиденцию перенесть, и где удобнее оная может быть, тогда Его Императорского Величества о сем указ учинен будет.

12.

Хотя по пунктам Гетмана Богдана Хмельницкого запрещено великороссийских беглых принимать под страхом за прием смертной казни, однако ж ныне Его Императорское Величество указал о беглых великороссийских быть по указам 1718 и 1723 годов, которые указы в Малороссийских Канцеляриях имеются, и поступать по силе тех указов, для того, что великороссийские помещики от побегу крестьян и людей своих несут великие обиды и тягости от платежей за тех беглых подушного окладу и других податей; только при отдаче тех беглых справедливо поступать надлежит, не чиня отнюдь малороссиянам сверх тех указов никаких излишних тягостей и нападок; а ежели при Коллегии Малороссийской в отдаче беглых чинены кому из малороссиян обиды и нападки, и от кого какия обиды и нападки им учинены были, о тех подать ведомость, и по розыску учинена будет в том справедливость.

13.

Индукте быть на откупу, как и ныне есть, и откупные деньги принимать в казну Его Императорского Величества, понеже сей сбор индукты не с одних малороссиян, но и с великороссийских, и с приезжающих из-за границы иноземных купцов, и от того народу малороссийскому отягощения быть не может, а откупщикам индукту брать по прежнему обыкновению; а буде отпупщики что сверх преж-

них обыкновений с народу малороссийского ввели брать излишнее, о том освидетельствовать, и те излишние сборы отставить, а кому и какие знатные побочные датки те индукторы учинили, о том Гетману прислать известие.

14.

Малороссийским торговым людям в пограничные городы в мирное время с незаповедными товары, и из-за границ в Малую Россию, с товары купцам проезд дозволен свободный; к тому ж ныне по Его Императорского Величества указу, для распространения российского купечества учреждена особливая комиссия, и о том впредь определение будет учинено; а жидам в Малую Россию на ярмарки для купеческого промыслу въезжать позволяется; только продавать им свои товары обтом, а в рознь, на локти и фунты не продавать, а на вырученные из товаров деньги покупать товары ж, а денег, золота и серебра, из Малой России за границу отнюдь не вывозить и чтоб оные жиды в Малую Россию копеек и другой монеты под российским гербом не ввозили, и того накрепко смотреть приказать, а жить жидам в Малой России, и чтоб никто их не принимал, запрещается, и имеет то быть по силе указа прошлого 1727 году.

15.

Хотя в указе Его Императорского Величества, прошлого 1727 года из Сената отправленном, писано, что в Малой России великороссийским персонам грунтов, хуторов, мельниц и прочих недвижимых вещей не покупать, и которые купили, тем, взяв свои деньги, уступить, однако ж Его Императорское Величество соизволяя, чтоб продажа во всей Российской империи маетностей и прочего недвижимого была свободна, указал, как великороссийским (кроме иноземцев) в Малой России, так и малороссийскому народу в великороссийских городах, всякие недвижимые имения покупать и продавать невозбранно. А при сем определяется всем великороссийским людям, которые в Малой России ныне имеют маетности и которые впредь себе купят, надлежащие в Малой России с тех маетностей службы, подати и повинности отправлять и все нести с прочими малороссиянами равно и быть под судом малороссийским, как полковым, так и генеральным, во всем против того, как прочие малороссийских людей маетности неотменно. Только великороссийским вотчинникам при сем запрещается, чтоб они в малороссийские свои деревни русских крестьян из великороссийских деревень, для поселения тамо, не переводили; а ежели кто в том будет изобличен, и за то жестоко будет штрафован; так же и малороссиянам, которые купят себе в великороссийских городех деревни, быть во всем против великороссийских вотчинников.

16

Раскольщиков, которые в Малой России, в Стародубовском и в Черниговском полках поселились из великороссийского наро-

да, и по указу из Сената, переписаны и обложены в оклад, и тот оклад платят погодно в Киево-губернскую канцелярию, с тех мест выслать, по важным резонам, невозможно, а ведать их тому, кто при Гетмане будет, и, послав доброго офицера, освидетельствовать, и, буде их, сверх прежней переписи, прибавилось, то к окладу на них прибавить по разсмотрению, и деньги собирая присылать в Коллегию Иностранных Дел. И кому из малороссиян те раскольщики чинить будут обиды, тех судить, и, по сыску, указ чинить Гетману обще с тем, кто при нем от Его Императорского Величества будет. А что они, раскольщики, других к своей ереси превращают и прельщают людей народа великороссийского и малороссийского, о том им, раскольщикам, претить смертною казнию и велеть по возможности и их самих от той ереси отводить, как и здесь то чинится, и некоторые обращаются.

17.

О городе Котелве с уездом, что надлежит ли он к Гадяцкому полку, справясь, учинено будет решение впредь, а которые владельцы слободских полков покупили себе земли у полчан гадяцких и полтавских и поселили слободы, тем быть против пункта 15, как в оном о великороссийских людях, которые в Малой России маетности имеют, определено.

18.

В Малой России монастырям обретающимся, попам и всякого духовного чина людям, козачьих земель, грунтов и никаких угодий не покупать, и козакам и всякого мирского чина людям им не продавать и не закладывать и в поминовение вкладом и никакими сделками не давать и не укреплять. А кто из сего указу у козаков и у инных что из какого недвижимого имения в монастырь купит, или безденежно получит, то от монастырей и от попов и от церковников отбирать безденежно, и отдавать козакам наследникам тех имений, или кому надлежит, понеже и в Великой России о непокупке к монастырям вотчин такие ж указы. А кто из малороссиян похочет в монастыри и к церквам вклад дать, те б давали деньгами. И всем монастырским и церковным вотчинам, когда на владельцев оных кто из малороссиян будет бить челом в каких обидах, быть под судом малороссийским против пункта 16, выше сего изображенного.

19.

По данным статьям Гетману Богдану Хмельницкому и прочим не повелено им, Гетманам, к посторонним монархам и к иным ни к кому во окрестные государства ни о чем не писать, и пересылок не чинить, так и ныне быть имеет; когда же из которых государств и земель прибудут к нему, Гетману, посланцы от кого с письмами о каких государственных делах, и те письма приняв ему, Гетману, сообщить тому, кто при нем, Гетмане, по указу Его Императорского Ве-

личества, будет, и, переводя, присылать те письма ко двору Его Императорского Величества, а тех присланных, до получения указу, удерживать в Глухове и давать корм. Когда же из соседственных крымских и польских городов, или мест, от тамошних управителей будут письма и присыльщики о делах пограничных, спорных землях, в отгоне лошадей и скота и подобных тому между подданными, и о таких делах письма указал Его Императорское Величество принимать и присыльных к себе допущать ему, Гетману, при присутствии, кто при нем будет, и с общего совету ответы чинить, и расправы по тем жалобам делать, как пристойно, и о чем надлежит, для известия доносить в Коллегию Иностранных Дел.

20.

Понеже Его Императорскому Величеству донесено, что малороссийской народ судят разными правами, которые сими словами названы: магдебургские да саксонские Статуты, из которых одни другим не согласуют, из чего может быть в судах не без помешательства, того ради Его Императорское Величество указал, для пользы и правосудия народа малороссийского, те права, по коим судится малороссийский народ, перевесть на великороссийский язык, и определить из тамошних, сколько персон пристойно, искусных и знающих людей, для своду из тех трех прав в одно, и для апробации прислать ко двору Его Императорского Величества.

Впрочем, что к службе и к высокому Его Императорского Величества интересу принадлежит, делать ему, Гетману, верно и радетельно, и поступать во всех делах, которые к интересу Его Величества принадлежат, с совету присланного к нему от Его Императорского Величества, которому при нем, Гетмане, быть будет повелено, также и с совету генеральной старшины и полковников, по прежнему их войсковому обычаю. Дан в Москве, 1728 году, августа 22 дня.

В подлинном решении подписано: *Канцлер граф Головкин*
Андрей Остерман

При отпуске ж гетмана со всею свитою его, из высочайшего благоволения, его императорское величество пожаловал гетману, за собственноручным его величества подписанием, жалованную ж грамоту на гетманство его, и на булаву и содержание войсковой артиллерии, в нижеследующем содержании, с чем и прибыл он со всеми своими старшинами в Глухов октября 1 числа.

Жалованная грамота на гетманство

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Петр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверс-

кой, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, и всея Северныя страны Повелитель, и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей, и иных многих государств, и земель, Восточных, Западных и Северных Отчич, и Дедич, и Наследник, и Государь, и Обладатель.

Наше Императорское Величество пожаловали подданного Нашего, Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетмана, Данила Апостола, повелели ему дать сию Нашу Императорского Величества жалованную Грамоту, для того: в прошлом 1727 году, июня 20 дня, Мы, Великий государь, Наше Императорское Величество, милосердуя о подданных Наших Малороссийского народа, повелели в Малой России быть Гетману и генеральной старшине, и послана Наша Императорского Величества Грамота Малороссийского народа к духовным и мирским, а особенно Войска Нашего Запорожского обоих сторон Днепра к полковникам и полковой старшине, к сотникам и к городовой старшине, и к козакам, и ко всему поспольству, дабы они, по прежнему обыкновению, обрали в гетманы кого из Малороссийского народа, на которое обрание от Нашего Императорского Величества послан был Наш Тайный Советник, Федор Наумов, и по тому, Нашего Императорского Величества всемилостивейшему соизволению, они, малороссийского народа духовные и полковники и старшина с войском и все поспольство, будучие, для помянутого обрания гетманского, в Глухове, по прежним своим войсковым обыкновениям, вольными голосы выбрали в Гетманы его, Данила Апостола, при вышепомянутом Нашем Тайном Советнике, который по Нашему Императорского Величества указу, ему, Гетману, клейноты войсковые, булаву, знамя, бунчук и литавры отдал, и он, подданный Наш, Гетман, по том обрании своем учинил Нам, Великому Государю, Нашему Императорскому Величеству, в верности своей, в Глухове, в церкви, присягу, пред Святым Евангелием, при крестном целовании. И прошлого 1727 года, ноября в 27 день, Нам, Великому Государю, Нашему Императорскому Величеству, доносил он, подданный Наш, Гетман, с присланными своими, Нежинского полку с судиею полковым, с Михайлом Забелою, Прилуцкого полку с сотником, с Григорием Стороженком, Переясловского полку с есаулом полковым, с Лукою Васильевым, Гадяцкого полку с судиею полковым, с Мартыном Штишевским, прося Наше Императорское Величество, дабы Мы, Великий Государь, Наше Императорское Величество, пожаловали его, подданного Нашего, Гетмана, повелели на уряд гетманский и на маетности, на булаву определенные, дать ему Императорского Величества жалованную грамоту. И Мы, Всепресветлейший и Державнейший Великий Государь и Император и Самодержец Всероссийский, Наше Императорское Величество, призирая на вышеписанное его, подданного Нашего,

Гетмана, прошение всемилостивейше и ведая его к Нашему Императорскому Величеству, по учиненному обещанию, верность и службу, повелели сию Нашу, Императорского Величества, милостивую жалованную Грамоту, на подтверждение уряду Гетманского, дать, и силою сей Нашей, Императорского Величества, жалованной Грамоты, соизволяем ему, подданному Нашему, Гетману, войсковую армату, или артиллерию, и клейноты, данные при обрании, иметь так, как, прежние Гетманы, в верности своей к Нам бывшие, содержали и всякие воинские и гражданские в Малой России дела управлять по войсковым правам и по постановленным пунктам, на которых приступил под державу прадеда Нашего, блаженныя памяти, Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, Его Царского Величества Гетман Богдан Хмельницкий, со всем Войском Запорожским и народом малороссийским, по Нашим, Императорского Величества указом определенным, и впредь определяемым, и к нему посылаемым, и маетностьми, на булаву определенными, против иных подданных Наших, бывших Гетманов, владеть со всякою пристойною повинностью, и дабы, видя он, подданный Наш, Гетман к себе сию Нашу Императорского Величества милость, Нашему Императорскому Величеству и Нашим наследникам служил верно и постоянно со всем подданным Нашим Войском Запорожским и народом малороссийским против всех Наших неприятелей, во всем против данной своей вышеименованной, при обрании, присяги, за что Наша, Великого Государя, Нашего Императорского Величества, милость и призрение, и впредь от него, подданного Нашего, отъемлема не будет, но наипаче умножится. И для вящей к нему, подданному Нашему, Гетману, Нашей милости и утверждения, сию Нашу Императорского Величества Грамоту, собственною Нашею Императорского Величества рукою подписали, и Нашею государственною печатью утвердить повелели. Дан в Москве, лета от Рождества Христова 1728, сентября 7 дня, государствования Нашего второго году.

В подлинной грамоте собственною Его Императорского Величества рукою написано тако: ***Петр***

Граф Головкин

О пожаловании в старшинские чины

По силе вышеписанных решительных пунктов, в 1729 году, из числа представленных гетманом кандидатов, по указу его императорского величества, пожалованы, из генерального бунчужного в генеральные обозные: Яков Ефимович Лизогуб, в гетманские подскарбии из Лубен полковника Андрея Марковича, в генеральные ж судьи корсунского полковника Андрея Кандыбу и борзенского сотника Михайла Забелу, господаря гадяцкого в генеральные писари Михайла Турковского, в генеральные есаулы сотников Глуховского, Ивана Мануй-

ловича, березинского, Феодора Лисенка, из бунчуковых товарищей в генеральные хорунжие: Якима Горленка, Ивана Владиславова сына Борзну, и оным даны, сверх собственных их вотчин, на чины их ранговые маетности, первому 400, вторым трем по 300, а оставшим всем по 200 дворов. Да в полковники ж на порожние ж места, в Гадяцкий, на место умершего сербина, Гаврилы Милорадовича, Григория Грабянку, бывшего судью того полку, в Стародубовской, на место отставленного, Ильи Пашкова, который по Кокошкине был, из отставных майоров, Дурова, но вскоре потом, за зловымышленные хитрости, похищения и великие в том полку подчиненным обиды, с сообщниками его, взят и осужден в Глухове.

О переложении с польского на российский язык статута

В силу решительных же пунктов 20 статьи, для переводу имеющихся в Генеральной Войсковой Канцелярии магдебургских и саксонских прав, называемых Статуты, и для своду оных с правами российскими, определено быть в Глухове весьма немалое число ученых и разумных духовных и мирских особ, которые с польского и латинского языков должны переводить, соображая в один, на российский язык переложить, а потом, для апробации, чтоб представить в вышнее правление.

Кончина императора Петра II. О восшествии на императорский престол курляндской герцогини, Анны Иоанновны

В наступивший 1730 год надежда всероссийская, его императорское величество, в самой своей цветущей младости, января в 17 день, оспою скончался и оставил по себе верноподданным своим плач и рыдание, но из затмившегося света вдруг просияло солнце и озарило Россию возведением на престол ее высочества царевны и вдовствующей герцогини курляндской, Анны Иоанновны, дочери блаженной памяти государя царя Иоанна Алексеевича, которая и коронована апреля 28 числа. При сих двух важных случаях, будучи в Москве, удостоился быть и гетман Апостол с старшинами своими зрителем, где будучи, по всеподданнейшему челобитью, ее императорское величество грамотою пожаловала повелела быть Гадяцкому ключу и прочим маетностям при гетмане Апостоле на уряд его, которая дана была в следующем содержании:

Жалованная грамота гетману на маетности

Божиею милостию, Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Императорского Величества подданному, Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетману, Данилу Апостолу, и всему Войску Запорожскому, Наше Императорское милостивое слово.

Пожаловали Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, тебя, подданного Нашего, Гетмана, повелели маетностям, определенным на булаву ключу Гадяцкому, быть за тобою со всеми доходы, так что никаких доходов с оных маетностей в войсковой скарб, определенным подскарбиям не брать; маетностям же отписным у гетманши Скоропадской, которыми ты владел без определения, а именно: в Стародубовском полку, в местечку Новому Ропску, с принадлежащими к нему селы, слободки и деревнями, в Киевском полку, селах: Евменке и Рудковке, в Переясловскому полку, волости Быковской, с селы ж и с деревнями и хуторы (кроме села Мокиевки, которое отдано киевскому полковнику, Антону Танскому), в которых тысяча триста семнадцать дворов, да к тому еще из маетностей, бывших за тою ж Гетманшею по смерть ее, близ Глухова, Нежинского полку, в селу Коцуровке, с приселки: Сопичем и Потаповкою, сто пятьдесят два двора, быть за тобою, подданным Нашим; и еще по прошению твоему, к тем, вышеобъявленным маетностям, дать, в прибавку, в Стародубовскому полку Шептаковскую волость, которая и за прежними Гетманы была, а потому и за Меньшиковым, и по нем описана, а в той волости две тысячи шестьсот девяносто восемь дворов; и те маетности даются тебе на уряд гетманский, и для того тебе никому тех маетностей не отдавать. По прошению твоему, на содержание доктора, лекаря и аптеки, имать по шестисот рублев на год из сборных в войсковой скарб денег, и тебе, Нашего Императорского Величества подданному, Войска Запорожского обоих сторон Днепра Гетману, видя сию Нашу Императорского Величества к тебе, подданному Нашему, милость служить Нашему Императорскому Величеству верно и непоколебимо; а о том же вышеписанном, посланы Наши Императорского Величества указы к Нашему генералу-майору Князю Алексею Шаховскому и к подскарбиям. Дан в Москве, лета от Рождества Христова 1730, мая 26 дня, государствования Нашего 1 году.

Подлинная подписана тако: *Канцлер граф Головкин*

О пожаловании сына гетманского в Лубенский полк полковником

Сего года ее императорского величества грамотою пожалован в полк Лубенский полковником сын гетманской, Петр Данилович Апостол, при том возвращен из Москвы, бывший Прилуцкий полковник, Дмитрий Горленко, в отечество через 16 лет, в Прилуки, к жене и детям своим.

Гетману пожалован орден

1731 года, по указу ее императорского величества, гетман паки в Москву позван, где пожалован ему орден Святого Великого Князя Александра Невского.

О начале строения Украинской линии

По возвращении гетмана в Глухов, в силу высочайшего указу, с самого начала весны послано, на речку Берестовую, для делания Украинской линии, козаков 20 000, да посполитых мужиков 10 000, под командою полковника Антона Танского.

1732 году, так же и то ж число козаков и работных людей из Малой России на Украинскую линию, прежним на смену, послано, под командою прилуцкого полковника, Игнатия Галагана.

Так равно и в 1733 году на смену ж прежним в линейную работу, к реке Орелу, козаков 10 000 и посполитых 10 000 же ходило, под командою лубенского полковника, Петра Апостола.

О кончине польского короля, Августа, и возведении на место его сына, Августа ж

В оном году польский король, Август, скончался, на место которого часть некая Польши возжелала бывшего у них короля, Станислава Лещинского, возвесть паки на престол польский, но в том ему, Лещинскому, по согласию поляк же, помешала Россия, а восстановила им сына покойного короля Августа, Августа ж, для чего, по усмирении в том конфедератов, под предводительством генерала-аншефа, графа Лассия, войска великороссийские и малороссийские, с своим главным командиром, за гетмана, генеральным обозным, Яковом Лизогубом, в Польшу вступили и там зимовали.

Войска российские в Польше усмиряют конфедератов[130]

Сего ж году, в наступившую зиму, еще в Польшу отправлено, под командою генерала-поручика, князя Алексея Ивановича Шаховского, несколько полков великороссийских и малороссийских с полковником прилуцким Игнатием Галаганом, которые войски имели сражения в Польше с конфедератами Лещинской стороны, и побеждали их все с отменною храбростию, при чем мужество свое оказали: генеральный обозный Лизогуб и полковник Галаган.

ГЛАВА 31

О бытности, от времени измены запорожцев, в Крымском владении и о принятии по прошению, их по прежнему в подданство российское*

От времени ж измены Мазепиной, во все сии прошедшие лета, запорожцы, татарами употребляемы были во всякие их службы и работы, городовые и прочие, равно и на войну, как то многажды случалось быть им с крымцами против горских черкес и кумык, и даже до реки Сулаку доходили без всякого за то жалованья.

Из сего ж роду козаков, кои в прежние времена, от бывшего безпутного польского правления отшатившись, под крымское ж владение отдалися, жили немалым числом, при реке Самаре, а во время с Россиею войны, в Крыму и близ оной, а по замирении паки по Самаре, оных присвоивали сечевские, так как бы живущих на их землях и налогами своими притесняли их безмерно, налагая на них разные тяглы, как бы на подчиненных своих, делали при том некоторые им обиды и насильства, что с немалою прискорбностью сносить принуждены были и до того времени терпели, доколе сечевским козакам с крымским ханом в множественном числе случилось быть в походе противу черкес. Тогда собрались немалым числом самарские, вдруг на Сечу их напали и кош их весь разграбили, выжгли и разорили, людей оставших побили, и разные казни, во отомщение своей обиды, им учинили. Но как запорожцы из походу возвратились и нашли Сечу свою разоренную, кошевой собрал остаток разоренных людей своих, переселился того для от Алешек паки к речке Каменке и, по устроении там коша своего, пошел с силою на козаков самар-

---

* Сие повествование списано с сочинения, бывшего, от 1736-го по 1740 год, в Сече, для построения тогда к оной крепостного укрепления, инженер-подпоручика, князя Семена Иванова сына Мышецкого, который по сказаниям тогдашнего кошевого атамана и прочих старейших козаков, ему рассказывавших, сию повесть составил, будучи еще в Сечи.

И так, вот кто творец этого, в высшей степени замечательного сочинения, напечатанного нами в «Чтениях Общества», в № 6 (Заседание 23 января) под именем: «История о козаках запорожских», и пр. В предисловии к ней мы, основываясь на сходстве текста ее с помещенным у Ригельмана по 1-му списку этого летописного повествования о Малой России (см. предисловие) и, не имея еще в руках второго полнейшего списка, с коего печатается оно ныне, приписали сочинение князя Мышецкого самому Ригельману, не скрывая, однако же, что «нам хотелось бы иметь более непреложных доводов в этом деле (стр. VI)» и что «со временем, быть может, откроется и самое имя сочинителя этого описания или истории». Теперь тот самый, кому мы, по некоторым благовидным причинам, приписывали честь сочинения, объявляет нам настоящего виновника этого, превосходного в своем роде и веке, творения. *О. Бодянский.*

ских, разорил их селения, людей, сколько найти мог, побил, имение побрал и возвратился в Сечь.

При всем том, хотя запорожцы под крымским владением состояли, но, по обыклым их промыслам, не оставляли добычи своей и от самых крымцев притяжать. Они так же, как и прежде своего подданства, табуны отгоняли, разбой делали и людей от них уводили и убивали, так равно и из Польши, по старой ни них злобе как бы нарочно из положенного на то для их оброчного места. И когда тем воровством они изобличены, или в том пойманы бывали, взыскивал хан с них возврат и платеж, так как в один случай принуждены целым войском, по повелению ханскому, за учиненное их козаками воровство, Польше заплатить 24 000 талеров и оставить для Польши населенной ими Кайдак, и оный разорить. А иногда воров головою, а пленных на размен выдавали. За беглецов же, если из христиан бежать из Крыму, без изъятия за тех платить всегда повинны были, так как за слабое их в том смотрение по границе, хотя б они об оных и не ведали. Может быть они б и в российских границах свои добычи искали, токмо по недоверке, под жестоким наказанием, от хана запрещено было, чтоб ни под каким видом в оную не входили. Напротив чего и с российской стороны повеление имелось, что, как бы скоро козаки запорожские при границах явились, то на том же месте оных изменников поймавши, без представления, вешать, и за тем они одноземцев своих не посещали.

Во всю ту бытность их под Крымом, почасту для осмотра войска, бытия и селения их, или когда и за иным делом, присылал хан к ним своих султанов, мурз и прочих старшин с татарами, коих не менее 200, а иногда и более, к ним приезжало, то должны были всегда козаки с особливою честию их принимать, и сколько б времени они у них ни пробыли, довольствовать их и лошадей их коштом, а на отъезде их еще и дарить.

В одно время случившиеся на Днепре реке, крымской стороне, в урочище Карай Тебене, в рыбном своем промыслу, козаки нечаянно в подмытом водою крутом береге усмотрели одну малую пушку, и объявили об оной своему кошевому, который тотчас с надежными козаками оную отрыл, и вместо одной, нашли их там 50; коих взяв, сохранили в тутошном зимовнику, содержа оны потаенно, чтоб татары об них не сведали, и их так же, как и прежде бывшие у них пушки, не отобрали. А как пришли по прежнему в подданство российское, тогда оные разделили по своим куреням, и с того времени, до опровержения их, употребляли они их на военных думбасах своих.

Наконец, запорожцы возчувствовали прямо свою неволю и утеснение от татар, и пришли тогда единодушно в раскаяние о измене своей, усердно возжелали, принеся свою повинность, паки прибегнуть к Российской державе. Старались того для просьбами своими сыскивать у оной себе прощение и о принятии их по прежнему в число верноподданных рабов российских. Но как по многим, а паче по

той последней их немалой изменнической вине, принять их не разсуждалось, потому что верить им, яко вероломцам, было сумнительно, отказывали сего ради при всяком их прошение до 1733 года.

Во время ж царствования императрицы Анны Иоанновны, когда на место покойного польского короля, Августа Второго, следовало возвесть сына его, наследника саксонского, Августа ж, на престол польский, то некоторая часть Польши, на место оного, возжелала было паки себе бывшего прежде сего, во время короля шведского, Каролуса XII, на польском престоле королем Станислава Лещинского, принуждена того для Россия во оное вступиться, чтоб Лещинского до того не допустить, а восстановить королем Августа того саксонского. Из чего та часть Польши против России и своих, кои в Станиславе им несогласны были, вооружилась, и, для умножения своих сил, просила от крымского хана себе вспоможения, чтоб дал им несколько тысяч татар и козаков, которые б могли с ними против россиян супротивляться. Хан крымский в том служить им не отрекся и немедленно нарядил желаемое число войска своего, татар и козаков, и велено уже было им в Польшу в поход выступить.

Но козаки никогда за Польшу воевать против России желания не имели; при том как были уже огорчены татарами, искали сего для ежечасно отбыть от крымского правления, чего ради, с согласия всех, писали в Российское державство, принося свою повинность и раскаяние и испрашивая прощение в известной виновности их и о принятии по прежнему в свое вечное подданство и покровительство, за что с клятвою обещались всю ту вину свою заслуживать кровию во всех тех случаях, где им повелено будет.

Сие самое прошение их было к сему случаю весьма кстати. Имея об оном довольное разсуждение и положа на мере, о приношении их повинности, и что предают себя в вечное подданство с клятвенным обещанием, именным ее императорского величества указом велено послать к ним грамоту с милостивым прощением и что приемлются в подданство, уровняются с прочими верными рабами Российского государства, и что имеют владеть всеми теми же местами, коими и прежде владели, а в неотменном их пребывании в оном, привесть бы их к присяге, так же для переселения их на прежние в российских границах места, произвесть, с высочайшего матернего милосердия, им денежное жалованье. Для чего со всем оным к ним и отправлен был офицер один.

Коль скоро о следовании и о приближении того посланца к Сечи козаки сведали, тотчас, собравшись со всеми своими старшинами, вышли из Сечи, или селения своего; и стали по обоим сторонам дороги той, где следовать посланцу было надобно. Кошевой, бывший тогда, Иванец, с старшинами встречал его с радостью, приносил ему от всего войска поздравление с благодарностью, при следовании ж его до города, производили пальбу пушечную и оружейную, шед тем порядком до самой церкви, где встречали его духовные во облачении

и с крестами, архимандрит со священниками и с их причетом, коих имели они данных у себя от патриарха цареградского. Говоря ему так же приветствие и введя его в церковь, благодарственной молебен пели, с возношением при том о высочайшем здравии ее величества, и, при окончании оного, из пушек палили. Вышедши ж из церкви били Раду, то есть созыв, чрез литавры и созывали все войско свое в круг к церкви, куда вынесли и все знамена, бунчуг и булаву, и пред ними в оном кругу была прочтена им всем в слух высочайшая грамота, и требовано на то, через есаула, от них соизволение, на что всем войском единогласно объявлено было, что все желают усердно быть под державою и в подданстве вечно у царя православного, а не у бусурманов, в чем тот же самый час и тут же перед церковью учинили присягу с крестным целованием; равно и подписками оное утвердили. По сем приняли ту присланную к ним жалованную грамоту и денежную казну, торжествовали с немалым веселением в воздая честь присланному с истинным почтением.

Вскоре по прибытии в Войско Запорожское того российского посланца, прибыл к ним и турецкий, по причине, что хан крымский уведомил султана, что запорожцы отклоняются от их державства, и что отдаются в вечное подданство Российской империи; прислала того для Оттоманская Порта к ним своего посла, с грамотою ж, с денежною казною и с дарами, чтоб тем их удержать, или возвратить к Порте наилучше возможно было. Он прибыл к Сечи и, видя, что ему козаки достойной чести не делают, сделал для известия о прибытии своем к ним выстрел из пушки, напротив чего и запорожцы ответствовали ему, в знак поздравления о прибытии его, одною ж пушкою. Посол, видя их неуклонных, оставил требовать все, подлежащие ему, чести, но только, домогаючись, вручил им султанскую и от гетмана, изменника Орлика, присланные грамоты, для которых, по обычаю, сделали Раду, или сбор, всему войску, при котором собрании с надлежащею честию присутствовал и российской присланной, и прочли всем вслух те грамоты, в коих приглашаемы были, чтоб Войско Запорожское от Порты не отступало и было б всегда под покровительством и защитою ее, а за услуги козацкие и за верность их, жалуется им всегдашняя султанская милость и великое жалованье. Точию коль скоро козаки оные грамоты выслушали, по обыкновенной вольности своей все крича, ругали и бранили за все прежние от татар им огорчения и худое содержание, так же и Орлика поносили за измену его и за отступление от закона христианского, которое он учинил в Бендерах пред постановлением его в гетманство, и что они издревле христиане и подданные российские; довольно, де, и то, что Мазепа и Орлик изменою своею и их к тому лестью привели, для чего отныне навсегда, как уже обещались, останутся в подданстве России неотменными. А кошевой и вся старшина, с атаманами и со всеми старшинами и лучшими козаками, подошел к российскому офицеру с почтением, все то повторя, подтвердили, что будут навсегда верные

и неотменные рабы ее императорскому величеству, и с тем Рада разошлась.

Посол, слыша оное и получа от запорожцев письменный ответ, наполненный с тем, что как недовольны ханом крымским, татарами, турецкими начальниками и всем их правлением, понося их за то урекательно, не мешкавши турки отбыли из Сечи в путь свой, не получа и проводников себе. Козаки по отпуске от себя, на степи ограбили, и отняли от них казну и все подарки, что к ним ни прислано было.

Российский же присланный офицер, по собрании и по привидении им всех оставших козаков, кои были в отлучках, к присяге, отбыл из Сечи с такою же честию, с какою принят был, и выпровожен через всю запорожскую степь даже до украинских границ. И так с оного времени до разрушения их потом навсегда Коша, были запорожцы в непременном подданстве российском. Они город свой или селение, с речки Каменки, по повелению перенесли по Днепру вверх к реке Подполной, которая находится по течению Днепра на правой стороне, и построили тут свою Сечу, где и поныне оная находится, в семи верстах от Днепра (под именем уже Покровской крепости, по разрушении их Коша), и с того времени употреблены были козаки оные в действительные военные службы с пользою, как противу поляк, а потом и турок, что все исполняли охотно.

Турецкий же посол, прибыв в Константинополь, представил Порте присланной с ним от запорожцев письменной ответ, и при том объявил, что они уже действительно Российской державе, еще до прибытия его к ним, отдалися, и в том, при присланном российском посланнике, подписками своими и присягою уже утвердились, так же, что ему, яко послу, будучи в Сечи, никакой чести не сделали, но еще на обратном пути его совсем ограбили и всю казну и дары к ним, от Порты посланные, отняли. За что султан посланными ферманами, то есть указами, в Крым и в прочие, к ним близлежащие, места, велел, чтоб находящихся в тех местах и в иных оставшихся запорожцев ловить и в каторжные работы определять без пощады, что услыша козаки не укоснили и сами им за то отплатить, тотчас всех турок и татар, находившихся у них в Сечи, порубили и тем оказали им неустрашимость.

Вскоре по сем от Оттоманской Порты еще к запорожцам посланник был прислан с тем, что когда войско оное от турецкого владения уже отложилось и отдалось в подданство российское, то б и место то, на коем они жительство свое имеют, так как отчину турецкую, оставили б и имели бы пребывание свое в границах российских, а не турецких, в противном же случае, если того исполнено не будет, то за оное наисуровейшим образом с ними поступлено будет. На то козаки посланнику ответствовали, что они жительство свое всегда имели и ныне имеют на древних российских землях, а не на иных, и для того б, и впредь с такими угрозами к ним не присылали, или они их угрозы сами сокращать станут, и с тем посланника отпустили.

С сего времени начали они служить, по обещанию своему, России, и были того ж 1733 году с гетманскими козаками в Польше, где весьма ревностно оказывали свою храбрость.

ГЛАВА 32

О новом правлении по кончине гетмана Апостола в Малой России, по данной инструкции до пожалования, по смерти государыни Анны Иоанновны, императрицею Елизавет Петровною паки гетмана, и о начатой в сие время от России с турками и крымскими татарами войны, и о замирении с оными

Кончина гетмана Апостола. Правление гетманское препоручается генералу-порутчику, князю Шаховскому

В самом начале 1734 года, то есть в 17 число января, гетман малороссийский и кавалер, Данила Павлович Апостол, в Глухове занемог и от удара параличного скончался, а 28-го числа погребен в городе Сорочинцах. На место коего, по указу ее величества, до избрания нового гетмана, препоручено малороссийское правление генерал-порутчику и генерал-адъютанту, князю Алексею Ивановичу Шаховскому, который для того в феврале и прибыл в Глухов, а об оном, до прибытия его, прислана в войсковую канцелярию, за собственноручным подписанием ее императорского величества, грамота с инструкциею, каким образом быть между тем тому правлению. В каковой же силе та грамота, с оной прилагается точной список:

Грамота императрицы Анны Иоанновны

Божиею милостию, Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашим верноподданным, малороссийской генеральной старшине, полковникам, полковой и городовой старшине, и всему войску, поспольству и народу малороссийскому.

Объявляем, что по воле Божией, Наш верный подданный, Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман, Данила Апостол, сего января 17 числа, преставися, и будучи Мы его верною службою довольны, о нем Всемилостивейше сожалеем. А понеже в избрании Гетмана надлежит Нам иметь прилежное и крепкое разсуждение, дабы добрый и верный человек к тому знатному уряду изобретен был, от которого б Нам неверности показано не было, и вам, Нашим вер-

ным подданным, как при изменах прежних многих Гетманов и последнего проклятого изменника их, Мазепы, не могло произойти каких бедств и разорений, сего ради, покаместь такой сыщется, имея Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, всегда о вас, Наших подданных, малороссийского народа людях, матернее попечение, дабы по смерти его, Нашего верного подданного, Гетмана, в правлении Малороссии, во всяких делах не учинилось остановки и помешательства, и от того каким случаем не произошло чего интересам Нашим противного, и вам, Нашим подданным, не приключилось какой тягости, повелели Всемилостивейше до предбудущего избрания Гетмана, Нашего Всемилостивейшего соизволения, быть правлению в Малой России в шести персонах состоящему, между которыми, во первых, Нашему генералу-лейтенанту и подполковнику Нашей конной гвардии и Нашему генералу-адъютанту, Алексею Шаховскому; и еще двум великороссийским, да из вас, малороссийский генеральный старшины, обозному генеральному, Якову Лизогубу и еще двум, которые по благоизобретению назначены будут, и им быть в заседании в равенстве, а сидеть, на правой стороне великороссийским, а на левой малороссийским, и управлять им все малороссийские дела, которые до уряду гетманского надлежат, с общего согласия и совету, и подписывать те дела и указы все по Нашим, Императорского Величества, указам, и по малороссийским вашим правам, по прежним инструкциям и по решительным пунктам, данным умершему Гетману Апостолу в 1728 году; при том же смотреть и перестерегать, дабы ничего, противного интересам Нашим, не произошло, и вам, народу малороссийскому, в тем тягости показано не было; а определенному генеральному войсковому суду и подскарбиям войсковым для сборов, быть на прежнем основании и о всем вышеписанном сию Нашу Императорского Величества грамоту в народ публиковать, чтоб оное Наше Всемилостивейшее соизволение и имеющее об вас матернее попечение всем вам было известно, и быть вам, Нашим подданным, Нам, Великой Государыни, к Нашему Императорскому Величеству, по вашей присяжной должности, всегда в верности непоколебимо, ибо Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, Всемилостивейше намерены вас, Наших верных подданных, весь малороссийский народ, при ваших правах и привилегиях, во всем по пунктам Гетмана Богдана Хмельницкого, на которых он, со всем малороссийским народом, под высокодержавную руку блаженной и вечно достойной памяти деда Нашего, Великого Государя Царя и Великого Князя, Алексея Михайловича, в подданство пришел, содержать неотменно. Дан в Санкт-Петербурге 1734 году, января 31 числа, государствования нашего 5 года.

Инструкция
по которой поступать определенным от Нашего Императорского Величества к правлению Гетманского уряда

1.

До предбудущего избрания Гетмана и, Нашего Императорского Величества Всемилостивейшего соизволения, быть правлению в Малой России в шести персонах состоящему, между которыми, во первых Нашему генералу-лейтенанту и подполковнику конной гвардии и Нашему ж Генералу-адъютанту, князю Алексею Шаховскому, и еще двум великороссийским, да из малороссийский генеральный старшины, обозному генеральному, Якову Лизогубу, и еще двум, которые, по благоизобретению, назначены будут, и им быть в заседании в равенстве, а сидеть на правой стороне великороссийским, а на левой малороссийским, и править им все малороссийские дела по указам Нашим и по малороссийским их правам, по прежним их инструкциям и по решительным пунктам, данным умершему Гетману, Апостолу, в 1728 году, и делать им с общего согласия и совету, и подписывать дела и указы всем великороссийским и малороссийским персонам, в то правление употребленным, обще.

2.

В истцовых судебных расправах и криминальных делах быть суду и расправе по прежнему обыкновению, сотенным и полковым, а над ними, по апелляциям, Генеральному Войсковому Суду на прежнем основании по их малороссийским правам. Когда же кто судом Генерального Суда не будет доволен, тем дается позволение чинить аппеляцию в Канцелярию правления гетманского уряду, где оные дела разсматривать и решить в правду и безволокитно; а ежели кто и тем судом не будет доволен, и тем дается позволение бить челом в Нашем Правительствующем Сенате, однако ж всякой бы поступал в том со осмотрением и с ясным доказательством обид своих, а не без основания и не ради своих каких бездельных прихотей.

3.

Доходы в войсковой скарб, положенные по пунктам Гетмана Богдана Хмельницкого, и которые сбираны при бытности бывших по нем гетманов, собирать учрежденным двум подскарбиям, одному великороссийскому, а другому малороссийскому, и от них определенным по полкам сборщикам, по силе решительных 7 пункта 1728 году, и данной оным подскарбиям инструкции 1729 году и по Всемилостивейшему нашему указу 1730 годов, и из тех собираемых доходов деньги и хлеб употреблять на потребные действительные войсковые расходы и по обыкновению давать о приходе и расходе отчет в Канцелярию правления Гетманского уряду, а в той Канцелярии освидетельствовав, отсылать в Сенат, в Канцелярию Малороссийских дел.

4.

Доходы ж, которые сбирались Гетману на булаву и на кухню, и прочие, кои ему приходились по гетманству, сбирать до изобрания нового Гетмана, по прежнему определенным к тому особливым сборщикам, и те доходы держать особливо, и ни на какие расходы без именного Нашего Императорского Величества указу не издерживать.

5.

О выборе не вакансовые места в генеральную старшину, и в полковники, и в полковую старшину, и в сотники, поступать по решительному 3-му пункту непременно.

6.

Содержание полков охочекомонных и охочепехотных, такожде имеет быть по 6-му пункту решительных 1728 году.

7.

По тем же решительным пунктам повелено, для пользы и правосудия народа малороссийского права, названные магдебургские да саксонские Статуты, по которым судится малороссийский народ, перевесть на великороссийской язык и из тех трех прав в одно, но по сие время всего того не сделано, и ныне о том старание приложить и учинить по тому прежнему указу, как возможно без упущения времени, понеже состоит в том великая польза малороссийскому народу для правосудия.

8.

Впрочем во всем тому Гетманскому уряду правлению поступать по Нашим, Императорского Величества, указам и по данным решительным пунктам умершему Гетману, Даниилу Апостолу, и что к службе и высокому интересу Нашего Императорского Величества принадлежит, делать верно и радетельно, и ежели что по тамошнему усмотрят в том правлении к лучшему и удобнейшему для предосторожности интересу Нашего Императорского Величества и для целости и содержания в добром порядке малороссийского народа, о том доносить с приложением своего мнения. Дана в Санкт-Петербурге 1734 году, января 31 числа, государствования Нашего 5 году.

Подлинная за подписанием Ее Императорского Величества собственныя руки тако: ***Анна.***

Таковая подлинная инструкция за шнуром и печатью Государственною большою.

Об определении членов в правление Генеральной Войсковой Канцелярии

По сей грамоте и учреждено в Малой России, по смерти гетмана, правление гетманского уряду в шести особах: в трех великороссийских и трех малороссийских, которые и имели свое заседание так, как в высочайшей грамоте им заседать велено; и были первые: генерал-поручик, сенатор, лейб-гвардии конного полку подполковник, ее императорского величества генерал-адъютант, князь Алексей Иванович Шаховской, и малороссийский генеральный обозный, Яков Ефимович Лизогуб, но после велено ему, для приведения в порядок Суда Генерального, присутствовать в оном; прочие ж члены были: с великороссийской стороны: бригадир князь Андрей Трофимович Борятинский, а за отсутствием его, полковник Василий Гурьев, а с малороссийской стороны, генеральные: судья Михайло Тарасович Забела, подскарбий Андрей Марков сын Маркович, и есаул Федор Иванович Лысенко. Сему правлению предписано было поступать на точном основании решительных пунктов, гетману Апостолу данных.

ЧАСТЬ IV

В сей части описывается о происхождении в Малой России дел во время между гетманством и пожаловании по сем в оную гетмана, а за тем, по упразднении того гетманского правления, о учреждении, вместо того, Малороссийской коллегии и при оной генерал-губернатора всей Малой России и о ее правлении; также о происхождении всего сечевского, козацкого коша или войска того; за сим о разделении всей Малой России на три губернии и управлении в оных по новому учреждению, изданному, по высочайшему соизволению, для всей России, под ведомством и управлением всех оных губерний одного государева наместника, и о переписи в оных губерниях душ, с положением в подушной оклад по родам людей, также и о сформировании из козаков регулярных конных полков; потом о всем, малороссийского народа, обряде и жительстве, с бывшими их управлениями и домоводством; также несколько и о слободских полках, как равно и о чугуевских козаках, и о прочих, отколь и когда произошли

КНИГА ШЕСТАЯ

ГЛАВА 33

О происходящем времени между гетманством

О войне у России с турками и татарами. О взятии у турок города Азова

В 1735 году, при начатии с российской стороны объявленной против турок войны, когда уведано, что турки и татары хотят учинить нападение в Малороссию, тогда выступило против Крыма, под командою генерал-порутчика и кавалера, Михайла Ивановича Леонтьева, войско великороссийское и козаков малороссийских несколько полков, вообще с нескольким числом запорожцев, которые, доходя до Перекопа, орды татарской не мало побили и лошадей их, пасущихся табунами, премножество в добычу получили, в которое время и Азов от турок генералом и кавалером, графом Петром Петровичем Лассием, взят.

О пленении российской армиею Крыма

А в 1736 году, генерал-фельдмаршал, граф фон Миних, с армиею, в коем числе было не малое число малороссийских козачьих полков и запорожцев, входил во внутрь самого Крымского полуострова и взял там татарские города: Перекоп, Козлов, Крымсарай и столицу ханскую, Багщи-Сарай, и Кинбурн турецкий.

Сечевские козаки награждаются клейнотами и деньгами

За которую службу запорожские козаки, от государыни императрицы Анны Иоанновны, при милостивой и похвальной грамоте, получили для всего своего войска, знамя большое с российским гербом, и четыре малых, писанных золотом на камне (?), бунчуг, обвитой парчою золотою, булаву и перначь, все серебрянные вызолоченные и дорогими камнями украшенные, при том особо для кошевого, насеку, или палицу, и несколько тысяч рублей денег.

Кончина главнокомандующего в Малороссии, князя Шаховского, и на место его определяется генерал-порутчик князь Борятинский

В оном же году, по умертвии князя Шаховского, определен на место его, в Малороссию, генерал-порутчик, сенатор, московский генерал-губернатор и кавалер, князь Иван Федорович Борятинский, с тою уже разностью против князя Шаховского, что он не просто членом Генеральной Малороссийской Канцелярии, но главным командиром в Малой России и над оберегавшими оную войсками поставлен был.

Взятие от турок города Очакова

В 1737 году, под предводительством генерал-фельдмаршала, граф фон Миниха, также были все войска, в том числе и козаки малороссийские, донские и чугуевские, и взято всеми оными турецкий город Очаков.

Поход армии до турецкой области и возвращение ее

А 1738 году с ним же, фельдмаршалом, графом Минихом, те ж войска ходили до турецкой области, до реки Днестра, и имели сражения с татарами, и с тем назад возвратились.

По умертвии князя Борятинского определяется на место его в Малороссию генерал-аншеф Румянцев

В оном же 1738 году, помер в Малой России главнокомандующий помянутой генерал-аншеф, князь Борятинский, на коего место так же главнокомандующим определен генерал-аншеф Александр Иванович Румянцев; но как оный генерал состоял в армии и обязан был отлучиться от места своего, то двор, оставляя навсегда при нем главное начальство, определил первым членом в Генеральную Канцелярию генерала-майора и лейб-гвардии Измайловского полку премьер-майора Ивана Афанасьевича Шипова, с тем, однако ж, чтобы имя генерала Румянцева во всех актах выражаемо было.

О взятии турецкого города Хотина и всей Молдавии

Потом, в 1739 году, под Миниховским же предводительством с войсками, победив в Молдавии при деревне Стаучане турецкую армию, взяли там турецкий город Хотин, и одержали молдавский столичный город, Ясы.

Об установлении с турками мира

В оном же году, у цесаря с турками, с коими и он, так равно как и Россия, имел войну, состоялся мир, с включением в оной и Россию, для чего оставили все турецкие и татарские завоеванные места, им, по прежнему, во владение, исключая Азов, который положено разорить и оставить его от обоих сторон в бариере, почему армия, сделав тишину, возвратилась в Россию.

Награждение козаков за их службу

За сии, выше описанные, походы, что в оных запорожцы отменную усердность и отважную храбрость, как сухопутно, так и на воде своею лодочною флотилиею, оказали, пожаловано им как денежное, так и хлебное жалованье, а равно малороссийским, донским и прочим козакам определенное жалованье.

За посылкою генерала Румянцева в Царьград послом, определен на его место в Малороссию генерал Кейт

В 1740 году, генерал Румянцев, по назначении его послом к Порте Оттоманской, определен на место его лейб-гвардии Измайловского полку подполковник и кавалер Кейт; но сей добродетельный муж в Малороссии не долее был, как только по 1741 год, и когда начата была со шведами война, взят был к оной.

В оном году было разграничение земель между империями Российскою и Турецкою

А в 1740 же году, по мирному с турками трактату, было разграничение между империями Российскою и Портою Оттоманскою, в коей пограничными комиссарами были, с российской стороны, с регулярными полками и козаками, тайный советник и кавалер Иван Иванович Неплюев, а с турецкой, с янычарами и татарами, было

трое пашей, которое и производимо было, начав от устья реки Синюхи, впадающей в Бог реку и от оного места через степь прямою чертою, через многие впадающие в Бог речки, на урочище Громоклей и Редькин Брод, на Ингулец, а с сего места на вершину реки Каменки, и по оной вниз до устья ее и до реки Днепра, через которую назначено на устье реки ж Конских Вод, где был на той стороне пограничным же князь Василий Аникитич Репнин, с полками и козаками, и с ними турки, по которой реке вверх до ее вершины, и на вершину ж реки Берды, следуя по ней до ее развилины, а от сего места через степь прямою ж чертою до реки Миуса, где оная в Азовское море впадает, от которой черты до берега того Азовского моря положено от обоих империев, уничтожа Азов с его околичною землею, состоять ему в бариере, почему, начиная так же от устья реки Темника, впадающей в реку Дон, и через оный и озеро Темерницкое на кубанскую сторону, обходя бариером Азов до реки Еи и до поставленного за оною, в 1704 году, пограничного кургана, а с оного вверх по Еи по кубанской степи до вершины реки ж, которая граница и состояла только до 1774 года, паки до другой с турками войны, и состоявшегося с российскою армиею в болгарах, при деревне Кучук-Кайнарже, замирения.

Кончина императрицы Анны Иоанновны

Сего ж 1740 года, октября 18 числа, по власти Всевышнего, ее величество государыня императрица, Анна Иоанновна, скончалась, а правление государственное оставалось незанятым, от времени сего до восшествия прямой наследницы, и Богом назначенной, дщери государя императора Петра Великого, государыни цесаревны, Елизаветы Петровны, которая и восприять соизволила отческий наследный императорский престол свой и скиптр, 1741 года, ноября 24 числа, и об оном высочайшим манифестом тогда ж всей России обнародовано.

За определением к шведской войне Кейта, прислан генерал Леонтьев. На место Леонтьева был определен тайный советник Неплюев, но вскоре на его место прислан генерал кригс-комиссар Бутурлин, а на место его генерал-порутчик Бибиков

В 1741 году, начата была война со шведами, и Кейт, как искусный генерал взят туда к команде, на которое место прислан был киевский генерал-губернатор и кавалер Михайла Иванович Леонтьев. Но скоро на его место, в начале 1742 года, определен тайный советник и кавалер Иван Иванович Неплюев. Только через короткое ж вре-

мя, по вступлении на престол государыни императрицы Елизаветы Петровны, оный взят в Петербург, а на его место прибыл в Глухов генерал-порутчик и генерал кригс-комиссар и кавалер Александр Борисович Бутурлин; но как оному предписано ко дню коронования ее императорского величества быть в Москву, то и определен, в 1743 году, главным командиром генерал-порутчик и кавалер Иван Иванович Бибиков.

А в 1744 году, упомянутая государыня императрица, по обещанию своему, для поклонения святым мощам, удостоила Малороссийский край своим посещением, обще с любезным своим племянником, всероссийским наследником, внуком государя Петра Великого, его императорским высочеством, великим князем Петром Феодоровичем, и с обрученною его невестою, государынею великою княгинею Ангальт Цербскою, Екатериною Алексеевною, и с ее матерью, ее светлостию следуючи из Санкт-Петербурга через Москву, в города: Глухов, Королевец, Батурин, Борзну, Нежин, Носовку, Козелец и Киев, к которому вожделенному пришествию построены были в Глухове, Нежине и Киеве триумфальные ворота, где везде, со всенародным радостным восторгом, все оные великие особы, как духовными, так и светскими, встречаемы со всеусерднейшими приветствиями были. И во все их, от 27 числа августа, двунедельное пребывание, все три киевские города иллюминованы и разные торжественные почести театральные чинимы были. И в ту бытность изволили посещать все тутошные монастыри и награждать их своим богатым подаянием. При сем ее величество изволила указать построить между старым городом Киевом и Печерскою крепостью дворец, а в верхнем, то есть, старом городе Киеве, в его замке, возобновить по прежнему каменным строением церковь во имя Святого Апостола Андрея Первозванного. Да внутри города ж, близ Золотых ворот, через данный вклад, от ее величества и их высочеств и прочих, состроилась с оного времени по прежнему церковь же Святого Великомученика и Победоносца Георгия, каменная. А 10 сентября благоволила ее величество со всею своею высочайшею фамилиею возыметь возвратный свой путь из Киева, где в проезде ее, поданы были прошения от генеральных старшин и всего общества малороссийского о учреждении гетмана, которое милостиво принято было и позволено, ко дню брачному сочетания их императорских высочеств, прислать торжественную депутацию.

Для испрошения гетмана малороссийские депутаты были в Петербурге

В оную, в 1745 году, определены были генеральные: обозный Яков Ефимович Лизогуб, хорунжий Николай Данилович Ханенко и бунчуковый товарищ, что был генеральный подскарбий и тайный советник и кавалер, Василий Андреевич Гудович, с приличною свитою. Сии депутаты почтены были при торжестве брачном весьма почтен-

ными местами. Прошение об учреждении гетмана возобновлено было ими, депутатами, на что и обещано было, по именному повелению, что дана будет на то резолюция.

Кончина Бибикова, а управление Генеральною Канцеляриею было ее членами

Между тем в оном году генерал-порутчик Бибиков скончался, и по смерти его не было уже главного командира в Малой России, но управляли ею разные члены, великороссийские: бригадир Иван Кондратьевич Ильин, полковники: Алексей Петрович Извольский, Иван Алферьевич Челищев, и малороссийские, генеральные: судья Феодор Иванович Лысенко, подскарбий Михайла Васильевич Скоропадский и есаул Петр Васильевич Валкевич, что и продолжалось до 1750 года.

А в 1747 году вышла резолюция в Малороссии быть гетману, на основании бывшего гетмана Скоропадского, о чем велено Сенату делать надлежащие распоряжения.

От снедения саранчею в Малой России велика нужда была в пропитании

В 1748 году Малая Россия претерпела крайний голод от снедения во всех почти местах хлеба саранчею, и город Глухов, при сильном в мае месяце приключившемся пожаре, приведен почти в небытие. От стороны ее императорского величества поданы были все средства к облегчению бедствия жителей, не довольно что ограничено винокурение и разрешен ввоз хлеба из Польши для довольствия народного, но были выведены и стоявшие в Украйне на квартирах регулярные полки, а бедным роздано на пропитание в 3 года 84 000 рублей.

Депутаты возвращены с обещательным дозволением об избрании гетмана

В декабре 1749 года депутаты Ханенко и Гудович, отпущены из Петербурга с обещательною грамотою о данном позволении выбрать гетмана, при уполномочном к тому министре, генерале-майоре, что потом было аншеф и кавалер, графе Иване Симоновиче Гендрикове. При отпуске ж пожалованы они собольими шубами, бриллиантовыми перстнями и по 1000 рублей деньгами.

Прим. На место умершего Варлаама, архиепископом был в Киеве, от 1738 года, Рафаил Заборовский.
В 1745 году Киевский архиеписком Рафаил произведен в оную ж епархию митрополитом, где потом и скончался 1747 года.
На место Рафаила, от 1748 года, был в Киеве митрополитом Киево-Печерской лавры из архимандритов, Тимофей Щербацкий.

ГЛАВА 34

О восстановлении гетманом графа Разумовского и о его правлении

Прибытие из Москвы депутатов и министра в Глухов для избрания гетмана

По прибытии из Москвы, 1750 года, февраля 3 дня, депутатов в Глухов, вслед за ними, того ж месяца 16 числа, приехал его сиятельство граф Гендриков, почему тотчас воспоследовало повеление о прибытии и собрании в Глухов преосвященным архиереем с духовенством, всем малороссийским полкам, генеральным старшинам, полковникам с их подчиненными, всему шляхетству и съезд всех тех нижеследующим порядком происходил:

Церемониальный обряд для избрания гетмана

По утру, по пробытии утренней зори, по данному из трех пушек выстрелу, собирался народ к учрежденному лобному месту, где устроен был, между церквами Троицким и Никольским, театр в три ступени высотою, обведенной перилами, покрытыми алым сукном, а театр устлан гарусным штофом; потом приходили полки, во первых глуховского гарнизона полк, в строевом порядке, с распущенными знаменами, с барабанным боем и с музыкою, который стал позади театра, на западной стороне оного; потом из-за города маршировали малороссийские козацкие полки пешие, так же с распущенными полковыми и сотенными знаменами, с музыкою и с литавренным боем, под предводительством полковников и с старшинами, во первых Лубенской, за оным шли Миргородский, Гадяцкий, Переясловский, Прилуцкий, Стародубовский, Нежинский, Черниговский, Киевский и Полтавский, которые поставлены были по обоим сторонам Глуховского полку; около того ж театра восемь полков, то есть, по четыре на каждой стороне, а оставшие два, за неумещением там, поставлены по мостовой улице вдоль. Оными полками командовал есаул войсковой генеральный, Яков Якубович.

По втором данном пушечном же сигналу, по пробытии восьми часов, собрались во двор к министру, графу Гендрикову, вся генеральная войсковая старшина, бунчуковые товарищи и знатное малороссийское шляхетство, а преосвященный архиепископ митрополит Киевский, Тимофей Щербацкий и архимандрит Киево-Печерской лавры Иосиф Оранский, с прочими трех малороссийских епархий епископами и духовенством, съехались в церковь Николая Чудотворца.

А по пробытии девяти часов, по данному таковому ж третичному пушечному сигналу, последовало из двора министра церемониальное шествие до театра, как, во первых 16 человек вооруженных выборных компанейцов, под предводительством их старшины; за ними ехала гетманская войсковая музыка с литаврщиком, играя поход; потом ехал Коллегии иностранных дел секретарь, Стефан Писарев, в богатой карете цугом, держа в руках на большом серебрянном вызолоченном блюде, высочайшую ее императорского величества грамоту, которой от всех полков отдавали честь ружьем, с игранием музыки и с барабанным и литаврическим боем, с наклонением знамен, а по сторонам той кареты шли с ружьями 12 гранодер, за каретою ж несены были гетманские клейноты, как-то: большое белое знамя с российским гербом, который дан был от блаженной памяти государя императора Петра второго бывшему гетману, Даниилу Апостолу, и несен бунчуковым товарищем Иваном Гамалеем; по обоим сторонам того шли два знатные бунчуковые товарищи, а в след их шел хорунжий генеральный Николай Ханенко, которому асистовали 12 человек бунчуковых товарищей. После сих несена была гетманская булава, на красной бархатной подушке, обложенной золотым позументом и по углам золотыми ж кистями, двумя бунчуковыми товарищами, Яковом Марковичем и Федором Ширяем, в след оных шли судья генеральный Аким Горленко, подскарбий генеральный Михайла Скоропадский, и писарь генеральный Андрей Базбородько, коим асистовали 24 человека бунчуковых товарищей; за сим гетманский же бунчук, на бархатной же, подобно прежней, подушке, которой несен двумя бунчуковыми товарищами, Илиею Лизогубом и Петром Чернолуским; за ними шел бунчучный генеральный Демьян Оболонский, а в след его шли все бунчуковые товарищи и малороссийское шляхетство. За оными несена была гетманская печать, на таковой же бархатной подушке, двумя бунчуковыми товарищами, Петром и Григорием Горленками, за коими шел писарь генерального суда Иван Пиковец, а по сторонам его два бунчуковые товарищи, Иван Журавка да Илья Журман, а за ними следовали Войсковой Генеральной Канцелярии и Суда Генерального канцеляристы. За сими несен был войсковой прапор бунчуковым товарищем Павлом Мокриевичем, а за ним следовали все войсковые товарищи. За оными ехал в богатой карете, цугом, министр, его превосходительство господин генерал-майор, лейб-компании подпорутчик, ее высочества, великой княгини действительный камергер и орденов Святого Александра Невского и Святой Анны кавалер, граф Иван Симонович Гендриков, и при нем его асистенция. В заключении сей церемонии шли пешие 16 человек выборных компанейцев с ружьями, при одном их старшине. А дорогу оную, которою шла сия церемония, прикрывали по обоим сторонам ее до самой парадной площади, стоящие при ружье компанейцы и жолдаки, с тем, чтоб от народа помешательства не было.

К оглашению ж сего действия, или гетманского избрания, на театре поставлены были два стола, покрытые красною камкою, на которые положены, на правой стороне, высочайшая государственная грамота, а на левой стороне помянутые гетманские клейноты, и по правую ж сторону первого стола, возле высочайшей грамоты, поставленное государственное большое знамя, поддерживаемое тем же, кто его нес, бунчуковым товарищем, а за оным митрополит с епископами и архимандритами и со всем священным собором, в церковном одеянии. По левую сторону того другого стола, близ гетманских клейнот, стояли генеральная старшина и бунчуковые товарищи, а вокруг всего театра обнимало все шляхетство малороссийское. Посреди ж самого театра стал министр, его сиятельство граф Гендриков, с коего места им всем вслух говорена следующая речь: «Ее Императорское Величество, по прошению всего малороссийского народа, всемилостивейше соизволяет быть по прежнему во всей Малой России Гетману, и повелевает избрать меж себя из природных своих людей гетмана, по малороссийским своим правам и вольностям, вольными голосами, для которого избрания я, с Высокою Монаршею Грамотою, сюда, в Малую Россию, и прислан».

По окончании той речи вышеупомянутый Коллегии иностранных дел секретарь, Писарев, читал вслух же всему собранию высокомонаршую грамоту в следующем содержании:

Жалованная грамота к избранию гетмана

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Елисавет Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимерская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская, и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иных Государыня, и Великая Княгиня Новагорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, и всея Северныя страны Повелительница, и Государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных наследная Государыня и Обладательница.

Объявляем Нашим верным подданным малороссийского народа, духовным и мирским, Войска Запорожского обоих сторон Днепра, генеральной старшине, полковникам, бунчуковым товарищам, полковой старшине, сотникам, и городовой старшине, козакам, и всему поспольству, коим образом Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество в особливое уважение и разсуждение те приключения и тягостные обстоятельства приняли, которые Наш верноподданный малороссийский народ и принадлежащие к оному земли, от нескольких лет, а наипаче во время минувшей с Оттоманскою Портою войны, претерпевать принуждены были, и в таком разсуждении

Мы, Великая Государыня, милосердуя о вас, Наших верных подданных и о благосостоянии всего малороссийского народа, Наше материнское попечение и призрение имея, дабы сей, из давних времен к Нашей Империи благоприсоединенной малороссийской народ, от имевших доныне тягостей и налогов облегчен и освобожден, и при своих, издревле приобретенных, вольностях и правах наилучше охранен и содержан быть мог, яко же и по учиненному к Нам о том всеподданейшему от малороссийской старшины, именем всего того народа, прошению, Высочайше и Всемилостивейше соизволили повелеть, отныне быть во всей Малой России Гетману, по прежнему и на таком основании, как от Нашего любезнейшего родителя, блаженной и высокославной памяти, Государя Императора Петра Великого, бывший Гетман Иван Скоропадский учрежден был. В следствие же такого Нашего Всемилостивейшего соизволения, для избрания его, Гетмана, из малороссийского народа, по прежним вашим обыкновениям, вольными голосами, отправлен с сею Нашею Императорскою грамотою в Глухов, Нашей лейб-компании подпоручик, и Ее Императорского Высочества, Нашей любезной племянницы, Великой Княгини камергер и кавалер орденов Святого Александра и Святыя Анны, граф Иван Гендриков, который при том избрании Гетмана присутствовать будет и о Нашем изволении вам объявит. А вам, Нашим верным подданным, духовным и мирским, через сие же Всемилостивейше повелеваем для того съехаться в Глухов и быть изо всех полков полковникам и старшине полковой, бунчуковым и значковым товарищам и козакам, в такое время, как упомянутый граф Гендриков назначит; и при нем выбрать вам себе Гетмана по прежним своим обыкновениям, кого благопристойно будет из верных и искусных особ; а впрочем Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, обещаем Нашим Императорским словом, тому новоизбранному Гетману и всем вам, Нашим верным подданным, малороссийскому народу, все вольности, права и привилегии, которые вы, от времени принятия под державу Всероссийскую Гетмана Богдана Хмельницкого с Войском Запорожским и со всем малороссийским народом, и потом при государствовании Нашего родителя, блаженной и высокославной памяти, Государя Императора, Петра Великого, имели, свято, нерушимо и цело содержать и вопервых Своих подданных от нападения всех неприятелей оборонять и весь малороссийский народ в непременной своей милости содержать, в чем бы вам, верным Нашим подданным, на Нашу Императорского Величества милость быть благонадежным. Дан в Москве лета от Рождества Христова, 1749 года, декабря 15 дня, государствования Нашего девятого года.

Оригинальная подписана собственною Ее Императорского Величества рукою тако: *Елисавет.*

Министром спрашивается от общества кого они желают себе гетмана? Общество назначает быть над ними гетманом графа Кирила Григорьевича Разумовского

По прочтении той всемилостивейшей грамоты, за таковое ее императорского величества к малороссийскому народу милосердие, преосвященным митрополитом Киевским принесено от всего общества всеподданнейшее благодарение. После чего его сиятельство, граф Гендриков, оборачиваясь на все стороны, громогласно всех вопрошал: Кого желаете себе гатмана? На что все единогласно, как духовные, так и все генеральная старшина, бунчуковые и войсковые товарищи, полковники, и всякая старшина, и шляхетство, как равно и козаки, и чернь, вскричали, объявляя желание, чтоб быть в Малой России гетманом, ее императорского величества действительному камергеру, лейб-гвардии Измайловского полку подполковнику, Академии Наук президенту и орденов Святого Александра Невского, и Святой Анны кавалеру, его сиятельству, графу Кириле Григорьевичу Разумовскому, яко природному малороссиянину, что трикратным желанием подтвердили.

По поздравлении министром всего общества с получением себе гетманом, производится, в знак радости и удовольствия, пушечная и ружейная пальба

По сем его сиятельстве, граф Гендриков, новоизбранным в Малороссию гетманом всех предстоящих тут духовных, и старшин, и шляхетство, благопристойным образом поздравил, и для знания всем вообще оного избрания, выпалено с города изо сто одной пушки, а после сего, в знак той радости своей, по всем полкам козаки из ружья беглым огнем стреляли.

Вход всего собрания в церковь с внесением высочайшей грамоты и всех гетманских клейнот и по принесении Богу благодарности производится пальба

После сего прежним порядком в церковь Николая Чудотворца внесены всемилостивейшая грамота и все гетманские клейноты, куда все духовные и граф Гендриков, так равно вся малороссийская знатнейшая старшина и шляхетство вошли, где, по службе Божией, во первых говорена была изрядная проповедь Софийским архимандритом Манасием Максимовичем, а потом, по многолетном ее император-

ского величества высочайшем здравии молебствия, производилась трикратная пушечная и ружейная во всех полках пальба.

Обратный церемониал от церкви до министерского двора

По окончании всего того все вышеписанные вещи, как то: всемилостивейшая грамота, все гетманские клейноты и прочее из церкви, выше объявленным порядком, отнесены обратно в дом министра того, Гендрикова, а полки последовали за город к своим местам и там распущены.

От всей Малой России в знак благодарности министру подносится дар

В знак же таковой Малой России радости и долго ожидаемого благополучия, его сиятельству, графу Ивану Симоновичу Гендрикову, именем всей Малой России, поднесено в дар генеральными старшинами 10 000 рублей, да свите его сиятельства 3000 рублей, а потом всем, для общей радости, на почесть дано вина горячего более двух сот ведер.

Министр угощает всех знатнейших в доме своем

В оной же день его сиятельство все то общество трактовал у себя обеденным столом, при чем была инструментальная музыка, а при питии за высочайшее здравие и за прочих господ производилась пушечная пальба, что продолжалось до девятого часа ночи.

Общество посылает ко двору депутатов с принесением своей благодарности за высочайшую милость. Дается высочайшее повеление в Сенат и в Коллегию Иностранных Дел об утверждении малороссийского гетмана

По окончании всего сего церемониального обряда, определено было от Генеральной Войсковой Канцелярии послать депутатов с благодарением ее императорскому величеству за оказанную высочайшую милость всему малороссийскому народу, так как и для поздравления новоизбранного ясневельможного гетмана, в которые выбраны были бунчучные генеральный Демьян Оболонский, полковник нежинский Семен Кочубей, бунчуковый товарищ Илья Журман, и пи-

сарь Суда Войскового генерального Иван Пиковец, кои и отправились с пристойною ассистенциею с Санкт-Петербург, где, по прибытии их туда, дана им публичная аудиенция 24 апреля, в которой депутаты, за оказанную высочайшую милость, приносили ее императорскому величеству от всего народа своего всеподданнейшую благодарность, которым в ответ, через канцлера, графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, сказано было, что касается об утверждении обще вашего народа гетманского выбора, на оное воспоследует ее императорского величества утверждение. После сего, июня в 5 день, даны именные ее величества указы Правительствующему Сенату и государственной Иностранных Дел Коллегии об оном, утверждении, и чтоб гетману иметь вперед место с генерал-фельдмаршалами и считаться между оными по старшинству с пожалования в чин. Так же на уряд его гетманской все малороссийские надлежащие маетности и Почеп с уездом ему отдать, и все малороссийские доходы собирать и употреблять по прежним малороссийским обыкновениям, лошадиные государевы заводы из урядовых гетманских маетностей, и полотняную фабрику с Почепа, вывесть, великороссийским членам в Генеральной Канцелярии, в Суде Генеральном, в комиссии экономии, в счетной и в комиссии об обидах, впредь уже не быть, и министерскую канцелярию оставить, и прочее.

Графа Разумовского присяга на чин его гетманский

По сем, в придворной ее императорского величества церкви, при присутствии канцлера, граф Кирило Григорьевич Разумовский, на пожалованной свой новый чин учинил, в верности службы своей, ее императорскому величеству присягу.

О данном гетману именном Указе и о возобновлении города Батурина, дабы иметь ему в оном свою резиденцию

Потом, того ж года, июля 31 числа, с особливейшего ее императорского величества соизволения, дан ему, гетману именной Указ, о возобновлении в Малороссии разоренного города Батурина и дабы иметь ему в оном свою резиденцию, в следующем содержании:

Указ
Нашему верноподданному
Гетману малороссийскому,
графу Разумовскому:

Нашим Высочайшим Именным, за подписанием собственныя Нашея руки, Указом, от 24 дня сего июля Коллегией Иностранных Дел

данным, Всемилостивейше повелели Мы вам, Нашему гетману, резиденцию свою иметь в Батурине, так как и прежние Гетманы оную там же имели, и бывший тамо город возобновить, и при заложении оного учинить освящение по церковному чиноположению. О чем вам чрез сие знать дается, потом же в наш Синод и Сенат из Нашей Коллегии Иностранных дел сообщено. Июля 31 дня, 1750 года.

На подлинном подписано тако: *По Ее Императорскому Величеству Указу: граф Алексей Бестужев-Рюмин, граф Михайло Воронцов*

Гетману жалуются все гетманские клейноты

А 1751 года, февраля 24 дня, вручены ему от ее императорского величества на тот чин все гетманские клейноты, как-то: пребогато украшенную дорогими каменьями золотую булаву, большое белое знамя с российским гербом, бунчук, печать войсковую и литавры серебрянные с пребогатыми, на бархате шитыми, занавесками и с золотыми висящими кутасами.

По увольнении от двора гетман с жалованною грамотою и со всеми его почетными знаками приезжает в Глухов с торжественною встречею

По получении всего того, касающегося до гетманского уряду, и по пожаловании сверх того ему, гетману, на уряд его всевысочайшей жалованной грамоты, состоявшейся того ж 1751 году, месяца мая в 22 день, уволен он в Малороссию, куда и прибыл июня 30 числа и имел в город Глухов въезд, где встречают его, нарочно для того съехавшиеся, как духовные особы, так и вся генеральная старшина, полковники, шляхетство и прочие именитые люди, в внутри города поставлены были 6000 козаков, для коего въезда, при поздравлении его благополучного прибытия, производилась пушечная и ружейная пальба.

Назначается день к собранию всего общества к торжественному объявлению всевысочайшей жалованной грамоты

По приезде ж его ясновельможности в Глухов назначен был срочный день и сделано повелительное объявление с тем, чтоб полки, старшина, шляхетство и прочие особы, и люди разного звания, к уреченному дню, то есть, к 14 числу июля, собрались в Глухов, для торжественного и публичного объявления всемилостивейшей ее импера-

торского величества жалованной грамоты о пожаловании Малой России по прежнему гетмана и о возобновлении ее благоденствия.

Церемониальный обряд и обнародование жалованной грамоты

Почему, по собравшемуся в Глухов всякого звания народу в тот назначенный срочный день, по пробытии утренней зари, дан выстрелами из трех пушек сигнал, по которому, входя в город, все малороссийские полки пешие, поставлены были при ружье по обоим сторонам улицы, от самого гетманского двора до церкви Николая Чудотворца, а при самой той с правой стороны полк гарнизонный Глуховский. По второму ж таковому сигналу, для учреждения церемониалу, собирались все генеральные старшины, бунчуковые товарищи и прочие чины в дом гетманский, откуда последовало, по данному третичному пушечному ж сигналу, в девять часов пред полуднем шествие: вопервых шла войсковая музыка, маршируючи играла марш, за оною шло 60 человек компанейцев, за ними шли 60 человек запорожских козаков, и за оными веден был двумя конюхами конь в богатом уборе, на коем привешены были пребогатые серебряные литавры, и по сторонам оных шло 6 человек бунчуковых товарищей, за коими ехал верхом бунчучный генеральный, Оболонский, держа в руках бунчук, за ними следовало 12 человек бунчуковых товарищей, потом везено было верхом хорунжим генеральным, Ханенком, знамя национальное, поддерживая оное со сторон двумя пешими бунчуковыми товарищами, в след сих шли 12 человек бунчуковых же товарищей, после них в богатой карете цугом ехал генеральный писарь, Безбородько, держа на руках положенную на богатой бархатной подушке печать войсковую, по сторонам же той кареты с обоих сторон ехали верхами 6 бунчуковых товарищей, а сзади пешие шли 6 лакеев в богатой ливрее, за ними, в открытой богатой коляске, ехал парою лошадьми генеральный подскарбий Скоропадский, держа на богатой бархатной подушке гетманскую булаву, по сторонам его были верхами 6 бунчуковых товарищей, а пешком с обоих сторон и сзади, в богатой ливрее лакеи, в след сих ехал в богатой же карете цугом, коллежский советник Григорий Николаев сын Теплов, держа пред собою на пребогато убранной подушке высокомонаршую грамоту. Пред сею каретою шли два скорохода и по сторонам оной два гайдука, а сзади четыре лакея, вокруг сего ехало бунчуковых товарищей 12 человек, потом изволил сам его ясневельможность гетман ехать в пребогатейшей карете, цугом богатоубранным, пред которою ехал верхом конюший арапин, за ним бежали 4 скорохода, за тем шли 8 человек лакеев, по сторонам 4 гайдука, все в богатых ливреях, и за каретою верхами ехали два сержанта гвардии Измайловского полку. Сверх сих ехали на лошадях по сторонам, с правой стороны, есаул генера-

льный Якубович, и 12 человек за ним бунчуковых товарищей, да 40 человек за оными запорожских козаков, а заключили всю оную церемонию 60 человек компанейцев.

Сим порядком дошед до церкви Николая Чудотворца, внесены были все те знаменитые вещи в оную и положены были на приготовленном посреди церкви для того столе, покрытом богатым персидским ковром, во первых, высочайшая грамота, а по сторонам оной, с правой стороны, гетманская булава, а с левой войсковая печать, знамя ж и бунчук при оном столе по сторонам стоймо держали те самые, кои их везли. За сим началась Божественная литургия, а по окончании оной, высочайшая грамота, господином Тепловым, пред всем народом, вслух читана была в следующем содержании:

Жалованная императорская грамота о избранном, по прежнему, вновь гетман, с подтверждением прежних малороссийских прав и вольностей

Божиею поспешествующею милостию, Мы, Елисавет Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимерская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская, и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иных Государыня, и Великая Княгиня Новагорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, и всея Северныя страны Повелительница, и Государыня Инверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкаских и Горских Князей, и иных наследная Государыня и обладательница.

Всем обще и каждому особливо, паче же малороссийскому народу, известно и ведомо да будет, что Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, милосердуя о Наших верных подданных малороссийского народа и имея о благосостоянии оного материнское попечение и призрение, дабы сей, из давних времен к Нашей империи благоприсоединенной народ малороссийский лучшим порядком и совершенным радением был управляем, при своих, издревле приобретенных вольностях и правах наилучше сохранен и содержан, на всеподданнейшее от малороссийской стороны именем всего народа прошение, Высочайше и Всемилостивейше соизволили, по прежнему обыкновению, вольными голосами, избрать гетмана, яко то при предках Наших, Всероссийских Монархах Императорах, было. В следствие же того Нашего Всемилостивейшего соизволения, при посланном к тому избранию, Нашего Императорского Величества, генерал-майоре, лейб-компании подпоручике, Ее Императорского Высочества, Нашей любезнейшей племянницы, Великой Государыни, камергере, и орденов Святого Александра и Святой Анны кавалере, графе Иване Гендрикове, 22 дня февраля, прошлого 1750 году, в Глухове, обще от

всех малороссийских чинов и народа единогласно избран гетманом природной малороссиянин, Наш действительный камергер, Академии Наук президент, и Нашей гвардии Измайловского полку подполковник, и орденов Святого Александра, Белого орла и Святой Анны кавалер, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, и из оных, выбором, подписанным всех при том бывших духовных персон, старшин и других чинов руками, для испрошения высочайшей Нашей Конфирмации, присланный генеральный бунчуковый, Демьян Оболонский, Нежинский полковник, Семен Кочубей, бунчуковый товарищ, Илья Журман, да при них Суда Генерального писарь, Иван Пиковец, и Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, в разсуждении того, по повелению Нашему, общего вольными голосами малороссийского избрания, и будучи достаточно в службе, верности и благоразумии, через хвалы достойное правление военных и гражданских порученных дел уверены, его, графа Разумовского, Гетманом Всемилостивейше конфирмовали, и, по учинении Нам, Великой Государыне, в верности своей, пред Святым Евангелием, при крестном целовании, здесь, в придворной Нашей церкви, при Нашем канцлере, действительном тайном советнике, сенаторе, российских и других орденов кавалере, графе Алексее Петровиче Бестужеве-Рюмине, присяги, войсковые клейноты, булаву, знамя, бунчук, печать и литавры от Нас получил. После чего он, подданный Наш, Гетман, граф Разумовский, просил Нашего Императорского Величества, дабы мы пожаловали его на уряд гетманский и на маетности, на булаву определенное жалованное Нашею Грамотою и Мы, Всепресветлейшая Державнейшая, Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссийская, Наше Императорское Величество, призирая на то, подданного Нашего Гетмана, прошение, и видя его к Нашему Императорскому Величеству, но прежде засвидетельствованным при дворе Нашем по чину своему, прилежность и благоповедение, такожде и в гвардии Нашей и в Академии Наук заслуги, ревность и добропорядочное управление, и по учиненному ныне вновь о верности и службе обещанию, повелели сию милостивую жалованную Грамоту на утверждение того уряду гетманского выдать, и силою Нашей Императорского Величества жалованной Грамоты, соизволяем ему, подданому Нашему, Гетману, войсковую армату или артиллерию, и данные гетманского достоинства знаки иметь так, как прежние гетманы, в верности своей, к Нам бывшие, содержали воинские и гражданские всякие, в Малой России управлять по войсковым правам, по прежним обычаям и постановленным пунктам, на которых приступил под державу Деда Нашего, блаженныя памяти, Великого Государя и Великого Князя, Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца, Его Царского Величества, Гетьман Богдан Хмельницкий, со всем Войском Запорожским и народом малороссийским, и по Нашим, Императорского Величества, указом определенным и впредь определяемым и к нему посылаемым, без нарушения прав и вольностей

стародавних народа малороссийского, и маетности на булаву определенными против иных подданных Наших Гетманов владеть со всякою пристойною повинностию, дабы, видя он, подданный Наш, Гетман к себе сию Нашу милость, служил Нашему Императорскому Величеству и Нашим наследникам верно и постоянно, со всем, под правлением его гетманским обретающимся подданным Нашим Войском Запорожским и народом малороссийским, против всех Наших неприятелей, во всем согласно выше именованной присяге, в которой он, Гетман, при крестном целовании, за подписанием руки своей, был, за что Наша, Великой Государыни, Нашего Императорского Величества, милость и призрение, и впредь от оного подданного Нашего отъемлема не будет, но наипаче умножится. И для объявления вящшой к нему, подданому Нашему, Гетману, Нашей милости и утверждения, сию Грамоту, собственною Нашею Императорского Величества рукою подписали и Нашею государственною печатью утвердить повелели. Дана в резиденции Нашей, в Санкт-Петербурге, мая 22, лета от рождения Христова 1751, государствования Нашего 10 году.

Подлинная подписана собственною Ее Императорского

Величества рукою тако: *Елисавет.*

По прочтении сей грамоты благодарственное отправилось молебствие, с пушечною с города и ружейною ото всех полков пальбою.

По окончании ж всего того, от церкви, прежним церемониальным порядком, как высочайшая грамота, так и гетманские войсковые клейноты, все отвезены в дом его ясновельможности гетмана, и были все знатнейшие господа у него великолепным обеденным столом угощаемы, при чем играла инструментальная музыка, а при питии за высочайшее здравие, как и за прочих именитых господ, производилась пушечная пальба, и тем то торжество, при освещении до полуночи всего города, окончено было.

Осмотр гетманский по всем в Малой России местам

В 1752 году гетман навестил все полковые и другие знатные города и местечки, употребя на сие путешествие более двух месяцев. Между тем хотя имел дозволение переселиться со всем правлением в город Батурин и предписал заводить тамошние строения, но не оставлял стараться и об окончании глуховского дому, который и сооружен был со всеми довольными выгодами. В конце того лета позван он был ко двору, куда и отъехал, а оттуда уже возвратился он через год.

О сложении малороссийских внутренних сборов

1755 год пребудет в малороссийском народе в вечной и незабвенной памяти уничтожением тягостных и затруднительных внутрен-

них сборов, дарованным ее величеством, от государыни императрицы Елисаветы. Издревле, по привиллегиям и правам, край сей пребывал свободен от всех сих налогов, но некотрые из последних гетманов, и особенно Самуйлович, под видом войсковых надобностей, завели разные сборы, яко то: покуховное, скатное, поковшовное, и многие тому подобные, которые в общественных промыслах стесняли и затрудняли людей до крайности. Торговля также в Малороссии была в худом состоянии; ибо на великороссийской границе были учреждены таможни и взаимные продукты подвергались отяготительному платежу, вместо того, что Малая Россия имела свободный ввоз чужестранных товаров, на кои пошлина, под титулом индукты, положена была без дальнего разбору на надобность, или приход; то же самое и в рассуждении вывозу в чужие края товаров и продуктов происходило, и сия пошлина обращена была в собственный доход гетману.

Разрешение торговли между Малою и Великою Россиею

Императрица обрадовала народ, при сложении упомянутых внутренних сборов, разрешая свободный торг между Малою и Великою Россиею и распространяя полезные учреждения на внешнюю торговлю, из доходов которой сделано удовлетворение как гетману, так и скарбу малороссийскому.

О наряде к прусской войне

В 1756 году, по приготовлении к войне прусской, велено было и от Малороссии изготовить пять тысяч козаков, с приличною артиллериею, к которым начальником определен был генеральный есаул Яков Дамианович Якубович, но сия команда осталася без высылки, а только в начале 1757 года, посланы были тысяча компанейских козаков, которые находились в деле при баталии Егерсдорфской и, по окончании компании, отпущены в Малороссию.

В 1757 году совершился набор для начатой тогда прусской войны погонщиков из посполитого малороссийского народа, в числе 8000, из которых большая часть в следовании померли; а самая малая в дома возвратилась. Отправлено было туда же и 1300 пар быков, с довольною воинскою командою.

Отъезд гетманский в Петербург

В конце того года граф Разумовский, по приглашению от двора, отправился в Санкт-Петербург, оставя управление главное учрежден-

ным на время сего отсутствия членам генеральной канцелярии, а именно: генеральным: обозному Кочубею, подскарбию Скоропадскому, писарю Безбородьку, есаулу Валкевичу и хорунжему Ханенку.

Из оных членов, в наступившем 1758 году, скончались 2 января Скоропадский, а Валкевич в марте, потом и судья Оболонский, и есаул Якубович; чего ради, по грамотам, к гетману присланным, в сентябре созваны были в Глухове все чины малороссийские, для избрания, на убылые места, генеральных старшин и для рассмотрения сочиненного особою комиссиею из духовных и мирских особ малороссийских проекта прав тамошних, поданного в 1742 году, ее императорскому величеству, который прислан был, для общего положения, но, кроме избрания генеральных старшин, все прочее отложено до января следующего года, в котором, тако же, не учиня никакого решения, разъехались.

Для армии 1759 года, в мае, отправлено 4000 пар волов на счет заплаты. Гетману пожалованы в собственность и наследство, из столовых его вотчин, города: Почеп и Батурин с уездами, да волости Шептаковская и Бакланская.

В 1760 году, в марте, прибыл гетман, со всею фамилиею, в Глухов.

К армии предписано отправить 2000 козаков, коих и назначил гетман тысячу из трех компанейских полков, а другую из городовых, под главною командою Прилуцкого полку полковника, Григория Галагана.

В оном году умер генеральный хорунжий Ханенко.

В конце сего ж года гетман, усматривая, что Малороссийский Генеральный Суд, сперва самым первым местом в Малороссии состоявший нередко из всех генеральных старшин, и в коем, с 1728 года, сам гетман почитался президентом, приведен потом в такое состояние, что находится под аппеляциею Генеральной Канцелярии, и в одном токмо генеральном судье, учредил, чтоб, при всегдашнем присутствии обоих генеральных судей, заседали в оном 10 депутатов от 10 полков, дворянством избираемых, и восставил его в право трибунальное, под собственным своим ведением.

В 1761 году пожалован в генеральные подскарбии Василий Гудович и есаулом Иван Журавка.

В сем году отрешен Киев из ведомства гетманского и безпосредственно подчинен Сенату.

По грамоте, к гетману присланной, в сентябре и октябре собиралися все чины малороссийские для нового выбора в генеральные старшины и для других дел, требовавших общего положения.

В последних числах октября гетман отозван был ко двору, куда он и отправился, оставя управление дел Малой России на генеральных: обозного, Семена Васильевича Кочубея, подскарбия, Василия Андреевича Гудовича, писаря, Андрея Яковлевича Безбородка, и есаула, Ивана Тимофеевича Журавку.

Кончина императрицы Елисаветы Петровны и вступление на всероссийский престол Петра Великого, Петра Феодоровича

25 декабря преставилась государыня императрица, Елисавета Петровна, а на престол вступил император Петр Третий. Для обвещания о сем и приведения к присяге малороссийского народа, был прислан действительный камергер, Петр Кирилович Нарышкин. Оному поднесено от Малороссии в Глухове и по полкам более 20 000 рублей в подарок, кроме многих других вещей, между коими от дому гетманского перстень, ценою 3000 рублей.

1762 году, от императора Петра Третьего, по докладу гетманскому, пожалованы в отставку, в генеральные обозные генеральный бунчужный Осип Лукьянович Закревский; в генеральные судьи генеральный писарь Андрей Яковлевич Безбородько; в бригадиры черниговский полковник Иван Пантелеймонович Божич, и многие другие чины; по выборам на убылые места, в генеральные судьи Александр Иванович Дублянский, в писари Василий Григорьевич Туманский, в есаулы Иван Михайлович Скоропадский, в хорунжие Данила Петрович Апостол, в бунчужные Яков Степанович Тернавский. Сверх того без выборов пожалованы в полковники: стародубовские, голштинский генерал-майор обер-гофкамер-интендант Карнович, с чином российского бригадира, в гадяцкие, голштинский бригадир Крижановский, в черниговские, выпущенный из гоф-фуриеров в армейские полковники, Милорадович, генеральный подскарбий Василий Андреевич Гудович с чином тайного советника и пожалованием ордена Святой Анны.

В оном 1762 году город Киев по прежнему возвращен в ведомство гетмана.

Вступление на всероссийский престол супруги его величества, Петра Феодоровича, Екатерины Алексеевны и ее коронование

28 июня было вступление на престол ее императорского величества, Екатерины Алексеевны II-й, а 22 сентября святейшее ее коронование в Москве, к которому по высочайшему дозволению, присланы были от Малой России депутаты, генеральные: обозный, Семен Васильевич Кочубей, и судья, Илья Васильевич Журман, с большою свитою знатного дворянства и других чинов.

1763 года, изливаемые ее императорского величества милости на подданных ее, простирались и до малороссийского народа, разрешением беспошлинного вывоза из Польши леса и запрещением пропуска польского горячего вина в Новую Сербию и в Сечь Запорожскую, для соблюдения сего малороссийского промысла, присвоенного шляхетству и рыцарству, и уничижением табачного и других откупов, стеснявших торговлю.

Ее императорское величество повелела восстановить учреждение в Малороссии подкоморских судов и точное тамошних прав исполнение, почему гетман в последних числах, по прибытии в Глухов, созвал всех чинов на генеральное собрание, на коем и поставлено иметь по старому суды земские, градские и подкоморские.

По неоднократным прошениям чинов малороссийских о постановлении точных уравнительных им степеней против великороссийских, ее императорское величество указать соизволила собранию, где происходил совет о вольности дворянства, сделать положение как о рангах, так и о образе производства их.

Свободен переход крестьян, обыкновением, во время замешательств, в Малороссии введенный, а потом и указом 1742 году безпредельно утвержденный манифестом ее императорского величества, приведен в то самое состояние, в каком ему, по точности прав малороссийских, быть надлежало, и тем уменьшено число бродяг, а земледелию и хозяйству поданы способны к распространению.

Начатая в Малой России перепись по числу мужеска полу сего году кончена.

В начале 1764 года гетман отправился ко двору, оставив правление генеральным: обозному, Семену Кочубею, писарю, Василию Туманскому, и хорунжему, Даниле Апостолу, учредив при том, чтоб генеральные есаулы, хорунжие и бунчужные, яко военные чиновники, наблюдали над порядком в войсках и защищали подчиненных от обид; почему и поручил им суды военные в делах, сего ради определил, чтобы единообразие в мундирах и вооружии по возможности сохраняемо было.

В сем году город Киев исключен паки из ведомства гетманского и подчинен генералу-губернатору киевскому.

В июне скончался тайный советник, генеральный подскарбий и ордена Святой Анны кавалер, Василий Андреевич Гудович.

Прим. Киевский митрополит, Тимофей Шербацкий, в 1757 году переведен в Москву и был там митрополитом, а на его место определен архиепископ Арсений Могилянский, и пас церковь 13 лет, где и скончался.

ГЛАВА 35

О сложении и упразднении чина гетманского и об учреждении вместо оного правления Коллегии Малороссийской и о прочем

В 1764 году, в ноябре месяце, гетман, граф Кирила Григорьевич Разумовский, утрудившись в рассуждении пространства многотрудных дел малороссийских, как равно и других великороссийских, не меньше важных его упражнений, просил, сего ради, ее императорского величества о всемилостивейшем снятии с него гетманского чина, если благоволено будет; по каковому прошению, снисходя ее императорское величество, благоволила всемилостивейше снять с него тот чин, а вместо того изволила наградить, с оставлением по жизнь его пенсиона гетманского, по 50 000 рублей, и с прибавкою еще по 10 000 рублей из малороссийских доходов, и с пожалованием при том в собственное наследство города Гадяча, с ключем, к нему принадлежащим, и волости Быковской, кои на уряд гетманский принадлежат, да в Батурине на казенное содержание построенный гетманский дом.

О котором увольнении от того гетманского чина, как равно чтоб быть, вместо оного правления, Коллегии Малороссийской и в ней президент с восемью членами, а для управления всей Малороссии генерал-губернатором, генералу-аншефу, графу Петру Александровичу Румянцеву, и о пожаловании графу Кириле Григорьевичу Разумовскому денежного жалования и в потомственное владение недвижимого имения, сего ж, 1764 года, ноября от 10 числа, о первом ее императорского величества манифестом, а о последних, как-то: об учреждении Коллегии и о награждении высочайшими милостями, ее ж императорского величества, именными двумя указами, обнародовано в следующем содержании:

Божиею милостию, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем Нашему верноподданному малороссийскому народу.

Малороссийский гетман, граф Разумовский, просил Нас всеподданнейше, чтоб Мы, в разсуждении пространства многотрудных дел малороссийских, а напротив того и других в Великой России не меньше важных его упражнений, чин Гетмана и положенное на него по тому правление Малой России, с него сняли. Мы, видя его, графа Разумовского, не малое по справедливости обременение и снисходя на его к Нам всеподданнейшее прошение, уволили его Всемилостивейше как от чина гетманского, так и от всех малороссийских по оному дел. Но как народ малороссийский издревле, по единству рода своего, веры и отечества с народом великороссийским, скипетру На-

шему подданный, пребывает от многих лет усердно Самодержавию Нашему подвластным, которого и благоденствие и прочими, Богом врученными Нам, народами, зависит от Нашего же единственного к нему матерняго призрения и покровительства, то и Мы, имея на сердце возводить благополучие его на такую степень, в которой бы он вящше познал Нашу к себе Императорскую милость, пока время и опыт даст Нам о его благе лучший учинить промысел, дабы без надлежащего правления край сей теперь не остался, учредили в нем Коллегию Малороссийскую вместо бывшего гетманского правления, на том точно основании, как особливым Нашим указом дано ныне знать Нашему Сенату. И для того в самой Малой России быть Мы повелели, яко генерал-губернатору, а в сей Коллегии яко президенту, определяя в оную великороссийских и малороссийских членов потребное число, армии Нашей генералу-аншефу и кавалеру, графу Петру Румянцеву, возлагая на него надежду, что он, по изведанным и довольно уже Нам известным его достоинствам, не только желаемый в сем народе, сверх места своего по Коллегии, сохранит порядок, но и о пользе собственной сего народа будет к Нам всегда добрый и надежный предстатель. Почему и уповаем, что народ малороссийский, видя Наше толикое об нем матернее попечение, не оставит оное принять с тою подданическою благодарностью, которой Мы от него, так как от праотцев своих престолу Нашему верноподданного, несумненно ожидаем. Дан в Санкт-Петербурге, ноября 10 дня, 1764 года.

Подлинный подписан собственною ее Императорского величества рукою тако: *Екатерина.*

Печатан в Санкт-Петербурге, при Сенате, ноября 15 дня, 1764 года.

Указ ее императорского величества, самодержицы всероссийской, из Правительствующего Сената, генералу-аншефу и кавалеру, Петру Александровичу Румянцеву. В указе ее императорского величества, за подписанием собственной ее величества руки, данном Сенату сего ноября 10 числа, написано:

По Всемилостивейшем от Ее Императорского Величества увольнении графа Разумовского, по прошению его, от гетманского чина, повелеваем Ее Императорское Величество Сенату, для надлежащего Малой России управления, учредить там Малороссийскую Коллегию, в которой присутствовать главным вам, и с вами четырем великороссийским членам из генералитетских и штаб-офицерских чинов, да из малороссийских старшин четырем же членам, великороссийских Всемилостивейше определяет Ее Императорское Величество, ныне генерал-майора Бранта, да полковника князь Платона Мащерского, на протчия ж две вакансии Сенату немедленно, выбрав кандидатов, Ее Императорскому Величеству представить, а малороссийских, обознаго генерального Кочубея, писаря генерального Туманского, есаула генерального Журавку, да хорунжего генерального Апостола, проку-

ром, находящегося не у дел подполковника Алексея Семенова, а секретарей, одного из великороссийских, а другого из тамошних, тако ж и других нижних канцелярских служителей выбрать вам по своему разсмотрению. Ее Императорское Величество, желая, чтоб между определенными в сию Коллегию членами никакого различия не было и каждой место свое по чину и старшинству занимать мог, Всемилостивейше жалует сих малороссийских членов уравнением в классах с великороссийскими нижеследующими чинами, а именно: обозного генерального Кочубея генерал-майором, писаря генерального Туманского чином статского советника, есаула генерального Журавку и хорунжего генерального Апостола полковничьим. А как в прошлом 1763 году, по именному Ее Императорского Величества указу, учреждены в Малой России суды подкоморские и суды земские, в каждом полку по два, а в Нежинском три, в которые и определяются подкоморские судьи, подсудьи, писари и возные, выбором к тому повсягодно, яко временные, то повелевает Ее Величество и сим, пока они в таких по выборам званиях пробудут, считаться за уряд, а именно: подкоморым первыми по полковнике малороссийском, судьям земским с первостатейными бунчуковыми товарищами по старшинству, подсудкам с бунчуковыми же товарищами второстатейными, писарям земским по старшинству против полковых есаулов, а возным быть первыми подсотником малороссийским. За неимением ныне Гетмана, определенному от Ее Императорского Величества главному малороссийскому командиру быть в такой силе, как генералу-губернатору и президенту Малороссийской Коллегии, где вы по делам суда и расправы имеете и голос председателя по генеральному регламенту, а в прочих делах, яко то содержание в народе доброго порядка, общей безопасности и исполнения законов, должны вы поступать с властию губернаторскою, то есть, как особливо поверенной от Ее Императорского Величества в отсутственном месте. Запорожской же Сечи, которая состоема под ведомством гетмана, быть ныне ведомой в сем Малороссийском правительстве, а в разсуждении излишних пред обыкновенными расходов, которые в сем звании иметь должно, Всемилостивейше жалует вам, сверх настоящего по чину Вашему жалования, из тамошних доходов по четыре тысячи рублей на год столовых денег, да на генерал-губернаторский уряд ведомства Кучероского село Кучеровку с принадлежащими к нему селами и хуторами, да село Середину Буду. И во исполнение оного определенным в Малороссийскую Коллегию членам и прокурору, кои здесь находятся, Высочайшей Ее Императорского Величества указ сказан быть имеет в Сенате, а кои из них в Малой России, тем имеете объявить вы, господин генерал-аншеф и кавалер, по прибытии вашем туда и привесть их к присяге; на прочие ж две ваканции в ту Коллегию в члены кандидаты выбраны и представлены будут Ее Императорскому Величеству от Сената ж, и как о всем том учреждении в Малороссийскую Коллегию во все присутственные места в губернии и про-

винции и в приписные города, так и дабы означенные определенные в члены и прокурор в Малороссию как отсюда, так и из тех мест, где кто из них находится, следовали и там у вас явились, о том и к ним указы посланы, и генералу-аншефу и кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцеву, о том ведать и чинить по сему Ее Императорского Величества указу, ноября 17 дня, 1764 года.

На подлинном тако:
Обер-секретарь *Иван Ермолаев*
Секретарь *Иван Артемьев*
Регистратор *Иван Косаткин*

Указ ее императорского величества, самодержицы всероссийской, из Правительствующего Сената, генералу-аншефу и кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцеву. В указе ее императорского величества, за подписанием собственной ее величества руки, данном Сенату сего ноября 10 числа, написано:

Малороссийский гетман, граф Разумовский, поданным Ее Императорскому величеству письмом, всеподданнейше просил у Ее Императорского Величества позволения сложить с себя гетманский чин. Ее Императорское Величество, снисходя на сие прошение, Всемилостивейше увольняет его с оного, оставляя его при всех тех великороссийских чинах и должностях, кои он поныне имеет, при чем утверждает за ним, как все те малороссийские маетности, которые от Ее Величества блаженной и вечной славы достойной памяти, Государыни Императрицы, Елисавет Петровны, в вечное и потомственное ему и детям его наследное владение пожалованы, так и от Ее же Величества, вместо отрешенных в Малой России, сборов определяется ему по пятидесяти тысяч рублей, из собираемой в Малой России пограничными таможнями, тарифной и тринадцати-копеечной пошлины, и вместо получаемого им во время гетманства с урядовых маетностей доходу. Из Высочайшей Ее Величества Императорской к нему милости и в разсуждении многочисленной его фамилии, Всемилостивейше жалует ему по смерть его из таможенных же сборов по десяти тысяч рублей на год, да в вечное и потомственное ему и детям его наследное владение в Малой России, из урядовых маетностей, замок Гадяцкий и волость Быковскую, с принадлежащими к ним местечками, с селами и деревнями, и генералу-аншефу и кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцеву, о том ведать и чинить по сему Ее Императорского Величества указу. Ноября 18 дня, 1764 года.

На подлинном подписано:
Обер-секретарь *Иван Ермолаев.*
Секретарь *Иван Артемьев.*
Регистратор *Иван Косаткин.*

Приезд в Малороссию генерала-губернатора, графа Румянцова

По сему высочайшему повелению, в начале 1765 года, его сиятельство, граф Петр Александрович, по прибытии своем в Малороссию, вступя в свое правление, тотчас объехал, для обозрения, по губернии своей лежащие границы с Польшею, татарами и турками, а потом осмотрел войска, крепости и посты; он положил начало самой обстоятельной и достоверной переписи, не только с показанием числа людей, но и столь подробным описанием земель и угодий, всем правлениям, Коллегии подчиненным, дал образ благопристойный и средства к порядочному дел попечению, ради защищения безгласных бедных, а для охранения народного права учредил присяжных адвокатов при Коллегии и при Генеральном Суде. Он возбудил ревность закосневшим в одних чинах к службе, что не только у себя, в отчизне, вступать и искать начали, но и великое множество юных людей обратилося в полки регулярные служить. Усмотрев, что сложенное на Малороссию довольствование провиантом и фуражем шести карабинерных полков с генералами и Глуховского гарнизона не приносит казне столько облегчения сколько терпит народ обременения от прицепок, затеваемых по случаю поставки того провианта и фуража в натуре, установил, чтоб, считая от 1764 года, каждый житель к довольствованию войск платил в скарб Малороссийский по одному рублю, да на комиссарские расходы по две копейки с дому, по четвертям года, представляя подробную раскладку на общее обывателей в селениях или владениях, а из сих бы уже денег отпускалось потребное количество по штатам на удовольствие войск. Для сборов сей подати, в округах учреждены комиссары, по избранию владельцев, коим, сверх того, препоручено провождение войск переходящих и защищение жителей от обид.

Положа таким образом основание лучшего порядка и сделав, с 1766 года, разные учреждения о публичных строениях на пользу и надобности украшения главного города Глухова, в январе месяце 1767 года, его сиятельство, граф Румянцев, отправился ко двору в Санкт-Петербург, где и препроводил по февраль следующего года.

Сего года в сентябре, Малороссийский Генеральный Суд воспринял новый образ; вместо заседавших, с генеральными судьями выбираемых погодно от земства депутатов, учреждены непременные члены, кроме первенствующих вместе генеральных судей, и определены в то число надворные советники: Григорий Фридрикевич, Александр Башилов и бунчуковые товарищи: земский судья Сергей Дергун, Александр Безбородько и Петр Симоновский.

Вновь заведенное селение колонистами на беловежской степи

В оном же году вновь основано его сительством селение на беловежской степи, в Нежинском полку, под названием Екатеринопольского округа, для чужестранных мещан и хлебопащев, да в Переясловском полку, для выходцев из Валахии и Болгарии.

В 1768 году, для приведения в лучшее познание служб полков украинской дивизии, из поселенной милиции в полевые недавно превращенных, генерал-губернатор назначил быть генеральному лагерю при Полтаве, но потом, по начинавшимся уже беспокойствам от польских мятежников, от турецкой стороны приказал части войска собраться в Переяслове, а другой при Полтаве. При первой было семь эскадронов малороссийских козаков, а при последней три. Обе части упражнялись в учении по распоряжениям главного своего начальника и, при наступлении стужи, расположены были в квартиры в ближайших местах. Вскоре потом открылася война, объявленная с турками; для которой от ее императорского величества назначены были армии, первая под командою генерала князя Александра Михайловича Голицына, а другая под предводительством графа Петра Александровича Румянцева. К первой назначено было из козаков малороссийских три тысячи, под командою бунчукового товарища, Григория Иваненка, который потом пожалован Переясловского полку в полковники, кои и разделилися на три полка: Переясловский, самого командира Иваненка, Прилуцкий, бунчукового товарища Ивана Тарнавского, и Киевский, бунчукового товарища Андрея Шаулы. А во вторую армию отражены шесть тысяч. Над оными командовали полковники: Черниговского полку, Петр Милорадович, Нежинского, Петр Разумовский и бунчуковый товарищ Александр Безбородько, да сверх того тут же находилось три компанейские полки.

Граф Петр Александрович был озабочен учреждениями, до обоих армий касающимися, пока, наконец, прибыл к первой главный командир, князь Александр Голицын.

В конце сего года последовало от ее императорского величества высочайшее о войсках малороссийских повеление, чтоб оные, хотя по делам земским и должны нетъемлемо в полной мере пользоваться правом малороссийским, именуемым Статут, но в рассуждении употребления их на службе, судимы и руководимы были бы по постановлениям воинским.

Граф Румянцев ездил, в январе 1769 году, в Киев на соглашение с князем Голицыным, а в марте в Нежин, на таковое же с Киевским генералом-губернатором и Новороссийским главным командиром Феодором Матвеевичем Воейковым, и в апреле отправился к армии в Кременчук, препоруча наблюдение порядка в делах военных Малороссийской Коллегии члену, генерал-майору, князю Платону Степановичу Мещерскому, а в течении дел гражданских по нижним приказам генеральному судье, Илье Васильевичу Журману.

Генерал Румянцов находился при второй армии, а потом при первой, а ко второй прислан генерал граф Панин

В конце августа месяца, генерал-губернатор, граф Румянцов, пребывая с армиею между крепостью Святой Елисаветы и границами польскою и турецкою, по взятии генералом князем Александром Михайловичем Голицыным первою армиею турецкого города Хотина, получил повеление отправиться к предводительству тою первою армиею, по отзыве того генерала князя Голицына ко двору. Почему он, 29 августа, и отъехал из лагеря и, следуя через Кременчук, Переясловль и Киев, 18 сентября прибыл к армии, состоящей против Хотина; на место ж его, Румянцова, прислан к командированию той второй армии генерал граф Петр Иванович Панин.

Граф Румянцов одерживает всю Молдавию и Валахию

По прибытии ж графа Петра Александровича к первой армии, он одержал всю Молдавию и Валахию, с их столичными городами, Ясы и Букарестом, и прочими городами.

Граф Румянцов побеждает верховного визиря

А в 1770 году граф Румянцов имел сражение в Бесарабии, при урочище Кагуле, с турецкою армиею, под предводительством самого турецкого визиря, оную разбил и весь их лагерь и трофеи в добычь взял, потом посланными корпусами взяты лежащие при Дунае города: Измайлов, Килия, Тулчи и Исакчи, за тем Браилов, Мечин, Гирзов, наконец Журжа.

Граф Румянцов получает чин генерала-фельдмаршала

За все таковые храбрые и мужественные подвиги граф Петр Александрович награжден чином генерал-фельдмаршала.

В оном 1770 году, второю армиею, под предводительством генерала графа Петра Ивановича Панина, при Днестре реке взят в Бесарабии турецкой же город Бендер, и татарский первейший в той Бесарабии город Акерман, называемый Белград Татарский, и Татар Бунар и прочие городки крымского хана. После сего генерал граф Панин испросил себе отставку.

Верховный визирь, при городе Бабади, вторительно побеждается

В 1771 году, посланный корпус из Смаилова за Дунай до города Бабади, против находящейся там армии турецкой, коей предводительствовал сам визирь, под командою генерал-майора и кавалера Вейсмана, оную разбил и прогнал, весь лагерь и трофеи в добычь взял, а город дан войску всему в корысть и разорен.

Второю армиею взят весь Крым со всеми его крепостями

В оном же году второю армиею, под предводительством генерала князя Василия Михайловича Долгорукова, весь Крымский полуостров, со всеми его городами, повоеван и взят под владение российское.

В 1772 году было с турками перемирие, для чего, при городе Фокшанах, был учрежден конгресс, в коем с турками трактовано было о мире, но не состоялось по несоглашению, между министрами.

Войска российские, будучи за Дунаем, турок поражают и города берут

В 1773 году вся первая армия, под предводительством генерала-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцова, переходила за Дунай в Болгарию, там многие акции по разным местам с турками имела и оных прогоняла, город Карась Базар взяла, так же турок многих побила, в том числе одного сераскер-пашу и султанского чауш-пашу, так равно и город Туртукай взят и разорен.

Турки заключают мир с Россиею

В 1774 году его сиятельство, граф Петр Александрович, паки, с армиею своею, преходит через Дунай в Болгарию, окружает там всю армию турецкую и самого их визиря, находящегося в городе Шумне, где войска наши по многим местам разили и гнали турок, и многие города болгарские были взяты, через то, наконец, принужденным нашелся визирь искать мира, для чего прислал от себя, до предводителя армии российской, высокоповелительного господина генерала-фельдмаршала, графа Румянцова, с требованием мира, с кондициями, сходственными на обои стороны, почему и заключен он в окружности Силистрических, при деревне Кучук-Кайнаржи, июля 10 дня, 1774 года.

По постановлении мира войска российские выходят из пределов турецких, а фельдмаршал граф Румянцов, для торжества о замирении, следует в Москву. Российскими полками окружается Сеча и все там арестуется

По окончании той войны и по установлении надлежащим порядком с турками мирного трактата, генерал-фельдмаршал, граф Румянцов, с армиею своею вышел из тех областей турецких и расположился с полками, для политических обстоятельств, в пределах польских, в части Подолии, в Волынии и по Украйне, а более в Новороссийской губернии, простираючись до Запорожья, а сам прозимовал в городе Могилеве, состоящем при реке Днестре и границе молдавской, а в наступившее лето 1775 году фельдмаршал граф Румянцов последовал в Россию, полки же некоторые из числа той армии под командою генерал-порутчика Текелия, июня 4-го числа, по секретному повелению, приступили к самым запорожским местам (прочие ж вступили в Малороссию и далее), и те, окружа все оные места и самую их Сечу, или Кош, заступили, и в нем, как равно и в прочих местах и селениях, заарестовавши самого кошевого атамана, со всеми его старшинами и куренными атаманами в Сече, и всех случившихся тут и в тех околичных местах запорожцев, со всем их военным орудием, клейнотами и припасами, тем пристанище и гнездо оное регулярными полками занято; начальников же их, а паче кошевого, всех в отдаленные великороссийские города, для содержания их там под стражею, разослано, а козаков в новые пикинерные полки пикинерами определено, чем все Войско Запорожское и Кош, то есть, стан их, совсем разрушились.

Описание о всех продерзостях сечевских козаков

Сие учинено с ними за все прежние их злодейства, как выше сего по сему повествованию значится, которые столь долго во всю их бытность от России терпимы были, ибо не только за всегдашние воровства и разбои, но паче за их изменнические неверности и за ослушание указов, и неповиновения по высочайшим грамотам, как то многожды делали нападения, и великие разбои и убийства, например, в татарских нагайских селениях, в коем числе и целый город их, Балту, разграбили и разорили, и многих татар побили, а более того в польской области, не только дома знатных людей, но целые деревни, села и местечки господские разоряли и убивали поляк, а паче жидов, из чего от областей тех великие жалобы и претензии на них происходили, и тем причиняли немалые затруднения государству; да и в своих российских границах, как в Малой России, так и в Елисаветградской провинции, в гусарских селениях многие грабежи и разбои де-

лали ж. Они форпосты, команды и заставы, для проходу за границы и в возвратном своем пути разбивали и до смерти многих били. Между прочим же, по именному повелению в 1774 году, сенатским указом определено было, для поселения гусарскому молдавскому полку занять свободные места между рек Богом и Днепром и Самарою, они прибывшую для того команду не только не допустили, но, бивши оную, прогнали и офицера, взяв с невежеством, не взирая на представление им на то повелительного указа, бивши и в яму посадя, несколько недель под караулом своим бесчестно содержа, морили, считая яко бы те места, кои занять под то селение назначено было, по самую Украинскую линию, все единственно им только принадлежат. При том по своему суду, не повинуясь запретительным указам, преступников своих смертью казнили, а во время объявленной в 1768 году с турками войны, они первые вожаки татарам крымским и нагайским, по знаемости им мест, были, и великим числом татар зимою, в декабре месяце, как в новороссийскую Елисаветградскую провинцию, так и на самой город Бахмут и округ его, нападение делали, где в обоих местах премножество в плен людей, имения, лошадей и скота побрали, и тем там великое разорение учинили. При том же еще и переметчиками во время войны и мирное время туркам и татарам делались. Презирая и уничтожая все полученные ими высочайшие награждения и жалованные знаки достоинства, как то ее императорского величества милостивую грамоту, драгоценную булаву, бунчуг, перначи, знамена, для ношения ж во всегдашнее время на широкой алой ленте на шее, кошевому атаману и старшинам золотые медали, да и козакам многим по заслугам для их отличности, серебрянные даны были, и при том ежегодное денежное и хлебное жалованье, все то в ни во что поставляли. За сии то все злодейства и пренебрежения всех получаемых милостей высочайших, к такому разрушению всего общества их им довелось. А дабы и память того злодейского гнезда истребилась и звание Запорожской Сечи более быть не могло, переименован для того и город оный называть не Сечью, но Покровскою крепостью, по находящейся в оной церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

По воспоследовавшему ж оному делу, как для Бога, так и для целого общества угодному, обнародован ее императорского величества манифест в следующем содержании:

Манифест о разрушенном Войске Запорожском

Божиею Милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Мы восхотели через сие объявить во всей Нашей Империи, к всеобщему известию Нашим всем верноподданным, что Сечь Запорожская вконец уже разрушена, со изтреблением на будущее время и самого названия запорожских козаков, не меньше как за оскорбление Нашего Императорского Величества через поступки и дерзнове-

ние, оказанные от сих козаков в неповиновении Нашим Высочайшим повелениям.

Не прежде Мы поступили на сию, милосердию Нашему, весьма противную необходимость, как по истощении вотще всех способов кротости и терпения, провождаших к ним увещания, дабы возчувствовали и познали творимые погрешности и колико тем они воздвигнули на себя праведный Наш гнев и строгость вверенного Нам от Всевышнего правосудия.

Не изчисляя жалоб и утруждений, нередко восходивших к Нашему престолу от соседних держав за наглости и за грабительства, которые непрестанно в их границах происходят от запорожцев, возпомянем Мы, во первых, начало и происхождение, от которых существуют сии козаки; а потом в нижеследующем изобразим их дерзостное ослушание Монаршей Нашей власти и тяжкие от них, запорожцев, воспоследовавшие насильства против собственных сограждан своих, подданных Наших.

От писателей, повествующих древние деяния отечества, взаимствовать можно каждому любопытному то сведение, что запорожские козаки не что иное были, как часть от малороссийских козаков, напоследок в нравах и в образе правления отщетившаясь; ибо сии, обращаясь в естественном общежительстве, были до ныне, да и пребудут всегда, полезными гражданами, напротив чего запорожские, одичав в своих ущелинах и порогах, где первобытно, по способности мест, одна только военная стража учреждена была к отражению татарских набегов, составили из себя мало по малу совсем особливое, странное и намерению самого Творца, в размножении рода человеческого, от него благословенном, противоборствующее политическое сонмище. Вместо того, что, при начале учреждения на днепровских порогах нужной и полезной стражи, козакам, на оную временно и попеременно из Украйны отряжаемым, возбранено было брать туда с собою жен и детей своих, дабы оных не подвергать напрасной опасности варварского пленения, следовательно же и самых стражей содержать через то в большой свободе и лучшей, по тогдашним обычаям, военной исправности, некоторые из них столько приобыкли к сей праздной, холостой и безпечной жизни, что сделали себе, напоследок, из нее неподвижный закон, а с оным забывая отчину свою, и решились остаться уже навсегда в Сече, на собственной своей воле. Число их не было ни велико, ни уважаемо, даже и во время присоединения Малой России под державу Всероссийскую, как доказывают переговоры, тогда происходившие между государевых бояр и думных людей с посланниками Гетмана Хмельницкого, где, на вопрос министров царских, что еще запорожцы на верность к присяге не приведены? Гетманские посланники отвечали так: «Запорожцы люди малые и в дело их ставить нечего». А как таково бытие запорожцев, по установленному у них безженству, долженствовало б скоро разрушиться, то и стали они принимать без разбора в свое худое общество людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры, и сим единым средством существовали они до Настоящего уничтожения.

Не мог и не может, конечно, быть полезен отечеству сих качеств политический разнообразный и юридивый состав членов, питающихся в совершенном почти от света и естественного общежительства разлучении, наиболее от грабежа посреди окрестных народов, не взирая на священные с оными обязательства мира и доброй дружбы, часто приносящих от рук крови и неправды во храмах Всевышнего жертвы, ими же гнушается Господь Вседержитель, и погруженных без того во всякое другое время, когда им способны к разбойничеству пресекаемы были, в совершенной праздности, гнуснейшем пьянстве и презрительном невежестве.

Преступления же их, вынудившие от Нас меры строгости, оглавляются следующим:

1-е. Оставляя под покровом забвения прежние свои важные и пагубные преступления и измены против верности и подданства, начали они, лет за десять тому назад, да и в самое новейшее время, гораздо далеко простирать свою дерзость, присвояя и требуя, наконец, себе, как будто достояния их собственности, не только всех тех земель, которые нами чрез последнюю войну от Порты Оттоманской приобретены, но даже и занятых селениями Новороссийской губернии, предъявляя, будто им и те, и другие издревле принадлежали, когда, напротив, всему свету известно, что первые из сих земель никогда во владении Речи Посполитой польской не находились, следовательно же от оной никому и даны быть не могли; а последние, хотя и составляют часть Малороссии, но тем не меньше особенною принадлежностью козаков запорожских никогда не были, да и быть не могли, потому что они в самом бытии своем не имели никакого законного начала, следовательно же и собственности никакой в землях, а были единственно терпимы в тех местах, где они засели, в замену прежней там военной стражи, чего ради те Новороссийской губернии земли как пустые, а впрочем не только к житию человеческому, но и к ограждению границ от неприятельских набегов удобные, были заселены людьми к земскому хозяйству и к военной службе равно устроенными.

2-е. В следствие такого себе присвоения Новороссийской губернии земель, дерзнули они не только препятствовать указанному от нас обмежеванию оных, воспрещая посылаемым для оного офицерам явною смертию, но заводить и строить на них самовластно собственные свои зимовники, а сверх того уводить еще из тамошних жителей и из поселенных полков, гусарского и пикинернаго, мужеска и женска пола людей, коих всего и уведено в Запорожье до восьми тысячь душ, включая тут и тех, кои, от притеснения козаков в собственных своих жилищах, принуждены были переходить к ним и подчиняться их самовластию.

3-е. Пограбили и разорили они, запорожцы, у одних обывателей Новороссийской губернии в двадцать лет, а именно с 1755 года, ценою на несколько сот тысяч рублей.

4-е. Не устрашились еще самовластно захватить зимовниками своими приобретенные мирным трактатом новые земли между реками Днепром и Бугом, присвоить и подчинить себе новопоселяемых там жителей молдавского гусарского полку, так же, приходя отчасу в вящшее неистовство, и собраться вооруженною рукою для насильственного себе возвращения мнимых своих земель Новороссийской губернии, не взирая и на то, что Мы, Императорскою Нашею Грамотою от 22 мая минувшего 1774 года, повелев им прислать ко Двору Нашему нарочных депутатов для представления о их правах, в то ж время строгое им подтверждение учинили воздержаться от всякого своевольства и оставить спокойно все настоящие селения и жителей, но запорожцы и после того не больше послушными оказались.

5-е. Как же они принимали к себе, не смотря на частые им от правительств Наших запрещения, не одних уже прямо в козаки вступающих беглецов, но и людей женатых и семьенистых, через разные обольщения уговорили к побегу из Малороссии для того только, чтоб себе подчинить и завести у себя собственное хлебопашество, в чем довольно уже и предуспели; ибо поселян, в земледелии упражняющихся, находится ныне в местах бывшего Запорожского владения до пятидесяти тысяч душ.

6-е. Наконец, те же запорожцы стали распространять своевольные присвоения и до земель, издревле принадлежащих Нашему Войску Донскому, непоколебимому в должной к Нам верности, всегда с отличностию и мужеством в нашей службе обращающемуся, и порядком и добрым поведением приобревшему навсегда к себе отличное Наше Высочайшее Монаршее благоволение, делая и сим донским козакам запрещение пользоваться оными землями, которые уже долговременно в их обладании состоят. Всякий, здраво разсуждающий, может тут легко проникнуть как лукавое намерение запорожских козаков, так и существительный от оного государству вред. Заводя собственное хлебопашество, расторгали они тем самое основание зависимости их от престола Нашего и помышляли, конечно, составить из себя, посреди отечества, область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением, в надежде, что склонность к развратной жизни и к грабежу будет, при внутреннем изобилии, безпрестанно обновлять и умножать их число. Напрасно здесь изъяснять, коль предсудительно было бы событие сего злодейского умысла, как в разсуждении безопасности смеженных к Запорожью жилищ и селений, так и в разсуждении неминуемой убыли в людях из числа Наших верных подданных; но столько, однако ж, не можем мы умолчать, что и торговля с землями Порты Оттоманской, освобожденная материнм Нашим попечением от всей прежней тесноты, следовательно же, по взаимным естественным способностям, и обещающая трудящимся скорые и действительные плоды богатой жатвы, не могла бы достигнуть сама по себе того совершенства, которое ей видимым образом предлежит, к позавидованию всей Европы, если б вредное скопище запорожских козаков, обративших хищность и

грабительство в первое свое ремесло, не было благовременно изъято из тех мест, через которые сия торговля отчасти неминуемо проходит и действовать долженствует. Не для чего, равным образом, и того скрывать, что при самом начале последней с Портою Оттоманскою войны, многие из запорожских козаков умышляли, забыв страх Божий и должную Нам и отечеству верность, передаться на неприятельскую сторну, как и в самом деле ни известия войскам Нашим не подали они о приближении к границам тогдашнего крымского хана, ниже ему в походе, сколько ни есть препятствовали, будучи к тому в довольных силах.

Правда, Мы с удовольствием воздаем всю достойную похвалу в том пункте, что не малая ж часть Запорожского Войска в минувшую ныне сколь славную, столь и счастливую войну с Портою Оттоманскою, оказала при армиях Наших отличные опыты мужества и храбрости; почему Мы, обыкнув признавать и награждать по достоинству заслуги каждого из Наших верных подданных, не упустим, конечно, и впредь, из Всемилостивейшего Нашего внимания, всех честных людей, служивших Нам в сей части Нашего народа, которые, в ополчениях против государственного неприятеля, ознаменовали верность свою к Нам кровию и достохвальными подвигами, хотя и тут, к сожалению Нашему, не можем скрыть, что многие и из сих последних, по возвращении своем из похода в Сечь, начали совращаться с истинного пути и поступать заодно с своими домашними товарищами, вопреки Нашей Высочайшей воле и Нашим Монаршим повелениям.

И тако, по необходимому уважению на все вышеизраженное, сочли Мы себя ныне обязанными пред Богом, пред Империею Нашею и пред самым вообще человечеством разрушить Сечу Запорожскую и имя козаков, от оной взаимствованное. Вследствие того, 4 июня, Нашим генерал-порутчиком, Текелием, с вверенными от Нас ему войсками, занята Сечь Запорожская в совершенном порядке и полной тишине, без всякого от козаков сопротивления, потому что они не инако увидели приближение к ним войск, как уже повсеместно оными окружены были; ибо Мы сему военачальнику именно предписали стараться произвесть порученное ему дело спокойнейшим образом, убегая, сколь возможно, пролития крови.

Возвещая Нашим верным и любезным подданным все сии обстоятельства, можем Мы в то же время им объявить, что нет теперь более Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и козаков сего имени. Место жилища и угодья тамошние оставляем Мы для постоянных и отечеству наравне с другими полезных жителей, причисляя их по способности к Новороссийской губернии и поручая, при новом заведении и устройстве, в особливое попечение учрежденному там правительству Нашему.

Впрочем, следуя человеколюбию Нашему, которое всегда и от праведной преступнику казни отвращается, сообразовались Мы оному не меньше и в определении будущего жребия всем частным чле-

нам бывших запорожских козаков, Всемилостивейше повелев не желающих остаться на постоянном жительстве в своих местах, распустить на их родину, а желающим тут селиться, дать землю для вечного им жилища; всем же старшинам, кои служили порядочно и имеют одобрения от Наших военных начальников, объявить Нашу Императорскую милость, и что они соразмерно службе и званию их получат степени. Дан в Москве, от Рождества Христова тысяча семьсот семьдесят пятого года, августа, третьего дня, а государствования Нашего четвертогонадесять лета.

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества рукою тако: *Екатерина.*

Печатан в Москве, при Сенате, августа 3 дня, 1775 года.

По разрушении ж того общества, возчуствовало оно свое совершенное низложение и всю тяжесть падения от дел своих, из чего, востуживши некоторые о бывшем свободном жительстве, и о любезном попелище своем, что, вместо всего самовольства и всякой свободы, принудило их обращаться между людей, в порядочной жизни и благородной службе находящихся, и состоять, от сего времени, под святым законом и дисциплиною, для них не привычной, о всем сем, сложа стихи, воспели ниже следующее:

Несчасливый козаченько без доли вродився,
Взяли его в неволю, а вон зажурився.
А взявши в неволю, забили в кайданы,
Забивши в кайданы, ведут перед паны.
Скурвыи сыны запорожцы, не гаразд зробили,
Що степ добрый, край веселый, да и занапастили.
Да встань Зенче* с того света, просят тебя люде,
Упади царице в ноги, а ось по старому буде.

О приложении к фамильному имени графу Румянцову Задунайский

Во все оное прошедше время Малороссия лишалася удовольствия видеть своего начальника по самое его возвращение к торжеству, в 1775 году, в Москве и во всей России бывшему, где, при получении от ее императорского величества высочайших награждений, венчающих подвиги его, приложено к фамилии его и проименование Задунайского, во знамение бытия его с российским победоносным войском за Дунаем и заключения там мира. Но и в самом его отдалении пользоваться Малая Россия многими надобными ей учреждениями и от времени до другого даваемыми предписаниями, так как разного звания ее частные люди, в исканиях своих, до него доходивших, никогда не были оставлены без принадлежащего им удовольствия.

---

* Т. е., Зиновий, или Богдан Хмельницкий.

Когда ж Малороссия узрела, от 1776 года уже совершенное прибытие к себе, после помянутого торжества благодетеля своего, то вяще была обрадована, что под личным покровом его сиятельства, с оного времени в общем благоденствии, с преимуществом его благодеяний здешнему краю, стали и до ниже следующих времен.

О проезде цесаря через Малороссию

В 1780 году, в самое летнее время, император римский, Иосиф, под именем графа Фолькенштейна, проезжал из Вены через Польшу, Киев, Чернигов и до Могилева, оттоль уже следовал до Санкт-Петербурга, в коем пути по Малой России деланы его величеству всевозможные приемы и при провождении от места до места со всякою почестию, что все в том благоразумные учреждения и труды были главного начальника здешнего края.

В Чернигов прибытие их величеств от 8 октября, а выезд из оного 10 числа, в Киев изволили прибыть 12 числа, того ж месяца

В 1781 году, всероссийский наш наследник, его императорское высочество, государь цесаревич и великий князь, Павел Петрович, обще с супругою своею, императорским высочеством, государынею великою княгинею, Мариею Феодоровною, изволили следовать для воежирования, в цесарию до столичного того государства города, Вены, из Санкт-Петербурга, через Псковскую и белорусские губернии до Малой России, через города ее, Чернигов и Киев, где везде генералом-губернатором, его сиятельством, графом Петром Александровичем Румянцовым-Задунайским, с начальнейшими особами и духовенством и всего народа, с вожделенною радостию, чинимы были встречи с приветствиями, и в искренности той с подданническим усердием были, для въезду и выезду их высочеств, в обоих сих городах, построены триумфальные ворота и иллюменованы те города в ношное время, и везде по городам наивозможнейше с почестьми угащиваны обеденными столами ото всего дворянства здешнего, а паче в Киеве с торжественным великолепием во дворце их высочества празднован был, подошедший к тому, день рождения ее императорского высочества, как то 14 числа октября, с изрядным и немалым фейерверком и иллюминациею и со освещением всего города; а на другой день их высочества изволили кушать с многим генералитетом у его сиятельства, графа Петра Александровича, где был и бал и все то, что возможно было к великолепию представить, а в третей день после сего благоволили их высочества отъехать в свой восприятой путь, то есть, 16 октября.

Прим. От 1770 года митрополит Гавриил Кременецкий пас Киевскую Церковь 12 лет и скончался.

ГЛАВА 36

Об установлении в Малой России трех губерний по новому учреждению и о вновь сформировании регулярных полков из козаков, и о прочем, касающемся по оным

Об учреждении в Малой России быть трем губерниям

В оном же 1781 году, для лучшего распоряжения всей Малой России, всемилостивейшая великая государыня императрица, Екатерина Алексеевна II, по высочайшему своему учреждению, изданному в 1775 году, благоволила указать, дабы и вся Малороссия потому так же, как и вся Великороссия, единственное управление во всех губерниях по присудственным местам, имела, за исключением от оной некоторой части, как то от полков, Миргородского тринадцати и от Полтавского двусотенных местечек, со всеми их округами и всякого звания людьми, к Новороссийской, ныне ж Екатеринославской губернии, учредить три губернии: Киевскую, Черниговскую и Новгородскую-Северскую, по которому указу его сиятельством, графом Петром Александровичем, в 1782 году, все три помянутые наместничества торжественно открыты и учреждены, а именно, Киевское 9, Черниговское 19, Новгородское-Северское 27 чисел января, и определены в каждую губернию правитель, то есть губернатор, и его порутчик, или вице-губернатор, с принадлежащим к ним числом в каждую судебную палату и прочие суды председателей и заседателей, с прокурорами и стряпчими, секретарями и прочими канцелярскими чинами; губернии ж оные все три подчинены под управление единого государева наместника, или генерал-губернатора. Каким же обрядом или образом то открытие наместничеств производимо было, явствует в следующем описании:

Описание открытия наместничеств в Малой России, а именно 1782 года, в вышеписанных числах месяца января в ниже следующем порядке

Обряд открытия наместничеств

В первый день, при приезде в назначенный для губернии главный город, государев наместник, его высокографское сиятельство, господин генерал-фельдмаршал, главнокомандующий ковалериею и Украинскою дивизиею, сенатор, кирасирского военного ордена полку

полковник, российских орденов Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Великого Князя Александра Невского и Великомученика и Победоносца Георгия, прусского Черного Орла, и княжества Голстинского Святой Анны кавалер, Петр Александрович Румянцов-Задунайский, принят с обыкновенною почести его с города пушечною пальбою и встречен определенным, по именному ее императорского величества указу в ту губернию губернатором и его сочленами и иными многими старшинами и чиновниками, с народом, в который день его сиятельство, государев наместник, тотчас благоволил обозреть все, вновь построенное, для наместнического правления, строение и приуготовленное к торжественному открытию того наместничества.

На другой день, пред полуднем в 9 часов, правитель или губернатор наместничества представил его сиятельству, государеву наместнику, всех старшин присутственных мест той губернии и определенных во вновь учрежденное наместничество членов, так же прежних уездов дворянства предводители поднесли государеву наместнику списки о всех съехавшихся и живущих в округе той вновь назначенной губернии дворянах, и для почести его сиятельства предводители выбрали от каждого уезда по одному молодому дворянину.

Против чего его сиятельство, государев наместник по сделанном им приличном на сей случай приветствии, объявил открытие сего наместничества, для чего и предстал тогда ж пред домом его сиятельства на площади плац-майор с конвоем при одном унтер-офицере и двадцати четырех рядовых регулярных конных, возвестив о сем при звуке труб и литавр, отправлен с тем так же объявлять на всех площадях города, везде со звуком же трубным и литавр, объявляя при том сими словами: «От государева наместника возвещается всем и каждому особо, что завтра имеет быть в сем губернском городе, по всевысочайшему ее императорского величества учреждению, торжественное открытие новой губернии», с восклицанием потом: «Виват Великая Екатерина».

При чем тогда ж он, государев наместник, послал генерал-адъютанта своего об оном же известить архиерея, с тем, чтоб прилично сему торжеству, относительно службы Божией, сласословие и надобное поучение учредил.

В третий день прибытия государева наместника произведено действительное торжественное открытие наместничества следующим порядком:

По пробытии утренней зори, тотчас ознаменован тот день торжества с города из пушек сто одним выстрелом и чрез целый час игранием на трубах в разных по всему городу публичных местах, а в 8 часов пред полуднем собрались все чины новых и старых присутственных мест порознь, и предводитель с дворянством в дом правителя наместничества, и, по приличном от него приветствии, пошли, под его предводительством, в наместнической дом (который нарочно для се-

го построен), в большом зале, где при прибытии их к крыльцу, встречены двумя присяжными, в прихожей флигель-адъютантами с четырьмя почетными, а в зале губернским прокурором и генерал-адъютантом.

В оном зале, в конце его, против входа, поставлен пребогатый трон с портретом ее императорского величества и пред оным приуготовлены места, а именно: на возвышенном одною ступенькою месте поставлены кресла для государева наместника и стол, накрытый бархатом, на коем книга высочайшего учреждения, обложенная бархатом же, с вышитым золотом императорским гербом, отступя от оного по обоим сторонам два кресла, для господ губернатора и вице-губернатора, а для членов наместничества, губернского и прочих прокуроров со стряпчими места по обе стороны трона, пред главным сим местом, в полуциркуле, стулья, по числу господ предводителей, а за ними стулья ж для дворян.

Посем его сиятельство, государев наместник, со всем, находившимся тут генералитетом, пришел и, по занятии места, говорил собранию речь, с выражением, что «причина собранию есть высочайшая ее императорского величества матерняя милость, созидающая в новом учреждении и законоположении, новое и непоколебимое народное блаженство, и что истинного в том призрения польза наипаче требует усерднейших ко Всевышнему молитв о многолетном ее императорского величества, и всей высочайшей императорской фамилии здравии и о благопоспешестве в толиком важном и нужном для всего народа деле, для чего имеет быть шествие в церковь».

На сие от всего собрания ответствовано с глубочайшим и достодолжнейшим благодарением и усерднейшим повиновением. Потом происходило шествие предписанным в 29 главе всевысочайшего ее императорского величества учреждения порядком в соборную церковь; от дому, устроенного для наместнического правления, до той церкви поставлены, под командою городского головы, мещане, цеховые, под предводительством их старшин. Литургию Божию отправлял архиерей, а по литургии говорено приличное сему случаю слово. По окончании же всего того, при самом церковном амвоне, губернский прокурор читал ее императорского величества манифест, изданный 1775 года, ноября 7 дня, в следующем содержании:

Божиею милостию, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным.

Царие и царства веков прошедших и блаженствующие и во днях Наших, хотя многие примеры в бытиях своих оставили в доказательство истины сей, что распространение пределов государства, умножение в оном народа и произшедшее изобилие в способах ко внутреннему и извне текущему обогащению, переменяли как образ их управления, так часто и заставляли дополнять самые законоположения, учинившиеся напоследок или неудобными или недостаточными, коих

довлело при основании державы и в первом ее состоянии: но Мы, не восходя исследованием ко временам отдаленным и к царствам чуждым, найубедительнейшее доказательство для усердных сынов России заемлем и предлагаем от собственного отечества, которое прежним положением и состоянием своим настоящим есть тому подобно; ибо, сравнивая времена и лета и в них восхождение России, узреть каждый может, помощию здравого своего разсудка и заимствованным от истории смыслом, колико в настоящем, для Российского отечества знаменитом, веке возсияло оное купно славою, пользою и силами своими; а соображая прежние и нынешние многоразнствующие обстоятельства, перемены, состояния, постановления, нужды или необходимости, сухопутные и морские государственные, тогдашние и нынешние, силы, торговлю, ремесла и частые заселения тут, где засеки были, и за засеками степи, и когда ныне не только многие степи, но и за степи селения далеко простираются, вразумится легко через сие соображение состояния прежнего и нынешнего России, сколь неоспоримо и в оной действует умножение и просвещение народное, возбуждающие собою умножение попечений и всякого в земле порядка, и умножающие по мере того и заботы правительств.

Началось сие столетие войною с Свейскою Короною, несколько лет неудачливою но, твердостью духа Государя Императора Петра Великого и лучшим его устройством войск сухопутных с заведенною морскою силою, счастливо окончанною и увеличившею Россию тремя княжествами.

Посреди сих побед, турецких и персидских походов, сей премудрый и неутомимый Государь, чувствуя тогдашние уже недостатки во внутреннем управлении своего государства и желая видеть империю на наилучшей степени славы и порядка, издавил и установлял много разнообразных законов и учреждений к пользе своих подданных, старался о их просвещении, торговле и купеческом мореплавании, а входя во все подробности, не оставлял ни какой части правления без новых учреждений или предписаний. Умножая доходы государственные, умножал и способы к приобретениям подданным своим; открывая новые отрасли торговли, промыслов, рукоделия и ремесел, завел торговые города и пристани морские; но век его, быв рановременно прекращен, оставил многие заведения, установления и учреждения при самом еще их основании. Многие по блаженной его кончине бывшие перемены, разные правила и мысли, частые войны, хотя не умаляли величества империи, но наводили на установления сего Великого Императора или отмены, либо отнимали мысли к продолжению им начатого, или вводили правила иные по разным о вещах понятиям, или же по переменяющимся обстоятельствам по естественному течению вещей.

Мы потому от самого дня возведения Нашего на Всероссийский престол, попечение Наше неутомленно простирали спознать вообще и подробно по переменившимся обстоятельствам части внутреннего

Государственного управления, требующие поправления или издания новых учреждений, постановлений и узаконений.

Свету известно, что в 1766 году уже приступили Мы к созыву депутатов со всей империи, дабы спознать нужды и недостатки каждого уезда по его положению, и уже оставалось Нам ожидать от трудов комиссии уложенья плодов, соответствующих Нашему попечению о благе общем и частном, как объявление с турецкой стороны в 1768 году войны России и шестилетнее продолжение оной, совокупленное со многими, сколь трудными, столь и опасными, обстоятельствами, отвлекая людей и возможности от продолжительного сочинения целого узаконения и умножая собою бремя, заняло время и мысли упражнением, не менее важным обороною веры и отечества от врагов внешних и внутренних.

Бог, однако ж, благословящий намерения благие и истребляющий неправедные и нечестивые затеи, даровав Нам, по шестилетним многочисленным и непрерывным, сухопутным и морским, победам, славный мир с, совокупно возстановленными, тишиною и покоем повсюду в обширных пределах империи, доставил Нам паки время упражняться приятнейшим сердцу Нашему трудом, снабдить империю нужными и полезными учреждениями, для умножения порядка всякого рода и для безпрепятственного течения правосудия. И для того, как мать о чадах своих безпрестанно пекущаяся, входя вновь во все подробности внутреннего управления империи, нашли Мы, во первых, что, по великой обширности некоторых губерний, оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми; что в одном и том же месте, где ведомо правление губернии, и казенные доходы, и счеты обще с благочинием или полициею, и, сверх того, еще уголовные дела и гражданские суды отправляются, а таковым же неудобствам тех же губерний в провинциях и уездах правления не меньше подвержены, ибо в одной воеводской канцелярии совокуплены находятся дела всякого рода и звания.

Происходящее от того неустройство весьма ощутительно; с одной стороны медленность, упущения и волокита суть естественные следствия такового неудобного недостаточного положения, где дело одно другое останавливает, и где опять невозможность исправить на единую воеводскую канцелярию множество различного существа возложенных дел, служить может иногда и долгою отговоркою, и покрывать неисправление должности, и быть поводом страстному производству. С другой стороны от медлительного производства возрастают своевольство и ябеды, обще со многими пороками, ибо возмездие за преступления и пороки производится не с таковою поспешностью, как бы надлежало для укрощения и в страх продерзостным. В иных же местах множество дозволенных аппеляций не малую причиняет правосудию остановку, как то, например, по торговым, купеческим и мещанским делам, кто словесного суда решением недоволен, тот может сызнова просить в городовом магистрате, на сей отзываться

в провинциальный магистрат, из провинциального перенесть в губернский магистрат из губернского в Главный Магистрат, а из оного в Сенат.

Для пресечения всех сих и многих других неудобностей, кои исчислять пространно б было, наипаче же ради заведения лучшего порядка и для безпрепятственного течения правосудия, за благо разсудили Мы издать ныне учреждение для управления губерний и снабдить сим оные, как части, составляющие Российской империи обширность, приготовляя тем самым и облегчая лучшее и точнейшее исполнение полезнейших впредь издаваемых узаконений.

Сие Наше постановление, как всяк усмотреть может, судебные места отделяет от губернских правлений, предписывает каждому месту должности и правила, доставляет оным возможность исполнять предписанное, не только порядком своим соответствует нынешнему внутреннему состоянию Нашей империи, наивящше против прежнего надежно утверждает общую тишину и безопасность, снабдевая разными выгодами частное и личное состояние и пребывание в недрах государства живущих разного рода и поколения людей, и, следовательно, существом своим производит новый опыт к удостоверению Наших вернолюбезных подданных, сколь наполненны Мы человеколюбивым призрением к народу и горячим попечением о общем благе и добром устройстве.

А по сему и надеемся Мы, что всяк благоразумный человек и всяк ревностный сын отечества усердно стремиться будет соответствовать Нашему благому намерению, сколько до кого сии новые учреждения касаться будут, и тем самим докажут Нам достодолжную признательность за дарованные вновь нашему народу вообще единым учреждением разные благодеяния; Бога же Мы просим и молим, да благословит сие Наше постановление многих лет благополучным течением к счастью подданных, к умножению истинного правосудия, к поправлению нравов и к распространению всех христианских добродетелей; да вселит Он в сердца употребляемых в сие дело усердие к точному и нелицемерному отправлению должности, отвращение же от праздного провождения времени в роскоши и во всяких иных пороках, нравы развращающих, да почтется в людях сих наивящшим стыдом леность, нерадение и неприлежность ко всякому порученному делу, яко же и главнейшим поношением да будет упущение должности и нерачение о части блага общего, им вверенного, и да наставит всех и Нас Самих на путь Ему, Творцу, во всем благоугодный, пребывая, впрочем, ко всем Нашим верным подданным с обыкновенною Нашею Монаршею милостию. Дан в Москве, ноября 7 дня, 1775 года, государствования нашего в четвертоенадесять лето.

Подлинный подписан Ее Императорского Величества рукою тако: *Екатерина.*

Печатан в Москве, при Сенате, ноября 12 дня, 1775 года.

По прочтении сего манифеста, тем же губернским прокурором читан был **указ 1781 года**, об учреждении в Малой России трех наместничеств, в нижеподписанном содержании:

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената, Малороссийской Коллегии. В именном Ее Императорского Величества указе, данном Сенату минувшего сентября 16 дня, за собственноручным Ее Величества подписанием, написано: Всемилостивейше повелеваем Нашему генералу-фельдмаршалу и Малороссийскому губернатору, графу Румянцову-Задунайскому, в ноябре сего года, исполнить, по учреждениям Нашим от 7 ноября, 1775 года в Киевском наместничестве, составя оное из одиннадцати уездов, а именно: Киевского, Остерского, Козелецкого, Переясловского, Пирятинского, Лубенского, Миргородского, Хорольского, Голтвянского, Городиского и Золотоношского; в следствие чего местечка, по коим названы уезды переименовать городами, а впрочем назначение границ сего наместничества с прикосновенными ему предоставляем на соглашение Наших генералов-губернаторов и правящих ту должность, о котором, так как и о числе душ, из коего вся губерния и в ней уезды составлены будут, подать в Сенат Наш ведомости. А подобно тому другими двумя Высочайшими указами и того же числа, Ее Императорское Величество изволит предписывать ему, графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, открыть в декабре месяце сего года Черниговское наместничество, составленное из одиннадцати уездов, а именно: Черниговского, Городницкого, Березинского, Борзенского, Нежинского, Прилуцкого, Глинского, Роменского, Лохвицкого, Гадяцкого и Зенковского. В январе месяце, будущего 1782 года, открыть так же в Малороссии и третие Новгородское-Северское наместничество, составив оное из одиннадцати ж уездов, а именно: Новгородского Северского, Стародубского, Погарского, Мглинского, Глухóвского, Кролевецкого, Коропского, Сосницкого, Конотопского, Новомеского и Суражского. А между тем в тот же день, то есть, сентября 16 дня, Ее Императорское Величество Высочайше повелеть соизволила: 1-е. Генералу-порутчику Семену Ширкову отправлять должность правителя Киевского наместничества, а коллежскому советнику и Курского наместничества директору экономии, Александру Башилову, отправлять должность порутчика правителя Киевского наместничества; 2-е. Генералу-порутчику Милорадовичу быть правителем Черниговского наместничества, Палаты Гражданского Суда председателю, Федору Новикову, отправлять должность порутчика правителя Черниговского наместничества; 3-е. Действительному статскому советнику и малороссийскому генеральному судье, Илье Журману, отправлять должность правителя Новгородского Северского наместничества, а действительному статскому советнику, Василию Туманскому, отправлять должность порутчика правителя Новгородского Северского намест-

ничества. В исполнение каковых Высочайших Ее Величества указов, Правительствующий Сенат приказали: о вышеписанном дать знать всем присутственным местам губернским и наместническим правлениям, а оные уведомят подчиненные им места от себя. Впрочем, что касается до исполнения Высочайших Ее Величества повелений относительно учреждения помянутых наместничеств, то об оном особое предписание учинено от Сената господину генералу-фельдмаршалу, Малороссийскому генералу-губернатору и кавалеру, октября 2 дня, 1781 года.

На подлинном тако:
Обер-секретарь *Василий Крамаренков*
Секретарь *Карл Северин*
Канцелярист *Федор Сушков*

По прочтении ж всего того, с коленопреклонением отправлено было молебствие о здравии ее императорского величества и их императорских высочеств, с возглашением многолетия, при чем производилась изо сто из одной пушки пальба и чрез целый час на трубах играние.

По молебствии том губернский прокурор всем вступающим в новые должности, для напоминовения, а всему дворянству на случай выборов оных чиновников, читал присягу, в коей все, бывшие в оной, подписались. По прочтении присяги архиерей, по приглашению государева наместника, шел из церкви со всем своим клиром и с последующим ему собором, архимандрит и прочих духовных, в дом, устроенный для наместнического правления, на торжественное оного там открытия. При вступлении в который встречены были советниками и всеми канцелярскими служителями того правления, где продолжалось приличное церковное пение; архиерей освятил воду, окропив те покои, ознаменовал точное его открытие Божиим благословением и приличным тому Словом, а по повелению государева наместника, там читаны секретарем статьи из учреждения, до наместнического правления принадлежащие, потом вручено господину губернатору всевысочайшее учреждение и наместническое правление, с приличными, по повелению его сиятельства секретарь в протокол записал словами: «По высочайшему Ее Императорского Величества Указу, данному Сенату, за подписанием Ее Императорского Величества руки, 1781 года, сентября 16 дня, об исполнении генералу-фельдмаршалу, Киевскому, Черниговскому и Новагорода Северскому Государеву наместнику и кавалеру, графу Румянцову-Задунайскому, по изданным от Ее Императорского Величества в 7 день ноября 1775 года, учреждениям для управления губерний империи Ее Императорского Величества, равномерно и всей (имя) губернии, при подании архиереем (таким то именем и епархией) благословения Всевышнего». И так сим обрядом наместнические правления торжественно открыты 1782 года, месяца января, Киевское 9, Черниговское 19, и Новгородско-Се-

верское 27 числа, который протокол подписали как государев наместник, так и правитель наместничества и советники, и, для незабвенной памяти, при именном указе, в особливом ковчеге положен, и сей торжественный акт обнародован выстрелами изо сто одной пушки, и на трубах чрез целый час игранием.

Освящали ж те присутственные места, в Киеве митрополит Киевский Гавриил Кременецкий, а в Чернигове и в Новгороде Северском, Черниговский епископ Феофил Игнатович.

По приглашению на тот день в дом для обеденного стола, государев наместник, архиерей с архимандриты и прочим знатнейшим духовенством, губернатор, генералитет, вице-губернатор, все губернские члены, предводители и все дворянство, столь приуготовлен был кувертами по числу званых персон, коих более двухсот составляло, при котором, при питии за высочайшее здравие, производилась пушечная пальба и в продолжении того стола играла инструментальная музыка. Торжество того дня заключено было зажжением великолепной иллюминации и освещением во всех местах города публичных и приватных домов.

В четвертый день, то есть, на другой день по открытии наместнического правления, в 8 часов пред полуднем, правитель наместничества, со всеми губернскими членами и предводительми и депутаты, каждый с дворянством своего уезда, собрались в наместнический дом, в большой зал, где и трон, где государев наместник, по вступлении в оный, объявил собранию, что «для познания всем и каждому, в чем и до кого какие должности принадлежат, надобно выслушать Всевысочайшее учреждение», которое и чтено губернским прокурором; по прочтении же оного государев наместник собранию приказал, чтобы в тот же день, по силе того высочайшего учреждения, выбраны были в каждый уезд дворянские предводители, кои и избраны до обеденного стола, в присутствии определенных к тому губернских членов, и поданы об них списки правителю наместничества, а от него государеву наместнику. Потом приглашены для обеденного стола все губернские члены, предводители и дворянство; стол приготовлен был в том же зале кувертами по числу приглашенных, коих так же более двухсот персон составляло.

После стола дано от государева наместника повеление: 1-е. Гражданской Палаты председателю, о выборе той губернии купечества и мещанства городового головы, бургомистров и ратманов; 2-е. Верхней Расправы председателю, о выборе из поселян заседательми в Совестной Суд, в Верхнюю и Нижнюю Расправы, и в Нижние Земские Суды; 3-е. Вновь выбранным дворянством предводителям, чтоб каждый из шляхетства из своего уезда выбрали в Уездные Суды нижние земские судьи, капитан-исправников и заседателей. Вследствие чего судьи, капитан-исправники и заседатели выбраны, а председатель Гражданской Палаты выбранных из губернии той купечества и гражданства кандидатов сто человек, на случай выбора из оных к

новым должностям, привел в соборную церковь к присяге. Потом и выбран того губернского города купечества и мещанства городовой городничий, голова, в Городовую Ратушу бургомистры и ратманы, в Совестной Суд и Губернский Магистрат заседатели. Равным образом и председатель Верхней Расправы окончил выбор заседательми из поселян в Совестной Суд, в Верхнюю Расправу, в Нижние Земские Суды и в Нижние Расправы. Что все чинено было через балотирование. В вечеру сего дня так же освещены были во всех местах публичные и правительные дома.

В пятый день, в 8-м же часов по утру, уездные дворянские предводители с выборными уездными судьями, земскими исправниками и заседателями, прибыв в дом правителя наместничества, подали ему, при своих рапортах, ведомости, с показанием в оных, сколько на кого положено балов. Правитель наместничества, утвердя в их званиях, представил их государеву наместнику и по занятии приуготовленных мест в наместническом большом доме, в зале, таким образом, что за предводителями посажены были вновь избранные судьи, исправники и заседатели, а за ними дворянство, в присутствии государева наместника, избран из уездных предводителей в губернские дворянские предводители, а на того место в уездные предводители выбран другой. Наместник государев, поздравив губернского предводителя, поручил ему того ж числа избрать изо всего дворянства два заседателя в Совестной Суд, и десять в Верхний Земский Суд, из коих то число и выбрано, и, по представлению оных от губернского предводителя государеву наместнику, утверждены в их званиях.

В оной же день от его сиятельства дано Наместническому Правлению предложение о выборе, по содержанию высочайшего учреждения, в судьи Совестного Суда одного к тому способного, совестного, рассудительного, справедливого и беспорочного человека, а кто будет выбран, представить его сиятельству для определения; а о таковом выборе такового судьи, для представления его сиятельству предложено б было от Наместнического Правления выбранным в уездные и Нижние земские суды судьями, исправниками и заседателями, так же в Городовые Магистраты и Ратуши бургомистрам, ратманам, городовым головам и заседателям, и расправным судьям и заседателям же в Нижних Расправах, по настоящему их всех тут пребыванию. Почему из Наместнического Правления того ж дня, куда подлежало, указы посланы.

В сей же день государев наместник, со всем генералитетом и губернскими членами, приглашен был к архиерею той губернии к обеденному столу, а в продолжение сего времени пред домом наместническим выставлены были для народа три жареные быка, наполненные довольным количеством всякого рода птиц, а вокруг оных поставлены чаны с вином и пивом, к которым, по данном из пушек сигналу, весь народ был допущен.

А к вечеру того ж дня приглашены были к государеву наместнику в дом господин губернатор, вице-губернатор и бывшие там генералитет, штаб- и обер-офицеры, предводители и дворянство с фамилиями, на маскарад, который, по собранию того, продолжился до 2-го часа по полуночи и угощаемы были всякими напитками, конфетами и богатым ужином, а пред домом зажжен был поставленный великолепный фейерверк и город весь иллюминован был.

В шестой день правитель наместничества, все губернские члены, и дворянство, под начальством губернского предводителя, пошли, для слушания божественной литургии, в соборную церковь, куда и государев наместник прибыл. Обедня оная и благодарственный молебен отправлены были архиереем с собором, по окончании же того читана губернским прокурором всем, вновь выбранным в должности, и присяга, которую они и подписали.

После сего архиерей, по приглашению государева наместника, пошел из церкви, со всем клиром своим и последующим ему собором, в дома, устроенные для всех трех Палат и Верхнего Земского Суда кои все, так же в присутствии государева наместника, открыты, при произнесенном архиереем на сей случай, приличном слове, и вручены Казенная Палата господину вице-губернатору, а прочие господам председателям, с запискою в протокол года, месяца и числа, таким же точно порядком, как о наместническом правлении выше показано.

И тотчас по сем открыты, в присутствии губернатора, при произнесенном от архимандрита на сей случай слове, Губернский Магистрат, Уездный Суд, Дворянская Опека и Нижний Земский Суд, а вице-губернатором Верхняя Расправа, Городовой Магистрат, Сиротский Суд и Нижняя Расправа, при произнесенном на сие слове так же от архимандрита. В который день его сиятельство у господина губернатора со всем генералитетом, губернскими членами и дворянством, имел обеденный стол.

А в седьмой день по избранию от присутственных мест, государев наместник, по большинству голосов, объявил совестного судью, которого, по приводе в церковь и по окончании божественной литургии, привели к присяге и, по прибытии служащего обедню архимандрита в дом, определенный для Совестного Суда, в присутствии государева наместника, правителя наместничества, вице-губернатора, всех губернских членов и дворянства, оный суд торжественно открыт и вручен от государева наместника совестному судье, с напоминанием о соблюдении беспристрастия и справедливости, при чем архимандритом сказано к тому приличное слово.

Потом, при тех же особах, открыто общественное призрение, куда государев наместник прислал тысячу рублей денег, для употребления, по предписанию всемилостивейших учреждений, да судья того суда, сто рублей; по открытии того общественного призрения представлены были 24 человека обоего полу сущие нищие, оных одели в

новое платье и обувь, дан был обед, в нарочно для того приготовленном покое, на что архимандритом говорено было приличное слово.

После чего от государева наместника назначенным губернским членам даны повеления, чтоб они отправились в уездные города, для открытия в оных всех присутственных мест, по высочайшим учреждениям. А от правителя наместничества отправлены выбранные судьи, исправники и заседатели в те города, кто куда определен. Так же, за выбором всем обществом, губернский председатель с двумя депутатами назначены ко всевысочайшему ее императорского величества двору, для принесения всеподданейшего благодарения за матернее попечение об их благоустроении.

По окончании сего губернский председатель с уездными и дворянством, принося его сиятельству, государеву наместнику, благодарение за подъятые им труды и подвиги, не взирая на слабость своего здоровья, в открытии и учреждении наместничества, просили осчастливить дворянство прибытием своим к приуготовленному от них обеденному столу, в знак искреннего их усердия к его сиятельству и благодарности за введение в их краю всемилостивейших учреждений к общему образованию и удовольствию, восхищающему всех и каждого приятнейшей и несомненною надеждою найти в новоучрежденном порядке отправления дел безопасность, тишину и спокойствие.

Его сиятельство, благодаря им за усердие, согласился сделать им удовольствие исполнением их просьбы. И в продолжении стола, при питии и за высочайшее здравие, производилась пушечная пальба и играла инструментальная музыка.

Таким образом, при ниспослании помощи Всевышнего, окончилось торжественное открытие всех трех наместничеств.

И так, во всех трех губерниях, уставлены правительства, в губернских: Наместническое Правление, Уголовная, Гражданская и Казенные Палаты, Верховный Земский Суд, Губернский Магистрат и Верхняя Расправа.

В уездных же городах: Уездные Суды, Дворянская Опека, Городническое Правление, Нижний Земский Суд, Сиротский Суд, Совестной Суд, Уездное Казначейство, Городовой Магистрат и Нижняя Расправа, а в некоторых по способности городах учреждены и Верхние Расправы.

Со времени ж открытия сих трех наместничеств каждая губерния возымела свое правление по новому учреждению течением судебных дел, но только по прежним малороссийским и магдебургским и саксонским правам, называемым вообще Статутом, до сочинения нового уложения, суды производить велено.

О подушной ревизии во всей Малой России с денежным окладом

Потом 1783 года, мая от 8 числа, всем новоучрежденным губерниям от Сената указом публиковано, что именным ее императорского величества указом же, данным Сенату того же мая 3 дня, повелено, на необходимые по тем губерниям расходы учинить в тех губерниях денежный сбор, для чего, в сходственность состоявшегося в прошлом 1781 году, ноября в 10 день, ее императорского величества манифеста о сочинении вновь во всей Российской империи генеральной ревизии, учинена в Малой России по трем ее губерниям, такая ж подушная перепись, и по той ревизии, вместо прежних сборов, которые единственно с одних посполитых, то есть, помещичьих, ранговых, монастырских и с подпомощников козацких, с каждой хаты, или с дыму, в год по одному рублю, от 1764 года, в скарб малороссийский собирались, положено с каждой мужеска полу души брать в год, с козаков всех и посполитых коронных (бывших ранговых людей), так равно и с мещан, по рублю и двадцати копеек, с купцов с их капитала по одному проценту со ста, а с помещичьих подданных и с монастырских по семи гривен, да накладные, на комиссарские расходы, на каждый рубль по две копейки со всего вышеписанного сбора, как в помянутом указе ниже сего объявлено:

Указ Ее Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената, объявляется всенародно.

В именном Ее Императорского Величества Высочайшем указе, данном Сенату, сего мая в 3 день, написано: на необходимо нужные издержки по губерниям: Киевской, Черниговской, Новгородской Северской, Харьковской, Могилевской, Полоцкой, Рижской, Ревельской и Выборгской, повелеваем собирать с оных доходы, начиная со второй половины нынешнего года, по следующему расположению:

I

В трех малороссийских наместничествах: Киевском, Черниговском и Новгородском-Северском, вместо бывшего до сего там рублевого оклада, которого впредь не собирать и не платить.

1-е. С купечества положенные указом нашим от 17 марта, 1775 года, с капиталов, по совести ими объявляемых, по одному проценту со ста.

2-е. С мещан, в губернских у ездных городах и в казенных местечках записанных, с каждой души межского пола по одному рублю по двадцати копеек на год.

3-е. С посполитых, или крестьян казенного ведомства, монастырских, церковных и помещичьих, с каждой души мужского пола по семидесяти копеек на год.

4-е. С посполитых или крестьян, в казенном ведомстве состоящих, вместо работ и разных других поборов оброка впредь до указа, с каждой души мужского пола по одному рублю на год.

5-е. С козаков на содержание военной их службы, вместо прежних не уравнительных поборов, зависевших от воли начальства, в чем они терпели крайнюю тягость, с каждой души мужского пола по одному рублю по двадцати копеек на год.

6-е. Со всех вышеписанных подушных сборов накладные с каждого рубля по две копейки.

7-е. Козакам, мещанам и крестьянам казенного ведомства, предоставить свободу по городам, местечкам, селам и деревням подробную раскладку положенных с них доходов делать самим между собою, по состоянию их, через выбираемых ими поверенных, или раскладчиков, мещанам под наблюдением магистратов и ратуш их, а прочим под надзиранием директора домоводства, коим, однако ж, не стеснять собою добровольного их хозяйственного расположения, а в случае медленности, несогласия, или другого затруднения, пособствовать им в скорейшем того исполнении. Таким же образом и в помещичьих деревнях подробную раскладку установленных с крестьян их податей оставить на распоряжение помещиков, по лучшему их хозяйственному усмотрению.

8-е. Для известного и верного получения казенных доходов в наместничествах: Киевском, Черниговском и Новгородском Северском и в отвращение всяких побегов к отягощению помещиков и остающихся в селениях обитателей, каждому из поселян остаться в своем месте и звании, где он нынешней последней ревизии написан, кроме отлучившихся до состояния сего Нашего указа; в случае же побегов после издания сего указа, поступать по общим государственным установлениям.

9-е. Городам, в наместничествах: Киевском, Черниговском и Новгородском Северском находящимся, присвоить равные выгоды и преимущества, каковыми, по пожалованным предков Наших грамотам Киев, Чернигов, Нежин и тому подобные города пользуются, предполагая, впрочем, общими для городов империи Нашей издаваемыми от Нас установлениями и более еще способствовать приведению их в цветущее состояние.

10-е. И поелику, по пожалованным грамотам и узаконениям городским, мещанские торги, промыслы и ремесла всякого звания в тех городах предоставлены мещанству, то и дозволяется, для составления городов из обитателей, прямо им свойственных, если кто либо из козаков, или поселян казенного ведомства желает пользоваться в городах промыслами, мещанам принадлежащими, записаться в мещанство, а по капиталу и в купечество, в чем запрещается делать какое-либо затруднение, или принуждение.

11-е. По городам винную продажу устроить единственно в пользу городов на содержание магистратов и на другие градские публичные надобности, в чем, однако ж, магистраты обязаны дать отчет тем местам, коим, по узаконениям, предоставлено сведение о приходах и расходах казенных.

12-е. Все сие разумеется о таких городах, кои никакому сомнению и спору подлежать не могут, будучи составлены из жителей казенного ведомства, и никому во владение не отданы; а о которых происходят споры, об оных прежде разсмотреть и решить обыкновенным порядком, кому они принадлежат. И как во всех почти малороссийских городах, по разным случаям, состоят за дворянами и чиновными людьми дворы с крестьянами и земли, то и предоставить Нашему генералу-губернатору тамошнему стараться приобрести оные в пользу городов покупкою или променом, дабы тем прямые города очистить от всего, им несвойственного, о чем и должен будет помянутый Наш генерал-губернатор представить Нам на разсмотрение.

13-е. Казенным палатам и директорам экономии стараться умножить казенные доходы. Первое: в деревнях казенного ведомства приведением в исправность и отдачею на откуп мельниц и других, тому подобных, оброчных статей. Второе: по городам отдачею в наем порожних мест, казне принадлежащих, буде где найдутся, для торгов и ярмарок. Третие: заведением и отдачею на откуп, или содержанием на вере винной продажи по деревням казенного ведомства, не делая, однако ж, отнюдь никакого запрещения или стеснения в том помещикам и козакам, кои к сему промыслу право имеют, первые в деревнях и хуторах их, а последние в домах своих.

14-е. Положенные по указам Нашим доходы или пошлины с дел собирать и в наместничествах: Киевском, Черниговском и Новгородском Северском.

15-е. Равным образом в сих трех губерниях узаконенные Манифестом Нашим от 17 марта, 1775 года, пошлины, по шести на сто, с продаваемых недвижимих имений. А как по правам малороссийским предоставлена дворянству полная свобода имение свое дарить и записывать, то и обязан всяк в таком случае по совести своей показать в записе или крепости его цену оному имению, дабы по тому с приобретателя пошлина взыскана быть могла. Но дабы отвратить тут всякие сомнения и поползновения, право о выкупе имения ближайшим родственникам, о котором в правах малороссийских нет никакого постановления, распространить на губернии: Киевскую, Черниговскую и Новгородскую Северскую, так как оное по общим государственным узаконениям разумеется.

II

Прочее ж, как ниже следующее, не до здешних губерний касается, здесь за тем не включается.

Подлинный за подписанием Правительствующего Сената, печатать в Санкт-Петербурге, при Сенате, мая 8 дня, 1783 года.

О составлении из малороссийских козаков десяти карабинерных полков

Из состоящих же в Малой России десяти городовых козацких полков, кои именовались: Киевской, Переясловской, Полтавской, Гадяцкой, Миргородской, Лубенской, Прилуцкой, Нежинской, Черниговской и Стародубской, да из трех регулярных легкоконных, именуемых Киевского, Черниговского и Северского, кои были прежде компанейскими полками, по именному ж ее императорского величества указу, данному государственной Военной Коллегии 1783 года, июля от 28 числа, велено все оные в 10 полков, по новой реформе, регулярными карабинерными учредить.

В каковой силе тот ее императорского величества указ состоялся, оному при сем точный список прилагается:

Указ Наш Военной Коллегии

Прилагая при сем росписание регулярной конницы армии Нашей, повелеваем Военной Коллегии, к надлежащему по тому исполнению, сделать зависящее от ней распоряжение. В числе сих войск назначаются из малороссийских козаков десять полков, между коими разумеются и три легкоконные прежде там учрежденные, каждому из сих полагая эскадрон в 138 человек. Из коих в малороссийских по осми человек обращать на укомплектование одного кирасирского полку, по двадцати человек отпускать на реверсы в их дома; квартиры сим полкам в мирное время назначать в сих же селениях, жалования ж производить им против кирасирских полков, против коих иметь им мундир и амуницию по вновь учрежденным образцам. Что ж касается до урочных лет службы и прочих выгод служащих, в том поступать сходственно с учреждением, в 1765 году изданным по случаю превращения слободских полков в гусарские. Собираемую с них сумму по указу Нашему от 3 мая сего года, по 1 рублю двадцати копеек с души, обращать на содержание их и находящихся в малороссийских войсках чиновников, кои похотят остаться в воинской службе, и к оной от начальства способными найдены будут определить, смотря по степеням и заслугам, штаб и обер офицерскими чинами в сих полках, а прочих от службы увольнять, переименовав чинами по тому ж, или же по их желанию препроводить для определения к делам. Сверх того повелеваем: 1-е, на все конные полки обще по армии, кроме кирасирских, отпускать на лошадей ремонт по 30 руб., при основании же первом каждый полк выступает на тех лошадях, кои у него имеются; 2-е, из полку Ингерманландского карабинерного, который следует к упразднению, укомплектовать прочие карабинерные полки; 3-е, Новотроицкому кирасирскому полку вступить в число полков, комплектуемых из Екатеринославского наместничества, как и в росписании приложенном сказано.

На подлинном собственною Ее Величества подписано рукою тако: *Екатерина.*

В Царском селе, июля 28 числа, 1783 года.

О наименовании новых конных малороссийских регулярных полков

Которые полки по сему именному указу и составлены, в 1784 году, с названием: Софейского, Глуховского, Лубенского, Переяславского, Стародубского, Северского, Черниговского, Нежинского, Киевского и Тверского, с тем, дабы оные и впредь козаками с тех бывших полков комплектовались.

И так, за сим козацкое звание осталось только тем козакам, которые остаются жительством в домах своих.

А ранговые крестьяне, кои состояли на содержание гетмана, Генеральной Войсковой Канцелярии, всей малороссийской войсковой и полковых артиллерий, так же по чинам генеральной старшины и прочих чиновников, так равно и за полковниками, полковыми, обозными, судьями, писарями, хорунжими, есаулами и сотниками, все оные вотчины с людьми, от тех мест и чиновников, за вышеписанным пременением всего Малороссийского правления, отобраны и приписаны в казенное Экономическое ведомство.

О пожаловании дворянству и городам с преимуществом грамот и о торжестве об оном

По сем в 1785 году, по состоявшимся апреля 21 дня, ее императорского величества, всемилостивейшей государыни нашей великой Екатерины Алексеевны Второй жалованным грамотам для дворян и городов, первым, на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству, вторым, на права ж и выгоды всем российским подданным городам, кои по получении в знак радости и благодарности своей, во всей Малой России, как благородное дворянство, так и граждане разного звания, во всех трех губерниях, как-то: в Киевской, Черниговской и Новгород-Северской, в губернских и уездных городах, торжественно и церемониально, при многочисленном народе, несены были, на бархатных с золотыми по углам кистьми и вокруг бахрамою подушках, как от дворянства знатнейшими, так и гражданскими, со извещением о том наперед несколькими пушечными выстрелами, до церкви, где, по слушании Божественной литургии, оные были прочтены и потом приносимо было о том собором ко Всевышнему благодарственное молебствие за высочайшую такую к подданным своим милость и о продолжении долголетнего здравия ее императорского величества, и их императорских высочеств, и при возглашении многолетия производилась трикратная пушечная пальба; по

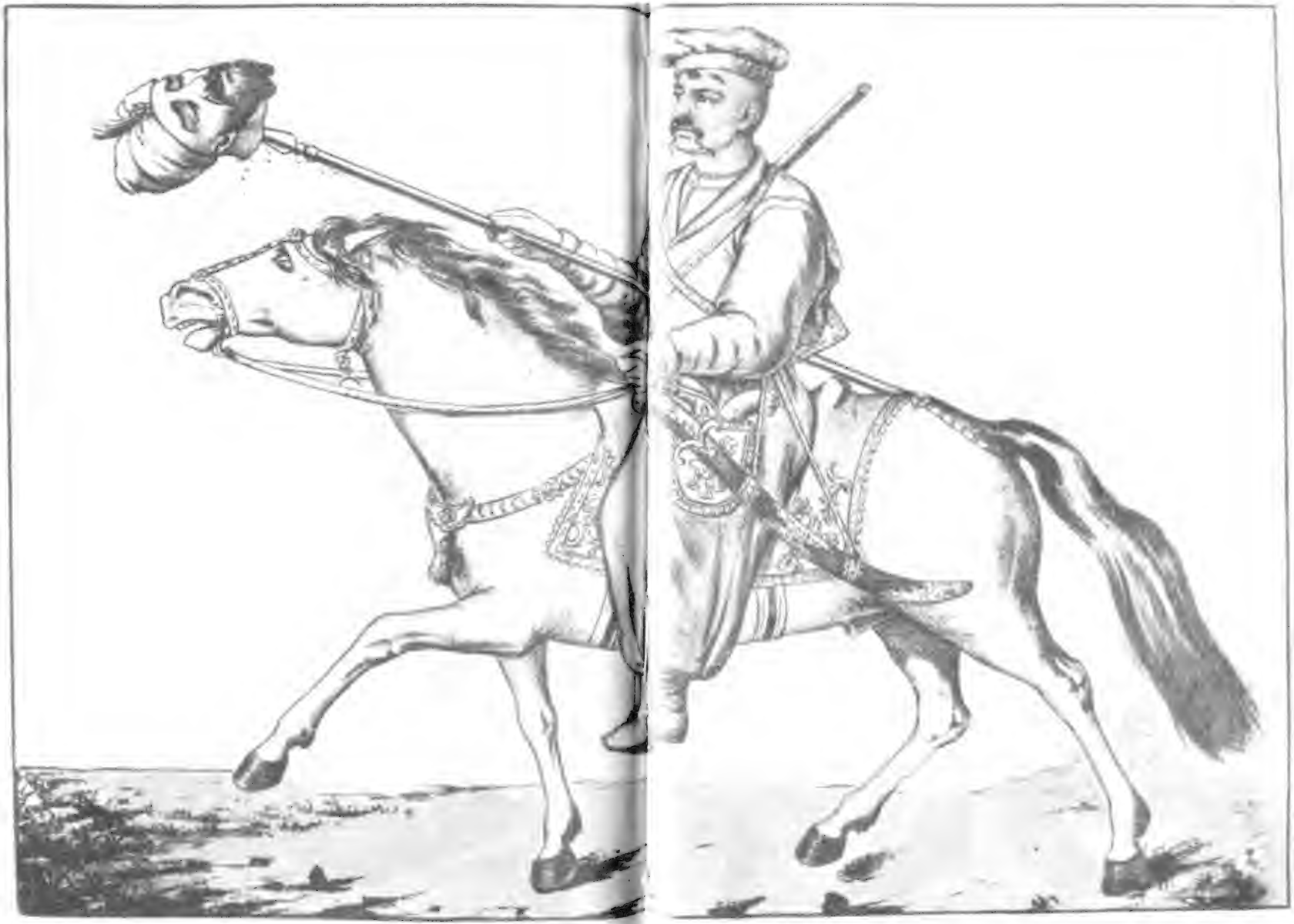
Войска Запорожского и обеих сторон реки Днепра гетман

Полковник малороссийского полка

Знатный малороссийский шляхтич

Богдан Хмельницкий, Войска священного царского величества Запорожского гетман

Малороссийский мещанин



Запорожс[illegible] козак

Малороссийский козак

Малороссийский козацкий подпомощник, посполитый козак

Малороссийский мужик

Литовский мужик

Литовский мужик

Степенная малороссийская госпожа

Знатная малороссийская госпожа

Изображение малороссийского шляхетного достоинства

Шляхетная малороссийская госпожа

Изображение именитого малороссийского достоинства

Девица малороссийского шляхетного достоинства

Девка малороссийская мещанского достоинства

Малороссийская мужичка

Малороссийская мужичка

Пляшущи[illegible] госпожи

Сельская малороссийская девка

Малороссийская мужичья или сельская девка

Запорожские козаки

Войска Донского войсковой атаман

Войска Донского старшина

Донской козак

окончании ж сего отнесены те грамоты прежним же порядком и положены в учрежденные их присутственные места. Потом обществом тем приглашены были к обеденному столу как духовные, так и знатные особы обоего пола, и трактованы наивеликолепнейше, при чем, при питии за высочайшее здравие ее императорского величества и их императорских высочеств, была пушечная пальба, а в наступающую ночь, во всех тех местах все дома были освещены, а на другой день у дворян был бал с изрядною музыкою и ужин.

Об отобрании монастырских малороссийских вотчин в казенное ведомство и о положении жалования на епархии

Как известно по сей летописи, что все, находящиеся в Малой России, монастыри, имели от давних лет данные себе, на содержание обителей и монахов, не малые вотчины, но для уравнения с великороссийскими монастырями, как те все по трем классам состоят на содержании, из экономической суммы определенном жалованье всем по званиям того духовенства, почему и в здешних трех губерниях, 1786 года, апреля от 10-го числа, по именному ее императорского величества указу, данному Правительствующему Сенату и Синоду, все вотчины здешних монастырей с посполитыми людьми отобраны, некоторое число монастырей уменьшено, и в казенное экономическое ведомство причислены, куда с оных все монастырские доходы, как равно и подушные деньги, собирать велено, и из оных определено жалованье архиереям, архимандритам, игуменам, игуменьям, монахам и монахиням, по штатному положению, по званиям их и по степеням, на их содержание выдавать, как равно и монастыри их починкою и прочим содержать положено, так как об оном обо всем гласит в нижеследующем указе, присланном в каждую губернию:

Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской, из Правительствующего Сената, Черниговскому наместническому правлению. В именном ее императорского величества указе, данном Сенату за собственноручным ее величества подписанием, сего апреля от 10, написано:

«На каком основании предписали Мы содержать в епархиях Киевской, Черниговской и Новгородской Северской архиерейские дома с училищами и при них соборы и монастыри, и какое за тем употребление предложили учинить из монастырей, за сим положением остающихся, Сенат Наш усмотрит из указа Нашего Синоду данного и в списки при сем прилагаемого, для надлежащего обнародования и исполнения. В следствие такового установления повелеваем, первое: состоящие в наместничествах Киевском, Черниговском и Новгородском Северском, за архиерейскими домами, Киево-Печерскою Лаврою и прочими монастырями, деревни, земли и угодья, принять в ведомство директоров домоводства тех наместничеств и оным

управлять на таком же основании, как и прочие, в ведении помянутых директоров, деревни управляются. Второе: со всех, написанных в сих деревнях по ревизии, крестьян, сверх установленной по семидесяти копеек с души, государственной подати, вместо употребления их в работы, собирать, до будущего соизволения Нашего, оброчных по рублю с каждой мужеского пола души, и накладных по две копейки на год, в узаконенные полугодовые сроки. Третие: Казенным Палатам и директорам экономий, под наблюдением Нашего генерала-губернатора, учредить, относительно винной продажи, мельниц и всякого звания оброчных статей и заведений хозяйственных в тех деревнях, чтоб оные казне надлежащий доход приносили. Четвертое: из упоминаемых выше в пунктах втором и третьем доходов, положенную в расписании, Нами утвержденном, сумму на содержание архиереев с их домами и училищами, соборов и монастырей, отпускать из Казенных Палат; из остающихся же за тем денег потребное количество будет употребляемо, по соизволению Нашему, на нужные, по означенным домам и соборам, строения и на разные богоугодия и обществу полезные дела. Пятое: а как жительствующие в бывших за архиерейскими домами и монастырями деревнях, и за ними по ревизии написанные поселяне будут освобождены от всяких работ помещичьих и обложены только легким оброком, то и присоединить их к числу поселян, содержащих войска в трех малороссийских губерниях и из них наполнять вновь положенный малороссийский гренадерский полк, о чем Военная Наша Коллегия имеет особый Наш указ. Шестое: в отводе к архиерейским домам и монастырям загородных домов, рыбных ловель и земли для выгона и для огородов, поступить сходно учреждению, приложенному при штатах 1784 года, как в оном во второмнадесять пункте предписано, учиня исполнение сего под наблюдением нашего генерала-губернатора Киевского, Черниговского и Новгородского Северского, который не оставит, равным образом, распорядить, чтоб дома и строения в деревнях, за архиерейскими домами и монастырями бывших, излишние, обращены были, по лучшему его усмотрению на пользу и выгоду общественную. Седьмое: сбор означенных податей начать с первого июля сего года, да и вообще исполнение по содержанию указов Наших, Сенату и Синоду данных, стараться окончить к октябрю месяцу настоящего года; посеянный же хлеб и все доходы нынешние с тех деревень по первое июля оставить в пользу архиерейских домов и монастырей». В указе ж, данном Святейшему Синоду от того ж числа и за собственноручным же ее императорского величества подписанием, изображено следующее: «Предуспев, с помощью Божиею, распорядить епархии и монастыри в большей части империи Нашей на таком основании, которое и с первоначальными правилами Благочестивой Церкви Христианской, и с общею пользою сходствует, не могли Мы в одно время распространить на епархии и монастыри, в Малороссии состоящие, по неустроенному до того в сей области управлению и по неимению в ней прежде сего ни верной ревизии, ниже точных правил для сбора доходов;

с устроением же ныне трех наместничеств малороссийских, Киевского, Черниговского, Новгородского Северского, наравне с прочими губерниями империи Нашей, приобретаем Мы удобность ввести надлежащее единообразие и относительно содержания архиерейских домов и монастырей тамошних, учреждая оное самым достаточным образом, освобождая духовных властей, от несвойственных им управления деревнями забот хозяйственных, а всего более неприличных духовному сану хождений в судах по тяжбам и ссорам, и стараясь от сей части заимствовать всевозможную для общества пользу; почему и повелеваем, первое: митрополиту Киевскому на содержание его и дома его производить ту самую сумму, которая по штатам, утвержденным от нас в 1764 году, положена на архиерейский московский дом, за исключением денег на Чудов монастырь, в тех штатах назначенных. Второе: Киево-Печерской Лавре иметь свое содержание против назначенного в штатах на Троицкую Сергиевскую Лавру; архимандритом Киево-Печерской Лавры быть митрополиту Киевскому, получая и положенный архимандриту Троицкой Сергиевской Лавры оклад; впрочем, число монашествующих так распорядить, чтоб половина оных была из ученых и к вышним духовным степеням приуготовляемых; другая же для служения по архиерейскому дому и монастырю, а для уединения престарелым назначать, по разсмотрению митрополита, одну из приписных пустынь, в области Киева находящихся. Третие: катедраяьный Киевософийский монастырь переименовать Киевософийским собором, определя к нему протопопа и прочих священно- и церковнослужителей с окладом наровне с Московским Архангельским собором. Сверх того в сем монастыре помещено быть долженствует и главное народное училище Киевского наместничества, по воле Нашей заводимое от Комиссии об установлении народных училищ в империи Нашей. Четвертое: Ставропигиональный Киево-межигорский монастырь перевести в Таврическую область, где оный в первом классе учрежден будет, строение же обратится для помещения оставных офицеров, призрения по их дряхлости и неимуществу требующих; чего ради, по выводе монахов, и отдать все то в ведомство Приказа Общественного Призрения. Пятое: из монастырей Киевской епархии быть в первом классе Киевопустыноникольскому и Киевозолотоверхомихайловскому; во втором, Киевскому Греческому Екатерининскому, Лубенскому Преображенскому и Вознесенскому Переясловскому; в третьем Киевовыдубыцкому и Козелецкому Георгиевскому, из коих первый имеет служить больницею для прочих киевских монастырей; из женских монастырей определить в первый класс Киевофлоровский, в третий Козелецкий Богоявленский и Благовещенский Золотоношский. Шестое: Киевской Академии, со всеми к ней принадлежащими заведениями, быть при архиерейском доме и Киевопечерской Лавре, а Братский монастырь, служащий ныне для помещения помянутой Академии, обратить на главную госпиталь по его положению. Седьмое: Черниговскому архиерею иметь свое пребывание по прежнему в катедральном Борисо-

глебском монастыре; на содержание его и дома его производить сумму, по штатам на архиерейские дома второго класса определенную. Осьмое: Черниговский Преображенский собор, в разсуждении древности его, положить на содержание против Новгородского Софийского собора. Девятое: из монастырей черниговской епархии быть в первом классе Черниговскому Успенскому Елецкому, во втором Нежинскому Благовещенскому, в третьем Рождественскому Домницкому; из женских в третьем классе Нежинскому Введенскому. Девятое: Новгородскосеверскому архиерею иметь свое пребывание в монастыре Спасосеверском Новгородском; на содержание его и дома его производить ту сумму, которая по штатам на архиерейские дома второго класса определена. Первоенадесять: из монастырей Новгородской Северской епархии быть во втором классе Глуховскому Петропавловскому и Гамалеевскому Харлампиевскому; в третьем Батуринскому Николаевскому; из женских же оставить один в третьем классе, по разсмотрению епархиального архиерея. Второенадесять: из остающихся за сим монастырей, обратить Троицкий Ильинский Черниговский для помещения университета, в сем городе учреждаемого, Пятницкий женский для главного народного училища Черниговского наместничества, заводимого от Комиссии об установлении народных училищ в Империи Нашей, а сверх того, в каждой губернии, по сношению нашего генерала-губернатора с епархиальными архиереями, выбрать по одному мужескому и по одному женскому монастырю, кои с лучшею удобностью могут употреблены быть к содержанию бедных, увечных и призрения требующих нижних чинов и тому подобных людей, кои и отдать в ведение Приказов общественного призрения; прочие же, равно и приписные к монастырям пустыни, за исключением упомянутой во втором пункте сего указа, обратить в приходские церкви, стараясь, где удобно, поместить при них малые народные школы и богодельни, что и относится к попечению Приказов общественного призрения и к распоряжению Нашего генерала-губернатора; третиенадесять: на содержание Киевской Академии, с принадлежащими к ней заведениями, указали Мы отпускать ежегодно по осьми тысячь по четыреста рублей, да на Черниговскую и Новгородскую по две тысячи рублей. Четвертоенадесять: об отводе к архиерейским домам и монастырям загородных домов, рыбных ловель, и земли для выгона и для огородов, сходно второмунадесять пункту учреждения, приложенного при штатах 1764 года, предписано от Нас Сенату Нашему. Пятоенадесять: в пострижении в монахи и монахини поступать по точности правил, в Духовном Регламенте и в указах и учреждениях Наших, относительно прочих епархий и монастырей империи Нашей изданных. Для лучшего же объяснения всего вышеписанного приложено при сем расписание на все помянутые архиерейские дома, соборы и монастыри; а впрочем, что принадлежит до управления имений, за монастырями в сих трех епархиях и сбора доходов, дан от Нас особый указ Нашему Сенату». Правительствующий Сенат приказал: в рассуждении отобрания состоящих в

наместничествах: Киевском, Черниговском и Новгородском Северском, за архиерейскими домами, Киево-Печерскою Лаврою и прочими монастырями деревень, земель и угодий в свое ведомство директорам домоводства, предписать: 1-е, все оные вотчины, со всеми казенными в них наличностями, принять в свое управление, истребовать все документы, как-то: владейные грамоты, крепости, межевые планы и тому подобные доказательства, кои бы служить могли к утверждению их владения; 2-е, все без изъятия письменные дела, особливо такие, по которым о тех имениях происходят тяжбы с соединенными владельцами, или частными людьми, принять по описи за подписанием, с одной стороны, директором домоводства, с другой — уполномоченных из владеющих духовных, на такой конец, дабы после того казенные палаты могли иметь точное сведение о правах и обстоятельствах по сим деревням, а за тем самым сохранить казну от потери; 3-е, равным образом необходимо сделать подробное описание всем, состоящим при тех деревнях, заведениям, а именно: мельницам, конским заводам и скотским дворам, садам, рыбным ловлям, и другим выгодностям, какие только в наличности существуют, дабы казна могла из них получать свою пользу посредством хозяйственного оными распоряжения. Наконец, 4-е, приняв выше предписанным образом все имущество и сделав всему подробное описание, так же сколько законным удовольствием поселян землею остаться оных может к положению в оброк, прислать в Сенат вернейшие описи, по прочим же пунктам сего Высочайшего Ее Величества соизволения, для надлежащего исполнения и обнародования, в Киевское, Черниговское и Новгородское Северское наместнические правления, в казенные палаты сих губерний, к господину генералу-фельдмаршалу, малороссийскому генералу-губернатору и кавалеру, графу Петру Румянцову-Задунайскому и Комиссии народных училищ послать указы, приложа при оных точные списки с расписания в епархиях; помянутого ж расписания прилагается при сем один экземпляр. Апреля 23 дня, 1786 года. Подлинный подписал:

Обер-секретарь *Андрей Еремеев.* Секретарь *Карл Северин.*

Расписание
епархиям Киевской, Черниговской и Новгородской Северской и в них архиерейским домам, соборам и монастырям, с показанием определенных на них сумм

	руб.	коп.
Митрополиту Киевскому жалованья и всего содержания против того, как по штатам 1764 года положено московскому архиерею	3744	40
На содержание служащих при доме архиерейском, майстеров и их работников, коих определение		

	руб.	коп.
числа и им окладов слагается на распоряжение митрополита	1521	75
На церковные и другие надобности, на содержание Духовной Киевской Дикастерии	932	90
Прибавочных, сходно росписи 1764 года	500	-
Киевопечерской Лавре, включая жалованье и содержание архимандриту, против того, как положено в штатах 1764 года Троицкой Сергиевской Лавре, тако ж содержание монахов и служащих и всякие подробные расходы с прибавочными, сходно росписи того же года	10570	-
Всего митрополиту Киевскому, с домом и с Киевопечерскою Лаврою	17 269	5
На содержание Киевской Академии	8400	-
Киевскому Софийскому собору, на содержание положенных при нем чинов, против московского архиерейского собора и с прибавочными росписи 1764 года	2058	-
Киевской епархии		
Двум монастырям первого класса, Пустынниколаевскому и Золотоверхомихайловскому, с прибавочными, на каждый по 2317 рублей и по 50 копеек, а на оба	4635	-
Трем монастырям второго класса, Киевскому Греческому Екатерининскому, Лубенскому Преображенскому и Переясловскому Вознесенскому, с прибавочными, на каждый по 1511 рублей и 90 копеек, а на три	4535	70
Двум монастырям третьего класса, Киевскому Выдубицкому, Козелецкому Георгиевскому, с прибавочными, на каждый по 956 рублей и по 30 копеек, а на оба	1912	60
Женскому монастырю первого класса, Киевскому Флоровскому Вознесенскому, с прибавочными	2409	80
Женскому монастырю второго класса Богословскому, с прибавочными	675	80
Двум женским монастырям третьего класса, Козелецкому Богоявленскому и Благовещенскому Золотоношскому, на каждый по 525 рублей и по 60 копеек, а на оба	1051	20
Итого на Киевскую епархию:	43 937	15
В Черниговской епархии		
Архиерею с домом, служащим при нем и Духовною Дикастериею, против того, как по штатам 1764 года об архиерейских домах второго класса положено, и с прибавочными по росписи же того года	5900	-
На содержание Черниговской семинарии	2000	-

	руб.	коп
Черниговскому Преображенскому собору на содержание положенных при нем священно и церковнослужителей, против того, как в штатах 1764 года назначено на собор Софийский в Новгороде	700	-
Да на церковные надобности	100	-
Итого:	8700	-
Монастырю первого класса Черниговскому Успенскому Елецкому, с прибавочными	2317	50
Монастырю второго класса Нежинскому Благовещенскому, с прибавочными	1511	90
Монастырю третьего класса Рождественскому Домницкому, с прибавочными	926	30
Женскому монастырю третьего класса Нежинскому Введенскому с прибавочными	525	60
Итого на Черниговскую епархию:	14 011	30
В Новгородской Северской епархии		
Архиерею с домом, служащими при нем и Духовною Дикастериею, против того, как по штатам 1764 года об архиерейских домах второго класса положено, и с прибавочными по росписи того же года	5900	-
На содержание Новгородской Северской семинарии	2000	-
Двум монастырям второго класса, Глуховскому Петропавловскому и Харлампиевскому Гамалеевскому, каждому с прибавочными, по 1511 рублей по 90 копеек, а на оба	3023	80
Монастырю третьего класса, Батуринскому Николаевскому, с прибавочными	956	30
Женскому монастырю третьего класса, назначенному по рассмотрению епархиального архиерея, с прибавочными	525	60
Итого на Новгородскую Северскую епархию:	12 405	70
Всего на три епархии	70 364	15

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества рукою тако: «Быть по сему». *Екатерина*

В Санкт-Петербурге, апреля 10 дня, 1786 года

Итак, по принятии всех здешних губерний монастырских вотчин с людьми и прочим, что за оными монастырями состояло, в Экономическое Ведомство директоров домоводства оных губерний, и по совершенствовании всего того, в силу именного ее императорского величества повеления, из оных крестьян, по присланному ж малороссийскому генералу-губернатору, его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, из Правительствующего Сената указу, составлен пехотный полк гранадерской, с названием Мало-

российский, который бы навсегда комплектовать теми ж крестьянами, так как помянутый указ в следующем содержании повелевает:

Указ ее императорского величества, самодержицы всероссийской, из Правительствующего Сената, генералу-фельдмаршалу, Киевскому, Черниговскому и Новгородскому Северскому генерал-губернатору и кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому. По указу Ее Императорского Величества, Правительствующий Сенат, слушав рапорт Военной Коллегии, с приложением с именного Ее Императорского Величества указа копии, в которой написано: «По учиненному Нами учреждении о содержании архиерейских домов и монастырей в Киевской, Черниговской и Новгородской Северской губерниях и об управлении бывших за ними деревень, предписали Мы Сенату Нашему, жительствующих в помянутых деревнях и за архиерейскими домами и монастырями по ревизии написанных поселян причислить к содержащим в войске в трех малороссийских наместничествах, и из них наполнять вновь положенный малороссийский гренадерский полк; в следствие чего повелеваем Нашей Военной Коллегии сделать надлежащие с ее стороны распоряжения, дабы, к наполнению означенного гренадерского полку выбраны были люди здоровые и к сему роду службы способные; в случае же недостатка их, приказать их переменить из содержащих десяти карабинерных тамошних полков». Приказали: с расписанием сего Высочайшего повеления к надлежащему сведению послать указ и вам, генерал-фельдмаршалу, Киевскому, Черниговскому, Новгородскому Северскому генералу-губернатору и кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому. Июня 8 дня, 1786 года.

На подлинном написано:

Обер-секретарь *Иван Языков*

Коллежский ассесор *Яков Боровский*

Канцелярист *Иван Леонтьев*

Итак, Малороссия обращена, с вышеписанных недавных лет, совсем на основании таком же, на каком узаконении и вся Великая Россия состоит.

За приведение в благополучное состояние и благоучреждение, с награждением малороссийских людей, приносится благодарение

С сих-то времен Малороссия взяла иной вид бытия своего и прямое поведение, обряд в должностях своих и порядочную службу, ибо, по премудрым ее императорского величества к тому учреждениям и законам, с благочинием установленным, не только по военным, но и по гражданским уставам, доведено ныне так, что политика с воинскими и штатскими обрядами, против прежних ее уставов, весьма отлично начало свое возымела, а все то по благоискусному му-

жу и мудрому начальнику по малу введено, за что, во первых, Всевышнему, и потом, всемилостивейшей государыне, премудрой монархине, II-й Екатерине Великой, должностную благодарность возносить должны. При том и по возложенным в том трудам и до ныне трудящегося, главного командира всей Малой России трех ее губерниев, государеву наместнику и генерал-губернатору, его высокографскому сиятельству, господину генерал-фельдмаршалу, главнокомандующему ковалериею и Украинскою дивизиею, сенатору, лейб-гвардии конного полку подполковнику, кирасирского военного ордена полку полковнику, российских орденов: Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого Великого Князя Александра Невского, Великомученика и Победоносца Георгия и Равноапостольного Великого Князя Владимира, Прусского Черного Орла и княжества Голштинского Святой Анны кавалеру, Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, благодарность же приносится от всего здешнего народа: да будет сие в роды родов!

Что в 1787 году в Малой России быть случилось

Ее императорское величество, всемилостивейшая государыня Екатерина Алексеевна II, возжелала видеть свои, вновь насажденные губернии, благоволила сего для выехать из Санкт-Петербурга 1787 года, января 2 дня, а 7 числа из города Софи (что прежде называлось Царское село) путь свой воспринять изволила через губернии: Псковскую, Полоцкую, Смоленскую, Могилевскую, и оттоль осчастливила прибытием своим новые губернии, как то в Малой России, следуючи через Стародуб в губернский город Новгород Северский, куда прибыть изволила 21 числа, а отбыть благоволила 23 дня, и последовала через города ж Сосницу, Березну до губернского города Чернигова, где от 25 по 27 число пробыть изволила, а из оного выехала на города Нежин, Козелец, и до Киева, куда прибытие ее величества воспоследовало 30 числа того ж января, коим пришествием обрадовала всю Малую Россию. Для которого вожделенного прибытия, какого счастия 42 года оная не имела, и истинною радостью во всех местах, как во-первых самим малороссийским генерал-губернатором, его сиятельством, генералом-фельдмаршалом и кавалером, графом Петром Александровичем Румянцовым-Задунайским и господами губернаторами и вице-губернаторами в своих губерниях, со членами и всем дворянством, так равно по городам тех губерний архиереями и архимандритами и всем духовенством, купечеством, со многим прочим народом, с пушечною пальбою и со сказанными приветствиями, встречаема была. Какого ради знаменитого прибытия во всех сих трех губерниях, как при каждой их границе, так и при губернских городах и в городе Нежине состроены в почесть ее императорскому величеству триумфальные ворота, и, сверх того, в бытность ее императорского величества, в помянутых городах были в ночное

время иллюминации и все дома освещены. В коих местах жаловать изволила всех благороднейших обоего пола людей к руке, и при том обеденными столами, за тем открыты были и балы; а сверх сего в Киеве, где на сей случай, к засвидетельствованию ее императорскому величеству своего почтения и отдания поклона, были многие приезжие польские магнаты с своими супругами. В торжественной же день рождения ее императорского величества, то есть, апреля 21 числа, во дворце был великолепный обеденный стол для генералитета, чужестранных послов, министров, приезжих польских магнатов и знатного дворянства обоего пола. Потом в вечеру представлен пред дворцом был фейерверк с иллюминациею и город весь освещен, и при том был бал. А на другой день, как-то 22 числа, ее величество, вознамерясь начать дальнейшее свое путешествие, изволила быть поутру для молебствия в Киевопечерской соборной церкви, потом в старом городе Киеве, в соборе ж Софийском и в монастыре Михайловском, и, приложась к Святым мощам, опочивающим тамо, отправилась на реку с провожанием одного эскадрона лейб-кирасирского полку, генералитета, штаб- и обер-офицерами и дворянством, со звоном при монастырях и церквах и пушечною пальбою с обоих крепостей, к приготовленным судам на галеру Десну, где изволила иметь обеденный стол, а по окончании обеда благоволила пересесть на галеру ж Днепр, и с тем со всем своим штатом изволила последовать рекою Днепром от нижнего Киева, именуемого Подола, всего на семи галерах, одного трешхоута и двенадцати ластовых судах, в Екатеринославскую губернию, где провожало все киевское мещанство на десять верст в лодках и прочих мелких судах с музыкою и разными песнями, являя тем свое чистосердечное удовольствие видеть и проводить свою монархиню, а губернатор с губернскими и уездными предводителями дворянства до самого города Кременчуга. При следовании ж в третьем часу по полудни мимо Киевопечерской крепости, с оной салютовано было вице-адмиральскому флагу, состоящему на галере Днепре, девятью пушечными выстрелами, напротив чего из галеры оной тем же числом ответствовано. И так плавание оное продолжалось Днепром, и дошед насупротив польского города, Канева, к 25 числу, изволила указать остановиться всей флотилии и стать полумесяцом, в котором городе находился нарочно для свидания с ее императорским величеством король польский Станислав Понятовский, для какового прибытия салютовано было из пушек с города, напротив чего ответствовано с галеры Днепра девятью выстрелами. Куда по зову его величество приезжал в шлюпке и обедал у ее величества на галере, где ему дан от ее величества орден, украшенный бриллиантами, Святого Апостола Андрея Первозванного, а в вечеру возвратился обратно. 26 числа последовала ее величество до города Кременчуга, куда прибыть изволила 30 апреля ж и пробыть благоволила по 30 числа мая. Откуда отбыла в Херсон, где пробыть изволила, свидевшись там, с прибывшим туда для свидания с ее императорг-

ским величеством, цесарем Иосифом Вторым, под именем графа Фалькенштейна, от 12 по 17 число, а с оного времени последовала обще с ним в Крымскую область и там изволила почти во всех главнейших городах и местах приморских осматривать свой Черноморский флот и пробыть благоволила от 19 по 31 число, от которого времени, возвращаясь от того паки в Херсон, прибыть в оный изволила 2 июня, где, распростясь с графом Фалькенштейном, прибыть благоволила в Кременчуг 4 июня, а в Полтаву 7 дня. Там полки были представлены для военного действия на самом том месте, где была, в 1709 году, славная баталия государя Петра Великого с королем шведским Карлом XII, а 9 числа изволила следовать через губернии Харьковскую, Курскую, Тульскую и до Москвы, куда благополучно прибыть благоволила июня ж 27 числа.

Во всех вышеупомянутых местах, где ее императорское величество быть изволила, по высочайшему своему благоволению, весьма многих, по тем губерниям, как губернаторов с порутчиками, так и чиновников их и прочих именитых по заслугам и по состоянию их звания, разными орденами, богатыми бриллиантовыми перстнями, золотыми и осыпными табакерками, часами и чинами, а на монастыри, и духовным особам деньгами жаловать изволила.

Прим. На место Гавриила Кременчуцкого митрополитом стал в Киеве, от 1783 года, Самуил Мыславский.

ГЛАВА 37

Продолжение, касающееся до сего летописного повествования, как-то: особое описание о бывших запорожских козаках, жительстве, поведении и обычаях их

Сечевские козаки, хотя от времени польского короля Сигизмунда Первого, как выше сего, в главе 8, повествуется, в 1516 году начало свое возымели, но прямое бытие и причисление их в число общества всех малороссийских запорожских козаков состоялось тогда, когда польский же король, Стефан Баторий, в Украйне порядочное войско козацкое, в 1576 году, учредил, как в 9 главе описано, и из оных бы содержать и стражу от татар около порогов по Днепру. Между ими и черкасами (то есть, малороссийскими козаками) никакого различия сначала не было; а не так как они особенным состоящим войском себя считали; стража при порогах и ниже оных, по учреждении войска, содержана была посменно и для того установлени-

ем гетманским, в силу повеления королевского, нарядом посылалось в то место от полков, при начальниках, подлежащее число козаков, о коих те полки, как о своих людях, ведали и снабжали их всем тем, что было для них потребно. Сии козаки, по необходимости, для защиты своей, на первый случай сделали там при Днепре засеку и в ней поставили шалаши великие, назвав их куренями, и столько числом, сколько тогда городовых полков в Украйне было, и теми полковыми городами именовались. Они беспрекословно исполняли все, на них возложенное, дело, и повиновались всем, как гетманским, так и полков своих, повелениям и во всем давали им отчет и послушание. А как необитаемые еще вокруг и в близости оного места состояли и суть многие леса, речки, озера, разливы и луга, в коих как зверья, так и рыбы изобильно, все оное для охотнейшего их в тех местах пребывания в их собственное употребление отдано было. Тогда они в угодьях оных, кто где изобрал себе места, жить стали, и каждый, по склонности промысла своего, в рыбе, звере и меду изобильствовал, которых своих корыстей большую часть приезжим к себе купцам продаючи, имел хлеб и прочая, к житию нужная, а в самой Сечи сложенною имели амуницию и всякой борошен козацкой; там же и старшина их прыбывала с несколким всегда числом козаков. Каждый курень имел своего куренного атамана, вместо полковника, а верховный над всеми старшина назывался кошевой, вместо гетмана, как бы то было сокращенная Малая Россия или наместная оной сила воинская. Кошевой сей со всем Запорожьем повиновался, как главнейшему начальнику, гетману малороссийскому, и особенно каждый атаман с своим куренем послушал городового, которого звался именем, полковника. Все сии козаки, как они еще сначала своего, между собою уставили обычай, чтоб жить в Запорожье всем им безженным, и как пребывание их было там прибыточное и весьма свободное, сего для многие, сыскавшиеся не женатые ж, обще с прежними удальцами, пожелали без выходу быть при оном месте, а к оным приобщилась уже через несколько времени такая ж холостьба, числом множественным, и взяли там себе, с дозволения своего войска, всегдашнее пребывание. Но что ж из того, наконец, вышло, в последовании окажется.

Сия собравшаяся холостьба потом проименовалась войском и место сборное их, Кошем, а управление назвали Сечью. Они когда намерялись куда идти войною, или сделать где нападение, собравшись из своих мест отовсюду, советовали об оном между собою в оной Сече и избирали из своих себе храбрейшего и искуснейшего предводителя. В таком случае те, которым должно бы следовать куда в поход, все свои домашние дела и промыслы на то время оставляли.

Потом сии люди ту засеку или Сечу свою сделали на том же месте замком из земляного вала, обведенного вокруг их куреней образом круглым, без всяких оборонительных пристроев, кроме воротных башен, с поставленным потом только на оном вале палисада ост-

рогом, и обведенным вокруг оного рвом, единственно для прикрытия их жилища. Народ оной полагал тогда свое защищение не на укрепленный город, но на собственную свою храбрость. Впрочем, Сеча, во внутренности разделялась, как уже объявлено, по числу городовых полков, на курени, а потом оных, когда по своевольству своему, уже из послушания настоящего вышли, оказалось 40, из коих каждый состоял из одного большого и разных маленьких домов, в едином месте построенных, и посреди оных на площади одна церковь. Каждый курень имел своего старшину, который назывался куренным атаманом, а все купно состояли под правлением кошевого атамана, как выше сказано, кой получил себе название по месту, от татарского слова, кош, а по нашему стан, ибо он повелевал всем кошем, то есть, станом, или войском, следовательно, был того войска войсковым атаманом. Куренный атаман уже в бытность их самовольствия избирался от своего куреня, а кошевой от всех куреней и от общего собрания. Были еще у них начальники наподобие старшин малороссийских козаков, и назывались войсковой писарь и войсковой есаул. Сии также избирались от общества, писарь имел своего подписаря, а есаул подесаула, а над артиллериею имел смотрение названный пушкарь. В числе начальников считался также довбыш, или литаврщик. Сия старшина суды и дела главнейшие управляла; но ни мало без ведома и согласия всего товарищества (так чернь оная называлась), ибо когда грамота королевская (потом же царская) или посланник гетманский, прибыл, или иное некое дело совета и управления требовало, тогда наперед сделан был пушечный выстрел, для того, чтоб находящиеся на лугах и в лесах козаки слышали и собраться в кош могли, потом в литавры бито, на который позыв сходилась вся чернь на майдан (то есть, площадь) пред церковью, и там, при самой оной, под распущенною хоругвою (знаменьем) становился кошевой с своими войсковыми старшинами, а чернь кругом обступала. Тогда писарь грамоту или письма присланные прочитывал в голос, или дело некое к совету предлагаемо было; кошевой смиренно о том вопрошал собранную чернь, чем быть приговорити изволят, и на что большая часть согласится, то по тому и быть.

Сие войско, по своевольству своему, когда умножилось оное бесчисленным числом, обобладало, наконец, и вовсе там всеми вокруг их, не только данными ближними, но и самыми отдаленнейшими, впусте ж находящимися, местами, и присвоило к себе так, как бы точно, по правам каким, оному подлежали. Оно разселило людей своих по всем тем местам в великом множестве, и занявши ими, промыслы свои простирать сугубо, так как в собственных и никому, кроме их, подлежащих местам, стало, как то по всем впадающим в Днепр и в Бог рекам, почав с самой Тясмины, Синюхи, Ингула, Бога, при Гарде, Карабельне, Мертвых Водах, Еланчике, Ингульце, Громоклее, Каменке, Подпольной, Бузулуке, Саксагане, Чертомлыке, на которых и самая прежняя Сечь их, близ Днепра, была и при многих иных речках и

урочищах, и по самому Днепру, где зимовниками (то есть, хуторами) и рыболовными ватагами находясь жили.

Они, таким образом, в сих местах пребывая, и в такой силе своей будучи, хотя состояли под властию своего гетмана, однако, ради необузданного их самовольства, уже невозможно их было в совершенном содержать послушании. Они хотя и повиновались ему и его повеления исполняли, но не так, как сначала заведено было, а полковые приказы уже вовсе, наконец, отвержены были.

Потом, когда было через них и всему живущему в Украйне козачеству от Польской республики утеснение, то принужденными нашлись из них многие переходить за Днепр, сведши дружбу с татарами нагайскими и крымскими, иметь свое спокойное пребывание по рекам Днепру и впадающим в оную Ореле, Самаре, Московке, Конским Водам, Волчьей и прочим речкам. Через сие, по примирениям их потом с поляками, когда возвращались многие из оных мест по прежнему в свои жилища, тогда запорожцы, с оставшими при тех заднепровских местах, присвоили оных к себе и стали ими обладать, так равно, как с своими пределами. Они, наконец, простерли себя и до Миуса реки, а потом, по разным переменам, бывшим между Польшею и Россиею с татарами и с ними, вселились во всей той внутренней части земли, как-то по рекам же Калмиусу, Калчику, Берде, и по берегу той части Азовского моря, и прочим тамошним речкам, и имели там так же свободные звериные и рыбные промыслы и пчелиные заводы. С сих-то времен стали они иметь и женатых козаков от тех переходцев из Украйны, но не в Сече, или в самом Запорожье, а по речкам Ореле и Самаре, со времени ж Хмельницкого и на Каменном Затоне и в Кайдаках. Отсутственные же от Сечи, живущие за Днепром, так же состояли под властию всего Коша и кошевого и по повелению его исполняли все, что до службы их касалось, но для нарядов потом и для судов и расправ имели над собою определенного из Сечи особливого полковника, коего сердюком называли; он имел двух помощников, писаря и есаула.

Они сначала воевали на земле, более пешие, хотя было их несколько конницы, а на воде однодеревяными судами, челнами и гимнами, и сначала ж много действовали, не только что на села и городки татарские нападали, весьма оные разоряя, но в малых тех своих судах дерзали и на Черное море пускаться и на корабли купеческие турецкие нападать часто не без успеха и корысти, так как в сей истории выше повествуется, и с тем, что пробегали иногда до берегов Азиатских, где Трапезонт вырубили и Синоп разорили, так же и под самый Константинополь поднесли было страх, чем козачество было прославилось.

Точию не долго ту славу свою удержали, и еще больше многими своими самовольными безчиниями, бунтами и разбоями, как имя свое оскаредили, так и России, вместо помощи, зело вредны явилися, наипаче, когда Хмельницкий гетман, отторгнув Малую Россию от

владения польского, поддал под державу русских монархов; ибо тогда запорожцы от государей подтверждение приявши, а еще к тому и довольное царское жалованье, на каждый год присылаемое получая, весьма возгордели, думая о себе, что они нужно потребны суть государству Российскому. Они прежние свои храбрости забыли, или паче храбрость оную в бунтовское и разбойническое свирепство обратили, ибо и у себя самих непрестанные делали смущения междуусобием и часто себя убивали, от чего кошевой и войсковая их старшина в великом всегда страхе у них тогда были, сами вопреки нимало им страшны, найпаче в собранной на майдане Раде, где посольство слушали, или совет о чем делали, держал каждый запорожец в руках палку и часто до убивства междуусобного приходило; и для того оная их старшина по близости к церкви становилась, чтоб тем скорее могли, вбежавши в церковь, от рук их сохраниться. Они не иным чем тогда время пробавляли, как только непрестанным костырством и пьянством и безрассудными между собою драками, где б кто только услышал шум и крик обычной, приговаривающей: «Бей, бей, его!» все с дубьем туда ж бегут и бьют биемого ж, не распрося, за что того бьют. Они уже и универсалы или лучше сказать прошения, от гетмана присылаемые, слушали столько, сколько хотели, да и то склоняемы были на то вином, хлебом, сукнами и прочими присылками. Посланные ж от гетмана, да и от самого монарха, всегда были в страхе и бедствии у людей оных, которые о законе всемирном ни мало знающи, ниже о том и знать хотели. При том часто слышать принуждены были посланные лай и укоризны себе; да и к тому дошло было, что пределы российские, которым обороною Запорожье называлось, не только никакой помощи и обороны оттуда не имели, но еще великие обиды терпели от них. Они нападали на обозы купецкие и оные многажды с убийством людей грабили. Разбивали ж и заводы селитренные, забирали скот и иные пакости чинили, так что будучи против татар употреблены, паче их они в тягость самим были. Что видя татары без всякой опасности часто набеги делали на Украйну, ни малого имея препятствия от оной защиты.

Было еще к тому оное войско препятствием к потребному иногда миру с турками: они не смотрели на общие нужды, но своих только сыскали корыстей, ибо в самое мирное время нападали воровски на поселян татарских, так же на послов и купцов турецких, как то в одно время греческих купцов великий караван, следующий в Россию, разбили, за который разбой из казны царской, по иску от Порты Оттаманской, сто тысяч ефимков заплачено было. Словом сказать, что не иное уже Запорожье было, как только свободное и безопасное место разбойников и бесчисленных людей, во всяком бесстрашии жить и воровать хотящим прибежище и станица. За что, наконец, совсем лишились своего пепелища, как ниже сего окажется.

При всем оном два устава, которые имели Запорожье, удивляли только простой народ, как то: безженное житие, да жестокое наказа-

ние домашним татем. Но безженство оное безпотребное, безумным только людям диво есть, а упомянутое правосудие что значит против таких безчиниев и злодейства?

У них не позволялось жить или кому иметь женского роду в самой только Сече, иначе же многие имели, как выше сказано, по отдаленным местам.

Когда ж кто из них вознамерился жениться, таковой исходил из Сечи. За блудодеяние их междуусобное наказывались они так, как и за воровство домашнее.

Сеча или место оное и ныне еще находится, токмо, за опровержением оного Коша и всего Запорожского Козачества, лишилось своего города и владения земель. Ныне все то не под их уже, но под великороссийским, управлением, за непокорность и непослушание против власти монаршей, при том как за самовольные набеги и грабительства соседей, так и за недопущение определенных вышним правлением к поселению в околичных вокруг их порожжих местах и за многие озорничества, а паче что намерялись в 1768 году, во время объявления туркам войны, отставши от России, пристать к турецкой стороне, и за провод от них некоими к нападению на украинские места татар и пленение ими людей, совсем разрушено и уничтожено их общество в 1775 году.

И так всякий благоразумный человек рассудить может, что соборище оное достойно было давно, как домашнее государству зло, искоренено быть, но сами они, через непокорство, злодейство и плутовские поступки свои, понудили к тому Россию.

Запорожье оное состояло от начала своего под королевством Польским, до отдавшегось гетмана Хмельницкого, с ними в подданство российское, 138 лет, а под монархиею российскою, до измены их с Мазепою, 55, под татарским же владением 24; потом паки отдавшись под российское державство, находились до совершенного их Коша и козачества разрушения 42 года, которое воспоследовало в 1775 году, всего всех лет бытия их было 259.

О силе сих козаков, или о числе их, подлинного известия иметь было никогда неможно, потому что они и с начала своего, так и до опровержения их, составлялись от разных пришлых людей, кои, по воле своей, в козачество их приписывались, и опять, если кто возжелал куда перейти, или переселиться, отбывали. И для того и сами подлинного числа людей своих знать не могли, как только имели число куреней своих. Общество их наполняли находящиеся близ их Малороссия и Польша. Они, выезжая в оные, подговаривали, а иногда лестью и тайно увозили оттоль малолетних, так же свойственников и родственников. При том и из других мест приходили охотники сами и беглецы от разных стран, чрез что в обществе их премножество разных родов людей было, однако ж все из христиан, кои все определились в козаки, а малолетних иных до возраста грамоте обучали, потом теми хозяевами, кем они привезены были, или, за неимением

оных, от куреня, когда в совершенный возарст приходили, всею козацкою сбруею, конем и платьем снабдевались и употреблялись в настоящие их козацкие службы. Они в собрании или все в Сечи быть не могли, потому что большая часть из них бывала по низовьям своим и жительствовали там года по два и более, не приходя в Сечу и производя промыслы, как то: лавливали рыбу и зверя и с оными товарищами езжали для продажи в города. Иные ж отъезжали без всякого дозволения в Польшу и к турецким границам для добычь своих, где бывали убитые, в полон взятые, и прочими безъизвестными случаями пропадали, а некоторые, нажившись в Сече, со всем своим имением, под видом торгов или и иных каких ради нужд, взяв пашпорт от кошевого, за их войсковою печатью, отъезжали в Польшу и Малороссию и там безвозвратно жить оставались и оженивались.

Печать оного войска, как они тем величались, почти с таким же изображением имелась, какое и все малороссийское войско имело ж, с стоящим козаком или рыцарем, но ружье держит на плече, а не у ноги, как малороссийская.

Козачеству оному, от времени последнего подданства их, также как и прежде, ежегодно присылалось определенное число из кригскомиссариатской суммы, денежной казны на жалованье до несколько тысяч рублей, из которого числа получали: кошевой по 600, судья, писарь и есаул по 300. А прочим атаманам, полковникам, обозным, довбышу, пушкарю и подписарю давалось по состоянию должности их; козакам же делили оставшую часть, или число денег, поскольку кому достаться могло, а от отлучных оставляли в войсковой казне на всякие войсковые расходы.

Со времени ж последнего подданства их России состояло в Сече куреней тридцать восемь, а именно по званиям их:

1. Левушковский
2. Пластуновский
3. Дядьковский
4. Брюховецкий
5. Медведевской
6. Платнировский
7. Пашковский
8. Кущевский
9. Кисляковский
10. Ивановский
11. Конелевский
12. Сергеевский
13. Донский
14. Крыловский
15. Каневский
16. Батуринский
17. Поповический
18. Васюринский
19. Незамаевский
20. Ирклеевский
21. Щербиновский
22. Титаревский
23. Шкуренский
24. Куреневский
25. Роговский
26. Корсунский
27. Каниболоцкий
28. Гуманский
29. Деревянковский
30. Нижний Стеблевский
31. Вышний Стеблевский
32. Джералевский
33. Переясловский
34. Полтавский
35. Мышатовский
36. Минский
37. Тимошевский
38. Величковский

К Сече оной, для прикрытия их предместья, во время турецкой войны от 1736 года, пристроено полевое земляное укрепление, а для политических резонов к содержанию при оной гарнизона, сделан зáмок, примыкающий к городу и к укреплению предместного по фортификационному устройству.

В войске оном бывали ежегодно сборы, или круги их козацкие, называемые по их Рада, первая января 1 дня, для разделу на курени речек, от порогов до самой Бог реки, впадающих из степи в Днепр, и которая речка которому куреню по жеребью доставалась, то на оной того куреня козаки ловить должны были во весь год, не касаясь к иным. Во время своей Рады случалось, что скидали старшин своих и восстановляли иных. Рады ж или сборы оные чинились у них всегда пополудни, следующим образом:

Когда в уреченной день и час надлежало Раде быть, тогда кошевой приказывал, во первых, для повестки к собранию находящихся в лугах и лесах, выстрелить из пушки, а потом довбышу бить сбор, который того для с базарной площади приносил свои литавры, кои всегда там у столба, к которому воров на кару приковывали, стаивали и зорю бивали. И поставя их посреди зáмка пред церковью, на майданном месте, бьет дробь, а есаул вынашивал из церкви одно знамя и ставил оное при литаврах. Козаки ж коль скоро тот бой услышат, поспешно сбегались к тому месту, и как довбыш пробьет три дроби, то по окончании оных, кошевой с палицею или с насекою, в которой вся честь кошевого состояла, а судья с войсковою печатью, писарь с каламарем, то есть, с чернилицею, есаул с малою палочкою к тому ж месту придут, где отдавалась им честь литавренным боем. Они ж, став посреди круга того или народа, близ знамя и литавр, сняв шапки, кланялись козакам на все, то есть на четыре, стороны. Потом скажет кошевой ко всему тут собранию, где и атаманы куренные бывали, сими речьми: «Паны молодцы и товариство! У нас нынче Новый Год; треба нам, по древнему нашему звичаю, раздел в войске рекам и урочищам учинить». На что все кричат: «Добре!» По сем метали жребий, и тем, которому куреню где доставалось, то в тех реках и урочищах должны были во весь год промыслы свои иметь.

По окончании ж того раздела, атаманы, старшие и лучшие козаки отходили по своим местам, а оставались иногда на том сборном месте только пьяные, грубые и простые козаки, которых кошевой, не отходя с своего места, с старшиною принужден спросить их: «Паны молодцы! Чи не будете с сего року, по старым вашим звычаям, инших новых старшин выбирать, а старых скидать, так скажите?» Если козакам оным старшина та угодна, то кричат все, что «Вы батьки и паны наши добрые. Треба вам над нами пановать!» Напротив чего кошевой и вся старшина, поклонясь им всем, отходили по своим куреням.

Ежели б намерены были кошевого или иного кого из старшин переменить, то скажут, например кошевому, чтоб он положил свое

кошевье. На что он должен был, положа палицу на свою шапку, принести к знамю и положить, а потом, поклонясь всем и поблагодаря их за доброе содержание и послушание их, отходить в свой курень; равно судья, писарь и есаул, когда и их скидывают, отлагая свои знаки, так же делывали. А ежели отдумавши не захотят из них кого скидать, то кричат тому, чтоб своего старшинства оной не слагал, для чего принужден был тот с прочими остаться и стоять в своем месте, доколь разойдутся.

Когда ж старшина оставлялся или извержен бывал, то, при выборе и восстановлении на место того, между пьяными и вздорными козаками бывал великий шум: одна сторона захочет такого куреня и такого именем, а другая другого, из чего бывало крик, шум и брань, а иногда и драка, даже, наконец, сильная сторона одержит верх, или по многом споре так согласятся, то ходили за тем, когда того уже нет в кругу, кого в какие старшины изобрали, самые пьяные и сумасбродные, человек с десять или более; и пришед к тому в курень, просили, чтоб он принял тот чин и звание на себя, в которое они его выбирают; если же он не желает и добровольно на сборное место не пойдет, то, взяв по два человека, его за руки, а прочие сзади в спину и в шею толкавши, из куреня его выталкивали и с тою процессиею через всю площадь до сборища их доваживали, ругая и говоря ему в след: «Иди, скурвый сын: нам тебе треба; ты наш батько; будь нам паном!» Приведши ж в круг, буде и всем там угоден, то вручали ему ту вещь, в какой чин он потребен, например, в кошевые палицу; но он, по козацкому их обыкновению, принимать не должен до двух разов, а в третий, препоручая ту вещь, говорят ему, чтоб он был им неотменно старшиною, и при том приказывают довбышу в литавры бить честь. Тот же, хотя б и не хотел, принужден принять и кланяться им, за что вторично литавренным же боем отдавалася честь ему; и мажут тогда старшины и козаки ему голову землею, не взирая, хотя б и грязь на то время случилась; что равно и прочим старшинам, при постановлении их, ту же честь воздавали.

По вышеописанной Раде бывала, единственно для выбору старшин, другая, октября 1 числа, то есть, в день Покрова Пресвятой Богородицы, который у них храмовый праздник был. Но если переменять причин не имели, или упалого места не было, то и Рады не бывало. Так же на Светлое Христово Воскресенье для перемены ж третия Рада бывала; но когда выбору быть не следовало, то и Рада отменялась.

Сверх оных уставичных дней, бывали иногда так же Рады, когда похотели козаки по какой либо причине, обиды, ненависти, или старшинства ради, или и по злобе, извергнуть и выбрать старшину какого, то делывали наперед тайный заговор, и буде согласятся в том куреней десять или более, тогда, подговоря, научат пьяниц, дабы сделать Раду, которые, взяв с базару литавры, внесут в замок, и, поставя там на площади, близ церкви, начинали бить в оные какими нибудь

палками; понеже литавренных палок при литаврах довбыш не оставлял, но имел их всегда при себе, что услыша довбыш, должен быть тотчас по тому бою придти и спросить, для чего они бьют Раду? на что отвечают только, что «Бей Раду, скурвый сын! Еще пытаться стал; бей тилько!» Почему должен бить неотменно; а если не стал бы бить, то тут же прибьют его поленьями. А как люди будут в сборе, то придут кошевой, судья, писарь и есаул, становятся, по обычаю, в среди круга и, поклонясь на все стороны и стоя без шапок, кошевой спросить должен: «Паны молодцы! На що Рада у вас собрана?». На то объявляют, ежели кошевого скинуть хотят: «Ты, батьку, положи свое кошевье, ты бо нам неспособен»; или иную какую вину знали, то тем и уличали; или скажут, что надобно судью, или писаря, или есаула скинуть, то говорили: «Годи им пановати; они бо негидные дети, уже наелись войскового хлеба». Тут деливался превеликий шум, и собиралися все козаки, сколько их случалось быть в Сечи; и разделялися на две части по разделу их древнему, вышних и нижних куреней; которые ж с одной стороны желали прежних старшин иметь, а с другой иных выбрать и старых скинуть, деливалась из сего в несогласии том междуусобная ссора и драка; и коль скоро до того доходило, то вся старшина уходит из Рады в курени свои, а те продолжают драку, так что и до смертоубийства дохаживало, и остервенившись в оном, сторона осилившая, не только била людей, но у побежденных и курени разоряла, растаскивала, даже и посуду забирала и ломала все, что им ни попадалось, и разные при том озорничества делали; которая сторона победу одерживала, или переспоривала, то с той стороны и старшину ту восстановляли.

В сих Радах случалось и так, что хотя и без драки, но спором и шумом «возжелавшая сторона скинуть прежних старшин, похочет возвесть других, то те не дожидались дальнего чего, полагали свое начальство, как выше сказано, благодаря за их к ним почтение, отхаживали в свои курени, в которое время на место их приваживали тех, коих назначали, с такою ж процессиею, с какою прежде описано. Точию, если не все тому были согласны, то оные того в круг тот не впущают, а те, кои вели, в шею и спину толкали, через что случалось так, что раздирали на оном платье и волосы выдирали, а старшиною быть не доставалось.

Буде ж в оных Радах, вышних и нижних куреней козаки к извержению одного или всех старшин все согласны будут, то на вопрос кошевого целое войско закричит, например, кошевому: «Покинь негидный сыне, свое кошевье!» судье, свое судейство, писарю, писарство, и есаулу свое есаульство. «Уже вы войскового хлеба наелись; кошевье и панство свое покидайте, скурвы дети; бо вы нам неспособны», и какое знают винословие, тем уличают. Для чего все те, кого скидают, принуждены, положа на шапку свою, кошевой палицу, судья печать войсковую, писарь чернильницу; а есаул палочку, положут

пред знамя и, поклонившися всему войску, и поблагодаря, уходят скорее к куреням своим, не говоря ничего, опасаяся, чтоб не прибили.

Так же, когда следовало делать наряды в походы и разъезды, бывали Рады ж, то всегда оные с великим шумом и раздором, доколе не согласятся. И при том почасту на оных попрекали, что государское жалованье присылается к ним великое; только старшина много говорить не смела, а что и говорила, и то не с грубостью, опасаясь, чтоб с старшинства не скинули и не убили; понеже случалось, что и на сих Радах старшин скидали.

Ежели ж малые наряды и командировки или иные какие объявления случались, и для таких старшины и атаманы не похотели б Рады собирать, то объявлялось об оном у кошевого при курене всем собранным куренным атаманам, что называлось у них сходка, а те атаманы уже чинили по оным наряды и объявления.

Иногда по таким объявлениям хотя атаманы наряды и делали, но если козаки объявят свои недостатки в деньгах и в прочих припасах, что они за тем к посылке или к походу неисправны, то почасту бывало, что таковые наряды и без исполнения оставались.

Бывали и сверх оных сборов по разным обстоятельствам и разными образами много таковых же Рад, но все происходили вышеписанным образом.

Отставленные ж старшины хотя они и в число рядовых козаков включались, однако ж почитали их яко бывшую старшину, и потому они у них первенствовали и определялись почасту над прочими козаками в отсутствии начальниками. А когда кто из них умирал, то для прежней его чести, при погребении выпаливали из пушек по одному разу, а из ружей более, нежели для простого козака.

Атаман куренной имел полную власть в курене своем, и такую, что козаков ведомства его мог всегда за всякую вину наказывать. Они же, напротив того, почитали его не только как начальника, но как отца своего, и весьма ему подобострастны были, и ниже когда бранить его смели. Он имел у себя на руках и сохранял их имение, как-то платье и всякие вещи.

Если ж наряд когда козакам куда случался, или какая посылка, то более в том повинувалися каждого куреня своему куренному атаману, нежели кошевому, или судье. Куренной атаман должен был иметь всегда попечение, как о курене, так и о козаках своих, дабы у него завсегда для них достаток был, как запасом, дровами и всем, что к тому принадлежало. Когда ж атаман нерадив и неспособен, или пьянствовал и не был попечителен об них, то имели волю такого скидывать без Рады и возстановлять на место из своего куреня другого способного, а от другого куреня в то место никогда не брали, и в оном извержении и возведении атаманства не только другим куреням, ниже целому войску, дела не было.

Духовных они у себя имели, будучи под российским державством, сначала от Киевской епархии, потом от киевского Межигорского монастыря, ежегодно иеромонахов два, диаконов два ж, потому

что они состояли, по обещанию своему, вкладчиками в оной монастырь. Священники у них обыкновенной власти не имели, как только исправляли службу Божию по чину, уставу и служебнику; и хотя их довольно, яко священников, кроме невеж, почитали, но и священники во многом старшинам повиновались. Буде ж на перемену прежних священников пришлют для них неспособных, как-то престарелых, не голосистых или с иным каким пороком, таковых отсылали обратно, а оставляли прежних. На ектениях возглашали по уставу о Высочайшем здравии и о Святейшем Правительствующем российском Синоде и всего сигклита, а потом по именам, кошевого, судью, писаря, есаула и всего православного воинства. Священники доходы имели и довольствовались от олтаря и мирских потреб, а паче от умирающих, которые по обещанию своему отказывали по возможности своей им, на церковь и на помянутой монастырь, что и отсылали в обитель оную. При том содержали при церкви людей таких, кои промен свечей восковых имели, что их довольно обогащало. А прежде сего, когда они еще под турецким и татарским владением состояли, имели духовных, присылаемых из Греции от константинопольского патриарха, архимандрита, священника и диякона, а иногда и из польской Украйны духовные к ним прихаживали. Они в тогдашнее время в службе Божией на ектениях за здравие возглашали о православных царях, всего освященного чина; сигклита и их чиноначальников и всего православного их воинства.

При церкви имели певчих из школяров своих, которые обучались в учрежденной у них школе; оные привозилися в Сечу козаками по родству и по иным случаям, а иные и сами из разных мест из Малороссии, из Польши и из других мест к ним приходили; и те, кои их привозили, если достаточны, отдавали их в то свое училище вместо детей своих, и содержали на своем иждивении. Сверх того кое-что и сверх содержания школьного, от доходов за звон по умершим получали. Сих певчих бывало у них человек до 30; они ж продавали в церковь и людям ладан, и теми доходами довольствовались. При школе оной имели, для обучения тех школьников, одного священника. Певчие ж оные имели выбранных из певчих же своих над большими и малыми по атаману, коих они, по изволению своему, между собою выбирали и низвергали.

Войско оное учрежденной канцелярии у себя не имело, а исправлял у них письменные дела один их войсковой писарь в доме своем и имел в помощь одного только подписаря. Письменных дел у них в войске и о древности их записок никаких не имелось, кроме что присланные вновь и старинные грамоты и повелительные указы, которые, как скоро получились, прочтены в Радах их бывали, и на то, по исполнении, куда следовало, отписками отвечали.

При Сече имелись мастеровые, как то кузнецы, слесари, шевцы или сапожники, кравцы или портные, и прочие. Все художники работу свою производили вне зáмка их, для чего и дома свои имели в

предместье. Они никому даром делать не обязаны были, хотя они войскового ведомства и в числе козаков состояли.

Кошевой имел почтение от всех козаков, так как главный начальник войска их, а особливо во время походов и во всяких особых случаях; наипаче если которого любили, повиновались тому во всем безоговорочно; так равно и всех старшин почитали, кои все в церкви, для отличности своей, имели себе особо поделанные места, и в оных, во время службы Божией, стояли. Жительство свое имели каждый в курене том, в котором они прежде рядовыми козаками состояли, где и стол и пищу всегда с козаками вообще имели.

Старшины оные уставленные доходы имели. Когда привозили к ним из Малороссии, Польши, Крыма, вино горячее и виноградное, то с каждой куфы собиралось им всем по одному рублю. А когда скупят козаки и пожелают в Сече продавать, тогда принуждены были с каждых десяти куф вина дать кошевому ведро, судье другое, писарю третие, есаулу чертвертое, довбышу и пушкарю пятое, на церковной доход шестое, а на атаманов куренных всех седьмое, что называлось у них сбор, вино поставное. Потом от войска устанавливалась тому вину цена, почему оного кварту продавать.

С прочих товаров сбору не полагалось, но однако ж, как скоро отколь с разными товарами и харчевыми запасами, а наипаче из Крыму с турецкими, прибывали, то с каждого каравана приносили купцы кошевому и всем старшинам, от товаров, по нескольку в дар, так равно и от съестных припасов, смотря по состоянию всего количества и цены.

Если когда на степи находили приблудные лошади, и оным до семи дней по объявлении их хозяева не сыскивались, то оные бирывалися на старшину.

Всякий проситель, при объявлении на кого своей жалобы, должен был давать принос старшинам, чтоб дело разсудили, что им в доход незазорной считалося.

Когда партия на промысел какой куда ходила, и довольно получила добычь, то при возврате своем старшину свою дарила.

Так же от шинкарей, бузников, мясников и калашников бывали приносы медом, пивом, брагою или бузою, мясом и калачами по их расположению.

А на праздники Господские ежегодно, декабря 25 числа, то есть, на Рождество и на Светлое Воскресенье Христово, собравшись торговые и майстеровые, каждого роду своим собранием, как то: шинкари особо, и майстеровые особо ж, прихаживали с поздравлением на поклон и приносили гнезда по два и по три лисиц и калачи или куличи, что называлось у них ралец; на первый день к кошевому, который для праздника и за приход их должен был поить вином и взварцом, то есть, взварное вино с медом и сбитнем и медом достаточно, доколе им будет довольно; на второй день ходили к судье, на третий к писарю, а на четвертый к есаулу с таким же приносом, и так же угащивались, как и у кошевого.

Сверх оных должен был кошевой в оные праздники и всех козаков, имеющихся в Сече, кои к нему придут, поить, а атаманов и других старшин, позвав к себе в курень, особо угащивать, потом бывал он и у них, и оного гуляния продолжалось между ими целая неделя, и с пушечною пальбою.

Сверх вышеписанных доходов, определен был для старшин и перевоз днепровский, называемый Никитинский, которого сбору довольно для них бывало.

Куренные атаманы не более доходу имели, как только то, что вышесказано, а сверх того только за имевшиеся в предместье куренные лавки, которые отдавались краморам, шинкарям, майстеровым, калашникам и мясникам в наем; так же с куренных котлов, и сбираемы деньги с вина отпускаемого от куреней на продажу шинкарям, которыми доходами должны были атаманы содержать свои курени и довольствовать всеми принадлежностями, чтоб ни в чем недостатка у них для козаков быть не могло, а собственно для атаманов доходу только тогда было, когда козаки с добычью отколь возвращались, то дарили их по нескольку, и то без должности.

При атамане в курене имелись прислужники, а именно: кухарь один, при коем бывали в помощниках малолетников два или три. Оные носили, для варения пищи и на прочее, воду, чистили котлы и всякую посуду, а кухарь только что дрова рубил и есть варил на всех козаков, сколько б их при Сече того куреня ни случилось. На столовые расходы собиралось в курень с каждого козака по пяти рублей в год, а кухарю за труд из куренных денег давалось по два рубля. Пища готовилась для козаков, называемая, первая, саламаха, а вторая, тетеря: первая варилась из муки ржаной с водою густо, другая, из муки ж и из пшена жиже, на квасу, или рыбной ухе. Для оного мука и пшено покупались на куренные деньги. Которые ж хотели при том иметь когда рыбы или мяса, то покупали артели для себя на собственные деньги, а прочие довольствовались только саламахою и тетерею. Обыкновенного хлеба в куренях никогда не имели. Пища оная поставлялась на столах в ночовках, или корытах, называемых ваганках; имели ж к тому ложки, а тарелок никогда и не для чего.

Козаки ж находившиеся в Сече, жили все в своих куренях, а кои зажиточные и дома свои имели, жили в предместье. Из оных почти все имели свои промыслы, варили мед, пиво, браги, разные ремесла, шинкарство и крамарство. Оные пищу в куренях уже не имели, но всякий от своего промысла в доме своем питался и пред куренными гораздо изобильнее, как то хорошею пищею и хлебом довольствовались. Другие жили в зимовниках своих, для скотоводства и лошадей, иные для рыбной, звериной и птичьей ловли. Притом многие из таковых имели пасеки, то есть пчельники, и тем себя содержали и питали. Зимовники оных находились в степях ведомства Сечи, лежащих по правую в по левую сторону Днепра, до самых границ турецких, татарских и польских, при Днепре и на островах его, почав от устья ре-

ки Самары, и по находящимся там рекам и речкам, впадающим в Днепр, Бог, Азовское море, по Калмиус.

Козаки, сверх оных промыслов и домоводства, прибытки свои имели. Они, коль скоро сведать могли, что в соседственной стороне люди в оплошности живут, как то татары, турки и поляки, то неукоснительно, собравшись шайкою, делали в оные места ударения и напавши в селения грабили все что им попадалось, отгоняли скот и лошадей, били людей и в полон брали, и с оным по удаче возвращались, которая у них обыкновенно знатною добычею бывала. Они, прибыв в Сечу, всю оную добычу между собою, кои были в том промысле, дуванили, то есть, делили; а по разделе уже праздновали, как победители, с не малым веселием, и многие дни гуливали, пили и, ходя по улицам, кричали, объявляя свою храбрость, а за ними носили в ведрах и в котлах мед, вино и взварное с медом. За которыми следовала преогромная музыка и школьники с пением. Поили каждого кто с ними ни встречался; если ж кто из встретившихся, по просьбе того пить бы не стал, бранили за то ругательно, хотя бы и незнакомого и какого б тот достоинства ни был, что все сносить и извинить оным должно было. Через таковое гуляние иные так пропивались, что все, сколько бы велика его добычь ни была, но и за тем еще что имел, все пропивали и от оного впадали в великие долги за напитки, музыке и певчим.

Почти равномерным образом пропивались и торгующие, как то мясники, шинкари, крамары и майстеровые; они хотя и великие барыши по дорогой продаже своей получали, но так же между собою прогуливали, как и прежние.

Так же и те, кои живали по зимовьям своим, распродавши, яко то рыбу, пушной товар, то есть, волки, лисицы, дикие кошки и прочего зверя, по приезде в Сечь или в других городах, прогуливали и пропивали без остатку все свои добычи.

По воскресным и праздничным дням бывали в Сече, между козаками вышних и нижних куреней, кулачные бои, от чего случались великие драки и смертоубийства, и за оное взыскания не было.

Они вокруг своих мест нигде застав или разъездов, для присмотру неприятеля, не имели, и хотя за тою неосторожностью их татары и чинили когда отгон от них лошадей и скота, но они утрату оную не весьма уважали, в том рассуждении, что они тот убыток свой равномерным образом, да еще иногда с лихвою, возвращали. А если наперед о нападении каком от зимовников своих и охотников уведомлены бывали, тот тотчас, выстрелом одним на площади из пушки, весть подавали, через что тотчас из разных мест собирались, и на встрече тех самих жестокое нападение им чинили, и прогоняли даже из пределов своих. После ж сего как нашественники, так и козаки, взысканий друг на друга не имели; на поляк же всегдашнюю ненависть и злобу имели и за древние обиды всегда отомщевать старались. Если когда какой наряд, или исполнение какое учинить всему войску следовало, то для объявления и созыва живущих отсутственно в селениях, на

хуторах, в зимовниках, на промыслах и прочих местах, посылался от коша, с словесным повелением, за есаула козак один, и, для непременного повиновения, давался ему перначь, то есть, железная прорезная булава, почему все неотменно исполняли, а без данного пернача послушания не было.

Они имели все изрядную военную збрую, как то копья, сабли, ружья, пистолеты, иные сайдаки с колчаны и панцыри, то есть, колчуги. Всякий имел хорошего коня, и если в походе и вьюшных несколько, кроме возовых с харчевыми телегами. Рушницы, или флинты, по их званию, делались у них в Сече. Порох и свинец покупали в Польше и в Малороссии, а их дела порох был не весьма способен.

Прав и законов письменных у них не имелось, а управлялись и судились по старинным своим обычаям, словесно и так как от древности у них было. Смертные казни хотя им по указу, так равно как и прочим правительствам, без донесения о деле винного и без повеления, чинить запрещено было, но однако ж мертвили. Наперед сего разбойников, смертоубийц, злодеев и воров, по состоянию вин их, казнили смертию, вешали и под гроб убитого в могилу клали, и у столба убивали, что и до разрушения их ту последнюю кару делывали, и на кол живых сажали. Для оных казней они палачей и от древности не имели; а когда надобно было злодеев казнить, то довбыш, с командою выходя за город, злодею злодея вешать, или другую обществом приговоренную казнь, совершать приказывал, и то такому, который сам смертной же казни подлежит; если ж случился один и исполнить того некому, то оставляли его в тюремной яме до того времени, доколе другой злодей же будет, и так вешал всегда новый старого злодея; или если повесить надобно было, то, посадя того на лошадь, подвозили к дереву под петлю и приказывали ему оную самому на себя наложить и притянуть, а лошадь потом вдруг из под него выводили, и тем того обвешивали. Головы ж рубили только правительством, и то изменникам.

Злодея и убийцу, о котором целым обществом жалеть будут, почитая его по качеству, что оный храбр и человек надежный был, оного по приговору целого общества от смерти освобождали, а вместо оной иным чем наказывали, или налагали только какое ни есть взыскание. Когда ж козак у козака что украл в городе, или за городом, или где б ни случилось, и в том приличен был, такого приковывали на базаре к столбу, нарочно для того поставленному, и держали до тех пор, доколе возвратил или заплатил покраденному, и хотя б он и тотчас того удовольствовал, однако ж трое суток у столба выстоять должен был. Когда ж кто сделал великое воровство, или неоднократно в таковом приличался, таковых, обнародовав, к столбу ж на трое суток поставя, бьют все мимо ходящие, как то каждый, а паче пьяные, подходя к нему, ругают всячески дают калачей, а иной и деньги, заставляют его пить вина, хоть бы он и не хотел, грозят и принуждают, говоря: «Ешь, скурвый сыне, и пей, злодей! Не будешь пить, будем бить!» Когда ж тот пьет, говорят тогда: «Дай же теперь, пане брате,

трохи тебе побьем!» и бьют немилостиво поленом или чем попало. Хотя б тот и просил: «Змилуйся, пане брате!» точию отвечают: «За что ж тебе, скурвый сыне, миловать? Когда горелку пил еси, то треба и бити». Чрез то случалось, что и через одни сутки убивали. Равномерно и с теми так же поступали, которые заведомо у вора принимали или покупали. Так же и тех, кои в мужеложестве пойманы бывали, что за тягчайшую вину считали; осужденных же оставшее имение на войско отбирали. Случалось же иногда, что и ни один человек злодея во все три дня ни чем не трогал и не оскорблял, но еще ему ж денег давали, а по окончании трех суток, если жив осужденный оставался, освобождали. При всяком приводе вора и злодея, довбыш сняв с того платья, бирывал себе.

Когда ж козак деньгами должен был, а платить не хотел, или желал бы, да нечем, а заимодавец более не ждал, то таковых винных к пушке приковывали, которой до тех пор содержался, доколе выплатит или через поручителя освобождался.

Если ж шинкари, крамары, мясники или калашники, что свыше установленной от войска цены продажу чинили, и оное войсковою старшиною и атаманами по следствию сыскано было, то давали за то козакам дозволение виноватого грабить, что тотчас толпою и делали, и все, что у продавца того было, не только товар, но и платье, посуду и деньги, все себе брали, а бочки с пойлом разбивали, пили и выпускали, даже и по улицам поливали, и все разоряли у того до основания.

Сии козаки не только между собою, но где б им быть не случилось, везде грубы были.

ГЛАВА 38

Описание пребывающих малороссийских народов жительства, обычаев и обрядов, нынешних и прежних

Наротив того украинские черкасы, или малороссийский народ, как то шляхетство, козаки и посполитые, ведут жизнь свою весьма инако. Они имеют порядочное селение в городах, местечках, селах, деревнях и хуторах, производят хлебопашество, посев огородный, сады и бачи; водят пчел, всякий скот, лошадей и разных родов домовых птиц; делают всякое художество, ремесло и торги; имеют мельницы, заводы разные, как-то стеклянные, железные, винокуренные и тому подобное. В обхождении приятны и ласковы, как в мужеском, так и женском роде.

Они в прежние времена, когда с гетманом своим Богданом Хмельницким из под польского владения отдались со всею Украйною

своею под Российское державство, состояли тогда войском своим и со всем своим посполитым и прочим народом в двадцати полках, состоящих по обоим сторонам реки Днепра, как-то по правой стороне оного десять, и по левой десять же, а именно: за Днепром: Чигиринский, Черкасский, Каневский, Корсунский, Уманский, Браславский, Калницкий, Белоцерковский, Хватовский и Богуславский; а на сей стороне: Киевский, Нежинский, Черниговский, Стародубовский, Переясловский, Прилуцкий, Лубенский, Миргородский, Полтавский и Гадяцкий. В коем числе всех полков оных находилось самых выборных, то есть, реестровых козаков, до шестидесяти тысяч человек, кроме незаписных и подпомощников козацких, купцов, мещан, посполитых людей и дворян, или шляхетства, и считать было можно тогда всех на все до двух миллионов душ, кроме женского рода; а по установленному в 1686 году миру между Россиею и Короною Польскою трактатом, уступлена Польше половина Украйны, то есть, вся заднепровская часть земли со всеми городами и разным селением и людьми, кроме служащих козаков и Киева с его дистриктом, или уездом, и всех сечевских запорожцев с их землями исключено остаться в Российской стороне. А за тем, в оставших на здешней стороне в выше помянутых десяти полках, по новой переписи, находилось выборных козаков до ста семидесяти пяти тысяч, подпомощников до ста девяносто девяти тысяч, посполитых до пяти сот сорока тысяч, а всех разного звания жителей до миллиона. Они имели главного начальника над собою, одного гетмана своего, как об оном выше сего описано, каким образом оный у них постановлялся.

Сей гетман имел при себе генеральную, то есть, войсковую старшину, как-то: обозного одного, есаулов двух, хорунжего одного, бунчужного одного и несколько бунчужных и войсковых товарищей с прочими канцелярскими и иными чинами. При полках же были полковая старшина, при каждом: полковник, обозный, судья, писарь, есаул, хорунжий, а при полковых канцеляриях: атаманы, у коих тюрьмы с караулами и сторожами в ведении состояли, а для городового смотрения городничий, который и полицейскую должность ведал. Полки оные были разделены на многие сотни и именовались по городам, местечкам и по знатным селам, кои находились в котором полку; над теми сотнями были сотники, при них сотенные атаманы, писари и есаулы, так же и значковые товарищи. Все вышеписанные чины, как гетман на его чин, или как называлось, на булаву, на содержание войсковой арматы, то есть, артиллерию, и полковые и на всю войсковую канцелярию, вся генеральная старшина, полковники с полковою и с сотенною старшиною, имели, по состоянию чинов своих, ранговые маетности, то есть, вотчины вместо жалованья, а козаки своих подпомощников.

В городах при магистратах и ратушах, над мещанством и цехами, по одному войту, то есть, президенту, бурмистров, райцев, или ратманов имелось по несколько, и цехмистеров. В селах над козаками вы-

борными и подпомощниками были атаманы, кои куренные назывались, а над посполитыми войты или старосты из мужиков.

Сверх вышеписанных полков состояли еще пятисотные конные ж три компанейские полка, со всеми полковыми и прочими чинами, как и в прочих поселенных полках было; оные состояли из охотников и вольных людей. Их довольствовали из войсковой суммы денежным жалованьем, провиантом и фуражом, и квартировали по селам и деревням.

Прежде сего были у них и пехотные полки, называемые сердюки, но со времени измены гетмана Мазепы, оные истреблены.

Народ здешний великие любители были вольности; ибо всякий город их, Польше или России подданный, между собою составлял правление гражданства. Они не имели своего природного владетеля, как выше значится, однако ж отдавались одному началу, который ими единогласно избирался, и того называли своим гетманом. По нем управлялись своими полковниками и прочими старшинами и гражданскими чиновниками. Кои же в оные чины избирались, как то в древние времена, те не смели от того отказываться, понеже часто случалось, что такого почитали за изменника и недоброжелателя общей пользы, которых иногда за то отрицание и смерти предавали, равно ж и в случае несчастия против неприятеля или иной какой ошибки, гетманы не без страха находились, ибо таковое приключение в вину ему ставили, и за то должен был так же иногда платить своею головою. Когда ж избранному объявят чин, то должен был оный благодарить собрание за оную данную ему честь, обещая и клянясь при том, как братиям и отечеству своему, не щадя живота, защищать ревностно и обстаивать их навсегда и верным к ним быть. На что следовали подтверждения от владетельных ими государей жалованными грамотами, чрез что гетман достоинство звания своего имел по жизнь свою. Сверх оного в давние времена имел всякий город своего воеводу с переменою погодно над судными их делами и для городового правления, которого называли есаулом; власть его и почтение очень сходствовало с древними афинскими архонтами, и так же должен он был, яко глава градская, идти иногда против неприятеля в поле.

Должность гетманская была, так как вышнего судьи, наблюдать производство исполнения по законам, и так как главному вождю и предводителю их в походах быть. А со времени подданства их под державу Российскую, хотя они и обществом же своим в гетманы себе избирали, но с соизволения монаршего и на то подтверждение просимо было, так как от их государя и обладателя. И хотя они такие ж подданные как и прочие россияне считались, однако не только вышепомянутым правлением защищались, но и при древних их гражданских законах и обыкновениях оставлялись, на правах магдебургских и саксонских, называемых Статут, и тем судились. Они с природы все добросердечны, дружны, щедры, разумны и понятны ко всему, да и несколько хитры.

Они почти все белотелы, хорошего виду, становиты, смелы и благосклонны. Оружие их было: пушки, ружья, пистолеты, сабли, копья. Болезни имеют обыкновенные, наибольшая часть умирает от старости, а в прежние времена более против неприятеля.

Женщины так же почти все лепообразны и много красавиц: глаза темные, большие, ноги и руки статные, волосом тёмнорусые, нос и рот умеренные, благоприятны к чужестранным. Платье носили, и ныне некоторые еще носят, так же как и черкеские женщины, то есть, юпки со шнуровками, а поверх кафтан длинный с коротким лифом, и кунтоши, на голове круглый чепец или сборник, поверх оного завивают серпанками, то есть, белыми тонкими фатами, так же кибалки, обвитые серпанками ж (подобие оной кокошника российского, когда под фатою, только выше и круче в верх спереди); лица ж своего никогда не закрывают. Иные ж носят шапочки-кораблики маленькие, из шелковой материи и собольи. Ныне ж верхнее платье носят знатные с перехватом, долгое ж, наподобие английского ребронта с гладкою спинкою и с длинными узкими руками. Но начинают уже иные многие ходить в немецком убранстве. Простые ж или сельские носят обыкновенно плахты, то есть, панёвы, и спереди запаску, или передник, что прежде сего и все знатные носили; а поверх надевают белый обинковый долгий кафтан, головы ж повивают серпанкою, так как выше сказано: равно и кибалки.

Мущины ж ходят без бороды, но с усами; носят все черкеское платье, кафтан и жупан, а иные и польское, опоясываются кушаками. Головы подбривают, а поверх волосы в кружало подстрижены, что называется чуб; носят шапки польские и черкеские, а у простых кучмы; нижнее ж платье шеровары, убранье и штанцы называется; на ногах сапоги или чоботы с высокими, а иные с низкими и плоскими, железными скобками, кои вместо каблуков служат.

Девки у иных все в таком же платье ходят, как и женщины, только волосы заплетают в две косы, и вокруг головы по волосам и по лентам обвивают и обтыкают поверх их цветами, что как венок наложенный на голову представляет, иные ж и совсем сеткою золотою или серебряною те косы свои обвивают и концы оных, так равно и ленты разных цветов, от самого корня кос до пояса и ниже по спине висящие, распускают.

Сей народ веселого нрава, любит музыку и прочие веселости. Они почти все плясать по польски, а паче по своему черкаскому умеют. Из них весьма много музыкантов хороших бывает. Игра их более на скрипках, на скрыпичном басе, на цымбалах, на гуслях, на бандуре и на лютне, при том и на трубах. А сельские по деревням так же на скрипках, на кобзе (род бандуры) и на дудках, а литвяки на волынках. Сии и медведей ученых по городам водят и на трубах при том играют.

Они все певцы хорошие и весьма склонны к разным наукам, даже что многие и до высоких школ доходят. Из них не редко изрядные проповедники и духовные особы бывают.

Впрочем, для обхождения они во многом подобны европейцам. Они горячего напитка хотя и пьют довольно, но со временем и для случая, и потому у них пьяниц мало. Со всем тем трудолюбивы, домостроители и хорошие хозяева.

О разности различия и состояния сих народов

В Малороссии суть следующие чины государственные: 1. духовенство; 2. шляхетство; 3. козаки; 4. мещане; 5. поспольство, то есть, крестьяне.

Духовенство здешнее составляют, ерхиепископ, митрополит Киевский, епископы: Черниговский и Новгород Северский, бывшие два ставропигиальные архимандриты, Киевопечерский и Межигорский (они ныне уничтожены), архимандриты и игумены прочих монастырей, протоиреи, иереи и дияконы, черные и белые, с чернецами.

По бывшим установлениям сеймовым власти духовные не могли инако быть, как из шляхетства; архиереи избираемы были собранием духовным и мирским чином той епархии, а Печерский архимандрит собором той Лавры, в присутствии депутатов Главного Правления; но от начала нынешнего столетия утрачен сей обряд и духовные знатнейшие чины достались, большею частию, простолюдинам. При всем том, однако ж, соблюдено еще было для них преимущество участвовать во всех публичных советах и собраниях шляхетства, как то при выборе бывших гетманов, при делании новых постановлений и прочего. Всякий из них везде почитается наряду с шляхетством, и за обиды им суть производится как с приключением шляхтичу.

Шляхетство имеет следующие выгоды: 1. Предпочтение пред всеми другими светскими состояниями народными. 2. Ближайшее всех право к чинам духовным, военным и гражданским. 3. Право избрания чинов. 4. Свободу собственных их земель, угодьев и всяких промыслов от всех даней. 5. Свободу от постоев. 6. Вольность не только заводить всякие промыслы в имениях своих, но и пользоваться всеми в собственном своем владении находимыми в земле и на поверхностях металлами, минералами и солями. 7. Распоряжать имением своим по своей воле. 8. Ни в самых государственных и уголовных преступлениях по доносам, или жалобам, не быть иманым, но званым к суду на срок, и пользоваться свободным ответом и апелляциею на приговор, исключая поимку на деле преступления, равно и ежели по доказательству на смерть осужден будет, то по объявлении апеляции, будет или задержан при суде, или свобожден на поруки.

Козаки, за многие их Короне Польской заслуги, когда еще Малая Россия от оной зависела, пожалованы были разными отличными выгодами и вольностями. Малейшее прикосновение со стороны поляков, которые искали власть свою умножить в сей части, ради корыстей собственных, было причиною многих междуусобных браней, как в сем летописном повествовании об оном значится. Вольности сии

еще более распространены, когда сие, во свое время, храброе войско, освободившись от ига польского военною рукою, возвратило всю Малую Россию в соединение с древним ее отечеством, под державу всероссийских царей и императоров; тут начальники над войсками козацкими одержали при себе все управление и власть в народе, предстательствовали не только за мещан, но и за самое шляхетство. Главнейшие вольности козаков состояли: 1. В участии в выборе прежде сего гетмана, о котором было точно сказано, что он должен быть из природных и истинных козаков, равно полковников и сотников. 2. В суде от своих старшин точно, не подлежа суду, ни, бывшим прежде сего в городах, боярина, ни воеводы, ни стольника, ни инаго великороссийского человека. 3. В свободе иметь в добрах своих все промыслы, какого бы звания они ни были, и особенно винокуренный. 4. Хотя и не почитаются точно шляхетством, но навязки за безчестие и прочее в судах за обиды штрафы даются им против шляхты.

Мещане по городам пользуются и доныне правом гражданским магдебургским. Они подчинены единственно своему магистрату, в который избирают урядников сами. Торг в том городе врознь принадлежит им единственно, а посторонним дозволено только продавать свои товары оптом, исключая только бываемые по временам в городах ярмарки, в коих свободно производят и приезжие купцы продажу врознь своим товаром; мещане ж могут между собою продавать имения; но ежели козаку, или шляхтичу, то с тем, чтоб купивши, удовлетворял повинностям градским. Сии повинности состоят в обыкновенном наложении на дома обывательские оклада, в дачах потребных и предосторожности от пожара в том городе.

Посполитые в Малой России как коронные, так и приватные, по силе Статута, не имеют свободы земель своих не только продавать, но и закладывать без позволения владельцев. Они, до состояния в здешнем крае нового учреждения, могли переходить с места на место, но оставя все нажитое господину и заплатя ему за те дни, или годы, кои они во льготе имели и получа от него на письме отпуск. Помещики не имели власти продавать их инако, как с землями, и ежели упорствуют в отпуске переходящего, то оным давался от стороны правления.

О привилегиях древних княжества Русского

Каковыми вольностями и преимуществами оное княжество прежними королями польскими жаловано было, когда все оное состояло под владением Короны Польской и заключало в себе Киевскую, Брацлавскую, Волынскую, Подольскую, Покутскую, Краснорусскую, Белзскую, Подлядскую, Полесскую, Белорусскую и Чернорусскую земли, и ныне (исключая из того числа только княжества: Киевское, Черниговское и Новгородское Северское со Стародубщи-

ною) суть воеводства в Польше, а вообще все оные, кроме Белоруссии, Краснороссии и Подляхии, именовались и ныне именуются Малороссиею.

Выписка
из книг польских, называемых статуты, права
и конституции коронные и прочих, печатанных
в архитипографии королевской его милости Лазаровой,
1600 года

А именно:
книг седьмых части второй

Русское княжество, до Короны
присовокупленное

I

Русская земля, вся из древних времен, от предков Наших, Королей Польских, между иными первейшими членами, до Короны Польской есть присовокуплена так, что, частию через войну, частию же через добровольное подданство и спадки по некоторых ленных князьях, которые оную промеж себя на разные части было разделили, паки в соединение и собственность Короны пришла, как то из привилегиев, в скарбе Королевском Нашем имеющихся, явно всяк увидеть может.

II

О том же

Русская земля и княжество Киевское до Короны Польской вечно правам совершенным надлежать имеет, как всегда надлежало даже до Владислава.

III

Русь право единое, полякам наданное, имети повинна и оным веселитись.

Обещаем сие, яко все земли Нашего королевства Польского, Русскую землю в то же включая, до единого права, всем землям общего, приведем, приклоним и соединим чрез нынешний лист.

IV

Русь вольностей польских употреблять имеет

На прошение земель Русских определяем, дабы о всяких беглецах стату короля Олбрахта содержан был, и чтоб шляхетство тех земель, как и в иных землях, то пошлины и торгового сбору было воль-

но, тако ж бы и в иных речах (вещах, случаях) так же вольности употребляло.

V

О церквах катедральных русских

Так же установляем, дабы статут о непринимании простолюдинов до больших катедральных церквей, простирался и до краев земель Русских.

Киевское княжество

VI

Привилегий присовокупления княжества Киевского до Короны Польской от короля Жигимунта Августа в Люблине, данный 1569 года

Во имя Господне, аминь. На вечную память! Понеже память человеческая есть слабая и отменна, того ради, дабы дела людские, а наипаче те, которые ко употреблению и содержанию общества и дружества человеческого надлежат, продолжением времени не были уничтожены, промыслительное людей мудрых разсуждение установило дела, вечной памяти достойные, письменным свидетельством к ведению наследства приводить. И для того Мы, Жигмунт Август, милостиею Божиею Король Польский, Великий Князь Литовский, також земли Краковской, Сендомирской, Серадской, Ленчицкой и прочих, объявляем сим листом Нашим, коим знать тое надлежит, всем обще и всякому особно, нынешним и впредь будущего века людям, яко, по предложенному Нам пред сим чрез многие лета от всех станов Короны Польской и государств Наших, с великим и чистым прилежанием, желанием и напоминанием, дабы Мы сейм вальный (главный) таковый созвали, на котором о соединении давном Княжества Нашего Великого Литовского с Короною Польскою и о совершении всех прав и привилегиев Коронных, и всех государств дела были б окончены. И по таковым всех станов прошениям, сейм нынешний вальный, за советом и соизволением всех станов так Короны Польской, яко и Великого Княжества Литовского, двадцать третьего дня месяца декабря, прошлого года, то есть, по Рождестве Божием, 1568, здесь, в Люблине, созвали, и на таковый главный сейм советники Наши, так духовные, яко и светские, и послы земские, с полною мочью отправленные, как из Короны Польской, так и Великого Княжества Литовского, всех станов Коронных и Великого Княжества Литовского тут же присутствие свое включая съехались. И так сей сейм вальный и главный, созванный во имя Господне, таким способом начавши и на оном долго и много трактовав и разсуждения имевши, просили Нас с великим прилежанием станы всякие Короны Польской и напоминали, да-

бы Мы землею и княжество Киевское, которое перед прошедшими временами совершенным и целым правом до Короны Польской всегда надлежало, до той же короны, то есть, до королевства Польского, привратили и в прежнюю целость совокупили. Мы же, помня присягу Нашу, коею особу Нашу всем обывателям Коронным обязали, все вещи, оторванные и от помянутой Короны отлученные по силе Нашей отыскав и до выше реченного Королевства в целость его возвратить имея, то наипервее за сущую истину, что и со всех древних историй и писаний всяк подлинно увидеть может, яко Киев был и есть главою и главным местом Русской земли, а Русская земля вся от давних времен, через предков Наших, Королей Польских, между иными первейшими членами до Короны Польской есть присовокуплена, так, что частью через войну, частью же через добровольное подданство и спадки по некоторых ленных князьях, которые оную промеж себя на разные части были разделили, паки в соединение и собственность Короны пришли, как то из привилегиев, в скарбе Нашем имеющихся, явно всяк увидеть может. Между которыми много таковых есть, кои именно о земле и княжестве Киевском то свидетельствуют, яко до Короны Польской вечно правом совершенным надлежать имеет, как и всегда надлежало даже до Владислава Ягела короля, прадеда нашего, который потом сим способом, что над обоима народами, так поляками, яко и Литвою, нераздельно государствовал, от Короны Польской, яко от собственного тела, тую землю и княжество Киевское отлученное, при Великом Княжестве Литовском иметь хотел, хотя без соизволения всех станов Коронных, которые как у того ж прадеда Нашего, так и у иных, по нем будучих, предков Наших, Королей Польских, и у Великих Князей Литовских, так же и у Нас самих, о тую землю прилежно всегда упоминать не упущали, дабы была до Короны возвращена и присовокуплена. Чего для Мы сей должности Нашей довлетворя, за показанием же подлинным привилегием и так ясной справедливости с соизволением всех господ советников Наших, духовных и светских, и послов земских, и всей Речи Посполитой Коронной, всех советников Наших, духовных и светских князей, господ шляхту и все рыцарство оные Киевские земли и княжества, взяв на себя их присягу, которую они были Великому Княжеству Литовскому от немалого времени обязаны, оберегать, и удостоверяем сим листом Нашим, яко то им и наследию их ничто и ни в чем и никогда не имеет, вредить вечными часы, и уже тую предреченную землю и княжество Киевское всех и всякого особно от послушания власти, должности в повеления Великого Княжества Литовского, на вечные времена изъемлем и свободными творим, и до Королевства Польского, яко равных до равных, вольных до вольных людей, и яко собственный, истинный член до первого собственного тела и до главы, со всеми и особно каждыми его городами, замками, местами, местечками, селами и деревнями, землями, поветами (уездами) и их всех вещей прежде именованных, кои ни есть и каким нибудь именованием названы, принадлежности припадками собственно-

сти всякими и всеми до оной предреченной земли и княжества Киевского и до их всяких частей, так издревле, яко обыкновением, способом и правом каким ни есть надлежащих, так аки бы генеральне общее особенности, а особенность генеральному и общему, ни в чем не унимали, со всем и всяким правом, владением и собственностью, ту землю и княжество Киевское до помянутой Короны, либо королевства Польского, яко первого истинного и собственного тела и главы, в сообщество, в честь собственную и в титул Короны возвращаем и в первое достояние привесть и оное совокупить мы за благо разсудили, яко же с известного ведения Нашего, а по воле прямой и в особливой и за особливым и добровольным соизволением советников Наших, духовных и светских князей, господ маршалков, урядников земских, шляхетства и всего рыцарства и всех станов предреченной земли и княжества Киевского, сим листом Нашим ту же зараз в сообщество, в честь и в собственность Короны Польской возвращаем и совокупляем в титул Короны Польской, приводим до единого тела неразнствующим и нераздельным привращаем, вщепляем и вливаем на вечные времена так, что потом от того своего собственного истинного и прямого тела, от главы Короны Польской, как во всем целое, так и какое нибудь частию своею никогда оторвано, ниже отлучено жадным способом и образом не может быть вечными часы, и тех всех, всякого по званию его состояния, достоинства, и содержания всяких привилегиев, вольностей, свобод королевства Польского, так как и иные все обыватели Короны Польской, равно употреблять определяем и учреждаем, яко ж то уже все в обще имети, употреблятии и с тем веселитися на вечные времена они и наследники их имеют и будут, такожде и в хождении на войну и в даче каких податей против приговора и установления Коронного сеймового, и с позволения их послов на сейм вальный Коронный, с полною и неогражденною мочью присланных, на всю Корону Польскую положенного, они и наследники их от Нас и наследников Наших будут и имеют быть содержаны вечными часы.

О границах Киевских. Вольности киевлянам

Обещаем так же сами за себя и за наследников Наших все поветы оной земли предпомянутой, то есть, земли и княжества Киевского, в их границах, при Короне нераздельно будучих, в целости и ни в чем ненарушимо содержать вечными временами. А дабы оные ж обыватели той предреченной земли Киевской, советники, духовные и светские князи, господа шляхта, рыцарство, так же и духовные стану римского и греческого закона, изобильную милость Нашу познали, установляем, что их города, замки, места, поселения, местечки, села и деревни, со всеми и каждыми подданными предпомянутой земли от всех податей, в которых пред сим иные находились, так же от платежа всяких окладов, пошлин или таможенных сборов, да и от

работ и починок замков и мостов Наших, против привилегиев и вольностей Коронных вольными творим так, что в тех должностях оных с иными Коронными обывателями Мы сравняли и поравниваем, и их же всех вольностей, свобод и звания Короны Польской участниками делаем, и быть их таковыми учреждаем; только два гроша обыкновенной монеты польской от единой жилой уволоки, где суть меренные или где нет уволок, грош из единого дыму, так же жилого, Нам и наследникам Нашим, для признания верховной власти Нашей королевской, себе объявляем, и бояра их дорожные, в войну служащие, по грошу подымного платить имеют, а огородники и от того суть и имеют быть свободны.

К тому ж признаем и особливо то ей оберегаем, яко господа советники Наши, духовные и светские князья, паны, шляхта вся и каждые особенно обыватели преждереченной земли или княжества Киевского, какого ни есть стану, достоинства и чину, не будут и не должны суть подлежать экзекуции, начав от всех предков Наших, Королей Польских, Великих Князей Литовских, прежде Александра бывших, так же и Статуту Александра, Короля Польского и Великого Князя Литовского, стрия (дяди) Нашего, под числом в Петркове на сейме вольном в среду, пред неделею середопостною, лета Господня 1504, учиненного стороны обыкновения записывания добр королевских и иных статутов и установлений во время того ж Александра и Жигмонта, вечно достойные памяти отца Нашего, Королей Польских. Так же и за времен Наших стороны экзекуции того Статуту в Петркове, в Варшаве и в Люблине, по сие время сделанных, и должны будем оных содержать так, яко и содержим против Наших, Королей Польских и Великих Князей Литовских, под печатью Нашею Коронною, или Великих Князей Литовских, им наданных и подтвержденых, яко же оберегаем Мы им тое под присягою Нашею Королевскою, с соизволением всех советников Наших, духовных и светских, и послов Земских Коронных, в том оных обнадеживая, яко та экзекуция, отобрание добр имеет; замков, дворов, сел и земель, грунтов в замен выслуг и дачь всяких от предков Наших предкам их, так же и от Нас самих предкам их и им самим наданных, ибо они при Великом Княжестве Литовском будучи, в то время, когда оная экзекуция под час Александра Короля, дяди Нашего, в Короне установлялась, при Короне Польской не была б, и оной экзекуции так как станы Коронные добровольно сами то на себя учинили, они с станами Коронными на себя ее никогда не принимали и не переносили, такожде Статутам, сеймам, конституциям Коронным не подлежали, но уже ныне после постановления и до окончания экзекуции с Короною Польскою соединены и до оной возвращены суть, и с тех причин теперь и потом до их самих и до наследников их касатися, ниже им и наследникам их каждыми сеймами, изобретениями и постановлениями сеймовыми Коронными ни в чем вредить не может. Наконец же ниже с их стороны обывателей и послов Земских Киевских оное отбиранье становлено быть не имеет вечными временами, а наипаче

всякие листы и привилегии, каким ни есть письмом латинским, польским или русским писанные, и из какой нибудь причины от предков Наших, Королей Польских и Великих Князей Литовских и от Нас самих, под печатью Нашею из Канцелярии Коронной, или Великого Княжества Литовского, за верные службы наданные особам какого нибудь стану и звания будучим, а именно и особенно дачи, всякие даровизны, вечные доживотные, заставы, записи сумм денежных, великих и малых, каким ни есть способом забранных, и до скарбу Нашего Великого Княжества Литовского взнесенных на замки, места, села, фолварки (загородные дворы) и дворы Наши, все таковые же листы и привилегии вышеименованные, и особенно каждые во всех их, и особливо в каждых пунктах и способах, так как сами в себе описаны суть и выданы и изъяснены, так аки бы генеральнее общее особенности, и особенность общему и генеральному, ничего не унимали, крепки и вечны и жадным образом ненарушенны иметь и содержать хочем, и оные всегда таковыми содержать будем, и Мы сами и наследники наши, Короли Польские, сохранять, во всех их ненарушно держати сим привилегием Нашим обязуемся. Однако ж от сего времени добр, для стола Нашего определенных, Мы, с наследниками Нашими, Королями Польскими, по силе Статута Польского, раздавать не будем; а если бы которые из Нас на добра свои отеческие и дедовские листов не имели, а и без листов оных добр спокойно употребляли, то таковые добра тем же Великого Княжества Литовского правом против старого и нового Статуту, как до сего времени содержали, содержать будут вечными часы, а до положения и показания на то листов и привилегиев перед Нами и пред всяким урядом Нашим, никаким образом не могут и не имеют быть принуждены.

Особливо же и тое им преждереченным господам советникам Нашим, духовным и светским князьям, господам урядникам Земским, шляхте и всему рыцарству земли и княжества Киевского и подданных их, по милости Нашей королевской объявляем, яко всякие справы их как до судов наших градских и земских, так за апеляциями до суда Нашего Королевского припадающие, с господами советниками Нашими судить и отправить имеем и должны будем Статутом Литовским, через Нас содержать им присягою обещанным, которые им же в целости оставляем. Так же установления, учреждения и отсрочки сеймовые в своей силе оставляем же, только из того статута весь раздел военный о обороне земской, яко противный вольностям Коронным, силою сего нынешнего листа и привилегия Нашего, оставляем и уничтожаем вечными часы; однако ж даем им силу (могущество) на сеймиках поветовых, чрез листы Наши созванных, того Статута Литовского артикулы исправлять и по нужде прибавлять и убавлять, а Нам на сейме вальном Коронном представлять, которые, ежели будут справедливы, то Мы, и наследники Наши, Короли Польские, на сеймах вальных Коронных, силою власти Нашей Королевской и сейму, в то время будучего, подтверждать обещаем и должны будем.

Тое такожде на прошение всех Киевской земли предпомянутых станов уставляемы, яко во всяких делах их судовых, сие есть, позвы, записи до книг, акты и всякие потребы их у судов наших и земских и градских, яко и Канцелярии Нашей Коронной декреты и во всяких нуждах Наших Королевских и земских к ним листы, не иным каким, только русским письмом, писаны и отправованы быть имеют вечными часы. Меские же правы Права Магдебургского или какого ни есть иного звания людей, по обыкновению Коронному, через урядников Наших Коронных и Двора Нашего, в тех делах и потребах их до Нас и до Двора Нашего припадаючих, польским письмом отправованы будут.

К тому ж обещаем и повинны будем всех предпомянутых князей земли Киевской и обывателей и наследников их римского греческого исповедания будучих, при их древней чести и достоинстве, как от предков своих и до сего времени были, содержать и оных по добродетели и достоинству каждого, и по благоизволению Нашему, без препятствия артикулов, в Статуте Коронном о князях описанных, на уряд замков, владений и держав на них определять, до заседания в советах Наших, как и иных шляхетского народу земли Киевской людей допускать, оставляя то, что как господа советники духовные и светские, так и те предреченные князи в делах судовых и правных, равно с шляхтою оные Киевские земли в поветах своих на местах обыклых, взимая листы и позвы от урядников, на то учрежденных, позываючи либо сами позваны будучи, перед судом Нашим градским и земским ответствовать и судиться имеют и будут должны. Таким же способом обещаем и должны будем, достоинств, чинов и урядов земли Нашей Киевской, духовных и светских, великих и малых, так римского, яко и греческого закона будучих, не уменьшать и не уничтожать, но наипаче в целости содержать. А когда вакансии будут, то таковые все чины и уряды обывателям земли Киевской оседлым стану шляхетского отдавать имеем и должны будем.

И тако по таком соединении земли Киевской с Короною и королевством Нашим Польским, господа советники Наши оные земли Киевские, духовные и светские, учиня в совете Нашем Коронном присягу между советниками земскими Коронными, на местах, им означенных, заседали, вотовали и впредь вечными часы заседать имеют и должны будут.

А на войну выправы свои, по обыкновению Короны, ставить имеют, и впредь все предпомянутые господа обыватели земли Киевской на сеймиках поветовых на местах, в обыкновенное время через листы Наши означенных, и, по обычаю иных земель или воеводств Коронных, которые на оные сеймики поветовые съедутся, выбирать имеют из между себя послов на сейм вальный Коронный и с тех же сеймиков послы их, так как в Короне Польской есть обычай, до Киева съезжаться имеют, а собранным и посланным на тот сейм Коронный, по тому ж обыкновению, на пропитание и обиход будет кошты давать, как и иным послам земским с воеводства Русского.

О гербе

Наконец установляем, дабы от сего времени во всех общих отправлениях и на хоругвах Земских в той земле Киевской при своих давных гербах орел, знак Короны, в гербе был употребляем, а потому всему вышеписанному артикулам, свободам и вольностям, которые здесь в привилегии сем, с соизволением всех советников наших, духовных и светских, послов Земских и Коронных, написаны, никакие новые изобретения, никакие привилегии и Земские, либо особенно чьи ни есть, жадные статуты, ниже новые конституции сеймовые Коронные, не будут могти ни в чем вредить и ничего уймовати (уничтожати) вечными временами. Наипаче же Мы сами оные, ни в чем ненарушенные, под присягою Нашею, Королевству Польскому учиненною, прилежно оберегать и содержать обещаем и должны будем, и наследники Наши, Короли Польские, то ж все ни в чем ненарушимо содержать и оберегать имеют, сим листом и привилегием Нашим обещаем вечными часы, яко же на вечное и никогда ненарушенное употребление тех всех вышеименованных вещей, свобод и вольностей, чтоб общее от особенного, а особенное от общего и посполитого ни в чем ничего и никогда не уймовали, даем и дали Мы господам советникам Нашим, духовным и светским, оные земли, то есть, Киевские, князем, панам, старостам, чиновным и урядникам земским, шляхте и всему Нашему достойно почтенному рыцарству, обывателям той же земли Киевской, сей лист Наш, привилегии подписавши оных собственною рукою и повелевши к оному привесть печать Нашу, за соизволением всех господ советников Наших, духовных и светских, и послов Земских Коронных, которые в то время при нас обретались. Дан через руки велебного ксендза Франциска Красинского, пробоща Плоцкого, архидиакона Варшавского, подканцлера Коронного, на общем вальном сейме Коронном любительском, дня шестого месяца июня, лета господня тысяча пятьсот шетьдесят девятого, королевства нашего четыредесятого.*

Границы между воеводством Киевским и поветом Мозырским

На размежевание воеводства Киевского с поветом Мозырским, комиссаров выслать имеем, которые должны будут тамошние земли размежевать, а комиссаров равное число из обоих народов имеет быть.

Комиссия на размежевание повету Мозырского с воеводством Киевским.

---

* Следуют подписи.

На размежевание земли Киевской с поветом Мозырским комиссарами отправляем, из земли Киевской вельможного и честного Харлинского и князя Кирилла Ружинского, а с повету Мозырского маршалка Мозырского, Стефана Ложку, подкоморского Мозырского, Ивана Мелешка, и Михайла Левейка, которые в день Святого Варфоломея оное начать и кончить должны будут, хотя бы одного из них не было.

Трибунал (Генеральный Суд или Верхний и Главный Суд) Воеводству Киевскому дозволен.

На прошение послов воеводства Киевского приступление до трибунала Коронного тому ж воеводству дозволяем тем способом и обережением, как воеводствам Волынскому и Брацлавскому прошлого года дозволено было.

Тому ж Киевскому воеводству поправление прав его, по образу вышеименованных воеводств, свободное оставляем.

Киев, Волынь и Брацлав

VII

Суды воеводства Киевского, Волынского и Брацлавского

Понеже те воеводства судятся правом и Статутом Великого Княжества Литовского перед депутатами, которых оные на сеймиках себе избирают, то есть, в воеводстве Волынском персон пять, а в иных по четыре и другого сейму столько же, тем порядком и теми артикулами, в порядку на сейме нынешнем вальном Варшавском, согласно обще поставленными и в Конституцию теперешнюю вписанными, то на известном месте в Луцке, в день Святого Мартина, под печатью земскою луцкою, судиться и отправованы быть имеют.

Волынь

VIII

Привилегии о привращении (о присоединении) земли Волынской до королевства Польского за Жигмунта Августа в Люблине 1569 году, дня 26 месяца мая, такая ж от слова, какая и княжеству Киевскому дана.

О слободских полках

Сверх тех малороссийских народов и козаков, состоят от перешедших из под польского вышеписанного ига и утеснения малороссийские ж украинские козаки, отдавшиеся несколько их еще до Хмельницкого подданства, для спокойного пребывания своего, под Рос-

сийское державство, кои тогда к крымским степям, лежащим между Полтавским малороссийским полком и Войска Донского на пустопорожних местах поселены по рекам, во первых, от 1650 году, при реках: Ахтырке, впадающей в Ворсклу, а оная в Днепр; потом при Сумах и Псле, в Днепр же впадающей; за тем при устье реки Харьков втекающей в Лопань, и по оной, которая впадает в Северный Донец. Так равно, от 1652 года, при Острогожске, где втекает в Тихую Сосну, а оная в Дон, и при Северном Донце, на урочище Изюм, и по прочим тамошним речкам. И оных учредивши при тех местах пятью полками, с наименованием по тем рекам и урочищам, как то по главным и первозаселенным ими местам, то есть, по рекам Ахтырке, Ахтырским, по Харькове, Харьковским, по Острогожске, Острогожским, по Сумам Сумским, по урочищу Изюму Изюмским. Ныне ж по именному ее императорского величества, Екатерины Великой, указу, состоявшемуся июля 28 числа, 1765 года, составлена из оных пяти полков губерния и названа была Слободскою, а ныне Харьковскою, а Харьков сделан главным оной губернии городом, в коем имеет свое пребывание сей губернии губернатор и находится губернская канцелярия; прочие же главные четыре города учреждены провинциальными и каждому подчинены те городки, местечки и слободы, в коих живут того же полку козаки и владельческие крестьяне; то есть, посполитые мужики. Да тогда же оные полки из козацких, с прежними своими именами переменены в пятиэскадронные гусарские полки ж, и содержутся на доходах, собираемых в той губернии, каждый полк от своей провинции, или воеводства, как жалованьем, аммуницию, ружьем и лошадьми, так равно и людьми своими комплектуются, и, сверх того, шестой гусарский же полк, названный Украинским, по именному ж соизволению, учрежден от 1777 года, со владельческих мужиков, на таком же основании, как и прочие пять, а 1785 года, по всевысочайшему именному повелению, все оные шесть гусарские полки переформированы в карабинерные, каковыми ныне они и состоят.

О Чугуевском козацком полку

При оных же местах, между городов Изюма, Харькова и Острогожска, при городе Чугуеве, состоящем возле самой реки Северного Донца, находится козачий Чугуевский полк, из новокрещенных калмыков, который от время государя Петра Великого, бывшим тогда на Дону и на Воронеже, генералом-адмиралом, графом Федором Матвеевичем Апраксиным, по присланному к нему, по указу его величества, Петра Великого, с 1715 года, марта 18 дня, от канцлера, графа Гаврила Ивановича Головкина, сообщению, призванный в службу его царского величества и бывший под Азовом Мунтянский полковник Гиня, с четырьмя ротмистрами, одним поручиком и с то-

вариществом своим, за мирным с турками постановлением, в Азовский тогда губернии, при городе оном, Чугуеве, поселен и потому чугуевскими козаками наименованы, так как между прочим об них напоминает состоявшийся, по именному его величества повелению в 1720 году, января 7 дня, из Правительствующего Сената указ о приготовлении войскам на войну, и именует их точно чугуевскими козаками. Ныне ж они, по давнему своему там пребыванию, уже все стали быть крещенные, и за храбрые их всегда в войне поступки, с 1771 году, уравнением с армейскими полками чинами, достоинством и жалованьем награждены. Число ж комплектное сего полку состоит в 500 рядовых козаков, при одном полковнике и надлежащем числе штаб-, обер- и унтер-офицеров, со всеми надлежащими к нему чинами. Оный вымуштрован в военной экзерциции весьма изрядно и отменно от нерегулярных козаков, а комплектуется своими козацкими детьми.

Об обычаях оных слободских и чугуевских народов

Что касается до природы, языка, обычая, жительства, обрядов поведения и одеяния, в том слободские жители обоего пола никакой от малороссийских народов отмены не имеют, кроме служащих гусарами в нынешних гусарских полках, их гусарского мундира. А чугуевцы почти еще все калмыцкого лица и знающи российского и калмыцкого языка. Впрочем поведения совсем козацкого, и носят платье такое ж, как донские козаки, точию в устройстве и регулярстве полковом весьма порядочны и обмундированы, хотя по козачьему, но с изрядством.

Краткое описание о происхождении прочих в России козаков

Прочие ж козаки произошли началом своим от их же малороссийских, то есть, черкаских украинских козаков, как в сей Летописной повести описывается, от 16 столетия: первые донские, перешед, ради утеснения своего, из за Днепра, от города Черкас, к реке Дону, там стан свой утвердили, и город себе потом, с тем же именем, черкаский, построили и в подданство российское, царю Ивану Васильевичу, в 1549 году, добровольно отдалися. От сих уже произошли, через отшатившихся от них, в 1576 году, для воровства на Волгу, и оттоль в Сибирь зашедшие, и Царство Сибирское завоевавшие, от 1581 года козаки сибирские.

СПИСОК
ИМЕННОЙ ВСЕМ БЫВШИМ В МАЛОЙ РОССИИ ГЕТМАНАМ

1. **ДАШКЕВИЧ.** Сей был первый, с самого начала 16 столетия, во время польского короля Сигизмунда I, из жителей украинских, уроженец города Овруча. Набрав не малое число своих земляков, назвал их козаками, а себя наименовал при них гетманом, с которыми побеждал нападающих на Украйну и Польшу крымских и бесарабских татар, за которую для Польши услугу помянутым королем тем чином признан и удостоен, а в удовлетворение тем новым козакам пожаловал, для свободного поселения и выгод их, в 1505 году, земли в Киевском и Брацлавском воеводствах, и одарил их, в 1506 году, своею привилегиею о вольности и преимуществе[1].

2. Князь **ПРЕДСЛАВ ЛЯНЦКОРОНСКИЙ.** Оный, из знатных польских господ, был после Дашкевича, и в 1516 году с накликанными вольными и охочими козаками, за вероломство татар белогородских (они и бесарабские), повоевал и попленил их удачно, за что таковым козакам, за их Польше услугу, по просьбе его, до самых днепровских порогов от того ж короля Сигизмунда I земли к прежней придано. А когда потом и по другую сторону Днепра иметь им земли дозволено, тогда как козаки так и гетманы Войска Запорожского титуловаться стали[1].

3. Князь **ДМИТРИЙ ВИШНЕВЕЦКИЙ**, по Лянцкоронском настал. Сей гетман в 16 столетии некоторую часть черкаских, то есть, из города Черкас, козаков украинских на Дон перевел, и там тех жительством поселил, и с ними потом, в 1549 году, России поддался, кои с того времени и доныне под оною державою состоят[1].

4. Князь **ЕВСТАФИЙ РУЖИНСКИЙ.** Сей многожды в 16 столетии с козаками турок побеждал[1].

5. **ВЕНЖИК ХМЕЛЬНИЦКИЙ**, из шляхетства. Оный нашедших татар в Польше под Заславлем с козаками, в 1534 году, на Волыни победил[1].

6. **СВЕРГОВСКИЙ**, из шляхетства. Оный в Молдавии с козаками против турок, по четырнадцати счастливых сражениях, от турок же, в 1574 году, убит[1].

7. **БОГДАНКО**, из козаков, будучи шляхтич, после Сверговского, в 1575 году, за разоренные в Украйне места татарами, Крым с козаками попленил[5].

8. **ИВАН ПОДКОВА**, бывшего волохского господаря, Ивания, брат. Сего по храбрости и силе волохи, в 1577 году, к себе на господарство Волхское призвали, где и был он с козаками; но, по частым на него там нападениям от бывшего господаря Петра, с турками, оставил господарство и вышел в Подолию, где поляки лестью его взяли и, в Польшу отославши, там его, яко возмутителя их союзников, казнили[5].

9. **ИОН ПЕТРЕЖИЦКИЙ**, из шляхетства. Сей с польской стороны, в 1578 году, на место Подковы, гетманом при козаках был, но не надолго[1].

10. **ШАХ**, из козаков, шляхтич, после возведения Подковы на Волохское господарство, и после смерти его, на место Петрежицкого, от 1579 году, стал гетманом. Сей многажды нападал и побеждал волохов за смерть Подковы[5].

11. **СКАЛОЗУБ**, из шляхетства, был в 16 столетии после Шаха козаками избран гетманом. Оный от турок в сражении на море погиб с козаками[5].

12. **КОСИНСКИЙ**, из шляхетства. Сей, как будучи греко-российской веры, за нарушение и применение поляками в Литве и в Украйне Православного закона в Униатизму, вступил из сего за козаков, которые поставили его, в 1593 году, над собою гетманом, с ним обще на поляк вооружилися и побеждали их тамо жестоко, но на другое лето, как то в 1594 году, он в сражении убит, и тем то вооружение, за поражением козаков, на то время приостановилось[5].

13. **НАЛИВАЙКО**, из козаков. Сего козаки, в 1596 году, своим гетманом поставили за храбрость и за удачные победы его с ними над поляками в Литве, так что поражал их там жестоко и прогнал. Но потом поляки, под предводительством коронного гетмана Жолкевского, его с козаками разбивши и пристигши под Лубнами, принудили козаков того Наливайку гетмана своего и с старшинами ему выдать, которые потом за то вооружение их в Варшаве казнены, и тем козаки в страх и оторопость приведены[5].

14. **САМОЙЛА КУШКА**, из козаков поставлен был гетманом. Сей с козаками своими, в 1620 году, с польским войском против турок на войне был, но пленен от турок, однако ж козаки его партиями по разным местам довольные поражения туркам делали[5].

15. **БОРОДАВКА**, из козаков был, на место Кушки козаками гетманом поставлен, но, в 1621 году, за некое подозрение убит козаками ж[5].

16. **ПЕТР КОНАШЕВИЧ САГАЙДАЧНЫЙ**, из шляхетства. Сей возведен и поставлен от польской стороны над козаками гетманом. Он собрал оставших козаков и умножил их званием, и учредил между ими реестровых выборных козаков с порядочным устройством 6000 человек. Во время ж турецкого султана нашествия с войском, в 1621 году, на Польшу, Канашевич сего для с козаками королем призван был к армии польской, которой более 40 000 привел с собою войска своего, и тем числом над турками не малую победу сделал, через что и к миру султан склонился. После чего в 1622 году Конашевич скончался, а имение свое на училище в Киевобратской монастырь отдал[1].

17. **ТАРАС**. Сего козаки из своих поставили над собою гетманом в то время, когда от поляк крайнее притеснение, через вводимую в Украйне римскую Унию было, когда усильно церкви и монастыри православные опровергать, священников истреблять и прочие над всякою святынею и сущим христианам надругательства и насилия чинить стали, он с козаками на поляк в 1628 году вооружился, гнав и побив их многих, мир с собою установить принудил[5].

18. **СУЛИМА**, шляхтич, из козаков запорожских. Сей был по Тарасе гетманом; он с козаками, в 1633 году, плаваючи в челнах своих по Черному морю, многие турецкие города попленил, как то Язик, Акерман, Килию, Измайлов и прочие места, села и деревни, и с не малою добычею в Сечь возвратился[5].

19. **СЕМЕН ПЕРЕВЯЗКА**, из козаков, будучи гетманом, от 1633 году, был на войне с поляками против России, но с неудачею[5]

20. **САВАЛТОВИЧ**, из шляхетства, а прямое имя его Сава Кононович. Сего козаки, когда возвратясь из Варшавы с получением на приносимую ими самому королю жалобу о чрезмерных им притеснениях и обидах и о нарушении ж их закона, чинимых от польского шляхетства, получили от него, в 1636 году, на прежние свои выгоды и преимущества милостивую привилегию, и на вольность их изустное позволение, что оную могут они сами оружием своим защищать, если кто им будет напротив того делать обиды и притеснение, тотчас по сему, избрав из своих, поставили над собою гетманом, но, за оказавшуюся его к ним измену, по согласности его с поляками, в куски изрубили[5].

21. **ПАВЛЮК, ПОЛУРУС и ПОУЛУК** он же, из козаков. Когда сведали козаки, что поляки вооружась идут на них в отмщение за помешательство им в строении крепости на урочище Кайдак, то тотчас, на место убитого ими Савалтовича поставили себе сего из своих гетманом, который об оном вступлении и вооружении своем универсалом обнародовал всех, живущих в Украйне, и, собравшись с козаками своими, сделал на идущих на них поляк ударение, что было в 1637 году, и, разбив их, прогнал; но потом поляки, умножа силы свои и нечаянно напавши на Полуруса, поразили его с козаками и, загнавши их к городу Боровичам, привели в такой страх, что, по требованию поляк, принуждены козаки выдать своего гетмана и четырех полковников, но с тем, чтоб они безвредны быть могли. Однако ж поляки в данном на то паролю своем не устояли, а казнили их всех смертью в Варшаве, потом во всю Украйну определили своих польских начальников, и чтоб быть козакам только числом 6000 человек, а жалованный им для резиденции гетманской город Трехтемиров, со всем его военным снарядом, и все их привилегии отобрали, и тем лишили их всех преимуществ, выгод и вольностей козацких. Из чего украинцы, оскорбившись многие, оставя свои земли и жилища, поселились в прикосновенных к ним чужих областях и там жительствовать оставались[5].

22. **ОСТРАНИЦА.** Сего козаки, в 1637 году, те, кои ни в которую сторону под власть чью отдаваться не хотели, в самой своей от поляк неправде и крайности, выбрали и поставили из своих себе гетманом над собою, и с ним, от нападающих на них поляков, при Днепре укрепившись, чрез два месяца поляк от себя отражали, и оттоль, наконец, гнавши их, при Голтве и Лубнах поражали, а потом в степи, при речке Старице, наголову разбили, чрез что принуждены поляки с ними примириться и все, им принадлежащее, возвратить, что и присягою исполнить обязались.

Но, за сим вскоре, под видом сомнения на них, якобы в общем их заговоре против всей Польши, пренебрегши данный свой пароль, лестно того Остраницу и первого помощника его, Гуню, призвав в Варшаву, яко главных возмутителей спокойствия, убили, а потом и многих старшин и именитых козаков, забравши, там же казнили. Чрез которую неправду польскую, из числа оставшихся козаков, 4000 на Дон, к донским козакам перешли[5].

23. **ПОЛТОРАКОЖУХ.** Сего козаки, как будучи поляками, за всегдашнюю неправду, тиранство и угнетение их, жестоко огорчены, поставили тотчас на место убитого ими, выбрав из козаков своих, над собою гетманом, и в начале 1638 году, с ним было на поляк вооружились, но как весьма мало их числом к тому собраться могло, не отважились, сего ради, против великой силы польской, находящейся тогда в Украйне ударение сделать, и принужденно разбрелися по своим местам. А поляки, будучи против таковых на стражах, принуждены великий урон в войске своем от жестокой тогда зимы понести[5].

24. **БУЛЮК**. Сего козаки, после Полторакожуха, так же из своих козаков, себе гетманом, над числом шестью тысячами, уставленными поляками поставили, но за частые нападения и разорения в Польше, причиняемые от сечевских запорожских козаков, поляки, обвиня в том украинских, в 1640 году отрешили от гетманства Булюка и прочих старшин, а на место их определили во все козацкие полки и в саму Сечь своих польских начальников, комиссаров и дозорцев, а из природных украинцев оставили только над козаками черкаского полковника Барабаша войсковым есаулом[5].

25. **БОГДАН (ЗИНОВИЙ) МИХАЙЛОВИЧ ХМЕЛЬНИЦКИЙ**, из именитых козаков, от 1647 году. Когда поляки нагло отняли у сего Хмельницкого вотчину, и подстароста чигиринский, Чаплинский, держал его под стражею, а сына его бил на площади киями, то он, по таковой обиде, потом скрылся в Запорожье, в которую небытность его тот подстароста жену его обругал, и на кровавой ея постели, с новорожденным младенцем умертвил, почему за все таковые несносные и оскорбительные обиды, как равно и за причиняемые всем украинским жителям так же озлобления, все низовые запорожские козаки возволновавшись, обще с Хмельницким, призвав всех земляков своих и татар крымских, вооружились на поляк и, под предводительством его, поражая их многократно, стал он быть как козаками, так и всей Малой России, в 1648 году, гетманом, и тем, отрешившись от Республики и ига польского, отдался, в 1654 году, со всем своим войском и со всею Малою Россиею в вечное подданство Российской державы, чем доставил древнюю отчину великих российских государей по прежнему в их владение[2;5].

26. **ИВАН ВИГОВСКИЙ**. Сей был при Богдане Хмельницком войсковой писарь, а от 1657 году, по смерти того Хмельницкого, вместо избранного войском сына его, Юрия Хмельницкого, хищническим гетманом малороссийским стал, и на то царскою грамотою подтвержден. На потом, в 1658 году, России изменил и Польской державе со всеми предаться хотел, за что и получил от Польши чин воеводы русского, точию силою российской в той измене ему воспрепятствовано и бежать в Польшу принуждено его, а потом, явившись паки в Украйну, расстрелян польским полковником Маховским[2].

27. **ИВАН БЕЗПАЛЫЙ**, бывший войсковым судьею, был, в 1659 году, наказным гетманом в рассуждении непоколебимой его верности к России; во время измены Виговского отражал нашествие изменников, поляков и татар, и удерживал землю в должности до избрания в гетманы Георгия Хмельницкого[2].

28. **ЮРАСЬ, ЮРИЙ** или **ГЕОРГИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ**, сын Богдана Хмельницкого. Сей, по общему козацкому избранию, или Радою и грамотою царскою, в 1660 году, гетманом возведен, только в 1661 году, убоясь поляк, к ним передавшись, России изменил, а потом, вед-

ши с Россиею войну и потерявши много сил в 1662 году сложил гетманство свое и оставил оное зятю своему, переясловскому полковнику Павле Тетере, сам же в монахи постригся и был архимандритом Жидачейского монастыря, но, по некоему доносу Тетериному, был королевским указом, обще с митрополитом Киевским Иосифом Тукальским и полковником Гуляницким взят в заточение и сосланы в Марьенбург, где были два года, и по выпуску их, ушед из Польши от смертной казни в Украйну, попался там в плен татарский, и оными, по узнании его имени, отведен в Константинополь, где в Едикуле почти семь лет высидел, а наконец султаном освобожден и пожалован князем Сарматским и гетманом украинским, но, во время строения при Днепре крепостей турецких, разъездными сечевскими козаками, под предводительством кошевого атамана Серка, убит[2].

29. **АКИМ САМЧЕНКО**, из именитых козаков, был житель переясловский, и после Павла Тетери был полковником переясловским, а с 1662 года, на место Хмельницкого, наказным гетманом стал, и в том же году, в Козельце козацкою Радою, и в 1663 году в Ичне, избран был гетманом, в чем ему присягу учинили многие из старшин, но на том не состоялось, за избранием в настоящие гетманы сечевского кошевого атамана Брюховецкого, от коего потом, по донесении на него, яко на возмутителя власти, казнен смертью с сообщниками[5].

30. **ПАВЕЛ ТЕТЕРЯ**, бывший переясловский полковник, в 1662 году от Юрия Хмельницкого принял на себя гетманство, но преклонился потом к польской стороне, только по частым и усильным на него от российской стороны нападениям, сечевским кошевым атаманом Иваном Серком, обще с козаками, за измену государю в Польшу выгнан, через что, лишась всего богатства, удалился, наконец, от стыда, 1664 году, в Волощину, что обещанного не получил от поляк[1].

31. **ИВАН МАРТЫНОВ СЫН БРЮХОВЕЦКИЙ**. Сей был Хмельницкого слуга, а по сложении Юрием Хмельницким с себя гетманства находился в Запорожской Сечи кошевым атаманом, где потом, на место Хмельницкого, козаки избрали его быть в Малой России гетманом и, по прошению и по одобрению Киевской митрополии блюстителя, епископа Мефодия, царскою грамотою, в 1663 году, при городе Нежине Черною радою действительным гетманом подтвержден и удостоен, и боярином пожалован. А в 1668 году убит от черни, по проискам гетмана другой стороны Днепра, Дорошенка, под видом якобы измены, а в самом деле из злобы за введение в Украйну российских воевод и обременение земли поборами[2].

32. **ОПАРА**, козацкий старшина, из местечка Медведовки, в 1665 году вызвался на место бывшего гетмана Павла Тетери быть гетманом,

но бывший при Тетере есаул Дорошенко через помощь татарскую, чтоб быть самому гетманом, связав Опару, в Польшу сослал, где его за то самозванство смертью казнили[5].

33. **ПЕТР ДОРОШЕНКО**. Оной был при гетмане Тетере есаулом. Сей Опару, через помощь татарскую, гетманства лишил, и сам на его место в 1665 году с польской стороны гетманом стал и Польшею в том чине удостоен, но в 1667 году восстал против поляк, хотел сам собою в Украйне быть гетманом, приговорил для сего на свою сторону и гетмана Брюховецкого, который по лестному совету его, положась на него, начал изменять царю, в который самоначальный случай, по наущению его, Дорошенка, коварно от своих козаков и черни, под Гадячем, в 1668 году, убит, с тем, чтоб быть ему, Дорошенку, обоих сторон Днепра гетманом; но по случившемуся в то же самое время в доме от жены его досадному случаю, в отбытность его за тем в дом от войска, козаки сечевские за убийство Брюховецкого от замыслов его отложились. Так равно и старшина малороссийская в том ему не согласовалась, а тотчас предалась по прежнему к стороне российской, в чем был главным согласником войска того наказный гетман, генеральный есаул Демьян Многогрешный. По усильному ж на Дорошенка за коварство и измену наступлению от поляк, сечевских козаков и от России, в 1670 году он, Дорошенко, отдался в подданство турецкое, но по нужде потом препоручил себя и все войско свое, а равно и город Чигирин, и гетманство свое в 1677 году России[1;3].

34. **ДЕЦИК**, из козаков, назвался гетманом малороссийским и принят был козаками бродягами и гултаями, с которыми не малым числом ходил в Полесье и многие там города ограбил, но вскоре пойман и в Нежине в тюрьме умер[5].

35. **СУХОВЕЙ**, из козаков, бывший писарь Запорожской Сечи. За убийство Дорошенком гетмана Брюховецкого, запорожцы, сердясь на него, не восхотели быть под его гетманством, отдалися хану крымскому, который поставил им, в 1669 году, того писаря их, Суховея, гетманом, а сей потом, в 1670 году, сдал свое гетманство уманскому полковнику Ханенке[4].

36. **ДЕМЬЯН ИГНАТЬЕВ СЫН МНОГОГРЕШНЫЙ**. Оный был генеральный есаул и обще в измене с Брюховецким. Сей, когда принужден был Дорошенко из под Гадяча в Чигирин возвратиться, оставлен был им за гетмана при войске; оный, в отсутствие его, в 1668 году, предался со всеми своими полками паки к российской стороне, и хитрым, а паче лестным способом привел старшин признать себя гетманом, почему потом и указом царским в том чине подтвержден. Сей гетман испросил всем, бывшим в измене с Брюховецким, прощение от царя и о выводе из Малой России всех воевод и цело-

валников, кои были по городам для соборов податей, и успокоил многие полки волнующиеся. Но в 1672 году генеральная старшина, неведомо по какому мнению, тайно, ночью, взяв его, отослала в Москву, откуле уже не возвращен для успокоения народа[2].

37. **МИХАЙЛА ХАНЕНКО.** Сей был уманский полковник; ему, в 1670 году, сдал Суховей гетманство свое, потом оного, в 1671 году, польской Украйны козаки Радою изобрали себе, за завоевание от Дорошенки многих городов, своим гетманом и вручили ему присланные от короля гетманские клейноты, но в 1674 году, по призыву России, отдался в подданство, сложа с себя гетманство[1].

38. **ИВАН САМОЙЛОВ СЫН САМОЙЛОВИЧ.** Сей из местечка Красного родом, попович, будучи генеральный судья, по прошению и желанию козацкому в 1673 году на место Многогрешного, указом царским в Раде выбран и чином гетманским удостоен и тем пожалован. При оном гетмане, в 1674 году, гетман Ханенко, отложась от Польши и сложа свой чин, так равно и Дорошенко, отстав от турок, в 1677 году отдались России со всеми своими войсками, а последний и с городом Чигирином. Но в 1687 году, по доносу и доказательству козацкому в изменнических и прочих противных делах и поступках, будучи в походе против татар крымских, арестован и с лишением гетманства сослан в ссылку[1].

39. **ЕВСТАФИЙ ГОГОЛЬ.** Сей был от польской стороны, полковник подольский, а по гетманству его, в 1677 году, дано было ему от Польской республики, для резидования его, Полесье с несколькими городами литовскими[1].

40. **ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ**, в 1677 году, турецким султаном Магометом IV из Едикуля освобожден и пожалован гетманом в часть завоеванной им Украйны, и был с турками при осаде Чигирина, но, за невзятием ими оного, на резиденцию его дан был в Подоле ему город Немиров, чтобы владеть ему всею тою Украйною; точию в 1680 году, при Днепре, с людьми военными, бывшими с ним запорожцами, под предводительством войскового атамана их, Серка, убит[3].

41. **МОЛДАВСКИЙ КНЯЗЬ, ДУКА.** Оный на место Юрия Хмельницкого, в 1670 году, султаном же определен был в ту Украйну гетманом, а резидовал в вновь построенном себе месте при Днестре, в Целовке, но, во время поляков с турками войны, в 1684 году, Дука поляками пленен и задержан в Польше[3].

42. **КУНИЦКИЙ**, из шляхетства. Когда поляки повоевали в Украйне турок и тою частью овладели, созвав туда козаков, поставили над

оными, в 1687 году, сего Куницкого гетманом, который учредил по тем городам полки козацкие и с оными ходил воевать в часть молдавскую, а оттуда в Бессарабию, где разорил многие селения и сражался с татарами, но по жестокому на него от них напору, устрашась, бежал, оставя козаков своих, которые храбростью своею и мужеством разбили татар и прогнали, и, возвратясь, за трусость и оставление их, Куницкого убили[1].

43. **МОГИЛА** и **МИГУЛА** он же. Из козаков, житель города Немирова. Сего козаки, по убийстве Куницкого, в 1684 году, избрали, так как храброго воина, себе гетманом; он выгнал турок из городов, состоящих к Подольцу, в оных залоги свои учредил и близ сих мест прикосновенные турецкие городки разорил[5].

44. **ДРАГИНИЧ**, из шляхетства, после Могилы в 1685 году был от польской же стороны гетманом, но какие дела его были не описывается, как только то, что охотник был до горячих напитков и через то вскоре умер[1].

45. **ИВАН СТЕПАНОВИЧ СЫН МАЗЕПА**. Сей был при гетмане Самуйловиче генеральный есаул, родом шляхтич, из Украйны, Белоцерковского повета, бывшего села Мазеповки. Оной в гетманы на место Самуйловича, по указу царскому, в войске изобран старшинами и козацкими голосами, во время обратного крымского похода, под Полтавою, 1687 году, любим был царем Петром Первым и удостоен им был иметь и носить орден Святого апостола Андрея Первозванного, а от польского короля Августа пожалован был орденом же Белого Орла. Он имел доверенность быть в важнейших с царем советах, но, во время со шведами войны, передавшись к королю Карлу Второмунадесять, царю, 1708 году, изменил[2].

46. **САМУСЬ**, из козаков. Сего польский король Ян Собиевский, на место умершего Драгинича, в 1691 году гетманом пожаловал и определил козакам его жалованье и привилегии прежние на выгоды и вольности их подтвердил им. На резиденцию гетманскую дал ему город Винницу, состоящую при Днестре реке. Сей созвал многих козаков к себе и учредил их по городам своим полками с полковниками, с которыми почасту набеги татарские на Украйну отражал и поражал их, и добычи, полученные ими, как равно и пленённых людей, отнимал и отбивал от них, и оных к своим местам отправлял, за что как от польского, так и от российского дворов получал похвалу и награждение. А по кончине короля Собиевского, за налоги польские, сам отдался с фастовским полковником Семеном Палием, со всеми козаками своими в подданство Российского державства, сложа с себя и гетманство, и были оба от гетмана Мазепы определены полковниками, первый в полк Богуславский, а последний при своем Фастовском полку остался[1].

47. **ИВАН ИЛЬИЧ СКОРОПАДСКИЙ.** Сей на место изменника Мазепы в гетманы, 1708 году, из малороссийского шляхетства, Стародубского полку полковников, в Глухове, Радою избран и царем Петром Алексеевичем пожалован был. Он муж верный к государю и чести наполненный; в его бытность, от 1722 году, учреждена была, по указу его императорского величества, Петра Великого, в Глухове Коллегия Малороссийская; скончался при своей чести, без всякого порока, того ж 1722 году, июля 3 дня[2].

48. ИЗМЕННИК **ФИЛИП ОРЛИК**, по смерти изменника ж Мазепы, в Бендерах, бывши его генеральный писарь, от короля шведского, Карла XII, над изменниками запорожцами сделан гетманом, в 1710 году, и был при них по 1715 год, до совершенного замирения между Россиею и Оттоманскою Портою трактатом; но дабы, по замирении, не отдан был по требовнию от России о выдаче изменников, он обусурманился, для чего запорожцы, наконец, от него отрешились, яко от бусурманина, после чего он исчез и с скопищем своим[3].

49. **ДАНИЛА ПАВЛОВИЧ АПОСТОЛ.** Сей из малороссийского же шляхетства был малороссийского Миргородского полку полковник и воин храбрый. Он, по просьбе войска малороссийского, с соизволением его императорского величества Петра Второго, по отрешении Коллегии Малороссийской, в 1728 году, октября 1 дня, в Глухове, Радою в гетманы избран и на то императорскою грамотою удостоен, а в 1733 году императрицею Анной Иоанновною орденом Святого Александра Невского пожалован. По усердных же своих услугах и при чести своей непорочной скончался 1734 году, января 17 числа[2].

50. ГРАФ **КИРИЛА ГРИГОРЬЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ**, генерал-фельдмаршал и кавалер, рода малороссийского. По прошению всей Малой России, оной, с соизволением ея императорского величества Елисаветы Петровны, Радою же, в Глухове, в гетманы, 1746 году, избран и тем чином пожалован, и состоял в оном достоинстве и звании, до сложения с себя оного чина, по 1764 год[2].

Жалованье со сторон:
1 — польской
2 — российской
3 — турецкой
4 — татарской
5 — козаками и собою поставленные

ДОДАТКИ

Примітки

1. Тут і далі автор розглядає Київську Русь як історичну попередницю виключно Російської держави.

2. *Козари* — назва напівкочових тюркомовних племен — хозарів, сусідів слов'янських племінних союзів VII-IX ст.

3. Проблема походження українського козацтва хвилювала не одне покоління істориків, проте й сьогодні вона остаточно не вирішена. Уже на середину XVIII ст. існували різні версії щодо виникнення козацтва, частину з яких наводить у своїй праці Рігельман. Саме слово «козак» тюркського походження. У процесі просування кочових племен із Середньої Азії на захід воно з'являється у мові населення, яке мешкало на території Північного Кавказу та Причорномор'я. Слово «козак» зустрічається у мовній пам'ятці кипчаків-куманів-половців XIII-XIV ст. «Codex cumanicus» («Куманський кодекс»). Із другої половини XV ст. через посередництво татарської мови воно потрапляє до українців, які вживають його у значенні людини вільної, незалежної, шукача воєнних пригод. Козаками називали також людей, які постійно займалися «уходництвом». Одним із перших вірогідних свідчень джерел про українських козаків є лист великого князя литовського Олександра до кримського хана Менглі-Гірея, де йдеться про напад козаків на татарський човен (галеру) під Тягинею (1492). У «Хроніці» М. Бєльського знаходимо більш ранню згадку про козаків на півдні Поділля (1489). Господарське освоєння степових просторів і небезпека з боку кочовиків диктували об'єднання у невеликі загони-ватаги. Формування козацької общини в умовах безпосередніх контактів з кочовим населенням значною мірою вплинуло на її військову організацію, на матеріальну та духовну культуру козаків.

4. *Коховський Веспасіан* (1633-1700) — польський історик, автор «Щорічників» та інших праць з історії Речі Посполитої.

5. *Стрийковський Матвій* (бл. 1547-1582) — польський історик, перу якого належить «Хроніка польська, литовська, жмудська і всієї Русі».

6. *Гвагнін Олександр* (1534-1614) — польський хроніст, італієць за походженням, автор історико-географічного опису Польщі, Литви, України й Білорусії.

7. *Цимбри* — йдеться про кіммерійців.

8. *Меотичне море* — Азовське море.

9. *Феодосій Дмитрій* — російський дворянський історик XVIII ст., апологет абсолютизму.

10. *Рычков Петро Іванович* (1712-1777) — автор праць з історії та географії Росії XVIII ст.

11. Викладається відома з «Повісті минулих літ» легенда про заснування слов'янської держави з центром у Києві.

12. Прихід Олега до Києва й загибель князів Аскольда та Діра датуються 882 р.

13. *Мінеї-Четьї* — церковно-релігійні твори, в яких «житія святих», повчання тощо розміщені по днях кожного місяця. Виникли у Візантії у IX ст., вперше з'явилися на Русі в XI ст.

14. *Понт Евксинський* (Босфор Кіммерійський) — Чорне море.

15. *Готфи* — трансформована назва готів.

16. *Костянтин VIII Порфирородний* — візантійський імператор (912-959), автор праці «Про управління державою», у якій містяться відомості про життя слов'ян, побут, звичаї, вірування, військове мистецтво русичів.

17. *Татіщев Василь Микитович* (1686-1750) — російський дворянський історик и громадський діяч. Автор «Історії Російської з найдавніших часів», що була першою спробою узагальненого й послідовного викладу історії Росії до початку XVII ст., котру він розглядав як історію самодержавства.

18. Йдеться, мабуть, про *Любенецького Станіслава* (1623-1675) — автора церковних полемічних праць та праць з історії Реформації в Польщі.

19. *Кромер Мартин* (1512-1589) — польський історик, церковний діяч. Написав, зокрема, історичну хроніку Польщі з найдавніших часів до 1505 р.

20. *Соліньяк П'єр-Жозеф* (1687-1773) — французький письменник, секретар польського короля Станіслава Августа, автор праць з історії Речі Посполитої.

21. *Емін Федір* (1735-1770) — російський письменник та історик. Найвідоміший його твір — «Російська історія».

22. Дотримуючись теорії виникнення козацтва з давньоруських часів, автор ототожнює козаків з косогами — одним із кочових племен на південному прикордонні Русі.

23. *Болеслав I Хоробрий* (967-1025) — польський князь (992-1025) та король (з 1025 р.). У 1018 р. здійснив похід на Київ, надавши цим допомогу Ярополку Окаянному у боротьбі проти Ярослава Мудрого.

24. *Редедя* — богатир, косогський князь, загинув у 1022 р. під час герцю з тмутараканським князем Мстиславом Володимировичем.

25. Автор помилково ототожнює печенігів з татарами.

26. *Гедимін Вітенесович* — литовський князь (1316-1341). Здійснив кілька походів в Україну, де міцно вкорінилися його нащадки.

27. *Ольгерд* (бл. 1296-1377) — литовський князь (1345-1377). Збільшував володіння своєї держави за рахунок сусідніх земель, у тому числі й українських.

28. *Казимир IV* (1427-1492) — литовський князь (з 1440 р.) і король Польщі (з 1447 р.), поширював шляхетські вольності на руських феодалів.

29. *Менглі-Гірей* (?-1515) — кримський хан, який неодноразово здійснював грабіжницькі походи в Україну. Зокрема, в 1482 р. кримці захопили й зруйнували Київ.

30. *Іван III Васильович* (1440-1505) — московський князь (1462-1505). За часів його правління завершилося об'єднання основної території Московської держави.

31. *Степенна книга* — твір, створений духовником Івана Грозного Андрієм у 60-х роках XVI ст. У ньому зроблена спроба систематичного викладу руської історії від Володимира Святославовича (Святого) до Івана IV включно. Книга пройнята ідеєю про небесне походження самодержавної влади.

32. *Дашкевич Євстафій* (?-1535) староста канівський і черкаський. Українська дворянська історіографія вбачала в ньому організатора козацтва. У різних списках він фігурує серед перших гетьманів, у тому числі й у Рігельмана. У схемі останнього наступниками Дашкевича є Лянцкоронський, Вишневецький, Ружинський і т. ін. Безумовно, вклад цих людей у розвій українського козацтва значний, однак класифікація їх як гетьманів довільна.

33. *Сигізмунд I Старий* (1467-1548) — король польський і князь литовський.

34. *Крюйц Корнелій* (1657-1727) — голландець за походженням, брав участь у Північній війні як адмірал російського флоту, автор праць з історії Російської держави.

35. Вільне пересування російських ратних людей по території України в середині XVII ст. з метою боротьби проти Кримського ханства витлумачується як підданство козаків царській короні.

36. *Іван IV (Грозний), син Василія III* (1530-1584), — московський князь з 1533 р., цар з 1547 р. Вів переговори з Дмитром Вишневецьким про спільні дії проти Кримського ханства.

37. *Сигізмунд II Август* (1520-1572) — король польський з 1530 р., князь литовський з 1548 р. Важливою є його роль у підписанні Люблінської унії (1569), за якою значна частина українських земель відійшла до Речі Посполитої.

38. *Генріх III* (1551-1589) — останній король з французької династії Валуа. У 1573 р. перебував на польському престолі.

39. *Івоня* — господар (правитель) Молдавського князівства (1572-1574).

40. *Баторій Стефан* (1533-1586) — король Речі Посполитої з 1576 р. До боротьби проти сусідніх держав широко залучав українське козацтво.

41. Викладається одна із версій щодо організації реєстрового козацтва за Стефана Баторія.

42. *Сигізмунд III* (1566-1632) — король Речі Посполитої (1587-1632). Вихованець єзуїтів, сприяв утвердженню католицької реакції, проводив політику полонізації і національно-релігійного гноблення в Україні та в Білорусії.

43. Деулінське перемир'я між Росією і Польщею, підписане на 14 з половиною років 1 грудня 1618 р.

44. Похід Лжедмитрія II до Москви датується 1608-1609 рр.

45. Встановлення шеститисячного реєстру відбулося лише в 1625 р. При гетьмані П. Сагайдачному чисельність реєстрових козаків досягла 3 тис., згідно з Роставицькою угодою 1619 р.

46. *Ктитор* — опікун над храмом.

47. Київська братська школа заснована в 1615 р. на кошти шляхтянки Єлизавети Гулевичівни Лозки.

48. Йдеться про захисника православ'я князя Костянтина Острозького (1526-1608). Продовжувачем його справи став гетьман П. Сагайдачний, який більше надій покладав на силу українського козацтва.

49. Йдеться про козацько-селянське повстання в Україні 1630 р. під проводом Тараса Федоровича.

50. *Владислав IV* (1595-1648) — король Речі Посполитої (1632-1648). За допомогою українських козаків намагався стати володарем російського престолу.

51. *Острянин Яків, Гуня Дмитро* — керівники козацько-селянського повстання 1637-1638 рр. Рігельман помиляється: вони врятувалися від польсько-шляхетського терору на Слобожанщині та Дону.

52. *Шевальє П'єр* — французький офіцер, автор «Історії війни козаків проти Польщі», де описані найважливіші події в Україні 1648-1652 рр.

53. *Дике поле* — назва південноукраїнських степових територій, що з'явилася в офіційних документах польської адміністрації з другої половини XVI ст.

54. *Кривоніс Максим* (?-1648) — один з найближчих соратників Богдана Хмельницького, черкаський полковник у 1648 р.

55. *Ян Казимир* (1609-1672) — король Речі Посполитої (1648-1668).

56. *Аттіла* — вождь гуннів, у середині V ст. очолював союз різних племен на значній території від Волги до Рейну.

57. *Тамерлан* (1336-1405) — середньоазіатський полководець, емір у 1370-1405 рр. Його держава була сукупністю феодальних володінь, штучно об'єднаних військовою владою. Неодноразово здійснював походи проти сусідніх країн.

58. *Нечай Данило* (?-1651) — брацлавський полковник (1648-1651).

59. *Богун Іван* (?-1664) — кальницький полковник (1649-1664).

60. *Глух Йосип* — уманський полковник у 1649-1654 рр.

61. *Джелалій Філон* — кропивнянський полковник у 1649-1654 рр.

62. Очевидно, йдеться про Барана, котрий був черкаським полковником у 1651 р.

63. *Крез* — мабуть, відомий козацький дипломат Михайло Криса, адже чигиринським полковником у 1648-1650 рр. був Федір Вешняк.

64. *Гладкий Матвій* (?-1652) — миргородський полковник (1649-1652)

65. *Небаба Мартин* (?-1651) — чернігівський полковник (1648-1653).

66. *Барабаш Іван* (?-1648) — осавул реєстрового війська напередодні Визвольної війни.

67. Хмельницький прибув на Запоріжжя наприкінці 1647 р.

68. *Кричевський Михайло* (?-1649) — київський полковник (1648-1649).

69. *Світла Неділя Христова* — свято воскресіння Ісуса Христа (Паска).

70. Владислав IV коронований на Сеймі Речі Посполитої у 1633 р.

71. *Ганжа Іван* (?-1648) — уманський полковник (1648).

72. *Гоголь Остап* — полковник Війська Запорізького.

73. *Колодка* — представник козацької старшини повстанської армії Хмельницького.

74. *Чорнота Іван* — військовий обозний повстанської армії у 1648-1649 рр.

75. *Бурляй Кіндрат* — гадяцький полковник у 1648-1649 рр.

76. *Півторакожуха Карпо* — представник козацької старшини у війську Хмельницького.

77. *Тиша Іван* — звягельський полковник у 1648-1649 рр.

78. *Виговський Іван* (?-1664) — генеральний писар у війську Хмельницького (1648-1657), гетьман України (1657-1659).

79. *Бернардинський орден* — одна з чернецьких католицьких організацій — активний провідник політики Ватикану.

80. Повернення Хмельницького з-під Замостя до Києва відбулося наприкінці 1648 р.

81. *Коє* — польський дворянський історик XVIII ст., один із авторів опису подій Визвольної війни.

82. *Чорний шлях* — один із шляхів, яким користувалися кримські татари для грабіжницьких нападів на Україну. Розпочинався від Перекопського перешийку і через запорізькі степи доходив до заселених районів південної Київщини.

83. *Петрів піст*, або ж Апостольський,— у християнській церкві триває від 8 днів до 6 тижнів перед святом Петра і Павла 12 липня.

84. *Успенський піст* — триває з 1 по 15 серпня перед святом Успенія Пресвятої Богородиці.

85. *Магдебурзьке право* — феодальне міське право, за яким міщани звільнялися від управління та судочинства феодала. Виникло в XIII ст. у місті Магдебурзі, встановлювало порядок виборів і функції органів міського самоуправління, регулювало питання торгівлі, опіки, спадкування тощо. Протягом XV-XVII ст. його дістали більшість міст України.

86. *Пушкар Мартин* (?-1658) — полтавський полковник (1648-1658).

87. *Дорошенко Петро* (1627-1698) — прилуцький полковник (1648-1658), чигиринський полковник (1659-1663), гетьман Правобережної України (1665-1674).

88. *Радзівілл Януш* (1612-1655) — литовський польний гетьман (1646-1654), великий гетьман литовський з 1654 р.

89. Похід Тимоша Хмельницького до Молдавії відбувався у 1650 р.

90. *Гуляницький Григорій* — ніжинський полковник у 1656-1659 рр.

91. Мабуть, страчений був один із козацьких старшин Павло Хмельницький.

92. *Золотаренко Іван* (?-1655) — ніжинський полковник (1653-1655).

93. Поїздка до Москви козацьких послів Григорія Гуляницького та Івана Виговського відбулася у 1653 р.

94. В офіційній російській документації другої половини XVI— першої половини XVII ст. українські козаки називалися черкасами.

95. Хід Переяславської ради (8 січня 1654 р.) по-різному висвітлюється істориками. Дослідження щодо цієї події грунтуються переважно на переказах та літописних згадках, де зафіксований зовнішній бік справи. Це стосується і праці О. Рігельмана, котрий зазначає, зокрема, що Б. Хмельницький «охотно учинил... в истинном желании своем быть вечными подданными его царскому величеству всероссийскому и наследникам его». Інша картина постає в документальних матеріалах, навіть відредагованих у Посольському приказі Російської держави. (Див. *Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники Малороссийской истории. М., 1858-1859). Насамперед, гетьман мав намір вести переговори з царськими послами, як з рівними партнерами про входження частин українських земель до Росії на правах автономії. Боярин Василь Бутурлін прибув до Переяслава з іншою місією, а саме — поповнити чисельність царських підданих. Зіткнення цих протилежних намірів призвело врешті-решт до фактичного розколу в лавах українського козацтва, насамперед, старшини. Лише після тривалих дискусій Хмельницькому вдалося умовити своїх соратників присягнути на вірність царю у запропонованій Бутурліним формі перед алтарем Успенської церкви Переяслава.

96. Слід читати — Чигиринське староство.

97. *Золотаренко Василь* (?-1663) — ніжинський полковник (1659-1663).

98. До переговорів у Вільно представники українського козацтва не були допущені, а Віленська угода від 24 жовтня 1656 р. між Росією і Річчю Посполитою цілком ігнорувала інтереси України.

99. Тезу про володіння Волинню, Покуттям, Поділлям і Поліссям великоросійськими князями Рігельман самовільно приписує Б. Хмельницькому.

100. «Березневі статті» про взаємовідносини України з Росією затверджені в 1654 р.

101. *Барабаш Яків* (?-1658) — кошовий отаман Запорізької Січі.

102. *Немирич Юрій* (1612-1659) — український шляхтич, один із авторів Гадяцької угоди 1658 р.

103. *Сулима* — очевидно, один із синів гетьмана Івана Сулими, Степан чи Северин.

104. *«Трактатные пункты»* — Гадяцька угода 1658 р., підписана гетьманом Іваном Виговським, згідно з якою «Велике князівство Руське» (Україна) одержувало широку автономію у складі Речі Посполитої.

105. Переяславська угода Юрія Хмельницького з російським урядом укладена восени 1659 р., або ж 7167 р. від Різдва Христова.

106. *Олівський мир* 1660 р. — мирний договір між Швецією та Річчю Посполитою.

107. *Сомко Яким* (?-1663 р.) — наказний гетьман Лівобережної України (1660 1663).

108. *Чорна Рада* 1663 р. — загальна козацька рада для обрання гетьмана Лівобережної України. При підтримці представників царського уряду ним було обрано кошового Запорізької Січі Івана Брюховецького.

109. *Опара Степан* — гетьман Правобережної України в 1665 р.

110. *Децик* (Дацко Васильович) — овруцький полковник, один із керівників повстань 1664-1665 рр. на Правобережжі, спрямованих проти шляхетської Польщі.

111. *Суховій Петро* — гетьман Правобережної України в 1668-1669 рр.

112. *Вишневецький Михайло* — король Речі Посполитої (1669-1673)

113. *Ханенко Михайло* — гетьман Правобережної України (1670-1674).

114. Едикуль — фортеця в Стамбулі, використовувалася і як в'язниця.

115. *Собеський Ян* (1629-1696) — король Речі Посполитої (1674-1696).

116. *Дука* — господар (правитель) Молдавії.

117. *Куницький Стефан* — гетьман Правобережної України (1683).

118. *Могила Андрій* — гетьман Правобережної України (1683-1684).

119. *Драгинич* — гетьман Правобережної України (1684).

120. *Самусь Самійло* — один із керівників визвольного руху на Правобережній Україні наприкінці XVII— початку XVIII ст.

121. *Палій Семен* (?-1710) — один із організаторів козацьких полків на Правобережній Україні на рубежі XVII-XVIII ст.

122. *Абазин Андрій* (?-1703) — брацлавський полковник.

123. *Іскра Іван* (?-1708) — полтавський полковник (1696-1703).

124. Місто Вінниця розташоване на р. Південний Буг.

125. *Петрик (Петро Іваненко)* — писар Генеральної військової канцелярії. Спираючись на кримського хана в 1692-1694 і 1696 рр. здійснив походи на Лівобережжя з метою добитися булави гетьмана України.

126. *Фрідріх Август* (1670-1733) — польський король (1697-1706 і 1709-1733) та курфюрст саксонський.

127. Орден Андрія Первозванного — перший російський орден, заснований Петром I в 1698 р. Серед перших його кавалерів був гетьман України Іван Мазепа.

128. *Ліщинський Станіслав* (1677-1766) — польський король (1704-1711 та 1733-1734).

129. Офіційні кола та їх ревнителі з числа представників історичної науки всіляко намагалися приховати правду про діяльність гетьмана України Івана Мазепи. На цих же позиціях стоїть і автор «Летописного повествования».

130. Конфедерати — учасники воєнно-політичних союзів польської шляхти в Україні XVII-XVIII ст. Їх виступи супроводжувалися погромами і грабунками.

ЗМІСТ

Історія України у висвітленні О. І. Рігельмана (*П. М. Сас, В. О. Щербак*) 5

Предуведомление к читателю 32

ЧАСТЬ 1

Книга первая

Глава 1. О разном повествовании, отколе и от коих времен и из каких народов в российских местах козаки, по мнению своему, быть мнят 34

Глава 2. О первых пришедших древних славянских народах к Днепру 37

Глава 3. О козарах, какие народы были, отколь вышли, где обитали и до коих времен находились 38

Глава 4. О подлинном начале и происхождении козаков, отколь, с опровержением об них иных мнений, и под какими управлениями в разные времена, как то под российским, татарским и польским, находились и о поселенных к ним, между тем, при Днепре черкесах 42

Глава 5. Об овладении, во-первых, литовским князем Волыниею, Северией и самым Киевом, за тем поляками — Краснорусиею, потом польским королем — от Литвы всем княжеством Киевским и о применении им оного в воеводство, и о уравнении россиян с шляхетством польским 46

Глава 6. О цветущем состоянии россиян, живущих в понизовых местах по Днепру, и о приумножении их тамо чрез защиту вблизи их живущих козаков, и навычке их от них козаковать и быть храбрыми. О родившейся за то на них зависти от поляк и о удалении чрез то от оных, и о новом их поселении в низ между рек Бога и Днепра. О первом гетмане и о собрании им украинских людей и названии козаками 48

Глава 7. О приласкании и привлечении польским королем к украинским отшатившихся от Польской державы людей и о приобщении к оным самоохотно низовых козаков, и о их услуге и защите от татар, и о пожаловании им за то вновь земли привилегиею о вольности с преимуществом 50

Глава 8. О бытии над козаками, по славе об них, гетманами из знатных польских вельмож. О созыве ими вольного охочего войска козацкого и для отомщения татарам и о составлении некоторыми из них коша при днепровских порогах. О победах козацких над татарами и защите их Польши. О зависти на них от польского шляхетства и о приселении оных к ним в Украйну. О удалении козацком от оных и о переходе некоторых от Днепра, из города Черкас, на Дон. О призыве Республикою Польскою из Заднепра

и понизовых мест козаков к своему союзу с обязательством содержать их на своем жалованье и о придаче им еще земли 51

Книга вторая

Глава 9. О порядочном учреждении козачьего войска польским королем Стефаном Баторием с их урядами и о пожаловании на то им клейнотов, преимуществ, городов и земли на обоих сторонах реки Днепра, с увольнением от всяких поборов 62

Глава 10. О первоначальном притеснении козакам от поляк чрез применение ими, в оскорбление всем россиянам, закона греческого в униатскую религию и о восстании козацком за то на поляк 64

Глава 11. О происходящих от Польши делах противу России во время самозванцев и мятежей московских и о действии в то время козачьем 67

Глава 12. О чинимых от стороны польской беспокойствах России и отчасти туркам и о начатой турецкой войне на Польшу. О замыслах польских к низложению козаков и о преостережении в том себя от обоих сторон 70

Глава 13. О бытии козаков и храбрости их с поляками на войне противу турок. О разных запорожских действиях и удальствах. О чинимых озлоблениях польских козакам и о приносимой от них Республике в том неоднократной жалобе, и о вооружении козацком за чинимые им паки от поляк обиды и притеснения, с переменою их удач, и о удалении их чрез то в разные места. О принесенной потом самому королю о чинимых им польских налогах и утеснениях жалобе и о получении на то от короля к вооружению противу поляк поводу 75

Глава 14. О повествовании французского писателя о начатой войне противу Польши Богдана Хмельницкого 88

Книга третья

Глава 15. Здесь начало малороссийского повествования о прямой причине к вооружению противу поляк помянутым Богданом Хмельницким и всего Войска Запорожского за насильства и наглости польские и о постановлении его Войском в гетманы 139

Глава 16. О умножении силы козацкой из вольных и самоохотных малороссийских людей. О изгнании оными поляк из Малой России и о убийстве многих их и жидов. О наступлении Хмельницким на поляк и о повоевании многих городов и прогнании поляк за Вислу-реку, и о искании королем с Хмельницким примирения 154

Глава 17. О повоевании Хмельницким поляк и самого короля и о принужденном замирении королевском с Хмельницким, и о нарушении оного поляками 166

Глава 18. О посылке Хмельницким к царю в Москву с прошением себе его помощи. О присылке от разных владетелей к нему послов для призыву его к себе в союзство. О вооружении королевском и от Хмельницкого друг на друга и о их сражении. О измене ханской Хмельницкому и о побеждении польском. О оставлении Хмельницким своего войска и о побеге козацком от осады польской 185

Глава 19. О собрании Хмельницким паки войска козацкого. О наступлении на него поляков и о сражении их и перемирии. О бытии поляков по договору паки в Малой России и о удалении чрез то козаков от них. О нападении Хмельницкого за озлобление и непостоянство на поляков и о поражении и выгнании их из всей

Малой России по осаде самого короля при городе Жванце, и примирении их. О вторичном послании в Москву о принятии в подданство Хмельницкого с Войском и о пленении в Украйне людей и замысле ханском 200

Глава 20. О совершенном принятии по третичном послании в Москву гетмана Хмельницкого со всею Малороссиею и всего Войска Запорожского в подданство российское, и на то учиненные договорные статьи и жалованные грамоты, и об объявлении от царя московского полякам войны и наряде к тому войск 217

Глава 21. О следовании царском противу поляк войною под Смоленск и о взятии оного со всеми его городами, и всей Белоруссии, Северии и Литвы со многими городами ж. О повоевании Хмельницким в Украйне поляк и о разорении им много в Польше. О смерти Хмельницкого и о избрании на место его сына, Юрия Хмельницкого, в гетманы 250

ЧАСТЬ II

Книга четвертая

Глава 22. О изобравшемся собою вместо Юрия Хмельницкого в гетманы войсковом писаре Иване Виговском и о действительном, чрез лесть его, подтверждении царскою грамотою в оного. О оказавшейся потом его противу всей России и царя измене и преданности к Польше 270

Глава 23. О постановлении царскою грамотою Юрия Хмельницкого в гетманы с обязательством в верности по присланным статьям с присягою 297

Глава 24. Бытие Брюховецкого малороссийским гетманом, и о делах его. О нашествии польского короля в Малую Россию и о выходе его из оной чрез понуждение московскими войсками паки в Польшу, и о измене противу России Брюховецкого 337

Глава 25. О бытности гетмана Многогрешного и о делах его, и гетмана Дорошенка, и о сложении с себя царствования своего короля, Яна Казимира, и о возведении на его место королем Михайла Вишневецкого, и о их делах 390

Глава 26. Происхождение гетмана Ивана Самуйловича, поповича, и о делах его. О происходящей против Польши турецкой войне и о их мире, и о провержении потом оного. Также кончина короля польского, и что Россия входит с турками в войну за отбирание ими Украйны во владение свое. О препоручении гетмана Ханенка, по отложении от Польши, себя в подданство российское. О кончине московского царя и о восшествии на престол его наследника, равно о возведении в Польше нового короля 414

ЧАСТЬ III

Книга пятая

Глава 27. Об избрании на место Самуйловича в гетманы Ивана Мазепы, о военных действиях против татар и турок. О вооружении, осаде и взятии царем Петром Азова и турецких крепостей и об измене Мазепиной 492

Глава 28. Об избрании на место изменника Мазепы в гетманы стародубовского полковника Ивана Скоропадского. О казни над личиною Мазепиной и сообщников его. Об опубликовании той измены. О возвратившихся от Мазепы к царю козацких полковниках

и прочих. О следовании по Малой России шведов. О приложившихся к шведам козаках сечевских и о истреблении за то их жилища и их Сечи 539

Глава 29. О правлении, по смерти гетмана Скоропадского, между гетманством, в силу именного его императорского величества указу, с определением во оном правлении быть бригадиру Вельяминову со членами 618

Глава 30. Об избрании, по именному его императорского величества, Петра II, указу, вновь гетмана, почему целым Войском Малороссийским избран миргородский полковник Данила Апостол, и о пожаловании ему на тот чин с конфирмациею императорской грамоты, и о присылке потом на управление того уряда решительных пунктов, в силу высочайшего указа, из Верховного Тайного Совета, и о прочем 622

Глава 31. О бытности, от времени измены запорожцев, в Крымском владении и о принятии по прошению их по прежнему в подданство российское 640

Глава 32. О новом правлении по кончине гетмана Апостола в Малой России, по данной инструкции до пожалования, по смерти государыни Анны Иоанновны, императрицею Елизавет Петровною паки гетмана, и о начатой в сие время от России с турками и крымскими татарами войны, и о замирении с оными 645

ЧАСТЬ IV

Книга шестая

Глава 33. О происходящем времени между гетманством 651

Глава 34. О восстановлении гетманом графа Разумовского и о его правлении 656

Глава 35. О сложении и упразднении чина гетманского и об учреждении вместо оного правления Коллегии Малороссийской и о прочем 672

Глава 36. Об установлении в Малой России трех губерний по новому учреждению и о вновь сформировании регулярных полков из козаков, и о прочем, касающемся по оным 688

Глава 37. Продолжение, касающееся до сего летописного повествования, как-то: особое описание о бывших запорожских козаках, жительстве, поведении и обычаях их 715

Глава 38. Описание пребывающих малороссийских народов жительства, обычаев и обрядов, нынешних и прежних 731

О привилегиях древних княжества Русского 736

О слободских полках 745

О Чугуевском козацком полку 746

Об обычаях оных слободских и чугуевских народов 747

Краткое описание о присхождении прочих в России козаков 747

Список именной всем бывшим в Малой России гетманам 748

Примітки 758

Пам'ятки історичної думки України

Рігельман Олександр Іванович

ЛІТОПИСНА ОПОВІДЬ ПРО МАЛУ РОСІЮ ТА ЇЇ НАРОД І КОЗАКІВ УЗАГАЛІ

Оформлення художника *Ю. В. Бойченка*
Художній редактор *О. Г. Григір*
Технічний редактор *Є. Г. Рубльов*
Коректори *М. Г. Єхлакова, Л. Ф. Іванова, А. І. Бараз, Т. А. Лукашина*

Здано до набору 23.12.93. Підп. до друку 11.07.94.
Формат 84X108/32. Папір друк. № 2. Гарн. Тип. Таймс.
Офсет. друк. Ум. друк. арк. 40,32+вкл. 1,68 Ум.фарбовідб. 42,0.
Обл.-вид.арк. 48,79+вкл. 1,71. Вид. № 3116.
Зам.№ 3-372

Видавництво «Либідь» при Київському університеті,
252001 Київ, Хрещатик, 10

АТ «Київська книжкова фабрика»
252054, м. Київ-54, вул. Воровського, 24

Рігельман О. І.

Р 49 Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі /Вст. ст., упор. та примітки П. М. Саса, В. О.Щербака.— К.: Либідь, 1994.—768 с.; іл. («Пам'ятки історичної думки України»)

ISBN 5-325-00163-9.

У книзі на основі величезного фактичного матеріалу представлено широку панораму історичного минулого українського народу з найдавніших часів до 80-х років XVIII ст. У центрі розповіді українське козацтво та його військово-політична організація — Запорізька Січ. Автор з позицій російської дворянської історіографії показує боротьбу козаків за вільне життя, характеризує всіх гетьманів Війська Запорізького і події, що відбувалися за часів їхнього гетьманства.

Для істориків, усіх, хто цікавиться вітчизняною історією.

0503020902-045
Р 224-94 Без оголошення

ББК 63.3(4 УКР)4